Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

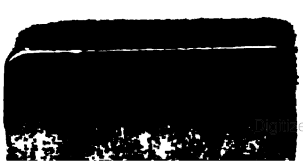
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

UCD LIBRARY



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ А. НИКИТЕНКО

ТОМЪ I,1

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1847

UCD LIBRARY

Digitized by Google

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ
А. НИКИТЕНКО

ТОМЪ I,1

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА
1847

UCD LIBRARY
Digitized by UCD

Digitized by Google

Настоящий репринт серии II журнала «СОВРЕМЕННИК» охватывает издания 1847–1849 гг. в 36-и томах. Этот репринт отпечатан с наилучшего нам доступного экземпляра, причем мы считали излишним отпечатать «МОДЫ».

В последующие годы выйдут издания 1850–1866 гг. т. е. до момента выпуска журнала после покушения на царя Александра II. Издания 1836–1846 гг. (серия I-я) уже выходили в 1970 г.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АНТИКВАРИАТ
ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ,
г. Лейпциг

Digitized by Google

Digitized by Google

СОВРЕМЕННИКЪ

I,1

Digitized by Google

Digitized by Google

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. НИКИТЕНКО

ТОМЪ I

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА
=
1847

Digitized by Google

Fotomechanischer Neudruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
LEIPZIG 1975

Druck: Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin – DDR
Ag 500/122/1974 2354

Digitized by Google

I.

РОДСТВЕННИКИ.

НРАВСТВЕННАЯ ПОВѢСТЬ.

«Родные люди вотъ какіе:
Ихъ обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О Рождествѣ ихъ навѣщать» и прочее.

(Евг. Онѣгинъ).

«Мы безпрестанно жалуемся на безчисленныя бѣдствія сей кратковременной жизни; но онѣ почти всѣ отъ насъ самихъ проистекаютъ. Любовь, вотъ главный источникъ несчастій смертнаго.... Увы! теперь не довольно одного нѣжнаго и чувствительнаго сердца, дабы имѣть право обожать и быть обожаему».

(Изъ Галатеи г. Флоріана, переводъ князя Хованскаго. 1796).

ПРОЛОГЪ.

Нельзя не сознаться, что мы живемъ въ самое нравственное время. Я, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ въ этомъ. Общество, окружающее насъ, проникнуто глубочайшею нравственностью. Всѣ кричатъ и хлопочутъ только объ ней, объ этой нравственности. Всѣ дѣйствуютъ во имя ея. И не мудрено, впрочемъ, быть намъ нравственными. Мы съ молокомъ всасываемъ ее въ себя, она въ воздухѣ, которымъ мы дышемъ, мы получаемъ ее въ наслѣдіе отъ отцовъ нашихъ.

Кто осмѣлится усомниться въ этомъ?

Но какъ-то странно и тяжело звучитъ слово *нравственность* въ устахъ многихъ.... и въ этомъ также нельзя не сознаться.

Мать, безпрестанно попрекающая дочь деньгами, издержанными на ея воспитаніе, и насильно выталкивающая ее замужъ

Digitized by Google

Digitized by Google

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. НИКИТЕНКО

ТОМЪ I,1

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА
1847

UCD LIBRARY
Digitized by Google

Digitized by Google

Настоящий репринт серии II журнала «СОВРЕМЕННИК» охватывает издания 1847–1849 гг. в 36-и томов. Этот репринт отпечатан с наилучшего нам доступного экземпляра, причем мы считали излишним отпечатать «МОДЫ».

В последующие годы выйдут издания 1850–1866 гг. т. е. до запрета выпуска журнала после покушения на царя Александра II. Издания 1836–1846 гг. (серия I-я) уже выходили в 1970 г.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АНТИКВАРИАТ
ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ,
г. Лейпциг

Digitized by Google

Digitized by Google

СОВРЕМЕННИКЪ

I,1

Digitized by Google

Digitized by Google

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. НИКИТЕНКО

ТОМЪ I

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА
=
1847

Digitized by Google

Fotomechanischer Neudruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
LEIPZIG 1975

Druck: Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin – DDR
Ag 509/122/1974 2354

Digitized by Google

I.

РОДСТВЕННИКИ.

НРАВСТВЕННАЯ ПОВѢСТЬ.

«Родные люди вотъ какіе:
Мы ихъ обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О Рождествѣ ихъ навѣщать» и прочее.

(Евг. Онѣгинъ).

«Мы безпрестанно жалуемся на безчисленныя бѣдствія сей кратковременной жизни; но онѣ почти всѣ отъ насъ самихъ проистекаютъ. Любовь, вотъ главный источникъ всѣхъ несчастій смертнаго.... Увы! теперь не довольно одного нѣжнаго и чувствительнаго сердца, дабы имѣть право обожать и быть обожаему».

(Изъ Галатеи г. Флоріана, переводъ князя Хвостовскаго. 1796).

ПРОЛОГЪ.

Нельзя не сознаться, что мы живемъ въ самое нравственное время. Я, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ въ этомъ. Общество, окружающее насъ, проникнуто глубочайшею нравственностью. Всѣ кричатъ и хлопочутъ только объ ней, объ этой нравственности. Всѣ дѣйствуютъ во имя ея. И не мудрено, впрочемъ, быть намъ нравственными. Мы съ молокомъ всасываемъ ее въ себя, она въ воздухѣ, которымъ мы дышемъ, мы получаемъ ее въ наслѣдіе отъ отцовъ нашихъ.

Кто осмѣлится усомниться въ этомъ?

Но какъ-то странно и тяжело звучитъ слово *нравственность* въ устахъ многихъ.... и въ этомъ также нельзя не сознаться.

Мать, безпрестанно попрекающая дочь деньгами, издержанными на ея воспитаніе, и насильно выталкивающая ее замужъ

Digitized by Google

за перваго встрѣчнаго негодяя съ деньгами, — и эта мать толкуетъ о нравственности. И человѣкъ, наживающій себѣ капиталы чужими трудами, — толкуетъ о нравственности. И этотъ вѣжливый господинъ, съ сладкой улыбкой, пріобрѣтшій милліоны картами и пустившій по міру нѣсколькихъ задушевныхъ друзей своихъ, утопающій въ роскоши, задающій на славу обѣды и балы, отецъ семейства, издерживающій тысячь пятьдесятъ въ годъ на содержаніе актрисы, — и онъ толкуетъ о нравственности.... И великолѣпная дама, въ одно время обманывающая мужа и двухъ любовниковъ, — и мелкій подъячій, отнимающій у нищей послѣдній грошъ, и благодѣтельная барыня, живущая сплетнями и взявшая къ себѣ изъ состраданія сироту для того, чтобы попрекать ее каждымъ кускомъ насущнаго хлѣба, и помѣщикъ, до тла раззорившій крестьянъ своихъ, и начальникъ, выживающій отъ себя подчиненнаго трудолюбиваго и полезнаго, за тѣмъ, чтобы на мѣсто его помѣстить своего *родственника*, никуда негоднаго, — всѣ, всѣ они толкуютъ и кричатъ о нравственности!

Но я.... не къ нимъ, а къ вамъ обращаюсь, читатель мой! Вы глубоко нравственный человѣкъ, — я это знаю. У васъ слово и дѣло не противорѣчатъ другъ другу... Вы всегда съ такою благородною горячностію, съ такимъ увлекательн
рѣчіемъ разсуждаете о нравственности.... Вдохнов
ми рѣчами, я смиренно приношу нынѣ на судъ вашъ
ственную повѣсть....

Мѣсто дѣйствія этой нравственной повѣсти далеко отъ Петербурга.... Герои ея, если ихъ только можно назвать героями,— ни съ кого *не списаны*, а рѣшительно вымышлены. Я ручаюсь за это. Время, въ которое совершаются ея простыя, но, смѣю думать, правдоподобныя событія, не опредѣленно. И такъ, ни вы, мой читатель, ни вы, моя читательница, ни вы, мой родственникъ, ни вы, моя родственница! не имѣете ни малѣйшаго права принимать здѣсь что-нибудь на свой счетъ.... Все это вымыселъ, чистый вымыселъ!

Digitized by Google

ГЛАВА I.

Въ селѣ Благовѣщенскомъ, Брюхатово тожъ, по предпослѣдней, а можетъ быть и по послѣдней ревизіи (это, я думаю, совершенно все равно и для васъ и для меня, мой читатель) числилось 232 души мужеска пола. Женскій, то есть прекрасный полъ, какъ вамъ извѣстно, въ деревняхъ нашихъ не слишкомъ высоко цѣнится, и потому я никогда не интересовался узнать сколько было въ селѣ Благовѣщенскомъ женскихъ душъ, если только такъ можно выразиться, въ чемъ я однако нѣсколько сомнѣваюсь. Село Благовѣщенское, Брюхатово тожъ, принадлежало шестерымъ владѣльцамъ, изъ которыхъ три имѣли въ немъ постоянное мѣстопребываніе: холостой и отставной армейскій поручикъ Брыкаловъ лѣтъ 40; неслужившій дворянинъ Ардальонъ Игнатьичъ Стойковскій 59 лѣтъ, отецъ многочисленнаго семейства и покорный слуга супруги своей Агафьи Васильевны, барыни отмѣнно толстой, съ бельмомъ на правомъ глазу, — и наконецъ, сестрица Ардальона Игнатьича — Олимпіада Игнатьевна, вдова лѣтъ 56, не безъ основанія пользовавшаяся уваженіемъ всего околодка за свои нравственныя и религіозныя правила. У Олимпіады Игнатьевны были сынъ и дочь — Петруша и Наташа, которыхъ, говорятъ, она нѣжно любила, въ особенности Петрушу. Петрушѣ было лѣтъ 19, Наташѣ 22 года.

Изъ 232 душъ села Благовѣщенскаго, 62 души принадлежали Олимпіадѣ Игнатьевнѣ, 85 душъ ея брату, 45 поручику Брыкалову, а остальныя за тѣмъ другимъ владѣльцамъ, о которыхъ упоминать здѣсь не для чего. Три барскіе дома красовались въ разныхъ концахъ села Благовѣщенскаго. Впрочемъ, виноватъ.... красовался собственно только одинъ барскій домъ, принадлежавшій Ардальону Игнатьичу, потому-что этотъ домъ былъ обитъ тесомъ, выкрашенъ жолтой краской и находился на самомъ завидномъ мѣстѣ, то есть на небольшой площадкѣ противъ церкви. Домъ Олимпіады Игнатьевны былъ не то, чтобы совсѣмъ домъ, а такъ что-то среднее между домомъ и

Digitized by Google

избою: старый, необшитый тесомъ, онъ стоялъ, одинокій и мрачный, покачнувшись на бокъ, на самомъ концѣ деревни. Ни одного дерева, ни одного кустика не было кругомъ его, — только сзади дворъ, обнесенный плетнемъ, голый дворъ, вызженный солнцемъ, и скользкій, во время лѣтней засухи, какъ паркетъ, а на дворѣ три или четыре людскія избушки, также дряхлыя и почернѣвшія отъ копоти. — Поручикъ Брыкаловъ жилъ просто въ большой крестьянской избѣ, крытой соломой. Онъ вообще придерживался во всей силѣ патріархальныхъ дѣдовскихъ обычаевъ, то есть (да не оскорбится этимъ тонкое аристократическое чувство моего образованнаго критика!) ѣлъ плотно — и обыкновенно, что Богъ пошлетъ, пилъ въ большомъ количествѣ ерофеичъ и трифольную или желудочную настойку, спалъ около 15 часовъ въ сутки, курилъ мусатовской табакъ изъ длиннаго деревяннаго чубука, выкрашеннаго зеленоватой краской, и этимъ же чубукомъ колотилъ старосту своего Пантелѣя и оборваннаго камердинера Прошку.

Грѣхъ сказать, чтобы владѣльцы села Благовѣщенскаго, Брюхатова тожъ, жили въ любви и мирѣ. Нога Ардальона Игнатьича три года не переступала порога его сестрицы Олимпіады Игнатьевны.... И хотя онъ, по своему кроткому и богобоязливому характеру, каждый годъ на страстной недѣлѣ покушался примириться съ нею и каждый годъ начиналъ къ ней письмо слѣдующими строками:

«Милостивая Государыня любезнѣйшая сестрица

«Приступая нынѣ къ великому Дѣлу съ подобающимъ истинному «Христіанину чувствіемъ нелицемѣрнаго смиренія и покаянія въ «своихъ проступкахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ какъ Родственныя на«ши отношенія поколеблены.... то....»

Но на этомъ *то* Агафья Васильевна всякій разъ ловила его, выхватывала у него начатое письмо, рвала въ мелкіе кусочки и кричала:

— Вотъ только смѣй, старый ты дуракъ! вотъ только смѣй.... Я знаю, что ты радъ отдать все своей милой сестрицѣ и собственныхъ птенцовъ пустить по міру, да я то не позволю тебѣ этого, я!... и прочее....

Digitized by Google

Родственное согласіе Ардальона Игнатьича и Олимпіады Игнатьевны, возмущавшееся довольно часто Агафьей Васильевной, окончательно было прервано на полюбовномъ размежеваніи за какой-то клочокъ неудобной земли. Этотъ клочокъ Агафья Васильевна ни за что не хотѣла уступить Олимпіадѣ Игнатьевнѣ, Олимпіада же Игнатьевна, въ свою очередь, ни за какія блага не хотѣла его уступить Агафьѣ Васильевнѣ. Такимъ образомъ, не смотря на неимовѣрныя усилія посредника, полюбовное размежеваніе земли села Благовѣщенскаго, Брюхатова тожь, до сихъ поръ не состоялось. Долгъ справедливости заставляетъ, впрочемъ, замѣтить, что не однѣ Агафья Васильевна и Олимпіада Игнатьевна были препятствіемъ къ полюбовному размежеванію. — Поручикъ Брыкаловъ почему-то твердо вознамѣрился присвоить себѣ $4^1/_2$ десятины земли подъ строевымъ лѣсомъ, безспорно принадлежавшія Ардальону Игнатьичу, и, не смотря ни накакіе доводы, объявилъ торжественно, что онъ слышать ничего не хочетъ, что хоть до ножей дѣло дойдетъ, а онъ не уступитъ эти $4^1/_2$ десятины. Разсказывали также (за достовѣрность этого я не могу однако поручиться), что поручикъ неоднократно подсылалъ крестьянъ своихъ по ночамъ рубить лѣсъ Ардальона Игнатьича и что Агафья Васильевна, завидѣвъ однажды изъ окна Пантелѣя, старосту поручика, изволила выбѣжать сама на дворъ въ одной кофточкѣ (нѣкоторые злые языки увѣряютъ, что даже и безъ кофточки) и съ грозными тѣлодвиженіями закричала вслѣдъ ему:

— Скажи, мошенникъ, своему барину, чтобы онъ мнѣ, грабитель, не показывался на глаза, а не то я ему всѣ его тараканьи усы выщиплю! Слышишь ли?...

Говорили, что Пантелѣй передалъ это поручику отъ слова до слова, и что поручикъ, выслушавъ Пантелѣя, очень хладнокровно замѣтилъ: — а вотъ погоди она у меня, я ее затравлю собаками, ей-богу затравлю.

Говорили также.... но нѣтъ возможности передать всѣхъ разсказовъ другъ о другѣ владѣльцевъ села Брюхатова. Этимъ разсказамъ и сплетнямъ не было бы конца. И благодаря только имъ, обнаруживались кое-какіе признаки жизни и движенія въ селѣ Брюхатовѣ.... Такъ поверхность стоячаго болота, подернутаго зеленоватою плесенью, возмущается только тогда, когда мальчишки, забавляясь, бросаютъ въ него камешки.

Digitized by Google

Село Брюхатово не могло похвалиться живописными видами. Оно было расположено на ровномъ и низменномъ мѣстѣ, у рѣчки Векши. Эта рѣчка нѣсколько одушевляла грустныя и однообразныя его окрестности. Блестящая, какъ лезвіе меча, искусно выполированное, она быстро и весело сверкала и извивалась кольцами, какъ змѣя, среди тучныхъ, но плохо воздѣланныхъ пажитей, нисколько не гордясь тѣмъ, что сливала воды свои съ водами одной изъ величайшихъ и красивѣйшихъ рѣкъ въ мірѣ. Въ право отъ селенія, у самаго горизонта, показывался мелкій лѣсокъ на возвышеніи. На разстояніи 7 верстъ въ окрестностяхъ села Брюхатова не было ни одной горки, а только небольшія покатости и едва замѣтные холмы. Удобиѣе этой земли въ хозяйственномъ отношеніи не возможно было желать.

И если бы село Брюхатово было въ однѣхъ и, какъ говорится, хорошихъ рукахъ, оно, вѣроятно, приносило бы значительныя выгоды, но раздробленное на мелкіе участки, при черезполосномъ владѣніи, при оезпрестанныхъ распряхъ совладѣльцевъ, при ежедневныхъ ссорахъ и дракахъ разно-помѣщичьихъ крестьянъ, подобно господамъ, враждебно смотрѣвшихъ другъ на друга, при самой отчаянной безтолковости въ управленіи, — оно находилось въ жалкомъ состояніи. Полуразваленныя избы, на которыя безобразно навалены были кучи соломы, сгнившей и почернѣвшей отъ времени, растасканные и разрушенные плетни, нечистота на улицахъ, грязные и оборванные ребятишки, полунагія бабы вмѣстѣ съ поросятами и свиньями, — все это вмѣстѣ производило самое грустное и тяжелое впечатлѣніе.

Всегда печальное, еще печальнѣе обыкновеннаго казалось село Брюхатово въ тотъ весенній вечеръ, походившій, впрочемъ, болѣе на осенній, съ котораго начинается наше повѣствованіе.

Серенькое небо, мелкій и частый дождь, однообразный скрипъ обломанныхъ крыльевъ вѣтреной мѣльницы, вой дворной собаки, все страшно дѣйствовало на нервы и наводило тоску нестерпимую.

Наташа — дочь Олимпіады Игнатьевны, сидѣла у окна и смотрѣла на мальчишку пастуха, который, по колѣно въ грязи, измокшій до костей, дрожа отъ холода и голода, съ длинной

Digitized by Google

хворостиной въ рукѣ гналъ стадо овецъ и барановъ мимо барскаго дома.

Наташа была недурна собой, высока и стройна, — у Наташи, между прочимъ, были прекрасныя руки и на мизинцѣ ея правой руки красовалось колечко съ незабудочкой, колечко завѣтное, воспоминаніе прошедшаго! Наташа когда-то очень давно поклялась *ему* не снимать этого колечка и свято держала эту клятву, хотя *онъ* давно забылъ объ ней и она едва его помнила.... На Наташѣ было ситцевое платье, съ вырѣзкой на груди, со снурками и кистями, и сверху немного засалившаяся черная кацавейка, обшитая кошачьимъ мѣхомъ.... Наташа все продолжала смотрѣть въ окно, хотя мальчикъ, гнавшій стадо, давно прошелъ, и хотя смотрѣть ужь рѣшительно было не на что Потомъ она немного задумалась, облокотилась головой на руку и..... зѣвнула.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ углу той же самой комнаты послышался долгій и глубокій вздохъ.

Въ этомъ углу на диванѣ у печки сидѣла ея маменька, въ бѣломъ чепцѣ и въ темно-пюсовомъ капотѣ. Говорятъ, во время оно, маменька блистала красотою въ цѣлой губерніи, но теперь не оставалось ни малѣйшихъ слѣдовъ этой красоты. Лицо ея обрюзгло, отупѣло и покрылось морщинами и сама она расползлась не въ мѣру.... Таково уже благодатное дѣйствіе деревенской жизни!

— Что это, матушка, ты усѣлась тутъ у окна? произнесла Олимпіада Игнатьевна печальнымъ и болѣзненнымъ тономъ. — Иначе она не говорила.

— Что-съ?... спросила разсѣянно Наташа.

— Ахъ, Боже мой, что ты оглохла что-ли?... я спрашиваю тебя, зачѣмъ ты усѣлась тутъ у окна?...

— Да отчего же мнѣ не сидѣть тутъ-съ!

— Хоть бы занялась чѣмъ нибудь....

— Да чѣмъ же мнѣ заняться, маменька?

— Чѣмъ заняться? проговорила Олимпіада Игнатьевна: — ну коли нѣтъ никакой работы, такъ хоть бы чулокъ вязала. Все таки занятіе.

Затѣмъ послѣдовало молчаніе.

Дождь продолжалъ стучать въ стекла.

Наташа снова зѣвнула.

Digitized by Google

Олимпіада Игнатьевна, глядя на нее, также зѣвнула и прошептала со вздохомъ:

— Ахъ, Боже мой! Боже мой!... ахъ, Господи, Боже мой! и перекрестила свой ротъ.

Черезъ минуту она снова обратилась къ Наташѣ.

— Да что это ты зѣваешь безпрестанно, Наташа?

— Скучно, маменька.

Олимпіада Игнатьевна печально покачала головой.

— Въ твои лѣта, Наташа, мы не умѣли и не смѣли скучать. Ну, нынче, конечно, вѣкъ другой.... Такъ ты скучаешь съ матерью?

И на глазахъ Олимпіады Игнатьевны показались слезы. Она, подобно многимъ барынямъ въ высшей степени владѣла искусствомъ вызывать слезы при всякомъ случаѣ.

Наташа хотя и привыкла къ такого рода слезамъ, хотя эти слезы и не трогали ее, но, не смотря на это, она считала обязанностію въ такихъ случаяхъ бросаться къ маменькѣ, утѣшать ее и цѣловать ей ручки.

— Маменька, душенька, что это вы! полноте! — Какъ вамъ не стыдно!... Мнѣ такъ просто скучно, я сама не знаю отчего, а съ вами, маменька-съ, какъ это можно! съ вами мнѣ никогда не скучно.

Маменьки, говорятъ, вообще любятъ, чтобы дѣти имъ льстили. Ужь такова слабость маменекъ — и на слова Наташи Олимпіада Игнатьевна улыбнулась съ пріятностію, хотя вполнѣ была убѣждена, что Наташа лжетъ и что она скучаетъ съ нею

— А который часъ, Наташа?

Наташа побѣжала въ сосѣднюю комнату, въ которой тяжело шипѣли стѣнные уродливые часы.

— Половина седьмого, маменька-съ, закричала она.

— Ну, коли половина седьмого, такъ вели Марфуткѣ собирать къ чаю, да позови эту негодницу Феньку.... Гдѣ она тамъ это бѣгаетъ, скверная дѣвчонка?

Олимпіада Игнатьевна вздохнула. Она имѣла привычку каждое слово сопровождать или вздохомъ, или легкимъ стономъ.

Явилась Марфутка, распространяя въ комнатѣ не совсѣмъ пріятный запахъ коровьяго масла, которымъ она имѣла привычку мазать волосы. Марфутка собрала все, что слѣдуетъ къ чаю. За Марфуткой явился Ларька, низенькій и пожилой мальчишка,

Digitized by Google

въ грязныхъ сапогахъ, въ которые были заправлены синія кумачныя панталоны, — и поставилъ на столъ нечищенный самоваръ. Вслѣдъ за Ларькою показалась двѣнадцатилѣтняя дѣвчонка, Фенька, обстриженная подъ гребенку, въ тиковомъ платьѣ съ таліей подъ мышками и въ башмакахъ, на босую ногу Фенька неотлучно находилась при барынѣ для посылокъ, и, стоя у дверей, вязала обыкновенно толстый и засаленый чулокъ, а иногда дремала, прислонясь къ стѣнѣ, но и во снѣ все таки шевелила спицами. Олимпіада Игнатьевна побранила Феньку, объявила ей, что если она вздумаетъ еще разъ убѣжать, то она ее, какъ собаченку, привяжетъ на веревку къ двери, и въ заключеніе прибавила, что ужь здоровья ея нестаетъ управляться со всѣмъ *этимъ народомъ*. Затѣмъ все пришло въ обыкновенный порядокъ: самоваръ закипѣлъ, Фенька прислонилась къ стѣнѣ и зашевелила спицами; Наташа принялась разливать чай. Къ чаю явился Петруша.

Петруша принадлежалъ къ тѣмъ геніальнымъ юношамъ, которыхъ что-то ужь слишкомъ много развелось у насъ въ послѣднее время. Петруша въ 19 лѣтъ понялъ и разгадалъ все. Для него не было тайны въ жизни. Никакіе великіе, головоломные вопросы не останавливали его: онъ разрѣшалъ ихъ легко и смѣло. Онъ говорилъ безъ умолку, и всегда съ жаромъ, съ сверкающими глазами, обо всемъ, о чемъ угодно — о Байронѣ, о Сен-Симонѣ, о какой-то занимающейся зарѣ, объ Фурье, о гегелевскомъ *примиреніи* и о томъ, что нѣкоторое время онъ находился *въ моментѣ распаденія* и сдѣлался вполнѣ человѣкомъ только тогда, когда вышелъ изъ этого момента и о томъ, что онъ снѣдаемъ жаждой дѣятельности и что въ немъ сила и власть, ибо онъ поколѣніе новое. Людей, четырьмя или пятью годами старше его, онъ безъ церемоніи причислялъ уже къ старому поколѣнію и говорилъ: «Нѣтъ, нѣтъ! они не въ «состояніи понять насъ, они не могутъ сочувствовать *нашимъ* интересамъ. Они *отстали!*» Петруша года три приготовлялся въ Москвѣ къ университету, но, не выдержавъ вступительнаго экзамена, возвратился во свояси и зажилъ преспокойно въ селѣ Брюхатовѣ, почитывая русскіе журналы, пописывая стишки въ гейневскомъ родѣ, покуривая трубку и посматривая на всѣхъ окружавшихъ его (не исключая и маменьки) съ ироническою улыбкою

Digitized by Google

Когда Петруша вошелъ въ комнату задумчивый и блѣдный, Олимпіада Игнатьевна обратилась къ нему съ невыразимою материнскою нѣжностію.

— Ахъ, Петинька, сказала она, вздыхая: — «ты все занимаешься! побойся Бога, вѣдь у тебя грудь слаба, дружочекъ

Петруша, ничего не отвѣчая, закурилъ трубку и развалился въ креслахъ.

— Да что ты такой скучный? спросила она его съ безпокойствомъ.

— Такъ, я что-то сегодня особенно недоволенъ собою, произнесъ Петруша, закуривая трубку: разумѣется, это вздоръ, но мнѣ иногда кажется, что жизнь препустая вещь, что жить вовсе не для чего, — и вотъ именно теперь я нахожусь въ такомъ глупомъ моментѣ!

Олимпіада Игнатьевна въ ужасѣ всплеснула руками.

— Что это ты говоришь, Петинька? какъ это можно!... А я-то, мой другъ, развѣ *Я* ничего для тебя?

Олимпіада Игнатьевна готова была зарыдать.

Петруша улыбнулся съ грустной ироніей.

— Все это такъ, маменька, но дѣло въ томъ, что человѣкъ въ наше время не можетъ удовлетвориться одною семейною жизнію. Жизнь семейная, что ни говорите, слишкомъ ограниченна и узка.

Олимпіада Игнатьевна посмотрѣла на Петрушу съ благоговѣйнымъ недоумѣніемъ.

Петруша всталъ съ кресель и началъ прохаживаться по комнатѣ, мрачно декламируя себѣ подъ носъ:

«Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ,
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ
И въ дуновеніи чумы!...»

— Вашъ чай, братецъ, совсѣмъ простынетъ, сказала Наташа.

Петруша, ничего не отвѣчая, подошелъ къ столу, отпилъ немного изъ своего стакана, пустилъ изо рта тучу дыма, и по-

Digitized by Google

томъ снова сталъ прохаживаться по комнатѣ, продолжая бормотать стихи. Фенька, шевеля спицами, смотрѣла на него, вытаращя глаза. Наташа начала разсказывать маменькѣ только-что передъ этимъ выслушанную ею отъ Федоры ключницы новость — о томъ, какъ дяденька Ардальонъ Игнатьичъ, по приказанію тетеньки Агафьи Васильевны, очень строго наказалъ своего кучера Петрушку и непремѣнно рѣшился отдать его не въ зачетъ въ рекруты; о томъ, какъ тетенька очень сердилась на дяденьку за то, что онъ избаловалъ всѣхъ людей, какъ дяденька оправдывался передъ тетенькою и прочее. Олимпіада Игнатьевна, не безъ удовольствія и съ большимъ вниманіемъ слушала разсказы Наташи, отъ поры до времени только тяжело вздыхая и пожимая плечами.... Героиня моя, не смотря на всѣ ея достоинства, имѣла небольшое поползновеніе къ пересудамъ и сплетнямъ, общее всѣмъ деревенскимъ барышнямъ, ибо она была воспитана также, какъ и всѣ онѣ. Но въ ней была, однакоже, простота и своего рода грація, отличавшая ее отъ другихъ. Наташа, между прочимъ, была страстная охотница до чтенія, читала много и съ жадностію и все, большею частію, романы и повѣсти — и еще особенно такіе романы и повѣсти, которые маменька запрещала ей читать.

Она читала даже Жоржъ-Сандъ, голько по русски, отчасти потому, что французскихъ книгъ достать было трудно, отчасти же потому, что по французски она не привыкла читать. Цѣлыя ночи, не смыкая очей, просиживала она, бывало, надъ романами, замирая отъ восторга или обливаясь горячими слезами во время чтенія, потомъ, закрывъ книгу, въ волненіи, еще долго, долго мечтала. Воображеніе ея уносило ее куда-то далеко отъ села Брюхатова и отъ этихъ людей, среди которыхъ жила она, рисуя передъ ней яркія, соблазнительныя и (надо признаться) немножко сентиментальныя картины. Сердце ея сильно билось, глаза горѣли.... Густая и чорная съ синеватымъ отливомъ, какъ вороново крыло, коса ея роскошными волнами упадала на бѣлыя плечи, и полу-открытая грудь, волнуясь, приподнимала хотя не совсѣмъ тонкую, но очень бѣлую рубашку.... Къ чести Наташи, надо сказать, что она была очень чистоплотна. Поэтическія видѣнія Наташи исчезали обыкновенно вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, прорывавшимся въ щели ея ставень — и моя барышня утомленная, опускалась на подушку и засыпала крѣпкимъ сномъ.

Digitized by Google

Чтеніе принесло Наташѣ нѣкоторую пользу. Оно способствовало къ развитію ея понятій. Но многое въ книгахъ перетолковывала она какъ-то странно, по своему, многаго совсѣмъ не понимала, а растолковать ей было не кому. Наташа все таила въ самой себѣ и никому не довѣряла своихъ мыслей и ощущеній.

Петруша считалъ ее такъ, пустой дѣвочкой, не заслуживающей вниманія, неспособной упиваться и восторгаться высокимъ и прекраснымъ. Онъ говорилъ, что у нея «одна изъ тѣхъ будничныхъ натуръ, на которыя природа не скупится...» и только такъ иногда, изъ милости, читалъ ей свои стишки.

Съ маменькой Наташа не могла быть откровенной. Наташа боялась маменьки, какъ обыкновенно слабый боится сильнаго, хотя, въ то же время, очень любила ее, потому-что нельзя же не любить маменьку!

Олимпіада Игнатьевна, не смотря на доброту свою и привязанность къ дочери, была облечена полнымъ и недоступнымъ величіемъ русской маменьки и всегда смотрѣла на дочь съ высоты этого величія. Сыну она дозволяла имѣть какой ему угодно образъ мыслей, она ни въ чемъ не стѣсняла его свободы и даже подчиняла себя его желаніямъ; но съ дочерью поступала совершенно деспотически, хотя, въ то же время, необыкновенно кротко. Дочь, по ея понятіямъ, не могла, не должна и не смѣла имѣть своей воли, своего образа мыслей. Она считала ее своею собственностію, своею рабою, своею вещію. Наташа разсуждала съ маменькою только о домашнемъ хозяйствѣ да развлекала ее разсказами и сплетнями о дядепькахъ, тетенькахъ, о сестрицахъ и братцахъ, о сосѣдяхъ и сосѣдкахъ. Такого рода разсказы и сплетни были потребностію Олимпіады Игнатьевны, ея повседневною пищею — и Наташа болтала и сплетничала съ чужого голоса, не по страсти, а по привычкѣ, въ угоду маменьки. Нельзя же было все молчать. Маменька сердилась на нее, если она молчала...

Когда Наташа передала Олимпіадѣ Игнатьевнѣ всѣ новости о дяденькѣ и о тетенькѣ, Олимпіада Игнатьевна, не пропустившая ни одного слова изъ ея разсказа, — тяжело простонала.

— Бѣдный братецъ! воскликнула она съ чувствомъ: — бѣдный! погубили тебя, изкоренили въ тебѣ всѣ родственныя чувства!... Жаль мнѣ тебя, голубчикъ!..

Digitized by Google

— Ужь есть о комъ жалѣть! перебилъ Петруша.

— А какъ же не жалѣть, дружочекъ? Если бъ онъ былъ намъ чужой — дѣло другое, а то вѣдь онъ самый близкій нашъ родственникъ, вѣдь онъ родной братъ мнѣ, Петруша, родной дяденька тебѣ...

Петруша, все продолжавшій ходить по комнатѣ, при этомъ возраженіи маменьки, вдругъ остановился и ударилъ кулакомъ по столу. — Дядя! дядя!... повторялъ онъ иронически. Да чтожь такое дядя?... Я этого рѣшительно не понимаю.... Признаюсь, маменька, эти родственные предразсудки меня возмущаютъ. И Петруша принялся энергически доказывать маменькѣ, что одно кровное родство ровно ничего не значитъ, что онъ пренебрегаетъ такимъ родствомъ, что есть родство другое, гораздо высшее, духовное родство, единственное, которое можетъ допустить человѣкъ мыслящій и развитой, что онъ ни съ дядюшкой своимъ и почти ни съ кѣмъ изъ родныхъ своихъ ничего не имѣетъ общаго, что они находятся въ состояніи дикомъ и болѣе походятъ на звѣрей, чѣмъ на людей.

Олимпіада Игнатьевна слушала сына сомнительно, покачивая головою.

Когда Петруша кончилъ, она сказала:

— Оно, быть можетъ, и такъ по вашему, по нынѣшнему, да мы-то ужь не привыкли этого думать, намъ съ дѣтства внушали, что мы должны уважать и любить своихъ родственниковъ прежде всего, какъ бы они тамъ дурны ни были.

Петруша сердился. Онъ непремѣнно хотѣлъ поставить маменьку на ту высшую точку, съ которой самъ смотрѣлъ на этотъ предметъ — и принялся толковать маменькѣ о семейственности, о гражданственности, о человѣчествѣ, о прогрессѣ.... Олимпіада Игнатьевна слушала его, не понимая ни слова, и между тѣмъ, слѣдила за Фенькою, которая начинала, по своему обыкновенію, дремать, прислонясь къ двери, и грозила ей пальцемъ и шептала про себя :—Ужь погоди ты, мерзкая дѣвчонка, дождешься ты у меня розогъ, погоди....

А Петруша все говорилъ. Наконецъ, Олимпіада Игнатьевна рѣшилась прервать его.

— Другъ мой, Петенька, сказала она : — ты бы лучше прочелъ мнѣ свои послѣдніе стишки. Ты знаешь, мой ангелъ, какъ я люблю всѣ твои сочиненія.

Digitized by Google

— Пожалуй, если вы хотите, произнесъ равнодушно Петруша. Онъ опустилъ голову на грудь и съ минуту молчалъ въ задумчивости, потомъ началъ декламировать голосомъ тихимъ и таинственнымъ:

Она сидѣла съ думой тайной,
А вѣтеръ листья шевелилъ,
И ликъ ея такъ мраченъ былъ,
И взоръ ея упалъ случайно
На желтый, высохшій листокъ,
Вдали посеребренъ луною,
Сквозь темный лѣсъ, сверкалъ потокъ...
Она кивала головою
И вздохъ ея былъ такъ глубокъ!

Отъ стиховъ маменька была въ восторгѣ и разцѣловала за нихъ Петрушу, прибавивъ, однакожъ: — зачѣмъ только ты пишешь, голубчикъ, все такое печальное?

Потомъ Олимпіада Игнатьевна выдрала Феньку за уши и послала ее за Ларькой и Марфуткой. Когда Ларька и Марфутка убрали чашки, въ комнатѣ снова водворилась тишина. Петруша молчалъ и курилъ трубку. Наташа машинально перебирала листы стараго календаря, лежавшаго передъ ней на столѣ. Олимпіада Игнатьевна, закутавшись въ платокъ, охала и кряхтѣла у печки... Только дождь все стучалъ въ окна.

Вдругъ раздался отдаленный звонъ колокольчика, и всѣ встрепенулись невольно при этомъ звонѣ: Петруша приподнялся съ кресель, Олимпіада Игнатьевна и Наташа вздрогнули, всѣ въ одинъ голосъ вскрикнули: кто бы это? и въ недоумѣніи посмотрѣли другъ на друга.

ГЛАВА II.

Колокольчикъ, между тѣмъ, приближался, заливаясь звучнѣй и звучнѣй.... и вотъ уже, кажется, онъ у самаго дома. Наташа вскочила съ дивана, бросилась къ окну и сердце ея забилось шибко. Но отчего же забилось ея сердце? отчего она съ такимъ нетерпѣніемъ бросилась къ окну? Ужь не ждала ли она кого

Digitized by Google

нибудь? Нѣтъ! кого было ей ждать: сосѣди и сосѣдки ихъ были такіе *противные*, по ея собственному выраженію, родственники такіе скучные, а кромѣ сосѣдей, сосѣдокъ и родственниковъ пріѣхать некому. Правда, Наташа была довольно дружна съ одной изъ своихъ двоюродныхъ сестрицъ, но эта двоюродная сестрица жила верстахъ во ста отъ села Брюхатова и ѣздила къ нимъ очень рѣдко, потому-что больная тетка не отпускала ее отъ себя. Сестрицы она ужь никакъ не могла ждать; но Наташѣ было все равно, все равно, — лишь бы кто нибудь пріѣхалъ, хоть кто нибудь изъ этихъ противныхъ, — ну, все бы веселѣе, все бы легче, все-таки какое нибудь, хоть самое глупое развлеченіе!

— Ахъ, маменька!... радостно вскрикнула Наташа, глядя въ окно.

— Что такое?... кого нелегкое принесло въ этакую погоду? простонала Олимпіада Игнатьевна, какъ будто нехотя приподнимаясь съ дивана, въ ту самую минуту, какъ колокольчикъ задребезжалъ и смолкъ у самаго ихъ подъѣзда; — теперь добрый хозяинъ собаки не выгонитъ со двора.

— Маменька, маменька, продолжала Наташа: — посмотрите, какой чудесный тарантасъ, какія лошади! какая сбруя! кто бы это?

— Да это братецъ, Сергѣй Александрычъ, вскрикнулъ Петруша: — это онъ, право онъ!

— Братецъ, братецъ! неужто? какъ весело! Наташа прыгнула отъ радости.

— Можетъ ли быть? откуда же? какъ? спросила Олимпіада Игнатьевна, оживляясь.

— И съ нимъ еще кто-то, замѣтилъ Петруша.

— Ахъ, маменька, въ самомъ дѣлѣ, и еще кто-то! закричала Наташа.

— Да не ужто, въ самомъ дѣлѣ, это онъ? повторила Олимпіада Игнатьевна, обращаясь къ Петрушѣ. — Вотъ нежданый-то гость, признаюсь! продолжала она нѣсколько иронически: прямо изъ за границы что ли изволилъ прикатить къ намъ въ глушь? — Видно ужь всѣ свои денежки прокутилъ тамъ, голубчикъ! Наташа, брось свою кацавейку-то, — надѣнь какой нибудь платочекъ на шею, а то вѣдь тебя, глупую провинціалку, какъ разъ осмѣютъ. Вѣдь Сергѣй Александрычъ, матушка, не

Digitized by Google

то, что мы, дикари: онъ человѣкъ столичный, свѣтскій, все заграницей жилъ, въ Парижѣ.... Да веди съ нимъ себя по осторожнѣе, Наташа, слышишь ли? вѣдь онъ изъ Парижа!

Въ передней, между тѣмъ, послышался шумъ. Иронія исчезла съ лица Олимпіады Игнатьевны и мгновенно смѣнилась выраженіемъ истинно-родственнаго восторга. Съ этимъ выраженіемъ бросилась она въ переднюю на встрѣчу къ племяннику.

— Другъ мой, другъ мой!... взвизгнула она, крѣпко прижимая его къ своему сердцу, — вы ли это, батюшка мой? продолжала она: — васъ ли я вижу?... Ахъ, какая радость! какая неожиданная радость! Боже мой! Боже мой!... и какъ вы стали похожи на покойника братца! точно вотъ какъ будто онъ, голубчикъ, передо мною!.. Знаете ли вы, какъ онъ любилъ меня?

И Олимпіада Игнатьевна зарыдала безъ слезъ, припавъ головой къ плечу своего родственника, обнимала и цѣловала его.

Положеніе Сергѣя Александрыча (ибо это точно былъ онъ) было затруднительно. Минутъ пять, по крайнѣй мѣрѣ, тетушка душила его въ своихъ горячихъ родственныхъ объятіяхъ, а братецъ Петруша такъ крѣпко и значительно жалъ ему руку, что Сергѣй Александрычъ единственно только изъ приличія не кричалъ отъ боли. Между тѣмъ, Наташа, еще не замѣченная братцомъ, стояла у входа въ переднюю. Наташа накинула на шею розовой платочекъ, — лучшій платочекъ, какой только былъ у нея, надѣла чистую манишку и даже украсила руку довольно блестящимъ и красивымъ браслетомъ, который, однако, совсѣмъ не гармонировалъ съ остальнымъ ея нарядомъ. Она была въ сильномъ волненіи, и смотрѣла на братца съ робкимъ любопытствомъ. Въ то же время, головы горничныхъ дѣвокъ, какъ водится, поперемѣнно высовывались изъ полурастворенной половинки дверей. Ларька, выпуча глаза, разиня ротъ и почесываясь, смотрѣлъ на пріѣзжихъ. Возлѣ Ларьки стоялъ Петровичъ, буфетчикъ и дворецкій Олимпіады Игнатьевны, человѣкъ лѣтъ сорока, въ нанковомъ сюртукѣ вердепомоваго цвѣта съ пуфами на рукавахъ, съ длинными завитыми висками, съ огромнымъ хохломъ и съ сережкой въ ухѣ. Петровичъ былъ лицо важное въ домѣ, пользовавшееся довѣренностію барыни и употреблявшееся для прислуги только въ экстренныхъ и торжественныхъ случаяхъ. Петровичъ получилъ превосходное об-

Digitized by Google

разованіе въ московской цирюльнѣ — и въ слѣдствіе этого, рѣзко отличался своими столичными манерами и слогомъ отъ всей остальной Брюхатовской дворни, которая, чувствуя его превосходство передъ собою, невольно подчинялась ему. Петровичъ съ проницательностію обозрѣвалъ пріѣзжихъ, изрѣдка только покрякивая, чтобы обратить на себя ихъ вниманіе. Но не успѣвъ въ этомъ, онъ принялъ другія, болѣе сильные мѣры и, дернувъ Ларьку за руку, произнесъ громко:

— Экая, можно сказать, дурачина! Ну, что же ты чешешься при господахъ? не видишь что ли? ахъ, вы деревенскіе этакіе олухи, невѣжественная чернь, — право!

И Петровичъ, произнеся это, плюнулъ въ негодованіи. Но и эта выходка не удалась Петровичу.

Голосъ его былъ заглушаемъ слезами, всхлипываніемъ, восклицаніями и другими разнаго рода нѣжными родственными изліяніями.

Когда Олимпіада Игнатьевна, наконецъ, выпустила племянника изъ своихъ объятій, — онъ представилъ ей пріѣхавшаго съ нимъ своего пріятеля.

За тѣмъ всѣ двинулись изъ передней въ залу.

— А что Наташа? гдѣ же она? спросилъ Сергѣй Александрычъ у тетушки.

Наташа все еще стояла на томъ же мѣстѣ, сердце ея замерло при этомъ вопросѣ: — ей было очень пріятно, что братецъ вспомнилъ объ ней и назвалъ ее Наташей.

— Наташа! Наташа! закричала Олимпіада Игнатьевна: — а, да вотъ она! Видите ли, какъ она перемѣнилась; — вы ее, чай, и не узнали бы....

— Здравствуйте, сестрица, сказалъ Сергѣй Александрычъ, взявъ руку Наташи.

Наташа вся вспыхнула, у нея загорѣлись даже уши. Она неловко присѣла и прошептала что-то не внятно на это привѣтствіе.

По дорогѣ изъ залы въ гостиную, Сергѣй Александрычъ шелъ рядомъ съ Наташею.

— О! да какъ вы похорошѣли, сказалъ онъ ей: — какъ вы выросли.

Наташа не знала, что дѣлать отъ замѣшательства и кусала губы.

Digitized by Google

— А что вамъ скучно въ деревнѣ?...

— Нѣтъ-съ....

Наташа сама не знала, что отвѣчала.

Въ гостиной, которая отъ другихъ комнатъ отличалась только тѣмъ, что стѣны ея были выштукатурены и выбѣлены, всѣ чинно разсѣлись на диванѣ и около дивана. Надъ диваномъ висѣли два родственные портрета, безъ рамокъ, намалеванные крѣпостнымъ живописцемъ и загаженные мухами. Передъ диваномъ стоялъ неизбѣжный круглый столъ.

— Вы, вѣрно, прозябли въ дорогѣ, сказала Олимпіада Игнатьевна, обращаясь къ своимъ гостямъ: — какая погода-то ужасная!... не прикажете ли горяченькаго?... Наташа! вели скорѣй ставить самоваръ.

Наташа выбѣжала изъ комнаты.

Въ дѣвичей она бросилась на стулъ и въ первый разъ свободно вздохнула.

Дѣвки обступили ее.

— Вотъ, сударыня, сказала одна изъ нихъ по старше: — какихъ Богъ намъ далъ нежданныхъ гостей. Ишь какіе два молодчика прикатили, — чай, сердѣчко-то, матушка, у васъ такъ и ёкаетъ теперь.

— Ахъ, Аннушка, Аннушка! проговорила Наташа.

— Ну, чаво ахать-то, сударыня? охъ, ужь вы мнѣ, барышня, право, проказницы вы этакія! Ишь братецъ-то какой добрый: женишка намъ привезъ....

Дѣвки засмѣялись.

— Что это ты какой вздоръ болтаешь, Аннушка!

— А нѣшто онъ вамъ не нравится?

— Кто?

— А вотъ, баринъ-то, котораго братецъ привезъ?

— Да я на него и не смотрѣла.

— Ужь и не смотрѣли! видите ли! какъ, чать, ужь не посмотрѣть на такого красавчика? А знаете, матушка, вѣдь братецъ-то пріѣхалъ въ нашу сторону на долго. Вплоть до зимы слышь-ты останутся.

— Неужели? вскрикнула Наташа; — а ты по чемъ это знаешь?

— Ужь коли мнѣ не знать, матушка! Я все знаю.

Digitized by Google

Аннушка улыбнулась и мигнула, обратясь къ остальнымъ дѣвкамъ.

— Оттого-то она, сударыня, такъ скоро и состарѣлась, что все знаетъ, возразила одна изъ нихъ съ усмѣшкою.

Между тѣмъ, въ гостиной, Олимпіада Игнатьевна, вздыхая и охая, продолжала изливать свои родственныя чувства передъ племянникомъ, а Петруша разспрашивалъ братца о заграничной жизни, о направленіи умовъ въ Европѣ, о литературныхъ новостяхъ, о Парижѣ и Римѣ.

— Вѣдь онъ у меня такой поэтъ! замѣтила Олимпіада Игнатьевна, съ любовію глядя на сына и обращаясь потомъ къ гостямъ: — вообразите, сидитъ себѣ цѣлый день въ своей комнаткѣ, никуда не выходитъ и все или читаетъ, или сочиняетъ. У него есть прекрасные стишки! Прочти, дружечекъ, которые нибудь изъ нихъ братцу. Онъ принимаетъ въ насъ родственное участіе: ему, вѣрно, будетъ это пріятно.

Сергѣй Александрычъ и его пріятель съ любопытствомъ обратились къ Петрушѣ, ожидая, вѣроятно, что онъ выступитъ на середину комнаты и начнетъ декламировать; но Петруша закусилъ губу, съ досадою посмотрѣлъ на маменьку и отвѣчалъ, что на заказъ онъ ни писать, ни читать стиховъ не можетъ.

Остальной вечеръ до ужина прошелъ не замѣтно. Сергѣй Александрычъ былъ очень любезенъ. Онъ много разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ и о своей заграничной жизни.

Наташа сидѣла противъ него, съ величайшимъ вниманіемъ и любопытствомъ слушая эти разсказы. Она сдѣлалась гораздо смѣлѣе и смотрѣла на братца уже безъ замѣшательства.

Ужинъ состоялъ, по деревенскому обычаю, изъ пяти или шести блюдъ, съ супомъ включительно, изъ которыхъ почти ни одного нельзя было взять въ ротъ. Сергѣй Александрычъ и его пріятель только изъ приличія брали по немногу на тарелку всего, что имъ подавали, но Олимпіада Игнатьевна, при каждомъ блюдѣ, говорила имъ, вздыхая:

— Вы ничего не кушаете, такъ мало берете, — я, право, боюсь, что вы будете голодны... ужь не взыщите на наше угощеніе. Наши деревенскія блюда послѣ парижскихъ, конечно, не могутъ удовлетворить вашего утонченнаго вкуса, но мы люди простые, чѣмъ богаты тѣмъ и рады.

И гости должны были давиться и кушать.

Digitized by Google

Послѣ ужина скоро всѣ разошлись, только Сергѣй Александрычъ остался поневолѣ съ тетушкой, потому-что тетушка сочла необходимымъ передать ему съ подробностями и со слезами о своей ссорѣ съ братцомъ Ардальономъ Игнатьичемъ, прибавивъ, что ссора эта рѣшительно разстроила все ея здоровье и что она скоро, можетъ быть, сойдетъ въ могилу, къ утѣшенію Агафьи Васильевны.

Разставшись, наконецъ, съ тетушкой, (это было уже за полночь) Сергѣй Александрычъ отправился въ назначенную ему комнату по небольшому, узкому и довольно грязному коридору, который только при необыкновенныхъ событіяхъ освѣщался ночникомъ.

Въ коридорѣ онъ встрѣтилъ Наташу.

Наташа вздрогнула, увидавъ его...

— Ахъ, это вы, братецъ, сказала она: — а я думала, что ужь вы легли почивать.

— А вы, отчего вы не спите?

— Я.... сказала Наташа, вспыхнувъ: — мнѣ еще нужно видѣть маменьку. Прощайте, братецъ, желаю вамъ покойной ночи.

— Прощайте, милая сестрица. Сергѣй Александрычъ сдѣлалъ удареніе на слово *милая* и посмотрѣлъ на нее очень нѣжно.

Онъ хотѣлъ идти, но Наташа все еще стояла на одномъ мѣстѣ, задумавшись о чемъ-то.

— О чемъ вы думаете? спросилъ ее Сергѣй Александрычъ.

— Я? такъ, ни о чемъ... а знаете ли вы этотъ браслетъ, братецъ? Она указала ему на свой браслетъ.

— А что это за браслетъ?

— Посмотрите на него хорошенько.

Сергѣй Александрычъ взялъ руку Наташи и началъ внимательно разглядывать браслетъ.

— Очень хорошій браслетъ! сказалъ онъ, поцѣловавъ ея руку: — славная работа!

— Конечно! повторила Наташа:—а кто его подарилъ мнѣ?...

— Кто же?

— Полноте, братецъ, будто вы не знаете?

— Право, не знаю.

— Да, Боже мой, это вы же мнѣ прислали его изъ чужихъ краевъ. Вы ужь позабыли объ этомъ? прибавила Наташа съ упрекомъ.

Digitized by Google

— Въ самомъ дѣлѣ я? вы не шутите?...

— Зачѣмъ же шутить? Я и не стала бы носить его, замѣтила она съ истинно-деревенскимъ простосердечіемъ: — онъ слишкомъ хорошъ и дорогъ для меня, къ тому же я все сижу дома; на что мнѣ онъ? но я его ношу потому, что вы мнѣ прислали его.

— Вотъ какъ! подумалъ Сергѣй Александрычъ, улыбнувшись внутренно: — это очень мило и наивно!

Въ эту минуту гдѣ-то скрипнула дверь. Наташа шопотомъ произнесла: — прощайте, братецъ, покойной ночи! — и исчезла. Наташа долго не могла заснуть, но причиной этому была уже не книга. — Въ этотъ вечеръ, взволнованная различными впечатлѣніями, ложась спать, противъ своего обыкновенія, она недотрогивалась до книги.

ГЛАВА III.

Но здѣсь я долженъ оставить на время село Благовѣщенское. Брюхатово тожь, Наташу и ея маменьку, и обратиться къ тѣмъ, которые такъ внезапно нарушили своимъ пріѣздомъ однообразіе и миръ ихъ деревенской, патріархальной жизни. Благосклонный читатель, при концѣ моей нравственной повѣсти, можетъ быть, объяснитъ себѣ необходимость этого отступленія... Я, по крайней мѣрѣ, льщу себя такою надеждой... *Благосклонный читатель!..* но я уже только по старой привычкѣ называю васъ *благосклонными*. Говорятъ, съ каждымъ днемъ вы становитесь строже и взыскательнѣе къ бѣднымъ русскимъ повѣствователямъ... Избалованные блестящимъ французскимъ романомъ, вы требуете и отъ русской повѣсти сильныхъ потрясеній, неожиданныхъ эффектовъ, быстраго, живаго драматическаго изложенія и калейдоскопическаго разнообразія событій... Но вы несправедливы, читатель! Вглядитесь хорошенько въ жизнь, окружающую васъ, и, положа руку на сердце, скажите, Бога ради, откуда взять всего этого русскому повѣствователю?..

И я ни за что не сталъ бы утомлять вашего вниманія моимъ простымъ, безхитростнымъ разсказомъ, если бы въ основаніи его не лежала нравственная цѣль... Только движимый ею, я осмѣливаюсь продолжать этотъ разсказъ.

Digitized by Google

Сергѣй Александрычъ, родной племянникъ Олимпіады Игнатьевны и двоюродный братецъ Наташи, имѣлъ состояніе значительное. Этимъ значительнымъ состояніемъ онъ былъ обязанъ доблестямъ своего почтеннаго родителя. Родитель Сергѣя Александрыча — кавалеристъ временъ Бурцова, широкоплечій, полный, удалой, забіяка съ огромными усами и съ неменьшею самонадѣянностью, казалось, созданъ былъ на соблазнъ прекраснаго пола. Всѣ барыни и барышни средней руки чувствовали къ нему сильное поползновеніе и съ біеніемъ сердца, вздыхая изъ-подтишка, жадно впивались въ него страстными очами, когда онъ, бывало, прокатывался или мимо ихъ оконъ, или по Невскому, на лихой караковой парѣ, всегда самъ подхлестывая пристяжную, изгибавшуюся въ три погибели, или когда входилъ въ комнату, гремя саблей, постукивая шпорами и покручивая свой густо-нафабренный усъ. Но болѣе всѣхъ, при взглядѣ на него, билось сердце одной прекрасной вдовы. И чаще всего встрѣчались взоры ея съ его взорами. Вдова эта была не простая вдова, — а вдова генерала, и дочь — да притомъ еще любимая дочь — извѣстнаго въ то время своимъ богатствомъ коммерціи совѣтника Пузина. Полная, слабонервная и сентиментальная, она проливала горькія слезы надъ «Бѣдной Лизой Карамзина» и въ то же время немилосердно таскала за косы свою горничную Лизку. Въ тѣ блаженныя времена, такого рода противорѣчія нисколько не были удивительны. Между кавалеристомъ и прекрасной вдовой завязались письменныя сношенія. Въ письмахъ она называла его обыкновено *Эрастомъ*, хотя его звали Александромъ Игнатьичемъ, и требовала непремѣнно, чтобы онъ звалъ ее *Темирой*, хотя ее звали Палагеей Васильевной. Она страдала и вздыхала, и хотѣла, чтобы и онъ страдалъ и вздыхалъ, — и забіяка-кавалеристъ покорился волѣ этой женщины. Забывая и ромъ, и аракъ, съ твердостью перенося насмѣшки собутыльныхъ друзей своихъ, — онъ вздыхалъ, глядя на нее, меланхолически покручивая усъ и живописно опираясь на саблю. Такова уже всемогущая сила любви! Мало этого: онъ даже написалъ ей въ альбомъ стишки, сочиненные его пріятелемъ, которые, разумѣется, выдалъ за свои:

Бряцай, уныла лира!
Покой свой погубя,

Digitized by Google

О, милая Темира!
Я буду пить тебя.

Ахъ, можетъ ли сравняться
Съ любовью что твоей?
За славою гоняться
Я не хочу, ей-ей...

Коль пѣсенка простая
Понравится тебѣ,
Темира дорогая!
Вотъ вся награда мнѣ.

Стишки эти порѣшили все: *Темира* не выдержала, разрыдалась, бросилась на шею къ своему милому, и сочеталась съ нимъ законнымъ бракомъ. А Александръ Игнатьичъ достигъ своей цѣли, уплатилъ всѣ долги и зажилъ въ Петербургѣ великолѣпно и открыто, пріобрѣтя всеобщее уваженіе и сдѣлавшись кумиромъ всѣхъ своихъ родственниковъ... Черезъ девять мѣсяцевъ, Богъ даровалъ имъ дитя мужескаго пола, котораго въ св. крещеніи нарекли Сергіемъ. День рожденія Сергѣя Александрыча, былъ, разумѣется, днемъ неописанной радости для его родителей, и съ этого дня Божіеблаго словеніе, никогда, впрочемъ, не оставлявшее Палагею Васильевну и ея супруга, еще явнѣе стало обнаруживаться надъ ними. Несомнѣннымъ доказательствомъ тому служило, между прочимъ, и то, что ровно черезъ два мѣсяца послѣ этого торжественнаго дня, они пріобрѣли за безцѣнокъ продававшееся съ аукціоннаго торга великолѣпное село Куроѣдово, принадлежавшее какому-то промотавшемуся князю и, по счастливой случайности, находившееся только въ восьми верстахъ отъ села Брюхатова, въ которомъ родился Александръ Игнатьичъ, и гдѣ покоился, до всеобщаго воскресенія, прахъ его родителей. Куроѣдово, въ честь Сергѣя Александрыча, было тотчасъ же переименовано въ Сергіевское.

Для того, чтобы удобнѣе наслаждаться супружескимъ счастіемъ и вообще спокойствіемъ жизни, Александръ Игнатьичъ вышелъ въ отставку. Безпримѣрная любовь этихъ достойныхъ супруговъ возбуждала въ Петербургѣ, во время оно, всеобщій восторгъ и удивленіе. Палагея Васильевна никогда не говорила безъ слезъ о мужѣ. «Это ангелъ, просто, ангелъ!» повторяла она:—«онъ *обожаетъ* меня»... И, въ подтвержденіе этого, раз-

Digitized by Google

сказывала (въ наше время этому уже трудно повѣрить), какъ однажды горничная нагрубила ей, и какъ Александръ Игнатьичъ, узнавъ объ этомъ, вдругъ весь измѣнился въ лицѣ, побагровѣлъ и ударилъ горничную изо всей силы, такъ что она изъ одного угла комнаты отлетѣла въ другой и чуть не разшибла себѣ головы объ уголъ печки...

О любви родителей къ Сергѣю Александрычу и о воспитаніи его распространяться нечего. Довольно сказать, что родители не жалѣли для него денегъ. И когда Сергѣй Александрычъ кончилъ курсъ въ университетѣ, онъ зажилъ блистательно: завелъ превосходный экипажъ, обѣдалъ въ лучшихъ ресторанахъ, самъ пилъ шампанское, поилъ друзей своихъ и волочился за французскою актрисой. Такое препровожденіе времени очень сблизило его съ свѣтскою петербургскою молодежью. Многіе изъ этой молодежи отзывались объ немъ въ весьма лестныхъ фразахъ: «Онъ славный малый», говорили они: — «очень ученъ и начитанъ. Онъ все знаетъ; съ нимъ можно говорить о чемъ угодно, о философіи и обо всемъ этомъ...»

И въ самомъ дѣлѣ, Сергѣй Александрычъ былъ очень начитанъ и къ тому же обладалъ необыкновенною памятью. Онъ зналъ наизусть почти всѣ стихи Гюго и Ламартина. Но главный конекъ его была русская исторія, изученію которой (по его словамъ) онъ отдался совершенно. И какъ бы въ доказательство этого, въ кабинетѣ его, изъ груды великолѣпныхъ, новѣйшихъ французскихъ и англійскихъ кипсековъ, выглядывали уродливыя русскія старопечатныя книги. Сергѣй Александрычъ сочинялъ даже драму въ пяти дѣйствіяхъ и въ стихахъ, изъ эпохи междуцарствія. Отрывки изъ этой драмы обнаруживали въ немъ талантъ замѣчательный. Особенно, я помню, хороша и трогательна была молитва героя драмы передъ битвою:

Во мнѣ кипятъ зиждительныя силы (такъ говорилъ герой),
И чувствую, — я призванъ Русь спасти!
(становясь на колѣни и воздѣвъ руки горѣ).
О, Господи! услышь мое моленье...
Вонми мою, о, Боже правый, рѣчь,
Въ уста вложи мнѣ слово вдохновенья
И на враговъ благослови мой мечъ!
Святая Русь. . . . . и проч.

Digitized by Google

Не дурно было также то мѣсто, гдѣ прекрасный восьмнадцатилѣтній юноша — русскій Максъ Пиколомини XVI столѣтія, порывается на битву, кипя благородною ненавистью къ врагамъ святой Руси, и въ жару гордо размахиваетъ мечемъ,—а герой, въ терликѣ и въ мурмолкѣ, смотритъ на него и говоритъ ему, какъ шиллеровскій Валенштейнъ:

Какъ въ этотъ мигъ тобой любуясь я...
О! ты теперь стоишь передо мною,
Сверкая силою и чудной красотою,
Какъ молодость минувшая моя!..

Отрывки эти были напечатаны, кажется, въ какомъ-то журналѣ; но еще до напечатанія, Сергѣй Александрычъ читалъ ихъ въ одномъ свѣтскомъ обществѣ, гдѣ, между прочимъ, находились двѣ или три свѣтскія дамы, — извѣстныя ревнительницы отечественной славы и литературы, глубокія патріотки, которыя во время чтенія безпрестанно восклицали: «Charmant! charmant!»

Все это — и громкіе стихи, и французская актрисса, и шампанское, и одобреніе свѣтскихъ дамъ,—доставило Сергѣю Александрычу блестящую извѣстность въ Петербургѣ, которой онъ, впрочемъ, по его словамъ, вовсе не добивался.

Когда родитель Сергѣя Александрыча, уважаемый всѣми, скончался, не въ мѣру обкушавшись устрицъ, а за нимъ послѣдовала въ могилу и Пелагея Васильевна, вѣроятно, съ горя, — Сергѣй Александрычъ сдѣлался въ двадцать семь лѣтъ полнымъ властелиномъ имѣнія. Смерть его достойныхъ родителей развязала ему руки. Проживъ года три въ Петербургѣ, онъ вышелъ въ отставку, поѣхалъ въ деревню, чтобы собрать съ крестьянъ оброки, расплатиться съ долгами и оттуда отправиться за границу, но не праздными и пустымъ путешественникомъ, — о, нѣтъ! а для того, чтобы и вдали отъ родины служить ей и быть полезнымъ. Это была любимая и постоянная фраза Сергѣя Александрыча. И Сергѣй Александрычъ уѣхалъ за границу и пробылъ тамъ три года. Въ Германіи на какихъ-то водахъ проигралъ тысячь двадцать въ рулетку, въ Римѣ отдыхалъ отъ жизни, изучалъ искусство и волочился на развалинахъ Колизея за какой-то русской княгиней или гра-

Digitized by Google

финей, а въ Парижѣ содержалъ лоретку, ту самую лоретку, къ которой, по его увѣренію, одинъ изъ bel esprit Café Anglais написалъ этотъ знаменитый куплетъ:

«Connaissez-vous dans la rue de Provence
Un' femm' qu'on cit' partout pour sa beauté,
Pour son esprit et pour son élégance?
Eh bien, messieurs, c'est moi sans vanité...

Grande et brune à l'œil noir
C'est au bal qu'il faut m'voir.
Je fais des malheureux
Et même parfois des heureux...»

Сергѣй Александрычъ вывезъ изъ Европы еще болѣе гордую увѣренность въ собственномъ достоинствѣ; много великолѣпныхъ и поэтическихъ фразъ объ Италіи (нѣсколько устарѣвшихъ въ наше время), щегольское платье изъ Лондона, начало статьи: «О будущности Россіи и объ отношеніяхъ ея къ западной Европѣ», и стремленіе къ какой-то дѣятельности, нисколько не мѣшавшее ему, впрочемъ, вести по прежнему жизнь совершенно бездѣйственную.

Таковъ былъ Сергѣй Александрычъ, имѣвшій очень мало общаго съ пріятелемъ и спутникомъ своимъ Григорьемъ Алексѣичемъ. Григорій Алексѣичъ, играющій значительную роль въ этой нравственной повѣсти, былъ сынъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей... Здѣсь кстати замѣтить, что всѣ герои и героини повѣстей моихъ (такъ было, по крайней мѣрѣ, до сей минуты), всѣ безъ исключенія дворянскаго происхожденія; ибо я считаю совершенно неприличнымъ дѣлать героями людей другого какого-либо сословія. Таково уже мое правило. Родители Григорья Алексѣича были люди хорошіе и добрые, хотя и не безъ предразсудковъ. О воспитаніи сына они заботились мало, и патріархальная ихъ любовь къ нему ограничивалась только заботою о томъ, чтобы онъ былъ сытъ да здоровъ. Родитель его даже былъ положительно увѣренъ, что образованіе больше вредно, чѣмъ полезно, потому-что сынъ одного богатаго помѣщика ихъ губерніи, на воспитаніе котораго потратили десятки тысячъ, ничему не выучился и вышелъ негодяемъ, а другой молодой человѣкъ, сынъ другого помѣщика ихъ же губерніи,

Digitized by Google

оставленный на произволъ Божій съ тринадцати лѣтъ, самъ, безъ учителей, всѣмъ наукамъ обучился, сдѣлался совершенно благонамѣреннымъ и добропорядочнымъ малымъ, собственными трудами сталъ добывать себѣ хлѣбъ и, впослѣдствіи, еще кормилъ своихъ престарѣлыхъ и промотавшихся родителей....

Свѣтлорусые волосы, завивавшіеся отъ природы, голубые глаза съ томнымъ и задумчивымъ выраженіемъ, блѣдность лица, нерѣшительная и медленная поступь, рано и Богъ знаетъ какимъ образомъ развившаяся страсть къ чтенію, — все это рѣзко отличало Григорья Алексѣича отъ всѣхъ остальныхъ деревенскихъ барченковъ-головорѣзовъ, его сверстниковъ. Григорій Алексѣичъ не занимался играми, свойственными его лѣтамъ, и гонялъ отъ себя прочь дворовыхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, которыхъ маменька посылала къ нему для забавы, и которыми уже за то мастерски помыкали и распоряжались старшія и меньшія его сестрицы. Деликатная натура Григорья Алексѣича приводила въ немалое изумленіе его достойныхъ родителей. Папенька, глядя на него, покачивалъ головою и пожималъ плечами, или иногда, въ веселый часъ, залившись добродушнымъ смѣхомъ, восклицалъ, обращаясь къ супругѣ своей: «А что, матушка... ужь, полно, это мой ли сынъ?.. Я что-то, право, сомнѣваюсь въ этомъ! ха, ха, ха!..» Маменька, цѣлуя Григорья Алексѣича и осѣняя его крестнымъ знаменіемъ, говорила обыкновенно, вздыхая: «Нелюдимое ты мое дитятко, дикарь ты мой милый... Когда ты у меня пополнѣешь да повеселѣешь, голубчикъ мой?...»

Григорью Алексѣичу уже было пятнадцать лѣтъ, когда одинъ молодой, богатый и образованный помѣщикъ, ближайшій сосѣдъ его родителей, обратилъ на него вниманіе. Иванъ Ѳедорычъ (такъ звали этого помѣщика), нашелъ въ Григорьѣ Алексѣичѣ душу впечатлительную и поэтическую и притомъ большую любознательность. Жаль ему стало, что духовныя способности бѣднаго мальчика прозябаютъ, лишенныя всѣхъ средствъ къ развитію, и ему пришло въ голову взять его къ себѣ и заняться его воспитаніемъ. Ивану Ѳедорычу необходимо было какое нибудь развлеченіе, потому-что прелесть деревенской праздности и уединенія начинала нѣсколько тяготить его. Но слухъ о благодѣтельномъ намѣреніи Ивана Ѳедорыча достигъ какимъ-то образомъ преждевременно до родителя Григорья Алексѣича, съ

Digitized by Google

прикрасами и прибавленіями, отчасти оскорбительными для его родительскаго самолюбія...

— Ахъ, онъ разбойникъ, вольнодумецъ, христопродавецъ этакой! восклицалъ, задыхаясь, родитель, въ порывѣ справедливаго гнѣва:—вишь какую штуку отмочилъ! Отнять у меня роднаго сына хочетъ,—только!.. Да я лучше отдамъ его въ свинопасы, чѣмъ къ нему на воспитаніе, къ душегубцу этакому!

Григорій Алексѣичъ стоялъ въ эту минуту передъ гнѣвнымъ родителемъ рядомъ съ своею старушкой матерью. Оба они дрожали отъ страха.

— Да! лучше въ свинопасы отдамъ, въ свинопасы! повторялъ родитель, страшно ударяя на послѣднее слово. — Пусть свиней лучше пасетъ съ подлецомъ Ермошкой!.. А это вѣдь все, чай, твои выдумки, щенокъ?..

И при этомъ, онъ сдѣлалъ три шага впередъ, подступая къ сыну.

— Ученымъ захотѣлъ быть, профессоромъ, съ неба звѣзды хватать!.. Да погоди, голубчикъ, я пригну тебя къ землѣ.

И онъ схватилъ сына за вихоръ. Старушка вздрогнула, сдѣлала какое-то неопредѣленное движеніе, пошевельнула губами— и вдругъ окаменѣла въ этомъ положеніи, встрѣтивъ грозный взглядъ мужа; изъ оловянныхъ глазъ ея закапали крупныя слезы.

— Я у тебя выбью дурь-то изъ головы, продолжалъ родитель, дергая сына за вихоръ. — Я бабій-то духъ выколочу изъ тебя... И худо тебѣ жить у меня, что ли?.. Что, тебя не кормятъ, не одѣваютъ, не обуваютъ?.. а?.. говори!

Григорій Алексѣичъ молчалъ.

— Говори же, я тебя спрашиваю. Что у тебя языкъ отсохъ, что ли?

— Нѣтъ, мнѣ хорошо, прошепталъ Григорій Алексѣичъ сквозъ слезы: — я всѣмъ доволенъ... Я, папенька, ничего не знаю. Я не виноватъ...

— Онъ всѣмъ доволенъ, батюшка, Алексѣй Иванычъ, всѣмъ, — повторила старушка: — онъ ничего не знаетъ, онъ не виноватъ.

— То-то же! Еще бы ты былъ недоволенъ! Попробовалъ бы ты у меня быть недовольнымъ! Я надъ тобой имѣю священную власть. Понимаешь ли, — священную?..

Digitized by Google

Эта небольшая, домашняя сцена такъ сильно подѣйствовала на Григорья Алексѣича, что онъ едва не слегъ въ постель. За то, послѣ этого заботливость и нѣжность къ нему маменьки не только удвоилась—учетверилась. Она все ходила за нимъ съ пирожками, булочками и крендельками, приговаривая:

— Скушай чего нибудь, родной ты мой, хоть маленькій кусочекъ скушай... авось тебѣ будетъ полегче. Не бойся. Папенька посердится, да и перестанетъ. Нельзя же ему иногда и не посердиться. Вѣдь онъ человѣкъ: самъ ты знаешь.

Но судьба Григорья Алексѣича рѣшилась вдругъ и совершенно неожиданно. Въ одно прекрасное утро, Алексѣй Иванычъ скончался отъ удара, не въ мѣру осердившись на своего старосту, тотчасъ послѣ обѣда, также не въ мѣру употребленнаго. Дѣла, по смерти его, оказались въ величайшемъ разстройствѣ. Положеніе вдовы было бѣдственно. Къ счастію ея, Иванъ Ѳедорычъ, котораго покойный, въ добавокъ, звалъ еще христопродавцемъ, первый явился къ ней, принялъ въ ея положеніи самое искреннее и самое дѣйствительное участіе и упросилъ ее, чтобы она отдала ему Григорья Алексѣича на воспитаніе. Вдова рѣшилась на это, впрочемъ, не вдругъ; и отпуская сына изъ дома, бросилась въ ноги къ своему благодѣтелю и произнесла, заливаясь горячими слезами:

— Батюшка ты мой, отецъ ты мой... одна у меня къ тебѣ просьба,— не погуби его! Я женщина простая, необразованная; я вѣдь ничего не понимаю, какъ это у васъ тамъ, и что въ этихъ наукахъ; но только, Бога-ради, не научи его такому, чтобы ему послѣ худо не было...

Большой старинный барскій домъ, отдѣльная комната, посвященная книгамъ и уставленная бюстами великихъ мужей древности; столъ, заваленный брошюрами, газетами и книгами; лакеи обутые, обритые и одѣтые прилично, хотя и смотрѣвшіе нѣсколько мрачно и изъ подлобья; —хозяинъ дома, обращавшійся очень тихо и кротко со всею дворнею,— все это приводило сначала Григорья Алексѣича въ немалое изумленіе. Но онъ не долго скучалъ по родительскомъ кровѣ и скоро привыкъ къ своей новой жизни, которая такъ рѣзко отличалась отъ жизни его семейства. Къ удовольствію наставника, ученикъ оказывалъ быстрые успѣхи и развивался, какъ герои нашихъ народныхъ сказокъ, не по днямъ, а по часамъ. Черезъ два года Григорій Алексѣичъ

Digitized by Google

могъ свободно читать по французски и даже по нѣмецки. Онъ жадно и безъ всякаго разбора принялся за чтеніе. Особенно нравились ему французскіе новѣйшіе драмы и романы; но Иванъ Ѳедорычъ остановилъ его юношескій порывъ. Иванъ Ѳедорычъ не терпѣлъ новѣйшей французской литературы. Онъ боялся, что она произведетъ вредное вліяніе на его питомца, и съ особеннымъ наслажденіемъ, вводилъ его въ таинственный и мистическій германскій міръ, такъ раздражающій нервы, такъ обаятельно дѣйствующій на всякое юное воображеніе. Иванъ Ѳедорычъ былъ большой чудакъ. Гофманъ, Тикъ, Уландъ, Жанъ-Поль-Рихтеръ были его настольными книгами. Современная, дѣйствительная, практическая жизнь не имѣла для него никакой поэзіи, никакого интереса. Высочайшимъ идеаломъ была для него рыцарская, средне-вѣковая Европа. Отъявленный романтикъ, онъ бродилъ ощупью въ туманныхъ фантастическихъ мірахъ и былъ совершенно глухъ и слѣпъ для дѣйствительной жизни, — рѣшительно не вѣдая, что дѣлается у него подъ носомъ. Добрый и кроткій отъ природы, искренно негодовавшій противъ всякаго притѣсненія и насилія, онъ вѣрилъ на слово своему управляющему-Нѣмцу, который, въ глазахъ его, самымъ безстыднымъ и наглымъ образомъ обиралъ и притѣснялъ крестьянъ его, увѣряя, что они благоденствуютъ. Четыре года сряду прожилъ онъ въ деревнѣ, съ намѣреніемъ поправить свои дѣла, разстроенныя еще его отцомъ и дѣдомъ, и впродолженіи этихъ четырехъ лѣтъ не могъ узнать положительно, ни сколько у него земли, ни сколько душъ. Безпечность и лѣнь — отличительныя свойста Славянина, — широко развились въ Иванѣ Ѳедорычѣ, подъ благотворною сѣнію деревенскаго, патріархальнаго быта. Любо и вольно было ему въ халатѣ и туфляхъ, на широкомъ восточномъ диванѣ, лежать цѣлые дни съ книгою Жанъ-Поля-Рихтера въ рукѣ и съ янтаремъ въ зубахъ, изрѣдка прерывая чтеніе или мечту лѣнивымъ крикомъ: «Васька! трубку...» Славная жизнь!.. Одного только не доставало Ивану Ѳедорычу—человѣка, съ которымъ бы иногда, за чашкою чая, съ янтаремъ въ зубахъ, пофилософствовать и помечтать... А хорошо бы это!.. Но вотъ, уже Григорій Алексѣичъ подросъ... Ему девятьнадцать лѣтъ... съ нимъ можно говорить о чемъ угодно: онъ понимаетъ все; чего же лучше? Надо замѣтить, что Иванъ Ѳедорычъ первые мѣсяцы, съ горячностью

Digitized by Google

принявшійся за образованіе своего питомца, отъ непривычки къ труду, скоро утомился и предоставилъ его собственному развитію. Ученику нельзя было не увлечься примѣромъ учителя... Удобства праздной, барской жизни—соблазнительны; Григорій Алексѣичъ обыкновенно такъ же лѣниво валялся по дивану съ Шиллеромъ, какъ Иванъ Ѳедорычъ съ Жанъ-Полемъ-Рихтеромъ, — и восхищался имъ, облизывая губы, какъ человѣкъ, только-что скушавшій что-нибудь сладкое, или бродилъ по саду, останавливаясь передъ каждымъ кустикомъ и цвѣточкомъ, вдыхая въ себя ихъ ароматъ и созерцая ихъ по нѣскольку минутъ въ умиленіи. По цѣлымъ часамъ лежалъ онъ на косогорѣ, близъ рощи, и, мечтая о чемъ-то, слѣдилъ за полетомъ жаворонка и прислушивался къ его пѣснѣ, прерываемой блеяніемъ овецъ и мычаніемъ коровъ, возвращавшихся съ поля... Уже изъ за холма, бывало, выплываетъ багровый шаръ мѣсяца; лягушки хоромъ, громко принимаются квакать въ прудѣ и надъ прудомъ, какъ легкій дымокъ, подымается бѣловатый паръ, а герой мой все лежитъ себѣ да лежитъ на одномъ мѣстѣ, въ блаженномъ забытьи. Только вечерняя роса и сырость по неволѣ прогоняли его домой.

— Боже мой! какъ хороша природа! какъ хороша жизнь! восклицалъ онъ въ волненіи, томно склоняясь къ плечу своего благодѣтеля. А тотъ, вздыхая, смотрѣлъ на него съ завистью, думая: «Когда-то и я также живо и страстно восхищался природою и жизнію!..» И вслѣдъ за тѣмъ, бралъ дикіе и мрачные аккорды... на страшно-разстроенныхъ фортепьянахъ.

А время все себѣ шло да шло впередъ.... Однажды, утромъ, за кофеемъ Иванъ Ѳедорычъ какъ-то необыкновенно пристально и долго глядѣлъ на Григорья Алексѣича. Григорій Алексѣичъ былъ уже молодецъ хоть куда, высокій и статный. Онъ значительно пополнѣлъ на вольномъ воздухѣ и на даровомъ хлѣбѣ; его густые и волнистые волосы живописно ниспадали до плечъ, а усы пробивались съ каждымъ днемъ замѣтнѣе. Иванъ Ѳедорычъ крѣпко задумался, въ особенности посмотрѣвъ на его усы....

«Я взялъ на себя воспитаніе этого молодого человѣка», думалъ онъ: — «на мнѣ лежитъ высокая и святая обязанность въ отношеніи къ нему. А я съ моей отвратительной безпечностію

Digitized by Google

эгоистически держалъ его при себѣ до этихъ лѣтъ. Это непростительно! непростительно!»

Иванъ Ѳедорычъ, терзаемый такими мыслями, въ волненіи сталъ прохаживаться по комнатѣ — и вдругъ остановился предъ Григорьемъ Алексѣичемъ.

— Я виноватъ предъ тобой, Gregoire, — произнесъ онъ торжественно и не безъ волненія, — виноватъ страшно...

Онъ взялъ Григорья Алексѣича за руку и крѣпко пожалъ ее.

Григорій Алексѣичъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на своего благодѣтеля...

— Виноватъ потому, что я не заботился о тебѣ, потому, что я понадѣялся на себя. Я думалъ, что могу сколько нибудь подготовить тебя здѣсь къ университету, безъ посторонней помощи; эти годы тебѣ необходимо было ученье классическое, серьёзное, — а они прошли такъ, они потеряны для тебя безъ всякой пользы. Это убиваетъ меня, Gregoire!...

Иванъ Ѳедорычъ снова началъ прохаживаться по комнатѣ въ сильной тревогѣ...

— Боже мой! Боже мой! говорилъ онъ: — хотя бы одно намѣреніе мое, хотя бы одну мысль я могъ когда нибудь осуществить на дѣлѣ!... А мнѣ уже 34 года! Нѣтъ, я не способенъ ни къ чему — ни къ любви, ни къ дружбѣ, а между тѣмъ, у меня сердце любящее, Gregoire, клянусь тебѣ.

У Ивана Ѳедорыча выступили на глазахъ слезы...

— Въ 34 года я не могу совладать съ самимъ собою, а беру на себя участь другихъ! Пожалѣй обо мнѣ, пожалѣй....

Иванъ Ѳедорычъ бросился въ кресло и закрылъ лицо рукою.

— Но прошедшаго не воротишь, продолжалъ онъ чрезъ минуту, болѣе спокойнымъ голосомъ: — намъ надобно ѣхать въ Москву сейчасъ же, не отлагая; время дорого. Ты еще тамъ можешь приготовиться къ университету, съ твоими способностями это легко... Все еще можно поправить... Не правда ли? Я самъ непремѣнно поѣду съ тобой, я не оставлю тебя, я буду слѣдовать за твоими занятіями.

Григорій Алексѣичъ до глубины души былъ тронутъ словами своего благодѣтеля. Онъ бросился къ нему съ юношескимъ увлеченіемъ. Иванъ Ѳедорычъ крѣпко прижалъ его къ груди и прошепталъ: — прости меня, прости меня!...

Digitized by Google

За тѣмъ начались приготовленія къ отъѣзду, продолжавшіяся ровно четыре мѣсяца. Извѣстно, до какой степени наши помѣщики, засидѣвшіеся въ деревнѣ, тяжелы на подъемъ. Наконецъ, давно-желанный день отъѣзда наступилъ. Григорій Алексѣичъ простился съ матерью и, полный самыхъ блестящихъ надеждъ и фантазій, отправился въ Москву вмѣстѣ съ своимъ благодѣтелемъ.

ГЛАВА IV.

Во время оно существовалъ въ Москвѣ исключительный кружокъ молодыхъ людей, связанныхъ между собою *высшими интересами и симпатіями*, какъ говорили въ то время. Можетъ быть, и теперь существуютъ тамъ и здѣсь такого рода кружки, но это до насъ совершенно не касается... Кружокъ, о которомъ идетъ теперь рѣчь, состоялъ изъ молодыхъ людей очень умныхъ и очень начитанныхъ, превосходно разсуждавшихъ объ искусствахъ и литературѣ, о предметахъ, относящихся къ области самаго отвлеченнаго мышленія, и о другихъ совершенно невинныхъ предметахъ. Счастливы были тѣ избранные, которые попадали въ этотъ кружокъ, потому-что попасть въ него было не такъ легко. Туда не допускались люди съ яснымъ, практическимъ знаніемъ жизни и съ простымъ здравымъ смысломъ. Практическое знаніе жизни и простой здравый смыслъ считались въ этомъ кружкѣ совершенно лишними. Отъ молодого человѣка требовалось *полное философское проникновеніе въ самыя сокровенныя таинства жизни*. (Такъ выражались тогда). Я живо помню это время, блаженное время моей молодости! съ біеніемъ сердца, съ благоговѣйнымъ трепетомъ переступалъ я порогъ, за которымъ обсуживались всѣ великіе современные вопросы, гдѣ такъ легко враждовали и примирялись съ дѣйствительностію, гдѣ анализировались малѣйшіе поступки человѣка съ безпощадною строгостію, гдѣ каждый сидѣлъ въ глубокомъ раздумьи надъ собственнымъ *я* и любовался, какъ дитя игрушкою, собственными страданіями, гдѣ съ энергическимъ ожесточеніемъ преслѣдовалась всякая фраза и гдѣ безъ фразы не позволялось разинуть рта, гдѣ предавалась посмѣянію и позору всякая фантазія и гдѣ всѣ растлѣвали себя фантазіями.

Digitized by Google

Давно разошлись въ разныя стороны молодые люди, составлявшіе кружокъ этотъ,

«Иныхъ ужь нѣтъ, а тѣ далече....»

Одни пали въ безсиліи подъ тяжелою ношей дѣйствительной жизни, другіе доселѣ живутъ очень счастливо въ своихъ фантазіяхъ и совершенно удовлетворяются ими, третьи очень легко и дешево примирились съ дѣйствительностію.

Но когда Григорій Алексѣичъ пріѣхалъ въ Москву, кружокъ этотъ былъ въ полномъ цвѣтѣ. Иванъ Ѳедорычъ самъ принадлежалъ нѣкогда къ этому кружку и изъ него вынесъ свое туманное романтическое направленіе и любовь къ миститизму. Сердце Ивана Ѳедорыча сильно билось, когда онъ подъѣзжалъ къ Москвѣ, и нетерпѣніе увидѣть прежнихъ друзей своихъ возрастало въ немъ болѣе и болѣе. — Я съ ними провелъ лучшіе дни моей жизни, говорилъ Иванъ Ѳедорычъ своему питомцу: — ты увидишь, Gregoire, что́ это за люди, какъ я духовно связанъ съ ними! Какія святыя отношенія всегда существовали между нами!... Ты увидишь ихъ! И у добраго Ивана Ѳедорыча дрожали слезы на глазахъ, когда онъ говорилъ это.

Но Ивану Ѳедорычу готовилось большое разочароваріе. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ деревнѣ, все страшно измѣнилось въ его прежнемъ кружкѣ. Романтизмъ уже давно пересталъ быть въ ходу, о немъ отзывались друзья его съ ѣдкими насмѣшками, даже съ презрѣніемъ; на романтиковъ смотрѣли они уже, какъ на людей отсталыхъ и пошлыхъ. О Жанъ-Полѣ-Рихтерѣ, Гофманѣ, Тикѣ, къ великой скорби Ивана Ѳедорыча, никто не говорилъ ни слова. Всякая наклонность къ мистическому преслѣдовалась безпощадно. Порыванія *туда* (dahin), различныя праздныя сѣтованія и страданія были отброшены. Всѣ, напротивъ, кричали о примиреніи съ дѣйствительностію, о трудѣ и дѣлѣ (хотя, какъ и прежде, никто ничего не дѣлалъ). Шиллеръ низвергнутъ былъ съ пьедестала и втоптанъ въ грязь; всеобъемлющій Гёте чуть необожествленъ; послѣднее слово для человѣчества отыскано въ Гегелѣ и рѣшено, что далѣе его человѣческая мысль уже не можетъ идти... У Ивана Ѳедорыча закружилась голова отъ всѣхъ этихъ новостей и не разъ пробовалъ онъ вступаться за своихъ любимыхъ писателей, за прелесть созерцательной жизни, которую почиталъ неотъем-

Digitized by Google

лемою принадлежностію *деликатныхъ натуръ*, за готическіе храмы и за всю эту мистическую поэзію, которая была ему такъ по сердцу; но съ нимъ даже и неспорили, ему отвѣчали только ироническими улыбками. Друзья его, послѣ перваго уже свиданія съ нимъ, рѣшили въ тайнѣ, что онъ неспособенъ ни къ какому развитію и, по ограниченности натуры своей, долженъ навѣки погрязнуть въ романтизмѣ.

Итакъ, эти святыя отношенія, которыя нѣкогда связывали Ивана Ѳедорыча съ его друзьями и о которыхъ онъ съ такимъ чувствомъ говорилъ Григорью Алексѣичу, — уже не существовали. Иванъ Ѳедорычъ понялъ это и началъ хандрить и страдать, безпрестанно вспоминая о своемъ прошедшемъ, съ болѣзненнымъ наслажденіемъ.

Между тѣмъ, Григорій Алексѣичъ первые мѣсяцы по пріѣздѣ въ Москву, принявшійся за ученье съ большимъ жаромъ, успѣлъ уже утомиться, отложилъ намѣреніе вступить въ университетъ — и ходилъ только на лекціи къ нѣкоторымъ профессорамъ, которые ему особенно нравились. День, въ который Иванъ Ѳедорычъ представилъ его своимъ друзьямъ, въ качествѣ молодого человѣка, *подающаго большія надежды*, — этотъ день былъ торжественный для Григорья Алексѣича. У него, какъ нѣкогда и у меня, мой добрый читатель, замерло сердце, когда онъ въ первый разъ вступалъ въ такое избранное общество.... И все въ этомъ обществѣ показалось ему, какъ и мнѣ, необыкновеннымъ: на челѣ каждаго изъ присутствующихъ онъ ясно читалъ высшее призваніе и съ жадностію ловилъ каждое слово. Правда, многое изъ слышаннаго имъ, было ему темно и непонятно, но это-то и нравилось ему. Въ простотѣ и неопытности своего юношескаго сердца, онъ полагалъ, что вся глубина человѣческой мудрости заключена именно въ этомъ темномъ и непонятномъ.

Григорій Алексѣичъ, съ своей стороны, произвелъ на друзей своего благодѣтеля очень пріятное впечатлѣніе и принятъ былъ подъ ихъ покровительство. Способности его къ развитію признаны, нужно было только, какъ говорили, освободить его отъ вліянія Ивана Ѳедорыча, который своимъ болѣзненнымъ романтическимъ направленіемъ уже успѣлъ сдѣлать ему много вреда. Подъ руководствомъ своихъ новыхъ наставниковъ, Григорій Алексѣичъ начиналъ мало по малу посвящаться *въ глубо-*

Digitized by Google

кія таинства науки, искусства и жизни.... Онъ принялся изучать и переводить Гёте и пріобрѣлъ себѣ у кого-то, случайно, за весьма дешевую цѣну, полное собраніе сочиненій Гегеля. — Первый и огромный шагъ къ будущимъ успѣхамъ былъ уже сдѣланъ. Съ этой минуты авторитетъ Ивана Ѳедорыча утратилъ для него все значеніе. На своего благодѣтеля онъ посматривалъ уже съ проніею, какъ на человѣка отставшаго, и изъ подтишка иногда даже подсмѣивался надъ нимъ довольно остроумно. Благодѣянія Ивана Ѳедорыча сдѣлались ему тягостны. Григорій Алексѣичъ ощутилъ въ себѣ потребность выйти изъ подъ его опеки и начать жизнь самостоятельную. Къ тому же, съ нѣкотораго времени, Иванъ Ѳедорычъ жаловался на своего управляющаго, который, Богъ знаетъ по какой причинѣ, очень мало высылалъ ему денегъ. Надобно было на что нибудь рѣшиться. Григорій Алексѣичъ крѣпко призадумался о своемъ положеніи. Онъ понималъ, что вѣчно пребывая въ сферѣ отвлеченныхъ умствованій и созерцаній, легко можно умереть съ голоду, что необходимо ему избрать какой нибудь родъ жизни, начать трудиться на какомъ нибудь поприщѣ, для пріобрѣтенія себѣ независимости и насущнаго куска хлѣба. Трудъ, одинъ только трудъ могъ спасти его! Григорью Алексѣичу, какъ и всякому русскому дворянину, предстояли на выборъ два обширныя, блестящія поприща для дѣятельности: воинское и гражданское.... Но, увы! герой мой не былъ приготовленъ ни для того, ни для другого. Пойти въ офицеры онъ не могъ, потому-что не ощущалъ въ себѣ достаточно геройскаго духа и воинскихъ наклонностей; сдѣлаться чиновникомъ не хотѣлъ, потому-что для этого нужно было прежде пріобрѣсть чинъ, а для пріобрѣтенія чина выдержать университетскій экзаменъ. Что же оставалось ему? Развѣ, въ качествѣ недоросля изъ дворянъ, заняться литературой? Это всего легче. И, въ самомъ дѣлѣ, Григорій Алексѣичъ съ удовольствіемъ остановился на этой мечтѣ, на которой, увы! останавливаются многіе молодые люди нашего времени.

Такимъ образомъ, успокоя себя, Григорій Алексѣичъ сталъ лелѣять и развивать въ себѣ эту соблазнительную мечту, продолжая жить на счетъ своего благодѣтеля. Но Иванъ Ѳедорычъ вдругъ и совершенно противъ собственнаго желанія долженъ былъ оставить Москву. Онъ получилъ письмо отъ своего управ-

Digitized by Google

ляющаго, который ссылаясь: 1) на плохіе урожаи, 2) на дорогое содержаніе обширной дворни и 3) на необходимыя и значительныя издержки, какъ-то: на поправку двухъ вѣтренныхъ и одной водяной мѣльницъ и на перестройку службъ, пришедшихъ въ крайнюю вѣтхость,—объявлялъ на отрѣзъ, что впредь денегъ вовсе высылать не можетъ.

Горько было прощаніе Ивана Ѳедорыча съ Григорьемъ Алексѣичемъ.

— Можетъ быть, мы видимся съ тобою, Gregoire, въ послѣдній разъ, говорилъ онъ, едва удерживая слезы и крѣпко сжимая его руку: — я, кажется, ужь никогда не ворочусь сюда; но участь твоя будетъ обезпечена. Не тревожься, — я отвѣчаю за это. У тебя.... у тебя еще много надеждъ впереди, ты еще многое можешь сдѣлать, а мой путь уже конченъ....

Иванъ Ѳедорычъ глубоко вздохнулъ.

— Одинокій, я долженъ погрязнуть въ деревенской глуши безъ дѣла и безъ мысли, окруженный не людьми, а медвѣдями. Дѣла мои съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разстроиваются. Меня кругомъ обманываютъ, теперь я все вижу ясно.... Я всегда мечталъ о томъ, чтобы улучшить участь моихъ крестьянъ: эта была любимая мечта моя! А между тѣмъ, они, говорятъ, раззорены — и раззорены въ глазахъ моихъ. И, я при всемъ моемъ желаніи помочь имъ, — не могу, потому-что не знаю какъ.... Вотъ гдѣ наше трагическое, Gregoire!... Вотъ гдѣ! — Воля наша всегда въ противорѣчіи съ дѣломъ. Всѣ мы пустые и ничтожные фантазёры, неспособные ни къ чему.

Иванъ Ѳедорычъ обнялъ Григорья Алексѣича и горько заплакалъ.

— Не забывай меня, пиши ко мнѣ, Gregoire! произнесъ онъ едва внятнымъ голосомъ.

Григорій Алексѣичъ также горько плакалъ.

— Пиши же ко мнѣ, повторилъ Иванъ Ѳедорычъ: — Бога ради, пиши, хоть изрѣдка, хотя по нѣскольку строчекъ пиши.... Прощай, Gregoire.... прощай.... Иванъ Ѳедорычъ бросился въ тарантасъ, лошади двинулись. Онъ въ послѣдній разъ выглянулъ изъ тарантаса, махнулъ Григорью Алексѣичу рукою и упалъ на подушки.

Долго провожалъ его глазами Григорій Алексѣичъ, долго, покуда тарантасъ совсѣмъ скрылся изъ глазъ, покуда колоколь-

Digitized by Google

чикъ совсѣмъ замеръ въ отдаленіи.... И все стихло кругомъ Григорья Алексѣича. На широкой песчаной дорогѣ, разстилавшейся передъ нимъ, не было ни души человѣческой, ни одинъ листокъ не шевелился на тощихъ деревьяхъ, окаймлявшихъ дорогу. Заря медленно замирала всѣ предметы облекались тѣнью и сумракомъ, и стало грустно, очень грустно Григорью Алексѣичу....

— Странно, подумалъ онъ, возвращаясь въ Москву: — я никогда не воображалъ, чтобы мнѣ было такъ тяжело и больно разставаться съ нимъ!

Въ первый разъ Григорій Алексѣичъ долженъ былъ завестись собственнымъ хозяйствомъ. Половину изъ занятой на дорогу суммы, Иванъ Ѳедорычъ оставилъ ему на его издержки и, кромѣ того, обѣщалъ при первой возможности выслать ему изъ деревни еще денегъ. Григорій Алексѣичъ не надѣялся, однако, на будущія блага. Съ похвальнымъ благоразуміемъ разсуждалъ онъ, какъ ему необходимо стараться всячески умѣрить свои расходы и не дозволять себѣ ни малѣйшей прихоти. Онъ полагалъ даже, что самыя лишенія, какъ побѣда надъ самимъ собою, будутъ ему пріятны. Но денегъ, оставленныхъ ему благодѣтелемъ его, съ присоединеніемъ небольшой суммы, присланной ему отъ матери, которыми, по его разсчету, можно было прожить, по крайней мѣрѣ, мѣсяцевъ пять, къ удивленію его самого, едва достало ему на два мѣсяца, и между тѣмъ, Григорій Алексѣичъ точно не былъ мотомъ: онъ вовсе не имѣлъ отчаянной удали тѣхъ русскихъ людей, которые, заломя шапку на бекрень, живутъ себѣ припѣваючи, на *авось*, и ставятъ послѣдній грошъ ребромъ, никогда ужь потомъ не жалѣя о немъ. Григорій Алексѣичъ былъ скупъ по натурѣ и расточителенъ по слабости воли. Малѣйшая борьба съ самимъ собою приводила его въ отчаяніе. Соблазнясь какою нибудь дорогою и совсѣмъ ненужною для него вещію и пріобрѣтя ее (а это случалось съ нимъ безпрестанно), онъ внутренно бранилъ себя и терзался раскаяніемъ. И эта вещь, за минуту соблазнившая его, дѣлалась ему до того противной, что онъ тотчасъ же готовъ былъ отдать ее за полцѣны. Начиная сознавать собственное безсиліе, онъ, въ тоже время, всѣми мѣрами старался оправдывать себя предъ самимъ собою и складывать вину на другихъ....

— Я бы не страдалъ теперь такъ, какъ я страдаю, часто

Digitized by Google

говаривалъ онъ : — если бы мнѣ дано было надлежащее воспитаніе; но вмѣсто того, чтобы развивать, укрѣплять во мнѣ волю, — ее методически обезсиливали, — и этимъ я обязанъ моему *благодѣтелю*.... Признаюсь, мнѣ есть таки чѣмъ помянуть его!

Здѣсь нельзя не замѣтить, что Григорій Алексѣичъ относился такъ желчно о своемъ благодѣтелѣ большею частію въ такія минуты, когда у него не оставалось ни гроша въ карманѣ, изъ денегъ, занятыхъ имъ у пріятелей, и когда онъ, по неволѣ, въ надеждѣ на будущіе труды свои, долженъ былъ снова прибѣгать къ займамъ. Напротивъ, нерѣдко онъ вспоминалъ объ Иванѣ Ѳедорычѣ съ любовію и всегда тревожился, если долго не получалъ отъ него извѣстій.

Впрочемъ, независимо и отъ денежныхъ обстоятельствъ, Григорій Алексѣичъ иногда поражалъ многихъ странными переходами отъ расположенія самаго кроткаго и нѣжнаго къ необъяснимой жесткости и нетерпимости. И не одно это, — у Григорья Алексѣича были и другія кое-какія странности, происходившія, вѣроятно, отъ уединеннаго развитія его въ исключительномъ кружкѣ и совершеннаго незнанія условій общественной жизни. Онъ очень любилъ, напримѣръ, разсказывать о самомъ себѣ и съ необыкновеннымъ діалектическимъ искусствомъ объяснялъ, бывало, малѣйшія тонкости и оттѣнки собственнаго я. Такое мастерское углубленіе въ самого себя, конечно, дѣлало ему большую честь, но я полагаю, что для другихъ (по крайней мѣрѣ, я сужу по себѣ) этого рода разсказы, при всемъ ихъ искусствѣ, были нѣсколько скучноваты.

За то, когда, бывало, Григорій Алексѣичъ заговоритъ о любви, о женщинѣ вообще или такъ о какой нибудь женщинѣ въ особенности, его можно было заслушаться. Казалось, ему была доступна вся сокровенная сердечность женщины. весь внутренній міръ ея. Гдѣ и когда могъ онъ такъ превосходно изучить женщину? я терялся въ догадкахъ; ибо мнѣ достовѣрно было извѣстно, что въ описываемую мною эпоху, кромѣ двухъ московскихъ гризетокъ съ Кузнецкаго Моста, Григорій Алексѣичъ не видалъ вблизи никакой женщины.

Но какъ высоко, какъ свято понималъ онъ любовь, и какъ лицо его преображалось, когда онъ говорилъ о любви!... Глядя на него и слушая его, каждый невольно могъ впередъ поручиться за полное, безпредѣльное счастіе женщины, которую из-

Digitized by Google

беретъ онъ.... Потребность любви съ каждымъ днемъ сильнѣе развивалась въ немъ (Григорью Алексѣичу было уже 25 лѣтъ), но *она*, будущая героиня его романа, — жила еще только въ его страстной фантазіи. Она еще, воздушная и прекрасная, являлась ему покуда въ дымѣ табачнаго облака, когда онъ курилъ трубку и лежалъ на диванѣ. *Она* не походила на тѣхъ отвлеченныхъ и призрачныхъ романтическихъ дѣвъ, которыхъ воспѣваютъ двадцатилѣтніе поэты. Совсѣмъ нѣтъ: она блистала здоровьемъ и красотою, и все, что когда либо создавало высокаго искусство, — все совмѣщалось въ ней: и античное совершенство формъ, и возвышенный умъ, и глубокое чувство. Въ звукахъ ея голоса было что-то успокоивающее и примиряющее душу. Этими чудными звуками открывала она Григорію Алексѣичу тѣ святыя тайны бытія, для которыхъ нѣтъ словъ ни на одномъ языкѣ человѣческомъ. Иногда казалось ему, что онъ счастливецъ, уже владѣетъ ею, что вечеромъ собрались къ нему его пріятели — и она въ простомъ, но изящномъ уборѣ за круглымъ столомъ сама разливаетъ имъ цвѣточный чай.... Душистый паръ отъ этого чая разстилается по комнатѣ, въ серебряной корзинѣ лежатъ сухари и бріоши, огонекъ сверкаетъ въ каминѣ и разговоръ не умолкаетъ ни на минуту. Она своимъ присутствіемъ одушевляетъ всѣхъ и все и, съ необыкновеннымъ женскимъ тактомъ и проницательностію, разрѣшаетъ самые трудные вопросы. Пріятели дивятся ея многостороннему уму, ея обширнымъ познаніямъ, ея всепокоряющей граціи, а у Григорья Алексѣича захватываетъ духъ отъ полноты блаженства. Романтикамъ такая картина показалась бы пошлой, прозаической; но герой мой, какъ уже извѣстно читателю, находился въ періодѣ примиренія съ дѣйствительностію, смотрѣлъ на жизнь ясно и просто и отвергалъ съ негодованіемъ всякія романтическія бредни.

Но дѣйствительность, не смотря на его примиреніе съ нею, поступала съ нимъ жестоко. Болѣе года не получая ни денегъ, ни писемъ отъ Ивана Ѳедорыча и кое какъ пробиваясь одними займами, Григорій Алексѣичъ дошелъ, наконецъ, до послѣдней крайности. Онъ продалъ всю свою движимость и переѣхалъ къ одному своему знакомому, который тяжкими трудами добывалъ себѣ кусокъ насущнаго хлѣба и на котораго Григорій Алексѣичъ и всѣ его пріятели смотрѣли, какъ на ограниченнаго и

Digitized by Google

жалкаго труженика. Письмо, полученное Григорьемъ Алексѣичемъ отъ матери, объяснило ему, наконецъ, непонятное молчаніе Ивана Ѳедорыча. Матушка увѣдомляла его, между прочимъ, что благодѣтель его сочетался законнымъ бракомъ съ вдовою Маѳою Ильиничной Бутетеневой и что всѣ въ околодкѣ у нихъ не могутъ надивиться этому браку, ибо де Маѳа Ильинишна старше его семью годами и къ тому же подвержена нервному разслабленію.

Прочитавъ эти строки, Григорій Алексѣичъ иронически улыбнулся.

— Такъ и должно было ожидать! подумалъ онъ: — эти романтики, эти пустые идеалисты, обыкновенно, мечтаютъ о Миньонахъ и Теклахъ, о возвышенной любви и свободѣ, а кончаютъ тѣмъ, что вступаютъ въ законное сожительство съ Маѳами Ильиничнами, которыя потомъ колотятъ ихъ и передъ которыми они пикнуть не смѣютъ.

Извѣстіе объ Иванѣ Ѳедорычѣ было совершенно вѣрно.

Иванъ Ѳедорычъ, убѣгая отъ одуряющей тоски и бездѣйствія, самъ не вѣдая какъ, очутился въ объятіяхъ вдовы-помѣщицы Бутетеневой и сочетался съ нею бракомъ. Маѳа Ильинична не замедлила обнаружить удивительную распорядительность въ хозяйственныхъ дѣлахъ, соединенную съ необыкновенною твердостію характера и силою воли, не смотря на нервное разстройство. Еще до окончанія медоваго мѣсяца, управляющій Ивана Ѳедорыча, какъ носились слухи, былъ выгнанъ ею, и она торжественно приняла въ свои руки бразды правленія. Послѣ этого Григорій Алексѣичъ уже не получалъ никакихъ вѣстей о своемъ благодѣтелѣ, и дальнѣйшая исторія жизни Ивана Ѳедорыча остается для насъ покрытою мракомъ неизвѣстности.

Надежды Григорія Алексѣича на денежную помощь въ настоящемъ и на обѣщанное ему обезпеченіе въ будущемъ окончательно рушились. Тяжкая мысль, что онъ не можетъ опредѣлить своего существованія и, безпрестанно толкуя о дѣлѣ, ничего не дѣлаетъ, а все продолжаетъ жить на чужой счетъ, страшно давила его. Отъ матери своей онъ ничего не получалъ кромѣ благословеній да мѣшковъ съ орѣхами и съ сушоной малиной. Бѣдная старуха сама едва поддерживала свое существованіе. Григорій Алексѣичъ совсѣмъ было упалъ духомъ, но,

Digitized by Google

къ счастію его, въ эту минуту, какому-то петербургскому журнальному антрепренёру понадобился сотрудникъ. Какъ ни жалки были условія, предложенныя антрепренёромъ, Григорій Алексѣичъ долженъ былъ согласиться на нихъ и отправиться въ Петербургъ, чтобы не умереть съ голода.

Въ Петербургѣ, на одномъ литературномъ вечерѣ.... Вы, можетъ быть, не имѣете понятія о петербургскихъ литературныхъ вечерахъ, мой читатель? Эти вечера.... но нѣтъ, лучше я ни слова не скажу вамъ объ нихъ.... для чего выносить соръ изъ избы?... Дѣло въ томъ, что на одномъ изъ такихъ вечеровъ, Григорій Алексѣичъ познакомился съ Сергѣемъ Александрычемъ, который только-что выступалъ тогда на литературное поприще съ отрывкомъ изъ драмы.

Сначала, въ обществѣ его Григорій Алексѣичъ чувствовалъ неловкость и тяжесть, ничѣмъ непобѣдимую. Онъ въ первый разъ имѣлъ честь сойтись лицомъ къ лицу съ человѣкомъ свѣтскимъ. И я долженъ признаться, что герой мой совершенно оробѣлъ передъ великолѣпною аристократическою обстановкою Сергѣя Александрыча. Но самолюбію его, не смотря на это, было лестно знакомство съ такимъ богатымъ и свѣтскимъ человѣкомъ, хотя Григорій Алексѣичъ стыдился въ этомъ признаться не только другимъ, и самому себѣ.... Что дѣлать? Мы всѣ въ жизни, можетъ быть, не исключая и васъ, благоразумный и нравственный читатель, преклоняемся передъ блескомъ богатства. хотя въ теоріи, по видимому, совершенно пренебрегаемъ имъ и цѣнимъ только внутреннія достоинства человѣка.... Мы всѣ, кажется, немножко заражены лицемѣріемъ и фразёрствомъ, мой добрый читатель!...

Григорій Алексѣичъ въ Петербургѣ, какъ и въ Москвѣ, фантазировалъ о любви, о славѣ, о человѣчествѣ, громилъ романтизмъ въ своихъ журнальныхъ статейкахъ и безпрестанно жаловался на безденежье. Онъ никакъ не могъ соразмѣрить свои расходы съ приходами. Къ тому же, журнальный антрепренёръ платилъ ему заработанную плату не совсѣмъ аккуратно, и Григорій Алексѣичъ въ Петербургѣ, какъ и въ Москвѣ, принужденъ былъ занимать по мелочи у всѣхъ знакомыхъ. Однажды онъ рѣшился занять даже у Сергѣя Александрыча. Впрочемъ, къ чести моего героя, я долженъ сказать, что ему не легко было занимать.... Долги страшно терзали его, а между тѣмъ, ни

Digitized by Google

любви, ни славы! жизнь, нестерпимо однообразная, и ежедневныя записки антрепренёра: «Да что же статейка? не лѣнитесь, почтеннѣйшій, Бога ради; пишите поскорѣй. За вами стало дѣло въ типографіи» и прочее.... Писать, когда ничего нейдетъ въ голову, писать, по заказу антрепренёра, когда тоска грызетъ и давитъ, когда нѣтъ ни мысли въ головѣ, ни гроша въ карманѣ! — Литература, наконецъ, опротивѣла Григорью Алексѣичу. Но въ это время неожиданное обстоятельство вывело его изъ этого мучительнаго положенія. Матушка его скончалась. Онъ продалъ доставшееся ему имѣньице своей старшей сестрѣ, выручилъ за него тысячъ двадцать пять, — и уѣхалъ за границу на одномъ пароходѣ съ Сергѣемъ Александрычемъ.

За границей Сергѣй Александрычъ сталъ гораздо ручнѣе, сбросилъ съ себя свѣтское петербургское величіе и велъ себя очень мило и просто. Григорью Алексѣичу легко было сойтись съ нимъ, и не смотря на то, что образъ мыслей ихъ былъ не совсѣмъ одинаковъ, они скоро до того сдѣлались необходимы другъ другу, что почти все время пропутешествовали неразлучно. Сергѣю Александрычу нужно было въ дорогѣ развлеченіе: одному ѣздить скучно. Онъ радъ былъ, что нашелъ въ Григорьѣ Алексѣичѣ живого и умнаго собѣсѣдника; Григорій Алексѣичъ, съ своей стороны, былъ чрезвычайно доволенъ проѣхаться по чужимъ землямъ съ такою роскошью и съ такимъ удобствомъ, о которомъ ему и во снѣ не грезилось.

Три года странствованія прошли для Григорья Алексѣича незамѣтно и быстро. Все въ Европѣ въ высшей степени интересовало его, и горячо сочувствовалъ онъ всѣмъ великимъ современнымъ вопросамъ, среди бурной и разнообразной парижской жизни. Кафе и театры, университетъ и цирки, публичные суды, балы и гулянья, профессора и *лоретки*.... все приводило его въ восторгъ, въ особенности, *лоретки*. Безъ волненія Григорій Акексѣичъ не могъ смотрѣть на соблазнительныя парижскія ножки. Онъ влюблялся на каждомъ шагу — и влюблялся безотчетно, на одну минуту. Мысль о той святой и высокой любви, о которой онъ такъ прекрасно грезилъ въ отечествѣ, — въ Парижѣ ни разу не приходила ему въ голову. Тамъ, въ шумѣ непрерывной, вѣчной дѣятельности, ему некогда было предаваться праздными мечтаніямъ, и *она* — идеалъ души его, эта чудная дѣва, долженствовавшая открыть ему тайны бытія, ни

Digitized by Google

разу не являлась ему въ дымѣ табачнаго облака... можетъ быть, потому, что онъ большею частію курилъ на улицахъ.

И только на возвратномъ пути, приближаясь къ отечественной границѣ, Григорій Алексѣичъ началъ немного приходить въ себя и задумываться. Изъ двадцати пяти тысячъ его единственнаго достоянія осталось у него тысячъ девять, не болѣе. Жить процентами съ этого капитала не было никакой возможности, надобно было опять приниматься за журнальную работу, но уже Григорій Алексѣичъ безъ досады и горькаго смѣха не могъ вспомнить о своихъ литературныхъ статьяхъ, которыя казались ему нѣкогда образцами глубокомыслія. Онъ недоумѣвалъ, что ему предпринять и какимъ образомъ и на какомъ поприщѣ, съ его идеями и направленіемъ, сдѣлаться полезнымъ отечеству и самому себѣ. Эта трудная задача приводила его въ отчаяніе — и потому, онъ всячески старался отогнать отъ себя мысль о будущемъ. Но Сергѣй Александрычъ, располагавшій прямо изъ за границы отправиться на лѣто къ себѣ въ деревню, сталъ убѣдительно звать его съ собою.

Сергѣю Александрычу необходимо было въ нѣдрахъ патріархальной русской жизни отдохнуть отъ путевыхъ впечатлѣній, окончить свое сочиненіе: «Объ отношеніяхъ Россіи къ западной Европѣ», о которомъ онъ постоянно твердилъ шесть лѣтъ сряду, и, главное, поправить свои нѣсколько разстроенныя финансы....

Любезное предложеніе Сергѣя Александрыча было очень скоро и охотно принято моимъ героемъ, потому-что оно избавляло его, по крайней мѣрѣ на время, отъ тяжкаго труда заботиться объ устройствѣ собственной участи.

Такимъ-то образомъ, оба пріятеля очутились въ селѣ Благовѣщенскомъ, Брюхатовѣ тожь, — куда и намъ давно пора послѣдовать за ними....

ГЛАВА V.

Прибытіе ихъ, какъ и ожидать слѣдовало, привело въ страшное волненіе всѣхъ брюхатовскихъ обывателей вообще и Агафью Васильевну въ особенности. На широкомъ и кругломъ лицѣ ея выступили мгновенно багровыя пятна, трехъ-ярусный подборо-

Digitized by Google

докъ ея затрепеталъ и заколыхался, и лѣвый глазъ безъ бѣльма засверкалъ дико. Съ громомъ отворила она дверь въ кабинетъ своего супруга. Ардальонъ Игнатьичъ почивалъ сладкимъ сномъ, съ легкимъ носовымъ прихрапываніемъ и присвистомъ. Агафья Васильевна толкнула его въ бокъ... Ардальонъ Игнатьичъ во снѣ повернулся на другой... Агафья Васильевна толкнула его и въ другой бокъ, только ужь по сильнѣе. Ардальонъ Игнатьичъ зѣвнулъ, потянулся и пробормоталъ сквозь сонъ: — Ахъ, если бы теперь, душенька, стаканчикъ брусничной воды выпить! И зашевелилъ губами и языкомъ, какъ человѣкъ, у котораго совсѣмъ во рту пересохло отъ долгаго сна.

— Вставайте же! вскрикнула, задыхаясь, Агафья Васильевна, выведенная изъ терпѣнія, и изо всей силы расталкивая супруга: — проснитесь, опомнитесь... скорѣе, скорѣе...

Ардальонъ Игнатьичъ, испуганный, вскочилъ съ дивана, протирая глаза.

— Что такое, матушка? не пожаръ ли? произнесъ онъ скороговоркою.

Агафья Васильевна горько улыбнулась, обозрѣвъ супруга съ ногъ до головы.

— Вы скоро совсѣмъ, кажется, одурѣете отъ сна. Что жь вы очнулись, наконецъ, можете вы понимать то, что вамъ будутъ говорить, или вы все еще спите?..

— А что такое случилось?

— Что случилось? Вы ничего не знаете и знать не хотите! Безъ меня вы пропали бы; я за васъ должна входить во все: расправляться съ людьми, смотрѣть за всѣмъ хозяйствомъ, ѣздить въ поля, бѣгать въ анбары, терпѣть оскорбленіе отъ какого нибудь подлеца Брыкалова, — и вы хоть бы разъ вступились за беззащитную женщину, за вашу жену!.. Ну, да ужь моихъ силъ не стаетъ, — я скоро все брошу, это я вамъ говорю въ послѣдній разъ... Впрочемъ, теперь не въ этомъ дѣло... Знаете ли вы, напримѣръ, *кто* пріѣхалъ сюда?

— Къ намъ, что ли?

— Не безпокойтесь, не къ намъ. Кто станетъ ѣздить къ намъ? Вы не умѣли заслужить ни чьей любви, ни чьего уваженія. Васъ никто, ни посторонніе, ни родные въ грошъ не ставятъ, — вы...

Digitized by Google

— Да кто же это пріѣхалъ и къ кому? перебилъ смущенный супругъ робкимъ голосомъ и въ недоумѣніи почесывая свою лысину.

Вашъ родной племянникъ Сергѣй Александрычъ... Слышите ли вы? *Сергѣй Александрычъ!* Онъ изволилъ прокатить сейчасъ мимо нашего дома и не удостоилъ даже взглянуть на наши окна. Теперь онъ у вашей милой и добродѣтельной сестрицы, у Олимпіады Игнатьевны... Видно эта притворщица чѣмъ нибудь особенно умѣла заслужить его любовь и уваженіе, — замѣтьте, онъ къ ней къ первой является съ визитомъ... Впрочемъ, и не мудрено... У нея въ домѣ есть недурная приманка для молодыхъ людей. Вѣдь Наташа дѣвочка, право, смазливенькая, и къ тому же, такъ хорошо умѣетъ дѣлать глазки... Что за бѣда, что двоюродный братецъ? И двоюродному братцу можно дѣлать глазки. Почему жь? нынче все позволено. Двоюродные братья вѣдь женятся же у Нѣмцовъ на двоюродныхъ сестрахъ, а въ Парижѣ, чай, ужь и на родныхъ сестрахъ давно женятся. Онъ вѣдь прямёхонько изъ Парижа... Вотъ, я думаю, вывезъ оттуда нравственность-то! О, Господи Боже мой, до чего мы дожили!.. (при этомъ Агафья Васильевна испустила глубокій вздохъ.) Только слушайте, я заранѣе объявляю вамъ, Ардальонъ Игнатьичъ, если между вашимъ племянничкомъ и племянницей заведутся какія нибудь шашни, въ чемъ я почти и не сомнѣваюсь,—я пяти минутъ не остаюсь здѣсь. У меня три дочери-невѣсты, дѣвушки нравственно-воспитанныя, съ благородными наклонностями и чувствами. Я не потерплю никакого скандала, я, въ случаѣ крайности, сама все лично объясню губернатору и буду просить его защиты.

Ардальонъ Игнатьичъ не отличался большою понятливостью и соображеніемъ, особенно послѣ сна. Притомъ же, Агафья Васильевна такъ много наговорила ему, что онъ рѣшительно сталъ въ тупикъ. «Да что же, однако, тутъ объяснять губернатору-то? подумалъ онъ, потирая лобъ.

— Что жь вы молчите? продолжала Агафья Васильевна.

— Я... ничего, отвѣчалъ Ардальонъ Игнатьичъ.

— Такъ васъ нисколько не трогаетъ, что вашъ родной племянникъ пренебрегаетъ вами, знать васъ не хочетъ?

— Отчего же онъ знать меня не хочетъ? спросилъ удивленный Ардальонъ Игнатьичъ. — Почему же вы это знаете?

Digitized by Google

— Чтобы понять это, кажется, не нужно много ума: вы теперь старшій въ ихъ родѣ,— слѣдовательно, къ вамъ онъ долженъ питать особое уваженіе, долженъ почитать васъ вмѣсто отца, а онъ преспокойно проѣзжаетъ мимо вашего дома, какъ мимо дома посторонняго человѣка. Это явно показываетъ, что онъ и не заботится о вашемъ существованіи..

— Да онъ еще, вѣрно, будетъ у насъ.

— Вы жалкій человѣкъ! Вы человѣкъ безъ всякой амбиціи!.. вскрикнула Агафья Васильевна, всплеснувъ руками. — Вамъ ничего въ голову не вобьешь. Не уже ли вы не понимаете, что онъ къ вамъ къ первому долженъ бы былъ пріѣхать? Коли вы сносите спокойно отъ всѣхъ афронты, — такъ я не могу и не хочу сносить ихъ! Я ужь и безъ того слишкомъ много терпѣла отъ вашихъ родныхъ.

Произнеся это, Агафья Васильевна вышла изъ кабинета своего супруга, съ гнѣвомъ захлопнувъ дверь за собою. Ардальонъ Игнатьичъ раза два въ безпокойствѣ прошелся по комнатѣ, заложивъ руки назадъ, и потомъ опустился въ кресла, сказавъ самому себѣ:

— А вѣдь точно жена права: ему бы должно было мнѣ первому сдѣлать визитъ, — я старшій въ родѣ.

Между тѣмъ, какъ Агафья Васильевна вела разговоръ съ своимъ супругомъ, ея наперсница Стешка, весьма краснощокая и здоровая дѣвка, прибѣжавшая на дворъ къ Олимпіадѣ Игнатьевнѣ, чтобы собрать по-подробнѣе свѣдѣнія о пріѣзжихъ, разговаривала съ Петровичемъ.

Петровичъ былъ плѣненъ красотами Стешки. Онъ безпощадно преслѣдовалъ ее своими нѣжностями и любезностями, не смотря на то, что Олимпіада Игнатьевна строжайше запретила дворнѣ своей имѣть какое бы то ни было сообщеніе съ дворнею Агафьи Васильевны.

— Ангелочекъ вы мой, Степанида Купреяновна! говорилъ Петровичъ Стешкѣ, заигрывая съ нею: — экъ вы измокли какъ, ей-богу! Какъ же вы, этакая совершенная багиня, совсѣмъ не щадите, можно сказать, свою прелесь, — и въ этакую слякоть изволите прохаживаться.

Петровичъ былъ человѣкъ начитанный, зналъ много стиховъ наизусть и не любилъ выражаться просто.

Digitized by Google

— Что вздоръ-то калякать, Кузьма Петровичъ, возразила Стешка, будто нехотя вырываясь изъ его объятій: — полноте, лучше разскажите что нибудь о вашихъ гостяхъ. Кто это другой баринъ-то, который вмѣстѣ съ Сергѣемъ Александрычемъ пріѣхалъ къ вамъ?

Петровичъ подробно и съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ принялся описывать Григорья Алексѣича.

— Да развѣ они извѣстны были вамъ прежде? спросила Стешка.

— Еще бы! воскликнулъ Петровичъ съ гордостію: — вѣдь они наши московскіе, я еще и стригъ и завивалъ ихъ всегда, — ужь кромѣ меня никому, знаете, не позволялъ дотронуться до волоска, такой былъ, ей-богу. И ужь, знаете, показать себя тоись это его дѣло. За одну завивку, бывало, синенькую броситъ; синенькія у него ни почемъ были. Вотъ это баринъ, такъ баринъ, — это не то, что здѣшніе, съ позволенія сказать, шиматоны. Ужь такъ финтитъ, бывало, что и Господи! Лошади — не лошади, сбруя — не сбруя. Первѣйшій модникъ считался у насъ въ Москвѣ, ужь противъ него никого, я вамъ скажу, не было! Выѣдетъ, бывало, канальство, этакимъ, знаете, важнѣющимъ побѣдителемъ, — съ этакою осанкою, такъ вотъ всѣхъ въ лоскъ и положитъ, просто помраченіе.

— Такъ они, стало быть, очень богаты? спросила Стешка.

— А вотъ, я вамъ скажу, какъ: бывало вынетъ этакую пачку серенькихъ, — смотрѣть страсти, да и говоритъ: — что, Петровичъ, довольно денегъ? а?... а я ему и говорю, смѣючись, что, батюшка, ужь не показывайте лучше, глазъ видитъ да зубъ нейметъ, а онъ говоритъ: — ну, хочешь, говоритъ, сожгу двухсотенную при тебѣ.... ей-богу. Вотъ вѣдь какого полета птичка-то съ!

Стешка съ большимъ любопытствомъ слушала разсказы Петровича, изрѣдка прерывая ихъ восклицаніями, въ родѣ слѣдующихъ:

— Ахъ, ты, Господи, Боже мой! Ишь ты какой, подумайте! Да неужто это въ запрaвду?...

И въ тотъ же вечеръ все слышанное ею отъ Петровича передала, какъ водится, барынѣ.

На другой день Сергѣй Александрычъ явился къ своему дядюшкѣ. Къ совершенному изумленію добраго Ардальона Иг-

Digitized by Google

натьича, Агафья Васильевна, не смотря на рѣзкій отзывъ свой объ Сергѣѣ Александрычѣ, приняла его съ необыкновенною почестью и угощала на славу. Домашнимъ вареньямъ, соленьямъ, настойкамъ, наливкамъ и водянкамъ не было конца. Старшая изъ дочерей Агафьи Васильевны, Любаша, по ея приказанію, послѣ завтрака пропѣла передъ братцомъ какой-то русскій романсъ, а двѣ меньшія — Икочка и Зиночка, протанцовали какой-то танецъ съ шалью. Затѣмъ принесены были два ковра домашней фабрики и разосланы въ гостиной. Одинъ изъ этихъ ковровъ Агафья Васильевна поднесла въ даръ Сергѣю Александрычу и замѣтила со слезами, что она никого еще изъ родственниковъ своихъ не любила и не уважала такъ, какъ его, потому-что ей очень извѣстны прекрасныя и рѣдкія качества души его.

Прогостивъ трое сутокъ въ селѣ Брюхатовѣ, Сергѣй Александрычъ отправился къ себѣ въ Сергіевское.

Вскорѣ за тѣмъ, по его просьбѣ, переѣхала туда и Олимпіада Игнатьевна на все лѣто и со всѣмъ семействомъ, потому-что домъ ея, пришедшій въ вѣтхость, необходимо требовалъ если не совершенной сломки, то, по крайней мѣрѣ, значительныхъ и немедленныхъ поправокъ.

Слухи о пріѣздѣ Сергѣя Александрыча быстро распространились по всей губерніи. Вся губернія всколыхалась отъ этой новости. Толки о немъ и его пріятелѣ надолго заняли всѣхъ, даже самого начальника губерніи, который, между прочимъ, очень интересовался знать: на сколько времени пріѣхалъ Сергѣй Александрычъ и любитъ ли онъ играть въ преферансъ? Всѣ родственники Сергѣя Александрыча, близкіе и дальніе, даже и такіе, которые по нѣскольку лѣтъ не выѣзжали изъ своихъ деревень, пришли въ движеніе. И допотопныя колымаги, и тарантасы различныхъ формъ и величинъ потянулись по дорогѣ къ селу Сергіевскому. Вліяніе Сергѣя Александрыча на родственниковъ производило чудеса. Къ такимъ чудесамъ относилось, между прочимъ, примиреніе Агафьи Васильевны и Ардальона Игнатьича съ Олимпіадой Игнатьевной. Глубоко-трогательна была сцена этого родственнаго примиренія.

Олимпіада Игнатьевна упала на шею къ братцу съ раздирающимъ завываніемъ и стономъ. Братецъ хлопалъ глазами и всхлипывалъ. Агафья Васильевна кричала: — охъ, умираю,

Digitized by Google

умираю, пособите, родные! и хлопнулась въ кресла.... Дочери ея бросились къ ней съ визгомъ. — Уксусу! уксусу! раздалось со всѣхъ сторонъ. Наташа стояла въ углу комнаты, не смѣя пошевельнуться, и, глядя на другихъ, также плакала.

Олимпіада Игнатьевна долго завывала безъ словъ, Ардальонъ Игнатьичъ долго молчалъ, всхлипывая и хлопая глазами. Наконецъ, Олимпіада Игнатьевна произнесла слабымъ голосомъ, съ разстановками и вздохами:

— Батюшка, братецъ, голубчикъ ты мой, ты знаешь, какъ я всегда любила тебя.... Родственныя чувства были внушаемы всѣмъ намъ съ дѣтства.... тебѣ извѣстно это.... Наше семейство особенно гордилось родственнымъ дружествомъ и любовію.... Его ставили въ примѣръ другимъ.... И я, видитъ Богъ, никогда не измѣнялась къ тебѣ, я не могла тебя разлюбить, не смотря на все. Это ужь было не въ моей власти. Каждое утро и каждый вечеръ я поминала тебя въ молитвѣ.

— Сестрица, говорилъ Ардальонъ Игнатьичъ, заикаясь отъ волненія: — сестрица, я очень чувствую.... мнѣ очень больно было.... я васъ всею душою уважаю.... забудемте все, сестрица.

— Я давно отъ души все забыла, не поминай мнѣ о прошедшемъ, голубчикъ, сказала Олимпіада Игнатьевна, нѣжно цѣлуя братца: — я тебя люблю такъ, какъ, можетъ быть, тебя *никто* не любитъ.

— А! это мнѣ шпилька! подумала Агафья Васильевна, нюхая уксусъ, который старшая дочь держела у ея носа: — хорошо же, голубушка, ужь коли дѣло пошло на шпильки, такъ я тебѣ не уступлю въ этомъ!

Агафья Васильевна во время обморока не пропустила мимо ушей ни одного слова Олимпіады Игнатьевны.

Открывъ черезъ минуту послѣ этого глаза, она начала озираться кругомъ себя и спросила слабымъ голосомъ: — гдѣ я и что со мною? потомъ, найдя нужнымъ совсѣмъ прійти въ себя, привстала съ креселъ, опираясь на ручки, и посмотрѣла на Олимпіаду Игнатьевну. При этомъ, Олимпіада Игнатьевна, не смотря на горячія родственныя объясненія съ братцомъ, все время не выпускавшая изъ виду Агафьи Васильевны, — также привстала и посмотрѣла на нее. Обѣ онѣ въ одно время сдѣлали шагъ впередъ.

— Сестрица! простонала Олимпіада Игнатьевна.

Digitized by Google

— Сестрица! прошептала Агафья Васильевна съ глубокимъ вздохомъ.

Обѣ онѣ растопырили руки для объятій, приближаясь другъ къ другу, и, сойдясь, взвизгнули въ одно время.

Ардальонъ Игнатьичъ, смотря на эту картину, не выдержалъ — и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Успокоясь немного, родственницы сѣли другъ противъ друга.

— Меня давно мучили непріятности, которыя были между нами,—проговорила Агафья Васильевна уже болѣе твердымъ голосомъ и принявъ на себя видъ смиренія : — христіане, матушка, должны жить въ любви и въ мирѣ, а тѣмъ болѣе родственники Ссора наша убивала меня, Олимпіада Игнатьевна, но я о себѣ не забочусь, смерть моя никого не огорчитъ, кромѣ вотъ развѣ ихъ. (Она указала на Любашу, Икочку и Зиночку.) Я для всѣхъ чужая. Мнѣ было жаль только моего Ардальона Игнатьича ; посмотрите, какъ онъ исхудалъ и перемѣнился въ эти три года. Онъ васъ такъ любитъ.... Я знаю, что злые языки говорятъ, будто я перемутила его съ родными. Богъ съ ними, пусть себѣ говорятъ; совѣсть моя покойна. Я пренебрегаю людской молвой. *Тамъ* насъ лучше разсудятъ, Олимпіада Игнатьевна!

Агафья Васильевна подняла глаза къ потолку.

— Что ужь объ этомъ говорить? вздыхая, произнесла Олимпіада Игнатьевна : — всякія дрязги и ссоры противны душѣ моей. Всѣ эти непріятности убивали меня не менѣе другихъ. Все это до того разстроило мое здоровье, что ужь я теперь просто дышу на ладонъ.

Олимпіада Игнатьевна и Агафья Васильевна долго еще продолжали говорить въ этомъ тонѣ; но боясь слишкомъ растрогать читателя, я избавлю его отъ этихъ длинныхъ родственныхъ объясненій, которыя извѣстны всѣмъ намъ болѣе или менѣе.

Примирясь, такимъ образомъ, съ Олимпіадой Игнатьевной, Агафья Васильевна осталась на нѣсколько времени гостить въ Сергіевскомъ. Хозяинъ Сергіевскаго угощалъ и развлекалъ гостей своихъ съ удивительнымъ искусствомъ. Всѣ были очарованы его любезностію, роскошью и умѣньемъ жить. Ардальонъ Игнатьичъ все кушалъ и за каждымъ блюдомъ, во время обѣда или ужина, приговаривалъ умиленнымъ голосомъ :

Digitized by Google

— Вотъ это, признаюсь, такъ блюдцо! это само во рту таетъ. Царскій поваръ! нечего сказать, мастеръ своего дѣла; такого повара озолотить можно.

И накушавшись, тотчасъ ложился почивать и спалъ мертвымъ сномъ.

Агафья Васильевна, по видимому, была отъ всего въ восторгѣ, въ особенности же отъ Григорья Алексѣича.

— Признательно вамъ скажу, я немогу налюбоваться на вашего пріятеля, сказала она однажды Сергѣю Александрычу: —этакого милаго, этакого пріятнаго, обходительнаго, кроткаго и скромнаго молодого человѣка я еще не встрѣчала. Точно вотъ красная дѣвушка; смотрѣть на него любо.

И въ слѣдъ за тѣмъ, она устремила томный взоръ на Григорья Алексѣича, который игралъ въ это время на китайскомъ бильярдѣ съ Любашею....

Петруша вполнѣ «упивался поэзіею верховой ѣзды,» какъ онъ самъ выражался, то есть, говоря просто, ѣздилъ верхомъ на двадцатилѣтнемъ иноходцѣ, который едва передвигалъ ноги.

Наташа была гораздо бойчѣе своего братца. Она страстно любила верховую ѣзду и управляла лошадью смѣло и ловко. Кавалькады устроивались довольно часто. Всѣ были довольны и веселы. Только эти кавалькады начинали нѣсколько разстроивать Агафью Васильевну.

— Я не надивлюсь вамъ, Олимпіада Игнатьевна, говорила она: — какъ это вы позволяете дочери вашей ѣздить верхомъ. Долго ли до бѣды?.. Это ужь совсѣмъ, кажется, не женское дѣло. И какая бойкая ваша Наташа, — продолжала она, въ волненіи, смотря, какъ Григорій Алексѣичъ подсаживалъ ее на лошадь: — ничего себѣ не труситъ. Откуда она, матушка, набралась у васъ эдакой смѣлости?.. Нѣтъ, мои не таковы! Онѣ у меня всего боятся, отъ всего краснѣютъ,—такія застѣнчивыя и робкія. Я ужь ихъ частенько браню за это и всегда ставлю имъ въ примѣръ вашу Наташу.

Присутствіе Наташи явно нарушало спокойствіе духа Агафьи Васильевны. Она во все время пребыванія своего въ Сергіевскомъ постоянно язвила ее насмѣшками, преслѣдовала своими наблюденіями и употребляла всевозможныя мѣры, чтобы не допускать до нея Григорья Алексѣича.

Digitized by Google

Вечеромъ, когда послѣ гулянья всѣ собирались въ кружокъ. Агафья Васильевна непремѣнно садилась возлѣ него и заливалась соловьемъ: о испорченности нынѣшнихъ нравовъ, о дурномъ воспитаніи дѣвицъ и о тому подобномъ, замѣчала, что ея дочери воспитаны не такъ, какъ другія, и очень ловко умѣла обращать вниманіе на ихъ нравственныя и физическія достоинства. Старшая — Любаша, славилась, на примѣръ, удивительною тонкостію талін и поразительною бѣлизною тѣла, и Агафья Васильевна, разговаривая съ Григорьемъ Алексѣичемъ, всегда, подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ, подзывала Любашу къ себѣ, дѣлала ей какое нибудь замѣчаніе, и въ это время поправляла ей бантикъ на груди или кушачокъ, перетягивавшій ея талію, — или что-нибудь подобное. Материнская любовь необыкновенно хитра на такого рода выдумки!

Григорій Алексѣичъ не зналъ, куда дѣваться отъ внимательности и любезности Агафьи Васильевны. Она и вообще всѣ родственники Сергѣя Александрыча выводили его изъ терпѣнья. Онъ проклиналъ и ее, и дочерей ея, и Петрушу, который страшно надоѣдалъ ему своей поэзіей и своими глубокими и высшими взглядами. Одна только Наташа нѣсколько примиряла его со всѣмъ его окружавшимъ. Наташа сначала затронула его любопытство отсутствіемъ всякой манерности, своею безъискуственною граціею, своею живостью и свѣтлымъ, откровеннымъ выраженіемъ лица. Онъ сталъ въ нее вглядываться пристальнѣе и любоваться ея роскошными густыми волосами, ея прекрасной рукой и ея длинными, нѣсколько поднятыми вверхъ рѣсницами. Съ каждымъ днемъ открывалъ онъ въ ней новыя достоинства: какую-то поэтическую влажность въ глазахъ, какую-то особенную привлекательность въ улыбкѣ, что-то отрадное въ ея простосердечномъ, звонкомъ смѣхѣ, и такъ далѣе. «Боже мой! думалъ Григорій Алексѣичъ: — и неужели эта дѣвушка должна заглохнуть безъ любви и безъ мысли среди пошлой жизни, ее окружающей, никѣмъ не замѣченная, никѣмъ неоцѣненная? Что суждено ей: преждевременно умереть отъ чахотки, или расплыться, отупѣть и превратиться въ толстую и неуклюжую барыню?»

У Григорья Алексѣича разрывалось сердце при этихъ вопросахъ. Наташа начинала не нашутку возбуждать его участіе. «Ей необходимъ человѣкъ», думалъ онъ, «который бы понялъ ее,

Digitized by Google

который бы способствовалъ къ ея развитію, который бы пересоздалъ ее, и почему же я не могу быть этимъ человѣкомъ?»

И воображеніе Григорья Алексѣича, раздраженное этою мыслію, открывало передъ нимъ чудно-поэтическую даль. Моя деревенская барышня являлась передъ нимъ совершенно преображенною, въ несказанномъ блескѣ красоты и величія. Новый Пигмаліонъ, онъ смотрѣлъ на свою Галатею съ безконечною любовію. Она осуществляла для него тотъ идеалъ, который нѣкогда грезился ему въ дымѣ табачнаго облака... И онъ, упоенный своею фантазіею, заливался горячими и искренними слезами.

Сергѣй Александрычъ иначе не звалъ Григорья Алексѣича, какъ *милымъ мечтателемъ*. Это названіе ужасно бѣсило моего героя, и, не смотря на короткость ихъ отношеній, Григорій Алексѣичъ не допускалъ себя до откровенности съ нимъ, боясь его шуточекъ и насмѣшекъ... Григорій Алексѣичъ находилъ, что у него натура слишкомъ грубая, положительная и совершенно неспособная понимать тонкія, нѣжныя и святыя потребности возвышенныхъ душъ. И точно, Сергѣй Александрычъ въ любви былъ человѣкъ очень положительный и не имѣлъ ни малѣйшей наклонности къ идеальному. Онъ идеальничалъ только въ своихъ драматическихъ отрывкахъ и въ началѣ своего сочиненія: «Объ отношеніяхъ Россіи къ западной Европѣ». Избалованный богатствомъ и барскимъ воспитаніемъ, Сергѣй Александрычъ смотрѣлъ на всѣхъ немножко свысока, чуть не благоговѣлъ передъ собственными умомъ и талантами, старался всегда окружать себя людьми низшаго разряда, которые, оказывая ему безусловное удивленіе и поклоненіе, въ тоже время развлекали и забавляли его.

Вотъ почему, въ своемъ селѣ Сергіевскомъ, среди своихъ крестьянъ, гостей и родственниковъ, онъ чувствовалъ себя гораздо лучше, нежели въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Петербургѣ или гдѣ бы то ни было.

Родственники особенно смѣшили его, и онъ съ большимъ юморомъ передавалъ Григорью Алексѣичу свои разговоры съ ними и различные анекдоты объ нихъ.

Надъ Наташей онъ смѣялся также, какъ и надъ другими, впрочемъ, отдавалъ ей справедливость въ томъ, что она довольно ловка и граціозна на лошади, и замѣчалъ, что изъ нея, вѣро.

Digitized by Google

ятно, могло бы выйти что нибудь порядочное, если бы ей дано было хорошее воспитаніе.

Наташа... но съ ней благосклонный читатель короче познакомится въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VI.

Первые дни пребыванія своего въ Сергіевскомъ, Наташа испытала много разнообразныхъ ощущеній, какихъ еще не случалось испытывать ей. Перемѣна мѣста, новыя лица, шумъ, движеніе, къ которому она не привыкла, роскошь, о которой не имѣла понятія, — все это сильно на нее подѣйствовало. Къ тому же, Олимпіада Игнатьевна, занятая родственниками и гостями своего племянника, не имѣла времени заниматься ею — и Наташа вдругъ почувствовала себя свободною. Ей сдѣлалось легко и весело, какъ никогда не бывало, и она предалась этой свободѣ съ полнымъ увлеченіемъ. Она почти цѣлый день проводила въ саду: одна каталась въ лодкѣ на прудѣ, сама дивясь своей смѣлости, кричала въ садовомъ гротѣ и потомъ съ любопытствомъ прислушивалась къ своему эхо, — словомъ, вела себя, какъ ребенокъ, украдкой вырвавшійся на волю изъ подъ строгаго надзора няньки. Ей казалось, что на всемъ земномъ шарѣ не могло быть мѣста лучше и живописнѣе Сергіевскаго...

И въ самомъ дѣлѣ, Сергіевское очень живописно. Оно расположено на довольно гористомъ мѣстѣ, въ полуторѣ верстѣ отъ Волги, на ея луговой сторонѣ. Старинный большой двухъ-этажный каменный домъ съ бельведеромъ, окруженный флигелями и пятиглавая церковь стоятъ у самаго ската горы. Внизу передъ домомъ разстилаются поемные луга, со стогами сѣна, съ молодыми рощами и кустарникомъ, сквозь который мѣстами сверкаютъ стальныя полосы воды. Луга эти тянутся вплоть до самой Волги — и картина замыкается ея утѣсистымъ и крутымъ берегомъ, на вершинѣ котораго чуть-чуть виднѣются подвижныя точки вѣтреныхъ мѣльницъ. Весною, при разливѣ Волги, Сергіевское становится еще живописнѣе: вода, затопляя луга, доходитъ до самой подошвы горы, на которой стоятъ домъ и церковь, и на этомъ огромномъ водяномъ пространствѣ образуются мѣстами голые песчаные острова, мѣстами выходятъ изъ воды

Digitized by Google

круглыя, зеленѣющія вершины деревьевъ, или высовываются засохшія вѣтви кустарника, и мелькаютъ бѣлые паруса разшивъ и барокъ. Вправо за домомъ тянутся садъ и роща, носящая до сихъ поръ названіе звѣринца, хотя нынѣ этотъ звѣринецъ служитъ пріютомъ однимъ только робкимъ бѣлкамъ и зайцамъ. — Часть сада расположена въ старинномъ классическомъ вкусѣ, но его прямыя и длинныя липовыя аллеи, нѣкогда тщательно подстригавшіяся, теперь разрослись на волѣ, широко размѣтали свои вѣтви и мѣстами дружно сплелись, нависнувъ надъ головою густолиственнымъ зеленымъ шатромъ. Дорожки сада, въ отдаленныхъ отъ дома мѣстахъ, совсѣмъ заглохли; храмы славы и китайскіе павильоны развалились и обросли крапивой и репейникомъ; мостики, перекинутые черезъ овраги и ручьи, еле-держатся отъ гнилости; поверхность прудовъ подернулась зеленью и цвѣтами болотныхъ лилій, — но этотъ садъ сдѣлался, можетъ быть, гораздо лучше и картиннѣе въ своемъ запустѣніи. На каждомъ шагу встрѣчаются въ Сергіевскомъ остатки минувшаго великолѣпія, на которое время наложило свою разрушительную печать. Огромное опустѣвшее зданіе оранжерей; мраморныя статуи миѳологическихъ боговъ и богинь съ отбитыми носами и руками; фонтаны и каскады, давно замолкнувшіе, — все напоминаетъ здѣсь давно-минувшіе дни..., И ни одни барскіе хоромы, все крестьянское строеніе въ Сергіевскомъ много измѣнилось отъ времени. Правда, нѣкоторыя избы и доселѣ стоятъ еще, покрытыя тесомъ, на каменныхъ фундаментахъ, но онѣ совсѣмъ уже скривились и почернѣли; подзоры и рѣзьба, нѣкогда украшавшія ихъ, исчезли, да и тесъ-то на крышахъ, признаться, порастасканъ во многихъ мѣстахъ и замѣненъ соломой. И люди на селѣ стали какъ-то не тѣ: куда дѣвалось прежнее веселье, хороводы, игры и пѣсни! Старики сидятъ на завалинахъ, печально понуривъ свои какъ лунь сѣдыя головы, и все калякаютъ промежъ себя о бываломъ, о томъ, какъ льготно живали они встарь, какой Господь давалъ имъ урожай и какъ, примѣрно, на одной десятинѣ, бывало, родится столько, сколько нынче и на десяти не уродится; что на все Божеская воля и что, бывало, не безъ того, и бивали ихъ, потому-что мужика нельзя не бить, ужь мужикъ таковъ есть, за то и работа у нихъ спорилась. А молодые парни слушаютъ ихъ, почесываясь, и потомъ расходятся по домамъ, позѣвывая въ слухъ и приговаривая: — Ишь

Digitized by Google

ты, вонатко что! Вѣстимо ужь какое нынче житье, — что и баить братцы! Но не только люди, даже и скотъ, говорятъ, совсѣмъ выродился въ Сергіевскомъ. Теперь тамъ, какъ и во всѣхъ деревняхъ, тощее стадо коровъ, овецъ и барановъ бродитъ по лугамъ, лѣниво пощипывая траву и еле-передвигая ноги, подгоняемое длинной хворостиной оборваннаго пастуха, который нескончаемо тянетъ свою нестерпимо-однообразную пѣсню...

Героиня моя съ дѣтства свыклась съ печальными картинами бѣдной деревенской жизни, и Сергіевское, не смотря на видимый упадокъ и разрушеніе, все таки должно было поражать ее своимъ богатствомъ. Но не богатство Сергіевскаго, ей нравилось его мѣстоположеніе: этотъ полу-заглохшій садъ, эта чудно разросшаяся роща, съ ея живописными тропинками и оврагами, съ ея роскошною растительностію, съ ея вѣковыми дубами, — эти горы, такъ хорошо освѣщенныя солнцемъ, эти необозримые луга, съ ихъ душистыми стогами, и синѣющаяся вдали Волга. — Природа всегда имѣла на нее сильное вліяніе, и потому она не чувствовала ни малѣйшей привязанности къ мѣсту своего рожденія, — къ плоскому и болотистому селу Брюхатову, гдѣ ничего не было передъ глазами, кромѣ избъ, вросшихъ въ землю, да кучь сгнившей соломы.

Григорій Алексѣичъ также, какъ извѣстно благосклонному читателю, любилъ предаваться созерцаніямъ природы, и часто сопутствовалъ Наташѣ въ ея прогулкахъ, особенно послѣ отъѣзда Агафьи Васильевны.

Надобно замѣтить, что Агафья Васильевна отправилась восвояси не совсѣмъ въ пріятномъ расположеніи духа. Выѣхавъ за околицу села Сергіевскаго, она завела съ своею Любашею весьма горячій разговоръ, который былъ заключенъ слѣдующею энергическою рѣчью:

«Я, сударыня, знать этого ничего не хочу... Что ты думаешь, что женихи вотъ такъ сами, безъ всякой приманки, и побѣгутъ къ тебѣ, какъ же! дожидайся! Ты никого не умѣешь заинтересовать собой, никого... это правда, что за мной въ твои лѣта мужчины стадами бѣгали, ну, да это потому, что я умѣла привлечь ихъ къ себѣ! Впрочемъ, ужь какъ ты тамъ хочешь, а нынѣшній годъ должна будешь сыскать себѣ жениха. Я тебѣ не позволю вѣкъ въ дѣвкахъ сидѣть и торчать передъ моими глаза-

Digitized by Google

ми... Вонъ, посмотри на Наташу, — это правда, что ужь въ ней никакого пути нѣтъ и самая гадкая нравственность, — да за то, матушка, глазками да ласками возьметъ свое и, къ стыду моему, прежде тебя выйдетъ замужъ... Видѣла ли ты, что къ ней и Сергѣй Александрычъ и Григорій Алексѣичъ такъ и льнутъ, а ты, между тѣмъ, какъ дура, все время сидѣла оплеванная...»

Агафья Васильевна была несправедлива къ Наташѣ. Наташа никогда не употребляла никакихъ стараній привлекать къ себѣ и вовсе не умѣла ласкаться и дѣлать глазки. Съ Сергѣемъ Александрычемъ обращалась она какъ съ родственникомъ, очень свободно и просто. Не любить братца ей казалось невозможнымъ, потому-что съ самой колыбели ежедневно все толковали ей о родственной любви, и она, совсѣмъ еще не зная Сергѣя Александрыча, поставляла уже себѣ за долгъ любить его. Въ Наташѣ не было ни тѣни кокетства, и присутствіе новаго незнакомаго ей лица производило на нее всегда тяжелое впечатлѣніе. Съ Григорьемъ Алексѣичемъ первые дни обращалась она совершенно какъ степная деревенская барышня: едва отвѣчала на его вопросы и то не глядя ему въ лицо.

Но робость, которую она ощущала въ присутствіи Григорья Алексѣича, была побѣждена въ ней скоро его тихимъ, льющимся въ душу голосомъ, его мягкимъ и задумчивымъ выраженіемъ лица и его кроткимъ постоянно-грустнымъ взглядомъ. Въ звукахъ этого голоса моей героинѣ, начитавшейся романовъ слышалось какъ будто *что-то родное, что-то давно знакомое*. Этотъ взглядъ невольно пробуждалъ въ ней любопытство и участіе къ нему. «Какъ онъ грустенъ!» думала она. «Онъ, вѣрно, испыталъ много несчастій, онъ вѣрно много страдалъ. Отъ того онъ такъ худъ и блѣденъ!» И добрая Наташа, при этой мысли, готова была заплакать, — до того ей стало жаль Григорья Алексѣича. Онъ казался ей достойнымъ занять мѣсто героя въ лучшемъ романѣ. Она сравнивала его съ братцомъ, и Григорій Алексѣичъ еще болѣе выигрывалъ въ глазахъ ея отъ этого сравненія. Наташа начинала чувствовать къ нему несравненно бо́льшую симпатію, чѣмъ къ Сергѣю Александрычу, и сама не понимала, какъ это случилось. Ей даже приходила въ голову мысль: что еслибъ Григорій Алексѣичъ былъ ея братцомъ? какъ бы ей было это пріятно... какъ бы горячо она любила его!

Сергѣй Александрычъ смущалъ Наташу своимъ слишкомъ

Digitized by Google

смѣлымъ взглядомъ и ироническою улыбкою, которая не сходила съ его губъ. Онъ обо всемъ говорилъ какъ будто съ пренебреженіемъ и насмѣшкой, а извѣстно, что барышни, особенно деревенскія, очень боятся насмѣшекъ. Барышнямъ всего болѣе нравится нѣжное чувство, — а именно этого-то чувства Наташа и не находила въ Сергѣѣ Александрычѣ. Къ тому же, многое въ немъ казалось необъяснимымъ ей. Онъ никогда и ни о чемъ не говорилъ съ ней серьёзно, — что немного оскорбляло ея самолюбіе, часто какъ-то странно посматривалъ на нее, и въ то же время пожималъ ей руку съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ. Это пожиманье руки всегда почему-то производило непріятное впечатлѣніе на Наташу и заставляло ее краснѣть, не смотря на то, что Сергѣй Александрычъ былъ ея родственникъ и имѣлъ, кажется, въ слѣдствіе этого, полное право жать ей руку, сколько ему угодно. Наташа никакъ, разумѣется, не подозрѣвала, что она сама подала невольный поводъ братцу къ этимъ страннымъ пожатіямъ и взглядамъ. Дѣло въ томъ, что Сергѣй Александрычъ былъ вообще не слишкомъ высокаго мнѣнія о женской добродѣтели и имѣлъ слабость (можетъ быть, очень простительную) думать, что никакая женщина не въ состояніи устоять противъ его физическихъ и нравственныхъ достоинствъ. Эта мысль сильно укоренилась въ немъ, — и онъ былъ даже отъ души убѣжденъ въ томъ, что и *лоретка*, съ которою онъ жилъ въ Парижѣ, чувствовала привязанность собственно къ нему, а не къ его деньгамъ.

Читатель, можетъ быть, не забылъ о его встрѣчѣ съ Наташею въ коридорѣ и вопросы ея о браслетѣ въ первый день пріѣзда его къ тетушкѣ? И вотъ эта-то встрѣча, совершенно случайная, и простодушные вопросы Наташи, истолкованные имъ не совсѣмъ по родственному, подали ему поводъ слегка приволакиваться за нею, впрочемъ, вѣроятно, безъ всякой цѣли, а такъ болѣе для развлеченія... Но здѣсь я беру на себя смѣлость, въ качествѣ писателя нравственныхъ повѣстей, посовѣтовать всѣмъ маменькамъ вообще и деревенскимъ въ особенности по-строже присматривать за дочками и не позволять имъ слишкомъ короткаго обращенія съ двоюродными братцами. Въ настоящее время, — увы! это горькая истина — ни на кого нельзя полагаться. Въ этомъ случаѣ, я вполнѣ раздѣляю недовѣрчивость Агафьи Васильевны къ нашему вѣку.

Digitized by Google

Къ счастію, чистота и невинность всѣхъ помысловъ моей героини, а главное (къ чему скрывать это отъ проницательнаго читателя?) любовь, которая начинала пробуждаться въ ней къ Григорью Алексѣичу, ставила ее совершенно внѣ всякой опасности въ отношеніи къ Сергѣю Александрычу. Сближеніе Наташи съ Григорьемъ Алексѣичемъ дѣлалось быстро. Григорій Алексѣичъ былъ необыкновенно внимателенъ къ ней. Онъ выбиралъ ей книги для чтенія, иногда переводилъ для нея самыя занимательныя страницы, объяснялъ ей темныя и непонятныя для нея мѣста и самъ читалъ ей по вечерамъ Руссо, подъ вліяніемъ котораго находился въ эту эпоху.

Олимпіада Игнатьевна, къ удовольствію Наташи, была, по видимому, очень расположена къ Григорью Алексѣичу и нисколько не думала препятствовать ни этимъ чтеніямъ, ни ея разговорамъ съ нимъ, однакоже, не выпускала ее изъ виду и наблюдала за ней, съ материнскою внимательностію. Подъ руководствомъ Григорья Алексѣича, Наташа оказала замѣчательные успѣхи во французскомъ языкѣ и скоро стала понимать французскія книги, безъ всякаго затрудненія. Взглядъ ея, что нисколько не удивительно, постоянно становился яснѣе и шире. Любовь, казалось, просвѣтляла ея мысли и облегчала ея пониманіе. Каждый день Григорій Алексѣичъ открывалъ для нея что нибудь новое. Съ каждымъ днемъ онъ незамѣтно способствовалъ развитію ея духа. Это были самыя свѣтлыя, самыя счастливыя минуты въ жизни Наташи, и въ полнотѣ этого счастія, она не замѣчала еще своего постепеннаго разъединенія съ тою средою, въ которой суждено было ей родиться, переносить молчаливо страданія и, можетъ быть, зачахнуть въ тоскѣ безотраднаго одиночества! Григорій Алексѣичъ блаженствовалъ, любуясь успѣхами своей ученицы, мечты его осуществлялись, онъ былъ въ полномъ удовлетвореніи, глядя на нее, въ самомъ дѣлѣ, воображалъ себя Пигмаліономъ.

Онъ не сомнѣвался въ томъ, что она любитъ его, и для этого, конечно, не нужно ему было имѣть большой проницательности. Наташа такъ измѣнилась въ короткое время, что даже строгій и смотрѣвшій на все съ высшей точки зрѣнія — Петруша глубокомысленно замѣтилъ однажды, «что натура ея не такая дюжинная, какъ онъ думалъ прежде, что она начинаетъ

Digitized by Google

прозрѣвать, вступаетъ въ моментъ сознанія» и что-то еще въ этомъ родѣ.

Даже и лицо Наташи (да не покажется это страннымъ читателю) принимало другой характеръ, болѣе серьёзный. Въ глазахъ ея исчезла добродушная веселость и ясность, въ нихъ зажигалась мысль и чувство, самыя движенія ея, утративъ быстроту и живость, сдѣлались плавнѣе и пластичнѣе. Присутствіе любви обнаружилось во всемъ существѣ ея. Такая перемѣна въ Наташѣ не укрылась, разумѣется, отъ наблюдательности Олимпіады Игнатьевны, и она, указывая на дочь свою Сергѣю Александрычу, говорила, вздыхая:

— Наташа-то моя, посмотрите! какъ-то она нынче совсѣмъ на себя не походитъ, — перестаетъ ребячиться, все солиднѣе дѣлается. Ну, да ужь и пора! Вотъ вѣдь скоро ей минетъ двадцать три года.... Время-то, подумаешь, какъ идетъ! Давно ли ее на рукахъ носили? Ахъ, кабы Господь услышалъ мою молитву, кабы мнѣ удалось ее пристроить за хорошаго и добраго человѣка!

Сергѣй Александрычъ улыбнулся и съ свойственной ему проніей взглянулъ на своего пріятеля.

Однажды, когда они были вдвоемъ, Сергѣй Александрычъ, лежа на диванѣ и куря сигару, вдругъ обратился къ Григорью Алексѣичу.

— А что, вѣдь ты влюбленъ въ Наташу? признайся. — И сдѣлавъ этотъ вопросъ совершенно небрежнымъ тономъ, онъ загнулъ голову назадъ и пустилъ тучу дыма въ потолокъ.

Этотъ неожиданный вопросъ засталъ Григорья Алексѣича въ расплохъ.

— Что такое? что ты сказалъ? произнесъ Григорій Алексѣичъ.

— Я говорю, что ты влюбленъ въ Наташу, продолжалъ Сергѣй Александрычъ, потягиваясь на диванѣ.

— Какой вздоръ! кто это тебѣ сказалъ? — Григорій Алексѣичъ нѣсколько принужденно засмѣялся, схватилъ со стола какую-то книгу и началъ перелистывать ее.

— Такъ ты не влюбленъ? А мнѣ такъ показалось.... Чтожь, въ Наташу можно влюбиться, право, — разумѣется, если еще чувствуешь въ себѣ способность влюбляться! И какъ-то она похорошѣла въ послѣднее время.... У нея не дурны глаза,

Digitized by Google

очень хороша рука, но главное волосы, не правда ли, — какіе удивительные волосы? Ты видѣлъ волосы у Иды..., Помнишь, бывало, когда она распуститъ косу. У нея коса доходила почти до колѣнъ.... Я когда нибудь попрошу Наташу, чтобы она распустила свою косу.... У нея волосы густы, но я не знаю, длинны ли они. Она при тебѣ никогда не распускала своихъ волосъ?

— Какой вздоръ ты говоришь....

Григорій Алексѣичъ закусилъ губу отъ досады.

— А знаешь ли, что за тебя отдадутъ Наташу съ радостію, продолжалъ Сергѣй Александрычъ тѣмъ же небрежнымъ тономъ: — и мнѣ будетъ очень пріятно имѣть такого родственника, какъ ты; (онъ зѣвнулъ) а маменька ея серьёзно уже поговариваетъ о томъ, что ее пора пристроить, и умильно поглядываетъ на тебя. Хочешь, я буду твоимъ сватомъ? За успѣхъ впередъ ручаюсь.

Григорій Алексѣичъ швырнулъ на столъ книгу, которую перелистывалъ, вскочилъ со стула и поблѣднѣлъ.

— Твои шутки совсѣмъ не остроумны, произнесъ онъ задыхаясь и сквозь зубы: — ты хочешь испытывать мое терпѣнье?

Сергѣй Александрычъ внутренно улыбнулся.

— Если тебѣ не нравится мой разговоръ, я, пожалуй, замолчу.... Но послушай.... (Сергѣй Александрычъ совершенно перемѣнилъ тонъ и привсталъ на диванѣ.) Наташа, въ самомъ дѣлѣ, дѣвушка добрая, — но знаешь ли, я думаю, что ты, — разумѣется не хотя, но дѣлаешь ей много вреда. Ты насильно вырвешь ее изъ ея сферы, обратишь ее во что нибудь въ родѣ Шарлоты Гёте или Юліи Руссо, раздражишь ея воображеніе разными поэтическими фантазіями и потомъ, съ трагическимъ ужасомъ, укажешь ей безобразіе жизни, ее окружающей, а потомъ преспокойно раскланяешься ей и уѣдешь въ Петербургъ.

— Никогда! никогда! вскрикнулъ Григорій Алексѣичъ изъ глубины души.

— Такъ стало быть ты, въ самомъ дѣлѣ, хочешь на ней жениться?

Григорій Алексѣичъ болѣзненно вздрогнулъ при этомъ вопросѣ, какъ будто кто нибудь прикоснулся до его тѣла концомъ раскаленнаго желѣза, и въ безсильномъ страданіи опустился на стулъ.

Digitized by Google

— А это странно, если ты хочешь жениться: вѣдь ты всегда такъ горячо возстаешь противъ брака.

Григорій Алексѣичъ молчалъ.

— Ты вообще ужасно противорѣчишь себѣ, продолжалъ Сергѣй Александрычъ: — кричишь противъ идеализма, преслѣдуешь романтиковъ, которые тебѣ вездѣ мерещатся, даже и здѣсь, въ селѣ Куроѣдовѣ, которое въ честь мою называется теперь Сергіевскимъ, а самъ вѣчно бродишь въ идеалахъ; проповѣдуешь о необходимости яснаго практическаго взгляда на жизнь, а смотришь на нее Богъ знаетъ какъ, и хочешь передѣлать ее по нелѣпымъ фантазіямъ разныхъ сумасбродовъ, которые называютъ себя философами, потому-что вѣчно ничѣмъ не довольны. По моему, тотъ только понимаетъ практическую жизнь, кто умѣетъ пользоваться ею. Что за охота вѣчно страдать въ настоящемъ, безполезно мечтая о какомъ-то лучшемъ будущемъ? Ты на все смотришь мрачно, даже на Агафью Васильевну, тебя возмущаетъ даже Васька — мой прикащикъ, потому-что онъ кланяется мнѣ до земли и не смѣетъ мигнуть въ моемъ присутствіи.... Все это, конечно, глупо и нелѣпо, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень смѣшно и забавно. Все это существуетъ, слѣдовательно, должно существовать. Все это въ нравахъ, въ обычаяхъ и тѣсно связано съ историческимъ ходомъ, а исторію нельзя передѣлать вдругъ, какъ намъ хочется. И, повѣрь мнѣ, эта же самая Наташа, которую ты хочешь теперь возвышать, развивать, и для которой, вѣрно, скоро не будетъ на землѣ достойныхъ идеаловъ, — безъ всякой церемоніи, вышла бы за мужъ за какого нибудь толстаго и глупаго Федота Карпыча, рожала бы, какъ и всѣ, каждый годъ дѣтей, солила бы грибы, варила варенье, угощала бы гостей наливками своей стряпни, называла бы своего Федота Карпыча *душкой*, или какъ нибудь въ родѣ этого, и была бы въ своемъ миломъ невѣдѣніи очень довольна, спокойна и счастлива, — а, можетъ быть, Федотъ Карпычъ, въ первые же мѣсяцы послѣ бракосочетанія, надоѣлъ бы ей и опротивѣлъ — и это могло бы очень случиться....

— Довольно, довольно!... закричалъ Григорій Алексѣичъ:— ты имѣешь чудесный даръ осквернять все святое и прекрасное. Въ этомъ я никогда не сомнѣвался.... Мы не понимаемъ другъ друга, потому-что не имѣемъ ничего общаго.

И, съ этими словами, онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Digitized by Google

Сергѣй Александрычъ спокойно проводилъ его глазами, закурилъ другую сигару и, протянувшись съ наслажденіемъ на диванѣ, подумалъ:

— Вотъ вѣдь, кажется, добрый и умный малый, а иногда бываетъ очень смѣшонъ и глупъ. Это жалко!...

ГЛАВА VII.

Нѣсколько времени послѣ этого разговора Григорій Алексѣичъ не походилъ на самого себя. У него пропалъ сонъ и аппетитъ, лицо осунулось, глаза впали — и онъ, одинокій и мрачный, бродилъ въ саду и въ рощѣ, стараясь избѣгать всѣхъ, даже и Наташи. — Я люблю ее, люблю, думалъ онъ, но чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, должна кончиться эта любовь? — бракомъ? И при этомъ вопросѣ, который до разговора съ Сергѣемъ Александрычемъ не приходилъ ему въ голову, холодный потъ выступилъ на его тѣлѣ... — Бракомъ! повторялъ онъ: — бракомъ! въ волненіи взадъ и впередъ прохаживаясь по аллеѣ сада. — Тихія, безмятежныя картины брачной жизни, которыми нѣкогда восхищался онъ, въ эту минуту не являлись болѣе передъ его смятеннымъ воображеніемъ. Напротивъ, какъ нарочно, вся прозаическая сторона этой жизни выступала передъ нимъ во всей наготѣ своей: домашнія хлопоты и тревоги, раздирающій уши крикъ дѣтей, невозможность вѣчной любви, а въ слѣдствіе этого, неизбѣжное охлажденіе къ женѣ, ея слезы и вздохи, его тоска и отчаяніе, и прочее. Григорій Алексѣичъ былъ убѣжденъ, что безумно связывать себя вѣчнымъ обѣтомъ, добровольно лишать себя свободы. — Но что же мнѣ дѣлать? спрашивалъ онъ самъ себя: — бѣжать отсюда? запереться въ самомъ себѣ, обречь себя на одиночество и вдали отъ нея влачиться по свѣту, безъ надежды и безъ цѣли? И куда бѣжать? Мысль объ одиночествѣ показалась ему еще страшнѣе мысли о бракѣ. — Нѣтъ, подумалъ онъ: — я не созданъ для одинокой эгоистической жизни, мнѣ необходимо имѣть возлѣ себя существо любящее, близкое, родственное по духу, которому бы я открывалъ всѣ сокровенныя движенья души, съ которымъ бы я дѣлилъ вмѣстѣ и чувства, и мысли, и горе, и радости! За одинъ

Digitized by Google

такой мигъ можно перенести годы тяжкихъ страданій! Къ чему мнѣ моя постылая свобода?

И Григорій Алексѣичъ, безпрестанно колеблемый этими мыслями, началъ страдать и терзаться. То рѣшался онъ объясниться съ Наташей и ея матерью — и разомъ кончить все, то хотѣлъ уѣхать изъ Сергіевскаго. Иногда, минутами, казалось ему, что онъ вовсе не любитъ Наташу, что онъ просто увлекся ею, что между ними не существуетъ настоящей симпатіи, что она не въ состояніи совершенно отрѣшиться отъ своего быта и отъ тѣхъ понятій, среди которыхъ выросла, что въ ней нѣтъ достаточной теплоты, что она больше все понимаетъ головой, чѣмъ сердцемъ, — и мало ли чего не казалось ему? Нѣсколько разъ въ день мѣнялъ онъ свои мысли и взгляды и часто совсѣмъ упадалъ духомъ въ горькомъ сомнѣніи и нерѣшительности.

Въ такомъ мрачномъ расположеніи духа забрелъ онъ однажды вечеромъ (это было уже въ половинѣ іюля) въ самую отдаленную и заглохшую часть сада и, утомленный, болѣе мыслями, чѣмъ ходьбою, бросился на траву между кустами орѣшника, спускавшагося у самыхъ ногъ его въ глубокій оврагъ, на днѣ котораго между камнями лѣниво пробивался ручей съ глухимъ журчаньемъ. На другомъ берегу оврага начиналась роща. Впереди и кругомъ Григорья Алексѣича все было дико и сумрачно. Сквозь эту плотную, густую массу зелени, окружавшую его, никакимъ образомъ не могъ проскользнуть лучь солнечный. «Нѣтъ, думалъ Григорій Алексѣичъ: — нѣтъ, я напрасно обвиняю *ее* въ неспособности любить: у нея должно быть глубоко любящее сердце; чѣмъ болѣе я изучаю ее, тѣмъ болѣе вижу, что она можетъ любить съ увлеченіемъ, съ страстію... Это широкая, избранная натура, которой будетъ доступно и понятно все... Какъ сильно чувствуетъ она красоту художественныхъ произведеній! какимъ святымъ энтузіазмомъ была проникнута она, на примѣръ, вчера, при чтеніи «Новой Элоизы»!.. Какимъ огнемъ горѣли глаза ея, какъ волновалась грудь ея! Ахъ, какая дѣвушка! какая дѣвушка!

Григорій Алексѣичъ печально покачалъ головой.

— И я, безумецъ, сомнѣвался въ ея теплотѣ, я осмѣливался думать, что она понимаетъ болѣе головой, чѣмъ сердцемъ! Этой теплоты недостаетъ не въ ней, а во мнѣ, во мнѣ, — и Григорій Алексѣичъ началъ бить себя въ грудь. — Сердце мое съ каж-

Digitized by Google

дымъ днемъ черствѣетъ болѣе и болѣе; никогда не испытавъ любви, я уже сознаю въ себѣ неспособность любить такъ, какъ бы слѣдовало, а бываютъ, впрочемъ, минуты, въ которыя мнѣ еще кажется, что я могу любить со всѣмъ юношескимъ жаромъ и полнотою; — но это обманъ, ложь! Я никогда не буду въ состояніи удовлетворить ея любви, для чего же напрасно смущать ея покой? Я недостоинъ ея, рѣшительно недостоинъ! Мнѣ слѣдуетъ быть съ ней какъ можно холоднѣе, какъ можно осторожнѣе. Но это опять глупость! я не выдержу... Нѣтъ, мнѣ просто нельзя оставаться здѣсь ни одной минуты, я долженъ бѣжать отсюда, куда нибудь, все равно, только какъ можно далѣе; каждая минута замедленія будетъ съ моей стороны преступною слабостію... Вотъ гдѣ я обязанъ показать свой характеръ!..

Но какъ будто это такъ легко?

И Григорій Алексѣичъ въ отчаяніи припалъ горячею головою къ землѣ.

Минуты черезъ двѣ онъ быстро вскочилъ и произнесъ почти въ слухъ :

— Кончено. Я ѣду! сегодня же ѣду! и очень рѣшительно побѣжалъ по тропинкѣ.

Тропинка эта привела его на довольно открытое мѣсто. Тутъ онъ пріостановился и вздохнулъ свободнѣе. Зеленыя стѣны лѣса и его сумракъ душили его, ему необходимо были въ эту минуту свѣтъ и пространство.

— Я посмотрю въ послѣдній разъ, думалъ онъ, на эти необозримые луга, на Волгу, въ послѣдній разъ, потому-что я никогда уже не ворочусь сюда.

И подумавъ это, Григорій Алексѣичъ пошелъ дальше болѣе покойнымъ и ровнымъ шагомъ.

Подходя къ самому скату горы, съ которой виднѣлась Волга, Григорій Алексѣичъ вдругъ вздрогнулъ и какъ бы приросъ къ землѣ.

Въ десяти шагахъ отъ него сидѣла на скамейкѣ Наташа.

На ней было кембриковое бѣлое платье и красный платочекъ, небрежно наброшенный на плечи. Черные волосы ея длинными и крупными локонами упадали на грудь... Все вокругъ нея и вся она облита была розовымъ отблескомъ догарающей вечерней зари. Воздухъ дышалъ благоуханіемъ цвѣтовъ и свѣжестью. Все было спокойно и тихо, недвижны были вѣтви де-

Digitized by Google

ревьевъ и только тонкія вершины ихъ колебались едва замѣтно, да среди этой чудной, торжественной тишины слышалось жужжанье и стрекотанье насѣкомыхъ въ травѣ, освѣженной росою. Григорій Алексѣичъ долго стоялъ, не шевелясь и едва переводя дыханіе. Никогда еще Наташа не казалась ему такъ хороша, какъ въ эту минуту. Онъ смотрѣлъ на нее долго и благоговѣйно, и потомъ робко приблизился къ ней.

Наташа обернулась, когда онъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ нея.

— Ахъ, это вы! сказала она.

Григорій Алексѣичъ молчалъ, опустивъ голову на грудь.

— Какой прекрасный вечеръ, замѣтила Наташа.... А гдѣ вы были, вѣрно въ рощѣ?

— Да, я былъ въ рощѣ... нѣтъ, впрочемъ, я такъ ходилъ въ саду, отвѣчалъ Григорій Алексѣичъ: — а вы, вы давно здѣсь сидите?

— Это моя любимая скамейка, сказала Наташа: — я здѣсь часто сижу. Отсюда такой чудесный видъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, очень хорошій видъ. Мнѣ это мѣсто также очень нравится... но я, можетъ быть, помѣшалъ вамъ... можетъ быть, вы хотите быть однѣ!

— Нисколько, отвѣчала Наташа.

— Такъ вы мнѣ позволите сѣсть возлѣ васъ?

— Пожалуйста.

Григорій Алесѣичъ сѣлъ на скамейку.

И онъ и она нѣсколько минутъ молчали.

— Вамъ вѣрно надоѣла деревенская жизнь, сказала Наташа: — вы не привыкли къ ней, — мнѣ кажется, вы день ото дня становитесь скучнѣе.

— А вы замѣтили это? возразилъ Григорій Алексѣичъ.

— Да. Чтожъ, это вамъ кажется страннымъ? И не я одна, и другіе замѣчаютъ это.

— Что мнѣ за дѣло до другихъ?

Наташа посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ.

— Скажите, отчего вы такъ посмотрѣли на меня? спросилъ Григорій Алексѣичъ.

— Такъ.... Наташа нѣсколько смѣшалась. — Ну, признайтесь, вѣдь вамъ скучно здѣсь?

Digitized by Google

— А отчего же вы думаете, что въ другомъ мѣстѣ мнѣ было бы веселѣе? Напротивъ, я люблю деревню. Деревенская жизнь для меня не такъ чужда, какъ вы думаете, потому-что я постоянно, до 19-ти лѣтъ, жилъ въ деревнѣ. И теперь, клянусь вамъ, я не промѣнялъ бы Сергіевское на Парижъ и Лондонъ, со всѣми ихъ развлеченіями. Здѣсь мнѣ и весело и грустно.... здѣсь.... но знаете ли, что мнѣ иногда кажется, что нѣтъ человѣка въ мірѣ счастливѣе меня, иногда, напротивъ, я думаю, что я самый несчастный изъ людей.... О, если бы вы знали, какъ я страдаю!

Лицо Григорья Алексѣича было, въ самомъ дѣлѣ, болѣзненно блѣдно, губы его судорожно подергивались. Онъ оторвалъ вѣтку куста и бросилъ ее. Онъ хотѣлъ что-то сказать—и вдругъ остановился.

Съ минуту длилось молчаніе. Сердце Наташи замирало. Она, можетъ быть, предчувствовала, что этотъ вечеръ будетъ имѣть вліяніе на всю ея жизнь.

— Послушайте, сказалъ Григорій Алексѣичъ: — мнѣ давно хотѣлось говорить съ вами; вы простите меня, если я буду говорить нескладно, но я долженъ высказаться... У меня нѣтъ болѣе силъ скрывать отъ васъ.... Рано или поздно, вы бы должны были узнать это.... Но, Боже мой, Боже мой! я самъ не знаю, что дѣлается со мной.... Голова моя горитъ, слова не повинуются мнѣ.... А я многое хотѣлъ сказать вамъ....

Григорій Алексѣичъ взялъ руку Наташи.

Наташа, казалось, смотрѣла вдаль, но она уже ничего не видѣла передъ собою.... Глаза ея застилалъ туманъ и рука ея дрожала въ рукѣ Григорья Алексѣича.

— Выслушайте меня, — вы должны меня выслушать, я.... я люблю васъ.

Легкій, едва слышный звукъ вырвался изъ стѣсненной груди Наташи и слезы потокомъ хлынули изъ ея глазъ.

— Я еще никого не любилъ въ жизни.... я люблю въ первый разъ, продолжалъ онъ съ возрастающимъ жаромъ и смѣлостію:—еще за полчаса передъ этимъ, я упрекалъ себя въ холодности и неспособности любить, еще за полчаса, мнѣ казалось.... но теперь, теперь мнѣ ясно, что я не понималъ самого себя, теперь я чувствую, какъ горячо и сильно люблю васъ, те-

Digitized by Google

перь я вижу, что безъ васъ для меня нѣтъ радости и счастія въ жизни.

И Григорій Алексѣичъ остановился и боязливо взглянулъ на Наташу, какъ бы ожидая ея отвѣта.

Наташа сидѣла недвижно. Слезы крупными каплями падали на ея грудь.

Она не вѣрила своему счастію; до сей минуты ей казалось все еще не возможнымъ, чтобы онъ могъ полюбить ее, — простую, невоспитанную деревенскую дѣвушку, онъ, который, по ея мнѣнію, достоинъ былъ любви первой, лучшей женщины въ мірѣ....

— Скажите же мнѣ, скажите мнѣ одно слово; я хочу слышать вашъ голосъ, взгляните на меня.... Отъ этого взгляда зависитъ вся жизнь моя!

Наташа улыбнулась ему сквозь слезы и пожала его руку....

— Одно слово, только одно слово! повторялъ Григорій Алексѣичъ въ упоеніи.

Наташа хотѣла что-то сказать, но лицо ея, ярко горѣвшее все время румянцемъ, вдругъ покрылось страшною блѣдностію; она пошатнулась, и голова ея упала къ нему на грудь.

Въ эту минуту, когда уже на закатѣ потухла послѣдняя полоса зари, послышался шорохъ въ кустахъ сзади скамейки и показалась въ сумракѣ чья-то рука, осторожно раздвигавшая вѣтви.

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ).

Digitized by Google

ДЕРЕВНЯ.

I.

Люблю я вечеромъ къ деревнѣ подъѣзжать,
Надъ старой церковью глазами провожать
Воронъ играющую стаю;
Среди большихъ полей, заповѣдныхъ луговъ,
На тихихъ берегахъ заливовъ и прудовъ
Люблю прислушиваться лаю

Собакъ недремлющихъ, мычанью тяжкихъ стадъ;
Люблю заброшенный и запустѣлый садъ
И липъ незыблемыя тѣни; —
Не дрогнетъ воздуха стеклянная волна;
Стоишь и слушаешь — и грудь упоена
Блаженствомъ безмятежной лѣни...

Задумчиво глядишь на лица мужиковъ —
И понимаешь ихъ; предаться самъ готовъ
Ихъ бѣдному, простому быту...
Идетъ къ колодезю старуха за водой;
Высокій шестъ скрипитъ и гнется; чередой
Подходятъ лошади къ корыту...

Вотъ пѣсню затянулъ проѣзжій... Грустный звукъ!
Но лихо вскрикнулъ онъ — и только слышенъ стукъ
Колесъ его телѣги тряской;
Выходитъ дѣвушка на низкое крыльцо —
И на зарю глядитъ... и круглое лицо
Зардѣлось алой, яркой краской.

Digitized by Google

Качаясь медленно, съ пригорка, за селомъ,
Огромные возы спускаются гуськомъ
Съ пахучей данью пышной нивы;
За конопляникомъ зеленымъ и густымъ
Бѣгутъ, одѣтые туманомъ голубымъ,
Степей широкіе разливы.

Та степь — конца ей нѣтъ... раскинулась, лежитъ...
Струистый вѣтерокъ бѣжитъ, не пробѣжитъ...
Земля томится, небо млѣетъ...
И лѣса длиннаго подернутся бока
Багрянцемъ золотымъ, и ропщетъ онъ слегка,
И утихаетъ, и синѣетъ...

II.

НА ОХОТѢ — ЛѢТОМЪ.

Жарко, мучительно жарко... Но лѣсъ недалеко зеленый...
Съ пыльныхъ, безводныхъ полей дружно туда мы спѣшимъ.
Входимъ... въ усталую грудь душистая льется прохлада;
Стынетъ на жаркомъ лицѣ ѣдкая влага труда.
Ласково приняли насъ изумрудныя, свѣжія тѣни;
Тихо взыграли кругомъ, тихо на мягкой травѣ
Шепчутъ привѣтныя рѣчи прозрачные, легкіе листья...
Иволга звонко кричитъ, словно дивится гостямъ.
Какъ отрадно въ лѣсу! И солнца смягченная сила
Здѣсь не пышетъ огнемъ, блескомъ играетъ живымъ.
Бархатный манитъ насъ мохъ, руками Дріадъ округленный...
Зову противиться въ насъ нѣтъ ни желанья, ни силъ.
Всѣ раскинулись члены; стихаютъ горячія волны
Крови; машетъ на насъ темными маками сонъ.
Изъ подъ тяжелыхъ рѣсницъ взоръ наблюдаетъ недолго
Мелкихъ букашекъ и мухъ, ихъ суетливую жизнь.
Вотъ онъ закрылся... Сосѣдъ уже спитъ... съ довѣрчивымъ вздохомъ
Самъ засыпаешь... и ты, вѣчная матерь, земля,
Кротко баюкаешь ты, лелѣешь усталаго сына...
Новыхъ исполненный силъ, грудь онъ покинетъ твою.

Digitized by Google

III.

БЕЗЛУННАЯ НОЧЬ.

О, ночь безлунная, ночь теплая, нѣмая!
Ты нѣжишься, ты млѣешь, изнывая,
Какъ отъ любовныхъ ласкъ усталая жена...
Иль, можетъ быть, невѣдѣньемъ полна,
Мечтательнымъ невѣдѣньемъ желаній,—
Стыдливая, ты ждешь таинственныхъ лобзаній?
Скажи мнѣ, ночь, въ кого ты влюблена?
Но ты молчишь на мой вопросъ нескромный...
И на тебѣ покровъ густѣетъ темный.

Я заражонъ тобой... вдыхаю влажный паръ...
И чувствую, въ груди тревожный вспыхнулъ жаръ...
Мнѣ слышится твой безконечный ропотъ,
Твой лепетъ вкрадчивый, твой непонятный шопотъ —
И тѣнь пахучая колеблется кругомъ.
Лицо горитъ невѣдомымъ огнемъ,
Расширенная грудь дрожитъ воспоминаньемъ,
Томится горестью, блаженствомъ и желаньемъ —
И воздухъ ласковый, чуть дремлющій, ночной,
Какъ будто самъ дрожитъ и пышетъ надо мной.

IV.

Д Ѣ Д Ъ.

Вчера, въ лѣсу, пришлося мнѣ
Увидѣть призракъ дѣда...
Сидѣлъ онъ на лихомъ конѣ
И восклицалъ: побѣда!

И радостно глядѣлъ чудакъ
Изъ подъ мохнатой шапки...
А въ торокахъ висѣлъ русакъ
И грустно свѣсилъ лапки.

И рогъ стремяннаго звучалъ
Такъ страстно, такъ уныло...
Любимый барскій песъ, Нахалъ,
Поднявъ стерляжье рыло.

Digitized by Google

Махалъ тихохонько хвостомъ...
Суровый доѣзжачій
Смиралъ угрозой да бичомъ
Шумливый лай собачій.

Кругомъ — сосѣди-степняки,
Одѣтые забавно,
Толпились молча, бѣдняки!
И радовался явно

Мой дѣдъ, степной Сарданапалъ*,
Такому многолюдью...
И какъ-то весело дышалъ
Своей широкой грудью.

Онъ за трубу (*) держалъ лису,
Показывалъ сосѣду...
Вчера, передъ зарей, въ лѣсу,
Я подивился дѣду.

V.

ГРОЗА.

Уже давно вдали толпились тучи
Тяжелыя — росли, темнѣли грозно...
Вотъ сорвалась и двинулась громада.
Шумя, плыветъ и солнце закрываетъ
Передовое облако; внезапный
Туманъ разлился въ воздухѣ; кружатся
Сухіе листья... птицы притаились...
Изъ подъ воротъ выглядываютъ люди,
Спускаютъ окна; запираютъ двери...
Большія капли падаютъ... и вдругъ,
Помчалась пыль столбами по дорогамъ;
Поднялся вихрь и по стѣнамъ и крышамъ
Ударилъ злобно; хлынули потоки
Дождя... запрыгалъ угловатый градъ...

(*) Трубой называется хвостъ у лисицы.

Digitized by Google

Крутятся, бьются, мечутся деревья,
Смѣшались тучи... молнья!... ждешь удара...
Загрохоталъ и прокатился громъ.
Сильнѣе дождь... Широкими струями,
Волнуясь, льетъ и хлещетъ онъ — и вѣтеръ
Съ воды срываетъ брызги... вновь ударъ!
Черезъ село разтрепанный, безъ шапки
Мужикъ за стадомъ въ поле проскакалъ,
А вслѣдъ ему другой кричитъ и машетъ...
Смятенье!..... Но за тѣ, когда прошла
Гроза, какъ улыбается природа!
Какъ ласково свѣтлѣютъ небеса!
Пушистыя, разсѣянныя тучки
Летятъ; журчатъ ручьи; болтаютъ листья...
Убита пыль; обмылася трава;
Скрипятъ ворота; слышны восклицанья
Веселья; шумя, слетаетъ голубь
На влажную, блестящую дорогу...
Въ ракитахъ раскричались воробьи;
Смѣются босоногіе мальчишки;
Запахли хлѣбомъ желтые скирды...
И бѣглымъ золотомъ сверкаетъ солнце
По молодымъ осинамъ и березамъ...

VI.

ДРУГАЯ НОЧЬ.

Ужь поздно... Конь усталый мой
Храпитъ и просится домой...
Холмы пологіе кругомъ —
Степные виды! За холмомъ
Печально свѣтится пожаръ —
Овинъ горитъ. На небѣ паръ;
На небѣ мѣсяцъ золотой
Блеститъ холодной красотой,
И подъ лучомъ его нѣмымъ
Туманъ волнуется какъ дымъ.
Большія тѣни тамъ и сямъ
Лежатъ недвижно по полямъ,
И различаетъ глазъ едва
Лѣсовъ высокихъ острова.

Digitized by Google

Кой гдѣ, по берегамъ рѣки,
Въ кустахъ мерцаютъ огоньки;
Внезапный крикъ перепеловъ
Гремитъ одинъ среди луговъ,
И синяя, ночная мгла
Какъ будто нехотя тепла.

VII.

Кроткіе льются лучи съ небесъ на согрѣтую землю;
Стелется тихо по ней, теплый скользитъ вѣтерокъ.
Но давно подъ травой изсякли болтливыя воды
Въ тучныхъ лугахъ; и сама вся пожелтѣла трава.
Сумракъ душистый лѣсовъ, отрадныя, пышныя тѣни,
Гдѣ вы? гдѣ ты, лазурь яркихъ и темныхъ небесъ?
Осень настала давно; ея прощальныя ласки
Часто милѣе душѣ первыхъ улыбокъ весны.
Бурые сучья раскинула липа; береза
Вся золотая стоитъ; тополь одинъ еще свѣжъ —
Также дрожитъ и шумитъ и тихо блеститъ, серебристый;
Но побагровѣлъ давно дуба могучаго листъ.
Яркія краски вездѣ смѣнили привѣтную зелень:
Издали пышутъ съ рябинъ красные гроздья плодовъ,
Дивно рдѣетъ заря причудливымъ, долгимъ пожаромъ...
Смотришь и вѣришь едва жадно-впереннымъ очамъ.
Но природа во всемъ, какъ ясный и строгій художникъ
Чувство мѣры хранитъ, стройной вѣрна простотѣ.
Молча, гляжу я кругомъ, вниманья печальнаго полный...
Въ тронутомъ сердцѣ звучитъ грустное слово: прости!

VIII.

ПЕРЕДЪ ОХОТОЙ.

Утро! вотъ утро! Едва надъ холмами
Красное солнце взыграетъ лучами,

Холодъ осенняго, свѣтлаго дня,
Холодъ веселый разбудитъ меня.

Выду я... небо смѣется мнѣ въ очи;
Съ сердца сбѣгаютъ лобзанія ночи...

Digitized by Google

Блестки крутятся на солнцѣ; морозъ
Выбѣлилъ хрупкіе сучья березъ...

Свѣтлое небо, здоровье да воля —
Здравствуй, раздолье широкаго поля!

Вновь не дождаться подобнаго дня..
Дайте ружье мнѣ! сѣдлайте коня!

Вотъ онъ... по членамъ его благороднымъ
Вѣтеръ промчался дыханьемъ холоднымъ,

Ржетъ онъ и шею сгибаетъ дугой...
Доски хрустятъ подъ упругой ногой;

Гуси проходятъ съ испугомъ и крикомъ;
Прыгаетъ песъ мой въ восторгѣ великомъ;

Ясно звучитъ его радостный лай...
Ну же, скорѣй мнѣ коня подавай!

IX.

ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

Здравствуйте, легкія звѣзды пушистаго, перваго снѣга!
Быстро на темной землѣ таете вы чередой.
Но проворно летятъ за вами другія снѣжинки,
Словно пчелы весной, воздухъ недвижный пестря.
Скоро наступитъ зима; — подъ тонкимъ и звучнымъ желѣзомъ
Рѣзвыхъ саней завизжитъ холодомъ стиснутый ледъ.
Ярко морозъ затрещитъ; румяныя щеки красавицъ
Вспыхнутъ; вней слегка длинныхъ коснется рѣсницъ.
Ахъ! пора мнѣ съ тобой разстаться, степная деревня!
Крышъ не увижу твоихъ, мягкимъ одѣтыхъ ковромъ,
Струекъ волнистаго дыма на небѣ холодномъ и синемъ,
Бѣлыхъ холмовъ и полей, грозныхъ и темныхъ лѣсовъ.
Падай обильнѣе снѣгъ! Зоветъ меня городъ далекій;
Хочется встрѣтить опять старыхъ враговъ и друзей.

И. ТУРГЕНЕВЪ.

Digitized by Google

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АРТИСТА

Лѣтъ пятьдесятъ назадъ, въ С..., уѣздномъ городѣ к—ской губерніи, одинъ изъ учениковъ принесъ въ классъ книгу, подъ названіемъ: *Комедія Вздорщица*. Это привело моихъ товарищей въ большое недоумѣніе; всѣ наперерывъ спрашивали одинъ другого, что̀ такое это комедія? Я, видѣвши одинъ разъ игранную оперу, толковалъ имъ, что это ни что иное, какъ представленіе, то есть, что нѣсколько человѣкъ, выучивъ каждый какое нибудь лицо въ комедіи и потомъ, соединясь вмѣстѣ, могутъ сыграть такъ, какъ будто бы все написанное въ комедіи происходило на самомъ дѣлѣ передъ глазами зрителей.

Разумѣется, этому никто не повѣрилъ и, какъ слѣдуетъ, надо мной же стали подшучивать. Это такъ меня оскорбило, что я рѣшился доказать имъ, что я не вралъ, и что ихъ насмѣшки можно отнести къ ихъ же невѣжеству. Господи! какой содомъ вышелъ изъ этой комедіи! Всѣ рѣшительно возстали на меня: одинъ называлъ меня хвастуномъ, другой — самохваломъ, третій... однимъ словомъ, не скупились на титулы. Такъ какъ въ числѣ учениковъ, возставшихъ на меня, были и такіе, которые учились гораздо лучше меня, то я, не бывши точно увѣренъ, можно ли и комедію играть такъ, какъ видѣнную оперу, мысленно началъ робѣть и сомнѣваться. Со всѣмъ тѣмъ, я спорилъ до нѣльзя. Сторона моя была слабѣйшая, и потому я подкрѣплялъ себя крикомъ, который, наконецъ, и разбудилъ учителя, спавшаго въ сосѣдней комнатѣ. (Училище помѣщалось въ его

Digitized by Google

собственномъ домѣ). Въ самый развалъ общаго крика отворилась дверь, и всѣ окаменѣли, увидавши невыспавшееся лицо учителя, которое очень ясно выражало гнѣвъ. Каждый какъ будто читалъ въ его глазахъ и почти былъ увѣренъ, что первымъ его словомъ будетъ: «подать розогъ!» Но я не допустилъ его выговорить это роковое слово и съ видомъ оскорбленнаго самолюбія, даже со слезами, принесъ ему жалобу. «Помилуйте, И. И., разсудите насъ; на меня напалъ весь классъ и смѣется надо мной за то, что я объ этой книгѣ: *Комедія Вздорщица* (не знаю, почему она все еще была у меня въ рукахъ), сказалъ, что ее можно играть, такъ какъ будто бы все это не написано, а въ самомъ дѣлѣ случилось». Разумѣется, все это было высказано съ жаромъ, который совершенно угасъ, когда учитель, выслушавъ жалобу и доказательства моей правоты, громко захохоталъ. Отъ стыда и досады я былъ ни живъ, ни мертвъ, а взгляды товарищей еще болѣе меня уничтожали. Когда же учитель, насмѣявшись въ волю и оборотившись къ моимъ противникамъ, сказалъ имъ: «Дураки вы, дураки! какъ же вы спорите о томъ, чего не знаете? Щ—ъ правъ: это точно комедія и ее можно сыграть такъ, что другіе примутъ за дѣйствительность». И тутъ же онъ прибавилъ, что есть еще драмы, трагедіи и оперы, которыя точно также можно играть, и что по этой части въ Москвѣ есть очень хорошіе актеры, какъ то: Ожогинъ, Шушеринъ и многіе другіе. Посмотрѣли бы вы тогда на меня, съ какою гордостью стоялъ я, и какъ уничтожились мои бѣдные товарищи... — Знаете ли, мнѣ было даже стыдно за нихъ: какъ спорить о томъ, чего не знаешь! А вѣдь и самъ былъ на пропалую, защищая свое мнѣніе. Эта комедія сдѣлала большую перемѣну въ предстоявшихъ намъ часахъ ученія: въ продолженіи цѣлаго класса, учитель безпрестанно возвращался къ одной и той же мысли, и что бы ни толковалъ онъ, а кончалъ или комедіей, или трагедіей. Въ первый еще разъ у него въ классѣ не было скучно; не знаю отъ чего, оттого ли, что въ его преподаваніе ворвалась совершенно новая мысль и новостью своею сдѣлалась интересна, или онъ самъ впервые нарушилъ обыкновенный образъ своего чтенія и, вмѣсто мертвыхъ словъ, познакомилъ насъ съ мыслію. Однимъ словомъ, мы не скучали въ классѣ, намъ было весело; мы какъ будто вдругъ поумнѣли; и даже намъ сдѣлалось скучно, когда звонокъ пробилъ объ окон-

Digitized by Google

чаніи класса, — по крайней мѣрѣ, такъ было со мною. Но представьте же себѣ нашу общую радость, когда учитель, сходя съ каѳедры, обратился къ намъ съ слѣдующею фразой: «Вотъ, дураки! вмѣсто того, чтобы бѣгать по улицамъ да биться на кулачки, или другими подобными занятіями убивать время, не лучше ли было бы, если бы вы разучили эту комедію да передъ роспускомъ на маслянницѣ сыграли бы ее у меня; а времени, кажется, не мало: по середамъ и субботамъ послѣ обѣда классовъ не бываетъ, за неимѣніемъ рисовальнаго учителя, — такъ вотъ, сошлись бы да и сладили бы хорошенько. Только съ уговоромъ, не шумѣть».

Нельзя было описать нашего восторга, и мы всѣ въ одинъ голосъ закричали: «Если вы это позволите, то мы сейчасъ же эту комедію разучимъ». Точно будто всѣ могли играть въ ней! Въ комедіи было всего восемь лицъ, а насъ въ классѣ было обоего пола до шестидесяти человѣкъ. Однакожь, какъ бы то ни было, каждый, выходя изъ класса, выносилъ съ собою мысль, что онъ играетъ въ комедіи и, подпрыгивая дорогою, объявлялъ объ этомъ встрѣчнымъ ребятишкамъ; никому въ голову не приходило, что всѣмъ играть невозможно; такъ поразила насъ эта радость, и мы всѣ шли дружно и весело. Даже тѣ, которые спорили, что комедія не то, что я говорилъ, даже тѣ какъ-то добродушно сознались, что они несправедливо спорили со мной, что они точно не знали, что такое комедія, а только хотѣли подразнить меня за то, что я, будто бы, хотѣлъ показать себя умнѣе другихъ. Словомъ, мысль, что мы играемъ въ комедіи, овладѣла всѣми, сдѣлала насъ какъ-то добрѣе, и вѣрите ли, мнѣ отчего-то было совѣстно, что они извинялись передо мной. — Вотъ какія чудеса надѣлала *Комедія Вздорщица!* Изъ самыхъ вздорныхъ, буйныхъ ребятишекъ сдѣлала, хотя на нѣсколько минутъ, кроткихъ, милыхъ и добрыхъ. Каждый изъ насъ, возвратясь — кто въ домъ родителей, кто на квартиру къ своему хозяину, съ радостью сообщалъ новость, что онъ играетъ въ комедіи: одинъ отцу и матери, другой хозяину съ хозяйкой и даже кухаркѣ; однимъ словомъ, у каждаго зналъ весь домъ, что онъ играетъ въ комедіи; но что? и какъ? — этотъ вопросъ никому еще не приходилъ въ голову. Когда прошли первыя мгновенія восторга, мнѣ пришло въ голову, что очень легко можетъ статься, что я не буду играть. Эта мысль очень прохладила меня, и я порядкомъ пріу-

Digitized by Google

нылъ. Думаю себѣ: «какъ же это? всѣмъ играть невозможно; какъ же это будетъ? Кто же укажетъ, кому именно играть? Вѣроятно, будутъ назначать старшіе ученики, и очень легко можетъ статься, мнѣ не дадутъ никакой роли. Много есть дѣтей дворянъ, чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ, которые всѣ далеко выше моего званія, и эти дѣти, вѣроятно, будутъ предпочтены». И разсуждая съ сестрой, я горько жаловался и говорилъ, что это будетъ совершенная несправедливость. Все въ короткое время измѣнилось; вмѣсто радости тоска и чувство униженія чрезвычайно тяготили меня, хотя какой-то лучъ тайной надежды мелькалъ въ головѣ моей, что можетъ быть я и буду играть. Въ самомъ дѣлѣ, я былъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, кромѣ двухъ, да и ихъ преимущество состояло, кажется, въ томъ, что они уже третій годъ сидѣли въ послѣднемъ классѣ, а я только всего полгода. Въ знаніи же они не далеко уходили отъ меня, потому-что мы всѣ ровно ничего не знали.

Итакъ, я жилъ надеждою и уже воображалъ, какъ хорошо буду играть. Тутъ я началъ припоминать оперу. *Новое Семейство*, которую, какъ уже сказалъ, видѣлъ въ дѣтствѣ, и припомнилъ ее всю; она такъ живо возобновилась въ моей памяти со всѣми подробностями, которыя меня тогда занимали; всѣ лица этой оперы такъ живо предстали предо мною, что я чуть не плакалъ отъ удовольствія; а въ чемъ состояло это удовольствіе, что это было такое, я самъ не могъ дать себѣ въ этомъ отчета. Только мнѣ было такъ хорошо, хотя изрѣдка и щемила мое сердце мысль: а ну, какъ я не буду играть въ комедіи! На другой день все объяснилось, и для меня весьма выгодно. Отправясь въ обыкновенное время, утромъ, въ училище, мы увидѣли съ сестрой на первомъ перекресткѣ двухъ учениковъ, которые преисправно таскали другъ друга за волосы, приговаривая: «врешь, ты не будешь играть, а я буду!... нѣтъ, ты не будешь, а я буду: третьяго дня учитель былъ у насъ въ въ гостяхъ, и батюшкѣ стоитъ только слово сказать, я и буду играть... А все таки не будешь: моя матушка отнесла ему вчера гостинца, пол-пуда меду, она только слово пикнетъ, и я буду непремѣнно играть». Когда же мы пришли въ школу, тамъ былъ просто содомъ; только и слышно было: «я буду, ты не будешь; нѣтъ, ты не будешь, а я буду», и эти увѣренія подкрѣплялись иногда такими фразами, которыя не совсѣмъ приличны были ни

Digitized by Google

мѣсту, ни возрасту. Приходъ учителя все прекратилъ, и на строгій и суровый его вопросъ, почему мы не на своихъ мѣстахъ, большая часть примолкла, нѣкоторые, въ томъ числѣ и я, отвѣчали, что мы толковали о томъ, кому играть въ комедіи, что всѣ желаютъ, но что лицъ въ комедіи только восемь и въ томъ числѣ три женскихъ. Учитель подумалъ, потеръ себѣ рукою лобъ и сказалъ: «Подайте сюда книгу, я самъ назначу, кому играть», и, отмѣтивши своею рукой въ книгѣ, прибавилъ: «я назначилъ тѣхъ, кто лучше учится; это имъ въ награду, а лѣнтямъ это будетъ наказаніемъ». Когда прочли назначеніе учителя, и я услышалъ, что слугу Размарина буду играть я,—я обезпамятѣлъ отъ радости, кажется, даже заплакалъ. —Женскія роли назначены были учащимся дѣвицамъ; но почтенные родители, сановники и супруги возстали противъ этого: «какъ, де-скать, можно, чтобы наша дочь была комедіянткой», и учителю пришлось-было плохо. Наконецъ, кое-какъ все уладили. Старуху и служанку играли мальчики, а любовницу сестра моя: ее можно было заставить играть. Дѣло пошло на ладъ. Въ первую середу сошлись толковать, какъ выписать каждому свое лицо и какъ сдѣлать, чтобы онъ зналъ, когда ему говорить. Много было толковъ, наконецъ, и это уладили и даже выписали почти также, какъ теперь пишутъ роли, только съ маленькимъ излишествомъ въ репликахъ. Эта выдумка была собственно моя, и ее одобрили. Черезъ недѣлю каждый выучилъ свою роль. Когда мы въ субботу сошлись и начали пробовать, то какъ-то не ладилось, и мы рѣшились, когда проснется учитель, просить его показать намъ, какъ это сдѣлать, чтобъ каждый зналъ, когда ему говорить; и учитель объяснилъ намъ, что нужно-де, чтобы кто нибудь подсказывалъ по книгѣ, и все пошло какъ по писанному. Съ каждою репетиціею все шло тверже и тверже; я свою роль читалъ съ такою быстротою, что всѣ приходили въ удивленіе, а учитель приговаривалъ, улыбаясь: «Ты, Щ—ъ, ужь слишкомъ шибко говоришь, а впрочемъ, хорошо, хорошо».

Наконецъ, насталъ давно желанный день. Изъ классовъ вынесли скамейки, и комнату раздѣлили пополамъ: одну половину уставили стульями, а другая служила сценой; за нею повѣсили пологъ съ кровати, въ родѣ задней занавѣсы, изъ за которой мы и выходили. Учитель пригласилъ всѣ городскія власти: городничаго, судью, исправника и прочихъ, — кромѣ того

Digitized by Google

семейства всѣхъ участвовавшихъ въ комедіи. Надо сказать, что для нѣкоторыхъ это было совершенно неожиданно, особенно для властей, и, сколько помню, когда учитель сдѣлалъ приглашеніе городничему, то онъ немного изумился и даже сдѣлалъ вопросъ, не будетъ ли въ этомъ представленіи чего нибудь неприличнаго; но когда учитель увѣрилъ, что, за исключеніемъ барыни, которая бьетъ свою дѣвку башмакомъ, нѣтъ ничего такого: — «ну, въ этомъ нѣтъ еще ничего предосудительнаго», сказалъ городничій.

Въ пять часовъ вечера собрались зрители. Актеры одѣлись кто какъ могъ поопрятнѣй, поумылись, причесались; играющіе женскія роли, разумѣется, были одѣты, смотря по содержанію роли: сестра была въ бѣломъ платьѣ, съ ленточкой на головѣ, въ башмакахъ на высокихъ колодочкахъ. На мнѣ былъ длинный сюртукъ и розовый платокъ на шеѣ. Посѣтители усѣлись, и началось представленіе.

Въ началѣ я какъ будто струсилъ, но потомъ былъ въ такомъ жару, что себя не помнилъ и чувствовалъ какое-то самодовольствіе, видя, что быстрѣе меня никто не говоритъ. Посѣтители были очень довольны, хлопали на пропалую, а городничій изрѣдка одобрялъ словесно: «хорошо, лихо» и тому подобными восклицаніями. По окончаніи пьесы насъ всѣхъ подозвали и начали разхвализать, а родители игравшихъ осыпали дѣтей поцѣлуями и потомъ стали изъявлять благодарность учителю за то, что помѣстилъ ихъ дѣтей въ число играющихъ. Городничій и исправникъ были въ полномъ удовольствіи и говорили, что они никакъ не ожидали, чтобы все было такъ хорошо.

Такъ кончился день, для меня весьма памятный, но мнѣ предстоялъ еще другой, гораздо торжественнѣе этого. Возвратясь на квартиру, въ пьяной радости, мы пересказали всѣмъ живущимъ въ домѣ, какъ насъ хвалили, и къ большей еще радости узнали, что отецъ прислалъ за нами лошадей, потому-что на масляницу распускали учениковъ. Ночь проспалъ я, разумѣется, славно; во снѣ все грезился мнѣ спектакль, что будто я играю, что совсѣмъ не знаю роли, что я одѣтъ Богъ знаетъ какъ, неприлично, и тому подобное. На другой день пошелъ я къ учителю проситься въ отпускъ. Дорогой забѣжалъ къ двумъ-тремъ товарищамъ разсказать имъ мимоходомъ, какъ меня всѣ хвалили. Когда я пришелъ къ учителю и объявилъ ему мою просьбу, онъ

Digitized by Google

отвѣчалъ, что отпустить меня не можетъ съ сестрой раньше четверга, потому-что городничій проситъ, чтобы комедію сыграли у него въ домѣ въ середу: въ этотъ день онъ, по случаю бракосочетанія дочери своей, вышедшей за откупщика Д., даетъ молодымъ обѣдъ; гостей будетъ много, и онъ хочетъ этимъ, что называется, потѣшить весь городъ. Я былъ внѣ себя отъ радости, но вмѣстѣ съ тѣмъ показывалъ, что это ставитъ насъ въ затруднительное положеніе. что за нами присланы лошади, что держать ихъ до четверга нѣтъ никакой возможности, потому-что нечѣмъ кормить. Учитель подумалъ, и къ удовольствію моему уничтожилъ это затрудненіе. «Ты», сказалъ онъ: — «отпусти лошадей и напиши къ отцу, по какому случаю вы оставлены, а я скажу городничему; онъ возьметъ у исправника предписаніе, и вы поѣдете на обывательскихъ; а между тѣмъ, соберитесь завтра да прорепетируйте комедію, чтобы еще потверже было, а то вотъ К. чуть было не остановился во время представленія; хорошо, что онъ игралъ дурака, такъ это ничего, а то бы просто срамъ да и только».

Получивъ отъ учителя разрѣшеніе на такой затруднительный вопросъ, по случаю поѣздки, и выслушавъ наставленіе касательно репетиціи, я вышелъ отъ него съ ужасною гордостью: я видѣлъ, что я необходимъ, что безъ меня спектакль не пойдетъ, и городничій и городъ будутъ лишены удовольствія, и что все это зависитъ отъ меня, какъ будто бы я одинъ игралъ всю пьесу. Разумѣется, первымъ дѣломъ моимъ было обѣгать всѣхъ, кто участвовалъ въ пьесѣ, и повѣстить ихъ, чтобы завтра они собрались къ учителю на репетицію, что мы играемъ комедію въ середу въ домѣ городничаго, по его усильной просьбѣ, — что за мною съ сестрой прислали было лошадей, но что учитель упросилъ меня остаться до середы и лошадей отпустить, потому-что мнѣ дадутъ предписаніе и что я поѣду на перемѣнныхъ, и прочее.

Кромѣ того я забѣгалъ къ нѣкоторымъ товарищамъ, не участвовавшимъ въ представленіи, и имъ, какъ слѣдуетъ, мимоходомъ было разсказано то же самое, только съ разными варіаціями.

По приказанію учителя, лошади были отпущены, и я написалъ къ отцу о причинѣ, по которой мы остались до четверга. Въ четвергъ къ обѣду, писалъ я, мы будемъ непремѣнно, пото-

Digitized by Google

му-что поѣдемъ по предписанію на перемѣнныхъ; а теперь никакъ не можемъ ѣхать; безъ насъ спектакль не можетъ быть сыгранъ.

Два дня дѣлались репетиціи, на которыхъ присутствовалъ самъ учитель и безпрестанно повторялъ: «хорошенько, дѣти, хорошенько! чтобъ не осрамиться!» Онъ велѣлъ въ середу собраться въ домѣ уѣзднаго секретаря, сынъ котораго игралъ въ комедіи, поопрятнѣе и поприличнѣе всѣмъ одѣться, а часа въ четыре отправиться въ домъ городничаго, который былъ недалеко отъ дома секретаря.

Праздникъ, который давалъ городничій для своихъ молодыхъ, привелъ въ волненіе весь городъ. Народъ на рынкѣ и въ особенности торговки толковали, что праздникъ будетъ знатный, что, какъ слышали онѣ, даже плошки заказаны, что музыку привезли отъ подгороднаго помѣщика, что Цыганы будутъ плясать и даже будетъ какая-то комедія. И пошли толки по всему рынку. Что за комедія? кто будетъ играть? Одни толковали, что пріѣзжіе штукари будутъ глаза отводить, т. е., вотъ, на примѣръ, покажется вдругъ, что вы по колѣни въ водѣ, и вы изъ предосторожности подымете платье, чтобъ не замочить его анъ глядь — и нѣтъ ничего, и разныя другія будутъ мороченья. Другіе говорили, что все это вздоръ, что они точно слышали отъ учителевой кухарки, что учитель цѣлый годъ училъ дѣтей играть комедію, и что она уже играна въ прошлое воскресенье. И много другихъ было предположеній. Съ рынка новость эта перенесена была въ дома, которые еще не знали объ ней, такъ-что въ середу весь городъ былъ на ногахъ. Бѣгали, суетились, сообщали другъ другу свои догадки, — словомъ, болтовнѣ не было конца. Уже съ полудня начали стекаться къ дому городничаго толпы народа, а къ четыремъ часамъ къ нему не было уже никакого прохода. Жена секретаря принуждена была посылать въ полицію просить квартальнаго провести дѣтей, которые будутъ играть комедію. Вскорѣ появился квартальный съ двумя будочниками, и мы, подъ охраненіемъ сей стражи, отправились къ дому градоправителя. Съ большимъ трудомъ провели насъ сквозь толпы народа. Когда мы прибыли въ домъ, гости были уже въ порядочномъ разгарѣ, потому-что пошли въ ходъ стаканы съ пуншемъ: шумъ, говоръ, смѣхъ оглушили насъ, такъ что мы, или, по крайней мѣрѣ, я порядочно струх-

Digitized by Google

нулъ. Какъ играть передъ такимъ множествомъ народа и предъ такими лицами? (На этотъ разъ уже были и предводитель дворянства, всѣ засѣдатели и даже нарочный изъ губернаторской канцеляріи). Когда дали знать учителю, что мы пришли, онъ шепнулъ городничему. Городничій крякнулъ довольно замысловато и, обратясь ко всѣмъ, сказалъ: «ну, дорогіе гости, теперь я васъ угощу тѣмъ, чего еще никогда здѣсь не бывало, и какъ стоитъ городъ нашъ, такого чуда еще не было, и все вотъ по милости моего пріятеля». При этомъ онъ указалъ на учителя. «Вотъ такую шутку состроилъ изъ дѣтей, что просто животики надорвешь. Итакъ, милости просимъ садиться». Разставили стулья и усѣлись, а тѣ, которымъ недостало мѣста, смотрѣли изъ гостиной въ двери. Мы должны были выходить изъ лакейской, набитой биткомъ музыкантами и лакеями, а въ залѣ оставлено было для насъ такъ мало мѣста, что играть пришлось передъ самымъ носомъ гостей. Въ первомъ ряду, разумѣется, сидѣли первые сановники съ дамами, которые составляли аристократію этого города.

Отъ начала до конца пьесы хохотъ не прерывался; хлопали безпрестанно, однимъ словомъ, какой былъ шумъ, что насъ, я думаю, и на половину не слышали. По окончаніи же пьесы, всѣ гости наперерывъ осыпали насъ похвалами; дамы всѣхъ цѣловали, а самъ городничій, притопывая ногой, кричалъ: «Славно, дѣти, славно! спасибо И. И.! То есть вотъ какъ одолжилъ! — Ну, дѣти! на масляную вамъ рубль денегъ, да.... подайте имъ большой пряникъ, что вчера принесли мнѣ!»

Рубль мѣдныхъ денегъ тотчасъ же былъ врученъ одному изъ игравшихъ въ комедіи. Когда же принесли пряникъ, удивившій своей величиною (въ немъ было, по крайней мѣрѣ, аршина полтора длины и аршинъ ширины), городничій потребовалъ ножъ, и на кругломъ столѣ собственноручно разрѣзалъ пряникъ съ математическою точностью на восемь кусковъ и каждому игравшему вручилъ самъ слѣдуемую часть. Притомъ, цѣлуя каждаго, приговаривалъ: «хорошо, плутишка!» Меня же для отличія отъ прочихъ, согласно моему званію, погладилъ по головѣ, потрепалъ по щекѣ и позволилъ поцѣловать свою ручку — что было знакомъ величайшей милости, — да прибавилъ еще: «ай да Щ—ъ! молодецъ! бойчѣе всѣхъ говорилъ; хорошо, братецъ, очень хорошо! Добрый слуга будешь барину!»

Digitized by Google

Послѣ чего велѣно было насъ отпустить. Съ трудомъ отыскавши свои шубенки, уже безъ проводниковъ, пустились мы сами прочищать себѣ дорогу сквозь толпу любопытныхъ и очутились въ крайнемъ затрудненіи. Къ счастью, кучеръ городничаго закричалъ: «пропустите, толкачи проклятые! это дѣти, которые играли комедію». Въ этихъ словахъ было что-то магическое: толпа раздвинулась и даже помогла намъ пройти, толкая другъ друга. Нѣкоторые изъ очень любопытныхъ проводили насъ даже до дома секретаря, куда отправились мы, чтобы раздѣлить жалованный капиталъ. Оттуда разбрелись всѣ по своимъ домамъ.

Я былъ въ такомъ чаду, что мнѣ все казалось сномъ, и если бы не огромный кусокъ пряника и не двадцать пять копѣекъ, доставшихся мнѣ съ сестрою по раздѣлу, если бы не эта сумма, слишкомъ громко звенѣвшая въ заднемъ карманѣ сюртука моего, при каждомъ моемъ движеніи, то я точно усомнился бы въ дѣйствительности. Что тогда было у меня на мысли, что меня волновало, я не могу выразить, только мнѣ было такъ хорошо, такъ весело, что и сказать нельзя. Говорили, что къ свѣтлому празднику хотѣли разучить еще комедію, но это не состоялось, потому, что не отыскалось другой комедіи, или, что всего вѣрнѣй, потому, что отъ игранной комедіи разстроился весь городъ, и учителю было не очень ловко. Родители дѣтей, неучаствовавшихъ въ пьесѣ, сильно оскорбились, что ихъ дѣти обойдены; между тѣмъ, они вездѣ громко кричали, что сами своимъ дѣтямъ не позволили играть, хотя учитель и хотѣлъ помѣстить ихъ,—что, дескать, какъ можно дѣтей благородныхъ отцовъ занимать такими мерзостями, и что, какъ тѣ отцы одурѣли, что позволили дѣтей своихъ сдѣлать скоморохами; дѣло другое дѣти Щ—а: ну, ихъ и родъ ужь такой, изъ нихъ все, что хочешь дѣлай,— и что-де надо довести до высшаго начальства, чтобы лучше учили дѣтей, а не дѣлали ихъ лицедѣями; отъ тѣхъ или другихъ подобныхъ сплетней, или за неимѣніемъ комедіи, только спектакль другой не состоялся.

Получивъ два предписанія, для полученія лошадей, одно отъ городничаго въ волостное правленіе, а другое отъ исправника въ заштатный городъ М....., который былъ намъ по пути. я съ величайшей гордостію отправился за ними въ волостное правленіе и, представляя предписаніе, покрикивалъ, чтобы скорѣе давали лошадей. — По полученіи ихъ, я пріѣхалъ на квартиру, уло-

Digitized by Google

жилъ свое имущество и съ особеннымъ тщаніемъ завернулъ пряники, которые мы рѣшились сохранить въ цѣлости и, какъ трофей торжества нашего, представить отцу и матери, а въ знакъ бережливости, привезти въ наличности жалованье двадцать пять копѣекъ. Такимъ образомъ, посадили, или, лучше сказать, уложили насъ въ сани, завернули въ бараньи тулупы сверхъ нашихъ шубенокъ, которыя, обыкновенно, зимою изъ дому присылались, чтобы не переморозить насъ (отпуская присланныхъ отъ отца лошадей, я догадался удержать ихъ), и мы съ сестрой, наконецъ, отправились на тройкѣ обывательскихъ лошадей. Проѣзжая по городу мимо знакомыхъ домовъ, я покрикивалъ: пошолъ!.. выѣхавъ за заставу, тоже изрѣдка покрикивалъ. Дорогой пришло намъ на мысль заѣхать въ Александровку къ Шеповалкѣ и разсказать ей все, что было, и показать куски пряника, чему она будетъ очень рада и накормитъ насъ бубликами и медомъ. Надобно знать, что Александровкой назывался хуторъ, въ числѣ другихъ имѣній, находившійся подъ управленіемъ отца моего, куда мы хотя изрѣдка въ вакантное время ѣзжали съ матерью на нашу пасеку, которая тамъ находилась, и во время пріѣздовъ всегда останавливались у Шеповалки. (Тутъ-то мы познакомились съ ея бубликами, которыми она прославилась.) Только вотъ бѣда, надо было свернуть въ сторону съ предлежащаго пути; поѣдетъ ли мужикъ въ сторону, а между тѣмъ, во время такихъ размышленій морозъ съ вѣтромъ началъ насъ сильно пронимать; какъ ни тщательно закутали насъ въ тулупы, но дорогой отъ ухабовъ все это разкрылось, и бѣдные актеры, забывъ все, принялись горько плакать; мужикъ обернулся къ намъ, поглядѣлъ на насъ, покачалъ головой и прехладнокровно сказалъ: «отже дитва замерзне»; тутъ только изъявили мы свою просьбу завезти насъ въ Александровку отогрѣться, и обѣщали, что ему тамъ дадутъ пообѣдать и что лошадямъ сѣна дадутъ, что Александровка наша, и что я все это прикажу. Не знаю, это ли убѣдило Малороссіянина, или ему просто жаль насъ стало, только онъ рѣшился исполнить просьбу нашу, сказавъ: «ну, добре, хлопци, тилько пострывайте, я васъ заверну хорошенько кожухами, та лежить, не ворочайтесь, а то щобъ и вправду не замерзли, бачь якъ дере морозъ». Исполнивъ сказанное, онъ присвиснулъ на лошадей, и чрезъ полчаса мы были на мѣстѣ. — Шеповалка выбѣжала, втащила насъ

Digitized by Google

по одиначкѣ въ теплую свѣтлицу, окостенѣлыхъ отъ холода и всхлипывающихъ. Мы объяснили ей, что мы совсѣмъ замерзли, что мы играли комедію, что ѣдемъ на обывательскихъ, что намъ подарили два куска пряника и двадцать пять копѣекъ денегъ, и все это было высказано со слезами и дрожа всѣмъ тѣломъ. «Да ну вже мовчить, диточки, перше отогрійтесь, а то уже раскажете.» И снявъ съ насъ шубенки и сапоги, положила насъ на печь прямо въ горячее жито, которое было насыпано для сушки; оно приняло насъ, такъ сказать, въ свои теплыя объятія. Мы очень скоро отогрѣлись, а особливо, какъ она подала намъ горячаго молока, а на закуску бубликовъ съ медомъ. Когда потъ градомъ валилъ съ насъ, мы свѣсили головы съ печи, и наконецъ, разсказали хозяйкѣ всѣ наши подвиги, разумѣется, съ украшеніями. Трудно было ей втолковать, что такое комедія, да ктому же ей, я думаю, трудно было и понять насъ, потому-что мы съ сестрой говорили оба вдругъ, такъ-что насъ и разобрать нельзя было. Изъ всего разсказаннаго она заключила, что мы очень умные дѣти; подводчикъ былъ накормленъ, лошади его тоже; Шеповалка прибавила намъ на дорогу еще овчинный тулупъ, и мы отправились въ М....., гдѣ должно было мѣнять лошадей и гдѣ жила наша родная тетка, бывшая за мужемъ за миропольскимъ мѣщаниномъ. Не стану описывать, съ какою важностію разсказывали мы теткѣ о нашихъ подвигахъ и съ какою гордостію дядя ходилъ съ предписаніемъ въ волостное правленіе и вытребовалъ лошадей, потому-что все это было въ томъ же тонѣ, а разскажу прямо пріѣздъ нашъ домой. Мать выбѣжала, прислуга тоже, внесли насъ въ комнаты, мать плакала отъ радости, отецъ пресерьёзно позволилъ себя поцѣловать, сказавъ: «что? промерзли! сами виноваты, почему тогда не поѣхали? въ повозкѣ было бы теплѣй; да что ты вралъ въ письмѣ? какую ты тамъ игралъ комедію?» Я было хотѣлъ уже разсказывать, но онъ остановилъ: — ну! ну! послѣ разскажешь, а теперь отогрѣвайтесь, да напой ихъ чаемъ, Маша; видишь, какъ продрогли. — Это меня очень удивило: не въ первый разъ насъ привозятъ продрогшихъ, но чаемъ никогда не поили: что жь бы это значило? этого я не могъ рѣшить; но нетерпѣніе удивить отца и мать своими подвигами заставило меня во время питья чаю все разсказать: все объяснили, и какъ мы играли, и какъ насъ хвалили, и что намъ подарили двадцать пять копѣекъ и два

Digitized by Google

куска пряника. Тутъ отецъ, шутя, улыбался, потрепалъ меня по щекѣ и сказалъ: — Ну, пей чай, да повтори, что ты тамъ игралъ; я посмотрю, братъ, какóвъ ты молодецъ. — Признаюсь, я былъ радъ, что онъ вызвался меня послушать; думаю, покажу же я ему себя, ужь когда городничій и прочіе дворяне довольны были, такъ ужь человѣкъ его званія еще болѣе будетъ доволенъ— и я съ восторгомъ ожидалъ минуты испытанія. Надобно вамъ сказать, что отецъ мой, на мою бѣду, лѣтъ по нѣскольку живалъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ и не одинъ разъ бывалъ въ театрѣ и, разумѣется, видѣлъ лучшихъ артистовъ того времени, и даже, по его словамъ, видалъ спектакли въ эрмитажѣ; все это объяснилось для меня уже послѣ. Когда дошло до дѣла и я началъ болтать свою роль съ ужасной быстротой, отецъ расхохотался, а мать отъ радости плакала, видя въ сынѣ такую бойкость. Я же, примѣтивъ, что произвожу такое дѣйствіе, еще быстрѣй и громче пустился работать и съ самодовольствіемъ подмигивалъ сестрѣ: дескать, знаи наших, пусть, дескать, отецъ увидитъ, каковъ я, не станетъ уже безпрестанно ворчать! Все это толпилось въ головѣ моей во время хохота отца; но судите же мое удивленіе, когда отецъ остановилъ меня; ну! ну! говоритъ — довольно; и вы всѣ такъ играли? — Всѣ, отвѣчалъ я, и я лучше всѣхъ! — И васъ хвалили? — Хвалили. — И учитель былъ доволенъ? — Очень доволенъ! — Тутъ отецъ ѣдко усмѣхнулся и примолвилъ: «дураки вы, дураки; за такую игру и васъ всѣхъ и учителя выдрать бы розгами!»

— —ъ.

Digitized by Google

* * *

Бываю часто я смущенъ внутри души
И трепетомъ исполненъ и волненьемъ:
Какой-то ходъ судьбы свершается въ тиши
И вѣетъ мнѣ отъ жизни привидѣньемъ.
Въ движеньи шумномъ дня, въ молчаньи тьмы ночной,
Въ толпѣ ль, одинъ ли, средь забавъ иль скуки,
Вездѣ болѣзненно я слышу за собой
Изъ жизни прежней схваченные звуки.
Мнѣ чувство каждое, и каждый новый ликъ
И каждой страсти новое волненье, —
Все кажется уже давно прожитый мигъ,
Все старого пустое повторенье:
И скука страшная лежитъ на днѣ души,
Межъ тѣмъ, какъ я внимаю съ напряженьемъ,
Какъ тайный ходъ судьбы свершается въ тиши
И вѣетъ мнѣ отъ жизни привидѣньемъ.

Н. ОГАРЕВЪ.

Digitized by Google

ТРОЙКА.

(П. П. Маслову.)

Что ты жадно глядишь на дорогу
Въ сторонѣ отъ веселыхъ подругъ?
Знать, забило сердечко тревогу —
Все лицо твое вспыхнуло вдругъ.

И зачѣмъ ты бѣжишь торопливо
За промчавшейся тройкой во слѣдъ?
На тебя, подбоченясь красиво,
Заглядѣлся проѣзжій корнетъ.

На тебя заглядѣться не диво,
Полюбить тебя всякій не прочь...
Вьется алая лента игриво
Въ волосахъ твоихъ — чорныхъ, какъ ночь;

Сквозь румянецъ щеки твоей смуглой
Пробивается легкій пушокъ;
Изъ подъ брови твоей полукруглой
Смотритъ бойко лукавый глазокъ

Взглядъ одинъ чернобровой дикарки,
Полный чаръ, зажигающихъ кровь,
Старика раззоритъ на подарки,
Въ сердце юноши кинетъ любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будетъ жизнь и полна и легка....
Да не то тебѣ пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Digitized by Google

Завязавши подъ мышки передникъ,
Перетянешь уродливо грудь,
Будетъ бить тебя мужъ-привередникъ
А свекровь въ три погибели гнуть.

Отъ работы и черной и трудной
Отцвѣтешь, неуспѣвши разцвѣсть...
Погрузишься ты въ сонъ непробудной:
Будешь нянчить, работать и ѣсть.

И въ лицѣ твоемъ, полномъ движенья,
Полномъ жизни, появится вдругъ
Выраженье тупого терпѣнья
И безсмысленный, вѣчный испугъ.

И схоронятъ въ сырую могилу,
Какъ пройдешь ты тяжелый свой путь
Безполезно угасшую силу
И ничѣмъ не согрѣтую грудь.

Не гляди же съ тоской на дорогу
И за тройкой во слѣдъ не спѣши,
И тоскливую въ сердцѣ тревогу
Поскорѣй навсегда заглуши.

Не нагнать тебѣ бѣшеной тройки:
Кони крѣпки, и сыты, и бойки, —
И ямщикъ подъ хмѣлькомъ, и къ другой
Мчится вихремъ корнетъ молодой.

Н. НЕКРАСОВЪ.

Digitized by Google

II.

ВЗГЛЯДЪ

НА ЮРИДИЧЕСКІЙ БЫТЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Въ наше время русская исторія становится предметомъ общаго любопытства и дѣятельнаго изученія. Прежде она была доступна однимъ избраннымъ, на которыхъ потому и смотрѣли съ какимъ-то удивленіемъ, переходящимъ въ благоговѣніе. Теперь всѣ образованные люди интересуются русской исторіей; не только у насъ, даже въ Европѣ многіе ею занимаются. Объяснять причины этого новаго, весьма недавняго явленія мы считаемъ излишнимъ. Россія Петра Великаго, Россія Екатерины II, Россія XIX вѣка объясняютъ его достаточно. Прибавимъ, что всѣ нѣкогда обширныя и сильныя государства, основанныя Славянами, пали. Одна Россія, государство тоже славянское, создалась такъ крѣпко и прочно, что вынесла всѣ внѣшнія и внутреннія бури, и изъ каждой выходила какъ будто съ новыми силами. Ея судьба совсѣмъ особенная, исключительная въ славянскомъ мірѣ, отчасти истребленномъ, отчасти порабощенномъ и угнетенномъ въ прочихъ его отрасляхъ. Это дѣлаетъ ее явленіемъ совершенно новымъ, небывалымъ въ исторіи.

Одинъ поверхностый взглядъ на быть древней Россіи, еще не загроможденный отъ неопытнаго взгляда европейскими формами, совершенно убѣждаетъ въ этой мысли.

Удивительное дѣло! На одномъ материкѣ, раздѣленныя нѣсколькими народами, Европа и Россія прожили много вѣковъ, чуждаясь

Digitized by Google

другъ друга, какъ будто съ умысломъ избѣгая всякаго близкаго соприкосновенія. Европа объ насъ ничего не знала, и знать не хотѣла; мы ничего не хотѣли знать объ Европѣ. Были встрѣчи, но рѣдкія, какія-то оффиціяльныя, недовѣрчивыя, слишкомъ натянутыя, чтобъ произвести дѣйствительное сближеніе. Еще и теперь, когда многое перемѣнилось, Европа больше знаетъ какіе нибудь Карибскіе Острова, чѣмъ Россію. Есть что-то странное, загадочное въ этомъ фактѣ!

Въ исторіи — ни одной черты сходной, и много противуположныхъ. Въ Европѣ дружинное начало создаетъ феодальныя государства; у насъ дружинное начало создаетъ удѣльное государство. Отношеніе между феодальной и удѣльной системой—какъ товарищества къ семьѣ. Въ Европѣ сословія, у насъ нѣтъ сословій; въ Европѣ аристократія, у насъ нѣтъ аристократіи; тамъ особенное устройство городовъ и среднее сословіе — у насъ одинаковое устройство городовъ и селъ, и нѣтъ средняго, какъ нѣтъ и другихъ сословій; въ Европѣ рыцарство, у насъ нѣтъ рыцарства; тамъ Церковь, облеченная свѣтскою властью, въ борьбѣ съ Государствомъ, — здѣсь Церковь, неимѣющая никакой свѣтской власти, и въ мірскомъ отношеніи зависимая отъ Государства; тамъ множество монашескихъ орденовъ — у насъ одинъ монашескій орденъ, и тотъ основанъ не въ Россіи; въ Европѣ отрицаніе католицизма — протестантизмъ; въ Россіи не было протестантизма; у насъ мѣстничество — Европа ничего не знаетъ о мѣстничествѣ; тамъ сначала нѣтъ общиннаго быта, потомъ онъ создается; здѣсь сначала общинный бытъ, потомъ онъ падаетъ; тамъ женщины мало по малу выходятъ изъ подъ строгой власти мужчинъ; здѣсь женщины, сначала почти равныя мужчинамъ, потомъ ведутъ жизнь восточныхъ женщинъ; въ Россіи, въ исходѣ XVI вѣка, сельскіе жители прикрѣпляются къ землѣ; въ Европѣ, послѣ основанія государствъ, не было такого явленія.

Какъ понятно удивленіе перваго, который замѣтилъ это глубокое, совершенное различіе! Точно, онъ могъ забыть изъ-за него человѣческое единство всѣхъ племенъ и народовъ! Подвигъ Петра могъ представиться ему нарушеніемъ неотъемлемыхъ правъ народа на самобытность. Намъ теперь это и странно и смѣшно; но не станемъ укорять перваго за ложный взглядъ: соблазнъ былъ слишкомъ великъ.

Съ XVIII вѣка наше отчужденіе, холодность къ Европѣ вдругъ совершенно исчезаютъ и замѣняются тѣсной связью, глубокой симпатіей. Такъ же ревностно принялись мы отказываться отъ своего и принимать чужое, европейское, какъ прежде отказывались отъ чужого и держались своего. Нашихъ старинныхъ обычаевъ, природнаго языка, самаго имени мы стали стыдиться. Близорукіе видѣли въ этомъ

Digitized by Google

отступничествѣ какое-то непростительное легкомысліе, невыполнимое желаніе перемѣнить свою національность на чужую. Дальше они ничего не видали. Старовѣры пятнали его преступленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, то было странное время! То былъ какой-то безумный фантастическій маскарадъ. Каждый жадно выбиралъ роль, надѣвалъ костюмъ, и простодушно вѣрилъ, что перерождался, принимая обманъ за дѣйствительность. Кто не переодѣлся, на того смотрѣли съ презрѣніемъ. Никогда самообольщеніе не доводило до такой слѣпоты.

Теперь это время прошло. Мы можемъ судить его безпристрастно. Оно было вызвано горячимъ, искреннимъ, но безсознательнымъ стремленіемъ выйти изъ положенія, въ которомъ стало какъ-то тѣсно и не ловко. Но когда мы стали выходить изъ этого положенія, котораго не понимали, въ другое, котораго тоже не понимали, руководствуясь однимъ темнымъ чувствомъ, оказалось, что мы чуть-чуть не дѣти. Мы обнаружили много силъ, ума, благородства, много очень хорошаго, но въ такихъ юношескихъ формахъ, какъ будто мы только-что начинали жить.

Что же дѣлали до XVIII вѣка?

Новѣйшіе изслѣдователи доказываютъ, что Славяне въ Европѣ исконные жители, переселившіеся сюда по крайней мѣрѣ не позже германскаго племени, и нельзя сказать когда,—такъ давно. Но оставимъ ихъ. Возьмемъ почти несомнѣнно достовѣрную исторію Россіи съ прибытія къ намъ иноземной дружины съ сѣвера, въ половинѣ IX вѣка. Что дѣлали мы съ половины IX до XVIII вѣка — цѣлые восемь съ половиной вѣковъ? вовсе не жили? это не правда. Факты противорѣчатъ этому. Наша исторія представляетъ постепенное *измѣненіе* формъ, а не *повтореніе* ихъ; слѣд., въ ней было развитіе, не такъ какъ на Востокѣ, гдѣ съ самаго начала до сихъ поръ все повторяется почти одно и тоже; а если по временамъ и появлялось что-нибудь новое, то замирало, или развивалось на европейской почвѣ. Въ этомъ смыслѣ, мы народъ европейскій, способный къ совершенствованію къ развитію, который не любитъ повторяться и безчисленное число вѣковъ стоять на одной точкѣ. Въ чемъ же состояло наше развитіе до XVIII вѣка? какой смыслъ его? какое его движущее начало? Вотъ тайна, до сихъ поръ еще никѣмъ не разгаданная! Множество «взглядовъ на русскую исторію» брошено, множество «теорій русской исторіи» построено, а разрѣшеніе этихъ вопросовъ все-таки не подвинулось ни на шагъ впередъ. На древнюю русскую исторію смотрѣли съ точки зрѣнія исторіи всѣхъ возможныхъ восточныхъ и западныхъ, сѣверныхъ и южныхъ народовъ, и никто ея не понялъ, потому-что она въ самомъ дѣлѣ не похожа ни на какую другую исторію. Наконецъ, къ теоріямъ и взглядамъ всѣ охладѣли и потеряли довѣріе.

Digitized by Google

Въ нихъ видѣли повтореніе прежнихъ, неудачныхъ попытокъ. Нѣкоторые записные ученые пошли дальше. Они объявили, что теорія русской исторіи, другими словами — русская исторія какъ наука — невозможна, даже не нужна, даже вредна; что должно изучать и изучать одни факты. Исторически они были правы. Они сказали это, когда являлись теоріи и взгляды, одни другихъ несообразнѣе, страннѣе, а фактовъ почти никто не зналъ. — Но ошибка ихъ состояла въ томъ, что когда это время прошло, они все продолжали твердить одно и тоже.

Большая ошибка! Во первыхъ, однажды возникшій вопросъ, рано или поздно, непремѣнно долженъ быть разрѣшенъ; это его неотъемлемое право. Отложить его разрѣшеніе на время можно, иногда должно; не признавать его, отвергать, значитъ стоять ниже вопроса. Во вторыхъ, въ противуположеніи фактовъ теоріи, взгляду, скрывается важное заблужденіе. Взглядъ, теорія, непремѣнно предполагаютъ фактическое знаніе предмета. Безъ послѣдняго невозможны первые. Какъ строить теорію о предметѣ, котораго мы вовсе не знаемъ? Но и на оборотъ, фактическое изученіе невозможно безъ взгляда, безъ теоріи. Одно необходимо переходитъ въ другое. Сухое знаніе всѣхъ фактовъ не достижимо, по ихъ безконечному множеству; сверхъ того, оно совершенно безполезно, ибо не даетъ ровно ничего, въ сущности ни на іоту не прибавляетъ къ нашему знанію. Взглядъ, теорія, опредѣляютъ важность фактовъ, придаютъ имъ жизнь и смыслъ, мѣшаютъ запутаться въ ихъ безконечномъ лабиринтѣ; словомъ, только съ ихъ помощью можно возсоздать исторію, какъ она была.

Въ доказательство ссылаемся на послѣднее время нашей историко-литературной дѣятельности. Тѣ, которые всегда больше возставали противъ взглядовъ и теорій, уступили непреложному закону мышленія, и безсознательно строили теоріи русской исторіи — правда, не очень удачныя, — но строили. (Можетъ быть и *сознательно;* мы однако не хотимъ подозрѣвать ихъ въ недобросовѣстномъ стремленіи ввести монополію въ науку русской исторіи). Во множествѣ издавались источники, что̀ вездѣ и всегда имѣетъ свою безотносительную важность и пользу, но не обогащаетъ историческую литературу, составляя въ тоже время одно изъ ея существенныхъ, необходимыхъ условій. Собственно ученое обработываніе русской исторіи представляетъ самую жалкую картину. За исключеніемъ весьма немногихъ статей и изслѣдованій, которыя можно пересчитать по пальцамъ, такъ ихъ немного, все прочее служитъ блистательнымъ доказательствомъ, какъ неблагопріятно дѣйствуетъ на науку отсутствіе всякаго направленія, всякой общей мысли. Писано, если хотите, довольно,

Digitized by Google

даже гораздо больше, нежели сколько нужно, чтобъ не привести ни къ какимъ результатамъ. Но всѣ изслѣдованія поражаютъ какою-то безцвѣтностью, безхарактерностью, случайностью выбора. Вопросы существенные, важные, оставлены въ сторонѣ; мелочи поглотили все вниманіе разыскателей. Между отдѣльными изслѣдованіями никакого единства, такъ-что изъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ ничего не слѣдуетъ, тогда какъ они должны бы дополнять и пояснять другъ друга. Отсюда — никакого довѣрія къ сочиненіямъ по русской исторіи. Для всѣхъ, кто ею занимается, сдѣлалось общимъ мѣстомъ не читать ихъ, а изучать одни источники. Хуже нельзя отозваться объ исторической литературѣ. Въ другихъ охладѣлъ всякій интересъ къ предмету, чего онъ, самъ по себѣ, безъ сомнѣнія не заслуживаетъ.

Итакъ, чтобъ понять тайный смыслъ нашей исторіи, чтобъ оживить нашу историческую литературу, необходимы взглядъ, теорія. Они должны представить русскую исторію какъ развивающійся организмъ, живое цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, одними началами. Явленія ея должны быть поняты какъ различныя выраженія этихъ началъ, необходимо связанныя между собою, необходимо вытекающія одно изъ другого.

I.

Гдѣ ключъ къ правильному взгляду на русскую исторію?

Отвѣтъ простой. Не въ невозможномъ отвлеченномъ мышленіи, не въ почти безплодномъ сравненіи съ исторіею другихъ народовъ, а въ насъ самихъ, въ нашемъ внутреннемъ бытѣ.

Многіе не безъ основанія думаютъ, что образъ жизни, привычки, понятія крестьянъ сохранили очень многое отъ древней Руси. Ихъ общественный бытъ нисколько не похожъ на общественный бытъ образованныхъ классовъ. Посмотрите же, какъ крестьяне понимаютъ свои отношенія между собою и къ другимъ. Помѣщика и всякаго начальника они называютъ *отцомъ*, себя—его *дѣтьми*. Въ деревнѣ старшіе лѣтами зовутъ младшихъ *робятами*, *молодками*, младшіе старшихъ — *дядями*, *дѣдами*, *тетками*, *бабками*, равные—*братьями*, *сестрами*. — Словомъ, всѣ отношенія между не-родственниками сознаются подъ формами *родства*, или подъ формами прямо изъ него вытекающаго и необходимо съ нимъ связаннаго, кровнаго, возрастомъ и лѣтами опредѣленнаго, *старшинства* или *меньшинства*. Безспорно, въ устахъ народа эта терминологія съ каждымъ годомъ или исчезаетъ, или становится болѣе и болѣе безсмысленнымъ звукомъ. Но замѣтимъ, что она не введена насильственно, а сложилась сама собою,

Digitized by Google

въ незапамятныя времена. Ея источникъ — прежній взглядъ русскаго человѣка на свои отношенія къ другихъ. Отсюда мы въ полномъ правѣ заключить, что когда-то эти термины навѣрное не были только фразами, но заключали въ себѣ полный, опредѣленный, живой смыслъ; что когда-то всѣ и неродственныя отношенія дѣйствительно опредѣлялись у насъ по типу родственныхъ, по началамъ кровнаго старшинства или меньшинства. А это неизбѣжно приводитъ насъ къ другому заключенію, что въ древнѣйшія времена русскіе Славяне имѣли *исключительно* родственный, на однихъ кровныхъ началахъ и отношеніяхъ основанный бытъ; что въ эти времена о другихъ отношеніяхъ они не имѣли никакого понятія, и потому, когда они появились, подвели и ихъ подъ тѣже родственныя, кровныя отношенія.

Выражаясь какъ можно проще, мы скажемъ, что у русскихъ Славянъ былъ, слѣдовательно, первоначально одинъ чисто-семейственный, родственный бытъ, безъ всякой примѣси; что русско-славянское племя образовалось въ древнѣйшія времена *исключительно* однимъ путемъ *нарожденія*. Это совершенно согласно и съ первыми историческими извѣстіями.

Есть большое вѣроятіе, что точно такой же исключительно семейственный, родственный бытъ имѣли первоначально и всѣ прочіе Славяне; но историческая судьба ихъ и наша была не одинакова. Послѣдніе, въ разныя времена, смѣшались съ другими народами, или подпали подъ ихъ власть. Отъ-того ихъ исключительно-родственный, семейственный бытъ долженъ былъ насильственно перерваться, можетъ быть, слишкомъ рано для ихъ дальнѣйшаго историческаго дѣйствованія и даже для самаго ихъ существованія.

Другія обстоятельства сопровождали наше развитіе. Никогда иноплеменные завоеватели не селились между нами, и потому не могли придать нашей исторіи свой національный характеръ. Много народовъ прошло черезъ Русь. Торговый путь и восточныя монеты, находимыя въ Россіи, указываютъ на безпрестанныя сношенія съ иностранцами. Были и завоеванія: Авары, Хозары, какіе-то сѣверные выходцы, кажется, Норманны, и Татары поперемѣнно покоряли русскихъ Славянъ, опустошали ихъ земли и собирали тяжкую дань. Но всѣ эти пріязненныя и непріязненныя столкновенія съ иноплеменниками не имѣли и не могли имѣть, въ самой малой степени, тѣхъ послѣдствій для нашей послѣдующей исторіи, какія имѣло въ другихъ земляхъ поселеніе завоевателей у туземцевъ, и смѣшеніе ихъ между собою. Кто знаетъ, какъ необразованный Славянинъ неохотно поддается чуждому вліянію, какъ онъ вездѣ и всегда остается при своихъ нравахъ и обычаяхъ, даже одиноко и надолго заброшенный между иностранцами,—тотъ пойметъ, что торговыя сношенія русскихъ

Digitized by Google

Славянъ съ иностранцами, какъ бы они часты и продолжительны ни были, не могли нисколько измѣнить внутренняго, домашняго и общественнаго быта первыхъ. Нѣсколько словъ и названій предметовъ, имъ неизвѣстныхъ — вотъ все, что могли имъ передать чужеземцы. Тѣмъ менѣе могли измѣнить ихъ бытъ толпы варваровъ, мгновенно появлявшіяся и мгновенно исчезавшія. Авары никогда не смѣшивались съ русскими Славянами, и обращались съ ними слишкомъ жестоко чтобъ послѣдніе когда либо могли забыть свое различіе съ ними. Потомъ Авары исчезли, до единаго. Хозары брали одну дань: тѣмъ и ограничилось ихъ владычество. Татары господствовали надъ ними издалека. Имъ нужны были подушная и покорность. Вліяніе ихъ на нашъ внутреній бытъ ограничилось посылкою въ Россію сборщиковъ податей, — и то только съ начала, — вмѣшательствомъ въ распри удѣльныхъ князей и нѣсколькими, еще весьма сомнительными, неудачными попытками обратить насъ къ исламу. Впрочемъ роль фанатическихъ пропагандистовъ такъ мало шла къ Монголамъ, равнодушнымъ покровителямъ всѣхъ возможныхъ религій, что они ее скоро оставили, если когда нибудь и принимали на себя. Не только они не поселились у насъ на правахъ завоевателей: они даже не ставили у насъ своихъ хановъ, а сажали русскихъ же князей, которые никогда искренно не держали ихъ стороны, кланялись имъ, пока было нужно и выгодно, и воспользовались ихъ покровительствомъ, чтобъ усилиться и свергнуть ихъ же иго. И монгольское вліяніе ограничилось нѣсколькими словами, вошедшими въ нашъ словарь; можетъ быть, и даже вѣроятно, нѣсколькими обычаями, не совсѣмъ для насъ лестными, каковы: *пытка*, *кнутъ*, *правежъ*; но эти обычаи, безъ всякаго сомнѣнія, *заимствованы*, а *не навязаны*, и заимствованы больше вслѣдствіе тогдашняго быта Руси, чѣмъ вслѣдствіе сношеній съ Татарами. И безъ нихъ они бы конечно образовались, только подъ другими формами и названіями. Одни сѣверные выходцы Варяги составляютъ какъ будто исключеніе. Сначала они покоряютъ сѣверно-русскихъ Славянъ, и ограничиваются, подобно другимъ, данью. Но потомъ, призванные нѣсколькими союзными русско-славянскими и финскими племенами, они дружиной поселяются между ними, изъ призванныхъ властителей становятся завоевателями, покоряютъ всѣ племена, имъ еще не подвластныя, ставятъ въ ихъ городахъ своихъ правителей, и основываютъ обширное, какъ кажется, феодальное государство. Но... замѣчательное явленіе! тогда какъ въ другихъ земляхъ они на долго придаютъ свой характеръ быту страны, ими покоренной, у насъ напротивъ, они скоро подчиняются вліянію туземнаго элемента, и наконецъ совершенно въ немъ исчезаютъ, завѣщавъ намъ надолго мысль о государственномъ единствѣ

Digitized by Google

всей русской земли, дружинное начало и систему областнаго правленія. Впрочемъ, и эти слѣды сѣверной дружины такъ переродились на русской почвѣ, такъ проникнулись національнымъ элементомъ, что въ нихъ почти невозможно узнать ихъ не-славянскаго первообраза. Не станемъ здѣсь изслѣдовать, какъ и почему это сдѣлалось. Для насъ самый фактъ важенъ, а онъ несомнѣненъ. А между тѣмъ Варяги — единственные, принесшіе къ намъ какіе-то чуждые элементы.

Считаемъ излишнимъ упоминать о другихъ племенахъ, какъ напр., финскихъ, которыя или исчезли, или вполнѣ подчинились господству или вліянію русско-славянскаго элемента.

Итакъ, постороннія начала никогда не были насильственно вносимы въ жизнь русскихъ Славянъ. Единственные, которымъ можно бы приписать это — Варяги, утонули и распустились въ славянскомъ элементѣ. Постороннія вліянія были—это несомнѣнно. Но онѣ не были вынужденныя, извнѣ налагаемыя, а естественныя, свободно принимаемыя. Врядъ ли онѣ были сильны; во всякомъ случаѣ, онѣ не могли намъ дать ненаціональнаго, искуственнаго развитія. Такимъ образомъ исторія вполнѣ предоставила насъ однимъ нашимъ собственнымъ силамъ. Это еще болѣе справедливо, если мы вспомнимъ, что мы не сидѣли на плечахъ у другого народа, который, будучи просвѣщеннѣе насъ, могъ бы сообщить намъ, даже противъ нашей воли, плоды своей высшей цивилизаціи. На своей почвѣ мы не имѣли предшественниковъ, а если и имѣли, то такихъ, отъ которыхъ намъ нечего было заимствовать.

Итакъ мы жили сами собой, развивались изъ самихъ себя.

Отсюда, слѣдующее, необходимое заключеніе: если нашъ бытъ, исключительно семейственный, родственный измѣнялся, безъ рѣшительнаго посторонняго вліянія, слѣд., свободно, самъ собой, то и смысла этихъ измѣненій должно искать въ началахъ того же семейственнаго быта, а не въ чемъ-либо другомъ; другими словами: наша древняя, внутренняя исторія была постепеннымъ развитіемъ исключительно-кровнаго, родственнаго быта.

Но по какому закону онъ развивался? На это отвѣчаетъ намъ новая исторія съ появленія христіанства.

Христіанство открыло въ человѣкѣ и глубоко развило въ немъ внутренній, невидимый, духовный міръ. Древнее человѣчество, подавленное природой, или художественно, но безсознательно съ нею уравновѣшенное, какъ бы примиренное, или погруженное въ одну практическую, государственную дѣятельность, имѣло о немъ какое-то темное предчувствіе, но не знало его. Христіанство нашло его и поставило безконечно-высоко надъ внѣшнимъ, матеріальнымъ міромъ. Послѣдній обреченъ былъ ему на служеніе. Отъ-того, съ появленія

Digitized by Google

христіанства внутренній міръ стремится къ неограниченному господству надъ событіями и дѣйствіями. Духовныя силы человѣка, его стремленія, надежды, требованія, упованія, которыя прежде были глубоко затаены и не могли высказываться, христіанствомъ были сильно возбуждены и стали порываться къ полному, безусловному осуществленію. Характеръ исторіи долженъ былъ совершенно измѣниться.

Когда внутренній духовный міръ получилъ такое господство надъ внѣшнимъ, матеріяльнымъ міромъ, тогда и человѣческая *личность* должна была получить великое, святое значеніе, котораго прежде не имѣла. Въ древности, о человѣкѣ, помимо опредѣленій кастъ, сословій, національностей и гражданства, не имѣли никакого понятія. Даже древнія религіи, исключительно мѣстныя, національныя, брали подъ свое покровительство только извѣстныя племена, извѣстныя гражданства; другихъ онѣ знать не хотѣли, или преслѣдовали. Словомъ, въ древности *человѣкъ какъ человѣкъ* ничего не значилъ.

Христіанство, во имя внутренняго, духовнаго міра, отрицаетъ всѣ видимыя, матеріяльныя, условныя, слѣдовательно, несущественныя, ничтожныя различія между людьми. Всѣ народы и племена, всѣ касты и сословія, всѣхъ, и свободныхъ и несвободныхъ, оно равно призываетъ къ спасенію, всѣхъ равно называетъ по духу чадами Божіими, всѣмъ обѣщаетъ и даетъ равное участіе въ благахъ небесныхъ. Первыя христіанскія общины представляютъ пеструю смѣсь разноплеменныхъ и разносословныхъ людей, уравненныхъ и соединенныхъ истиной, жаждой пріобщиться къ одной небесной, духовной жизни.

Такъ возникла впервые въ христіанствѣ мысль о безконечномъ, безусловномъ достоинствѣ *человѣка* и *человѣческой личности*. Человѣкъ — живой сосудъ духовнаго міра и его святыни; если не въ дѣйствительности, то въ возможности онъ представитель Бога на землѣ, возлюбленный сынъ Божій, для котораго самъ Спаситель міра сошелъ на землю, пролилъ святую кровь свою и умеръ на крестѣ. Такой совершенно новый взглядъ на человѣка долженъ былъ вывести его изъ ничтожества, освободить изъ подъ ига природы и внѣшняго міра, который случайно или давалъ ему значеніе, или ставилъ на равнѣ съ безсловесными, ниже ихъ. Изъ опредѣляемаго человѣкъ сталъ опредѣляющимъ, изъ раба природы и обстоятельствъ—господиномъ ихъ. Теперь, чрезъ истину, онъ сталъ первое и главное.

Христіянское начало безусловнаго достоинства человѣка и личности, вмѣстѣ съ христіанствомъ, рано или поздно, должно было перейти и въ міръ гражданскій. Отъ-того признаніе этого достоинства, возможное нравственное и умственное развитіе *человѣка* сдѣлались ло-

Digitized by Google

зунгами всей новой исторіи, главными точками или центрами, около которыхъ она вертится. Правда, много скорбнаго встрѣчаемъ мы на пути, уже пройденномъ; много скорбнаго еще предстоитъ. Къ благороднымъ, великодушнымъ порывамъ и стремленіямъ, къ чистымъ пожертвованіямъ не рѣдко примѣшивались низкія и мелочныя страсти, плачевныя заблужденія, добровольныя и недобровольныя ошибки, невѣжество и безсознательность. Но кто понимаетъ исторію, кто умѣетъ читать ея спутанныя, часто горькія страницы, для того есть отрада въ великой цѣли и въ постепенномъ, хотя и медленномъ ея достиженіи. Такъ для всѣхъ народовъ новаго, христіанскаго міра одна цѣль: безусловное признаніе достоинства человѣка, лица, и всестороннее его развитіе. Только всѣ идутъ къ ней разными путями безконечно разнообразными, какъ сама природа и историческія условія народовъ.

Германскія племена, передовыя дружины новаго міра, выступили первыя. Ихъ частыя, вѣковыя, непріязненныя столкновенія съ Римомъ, ихъ безпрестанныя войны и далекіе переходы, какое-то внутреннее безпокойство и метаніе — признаки силы, ищущей пищи и выраженія, — рано развили въ нихъ глубокое чувство *личности*, но подъ грубыми, дикими формами. Германцы жили разрозненно. Ихъ жестокость къ рабамъ и побѣжденнымъ была неумолима; ихъ семейныя отношенія были юридическія. Изъявна появились у нихъ дружины — добровольные союзы, заключаемые для военной цѣли между храбрымъ славнымъ вождемъ и людьми, жаждавшими завоеваній и добычи. Начало личности положено въ основаніе этихъ союзовъ. Предводитель не былъ полновластнымъ господиномъ дружины. Она была обязана вѣрно служить ему, но и онъ обязанъ былъ дѣлиться съ ней добычей. Нарушеніе условій разрушало союзъ. Съ самаго начала всѣ отношенія Германцевъ запечатлѣны этимъ началомъ личности и выражаются въ строгихъ юридическихъ формахъ.

Перешедши на почву, гдѣ совершалось развитіе древняго міра, гдѣ сохранились еще живые слѣды его и уже пронеслась проповѣдь Евангелія, они почувствовали всю силу христіанства и высшей цивилизаціи. Долго благоговѣлъ варваръ-Германецъ передъ именемъ Рима и не смѣлъ коснуться добычи, уже ни кѣмъ не защищаемой. Онъ ревностно принималъ новое ученіе, которое, высокимъ освященіемъ личности, такъ много говорило его чувству, — и въ тоже время вбиралъ въ себя римскіе элементы наслѣдіе древняго міра. Все это мало по малу начало смягчать нравы Германцевъ. Но и смѣшавшись съ туземцами почвы, ими завоеванной, принявши христіанство, усвоивши себѣ многое изъ римской жизни и быта, они сохранили глубокую печать своей національности. Государства, ими осно-

Digitized by Google

ванныя — явленіе совершенно новое въ исторіи. Онѣ проникнуты *личнымъ* началомъ, которое принесли съ собою Германцы. Всюду оно видно; вездѣ оно на первомъ планѣ, главное, опредѣляющее. Правда, въ новоосновавныхъ государствахъ оно не имѣетъ того возвышеннаго, безусловнаго значенія, которое придало ему христіанство. Оно еще подавлено историческими элементами, безсознательно проникнуто эгоизмомъ, и потому выражается въ условныхъ, рѣзко обозначенныхъ, часто суровыхъ и жесткихъ формахъ. Оно создаетъ множество частныхъ союзовъ въ одномъ и томъ же государствѣ. Преслѣдуя самыя различныя цѣли, но еще не сознавая ихъ внутренняго, конечнаго, органическаго единства, эти союзы живутъ другъ возлѣ друга разобщенные или въ открытой борьбѣ. Надъ этимъ еще не установившимся, разрозненнымъ и враждующимъ міромъ царитъ Церковь, храня въ себѣ высшій идеалъ развитія. Но мало по малу, подъ разнообразными формами, повидимому, не имѣющими между собою ничего общаго, или даже противуположными, воспитывается *человѣкъ*. Изъ области религіи мысль о безусловномъ его достоинствѣ постепенно переходитъ въ міръ гражданскій и начинаетъ въ немъ осуществляться. Тогда чисто историческія опредѣленія, въ которыхъ сначала сознавала себя личность, какъ излишнія и ненужныя, падаютъ и разрушаются, въ различныхъ государствахъ различно. Безчисленные частные союзы замѣняются въ нихъ однимъ общимъ союзомъ, котораго цѣль — всестороннее развитіе человѣка, воспитаніе и поддержаніе въ немъ нравственнаго достоинства. Эта цѣль еще недавно обозначилась Достиженіе ея въ будущемъ Но мы видимъ уже начало. Совершеніе неминуемо.

Русско-славянскія племена представляютъ совершенно иное явленіе. Спокойные, миролюбивые, они жили постоянно на своихъ мѣстахъ. Начало личности у нихъ не существовало. Семейственный бытъ и отношенія не могли воспитать въ русскомъ Славянинѣ чувства особности, сосредоточенности, которое заставляетъ человѣка проводить рѣзкую черту между собою и другими и всегда и во всемъ отличать себя отъ другихъ. Такое чувство рождаютъ въ неразвитомъ человѣкѣ безпрестанная война, частыя столкновенія съ чужеземцами, одиночество между ними, опасности, странствованія. Онъ привыкаетъ надѣяться и опираться только на самаго себя, быть вѣчно на чеку, вѣчно на сторожѣ. Отсюда возникаетъ въ немъ глубокое сознаніе своихъ силъ и своей личности. Семейный бытъ дѣйствуетъ противуположно. Здѣсь человѣкъ какъ-то расплывается; его силы, ничѣмъ не сосредоточенныя, лишены упругости, энергіи и распускаются въ морѣ близкихъ, мирныхъ отношеній. Здѣсь человѣкъ убаюкивается, предается покою и нравственно дремлетъ. Онъ довѣрчивъ, слабъ и безпеченъ,

Digitized by Google

какъ дитя. О глубокомъ чувствѣ личности не можетъ быть и рѣчи. Для народовъ, призванныхъ ко всемірно-историческому дѣйствованію въ новомъ мірѣ, такое существованіе безъ начала личности невозможно. Иначе они должны бы навсегда оставаться подъ гнетомъ внѣшнихъ, природныхъ опредѣленій, жить, не живя умственно и нравственно. Ибо когда мы говоримъ, что народъ дѣйствуетъ, мыслитъ, чувствуетъ, мы выражаемся отвлеченно: собственно дѣйствуютъ, чувствуютъ, мыслятъ единицы, лица, его составляющія. Такимъ образомъ личность, сознающая, сама по себѣ, свое безконечное, безусловное достоинство — есть необходимое условіе всякаго духовнаго развитія народа. Этимъ мы совсѣмъ не хотимъ сказать, что она непремѣнно должна ставить себя въ противуположность съ другими личностями, враждовать съ ними. Мы, напротивъ, думаемъ, что послѣдняя цѣль развитія — ихъ глубокое, внутреннее примиреніе. Но во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были ея отношенія, она непремѣнно должна существовать и сознавать себя.

Этимъ опредѣляется законъ развитія нашего внутренняго быта. Оно должно было состоять въ постепенномъ образованіи, появленіи начала личности, и слѣд., въ постепенномъ отрицаніи исключительно кровнаго быта, въ которомъ личность не могла существовать. Степени развитія начала личности и совпадающія съ ними степени упадка исключительно родственнаго быта опредѣляютъ періоды и эпохи русской исторіи.

Такъ, задача исторіи русско-славянскаго племени и германскихъ племенъ была различна. Послѣднимъ предстояло развить историческую личность, которую они принесли съ собою, въ личность человѣческую; намъ предстояло создать личность. У насъ и у нихъ вопросъ поставленъ такъ неодинаково, что и сравненіе невозможно. Послѣ мы увидимъ, что и мы и они должны были выйти, и въ самомъ дѣлѣ вышли на одну дорогу. Теперь, съ этой точки зрѣнія, бросимъ бѣглый взглядъ на внутренній бытъ древней Россіи до Петра Великаго.

II. (*)

Въ древнѣйшія времена часть теперешней европейской Россіи была заселена кроткими и мирными русско-славянскими племенами. Сельская промышленность и торговля сырыми продуктами были главнымъ ихъ занятіемъ. Эти племена состояли изъ большихъ и малыхъ

(*) Считаемъ нужнымъ предупредить читателей, что въ этомъ очеркѣ мы ограничились обзоромъ одного юридическаго быта.

Digitized by Google

поселеній, которыя, въ противуположность разрозненной жизни первоначальныхъ Германцевъ, представляютъ нашихъ предковъ собранными вмѣстѣ, жившими группами. Вглядываясь въ каждое поселеніе, мы видимъ, что это — разросшаяся, размножившаяся семья, которой члены и потомки живутъ вмѣстѣ, на одномъ корню. Такъ все первобытное славянское населеніе Россіи было огромное дерево, спокойно выросшее изъ одного зерна; поселенія и племена — его вѣковыя вѣтви и отпрыски.

Внутри поселеній царствуетъ чисто семейный бытъ подъ управленіемъ *старшаго* рожденіемъ и лѣтами. Его власть была семейная, родительская; подвластные ему были какъ будто его дѣти и между собой соединены родственными узами и отношеніями.

Намъ теперь трудно вдуматься въ этотъ бытъ. Сами не подозрѣвая, мы, когда его представляемъ, невольно придаемъ ему черты теперешняго человѣческаго общества, судимъ объ немъ по нашему семейному быту, проникнутому гражданственностію, которой онъ не зналъ. Его создала природа, кровь; она его поддерживала и имъ управляла. Отъ-того совершенная юридическая неопредѣленность — его отличительная черта. Напрасно станемъ мы искать въ немъ власти и подчиненности, правъ и сословій, собственности и администраціи. Человѣкъ жилъ тогда совершенно подъ опредѣленіями природы; мысль еще не освободила его отъ ея ига.

При всей ограниченности онъ представляетъ многія прекрасныя черты. Люди жили сообща, не врозь, не отчужденные, какъ потомъ; не было еще гибельнаго различія между *моимъ* и *твоимъ* — источника послѣдующихъ бѣдствій и пороковъ; всѣ, какъ члены одной семьи, поддерживали, защищали другъ друга, и обида, нанесенная одному, касалась всѣхъ. Такой бытъ долженъ былъ воспитать въ русскихъ Славянахъ семейныя добродѣтели: кроткіе, тихіе нравы, довѣрчивость, необыкновенное добродушіе и простосердечіе. На работу и чужеземцевъ они смотрѣли не съ юридической, а съ семейной, кровной точки зрѣнія. Отъ-того было хорошо у Славянъ зависимымъ чужеземцамъ и плѣннымъ: и на нихъ простиралася покровъ и благословеніе семейной жизни. Много трогательныхъ обычаевъ вынесли наши предки изъ этой первоначальной жизни, обычаевъ, отъ которыхъ развалины долго сохранялись и теперь еще отчасти сохраняются въ простомъ народѣ.

Этотъ древнѣйшій, чисто патріархальный бытъ не могъ быть вѣчнымъ. Не говорите въ грустномъ раздумьи — «да, потому-что все человѣческое проходитъ». Все проходитъ, но не потому, что вѣчное круговращеніе, вѣчная смѣна одного другимъ — смыслъ и задача жизни: Все проходитъ потому, что существующее хорошее жизнь

Digitized by Google

ведетъ еще къ лучшему. Въ смерти — зачатки обновленія и воскресенія. На младенца, на юношу мы смотримъ съ внутреннею скорбію; мы знаемъ, что исчезнетъ то непередаваемое очарованіе, которымъ исполнены его неопредѣленныя, невысказанныя черты. Но выше этой скорби ставитъ насъ сознаніе, что весеннее обаяніе юности смѣнится строгой красотой и полнотой жизни возмужалаго возраста. Оно дастъ намъ силы подавить грусть, пристально и холодно взглянуть на юность, и мы въ ней самой откроемъ тогда причины ея несостоятельности. Къ тому же приводитъ и исторія.

Въ чисто семейномъ быту нашихъ предковъ лежали зачатки его будущаго разрушенія. Онъ былъ созданъ природой, а не мыслью, не сознаніемъ, которыя могли бы дать ему твердость, постоянство, а вмѣстѣ и опредѣленность, ему совершенно неизвѣстную. Но кровныя связи слишкомъ не прочны, чтобы поддержать общественный бытъ. Племена, заселявшія Россію, большею частью разрозненныя, иногда враждующія между собою, тоже произошли отъ одной семьи, но почти совсѣмъ забыли свое единство; отъ него осталось одно смутное воспоминаніе. Тоже предстояло и семейному быту поселеній; рано или поздно, онъ долженъ былъ поколебаться. Чѣмъ дальше расходились линіи, тѣмъ больше должно было забываться между ними кровное родство. Въ-добавокъ, семьи и роды переходили изъ поселенія въ поселеніе, ссорились и отдѣлялись другъ отъ друга. Могли быть и другія причины, приведшія поселенія къ внутренней разрозненности, ибо трудно, почти невозможно слѣдить за развитіемъ быта въ эти отдаленныя времена, отъ которыхъ дошли до насъ одни скудныя, отрывочныя извѣстія, когда это такъ не легко и въ ближайшія эпохи. Мало по малу внутренняя разрозненность поселеній повлекла за собою важныя измѣненія въ ихъ быту и устройствѣ.

Мы видѣли, что главами поселеній были сначала старшіе по роду и лѣтамъ; потому они и назывались старѣйшинами; по смерти одного мѣсто его заступалъ старшій по немъ. Но когда народонаселеніе усилилось, семьи и линіи въ одномъ поселеніи размножились, появилось много старшихъ родомъ и лѣтами, а кто изъ нихъ старѣе не возможно было опредѣлить, — стали *избирать* старѣйшинъ.

Съ перваго взгляда это измѣненіе кажется неважнымъ; но оно предполагало существенную перемѣну въ прежнемъ бытѣ. Въ немъ, въ этомъ измѣненіи, обнаружилось, что поселенія, внутри себя, распались на частные, тоже семейные союзы. Какъ прежде племена разъединялись, такъ и семьи въ поселеніяхъ. Только условія послѣдняго распаденія были неодинаковы съ первымъ. Племена были разбросаны на большомъ пространствѣ; имъ можно было забыть и незнать другъ друга. Напротивъ, въ поселеніяхъ семьи жили рядомъ,

Digitized by Google

на небольшомъ клочкѣ земли; забыть и не знать другъ друга они не могли; связи и отношенія между ними необходимо поддерживались, но онѣ не были уже только дружественныя. Особенные интересы производили между ними непріязненныя столкновенія, въ поселеніяхъ неустройства и несогласія. Лицо старѣйшины должно было вырости, характеръ его власти измѣнился. Оставаясь по прежнему патріархальной, она начинаетъ получать легкій, едва замѣтный юридическій оттѣнокъ, какъ и отношенія семей, составляющихъ поселеніе. Необходимость внутренней тишины и порядка принуждаетъ поселенія прибѣгать, при несогласіяхъ, къ ихъ собственному главѣ, — старѣйшинѣ. Они отдаются на его судъ и приговоръ. Онъ становится посредникомъ, миротворцемъ и судьею въ поселеніи, лицомъ необходимымъ и еще болѣе важнымъ, чѣмъ былъ прежде.

Возрастающее значеніе старѣйшины было признакомъ возрастающей разрозненности семей. Каждая болѣе и болѣе начинаетъ погружаться въ свои особенные интересы, внутри себя жить своею особенною жизнью, точно такою же, какою жило сначала цѣлое поселеніе. Въ этихъ семьяхъ тотъ же семейный, родственный бытъ, связи и кровное единство, такой же старѣйшина по роду и лѣтамъ Общія потребности еще поддерживаютъ связи между семьями. О важнѣйшихъ дѣлахъ, которыя до всѣхъ ихъ касаются, старѣйшина поселенія совѣщается съ ихъ старѣйшинами. Съ бо́льшимъ ослабленіемъ единства поселенія, котораго старѣйшина былъ представителемъ, семьи мало по малу становятся главными дѣятелями, и власть ихъ общаго старѣйшины ослабѣваетъ. Образуются въ поселеніяхъ общія совѣщанія — *вѣча* (отъ вѣщать), такія же неопредѣленныя, юридически неустановленныя собранія, какъ и весь тогдашній бытъ. То были сходбища семей *для* общаго совѣщанія, — праматери теперешнихъ крестьянскихъ сходокъ, и столько же неправильныя.

Мало по малу семьи привыкаютъ, несмотря на внутреннюю разрозненность, всѣ важныя и общія *дѣла* дѣлать вмѣстѣ, поговоря между собою. Поселенія становятся *общинами*. Нѣкоторыя изъ нихъ *для* защиты отъ внѣшнихъ враговъ строятъ ограды и получаютъ названіе *городовъ*; но внутреннее устройство всѣхъ общинъ по прежнему совершенно одинаково, ибо таже основа во всѣхъ.

Дальнѣйшее развитіе общиннаго быта состояло въ бо́льшемъ и бо́льшемъ его распаденіи. По мѣрѣ того, какъ возрастала особность семей, и онѣ вживались въ свои особенные интересы, единство общинъ продолжало ослабѣвать. Власть изъ рукъ общинныхъ старѣйшинъ переходитъ къ главамъ семействъ, къ старѣйшинамъ отдѣльныхъ, родственныхъ союзовъ. Наконецъ, первые исчезаютъ и избираются только въ случаѣ войны или опасности Ихъ мѣсто заступа-

Digitized by Google

ютъ вѣчевыя собранія. Вмѣсто одного главы въ общинахъ появляются многіе главы — старѣйшины надъ семьями. Непріязненныя столкновенія между ними, ссоры и вражды — неминуемы. Открываются нескончаемыя усобицы, внутреннія волненія въ общинахъ. Это-то состояніе и описываетъ лѣтописецъ словами: «не было у нихъ правды и всталъ родъ на родъ; были у нихъ усобицы, и начали они воевать другъ противъ друга».

Какъ развивался общинный бытъ, такъ въ незапамятныя времена и въ огромныхъ размѣрахъ развивался бытъ племенной. Мы можемъ судить объ этомъ по разительному сходству племеннаго устройства съ общиннымъ. Общины, принадлежавшія къ одному племени, собирались на племенныя вѣча. Были и племенные старѣйшины — *князья*; но какъ въ общинахъ, они не везде удержались.

Когда общинный бытъ совершенно разрушился и семьи стали дѣйствовать независимо, свободно, вся власть перешла къ нимъ. За обиду онѣ удовлетворяли себя сами; споръ рѣшался боемъ или отдавался на судъ выборныхъ посредниковъ. Такъ появилась *кровная месть*, *поединки*, *цаловальники*, или присяжные. Нѣкоторыя семьи, по богатству, извѣстности, талантамъ и другимъ причинамъ, возвысились надъ прочими; появилось различіе между *знатными* и *незнатными*, которое обозначалось все болѣе и болѣе.

Такъ развивался древнѣйшій общественный бытъ русскихъ Славянъ, — у однихъ племенъ скорѣе, у другихъ медленнѣе; у однихъ послѣдовательнѣе, полнѣе и рѣзче, чѣмъ у другихъ; но главныя черты этого развитія тѣже у всѣхъ. Оно постепенно вело Россію къ бо́льшему и бо́льшему разъединенію. Политическое единство цѣлаго русско-славянскаго племени было уже утрачено; единство внутри племенъ исчезало. Даже общины, вслѣдствіе этого развитія, распадались на свои составныя части; процессу разложенія не предвидѣлось конца. Въ это время возникаетъ въ Россіи новый порядокъ вещей, принесенный извнѣ.

Въ половинѣ IX вѣка на сѣверномъ краю ея совершилось важное, многознаменательное событіе. Нѣсколько племенъ, изтерзанныхъ внутренними смутами, отсутствіемъ порядка и устройства, рѣшились власть надъ собою отдать чужеземцу: явленіе не столько загадочное, какъ кажется съ перваго взгляда. Кровный бытъ не можетъ развить общественнаго духа и гражданскихъ добродѣтелей. Взаимныя зависти мѣшали племенамъ рѣшиться на выборъ начальника, старѣйшины, князя изъ своей среды, и они, чувствуя необходимость власти, невозможность самимъ управляться, лучше хотѣли подчиниться третьему, постороннему, равно чуждому для всѣхъ. Особенныя, частныя причины склонили ихъ выборъ на Варяговъ. По призыву союз-

Digitized by Google

ныхъ племенъ, является въ Россію воинственная дружина, подъ предводительствомъ вождей, которыхъ наши предки посвоему называютъ князьями. О происхожденіи этой дружины и до сихъ поръ спорятъ. Несомнѣннымъ кажется, что преобладающіе въ ней элементы были германскіе. Едва перешедши на новую почву, она начинаетъ воевать на право и на лѣво, покорять окрестныя племена и угнетать призвавшія. Подъ начальствомъ втораго своего предводителя, Олега, она оставляетъ сѣверъ Россіи и переходитъ на югъ, продолжая дѣло завоеванія и покоренія и восполняя свои ряды подвластными племенами; нѣкоторыя поддаются ей добровольно. Такъ длится слишкомъ сто лѣтъ. Во всѣхъ дѣйствіяхъ Варяговъ въ ихъ новомъ отечествѣ проглядываютъ суровые побѣдители, равнодушные къ призвавшему и покорившемуся народу, страстные къ войнѣ, жаждавшіе добычи. Воинственный духъ заставляетъ ихъ искать новыхъ завоеваній, ведетъ къ стѣнамъ Византіи, и полу-Варягъ, полу-Славянинъ Святославъ еще мечтаетъ навсегда поселиться въ Болгаріи. Гдѣ дружинѣ было лучше, тамъ и было ея отечество.

Изъ русско-славянскихъ племенъ, волей и неволей покорившихся дружинѣ, образуется сильное, обширное государство; но устройство его носитъ на себѣ не-славянскій отпечатокъ; кажется, оно было феодальное. Если этого не видно изъ словъ лѣтописца, что предводители варяжской дружины сажали своихъ мужей въ покорившихся или покоренныхъ городахъ, — словъ, которыя, впрочемъ, подлежатъ различному толкованію, — то это болѣе нежели вѣроятно изъ того, что Рогвольдъ и Туръ имѣли свои наслѣдственныя владѣнія; что въ договорѣ Олега и особенно Игоря говорится о состоящихъ подъ ихъ рукою свѣтлыхъ князьяхъ въ русской землѣ, исчисляются ихъ имена, всѣ не-славянскія, посылаются отъ нихъ послы вмѣстѣ съ послами Олега и Игоря, и выговаривается на ихъ часть контрибуція у Грековъ.

Каковы бы ни были Варяги, пришедшіе къ намъ, ихъ значеніе въ русской исторіи весьма важно. Они принесли съ собою первые зачатки гражданственности и политическаго, государственнаго единства всей русской земли. Мы совсѣмъ не хотимъ этимъ сказать, что безъ нихъ и то и другое было бы невозможно; мы говоримъ о фактахъ, какъ они были. Со временъ Варяговъ появляются въ Россіи элементы, ей до того совершенно неизвѣстные. Она была раздроблена; Варяги соединяютъ ее въ одно политическое тѣло. Первая идея *государства* на нашей почвѣ имъ принадлежитъ. Они приносятъ съ собою *дружину*, учрежденіе не русско-славянское, основанное на началѣ личности и до того чуждое нашимъ предкамъ, что въ ихъ языкѣ нѣтъ для него даже названія; ибо мы по привычкѣ называемъ

Digitized by Google

его дружиной; но это слово не вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію германскаго учрежденія, придавая ему какой-то частный, домашній, полу-семейный оттѣнокъ, какой дружины дѣйствительно получили у насъ впослѣдствіи, но которыя не могли имѣть сначала. Варяги приносятъ съ собой право князя *наслѣдовать послѣ смерда*-поселянина и *новую систему управленія*, неизвѣстную семейно-общинной доваряжской Руси. Эта система, строга, убыточна, раззорительна для подданныхъ. Она совершенно равнодушна къ управляемымъ, противуполагаетъ ихъ интересы интересамъ правителя, его обогащеніе поставляетъ главною цѣлью и рѣзко выдвигаетъ его лицо изъ среды подвластныхъ. Наконецъ, Варягамъ принадлежитъ начало *вира*, или *денежныхъ платъ за преступленія* въ Россіи; названіе и числовое сходство съ германскими вирами обличаютъ въ нашихъ вирахъ не славянское происхожденіе.

Не прошло вѣка — и Варяги начали терять свою національность. Въ Святославѣ подъ варяжскими формами уже виденъ Славянинъ. Частыя сношенія съ Варягами, прибытіе въ Россію новыхъ сѣверныхъ дружинниковъ и выходцевъ, долго поддерживали національную особность нашихъ властителей; но въ княженіе Ярослава Варяги сливаются съ русскими Славянами, перестаютъ отъ нихъ отличаться и совершенно подчиняются туземному русско-славянскому элементу. Говорится еще въ лѣтописяхъ о Варягахъ внѣ русской земли; о славяно-русскихъ Варягахъ не упоминается болѣе ни слова.

Но вдругъ не могъ совершенно исчезнуть варяжскій элементъ: слѣды его остались. Около двухъ вѣковъ Варяги были главными дѣятелями въ нашей исторіи, основали у насъ государство, и все это время стояли во главѣ его; естественно, что ихъ учрежденія долго сохраняли печать своего историческаго происхожденія. Только вмѣстѣ съ Варягами и они обрусѣли впослѣдствіи такъ, что не знай мы ничего о варяжскомъ періодѣ, мы бы и не заподозрили, что они не-русскіе.

При Ярославѣ Великомъ изчезли Варяги: съ его времени начинаетъ преобладать русско-славянскій элементъ. Перерванная нить нашего національнаго развитія подымается опять, съ той точки, на которой оно остановилось передъ пришествіемъ дружины. Но отнынѣ оно не ограничивается однимъ общиннымъ, частнымъ, домашнимъ бытомъ: оно обхватываетъ собою и государственный бытъ, созданный чужеземцами и вмѣстѣ съ ними подчинившійся вліянію туземнаго элемента.

Передъ прибытіемъ Варяговъ семьи начинали становиться главными дѣятелями въ нашемъ внутреннемъ бытѣ. Единство внутри племенъ и общинъ падало. Но и семьямъ предстоялъ тотъ же путь.

Digitized by Google

Подобно имъ, и онѣ должны были размножиться и обратиться наконецъ въ многовѣтвистые роды, а роды со временемъ распасться на свои составныя части и утратить сознаніе своего внутренняго, кровнаго единства. Такъ и было. Въ лицѣ потомства Ярослава Великаго, или, правильнѣе, Владиміра, выступаетъ на сцену историческаго дѣйствованія *семья*, разросшаяся потомъ въ цѣлый *родъ*. Конечно, она не была единственная въ тогдашней Руси; были и другія; но ихъ судьбы терялись въ массахъ народа, и покрыты мракомъ. Не то представляетъ княжескій родъ владиміровъ. Онъ дѣйствуетъ въ высшей, государственной сферѣ; онъ одинъ; онъ всегда на виду. Обладая Россіей, онъ управляетъ его исторіей. Отъ-того мы на немъ можемъ подробно изучать постепенное развитіе семьи и рода, законы этого развитія и необходимый его исходъ. Весь нашъ государственный бытъ, отъ Ярослава до усиленія Москвы, есть исторія развитія родоваго начала, предоставленнаго самому себѣ, исторія его постепеннаго разложенія и упадка.

Ярославъ, князь чисто русскій, первый задумалъ основать государственный бытъ Руси и утвердить ея политическое единство на *родовомъ началѣ*. Такая мысль, въ его время, была естественна. Феодальный порядокъ не могъ укорениться на нашей почвѣ, и исчезъ вмѣстѣ съ Варягами. Оставалось построить государство по началамъ туземнымъ, до которыхъ тогда развился нашъ древній бытъ. Такимъ началомъ было начало семьи, рода. Къ нему и прибѣгнулъ Ярославъ Великій.

Вся Россія должна была принадлежать одному княжескому роду. Каждый князь, членъ рода, получилъ свою часть; на какомъ основаніи онъ владѣлъ ею – неопредѣлено. Старшій въ родѣ, ближайшій по рожденію къ родоначальнику, долженствовалъ быть главнымъ, первымъ между князьями, *великимъ*. Ему, какъ старшему, подчинены всѣ прочіе князья въ ихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ между собою. Онъ былъ представителемъ единства княжескаго рода, главою всѣхъ князей и вмѣстѣ представителемъ политическаго единства Руси. Его мѣстопребываніемъ былъ Кіевъ, резиденція Ярослава и его предковъ. Открывался періодъ удѣловъ.

Государственная система Ярослава очевидно была неполна и слишкомъ неопредѣленна. Множество вопросовъ, возникшихъ потомъ, она оставила не разрѣшенными. Но не должно забывать, что въ его время родовое начало не было еще обработано юридически, подробно, какъ впослѣдствіи, когда оно, утративъ жизнь, обратилось въ матеріялъ для многосложной и утонченной казуистики. Кромѣ того, основное ея начало было непрочно; рано или поздно, она должна была разрушиться сама собою.

Digitized by Google

Вскорѣ послѣ смерти Ярослава, когда удѣльный періодъ только-что начинался, возникло колебаніе между территоріальнымъ началомъ и личнымъ, родовымъ и семейнымъ, колебаніе которое окончилось разрушеніемъ политическаго единства Россіи. О томъ и другомъ мы скажемъ особливо.

По завѣщанію Ярослава, всѣ сыновья его (кромѣ послѣдняго — малолѣтняго) получили по удѣлу. Старшему достался Кіевъ, и каждый старшій въ княжескомъ родѣ имѣлъ право владѣть имъ. Чрезъ это Кіевъ дѣлался старшимъ, первымъ между удѣльными городами древней Руси. Такъ начало старшинства между князьями переходило и на территорію. Если Кіевъ былъ удѣломъ старшаго, то Переяславль долженъ былъ сдѣлаться удѣломъ старшаго по немъ, ибо онъ достался второму сыну Ярослава; Черниговъ — третьяго, потому-что онъ отданъ былъ Ярославомъ третьему сыну, и т. д. Словомъ, іерархія кровнаго старшинства должна была сообщаться землѣ, и породить іерархію территоріальнаго или городоваго старшинства. Послѣдняя, утвердившись, могла бы поддержать политическое единство Россіи, ибо сама по себѣ она, однажды установленная, была неподвижна и прочна. Но ее создала первая, которая, безпрестанно измѣнялась съ смертью и рожденіемъ князей, влекла за собою и территоріальное устройство. Сначала, когда великій или другой князь умиралъ, происходило перемѣщеніе всѣхъ князей изъ удѣла въ удѣлъ, для уравновѣшенія кровнаго и городоваго распорядка. Но равновѣсіе не могло долго продолжаться. Увеличеніе и уменьшеніе числа князей его нарушало; это должно было дать перевѣсъ началу личному. Появились безпрестанно новые дѣлежи Россіи. Начало территоріальное уступило личному. А тогдашнее личное начало, въ противуположность территоріальному, не могло упрочить государственной цѣлости Россіи. Его представлялъ родъ. Но законъ развитія рода — распаденіе, уничтоженіе единства. Едва успѣли обозначиться линіи — ближайшее потомство родоначальника, — какъ онѣ начали уже забывать свое кровное единство, общее происхожденіе и стали преслѣдовать свои частныя, особенныя цѣли, основывались на правахъ ихъ ближайшаго предка, а не общаго родоначальника. Частный, болѣе тѣсный кровный союзъ исключалъ общій, обнимавшій всѣхъ членовъ. Такъ, по *началу родовому*, которое должно было поддерживать единство Россіи и княжескаго рода, послѣ общаго родоначальника старшимъ былъ его старшій сынъ, потомъ второй, потомъ третій и т. д. Послѣ этого перваго, ближайшаго потомства родоначальника, старшинство переходило къ старшему внуку (старшему сыну старшаго сына) родоначальника, потомъ ко второму, потомъ къ сыновьямъ второго родоначальника по старшинству рожденія и т. д. По другому началу, ко-

Digitized by Google

торое мы, въ отличіе отъ родоваго будемъ называть *семейственнымъ*, старшій внукъ родоначальника (старшій сынъ старшаго сына), основываясь на ближайшихъ интересахъ семьи, къ которой онъ принадлежалъ, и не думая о далекихъ для него интересахъ цѣлаго рода, старался присвоить себѣ права, принадлежавшія его отцу, и не обращалъ вниманія на права старшаго дяди, основанныя на родовомъ началѣ. Между обоими этими взаимно исключающими, враждебными началами — *родовымъ* и *семейственнымъ*, отчиннымъ, рано произошло колебаніе, которое по закону распаденія кровнаго быта, должно было окончиться побѣдою послѣдняго надъ первымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить и политическое единство Россіи, основанное на единствѣ княжескаго рода и такъ неразрывно съ нимъ связанное.

Удивительное зрѣлище представляетъ западная, особенно юго-западная Россія въ первую половину періода удѣловъ, до исхода XII вѣка! Вся она покрыта русско-славянскими общинами, по прежнему земледѣльческими и торговыми, изъ которыхъ многія были многолюдны и уже достигли высокой степени процвѣтанія. Вѣковыя преданія, семейно-общинное устройство и бытъ живутъ въ нихъ. Самое племенное устройство еще не совсѣмъ исчезло; временами ярко оживаетъ о немъ воспоминаніе. Надъ этимъ первобытнымъ, патріархальнымъ міромъ носится другой міръ — странное сліяніе элементовъ, столько противуположныхъ, варяжскаго и русско-славянскаго — міръ князей-витязей, въ которыхъ течетъ еще варяжская кровь; міръ дружинъ, еще являющихъ живые слѣды своего не-славянскаго происхожденія, міръ кровавыхъ битвъ, борьбы и безпокойной дѣятельности. Княжескій родъ, выдающійся надъ русскою землею, представляется оторваннымъ отъ родимой почвы и неимѣющимъ постояннаго мѣста; кругъ его дѣятельности очерченъ; въ немъ онъ вращается; его члены разрознены, переходятъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного края въ другой, далекій, съ нетвердымъ сознаніемъ своихъ взаимныхъ кровныхъ отношеній. Въ лицѣ первыхъ князей русско-славянскій міръ какъ будто готовится освободить себя отъ ига природы и дать просторъ личности ослабленіемъ кровнаго союза.

Взглядъ княжескаго рода на Россію — какое-то сліяніе славяно-русскаго и варяжскаго элементовъ. Мысль о ея единствѣ, нераздѣльности какъ государства, странно существуетъ подлѣ мысли, что она — наслѣдственное, вотчинное достояніе княжескаго рода и, слѣдовательно, дѣлима, какъ частное имѣніе. На княжескихъ дружинахъ — таже печать. Дружинное начало поддерживаютъ, въ періодъ удѣловъ, старый варяжскій обычай, воинственный духъ князей, ихъ безпрестанные переходы изъ княжества въ княжество, изъ общины въ общину, борьба родоваго начала съ семейственнымъ. Составъ дружинъ са-

Digitized by Google

мый разнообразный, разноплеменный, разнохарактерный. Все равно, кто служитъ, лишь бы служилъ вѣрно: Торкъ, Венгръ, Печенѣгъ, Славянинъ — какое дѣло князю? Но преобладающій элементъ въ составѣ дружинъ долженъ былъ быть русско-славянскій. Естественно, что въ ихъ рядъ вступала вся удалая часть туземнаго населенія, пробужденная отъ покоя патріархальной жизни и ринутая въ тревожную дѣятельность надеждою добычи и приключеній. Съ другой стороны, семьи и роды, выдававшіеся въ общинахъ надъ остальными жителями, занимавшіе высшее мѣсто въ общественномъ быту, должны были наконецъ сгруппироваться около князей — вершинъ общественной іерархіи. И тѣ и другіе внесли въ чисто личный, договорный характеръ дружинъ элементы семейной, патріархальной жизни. Для русскаго Славянина съ мыслью о князѣ необходимо соединялось представленіе о начальникѣ рода, племени: таковъ былъ кругъ понятій, въ которомъ онъ выросъ и который онъ переносилъ съ собою всюду. Отъ-того, сдѣлавшись дружинникомъ, онъ становился къ князю въ отношенія полу-родственныя, полу-договорныя. Обрусѣвшій князь, начальникъ дружины, выросшій въ патріархальной средѣ, тоже не могъ пребывать въ однихъ чисто личныхъ, договорныхъ отношеніяхъ къ своей дружинѣ: онъ былъ ея начальникомъ и вмѣстѣ становился ея отцомъ и братомъ. Такъ князь и его сподвижники начали представлять собою военное учрежденіе, переложенное на семейные нравы.

Сначала князья, полу-правители, полу-вотчинники, по понятіямъ народа преемники прежнихъ племенныхъ и общинныхъ старѣйшинъ, жили между собою согласно. Но не долго. Семейственное начало, разлагающее родъ, рано начало высказываться. Дяди обдѣляли племянниковъ въ пользу своихъ сыновей, племянники возставали на дядей, сыновья присвоивали себѣ достоинство и владѣнія отцовъ, на которыя предъявляли свои права старшіе родичи. Когда, такимъ образомъ, единство княжескаго рода, находившее менѣе поборниковъ, было поколеблено, вопросъ о старшинствѣ между всѣми князьями сталъ спорнымъ, а съ нимъ стало спорнымъ и право владѣть Кіевомъ. Начались непрерывныя войны, которыми рѣшалась борьба двухъ враждебныхъ началъ семьи и рода. Ихъ предметомъ были Кіевъ или удѣлы. Долго сохранялъ первый въ глазахъ князей значеніе политическаго центра Россіи; долго съ его обладаніемъ соединялась мысль о власти надъ прочими князьями. Но съ упадкомъ единства княжескаго рода эта власть болѣе и болѣе становилась призракомъ. Тогда въ княжескомъ родѣ повторилось тоже явленіе, которое представляетъ развитіе общинъ: мало по малу видимый представитель единства сталъ простымъ кметемъ. Члены княжескаго рода начали съ общаго

Digitized by Google

согласія рѣшать дѣла, которыя касались до всего княжескаго рода и Россіи. Появляются *съѣзды* князей, которые въ исторіи рода соотвѣтствуютъ вѣчамъ въ исторіи общинъ. Но и съѣзды не могутъ поддержать единства распадающагося рода. Они только обнаруживаютъ слабость великихъ князей и еще разъ высказываютъ начало семейственное, враждебное роду. Тщетно Владиміръ Мономахъ и сынъ его Мстиславъ Великій стараются возсоздать политическую систему Ярослава. Пока они живы, она держится, но не собственными силами, а личными достоинствами и доблестями этихъ князей. Когда ихъ не стало, опять обнаружилась вся ея несостоятельность, еще съ большей силой, чѣмъ прежде; ибо Владиміръ Мономахъ и Мстиславъ, возстановляя прежнее, сами дѣйствовали подъ вліяніемъ вотчиннаго начала, и въ новомъ устройствѣ Россіи дали первенство потомству Всеволода надъ прочими линіями владимірова княжескаго рода: это вызвало ненависть послѣднихъ, особенно Святославичей. Ожесточенная борьба Ольговичей и Мономаховичей показала, что единство княжескаго рода навсегда утрачено.

Впродолженіи этихъ неумолкающихъ битвъ и частыхъ переходовъ князей на время оживаетъ сначала дремлющее и постепенно распадающееся, потомъ сокрытое отъ насъ варяжскимъ слоемъ — общинное начало. Мы видѣли, что само въ себѣ оно не имѣло зачатковъ жизни и развитія. Оно клонилось все болѣе и болѣе къ упадку, потому-что не было основано на личномъ началѣ, первомъ, необходимомъ условіи всякой гражданственности, а покоилось на началѣ кровномъ, которое, отрицая себя, отрицало и древній общинный бытъ. Но перенесенныя въ міръ безконечныхъ войнъ, всегда окруженныя опасностями, общины невольно должны были выступить на поприще политической дѣятельности. Эта дѣятельность вообще слаба, болѣе отрицательна, но тѣмъ не менѣе замѣтна. Часто мѣняя владѣнія, переходя изъ мѣста въ мѣсто, князья не могли имѣть однихъ интересовъ съ общинами. Первые, съ малыми исключеніями, равнодушно смотрѣли на послѣднія. Отсюда — угнетенія и насилія со стороны князей и ихъ дружинъ. Имъ были нужны деньги и войско; прочее ихъ мало заботило. За битвой и побѣдой слѣдовалъ грабежъ, опустошеніе областей побѣжденнаго князя. Все это должно было наконецъ нарушить совершенное бездѣйствіе общинъ. Онѣ почувствовали необходимость внутренняго единства, сомкнутости, и приняли оборонительное положеніе. Не способныя жить безъ князя, онѣ, разумѣется, желали себѣ князей, отличившихся гражданскими и воинскими доблестями, которые, управляя ими безъ насилія, могли, въ случаѣ нужды, защищать ихъ отъ безпрестанныхъ, раззорительныхъ набѣговъ. Истощеніе и ослабленіе князей дало общинамъ возможность осуще-

Digitized by Google

ствлять это желаніе. Онѣ обладали средствами для войны, онѣ были цѣлью вѣчныхъ распрей между князьями. Оттого онѣ мало по малу стали выбирать себѣ князей, призывать и изгонять ихъ, заключать съ ними рады или условія. Вѣча получили тогда большую власть, и звонъ вѣчевыхъ колоколовъ часто раздавался въ Россіи. Возвратились опять времена избранія старѣйшинъ въ лицѣ князей. И точно, въ предпочтеніи извѣстныхъ княжескихъ династій другимъ, въ отношеніяхъ общинъ къ князьямъ, видны глубокіе слѣды исключительно патріархальнаго, до-варяжскаго быта первыхъ.

Особенно развились общины на сѣверѣ. Между ними первое мѣсто занимаетъ *Новгородъ*.

Тѣже самыя причины, которыя возбудили дѣятельность общинъ въ тогдашней Россіи, благопріятствовали и Новгороду. Но къ нимъ присоединились еще и другія, не менѣе важныя: географическое положеніе на торговомъ пути сдѣлало Новгородъ центромъ промышленности и торговли, и рано развило въ немъ общинный духъ. Отъ-того Новгородцы не ладили съ своевольной варяжской дружиной, не терпѣли ея насилій, и когда она удалилась на югъ, можетъ быть, столько же манимая Византіей, сколько тревожимая Новгородцами, имъ стало свободнѣе дышать, чѣмъ остальной Россіи: гордое требованіе князя у Святослава, кровавая месть надъ Варягами при Ярославѣ, доказываютъ это. Когда насталъ періодъ удѣловъ, право ставить князя въ Новѣгородѣ удержалось за княземъ кіевскимъ. За каждой смѣной послѣдняго слѣдовала смѣна и новгородскаго князя. Такъ ни одна княжеская династія не могла въ немъ окрѣпнуть и утвердиться. Наконецъ, вниманіе борющихся князей отвлечено было на юго-западъ Россіи, къ Кіеву — солнцу періода удѣловъ, послѣдней цѣли всѣхъ честолюбивыхъ стремленій. Новгородъ остался внѣ этого движенія; его не коснулись опустошительныя войны; ему не надобно было нѣсколько разъ возставать изъ развалинъ, какъ прочимъ общинамъ древней Россіи: съ самаго начала его общинный бытъ и сохранился и поддерживался.

Подобно прочимъ общинамъ, Новгородъ не замедлилъ воспользоваться возможностію избирать своихъ князей. Но его положеніе и историческія обстоятельства дали ему средства удержать за собою эту привиллегію и обратить ее въ право, которымъ онъ почти неограниченно пользовался до самаго конца своего политическаго существованія.

На Новгородъ долго смотрѣли, какъ на какое-то странное исключеніе изъ жизни древней Россіи. Объяснить его старались иноземнымъ вліяніемъ. Теперь, когда старая Русь сдѣлалась извѣстнѣе, этотъ историческій предразсудокъ мало по малу исчезаетъ. Все вну-

Digitized by Google

треннее новгородское устройство говоритъ противъ него. Въ этомъ устройствѣ нѣтъ ни одной не-русской, не-славянской черты. Новгородъ — община въ древне-русскомъ смыслѣ слова, какими были болѣе или менѣе и всѣ другія общины; только особенныя историческія условія дали формамъ ея рѣзче обозначиться, продлили гораздо долѣе ея политическое существованіе. Новгородъ остался для насъ образцомъ первоначальнаго, русско-славянскаго общиннаго быта. Въ его внутреннемъ устройствѣ мы открываемъ туже неопредѣленность, тоже отсутствіе твердой, юридической, на началѣ личности созданной общественности, которыя характеризуютъ нашу древнюю внутреннюю жизнь.

Новгородъ состоялъ изъ множества общинъ; каждая изъ нихъ имѣла, въ главныхъ чертахъ, одинаковое устройство съ цѣлой новгородской общиной. Въ послѣдней верховная власть находилась въ одно и тоже время въ рукахъ князя и вѣча. По существу своему противуположные, оба живутъ рядомъ, другъ возлѣ друга, и ничѣмъ неопредѣлены ихъ взаимныя отношенія. Постояннаго государственнаго устройства нѣтъ: новый князь — новыя условія. Они сходны; но потому, что они условія, они изобличаютъ отсутствіе яснаго сознанія о государственномъ бытѣ. Князь избирается Новгородомъ; онъ отъ него зависитъ и всегда можетъ быть удаленъ изъ общины, когда имъ недовольны. Власть его ограничена въ частностяхъ, не опредѣлена въ сущности. Исторія родила къ ней недовѣріе Новгородцевъ: отсутствіе государственныхъ идей мѣшало схватить ее въ опредѣленныхъ юридическихъ формахъ. Въ свою очередь, и вѣче представляетъ совершенно неопредѣленное народное собраніе. Дѣла рѣшались не по большинству голосовъ, не единогласно, а какъ-то совершенно неопредѣленно, собща. Живую картину его и теперь еще представляютъ крестьянскія сходки. Несогласные съ толпой подвергались народной мести; ихъ убивали или бросали въ Волховъ; имущество ихъ предавалось разграбленію. Обыкновенно вѣче бывало одно; но иногда ихъ бывало и два, враждебныхъ между собою. Главные новгородскіе сановники — посадники и тысяцкіе были когда-то княжескіе чиновники, но потомъ, вмѣстѣ съ княземъ, стали выборными. Какъ во всякой древней русской общинѣ, въ Новгородѣ были бояре и смерды, старшіе и младшіе. Но какова была новгородская аристократія, мы незнаемъ; знаемъ только, что въ послѣднее время она играла важную роль.

Свою власть и свои отношенія къ другимъ Новгородъ сознавалъ въ тѣхъ же формахъ, въ какихъ и князья: онъ былъ *господиномъ* и *государемъ*, съ городами считался *братствомъ*. Подобно князьямъ, онъ управлялъ своими областями, которыя не принимали участія въ

Digitized by Google

его политическомъ устройствѣ (исключая, можетъ быть, той части новгородской территоріи, которая изначала была заселена однимъ племенемъ); жителей этихъ областей называлъ своими смердами, посылалъ имъ править своихъ посадниковъ и сбиралъ съ нихъ дань и войско.

Отношенія Новгорода къ остальной Россіи опредѣлялись его характеромъ и исторіей. Онъ былъ на краю Россіи, далеко отъ театра вѣчныхъ войнъ и раздоровъ. Торговля отвлекла всю его дѣятельность и вниманіе за море. Сдѣлавши его богатымъ и сильнымъ, она дала ему возможность быть всегда въ оборонительномъ положеніи въ отношеніи къ князьямъ, ослабленнымъ междоусобіями, говорить съ ними смѣло и оружіемъ поддерживать слова. По этому князья должны были избрать себѣ другую цѣль, обратиться въ другую сторону. Новгородъ былъ какъ-бы торговая волость, забытая и оставленная помѣщикомъ: богатая и сильная, потому-что оставлена, оставляемая, потому-что была сильна и богата и никому не поддавалась. Имѣя совершенно розные интересы съ остальной Россіей, но связанный съ ней сосѣдствомъ, языкомъ, вѣрой и преданіями, Новгородъ всячески старался избѣгать непріязненныхъ съ нею столкновеній, тонко и искусно лавировалъ между перекрещивающимися интересами князей, чтобъ не вызвать изъ ихъ среды сильнаго врага. Покуда князья еще кочевали изъ города въ городъ, это до нѣкоторой степени было возможно; но когда ихъ переходы кончились и появились княжества, болѣе или менѣе сильныя, въ близкомъ сосѣдствѣ отъ Новгорода, ему пришлось плохо. Рано завидѣлъ онъ возрастающую опасность. Сначала онъ все еще дѣйствовалъ уклончиво, потомъ, тѣснимый, старался по крайней мѣрѣ не дать усилиться ни одному изъ сосѣднихъ княжествъ и держалъ сторону слабыхъ противъ сильныхъ. Но когда Московское взяло рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми другими, послѣдній часъ Новгорода пробилъ. Іоаннъ III только совершилъ то, что было издавна задумано и приготовлено его предшественниками.

Въ судьбахъ Новгорода много страннаго, особеннаго. Его существованіе не прекратилось само собой, но насильственно прервано — жертва сколько идеи, столько же и физическаго возрастанія и сложенія московскаго государства. Мы не можемъ о Новгородѣ сказать, какъ о древней Руси передъ Петромъ Великимъ, что онъ отжилъ свой вѣкъ и больше ему ничего не оставалось дѣлать какъ исчезнуть. Незадолго передъ уничтоженіемъ его самостоятельности, въ немъ обнаружилось какое-то неясное стремленіе итти по тому же пути, по которому великій преобразователь, черезъ два съ половиной вѣка, повелъ всю Россію — удивительное сближеніе, много говорящее и въ пользу переворота, совершеннаго Петромъ, и въ пользу Новгорода.

Digitized by Google

Какой особенный оттѣнокъ получила бы реформа древней русской жизни въ Новгородѣ, какіе были бы результаты ея на почвѣ, столько различной отъ московской по исторіи и общественному быту, мы не знаемъ и не беремся рѣшить. Въ лицѣ Новгорода пресѣкся неразвившійся, особенный способъ или видъ существованія древней Руси, неизвѣстный прочимъ ея частямъ. Одно можно сказать съ достовѣрностью: своимъ долгимъ существованіемъ Новгородъ вполнѣ исчерпалъ, вполнѣ развилъ весь исключительно-національный общинный бытъ древней Руси. Въ новгородскомъ устройствѣ этотъ бытъ достигъ своей апогеи, дальше которой не могъ итти. Мы видѣли, каковъ онъ былъ, этотъ бытъ, и какъ мало было въ немъ зачатковъ гражданственности, твердаго, прочнаго государственнаго устройства.

Тогда какъ на сѣверѣ община усиливалась и прибирала власть къ своимъ рукамъ, въ остальной Россіи нарождался новый порядокъ вещей. Политическая система, основанная Ярославомъ, которой шаткость обнаружилась съ самаго начала, привела наконецъ совершенное уничтоженіе государственнаго единства Россіи. Долго еще манилъ Кіевъ честолюбіе князей и собиралъ ихъ вокругъ себя; но въ предѣлахъ прежней Руси имъ становилось тѣсно. Владиміръ Мономахъ отдалъ въ удѣлъ одному изъ младшихъ своихъ сыновей, Георгію Долгорукому, отдаленный Суздаль. Въ этой малолюдной странѣ суздальской Юрій строитъ города, перезываетъ туда жителей, населяетъ пустыни. Привязанный къ юго-западной Руси, цѣли всѣхъ русскихъ князей, невольный изгнанникъ въ далекомъ краю, младшемъ изъ всѣхъ, Долгорукій окружаетъ себя воспоминаніями. Онъ устроиваетъ свои удѣлъ по образцу, съ которымъ не разставалась его мысль; на новую почву онъ переноситъ названія окрестностей кіевскихъ. Кіевъ былъ еще для него тѣмъ же, чѣмъ и для другихъ удѣльныхъ князей со временъ Ярослава; онъ всячески добивается чести быть великимъ княземъ кіевскимъ, мнимою главою прочихъ князей, мнимою главою Россіи; всю жизнь свою преслѣдуетъ эту цѣль, и наконецъ достигаетъ, не задолго до смерти

Совершенно иначе дѣйствуетъ уже сынъ и преемникъ его въ суздальской области – Андрей Боголюбскій. Онъ выросъ и воспитанъ далеко отъ Кіева; Кіевъ для него не то, что былъ для его отца, Юрія. На западную и юго-западную Русь онъ смотритъ, какъ на владѣнія. Воспоминанія не связываютъ его съ ними; сердце его лежитъ къ суздальской области. Отъ-того ему здѣсь хорошо; онъ не думаетъ переѣхать въ Кіевъ, и сѣсть на велико-княжескій престолъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ его глазахъ, не отуманенныхъ историческими предразсудками, что было кіевское велико-княжеское достоинство? – пустой ти-

Digitized by Google

тулъ, недававшій никакой власти. Если Андрей не понималъ этого отчетливо, то онъ такъ чувствовалъ: въ 1169 году, взявши Кіевъ приступомъ, онъ отдалъ его въ управленіе брату своему Глѣбу, а самъ остался жить во Владимірѣ на Клязьмѣ.

Съ этого времени все начинаетъ принимать у насъ новый видъ. Сознаніе родоваго единства между князьями давно уже совершенно исчезло, а съ нимъ мало по малу и послѣдній признакъ политическаго единства Россіи. Великаго князя въ прежнемъ смыслѣ уже не было, и Кіевъ пересталъ быть столицей. Распадаясь и разъединяясь болѣе и болѣе, вѣтви прежде единаго княжескаго рода перестаютъ наконецъ думать о Кіевѣ, перестаютъ искать велико-княжескаго достоинства; ближайшіе семейные интересы мало по малу сосредоточиваютъ на себѣ все ихъ вниманіе. Чѣмъ владѣли отцы и дѣды, тѣмъ хотятъ теперь владѣть и князья, ихъ потомки, не простирая далѣе своихъ честолюбивыхъ видовъ. Они заботятся только объ удержаніи за собою наслѣдственныхъ удѣловъ — не болѣе. Такимъ образомъ княжескія вѣтви и фамиліи получаютъ наконецъ осѣдлость. Князья перестаютъ блуждать по лицу всей русской земли, ища владѣній и чести, соотвѣтствующихъ мѣсту, которое они занимаютъ въ родовой лѣствицѣ. Россія распадается на нѣсколько территорій, совершенно отдѣльныхъ и независимыхъ другъ отъ друга; каждая имѣетъ въ главѣ свой особый княжескій родъ.

Въ политической сферѣ семья одержала верхъ надъ родомъ. Но это первенство не уничтожало родоваго начала въ его основаніи, а только въ явленіи. Родовое начало сохранилось и продолжало жить. Теперь только ограничилось его поприще. Оно стало опредѣлять политическій бытъ разрозненныхъ княженій. Въ каждомъ изъ нихъ, въ маломъ видѣ, повторяется тоже, что было сначала въ цѣлой Руси. Княжескіе роды размножаются; между ихъ членами счетъ — по родовому старшинству. Старшій называется великимъ, и потому много великихъ князей въ Россіи. Между князьями — распри и междоусобія за старшинство; потомъ мало по малу и княжества раздробляются на мельчайшія части. Это должно было дать новый характеръ князьямъ. Дѣйствуя въ ограниченной сферѣ, они становятся простыми вотчинными владѣльцами, наслѣдственными господами отцовскихъ имѣній. Ихъ отношенія къ владѣніямъ, сначала неопредѣленныя, теперь опредѣляются. Области, княженія обращаются въ ихъ собственность, которую они дѣлятъ между своими дѣтьми. Вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно измѣняется прежній полу-варяжскій, полу-славянскій характеръ княжескихъ дружинъ. Послѣдніе слѣды ихъ не-русскаго происхожденія исчезаютъ. Пока война и странствованія поддерживали воинственный духъ князей и ихъ окружающихъ, отношенія князей и

Digitized by Google

дружинъ были крайне неопредѣленны. Лицо князя не выдавалось рѣзко. Онъ все еще былъ какъ бы первый между равными. Осѣдлая, болѣе мирная жизнь должна была измѣнить эти отношенія. Когда князь сталъ вотчинникомъ, господиномъ въ своихъ владѣніяхъ, и дружинники его сдѣлались мало по малу его слугами. Они отправляютъ при немъ придворныя должности. Лицо князя выростаетъ. По прежнему, слуги лично свободны, переходятъ отъ одного князя къ другому; но они служатъ, а князь — господинъ.

Такая перемѣна отразилась и во внутреннемъ устройствѣ областей. Общинное начало, вызванное на время къ политической дѣятельности, опять сходитъ со сцены. Вѣча постепенно теряютъ государственный характеръ. Утверждается постоянная, близкая власть князей, владѣющихъ удѣлами наслѣдственно, какъ вотчинами. Самое управленіе областей получаетъ иное значеніе. Изъ неопредѣленнаго, какимъ было сначала, когда князь сажалъ въ области своихъ сыновей, оно болѣе и болѣе становится домашнимъ, вотчиннымъ. Князю нужно удержать у себя въ службѣ своихъ слугъ; прежде они жили вмѣстѣ съ нимъ войной и добычей; теперь имъ нужно содержаніе, и князь отдаетъ имъ въ *кормленіе* области. Слуги-кормленщики управляютъ ими и получаютъ съ нихъ доходъ. При отсутствіи правильной государственной администраціи, эта система управленія падаетъ страшнымъ разореніемъ на области; произволъ и корыстолюбіе правителей, ни чѣмъ необузданные, возрастаютъ до безмѣрности.

Конечно, невдругъ произошли всѣ эти перемѣны, и не равно послѣдовательно совершалась онѣ въ разныхъ частяхъ Россіи; но зачатки этого новаго порядка вещей уже видны въ стремленіяхъ Андрея Боголюбскаго. Андрей окруженъ уже не дружиной, а *дворомъ*. Впервые при немъ встрѣчаемъ мы это общее названіе приближенныхъ князя. Онъ не терпитъ въ своей области соперниковъ, и хочетъ быть самовластнымъ. Братьевъ и племянниковъ своихъ онъ удаляетъ изъ своего княжества. Такъ въ этомъ замѣчательномъ историческомъ лицѣ впервые воплощается въ государственномъ бытѣ древней Россіи новый типъ — типъ вотчинника, господина, неограниченнаго владѣльца своихъ имѣній, типъ, который еще опредѣленнѣе высказывается потомъ въ его братѣ и преемникѣ, Всеволодѣ Георгіевичѣ, и развивается окончательно въ Москвѣ.

Мало по малу изъ этого новаго взгляда на княжества, какъ на собственность князей, на власть послѣдняго, какъ на власть вотчиннаго владѣльца, вырабатывается совершенно новый порядокъ наслѣдованія. Пока еще не исчезла мысль о государственномъ единствѣ Россіи а потомъ княжествъ, одинъ князь былъ непремѣнно главнымъ, первымъ, и такимъ былъ тотъ, который въ родѣ былъ старшимъ. Но

Digitized by Google

эта мысль начала постепенно исчезать, князья стали менѣе думать о сохраненіи государственнаго единства княжествъ и дѣлили ихъ между своими дѣтьми, какъ наслѣдство. Начало родовое мало по малу стало вытѣсняться началомъ семейственнымъ, и нисходящіе получаютъ перевѣсъ передъ боковыми родственниками.

Въ нашей древней государственной жизни это было важнымъ и рѣшительнымъ шагомъ впередъ. Правда, раздробленіе Россіи пошло тогда быстрѣе. Казалось, новое начало должно было совершенно уничтожить ея политическое существованіе. Но въ этомъ началѣ разрѣшилась вся неопредѣленность, всѣ вопросы, возникшіе изъ ярославовой политической системы. Оно обнаружило, что государственное устройство, основанное на родовомъ началѣ, несостоятельно; что государственный и кровный бытъ — враждебны, и одинъ изъ нихъ непремѣнно долженъ уступить мѣсто другому: взяло верхъ кровное начало — исчезло государство. По крайней мѣрѣ исторія довела до какого-нибудь положительнаго, твердаго результата. Съ него можно было идти далѣе, не оглядываясь назадъ, вновь приняться за созиданіе государства уже не по старымъ началамъ. Московскіе князья и сдѣлали это.

Въ общемъ ходѣ развитія древней русской жизни, упраздненіе роднаго начала семейственнымъ, покуда совершившееся въ одной политической сферѣ, еще важнѣе, еще многознаменательнѣе. До того времени у насъ вездѣ, во всемъ, дѣйствуетъ родъ. Онъ создаетъ племена, общины, удѣльную систему. Пока не настало время его отрицанія, человѣку не было возможности выйти изъ очарованнаго круга исключительно кровныхъ отношеній; ибо родъ объемистъ и широкъ; нѣтъ ему границъ, нѣтъ такихъ далекихъ вѣтвей, которыя, по родовому началу, не могли бы сосчитаться родствомъ. Конечно, личность, ища себѣ простора, часто порывала сѣти, которыми ее опутывали кровныя отношенія. Но выходъ изъ нихъ былъ безсознателенъ, былъ нарушеніемъ закона, тяготѣвшаго надъ цѣлою жизнью. Чтобъ отрѣшиться отъ него, нужно было мужество, котораго хватало у иныхъ на время, на одинъ случай, не хватало на всю жизнь. Притомъ весь бытъ такъ былъ сложенъ по кровнымъ началамъ, что о другихъ отношеніяхъ, кромѣ родственныхъ, не было и понятія. Но когда семейное начало взяло верхъ надъ родовымъ, и главнымъ стала семья, а не родъ, родовой союзъ потерялъ свою обязательную силу. Непризнаніе его перестало быть нарушеніемъ закона. Семьи стали независимы другъ отъ друга. Ихъ взаимныя отношенія, уже неопредѣляемыя кровными началами, должны были опредѣляться чѣмъ-нибудь другимъ, и въ этомъ еще невысказанномъ другомъ лежалъ зародышъ будущихъ юридическихъ отношеній. Граница, предѣлъ кровнаго со-

Digitized by Google

юза, такимъ образомъ, обозначились. Можно было наконецъ указать въ жизни на отношенія, въ которыхъ родство не было обязательно. Важный шагъ впередъ въ развитіи личности, прежде всюду стѣсненной и подавленной, которой кровныя отношенія заранѣе указывали мѣсто въ общественномъ быту: низшее передъ другими, не смотря на ея достоинства; по необходимости, высшее передъ прочими; иначе, захоти старшій быть ниже младшаго, позоръ падалъ на его голову и на голову его потомковъ.

Какъ всегда бываетъ въ исторіи, новое семейственное начало выступило сперва робко, нерѣшительно и развивалось подъ старыми формами, созданными родовымъ началомъ. Вдругъ оно не могло отъ нихъ отрѣшиться; потому-то въ немъ мы опять встрѣчаемся съ понятіемъ о старшинствѣ, зависимости младшихъ отъ старшихъ,—этими принадлежностями родового начала. Новое борется съ старымъ его же оружіемъ, имъ прикрываетъ себя. По родовому началу, старшій братъ отецъ прочимъ братьямъ и своимъ сыновьямъ. И тѣ и другіе его дѣти; но какъ первый его сынъ старшій изъ его дѣтей, то онъ старше и своихъ дядей. Такъ первенство семьи надъ родомъ присвоено сначала одному старшему сыну; родовой счетъ сыновей съ боковыми удержанъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ какъ будто и родовой союзъ. Но главное было сдѣлано: новое начало поставлено и узаконено. Сперва оно измѣнило прежнія родовыя отношенія, потомъ разрушило ихъ.

Въ то время, какъ политическая жизнь Россіи такимъ образомъ мало по малу измѣнялась вмѣстѣ съ понятіями князей, послѣдніе слѣды единства исчезали, и на сѣверо-востокѣ Россіи еще удерживалась одна тѣнь велико-княжескаго достоинства, важное событіе ускорило окончательное паденіе стараго и развитіе новаго порядка вещей. Мы говоримъ о монгольскомъ игѣ. Какъ буря, оно сокрушило все, что было на поверхности: остались одни зерна, спрятанныя въ землѣ. Теперь они стали расти, и имъ было просторно; ничто имъ не мѣшало.

Монголы сдѣлали много зла Россіи: изъ конца въ конецъ они ее опустошили, и опустошали не разъ. Рабскія привычки, понятія, наклонности, уловки, — хотя и обманчивая, но единственная защита слабаго противъ дикой силы, — если невпервые тогда у насъ появились, то усилились. Не смотря на это, они играютъ важную отрицательную роль въ нашей исторіи.

Когда они завоевали Россію, князья не могли уже княжить безъ ихъ согласія, а должны были ѣздить въ Орду и получали отъ хановъ ярлыки или утвержденіе въ княжескомъ достоинствѣ, если были имъ угодны. Это повлекло за собою важныя измѣненія въ нашемъ поли-

Digitized by Google

тическомъ бытѣ. Удѣльные князья и великій князь остались. Прежде они садились на престолъ сами собою, большею частію по началамъ родоваго старшинства; по крайней мѣрѣ оно служило предлогомъ. Не ханамъ были чужды родовые расчеты. Какое было имъ дѣло до того, который князь имѣетъ лучшее право по народнымъ понятіямъ? По нихъ тотъ былъ князь, кто имъ былъ угоднѣе, кто ревностно исполнялъ ихъ волю, былъ вѣрнымъ слугой и исправно платилъ дань. Это были личныя качества, не всегда совпадавшія съ родовыми преимуществами. Такъ является для правъ князей на престолъ новое мѣрило, чуждое древней Руси; оно противупоставляется прежнему родовому, и разрушаетъ его. Одно не лучше другаго. За то исчезаетъ старое, отжившее, которое мѣшало итти впередъ: татарское вслѣдъ за нимъ исчезло.

Этого мало: монгольское иго усилило власть великаго князя и тѣмъ возсоздало видимый центръ политическаго единства Руси. Въ сѣверо-восточной ея половинѣ, какъ прежде въ юго-западной, и по тѣмъ же причинамъ, велико-княжеское достоинство, передъ монгольскимъ игомъ, стало пустымъ титуломъ; оно не давало уже никакой власти надъ прочими князьями. Теперь великій князь — органъ и орудіе ханской воли. Онъ дѣйствуетъ, распоряжается князьями во имя хана. Неповиновеніе ему — неповиновеніе ханской волѣ, за которымъ слѣдовало лишеніе княжескаго сана, самая смерть. Къ услугамъ великаго князя, ханскаго слуги, монгольскіе отряды противъ ослушниковъ. Странное явленіе! Монголы разрушаютъ удѣльную систему въ самомъ основаніи, возсоздаютъ политическое единство, словомъ дѣйствуютъ въ нашихъ интересахъ, сами того неподозрѣвая!

Но, какъ мы видѣли, они дѣйствовали отрицательно. Положительно воспользовались всѣми выгодами монгольскаго ига даровитые умные, смышленые князья московскіе.

Около вѣка послѣ наложенія на насъ монгольскаго ярма, московскому князю, Іоанну Даниловичу Калитѣ, внуку Александра Невскаго, удалось добиться велико-княжескаго достоинства. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ небогатыхъ и несильныхъ князей: только восемь городовъ ему принадлежало. Эта небольшая княжеская вотчина черезъ столѣтіе выросла въ московское государство.

Іоаннъ Калита былъ въ полномъ смыслѣ князь-вотчинникъ, и смотрѣлъ на свои владѣнія, какъ на собственность. Въ немъ вполнѣ высказался этотъ новый типъ власти, смѣнившій прежнюю. Озабоченный одною цѣлью умножить свои вотчины и оставить большое наслѣдство дѣтямъ, Іоаннъ дѣйствуетъ очень искусно и пользуется всѣмъ, чѣмъ можетъ. Обязанность сбирать ордынскую дань въ это время лежала на великомъ князѣ. Это представило Іоанну удобный случай

Digitized by Google

обогатиться; онъ накупилъ много волостей и городовъ на Руси, собралъ большую казну и въ завѣщаніи всѣ свои имѣнія раздѣлилъ между женой и дѣтьми.

Когда онъ умеръ, нѣсколько князей искали велико-княжескаго достоинства, все еще на основаніи родового старшинства; но въ глазахъ хановъ права Симеона, сына Іоаннова, были лучше, дѣйствительнѣе. Его отецъ служилъ вѣрой и правдой; самъ онъ имѣлъ много денегъ и могъ въ ордѣ дарить больше, нежели его соперники: лесть и золото доставили ему то, чего бы онъ никогда не добился другими путями.

Вотъ каковы были первые зачатки будущаго Московскаго Государства, обнявшаго всю Россію! Оно создается по новымъ началамъ. Московскіе князья прежде всего неограниченные, наслѣдственные господа надъ своими вотчинами; прежде всего они заботятся о томъ, чтобы умножить число своихъ имѣній. Лучшимъ средствомъ для этой цѣли было велико-княжеское достоинство — и они стараются удержать его за собою. Единственнымъ средствомъ для удержанія велико-княжескаго достоинства была милость, благоволеніе хановъ — и они ничего не щадятъ, чтобы имъ нравиться. Какъ великіе князья, они главные, первые между всѣми русскими князьями; но они знаютъ, что само по себѣ это первенство — звукъ, неимѣющій смысла; что только дѣйствительная сила можетъ дать ему значеніе, которое оно давно утратило. Ограждаемые покровительствомъ хановъ, авторитетомъ ихъ власти, и опираясь на свою собственную силу, московскіе великіе князья угнетаютъ князей, правдой или неправдой отнимаютъ у нихъ владѣнія, вмѣшиваются въ ихъ распри, становятся ихъ судьями и собираютъ въ ихъ владѣніяхъ ордынскій выходъ.

Такъ дѣйствовали всѣ московскіе великіе князья. Быстро подвигались они къ своей цѣли, быстро обращалась Россія въ ихъ наслѣдственную вотчину. Каждый великій князь передавалъ свое достоинство старшему сыну. Чѣмъ далѣе, тѣмъ они становились самостоятельнѣе. Опираясь на собственное могущество, они начали рѣшительно господствовать надъ удѣльными князьями и сбрасывать иго Орды, тягостное и для нихъ болѣе ненужное. Къ этому времени она уже слабѣла. Въ ней появились междоусобія, и нѣсколько хановъ соперничали между собою. Еще московскіе великіе князья пользовались этими враждами, чтобъ болѣе утвердиться, однако не долго. Вскорѣ открылась для нихъ возможность безъ опасенія сбросить личину покорности.

Но въ самомъ московскомъ великомъ княженіи скрывались еще зачатки разрушенія, наслѣдіе предъидущаго политическаго быта. Какъ вотчина, оно дѣлилось на части между дѣтьми великихъ князей.

Digitized by Google

Старшій великій князь, не былъ сильнѣе прочихъ, получая равный съ ними удѣлъ. Внутренніе раздоры и счеты между московскими князьями были неминуемы и обнаружились, когда образовались боковыя линіи, по прежнему предъявлявшія свои права на велико-княжеское достоинство по началамъ родового старшинства. Кровное начало очевидно мѣшало еще государству. Оставалось сдѣлать одинъ шагъ — пожертвовать семьей государству: этотъ шагъ и былъ сдѣланъ, но невдругъ. Чтобъ отвратить возможное соперничество между дѣтьми, великіе князья стали давать старшему сыну бо́льшую часть, а прочимъ — мѣньшія. Кровные интересы начали мало по малу уступать мѣсто желанію сохранить и упрочить силу московскаго великаго князя. Въ этомъ уже заключалась неясная мысль о государствѣ. Части братьевъ великаго князя становились все меньше. Братья Іоанна III получили только по три города; братья Василія Іоанновича не были даже самостоятельными удѣльными князьями, а простыми владѣльцами, подданными великаго князя. Удѣлы совершенно исчезаютъ, и когда разными неправдами Василій отнялъ удѣлъ у князя сѣверскаго, послѣдній въ тогдашней Россіи, какой-то юродивый бѣгалъ по Москвѣ съ метлой, говоря, что пора очистить государство отъ послѣдняго сору. И точно, удѣлы сдѣлались тогда анахронизмомъ, запоздалымъ остаткомъ прошедшаго.

Уничтоженіе удѣльной системы и соединеніе Россіи въ нераздѣльное цѣлое, подъ властью одного великаго князя, было не только началомъ новой эпохи въ нашей политической жизни, но важнымъ шагомъ впередъ въ развитіи всего нашего внутренняго быта. Политическая система, созданная московскими великими князьями — нѣчто совершенно новое въ русской исторіи; она представляетъ полное отрицаніе всѣхъ прежнихъ системъ, не въ однихъ явленіяхъ, но въ самомъ основаніи. Ярославова система покоилась на родовомъ началѣ и раздробила Россію на княжества; семья послѣ Андрея Боголюбскаго обратила княжества въ вотчины, дѣлившіяся до безконечности. Въ московской системѣ территоріальное начало получило рѣшительный перевѣсъ надъ личнымъ. Кровные интересы уступаютъ мѣсто политическимъ; держава, ея нераздѣльность и сила поставлены выше семьи. Въ исторіи образованія Московскаго Государства не столько важно стѣсненіе и покореніе удѣловъ, принадлежащихъ не-московскимъ князьямъ, сколько постепенное увеличеніе части, оставляемой великому князю, и уменьшеніе частей прочихъ князей, его братьевъ: то было дѣломъ возрастающей силы, это — актомъ мысли, сознанія.

Такъ сначала въ государственной сферѣ происходитъ отрицаніе исключительно кровнаго, семейнаго начала, послѣдняго, самаго

Digitized by Google

ограниченнаго круга кровнаго союза и кровныхъ отношеній. На сцену дѣйствія выступаетъ личность. Она не произвольно выходитъ изъ кровнаго союза, ставитъ себя выше семьи: она отрицаетъ ихъ во имя идеи, и эта идея — государство. Появленіе государства было вмѣстѣ и освобожденіемъ отъ исключительно кровнаго быта, началомъ самостоятельнаго дѣйствованія личности, слѣдовательно началомъ гражданскаго, юридическаго, на мысли и нравственныхъ интересахъ, а не на одномъ родствѣ основаннаго общественнаго быта.

Но и личность и идея государства сначала едва видимы подъ старыми, установившимися формами. И та и другая ими проникнуты. Типъ вотчино-владѣльца, полнаго господина надъ своими имѣніями, лежитъ въ основаніи власти московскаго государя; изъ за этого типа трудно разглядѣть ея новое, болѣе высокое значеніе. Московскій государь еще великій князь; онъ отчичь, дѣдичь, наслѣдственный господинъ своихъ владѣній. Области и государство — его вотчина; придворная служба преобладаетъ, и названіе *слуги* теперь почетный титулъ, жалуемый за заслуги. Подобно удѣльнымъ князьямъ-вотчинникамъ, онъ раздаетъ свои области въ кормленіе своимъ слугамъ. Долго сохраняются эти черты; до самаго Петра Великаго онѣ мало измѣняются, по крайней мѣрѣ снаружи. Но теперь рядомъ съ ними проступаютъ и другія — провозвѣстницы новаго. Съ Іоанна III московскіе государи принимаютъ титулъ *царя*, усвоиваютъ многія принадлежности власти византійскихъ императоровъ: гербъ двуглаваго орла, регаліи, вѣнчаніе и помазаніе на царство; велико-княжескій дворъ и придворныя церемоніи устроиваются по византійскому образцу. Самому ли Іоанну принадлежитъ первая мысль этихъ нововведеній, или она внушена ему его супругой, греческой царевной Софіей — все равно. Онѣ свидѣтельствуютъ, что прежнія формы были недостаточны, узки, не выражали новаго значенія московскаго государя. Изъ подъ великокняжеской вотчины проглядываетъ государство, отвлеченное нравственное лицо, имѣющее свое физическое существованіе и самостоятельное, разумное значеніе. Образуется государственная территорія— не случайное соединеніе земель, а правильное, органическое тѣло, имѣющее свою жизнь и свои потребности. Внѣшняя политика и дѣятельность московскихъ государей, войны и мирные трактаты, пріобрѣтенія земель, перестаютъ быть частнымъ дѣломъ и получаютъ высокое, разумное значеніе. Ими удовлетворяются теперь потребности государства. Начало подданства начинаетъ смѣнять начало холопства; является понятіе о государственной службѣ, о гражданствѣ, о равенствѣ передъ судомъ. Улучшенія внутренняго управленія, судопроизводства, обузданіе произвола кормленщиковъ, законодатель-

Digitized by Google

ство, все это показываетъ, что въ Московскомъ Государствѣ подъ старыми формами развилось уже новое содержаніе.

Развитіе совершилось впрочемъ медленно. Впродолженіи слишкомъ двухъ столѣтій старое было сильно поколеблено, но не разрушено; новое проникло въ жизнь, многое въ ней измѣнило, но не отрѣшилось отъ историческихъ формъ, подъ которыми появилось; все стало другимъ, однако сохранило прежній видъ. Московское Государство только приготовило почву для новой жизни.

Эту переходную эпоху нашей исторіи — утреннюю зарю новаго, вечернюю стараго,—эпоху неопредѣленную, какъ всѣ серединныя времена, — отграничиваютъ отъ предыдущаго и послѣдующаго два величайшихъ дѣятеля въ русской исторіи, Іоаннъ IV и Петръ Великій: первый ее начинаетъ, второй оканчиваетъ и открываетъ другую. Раздѣленные цѣлымъ вѣкомъ, совершенно различные по характеру, они замѣчательно сходны по стремленіямъ, по направленію дѣятельности. И тотъ и другой преслѣдуютъ одни цѣли. Какая-то симпатія ихъ связываетъ. Петръ Великій глубоко уважалъ Іоанна IV, называлъ его своимъ образцомъ и ставилъ выше себя. И въ самомъ дѣлѣ, царствованіе Петра было продолженіемъ царствованія Іоанна. Недоконченныя, остановившіяся на полудорогѣ реформы послѣдняго продолжалъ Петръ. Сходство замѣтно даже въ частностяхъ. Оба равно живо сознавали идею государства и были благороднѣйшими, достойнѣйшими ея представителями; но Іоаннъ сознавалъ ее какъ поэтъ, Петръ Великій какъ человѣкъ, попреимуществу практическій. У перваго преобладаетъ воображеніе, у втораго — воля. Время и условія, при которыхъ они дѣйствовали, положили еще бо́льшее различіе между этими двумя великими государями. Одаренный натурой энергической, страстной, поэтической, менѣе реальной, нежели преемникъ его мыслей, Іоаннъ изнемогъ наконецъ подъ бременемъ тупой, полу-патріархальной, тогда уже безсмысленной среды, въ которой суждено было ему жить и дѣйствовать. Борясь съ ней на смерть много лѣтъ и не видя результатовъ, не находя отзыва, онъ потерялъ вѣру въ возможность осуществить свои великіе замыслы. Тогда жизнь стала для него несносной ношей, непрерывнымъ мученіемъ: онъ сдѣлался хищникомъ, тираномъ и трусомъ. Іоаннъ IV такъ глубоко палъ именно потому, что былъ великъ. Его отецъ Василій, его сынъ Ѳеодоръ не падали. Этимъ мы не хотимъ оправдывать Іоанна, смыть пятна съ его жизни; мы хотимъ только объяснить это до сихъ поръ столько загадочное лицо въ нашей исторіи. Его многіе судили, очень немногіе пытались понять, да и тѣ увидѣли въ немъ только жалкое орудіе придворныхъ партій, чѣмъ Іоаннъ не былъ. Всѣ знаютъ и всѣ помнятъ его казни и жестокости; его великія дѣла остаются въ тѣни;

Digitized by Google

о нихъ никто не говоритъ. Добродушно продолжаемъ мы повторять отзывы современниковъ іоанновыхъ, не подозрѣвая даже, что они-то всего больше объясняютъ, почему Іоаннъ сдѣлался такимъ, каковъ былъ подъ конецъ: равнодушіе, безучастіе, отсутствіе всякихъ духовныхъ интересовъ — вотъ что встрѣчалъ онъ на каждомъ шагу. Борьба съ ними — ужасныя борьбы съ открытымъ сопротивленіемъ. Послѣднее вызываетъ силы и дѣятельность, воспитываетъ ихъ; первыя ихъ притупляютъ, оставляя безотрадную скорбь въ душѣ, развивая безумный произволъ и ненависть. Петръ, одаренный страшной волей и удивительнымъ практическимъ смысломъ, жилъ такомъ позже, когда обстоятельства уже измѣнились и многое было приготовлено; у него былъ предшественникъ, даже предшественники; съ увѣренностію геніальнаго человѣка онъ принялся за свое дѣло; онъ имѣлъ рѣдкое счастіе видѣть, какъ его начинанія зрѣли и приносили плоды: но и характеръ самого Петра отлился въ суровую, жосткую форму; и ему нужны были шумныя развлеченія, въ которыхъ онъ могъ бы забываться; и на него находили минуты, когда мышцы его слабѣли, и тяжкое, скорбное изнеможеніе, душевная усталость прерывала его неутомимую дѣятельность.

Внутренній бытъ Россіи, передъ появленіемъ Московскаго Государства, въ главныхъ чертахъ мало измѣнился противъ прежняго. Кровныя начала, исчезнувшія въ политической сферѣ, продолжали жить и преобладать въ остальныхъ. Необходимость создать крѣпкое, прочное государство шла впереди, торопила событія и рано обнаружила несостоятельность кровныхъ началъ въ политической жизни. Но въ гражданской сферѣ онѣ не подвергались такой строгой критикѣ и могли жить спокойно, не тревожимыя ничѣмъ; онѣ и жили, какъ будто разсчитывая на безконечное существованіе.

Древняя до-іоанновская Русь представляется погруженною въ родственный бытъ. Глубокихъ потребностей другого порядка вещей не было, и откуда имъ было взяться? Личность — единственная, плодотворная почва всякаго нравственнаго развитія, еще не выступала; она была подавлена кровными отношеніями. Были, конечно, нѣкоторыя важныя реформы: христіанство и церковь пересоздали семейный бытъ, истребили многоженство и наложничество. Князья постепенно уничтожили кровную месть и замѣнили денежнымъ вознагражденіемъ, сперва въ пользу обиженнаго или его родственниковъ, потомъ вирой въ свою пользу. Они установили уголовныя наказанія, неизвѣстныя древней Руси. Но такихъ реформъ было не много. Общины, города и волости, попрежнему, не имѣли никакого правильнаго общиннаго устройства и потеряли то временное политическое значеніе, которое получили было. Въ нихъ сохранялся старинный

Digitized by Google

славянскій общинный бытъ, развившійся изъ исключительно-родственнаго. Только теперь надъ ними тяготѣла произвольная, корыстолюбивая власть княжескихъ областныхъ правителей-кормленщиковъ, которые владѣли ими, какъ своими вотчинами, управляли сами и посредствомъ своихъ слугъ, и такъ раззоряли, что князья многимъ общинамъ дали, въ видѣ изъятія и милости, жалованныя несудимыя грамоты, которыми онѣ освобождались отъ подвѣдомственности правителямъ. Подлѣ общинъ существуетъ множество отдѣльныхъ родовъ. Большею частью они находились въ службѣ у другихъ родовъ, или князей, и были безконечно-различны по богатству и знатности. Съ уничтоженіемъ удѣловъ, княжескія фамиліи также низошли въ разрядъ служилыхъ родовъ. Теперь всѣ эти роды стали служить московскому государю. Одни непосредственно окружили его, сдѣлались его приближенными; прочіе стали ниже въ извѣстной постепенности. Такъ сложилась лѣствица родовъ, которой нисшія ступени терялись въ простомъ народѣ, высшія оканчивались у подножія царскаго престола. Общихъ интересовъ, которые могли бы соединить эти роды въ одно цѣлое и создать сословіе, не было и не могло быть; они жили разрозненно, каждый своею особенною жизнью, преслѣдуя свои исключительно-родовые интересы. Стать выше другихъ родовъ, по крайней мѣрѣ не уступить первенства нисшимъ, не потерять своей *родовой чести*, — вотъ что́ прежде всего сосредоточивало на себѣ все ихъ вниманіе и часто производило между ними непріязненныя столкновенія. Перенеся въ службу родовыя понятія и стремленія, они должны были, рано или поздно, встрѣтиться лицомъ къ лицу съ государствомъ, котораго живымъ представителемъ былъ теперь царь; ибо для нихъ служба была внѣшнимъ выраженіемъ ихъ родовыхъ преимуществъ; они старались подчинить ее законамъ родоваго старшинства, сдѣлать орудіемъ своихъ частныхъ интересовъ. Не такъ понимали ее московскіе государи. Они требовали отъ своихъ слугъ полнаго, безусловнаго повиновенія; они хотѣли видѣть въ нихъ гибкіе органы своей власти. Они проводили начало личности; служебные роды — начало родовое. Царь посылалъ на службу двоихъ, одного старшимъ, другаго младшимъ, по своимъ разсчетамъ; а младшій отказывался служить, говоря, что по родовымъ онъ старше, и его честь оскорблена. Ни польза государства, ни царская опала, ни самый страхъ смерти не могли принудить его ею пожертвовать. Царю оставалось что-нибудь изъ двухъ: или всѣ служилые роды замѣнить людьми неродословными, или при раздачѣ мѣстъ сообразоваться съ законами родоваго и служебнаго старшинства. Первое было невозможно́; оставалось согласиться на послѣднее. Такъ раздача мѣстъ, назначеніе въ должности не зависѣли отъ безусловной воли царя. Ему хотѣлось

Digitized by Google

назначить лучшаго, достойнѣйшаго, а онъ назначалъ понеобходимости старшаго. Мало по малу важнѣйшіе государственные чины и званіе члена царской думы сдѣлались исключительною принадлежностію извѣстныхъ родовъ; другимъ доступъ къ нимъ былъ закрытъ. Правда, царь могъ давать чины кому хотѣлъ; но съ высшими чинами естественно были соединяемы и высшія должности въ государствѣ. Если высшій чинъ, а вмѣстѣ и высшая должность, были даны человѣку незнатнаго рода, всѣ прочіе знатные родичи, которымъ достались относительно низшія, отказывались служить. Черезъ это цари были вынуждены жаловать въ высшіе чины однихъ родословныхъ людей. Въ царской думѣ засѣдали одни высшіе сановники — бояре и окольничіе; поэтому она наполнилась одними знатными родичами; прочіе, не смотря ни на какія личныя качества, не могли сдѣлаться ея членами.

Государство не могло ужиться рядомъ съ этими домашними, частными, кровными интересами, которые въ лицѣ безграничныхъ областныхъ правителей и служилыхъ родовъ связывали ему руки и отнимали возможность свободно развиваться и дѣйствовать. Рано вступило оно съ ними въ борьбу и довершило въ администраціи побѣду надъ удѣлами и кровнымъ началомъ, которая еще прежде была одержана въ болѣе широкой, политической сферѣ. Уже Іоаннъ III получилъ названіе «Грознаго» за строгое обращеніе съ вельможами. Для обузданія произвола областныхъ правителей онъ издалъ *Судебникъ*, которымъ установилъ судопроизводство и величину пошлинъ. Есть даже извѣстіе, что онъ первый завелъ окладныя книги, которыми опредѣлилъ доходы правителей съ областей. Но никто ни прежде, ни послѣ, до самаго Петра Великаго, не дѣйствовалъ такъ энергически противъ вельможъ и областныхъ правителей, угнетавшихъ народъ, какъ Іоаннъ IV. Не знаемъ, до какой степени были справедливы его опасенія противъ ихъ заговоровъ и тайныхъ козней: подозрительный, страстный характеръ могъ внушить ему многое, чего не было. То вѣрно, что въ нѣкоторыхъ вельможахъ, бывшихъ удѣльныхъ князьяхъ, или близкихъ ихъ потомкахъ, не совсѣмъ исчезли при немъ воспоминанія о недавнемъ времени, когда они были такіе же независимые владѣтели, какъ царь московскій. Они не могли быть ему преданы, служили неохотно, роптали и измѣняли или уѣзжали, когда могли. Остальные думали только о себѣ и нерадѣли о государствѣ. Области находились въ бѣдственномъ положеніи: цѣлыя села пустѣли отъ грабительства правителей и ихъ слугъ. Іоаннъ предпринимаетъ рѣшительныя, коренныя реформы и надѣется осуществить ихъ посредствомъ двухъ органовъ, враждебныхъ вельможеству, и слѣдовательно наилучшихъ для его цѣлей: людей худородныхъ, въ

Digitized by Google

особенности *дьяковъ*, грамотныхъ, знающихъ порядокъ управленія, но большею частію низкаго званія и потому недостигавшихъ до высшихъ степеней, — и общинъ, которыя страдали отъ произвола правителей. Сначала Іоаннъ отдѣлилъ уголовное и уголовно-полицейское управленіе и поручилъ его въ исключительное завѣдываніе выборныхъ отъ общинъ, губныхъ старостъ и цаловальниковъ (присяжныхъ). И тѣ и другіе существовали и прежде, но теперь они получили юридическое значеніе, котораго не имѣли. Потомъ въ 1550 году онъ издалъ Судебникъ. Въ немъ гораздо подробнѣе, нежели при Іоаннѣ III, опредѣлены были порядокъ суда, пошлины, нѣкоторыя части гражданскаго управленія, и власть областныхъ правителей еще болѣе ограничена: старосты и цаловальники получили участіе въ гражданскомъ судѣ; безъ нихъ правители не могли судить никакихъ тяжбъ и исковъ, не могли сажать въ тюрьму жителей общинъ; даже раскладки и сборъ податей и повинностей предоставлены выборнымъ; такимъ образомъ разорительное вмѣшательство областныхъ правителей и ихъ людей должно было прекратиться. Впослѣдствіи и сборъ всѣхъ особливыхъ царскихъ доходовъ порученъ выборнымъ отъ общинъ. Правители удержали одну распорядительную, поверхностную, общую власть надъ областями: внутренній распорядокъ отданъ въ руки выборныхъ. Но недовольный еще этими мѣрами и видя, что злоупотребленія и угнетенія продолжались, Іоаннъ наконецъ совсѣмъ уничтожилъ областныхъ правителей и все мѣстное управленіе отдалъ въ полное завѣдываніе самихъ общинъ, подчинивъ ихъ непосредственно московскимъ приказамъ. Остались намѣстники въ однихъ пограничныхъ областяхъ, но къ нимъ были, кажется, приставлены дьяки, ибо послѣ Іоанна мы находимъ уже при намѣстникахъ дьяковъ. Эти дьяки должны были наблюдать за дѣйствіями намѣстниковъ, сами принимали участіе въ управленіи и обо всемъ доносили царю.

Таковы были реформы Іоанна въ областномъ управленіи; но еще важнѣйшія предприняты имъ въ государственномъ устройствѣ. Цѣль ихъ таже: сломить вельможество, дать власть и просторъ одному государству. Всѣ главныя отрасли управленія вѣрены дьякамъ: они завѣдывали приказами; вельможи почти отстранены отъ гражданскихъ дѣлъ, и за то ненавидѣли Іоанна. Еще Дума находилась въ ихъ рукахъ; они одни были ея членами; Іоаннъ и въ нее вводитъ новое начало *личнаго* достоинства. Подъ названіемъ *думныхъ дворянъ* онъ сажаетъ въ Думу людей незнатнаго рода, имъ самимъ избранныхъ: при ея не-коллегіяльномъ устройствѣ они не могли не имѣть важнаго вліянія на ея рѣшенія. Но всѣ эти мѣры казались Іоанну еще недостаточными; онъ хотѣлъ совершенно уничтожить вельможество и окружить себя людьми незнатными, даже низкаго происхожденія, но

Digitized by Google

преданными, готовыми служить ему и государству безъ всякихъ задними мыслей и частныхъ расчетовъ. Въ 1565 году онъ установилъ *опричнину*. Это учрежденіе, оклеветанное современниками и непонятое потомствомъ, не внушено Іоанну — какъ думаютъ нѣкоторые — желаніемъ отдѣлиться отъ Русской-Земли, противупоставить себя ей: кто знаетъ любовь Іоанна къ простому народу, угнетенному и раздавленному въ его время вельможами, кому извѣстна заботливость, съ которой онъ старался облегчить его участь, тотъ этого не скажетъ. Опричнина была первой попыткой создать служебное дворянство и замѣнить имъ родовое вельможество, на мѣсто рода, кровнаго начала, поставить въ государственномъ управленіи начало личнаго достоинства: мысль, которая подъ другими формами была осуществлена потомъ Петромъ Великимъ. Если эта попытка была безуспѣшна и надѣлала много зла, не принеся никакой пользы, не станемъ винить Іоанна. Онъ жилъ въ несчастное время, когда никакая реформа не могла улучшить нашего быта. Опричники, взятые изъ нижнихъ слоевъ общества, ничѣмъ не были лучше бояръ; дьяки были только грамотнѣе, свѣдущее въ дѣлахъ, чѣмъ вельможи, но не уступали имъ ни въ корыстолюбіи, ни въ отсутствіи всякихъ общихъ, нравственныхъ интересовъ; общины, какъ ни старался Іоаннъ поднять ихъ и оживить для ихъ же собственной пользы, были мертвы; общественнаго духа въ нихъ не было, потому-что въ нихъ продолжался прежній полу-патріархальный бытъ. За какія реформы ни принимался Іоаннъ, всѣ онѣ ему не удались, потому-что въ самомъ обществѣ не было еще элементовъ для лучшаго порядка вещей. Іоаннъ искалъ органовъ для осуществленія своихъ мыслей и не нашелъ; ихъ неоткуда было взять. Растерзанный, измученный безплодной борьбой, Іоаннъ могъ только мстить за неудачи, подъ которыми похоронилъ онъ всѣ свои надежды, всю вѣру, все, что было въ немъ великаго и благороднаго — и мстилъ страшно. Онъ умеръ. Современники его прокляли. Конечно не всѣ: повѣрья, которыя и теперь еще ходятъ объ немъ въ простомъ народѣ, доказываютъ это. Потомство не воздало ему должнаго, даже не пожалѣло о немъ. А ученые и писатели — они повторяли слова современниковъ, которые кричали громче другихъ. Только одинъ его понялъ — великій преемникъ его начинаній, которому суждено было довершить его дѣло и благословить Россію на новый путь.

Послѣ Іоанна IV всѣ его реформы или рушились, или потеряли смыслъ. Нѣкоторыя исчезли еще при немъ; такъ при немъ исчезло раздѣленіе на опричнину и земщину; появились опять намѣстники въ областяхъ. Послѣ него чинъ думнаго дворянина обратился въ обыкновенный чинъ, который жаловался и знатнымъ родичамъ. Старосты и цаловальники въ значеніи, которое придалъ имъ Іоаннъ, исчезли,

Digitized by Google

мы даже не знаемъ когда; они удержались только въ уголовномъ управленіи и собирали нѣкоторые доходы царской казны, да то было не привиллегія, а обязанность, повинность.

Но мысль о реформахъ, о необходимости улучшить внутренній бытъ не исчезла. Уже при сынѣ и преемникѣ Іоанна она выразилась въ законодательной мѣрѣ, которой настоящій смыслъ не понятъ, потому-что на нее до сихъ поръ смотрятъ съ теперешней, а не съ тогдашней точки зрѣнія. Въ 1592 году переходы крестьянъ съ мѣста на мѣсто были запрещены; сельское народонаселеніе прикрѣплено къ землѣ. Съ юридической точки зрѣнія это событіе необъяснимо; но на него и не должно такъ смотрѣть. Въ древней Россіи не было юридическаго быта; личность, въ гражданской сферѣ, сама по себѣ ничего не значила. Оно было вызвано цѣлями политическими, административными и полицейскими. Еще до Іоанна IV по многимъ причинамъ усилилось въ Россіи бродяжничество; право, основанное на обычаѣ переходить съ земли на землю, при тогдашней грубости, необразованности его усиливало. Привыкнувъ къ скитальческой жизни, многіе шли на разбой и воровство (татьбу); появились цѣлыя шайки лихихъ людей, отъ которыхъ не было покоя жителямъ. Сверхъ того обычай переходить породилъ между землевладѣльцами другой обычай — переманивать крестьянъ съ чужихъ земель на свои, обѣщая выгоды и льготы. Богатые воспользовались имъ въ ущербъ бѣдныхъ. Ѳеодоръ Іоанновичъ, или, правильнѣе, Борисъ Годуновъ, хотѣлъ пресѣчь и то и другое зло въ самомъ основаніи и запретилъ переходы; окончательное ихъ уничтоженіе относится къ царствованію Шуйскаго. Вслѣдствіе совершенной юридической неопредѣленности древняго русскаго быта, за уничтоженіемъ переходовъ послѣдовало постепенное смѣшеніе двухъ сословій, до того совершенно различныхъ: холопскаго и крестьянскаго. Сливаясь, они воздѣйствовали одно на другое; многія положенія, относившіяся сначала къ однимъ холопямъ, перенесены и на крестьянъ. Удержались неважныя, чисто-формальныя историческія различія, болѣе и болѣе терявшія смыслъ.

Вскорѣ потомъ наступила эпоха внутреннихъ смутъ, неустройствъ и волненій. Имя начался XVII вѣкъ. Поводъ ихъ былъ случаенъ, исходъ не принесъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ прежнемъ бытѣ. Послѣ 1612 года все пришло въ прежній порядокъ. Какъ море, Россія взволновалась и улеглась, не сохранивъ въ своемъ общественномъ устройствѣ никакихъ слѣдовъ недавней бури: очевидно, время умственнаго и нравственнаго развитія еще не наступало. Отъ-того вся эта эпоха вообще болѣе относится къ политической, нежели къ внутренней исторіи Россіи. Но она обнаружила, что идея государства уже глубоко проникла въ жизнь: Россія сама встала на свою защиту

Digitized by Google

во имя Вѣры и Москвы, тогдашняго государственнаго центра нашего отечества.

Когда новая династія вступила на престолъ и все успокоилось, опять возобновилась на время прерванная борьба царей съ отживавшими остатками до-государственной Россіи. По прежнему поприще ея — администрація, управленіе; но теперь она совершается тихо, медленно. Побѣда государства обозначается цѣлымъ рядомъ постепенныхъ законодательныхъ реформъ, которыя идутъ, непрерываясь, до окончательной великой реформы Петра. Іоаннъ IV ненавидѣлъ и боялся своихъ враговъ и отъ-того придалъ борьбѣ страстный, кровавый характеръ. Московскіе государи XVII вѣка ихъ уже не страшатся. Они какъ будто предчувствуютъ ихъ необходимое уничтоженіе и подготовляютъ его исподоволь, косвенными мѣрами.

Алексѣй Михайловичъ обходитъ Думу и всѣ важнѣйшія дѣла дѣлаетъ посредствомъ подъячихъ Тайнаго Приказа. Мѣстническіе споры становятся мало по малу безвредными для государства. Оно ихъ преслѣдуетъ, какъ ослушаніе царской воли, или откладываетъ. Наконецъ въ 1682 году Ѳеодоръ Алексѣевичъ соборнымъ постановленіемъ уничтожилъ ихъ совсѣмъ. И такъ, къ временамъ Петра Великаго отъ родового вельможества удержались только наслѣдственность важнѣйшихъ чиновъ и Боярская Дума, послѣдняя уже почти безъ всякаго государственнаго значенія; но и онѣ съ учрежденіемъ Сената и введеніемъ табели о рангахъ исчезли — навсегда.

Областные правители были ограничены и стѣснены. Многіе доходы ихъ, особливо отъ суда и управленія, стали доходами государства. При Алексѣѣ Михайловичѣ областные правители изъ намѣстниковъ стали воеводами. Ихъ право управлять областями посредствомъ своихъ людей исчезаетъ; мѣсто послѣднихъ заступаютъ приказные люди. Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича воеводамъ придаются выборные отъ дворянъ. Сверхъ того многими законами воеводы поставлены въ совершенную административную зависимость отъ московскихъ приказовъ, обязаны были давать подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, словомъ, перестали быть неограниченными владѣльцами управляемыхъ областей. Характеръ кормленщиковъ они удержали еще за собою, но уже не въ прежнемъ значеніи: они стали теперь вмѣстѣ и органами государства.

Но не только въ административной сферѣ уходилъ и изглаживался прежній порядокъ вещей, когда-то исключительно правившій внутреннею жизнью Россіи: онъ упадалъ и разрушался даже въ гражданскомъ быту; и въ немъ стало высказываться начало личности. Юридическія отношенія начали брать верхъ надъ кровными, родственными. Прежде порядокъ наслѣдованія, имущественныя и лич-

Digitized by Google

ныя отношенія между членами семей и родовъ опредѣлялись однимъ обычаемъ, нравами, свято соблюдаемыми; теперь они стали нуждаться въ посредничествѣ государства; оно устанавливаетъ ихъ и охраняетъ страхомъ наказаній. Появляется порча общественныхъ нравовъ — естественная и необходимая спутница всѣхъ переходныхъ эпохъ, когда одинъ порядокъ вещей смѣняется, но еще не смѣнился другимъ. Напрасно будемъ мы искать причину этой видимой перемѣны въ посторонннихъ вліяніяхъ — татарскомъ игѣ и внутреннихъ смятеніяхъ начала XVII вѣка. Нельзя отрицать этихъ вліяній, но они всего не объясняютъ: грубая, неразвитая и непризнанная личность искала простора; въ тѣсномъ кругу преобладающихъ кровныхъ отношеній ей становилось душно; она не давала ей развиваться, подавляя ее своими непреложными законами. И безъ всякихъ постороннихъ вліяній она, рано или поздно, предъявила бы свои права и въ частномъ, общественномъ быту, какъ прежде предъявила ихъ въ политическомъ и государственномъ. Законъ жизни былъ одинъ: и явленія были одинаковы.

III.

Древняя русская жизнь исчерпала себя вполнѣ. Она развила всѣ начала, которыя въ ней скрывались, всѣ типы, въ которыхъ непосредственно воплощались эти начала. Въ строгой послѣдовательности она провела Россію сперва черезъ общинный бытъ, потомъ черезъ родовой и семейственный; она постепенно выводила на сцену исторіи типы племеноначальника, начальника рода и вотчинника, и осуществляла ихъ въ большихъ размѣрахъ. Послѣднимъ ея усиліемъ, вѣнцомъ ея существованія были первые зачатки государства и начало личности. Въ нихъ она превзошла себя, какъ бы вышла изъ своихъ предѣловъ, хотя и государство и личность долго созрѣвали и готовились къ дѣйствованію подъ формами, ею созданными и развитыми. Она сдѣлала все, что могла, и, окончивши свое призваніе, прекратилась. Ее порицать, пренебрегать ею, или сожалѣть объ ней, думать о ея возвращеніи, доискиваться въ ней чего она не дала и не могла дать — равно ошибочно. И то и другое обнаруживаетъ взглядъ неисторическій, слѣдовательно непремѣнно ложный. Лучшій критикъ, судья исторіи — сама исторія. Она высчитываетъ напередъ всѣ возможности, взвѣшиваетъ всѣ доводы и за и противъ, съ неподражаемою подробностію, и потомъ рѣшитъ—безъ апелляціи. Намъ остается только вглядѣться въ этотъ судъ, въ эту критику, понять ее. Иначе мы непремѣнно впадемъ въ односторонность.

Digitized by Google

Начало личности узаконилось въ нашей жизни. Теперь пришла его очередь дѣйствовать и развиваться. Но какъ? Лицо было приготовлено древней русской исторіей, но только какъ *форма*, лишенная содержанія. Послѣдняго не могла дать древняя русская жизнь, которой все назначеніе, конечная задача только въ томъ и состояли, чтобъ выработать начало личности, высвободить ее изъ подъ ига природы и кровнаго быта. Сдѣлавшись независимой не черезъ себя, а какъ бы извнѣ, вслѣдствіе исторической неизбѣжности, личность сначала еще не сознавала значенія, которое она получила, и потому оставалась бездѣятельною, въ ладу съ окружающею и ей несоотвѣтствовавшею средою. Но это не могло долго продолжаться. Неоживленная личность должна была пробудиться къ дѣйствованію, почувствовать свои силы и себя поставить безусловнымъ мѣриломъ всего.

Впрочемъ вдругъ она не могла сдѣлаться самостоятельною, начать дѣйствовать во имя самой себя. Она была совершенно неразвита, не имѣла никакого содержанія. Итакъ, оно должно было быть принято извнѣ; лицо должно было начать мыслить и дѣйствовать подъ чужимъ вліяніемъ.

Такое вліяніе было для него необходимо и благодѣтельно. Оно освободило его отъ всего непосредственнаго, даннаго, развязало ему руки, возбудило къ нравственному развитію и приготовляло къ совершенной, безусловной самостоятельности.

Вотъ характеръ и значеніе эпохи внутреннихъ преобразованій, которая наступила въ Россіи въ XVIII вѣкѣ и окончилась недавно. Въ сферѣ политической и государственной личность ранѣе стала независимою; поэтому она впервые въ ней начала дѣйствовать неограниченно и подъ европейскимъ вліяніемъ. Въ Петрѣ Великомъ личность на русской почвѣ вступила въ свои безусловныя права, отрѣшилась отъ непосредственныхъ, природныхъ, исключительно-національныхъ опредѣленій, побѣдила ихъ и подчинила себѣ. Вся частная жизнь Петра, вся его государственная дѣятельность есть первая фаза осуществленія начала личности въ русской исторіи.

Какъ всякое историческое явленіе, эпоха преобразованій имѣетъ множество различныхъ сторонъ, и потому можетъ быть разсматриваема съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Многіе обвиняютъ ее въ томъ, что она пришла слишкомъ внезапно, дѣйствовала круто, насильственно, разорвала русскую исторію на двѣ половины, совершенно между собою несхожія, ничѣмъ несвязанныя, и насъ сдѣлала безхарактерными, жалкими междоумками или недоумками; наконецъ, что она лишила Россію національности,

Digitized by Google

подчинила ее исключительному господству европейскихъ элементовъ и апостазію отъ національнаго возвела на степень добродѣтели

Эти обвиненія, окончательно формулированныя въ послѣднее время, вызваны состояніемъ, въ которое мы пришли, когда эпоха реформъ окончивалась. Къ нему онѣ и относятся, а не къ ней. Какъ историческое явленіе онѣ важны, характеризуя состояніе одной части общества послѣ реформы; какъ взглядъ на цѣлый отдѣлъ исторіи, онѣ не имѣютъ никакой цѣны, по своему совершенно субъективному смыслу.

Вопервыхъ, эпоха реформъ наступила у насъ не внезапно; она приготовлена всѣмъ предыдущимъ бытомъ. Кто не согласенъ съ нашимъ взглядомъ на русскую исторію, тому мы укажемъ на появленіе иностранныхъ обычаевъ еще до Петра; на умноженіе иностранцевъ въ московской Россіи; на всякаго рода отступничества отъ прежнихъ нравовъ; наконецъ, на упадокъ государственнаго устройства и управленія передъ реформой Разложеніе быта выражалось въ страшныхъ, неслыханныхъ злоупотребленіяхъ. Въ доказательство ссылаемся не на общественное мнѣніе и литтературу, которыхъ тогда въ Россіи не было, а на современные акты и законы.

Что реформа дѣйствовала круто, насильственно — это правда. Но чтобъ вывесть изъ этого какое-нибудь заключеніе въ пользу или противъ нея, должно сперва рѣшить: что была современная ей Россія, и можно ли было дѣйствовать иначе?

Въ началѣ XVIII вѣка мы только-что начинали жить умственно и нравственно. Мы были несчастныя дѣти, окруженныя самыми невыгодными условіями. — Къ бѣдной внѣшней природѣ присоединились глубокое невѣжество, полу-восточныя привычки, которыя держали насъ въ черномъ тѣлѣ, въ самыхъ зачаткахъ убивали всякое нравственное развитіе, всякую общественность, всякую свободу и движеніе. Тогда — страшная недавняя старина! — дѣлались вещи, непостижимыя, невообразимыя теперь. Чудовищны были время и общественность, которыя могли пересоздать благородную натуру Іоанна IV и наперекоръ ей воспитать ее въ нравственнаго урода, изверга, не знавшаго границъ произволу. Только такая грубая, дикая, жалкая среда, въ которой не было и тѣни общественнаго мнѣнія, никакихъ общихъ, ни нравственныхъ, ни даже физическихъ интересовъ, сдѣлала возможнымъ преобразованіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно совершилось, со всѣми его крутыми мѣрами и насиліями. Оправданіе эпохи реформъ — въ ея цѣляхъ: средства дала, навязала ей сама старая Русь. Петръ дѣйствовалъ, какъ воспитатель, врачъ, хирургъ, которыхъ не обвиняютъ за крутыя и насильственныя мѣры. Нельзя было

Digitized by Google

иначе дѣйствовать; невозможное теперь было тогда, понесчастію, необходимо, неизбѣжно.

Сверхъ того не забудемъ, что реформа особенно сосредоточилась въ государственной сферѣ, въ управленіи; прочихъ сторонъ жизни она коснулась какъ будто мимоходомъ, что бо́льшею частью тамъ, гдѣ онѣ соприкасались съ государствомъ. А мы знаемъ, каково было положеніе государства передъ реформой и при Петрѣ: со всѣхъ сторонъ враги, а войска, денегъ, средствъ имъ противуотоять не было. Въ управленіи — безпорядокъ и отсутствіе централизаціи. Тутъ некогда было выжидать, дѣйствовать исподоволь. Нужды были слишкомъ настоятельны, чтобъ можно было вести реформу медленно, спокойно, разсчитывая на много лѣтъ впередъ.

Потомъ говорятъ, что эпоха преобразованій отдѣлила старую Русь отъ новой непроходимою бездной, ничѣмъ не наполненной, изъ насъ сдѣлала ни то, ни се, что-то среднее между древней Россіей и Европой — амфибій человѣческаго рода. Но это не такъ. Внутренняя связь между древней и новой Россіей, какъ мы видѣли, есть. Есть и внѣшняя, въ событіяхъ. Петръ Великій ничего не зналъ о различіи древней и новой Россіи. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что продолжаетъ дѣло своихъ предковъ; такое же убѣжденіе имѣли и его сподвижники. Татищевъ безпрестанно сравниваетъ указы Петра съ Уложеніемъ и законами Іоанна, и не такъ, какъ мы теперь сравниваемъ Русскую Правду съ варварскими законами Германцевъ, а какъ постановленія, дополнявшія другъ друга въ практикѣ, относившіяся къ одной и той же жизни, разрѣшавшія одни и тѣже вопросы. Въ самомъ-дѣлѣ, дѣйствія и законы Петра Великаго — лучшее доказательство, какъ въ его время обѣ Россіи, потомъ различенныя, были слиты въ одно нераздѣльное цѣлое. Мы скажемъ больше: ни одинъ живой вопросъ, возникшій въ древней Руси, не оставленъ Петромъ Великимъ безъ разрѣшенія. Какъ онъ ихъ рѣшилъ — объ этомъ мы не будемъ теперь разсуждать: рѣшилъ онъ всѣ. Мнѣніе, будто Петръ не зналъ Россіи, не имѣетъ никакого основанія. Онъ зналъ ее отлично, въ мелочахъ, въ подробностяхъ; но онъ пренебрегалъ голословной казуистикой древней Россіи, которая гонялась за частностями и не развила ни одного юридическаго начала.

Непроходимая бездна между старымъ и новымъ создана послѣ воображеніемъ, совершенно отвлеченнымъ пониманіемъ исторіи. Новый міръ еще менѣе походитъ на древній, чѣмъ новая Русь на старую. Тамъ дѣйствуютъ и новые народы; однако мы знаемъ, что и древній міръ преобразовался мало по малу. Наполеонъ создалъ новый порядокъ вещей во Франціи, нисколько не похожій на тотъ, который имъ смѣнился; однако мы не говоримъ, что Франція до Наполеона и послѣ

Digitized by Google

Наполеона — двѣ совсѣмъ разныя, ничѣмъ несвязанныя между собою Франціи. Вглядываясь въ событія, мы видимъ, что прежнее естественнымъ порядкомъ выродилось въ новое, какъ онѣ ни различны между собою. Такъ и у насъ было.

Недоумками мы точно стали, но не во время реформы и не вслѣдствіе реформы. Вспомните людей временъ Елизаветы, Екатерины: ихъ, право, нельзя упрекнуть въ безхарактерности, въ неопредѣленности. Всѣ они носятъ на себѣ такой рѣзкій типъ, что ихъ почти съ перваго взгляда можно узнать. Еслибъ эпоха реформъ сбила ихъ съ толку, они не могли бъ быть такими. Да и смотрѣли на преобразованія предки наши XVIII вѣка совсѣмъ другими глазами, нежели мы теперь. Они понимали реформу совершенно практически, брали съ бытовой, живой стороны. Имъ и въ голову не приходила мысль, что она можетъ лишить насъ народности, оторвать отъ прошедшаго. Себя они считали Русскими, такими же, какими были ихъ предки XVII вѣка, и въ самомъ дѣлѣ, они были Русскіе, для которыхъ настало время здраваго смысла, не стѣсненнаго историческими преданіями. Недоумками мы сдѣлались уже послѣ, когда эпоха преобразованій начала приходить къ концу, стало слагаться общество и родилось безсознательное требованіе самостоятельности мысли и дѣйствій. — Тогда къ прошедшему, настоящему и будущему мы приступили съ вопросами. То, что прежде само собою разумѣлось, теперь представилось задачей, требующей еще разрѣшенія. Все стало предметомъ критики, сужденій, и пока результаты этой критики не обнаружились, не выработался какой-нибудь взглядъ, сомнѣнье и нерѣшительность поразили умъ и дѣятельность. Но это было явленіе новое въ Россіи, не слѣдствіе реформы, а необходимая прелюдія къ другому порядку вещей, который тогда зарождался.

Самое важное, капитальное обвиненіе эпохи преобразованій состоитъ въ томъ, что она, будто бы, лишила насъ народности и безусловно подчинила европейскому вліянію. Тутъ явное недоразумѣніе, частью отъ слова народность, частью отъ отвлеченнаго взгляда на русскую исторію.

Національность, народность въ разныя эпохи развитія имѣютъ у одного и того же народа разныя значенія. Сначала, когда народъ пребываетъ въ непосредственномъ, природномъ состояніи, народность въ его глазахъ неразрывно связана съ внѣшними формами его существованія; иначе и быть не можетъ, ибо другаго существованія онъ не знаетъ и представить себѣ не въ силахъ. Для него перемѣна формъ есть и утрата народности; онъ не узнаетъ себя подъ другою внѣшностію. Иванъ Берсень говорилъ еще въ XVI вѣкѣ, что народу, у котораго измѣняются обычаи, не долго стоять, и, по понятіямъ

Digitized by Google

тогдашней Руси, онъ былъ правъ. Но когда народъ начинаетъ жить болѣе духовною жизнью, и слово – народность одухотворяется въ его устахъ. Онъ перестаетъ разумѣть подъ нимъ однѣ внѣшнія формы, но выражаетъ имъ особенность народной физіономіи; -- это нѣчто неуловимое, непередаваемое, на что́ нельзя указать пальцемъ, чего нельзя ощупать рукамъ, чисто-духовное, чѣмъ одинъ народъ отличается отъ другаго, несмотря на видимое сходство и безразличіе. Словомъ, національность становится выраженіемъ особенности нравственнаго, а не внѣшняго, физическаго существованія народа. — Съ бо́льшимъ сближеніемъ различныхъ народовъ она болѣе и болѣе одухотворяется, отрѣшается отъ внѣшняго, случайнаго, въ сущности безразличнаго: исчезнуть она не можетъ, пока не исчезнетъ самъ народъ.

Въ первомъ смыслѣ наша народность сильно тронулась; въ высшихъ классахъ общества она почти совсѣмъ исчезла. Но замѣтимъ: не съ реформы XVIII вѣка, а раньше, гораздо раньше, еще съ начала Московскаго Государства. Оно внесло въ нашу народную жизнь первые зачатки нравственнаго существованія, развившіеся потомъ; оно впервые посягнуло и на нашу народность, въ тѣсномъ, непосредственномъ значеніи слова. Москва — первоначальница нашего ненаціональнаго развитія. Многимъ это покажется теперь страннымъ, но оно дѣйствительно такъ было.

Во второмъ смыслѣ мы никогда не теряли своей народности; нельзя указать ни на одну минуту въ нашей исторической жизни, начиная съ какого угодно времени, въ которую бы мы перестали быть Русскими и Славянами, потому-что это совершенно, математически невозможно; *мы* всегда будемъ *мы*, и никогда *они*, кто-нибудь другой; иначе мы тотчасъ-же исчезнемъ съ лица земли, перестанемъ существовать, какъ особенный народъ.

Мысль, что черезъ реформу мы потеряли или почти потеряли народность, есть не слѣдствіе изученія древней и новой исторіи Россіи, а одинъ изъ тѣхъ безсвязныхъ воплей, которые вырвались изъ нашей груди, когда, вмѣстѣ съ реформой, одна фаза нашего развитія кончилась, а другая не наступала. Тогда мы почувствовали какую-то усталость, нравственное разслабленіе, изъ которыхъ, казалось, не было выхода. Допрашивая себя, откуда бы могла взяться эта преждевременная дряхлость, и думая, что за ней смерть, многіе обратились къ ближайшему прошедшему, придали ему страшный характеръ, освѣтили его траурнымъ свѣтомъ, обставили погребальными факелами. Имъ представилась, безспорно, одна изъ величайшихъ эпохъ нашей исторіи, время ея возрожденія, картиной упадка и разрушенія. Но эти краски ей чужды. Олицетвореніе древней и новой Россіи родило такое отвлеченное воззрѣніе. Многіе подумали, что за европейскимъ

Digitized by Google

вліяніемъ въ Россіи XVIII и начала XIX вѣка ничего не было; что Европа, со всѣми особенностями, перешла къ намъ и водворилась у насъ на мѣсто прежняго. Еслибъ такъ было, Россія была бы теперь также похожа на остальныя европейскія государства, какъ Англія на Францію, Франція на Германію. А этого сходства совсѣмъ нѣтъ. Отъ чего же? отъ-того, что не Европа къ намъ перешла, а мы оевропенлись, оставаясь Русскими по-прежнему; ибо когда человѣкъ или народъ что нибудь беретъ, заимствуетъ у другого, онъ не перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Посмотрите на факты: Петръ и его преемники не имѣли никакого понятія о позднѣйшемъ противуположеніи Россіи и Европы. Они и не думали ввести у насъ *иностранное*, вмѣсто *русскаго*. Они видѣли недостатки въ современной имъ Россіи, хотѣли ихъ исправить, улучшить ея бытъ, и съ этою цѣлью часто прибѣгали къ европейскимъ формамъ, почти никогда не вводя ихъ у насъ безъ существенныхъ измѣненій; что̀ изъ нашего исключительно національнаго казалось имъ хорошо, удовлетворительно, то̀ они оставляли. Такъ дѣйствовали и частныя лица: все, что̀ имъ казалось хорошимъ, было хорошо, откуда бы ни пришло. Упрекъ Петру, что онъ будто бы предпочиталъ иностранцевъ Русскимъ, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія; гдѣ могъ, онъ всегда замѣщалъ первыхъ послѣдними. Извѣстно, что иностранцы не всегда были имъ довольны. Наконецъ, въ гражданскихъ и военныхъ штатахъ, составленныхъ при Петрѣ, на одного иностранца вездѣ положено по два Русскихъ. Еслибъ онъ предпочиталъ первыхъ, онъ бы такъ не поступалъ. Просто, они были ему нужны, ибо знали то̀, чего не знали тогда Русскіе и что̀ было необходимо для Россіи.

Вообще никогда не должно забывать, что эпоха преобразованій, какъ все живущее, имѣла внутреннее единство, цѣлость. Практическія пользы, улучшенія поглощали всю дѣятельность; объ именахъ и названіяхъ мало думали. Русское и иностранное — все сливалось въ одно, чтобъ вести Россію впередъ. Но когда эта эпоха стала клониться къ концу, а новые пути для такого же цѣлостнаго, живого дѣйствованія еще не были найдены, мы почувствовали въ себѣ пустоту, скуку; дѣятельность смѣнило бездѣйствіе, необходимое, потому-что прежніе источники дѣйствованія изсякли. Живой духъ эпохи исчезъ. Отъ нея оставался трупъ, который сталъ разлагаться на свои составныя стихіи, уже ничѣмъ не соединенныя. Тогда-то появилось у насъ противуположеніе русскаго европейскому, желаніе думать, дѣйствовать и чувствовать національно, народно, или, во что бы то ни стало, по европейски. — Требованіе самостоятельности и требованіе лучшаго, которыя нашли представителей въ этихъ двухъ крайностяхъ, прежде слитыя во едино, теперь распались и стали враждебны. Серединой

Digitized by Google

между ними было уже безмыслiе и апатiя. Такимъ образомъ настоящiй смыслъ эпохи реформъ былъ потерянъ и забытъ. Ее начали безусловно порицать или безусловно хвалить, но съ важными недоразумѣнiями и натяжками съ обѣихъ сторонъ, потому-что ее подводили подъ извѣстныя, односторонniя точки зрѣнiя, которымъ она никакъ не поддавалась. Въ наше время этотъ дуализмъ, признакъ едва зарождавшейся въ насъ умственной и нравственной жизни, начинаетъ исчезать и становится прошедшимъ. Его смѣняетъ мысль о *человѣкѣ* и его требованiяхъ. Что эпоха преобразованiй сдѣлала въ практической жизни, то теперь происходитъ у насъ въ области мысли и науки. Непереступаемыя границы между прошедшимъ и настоящимъ, русскимъ и иностраннымъ, разрушаются; открывается широкое воззрѣнiе, не стѣсняемое никакими предразсудками, никакими прирожденными или выдуманными ненавистями. Можетъ быть, мы отъ-того и начинаемъ питать такiя глубокiя симпатiи къ Петру Великому. На другомъ поприщѣ онъ велъ насъ по той же дорогѣ.

И такъ, внутренняя исторiя Россiи — не безобразная груда безсмысленныхъ, ничѣмъ несвязанныхъ фактовъ. Она, напротивъ, строiное, органическое, разумное развитiе нашей жизни, всегда единой, какъ всякая жизнь, всегда самостоятельной, даже во время и послѣ реформы. Исчерпавши всѣ свои исключительно нацiональные элементы, мы вышли въ жизнь общечеловѣческую, оставаясь тѣмъ же, чѣмъ были и прежде — русскими Славянами. У насъ не было начала личности: древняя русская жизнь его создала; съ XVIII вѣка оно стало дѣйствовать и развиваться. Отъ-того-то мы такъ тѣсно и сблизились съ Европой; ибо совершенно другимъ путемъ она къ этому времени вышла къ одной цѣли съ нами. Развивши начало личности до нельзя, во всѣхъ его историческихъ тѣсныхъ, исключительныхъ опредѣленiяхъ, она стремилась дать въ гражданскомъ обществѣ просторъ *человѣку*, и пересоздавала это общество. Въ ней наступалъ тоже новый порядокъ вещей, противуположный прежнему, историческому, въ тѣсномъ смыслѣ нацiональному. А у насъ вмѣстѣ съ началомъ личности человѣкъ прямо выступилъ на сцену историческаго дѣйствованiя, потому-что личность въ древней Россiи не существовала, и слѣдовательно не имѣла никакихъ историческихъ опредѣленiй. Того и другаго не должно забывать, говоря о заимствованiи и реформахъ Россiи въ XVIII вѣкѣ: мы заимствовали у Европы не ея исключительно нацiональные элементы; тогда они уже исчезли или исчезали. И у ней и у насъ рѣчь шла тогда о *человѣкѣ*; сознательно или безсознательно — это все равно. Бо́льшая развитость, высшая степень образованiя, большая сознательность была причиной, что мы стали учиться у ней, а не она у насъ. Но это не измѣнитъ ничего

Digitized by Google

въ сущности. Европа боролась и борется съ рѣзко, угловато развившимися историческими опредѣленіями человѣка; мы боролись и боремся съ отсутствіемъ въ гражданскомъ быту всякой мысли о человѣкѣ. Тамъ человѣкъ давно живетъ и много жилъ, хотя и подъ односторонними историческими формами; у насъ онъ вовсе не жилъ, и только-что началъ жить съ XVIII вѣка. Итакъ, вся разница только въ предъидущихъ историческихъ данныхъ, но цѣль, задача, стремленія, дальнѣйшій путь одинъ. Бояться, что Европа передастъ намъ свои отжившія формы, въ которыя она сама ужь не вѣритъ, или надѣяться, что мы передадимъ ей свои — древне-русскія, въ которыя мы тоже извѣрились,— значитъ не понимать ни новой европейской, ни новой русской исторіи. Обновленныя и вѣчно юныя, онѣ сами творятъ свои формы, не стѣсняясь предъидущимъ, думая только о настоящемъ и будущемъ.

Такой взглядъ объясняетъ много загадочныхъ явленій въ нашей внутренней жизни. Понятнымъ дѣлается, почему не было и нѣтъ у насъ сословій, какъ въ Европѣ; почему нашъ гражданскій бытъ и устройство, сходные съ европейскими въ частностяхъ, совершенно не сходны въ общемъ; отъ-чего мы европейскія формы предпочли всѣмъ прочимъ, не заимствуя однако тѣхъ, которыя исключительно принадлежатъ къ ея прошедшему, и отъ него удержались; отъ-чего въ насъ такъ много удивительно хорошаго и, рядомъ съ тѣмъ, такъ много удивительно дурного; отъ-чего такая странная распущенность, безсвязность, случайность царствуютъ во всемъ, что мы ни дѣлаемъ, что ни предпринимаемъ; отъ-чего..... но всего не пересчитаешь. — Читатель, занимаясь русской исторіей или думая о своей жизни, самъ увидитъ, что въ нашемъ взглядѣ есть большая доля правды.

К. КАВЕЛИНЪ.

Москва.
23 февраля, 1846 года.

Digitized by Google

О СОВРЕМЕННОМЪ НАПРАВЛЕНІИ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ наше время никто уже не сомнѣвается въ огромномъ вліяніи литературы на общество. И сомнѣваться въ этомъ значило бы не только оспоривать очевидный фактъ, но и не признавать въ мысли высшаго нравственнаго могущества на земли, -- значило бы предполагать въ человѣкѣ какую-то другую природу вмѣсто разумной, или что все равно, вмѣсто человѣческой. Вѣкъ нашъ упрекаютъ, будто бы онъ всѣ высшія силы человѣка обратилъ къ предметамъ вещественнымъ и изъ ума сдѣлалъ орудіе своекорыстныхъ земныхъ цѣлей. Обвиненіе несправедливое. Вѣкъ понялъ только, что самое благородное и прекрасное назначеніе ума есть служить людямъ вездѣ, куда призываютъ его нужды ихъ. Вѣкъ понялъ, что нѣтъ достойнѣйшаго употребленія его способностей, какъ одолѣніе враждебныхъ силъ природы и сочетаніе ихъ съ судьбами нашей жизни и исторіи и что, наконецъ, образованность состоитъ не въ славѣ нѣсколькихъ привиллегированныхъ умовъ, располагающихъ самовластно убѣжденіями людей, не въ блескѣ нѣкоторыхъ вымышленныхъ и исключительныхъ ученій, а въ распространеніи здравыхъ, свѣтлыхъ и точныхъ понятій между всѣми, кто призванъ дѣйствовать на вещи и употреблять ихъ во благо себѣ и другимъ. Но вѣкъ, направляя преимущественно и упорно умственныя наши силы къ дѣйствительности, нимало чрезъ то не посягаетъ на собственныя, личныя, такъ сказать, права мысли, коей верховная задача, безъ сомнѣнія, есть самымъ союзомъ съ вещами возвышаться и возвышать насъ съ собою

Digitized by Google

къ вѣчнымъ идеаламъ всего истиннаго, праведнаго и прекраснаго. Кто можетъ, напримѣръ, упрекнуть его въ равнодушіи къ искусству, этому безкорыстному ходатаю за самые лучшіе, самые глубокіе и самые чистѣйшіе интересы человѣчества? Когда искусство было окружено почестями, подобными тѣмъ, какія нынѣ ему воздаются? Когда истинное дарованіе находило болѣе торжественнаго и единодушнаго одобренія, и что всего важнѣе, того теплаго сочувствія, которое заставляетъ забыть, что у славы есть свои скорби? Одни только полуталанты, маленькіе великіе люди, могутъ принимать теперь видъ мучениковъ великой идеи, видъ неразгаданныхъ, непонятыхъ, отвергнутыхъ жрецовъ искусства, пророковъ, какъ они любятъ себя называть. Въ наше время скорѣе встрѣтятся жертвы лести и преувеличеннаго восторга хвалителей, нежели равнодушія къ достоинству и заслугамъ таланта, — и чтобы поощрить его, уже не надобно говорить ему: «будьте увѣрены въ себѣ», а надобно, напротивъ, повторять чаще: «ради Бога не будьте такъ велики въ собственныхъ вашихъ глазахъ».

Нельзя, однакожь, возразятъ намъ, не видѣть, что общество оказываетъ такое уваженіе искусству, и въ особенности литературѣ — небезкорыстно. Оно требуетъ отъ ней въ замѣнъ слишкомъ многаго — потворства модѣ и прихотямъ своимъ; оно запутываетъ ее въ свои ежедневныя сплетни, заставляетъ сочувствовать или притворяться сочувствующею своимъ безкопечнымъ тревогамъ, враждамъ и привязанностямъ. Щедрое къ своимъ любимцамъ, осыпая ихъ золотомъ и рукоплесканіями, оно часто возлагаетъ на нихъ порученія, приличныя какому нибудь памфлетисту, газетчику,— и искусство, такимъ образомъ, униженное до службъ пошлыхъ и мелочныхъ, перестаетъ быть провозвѣстникомъ великихъ истинъ и убѣжденій, слагаетъ съ себя свои царственныя одежды и садится за одинъ пиршественный столъ съ мытарями и грѣшниками. Сколько талантовъ, которые, рпнувшись въ омутъ общественныхъ тревогъ, запятнали грязью ихъ свою чистую, художественную славу! Увлеченные приманкою выгодъ и удовольствій, которыя охотно раздѣляетъ съ ними толпа за цѣну раболѣпнаго угожденія, снабжая ее заказнымп восторгами и слезами, они заглушили въ сердцѣ своемъ цѣломудренную любовь къ чистой красотѣ и утратили неразлучное съ ней чувство истины, простоты и граціи — эту, такъ сказать, художественную совѣсть генія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они сверглп съ себя иго спасительныхъ ограниченій творчества разумнаго, перестали совѣщаться съ природою, единственнымъ убѣжищемъ отъ лукавыхъ внушеній произвола и обаяній необузданной фантазіи. Мысль ихъ шатка, какъ волны событій, за которыя они думаютъ ухватиться; въ ней нѣтъ глубины; она летуча и по-

Digitized by Google

верхностпа; въ вѣчныхъ суетахъ, она спѣшитъ отъ предмета къ предмету, боясь, чтобы не опоздать появленіемъ своимъ кстати....

Налобно признаться, что обвиненія эти несовсѣмъ неосновательны. Но кто виноватъ здѣсь? Общество нельзя порицать за то, что оно въ быстромъ бѣгѣ, въ шумномъ водоворотѣ страстей своихъ, стремится умчать съ собою всякую силу, которая одолжена ему, по крайней мѣрѣ, своею безопаспостію и способами дѣятельности. Но сила, сознающая свое право наравнѣ съ первенствующими двигателями человѣческой природы, можетъ и должна дѣйствовать не только не подчиняясь ему, а напротивъ увлекая его за собою его же собственными стремленіями. Если она этого не дѣлаетъ, ей и отвѣчать за то. Современныя движенія въ обществѣ имѣютъ свой глубокій смыслъ, достойный участія самыхъ свѣтлыхъ и возвышенныхъ умовъ. Человѣчество занято рѣшеніемъ важныхъ жизненныхъ вопросовъ. Оно стремится примирить разнородныя, доселѣ враждовавшія стихіи общественныя, уничтожить преобладаніе началъ, пагубныхъ для полныхъ успѣховъ гражданственности, и то, что было плодомъ грубыхъ, слѣпыхъ и неправыхъ поползновеній, замѣнить основаніями истинными и законными — трудъ, во всякомъ случаѣ, не лишній и не недостойный его. Мѣшаетъ ли это генію искусства творить великое дѣло своего призванія? Подобное направленіе эпохи, напротивъ, неблагопріятствуетъ ли возбужденію новыхъ творческихъ замысловъ, которымъ суждено, можетъ быть, образовать школу, какой доселѣ небывало — школу, гдѣ всякое явленіе, всякій моментъ дѣйствительности предстанутъ въ первостихійной своей невымышленной красотѣ, чтобы идеалы не казались чѣмъ-то мечтательнымъ, а вещи чуждыми высшаго смысла, потому только, что онѣ вещи?

Важнѣйшая услуга, какую вѣкъ нашъ обѣщаетъ потомству, есть именно уравновѣшеніе въ искусствѣ правъ самаго искусства съ правами жизни. Оно не должно быть поглощено безпрестанными приливами и отливами послѣдней — это неоспоримая истина. Его мѣсто посреди нея, но не въ ней. Искусство выростаетъ въ сердцѣ человѣческомъ вмѣстѣ съ другими коренными его стремленіями и потребностями; но движимое стихіею божественною, ему преимущественно вѣренною, оно скоро уходитъ впередъ совершать свою священную миссію, пріобщась самымъ высокимъ задачамъ духа. Житейское, земное, если угодно, по своей родинѣ и плоти, оно становится небеснымъ по своему сану и призванію, и только возвысившись надъ дольнимъ, оно можетъ низойти долу, чтобы благотворить людямъ. У искусства есть свои царственныя права, которыхъ не должна коснуться никакая скверна житейская. Они состоятъ въ пріобрѣтеніи самаго глубокаго, основнаго, самаго внутренняго, если можно такъ выра-

Digitized by Google

зиться, смысла и значенія вещей и въ выраженіи этого смысла сосредоточеннымъ живымъ идеальнымъ и вмѣстѣ вещественнымъ созданіемъ, съ характеромъ гармоніи и красоты. Значитъ, союзъ его съ жизнію столько же проченъ и тѣсенъ, сколько благороденъ. Ему доступенъ жарчайшій летучій ея моментъ, какъ и великое стройное теченіе вѣковъ, богатыхъ идеями и дѣлами, но доступенъ только въ духѣ, въ смыслѣ, какъ мы сказали, своего бытія, а не въ случайныхъ внѣшнихъ принадлежностяхъ, которыя были и прошли съ тѣмъ, чтобы не повторяться уже ни въ чемъ и никогда. Въ животрепещущемъ мраморѣ, или эфирныхъ очертаніяхъ на холстѣ, въ гармоническихъ звукахъ музыки, во всеобъемлющихъ творческихъ созданіяхъ слова — въ лирѣ, эпосѣ, драмѣ, вездѣ искусство спасаетъ зерно вещи,— о шелухѣ и корѣ не заботится. Какое ему дѣло до того, что въ столкновеніи и борьбѣ общественныхъ интересовъ и притязаній одна сторона называется синею, а другая зеленою, что одна только свой цвѣтъ считаетъ незапятнаннымъ и чистымъ, а другая свой? Ему неприлично входить въ личныя сдѣлки ни съ тою, ни съ этою, чтобы запутавшись въ хитросплетеніи ихъ страстей, съ ними за одно, въ дѣлѣ общемъ, рѣшать потомъ ихъ собственныя дѣла. Но останется ли оно равнодушнымъ къ самому вопросу, во имя котораго частныя силы пришли въ волненіе? Нѣтъ! въ этомъ вопросѣ можетъ заключаться великая историческая задача народовъ, мысль, которая осуществляется на дѣлѣ грубо и безсознательно, но которая, очистясь отъ всего пошлаго, мелочнаго, эгоистическаго, должна стать въ ряду непреложныхъ истинъ человѣческаго развитія. Искусство, непричастное односторонней энергіи страстей, работающихъ надъ этою истиною и ее омрачающихъ, свободно и изящно представитъ ее въ истинномъ свѣтѣ, какъ новое самостоятельное, законченное проявленіе вѣчно дѣйствующихъ силъ жизни. Такимъ образомъ, искусство не отвращаетъ своего наблюдательнаго ока отъ событій общественныхъ; но наблюдать вещи не значитъ ни волноваться вмѣстѣ съ ними, ни быть безчувственнымъ къ тому, что онѣ заключаютъ въ себѣ и къ чему влекутъ людей. Оно уважаетъ современность, но не можетъ отдать ему всего себя; его горизонтъ несравненно шире того, что обыкновенно представляется въ данномъ времени и данномъ мѣстѣ; въ него входятъ не только предметы, ближайшіе къ избранному пункту, но и синѣющіяся вдали окраины горъ. У него болѣе обязанностей, чѣмъ предполагаютъ его любители; отъ него требуютъ вѣрности изображеній, сильныхъ впечатлѣній, а оно должно еще повѣрить ихъ высшими основаніями, согласить съ закономъ разума. Отъ-того оно и дѣйствуетъ на общество не тѣмъ, что способствуетъ людямъ запутываться въ сѣтяхъ ихъ многосложныхъ отношеній и страстей,

Digitized by Google

а тѣмъ, что эти отношенія и страсти облагораживаетъ, растворяя ихъ великостію и чистотою идеи, подъ вліяніемъ или подъ предлогомъ которой они слагаются и кипятъ. Изъ источника его, охраняемаго стражами духовнаго Олимпа, какъ потоки свѣта и теплоты, льются на общество вдохновенія, оплодотворяющія въ сердцахъ зародыши всѣхъ человѣческихъ, святыхъ и великихъ вѣрованій и убѣжденій. Другихъ видовъ искусство не знаетъ и ни въ чемъ другомъ не участвуетъ. Въ этомъ состояло и будетъ всегда состоять дѣйствіе его на умы. Разница можетъ быть только въ средствахъ, которыми оно достигается, и въ массѣ лицъ, подчиняющихся ему. Но общество, которое не умѣло создать въ себѣ искусства съ этимъ характеромъ самобытности, свободы и силы надъ собственными движеніями, есть общество варварское, недостойное человѣчества и исторіи. Тутъ дѣло не въ томъ, нужно ли, пріятно ли имѣть живопись, музыку, литературу, но въ томъ, быть ли людьми съ ними, или получеловѣками безъ нихъ. Искусство приводитъ насъ, наконецъ, къ одному важному результату — къ сознанію того, что прилично и неприлично достоинству человѣка. И между дикарями можно найти своего рода похвальныя качества, которыхъ, впрочемъ, виновница одна природа; но человѣкъ, оказавшій примѣры неустрашимости въ кровавой схваткѣ съ подобными себѣ, открывшій свой шалашъ для убѣжища страннику и т. п., нимало не затруднится унизить себя до скота, напившись пьянымъ, или раскроить черепъ своему собрату ради оказанія силы, или въ неистовомъ порывѣ гнѣва. Однако, говорятъ, есть же пороки и у людей, знакомыхъ съ искусствомъ, только они утонченнѣе. Да; но между пороками варварства и пороками утонченными такая же разница, какая между разбойникомъ, отнимающимъ у васъ кошелекъ и жизнь и между мелкимъ плутомъ, который общитываетъ васъ, обманываетъ, сердитъ, но все таки оставляетъ вамъ жизнь и достояніе ваше и возможность или исправить, или наказать негодяя.

Мы живемъ въ такое время, когда искусству, особенно литературѣ предстоитъ много подвиговъ прекрасныхъ и благородныхъ. Одно только скудоуміе или ремесленная корысть могутъ увѣрять себя и другихъ, что литература, какъ всякое положительное занятіе, какъ платьишное и кухонное мастерство, зависитъ отъ однихъ и тѣхъ же общественныхъ колебаній. Они ссылаются съ умысломъ на принудительный законъ вещей, чтобы оправдать все низкое, всѣ недостойныя сплетни и козни, какими позорятъ святое дѣло литературы. Увѣряя почтеннѣйшую публику въ добросовѣстномъ и усерднomъ служеніи ей, они съ притворнымъ подобострастіемъ смотрятъ въ глаза неразборчивому большинству, угадываютъ его минутныя прихоти, его грубый вкусъ и спѣшатъ удовлетворять такимъ желаніямъ,

Digitized by Google

для которыхъ, въ извѣстныя минуты, все равно — забавная страница журнала, или пляска на канатѣ. Къ счастію, у этого большинства есть другія сокрытыя, болѣе благородныя и чистыя влеченія и есть высшая нравственная, т. е. художественная сила въ обществѣ, призванная развивать и направлять ихъ. Общество много выигрываетъ, когда эта сила пріобрѣла уже столько самостоятельности и значенія, что можетъ дѣйствовать въ духѣ своихъ началъ съ увѣренностію и постоянствомъ. Только во всеоружіи признаннаго авторитета, она въ состояніи вызвать на дѣло лучшія, возвышеннѣйшія его вѣрованія и противупоставить ихъ всѣмъ нечистымъ покушеніямъ, растлѣвающимъ нравы и умъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ извѣстной степени образованія и духа общества, въ самой литературѣ заключаются причины ея власти или безсилія. Надобно, чтобы независимо отъ участія, какое принимаетъ она въ современныхъ ей вопросахъ, ей были доступны потребности болѣе глубокія, всеобщія и несомнѣнныя. Только опираясь на нихъ; она въ одно время будетъ и крѣпка и своевременна. Нѣтъ ни одного общества, которое бы при всей своей шаткости, при всей грубости нравовъ, пошлости и легкомыслія страстей своихъ, не таило въ себѣ стихій чего нибудь великаго или прекраснаго. Безъ этой жизненной силы человѣчества, связующей всѣ части мыслящаго организма высшимъ, царственнымъ единствомъ, оно разсыпалось бы и разложилось, какъ трупъ, лишенный духа жизни. На всѣхъ сердцахъ лежитъ знаменіе братства, по которому люди сходятся и подаютъ другъ другу руку на жизнь и смерть, прежде чѣмъ принудятъ ихъ къ тому законы,— знаменіе это есть вѣра въ истинное, праведное и изящное. Послѣ разлучатъ людей нравы, предразсудки, отношенія и страсти; но обрекая ихъ на историческую борьбу, Провидѣніе пріосѣнило ихъ священнымъ знаменемъ, подъ которымъ они всегда могутъ устроиться въ часъ опасный и роковой. Въ эти-то глубокія внутреннія стороны души литература должна проникать, чтобы дѣйствію своему на людей дать характеръ непреложной законности. Напрасно думаетъ она достигнуть своихъ благородныхъ цѣлей, обличая пороки общества, выставляя на всеобщее зрѣлище всевозможныя искаженія ума и сердца: все это нужно, все это хорошо, но и чрезвычайно односторонне. Указывая враговъ, она не даетъ силы сражаться съ ними, а еще менѣе даетъ силы побѣждать ихъ. Пока не поможетъ она обществу почувствовать въ немъ самомъ заключающуюся возможность нравственнаго перерожденія, пока съ довѣріемъ не воззоветъ она къ его доблести, можетъ быть, подавленной, но не уничтоженной, и не воззоветъ голосомъ, ему понятнымъ, пока въ нравахъ вмѣсто поэзіи не перестанетъ черпать одну житейскую грязь, до тѣхъ поръ

Digitized by Google

она будетъ сражаться съ гидрою, у которой на мѣсто отрубленныхъ головъ безпрестанно выростали новыя. Нѣтъ ничего плодовитѣе и неистощимѣе, какъ глупости и пороки человѣческіе; сгоните одинъ порокъ, на мѣсто его тотчасъ станетъ другой съ тою же простодушною наглостію или хитрымъ притворствомъ и большею энергіею, потому-что онъ еще молодъ и неузнанъ. Они боятся обличающаго ихъ зеркала, но такъ какъ оно только отражаетъ вещи, а не ставитъ на ихъ мѣсто другихъ, то это еще не опасно. Гораздо болѣе они боятся той же самой силы, которая ихъ родитъ и лелѣетъ — боятся сердца человѣческаго съ его природными возвышенными наклонностями къ истинѣ и красотѣ. Пусть они разовьются и созрѣютъ, общество освободится неприметно отъ многихъ изъ своихъ золъ, надъ которыми тщетно свиститъ бичь карающей ихъ Немезиды.

Вотъ почему мы полагаемъ, что литература должна, во-первыхъ, создать себѣ общее опредѣленное направленіе, а не быть случайнымъ, отрывочнымъ выраженіемъ такихъ-то личныхъ мыслей и чувствованій, а во-вторыхъ, направленіе это должно быть двоякое — однимъ она обниметъ жизнь общества, какъ она есть въ своихъ нравахъ и событіяхъ, другимъ она пройдетъ до основныхъ его основаній, гдѣ покоятся чистѣйшія человѣческія вѣрованія. Начавшись съ жизни и ставъ чрезъ то сама живою, она довершитъ свое развитіе художественнымъ образованіемъ и будетъ полнымъ выраженіемъ и того, что есть, и того, что должно быть.

Таково ли современное направленіе нашей литературы? вотъ вопросъ, который мы постараемся если не разрѣшить, то, по крайней мѣрѣ, поставить на видъ для разрѣшенія другимъ. Неоспоримо, что литература наша крѣпнетъ и начинаетъ сознавать свое значеніе. Есть ея въ обществѣ годъ отъ году пріобрѣтаетъ болѣе самостоятельности и законности. Въ прежнихъ движеніяхъ ея было что-то случайное, что-то слишкомъ зависѣвшее отъ личныхъ достоинствъ и усилій того или другаго таланта. Онъ вдругъ возбуждалъ участіе къ ней новыми идеями или красотами своихъ твореній, съ нимъ оно и оканчивалось. Не было внутренняго, непрерывно возрастающаго убѣжденія въ ея силѣ и правахъ, которое бы свидѣтельствовало, что нововозникшее могущество признано судьбою и обществомъ въ достоинствѣ дѣятеля, и что исторія его уже началась. Въ литературѣ, какъ и во всякой другой сферѣ жизни, надобно отличать общій характеръ и ходъ вещей вѣрный, ни чѣмъ неудержимый, но спокойный отъ случаевъ и моментовъ чрезвычайныхъ, рѣзкихъ и, такъ сказать, внезапныхъ. Разумѣется, что взоры всѣхъ обращены на послѣдніе. Они ярко, какъ блескъ молніи или зарево восходящей и угасающей зари, отдѣляются на своемъ пути отъ всего остальнаго и поражаютъ

Digitized by Google

наблюдателя своего необычайностію, роскошною игрою своихъ силъ. Многіе ли замѣчаютъ тихое и ровное сіяніе дня, при свѣтѣ котораго они совершаютъ всѣ свои дѣла? Появленіе умовъ могущественныхъ въ литературѣ есть, такъ сказать, праздникъ, который обществу даетъ геній человѣчества. Они, какъ въ торжественной процессіи, предводятъ сонмы другихъ умовъ и среди общаго движенія и кликовъ восторга, вѣнчаютъ алтарь искусства твореніями исключительнаго изящества, неподходящими подъ общій разрядъ. Но литература, сохраняя память этихъ прекрасныхъ событій, поучаясь ими, ожидая посѣщенія новыхъ избранниковъ въ будущемъ, въ часъ заѣтный и рѣшительный, не должна искушать Провидѣнія требованіями ихъ для ежедневнаго израсходованія въ своихъ насущныхъ нуждахъ. Праздники не могутъ случаться каждый день. Она должна устроить себя такъ, чтобы и въ отсутствіи чрезвычайныхъ дѣятелей въ состояніи была исполнять свою обязанность; въ ея организаціи должны выработаться силы, достаточныя для осуществленія и продолженія того, что люди геніальные отъ времени до времени ей завѣщаютъ. И можетъ ли общество, не въ конецъ разстроенное въ своей нравственной экономіи, оскудѣть до того, чтобы не въ состояніи уже было отдѣлить въ себѣ нѣсколько доблестныхъ силъ, даровавій, способныхъ служить его умственнымъ нуждамъ и поддерживать права и достоинства искусства?

Современная литература наша не блистаетъ сильными талантами — надобно съ этимъ согласиться. Замѣтимъ, однакожъ, что было бы великою неблагодарностію предъ національнымъ геніемъ, еслибы мы изъ этого извлекли поводъ къ обвиненію его въ непроизводительности. Вѣдь мы еще не прожили половины текущаго столѣтія, а у насъ были Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Гоголь, не говоря о другихъ замѣчательныхъ дѣятеляхъ, изъ которыхъ иные уже заняли хотя не столь высшую, однакожъ почетную степень въ литературѣ, а другіе готовятся занять ее, а можетъ быть пойти и далѣе. Упрекать эти таланты въ томъ, что они не создали твореній колоссальныхъ, совершенно оригинальныхъ и вѣковѣчныхъ, значитъ упрекать ихъ въ томъ, за чѣмъ они не Шекспиры, не Шиллеры и Гёте,— а народъ въ томъ, за чѣмъ онъ не опередилъ самого себя нѣсколькими вѣками. И что значили бы идеи и образы, которыхъ общество невызываетъ, для которыхъ нѣтъ у него ни матеріяловъ, ни возбуждающихъ наитій, ни сочувствія? Писатель, не смотря на свои умственныя преимущества, находится всегда въ нѣкоторомъ равенствѣ не только съ духомъ, но и со степенью образованія своего народа; иначе между ними не было бы той родственной симпатической связи, по которой они понимаютъ и

Digitized by Google

одушевляютъ взаимно другъ друга. Если бы писатель былъ неизмѣримо выше своего общества, онъ долженъ былъ бы наклоняться къ нему, чтобы слово свое положить у его сердца. Впрочемъ, мы не остались равнодушными ни къ одному изъ великихъ современныхъ вопросовъ, занимавшихъ человѣчество въ лицѣ его представителей народовъ образованныхъ. На все въ нашей гибкой, живой натурѣ нашлись отзывъ и сочувствіе. Проповѣдуемая въ нѣкоторыхъ ученіяхъ ложная народность не уничтожила и не въ состояніи уничтожить въ насъ прекраснаго качества, заставлявшаго сказать одного изъ великихъ мужей: «Я человѣкъ и ничто человѣческое мнѣ не чуждо».

Въ замѣнъ сильныхъ талантовъ, недостающихъ нашей современной литературѣ, въ ней, такъ сказать, отстоялись и улеглись жизненныя начала дальнѣйшаго развитія и дѣятельности. Она уже, какъ мы замѣтили выше, явленіе опредѣленнаго рода; въ ней есть сознаніе своей самостоятельности и своего назначенія. Она уже сила организованная правильно, дѣятельная, живыми отпрысками переплетающаяся съ разными общественными нуждами и интересами, не метеоръ, случайно залетѣвшій изъ чуждой намъ сферы на удивленіе толпы, не вспышка уединенной геніальной мысли, нечаянно проскользнувшая въ умахъ и потрясшая ихъ на минуту новымъ и невѣдомымъ ощущеніемъ. Въ области литературы нашей теперь нѣтъ мѣстъ особенно замѣчательныхъ, но есть вся литература. Недавно еще она была похожа на пестрое пространство нашихъ полей, только-что освободившихся отъ ледяной зимней коры: тутъ на холмахъ кой-гдѣ пробивается травка, въ оврагахъ лежитъ еще почернѣвшій снѣгъ, перемѣшанный съ грязью. Теперь ее можно сравнить съ тѣми же полями въ весеннемъ убранствѣ: хотя зелень не блистаетъ яркимъ колоритомъ, мѣстами она очень блѣдна и не роскошна, но она уже стелется повсюду; прекрасное время года наступаетъ.

Вообще, и вся наша современная образованность отличается отсутствіемъ мощныхъ, широко раскрывающихся личностей. Видишь разбросанные умы то тамъ, то здѣсь, чрезвычайно замѣчательные, но какъ-то съуженные, сжатые въ самихъ себѣ, безъ внутренняго жара и упругости, безъ стремительныхъ покушеній воздвигнуться и идти до конца, до цѣли. Все стало подъ общій уровень понятій и какъ будто совѣстится выдвинуться изъ подъ него какою нибудь особенностію движеніемъ рѣзкимъ и характеристическимъ. Что хочетъ сдѣлать этимъ исторія? Не знаемъ; но только что-то хочетъ сдѣлать или уже дѣлаетъ. Мы сказали бы, что производительная сила образованности измѣнила свое судорожное, неровное направленіе, что она перестала метаться, какъ взволнованная или восторженная, и обнаруживать себя чрезвычайными напряженіями то въ одномъ, то въ

Digitized by Google

другой моментъ, что она небьетъ вверхъ, а разстилается въ ширину и глубину, охватываетъ все, течетъ спокойнее, тише, какъ дома, и работаетъ безъ шуму, но работаетъ около самыхъ основаній. Образованность, видимо, проникаетъ въ массы народныя; какимъ-то непонятнымъ и невидимымъ теченіемъ, разными извивами, она просачивается въ такихъ понятіяхъ, чувствахъ и желаніяхъ, которыя ясно показываютъ присутствіе въ нихъ новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ началъ. Не все дѣлаютъ книги и наставленія: многое дѣлается посредствомъ какого-то летучаго, тонкаго проницанія мысли въ умы, уже настроенные къ обновленію или къ принятію новыхъ нравственныхъ убѣжденій. Можно сказать, что ее вдыхаютъ съ воздухомъ всѣ болѣе или менѣе, смотря по возрасту, здоровью, темпераменту и проч. Притязанія личностей на исключительныя почести мысли должны умолкнуть предъ великими интересами дѣлаго. Теперь не время изумлять, привлекать *къ себѣ* или увлекать *за собою*. Пора, напротивъ, сознанію общему отрезвиться, выдти изъ тѣснаго круга односторонних увлеченій и дѣйствовать самому, опираясь на свои нужды, а не ожидать безпрестанно подстреканій и одушевленія отъ другихъ. Вожди умовъ всегда нѣсколько ослѣпляютъ умы; пусть постепенно свѣтъ разума, его же собственнымъ авторитетомъ, изъ глубины науки и искусства, просвѣщаетъ ихъ, — свѣтъ ясный, тихій, дневной, который распространяется неизвѣстно какъ, но который все животворитъ, всему даетъ растительность и силу. Если бы кто-нибудь, по недостатку громкихъ случаевъ и событій, вздумалъ усомниться въ современныхъ умственныхъ успѣхахъ нашихъ, мы попросили бы его только — принять за мѣрило ихъ не года, но нѣсколько лѣтъ, напримѣръ, хоть десятилѣтіе. Предъ нимъ открылась бы картина измѣненій и дѣлъ, можетъ быть, не блестящихъ, но очевидныхъ и отрадныхъ. Такъ пестуя и лелѣя дитя, мы не замѣчаемъ его роста, тогда какъ невидѣвшіе его нѣсколько мѣсяцовъ, находятъ, что оно очень поднялось и окрѣпло. Число людей образованныхъ увеличивается быстро, жаждущихъ образованія, отчасти по какому-то неясному внутреннему влеченію, отчасти по примѣру другихъ и по сознанію въ его современной необходимости, прибываетъ еще болѣе. Въ уголкахъ отдаленныхъ, потерявшихся въ безмѣрномъ пространствѣ Россіи, выписываютъ журналы, книги; мысль, какъ надсмотрщикъ надъ важными работами, ходитъ повсюду, будитъ дремлющихъ и вызываетъ ихъ къ вопросамъ серьёзнымъ и многозначительнымъ. Наши нравописатели-юмористы, выставляя передъ читателями одну нелѣпую сторону помѣщика, чиновника, забываютъ вовсе другую, гдѣ нравственный и общественный ихъ характеръ долженъ быть понятъ и изученъ съ иной точки зрѣнія, спокойно, безъ

Digitized by Google

ярости и озлобленія. Имъ безпрестанно мерещатся Ноздревы, Собакевичи, Чичиковы. За этими безобразными лицами, отчасти дѣйствительными, отчасти вымышленными, хотя и не съ дурнымъ намѣреніемъ, они не видятъ важныхъ нравственныхъ преобразованій, совершаемыхъ въ нашемъ поколѣніи чувствомъ національнаго достоинства, испытаннымъ и возчувствованнымъ зломъ полуобразованности, необходимостію обозрѣть свой бытъ окомъ зоркимъ, не закоснѣлымъ въ предразсудкахъ и невѣжествѣ, и наконецъ, могучимъ влеченіемъ вѣка, полагающимъ печать отверженія на всякую вольную слѣпоту ума, на апатическое бездѣйствіе духа. Ежели есть у насъ и Ноздревы, и Собакевичи, и Чичиковы, то рядомъ съ ними есть помѣщики, чиновники, выражающіе нравами своими прекрасныя наслѣдственныя качества своего народа съ принятыми и усвоенными ими понятіями міра образованнаго; есть помѣщики и чиновники, столько уже просвѣщенные, чтобы понимать и выгоду и славу просвѣщенія, потупляющіе со стыдомъ свои взоры передъ картиною того прошедшаго, гдѣ темное невѣжество спокойно ѣло и спало, но гдѣ оно только ѣло и спало. Вы ихъ встрѣтите вездѣ, и въ глуши провинціальной, средь заботъ служебныхъ и житейскихъ — иные изъ нихъ дѣйствуютъ, другіе безмолвно въ глубинѣ сердца воспитываютъ прекрасныя побужденія, достойныя быть дѣлами. Конечно, люди эти разсѣяны по одиначкѣ, не соединены еще въ одну общественную силу, но они умножаются и, слѣдовательно, болѣе и болѣе наполняютъ собою раздѣляющіе ихъ промежутки. Хотите-ли видѣть еще утѣшительнѣйшія, малыя, такъ сказать, но побѣдоносныя доказательства нашихъ успѣховъ?—мы укажемъ вамъ на женщину. Ей принадлежитъ почетное мѣсто въ исторіи нашего ума. Въ самомъ дѣлѣ, вліяніе женщины на нравственный порядокъ вещей такъ могущественно, участіе ея въ процессахъ самаго начинанія нашихъ вѣрованій, идей и чувствованій такъ глубоко и неотразимо, что рѣшеніе вопроса о состояніи образованности гдѣ-либо — вполовину заключается въ ней. Каковы бы ни были недостатки воспитанія ея у насъ, нерѣдко она одна служитъ въ обществѣ прибѣжищемъ, опорою и мысли высокой, и одушевленія къ прекрасному. Она съ удивительною ловкостію воспользовалась средствами общественнаго образованія, какія существуютъ для ней только въ Россіи, и вмѣстѣ съ обаяніемъ своихъ прелестей умѣла внести въ суровые нравы и чистый сокъ знанія и благоуханіе смягченнаго облагороженнаго сердца. Женственное начало гораздо болѣе имѣетъ участія въ судьбѣ нашего послѣ-Петровскаго образованія, чѣмъ обыкновенно у насъ думаютъ. По своей воспріимчивой натурѣ, женщина скорѣе приняла въ себя лучшія идеи, чѣмъ мы; по гибкости, вообще свойственной генію русскаго народа, она скорѣе

Digitized by Google

ими воспользовалась, а по своему значенію въ событіяхъ сердца, дѣятельнѣе и непосредственнѣе привила ихъ къ жизни. Она продолжаетъ исполнять этотъ прекрасный долгъ гражданки, для котораго у насъ болѣе дано ей поприща, чѣмъ гдѣ либо. — Но говоря о силахъ, наиболѣе дѣйствующихъ въ наше время на развитіе умовъ, можемъ ли мы забыть о нашихъ учрежденіяхъ по части общаго, народнаго образованія — объ университетахъ и гимназіяхъ? Въ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ они устроились внутренно, окрѣпли; ими управляетъ и движетъ духъ жизни, успѣха и началъ педагогическаго разума. Давно ли самое сословіе воспитателей и наставниковъ многимъ казалось у насъ какою-то кастою паріевъ, обреченною нести на своихъ изможденныхъ плечахъ совокупное иго труда, нищеты и людского презрѣнія? Теперь нѣтъ и слѣдовъ этого дикаго предубѣжденія, доказывавшаго шаткость нашихъ связей съ знаніемъ, съ наукою. Уваженное общественнымъ мнѣніемъ, уважающее само себя, исполнялись ревности къ труду науки и духа чести, свойственнаго его мѣсту посреди народа и нравственному своему достоинству, оно составляетъ прекрасную и благородную часть его силъ. Такъ все свидѣтельствуетъ, что мы зрѣемъ и приготовляемся стать на почетную степень въ исторіи человѣческаго образованія.

Литература наша не только не отстаетъ отъ общаго движенія нашихъ нравственныхъ силъ, напротивъ, она содѣйствуетъ ему и содѣйствовала своимъ общественнымъ направленіемъ. Въ самомъ началѣ своемъ она безъ сознанія, по какому-то счастливому природному влеченію, нерѣдко попадала на это направленіе, какъ бы предчувствуя, что ей достанется на долю важная часть въ дѣлѣ Петра Великаго — въ перерожденіи народа и въ вызовѣ его духа на всевозможные умственные подвиги. Не смотря на неудобства своего внезапнаго появленія, на иноземное вліяніе, на усилившееся въ ней сперва преобладаніе пустаго, надутаго, или подкрашеннаго формализма, она отъ времени до времени смѣло выходила на дѣло жизни, стремилась стать въ соприкосновеніе съ обществомъ и служить ему въ существеннѣйшихъ его потребностяхъ. Уже Кантемиръ, прикрывшись доспѣхами Горація, Ювенала, Боало, мѣткою хотя и тяжелою рукою бросаетъ стрѣлы на старинное невѣжество и предразсудки и содѣйствуетъ нашему очищенію отъ нихъ. Фонъ-Визинъ становится грудью предъ обществомъ и отъ имени человѣчества, честно, по рыцарски бросаетъ перчатку въ лицо его порокамъ, съ вызовомъ на смертный бой. Даже бѣдный мученикъ литературнаго самолюбія, бездарный, но добросовѣстный Сумароковъ острилъ свое тупое перо на подъяческихъ козняхъ и ябедахъ и посвоему думалъ вести людей современныхъ къ лучшимъ понятіямъ и поступкамъ. Державинъ рѣзко от-

Digitized by Google

дѣлается отъ другихъ не только силою своего огромнаго таланта, но и способомъ дѣйствія на общество: онъ недоволенъ существующею уже темною фактическою его сторонок, онъ идетъ далѣе, глубже, во внутреннее святилище его силъ, и громозвучнымъ и вмѣстѣ ободряющимъ голосомъ вызываетъ ихъ бодрствовать, подвизаться среди широкаго горизонта, раздвинутаго около нихъ и для нихъ Петромъ. Его сатира есть тупая сторона, противуположная лезвію его оружія. Онъ не столько разитъ, сколько воодушевляетъ; ему извѣстны не одни немощи его народа, но и неизмѣримое его могущество.

Принявъ въ себя, такимъ образомъ, стихію общественности, литература, конечно, должна была развить ее сколь возможно болѣе и усовершенствоваться въ этомъ направленіи. Этотъ прямой, логическій выводъ достался преимущественно на долю нашему времени. Чѣмъ болѣе проникала она въ бытъ общественный, тѣмъ дальше должна была отступать отъ ученій и формъ, намъ несвойственныхъ, дѣлаться самостоятельнѣе, народнѣе, дѣйствительнѣе. Важнымъ шагомъ ея на пути успѣха надобно считать то, что она меньше начала довѣрять вдохновенію, нежели изученію вещей. Духъ наблюдательности открылъ ей разныя сокровенныя тайны нашихъ нравовъ, провелъ ее въ самыя темныя извилины страстей, предразсудковъ, противорѣчій нравственныхъ и нуждъ, и обличилъ и пояснилъ для насъ многое въ нашемъ положеніи и наклонностяхъ. Съ другой стороны, изученіе историческое начало снимать слои вѣковъ одинъ за другимъ съ нашего древняго быта и дорываться до его драгоцѣнныхъ остатковъ, проясняющихъ рожденіе и образованіе нашей народности. Это аналитическое настроеніе, безъ сомнѣнія, есть самое правильное, самое сообразное съ нашими потребностями и духомъ эпохи. Оно освобождаетъ литературу отъ всякихъ выспренностей, ненаходящихъ себѣ убѣжища на землѣ, отъ этихъ фантастическихъ грезъ, съ которыми такъ пріятно мечтать о жизни, ничего нелѣлая для ней, отъ всѣхъ этихъ утонченныхъ, личныхъ, расплывающихся въ безконечность идеализацій, въ которыхъ прекрасная женоподобная душа топитъ всѣ свои силы, ничего не вынося оттуда, кромѣ безплоднаго и нелѣпаго сетованія о положительности и измѣнахъ жизни, о невозможности добра безъ зла, страстей безъ слезъ и горечи, и проч. Аналитическое настроеніе дѣлаетъ литературу трезвою, мужественно-плодотворною. Оно надѣляетъ ее существеннымъ богатствомъ мысли и дѣла, а не призраковъ воздушныхъ и спазматическихъ тревогъ сердца. Къ сожалѣнію, духъ анализа не вполнѣ проникъ еще въ нашу литературу. Посреди нея блуждаютъ еще утопіи, теоріи и системы, отъ которыхъ вѣетъ холодомъ отвлеченныхъ понятій, не смотря на ихъ

Digitized by Google

патріотическій жаръ. Въ этихъ умозрительныхъ ученіяхъ вы найдете еще такія разсужденія о Россіи, Европѣ и человѣчествѣ, такіе доносы на исторію въ ея промахахъ и злоупотребленіяхъ, такіе отважные проэкты о поправленіи ошибокъ народовъ и судебъ, что смотря на все это, вы тотчасъ вспомните про подвиги нашихъ старинныхъ сказочныхъ героевъ, которые, какъ извѣстно, не церемонились съ естественнымъ ходомъ вещей и прямо однимъ махомъ меча рубили тысячи враговъ и однимъ глоткомъ выпивали по ведру зелена вина. Есть еще въ литературѣ нашей мыслители, заботящіеся не о томъ, чтобы изъяснять, какъ вещи были, но о томъ, зачѣмъ онѣ были не такъ, какъ слѣдуетъ по ихъ мыслямъ. Въ особенности замѣчательна въ этихъ умственныхъ экзерциціяхъ широта размаха, доказывающая, что дѣло происходитъ не посреди людей и вещей, а на воздухѣ, гдѣ такъ легко разширяться во всѣ стороны. Само собою разумѣется, что здѣсь также чрезвычайно удобно отличаться всякаго рода высокими надземными воззрѣніями и общими понятіями, потому-что сюда заперта дорога строгимъ истинамъ опыта, и слѣдовательно, полная свобода дѣлать все, кромѣ дѣлъ.

Все это пройдетъ и забудется, какъ много подобнаго прошло и забылось въ нашей литературѣ,— останутся только плоды, выработанные ея истиннымъ, логически образовавшимся направленіемъ. Ея тѣсная связь съ дѣйствительностію не остается и нынѣ безплодною даже для видовъ художественныхъ. Извѣстно, что одно изъ важнѣйшихъ требованій искусства есть подлинность, естественность созданій, какія творческая фантазія вноситъ въ его міръ. Было время, когда искусство и искусственность принимались за одно и тоже; думали, что предметы, переходя изъ жизни въ область изящнаго, должны разстаться съ природной своей физіономіей и колоритомъ, и въ замѣнъ этого они должны быть передѣланы, украшены, приноровлены къ изысканному и прихотливому вкусу людей свѣтскихъ, имѣющихъ свои понятія о красотѣ и законное право требовать ихъ исполненія. Тогда говорили: *подражай природѣ*, и между тѣмъ, позволялось природу насиловать и искажать всевозможными пытками лжи и школы. Впрочемъ, дѣлалось это съ хорошимъ намѣреніемъ: такъ какъ природа не получила надлежащаго воспитанія, то ее хотѣли сдѣлать благовоспитанною, дать ей пріятныя манеры, словомъ, сдѣлать ее любезною и привлекательною кокеткою, что, какъ извѣстно, очень нравится въ свѣтѣ. Условныя приличія стали на мѣсто требованій художественнаго разума, который законы творчества всеобщаго, открывающіеся намъ въ природѣ, вмѣняетъ въ единственный законъ творчеству человѣческому. Искусство, такимъ образомъ, сдвинутое съ вѣч-

Digitized by Google

ныхъ своихъ основаній и преданное во власть прихотливому и случайному вкусу, теряло свое высокое значеніе и становилось игралищемъ страстей или нелѣпыхъ теорій. Манерность французскаго общества портила его по своему, манерность другаго (потому-что всякое общество выдумываетъ свою манеру) могла дѣлать тоже по своему и т. д.

Этому эстетическому распутству не было бы конца. Къ счастію, подобныя уклоненія отъ здраваго смысла и сущности вещей не бываютъ, какъ все лживое, ни всеобщи, ни продолжительны; они исчезаютъ сами собою отъ одного уже отсутствія истины. Теперь не вымыселъ сталъ признакомъ таланта, а дѣло, понятое имъ вѣрно и эстетически. Неприличнымъ въ произведеніи изящнаго считается не то, когда художникъ представляетъ намъ дѣйствительность, даже ежедневную, а то, когда онъ представляетъ дѣйствительность, лишенную разумнаго значенія, или когда, непостигая этого значенія, онъ изображаетъ ее только съ грубой матеріяльной стороны, чуждой высшимъ нравственнымъ интересамъ нашего духа, слѣдовательно, и интересамъ искусства. Почему, напримѣръ, всѣ произведенія нашей драматической литературы, изображающія нашъ простонародный бытъ, нестоятъ одной небольшой пьесы Аблесимова: «Мельникъ?» Потому, что авторы ихъ созидаютъ такъ называемые народные характеры изъ грязи, лахмотьевъ, квасу, щей и кулаковъ русскаго человѣка. между тѣмъ, Аблесимовъ умѣлъ схватить въ немъ черту его натуры — смѣтливость, беззаботную веселость и какое-то простодушное лукавство, ему одному свойственное. Одни не пошли далѣе матеріяльной стороны своего предмета, другой проникнулъ въ его глубину и вынесъ оттуда хоть частицу его смысла. Писатель осуждается законами искусства только тогда когда онъ смотритъ на природу окомъ безмысленнаго матеріялизма, не признающаго ни идей разума въ ея твореніяхъ, ни гармоніи и другихъ отношеній между ними, кромѣ механическихъ! Въ чемъ есть смыслъ, есть рѣшеніе какого нибудь нравственнаго вопроса или хоть намекъ на него, что̀ можетъ быть разсматриваемо въ связи со всеобщимъ закономъ жизни, что̀ освящено разумомъ, какъ солнцемъ нравственнаго міроустройства, того не можетъ подавить никакая скверна внѣшняя, то принадлежитъ уже прямо великимъ цѣлямъ Провидѣнія и хотя бы пресмыкалось въ прахѣ, достойно быть вызваннымъ изъ праха и сіять на высотахъ поэзіи.

И вотъ простая, но великая тайна искусства, открытая одному таланту: идея, выступающая изъ глубины вещи, безъ всякихъ

Digitized by Google

авторскихъ усилій и прикрасъ, смягчаетъ грубыя черты ея, перемѣняя только ихъ отношенія и подводя подъ другую, т. е., подъ одну съ собою точку зрѣнія. Такимъ образомъ, въ произведеніи взящнаго все рѣшится могуществомъ его основной идеи; она не только оправдаетъ подробности и изображенія рѣзкія и неблаговидныя, но и не допуститъ до такихъ, которыя бы чрезмѣрною своею пошлостью и матеріальнымъ характеромъ могли закрыть ее и сдѣлаться преимущественными или исключительными предметами вниманія. Въ высокомъ присутствіи этой представительницы разума и разумнаго воззрѣнія художника на міръ дозволяется стать и черни нравовъ и страстей; но она не дерзнетъ выдти изъ предѣловъ назначеннаго ей мѣста. Пусть она не лицемѣритъ и не притворяется благовоспитанною и добронравною, — это будетъ грубая ложь и лесть; пусть изобличитъ себя своими манерами, одеждою, поступью; но пусть не думаетъ, что она можетъ здѣсь распоряжаться, какъ дома, чтобы праздновать свои оргіи во всей отвратительной роскоши цинизма. Это не домъ ея, а судилище, куда призвана она дать отчетъ въ своихъ поступкахъ и откуда должна выдти или на казнь, или для исправленія.

Итакъ, естественность художественная имѣетъ свои ограниченія. Они, однакожь, не состоятъ ни въ исключеніи изъ сферы искусства извѣстнаго рода предметовъ, ни въ умышленной ихъ порчѣ для видовъ такъ называемаго приличія. Классификаціи предметовъ, подлежащихъ или неподлежащихъ художественной обработкѣ, нѣтъ,— есть только законъ, по которому преобладаніе или торжество матеріи надъ духовными интересами и цѣлями бытія не можетъ быть задачею ни въ одномъ произведеніи искусства,—и причина этому весьма простая: тутъ не на чемъ утвердиться мысли, и какъ можетъ быть она тамъ, гдѣ все ее посрамляетъ и уничтожаетъ? а созданій изящныхъ безъ мысли не бываетъ. Что хотѣли бы вы, напримѣръ, сказать, представляя человѣка въ корчахъ и мукахъ физическихъ, какъ онъ теряетъ употребленіе своихъ нравственныхъ силъ и правъ? То ли, что человѣкъ можетъ перестать быть человѣкомъ и низпасть до звѣря? или то, что выше и сильнѣе физическихъ нуждъ нѣтъ ничего на свѣтѣ? Глазнѣ это мысль? Однакожь, бываютъ подобныя состоянія, возразятъ намъ. Бываютъ; но зачѣмъ же вы хотите представить ихъ отдѣльно, какъ цѣлое, самостоятельное явленіе, безъ связи съ другими положеніями человѣка, которыя указываютъ совсѣмъ на иной характеръ въ немъ и на иной смыслъ его страданій? Вѣдь это только отрывки цѣлаго, — а что изъ отрывка можетъ слѣдовать, кромѣ ничего или лжи, которая тоже ничто, потому-что есть только отрицаніе истины?

Digitized by Google

Что касается до передѣлыванія предметовъ такъ называемыхъ неприличныхъ и представленія ихъ въ формахъ приличныхъ, то отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить вся школа *искусства, украшающаго природу:* какъ она хороша, мы уже видѣли.

Ограниченіе художественное состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы знать *гдѣ* и *насколько*, могутъ быть допущены темные и даже безобразные дѣятели жизни. Художникъ долженъ руководствоваться всегда высшими причинами и побужденіями, а не удовольствіемъ потѣшить толпу сильными эффектами, или излить свой гнѣвъ оправдать свое ученіе и т. п. Въ шекспировскихъ созданіяхъ не меньше крови, слезъ, ужасовъ, злодѣйствъ, страстей дикихъ или низкихъ до пошлости, какъ и у самаго отчаяннаго французскаго писателя сыпшей неистовой школы Но никто еще не думалъ обвинять его въ злоупотребленіи естественности, потому-что у Шекспира на все это есть важныя причины. Онъ изображалъ жизнь и сердце человѣческое, а не ужасы и безобразіе. За то у него есть и Юлія, и Дездемона, и Офелія

Прелесть естественности еще такъ нова для нашей литературы, что не удивительно, если она предается ей съ нѣкоторымъ упоеніемъ и односторонностію. Она находитъ въ ней сильнѣйшую опору своего общественнаго направленія, — это совершенно справедливо. Заботясь только о природѣ какого-то аристократическаго круга, противорѣча истинному характеру вещей, или искажая его поддѣльными улучшеніями и прикрасами, нельзя и думать сдѣлаться участникомъ въ рѣшеніи существенныхъ вопросовъ человѣчества въ какомъ бы то ни было отношеніи. Все должно тутъ кончиться игрою и обманомъ. Но имѣя въ виду общество, не должно забывать искусства. Одно непремѣнно теряетъ по мѣрѣ того, какъ нарушаются или ослабляются права другаго.

Литература, сохраняющая въ себѣ достоинство искусства, не будетъ принимать за естественное однихъ видимыхъ, рѣзкихъ, внѣшнихъ сторонъ и видоизмѣненій жизни. То правда, что вѣрное изображеніе этихъ сторонъ есть часть ея, но она не вся здѣсь. Разсыпчатыя нравоописанія, портретистики, всѣдѣ стоятъ на одной точкѣ зрѣнія — на точкѣ зрѣнія безпорядковъ и противорѣчій; иначе и быть не можетъ. Жизнь является во всей силѣ законности, гармоніи и добра только въ разумѣ и цѣлости своей; тамъ ея объясненіе и оправданіе. Но это значеніе жизни не находится на поверхности вещей. Читая изображеніе нравовъ общественныхъ, вы чувствуете, что изображеніямъ этимъ чего-то недостаетъ; характеры, сосредото-

Digitized by Google

чивающіе ихъ въ себѣ, кажутся преувеличенными, краски ихъ слишкомъ яркими, хотя, съ другой стороны, вы видите предметы совершенно вамъ знакомые, слѣдовательно, не вымышленные. Что жъ это значитъ? То, что авторы подобныхъ произведеній, при всемъ своемъ талантѣ и литературной добросовѣстности, естественны только вполовину. Наблюдая предметы и видя ихъ точно такъ, какъ они представляются въ суматохѣ жизненныхъ отправленій, въ толкотнѣ, разладицѣ, въ дракѣ, въ грязи и крови, они забываютъ взглянуть въ нихъ на то, что много ослабляетъ силу этихъ существенныхъ, но не исключительныхъ явленій и даетъ вещамъ другую физіономію. Черты, ими наложенныя, поневолѣ становятся крупными, потому-что онѣ одни на планѣ, даже безъ причинъ и обстоятельствъ, которыя должны бы ихъ пояснить, пополнить и сдѣлать вѣрными до неоспоримости

Нашъ бытъ общественный и нравы исчерпываютъ нашей народности; въ ней содержится много такого, что не могло или не успѣло еще выйти наружу и показать себя, и что, однакожь, составляетъ ея силу и красу. Нельзя ли пройти до нея? Нельзя ли оттуда—изъ расположеній и стремленій народнаго сердца и ума—извлечь тѣ прекрасныя и великія человѣчественныя стихіи, которыя не достигли только сознанія народа и которыя, разъ проникши въ него, должны его путемъ преобразовать, улучшить самую его дѣйствительность? Но мы бросаемся на частности, не связывая ихъ съ характеромъ и духомъ цѣлаго. Есть какое-то легкомысліе въ нашей наблюдательности, препятствующее намъ вонзать жало ума въ глубину предмета, чтобъ высосать оттуда самую эссенцію его. Мы спѣшимъ предварить заключеніями своими тѣ доводы, которые дали бы намъ самыя вещи, если бы мы приняли на себя трудъ всмотрѣться въ нихъ внимательнѣе. Вмѣсто того, чтобы представлять ихъ себѣ серьёзно, какъ они того заслуживаютъ, мы или осмѣиваемъ ихъ, или бранимъ. Намъ ужасно нравится быть юмористами, и думая, что это легко, что стоитъ только шутить надъ всѣмъ, мы впадаемъ иногда въ страшныя пошлости. У насъ мало размышленія и мало любви, особенно мало любви. Оттого и произведенія наши поверхностны, сухи и холодны. Все это, между прочимъ, ведетъ къ утомительнѣйшему единообразію. Вы всегда видите одно и тоже — чиновника плута, помѣщика-глупца. Все провинціяльное сдѣлалось обреченною жертвою нашей юмористики, какъ будто провинція не отечество наше, какъ будто тамъ нечего уже любить и уважать, и какъ будто тамъ одно только есть заслуживающее изученія — порокъ и нелѣпости.

Digitized by Google

Такое направленіе много вредитъ художественному достоинству нашей литературы. Въ наше время не отдѣляютъ уже формы отъ содержанія, не думаютъ, что извѣстная обработка первой можетъ вознаградить отсутствіе изящныхъ элементовъ въ послѣднемъ. Мы, напротивъ, увѣрены, что въ содержаніи, въ основной его идеѣ, также въ видахъ и чувствѣ автора должны заключаться уже необходимость всей физіономіи его произведенія и возможность полноты, сосредоточенности, гармоніи, граціи, однимъ словомъ, всего, что принадлежитъ къ характеру созданій художественныхъ. Увлекаясь вѣрностію описаній, которой, впрочемъ, невсегда счастливо достигаютъ, думая болѣе всего о естественности, наши писатели, сами того не замѣчая, часто на дѣлѣ выполняютъ знаменитое правило *подражанія природѣ*, съ презрѣніемъ отвергаемое ихъ теоріей. Дѣло въ томъ, что природа не глубоко ими понята и вообще мало *взята въ мысль*. Они видятъ ее только въ часы черновыхъ ея работъ, а не тогда, когда она занята предначертаніями плана и приведеніемъ ихъ къ концу. Видѣть этого и нельзя физическимъ наблюденіемъ, а надобно мыслію стать въ самую мысль природы. Тогда тѣже самыя вещи, которыя послужили содержаніемъ произведенія, были бы и основаніемъ изящнаго характера его. Мы не встрѣтили бы того, что теперь такъ часто встрѣчается,—не встрѣтили бы произведеній, изобличающихъ талантъ, но не сосредоточенныхъ въ единствѣ общей мысли, безъ всякой соразмѣрности въ частяхъ, плодовитыхъ до безконечности въ ненужныхъ подробностяхъ, утомляющихъ повтореніемъ одного и того же, – словомъ, произведеній, гдѣ умъ былъ собирателемъ матеріяловъ, а случай зодчимъ. Писателямъ нашимъ въ ихъ нападательномъ положеніи, видящимъ одни общественные пороки, готовымъ только разить и сокрушать, не достаетъ спокойствія, необходимаго для высокаго и мирнаго созерцанія красоты. Цѣломудренная и скромная, скромная, потому-что цѣломудренная, она не даетъ о себѣ знать ни крикомъ, ни рѣзкими движеніями — ее зато и обходятъ мимо. Разумѣется, когда нѣтъ красоты въ жизни, ее не будетъ и въ искусствѣ. Мѣсто ея займетъ безобразіе, которое и есть не иное что, какъ отсутствіе качествъ, составляющихъ красоту. Передъ вами явится рядъ изображеній, списанныхъ съ природы—и каррикатурныхъ, т. е. ложныхъ въ своей естественности, потому только, что авторы видѣли десятую долю, если угодно половину природы, но не всю. Самый прекрасный носъ не болѣе, какъ шишка, самъ по себѣ, кусокъ мяса; въ соединеніи съ другими принадлежностями лица человѣческаго это одна изъ его прелестей. Конечно, ничего нѣтъ легче, какъ въ списаниомъ съ вещей безобразіи сослаться на самую жизнь и оправдать

Digitized by Google

себя тѣмъ, что такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ. Неправда! на самомъ дѣлѣ бываетъ не такъ. Каррикатура — шутка, выдуманная человѣкомъ точно такъ же, какъ онъ выдумываетъ арабески и проч. Дѣйствительность ее не знаетъ, потому-что въ ней нѣтъ ничего односторонняго и безусловнаго. Всякая крайность или гибнетъ, потому-что она крайность, или умѣряется отношеніями своими къ другимъ силамъ и ихъ вліяніемъ. — Но почему же и не пошутить? — возразятъ намъ.

О, это дѣло другое! Шутите, если вамъ угодно, не не считайте же себя зато представителями чего-то высшаго, чего-то разумнаго.

Есть еще предлогъ, который употребляютъ для оправданія въ противохудожественныхъ покушеніяхъ. Обыкновенно ссылаются на *намѣреніе*, думая, что оно уполномочиваетъ, нѣкоторымъ образомъ, писателя не слѣдовать слишкомъ строго требованіямъ искусства, что общественные интересы, которымъ онъ служитъ добросовѣстно, извиняютъ все, и что произвести спасительное впечатлѣніе какимъ бы то ни было образомъ стоитъ эстетической законности его. Но не значитъ ли это дѣлать изъ искусства орудіе постороннихъ цѣлей, т. е. уничтожать его? Мы не понимаемъ, впрочемъ, какимъ образомъ въ одно и тоже время можно портить изящное и его же призывать на помощь для достиженія какихъ бы то ни было высшихъ цѣлей. Не изобличаетъ ли это скорѣе тайную неспособность дѣйствовать имъ однимъ и въ его духѣ, чѣмъ свободно и честно принятое намѣреніе? Искусство въ самомъ себѣ носитъ источникъ всѣхъ благотворныхъ вліяній на общество и сердце человѣческое; чѣмъ чище и вѣрнѣе оно самому себѣ, тѣмъ глубже и могущественнѣе производимое имъ дѣйствіе. Въ томъ-то и дѣло, что въ образованіи человѣческаго рода необходимо его личное, такъ сказать, самостоятельное участіе и что способовъ этого участія, вмѣстѣ съ слѣдствіями ихъ, ничѣмъ другимъ нельзя замѣнить, какъ нельзя замѣнить зрѣнія слухомъ и слуха зрѣніемъ.

Вотъ почему вкусъ къ изящному въ народѣ образованномъ долженъ быть сохраняемъ, какъ зеница ока, отъ всякой порчи и заблужденій. Утративъ его чистоту, люди пріучаются смотрѣть на искусство, какъ на забаву, или какъ на нѣчто второстепенное и прилаточное и лишаются одного изъ могущественнѣйшихъ нравственныхъ дѣятелей. На писателей возложенъ священный долгъ воспитывать, развивать и направлять эту драгоцѣнную способность, великую по силѣ ея вліянія и въ тоже время нѣжную, какъ дыханіе дѣвственныхъ устъ, какъ цвѣтокъ, готовый увянуть отъ перваго порыва вѣ-

Digitized by Google

тра, отъ всякаго неосторожнаго или неловкаго прикосновенія. Участвуя наравнѣ съ другими въ рѣшеніи важныхъ вопросовъ общественныхъ, они не должны забывать, что важнѣйшая цѣль ихъ — не спеціальный успѣхъ въ какомъ либо данномъ случаѣ, а общій успѣхъ человѣческаго сердца во всемъ великомъ и прекрасномъ. Художественными средствами своего таланта они собственно ничего не сѣютъ, но дѣлаютъ больше — приготовляютъ почву для посѣва и оплодотворяютъ ее

Мы указали на главныя и замѣчательныя стороны въ современномъ направленіи нашей литературы. Тутъ, какъ и во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, съ заслугами стоятъ наряду и ошибки. Не можемъ, однакожь, не радоваться, видя, что первыя превозмогаютъ послѣднія. Это не лесть, не комплиментъ на новый годъ нашей литературѣ: это событіе. Важнѣйшее сдѣлано: она освободилась отъ рабства буквъ и формъ; она мыслитъ мыслію жизни и дѣйствительности, а не грезъ и пустыхъ отвлеченностей. Она уже не странница, зашедшая къ намъ изъ чуждаго міра, не гостья, явившаяся къ намъ послѣ Петра на пиръ нашего духовнаго перерожденія: она наша собственная, родная сила, сила нашего ума, нашего общества и народности, жизнь отъ жизни и сердце отъ сердца нашего. Нѣкоторая односторонность содержанія и незрѣлость ея художественнаго характера, конечно, недостатки; мы не должны ни скрывать ихъ отъ себя, ни считать не важными. Но ея широкая будущность, плодъ будущности національной, не есть ли залогъ всякаго усовершенствованія? Успѣхи образованія разовьютъ и утвердятъ вкусъ на прочныхъ началахъ — на естественности и разумѣ, а духъ народности, дѣлающійся намъ болѣе и болѣе доступнымъ, укажетъ ей на новые, чистѣйшіе источники идей, поставитъ ее на другія точки зрѣнія и поведетъ ее не по одному, а по многимъ и различнымъ направленіямъ нашего великаго міра. Нынѣшній способъ историческаго разработыванія нашей народности обѣщаетъ самыя счастливыя послѣдствія для образованности и литературы. Читатели «Современника» въ этой же книжкѣ найдутъ тому доказательства и поясненія. Главное достоинство нынѣшнихъ нашихъ историческихъ изысканій — есть стремленіе объяснять Россію Россіей, а не ученіями или слишкомъ общими, и потому ничего не объясняющими, или возникшими у другихъ народовъ и годными только для изъясненія ихъ самихъ. Другая, не менѣе важная заслуга, — есть стремленіе изъ событія, нажатаго вѣками и сплавленнаго изъ разныхъ стихій, вынуть его истину, его чистую

Digitized by Google

мысль, его, такъ сказать, личность, безсмертную и сопрвсущую потомству, потому-что это мысль, а не обычай или форма идеи, разбиваемая судьбою тотчасъ и навѣки, какъ скоро идея посредствомъ ея стала дѣломъ. При такихъ пособіяхъ, литературѣ можно совершенствоваться и въ мысли и въ художественномъ ея проявленіи. Итакъ, пожелаемъ ей любви соотечественниковъ, потому-что она хочетъ быть ея достойною.

А. НИКИТЕНКО.

Digitized by Google

III.

ВЗГЛЯДЪ

НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ 1846 ГОДА.

Настоящее есть результатъ прошедшаго и указаніе на будущее. Поэтому, говорить о русской литературѣ 1846 года, значитъ говорить о современномъ состояніи русской литературы вообще, чего нельзя сдѣлать, не коснувшись того, чѣмъ она была, чѣмъ должна быть. Но мы не вдадимся ни въ какія историческія подробности, которыя завлекли бы насъ далеко. Главная цѣль нашей статьи — познакомить заранѣе читателей *Современника* съ его взглядомъ на русскую литературу, слѣдовательно, съ его духомъ и направленіемъ, какъ журнала. Программы и объявленія, въ этомъ отношеніи, ничего не говорятъ: онѣ только обѣщаютъ. И потому, программа «Современника», по возможности краткая и не многословная, ограничилась только обѣщаніями, часто-внѣшними. Предлагаемая статья, вмѣстѣ съ статьею самого редактора, напечатанною во второмъ отдѣленіи этого же нумера, будетъ второю, *внутреннею*, такъ сказать, программою «Современника», въ которой читатели могутъ сами, до извѣстной степени, повѣрять обѣщанія исполненіемъ.

Еслибы насъ спросили, въ чемъ состоитъ отличительный характеръ современной русской литературы, мы отвѣчали бы: въ болѣе и болѣе тѣсномъ сближеніи съ жизнію, съ дѣйствительностію, въ большей и большей близости къ зрѣлости и возмужалости.

Digitized by Google

Само собою разумѣется, что подобная характеристика можетъ относиться только къ литературѣ недавней, молодой и, притомъ, возникшей не самобытно, а вслѣдствіе подражательности. Самобытная литература зрѣетъ вѣками, и эпоха ея зрѣлости есть въ тоже время и эпоха числительнаго богатства ея замѣчательныхъ произведеній (chefs d'œuvre). Этого нельзя сказать о русской литературѣ. Ея исторія, какъ и исторія самой Россіи, не похожа на исторію никакой другой литературы. И потому, она представляетъ собою зрѣлище единственное, исключительное, которое тотчасъ дѣлается страннымъ, непонятнымъ, почти безсмысленнымъ, какъ скоро на нее будутъ смотрѣть, какъ на всякую другую европейскую литературу. Какъ и все, что̀ ни есть въ современной Россіи живаго, прекраснаго и разумнаго, наша литература есть результатъ реформы Петра Великаго. Правда, онъ не заботился о литературѣ и ничего не сдѣлалъ для ея возникновенія, но онъ заботился о просвѣщеніи, бросивъ въ плодовитую землю русскаго духа сѣмена науки и образованія, — и литература, безъ его вѣдома, явилась впослѣдствіи сама собою, какъ необходимый результатъ его же дѣятельности. Въ томъ-то, скажемъ мимоходомъ, и состояла органическая жизненность преобразованія Петра Великаго, что оно породило много и такого, о чемъ онъ, можетъ быть, и не думалъ, чего онъ даже и не предчувствовалъ. Даровитый и умный Кантемиръ, вполовину подражатель, вполовину перелагатель на русскіе нравы сатиръ римскихъ поэтовъ (преимущественно Горація) и ихъ подражателя и перелагателя на французскіе нравы — Буало, Кантемиръ, съ его силлабическимъ размѣромъ, съ его языкомъ, полу-книжнымъ, полу-народнымъ, который, по самой этой смѣси, былъ языкомъ образованнаго общества того времени, Кантемиръ и, вслѣдъ за нимъ, Тредьяковскій, съ его безплодною ученостію, съ его бездарнымъ трудолюбіемъ, съ его схоластическимъ педантизмомъ, съ его неудачными попытками усвоить русскому стихотворству правильные тоническіе размѣры и древніе гекзаметры, съ его варварскими виршами и варварскимъ двоекратнымъ переложеніемъ Роллена, — Кантемиръ и Тредьяковскій были, такъ сказать, прологомъ, предисловіемъ къ русской литературѣ. Отъ смерти перваго прошло съ небольшимъ *сто два* года (онъ умеръ 31 марта 1744 года); отъ смерти второго прошло только съ небольшимъ 77 лѣтъ (онъ умеръ 6 августа, 1769 года). Тредьяковскій былъ еще въ цвѣтѣ своей славы и еще только шесть лѣтъ величалъ себя «профессоромъ элоквенціи и хитростей піитическихъ»; еще молодой, но больной, слабый и уже близкій къ смерти, Кантемиръ былъ живъ (*).

(*) Кантемиру тогда было 31 годъ, а Тредьяковскому 36 лѣтъ.

Digitized by Google

когда, въ 1739 году, двадцати-восьмилѣтній Ломоносовъ — Петръ Великій русской литературы, прислалъ изъ нѣмецкой земли свою знаменитую *Оду на взятіе Хотина*, съ которой, по всей справедливости, должно считать начало русской литературы. Все, что сдѣлано было Кантемиромъ, осталось безъ слѣда и вліянія въ книжномъ мірѣ, все, что было сдѣлано Тредьяковскимъ, оказалось неудачнымъ. — даже его попытки ввести въ русское стихотворство правильные тоническіе метры... Поэтому, ода Ломоносова показалась всѣмъ первымъ стихотворнымъ произведеніемъ на русскомъ языкѣ, которое было написано правильнымъ размѣромъ. Вліяніе Ломоносова на русскую литературу было такое же точно, какъ вліяніе Петра Великаго на Россію вообще: долго литература шла по указанному имъ ей пути, но наконецъ, совершенно освободясь отъ его вліянія, пошла по дорогѣ, которой самъ Ломоносовъ не могъ ни предвидѣть, ни предчувствовать. Онъ далъ ей направленіе книжное, подражательное, и оттого, по видимому, безплодное и безжизненное, слѣдовательно, вредное и губительное. Это совершенная правда, которая, однакожъ, нисколько не умаляетъ великой заслуги Ломоносова, нисколько не отнимаетъ у него права на имя отца русской литературы. Не то же ли самое говорятъ о Петрѣ Великомъ наши, литературные старообрядцы? И надо сказать, что ихъ ошибка состоитъ не въ томъ, что они говорятъ о Петрѣ Великомъ и созданной имъ Россіи, а въ томъ, какое они выводятъ изъ этого слѣдствіе. По ихъ мнѣнію, реформа Петра убила въ Россіи народность, а слѣдовательно, и всякій духъ жизни, такъ-что Россіи для своего спасенія не остается ничего другого, какъ снова обратиться къ благодатнымъ полу-патріархальнымъ нравамъ эпохи Кошихина. Повторяемъ: ошибаясь въ выводѣ, они правы въ положеніи, и подлѣльный, искусственный европеизмъ Россіи, созданный реформою Петра Великаго, дѣйствительно можетъ казаться не болѣе, какъ внѣшнею формою безъ внутренняго содержанія. Но развѣ нельзя того же самого сказать о всѣхъ поэтическихъ и ораторскихъ опытахъ Ломоносова? Зачто же, по какому же странному противорѣчію съ собственнымъ своимъ взглядомъ, эти самые люди благоговѣютъ передъ именемъ Ломоносова и съ странною раздражительностію принимаютъ за преступленіе всякое свободное мнѣніе объ этомъ риторѣ и въ поэзіи и въ краснорѣчіи? Не было ли бы, съ ихъ стороны, гораздо послѣдовательнѣе и сообразнѣе съ логикою и здравымъ смысломъ, и на Ломоносова смотрѣть такъ же точно, такъ смотрятъ они на Петра Великаго?...

Чужое, извнѣ взятое содержаніе никогда не можетъ замѣнить, ни въ литературѣ, ни въ жизни, отсутствія своего собственнаго, національнаго содержанія; но оно можетъ переродиться въ него совреме-

Digitized by Google

немъ, какъ пища, извнѣ принимаемая человѣкомъ, перерождается въ его кровь и плоть, и поддерживаетъ въ немъ силу, здоровье и жизнь. Не будемъ распространяться, какимъ образомъ это сдѣлалось съ Россіею, созданною Петромъ, и русскою литературою, созданною Ломоносовымъ; но что это дѣйствительно сдѣлалось и дѣлается съ ними — это историческій фактъ, истина фактически-очевидная. Сравните басни Крылова, комедію Грибоѣдова, произведенія Пушкина, Лермонтова и, въ особенности, Гоголя, — сравните ихъ съ произведеніями Ломоносова и писателей его школы, и вы не увидите между ними ничего общаго, никакой связи, вы подумаете, что въ русской литературѣ все случайно — и талантъ и геній; а можетъ ли имѣть какую-нибудь важность случайное: не есть ли это призракъ, мечта? И дѣйствительно: было время, когда вопросъ — есть ли у насъ литература? — не казался парадоксомъ и многими разрѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ. И такое рѣшеніе естественно и неизбѣжно, если русскую литературу судить на основаніяхъ, по которымъ должно судить исторію европейскихъ литературъ. Но одинъ изъ величайшихъ умственныхъ успѣховъ нашего времени въ томъ и состоитъ, что мы, наконецъ, поняли, что у Россіи была своя исторія, нисколько не похожая на исторію ни одного европейскаго государства, и что ее должно изучать и о ней должно судить на основаніи ея же самой, а не на основаніи исторій, ничего не имѣющихъ съ нею общаго, европейскихъ народовъ. Тоже и въ отношеніи къ исторіи русской литературы. Между писателями, которыхъ мы поименовали выше, и между Ломоносовымъ и его школою, дѣйствительно нѣтъ ничего общаго, никакой связи, если сравнивать ихъ, какъ двѣ крайности; но между ними сейчасъ же явится передъ вами живая кровная связь, какъ скоро вы будете изучать, въ хронологическомъ порядкѣ, всѣхъ русскихъ писателей, отъ Ломоносова до Гоголя. Тогда вы увидите, что до Пушкина, все движеніе русской литературы заключалось въ стремленіи, хотя и безсознательномъ, освободиться отъ вліянія Ломоносова и сблизиться съ жизнію, съ дѣйствительностію, слѣдовательно, сдѣлаться самобытною, національною, русскою. Если въ произведеніяхъ Хераскова и Петрова, такъ незаслуженно превознесенныхъ современниками, нельзя увидѣть ни малѣйшаго прогресса въ этомъ отношеніи,— за то, прогрессъ есть уже въ Сумароковѣ, писателѣ безъ генія, безъ вкуса, почти безъ таланта, но на котораго современники смотрѣли, какъ на соперника Ломоносова. Попытки Сумарокова, хотя и неудачныя, на комедію изъ русскихъ нравовъ, его сатиры, а главное, его простодушно-жолчныя выходки противъ *крапивнаго сѣмени*, равно какъ и нѣкоторыя прозаическія статьи, болѣе или менѣе касавшіеся вопросовъ современной ему дѣйствитель-

Digitized by Google

ности; — все это показываетъ какое-то стремленіе на сближеніе литературы съ жизнію. И въ этомъ отношеніи, сочиненія Сумарокова, лишенныя всякаго художественнаго или литературнаго интереса, заслуживаютъ изученія, также какъ имя его, сперва не по достоинству превозносимое, а потомъ столько же несправедливо унижаемое, заслуживаетъ уваженія въ потомствѣ. Нельзя смотрѣть, какъ на безполезныя явленія, даже и на Хераскова съ Петровымъ: современники видѣли въ нихъ геніевъ, превозносили ихъ до седьмого неба, стало быть, читали ихъ, а если читали, стало быть, эти писатели сильно способствовали распространенію въ Россіи вкуса къ занятію и наслажденію литературою. Безобразныя притчи Сумарокова явились изящными, по тому времени, переводами французскихъ басень въ баснахъ Хемницера и Дмитріева, а въ баснях Крылова онѣ явились впослѣдствіи превосходными народными произведеніями. Подражатель Ломоносова, смиренно благоговѣвшій даже передъ Херасковымъ и Петровымъ, Державинъ, если не былъ самобытнымъ русскимъ поэтомъ, то уже не былъ и только риторомъ. Одаренный отъ природы великимъ поэтическимъ геніемъ, онъ потому только не могъ создать самобытной русской поэзіи, что для этого не пришло еще время, а не по недостатку естественныхъ силъ и средствъ. Русскій языкъ былъ тогда еще не выработанъ, духъ книжничества и реторики царилъ въ литературѣ; но главное — тогда была только государственная жизнь, но не было жизни общественной, и слѣдовательно и общественныхъ интересовъ; поэзіи и литературѣ не откуда было брать содержанія, и потому онѣ существовали и поддерживались не сами собою, а покровительствомъ сильныхъ и знатныхъ, и носили характеръ оффиціальный. Такъ должно смотрѣть на эту эпоху, сравнивая ее съ нашею; но не такъ должно смотрѣть на нее, сравнивая ее съ эпохою Ломоносова: тутъ былъ, сравнительно, большой прогрессъ. Если въ это время еще не было общества, зато именно въ это время оно зарождалось, потому-что блескъ и образованность двора начинали тогда отражаться и на среднемъ дворянствѣ, и тогда же начали устанавливаться въ немъ тѣ нравы, которые мы видимъ теперь. И потому, кромѣ огромной разницы въ поэтическомъ геніи, Державинъ уже имѣлъ передъ Ломоносовымъ большое преимущество и со стороны содержанія для своей поэзіи, хотя онъ былъ человѣкомъ безъ образованія, не только безъ учености. Поэтому, поэзія Державина далеко разнообразнѣе, живѣе, человѣчнѣе со стороны содержанія, нежели поэзія Ломоносова. Причина этого не въ томъ только, что Ломоносовъ былъ больше превосходный стихотворецъ, нежели поэтъ, тогда-какъ Державинъ отъ природы получилъ поэтическій геній, но и въ сравнительномъ успѣхѣ обще-

Digitized by Google

ства временъ Екатерины Великой передъ обществомъ временъ императрицъ Анны и Елизаветы.

По этой же причинѣ, литература екатерининскаго времени рѣшительно заслоняетъ собою предшествовавшую ей литературу. Кромѣ Державина, въ это время былъ Фонвизинъ — первый даровитый комикъ въ русской литературѣ, писатель, котораго теперь не только чрезвычайно интересно изучать, но котораго читать есть истинное наслажденіе. Въ его лицѣ русская литература, какъ будто даже преждевременно сдѣлала огромный шагъ къ сближенію съ дѣйствительностію: его сочиненія — живая лѣтопись той эпохи. Въ это же время литература наша отъ древнихъ литературъ, изучавшихся въ семинаріяхъ и на семинарскій ладъ, начала исключительно наклоняться къ французской литературѣ. Вслѣдствіе этого, начали хлопотать о такъ называемой *легкой литературѣ*, въ которой блисталъ Богдановичъ. Къ концу царствованія Екатерины явился Карамзинъ, давшій русской литературѣ новое направленіе. Мы не будемъ говорить о его великихъ заслугахъ, его великомъ вліяніи на нашу литературу и, черезъ нее, на образованіе нашего общества. Мы не будемъ также входить въ подробности о слѣдовавшихъ за нимъ писателяхъ. Скажемъ коротко, что въ каждомъ изъ нихъ видно постепенное освобожденіе отъ книжнаго, реторическаго направленія, даннаго Ломоносовымъ нашей литературѣ, и постепенное сближеніе литературы съ обществомъ, съ жизнію, съ дѣйствительностію. Загляните въ *лицейскія* стихотворенія Пушкина, даже во многія изъ пьесъ въ первой части его сочиненій, имъ самимъ изданныхъ,— и вы увидите въ нихъ вліяніе почти всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ, отъ Ломоносова до Жуковскаго и Батюшкова включительно. Баснописецъ Крыловъ, предшествуемый Хемницеромъ и Дмитріевымъ, такъ сказать, приготовилъ языкъ и стихъ для безсмертной комедіи Грибоѣдова. Стало быть, въ нашей литературѣ всюду живая историческая связь, новое выходитъ изъ стараго, послѣдующее объясняется предыдущимъ, и ничто не является случайно.

«Но,— спросятъ насъ, можетъ быть,— въ чемъ же заключалась важная заслуга Ломоносова, если вся заслуга послѣдующихъ писателей состояла въ постепенной эманципаціи русской литературы изъ подъ его вліянія, слѣдовательно въ томъ, что они старались писать не такъ, какъ онъ писалъ? И не странное ли это противорѣчіе — говорить съ уваженіемъ о заслугахъ и геніи писателя, котораго вы же сами называете *риторомъ?*»

Вопервыхъ, Ломоносовъ нисколько не былъ риторомъ по его натурѣ: для этого онъ былъ слишкомъ великъ; но его сдѣлали риторомъ не отъ него зависѣвшія обстоятельства. Его сочиненія раздѣ-

Digitized by Google

ляются на ученыя и литературныя: къ послѣднимъ мы относимъ оды, Петріаду, трагедіи, словомъ, всѣ стихотворные его опыты и похвальныя слова. Въ его ученыхъ сочиненіяхъ по части астрономіи, физики, химіи, металлургіи, навигаціи — нѣтъ реторики, хотя онѣ и писаны длинными періодами по латино-нѣмецкой конструкціи, съ глаголами въ концѣ; но его стихотворныя произведенія и похвальныя рѣчи преисполнены реторики. Отчего же это? Оттого, что для ученыхъ своихъ сочиненій у него было готовое содержаніе, которое добылъ онъ себѣ наукою и трудомъ въ нѣмецкой землѣ, и котораго ему не нужно было дожидаться или допрашиваться у своего отечества. Пріобрѣтенное ученіемъ и трудомъ, онъ развилъ и увеличилъ собственнымъ геніемъ. Стало быть, онъ зналъ, что̀ писалъ, и не нуждался въ реторикѣ. Содержанія же для своей поэзіи онъ не могъ найти въ общественной жизни своего отечества, потому-что тутъ не было не только сознанія, но и стремленія къ нему, стало быть, не было никакихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ; слѣдовательно, онъ долженъ былъ взять для своей поэзіи совершенно чуждое, но зато готовое содержаніе, выражая въ своихъ стихахъ чувства, понятія и идеи, выработанныя не нами, не нашею жизнію и не на нашей почвѣ. Это значило сдѣлаться риторомъ поневолѣ, потому-что понятія чуждой жизни, выдаваемыя за понятія своей жизни, всегда — реторика. Еще болѣе реторикою были въ то время европейскіе кафтаны, камзолы, башмаки, парики, робронды, мушки, ассамблеи, менуэты, и т. д. Но кто же, кромѣ теоретиковъ и фантазёровъ, скажетъ, чтобы теперь европейская одежда и нравы не сдѣлались національными для лучшей, т. е. образованнѣйшей части русскаго общества, нисколько не мѣшая ему быть *русскимъ* на самомъ дѣлѣ, а не по названію только? Скажемъ болѣе: въ отношеніи не только къ образованнѣйшей части русскаго общества, но и всего народа русскаго, теперь сдѣлались чистою реторикою всѣ понятія, опредѣленія и слова до-петровскаго русскаго быта, — и еслибы военные и гражданскіе чины наши были переименованы въ стратиговъ, бояръ, стольниковъ и т. п., — простой народъ̀ тутъ ровно ничего бы не понялъ. Тоже самое, благодаря Ломоносову, совершилось и въ литературномъ мірѣ: всѣ подѣлки подъ народность теперь пахнутъ простонародностію, т. е. пошлостію, и всѣ попытки въ этомъ родѣ самыхъ даровитыхъ писателей отзываются реторикою.

«Но какимъ же чудомъ, — спросятъ насъ, — внѣшнее, абстрактное заимствованіе чужого и искусственное перенесеніе его на родную почву, — какимъ чудомъ могло породить оно живой, органическій плодъ? — Въ отвѣтъ на это скажемъ то̀ же, что̀ уже говорили: рѣшеніе этого вопроса, безъ сомнѣнія, интересно; но намъ нѣтъ дѣла до

Digitized by Google

него: для насъ довольно сказать, что такъ, именно такъ было, что это историческій фактъ, достовѣрности котораго не можетъ и подумать опровергать тотъ, у кого есть глаза, чтобъ видѣть, и уши, чтобъ слышать. Писатели, въ которыхъ выразилось прогрессивное движеніе черезъ освобожденіе литературы русской отъ ломоносовскаго вліянія, нисколько не думали объ этомъ; это дѣлалось у нихъ безсознательно; за нихъ работалъ духъ времени, котораго они были органами. Они высоко уважали Ломоносова, какъ поэта, благоговѣли передъ его геніемъ, старались подражать ему, и все-таки больше и больше отходили отъ него. Разительный примѣръ этого — Державинъ. Но въ томъ-то и состоитъ жизненность европейскаго начала, прививаго къ нашей народности Петромъ Великимъ, что оно не коснѣетъ въ мертвой стоячести, но движется, идетъ впередъ, развивается. Еслибы Ломоносовъ не вздумалъ писать одъ по образцу современныхъ ему нѣмецкихъ поэтовъ и французскаго лирика Жанъ Батиста Руссо, не вздумалъ писать своей *Петріады* по образцу виргиліевой Энеиды, гдѣ, вмѣстѣ съ Петромъ Великимъ, героемъ своей поэмы, сдѣлалъ дѣйствующимъ лицомъ и Нептуна, засадивъ его съ тритонами и наядами на дно прохладнаго Бѣлаго моря; еслибы, говоримъ мы, вмѣсто всѣхъ этихъ книжныхъ, школьныхъ несообразностей, онъ обратился бы къ источникамъ нашей народной поэзіи — къ *Слову о Полку Игоревомъ*, къ русскимъ сказкамъ (извѣстнымъ теперь по сборнику Кирши Данилова), къ народнымъ пѣснямъ, и, вдохновленный, проникнутый ими, на ихъ чисто народномъ основаніи, рѣшился бы построить зданіе новой русской литературы: что бы тогда вышло? — Вопросъ, повидимому, важный, но въ сущности препустой, похожій на вопросы въ родѣ слѣдующихъ: что было бы, еслибы Петръ Великій родился во Франціи, а Наполеонъ — въ Россіи, или: что было бы, еслибы за зимою слѣдовала не весна, а прямо лѣто? и т. п. Мы можемъ знать, что было и что есть, но какъ намъ знать, чего не было или чего нѣтъ? Разумѣется, и въ сферѣ исторіи все мелкое, ничтожное, случайное могло бъ быть и не такъ, какъ было; но ея великія событія, имѣющія вліяніе на будущность народовъ, не могутъ быть иначе, какъ именно такъ, какъ они бываютъ, разумѣется, въ отношеніи къ главному ихъ смыслу, а не къ подробностямъ проявленія. Петръ Великій могъ построить Петербургъ, пожалуй, тамъ, гдѣ теперь Шлиссельбургъ, или, по крайней мѣрѣ, хоть немного выше, т. е. дальше отъ моря, чѣмъ теперь; могъ сдѣлать новою столицею Ревель или Ригу: во всемъ этомъ играла большую роль случайность, разныя обстоятельства: но сущность дѣла была не въ томъ, а въ необходимости новой столицы на берегу моря, которая дала бы намъ средство легко и удобно сноситься съ Европою. Въ

Digitized by Google

этой мысли уже не было ничего случайнаго, ничего такого, что могло бы равно и быть и не быть, или быть иначе, нежели какъ было. Но для тѣхъ, для кого не существуетъ разумной необходимости великихъ историческихъ событій, мы, пожалуй, готовы признать важность вопроса: что было бы, еслибъ Ломоносовъ основалъ новую русскую литературу на народномъ началѣ? — и отвѣтимъ имъ, что изъ этого ровно ничего не вышло бы. Однообразныя формы нашей бѣдной народной поэзіи были достаточны для выраженія ограниченнаго содержанія племенной, естественной, непосредственной, полу-патріархальной жизни старой Руси; но новое содержаніе не шло къ нимъ, не улегалось въ нихъ; для него необходимы были и новыя формы. Тогда спасеніе наше зависѣло не отъ народности, а отъ европеизма; ради нашего спасенія, тогда необходимо было не задушить, не истребить (дѣло или невозможное, или гибельное, если возможное) нашу народность, а, такъ-сказать, задержать на время (suspendre) ея ходъ и развитіе, чтобы привить къ ея почвѣ новые элементы. Пока эти элементы относились къ нашимъ роднымъ, какъ масло къ водѣ, — у насъ, естественно, все было реторикою — и нравы и — ихъ выраженіе — литература. Но тутъ было живое начало органическаго сращенія, черезъ процессъ усвоенія (assimilation), и потому литература отъ абстрактнаго начала мертвой подражательности двигалась все къ живому началу самобытности. И мы дождались, наконецъ, до того, что переводъ нѣсколькихъ повѣстей Гоголя на французскій языкъ обратилъ на русскую литературу удивленное вниманіе всей Европы, — говоримъ *удивленное*, потому-что переводы русскихъ романовъ и повѣстей на иностранные языки дѣлались и прежде, но вмѣсто вниманія, порождали въ иностранцахъ совсѣмъ не лестное для насъ невниманіе къ нашей литературѣ, по той причинѣ, что эти русскіе повѣсти и романы, переведенные на ихъ языки, они считали, напротивъ, переводами съ ихъ языковъ: такъ чужды они были всего русскаго, всякой самобытности и оригинальности.

Карамзинъ окончательно освободилъ русскую литературу отъ ломоносовскаго вліянія, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ совершенно освободилъ ее отъ реторики и сдѣлалъ національною: онъ много *для этого* сдѣлалъ, но *этого* не сдѣлалъ, потому-что до *этого* было еще далеко. Первымъ національнымъ поэтомъ русскимъ былъ Пушкинъ (*); съ него начался новый періодъ нашей литературы, еще

(*) Намъ могутъ замѣтить, ссылаясь на собственныя наши слова, что не Пушкинъ, а Крыловъ; но вѣдь Крыловъ былъ только баснописецъ-поэтъ, тогда какъ трудно было бы, такимъ же образомъ, однимъ словомъ опредѣлить, какой поэтъ былъ Пушкинъ. Поэзія Крылова — поэзія здраваго смысла, житейской мудрости, и для нея, скорѣе, чѣмъ для всякой другой поэзіи, можно было найти готовое

Digitized by Google

больше противоположный карамзинскому, нежели этотъ послѣдній ломоносовскому. Вліяніе Карамзина до сихъ поръ ощутительно въ нашей литературѣ, и полное освобожденіе отъ него будетъ великимъ шагомъ впередъ со стороны русской литературы. Но это не только ни на волосъ не уменьшаетъ заслугъ Карамзина, но, напротивъ, обнаруживаетъ всю ихъ великость: вредное во вліяніи писателя есть запоздалое, отсталое, а чтобы оно владычествовало не въ свое время, необходимо, чтобы въ свое время оно было новымъ, живымъ, прекраснымъ и великимъ.

Въ отношеніи къ литературѣ, какъ къ искусству, поэзіи, творчеству, вліяніе Карамзина теперь совершенно исчезло, не оставивъ никакихъ слѣдовъ. Въ этомъ отношеніи, литература наша всего ближе къ той зрѣлости и возмужалости, рѣчью о которыхъ начали мы эту статью. Такъ называемую *натуральную школу* нельзя упрекнуть въ реторикѣ, разумѣя подъ этимъ словомъ вольное или невольное искаженіе дѣйствительности, фальшивое идеализированіе жизни. Мы отнюдь не хотимъ этимъ сказать, чтобы всѣ новые писатели, которыхъ (въ похвалу имъ или въ осужденіе) причисляютъ къ *натуральной школѣ*, были все геніи или необыкновенные таланты; мы далеки отъ подобнаго дѣтскаго обольщенія. За исключеніемъ Гоголя, который создалъ въ Россіи новое искусство, новую литературу, и котораго геніальность давно уже признана не нами одними и даже не въ одной Россіи только, – мы видимъ въ *натуральной школѣ* довольно талантовъ, отъ весьма замѣчательныхъ до весьма обыкновенныхъ. Но не въ талантахъ, не въ ихъ числѣ видимъ мы собственно прогрессъ литературы, а въ ихъ направленіи, ихъ манерѣ писать. Таланты были всегда, но прежде они *украшали природу, идеализировали дѣйствительность*, т. е. изображали несуществующее, разсказывали о небываломъ; а теперь они возпроизводятъ жизнь и дѣйствительность въ ихъ истинѣ. Отъ этого, литература получила важное значеніе въ глазахъ общества. Русская повѣсть въ журналѣ предпочитается переводной, и мало того, чтобы повѣсть была написана русскимъ авторомъ, необходимо, чтобы она изображала русскую жизнь. Безъ русскихъ повѣстей теперь не можетъ имѣть успѣха ни одинъ журналъ. И это не прихоть, не мода, но разумная потребность, имѣющая глубокій смыслъ, глубокое основаніе: въ ней выражается стремленіе русскаго общества къ самосознанію, слѣдовательно, пробужденіе въ немъ нравственныхъ интересовъ, умственной жизни. Уже безвозвратно прошло то время, когда даже всякая посредствен-

содержаніе въ русской жизни. Притомъ же, самыя лучшія, слѣдовательно, самыя народныя басни свои Крыловъ написалъ уже въ эпоху дѣятельности Пушкина, и слѣдовательно, новаго движенія, которое послѣдній далъ русской поэзіи.

Digitized by Google

ность иностранная казалась выше всякого таланта русскаго. Умѣя отдавать справедливость чужому, русское общество уже умѣетъ цѣнить и свое, равно чуждаясь какъ хвастливости, такъ и уничиженія. Но если оно болѣе интересуется *хорошею* русскою повѣстью, нежели *превосходнымъ* иностраннымъ романомъ,—въ этомъ виденъ огромный шагъ впередъ съ его стороны. Въ одно и то же время умѣть видѣть превосходство чужого надъ своимъ и все-таки ближе принимать къ сердцу свое, — тутъ нѣтъ ложнаго патріотизма, нѣтъ ограниченнаго пристрастія: тутъ только благородное и законное стремленіе сознать себя...

Натуральную школу обвиняютъ въ стремленіи все изображать съ дурной стороны. Какъ водится, у однихъ это обвиненіе — умышленная клевета; у другихъ — искренняя жалоба. Во всякомъ случаѣ, возможность подобнаго обвиненія показываетъ только то, что натуральная школа, не смотря на ея огромные успѣхи, существуетъ еще недавно, что къ ней не успѣли еще привыкнуть, и что у насъ еще много людей карамзинскаго образованія, которыхъ реторика имѣетъ свойство утѣшать, а истина — огорчать. Разумѣется, нельзя, чтобы всѣ обвиненія противъ натуральной школы были положительно ложны, а она во всемъ была непогрѣшительно права. Но еслибы ея преобладающее отрицательное направленіе и было односторонне крайностію, и въ этомъ есть своя польза, свое добро: привычка вѣрно изображать отрицательныя явленія жизни дастъ возможность тѣмъ же людямъ, или ихъ послѣдователямъ, когда придетъ время, вѣрно изображать и положительныя явленія жизни, не становя ихъ на ходули, не преувеличивая, словомъ, не идеализируя ихъ реторически.

Но внѣ міра собственно-беллетристическаго, вліяніе Карамзина до сихъ поръ еще очень ощутительно. Это всего лучше доказываетъ такъ называемая партія *славянофильская*. Извѣстно, что въ глазахъ Карамзина Іоаннъ III былъ выше Петра Великаго, а до-петровская Русь лучше Россіи новой. Вотъ источникъ такъ-называемаго славянофильства, которое мы, впрочемъ, во многихъ отношеніяхъ считаемъ весьма важнымъ явленіемъ, доказывающимъ, въ свою очередь, что время зрѣлости и возмужалости нашей литературы близко. Во времена дѣтства литературы всѣхъ занимаютъ вопросы, если даже и важные сами-по-себѣ, то не имѣющіе никакого дѣльнаго примѣненія къ жизни. Такъ-называемое славянофильство, безъ всякаго сомнѣнія, касается самыхъ жизненныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ нашей общественности. Какъ оно ихъ касается и какъ оно къ нимъ относится — это другое дѣло. Но прежде всего, славянофильство есть убѣжденіе, которое, какъ всякое убѣжденіе, заслуживаетъ полнаго уваженія, даже и въ такомъ случаѣ, если съ нимъ вовсе несогласны.

Digitized by Google

Славянофиловъ у насъ много, и число ихъ все увеличивается: фактъ, который тоже говоритъ въ пользу славянофильства. Можно сказать, что вся наша литература, а съ нею и часть публики, если не вся публика, раздѣлилась на двѣ стороны — славянофиловъ и не-славянофиловъ. Много можно сказать въ пользу славянофильства, говоря о причинахъ, вызвавшихъ его явленіе; но разсмотрѣвши его ближе, нельзя не увидѣть, что существованіе и важность этой литературной котеріи чисто-отрицательныя, что она вызвана и живетъ не для себя, а для оправданія и утвержденія именно той идеи, на борьбу съ которою обрекла себя. Поэтому, нѣтъ никакого интереса говорить съ славянофилами о томъ, чего они хотятъ, да и сами они неохотно говорятъ и пишутъ объ этомъ, хотя и не дѣлаютъ изъ этого никакой тайны. Дѣло въ томъ, что положительная сторона ихъ доктрины заключается въ какихъ-то туманныхъ мистическихъ предчувствіяхъ побѣды Востока надъ Западомъ, которыхъ несостоятельность слишкомъ ясно обнаруживается фактами дѣйствительности, всѣми вмѣстѣ и каждымъ порознь. Но отрицательная сторона ихъ ученія гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія, не въ томъ, что она говоритъ противъ гніющаго будто бы Запада (Запада славянофилы рѣшительно не понимаютъ, потому-что мѣряютъ его на восточный аршинъ); но въ томъ, что они говорятъ противъ русскаго европеизма, а объ этомъ они говорятъ много дѣльнаго, съ чемъ нельзя не согласиться хотя на половину, какъ напр., что въ русской жизни есть какая-то двойственность, слѣдовательно, отсутствіе нравственнаго единства; что это лишаетъ насъ рѣзко выразившагося національнаго характера, какимъ, къ чести ихъ, отличаются почти всѣ европейскіе народы; что это дѣлаетъ насъ какими-то междоумками, которые хорошо умѣютъ мыслить пофранцузски, понѣмецки и поанглійски, но никакъ не умѣютъ мыслить порусски; и что причина всего этого въ реформѣ Петра Великаго. Все это справедливо до извѣстной степени Но нельзя остановиться на признаніи справедливости какого-бы то ни было факта, а должно изслѣдовать его причины, въ надеждѣ въ самомъ злѣ найти и средства къ выходу изъ него. Этого славянофилы не дѣлали и не сдѣлали; но зато они заставили если не сдѣлать, то дѣлать это своихъ противниковъ. И вотъ гдѣ ихъ истинная заслуга. Заснуть въ самолюбивыхъ мечтахъ, о чемъ бы онѣ ни были — о нашей ли народной славѣ, или о нашемъ европеизмѣ, равно безплодно и вредно, ибо сонъ есть не жизнь, а только грезы о жизни; и нельзя не сказать спасибо тому, кто прерветъ такой сонъ. Въ самомъ дѣлѣ, никогда изученіе русской исторіи не имѣло такого серьёзнаго характера, какой приняло оно въ послѣднее время. Мы вопрошаемъ и допрашиваемъ прошедшее, чтобы оно объяснило намъ наше настоя-

Digitized by Google

щее и намекнуло о нашемъ будущемъ. Мы какъ будто испугались за нашу жизнь, за наше значеніе, за наше прошедшее и будущее, и скорѣе хотимъ рѣшить великій вопросъ: *Быть или не быть?* Тутъ уже дѣло идетъ не о томъ, откуда пришли Варяги — съ Запада или съ Юга, изъ-за Балтійскаго, или изъ-за Чернаго моря; а о томъ, проходитъ ли черезъ нашу исторію какая-нибудь живая органическая мысль, и если проходитъ, какая именно; какія наши отношенія къ нашему прошедшему, отъ котораго мы какъ будто оторваны, и къ Западу, съ которымъ мы какъ будто связаны. И результатомъ этихъ хлопотливыхъ и тревожныхъ изслѣдованій начинаетъ оказываться, что, во-первыхъ, мы не такъ рѣзко оторваны отъ нашего прошедшаго, какъ думали, и не такъ тѣсно связаны съ Западомъ, какъ воображали. Когда Русскій бываетъ за границею, его слушаютъ, имъ интересуются не тогда, какъ онъ истинно-европейски разсуждаетъ о европейскихъ вопросахъ, но когда онъ судитъ о нихъ, какъ Русскій, хотя бы по этой причинѣ сужденія его были ложны, пристрастны, ограниченны, односторонни. И потому, онъ чувствуетъ тамъ необходимость придать себѣ характеръ своей національности, и, за неимѣніемъ лучшаго, иногда становится славянофиломъ, хотя на время и притомъ неискренно, чтобы только чѣмъ-нибудь казаться въ глазахъ иностранцевъ. Съ другой стороны, обращаясь къ своему настоящему положенію, смотря на него глазами сомнѣнія и изслѣдованія, мы не можемъ не видѣть, какъ, во многихъ отношеніяхъ, смѣшно и жалко успокоилъ насъ нашъ русскій европеизмъ насчетъ нашихъ русскихъ недостатковъ, забѣливъ и зарумянивъ, но вовсе не изгладивъ ихъ. И въ этомъ отношеніи, поѣздки за границу чрезвычайно полезны намъ: многіе изъ Русскихъ отправляются туда рѣшительными европейцами, а возвращаются оттуда, сами не зная кѣмъ, и потому самому съ искреннимъ желаніемъ сдѣлаться Русскими. Что же все это означаетъ? — Неужели славянофилы правы, и реформа Петра Великаго только лишила насъ народности и сдѣлала междоумками? И неужели они правы, говоря, что намъ надо воротиться къ общественному устройству и нравамъ временъ не то баснословнаго Гостомысла, не то царя Алексѣя Михайловича (насчетъ этого сами господа славянофилы еще не условились между собою)?...

Нѣтъ, это означаетъ совсѣмъ другое, а именно то, что Россія вполнѣ исчерпала, изжила эпоху преобразованія, что реформа совершила въ ней свое дѣло, сдѣлала для нея все, что могла и должна была сдѣлать, и что настало для Россіи время развиваться самобытно, изъ самой себя. Но миновать, перескочить, перепрыгнуть, такъ сказать, эпоху реформы и воротиться къ предшествовавшимъ ей временамъ: неужели это значитъ развиваться самобытно? Смѣшно было

Digitized by Google

бы такъ думать уже по одному тому, что это такая же невозможность, какъ и перемѣнить порядокъ годовыхъ временъ, заставивъ за весною слѣдовать зиму, а за осенью – лѣто. Это значило бы еще признать явленіе Петра Великаго, его реформу и послѣдующія событія въ Россіи (можетъ быть до самаго 1812 года — эпохи, съ которой началась новая жизнь для Россіи), признать ихъ случайными, какимъ-то тяжелымъ сномъ, который тотчасъ изчезаетъ и уничтожается, какъ скоро проснувшійся человѣкъ открываетъ глаза. Но такъ думать сродно только господамъ Маниловымъ. Подобныя событія въ жизни народа слишкомъ велики, чтобъ быть случайными, и жизнь народа не есть утлая лодочка, которой каждый можетъ давать произвольное направленіе легкимъ движеніемъ весла. Вмѣсто того, чтобъ думать о невозможномъ и смѣшить всѣхъ на свой счетъ самолюбивымъ вмѣшательствомъ въ историческія судьбы, гораздо лучше, признавши неотразимую и неизмѣнимую дѣйствительность существующаго, дѣйствовать на его основаніи, руководясь разумомъ и здравымъ смысломъ, а не маниловскими фантазіями. Не объ измѣненіи того, что совершилось безъ нашего вѣдома и что смѣется надъ нашею волею, должны мы думать, а объ измѣненіи самихъ себя на основаніи уже указаннаго намъ пути высшею насъ волею. Дѣло въ томъ, что пора намъ перестать *казаться* и начать *быть*, пора оставить, какъ дурную привычку, довольствоваться словами и европейскія формы и внѣшности принимать за европеизмъ. Скажемъ болѣе: пора намъ перестать восхищаться европейскимъ потому только, что оно не азіятское, но любить, уважать его, стремиться къ нему потому только, что оно *человѣческое*, и на этомъ основаніи, все европейское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго, отвергать съ такою же энергіею, какъ и все азіятское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго. Европейскихъ элементовъ такъ много вошло въ русскую жизнь, въ русскіе нравы, что намъ вовсе не нужно безпрестанно обращаться къ Европѣ, чтобъ сознавать наши потребности: и на основаніи того, что уже усвоено нами отъ Европы, мы достаточно можемъ судить о томъ, что намъ нужно.

Повторяемъ: славянофилы правы во многихъ отношеніяхъ; но тѣмъ не менѣе ихъ роль чисто-отрицательная, хотя и полезная на время. Главная причина ихъ странныхъ выводовъ заключается въ томъ, что они произвольно упреждаютъ время, процессъ развитія принимаютъ за его результатъ, хотятъ видѣть плодъ прежде цвѣта, и находя листья безвкусными, объявляютъ плодъ гнилымъ и предлагаютъ огромный лѣсъ, разросшійся на необозримомъ пространствѣ, пересадить на другое мѣсто и приложить къ нему другого рода уходъ. По ихъ мнѣнію, это не легко, но возможно! Они забыли, что новая петровская Россія такъ же молода, какъ и сѣверная Аме-

Digitized by Google

рика, что въ будущемъ ей представляется гораздо больше, чѣмъ въ прошедшемъ. Они забыли, что въ разгарѣ процесса часто особенно бросаются въ глаза именно тѣ явленія, которыя, по окончаніи процесса, должны исчезнуть, и часто не видно именно того, что впослѣдствіи должно явиться результатомъ процесса. Въ этомъ отношеніи, Россію нечего сравнивать со старыми государствами Европы, которыхъ исторія шла діаметрально противоположно нашей, и давно уже дали и цвѣтъ и плодъ. Безъ всякаго сомнѣнія, Русскому легче усвоить себѣ взглядъ Француза, Англичанина или Нѣмца, нежели мыслить самостоятельно, порусски, потому-что то готовый взглядъ, съ которымъ равно легко знакомитъ его и наука и современная дѣйствительность; тогда-какъ онъ, въ отношеніи къ самому себѣ, еще загадка, потому-что еще загадка для него значеніе и судьба его отечества, гдѣ все зародыши, зачатки, и ничего опредѣленнаго, развившагося, сформировавшагося. Разумѣется, въ этомъ есть нѣчто грустное, но зато какъ много и утѣшительнаго въ этомъ же самомъ! Дубъ растетъ медленно, зато живетъ вѣка. Человѣку сродно желать скораго свершенія своихъ желаній, но скороспѣлость ненадежна: намъ болѣе, чѣмъ кому другому, должно убѣдиться въ этой истинѣ. Извѣстно, что Французы, Англичане, Нѣмцы такъ національны каждый посвоему, что не въ состояніи понимать другъ друга, — тогда-какъ Русскому равно доступны и соціальность Француза и практическая дѣятельность Англичанина, и туманная философія Нѣмца. Одни видятъ въ этомъ наше превосходство передъ всѣми другими народами; другіе выводятъ изъ этого весьма печальныя заключенія о безхарактерности, которую воспитала въ насъ реформа Петра: ибо, говорятъ они, у кого нѣтъ своей жизни, тому легко подѣлываться подъ чужую, у кого нѣтъ своихъ интересовъ, тому легко понимать чужіе; но подѣлываться подъ чужую жизнь не значитъ жить, понять чужіе интересы не значитъ усвоить ихъ себѣ. Въ послѣднемъ мнѣніи много правды, но не совсѣмъ лишено истины и первое мнѣніе, какъ ни заносчиво оно. Прежде всего мы скажемъ, что рѣшительно не вѣримъ въ возможность крѣпкаго политическаго и государственнаго существованія народовъ, лишенныхъ національности, слѣдовательно, живущихъ чисто-внѣшнею жизнію. Въ Европѣ есть одно такое искусственное государство, склеенное изъ многихъ національностей; но кому же не извѣстно, что его крѣпость и сила — до поры и времени?... Намъ, Русскимъ, нечего сомнѣваться въ нашемъ политическомъ и государственномъ значеніи: изъ всѣхъ славянскихъ племенъ, только мы сложились въ крѣпкое и могучее государство, и какъ до Петра Великаго, такъ и послѣ него, до настоящей минуты, выдержали съ честію не одно суровое испы-

Digitized by Google

таніе судьбы, не разъ были на краю гибели, и всегда успѣвали спасаться отъ нея и потомъ являться въ новой и большей силѣ и крѣпости. Въ народѣ, чуждомъ внутренняго развитія, не можетъ быть этой крѣпости, этой силы. Да, въ насъ есть національная жизнь, мы призваны сказать міру свое слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль, — объ этомъ пока еще рано намъ хлопотать. Наши внуки или правнуки узнаютъ это безъ всякихъ усилій напряженнаго разгадыванія, потому-что это слово, эта мысль будетъ сказана ими... Такъ какъ русская литература есть главный предметъ нашей статьи, то въ настоящемъ случаѣ будетъ очень естественно сослаться на ея свидѣтельство. Она существуетъ всего какихъ нибудь *сто-семь лѣтъ*, а между-тѣмъ въ ней уже есть нѣсколько произведеній, которыя потому только и интересны для иностранцевъ, что кажутся имъ не похожими на произведенія ихъ литературъ, слѣдовательно, оригинальными, самобытными, т. е. національно-русскими. Но въ чемъ состоитъ эта русская національность, — этого пока еще нельзя опредѣлить; для насъ пока довольно того, что элементы ея уже начинаютъ пробиваться и обнаруживаться сквозь безцвѣтность и подражательность, въ которыя ввергла насъ реформа Петра Великаго....

Что же касается до многосторонности, съ какою русскій человѣкъ понимаетъ чуждыя ему національности, — въ этомъ заключается равно и его слабая и его сильная сторона. Слабая потому, что этой многосторонности дѣйствительно много помогаетъ его настоящая независимость отъ односторонности собственныхъ національныхъ интересовъ. Но можно сказать съ достовѣрностію, что эта независимость только *помогаетъ* этой многосторонности; а едва можно сказать съ какою-нибудь достовѣрностію, чтобы она *производила* ее. По крайней мѣрѣ, намъ кажется, что было бы слишкомъ смѣло приписывать положенію то, что всего болѣе должно приписывать природной даровитости. Не любя гаданій и мечтаній и пуще всего боясь произвольныхъ, личныхъ выводовъ, мы не утверждаемъ за непреложное, что русскому народу предназначено выразить въ своей національности наиболѣе богатое и многостороннее содержаніе, и что въ этомъ заключается причина его удивительной способности воспринимать и усвоивать себѣ все чуждое ему; но смѣемъ думать, что подобная мысль, какъ предположеніе, высказываемое безъ самохвальства и фанатизма, не лишена основанія....

Просимъ извиненіе у гг. славянофиловъ, если мы приписали имъ что-нибудь такое, чего они не думали или не говорили: еслибы они могли упрекнуть насъ въ чемъ-нибудь подобномъ, пусть примутъ это за простую и неумышленную ошибку съ нашей стороны. Каковы

Digitized by Google

бы ни были ихъ понятія, или, по нашему, ошибки и заблужденія, мы уважаемъ ихъ источникъ. Мы можемъ сочувствовать всякому искреннему, независимому и благородному, въ его началѣ, убѣжденію, не только не раздѣляя его, но и видя въ немъ діаметральную противоположность нашему убѣжденію. На чьей сторонѣ истина — разсудитъ время — великій и непогрѣшительный судья всѣхъ умственныхъ и теоретическихъ тяжбъ. Журналъ, который теперь одинъ остался органомъ славянофильскаго направленія, объявилъ нѣкогда «непримиримую вражду» всякому противоположному направленію. Что̀ касается до насъ, имѣя свое опредѣленное направленіе, свои горячія убѣжденія, которыя намъ дороже всего на свѣтѣ, мы тоже готовы защищать ихъ всѣми силами нашими и вмѣстѣ съ тѣмъ противоборствовать всякому противоположному направленію и убѣжденію; но мы хотѣли бы защищать наши мнѣнія съ достоинствомъ, а противоположнымъ противоборствовать съ твердостію и спокойствіемъ, безъ всякой вражды. Къ чему вражда? Кто враждуетъ, тотъ сердится, а кто сердится, тотъ чувствуетъ, что онъ не правъ. Мы имѣемъ самолюбіе до того считать себя правыми въ главныхъ основаніяхъ нашихъ убѣжденій, что не имѣемъ никакой нужды враждовать и сердиться, смѣшивать идеи съ лицами, и вмѣсто благородной и позволенной борьбы мнѣній заводить безполезную и неприличную борьбу личностей и самолюбій....

На свѣтѣ нѣтъ ничего безусловно важнаго или неважнаго. Противъ этой истины могутъ спорить только тѣ исключительно-теоретическія натуры, которыя до тѣхъ поръ и умны, пока носятся въ общихъ отвлеченностяхъ, а какъ скоро спустятся въ сферу приложеній общаго къ частному, словомъ, въ міръ дѣйствительности, тотчасъ оказываются сомнительными на счетъ нормальнаго состоянія ихъ мозга. О такихъ людяхъ русская поговорка выражается, что у нихъ *ума за разумъ зашелъ*, — выраженіе, столько же глубокомысленное, сколько и справедливое, потому-что оно не отнимаетъ у людей этого разбора ни ума, ни разсудка, но только указываетъ на ихъ неправильныя, превратныя дѣйствія, словно на два испортившіяся колеса въ машинѣ, которыя дѣйствуютъ одно за другое, вопреки своему назначенію, и этимъ дѣлаютъ всю машину негодною къ употребленію. Итакъ, все на свѣтѣ только относительно важно или не важно, велико или мало, старо или ново. «Какъ, — скажутъ намъ — и истина и добродѣтель — понятія относительныя?» — Нѣтъ, какъ *понятіе*, какъ *мысль*, онѣ безусловны и вѣчны; но какъ *осуществленіе*, какъ *фактъ*, онѣ относительны. Идея истины и добра признавалась всѣми народами, во всѣ вѣка; но что̀ непреложная истина, что̀ добро для одного народа или вѣка, то̀ часто бываетъ ложью

Digitized by Google

и зломъ для другого народа, въ другой вѣкъ. Поэтому, безусловный, или абсолютный способъ сужденія есть самый легкій, но зато и самый ненадежный; теперь онъ называется абстрактнымъ, или отвлеченнымъ. Ничего нѣтъ легче, какъ опредѣлить, чѣмъ долженъ быть человѣкъ въ нравственномъ отношеніи; но ничего нѣтъ труднѣе, какъ показать, почему вотъ этотъ человѣкъ сдѣлался тѣмъ, что онъ есть, а не сдѣлался тѣмъ, чѣмъ бы ему, по теоріи нравственной философіи, слѣдовало быть.

Вотъ точка зрѣнія, съ которой мы находимъ признаки зрѣлости современной русской литературы въ явленіяхъ, повидимому, самыхъ обыкновенныхъ. Присмотритесь, прислушайтесь: о чемъ больше всего толкуютъ наши журналы? — о народности, о дѣйствительности. На что больше всего нападаютъ они? — на романтизмъ, мечтательность, отвлеченность. О нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ много было толковъ и прежде, да не тотъ они имѣли смыслъ, не то значеніе. Понятіе о «дѣйствительности» совершенно новое; на «романтизмъ» прежде смотрѣли, какъ на альфу и омегу человѣческой мудрости, и въ немъ одномъ искали рѣшенія всѣхъ вопросовъ; понятіе о «народности» имѣло прежде исключительно-литературное значеніе, безъ всякаго приложенія къ жизни. Оно, если хотите, и теперь обращается преимущественно въ сферѣ литературы; но разница въ томъ, что литература-то теперь сдѣлалась эхомъ жизни. Какъ судятъ теперь объ этихъ предметахъ — вопросъ другой. По обыкновенію, одни лучше, другіе хуже, но почти всѣ одинаково въ томъ отношеніи, что въ рѣшеніи этихъ вопросовъ видятъ какъ будто собственное спасеніе. Въ-особенности, вопросъ о «народности» сдѣлался всеобщимъ вопросомъ и проявился въ двухъ крайностяхъ. Одни смѣшали съ народностью старинные обычаи, сохранившіеся теперь только въ простонародьи, и не любятъ, чтобы при нихъ говорили съ неуваженіемъ о курной и грязной избѣ, о рѣдькѣ и квасѣ, даже о сивухѣ; другіе, сознавая потребность высшаго національнаго начала и не находя его въ дѣйствительности, хлопочутъ выдумать свое, и неясно, намеками указываютъ намъ на *смиреніе*, какъ на выраженіе русской національности. Съ первыми смѣшно спорить; но вторымъ можно замѣтить, что смиреніе есть, въ извѣстныхъ случаяхъ, весьма похвальная добродѣтель для человѣка всякой страны, для Француза какъ и для Русскаго, для Англичанина, какъ и для Турка, но что она едва ли можетъ одна составить то, что называется «народностію». Притомъ же, этотъ взглядъ, можетъ быть, превосходный въ теоретическомъ отношеніи, не совсѣмъ уживается съ историческими фактами. Удѣльный періодъ нашъ отличается скорѣе гордынею и драчливостью, нежели смиреніемъ. Татарамъ поддались мы совсѣмъ не отъ смиренія (что

Digitized by Google

было бы для насъ не честью, а безчестіемъ, какъ и для всякаго другаго народа), а по безсилію, вслѣдствіе раздѣленія нашихъ силъ родовымъ, кровнымъ началомъ, положеннымъ въ основаніе правительственной системы того времени. Іоаннъ Калита былъ хитеръ, а не смиренъ; Симеонъ даже прозванъ былъ «гордымъ»; а эти князья были первоначальниками силы Московскаго Царства. Димитрій Донской мечемъ, а не смиреніемъ предсказалъ Татарамъ конецъ ихъ владычества надъ Русью. Іоанны III и IV, оба прозванные «грозными», не отличались смиреніемъ. Только слабый Ѳеодоръ составляетъ исключеніе изъ правила. И вообще, както странно видѣть въ смиреніи причину, по которой ничтожное Московское Княжество сдѣлалось впослѣдствіи сперва Московскимъ Царствомъ, а потомъ Россійскою Имперіею, пріосѣнивъ крыльями двуглаваго орла, какъ свое достояніе, Сибирь, Малороссію, Бѣлоруссію, Новороссію, Крымъ, Бессарабію, Лифляндію, Эстляндію, Курляндію, Финляндію, Кавказъ.... Конечно, въ русской исторіи можно найти поразительныя черты смиренія, какъ и другихъ добродѣтелей, со стороны правительственныхъ и частныхъ лицъ; но въ исторіи какого же народа нельзя найти ихъ, и чѣмъ какой-нибудь Людовикъ IX уступаетъ въ смиреніи Ѳеодору Іоанновичу?... Толкуютъ еще о *любви*, какъ о національномъ началѣ, исключительно присущемъ однимъ славянскимъ племенамъ, въ ущербъ галльскимъ, тевтонскимъ и инымъ западнымъ. Эта мысль у нѣкоторыхъ обратилась въ истинную манію, такъ-что кто-то изъ этихъ «нѣкоторыхъ» рѣшился даже печатно сказать, что русская земля смочена слезами, а отнюдь не кровью, и что слезами, а не кровью, отдѣлались мы нетолько отъ Татаръ но и отъ нашествія Наполеона.... Не правда ли, что въ этихъ словахъ высокій образецъ ума, зашедшаго за разумъ, вслѣдствіе увлеченія системою, теоріею, несообразною съ дѣйствительностію?... Мы, напротивъ, думаемъ, что любовь есть свойство человѣческой натуры вообще и такъ же не можетъ быть исключительною принадлежностію одного народа или племени, какъ и дыханіе, зрѣніе, голодъ, жажда, умъ, слово.... Ошибка тутъ въ томъ, что относительное принято за безусловное. Завоевательная система, положившая основаніе европейскимъ государствамъ, тотчасъ же породила тамъ чисто-юридическій бытъ, въ которомъ само насиліе и угнѣтеніе приняло видъ не произвола, а закона. У Славянъ же, напротивъ, господствовалъ обычай, вышедшій изъ кроткихъ и любовныхъ патріархальныхъ отношеній. Но долго ли продолжался этотъ патріархальный бытъ и что́ мы знаемъ о немъ достовѣрнаго? Еще до удѣльнаго періода встрѣчаемъ мы въ русской исторіи черты вовсе нелюбовныя — хитраго воителя Олега, суроваго воителя Святослава, потомъ Свято-

Digitized by Google

полка (убійцу Бориса и Глѣба) дѣтей Владиміра, возставшихъ на своего отца, и т. п. Это, скажутъ, занесли къ намъ Варяги, и — прибавимъ мы отъ себя — положили этимъ начало извращенію любовнаго патріархальнаго быта. Изъ чего же въ такомъ случаѣ и хлопотать? Удѣльный періодъ также мало періодъ любви, какъ и смиренія; это скорѣе періодъ рѣзни, обратившейся въ обычай. О татарскомъ періодѣ нечего и говорить: тогда лицемѣрное и предательское смиреніе было нужнѣе и любви и настоящаго смиренія. Пытки, казни періода Московскаго Царства и послѣдующихъ временъ, до самаго царствованія Екатерины Великой, опять посылаютъ насъ искать любви въ до-историческія времена Славянъ. Гдѣ жъ тутъ любовь, какъ національное начало? Національнымъ началомъ она никогда и не была, но была человѣческимъ началомъ, поддерживавшимся въ племени его историческимъ, или, лучше сказать, его неисторическимъ положеніемъ. Положеніе измѣнилось, измѣнились и патріархальные нравы, а съ ними изчезла и любовь, какъ бытовая сторона жизни. Ужь не возвратиться ли намъ къ этимъ временамъ? Почему жь бы и не такъ, если это такъ же легко, какъ старику сдѣлаться юношей, а юношѣ — младенцемъ?...

Естественно, что подобныя крайности вызываютъ такія же противоположныя имъ крайности. Одни бросились въ фантастическую народность; другіе — въ фантастическій космополитизмъ, во имя человѣчества. По мнѣнію послѣднихъ, національность происходитъ отъ чисто-внѣшнихъ вліяній, выражаетъ собою все, что̀ есть въ народѣ неподвижнаго, грубаго, ограниченнаго, неразумнаго, и діаметрально противополагается всему человѣческому. Чувствуя же, что нельзя отрицать въ народѣ и человѣческаго, противоположнаго, по ихъ мнѣнію, національному, они раздѣляютъ недѣлимую личность народа на большинство и меньшинство, приписывая послѣднему качества, діаметрально противоположныя качествамъ перваго. Такимъ образомъ, безпрестанно нападая на какой-то *дуализмъ*, который они видятъ всюду, даже тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ, они сами впадаютъ въ крайность самаго отвлеченнаго дуализма. Великіе люди, по ихъ понятію, стоятъ внѣ своей національности, и вся заслуга, все величіе ихъ въ томъ и заключаются, что они идутъ прямо противъ своей національности, борятся съ нею и побѣждаютъ ее. Вотъ истинно русское и, въ этомъ отношеніи, рѣзко-національное мнѣніе, которое не могло бы притти въ голову Европейцу! Это мнѣніе вытекло прямо изъ ложнаго взгляда на реформу Петра Великаго, который, по общему въ Россіи мнѣнію, будто бы уничтожилъ русскую народность. Это мнѣніе тѣхъ, которые народность видятъ въ обычаяхъ и предразсудкахъ, не понимая, что въ нихъ дѣйствительно отражается на-

Digitized by Google

родность, но что они одни отнюдь еще не составляютъ народности. Раздѣлить народное и человѣческое на два совершенно-чуждыя, даже враждебныя одно другому начала, значитъ впасть въ самый абстрактный, въ самый книжный дуализмъ.

Что составляетъ въ человѣкѣ его высшую, его благороднѣйшую дѣйствительность? — Конечно, то, что мы называемъ его духовностію, т. е. чувство, разумъ, воля, въ которыхъ выражается его вѣчная, непреходящая, необходимая сущность. А что считается въ человѣкѣ низшимъ, случайнымъ, относительнымъ, преходящимъ? — Конечно, его тѣло. Извѣстно, что наше тѣло мы съиздѣтства привыкли презирать, можетъ быть, потому именно, что, вѣчно живя въ логическихъ фантазіяхъ, мы мало его знаемъ. Врачи, напротивъ, больше другихъ уважаютъ тѣло, потому-что больше другихъ знаютъ его. Вотъ почему отъ болѣзней, чисто-нравственныхъ, они лечатъ иногда средствами чисто-матеріяльными, и наоборотъ. Изъ этого видно, что врачи, уважая тѣло, не презираютъ души: они только не презираютъ тѣла, уважая душу. Въ этомъ отношеніи, они похожи на умнаго агронома, который съ уваженіемъ смотритъ не только на богатство получаемыхъ имъ отъ земли зеренъ, но и на самую землю, которая ихъ произрастила, и даже на грязный, нечистый и вонючій навозъ, который усилилъ плодотворность этой земли. — Вы, конечно, очень цѣните въ человѣкѣ чувство? — Прекрасно! — такъ цѣните же и этотъ кусокъ мяса, который трепещетъ въ его груди, который вы называете сердцемъ, и котораго замедленное или ускоренное біеніе вѣрно соотвѣтствуетъ каждому движенію вашей души. — Вы, конечно, очень уважаете въ человѣкѣ умъ? — Прекрасно! — такъ останавливайтесь же въ благоговѣйномъ изумленіи и передъ этою массою мозга, гдѣ происходятъ всѣ умственныя отправленія, отнуда по всему организму распространяются, черезъ позвоночный хребетъ, нити нервъ, которыя суть органы ощущеній и чувствъ, и которыя исполнены какихъ-то до того тонкихъ жидкостей, что онѣ ускользаютъ отъ матеріяльнаго наблюденія и не даются умозрѣнію. Иначе, вы будете удивляться въ человѣкѣ слѣдствію мимо причины, или — что еще хуже — сочинять свои небывалыя въ природѣ причины и удовлетворитесь ими. Психологія, не опирающаяся на физіологію, такъ же не состоятельна, какъ и физіологія, не знающая о существованіи анатоміи. Современная наука не удовольствовалась и этимъ: химическимъ анализомъ хочетъ она проникнуть въ таинственную лабораторію природы, а наблюденіемъ надъ эмбріономъ (зародышемъ) проследить таинственный процессъ развитія организма. Но это внутренній міръ физіологической жизни человѣка; всѣ его сокровенныя отъ насъ дѣйствія, какъ результатъ, выказываются наружѣ въ

Digitized by Google

лицѣ, взглядѣ, голосѣ, даже манерахъ человѣка. А между тѣмъ, что такое лицо, глаза, голосъ, манеры? Вѣдь это все — тѣло, внѣшность, слѣдовательно, все преходящее, случайное, ничтожное, потому-что вѣдь все это — не чувство, не умъ, не воля? — такъ! но вѣдь во всемъ этомъ мы *видимъ* и *слышимъ* и чувство, и умъ, и волю. — Сколько на свѣтѣ людей съ душою, съ чувствомъ, но у каждаго изъ нихъ чувство имѣетъ свой характеръ, свою особенность. Сколько на свѣтѣ умныхъ людей, и между тѣмъ у каждаго изъ нихъ свой умъ. Это не значитъ, чтобы умы у людей были разные. въ такомъ случаѣ люди не могли бы понимать другъ друга; но это значитъ, что у самаго ума есть своя индивидуальность. Въ этомъ его ограниченность, и поэтому умъ величайшаго генія всегда неизмѣримо ниже ума всего человѣчества: но въ этомъ же и его дѣйствительность, его реальность. Умъ безъ плоти, безъ физіономіи, умъ, не дѣйствующій на кровь и не принимающій на себя ея дѣйствія, есть логическая мечта, мертвый абстрактъ. Умъ — это человѣкъ въ тѣлѣ, или, лучше сказать, человѣкъ черезъ тѣло, словомъ, *личность*. Отъ-того на свѣтѣ столько умовъ, сколько людей, и только у человѣчества одинъ умъ. Посмотрите: сколько нравственныхъ оттѣнковъ въ человѣческой натурѣ: у одного умъ едва замѣтенъ изъ-за сердца, у другаго сердце какъ будто помѣстилось въ мозгу; этотъ страшно уменъ и способенъ на дѣло, да ничего сдѣлать не можетъ, потому-что нѣтъ у него воли; а у того страшная воля да слабая голова, и изъ его дѣятельности выходитъ или вздоръ, или зло. Перечесть этихъ оттѣнковъ также невозможно, какъ перечесть различія физіономій: сколько людей, столько и лицъ, и двухъ совершенно схожихъ найти еще менѣе возможно, нежели найти два древесные листка, совершенно схожіе между собою... Когда вы влюблены въ женщину, не говорите, что вы обольщены прекрасными качествами ея ума и сердца: иначе, когда умъ укажутъ на другую, которой нравственныя качества выше, вы обязаны будете перелюбиться и оставить первый предметъ своей любви для новаго, какъ оставляютъ хорошую книгу для лучшей. Нельзя отрицать вліянія нравственныхъ качествъ на чувство любви, но когда любятъ человѣка, любятъ его всего, не какъ идею, а какъ живую личность; любятъ въ немъ особенно то, чего не умѣютъ ни опредѣлить, ни назвать Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы опредѣлили и назвали вы, напримѣръ, то неуловимое выраженіе, ту таинственную игру его физіономіи, его голоса, словомъ, все то, что составляетъ его особность, что дѣлаетъ его не похожимъ на другихъ, и за что именно вы больше всего и любите его? Иначе, зачѣмъ бы вамъ было рыдать въ отчаяніи надъ трупомъ любимаго вами существа? — Вѣдь съ нимъ

Digitized by Google

не умерло то, что было въ немъ лучшаго, благороднѣйшаго, что называли вы въ немъ духовнымъ и нравственнымъ, — а умерло только грубо-матеріяльное, случайное?... Но объ этомъ-то случайномъ и рыдаете вы горько, потому-что воспоминаніе о прекрасныхъ качествахъ человѣка не замѣнятъ вамъ человѣка, какъ умирающаго отъ голода не насытитъ воспоминаніе о роскошномъ столѣ, которымъ онъ недавно наслаждался. Я охотно соглашусь съ спиритуалистами, что мое сравненіе грубо, но зато оно вѣрно, а это для меня главное. Державинъ сказалъ:

Такъ! весь я не умру; но часть меня большая
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить.

Противъ дѣйствительности такого безсмертія нечего сказать, хотя оно и не утѣшитъ людей близкихъ поэту; но что передаетъ поэтъ потомству, въ своихъ созданіяхъ, если не свою личность? Не будь онъ личность больше, чѣмъ кто-нибудь, личность по-преимуществу, его созданія были бы безцвѣтны и блѣдны. Отъ этого творенія каждаго великаго поэта представляютъ собою совершенно особенный, оригинальный міръ, и между Гомеромъ, Шекспиромъ, Байрономъ, Сервантесомъ, Вальтеромъ-Скоттомъ, Гёте и Жоржъ Сандомъ общаго только то, что всѣ они — великіе поэты....

Но что же эта личность которая даетъ реальность и чувству, и уму, и волѣ, и генію, и безъ которой, все — или фантастическая мечта, или логическая отвлеченность? Я много могъ бы наговорить вамъ объ этомъ, читатели; но предпочитаю лучше откровенно сознаться вамъ, что чѣмъ живѣе созерцаю внутри себя сущность личности, тѣмъ менѣе умѣю опредѣлить ее словами. Это такая же тайна, какъ и жизнь: всѣ ее видятъ, всѣ ощущаютъ себя въ ея нѣдрахъ, и никто не скажетъ вамъ, что она такое. Такъ точно, ученые, хорошо зная дѣйствіе и силы дѣятелей природы, каковы электричество, гальванизмъ, магнетизмъ, и потому нисколько не сомнѣваясь въ ихъ существованіи, все-таки не умѣютъ сказать, что они такое. Страннѣе всего, что все, что мы можетъ сказать о личности, ограничивается тѣмъ, что она ничтожна передъ чувствомъ, разумомъ, волею, добродѣтелью, красотою и тому подобными вѣчными и непреходящими идеями; но что безъ нея, преходящаго и случайнаго явленія, не было бы ни чувства, ни ума, ни воли, ни добродѣтели, ни красоты, такъ же, какъ не было бы ни безчувственности, ни глупости, ни безхарактерности, ни порока, ни безобразія....

Что *личность* въ отношеніи къ *идеѣ* человѣка, то *народность* въ отношеніи къ *идеѣ* человѣчества. Другими словами: народности

Digitized by Google

суть личность человѣчества. Безъ національностей, человѣчество было бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія. Въ отношеніи къ этому вопросу, я скорѣе готовъ перейти на сторону славянофиловъ, нежели оставаться на сторонѣ гуманическихъ космополитовъ, потому-что если первые и ошибаются, то какъ люди, какъ живыя существа, а вторые и истину-то говорятъ какъ такое-то изданіе такой-то логики.... Но къ счастію, я надѣюсь остаться на своемъ мѣстѣ, не переходя ни къ кому....

Человѣческое присуще человѣку потому, что онъ — человѣкъ; но оно проявляется въ немъ не иначе, какъ, во первыхъ, на основаніи его собственной личности и въ той мѣрѣ, въ какой она можетъ его вмѣстить въ себѣ, а во вторыхъ, на основаніи его національности. Личность человѣка есть исключеніе другихъ личностей и, потому самому, есть ограниченіе человѣческой сущности: ни одинъ человѣкъ, какъ бы ни велика была его геніальность, никогда не изчерпаетъ самимъ собою не только всѣхъ сферъ жизни, но даже и одной какой-нибудь ея стороны. Ни одинъ человѣкъ не только не можетъ замѣнить самимъ собою всѣхъ людей (т. е. сдѣлать ихъ существованіе не нужнымъ), но даже и ни одного человѣка, какъ бы онъ ни былъ ниже его въ нравственномъ или умственномъ отношеніи; но всѣ и каждый необходимы всѣмъ и каждому. На этомъ и основано единство и братство человѣческаго рода. Человѣкъ силенъ и обезпеченъ только въ обществѣ; но чтобы и общество, въ свою очередь, было сильно и обезпечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь — *національность*. Она есть самобытный результатъ соединенія людей, но не есть ихъ произведеніе: ни одинъ народъ не создалъ своей національности, какъ не создалъ самого себя. Это указываетъ на кровное, родовое происхожденіе всѣхъ національностей. Чѣмъ ближе человѣкъ или народъ къ своему началу, тѣмъ ближе онъ къ природѣ, тѣмъ болѣе онъ ея рабъ; тогда онъ не человѣкъ, а ребенокъ, не народъ, а племя. Въ томъ и другомъ человѣческое развивается по мѣрѣ ихъ освобожденія отъ естественной непосредственности. Этому освобожденію часто способствуютъ разныя внѣшнія причины; но человѣческое тѣмъ не менѣе приходитъ къ народу не извнѣ, а изъ него же самого, и всегда проявляется въ немъ національно.

Собственно говоря, борьба человѣческаго съ національнымъ есть не больше, какъ реторическая фигура; но въ дѣйствительности ея нѣтъ. Даже и тогда, когда прогрессъ одного народа совершается черезъ заимствованіе у другого, онъ тѣмъ не менѣе совершается національно. Иначе нѣтъ прогресса. Когда народъ поддается напору чуж-

Digitized by Google

дыхъ ему идей и обычаевъ, не имѣя въ себѣ силы переработывать ихъ, самодѣятельностію собственной національности, въ собственную же сущность,—тогда онъ гибнетъ политически. На свѣтѣ много людей, извѣстныхъ подъ именемъ «пустыхъ»: они умны чужимъ умомъ, ни о чемъ не имѣютъ своего мнѣнія, а между тѣмъ учатся и слѣдятъ за всѣмъ на свѣтѣ. Пустота ихъ въ томъ и состоитъ, что они заимствуютъ цѣликомъ, и ихъ мозгъ не перевариваетъ чужой мысли, а передаетъ ее, черезъ языкъ, въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ принялъ ее. Это люди безличные, потому-что чѣмъ человѣкъ личнѣе, тѣмъ способнѣе обращать чужое въ свое, т. е. налагать на него отпечатокъ своей личности. Что человѣкъ безъ личности, то народъ безъ національности. Это доказывается тѣмъ, что всѣ націи, игравшія и играющія первыя роли въ исторіи человѣчества, отличались и отличаются наиболѣе-рѣзкою національностію. Вспомните Евреевъ, Грековъ, и Римлянъ; посмотрите на Французовъ, Англичанъ, Нѣмцевъ. Въ наше время, народныя вражды и антипатіи погасли совершенно. Французъ уже не питаетъ ненависти къ Англичанину только зато, что онъ — Англичанинъ, и наоборотъ. Напротивъ, со дня на день болѣе и болѣе, обнаруживается въ наше время сочувствіе и любовь народа къ народу. Это утѣшительное, гуманное явленіе есть результатъ просвѣщенія. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы просвѣщеніе сглаживало народности и дѣлало всѣ народы похожими одинъ на другой, какъ двѣ капли воды. Напротивъ, наше время есть по-преимуществу время сильнаго развитія національностей. Французъ хочетъ быть Французомъ, и требуетъ отъ Нѣмца, чтобы тотъ былъ Нѣмцемъ, и только на этомъ основаніи и интересуется имъ. Въ такихъ точно отношеніяхъ находятся теперь другъ къ другу всѣ европейскіе народы. А между-тѣмъ они нещадно заимствуютъ другъ у друга, нисколько не боясь повредить своей національности. Исторія говоритъ, что подобныя опасенія могутъ быть дѣйствительны только для народовъ нравственно-безсильныхъ и ничтожныхъ. Древняя Эллада была наслѣдницею всего предшествовавшаго ей древняго міра Въ ея составъ вошли элементы египетскіе и финикійскіе, кромѣ основного пелазгическаго. Римляне приняли въ себя, такъ сказать, весь древній міръ, и все-таки остались Римлянами, и если пали; то не отъ внѣшнихъ заимствованій, а оттого, что были послѣдними представителями изчерпавшаго всю жизнь свою древняго міра, долженствовавшаго обновиться черезъ христіанство и тевтонскихъ варваровъ. Французская литература долгое время рабски подражала греческой и латинской, наивно грабила ихъ заимствованіями, — и все-таки оставалась національно-французскою. Все отрицательное движеніе Французской литературы XVIII вѣка вышло изъ Англіи; но

Digitized by Google

Французы до того имѣли усвоить его себѣ, наложивъ на него печать своей національности, что никто и не думаетъ оспаривать у нихъ литературы чести самобытнаго развитія. Нѣмецкая философія пошла отъ Француза Декарта, нисколько не сдѣлавшись отъ этого французскою.

Раздѣленіе народа на противоположныя и враждебныя будто бы другъ другу большинство и меньшинство, можетъ быть, и справедливо со стороны логики, но рѣшительно ложно со стороны здраваго смысла. Меньшинство всегда выражаетъ собою большинство, въ хорошемъ или въ дурномъ смыслѣ. Еще страннѣе приписать большинству народа только дурныя качества, а меньшинству одни хорошія. Хороша была бы французская нація, еслибы о ней стали судить по развратному дворянству временъ Людовика XV-го! Этотъ примѣръ указываетъ, что меньшинство скорѣе можетъ выражать собою болѣе дурныя, нежели хорошія стороны національности народа, потому-что оно живетъ искусственною жизнію, когда противополагаетъ себя большинству, какъ что-то отдѣльное отъ него и чуждое ему. Это видимъ мы и въ современной намъ Франціи, въ лицѣ bourgeoisie, — господствующаго теперь въ ней сословія. Что же касается до великихъ людей, — они по-преимуществу дѣти своей страны. Великій человѣкъ всегда національнъ какъ его народъ, ибо онъ по тому и великъ, что представляетъ собою свой народъ. Борьба генія съ народомъ не есть борьба человѣческаго съ національнымъ, а просто на просто новаго со старымъ, идеи съ эмпиризмомъ, разума съ предразсудками. Масса всегда живетъ привычкою, и разумнымъ, истиннымъ и полезнымъ считаетъ только то, къ чему привыкла. Она защищаетъ съ остервенѣніемъ то *старое*, противъ котораго, вѣкомъ или менѣе назадъ, съ остервенѣніемъ же боролась она, какъ противъ *новаго*. Противодѣйствіе массы генію необходимо: это съ ея стороны экзаменъ генію: если онъ возметъ свое, ни на что несмотря, значитъ, онъ точно геній, т. е. въ самомъ себѣ носитъ свое право дѣйствовать на судьбы своего отечества. Иначе всякій резонёръ, всякій мечтатель, всякій философъ, всякій маленькій великій человѣкъ сталъ бы обходиться съ народомъ, какъ съ лошадью, направляя его по волѣ своихъ прихотей и фантазій то въ ту, то въ другую сторону...

Нѣтъ никакой необходимости раздѣляться народу на самого себя, чтобы доставить себѣ источникъ новыхъ идей. Источникъ всего новаго есть старое; по крайней мѣрѣ, старымъ приготовляется новое. Въ геніи не столько поражаетъ находчивость новаго, сколько смѣлость противопоставить его старому и произвести между ними борьбу на смерть. Необходимость нововведеній въ Россіи чувствовали еще предшественники Петра; она указывалась настоящимъ положеніемъ

Digitized by Google

государства; но произвести реформу могъ только Петръ Для этого ему вовсе не нужно было предполагать себя во враждебныхъ отношеніяхъ къ своему народу; но, напротивъ, нужно было знать и любить его, сознавать свое кровное единство съ нимъ. Что въ народѣ безсознательно живетъ какъ возможность, то въ геніи является, какъ осуществленіе, какъ дѣйствительность. Народъ относится къ своимъ великимъ людямъ, какъ почва къ растеніямъ, которыя производитъ она. Тутъ единство, а не раздѣленіе, не двойственность. И вопреки *силлогистамъ* (новое слово!), для великаго поэта нѣтъ большей чести, какъ быть въ высшей степени національнымъ, потому-что иначе онъ и не можетъ быть великимъ. То, что называютъ резонёры *человѣческимъ*, противополагая его *національному*, есть въ сущности *новое*, непосредственно и логически слѣдующее изъ *стараго*, хотя бы оно и было чистымъ его отрицаніемъ. Когда крайность какого-нибудь принципа доводится до нелѣпости, изъ нея одинъ естественный путь-переходъ въ противоположную крайность. Это въ натурѣ и человѣка и народовъ. Слѣдовательно, источникъ всякаго прогресса, всякаго движенія впередъ заключается не въ двойственности народовъ, а въ человѣческой натурѣ, такъ же, какъ въ ней заключается и источникъ уклоненій отъ истины, косности и неподвижности.

Важность теоретическихъ вопросовъ зависитъ отъ ихъ отношенія къ дѣйствительности. То, что *для* насъ, Русскихъ, еще важные вопросы, давно уже рѣшено въ Европѣ, давно уже составляетъ тамъ простыя истины жизни, въ которыхъ никто не сомнѣвается, о которыхъ никто не споритъ, въ которыхъ всѣ согласны. И — что всего лучше — эти вопросы рѣшены тамъ самою жизнію, или, если творія и имѣла участіе въ ихъ рѣшеніи, то при помощи дѣйствительности. — Но это нисколько не должно отнимать у насъ смѣлости и охоты заниматься рѣшеніемъ такихъ вопросовъ, потому-что пока не рѣшимъ мы ихъ сами собою и *для* самихъ себя, намъ не будетъ никакой пользы въ томъ, что они рѣшены въ Европѣ. Перенесенные на почву нашей жизни, эти вопросы тѣ же, да не тѣ, и требуютъ другого рѣшенія. — Теперь Европу занимаютъ новые великіе вопросы. Интересоваться ими, слѣдить за ними намъ можно и должно, ибо ничто человѣческое не должно быть чуждо намъ, если мы хотимъ быть людьми. Но въ тоже время для насъ было бы вовсе безплодно принимать эти вопросы какъ наши собственные.

Digitized by Google

Въ нихъ нашего только то, что применимо къ нашему положенію; все остальное чуждо намъ, и мы стали бы играть роль донъ-Кихотовъ, горячась изъ него. Этимъ мы заслужили бы скорѣе насмѣшки Европейцевъ, нежели ихъ уваженіе. У себя, въ себѣ, вокругъ себя, вотъ гдѣ должны мы искать и вопросовъ и ихъ рѣшенія. Это направленіе будетъ плодотворно, если и не будетъ блестяще. И начатки этого направленія видимъ мы въ современной русской литературѣ, а въ нихъ — близость ея зрѣлости и возмужалости. Въ этомъ отношеніи литература наша дошла до такого положенія, что ея успѣхи въ будущемъ, ея движеніе впередъ зависятъ больше отъ объема и количества предметовъ, доступныхъ ея завѣдыванію, нежели отъ нея самой. Чѣмъ шире будутъ границы ея содержанія, чѣмъ больше будетъ пищи для ея дѣятельности, тѣмъ быстрѣе и плодовитѣе будетъ ея развитіе. Какъ бы то ни было, но если она еще не достигла своей зрѣлости, она уже нашла, нащупала, такъ сказать, прямую дорогу къ ней, — а это великій успѣхъ съ ея стороны.

Одинъ изъ самыхъ поразительныхъ признаковъ зрѣлости современной русской литературы, — это роль, которую играетъ въ ней стихотворная поэзія. Бывало, стихи и стишки составляли отраду и утѣшеніе нашей публики. Ихъ читали, перечитывали, учили наизустъ, покупали, не жалѣя денегъ, или переписывали въ тетрадки. Новая поэма въ стихахъ, отрывокъ изъ поэмы, новое стихотвореніе, появившееся въ журналѣ или альманахѣ, — все это пользовалось привиллегіею производить шумъ, толки, восторги, споры и т. п. Стихотворцы являлись безъ счету, росли, какъ грибы послѣ дождя. Теперь не то. Стихи играютъ второстепенную въ сравненіи съ прозою роль. Ихъ читаютъ будто нехотя, едва замѣчаютъ, хладнокровно похваливаютъ хорошее и ничего не говорятъ о посредственномъ. Стихотворцевъ, противъ прежняго, стало теперь несравненно меньше. Изъ этого многіе заключили, будто вѣкъ поэзіи миновался для русской литературы, что поэзія скрылась отъ насъ чуть ли не навсегда. Мы такъ, напротивъ, видимъ въ этомъ скорѣе торжество, нежели упадокъ русской поэзіи. Что поколебало, а потомъ и вовсе изгнало манію стихописанія и стихочтенія? — Прежде всего появленіе Гоголя, потомъ появленіе въ печати посмертныхъ сочиненій Пушкина и, наконецъ, явленіе Лермонтова. Поэтическую дѣятельность Пушкина можно раздѣлить на два періода: въ первомъ она является прекрасною, но еще

Digitized by Google

не глубокою, не установившеюся, еще доступною для копированія и подражанія; во второмъ, мы видимъ ее на неприступной высотѣ художественной зрѣлости, глубины, могущества; тутъ уже нельзя копировать ее, нельзя подражать ей. Талантъ Лермонтова съ перваго же своего дебюта обратилъ на себя всеобщее вниманіе, отбилъ у всѣхъ и у всякаго охоту подражать ему. Послѣ этого доступъ къ поэтической славѣ сдѣлался очень труденъ, такъ-что талантъ, который прежде могъ бы играть блестящую роль, теперь долженъ ограничиться болѣе скромнымъ положеніемъ. Это значитъ, что вкусъ публики сдѣлался разборчивѣе, требованія строже: а это, конечно, успѣхъ, а не упадокъ вкуса. Теперь нуженъ новый Пушкинъ, новый Лермонтовъ, чтобы книжка стихотвореній привела въ восторгъ всю публику, въ движеніе — всю литературу. Но уже теперь сдѣлалось рѣшительно невозможнымъ для господъ поэтовъ обращать на себя вниманіе или пріобрѣтать славу или извѣстность хоть на волосъ выше той мѣры, въ какой они дѣйствительно заслуживаютъ, по своему таланту, вниманія, славы или извѣстности. Талантъ теперь всегда будетъ оцѣненъ, и его успѣхъ уже не зависитъ ни отъ покровительства, ни отъ преслѣдованія журналовъ (если еще чѣмъ могутъ они повредить ему, такъ развѣ молчаніемъ, но уже не похвалами и не бранью); онъ будетъ замѣченъ и оцѣненъ, но не иначе, какъ по мѣрѣ его истиннаго достоинства — ни больше, ни меньше.

Въ прошломъ 1846 году вышли стихотворенія гг. *Григорьева*, *Полонскаго*, *Лизандера*, *Плещеева*, г-жи *Жадовской*, *Троянъ* и *Ангелища* г. Вельтмана — что-то въ родѣ дѣтской сказки не то въ стихахъ, не то въ мѣрной прозѣ; *Слово о Полку Игоря*, передѣланное г. Минаевымъ на поэму во вкусѣ не древности, не старины, а того недавняго времени, когда была мода на поэмы. Это въ сущности не больше, какъ распространеніе, или разжиженіе, довольно бойкими стихами, довольно короткаго и сжатаго *Слова о Полку Игоревомъ*. Мы рады будемъ, если попытка г. Минаева понравится публикѣ; но, что до насъ собственно касается, намъ такъ нравится *Слово о Полку Игоревомъ* въ его настоящемъ видѣ, что мы не можемъ безъ непріятнаго чувства смотрѣть на его передѣлки. Намъ кажется, что его вовсе не нужно ни замѣнять, ни переводить, ни перелагать; но довольно замѣнить въ немъ слишкомъ обветшалыя и непонятныя слова болѣе новыми и понятными, хотя и взятыми же изъ народнаго языка. Мы назвали стихи г. Минаева бойкими; прибавимъ къ этому, что они еще столько же фразисты, сколько и восторженны, и что въ нихъ больше реторики, нежели поэзіи. Г. Минаевъ — энтузіастическій поклонникъ *Слова о Полку Игоревомъ*; въ его глазахъ, оно чуть ли не выше всей русской поэзіи, отъ Ломоносова до Лермонтова вклю-

Digitized by Google

чительно. Это изъясняетъ онъ въ послѣсловіи къ стихотворному труду своему, которое носитъ слѣдующее пансно-семинарское названіе: «Для любознательныхъ отроковицъ и юношей».

Стихотворенія г-жи Юліи Жадовской были превознесены почти всѣми нашими журналами. Дѣйствительно, въ нихъ нельзя отрицать чего-то въ родѣ поэтическаго таланта. Жаль только, что источникъ вдохновенія этого таланта не жизнь, а мечта, и что, поэтому, онъ не имѣетъ никакого отношенія къ жизни и бѣденъ поэзіею Это, впрочемъ, выходитъ изъ отношеній г-жи Жадовской къ обществу, какъ женщины. Вотъ стихотвореніе, которое вполнѣ объясняетъ это положеніе:

Меня гнететъ тоски недугъ;
Мнѣ скучно *въ этомъ мірѣ*, другъ;
Мнѣ надоѣли сплетни, вздоръ —
Мужчинъ ничтожный разговоръ,
Смѣшной, нелѣпый женщинъ толкъ,
Ихъ выписные бархатъ, шолкъ,
Ума и сердца пустота
И накладная красота.
Мірскихъ суетъ я не терплю,
Но Божій міръ душой люблю,
Но вѣчно будутъ милы мнѣ —
И звѣздъ мерцанье въ вышинѣ,
И шумъ развѣсистыхъ дерёвъ,
И зелень бархатныхъ луговъ,
И водъ прозрачная струя,
И въ рощѣ пѣсни соловья.

Нужно слишкомъ много смѣлости и героизма, чтобы женщина, такимъ образомъ отстраненная или отстранившаяся отъ общества, не заключилась въ ограниченный кругъ мечтаній, но ринулась бы въ жизнь для борьбы съ нею, если не для наслажденія, котораго возможности не видитъ въ ней. Г-жа Жадовская предпочла этому трудному шагу безмятежное смотрѣніе на небо и звѣзды. Почти въ каждомъ своемъ стихотвореніи не спускаетъ она глазъ съ неба и звѣздъ; но новаго ничего тамъ не замѣтила. Это не то, что Леверье, который открылъ тамъ планету *Нептунъ*, до него никѣмъ не знаемую. Леверье больше поэтъ, чѣмъ г-жа Жадовская, хоть онъ и не пишетъ стиховъ. Охотно согласимся съ тѣми, кто найдетъ наше сближеніе неумѣстнымъ или натянутымъ; но все-таки скажемъ, что смотрѣть на небо и не видѣть въ немъ ничего, кромѣ общихъ фразъ съ рифмами или безъ рифмъ – плохая поэзія! Да и что путнаго можетъ уви-

Digitized by Google

дѣть въ небѣ поэтъ нашего времени, если онъ совершенно чуждъ самыхъ общихъ физическихъ и астрономическихъ понятій, и не знаетъ, что этотъ голубой куполъ, плѣняющій его глаза, не существуетъ въ дѣйствительности, но есть произведеніе его же собственнаго зрѣнія, ставшаго центромъ видимой имъ сферической окружности; что тамъ, на высотѣ, куда ему такъ хочется, и пусто и холодно, и нѣтъ воздуха для дыханія, что отъ звѣзды до звѣзды и въ тысячу лѣтъ не долетишь на лучшемъ аэростатѣ... То ли дѣло земля! — на ней намъ и свѣтло и тепло, на ней все наше, все близко и понятно намъ, на ней наша жизнь и наша поэзія.... Зато, кто отворачивается отъ нея, не умѣя понимать ее, тотъ не можетъ быть поэтомъ и можетъ ловить въ холодной высотѣ однѣ холодныя и пустыя фразы....

Изъ поименованныхъ нами стихотворныхъ книжекъ, вышедшихъ въ прошломъ году, замѣчательнѣе другихъ – *Стихотворенія Аполлона Григорьева*. Въ нихъ, по крайней мѣрѣ, есть хоть блестки *дѣльной* поэзіи, т. е. такой поэзіи, которою не стыдно заниматься, какъ дѣломъ. Жаль, что этихъ блестокъ не много; ими обязанъ былъ г. Григорьевъ вліянію на него Лермонтова; но это вліяніе изчезаетъ въ немъ все больше и больше и переходитъ въ самобытность, которая вся заключается въ туманно-мистическихъ фразахъ, при чтеніи которыхъ невольно приходитъ на память эта старая эпиграмма:

Ужъ подлинно Бибрусъ боговъ языкомъ пѣлъ:
Изъ смертныхъ бо его никто не разумѣлъ.

Вотъ самобытность, которая не стóитъ даже подражательности!

Но истиннымъ пріобрѣтеніемъ для русской литературы вообще было вышедшее въ прошломъ году изданіе стихотвореній Кольцова. Несмотря на то, что эти стихотворенія всѣ были уже напечатаны и прочтены въ альманахахъ и журналахъ, — онѣ производятъ впечатлѣніе новости, потому именно, что собраны вмѣстѣ и даютъ читателю понятіе о всей поэтической дѣятельности Кольцова, представляя собою нѣчто цѣлое. Эта книжка—капитальное, классическое пріобрѣтеніе русской литературы, не имѣющее ничего общаго съ тѣми эфемерными явленіями, которыя, даже и не будучи лишены относительныхъ достоинствъ, перелистываются, какъ новость, для того, чтобы быть потомъ забытыми. Въ наше время стихотворный талантъ ни почемъ — вещь очень обыкновенная; чтобы онъ чего-нибудь стоилъ, ему нужно быть не просто талантомъ, но еще большимъ талантомъ, вооруженнымъ самобытною мыслію, горячимъ сочувствіемъ къ жизни, способностію глубоко понимать ее. Благодаря толкамъ журналовъ, нѣкоторые маленькіе таланты кое-какъ поняли это посвоему,

Digitized by Google

и стали на заглавныхъ листкахъ своихъ книжекъ ставить эпиграфы, но свидѣтельство, что ихъ поэзія отличается *современнымъ направленіемъ*, да еще латинскіе, въ родѣ слѣдующаго: Homo sum, et nihil humani a me alienum, puto. Но ни ученость, ни латинскіе эпиграфы, ни даже дѣйствительное знаніе латинскаго языка, не дадутъ человѣку того, чего не дала ему природа, и такъ-называемое «современное направленіе» поэтовъ извѣстнаго разряда всегда будетъ только «пламенной мысли раздраженьемъ».

Вотъ отчего, полуграмотный прасолъ Кольцовъ, безъ науки и образованія, нашелъ средство сдѣлаться необыкновеннымъ и самобытнымъ поэтомъ. Онъ сдѣлался поэтомъ, самъ не зная какъ, и умеръ съ искреннимъ убѣжденіемъ, что если ему и удалось написать двѣ, три порядочныя пьески, все-таки онъ былъ поэтъ посредственный и жалкій.... Восторги и похвалы друзей не много дѣйствовали на его самолюбіе... Будь онъ живъ теперь, онъ въ первый разъ вкусилъ бы наслажденіе увѣрившагося въ самомъ себѣ достоинства; но судьба отказала ему въ этомъ законномъ вознагражденіи за столько мукъ и сомнѣній....

Такъ какъ мы не можемъ сказать о поэзіи Кольцова ничего, кромѣ того, что уже высказано объ этомъ предметѣ въ статьѣ: *О жизни и сочиненіяхъ Кольцова*, вошедшей въ составъ изданія его сочиненій, то и отсылаемъ къ ней тѣхъ, которые не читали ея, но хотѣли бы знать наше мнѣніе о талантѣ Кольцова и его значеніи въ русской литературѣ.

Изъ стихотворныхъ произведеній, появившихся не отдѣльно, а въ разныхъ изданіяхъ прошлаго года, замѣчательны: *Помѣщикъ*, разсказъ (въ *Петербургскомъ Сборникѣ*) и *Андрей*, поэма (въ *Отеч. Запискахъ*) г. Тургенева; *Машенька*, поэма г. Майкова (въ *Петербургскомъ Сборникѣ*); *Макбетъ* Шекспира, переводъ г. Кронеберга, стихами и прозою. Замѣчательныхъ мелкихъ стихотвореній въ прошломъ году, какъ и вообще въ послѣднее время, было очень мало. Лучшія изъ нихъ принадлежатъ гг. Майкову, Тургеневу и Некрасову. О стихотвореніяхъ послѣдняго мы могли бы сказать болѣе, если бы этому рѣшительно не препятствовали его отношенія къ *Современнику*...

Кстати о стихотворныхъ переводахъ классическихъ произведеній. Г. А. Григорьевъ перевелъ софоклову *Антигону* (*Библіотека для Чтенія № 8*). За многими изъ нашихъ литераторовъ водится замашка говорить съ таинственною важностью о вещахъ давнымъ-давно извѣстныхъ и приниматься съ самоувѣренностію за совершенно чуждую имъ работу. Г. Григорьевъ объявляетъ въ небольшомъ предисловіи къ своему переводу, что онъ со временемъ «наложитъ свой взглядъ на

Digitized by Google

греческую трагедію.» взглядъ, «особенное начало котораго есть, *впрочемъ*, непосредственная связь ея съ ученіемъ древнихъ мистерій». Да это знаютъ дѣти въ низшихъ классахъ гимназій! Вотъ, напр., идея, что въ *одной* «Антигонѣ» является борьба двухъ началъ человѣческой жизни — *личнаго* права и долга противъ *общаго* права и долга», и что, слѣдовательно, «въ *Антигонѣ* изъ-за древнихъ формъ вѣетъ предчувствіемъ новой жизни» — эта идея принадлежитъ исключительно г. Григорьеву, и мы охотно готовы оставить ее за нимъ. Что́ касается до самой *Антигоны*, то едвали Софоклъ — *аттическая пчела* — узналъ бы себя въ этомъ торопливомъ, исполненномъ претензій и крайне-невѣрномъ переводѣ г. Григорьева. Величавый древній сенаръ (шестистопный ямбъ) превратился въ какую-то рубленую, неправильную прозу напоминающую новѣйшія «драматическія представленія» нашихъ доморощенныхъ драматурговъ; мелодическіе хоры являются пустозвоннымъ наборомъ словъ, часто лишенныхъ всякаго смысла; о древнемъ колоритѣ, характеристикѣ каждаго отдѣльнаго лица нѣтъ и помина. (*) Спрашивается, *для* чего и *для* кого трудился г. Григорьевъ? Развѣ для того, чтобы отбить у насъ и безъ того не слишкомъ сильную охоту къ классической старинѣ, съ которою онъ такъ необдуманно обошелся?...

По части беллетрической прозы отдѣльными изданіями вышли въ прошломъ году только два сочиненія: *Брынскій Лѣсъ*, *эпизодъ изъ первыхъ годовъ царствованія Петра Великаго*, романъ г. Загоскина, и вторая часть *Петербургскихъ Вершинъ*, г. Буткова.

Новый романъ г. Загоскина отличается всѣми, какъ дурными, такъ и хорошими сторонами его прежнихъ романовъ. Отчасти, это вовсе, не помнимъ уже которое счетомъ, подражаніе г. Загоскина своему первому роману – *Юрію Милославскому*. Но герой послѣдняго романа еще безцвѣтнѣе и безличнѣе, нежели герой перваго. О героинѣ нечего и говорить: это вовсе не женщина, а тѣмъ менѣе русская женщина конца XVII столѣтія. По своей завязкѣ, *Брынскій Лѣсъ* напоминаетъ сантиментальные романы и повѣсти прошлаго вѣка. Стрѣлецкій сотникъ Лёвшинъ *романически* влюбляется въ какую-то неземную дѣву, съ которой сводитъ его судьба на постояломъ дворѣ. Изъ первой же части романа узнаёте вы, что у боярина Буйносова пропала малолѣтная дочь въ Брынскомъ лѣсу, гдѣ онъ остановился проѣздомъ отдохнуть съ своею холопскою свитою, состоявшею человѣкъ изъ пятидесяти. Узнавши это, вы сейчасъ догадываетесь, что идеальная дѣва, плѣнившая Лёвшина, есть дочь Буй-

(*) Нечего говорить о безчисленныхъ промахахъ; по мнѣнію г. Григорьева Аресъ (Марсъ) должно выговаривать Арѣсъ, и пр.

Digitized by Google

носова, а вмѣстѣ съ тѣмъ узнаете, что будетъ далѣе въ романѣ и чѣмъ онъ кончится. Любовь двухъ голубковъ выказывается избитыми фразами романовъ прошлаго вѣка, — фразами, которыя никоимъ образомъ не могли бы войти въ голову русскаго человѣка послѣдней половины XVII столѣтія, когда еще не появлялась и знаменитая книжица, рекомая: *Приклады, како пишутся комплименты разные на нѣмецкомъ языкѣ, то есть писанія отъ потентатовъ къ потентатамъ поздравительные и сожалительные, и иные; такожде между сродниковъ и пріятелей.* Къ слабымъ сторонамъ романа принадлежитъ и его направленіе, происходящее отъ охоты автора приходить въ восторгъ отъ всякихъ старинныхъ обычаевъ и нравовъ, даже самыхъ нелѣпыхъ и невѣжественныхъ, и имъ, кстати и некстати, колоть глаза современнымъ обычаямъ и нравамъ. Впрочемъ, это недостатокъ не важный: гдѣ авторъ рисуетъ старину неправдоподобно, невѣрно, слабо, тамъ онъ, разумѣется, не производитъ на читателя никакого впечатлѣнія, кромѣ скуки; тамъ же, гдѣ онъ изображаетъ *доброе старое время* въ его истинномъ видѣ, какъ писатель съ талантомъ, — тамъ онъ всегда достигаетъ результата, совершенно противуположнаго тому, котораго добивается, т. е. разубѣждаетъ читателя именно въ томъ, въ чемъ хочетъ его убѣдить, и наоборотъ. И это лучшія страницы романа, написанныя съ замѣчательнымъ талантомъ и отличающіяся большимъ интересомъ, какъ напр., картина Земскаго приказа и достойнаго поддьяка, Ануфрія Трифоныча; разсказъ прикащика Буйносова о пропажѣ его дочери въ глазахъ семи нянекъ и полусотни челядинцевъ, а главное—картина суда на татарскій манеръ,—суда, гдѣ, въ лицѣ боярина Куродавлева и пришедшихъ къ нему судиться двухъ мужиковъ, выказывается вся прелесть нѣкоторыхъ изъ старинныхъ нравовъ. Къ числу хорошихъ сторонъ новаго романа г. Загоскина должно отнести еще вообще не дурно, а мѣстами и прекрасно очерченные характеры раскольниковъ: Андрея Поморянина, старца Пафнутія, отца Филиппа и Волосатаго старца, и боярина Куродавлева, добровольнаго мученика мѣстнической спѣси. Но всѣхъ ихъ лучше обрисованъ Андрей Поморянинъ. Нельзя не пожалѣть, что г. Загоскинъ занимаетъ въ своемъ романѣ вниманіе читателя больше безцвѣтною и скучною любовью своего героя, нежели картинами нравовъ и историческихъ событій этой интересной эпохи. Языкъ новаго романа г. Загоскина, какъ и всѣхъ прежнихъ его романовъ, вездѣ ясенъ, простъ, плавенъ, мѣстами одушевленъ и живъ.

Вторая книга *Петербургскихъ Вершинъ* г. Буткова показалась намъ гораздо лучше первой, хотя и первую мы не нашли дурною. По нашему мнѣнію, у г. Буткова нѣтъ таланта для романа и повѣсти, и онъ очень хорошо дѣлаетъ, оставаясь всегда въ предѣлахъ свой-

Digitized by Google

ственнаго ему одному рода дагерротипическихъ разсказовъ и очерковъ. Это не творчество, не поэзія, но это стоитъ творчества, поэзіи. Разсказы и очерки г. Буткова относятся къ роману и повѣсти, какъ статистика къ исторіи, какъ дѣйствительность къ поэзіи. Въ нихъ мало фантазіи, зато много ума и сердца; мало юмору, зато много ироніи и остроумія, источникъ которыхъ симпатичная душа. Можетъ быть, талантъ г. Буткова односторонекъ и не отличается особеннымъ объемомъ; но дѣло въ томъ, что можно имѣть талантъ и многостороннѣе и больше таланта г. Буткова — и напоминать намъ о существованіи то того, то другого еще бо́льшаго таланта; тогда-какъ талантъ г. Буткова ни кого не напоминаетъ — онъ совершенно самъ по себѣ. Вотъ почему особенно любуемся мы имъ и уважаемъ его. Разсказы, очерки, анекдоты — называйте ихъ какъ хотите — г. Буткова представляютъ собою какой-то особенный родъ литературы досель небывалый.

Съ большимъ удовольствіемъ замѣтили мы, что въ этой второй книжкѣ г. Бутковъ рѣже впадаетъ въ карикатуру, меньше употребляетъ странныхъ словъ, что языкъ его сталъ точнѣе, опредѣленнѣе, и содержаніе еще болѣе проникнулось мыслію и истиною, чѣмъ было все это въ первой книжкѣ. Это значитъ итти впередъ. Отъ души желаемъ, чтобы третья книжка *Петербургскихъ Вершинъ* поскорѣе вышла.

Обращаясь къ замѣчательнымъ произведеніямъ беллетристической прозы, являвшимся въ сборникахъ и журналахъ прошлаго года, — взглядъ нашъ прежде всего встрѣчаетъ *Бѣдныхъ Людей*, романъ, вдругъ доставившій большую извѣстность до того времени совершенно неизвѣстному въ литературѣ имени. Впрочемъ, объ этомъ произведеніи было такъ много говорено во всѣхъ журналахъ, что новые подробные толки о немъ уже не могутъ быть интересны для публики. И потому, мы не будемъ слишкомъ распространяться объ этомъ предметѣ. Оригинальность таланта г. Достоевскаго была признана тотчасъ же всѣми, и — что̀ еще важнѣе — публика тотчасъ же обнаружила ту неумѣренную требовательность въ отношеніи къ таланту г. Достоевскаго и ту неумѣренную нетерпимость къ его недостаткамъ, которыя имѣетъ свойство возбуждать только талантъ. Почти всѣ единогласно нашли въ *Бѣдныхъ Людяхъ* г. Достоевскаго способность утомлять читателя, даже восхищая его, и приписали это свойство, одни — растянутости, другіе — неумѣренной плодовитости. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что еслибы *Бѣдные Люди* явились хотя десятою долею въ меньшемъ объемѣ, и авторъ имѣлъ бы предусмотрительность поочистить ихъ

Digitized by Google

отъ излишнихъ повтореній однихъ и тѣхъ же фразъ и словъ, — это произведеніе явилось бы болѣе-художественнымъ. Во второй книжкѣ *Отеч. Записокъ* г. Достоевскій вышелъ на судъ заинтересованной имъ публики со вторымъ своимъ романомъ: *Двойникъ. Приключенія господина Голядкина.* Хотя первый дебютъ молодого писателя уже достаточно угладилъ ему дорогу къ успѣху, однако должно сознаться, что *Двойникъ* не имѣлъ никакого успѣха въ публикѣ. Если еще нельзя на этомъ основаніи осудить второе произведеніе г. Достоевскаго, какъ неудачное и, еще менѣе, какъ не имѣющее никакихъ достоинствъ, — то нельзя также и признать судъ публики неосновательнымъ. Въ *Двойникѣ* авторъ обнаружилъ замѣчательную силу творчества, характеръ героя концетрированъ смѣло истины въ этомъ произведеніи много; но вмѣстѣ съ этимъ тутъ видно страшное неумѣнье владѣть и распоряжаться экономически избыткомъ собственныхъ силъ. Все, что въ *Бѣдныхъ Людяхъ* было извинительными для перваго опыта недостатками, въ *Двойникѣ* явилось чудовищными недостатками, и это все заключается въ одномъ: въ неумѣньи автора опредѣлять разумную мѣру и границы художественному развитію задуманной имъ идеи. Попробуемъ объяснить нашу мысль примѣромъ. Гоголь такъ глубоко и живо концепировалъ идею характера Хлестакова, что легко бы могъ сдѣлать его героемъ еще цѣлаго десятка комедій, въ которыхъ Иванъ Александровичъ явился бы вѣрнымъ самому себѣ, хотя и совершенно въ новыхъ положеніяхъ: какъ женихъ, мужъ, отецъ семейства, помѣщикъ, старикъ и т. д. Эти комедіи, нѣтъ сомнѣнія, были бы такъ же превосходны, какъ и *Ревизоръ*, но уже такого, какъ онъ, успѣха имѣть не могли бы, а скорѣе бы наскучали, нежели нравились, потому-что все уха да уха, хотя бы и *Демьянова*, пріѣдается. Какъ скоро поэтъ выразилъ своимъ произведеніемъ идею, его дѣло сдѣлано, и онъ долженъ оставить въ покоѣ эту идею, подъ опасеніемъ наскучить ею. Другой примѣръ на тотъ же предметъ: что можетъ быть лучше двухъ сценъ, выключенныхъ Гоголемъ изъ его комедіи, какъ замедлявшихъ ея теченіе? Сравнительно, онѣ не уступаютъ въ достоинствѣ ни одной изъ остальныхъ сценъ комедіи; почему же онъ выключилъ ихъ? — Потому, что онъ въ высшей степени обладаетъ тактомъ художественной мѣры и не только знаетъ, съ чего начать и гдѣ остановиться, но и умѣетъ развить предметъ ни больше, ни меньше того, сколько нужно. Мы убѣждены, что еслибы г. Достоевскій укоротилъ своего *Двойника*, по крайней мѣрѣ, цѣлою третью, повѣсть его могла бы имѣть успѣхъ. Но въ ней есть еще и другой существенный недостатокъ: это ея фантастическій колоритъ. Фантастическое въ наше время можетъ имѣть мѣсто только въ домахъ умалишенныхъ, а не въ

Digitized by Google

литературѣ, и находиться въ завѣдываніи врачей, а не поэтовъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, *Двойникъ* могъ заинтересовать только не многихъ диллетантовъ искусства, для которыхъ литературныя произведенія составляютъ предметъ не одного наслажденія, но и изученія. Публика же состоитъ не изъ диллетантовъ, а изъ обыкновенныхъ читателей, которые читаютъ только то, что имъ непосредственно нравится, не разсуждая, почему имъ это нравится, и тотчасъ закрываютъ книгу, какъ скоро начинаетъ она ихъ утомлять, тоже не давая себѣ отчета, почему она имъ не по вкусу. Произведеніе, которое нравится знатокамъ и не нравится большинству, можетъ имѣть свои достоинства; но истинно-хорошее произведеніе есть то, которое нравится обѣимъ сторонамъ, или, по крайней мѣрѣ, нравясь первой, читается и второю: Гоголь многимъ не нравится, но его прочли рѣшительно всѣ....

Въ десятой книжкѣ *Отеч. Записокъ* появилось третье произведеніе г. Достоевскаго, повѣсть: *Господинъ Прохарчинъ*, которая даже и почитателей таланта г. Достоевскаго привела въ непріятное изумленіе. Въ ней сверкаютъ искры таланта, но въ такой густой темнотѣ, что ихъ свѣтъ ничего не даетъ разсмотрѣть читателю... Не вдохновеніе, не свободное и наивное творчество породило эту странную повѣсть, а что-то въ родѣ .. какъ бы это сказать? — не то умничанья, не то претензіи... иначе она не была бы такою вычурною, манерною, непонятною, болѣе похожею на какое-нибудь истинное, но странное и запутанное происшествіе, нежели на поэтическое созданіе. Въ искусствѣ не должно быть ничего темнаго и непонятнаго; его произведенія тѣмъ и выше такъ называемыхъ «истинныхъ происшествій», что поэтъ освѣщаетъ пламенникомъ своей фантазіи всѣ сердечные изгибы своихъ героевъ, всѣ тайныя причины ихъ дѣйствій, снимаетъ съ разсказываемаго имъ событія все случайное, представляя нашимъ глазамъ одно необходимое, какъ неизбѣжный результатъ достаточной причины. Мы не говоримъ уже о замашкѣ автора часто повторять какое-нибудь особенно удавшееся ему выраженіе (какъ, напримѣръ, *Прохарчинъ мудрецъ!*) и тѣмъ ослаблять силу его впечатлѣнія; не говоримъ также о безпрестанно встрѣчающихся и совершенно натянутыхъ фразахъ, въ родѣ: *гвоздыревый* ты человѣкъ, *тузовый* ты человѣкъ, и т. п.; это уже недостатки второстепенные и, главное, исправимые.

Къ замѣчательнымъ произведеніямъ легкой литературы прошлаго года принадлежатъ помѣщенныя въ *Отеч. Запискахъ* повѣсти: *Небывалое въ быломъ, или былое въ небываломъ*, Луганскаго, и *Деревня*, г. Григоровича. Оба эти произведенія имѣютъ между собою то

Digitized by Google

общее свойство, что они интересны не какъ повѣсти, а какъ мастерскіе физіологическіе очерки бытовой стороны жизни. Мы не скажемъ, чтобы собственно повѣсть Луганскаго не имѣла интереса; мы хотимъ только сказать, что она гораздо интереснѣе своими отступленіями и аксессуарами, нежели своею романическою завязкою. Такъ, напримѣръ, превосходная картина избы съ рѣзными окнами, вставленія съ малороссійскою хатою, лучше всей повѣсти, хотя входитъ въ нее только эпизодомъ и ни чѣмъ внутренно не связана съ сущностью ея содержанія. Вообще, въ повѣстяхъ Луганскаго всего интереснѣе подробности, и *Небывалое въ быломъ, или былое въ небываломъ* въ особенности богато интересными частностями, помимо общаго интереса повѣсти, которая служитъ тутъ только рамкою, а не картиною, средствомъ, а не цѣлью. Объ этомъ можно было бы сказать больше, но какъ мы скоро будемъ имѣть случай высказать наше мнѣніе о всей литературной дѣятельности, этого писателя, то пока и ограничимся этими немногими строками.

О г. Григоровичѣ мы теперь же скажемъ, что у него нѣтъ ни малѣйшаго таланта къ повѣсти, но есть замѣчательный талантъ для тѣхъ очерковъ общественнаго быта, которые теперь получили въ литературѣ названіе *физіологическихъ*. Но онъ хотѣлъ сдѣлать изъ своей *Деревни* повѣсть, и отсюда вышли всѣ недостатки его произведенія, которыхъ онъ легко бы могъ миновать, еслибы ограничился безсвязными внѣшнимъ образомъ, но дышущими одною мыслію картинами деревенскаго быта крестьянъ. Неудачна также и его попытка заглянуть во внутренній міръ героини его повѣсти, и вообще, изъ его Акулины вышло лицо довольно безцвѣтное и неопредѣленное, именно потому, что онъ старался сдѣлать изъ нея особенно интересное лицо. Къ недостаткамъ повѣсти принадлежатъ также и натянутыя, изысканныя и вычурныя мѣстами описанія природы. Но что́ касается собственно до очерковъ крестьянскаго быта, это блестящая сторона произведенія г. Григоровича. Онъ обнаружилъ тутъ много наблюдательности и знанія дѣла, и умѣлъ выказать то и другое въ образахъ простыхъ, истинныхъ, вѣрныхъ, съ замѣчательнымъ талантомъ. Его *Деревня* — одно изъ лучшихъ беллетристическихъ произведеній прошлаго года.

Статья Луганскаго: *Русскій Мужикъ*, явившаяся въ третьей части *Новоселья*, исполнена глубокаго значенія, отличается необыкновеннымъ мастерствомъ изложенія и вообще принадлежитъ къ лучшимъ физіологическимъ очеркамъ этого писателя, котораго необыкновенный талантъ не имѣетъ себѣ соперниковъ въ этомъ родѣ литературы.

Съ шестой книжки *Библіотеки для чтенія* тянется романъ г.

Digitized by Google

Вельтмана: *Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго*, который еще не кончился последнею книжкою этого журнала за прошлый годъ. Г. Вельтманъ обнаружилъ въ новомъ своемъ романѣ едва ли еще не больше таланта, нежели въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ, но вместѣ съ тѣмъ и тотъ же самый недостатокъ умѣнія распоряжаться своимъ талантомъ. Въ его *Приключеніяхъ* толпится страшное множество лицъ, изъ которыхъ многіе очерчены съ необыкновеннымъ мастерствомъ; много поразительно вѣрныхъ картинъ современнаго русскаго быта; но вместѣ съ тѣмъ есть лица неестественныя, положенія натянутыя, и слишкомъ запутанные узлы событій часто разрѣшаются посредствомъ deus ex machinâ. Все, что есть прекраснаго въ этомъ романѣ, принадлежитъ таланту г. Вельтмана, который, безспорно, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ талантовъ нашего времени; а все, что составляетъ слабыя стороны *Приключеній*, вышло изъ намѣреннаго желанія г. Вельтмана доказать превосходство старинныхъ нравовъ передъ нынѣшними. Странное направленіе! Мы нисколько не принадлежимъ къ безусловнымъ почитателямъ современныхъ нравовъ русскаго общества, не менѣе всякаго другаго видимъ ихъ странности и недостатки, и желаемъ ихъ исправленія. Какъ и у славянофиловъ, у насъ есть свой идеалъ нравовъ, во имя котораго мы желали бы ихъ исправленія; но нашъ идеалъ не въ прошедшемъ, а въ будущемъ, на основаніи настоящаго. Впередъ итти можно, назадъ нельзя, и что бы ни привлекало насъ въ прошедшемъ, оно прошло безвозвратно. Мы готовы согласиться, что молодые купчики, которые кутятъ на новый ладъ и лучше умѣютъ проматывать нажитое отцами, нежели пріобрѣтать сами, — мы согласны, что они страннѣе и нелѣпѣе своихъ отцовъ, которые упорно держатся старины. Но мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы ихъ отцы не были тоже странны и нелѣпы. Молодыя поколѣнія даже купчиковъ выражаютъ собою переходное состояніе своего сословія, переходное отъ худшаго къ лучшему, но это лучшее окажется хорошимъ только какъ результатъ перехода, а какъ процессъ перехода, оно, разумѣется, скорѣе хуже, нежели лучше стараго. Дѣйствуйте на исправленіе нравовъ сатирою, или—что лучше всякой сатиры—вѣрнымъ ихъ изображеніемъ; но дѣйствуйте не во имя отжившихъ нравовъ, а во имя разума и здраваго смысла, не во имя мечтательнаго и невозможнаго обращенія къ прошедшему, а во имя возможнаго развитія будущаго изъ настоящаго. Пристрастіе, къ чему бы оно ни прилѣпилось — къ старинѣ или новизнѣ, всегда мѣшаетъ достиженію цѣли, потому-что невольно вводитъ въ ложь человѣка, самаго страстнаго къ истинѣ и дѣйствующаго по самому благородному убѣжденію. Это и сбылось съ г. Вельтманомъ въ его новомъ романѣ. Онъ придалъ безнравствен-

Digitized by Google

нымъ лицамъ своего романа такой колоритъ, какъ будто они безнравственны по милости новыхъ нравовъ, а живи-де они въ кошихинскія времена, то были бы отличнѣйшими людьми. По крайней мѣрѣ, мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать подобное заключеніе изъ того, что авторъ нигдѣ и не думаетъ маскировать своей симпатіи къ старинѣ, своей антипатіи къ новизнѣ. Такъ, напр., повинуясь истинѣ, онъ безпристрастно показалъ естественныя причины страшнаго богатства купчины Захолустьева; но въ то же время счелъ за необходимое противопоставить ему Селифонта Михѣича, который тоже страшно разбогатѣлъ, но честностію и порядкомъ, а главное потому, что «жилъ по старому русскому обычаю». Желали бы мы знать, что̀ бы наши купцы сказали объ этой утопіи честнаго благопріобрѣтенія огромнаго имѣнія.... По мнѣнію г. Вольтмана, русскій человѣкъ, имѣющій несчастіе знать французскій языкъ, есть человѣкъ погибшій.... Какихъ, подумаешь, не бываетъ предразсудковъ у людей съ умомъ и талантомъ!...

Герой романа *Дмитрицкій*—нѣчто въ родѣ Ваньки Каина новыхъ временъ, или того, что̀ Французы называютъ chevalier d'industrie, лицо очень возможное и вообще мастерски очерченное авторомъ. Зато героиня, Саломея Петровна, которой выпала невыгодная роль представительницы и жертвы новѣйшихъ нравовъ и знанія французскаго языка,—лицо совершенно сказочное. Сначала она является жеманницею, холодною лицемѣркою, до пошлости неискусною актрисою, а потомъ самою страстною женщиною, какую только можно вообразить. Дѣйствіе романа преизапутанное; въ немъ столько эпизодовъ, сколько лицъ, а лицамъ, какъ мы сказали, счету нѣтъ. Какъ только является новое лицо, авторъ безъ церемоніи бросаетъ героя и героиню и начинаетъ разсказывать читателю исторію этого новаго лица, со дня его рожденія, а иногда и со дня рожденія его родителей, по день его появленія въ романѣ. Большая часть изъ этихъ вводныхъ лицъ изображены или очеркнуты съ большимъ искусствомъ. Ходъ романа очень интересенъ, въ событіяхъ много истины; но въ то же время и много невѣроятностей. Когда автору нѣтъ средства естественно развязать узелъ завязки, или завязать новый у него сейчасъ является deus ex machinâ. Таково, напр., похищеніе Саломеи холопами Филиппа Савича, помѣщика кіевской губерніи—самая невѣроятная романическая натяжка, на какую только когда-либо рѣшался писатель съ талантомъ. Такихъ сказочныхъ невѣроятностей особенно много въ событіяхъ жизни Дмитрицкаго; ему все удается, онъ всегда выходитъ съ выгодою для себя изъ самаго затруднительнаго, самаго невыгоднаго положенія. Пріѣзжаетъ въ Москву безъ бумагъ, съ однимъ червонцемъ, останавливается въ гостинницѣ, пьетъ,

Digitized by Google

ѣстъ на широкую ногу,—и вдругъ судьба посылаетъ ему литературщика, который принялъ его за литератора, занимавшаго еще вчера этотъ же самый нумеръ гостинницы, везетъ его къ себѣ, предлагаетъ у себя квартиру, даетъ денегъ. Все это дѣлается по *щучью велѣнью, а по моему прошенью* и доказываетъ, что у г. Вельтмана больше таланта для частностей и подробностей, нежели для созданія чего-нибудь цѣлаго, больше наклонности къ сказкѣ, нежели къ роману, и что системы и теорія много дѣлаютъ вреда его замѣчательному таланту....

Упомянувши еще о *Венгерцахъ* физіологическомъ очеркѣ, въ *Финскомъ Вѣстникѣ*, мы окончимъ нашъ перечень всего особенно замѣчательнаго, что̀ явилось въ прошломъ году по части изящной словесности. Перечень этотъ вышелъ не великъ; но обо многомъ мы не хотимъ упоминать вовсе, не потому, чтобы во всемъ, о чемъ умалчиваемъ, видѣли мы одно дурное и ничего хорошаго, но потому, что считали нужнымъ говорить только объ особенно замѣчательномъ.

По примѣру *Петербургскаго Сборника*, въ Москвѣ изданъ былъ *Московскій, литературный и ученый, Сборникъ*, который, несмотря на свое славянофильское направленіе, заключаетъ въ себѣ нѣсколько интересныхъ статей, изъ которыхъ особенно замѣчательна умнымъ содержаніемъ и мастерскимъ изложеніемъ статья «Тарантасъ», подписанная буквами М. З. К.

Отъ чисто-литературныхъ произведеній переходя къ сочиненіямъ ученаго или серьёзнаго содержанія, начнемъ съ того, что̀ сдѣлано было въ прошломъ году по части русской исторіи. Скажемъ здѣсь кстати, что въ *Современникѣ* будетъ обращено особенное вниманіе на этотъ предметъ. Кромѣ статей по части русской исторіи, журналъ нашъ, не обѣщая своимъ читателямъ полной библіографіи по другимъ частямъ, будетъ представлять отзывы обо всемъ, что̀ будетъ являться сколько-нибудь замѣчательнаго по части русской исторіи.

Въ минувшемъ году, русская историческая литература продолжала двигаться въ томъ же направленіи, которое яснѣе и яснѣе стало въ ней обозначаться въ послѣднее время. Подобно другимъ явленіямъ, отражая современную дѣйствительность, она представляетъ какое-то переходное состояніе. Видно, что прежніе источники творчества, созиданія изсякли; но въ тоже время очень замѣтно, что въ глубинѣ современной жизни зарождается новое историческое сознаніе, ищущее формы и выраженія. Еще слабое, неустановившееся.

Digitized by Google

оно высказывается робко и нерѣшительно; какъ младенецъ, оно требуетъ пищи, которая бы возрастила его, дала возможность опредѣлиться и войти въ силу. Такой пищей служатъ ему историческія данныя; подъ ихъ авторитетомъ оно развивается, чтобы потомъ надъ ними же произнести свой судъ.

Этими характеристическими чертами переходнаго времени объясняются два преобладающія явленія въ теперешней русской исторической литературѣ, явленія, которыя бросаются въ глаза,— такъ они рѣзко выдаются впередъ. Съ одной стороны полемика, страсть къ историческимъ теоріямъ, смѣлыя гипотезы почти исчезли; ихъ мы уже не находимъ въ новыхъ книгахъ по части русской исторіи. Скажемъ болѣе: наша историко-литературная дѣятельность весьма слаба; замѣчательныхъ историческихъ сочиненій вышло въ прошедшемъ году очень немного, да и въ тѣхъ, которыя вышли, предметъ обыкновенно излагается чисто фактически. Но зато, съ другой стороны, изданіе и приведеніе въ извѣстность источниковъ и всякихъ историческихъ матеріаловъ идетъ успѣшно. По всему видно, что на это обращены всѣ силы, на этомъ сосредоточено все вниманіе. Самая историческая литература, какъ мы замѣтили, находится подъ сильнымъ вліяніемъ этого исключительно-фактическаго направленія. Понимая всю его недостаточность, мы однако не можемъ не сказать, что оно очень отрадно и утѣшительно, особливо если посмотрѣть на него въ связи съ предъидущимъ направленіемъ нашей историко-литературной дѣятельности. Теперешнее видимое безсиліе уразумѣть фактъ, склоненіе мысли подъ авторитетъ историческаго даннаго, *фактическій скептицизмъ*, если позволено такъ выразиться, — находятъ полное свое оправданіе въ предшествовавшемъ необузданномъ разгулѣ фантастическихъ представленій, которыя считались за историческія воззрѣнія, и въ отрывочности, скудости дѣйствительныхъ фактическихъ знаній. Прежде было легче написать книгу по части русской исторіи, потому-что меньше требовалось; легче было создать взглядъ, теорію, потому-что поле было, повидимому, шире, но на самомъ дѣлѣ пустѣе, безплоднѣе. По мѣрѣ того, какъ раздвигался и раздвигается кругъ историческихъ данныхъ, долженъ былъ стѣсниться просторъ для вымысловъ, имѣвшихъ видъ историческихъ теорій; неумышленный обманъ, невольное самообольщеніе, должны были исчезнуть передъ строгой дѣйствительностію. Въ этомъ смыслѣ мы видимъ въ теперешнемъ сухомъ, прозаическомъ направленіи нашей исторической литературы большой и необходимый шагъ впередъ и благіе задатки для ея послѣдующаго развитія. Мы переживаемъ великій фактъ отрезвленія мысли; онъ очень важенъ, а за будущее нечего опасаться.

Digitized by Google

Въ отношеніи къ собиранію и *изданію источниковъ* русской исторіи, первое и самое почетное мѣсто безспорно принадлежитъ Археографической Коммиссіи. Правда, что только при большихъ средствахъ и оффиціяльномъ значеніи Коммиссіи, можно предпринимать и совершать огромные труды, каковы ея изданія; но нельзя зато не сказать, что эти изданія превосходны и удовлетворяютъ всѣмъ главнымъ требованіямъ, тѣмъ болѣе у насъ, гдѣ наука исторіи еще въ зародышѣ. На труды Коммиссіи было сдѣлано, въ разное время, въ разныхъ книгахъ и журналахъ, нѣсколько замѣчаній, отчасти справедливыхъ и дѣльныхъ, отчасти несправедливыхъ; мы могли бы прибавить къ нимъ нѣсколько словъ и отъ себя, но считаемъ это неумѣстнымъ въ бѣгломъ обзорѣ годичной литературы, и потому отлагаемъ до какого-нибудь другого, болѣе благопріятнаго случая. Въ нынѣшнемъ году Археографическая Коммиссія издала *Лаврентьевскую* и *Троицкую Лѣтописи*, составляющія первый томъ полнаго собранія русскихъ лѣтописей, предпринятаго ею по Высочайшему повелѣнію; въ концѣ приложены источники и параллельныя мѣста несторовой лѣтописи, заимствованныя изъ хронографа Георгія Амартола, софійскаго харатейнаго Номоканона, харатейнаго Паремейника и печерскаго Патерика. Это первое полное изданіе Лаврентьевской и Троицкой лѣтописи и первое изданіе древнѣйшаго текста несторова Временника по всѣмъ доселѣ извѣстнымъ спискамъ. Кромѣ того, Коммиссія издала два тома *дополненій къ историческимъ актамъ* и первый томъ *актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи*. Дополненія заключаютъ въ себѣ много любопытнаго и новаго, но собраніе актовъ западной Россіи еще важнѣе. Оно открываетъ новую сторону древняго русскаго быта, которая до сихъ поръ была доступна только для однихъ записныхъ ученыхъ и археологовъ. (Извѣстно, что предпринятое ученымъ протоіереемъ Григоровичемъ собраніе западно-русскихъ граматъ, къ сожалѣнію давно уже остановилось на первомъ томѣ, а Бѣлорусскій Архивъ — былъ единственнымъ собраніемъ такого рода, до изданія Коммиссіи). Не говоря уже о непосредственной важности этого собранія, для узнанія исторіи и внутренняго быта В. К. Литовскаго, оно представляетъ много данныхъ и для объясненія нашей старины. Такъ вездѣ и всегда было: изъ различныхъ племенъ, которыя составляютъ народъ, однѣ непремѣнно сохраняютъ извѣстныя черты народнаго характера живѣе, цѣльнѣе; у другихъ онѣ болѣе сглажены; оттого бытъ и исторія народа не могутъ быть поняты какъ должно безъ сравнительнаго изученія исторіи и быта всѣхъ важнѣйшихъ его племенъ.

Послѣ изданій Коммиссіи особеннаго вниманія заслуживаютъ труды Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ

Digitized by Google

нынѣшнемъ году оно было чрезвычайно дѣятельно. Въ февралѣ мѣсяцѣ, прекративъ изданіе Русскаго Историческаго Сборника, котораго съ 1837 года выходило по книгѣ въ годъ, что не очень исправно, Общество опредѣлило издавать ежемѣсячно труды своихъ сочленовъ подъ названіемъ *Чтеній*. До сихъ поръ эти Чтенія выходили очень аккуратно, въ дни засѣданій общества, и заключаютъ въ себѣ много новаго и чрезвычайно любопытнаго. Замѣчательными оригинальными статьями Чтенія не богаты, да и тѣ больше представляются систематическими сборниками фактовъ, чѣмъ изслѣдованіями въ настоящемъ значеніи слова. Зато отдѣлъ историческихъ матеріяловъ превосходенъ. Изданіе Георгія Конисскаго, лѣтописи самовидца о войнахъ Богдана Хмѣльницкаго, перевода Коллинса о Россіи временъ Алексѣя Михайловича, сдѣлаютъ нынѣшній годъ надолго памятнымъ въ лѣтописяхъ Общества. Изданіе источниковъ малороссійской исторіи есть несомнѣнная заслуга; мы не усомнимся поставить ее на ряду съ заслугой, которую оказала Археографическая Коммиссія изданіемъ западно-русскихъ актовъ,—и по тѣмъ же причинамъ: чѣмъ больше мы узнаемъ о нашихъ соплеменникахъ, особенно ближайшихъ, о ихъ исторіи и внутреннемъ бытѣ, тѣмъ горизонтъ шире, тѣмъ объемистѣе вырабатывается историческое воззрѣніе. Въ этомъ смыслѣ мы не можемъ не обратить вниманія на стремленіе Общества ввести въ кругъ своихъ занятій и исторію другихъ славянскихъ племенъ состоящихъ съ нами въ болѣе отдаленномъ сродствѣ, чѣмъ Западная и Малая Россія. Съ особеннымъ удовольствіемъ прочли мы въ Чтеніяхъ прекрасную статью *Палацкаго*, о древнѣйшихъ земскихъ учрежденіяхъ Сербовъ и Чеховъ. Не менѣе пріятно было встрѣтить на страницахъ Чтеній и *Винодольскій законъ*, къ сожалѣнію напечатанный безъ перевода и потому недоступный для большинства читающихъ. Въ короткомъ очеркѣ трудовъ по части исторіи въ теченіи года, мы понеобходимости ограничиваемся указаніемъ только на то, что намъ показалось особенно важнымъ; но и кромѣ этого есть не одна статья въ Чтеніяхъ, заслуживающая полнаго вниманія, такъ напр., устройство полевой и станичной службы въ древней Руси,—статья *г. Бѣляева*, составленная по вновь открытымъ источникамъ, напечатаннымъ здѣсь въ первый разъ; его же статья о лѣтосчисленіи въ древней Руси; превосходная диссертація г. Соловьева объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, перепечатанная въ Чтеніяхъ съ нѣкоторыми измѣненіями и съ прибавленіемъ, въ концѣ, свода всѣхъ договорныхъ грамотъ Новгорода съ князьями; сводный текстъ всѣхъ доселѣ изданныхъ губныхъ граматъ, составленный весьма тщательно студентомъ московскаго университета г. Ерлыковымъ и т. д. Такимъ усиленіемъ своей дѣятельности Общество безпор-

Digitized by Google

но многимъ обязано новому своему секретарю, г. Бодянскому; ибо съ его избранія произошли тѣ преобразованія въ изданіяхъ Общества, о которыхъ мы говорили; сверхъ того, изъ каждой книжки Чтеній видно, что г. Бодянскій своими трудами принимаетъ дѣятельное участіе въ изданіяхъ Общества; лучшая часть Чтеній — отдѣлъ матеріяловъ — принадлежитъ ему. Наконецъ, Общество издало также двѣ замѣчательныя книги: одну г. *Спасскаго* — критически обслѣдованный и по нѣсколькимъ спискамъ приготовленный текстъ *Книги Большому Чертежу*. Этотъ важный источникъ нашей исторіи, въ особенности географіи XVI и XVII вѣковъ, обработанъ и изданъ весьма тщательно и добросовѣстно; другую — г. *Бѣляева* — о русскомъ войскѣ, преимущественно въ XVII вѣкѣ; она представляетъ первую попытку изложить предметъ вполнѣ, фактически, на основаніи источниковъ, а не въ бѣгломъ обзорѣ. Нельзя здѣсь къ слову не замѣтить, что нѣкоторые рецензенты были къ ней несправедливы, и, обративъ все вниманіе на частныя ошибки, потеряли изъ виду ея достоинства и хорошія стороны.

Наконецъ, важное явленіе въ нашей исторической литературѣ за прошлый годъ составляютъ такъ называемые *Кіевскіе акты*. Временной Коммиссіей, учрежденной при кіевскомъ военномъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ для разбора древнихъ актовъ, изданъ цѣлый томъ любопытныхъ документовъ; особенно замѣчательны изъ нихъ тѣ, которые относятся къ исторіи Кіевскаго Братства и объясняютъ отношенія между землевладѣльцами и поселянами. Изданіе весьма тщательно; акты, писанные по-польски, снабжены переводомъ; въ концѣ ихъ находимъ рисунки старинныхъ вещей, отысканныхъ и хранящихся въ томъ краѣ.

Труды частныхъ лицъ въ отношеніи къ обработкѣ источниковъ очень немногочисленны; но этотъ недостатокъ выкупается основательностію, дѣльностію. Въ работахъ, предпринимаемыхъ частными людьми, какъ и въ изданіяхъ обществъ и правительства, весьма замѣтно стремленіе подвести окончательные итоги подъ прежнія труды и привести ихъ въ извѣстность и оцѣнить. Не такъ быстръ ходъ впередъ, какъ переработка сдѣланнаго прежде, кое-какъ, на удачу, во всякомъ случаѣ безъ общей мысли, порядка и системы. Это возвращеніе на себя очень важно; будучи, повидимому, повтореніемъ одного и того же, оно на самомъ дѣлѣ есть приготовленіе основы для новаго зданія. Вообще, добросовѣстность, основательность, замѣтныя въ историческихъ трудахъ послѣдняго времени, показываютъ, что наше *авось*, которое мы по странному заблужденію, долго считали за достоинство, начинаетъ исчезать. Это хорошій признакъ...

Digitized by Google

Изъ частныхъ трудовъ надъ источниками упомянемъ о собраніи критически обработанныхъ источниковъ исторіи русскаго права изданномъ экстр. проф. дерптскаго университета, *Тобіеномъ*. (*) Въ этомъ собраніи, кромѣ Русской Правды того же автора, извѣстной публикѣ еще съ 1844 года, помѣщены договоры Варягокъ съ Греками, Смоленска съ Ригой, Новгорода съ князьями и Нѣмцами. Сходные между собою слиѳены и представлены въ синопсисѣ съ варьянтами и критическими обозрѣніями списковъ; сверхъ того приложены fac-simile Трудъ этотъ болѣе замѣчателенъ по мысли, чѣмъ по выполненію: такъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ Русской Правдѣ, въ которую вкрались у г. Тобіена многія важныя ошибки.

Гораздо важнѣе, основательнѣе и богаче результатами трудъ г *Калачова* надъ Русской Правдой, изданный въ концѣ нынѣшняго года, подъ заглавіемъ: Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды. Здѣсь мы находимъ самое подробное исчисленіе и оцѣнку всего, что было сдѣлано доселѣ въ отношеніи къ этому памятнику: всѣ изданія указаны, всѣ мнѣнія разсмотрѣны и взвѣшены; съ особенной тщательностью составленъ обзоръ списковъ Правды, числомъ до пятидесяти, изъ которыхъ около тридцати впервые стали извѣстны чрезъ г. Калачова. За тѣмъ слѣдуетъ превосходное изданіе самаго текста Правды по всѣмъ пятидесяти спискамъ, съ варьянтами, въ систематическомъ порядкѣ. Наконецъ, выбраны и напечатаны всѣ статьи, подходящія къ Русской Правдѣ по своему содержанію и разбросанныя въ различныхъ древнихъ памятникахъ. Такимъ образомъ, всѣ предварительныя работы въ отношеніи къ этому загадочному юридическому сборнику совершены классически, превосходно г. Калачовымъ. Собственно критическая разработка не замедлитъ явиться, когда есть теперь подъ руками такіе богатые, отлично приготовленные матеріялы, и мы можемъ уже провидѣть время, когда столько важный и неизбѣжный вопросъ о происхожденіи и значеніи Правды въ исторіи нашего законодательства разрѣшится окончательно. — Незадолго до выхода въ свѣтъ этой замѣчательной работы изданы были г. Калачовымъ четыре главныхъ основныхъ текста Правды особливо, съ словаремъ, fac-simile и сравнительной таблицей статей. Назначеніе этого изданія было попреимуществу учебное.

Къ числу лучшихъ пріобрѣтеній русской исторической литературы за минувшій годъ принадлежитъ также книга покойнаго академика *Аделунга:* Критико-библіографическое обозрѣніе путешествій

(*) Книга Тобіена напечатана еще въ 1845 году, но сдѣлалась извѣстной не ранѣе 1846 года. Поэтому мы и включили ее въ это обозрѣніе.

Digitized by Google

въ Россію до 1700 года, изданная его сыномъ Въ ней мы находимъ перечисленіе всѣхъ путешествовавшихъ въ Россію съ древнѣйшихъ временъ и оставившихъ описанія нашего отечества, съ самыми подробными библіографическими свѣдѣніями объ этихъ описаніяхъ. Знатоки говорятъ, что въ ней есть нѣкоторые пропуски и недосмотры; тѣмъ не менѣе появленіе этой книги чрезвычайно важно. Она привела въ извѣстность одинъ изъ богатѣйшихъ источниковъ нашей исторіи, особливо нашего внутренняго быта. Изъ предисловія видно, что покойный ученый, кромѣ этого указателя, задумывалъ еще напечатать собраніе неизданныхъ иностранныхъ извѣстій о древней Россіи и подробный указатель вообще всего того, что иностранцы писали о нашемъ отечествѣ, до начала XVIII вѣка. Изъ этого видно, что Адедунгъ особенно трудился надъ иностранными источниками русской старины и пополнилъ бы весьма чувствительный промежутокъ въ нашей исторической литературѣ, еслибъ смерть не помѣшала ему привести въ исполненіе начатыя работы. Это очень жаль, тѣмъ болѣе, что едвали скоро сыщется достойный продолжатель его трудовъ. Какое-то несправедливое предубѣжденіе противъ извѣстій иностранцевъ, ведущее свое начало изъ до-петровской Руси и не сломленное даже полуторастолѣтней реформой, оставляетъ весьма богатый источникъ нашей исторіи въ тѣни; мы по преданію вѣримъ еще, что они писали объ насъ пристрастно, съ ненавистью, и что ихъ извѣстія никуда негодятся. Въ практической жизни держась уже другихъ началъ и разубѣдившись во многомъ, мы продолжаемъ по привычкѣ твердить старое въ наукѣ. По вѣчнымъ законамъ историческаго развитія, фактъ и у насъ предупредилъ сознаніе, и оно до сихъ поръ представляетъ какой-то складочный магазинъ, гдѣ мы хранимъ всякій хламъ, ни на что уже негодный въ обыкновенномъ быту. Спору нѣтъ, что многое иностранцы не такъ поняли или передали ошибочно; у нихъ мы встрѣчаемъ промахи, отчасти умышленныя неправды, ложныя извѣстія, для которыхъ можно найти много объясненій. Но все это очень обыкновенная принадлежность разсказовъ иностранцевъ, которые не долго жили въ описываемой ими странѣ, или, по различнымъ обстоятельствамъ, не могли быть совершенно безпристрастны; въ этомъ смыслѣ тѣ, которые были у насъ, не хуже писали о Россіи, чѣмъ другіе путешественники о другихъ земляхъ; однако, никто не смотритъ съ такимъ предубѣжденіемъ на ихъ отзывы, какъ мы. Замѣтьте также, что больше всего заподозрѣны извѣстія иностранцевъ о нашемъ внутреннемъ бытѣ; но именно онѣ-то, какъ нарочно, болѣе другихъ носятъ на себѣ печать истины и достовѣрности. Чѣмъ ближе мы знакомимся съ туземными источниками, чѣмъ пристальнѣе вникаемъ въ старинные обычаи, доселѣ еще

Digitized by Google

сохранившіеся въ простомъ народѣ, тѣмъ вѣрнѣе и справедливѣе представляются намъ иностранныя извѣстія, отвергаемыя какъ умышленныя нелѣпицы. Мы могли бы представить много разительныхъ примѣровъ на выдержку, но здѣсь не мѣсто.

Вотъ сколько сдѣлано въ минувшемъ году въ отношеніи къ источникамъ русской исторіи. Множество издано впервые; множество издано вновь, потому-что прежнія изданія оказались неудовлетворительными. Совершено нѣсколько первоначальныхъ критическихъ работъ надъ важнѣйшими памятниками старины; самое поле русской исторіи расширилось принятіемъ въ ея составъ исторіи Западной и Малой Россіи; словомъ, всѣ источники затронуты, все, что̀ можетъ дать ключъ къ нашей старинѣ, болѣе и болѣе приводится въ извѣстность и дѣлается общедоступнымъ; наконецъ, самая иностранная литература о Россіи начинаетъ получать въ наукѣ право гражданства и находитъ у насъ добросовѣстныхъ и ученыхъ дѣлателей.

Собственно историческая литература (разумѣя подъ этимъ названіемъ сочиненія по русской исторіи) сравнительно бѣдна. Укажемъ на продолженіе замѣчательной книги *Бутурлина:* «Исторія смутнаго времени»; въ минувшемъ году вышелъ третій томъ ея; далѣе на книгу *Полеваго*: «Обозрѣніе Руской исторіи до единодержавія Петра Великаго», и на сочиненіе *Вейдемейера*: «Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія». Но особенно важными, какъ по своему внутреннему достоинству, такъ и по другимъ причинамъ, кажутся намъ: «Историческій сборникъ» *Валуева*, «Исторія Христіанства въ Россіи» архимандрита *Макарія* и «Изслѣдованія» *г. Погодина*. Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ сочиненій.

«Историческій и статистическій сборникъ» покойнаго *Валуева*, по своему направленію, цѣли и основной мысли, есть явленіе, составляющее эпоху въ исторической русской литературѣ. Еслибы нашлись ближайшіе продолжатели этого предпріятія — что̀ очень сомнительно, — оно мало по малу привело бы, наконецъ, къ весьма важнымъ результатамъ; ибо мысль сблизить различные славянскіе народы и племена, привести ихъ ко взаимному уразумѣнію, къ сознанію ихъ національнаго единства есть, безспорно, одно изъ лучшихъ, благороднѣйшихъ и отраднѣйшихъ современныхъ явленій; такая мысль не осталась бы безъ отзыва и у насъ; рано или поздно, она нашла бы сочувствіе. Г. Валуевъ началъ издавать сборникъ съ цѣлью познакомить Россію со всѣми сторонами прошедшей и теперешней жизни прочихъ Славянъ. Къ сожалѣнію, онъ не хотѣлъ или не умѣлъ возвыситься до историческаго безпристрастія, главнаго и необходимаго условія для осуществленія такой цѣли; онъ принялъ къ

Digitized by Google

исполненію задачи важные предразсудки, историческія и національныя предубѣжденія и какую-то исключительность, рѣзко противорѣчащія основной его мысли и разрушающія ее въ самомъ основаніи. Они-то привели издателя къ страннымъ, неестественнымъ воззрѣніямъ, къ превратной оцѣнкѣ прошедшихъ и современныхъ историческихъ явленій. А задуманъ планъ широко, и первое его выполненіе, за исключеніемъ замѣченныхъ недостатковъ, подавало большія надежды въ будущемъ. Теперь это предпріятіе, вѣроятно, рушится; издателя ужь нѣтъ въ живыхъ, и когда-то найдется другой, который станетъ преслѣдовать эту цѣль такъ же ревностно, такъ же неутомимо. Если мы ошибаемся, тѣмъ лучше.

«Исторія Христіанства въ Россіи до В. К. Владиміра», составленная архимандритомъ *Макаріемъ*, есть образцовая, классическая книга по этой части. Мы, съ своей стороны, не рѣшаемся разбирать ее и произнести о ней какое-либо сужденіе. Мы даже убѣждены, что у насъ очень немного такихъ людей, которые въ знаніи предмета могли бы стать въ уровень съ ученымъ авторомъ и быть его достойными критиками. Изумительная начитанность, огромныя свѣдѣнія невольно поражаютъ читателя на каждой страницѣ. Очень замѣчательно, что многіе изъ нашихъ лѣтописныхъ сказаній о распространеніи и принятіи у насъ христіанской вѣры, заподозрѣнныя критикой и отнесенныя къ числу легендъ, оправдываются авторомъ и доказываются или прямыми историческими свидѣтельствами, или весьма основательными и остроумными соображеніями.

«Изслѣдованія» г. *Погодина* о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи изданы Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, въ трехъ толстыхъ томахъ. Собственно говоря, эти «Изслѣдованія» не есть новое явленіе въ русской исторической литературѣ. Первый и второй томы составлены изъ статей и сочиненій, большею частью уже давно извѣстныхъ публикѣ; нѣкоторыя изъ нихъ измѣнены, но многія перепечатаны безъ всякихъ поправокъ; такія же статьи находимъ и въ третьемъ томѣ, въ которомъ, однако, гораздо болѣе новаго, чѣмъ въ двухъ первыхъ. Сочиненіе г. Погодина не оправдало нетерпѣливаго ожиданія многихъ. Мы въ немъ нашли большею частью одно старое, всѣмъ уже давно извѣстное и теперь столько же сомнительное, подлежащее переработкѣ, какъ оно прежде, въ свое время, было и ново и занимательно. Гораздо интереснѣе и свѣжѣе другихъ третій томъ; здѣсь попадаются прекрасныя статьи, прекрасныя отдѣльныя мѣста, но въ цѣломъ и ими мы не довольны. Любимой мысли о скандинавогерманскомъ происхожденіи Варяговъ все принесено въ жертву, даже такія данныя, о которыхъ никто не споритъ, ни самъ г. Погодинъ. Отъ-того книга исполнена историческихъ парадоксовъ, очевидныхъ

Digitized by Google

натяжекъ, важныхъ промаховъ и рѣзкихъ противорѣчій. Общія обозрѣнія и взгляды странны, причудливы... Но что всего непріятнѣе дѣйствуетъ на читателя, это тонъ полемики, особливо противъ Каченовскаго и такъ-называемой скептической школы. Вообще говоря, книга г. Погодина была въ прошедшемъ году представителемъ старой исторической литературы между молодыми ея подростками. Еслибъ она вышла лѣтъ десять или двадцать раньше, она заняла бы первое мѣсто, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; теперь она анахронизмъ только напоминавшій собою былое время.

Вотъ, кажется, всѣ особенно замѣчательныя явленія нашей исторической литературы за прошлый годъ; кромѣ того, въ журналахъ и сборникахъ помѣщались по временамъ статьи и матеріялы по русской исторіи; такъ мы съ большимъ удовольствіемъ прочли въ «Московскомъ Сборникѣ» статью г. Соловьева: «О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси»; въ «Отечественныхъ Запискахъ» — «Матеріалы для Исторіи Петра Великаго», «О торговлѣ Волжскихъ Болгаръ», г. Савельева. Впрочемъ, сравнительно, такихъ статей было въ минувшемъ году меньше противъ прежняго.

Какіе результаты выведемъ мы изъ этого обозрѣнія? Они показаны уже отчасти въ началѣ. Очевидно, мы мало по малу сосредоточиваемся, запасаемся силами, какъ бы приготовляясь къ серьёзной, трудной работѣ. Покуда это еще высказывается отрицательно. Сравнивши нашу прежнюю историко-литературную дѣятельность съ теперешней, мы найдемъ, что послѣдняя, по количеству книгъ и статей, почти ничтожна. Но именно этотъ фактъ мы и считаемъ чрезвычайно важнымъ. Теперь больше людей, занимающихся русской исторіей; масса знающихъ много увеличилась, потому-что извѣстное прежде однимъ знатокамъ и записнымъ археологамъ, стало общедоступнымъ. Если теперь пишутъ меньше, то это, конечно, не потому, что меньше свѣдущихъ людей. Нѣтъ! вопросы стали глубже, требованія возвысились, а вмѣстѣ и неудовлетвореніе сильнѣе стало чувствоваться. Мы видимъ, читая прежнія историческія изслѣдованія, что и писатели и публика обыкновенно довольствовались самыми поверхностными рѣшеніями историческихъ задачъ, которыми теперь не убѣдишь никого, даже и тѣхъ, которые занимаются русской исторіей слегка, не говоря уже, что о многихъ вопросахъ, теперь общихъ для всѣхъ, прежде не было и помину. Отъ этого-то, первый выходъ нашей исторической литературы изъ прежняго, полумладенческаго состоянія и обнаружился въ какой-то слабости, безжизненности, безцвѣтной дѣятельности. Вопросы прибывали вновь, разрѣшеніе прежнихъ болѣе и болѣе оказывалось неудовлетворительнымъ, а приступить къ новому недоставало ни средствъ, ни силъ, потому-что

Digitized by Google

не было еще твердаго, постояннаго, выработаннаго сознанія. Такъ продолжается до сихъ поръ и, вѣроятно, продолжится еще долго. Мы увидимъ множество прекрасныхъ классическихъ пріуготовительныхъ трудовъ, драгоцѣнныхъ собраній источниковъ, много важныхъ открытій для исторіи, но эпоха творчества, созиданія, едва ли скоро наступитъ въ нашей исторической литературѣ. Она необходимо есть актъ сознанія, самоуразумѣнія народа; когда мы поймемъ себя, тогда явится у насъ и исторія; а это условіе есть одно изъ самыхъ трудныхъ, самыхъ тяжело-дающихся. Вспомнимъ только то странное положеніе, въ которое мы до сихъ поръ были поставлены, отчасти и теперь еще находимся: намъ извѣстны всѣ современные европейскіе вопросы; извѣстно, какъ и почему они явились, какъ развивались и на чемъ стоятъ теперь; и въ то же время, вопросы, самые обыкновенные, простые, давно уже разрѣшенные у образованныхъ народовъ, если они только къ намъ относятся и къ нашему быту, приводятъ насъ въ величайшее затрудненіе: мы не умѣемъ ихъ поставить, не умѣемъ даже за нихъ взяться; всего чаще они остаются почти незамѣченными, по крайней мѣрѣ, не обращаютъ на себя того пристальнаго, серьёзнаго, выдержаннаго вниманія, которое необходимо для ихъ разрѣшенія. Что это значитъ? То, что мы все еще болѣе пользуемся чужими трудами, чѣмъ своими силами, что, по видимому, богатые опытностью, мы на самомъ дѣлѣ еще очень мало жили и дѣйствовали самостоятельно: ссылаемся на всѣхъ, кто съ нами не согласенъ, за которыми, конечно, огромное большинство. Во всемъ этомъ мы видимъ непреложный законъ историческаго развитія! Какъ бы ни была благопріятна, даже блистательна обстановка человѣка или народа, жизнь все-таки возьметъ свое, не сдѣлаетъ ни одного прыжка, не выброситъ ни одного звена изъ своей цѣпи. Окружите мальчика самыми счастливыми условіями для его развитія, все-таки онъ не сдѣлается вдругъ совершеннолѣтнимъ человѣкомъ: жизнь его можно ускорить, но постепенность ея невозможно нарушить. Отъ того часто подъ блестящей оболочкой скрывается бѣдное содержаніе, подъ видимымъ умственнымъ пресыщеніемъ — неразвитость, нравственное малолѣтство. Въ такое положеніе поставила исторія многія славанскія племена, въ томъ числѣ и насъ. Этимъ объясняется, почему у насъ нѣтъ еще своей исторической литературы: мы не умѣемъ даже посмотрѣть на себя какъ должно.

Впрочемъ, періодъ самосознанія уже начинаетъ наступать. Это видно во всемъ; конечно, покуда еще болѣе въ ежедневномъ быту, нежели въ литературныхъ и другихъ явленіяхъ, все еще выражающихъ предпочтительно старое, за которое и авторитетъ давности и большинство мнѣній. Когда мышленіе станетъ, наконецъ, и для насъ дѣйстви-

Digitized by Google

гельною потребностью, а не средствомъ пріятно провести время или пускать пыль въ глаза, какъ теперь по большей части, — наша историческая литература необходимо измѣнитъ свое направленіе. Изъ пріуготовительной по преимуществу, она перейдетъ въ критическую. Вѣкъ изученія оффиціяльной, торжественной, праздничной стороны нашей исторіи кончился; теперь должно наступить время изученія нашей будничной, закулисной домашней жизни съ тѣхъ поръ, какъ мы себя знаемъ и насъ знаютъ. Эта не-лицевая сторона нашей исторіи, тѣ дѣйствія, въ которыхъ мы не церемонились и были тѣмъ, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ были, всего яснѣе покажутъ намъ, что̀ мы такое? стали теперь хуже или лучше противъ прежняго? идемъ ли впередъ или назадъ? какъ и отчего происходили въ насъ перемѣны, надъ которыми мы недоумѣваемъ? Словомъ, потребность самосознанія приведетъ насъ естественно, логически къ изученію нашего внутренняго быта предпочтительно передъ внѣшнимъ, исторіи цивилизаціи — передъ политической исторіей. Задатки есть. Мнѣніе образованныхъ людей уже склоняется въ эту сторону; неестественныя краски, поддѣльный лоскъ, наведенные на нашу исторію, начинаютъ сходить, и истина разоблачаться.

Судя по слухамъ, въ наступающемъ году русская историческая литература должна обогатиться нѣсколькими новыми, замѣчательными сочиненіями и изданіями. Преосвященный *Филаретъ*, архіепископъ рижскій, намѣренъ, какъ мы слышали, издать свою Исторію Русской Церкви; знаемъ навѣрное, что г. *Соловьевъ* уже отпечаталъ болѣе половины новаго своего сочиненія: «Объ отношеніяхъ между русскими князьями отъ Рюрика до смерти Іоанна Грознаго»; мы слышали также, что гр. *Толстой* приготовилъ «Исторію Финансовъ въ Россіи до Императрицы Екатерины II»; г. *Калачовъ* приготовляетъ изданія: «Сошнаго Письма» и «Церковныхъ Уставовъ», по множеству списковъ, отчасти уже извѣстныхъ, отчасти новыхъ, еще не напечатанныхъ, и т. д. Все это очень любопытно и тѣмъ болѣе, что за достоинства нѣкоторыхъ изъ этихъ трудовъ заранѣе ручаются имена ихъ составителей.

P. S. Когда эта статья была уже написана, вышли въ свѣтъ: «Сборникъ Статей» г. *Погодина* о различныхъ историческихъ предметахъ и лицахъ, обѣщанный въ предисловіи къ «Изслѣдованіямъ»; эти статьи перепечатаны изъ разныхъ повременныхъ изданій, въ которыхъ онѣ были помѣщены; «Сводный Текстъ Судебника», составленный г. *Тобіеномъ* и составляющій продолженіе его собранія источниковъ русскаго права.

Исторія русской словесности, преимущественно древней — XXXIII публичныя лекціи г. Шевырева (доселѣ вышло двѣ части),

Digitized by Google

принадлежитъ къ замѣчательнымъ явленіямъ ученой русской литературы прошлаго года. Въ этомъ сочиненіи авторъ обнаружилъ короткое знакомство съ источниками, обширную начитанность, словомъ, эрудицію, которая сдѣлала бы честь самому кропотливому немецкому гелертеру. При этомъ, оно отличается глубокимъ и искреннимъ убѣжденіемъ, самою наивною добросовѣстностью, которыя, однакожь, не помѣшали трудолюбивому и почтенному профессору представлять факты въ самомъ неистинномъ видѣ. Это странное явленіе будетъ очень понятно, если взять въ соображеніе, какую ужасную силу имѣетъ надъ здравомысліемъ человѣка духъ системы, обаяніе готовой идеи, еще прежде изученія фактовъ принятой за непреложноистинную. Вотъ причина, почему г. Шевыревъ въ духовныхъ сочиненіяхъ древней и старой Руси непремѣнно хочетъ видѣть произведенія народной русской словесности, а въ русскомъ сказочномъ витязѣ Ильѣ Муромцѣ находитъ что-то общее съ Сидомъ, рыцарственнымъ героемъ національныхъ испанскихъ романсовъ... Вѣдь ученый и трудолюбивый Венелинъ находилъ же Атиллу Славяниномъ, а въ Меровингахъ франкскихъ видѣлъ славянскихъ «мировыхъ» или «міровыхъ» — не помнимъ, право... Это доказываетъ, что господа ученые, платя дань человѣческой слабости, бываютъ подвержены такимъ же странностямъ, какъ и самые простые, вовсе безграмотные люди... Можетъ быть, это происходитъ отъ-того, что они, какъ говоритъ простой народъ, *зачитываются*, и у нихъ умъ за разумъ заходитъ; можетъ быть, это происходитъ и отъ другихъ причинъ — не знаемъ; но знаемъ только то, что духъ системы и доктрины имѣетъ удивительное свойство омрачать и фанатизировать даже самые свѣтлые умы... Впрочемъ, книга г. Шевырева, внѣ своего направленія, имѣетъ много достоинствъ, какъ памятникъ примѣрнаго трудолюбія и добросовѣстной, хотя и односторонней учености. Болѣе всего важны примѣчанія, которыми снабжена она и куда отнесены авторомъ самые интересные факты, которые съ особеннымъ упорствомъ отказались свидѣтельствовать въ пользу любимыхъ идей его. Замѣчательна еще книга г. Шевырева и тѣмъ, что подала поводъ къ четыремъ прекраснымъ критическимъ статьямъ (въ *Отеч. Запискахъ*, №№ 5 и 12, въ *Библіотекѣ для Чтенія* и *Финскомъ Вѣстникѣ*).

Къ числу блистательнѣйшихъ пріобрѣтеній по части учебной русской литературы вообще, а не одного прошлаго года, принадлежитъ вышедшее въ прошломъ году второе отдѣленіе второй части *Руководства къ Всеобщей Исторіи*—сочиненіе профессора Лоренца. Этою книжкою заключается средняя исторія. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ продолженія и окончанія этого превосходнаго труда.

Digitized by Google

Исторія Консульства и Имперіи, Тьера, появилась въ двухъ переводахъ. Вышла шестая часть *Всемірной Исторіи* Беккера.

Нравы, Обычаи и Памятники всѣхъ народовъ Земнаго Шара, изданіе гг. Семена и Стойковича, превосходными иллюстрированными картинами и политипажами, и вообще типографскимъ изяществомъ затмило собою все когда-либо являвшіяся въ Россіи такъ-называемыя великолѣпныя и роскошныя изданія. Содержаніе книги соотвѣтствуетъ ея внѣшнему достоинству и — что даетъ ей особенную важность — есть не переводъ, а оригинальный трудъ двухъ русскихъ литераторовъ, которые, пользуясь иностранными источниками, умѣли придать ему достоинство одушевленнаго одною идеею сочиненія. Въ вышедшей книгѣ содержится описаніе Индустана, сдѣланное г. Тютчевымъ, и Заганскаго Полуострова, сдѣланное г. Стойковичемъ. Во второй книгѣ издатели обѣщаютъ описаніе Китая и Японіи.

Въ журналахъ прошлаго года было очень много интересныхъ статей ученаго содержанія, оригинальныхъ и переводныхъ. Изъ первыхъ въ особенности можно указать: на седьмое и восьмое *Письма объ изученіи природы*, Искандера; *Кочующіе и осѣдло живущіе въ Астраханской Губерніи иногородцы*, барона Ѳ. А. Бюлера; *Европейскія желѣзныя дороги, въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ* (въ *Отеч. Запискахъ*); *Нога и рука человѣка*, С. С. Куторги (въ *Библіотекѣ для Чтенія*); *Жизнь и нравы змѣй*; *Жизнь и нравы пауковъ*, г. Ушакова (въ *Финскомъ Вѣстникѣ*). Изъ переводныхъ статей особенно замѣчательна — *Оливеръ Кромвель* (въ *Отеч. Запискахъ*). Знаменитое ученое твореніе Гумбольдта было переведено въ *Отеч. Запискахъ* подъ именемъ *Космоса*, а въ *Библіотекѣ для Чтенія* подъ именемъ *Козмоса*. Нельзя не отдать справедливости обоимъ журналамъ за ихъ поспѣшность познакомить русскую публику съ произведеніемъ великаго ученаго, столь важнымъ по предмету и написаннымъ популярно; но едва ли оба журнала достигли своей цѣли. Популярность изложенія Гумбольдта чисто-нѣмецкая, слѣдовательно, вполнѣ доступная только людямъ, спеціяльно занимающимся естественными науками и астрономіею. Въ этомъ отношеніи, гораздо полезнѣе перевода обоихъ журналовъ была статья въ *Сѣверной Пчелѣ* (№№ 175 — 180): *Александръ Гумбольдтъ и его Вселенная* (*Kosmos*). Не знаемъ, откуда переведена или кѣмъ написана она, но непосвященныхъ въ таинства науки она знакомитъ съ книгою Гумбольдта больше и лучше, нежели переводы этой книги въ обоихъ журналахъ.

Въ *Финскомъ Вѣстникѣ* переводится знаменитое твореніе Тьерри: *Завоеваніе Англіи Норманнами*. Это сочиненіе, конечно, не

Digitized by Google

ново везде, кромѣ Россіи, и отъ-того мысль *Финскаго Вѣстника* перевесть его заслуживаетъ похвалы и благодарности.

Въ послѣднее время много стало появляться книгъ, брошюръ и статей по спеціальнымъ предметамъ. Конечно, истинно хорошихъ между ними еще мало, но всѣ онѣ важны, какъ свидѣтельство дѣльнаго направленія литературы. Такъ, напр., въ прошломъ году вышли весьма замѣчательныя книги, которыя мы только поименуемъ, такъ какъ о нихъ было уже много говорено въ журналахъ: первая книга *Записокъ Русскаго Географическаго Общества*; *Объ источникахъ и употребленіи статистическихъ свѣдѣній*, г. Журавскаго; *Нижегородская ярмарка въ 1843, 1844 и 1845 годахъ*, г. Мельникова, и пр. Особенно пріятно видѣть, что появляется довольно много книгъ, брошюръ и статей, касающихся не только сельскаго хозяйства, въ его техническомъ значеніи, но и быта того многочисленнаго класса людей, который играетъ такую великую роль въ отношеніи къ сельскому хозяйству, какъ живая и разумная производящая сила. Особенно заслуживаетъ вниманія, въ 103 *№ Московскихъ Вѣдомостей*, превосходная статья С. А. Маслова — *Жаръ и Жатва Хлѣба (Лѣтнія замѣтки въ Московской Губерніи)*. Эта замѣчательная статья, за которую почтеннаго автора благословитъ всякій другъ человѣчества, была перепечатана почти во всѣхъ журналахъ, издающихся отъ правительственныхъ вѣдомствъ.

Мы не упомянули о нѣсколькихъ замѣчательныхъ книгахъ, показавшихся въ концѣ прошлаго года, для того, чтобы начать съ нихъ отдѣлъ Критики и Библіографіи *Современника*. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ отдѣлѣ нашего журнала. Почти во всѣхъ другихъ журналахъ, критика составляетъ особый отъ библіографіи отдѣлъ. Пишущій эти строки семилѣтнимъ тяжкимъ опытомъ дознался невыгоду такого раздѣленія. Подъ критикой разумѣется статья извѣстнаго объема и даже особеннаго отъ рецензіи тона. Замѣчательныхъ книгъ, подлежащихъ вѣдомству серьёзной критики, у насъ выходитъ такъ мало, что обязанность писать по критикѣ каждый мѣсяцъ поневолѣ дѣлается чѣмъ-то въ родѣ тяжелой поставки; ибо много замѣчательнаго печатается въ журналахъ. Поэтому, представляя отчеты наши публикѣ о всѣхъ болѣе или менѣе примѣчательныхъ явленіяхъ русской литературы, мы не будемъ нисколько заботиться, что̀ выйдетъ изъ нашего разбора — критика или рецензія. Пусть сами читатели наши рѣшаютъ это, каждый по своему вкусу и разумѣнію. Этимъ мы надѣемся доставить имъ услугу, избавивъ журналъ нашъ отъ балласта многословія и надутости, неизбѣжнаго иногда при двоѣиномъ раздѣленіи критики: на большую, или собственно критику, и малую, или рецензію. Критика наша, какъ мы сказали выше, будетъ обращать вни-

Digitized by Google

маніе на всѣ сколько-нибудь замѣчательныя сочиненія по части русской исторіи; за тѣмъ болѣе всего обратитъ она свое вниманіе на произведенія чисто-литературныя; но въ отношеніи и къ нимъ, мы не обѣщаемъ полной библіографіи, ибо о книгахъ ничтожныхъ даже отрицательно, по нашему мнѣнію, не стоитъ труда ни писать, ни читать. Мы даже будемъ считать нашею обязанностію, изъ уваженія къ публикѣ и самимъ себѣ, преходить молчаніемъ дюжинныя произведенія дюжинныхъ писакъ, которые успѣли уже пріобрѣсти себѣ позорную извѣстность, печатно доказавъ бездарность свою. Съ другой стороны, чуждые всякихъ притязаній на энциклопедическую многосторонность познаній, мы не будемъ ничего говорить о спеціальныхъ сочиненіяхъ, какъ бы ни были онѣ замѣчательны, если они выходятъ изъ круга нашихъ занятій. О книгахъ легкихъ и незначительныхъ будетъ у насъ говориться въ фельетонѣ *Современника*, въ отдѣлѣ смѣси, и отъ времени до времени прилагаться къ его книжкамъ полные библіографическіе списки всѣхъ, безъ исключенія, выходящихъ въ Россіи книгъ на русскомъ языкѣ, съ обозначеніемъ типографіи, формата, числа страницъ и даже, по возможности, цѣнъ.

Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. *Поэма* Н. Гоголя. *Изданіе второе. Москва. 1846.*

Ни время, ни мѣсто не позволяютъ намъ входить въ подробныя объясненія о *Мертвыхъ Душахъ*, тѣмъ болѣе, что это мы непремѣнно сдѣлаемъ въ скоромъ времени, представивъ читателямъ *Современника*, можетъ быть, не одну статью вообще о сочиненіяхъ Гоголя и о *Мертвыхъ Душахъ* въ особенности. Теперь же скажемъ коротко, что, по нашему крайнему разумѣнію и искреннему, горячему убѣжденію, *Мертвыя Души* стоятъ весьма высоко въ русской литературѣ; ибо въ нихъ глубокость живой общественной идеи неразрывно сочеталась съ удивительною художественностію образовъ, и этотъ романъ, почему-то названный поэмою, представляетъ собою произведеніе, столько же національное, сколько и высоко-художественное. Въ немъ есть свои недостатки, важные и неважные. Къ послѣднимъ относимъ мы неправильности въ *языкѣ*, который вообще составляетъ столько же слабую сторону таланта Гоголя, сколько его *слогъ* (стиль) составляетъ сильную сторону его таланта. Важные же недостатки романа *Мертвыя Души* находимъ мы почти вездѣ, гдѣ изъ поэта, изъ художника силится авторъ стать какимъ-то проницателемъ и впадаетъ въ нѣсколько надутый и напыщенный лиризмъ... Къ счастію, число такихъ лирическихъ мѣстъ незначительно въ отношеніи къ объему всего романа, и ихъ можно пропускать при чтеніи, ничего не теряя отъ наслажденія, доставляемаго самимъ романомъ.

Digitized by Google

Но къ несчастію, эти мистико-лирическія выходки въ *Мертвыхъ Душахъ* были не простыми случайными ошибками со стороны ихъ автора, но зерномъ, можетъ быть, совершенной утраты его таланта для русской литературы.... Все болѣе и болѣе забывая свое значеніе художника, принимаетъ онъ тонъ глашатая какихъ-то великихъ истинъ, которыя въ сущности отзываются ни чѣмъ инымъ, какъ парадоксами человѣка, сбившагося съ своего настоящаго пути ложными теоріями и системами, всегда гибельными для искусства и таланта. Такъ, напр., въ прошломъ году появилась статья Гоголя о переводѣ *Одиссеи* Жуковскимъ, до того исполненная парадоксовъ, высказанныхъ съ превыспренними претензіями на пророческій тонъ, что одинъ бездарный писатель нашелъ себя въ состояніи написать по этому поводу статью, грубую и неприличную по тону, но справедливую и основательную въ опроверженіи парадоксовъ статьи Гоголя. Это опечалило всѣхъ друзей и почитателей таланта Гоголя и обрадовало всѣхъ враговъ его. Но исторія не кончилась этимъ. Второе изданіе *Мертвыхъ Душъ* явилось съ предисловіемъ, которое.... которое... испугало насъ еще больше знаменитой въ лѣтописяхъ русской литературы статьи объ Одиссеѣ.... Это предисловіе внушаетъ живыя опасенія за авторскую славу въ будущемъ (въ прошедшемъ она непоколебимо прочна) творца *Ревизора* и *Мертвыхъ Душъ;* оно грозитъ русской литературѣ новою великою потерею прежде времени.... Предисловіе это странно само по себѣ, но его тонъ.... C'est le ton qui fait la musique, говорятъ Французы.... Въ этомъ тонѣ столько неумѣреннаго смиренія и самоотрицанія, что онѣ невольно заставляютъ читателя предполагать тутъ чувства совершенно противоположныя...

«Кто бы ты ни былъ, мой читатель, на какомъ бы мѣстѣ ни стоялъ, въ какомъ бы званіи ни находился, *почтенъ* ли ты высшимъ чиномъ (,) или человѣкъ простаго сословія, но если тебя вразумилъ Богъ грамотѣ и попалась уже тебѣ моя книга, я прошу тебя помочь мнѣ».

Вы думаете, это начало предисловія къ «Путешествію Московскаго купца Трифона Коробейникова съ товарищи въ Іерусалимъ, Египетъ и Синайской горѣ, предпріятое въ 1583 году»? — Нѣтъ, ошибаетесь: это начало предисловія ко второму изданію поэмы: *Мертвыя Души*.... Но далѣе —

«Въ книгѣ, которая передъ тобой, которую, *вѣроятно*, ты уже прочелъ (*) въ ея первомъ изданіи, изображенъ человѣкъ, взятый изъ

(*) Авторъ не шутя думаетъ, что его книгу прочли даже люди простаго сословія.... Ужь не думаетъ ли онъ, что нарочно для нея выучились они грамотѣ и пустились въ литературу?...

Digitized by Google

нашего же государства. Ѣздитъ онъ по нашей Русской землѣ, встрѣчается съ людьми всякихъ сословій, отъ *благородныхъ* до *простыхъ*. Взятъ онъ больше за тѣмъ, чтобы показать недостатки и пороки русскаго человѣка, а не его достоинства и добродѣтели, и всѣ люди, которые окружаютъ его, взяты также за тѣмъ, чтобы показать наши слабости и недостатки; *лучшіе люди и характеры будутъ въ другихъ частяхъ*. Въ книгѣ этой многое описано невѣрно, не такъ, какъ есть и какъ дѣйствительно происходитъ въ Русской землѣ, потому-что я не могъ узнать всего: мало жизни человѣка на то, чтобы узнать одному и сотую часть того, что дѣлается въ нашей землѣ. Притомъ, отъ моей собственной оплошности, незрѣлости и поспѣшности, произошло множество всякихъ ошибокъ и промаховъ, такъ-что на каждой страницѣ есть что поправить: *я прошу тебя, читатель, поправить меня. Не пренебреги такимъ дѣломъ*. Какого бы ни былъ ты самъ высокаго образованія и *жизни высокой* (?), и какою бы ничтожною ни показалась въ глазахъ твоихъ моя книга, и какимъ бы ни показалось тебѣ мелкимъ дѣломъ ее исправлять и писать на нее замѣчанія, — я прошу тебя это сдѣлать. А ты, читатель не высокаго образованія и простаго званія, *не считай себя такимъ невѣжею* (*), чтобы ты не могъ меня чему-нибудь поучить», — и пр.

Вслѣдствіе всего этого скромный авторъ нашъ проситъ всѣхъ и каждаго «дѣлать свои замѣтки сплошь на всю его книгу, не пропуская ни одного мѣста ея» и «читать ее не иначе, какъ взявши въ руки перо и положивши листъ почтовой бумаги», а потомъ пересылать къ нему свои замѣтки. Итакъ, мы не можемъ теперь вообразить себѣ всѣхъ русскихъ людей иначе, какъ сидящихъ передъ раскрытою книгою *Мертвыхъ Душъ* на колѣняхъ, съ перомъ въ рукѣ и листомъ почтовой бумаги на столѣ; чернилица предполагается сама собою.... Особенно люди не высокаго образованія, *не высокой жизни* и простаго сословія должны быть въ большихъ хлопотахъ: писать не умѣютъ, а надо.... Не лучше ли имъ всѣмъ пуститься за границу для личнаго свиданія съ авторомъ, — вѣдь на словахъ удобнѣе объясниться, чѣмъ на бумагѣ.... Оно, конечно, эта поѣздка обойдется имъ дорогонько, зато какіе же результаты выйдутъ изъ этого!... Къ чему весь этотъ фарсъ? спросите вы, читатели. Отвѣчаемъ вамъ словами одного изъ героевъ комедіи Гоголя: «Поди ты, спроси иной разъ человѣка, изъ чего онъ что-нибудь дѣлаетъ....»

Въ этомъ фантастическомъ предисловіи есть весьма утѣшительное извѣщеніе, что «воспослѣдуетъ изданіе новое (т. е. новое изданіе) этой книги, *въ другомъ и лучшемъ видѣ*». Боже мой, какъ вздорожа-

(*) Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать — *невѣждою*. Замѣчательно, какъ умѣетъ онъ ободрять простыхъ людей, чтобъ они не пугались его величія....

Digitized by Google

ютъ тогда первыя два изданія! Вѣдь до этого втораго, *Мертвыя Души* продавались по десяти рублей серебромъ вмѣсто трехъ....

В. В.

Генералъ-Поручикъ Паткуль, *трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ*. С.п.б. *Сочиненіе* Нестора Кукольника.

«Генералъ-Поручикъ Паткуль» названъ авторомъ, вѣроятно не безъ причины, трагедіей, а не исторической драмой. Слово трагедія, хотя и утратило свой первобытный, древній смыслъ, все же переноситъ читателя въ ту идеальную сферу искусства, гдѣ дѣйствующія лица являются представителями великихъ вопросовъ, великихъ событій человѣчества, гдѣ совершается борьба между двумя коренными началами жизни, и гдѣ, слѣдовательно, трагикъ имѣетъ право, для бо́льшаго торжества истины, жертвовать фактами, внѣшней вѣроятностью (*). Въ произведеніи г. Кукольника одно лицо — Паткуль наполняетъ всю сцену; его *пафосъ* — (мы бы весьма желали замѣнить это слово другимъ, въ угоду тѣмъ насмѣшливымъ и острымъ людямъ, которымъ оно не нравится — но не находимъ другаго) его пафосъ — величіе Петра, возникающей Руси, новаго царства, новаго народа... Остальныя лица — Августъ, Карлъ, любовницы и министры Августа служатъ только рамой картинѣ. Намъ кажется, что авторъ употребилъ во зло признанное за нимъ право измѣнять событія: вся его трагедія исполнена анахронизмовъ, на которые мы укажемъ ниже; во всякомъ случаѣ, едва ли слѣдовало заставить Паткуля (на стр. 84) говорить о Мольерѣ, какъ о живомъ человѣкѣ тридцать-три года послѣ его смерти. — Но прежде, чѣмъ приступимъ собственно къ разбору произведенія г. Кукольника, намъ хочется поговорить о самомъ Паткулѣ, какъ объ историческомъ лицѣ.

Графиня Кёнигсмаркъ (*) говоритъ у г. Кукольника, что

«Царя Петра великое лицо
«Испуганной Европѣ представляетъ
«Великій Паткуль....,

(*) «На сколько можетъ трагикъ отступить отъ исторической истины? Во всемъ, «что не касается до *характера* дѣйствующаго лица — на сколько угодно. — Но «*характеры* должны быть ему священны. Малѣйшее *существенное* измѣненіе, «всякое внутреннее противорѣчіе уничтожаетъ причину, почему выбрано именно «это историческое лицо; а намъ не можетъ нравиться то, чему причины мы не «находимъ.»

Лессингъ. Гамб. Драм. Ч. I. стр. 105.

(*) У г. Кукольника графиня Кёнигсмаркъ въ 1706 году добивается аббатства Кведлинбургскаго, которое, по исторіи, она получила въ 1698-мъ.

Digitized by Google

и хоть тогда, за три года до полтавской битвы, Европа не могла «пугаться» Петра — но мысль противопоставить юную Русь старой Европѣ, показать намъ представителя нашего великаго Царя среди блестящаго и развратнаго двора Августа, эта мысль, дѣйствительно, могла бы служить основаніемъ замѣчательнаго художественнаго произведенія. Какъ ее выполнилъ г. Кукольникъ — увидимъ ниже, но теперь мы должны объявить, что въ нашихъ глазахъ Паткуль не заслуживаетъ чести быть *такимъ* представителемъ Петра. Рожденный съ сердцемъ горячимъ и благороднымъ, съ умомъ изворотливымъ и тонкимъ, онъ въ молодости своей смѣло возсталъ за права своей родины — и пострадалъ за свою смѣлость; осужденный на позорную казнь, если не раскаялся въ своей опрометчивости, то, по крайней мѣрѣ всячески старался загладить ея дурныя послѣдствія, просилъ, писалъ умоляющія письма; раздраженный отказомъ, напраснымъ униженіемъ, старался отмстить шведскому правительству сперва сочиненіями, потомъ дѣлами (*); велъ жизнь непостоянную и безпокойную, пока Флеммингъ его не завербовалъ въ саксонскую службу; увлеченный величіемъ Петра, и, быть можетъ, патріотическимъ желаньемъ упрочить судьбы своего отечества, поступилъ въ число служителей русскаго царя, не разрывая, впрочемъ, связи съ саксонскимъ дворомъ; интриговалъ, запутывалъ и распутывалъ дѣла, безпрестанно путешествовалъ, вступалъ въ сношенія съ правительствами австрійскимъ, прусскимъ, датскимъ, а при вступленіи юнаго Карла на престолъ хлопоталъ о помилованіи. Паткуль принадлежалъ къ числу тѣхъ странствующихъ второстепенныхъ дипломатовъ, космополитическихъ государственныхъ людей, которыми тогда полна была Европа. Таковъ былъ извѣстный Горцъ, таковъ былъ знаменитый Альберони, его современники; но Паткулю до нихъ, «какъ до звѣзды небесной», далеко. Страшная, мученическая смерть Паткуля возбудила къ нему справедливое участіе историковъ и, можетъ быть, одна вывела изъ мрака, обезсмертила его имя. Онъ преданъ былъ Петру, потому, что чувствовалъ его превосходство и предугадывалъ его могущество; служилъ ему усердно, горячо, но дѣйствовалъ единственно изъ личныхъ выгодъ. Героемъ же онъ не былъ, хотя рисковалъ своей головой не разъ — c'était le mauvais côté du métier, какъ говорятъ Французы (**). Читатели могутъ усомниться въ спра-

(*) Отвѣтъ шведскаго правительства на манифестъ 1702 года былъ публично сожженъ въ Москвѣ по наущенію Паткуля.

(**) Извѣстно, что и Горца казнили (гораздо съ большей несправедливостью, чѣмъ Паткуля) послѣ смерти Карла. «Mors regis, fides in Regem mors mea», сказалъ про себя Горцъ. Онъ умеръ съ замѣчательной твердостью — чего тоже нельзя сказать про Паткуля.

Digitized by Google

ведливости нашего мнѣнія; мы имъ представимъ доказательство неотразимое: собственныя признанья Паткуля. Капелланъ Гіельмскаго полка, при которомъ находился плѣнный Паткуль, Лаврентій Гагенъ (Hagen), а не *Гагаръ*, какъ его называетъ г. Кукольникъ, — оставилъ необыкновенно трогательное, поражающее своей истиной, описаніе *послѣдняго дня* бѣднаго Паткуля, которому онъ служилъ исповѣдникомъ. Чтеніе этого документа, писаннаго на другой день казни, такъ сильно подѣйствовало на насъ, что мы рѣшаемся подѣлиться нашими впечатлѣніями съ читателемъ. Этотъ документъ чрезвычайно интересенъ и въ психологическомъ отношеніи. читая простой разсказъ почтеннаго пастора, мы какъ будто присутствуемъ при предсмертныхъ мукахъ человѣка страстнаго, много пережившаго, не слабаго, но и не сильнаго, умнаго, но не необыкновеннаго, какимъ и былъ Паткуль.... Такіе люди ближе и понятнѣе намъ, въ нихъ больше принимаешь участія. — Вотъ этотъ разсказъ: (пасторъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ).

«...Полковникъ за тайну сказалъ пастору, что Паткуля казнятъ на слѣдующій день, и поручилъ ему объявить это плѣннику и приготовить несчастнаго къ христіянской кончинѣ. Согласно съ этимъ приказаніемъ, капелланъ отправился къ Паткулю около 3-хъ часовъ дня и нашелъ его лежащимъ на постелѣ. Поклонившись ему, пасторъ попросилъ его не пенять на него за нежданное посѣщеніе, тѣмъ болѣе, что онъ (пасторъ) не сомнѣвается въ томъ, что въ бѣдственномъ его положеніи, ему необходимы увѣщанія и утѣшенія божественнаго слова. «Я очень радъ» отвѣчалъ Паткуль: — «и очень вамъ благодаренъ; повѣрьте, г-нъ пасторъ, ни одно посѣщеніе не могло мнѣ быть болѣе пріятнымъ. Ну, прибавилъ онъ, что новаго?» — Капелланъ отвѣчалъ, что онъ долженъ ему нѣчто сказать наединѣ; Паткуль всталъ и обратился къ дежурному офицеру. Капелланъ тоже подошелъ къ офицеру и шопотомъ сообщилъ ему приказаніе полковника. Какъ только тотъ вышелъ, Паткуль взялъ пастора за руку... «Ахъ, г-нъ пасторъ» началъ онъ чрезвычайно взволнованнымъ голосомъ: «что вы такое мнѣ хотите объявить?» — Милостивый государь, возразилъ пасторъ: — я прихожу къ вамъ съ порученіемъ Іезекіи; я долженъ вамъ сказать, что Исаія сказалъ этому царю: (Исаіи XXXVIII. 1) «Устрой «о дому твоемъ, умираешь бо ты и не будеши живъ!» — Услышавъ эти слова, Паткуль снова легъ и слезы потекли у него изъ глазъ. Пасторъ началъ его утѣшать и сказалъ ему, что такъ какъ онъ искусенъ во всѣхъ наукахъ, то, вѣроятно, хорошо знакомъ и съ главнѣйшей изъ всѣхъ наукъ, съ религіей, и что по этому не слѣдуетъ ему принимать съ такой горестью и съ такимъ волненіемъ извѣстіе, котораго онъ, притомъ, долженъ былъ ожидать. «Ахъ» сказалъ Паткуль, «я знаю старинную обязанность людей — умереть когда нибудь; но эта смерть будетъ мнѣ слишкомъ тяжка». И онъ заплакалъ горько.

Digitized by Google

Желая подкрѣпить его, пасторъ сказалъ ему, что еще неизвѣстно какой родъ смерти ему назначенъ, но что она будетъ тѣмъ спасительнѣе для его души, чѣмъ страшнѣе для тѣла. Тогда Паткуль привсталъ на постелѣ и, сложа руки, воскликнулъ: «Господи Іисусе, пошли мнѣ праведную смерть». Потомъ, обратившись къ стѣнѣ, продолжалъ: «Ахъ! редукція (*) въ Швеціи и Ливоніи была причиной всѣхъ моихъ бѣдствій» Капелланъ попросилъ его оставить всѣ земные помыслы, которые, притомъ, не могли не быть ему непріятными, и подумать о небѣ и вѣчности. «Увы, добрый господинъ пасторъ!» отвѣчалъ онъ:— «моя душа — старая язва, наполненная гноемъ; позвольте мнѣ сперва выкинуть вонъ все, что у меня на сердцѣ; все это должно выдти вонъ. Эта редукція, которая раззорила столько людей, продолжалъ онъ, — эта редукція причина всѣхъ моихъ несчастій. Покойный король ударилъ меня по плечу и сказалъ мнѣ: Паткуль, защищайте права вашей родины, какъ слѣдуетъ честному человѣку. Что же мнѣ было дѣлать? Но злые люди все перетолковали въ дурную сторону. Да проститъ Господь Гастбру. Онъ много содѣйствовалъ къ моему несчастію. Сначала онъ заманилъ меня, потомъ совсѣмъ ослѣпилъ, потомъ сдѣлался моимъ врагомъ и сталъ меня преслѣдовать. Скоро я увижу тебя, вмѣстѣ съ моими другими обвинителями, передъ престоломъ Вѣчнаго Судьи. Берггеймъ тоже много мнѣ повредилъ; но онъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствовалъ по приказанію. Швеція! Швеція! не со смѣхомъ и плясками покинулъ я тебя, Богъ тому свидѣтель! Но куда мнѣ было дѣться? Не могъ же я спрятаться въ могилѣ, вмѣстѣ съ мертвыми. Я не хотѣлъ пойти въ монастырь: моя религія мнѣ этого не позволяетъ; у союзныхъ державъ я не былъ въ безопасности. Мнѣ говорятъ: ты пошелъ къ нашимъ врагамъ, слѣдовательно, ты причиною этой кровавой войны. Но какой ложный выводъ! Я пришелъ къ нимъ какъ несчастный изгнанникъ, не какъ злой совѣтникъ и бунтовщикъ. Тогда никто не полагалъ меня способнымъ къ такому дѣлу, и дѣйствительно, я къ этому не былъ способенъ. Когда я прибылъ въ Саксонію, все уже было сдѣлано, и конвенція съ Московіей была подписана, прежде нежели я что нибудь значилъ»....

Пасторъ снова посовѣтовалъ ему не вдаваться слишкомъ въ житейскія дѣла; но Паткуль взялъ его за руку и сказалъ: «Позвольте мнѣ проститься съ ними, съ тѣмъ, чтобъ ужь никогда больше объ нихъ не говорить. Какой вы націи, г–нъ пасторъ?»— Я Шведъ, возразилъ тотъ, родомъ изъ Штокгольма.—«Тѣмъ лучше», отвѣчалъ Паткуль:— «я очень бы желалъ, чтобы Шведы тоже узнали истину обо мнѣ. Господинъ пасторъ, *сердце у меня всегда было шведское*, хотя этому не

(*) Эта «редукція» состояла въ конфискованіи многихъ казенныхъ имѣній, которыя дворянство себѣ присвоило или получило въ даръ, болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Огромныя земли, между прочимъ 10 графствъ и 50 баронствъ, подверглись этому конфискованью.

Digitized by Google

хотѣли вѣрить; но Богъ тому свидѣтель. Можно судить о моемъ расположеніи къ Шведамъ по тому, какъ я услужилъ нѣкоторымъ, главнымъ изъ нихъ. Эти услуги такого рода, что, скажу безъ хвастовства, кронѣ меня никто бы на нихъ не рѣшился. Часто желали меня вознаградить деньгами, но я не соглашался; я просилъ хотя одного рекомендательнаго слова при шведскомъ дворѣ, съ тѣмъ, чтобы опять попасть въ милость. Но увы! врата кротости были постоянно заперты для меня, бѣдной заблудшей овцы. Я не переставалъ, однако, употреблять всяческія усилія; съ этой же цѣлью поѣхалъ въ Москву, когда наши посланники тамъ были. Вы вѣдь слышали объ этомъ», прибавилъ онъ, обращаясь къ пастору. — Да, отвѣчалъ тотъ; я даже имѣлъ тогда честь быть капелланомъ при посольствѣ; я васъ тамъ видѣлъ.—«А! вы тамъ были! То-то мнѣ и хотѣлось сперва сказать, что я васъ гдѣ-то видѣлъ. Да, г-нъ пасторъ, продолжалъ онъ, я старался попасть въ милость черезъ посредство царя. Но когда я узналъ, что посланникамъ короля было приказано сыскать меня и требовать моей выдачи, я принужденъ былъ спрятаться и жить инкогнито. Тогда распустили слухъ, что я отвратилъ царя отъ заключенія мира. Но это сдѣлалъ Н.; креатура Н. (*) — и другіе тутъ участвовали, которыхъ я знаю. Я же съ своей стороны, совѣтовалъ согласиться на миръ, сколько могъ, совѣтовалъ; и въ первый же годъ я довелъ дѣло до того, что король шведскій получалъ Курляндію, польскую Лифляндію и бо́льшую часть Самогитіи, если хотѣлъ согласиться на миръ. Полагали, что царь не захочетъ подписать такія условія; но, напротивъ, когда я ему предложилъ свой проэктъ, онъ очень обрадовался, обнялъ меня и благодарилъ за совѣтъ. Но шведскій король не согласился. Бѣдные плѣнные Шведы, которыхъ тогда было въ Москвѣ нѣсколько сотень, могли бы тоже свидѣтельствовать въ мою пользу. Я могу сказать, что я истратилъ болѣе ста тысячъ талеровъ, чтобы снова попасть въ милость шведскаго короля. Ахъ, если бы я также старался заслужить Божіе милосердіе!»

Онъ снова заплакалъ. Пасторъ началъ опять его утѣшать, увѣряя, что еще время, но что не надобно медлить, что врата Божьей благости еще открыты для него.—«Въ этомъ всѣ мои надежды» отвѣчалъ онъ:—«Ты мой Богъ, Ты не человѣкъ: гнѣвъ твой не вѣченъ... Но сердце мое разрывается при мысли, что я лучше служилъ людямъ, чѣмъ Богу»... Онъ еще прибавилъ нѣсколько словъ, и кончая, сказалъ: Potentes potenter tormenta patientu (сильные будутъ наказаны сильно). Но г-нъ пасторъ, продолжалъ онъ:—я, можетъ быть, васъ задерживаю своими скучными рѣчами. Теперь, если вамъ нужно что нибудь сдѣлать... я бы желалъ остаться немного наединѣ. Попросите также, пожалуйста, г-на полковника, чтобы меня не прерывали... я это сочту за милость.» Пасторъ обѣщалъ исполнить его просьбу и удалился.

Когда онъ возвратился къ плѣнному, вечеромъ въ 7 часовъ,

(*) Трудно догадаться, на кого мѣтилъ Патуль. Не на Меньшикова ли?

Digitized by Google

Паткуль сказалъ ему съ веселымъ и довольнымъ видомъ: «Милости просимъ, господинъ пасторъ; я на васъ гляжу, какъ на ангела небеснаго. Теперь, благодаря Бога, у меня тяжелый камень съ сердца свалился, я чувствую большую перемѣну въ своей совѣсти. Я радъ тому, что долженъ умереть. Лучше умереть, чѣмъ долго томиться въ тюрьмѣ. Ахъ! лишь бы эта смерть была сносна! Не знаете ли вы, какъ я долженъ умереть?» Капелланъ отвѣчалъ ему, что нѣтъ; но что, вѣроятно, все будетъ исполнено безъ шума, потому-что до сихъ поръ въ полку никто объ этомъ не зналъ, кромѣ полковника да его (пастора).—«И это милость», сказалъ Паткуль. —«Но развѣвыне видѣли моей сентенціи? Неужелижъ меня казнятъ, не выслушавши, даже не сообщивъ мнѣ приговора?» Пасторъ отвѣчалъ ему, что, вѣроятно, есть сентенція, но запечатанная, которую откроютъ только на мѣстѣ.—«Можетъ быть», сказалъ Паткуль:—«лишь бы меня недолго мучили.» Пасторъ подкрѣпилъ его, какъ только могъ, — и онъ самъ старался утѣшить себя словами священнаго писанія. Между прочимъ, онъ сказалъ по гречески стихъ изъ Дѣяній Апостольскихъ (XIV. 22.): «Многими скорбьми подобаетъ намъ внити въ царство Божіе», и изъ Посланія къ Римлянамъ (VIII. 18): «Непщую бо, яко недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славѣ явитися въ насъ». Онъ спросилъ потомъ, можетъ ли онъ получить бумаги и чернилъ. Когда же пасторъ сказалъ ему, что да, онъ попросилъ у него позволенія продиктовать ему слѣдующее:

Завѣщаніе или послѣдняя моя воля, которую я хочу чтобы исполнили послѣ моей смерти.

Во первыхъ, чтобы мои родственники, находящіеся въ шведскомъ войскѣ, получили должныя мнѣ суммы, въ силу существующихъ облигацій, и чтобы его величество, шведскій король, сдѣлалъ милость, помогъ имъ въ полученіи...

Продиктовавъ эти строки, онъ сказалъ пастору: «Остановимся тутъ, это мнѣ будетъ пріятнѣе, и отъ времени до времени станемъ молиться»; — что они и сдѣлали. «Теперь», примолвилъ онъ: — «слава Богу, я чувствую себя все лучше и лучше. Ахъ! лишь бы меня не долго мучили! Какъ бы я охотно отдалъ всю кровь мою до послѣдней капли, еслибъ я могъ выкупить ею свои грѣхи! Не правда ли, король—милосердый государь?» — Да, отвѣчалъ ему капелланъ, мы должны благодарить Бога за то, что онъ намъ далъ короля милосердаго и благочестиваго.—«Это главное», сказалъ Паткуль:—«гдѣ страхъ Божій, тамъ и другія добродѣтели... Справедливо говоритъ Давидъ, что страхъ Божій начало премудрости. Окруженъ ли онъ честными людьми?» продолжалъ онъ, говоря о королѣ. Капелланъ отвѣчалъ утвердительно. — «А первый министръ, графъ Пиперъ — что, онъ вельможа, боящійся Бога?»—На это капелланъ отвѣтилъ, что графъ тоже неоднократно доказалъ свою набожность.—«Слава Богу», продолжалъ Паткуль:—«со мной

Digitized by Google

Солнце начало всходить. Онъ взглянулъ въ окно и сказалъ: «Salve festa dies! ты день моего брака. Я надѣялся было праздновать другую свадьбу объ эту пору; но этотъ бракъ счастливѣе. Сегодня душа моя будетъ введена въ чертогъ уготованный, къ предвѣчному жениху своему Іисусу Христу. Какъ я радъ! Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я этого дня!» —Тогда онъ во второй разъ спросилъ у пастора, какою смертію ему суждено умереть. Когда же тотъ опять объявилъ ему, что онъ объ этомъ ничего не знаетъ, онъ сталъ просить его не покидать его, какъ бы казнь ни была ужасна. «Кричите мнѣ святое имя Іисуса», повторялъ онъ:—«это облегчитъ мои муки». Взглянувъ въ окно, «ахъ, г-нъ пасторъ», воскликнулъ онъ: — «вотъ уже закладываютъ телегу... Слава Богу, они торопятся; мнѣ надоѣло жить». Потомъ, взглянувъ на бумагу, гдѣ капелланъ началъ было писать его завѣщаніе, — «это все исполнятъ», сказалъ онъ. Пасторъ спросилъ его, не хочетъ ли онъ подписаться,—«нѣтъ», произнесъ онъ со вздохомъ:—«я не могу написать это ненавистное имя. Мои родственники и безъ того найдутъ, что я имъ оставилъ. Все въ порядкѣ, г-нъ пасторъ; поклонитесь имъ, когда вы ихъ увидите.»— Онъ снова началъ молиться, пока дежурный лейтенантъ не пришелъ за нимъ. Тогда онъ сказалъ, обращаясь къ пастору: «Вотъ и подтвержденіе вашего печальнаго порученія; ну, пойдемте, прибавилъ онъ: пора»—и надѣлъ плащь. «Вы сядете со мной», сказалъ онъ пастору:—«не покидайте меня.» Онъ сѣлъ въ телегу и заставилъ капеллана помѣститься сзади. Онъ обнималъ и цѣловалъ его, просилъ не забыть поклониться невѣстѣ, благодарилъ его...

Такимъ образомъ, они прибыли на мѣсто казни, окруженное тремя стами пѣшихъ солдатъ. Когда Паткуль увидалъ уже готовыя копья и колеса, онъ страшно испугался, бросился на грудь капеллана и простоналъ: «ахъ, г-нъ пасторъ, молите Бога, чтобы я не впалъ въ отчаяніе.» Пасторъ его началъ утѣшать, напоминая ему распятаго Христа... Тутъ его взяли, и пока съ него снимали цѣпи, онъ читалъ молитву:

«О, Агнецъ Божій, Ты, который, хотя невинный, былъ принесенъ «въ жертву на крестѣ...»

Когда же его привели къ самому мѣсту истязаній, капитанъ гіельмскаго полка произнесъ громкимъ голосомъ слѣдующую рѣчь: «Да будетъ вѣдомо всѣмъ и каждому, что по нарочитому приказанію его «величества, нашего всемилосердаго государя и короля, сей человѣкъ, «который измѣнилъ своему отечеству, въ возмездіе за его преступленія «и въ примѣръ другимъ, долженствуетъ быть колесованъ и четвертованъ. «Пусть же каждый боится измѣны и вѣрно служитъ своему королю.» При словахъ: «измѣнилъ своему отечеству», Паткуль пожалъ плечами и взглянулъ на небо. Потомъ онъ спросилъ: «гдѣ мнѣ стать?» И когда палачъ указалъ ему мѣсто, онъ сѣлъ на землю, и пока его раздѣвали, закричалъ капеллану: «Молите Бога, чтобы онъ подкрѣпилъ меня въ эту минуту»... Пасторъ помолился и, обратившись къ народу:—милыя мои дѣти, сказалъ онъ имъ:—скажемте «Отче нашъ», за этого бѣднаго человѣка. «Да, ахъ да», сказалъ Паткуль: — «молитесь»...

Digitized by Google

Въ эту минуту палачь ударилъ его въ первый разъ. Паткуль закричалъ изо всѣхъ силъ: — «Сжалься надо мной, Іисусе!» Однако же, онъ получилъ отъ 14 до 15 ударовъ. Онъ имѣлъ дѣло съ палачомъ неопытнымъ, и казнь его была продолжительна и жестока. Во все время казни, онъ кричалъ раздирающимъ голосомъ, безпрестанно призывая Христа Спасителя. «Ко мнѣ, ко мнѣ, Іисусе», кричалъ онъ:— «вручаю духъ мой въ руки Твои.»—Послѣ того, какъ его два раза ударили по желудку, онъ уже болѣе не кричалъ, но сказалъ прерывающимся голосомъ: «отрубите голову»...—и такъ какъ палачь медлилъ, онъ самъ положилъ ее на плаху. Только съ четвертаго удара ему ее отрубили... Потомъ его четвертовали и воткнули члены его въ разныхъ мѣстахъ на копья.»

Мы не прибавимъ никакихъ замѣчаній къ этому разсказу: онъ самъ говоритъ за себя. Если намъ возразятъ, что капелланъ съ намѣреньемъ неточно передалъ слова Паткуля, то мы сошлемся, во первыхъ, на чувство каждаго читателя; а во вторыхъ, замѣтимъ, что Шведу, желавшему оправдать своего короля, слѣдовало бы вложить совсѣмъ другія рѣчи въ уста плѣнника. — Намъ возразятъ, что Паткуль говорилъ подъ вліяніемъ страха, близкой казни. — Въ этомъ мы вполнѣ согласимся, да мы только и желали доказать, что Паткуль не былъ героемъ. — Что министры Августа и самъ Августъ поступили съ нимъ противозаконно, безчеловѣчно, безсовѣстно, согласно съ тѣмъ, что тогда называлось тонкой политикой, дипломатической наукой; что Паткуль своей смѣлостью, рвеньемъ и дѣятельностью оскорбилъ и запугалъ ихъ — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но онъ пострадалъ не за одну свою смѣлость. — Читатели позволятъ намъ сообщить нѣсколько историческихъ подробностей, касающихся до заключенія Паткуля. Извѣстно, что будучи кассиромъ русскихъ войскъ, находившихся въ Польшѣ, генералъ-поручикомъ русской службы и посланникомъ, Паткуль состоялъ также въ распоряженіи короля Августа, который, между прочимъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1704 года (за годъ съ небольшимъ до его заключенія) послалъ его вмѣстѣ съ генераломъ Брантомъ и двѣнадцати-тысячнымъ войскомъ взять Познань. — Осада ему не удалась; онъ отступилъ. Враги его воспользовались этой неудачей и, вѣроятно, уже тогда повредили ему въ умѣ короля. Притомъ Августъ, по весьма понятнымъ причинамъ, не вѣрилъ въ добросовѣстность и готовъ былъ подозрѣвать всѣхъ и каждаго: человѣкъ судитъ о другихъ по самомъ себѣ. — Въ декабрѣ 1705 года, Августъ имѣлъ свиданіе въ Гроднѣ съ Петромъ, и *именно изъ Гродна* онъ послалъ въ Дрезденъ приказъ посадить Паткуля въ *Зонненштейнъ* (его послѣ перевели въ Кёнигштейнъ), — въ самое то время, когда, казалось, онъ окончательно

Digitized by Google

скрѣплялъ союзъ свой съ русскимъ царемъ. — Этотъ макіавелическій образъ дѣйствія былъ, впрочемъ, совершенно въ духѣ августовой политики. Тогда же поднялись различные толки о причинахъ этого приказанія. Саксонскій дворъ обвинялъ Паткуля въ заключеніи тайнаго трактата съ императоромъ германскимъ (что̀ даже довольно вѣроятно), — въ желаніи разъединить союзниковъ (Петра и Августа), въ оскорбительныхъ отзывахъ о самомъ Августѣ. Но подъ этими явными обвиненіями таились другія, невысказанныя. — Трудно проникнуть въ эту мглу, распутать сѣти всѣхъ этихъ дипломатическихъ интригъ, личныхъ непріязней, измѣнъ и подкуповъ; но по всей вѣроятности, Паткуль, который видѣлъ вблизи двуличность и ненадежность Августа и хотѣлъ, можетъ быть, загладить свои прежнія вины — попытался устроить то̀, что̀ десять лѣтъ спустя удалось Горцу, т. е. сблизить Петра съ Карломъ; — а Августъ, съ своей стороны, предчувствуя неизбѣжный конецъ войны съ шведскимъ королемъ, и подстрекаемый своими наушниками, врагами Паткуля, желалъ себя обезпечить тѣмъ болѣе, что Паткуль самъ едва ли былъ очень разборчивъ на средства. Посадивъ въ тюрьму посланника русскаго царя, онъ подвергался (и дѣйствительно подвергся) гнѣву Петра; но, вѣроятно, успѣлъ — если не очернить совершенно Паткуля въ глазахъ его монарха, то, по крайней мѣрѣ, оправдать его заключенье на время, потому-что хотя сначала Меньшиковъ и выступилъ изъ Польши обратно въ Россію и самъ Петръ не хотѣлъ дать никакого отвѣта епископу Куявскому, посланному къ нему отъ Августа, пока не освободятъ Паткуля: но въ сентябрѣ 1706 года (т. е. девять мѣсяцовъ послѣ заключенія Паткуля въ тюрьму) мы снова видимъ Меньшикова и Шереметева въ распоряженіи Августа передъ Калишемъ. — Петръ никакъ не могъ ожидать постыдной выдачи Паткуля Карлу; узнавъ объ ней, закипѣлъ негодованіемъ, употребилъ всѣ средства къ избавленію своего посланника, хлопоталъ въ теченіи цѣлаго года (Паткуль былъ выданъ въ сентябрѣ 1706, а казненъ въ концѣ сентября 1707); но при извѣстномъ упрямствѣ и гордости Карла, никакія представленія помочь не могли. — Ничто не бросаетъ такого яркаго свѣта на характеръ Августа, какъ его поведеніе подъ Калишемъ. Вѣроломный Альтъ-Раштадскій трактатъ былъ уже подписанъ а онъ — правда, нехотя — напалъ на Мардефельда, (котораго г. Кукольникъ упорно называетъ Мардефельдомъ) далъ ему знать подъ рукой о грозящей ему опасности — и не посмѣлъ объявить Меньшикову о заключенномъ уже мирѣ. Августъ не былъ злымъ человѣкомъ, но совѣсть, кажется, въ немъ молчала постоянно. Двуличность его является между прочимъ въ приказаніи, отданномъ также *подъ рукою* — кёнигштейн-

Digitized by Google

скому коменданту — выпустить Паткуля; — гнѣвъ Петра страшилъ Августа... Когда же Паткуля, по недоразумѣнію, по упрямству, или по корыстолюбію, выдали Шведамъ, коменданту тайкомъ отрубили голову...

Изъ всего сказаннаго нами, мы заключаемъ, что Паткуль былъ человѣкъ умный, ловкій, можетъ быть, слишкомъ ловкій, искусный дипломатъ и хорошій слуга Петру. Страшной смертью своей искупилъ онъ всѣ прежнія прегрѣшенія и справедливо заслуживаетъ наше сожалѣніе и участіе... Паткуль не могъ не презирать Августа, его дворъ, его главныхъ служителей; онъ чувствовалъ, что Петру нельзя было положиться на такого легкомысленнаго и вѣроломнаго человѣка и старался, на всякій случай, упрочить за собой новыхъ союзниковъ; въ надеждѣ на свою посланническую неприкосновенность, пустился въ слишкомъ смѣлыя и слишкомъ многочисленныя интриги — и самъ запутался въ своихъ сѣтяхъ. — Мы, въ приличномъ мѣстѣ, постараемся оцѣнить также права Карла, судьи Паткуля, а теперь обратимся къ самому произведенію г. Кукольника.

Уже давно (и весьма благоразумно) принято за правило, что критикъ не имѣетъ права спрашивать у автора: зачѣмъ онъ выбралъ *такой* предметъ, придерживается *такого-то* мнѣнія? — но долженъ сперва самъ понять, какую себѣ авторъ поставилъ задачу, а потомъ разсмотрѣть, *какъ* онъ ее выполнилъ. Если г. Кукольнику угодно было сдѣлать изъ Паткуля вдохновеннаго пророка величія Россіи, представителя Петровской мысли и силы, мы можемъ протестовать во имя исторической истины, но мы сперва должны доказать, что съ художественной точки зрѣнія авторъ не выполнилъ собственнаго намѣренія, чтобы имѣть право произнести приговоръ надъ его произведеніемъ. Мы приступаемъ къ подробному разбору сочиненія г. Кукольника.

Актъ первый. Дѣйствіе происходитъ около Калиша. — Входитъ Графъ Шулембургъ (*), саксонскій генералъ, извѣстный своимъ незаслуженнымъ пораженіемъ при Фраштадтѣ (въ 1706 году) и знаменитой защитой Корфу противъ Турковъ въ 1716 году, въ качествѣ фельдмаршала венеціянскихъ войскъ, — и Смигельскій, польскій генералъ. — Смигельскій, перехвативъ копію мирнаго трактата, посланнаго къ Августу, грозится отдать «эти бумажки» Паткулю (который, замѣтимъ мимоходомъ, уже около года сидитъ въ крѣпости); Шулембургъ хочетъ его арестовать, но Смигельскій уходитъ съ угрозами. Входитъ Августъ съ свитой. — Король въ

(*) Напрасно Августъ у г. Кукольника называетъ Шулембурга старикомъ: Шулембургу было въ 1706 году 45 лѣтъ; онъ родился въ 1661 году.

Digitized by Google

нетерпѣніи ждетъ трактата, безпрестанно примѣшиваетъ французскія слова (*) ради «couleur locale»; великій гетманъ коронный, Синявскій, упрекаетъ его въ медлительности съ примѣсью латинскихъ словъ. Мы находимъ, что авторъ могъ бы искуснѣе вывести польскихъ магнатовъ, окружавшихъ тогда Августа (тѣмъ болѣе, что они уже не являются потомъ на сцену), — но дѣло не въ томъ. — Всѣ стараются уговорить Августа вступить въ битву; Августъ колеблется. Является Паткуль, убѣждаетъ короля, даетъ ему денегъ въ *билетахъ*. Наобно «размѣнять»; приходитъ жидъ Леммель; Августъ покупаетъ у него на всѣ деньги разные подарки дамамъ. — Смигельскій приходитъ съ извѣстіемъ о пораженіи Шведовъ. Августъ отправляется спасать ихъ остатки. — *Явленіе второе*. Роза, невѣста Паткуля, гуляетъ съ своей служанкой. Шведы нападаютъ на нихъ. Августъ поспѣваетъ на помощь, избавляетъ Розу, поражается ея красотой, волочится за ней и предлагаетъ ей ѣхать въ Дрезденъ. Роза узнаетъ, кто онъ, «теряется» и смотритъ уже на себя, какъ на жертву.—Августъ ей говоритъ, между прочимъ:

«Облитая вечернею зарей,
«Вы будете»...

Роза отвѣчаетъ: «я буду спать». Они уѣзжаютъ. — Неужели, думали мы по окончаніи этой сцены, этотъ любезникъ второй руки, этотъ мѣшковатый добрый малый—Августъ, тотъ пышный, великолѣпный, изящный Августъ, удачнѣйшій подражатель Лудовика XIV-го, тотъ вѣнчанный вельможа, о которомъ намъ говоритъ исторія? Неужели Августъ когда либо произносилъ такія рѣчи:

Инкогнито спасительный покровъ,
Смотри же, Фюрстенбергъ, не выдавать!
En homme privé мы сдѣлаемъ conquête...
Съ такими grâces *ходили* ваши руки...
Au doux *plaisir de revoir*, ma Rose!

Авторъ переноситъ насъ въ калишскій замокъ и знакомитъ съ любовницами Августа: графиней Эстерлэ, княгиней Тэшенъ, графиней Кёнигсмаркъ — хотя мы, признаемся, не слишкомъ ради этому знакомству, помня стихи:

Не дай намъ Богъ сойтись на балѣ
Съ семинаристомъ...

(*) Замѣтимъ кстати, что почти всѣ наши стихотворцы, помѣшая французскія слова въ свои стихи, не считаютъ e muet за гласную. Такъ и г. Кукольникъ въ comme c'est beau! вмѣсто четырёхъ (Com-*me*-c'est beau) — видитъ три слога (Комъ сѣ бо) — въ Bonjour, comtesse, четыре (бон-журъ-кон-тессъ) вмѣсто пяти (bon-jour-com-tes-*se*). Правда, эти послѣднія слова произноситъ княгиня Тэшенъ *разсѣянно*, до того разсѣянно, что говоритъ *con*-tesse.

Digitized by Google

Графиня Эстерлэ «забавляется пока надъ Полькой» (княгиней Тэшенъ). «*Отдѣлала* порядкомъ, будетъ помнить!» говоритъ она другой дамѣ въ присутствіи княгини; потомъ уходитъ. Княгиня Тэшенъ сообщаетъ г-жѣ Кёнигсмаркъ, что она разлюбила Августа и влюбилась въ Паткуля. Вдругъ вбѣгаетъ графиня Эстерлэ, объявляетъ, что у ней отъ сыраго воздуха — *лицо и руки посинѣли* — и что пріѣхалъ Августъ. Августъ возвращается съ побѣды, раздаетъ свои подарки. — Является Паткуль — и что̀ тутъ слѣдуетъ?.. что тутъ слѣдуетъ, читатели? извѣстно что̀: — обычное распеканіе à la Ruy Blas, дешевый, но несомнѣнный coup de théatre, необходимое заключеніе перваго акта. Августъ, какъ опытный, со всѣми пружинами драматическихъ представленій знакомый актеръ, выслушиваетъ до конца краснорѣчіе Паткуля. — Но Паткуля удовлетворить не легко. «Я» говоритъ «понимаю ваше положенье; вамъ стыдно, у этихъ дамъ подарки отнимать; не безпокойтесь: я самъ.» Княгиня Тэшенъ и графиня Кёнигсмаркъ добровольно покоряются, у графини Эстерлэ, отличающейся страннымъ упорствомъ говорить безграмотно по французски, Паткуль вырываетъ футляръ съ брильянтами — и первому акту конецъ.

Второй актъ. — Мы въ кабинетѣ короля Августа. Флеммингъ проситъ графиню Кёнигсмаркъ вести интригу съ Розой Эйзиндлевъ въ пользу его (Флемминга). — Графиня соглашается. — Какой искусный намекъ на придворную «галантерейность!» Входитъ Августъ. — Флеммингъ убѣждаетъ его велѣть «скорѣе спрятать» Паткуля и при этомъ случаѣ дважды называетъ самого себя «лисицей.» Вообще, наивность одно изъ главныхъ качествъ трагедіи г. Кукольника. Всѣ дѣйствующія лица другъ другу тотчасъ вѣрятъ на слово, всѣ вслухъ высказываютъ свое мнѣніе. Въ силу этой наивности, графиня Кёнигсмаркъ тотчасъ выдастъ Августу тайну любви княгини Тэшенъ, и Августъ ей тотчасъ вѣритъ и ревнуетъ

> Поплатятся и Паткуль и княгиня! (восклицаетъ Августъ)
> Сего дня же на балѣ дамъ отставку... (княгинѣ)
> А Паткуля...

Входятъ Имгофъ и Пфингстенъ (котораго г. Кукольникъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, перекрестилъ въ *Фикнштейна*) и приносятъ трактатъ Альтъ-Ранштадтскій. Августъ на все соглашается; но въ *сепаратномъ* пунктѣ требуютъ выдачи Паткуля... Замѣтимъ кстати, не въ сепаратномъ, но въ II-мъ пунктѣ трактата; всѣхъ пунктовъ было 22 и 1 сепаратный, въ которомъ, напротивъ, сказано, что если даже всѣ ручательства со стороны короля Августа не будутъ доставлены, трактатъ все таки остается въ полной силѣ. Августъ не соглашается. — Флеммингъ прячетъ трактатъ за пазуху, боится, что

Digitized by Google

«бабы» (*) разболтаютъ. Начинается балъ. – Кн. Тэшенъ *машинально* протягиваетъ руку и говоритъ: «чуть-чуть церемоніяла не забыла.» Но Августъ восклицаетъ: Pardon, madame! и уходитъ съ другой дамой; княгиня Тэшенъ остается одна, говоритъ: «Отдайте мнѣ невинность! честь отдайте! стыдъ мужа!» Является Паткуль.

Ахъ, (говоритъ она) вашу руку, благородный Паткуль!
Теперь нужна мнѣ твердая рука,
Чтобы сойти со скользкой высоты,
Куда меня насиліе *втащило*...

и т. д. — постоянно придерживаясь слога воспитанниковъ старинныхъ духовныхъ заведеній. Они оба идутъ на балъ.

Въ «большой проходной комнатѣ» Августъ разсуждаетъ съ графиней Кёнигсмаркъ о своемъ затруднительномъ положеніи. Въ самомъ дѣлѣ, потерять все-изъ за Паткуля — непріятно. Но вотъ и онъ самъ является съ княгиней Тэшенъ, которая обѣщаетъ *обождать* его на террасѣ. Паткуль опять пристаетъ къ королю.... не всѣ драгоцѣнности выданы: нѣтъ головнаго убора, который Августъ подарилъ Розѣ. — Король негодуетъ. Но Паткуль еще не того требуетъ. — Гдѣ трактатъ Альтъ-Раштадтскій? — И, не говоря худаго слова, запускаетъ руку въ карманъ Флеминга, достаетъ трактатъ, «и ужъ тутъ не шутка!» садится и читаетъ. Флемингъ «тихо» совѣтуетъ Августу посадить Паткуля въ тюрьму. Но Паткуль вскакиваетъ «внѣ себя.» «Нѣтъ» говоритъ — «и хочется и колется... Вы, государь, со мной протанцовали pas de deux.» Но вдругъ является Роза въ головномъ уборѣ. Паткуль кричитъ: браввиссимо, хлопаетъ въ ладоши и дико хохочетъ. — «Роговъ носить не буду» (продолжаетъ онъ)

У каждой двери будутъ два арапа,
А у постели песъ медіоланскій!
Сонъ, что мнѣ сонъ? я въ вашей спальнѣ, Роза,
Поставлю письменный мой столъ; всю ночь
Нельзя писать и нечего, такъ перья
Чинить я стану; на постелѣ брачной
Разброшу книги, письма и ландкарты...
Вы спите, Роза, спите, почивайте!...
Форнарина Рафаэля...
Эту грудь разбей на двое»...

Ахъ, извините, читатель: это изъ «Домашняка»... Роза отвѣчаетъ: «Жанъ, ради Бога, Жанъ!» Жанъ ее спрашиваетъ: «невинна ты?» –

(*) Въ числѣ этихъ бабъ находится знаменитая Кёнигсмаркъ, названная Вольтеромъ самой замѣчательной женщиной двухъ столѣтій!! И это говоритъ придворный Августа!!!

Digitized by Google

Роза. «Богъ защитилъ меня». *Жанъ*: Молчи! Потомъ Жанъ представляетъ ее Августу, какъ свою невѣсту, а король, исполненный ревности, отдаетъ Флемингу ключь отъ кёнигштейнской башни.

Актъ третій. Мы въ домѣ Паткуля — въ Дрезденѣ. Въ первой сценѣ онъ прощается съ русскимъ полковникомъ, которому сообщаетъ, между прочимъ, что у него двѣ руки и два уха. Потомъ является Роза, отецъ ея и мать (безъ рѣчей, какъ сказано въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ). Отецъ второпяхъ благословляетъ дочь свою, мать безъ рѣчей тоже ее благословляетъ, и всѣ, кромѣ Паткуля, уходятъ въ церковь. — Паткуль остается одинъ.... Входятъ — Флемингъ, Фюрстенбергъ и tutti quanti. Они пришли арестовать Паткуля.—Паткуль передаетъ Флемингу записку Карла, купленную имъ, какъ говоритъ онъ, «за незначительную сумму»—Флемингъ видитъ изъ записки, что и ему Имгофъ и *Финкштейнъ*—готовятъ гибель, (о чемъ, разумѣется, исторія не говоритъ ни слова; напротивъ того Флемингъ ихъ погубилъ, воспользовавшись ими)—и, вѣрный системѣ наивности, проведенной по всей драмѣ, приходитъ въ бѣшенство и предлагаетъ Паткулю уѣхать съ нимъ въ *Данцигъ*. — Но Паткуль не соглашается ни на какія предложенія, зоветъ своихъ людей. Они являются изъ потаенной двери, за которой видны три трупа шпіоновъ. Видите ли — говоритъ онъ — я свободенъ!

«Моя квартира съ множествомъ секретовъ...
„ . . . . . хочу — пойду въ темницу,
«Хочу — къ Петру поѣду на почтовыхъ!...
«Передъ моей забрызганной каретой
«Вы факелы покорно понесете...»

И, вѣроятно изъ диллетантизма, отправляется въ тюрьму. Боже мой! опять подумали мы, окончивъ и эту сцену: — неужелижъ этотъ маркизъ Фенфаронъ, этотъ новый капитанъ Пистоль, этотъ многошумный господинъ, который говоритъ постоянно «in King Cambyses' vein» (*) — Паткуль, даже тотъ Паткуль, какимъ его вообразилъ г. Кукольникъ?

А вотъ вамъ и замашки à la Шекспиръ:

Мы по старшинству
На Карла будемъ брызгать нашей кровью;
Міръ испытаетъ съ пятнами горячку:
Но будетъ ли кровопусканье въ пользу? —

(*) Король Камбизъ, одна изъ англійскихъ трагедій до Шекспира. Такъ одинъ изъ героевъ говоритъ, между прочимъ, что: «я затоплю всѣ планеты волнами «моей крови.. »

Digitized by Google

Европа дряхлая не ослабѣетъ,
Проспится и опять, на старомъ мѣстѣ,
Откроетъ старую свою цирюльню...
На мѣсто Имгофъ! (кричитъ Паткуль)
По плутовству въ коммиссіи вы первый
По старшинству шестой.. Сидите смирно.
Есть у меня пилюли и для васъ!
. . . . .
Не вамъ ли, куклам, слабымъ и щедушнымъ
Арестовать меня...

Знай нашихъ!

Въ слѣдующей сценѣ Августъ подписываетъ трактатъ, получаетъ отъ русскаго царя курьера — и отправляетъ къ нему посла. Входитъ Роза. — Она проситъ о Паткулѣ — и черезъ нѣсколько мгновеній принуждена сказать: «я васъ не понимаю, государь». Вотъ то-то-же, отвѣчаетъ Августъ.

И я не понималъ,
Чего хотѣлось Шарлю отъ меня...
А какъ *прижалъ* — невольно догадался!

Роза остается залогомъ свободы Паткуля. — Подобныя сцены писались тысячу разъ и всегда одинаково... Кажется, не для чего на нихъ останавливаться....

Мы переносимся въ темницу Паткуля. Онъ собирается писать свои записки, потомъ говоритъ о своихъ заслугахъ. — И здѣсь вычурныя или не точныя выраженія на каждомъ шагу непріятно поражаютъ читателя. Приходитъ комендантъ и предлагаетъ Паткулю купить себѣ свободу — Паткуль отвѣчаетъ ему рѣчью, испещренною словами: «крѣпко не хотѣлось, выжить, бабы...», отказывается, даетъ ему деньги и остается одинъ. — Паткуль вспоминаетъ о Петрѣ, который, видно, забылъ его. Вдругъ входитъ Роза. Опять обыкновенная въ такихъ случаяхъ сцена. (См. хотъ Marion de Lorme, В. Гюго.) — Но Гюго не заставляетъ Дидіе схватить Маріонъ *за шею* — и *вытащить у ней изъ за пазухи* (какъ у Флемминга) — письмо. Въ этомъ письмѣ (украденномъ Розой у Августа) — Петръ пишетъ:

«Пока свободы Паткуль не получитъ,
«Петръ съ Августомъ имѣть не хочетъ дѣла...»

Паткуль кричитъ: «ура! я не забытъ!» — Это восклицаніе могло быть и вѣрнымъ и потрясающимъ, еслибъ г. Кукольникъ тотчасъ же не заставлялъ Паткуля прибавить:

И цѣпи — мой вѣнецъ, и стыдъ — порфира,
Позоръ въ лучи величья перелился... и т. п.

Digitized by Google

такъ-что поневолѣ согласишься съ замѣчаніемъ одного остроумнаго русскаго критика, что слабая сторона русской литературы — вкусъ — и (прибавимъ мы) чувство мѣры. — Пока Паткуль кричитъ и декламируетъ, входятъ Шведы и берутъ его. Роза падаетъ безъ чувствъ. — Паткуль прощается съ ней; но читатель не тронутъ: вольножъ было Паткулю декламировать. Третій актъ кончается.

Актъ четвертый. Мы въ Альтранштадтѣ, на квартирѣ Пипера. Послы всѣхъ державъ у него въ гостяхъ.—(Замѣтимъ, между прочимъ, что герцогъ Марльборугъ былъ присланъ къ Карлу въ августѣ мѣс. 1707 г., а не въ сент. 1706, когда былъ подписанъ трактатъ. — Но это еще не большая историческая ошибка; у г. Кукольника Паткуль ходитъ на свободѣ въ Калишѣ въ то время, когда онъ, по исторіи, уже съ годъ сидитъ въ Кёнигштейнѣ. Но къ чему было выводить такое великое лицо какъ Марльборугъ, если вся его роль ограничивается слѣдующими словами: — «Уѣхалъ!» потомъ черезъ нѣсколько страницъ: «Себя, несчастный Паткуль, пощадите.» — и только.)—Является Карлъ и....

Мы никакъ не можемъ согласиться съ воззрѣньемъ г. Кукольника на Карла. Шведскій Александръ у него представленъ какимъ-то сумасшедшимъ и кровожаднымъ грубіяномъ, который то и дѣло толкуетъ о колесованьи — всѣхъ и каждаго.... «Эхъ, Пиперъ» начинаетъ онъ, «вѣчно гости у тебя!...»

Дурь изъ костей я выбью колесомъ...,
Насмѣшливой улыбки
Я не прощаю... этихъ генераловъ (австрійскихъ)
Прислать ко мнѣ... А! Безанваль,
Сидишь какъ Жидъ...
У этой мерзкой дѣвки Кенигсмаркъ?..»
Вотъ я васъ, погодите!
Сначала колесую президента,
А тамъ и членовъ тайнаго союза!.. (саксонскихъ.)

Карла просятъ о Паткулѣ.... А онъ «кричитъ, топнувъ ногой»:

Всѣ (между прочими и Марльборугъ) по домамъ! Не то, я вамъ квартиры
Другія отведу...

Карлъ XII-й (*) былъ самолюбивъ, гордъ и высокомѣренъ, но сосредоточенъ и холоденъ. — Когда онъ гнѣвался, онъ только хмурилъ брови и блѣднѣлъ. — Впрочемъ, онъ былъ набоженъ, простъ, обходителенъ, строго соблюдалъ данное слово, любилъ правду и терпѣть не могъ лести, говорилъ мало, велъ жизнь самую воздержную и

(*) Ссылаемся на Норберга, де-Лиліе, Аллерфельда, Вольтера — на всѣхъ историковъ.

Digitized by Google

правильную, отличался безкорыстіемъ и щедростью. — Трудно рѣшить — что въ немъ болѣе поражало: храбрость или хладнокровіе. — Онъ весь и всегда былъ сжатъ и спокоенъ (хотя смѣялся часто, и охотно); страшное упрямство выражалось въ его молчаливой рѣшительности. — И этотъ-то человѣкъ, который въ веселый часъ говорилъ своимъ приближеннымъ: «maledicamus de Rege» (давай клеветать на короля), котораго походъ въ Россію даже не такъ безразсуденъ, какъ увѣряютъ многіе со словъ Вольтера, — этотъ человѣкъ у г. Кукольника является какимъ-то полупьянымъ палачомъ, разъяреннымъ буйволомъ, сумазброднымъ мужикомъ... Хотя бы вспомнилъ авторъ благоразумный совѣтъ Аристотеля — не выводить въ трагедіи человѣка совершенно злаго или совершенно добродѣтельнаго! Отвращеніе — не трагическое впечатлѣніе. — А Карлъ XII г. Кукольника возбуждаетъ именно это чувство.

Область сжечь (говоритъ Карлъ пріѣхавшему Августу)
Не такъ пріятно, какъ посла Петрова
Разбить въ куски, какъ стклянку, колесомъ...»

Потомъ, опять таки ради couleur locale, заставляетъ его говорить съ Августомъ о *сапогахъ* своихъ — между тѣмъ, какъ по исторіи извѣстно, что онъ принялъ его великолѣпно и радушно и самъ съѣздилъ къ нему въ Лейпцигъ, а потомъ въ Дрезденъ. Мы также не думаемъ, чтобы умный и тонкій кн. Д. М. Голицынъ выражался такъ неснос но, неуклюже, какъ его заставилъ говорить г. Кукольникъ:

А ты, куда, Навуходоносоръ!...
Цыплята льстятъ, а ты и пѣтушишься:
Да мы тебѣ не курицы...

Странное дѣло! Всѣ лица трагедіи г. Кукольника очень похожи другъ на друга: всѣ тяжеловаты, мѣшковаты и грубоваты. Почему г. авторъ рѣшился придать имъ всѣмъ одинаковый колоритъ, мы, можетъ быть, и могли бы растолковать, но мы лучше поговоримъ о смерти Паткуля. Вся наша душа возмущается при мысли о мученической его казни, но не одинъ Карлъ тогда колесовалъ своихъ бунтовщиковъ. — Съ точки зрѣнія *права*—Карла обвинять рѣшительно нельзя. Паткуль былъ приговоренъ къ смертной казни его отцомъ; не явился, когда изданы были авокаторіи при вступленіи новаго короля на престолъ шведскій; — будучи подданнымъ Карла, явно возсталъ противъ него, велъ съ нимъ войну... слѣд., измѣнилъ своему государю. Съ своей стороны Паткуль былъ правъ: онъ желалъ, какъ мы сказали выше, упрочить судьбы Лифляндіи; — но мало ли споровъ, въ которыхъ обѣ стороны правы? Если бы Карлъ

Digitized by Google

велѣлъ тотчасъ казнить Паткуля, исторія не имѣла бы права заклеймить его незгладимымъ пятномъ. Гораздо большаго сожалѣнія, по настоящему, достоинъ Лифляндецъ *Пайкуль*, котораго около того же времени присудили къ смертной казни. Пайкуль (генералъ короля Августа) доказалъ, что онъ уже на 15-мъ году вмѣстѣ съ родителями своими оставилъ Лифляндію, никогда не былъ на шведской службѣ, 11 лѣтъ до войны продалъ свое имѣніе въ Лифляндіи — и все таки былъ казненъ (въ Швеціи, въ 1707 году.) — Не именно это обоюдное право (Карла и Паткуля) и могло бы придать трагедіи истинное ея значеніе.

Вмѣсто того г. Кукольникъ заключаетъ четвертый актъ слѣдующей сценой: Паткуль стоитъ среди лагеря, прикованный къ столбу. Приходитъ Карлъ и *ругается* надъ нимъ. — Паткуль проситъ Карла велѣть его казнить, но не мучить. Карлъ отвѣчаетъ: «спасибо за совѣтъ — помилованія тебѣ не будетъ». Паткуль вдохновляется и риемованными стихами предсказываетъ ему гибель.... Карлъ сперва «съ бѣшенствомъ» кричитъ: «довольно! завяжите ротъ ему!» потомъ, топаетъ ногами — вопіетъ: «графъ, ружья зарядить! гдѣ палачи!» — потомъ стрѣляетъ изъ пушки, бросается къ барабану, бьетъ тревогу....

Чувство тяжелое и непріятное овладѣваетъ читателемъ... Точно цѣлый оркестръ заигралъ на разладъ.... Страшно громко и страшно фальшиво.

Въ пятомъ актѣ сперва мы видимъ Августа съ Флеммингомъ, потомъ является весь его дворъ (между прочими, и князь Голицынъ). Августъ торжественно лишаетъ своей милости Имгофа и *Финкштейна* и посылаетъ ихъ въ крѣпость. — (По исторіи, Имгофъ, болѣе виновный, заплатилъ 40,000 тал. и сидѣлъ до 1714 г., Пфингстенъ — до своей смерти, до 1733 года). Но кн. Голицынъ не удовлетворенъ и требуетъ бумагъ посольскихъ... Вдругъ, является Роза. Мы выписываемъ всю слѣдующую сцену.

РОЗА. *(протянувъ руку къ Августу.)*

Пожалуйте на церковь, государь!
Тамъ цѣлый холмъ его обрызганъ кровью:
Крикъ Паткуля на площади, какъ вѣтеръ
Встаетъ и ходитъ, просится въ дома,
Дѣтей пугаетъ. Надо успокоить,
Собрать въ одно разрозненные члены,
Въ гробъ уложить, похоронить съ почетомъ
И церковь надъ могилою воздвигнуть!
Надъ гробомъ надпись: *Salve festa dies*!
Онъ этимъ словомъ встрѣтилъ солнце смерти...
Пожалуйте на церковь, государь!...

Digitized by Google

слѣдовательно поступятъ правосудно. Счастливо то царство, гдѣ господствуютъ благочестіе и правосудіе!» Онъ началъ распрашивать капеллана о Швеціи, университетахъ, ученыхъ, богословскихъ сочиненіяхъ доктора Мейера. Потомъ онъ заговорилъ о Галле, и въ особенности о профессорѣ Франкѣ и докторѣ Брейтгауптѣ, спрашивая мнѣніе пастора объ нихъ, а также, гдѣ онъ учился. «Да», сказалъ онъ, наконецъ, съ глубокимъ вздохомъ:—«да, да! есть у меня тамъ и семь друзья, которые пожалѣютъ обо мнѣ и заплачутъ, узнавъ о моей смерти! Что скажетъ вдовствующая курфирстша и фрейлейна Левольде и, въ особенности, моя бѣдная невѣста? (Паткуль былъ сосватанъ съ одной саксонской дамой, по имени Эйнзидленъ). О! какое горькое извѣстіе для нея! Добрый мой г-нъ пасторъ», прибавилъ онъ, пожавъ ему руку: — «могу я васъ обезпокоить одной просьбой?» — Охотно, отвѣтилъ ему пасторъ, если я только въ состояніи вамъ чѣмъ нибудь услужить. — «Будьте такъ добры, напишите бѣдной госпожѣ Эйнзидленъ, моей невѣстѣ; поклонитесь ей отъ меня въ послѣдній разъ и скажите ей, что моя смерть, какъ она ни позорна, все же счастлива и спасительна для меня. Это ее немного утѣшитъ, особенно если она получитъ письмо отъ того, кто былъ при мнѣ въ послѣднія мгновенія моей жизни. Подумайте о моей вѣрной любви. Моя невѣста теперь свободна и ничѣмъ не связана, а я умираю, преданный и благодарный ей»...

Пасторъ обѣщался исполнить его желаніе. Паткуль досталъ кошелекъ и раздѣлилъ свои деньги на три свитка.—«Завтра, сказалъ онъ, «если угодно Богу, я не хочу ничѣмъ заниматься житейскимъ.» Онъ предложилъ пастору одинъ изъ этихъ свитковъ, въ которомъ было сто червонцевъ. Когда же тотъ началъ отказываться, говоря, что онъ этого незаслуживаетъ,—«Ахъ! г-нъ пасторъ», воскликнулъ Паткуль:— «я часто давалъ по тысячѣ червонцевъ за временную услугу; вы же мнѣ теперь оказываете неоцѣненное расположеніе и пріязнь, и я бы желалъ быть въ состояніи достойнѣе возблагодарить васъ! Впрочемъ, г-нъ пасторъ, я хочу подарить вамъ самое драгоцѣнное мое сокровище — Новый Завѣтъ греческій, съ комментаріемъ Арія Монтана. Эта книга была неразлучна со мной во время моего изгнанія. Она находится теперь у маіора Гротгузена; вы можете послать за ней». Пасторъ поблагодарилъ его и обѣщался хранить ее всю жизнь изъ любви къ нему. Паткуль попросилъ пастора поклониться маіору отъ его имени и благодарить его за всѣ оказанныя снисхожденія. Потомъ онъ взялъ другую книжку и сказалъ: «Это я написалъ самъ. Возьмите и эту книгу, г-нъ пасторъ, на память обо мнѣ. Она докажетъ вамъ мою вѣру. Я бы очень желалъ, чтобы эта книжка какъ нибудь попала на глаза королю.» Пасторъ сказалъ Паткулю, что онъ отдастъ ее полковнику, съ тѣмъ, чтобы тотъ представилъ ее королю. «Ахъ, какъ это было бы хорошо!» воскликнулъ Паткуль. «Милая книжка, желаю, чтобы ты была счастливѣе меня. Я говорю тебѣ, что Овидій говорилъ своимъ «*Tristes*», посылая ихъ къ Августу, изъ мѣста сво-

Digitized by Google

его изгнанія: «Ступай, моя книга, и выхлопочи мнѣ то, чего я самъ не могъ выхлопотать.» Потомъ онъ попросилъ пастора прочесть ему молитвы предсмертныя, въ особенности ту, которая начинается такъ: «Вѣчному Богу вручаю я мою душу...» Онъ самъ повторилъ ее съ большимъ вниманіемъ и тутъ же заговорилъ о суетѣ мірской.—«Богъ мнѣ свидѣтель», сказалъ онъ, «что среди всѣхъ благъ земныхъ у меня сердце всегда стѣснялось, и что теперь, когда я знаю, что долженъ умереть завтра, — я спокойнѣе и веселѣе чѣмъ, бывало, на большихъ пирахъ Munde immunde vale, т. е. прощай, нечистый міръ! Г-нъ пасторъ, увѣряю васъ, что часто особенно въ послѣдніе годы, я старался освободиться отъ міра, но не могъ. Я слишкомъ былъ кругомъ опутанъ. О, Іисусе! будь благословенъ навсегда, Ты, разрывающій сѣти діавола! Сѣти разорваны, моя душа свободна; это дѣло рукъ могущественнаго Карла. Благодареніе Богу! .. Справедливо сказалъ святой Павелъ: (къ Рим. пос. VIII. 27.) «Вѣмы же, яко любящимъ Бога вси поспѣшествуютъ въ благое.» Господинъ пасторъ, продолжалъ онъ, я васъ задерживаю; уже становится поздно, вы устали». Пасторъ отвѣчалъ, что нѣтъ, помолился еще съ нимъ и кончилъ вечернею молитвой.—«Посовѣтуйте мнѣ, г-нъ пасторъ», спросилъ его Паткуль:— «долженъ ли я отдохнуть теперь немного? Я очень уже давно не спалъ... я очень слабъ. Сегодня я не ѣлъ ничего и выпилъ только нѣсколько глотковъ воды.» Пасторъ ему присовѣтовалъ отдохнуть. «Итакъ, продолжалъ онъ, мое тѣло можетъ теперь успокоиться на время... Завтра мнѣ нужны всѣ мои силы. Я долженъ и хочу завтра подкрѣпить свою душу святымъ причастіемъ.» Тогда онъ замѣтилъ время на своихъ часахъ, легъ на кровать, и пасторъ удалился.

На другой день 30 числа (*), около 4-хъ часовъ утра, капелланъ опять явился къ нему. Паткуль тотчасъ услышалъ его приходъ, всталъ и поблагодарилъ Бога за хорошо проведенную ночь.—«Уже давно», сказалъ онъ, «я такъ хорошо не спалъ.» Они оба начали молиться, и авторъ этого разсказа сознается, что долженъ искренно похвалить его набожность. Около 6 часовъ Паткуль сказалъ пастору: «Во имя Іисуса, приступимъ къ священному дѣйствію, пока шумъ дневный не увеличится и не помѣшаетъ намъ». Онъ сталъ на колѣни и исповѣдался съ большимъ уничиженіемъ. Начало его исповѣди было въ особенности замѣчательно тѣмъ, что онъ привелъ стихъ изъ Быт. XLIV. 16: «Что отвѣщаемъ господину или что возглаголемъ или чимъ оправдимся? Богъ же обрѣте неправду рабовъ своихъ.» Потомъ онъ причастился — и, причастившись, попросилъ пастора читать ему благодарственныя молитвы и самъ повторялъ ихъ за нимъ. Онъ особенно одушевился при стихѣ:

«Подкрѣпи меня духомъ Твоей ра..ости»,

который, по его словамъ, былъ всегда его любимымъ изрѣченіемъ

(*) 30/20 Сентября, 1707 года.

Digitized by Google

АВГУСТЪ *(тихо.)*

Не смѣю оглянуться, подозвать
Кого нибудь...

РОЗА.

Столбы, колеса, плахи.
Разнообразныя орудья пытки...
Я помню ихъ, я вижу ихъ, смотрите:
На площади они стоятъ какъ звѣри;
Шипятъ, желѣзными когтьми поводятъ..
Народъ любуется — и я любуюсь...
Смѣются, я смѣюсь, и вы смѣетесь...
Не правда ли, забавно и смѣшно?..
Гдѣ Паткуль? Вотъ идетъ въ плащѣ, безъ шляпы
Смотрите: молятся, и я молюсь, —
И вы молитесь! Salve festa dies!...
Бухъ! Въ грудь ударъ! И небо потемнѣло..
Зазеленѣлъ и заструился воздухъ,
Ночная птица голосомъ ужаснымъ
Святое имя Бога прокричала!
Два, три, четыре, пять, шесть, семь ударовъ!
(плача)
Я вся избита, посмотрите, пятна
И въ головѣ и въ сердцѣ; я оглохла
Ужасно больно! И сама не знаю,
Какъ я перенесла... Ужасно больно!
(ровно, громко, но отрывисто.)
Пятнадцать! Вся природа задрожала.
Всѣ чувства словно дѣти разбѣжались;
Мѣшокъ съ костьми остался, и кричитъ
Вотъ этакъ, страшно: «голову отрубь!»

КНЯГИНЯ ТАУЗЕНЪ.

Небесный Отче!

ГОЛИЦЫНЪ.

Господи, помилуй...

РОЗА.

А тутъ и расходились звѣри...
Махнуло колесо и высоко
Огромная рука затрепетала!
Смотрите... вотъ другую оторвало
Нога, нога... еще нога!... Темно!
(идетъ и что то ищетъ)
Свѣти, Жеромъ, свѣти! Поправь фонарь!
Найдешь траву, обрызганную кровью,
Самъ не срывай, скажи, сорву и спрячу...
(останавливается.)

Digitized by Google

Какъ! палецъ, только палецъ и съ кольцомъ,
Съ моимъ кольцомъ! А трупъ? Трупъ птицы разнесли!
Ищи, Жеромъ! ищи!
Все совершилось!
(упавъ на колѣни)

Пожалуйте на церковь, государь!

Эта сцена можетъ служить примѣромъ того, что называется ложной натуральностью, геніальничаньемъ, напряженнымъ усиліемъ самоувѣреннаго таланта, далеко впрочемъ неоправдывающаго подобную самоувѣренность. Является Фюрстенбергъ съ извѣстіемъ о прибытіи Петра... Голицынъ говоритъ Августу: къ отвѣту, государь, зову къ отвѣту... Роза бѣжитъ къ царю на встрѣчу и падаетъ на порогѣ главныхъ дверей....

Великій (говоритъ она)
И справедливый Судія, суди насъ!

Занавѣсъ падаетъ.

Мы не совсѣмъ довольны этимъ концомъ, во первыхъ потому, что ожиданія, имъ возбужденныя, не оправданы исторіей, а во вторыхъ и потому, что роль такого Deus ex machina едвали прилична великому преобразователю Россіи.

Но не одной развязкой грѣшитъ эта трагедія. И въ ней, какъ и во многихъ другихъ произведеніяхъ русской сцены, характеристика, умѣнье вести діалогъ, представить зрителямъ игру страстей и выгодъ—пожертвованы декламаціи, иногда довольно удачной, иногда напыщенной, всегда неестественной и однообразной. — Низаръ нѣкогда назвалъ новѣйшую французскую литературу — littérature facile; намъ тоже хочется сказать и о драматическихъ произведеніяхъ, подобныхъ «Паткулю.» — Ужели же такъ трудно, вмѣсто живыхъ людей, «ondoyants et divers», какъ говоритъ Montaigne, безвозвратно преданныхъ одной великой цѣли, или покоренныхъ собственными страстями, но живыхъ, дѣйствующихъ, борющихся и погибающихъ, представлять фигуры условныя, впрочемъ, приспособленныя къ извѣстнымъ театральнымъ эффектамъ, противорѣчащія самимъ себѣ, какъ неловкое исполненіе противорѣчитъ задуманному намѣренью? — Кто можетъ наслаждаться литературнымъ или художественнымъ произведеніемъ, не смотря на то, что чувство истины въ немъ оскорблено, тотъ, разумѣется, съ нами не согласится; но мы пишемъ не для него. Тщетно станете вы искать во всѣхъ длинныхъ пяти актахъ «Паткуля» хотя что нибудь непредвидѣнное, невольно потрасающее, какой нибудь хотя далекій отголосокъ тѣхъ «простыхъ и сладкихъ звуковъ», которыми такъ богатъ Шекспиръ... Опять Шекспиръ? спросите вы. — Да, опять Шекспиръ и всегда

Digitized by Google

Шекспиръ — и не только онъ, но и Корнель, и даже Расинъ и Шиллеръ.... Не умрутъ эти поэты, потому-что они самобытны, потому-что они *народны* и понятны изъ жизни своего *народа*... А пока у насъ не явятся такіе люди, мы не перестанемъ указывать на тѣ великія имена, *не для того, чтобы подражали имъ*, но для того, чтобы возбудить честное соревнованіе и оправдать нашу критику. Понятно, почему Русскіе во время младенчества нашей словесности говорили о своихъ Моліерахъ и Вольтерахъ; но теперь мы возмужали; — и съ гордостью глядя на свое прошедшее, съ довѣренностью на будущее, мы можемъ, въ надеждѣ на собственныя силы, сознаться, въ чемъ еще мы бѣдны.... *У насъ нѣтъ еще драматической литературы и нѣтъ еще драматическихъ писателей*... эта жила въ почвѣ нашей народности еще не забила обильнымъ ключомъ, а неловко скрытое подражаніе въ состояніи радовать только тѣхъ, которые внутренно согласны съ г-жею Сталь, что: la littérature en Russie est l'amusement de quelques gentilshommes, и совершенно удовлетворены такой невинной забавой.

Т.

Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ.

1) Сочиненія Озерова. *Изданіе Александра Смирдина. С.п.б. 1846.*

2) Сочиненія Фонъ-Визина. *Изданіе Александра Смирдина, С.п.б. 1846.*

Почтенному нашему книгопродавцу, А. Ф. Смирдину, въ продолженіи его долговременной книгопродавческой дѣятельности приходило въ голову много хорошихъ мыслей къ пользѣ русской литературы. Но никогда еще не приходило ему мысли болѣе полезной, дѣльной и вмѣстѣ остроумной, какъ мысль изданія въ маленькомъ и красивомъ форматѣ, сжатою (компактною) печатью, полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ. Не знаемъ, когда эта богатая мысль озарила впервые его книгопродавческую голову. Это рѣшительно блистательнѣйшая мысль, какая только попадала въ голову русскаго книгопродавца съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ на Руси книгопродавцы!... Конечно, этой мысли нельзя назвать вполнѣ оригинальною: она внушена русской душѣ А. Ф. Смирдина, вѣроятно, знаменитою библіотекою Шарпантье; но вѣдь ни кому же другому изъ русскихъ книгопродавцевъ, а все ему же, все А. Ф. Смирдину пришло желаніе подражать хоротему чужеземному примѣру... Честь и слава ему за это!...

Въ самомъ дѣлѣ, имѣть въ небольшой, опрятно, даже красиво изданной книжкѣ *всѣ* сочиненія Озерова, *всѣ* сочиненія Фонвизина, —

Digitized by Google

кому не пріятно это? А когда подумаешь, что эта книжка, напечатанная сжато, но довольно крупнымъ и весьма четкимъ шрифтомъ, стóитъ всего *одинъ рубль серебромъ*, то невольно спросишь: да кто же изъ грамотныхъ людей, занимающихся литературою хотя вскользь, между дѣломъ, для отдыха въ праздное время, — кто же изъ нихъ не купитъ ея? Конечно, сочиненія Ломоносова будутъ состоять изъ трехъ томовъ и, слѣдовательно, стоить *три рубля серебромъ*; но вѣдь въ каждый изъ этихъ маленькихъ, уютныхъ томовъ войдетъ матеріялу на огромную книжищу обыкновенной печати, и старыя безобразныя изданія Ломоносова, къ тому же теперь и рѣдкія, стóятъ гораздо дороже. По крайней мѣрѣ, два изъ нихъ, *второе* и *третье*, въ шести частяхъ, 1794 и 1803 — 1804 годовъ, въ каталогѣ Смирдина оцѣнены по *шестидесяти рублей*; а *четвертое* (въ 3-хъ частяхъ, 1808 года), явно не полное, въ 35 рублей ассигнаціями!... Послѣ этого упрекайте Русскихъ, что они не читаютъ своихъ старыхъ писателей, особенно, когда сообразите, что у насъ всего менѣе читаютъ богатые и всего болѣе читаютъ бѣдные люди! И потому заслуга А. Ф. Смирдина неоцѣнима! Намъ уже довелось слышать не отъ одного образованнаго человѣка, что благодаря этому изданію, онъ познакомился съ Озеровымъ и Фонвизинымъ, и стало быть, познакомится со временемъ и со всею русскою литературою.

Въ этомъ изданіи мы замѣтили только одинъ недостатокъ, котораго, впрочемъ, нельзя назвать неважнымъ. Старинные писатели должны издаваться со всѣми приложеніями, способствующими къ ихъ изученію. Мы говоримъ не о портретахъ и факсимиле — что̀ необходимо увеличило бы цѣну этихъ изданій и, слѣдовательно, лишило бы одного изъ главныхъ достоинствъ ихъ — дешевизны; но мы говоримъ о біографіи писателя, съ обзоромъ, преимущественно историческимъ и хронологическимъ, всей его литературной дѣятельности. Для этого вовсе не нужно было прилагать большихъ статей: было бы достаточно для одного двухъ, трехъ страницъ, для другого полулиста печатнаго. Въ небольшую, но уёмистую книжку сочиненій Озерова, изданную А. Ф. Смирдинымъ, вошло все, что̀ находится въ большомъ изданіи 1818 года сочиненій этого писателя, кромѣ, однакожь, статьи князя Вяземскаго: *О жизни и сочиненіяхъ Озерова*, которая какъ будто срослась съ сочиненіями Озерова, заключая въ себѣ сужденіе о нихъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ по уму и таланту современниковъ знаменитаго трагика. Но можетъ быть, не отъ издателя зависѣло припечатаніе этой статьи къ изданнымъ имъ сочиненіямъ Озерова: въ такомъ случаѣ, хотя и жаль, а дѣлать нечего.

Смирдинское изданіе сочиненій Фонвизина теперь самое полное, потому-что противу салаевскаго изданія, въ немъ помѣщена комедія

Digitized by Google

Коріонъ, найденная въ бумагахъ Озерова. Извѣстно, что въ одномъ журналѣ, не разсмотрѣвъ, что комедія эта съ концомъ, придѣлалъ къ ней кто-то конецъ собственной работы... Всѣ изданія Фонвизина, до 1830 года, не полны. Московскій книгопродавецъ г. Салаевъ купилъ у родственниковъ Фонвизина оригинальныя его рукописи, съ собственноручными его поправками и пополненіями, и издалъ ихъ подъ надзоромъ П. П. Бекетова, въ 1830 году, въ Москвѣ, въ четырехъ толстыхъ томахъ, въ большую восьмушку. Это было самое полное и самымъ добросовѣстнымъ образомъ редактированное изданіе. Въ 1838 году, московскій книгопродавецъ, г. Глазуновъ (Улитинъ) перепечаталъ четыре тома салаевскаго изданія въ одну книгу, сжатою печатью, въ два столбца, въ четвертую долю листа. Изданіе это полно и исправно; но книга уродливо тонка въ отношеніи къ ея непомѣрной длинѣ и ширинѣ. Все это, да съ прибавленіемъ трехъ-актной комедіи *Коріонъ*, вошло въ небольшую, но уютную и плотную книжку смирдинскаго изданія сочиненій Фонвизина. Изданіе г. Салаева стоило *пятьнадцать*, а г. Глазунова — *десять рублей ассигнаціями*: изданіе А. Ф. стоитъ *три рубля съ полтиною ассигнаціями*.

Неизданными изъ литературныхъ трудовъ Фонвизина остаются теперь только переводъ стихами вольтеровой *Альзиры*, рукопись которой, съ собственноручными поправками переводчика, хранится у А. Д. Черткова, да еще прозаическіе его переводы:

1. Торгующее дворянство, противоположенное дворянству военному, или два разсужденія о томъ, служитъ ли то къ благополучію государства, чтобы дворянство вступало въ купечество? съ прибавленіемъ особливаго о томъ же разсужденія *Юсти*. С.п.б. 1766.

2. Слово, говоренное по совершеніи Высочайшаго коронованія Императрицы Екатерины Вторыя, въ публичномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета, октября 3 дня 1762 года, профессоромъ *Іоганомъ Готфридомъ Рейхелемъ*, о томъ, что науки и художества процвѣтаютъ защищеніемъ и покровительствомъ владѣющихъ особъ и великихъ людей въ государствѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1762.

3. Слово похвальное Марку Аврелію, сочиненіе *Томаса*, переводъ съ французскаго. С.п.б. 1777.

4. Іосифъ, въ девяти пѣсняхъ, сочиненіе *Битобе*, переводъ съ французскаго, двѣ части. С.п.б. 1790. Этой книги было *шесть* изданій.

5. Басни нравоучительныя, съ изъясненіями барона *Голберга*. Въ каталогѣ Смирдина означено только третье изданіе этой книги, 1787 года.

Digitized by Google

6. Геройская добродѣтель, или жизнь Сиѳа, царя египетскаго, изъ таинственныхъ свидѣтельствъ древняго Египта взятая; сочиненіе аббата *Террасона*, переводъ съ французскаго. Четыре части. Москва. Первое изданіе въ 1762 — 1768, второе — въ 1787 — 1788 годахъ.

7. Сидней и Силли, или благодѣяніе и благодарность, англійская повѣсть, сочиненіе *Арнода*, переводъ съ французскаго. Изданіе второе, въ Москвѣ, 1788 года.

Сверхъ того, въ каталогѣ Смирдина поименовано слѣдующе оригинальное произведеніе Фонвизина, едва ли кому извѣстное изъ тѣхъ, кому не попадалась въ руки эта рѣдкая и курьёзная книжка: «Жизнь нѣкотораго мужа, и перевозъ куріозной души его чрезъ Стиксъ рѣку» С.п.б. 1791 г. Новое изданіе этого сочиненія, вышедшее въ 1802 году, называется такъ: «Жизнь нѣкоего аввакумскаго скитника, въ Брынскихъ лѣсахъ жительствовавшаго, и куріозный разговоръ души его при перевозѣ чрезъ рѣку Стиксъ». Любопытно было бы познакомиться съ этимъ оригинальнымъ произведеніемъ Фонвизина, и очень жаль, что его нѣтъ въ прекрасномъ смирдинскомъ изданіи!

Что до его семи переводныхъ трудовъ, конечно, они далеко не такъ интересны, какъ его оригинальныя произведенія, для большинства же публики они вовсе не интересны; но для людей, исторически изучающихъ русскій языкъ и литературу, они не лишены интереса, а для литераторовъ, библіографовъ, критиковъ и журналистовъ могутъ быть необходимыми для справокъ. Право, не мѣшало бы ихъ издать хоть въ особой книгѣ для *охотниковъ*....

При смирдинскомъ изданіи *сочиненій Фонвизина* нѣтъ никакихъ примѣчаній, не говоря уже о біографіи автора. Жаль!

Касательно сочиненій Ломоносова, которыя скоро должны выйти въ свѣтъ въ такомъ же изданіи, замѣтимъ, что намъ сильно не нравится порядокъ и расположеніе первой части. Если издатель расположилъ его оды не по времени ихъ появленія, а по родамъ: то зачѣмъ же не хотѣлъ помѣстить всѣ стихотворныя произведенія его въ одномъ отдѣлѣ, но *Петріаду*, *Тамиру и Селима* и *Письмо о пользѣ стекла* помѣстилъ между трудами Ломоносова для русской географіи и его похвальнымъ словомъ Петру Великому? Похвальныя слова, по нашему, должны бы слѣдовать тотчасъ за стихотворнымъ отдѣломъ. Равнымъ образомъ, удивило насъ, что въ объявленіи о скоромъ выходѣ сочиненій Ломоносова, приложенномъ къ изданію сочиненій Озерова, въ перечнѣ сочиненій Ломоносова мы не нашли его трагедіи: *Демофонтъ*.

Digitized by Google

Сборникъ газеты: Кавказъ. *Издаваемый* О. И. Константиновымъ. *Первое полугодіе 1846 года. Тифлисъ. 1846.*

Въ послѣднее время Кавказъ особенно обращаетъ на себя глаза всего свѣта, насъ же, Русскихъ, въ особенности. Ввѣренная Высшею Властію управленію мужа, столько же знаменитаго своими военными, сколько и административными талантами, эта страна прочно утверждается за русскимъ владычествомъ, съ одной стороны силою побѣдоноснаго оружія, съ другой — оружіемъ цивилизаціи. Въ томъ и другомъ отношеніи въ короткое время оказаны огромные успѣхи. Съ прошлаго года въ Тифлисѣ издается газета *Кавказъ*, значеніе которой неоцѣнимо важно въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны, это изданіе, по своему содержанію столь близкое сердцу даже туземнаго народонаселенія, распространяетъ между нимъ образованныя привычки и даетъ возможность грубыя средства къ разсѣянію замѣнить полезными и благородными; съ другой стороны, газета *Кавказъ* знакомитъ Россію съ самымъ интереснымъ и наименѣе знаемымъ ею краемъ, входящимъ въ ея составъ. Вѣрная своему спеціальному назначенію, эта газета вполнѣ достигаетъ своей цѣли: ея содержаніе — неистощимый магазинъ матеріяловъ для исторіи, географіи, статистики и этнографіи Кавказа. Но какъ сбереженіе листковъ газеты неудобно по ихъ формату, то ея редакторъ, г. Константиновъ, рѣшился перепечатать болѣе важныя статьи въ отдѣльныхъ книжкахъ, по полугодьямъ, на первый разъ только въ числѣ 50-ти экземпляровъ, и то не для продажи. О послѣднемъ обстоятельствѣ нельзя не пожалѣть: такую книгу многіе желали бы имѣть, и она не залежалась бы въ книжныхъ лавкахъ.

Digitized by Google

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПОСЛѢДНІЕ РОМАНЫ ЖОРЖЪ САНДЪ.

Нѣтъ такого заклятаго чтеца романовъ, котораго не ужаснула бы съ перваго взгляда громада произведеній французской беллетристики. Но если онъ читаетъ не такъ, какъ Петрушка Чичикова, которому рѣшительно все равно было, что̀ ни читать, и котораго занималъ собственно процессъ чтенія, то ужасъ скоро уступитъ въ немъ мѣсто совершенно другому чувству, которое испытываешь иногда въ какомъ нибудь ученомъ засѣданіи, пришедши туда послушать умныхъ рѣчей.

Теперь, какъ и всегда, во Франціи, какъ и вездѣ, существуютъ два рода писателей: одни пишутъ искусства и убѣжденій ради, - другіе ради денегъ и славы. Но деньги главное, слава только средство. Какъ пріобрѣтаются деньги и извѣстность тѣми, для которыхъ онѣ составляютъ главнѣйшую цѣль дѣятельности, это очень хорошо извѣстно и въ нашемъ любезномъ отечествѣ. Секретъ пріобрѣтенія денегъ во всемъ одинъ и тотъ же; онъ очень простъ, и основанъ на ясномъ логическомъ выводѣ: своими двумя руками и головою (если не воровать) наберешь не много; но воровать опасно; слѣдовательно, надо устроить дѣло такъ, чтобы для вашего кармана работали чужія руки и головы, получая отъ васъ гроши и доставляя вамъ рубли.

Безспорно, — это тоже воровство. но воровство съ благонамѣренною физіономіей, живущее въ палатахъ, а не шатающееся по толкучему рынку во фризовой шинели. Вы сами раскланиваетесь съ нимъ на улицѣ, потому-что оно закутано приличнымъ образомъ въ бобровый воротникъ; а какой нибудь бѣднякъ неопытный юноша съ головою и сердцемъ, но съ голоднымъ желудкомъ, видитъ въ немъ

Digitized by Google

даже олицетвореніе возможной человѣческой мудрости, слышатъ изъ устъ его высокія, неопровержимыя истины и дѣлается его данникомъ. Въ худой шинелишкѣ мерзнетъ бѣдный юноша, идя рядомъ съ бобровымъ воротникомъ, и слушаетъ, какъ онъ съ истинно-геніальнымъ безстыдствомъ говоритъ ему: «*наша* братъ трудящійся человѣкъ, *наша* трудовая копѣйка», и. т. п.

Слава для этихъ людей дѣло второстепенное. Конечно, мысль, что имя ихъ извѣстно просвѣщенному міру пріятно щекочетъ ихъ самолюбіе, но при всемъ томъ они не дадутъ за свою извѣстность, просто какъ за извѣстность, и пяти копѣекъ. Въ сущности она, конечно, больше и не стоитъ, но для нихъ она важна, какъ средство къ пріобрѣтенію денегъ, и ей жертвуютъ многимъ, — что для другихъ дороже золота.

Что касается до людей, пишущихъ ради искусства и убѣжденій, ихъ вездѣ несравненно меньше, чѣмъ литературныхъ подрядчиковъ. У насъ меньше, нежели гдѣ либо, и это понятно: у художниковъ и людей съ убѣжденіемъ мысли бываютъ иногда такъ упрямы, что они не въ состояніи высказывать ихъ по подряду.

Во Франціи, конечно, болѣе, чѣмъ у насъ, твореній, отличающихся художественнымъ направленіемъ и убѣжденіемъ, но и тамъ число такихъ произведеній не велико въ сравненіи съ воробьиною плодовитостью беллетристовъ. Пока, напримѣръ, на фабрикѣ какого нибудь господина Александра Дюма (многіе, не безъ основанія, подозрѣваютъ, что романы его — произведенія фабричныя; читатели, конечно, помнятъ вышедшую въ 1845 году французскую брошюрку объ этомъ предметѣ) изготовятъ штукъ двадцать безконечныхъ романовъ, Жоржъ Сандъ успѣваетъ издать одно, два творенія, Беранже проноетъ пѣсенку, да и то про себя (потому-что онъ давно ничего не печаталъ), еще кто нибудь издастъ добросовѣстный, многолѣтній плодъ своего труда, — и только.

Публика читаетъ все, — иначе для чего бы и писать? французскія романы зачитываются на—смерть – всею Европой. Но таже публика, съ свойственнымъ ей инстинктомъ, всегда отличаетъ художника отъ простаго писаки и въ наше время единогласно присудила пальму первенства г-жѣ. Сандъ.

На ея-то послѣдніе романы, какъ на замѣчательнѣйшее въ новѣйшей французской литературѣ, обратимъ мы въ этой статьѣ наше вниманіе. Въ послѣднее время вышли четыре новыхъ ея романа: *Теверино*, *Чортово болото*, *Грѣхъ г. Антуана* и *Лукреція Флоріани*, которую мы поспѣшили сообщить читателямъ въ приложеніи къ этой книжкѣ «Современника»

La Mare au diable, «Чортово болото,» — идиллія.

Digitized by Google

Идиллія! Когда-то при этомъ словѣ передъ вами вдругъ обрисовывалась готовая, чуть не стереотипная сцена: пастушокъ въ бѣлой батистовой рубашкѣ, голубыхъ панталонахъ съ розовыми бантиками, и со свирѣлью въ рукѣ; возлѣ него пастушка въ соломенной шляпкѣ, съ невиннымъ барашкомъ на атласной лентѣ; надъ ними широкія вѣтви каштана, въ тѣни которыхъ поетъ сладкогласная Филомела (соловьевъ тогда не было); у ногъ журчитъ кристальный ручеекъ; вдали синѣетъ небо... и т. д. Это было еще въ то время, когда Юлій Цезарь ходилъ въ напудренномъ парикѣ и въ атласномъ кафтанѣ. Какъ много измѣнилось съ тѣхъ поръ! Цезарь ходитъ теперь въ тогѣ, Тирсисъ, въ блузѣ, и Хлоя въ деревянныхъ башмакахъ, не сидятъ праздно подъ деревомъ, и вмѣсто глупаго барана на нихъ смотритъ ихъ быстроглазый сынишка, можетъ быть будущій замѣчательный человѣкъ.

Это послѣднее обстоятельство умѣряетъ нѣсколько грустное впечатлѣніе четверостишія, которымъ начинается разсказъ:

A la sueur de ton visaige
Tu gagneras ta pauvre vie.
Aprés long travail et usaige
Voicy la *mort* qui te convie

Эта истина, можетъ быть, относится отчасти и къ нашему времени, но глядя на заходящее солнце на картинѣ Гольбейна, теперь какъ-то невольно думаешь, что завтра взойдетъ оно съ другой стороны, и на работу выйдетъ вмѣсто нищаго старика полный юношескихъ силъ сынъ его.

Ужь и то шагъ впередъ, что самый безстыдный писака не осмѣлится теперь изобразить крестьянина въ атласномъ кафтанѣ. Это значило бы или смѣяться надъ тѣмъ, что достойно уваженія, а не насмѣшки, или выказать едва ли возможное въ наше время невѣжество.

А вѣдь была же пора, когда сахарными идиллиями восхищались, какъ истинною поэзіей, не подозрѣвая, что истинная поэзія и поэтическая истина одно и тоже. Да и кому была охота добираться до истины? Раздушенные маркизы и богачи едва ли подозрѣвали существованіе простаго бѣдняка. Его бытъ, его образъ мыслей, чувства, привычки, нужды, — все это было для нихъ совершенная terra incognita. Простой человѣкъ былъ для салона миѳъ, и услужливые поэты вывели его на сцену въ своихъ произведеніяхъ какъ миѳъ изъ золотаго вѣка Аркадіи.

Да! кому была охота добираться до истины, когда весь міръ (Франція была тогда для Французовъ міромъ) держался на произвольно принятыхъ формахъ не только въ литературѣ, но и въ жизни

Digitized by Google

общественной и государственной? Но истина имѣетъ свойство, очень непріятное и безпокойное для людей, чувствующихъ къ ней какое-то инстинктивное нерасположеніе: она не ждетъ, чтобы они милостиво обратили на нее свое вниманіе, а добирается до нихъ сама, иногда очень невзначай и довольно невѣжливо, какъ внезапная болѣзнь. Въ этомъ случаѣ идеи усовершенствованія похожи на эпидемію: ихъ не остановишь никакими карантинами. Холера прошла же отъ Индіи до Атлантическаго океана, и если ей вздумается совершить обратный путь отъ океана до Индіи, господа медики могутъ преспокойно отложить всякое попеченіе остановить ее.

Истина беретъ свое. Общественныя отношенія во Франціи измѣнились и вмѣстѣ съ ними измѣнились и оживились эстетическія идеи. Прежде государственная жизнь сидѣла взаперти, въ кабинетѣ, а литература въ другомъ; народъ былъ въ полѣ, — но и онъ былъ взаперти. Теперь все перемѣшалось: политика перешла на площадь, въ кабинетѣ министра и литератора невидимо присутствуетъ народъ и кабинетные люди очень ясно сознаютъ это присутствіе.

То, что прежде считалось несообразностью, эстетическимъ цинизмомъ, оскорбленіемъ тонкаго вкуса, — воспроизведеніе дѣйствительности такъ какъ она есть, теперь сдѣлалось необходимостью, неизбѣжнымъ фономъ всякой картины.

Художникъ пишетъ теперь не для какого нибудь кружка, не для какой нибудь касты, а для всѣхъ. Литература перестала быть отдѣльною, идеальною областью, населенною существами, какихъ невидывали нигдѣ на землѣ, и въ которыхъ, если и можно было найти что нибудь родственное съ людьми, то только какъ общечеловѣческое, неизбѣжное, а не какъ зависящее отъ извѣстнаго, даннаго общественнаго устройства. Общечеловѣческое неизбѣжно нигдѣ, но теперь оно не составляетъ исключительнаго элемента художественныхъ произведеній; насъ не удовлетворяютъ уже радости и горе абстрактнаго человѣка: мы хотимъ видѣть его среди опредѣленныхъ извѣстныхъ намъ изъ дѣйствительности элементовъ жизни.

И такимъ-то изображаетъ крестьянина-хлѣбопашца Жоржъ-Сандъ. Мы не станемъ передавать вамъ содержаніе разсказа: оно такъ просто, что не займетъ само по себѣ никого. Крестьянинъ ѣдетъ свататься за одну — и женится на другой. Это такъ же просто и незанимательно, какъ если бы какой нибудь Ванька хотѣлъ жениться на Анюткѣ, да отецъ не позволилъ, а указалъ ему быть мужемъ Аксютки. Обратимся къ Теверино.

Бываютъ сны, замѣчательные яркостью красокъ и опредѣленностью очерковъ. Есть что то волшебное въ быстрой перемѣнѣ картинъ, что-то рѣзко-живое въ фигурахъ, что-то художественное

Digitized by Google

въ общности сновидѣнія. Прихоть воображенія не утратила своей силы: это сказка, но сказка граціозная, ароматическая, если можно такъ выразиться, сказка, къ которой невольно прильнете вы всѣмъ вниманіемъ сердца; это сонъ, но сонъ, напоминающій собою фантастическіе сны Шекспира.

Впечатлѣніе ихъ тепло, продолжительно. Когда вы пробудились и окунулись въ море ежедневныхъ мелочныхъ заботъ, когда вы забыли среди дневной суеты ваше видѣніе, вы чувствуете еще въ груди и членахъ какую-то мягкую теплоту, присутствіе въ крови какого-то элемента, дѣлающаго для васъ физическое существованіе ваше особенно пріятнымъ. Это впечатлѣніе сна, вытѣстенное изъ мозга и безсознательно живущее еще въ крови; въ первую свободную минуту духъ вашъ непремѣнно опять обращается къ вашему сну. И ничего не забыто: видѣніе все, цѣликомъ, оживаетъ въ памяти, вы съ наслажденіемъ останавливаете ходъ его событій и упиваетесь созерцаніемъ отдѣльныхъ картинъ. Это повторяется сначала часто, потомъ рѣже. Но и черезъ нѣсколько лѣтъ, всякій разъ, когда вы вспоминаете такой сонъ, вы невольно чувствуете къ нему какое-то магическое влеченіе; у васъ на душѣ опять становится легко и тепло, и вы опять, какъ и въ старые годы, пробѣгаете всѣ фазы граціозно-волшебной сказки. Если сонъ снился вамъ въ 30 лѣтъ, и вы вспомните его въ 70, — я думаю, вы снова почувствуете себя въ ту минуту молодымъ.

Вотъ какое впечатлѣніе производитъ на читателя разсказъ г-жи Сандъ: Теверино. Это не романъ, а сказка. Сцены мѣняются съ калейдоскопическою неожиданностью и непринужденностью. Вы вмѣстѣ съ Леонсомъ и Сабиною уноситесь, неизвѣстно куда, навстрѣчу неизвѣстно чему. Надъ вами высятся горы, васъ со всѣхъ сторонъ обливаетъ яркая зелень и ароматы горныхъ растеній; дорога змѣится на закраинѣ пропасти, поворачивая невидно куда. Вдругъ село. Черезъ пять минутъ похищенъ отсюда *кюре*, съ виду похожій на лягушку, и Мадлена, похожая на — птичку. Вы мчитесь дальше; лошадьми правитъ уже не жокей, а бродяга-маркизъ Теверино; вдали, среди вечерняго сумрака, мелькаютъ въ долинѣ огоньки,— вы скатываетесь въ безумной скачкѣ съ альпійскаго хребта, — вы въ Италіи.

Италія только мелькнула передъ вами, но мелькнула съ яркостью метеора въ темную ночь. Странно, необъяснимо, почему эта картина, набросанная въ нѣсколько ударовъ кисти, такъ неизгладимо и полно врѣзывается въ воображеніе. Вы сознаете, что вы дѣйствительно были съ Леонсомъ и Сабиной въ Италіи, а не гдѣ-нибудь. Это впечатлѣніе — тайна, которую не объяснитъ никакимъ анализомъ. Ее не объяснитъ вамъ и самъ художникъ.

Digitized by Google

Съ восходомъ солнца сонъ разлетается. Вы снова на вершинѣ горнаго хребта. Италія уже далеко; Мадлена улетѣла. Леонсъ и Сабина примирены. Теверино начинаетъ новую главу своего романа — жизни, а почтенный супругъ Сабины, лордъ Г., все еще спитъ, какъ спалъ въ началѣ разсказа.

Истинно-достойно удивленія, съ какимъ искусствомъ г-жа Сандъ умѣла слить съ этимъ волшебно сказочнымъ колоритомъ, дышащимъ въ каждой чертѣ картины, лица, до того вѣрно выхваченныя изъ дѣйствительности, что вы вспоминаете объ нихъ, какъ о знакомыхъ, съ которыми встрѣчались, спорили, говорили, которые и сердили, и смѣшили, и удивляли васъ.

Во всемъ разсказѣ ни одной ложной, натянутой черты. Теверино, этотъ яркій представитель Италіи, художникъ безъ труда и изученія, натура богатая, гибкая, горячая, но безпечная до послѣдней степени, нищій которому ничего нестоитъ прикинуться маркизомъ, невѣжа, сбивающій съ толку ученаго *кюре*, и пѣвецъ, и пловецъ, и кучеръ, и скоморохъ, и все, что вамъ угодно,—это лицо поразительное даже и для насъ, Русскихъ, которые такъ хорошо знаемъ Италію изъ романовъ и драмъ, наводнявшихъ нѣкогда нашу литературу;— онъ очерченъ свѣжо, живо, безъ всякой натяжки,—не импровизируетъ риѳмованнаго вздора и не коверкается отъ восторга ни передъ какой Формариной.

Отношенія его къ Мадленѣ показываютъ въ немъ благородство и глубокую человѣчность, какую-то врожденную чистоту и простоту помысловъ, которой лишены его аристократическіе спутники, Леонсъ и Сабина, эти вольные мученики, гордо таящіе другъ отъ друга свою привязанность и немогущіе выйти изъ этого напряженнаго, тяжелаго положенія. Но случайнаго вмѣшательства людей изъ другой, простѣйшей сферы общества достаточно для ихъ примиренія и сближенія. Гордая леди позволяетъ поцѣловать себя бродягѣ, а бѣдная Мадлена вовсе незамѣчаетъ политическаго волокитства Леонса. Леонсъ не можетъ *подозрѣвать* Теверино, но ревнуетъ къ нему; а Теверино не можетъ *ревновать*, но подозрѣваетъ его. Оба имѣютъ на это достаточныя причины.

Это столкновеніе разрѣшаетъ задушевную драму повѣсти. Разнородные элементы, коснувшись другъ друга, возстановляютъ равновѣсіе. Леонсъ и Сабина видятъ, наконецъ, смѣшную сторону своей комедіи, съ улыбкою подаютъ другъ другу руку, и прошедшее забыто. Съ восходомъ солнца все въ гармоніи, и даже *кюре*, за всѣ свои страданія, будетъ, конечно, вознагражденъ роскошнымъ завтракомъ на дачѣ леди.

Изъ этого сказочно-волшебнаго міра, въ которомъ все такъ живо

Digitized by Google

и вѣрно, перейдемъ теперь въ міръ дѣйствительный, но въ которомъ къ сожалѣнію, многое и блѣдно невѣрно.

«Грехъ г-на Антуана», принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній Ж. Сандъ, гдѣ авторъ является не просто художникомъ, — и во вредъ своему творенію. Она пишетъ романъ, но изъ за романиста проглядываетъ соціалистъ. Рука мастера видна и здѣсь, но видно что эта рука писала несвободно, но на заданную тему. Отъ этого главное лицо романа, представитель соціальныхъ идей, *Эмиль*, лицо совершенно блѣдное и идеальное; вы чувствуете, что онъ не выхаченъ, подобно прочимъ созданіямъ Санда, изъ живой дѣйствительности, а придуманъ, какъ органъ мнѣній автора. Любовь его къ Жильбертѣ, лицу, почти столько же блѣдному, ничто иное, какъ узелъ, необходимый для романа. Уничтожьте эту любовь — и романъ исчезнетъ, — останется только диссертація о разныхъ соціальныхъ предметахъ, въ видѣ разговоровъ Эмиля съ отцомъ своимъ, съ маркизомъ, съ Жаномъ Жаппелу.

Эта любовь сталкивается въ романѣ съ желѣзною волею стараго Кардонне; Кардонне, богатый «буржуа», — олицетвореніе современнаго капиталиста; надъ идеями общественнаго усовершенствованія онъ смѣется; для него понятенъ только одинъ успѣхъ: превращеніе ста тысячъ въ двѣсти и потомъ въ четыреста. Онъ человѣкъ безъ сердца, но съ непреклонною силою воли, съ яснымъ математическимъ умомъ, — и авторъ не разъ сравниваетъ его съ Наполеономъ. Кардонне употребляетъ всѣ усилія, чтобы *образумить* молодаго сумасброда, сына своего, набравшагося среди юныхъ товарищей своихъ различныхъ соціальныхъ и коммунистическихъ идей. Онъ не успѣваетъ въ этомъ; но мы должны отдать ему полную справедливость въ томъ, что оспаривая молодаго соціалиста, онъ гораздо послѣдовательнѣе и яснѣе въ своихъ доводахъ, нежели противникъ его. Эмиль, какъ горячій и заносчивый юноша, возражаетъ не строгой логикой, а только пустыми и громкими фразами. Въ этомъ отношеніи Эмиль довольно плохой защитникъ, хотя, можетъ быть, и вѣрный представитель своей партіи.

Онъ влюбляется въ Жильберту, дочь сосѣда, разорившагося графа де-Шатобрёна. Вотъ страсть, которою положилъ воспользоваться хитрый Кардонне, для достиженія своихъ цѣлей. Онъ позволяетъ ему жениться, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ на словахъ и на дѣлѣ отказался отъ своихъ соціальныхъ мнѣній.

Это глубоко трагическая коллизія, и сколько истиннаго, потрясающаго душу могъ бы изобразить авторъ въ подобной борьбѣ страсти съ убѣжденіемъ, если бы это столкновеніе составляло сущность романа въ его концепціи! Но въ настоящемъ случаѣ оно для

Digitized by Google

автора дѣло второстепенное, только *наружная* завязка, поводъ къ новымъ и длиннымъ разсужденіямъ о соціализмѣ. Въ читателѣ не пробуждается почти никакого участія къ положенію молодого энтузіаста; онъ совершенно спокоенъ на счетъ его участи и знаетъ, чѣмъ кончится его внутренняя борьба. Это сильно охлаждаетъ интересъ разсказа, и вы довольно равнодушно дочитываете романъ, зная напередъ, что какой нибудь deus ex machina развяжетъ узелъ къ общему удовольствію....

Вообще «Грѣхъ г. Антуана» очень слабъ въ художественномъ отношеніи; что же касается до мнѣній автора, то они, безъ сомнѣнія, ошибочны, неисполнимы и слишкомъ идеальны. Но не здѣсь мѣсто разбирать эти вопросы, да притомъ и не намъ разбирать ихъ. Для этого, во первыхъ, надо отречься отъ всѣхъ принятыхъ аксіомъ и начать изысканіе на основаніи чисто логическаго силлогизма. Это бываетъ больно; человѣкъ привязывается ко многому въ жизни такъ цѣпко, что почти срастается съ нимъ, и хоть и видитъ иногда, что это вредный наростъ на тѣлѣ, да ужь недостаетъ въ немъ духу рѣшиться на операцію.

Напримѣръ: взяточникъ, фальшивый игрокъ, ростовщикъ (есть много способовъ пускать другихъ по міру), — они награбили себѣ огромное состояніе; они уже десять, двадцать лѣтъ какъ живутъ себѣ припѣваючи, запивая трюфли шампанскимъ, между тѣмъ, какъ многіе изъ бывшихъ кліентовъ ихъ съ мрачнымъ отчаяніемъ въ душѣ принуждены, можетъ быть, отвѣчать голоднымъ дѣтямъ своимъ, просящимъ хлѣба, что хлѣба нѣтъ! Да! такъ неугодно ли, напримѣръ, попробовать объяснить такому человѣку, что богатство его есть преступленіе? Попробуйте! Сперва онъ обидится; но не робѣйте, продолжайте доказывать, — онъ съ величайшимъ цинизмомъ признаетъ справедливость вашихъ доводовъ и согласится, что, конечно, и онъ не безъ грѣха! Но что же далѣе? Рѣшится ли онъ когда нибудь перенести свое убѣжденіе (предположимъ такой невѣроятный случай, что онъ убѣдился, что онъ *думалъ, ломалъ свою благородную голову!*), рѣшится ли онъ перенести свое убѣжденіе въ дѣло, отказаться отъ того, чѣмъ владѣетъ онъ преступно, отдать его тѣмъ, у кого оно отнято, и начать трудовую, честную жизнь?

Полноте! что шутить такими вопросами! скажете вы. — Мы нешутили. — Ну, кто же станетъ дѣлать ихъ серьёзно?— И то правда.

Мы привели этотъ примѣръ только за тѣмъ, чтобы показать, какъ трудно бываетъ иным доискиваться истины, потому-что истина, или, выражаясь строго, убѣжденіе въ истинѣ чего бы то ни было, ничтожно, если оно безплодно, то есть, если не прилагается къ дѣлу. А на это не у всякаго достанетъ силы духа.

Digitized by Google

И вотъ почему мы уважаемъ убѣжденія въ другихъ и ничего не скажемъ объ убѣжденіяхъ г-жи Сандъ, какъ рѣзко ни противорѣчатъ они нашимъ собственнымъ. Убѣжденіе (я все таки говорю не о безплодномъ) есть именно то, что больше всего дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Будь оно ложно, ошибочно по вашимъ понятіямъ, оно все-таки есть истина для того, кто признаетъ его за истину. Онъ противорѣчитъ вамъ, но онъ не лжетъ передъ собой, слѣдовательно, не лжетъ и передъ вами. Оспаривайте его, но не выказывайте нетерпимости. Неужли это для васъ оскорбительно? Неужли въ васъ столько мелочного самолюбія, что вы предпочтете прямо высказанному противорѣчію, робкое, низкое, часто вынужденное поддакиванье? И что въ томъ пользы? Насиліе не измѣнитъ понятій человѣка; напротивъ, оно чаще всего дѣлаетъ его упорнымъ, и то, въ чемъ разувѣрили бы вы его въ мирной бесѣдѣ, остается затаеннымъ въ душѣ, сжимается и развивается въ одно и тоже время и нерѣдко переходитъ въ фанатизмъ.

Но мы отбились отъ предмета. На эти мысли навела насъ arrière-pensée романа, о которомъ я говорю. Обратимся къ нему.

Жоржъ Сандъ хотѣла собрать въ одну картину нѣкоторыя характеристическія черты настоящаго французскаго общества, страдающаго отъ глубокаго раскола, хотѣла изобразить рану его и указать на цѣлительное средство. Это средство—идея партіи, къ которой принадлежитъ она сама, и онѣ слишкомъ близки ея сердцу; касаясь ихъ съ предначертанною цѣлью она не можетъ не терять спокойно-яснаго созерцанія художника, а между тѣмъ стремится доказать ихъ истину художественнымъ произведеніемъ. Это противорѣчіе пагубно для творенія. Не такимъ путемъ достигаютъ до цѣли. Сжатая, сухая, безпощадно-послѣдовательная логика гораздо вѣрнѣе и скорѣе откроетъ глаза всякому, и результатовъ ея нельзя не признать, какъ бы не возставали противъ нихъ сердце, привычки, предразсудки и общее мнѣніе. Но Жоржъ Сандъ не испытывала силъ своихъ на этомъ поприщѣ. Она прежде всего художникъ, она хочетъ убѣдить, увлечь формою; она старается схватить васъ за сердце, но въ этомъ случаѣ, должно признаться, неудачно. Она успѣвала бы больше и пробуждала бы больше участія, если бы не спускалась въ этихъ случаяхъ съ высоты художническаго созерцанія и если бы *система* была въ подобныхъ ея произведеніяхъ дѣломъ второстепеннымъ. Посмотрите: изъ всѣхъ лицъ, столкнувшихся въ этомъ романѣ около соціальныхъ идей, кто пробуждаетъ въ васъ больше всѣхъ симпатіи? Герой романа и его невѣста? Нѣтъ! къ нимъ вы чуть ли не равнодушнѣе всего. Жанъ Жапплу? Онъ естественъ и изображенъ рельефнѣе другихъ, но и онъ теряетъ отъ того, что ходитъ на помочахъ за-

Digitized by Google

душевныхъ мыслей автора. Кардонне? Маркизъ? Шатобрёнъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Васъ больше всѣхъ трогаетъ лицо, помѣщенное на второмъ, даже на третьемъ планѣ картины, безъ всякихъ отношеній къ соціализму: это г-жа Кардонне, тихая страдалица, молча угасающая среди всеобщаго шума и дѣятельности.

И она изображена живѣе и вѣрнѣе всѣхъ; она не придумана къ завязкѣ романа, а разомъ родилась и выступила изъ творческой головы автора, какъ Минерва изъ головы Юпитера.

Такъ выступаютъ изъ фантазіи Ж. Санда цѣлыя группы, цѣлая жизнь человѣка, и щедро выкупаютъ промахи, которые дѣлаетъ она иногда въ сферѣ искусства, увлекаемая своимъ пылкимъ, любящимъ сердцемъ.

Къ такимъ полнымъ, безукоризненнымъ твореніямъ принадлежитъ послѣдній романъ ея: Лукреція Флоріани, который читатели прочтутъ въ приложеніи къ этой книжкѣ Современника. Это исторія очень простая, исторія, какія случаются очень часто и проходятъ, никѣмъ незамѣченныя. Тутъ нѣтъ ничего сценическаго, ничего трескучаго, никакихъ coups de théatre, никакихъ неожиданностей. Самъ авторъ, въ граціозномъ предисловіи, предупредилъ объ этомъ охотниковъ до судорожныхъ неправдоподобностей.

Но что за страшная драма разыгрывается передъ вами, когда авторъ вводитъ васъ въ душевный міръ двухъ существъ, которымъ, для собственнаго ихъ счастія, лучше бы было никогда не встрѣчаться, но которыя, встрѣтившись однажды, не могутъ ни разойтись, ни перестать страдать, любя другъ друга. Любовь, это произвольное чувство, безъ нашего вѣдома и часто на зло нашей личности возникающее въ душѣ, связываетъ передъ вами двѣ совершенно противоположныя натуры: *князя* Росвальда и *актрису* Флоріани. Эти два эпитета высказываютъ *in nuce* всю ихъ разнородность; аристократъ, князь, Нѣмецъ и идеалистъ, упорно заключившійся въ сферѣ своихъ абсолютныхъ понятій, живущій внѣ связи съ людьми и дѣйствительностью, и дочь рыбака, Итальянка, актриса, женщина съ теплою сообщительностію сердца, черпающая всѣ силы свои въ соприкосновеніи съ живою дѣйствительностію.

Князь Кароль былъ аристократъ по натурѣ еще больше, нежели по воспитанію. Его воспитала мать безъ всякаго посредничества другихъ лицъ. Кароль былъ обязанъ тѣмъ, что онъ есть, исключительно природѣ и матери — больше никому. О матери его въ романѣ сказано не много; но мы можемъ догадываться, что это была женщина безсердечная, (исключая общаго всѣмъ женщинамъ узкаго чувства материнской любви), умышленно незнакомая съ жизнію, женщина, для которой приличіе было высочайшимъ идеаломъ жизни, —

Digitized by Google

нравственная бѣлоручка. Всѣ понятія ея перешли къ Каролю, потому-что встрѣтили въ немъ родственную натуру. Жизнь и людей онъ зналъ только въ теоріи и, зорко хранимый матерью, во имя отрицательной добродѣтели, нечувствовалъ желанія сблизиться съ ними.

Натура его, при всей внутренней теплотѣ, была совершенно лишена сообщительности, и теплота души его не грѣла другихъ; она не грѣла и его, потому-что онъ, конечно, сознавалъ, и больно сознавалъ, что нѣтъ ей выхода и что она безплодный даръ природы, если не можетъ сблизить, или, точнѣе, спаять его съ подобными себѣ. Есть такія несчастныя организаціи: при всей глубинѣ своей, при всей теплотѣ чувствъ, гуманная любовь ихъ не въ состояніи прорваться сквозь оболочку наружныхъ формъ. Это истинно несчастные, ибо никто не вѣритъ въ ихъ искренность, и они часто падаютъ отъ этого невѣрія и отъ сознанія невозможности пробудить его. Такова отчасти была и натура Кароля. И первый толчокъ къ паденію его данъ былъ самою матерью; она совершенно придушила въ немъ всякую сообщительность, подозрительно оберегая его отъ всего, что хоть сколько нибудь казалось ей нечистымъ, и внушая ему узкія понятія о нравственной аристократіи духа. Субъективная натура его усвоила это ученіе, и оно обратилось въ кровь его. Онъ привыкъ беречъ себя отъ соприкосновенія со всѣмъ, что не походило на него. Отсюда оставался только одинъ шагъ до холоднаго эгоизма, съ которымъ человѣкъ исполняетъ все, что считаетъ своимъ долгомъ, помогаетъ бѣдному, отворачивалсь отъ его лохмотьевъ, спасаетъ утопающаго, не давая ему удовлетворить нравственной потребности сказать спасибо, — все это безъ сердечнаго увлеченія, больше изъ любви къ себѣ и своему идеалу долга, нежели изъ любви къ ближнему. Этотъ аристократическій эгоизмъ составилъ всю основу характера Кароля, почву, на которой вокругъ благоухающаго цвѣтка любви росли нетерпимость, ревность, подозрительность, скрытность, самолюбіе, обидчивость и другіе нравственные плевелы.

Отчужденіе отъ общества, по крайней мѣрѣ отъ живаго соприкосновенія съ обществомъ, было естественнымъ слѣдствіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ твердою опорою его воспитанія. И оно принесло плоды свои: когда пришлось князю встрѣтиться лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью жизни, онъ уже не могъ примирить ее съ своимъ внутреннимъ холодно-идеальнымъ міромъ. Напротивъ того, онъ разходился съ ней съ каждымъ днемъ все больше и больше. Сравнивая людей и жизнь съ безтѣлесными идеалами своего воображенія, онъ, естественно, находилъ ихъ безконечно ниже созданныхъ имъ образцовъ; онъ чуждался ихъ, онъ убѣгалъ, но убѣжать было нельзя. Это раздражало его, и превратилось, наконецъ, въ болѣзнь, дошедшую до того,

Digitized by Google

что онъ готовъ бы былъ истребить все человѣчество, лишь бы не встрѣчаться съ людьми, этими живыми и досадными противорѣчіями его идеаловъ и опроверженіями его теорій.

Отрицательное понятіе о добродѣтели, какъ воздержаніи отъ порока, эта апатическая, дряблая мораль, всегда готовая поддержать въ сонной душѣ чувство собственнаго достоинства, зарождаетъ въ ней и нетерпимость. Такой моралистъ, лишенный самородной дѣятельности духа, не проститъ человѣку и одного проступка за сотню великодушныхъ подвиговъ. Что касается до отрицательной добродѣтели, Кароль, конечно, имѣлъ полное право ставить себя выше многихъ; сама природа создала его для страдательной жизни; обстоятельства довершили остальное, и ленивый умъ его отвращался отъ тяжелаго труда анализа; но мозгъ человѣческій одаренъ такою же самобытною дѣятельностію, какъ и сердце, біеніе котораго зависитъ не отъ нашей воли; можно не вдумываться въ связь и значеніе вещей, но образы и какія-то отрывчатыя полумысли безпрерывно шевелятся въ головѣ, хотя часто мы этого не замѣчаемъ, какъ не замѣчаемъ, что дышемъ, что движемся, что сердце наше не перестаетъ биться. Мозгъ не можетъ оставаться праздными; если онъ отвращенъ отъ міра дѣйствительнаго, онъ обращается къ міру идеаловъ. Кароль не былъ исключенъ изъ этого закона; каждый изъ насъ испытываетъ его на себѣ, въ извѣстную эпоху жизни: уносится за облака, въ міръ фантазій, и отъ всей простоты сердца презираетъ дѣйствительность; но скоро сознавъ въ себѣ внутреннее раздвоеніе, чувствуетъ, что это очень тяжело, ищетъ примиренія и — находитъ его на свой манеръ. Кароль, къ несчастію, не могъ выжить изъ этого періода жизни; ему не приходило и въ голову искать примиренія. Напротивъ того, чѣмъ больше задѣвала его дѣйствительность, тѣмъ больше презиралъ онъ ее; онъ привыкъ, онъ прилѣпился къ этой борьбѣ и находилъ даже какое-то странное наслажденіе въ своихъ внутреннихъ страданіяхъ, какъ рыцари находили нѣкогда наслажденіе въ боли отъ ранъ, терпимыхъ ими за идеалъ.

Человѣкъ высказывается въ страсти и часто поражаетъ насъ неожиданнымъ проявленіемъ силы или безсилія. Тотъ, котораго вы знали кроткимъ, боязливымъ, любящимъ, тихою овечкой, является вдругъ звѣремъ, человѣкомъ безъ сердца, вспыльчивымъ, неустрашимымъ, — и на оборотъ. Когда вспыхнула въ Каролѣ истинная страсть, можетъ быть единственное истинное чувство, испытанное имъ во всей своей жизни, — какъ и на сколько могло оно измѣнить его?

Ни какъ и ни насколько! Это доказываетъ, что путь, по которому вели его съ дѣтства, аристократическое воспитаніе и внушенныя ему отрицательно-эгоистическія понятія о добрѣ и доблести —

Digitized by Google

были не случайныя цѣпи, наложенныя, какъ часто бываетъ, на духъ болѣе свободный и ясный, чувствующій тяжесть ихъ и, смотря по внутренней силѣ своей, успѣшно или не успѣшно старающійся ихъ сбросить. Нѣтъ! воспитаніе не подавило, а развило Кароля; во внутреннѣйшемъ существѣ его уже заключались зародыши всего того, что развернулось и принесло послѣ плоды свои, согрѣтое попечительностью матери. Любовь, вспыхнувшая въ князѣ съ страшною силою, продолжавшаяся съ страшною упорностью, не преобразила его. Какъ ни была она сильна, какъ ни переполнила она сердца его сладкимъ сознаніемъ взаимности, она не пролилась, какъ проливается обыкновенно изъ сердца счастливаго, на все его окружающее. Нѣтъ! онъ сжался, онъ уединился въ самого себя больше прежняго, и непріязненнѣе, чѣмъ когда нибудь, сталъ встрѣчать все живое.

Любовь не могла не только примирить, даже сблизить его съ дѣйствительностью, именно потому, что онъ полюбилъ собственно не то существо, которое было передъ нимъ, съ кровью и плотью, а идеалъ, который онъ вообразилъ въ немъ, — и полюбилъ его только потому, что настала пора полюбить. Это, можетъ быть, исторія любви многихъ, если не каждаго. Любятъ обыкновенно не того, кого любятъ, а кого воображаютъ любить. Только Кароль не хотѣлъ или не могъ примириться съ разочарованіемъ и упорно продолжалъ обожать въ Лукреціи свой идеалъ, который для другихъ исчезаетъ такъ скоро, оставляя по себѣ самую обыкновенную дѣйствительность.

И кого же полюбилъ онъ? Кого окружилъ ореоломъ? Женщину, вся прошлая жизнь которой была для него досаднымъ опроверженіемъ его теорій, женщину, почти діаметрально противоположную ему по своей натурѣ, существо съ теплою сообщительностію сердца, съ умомъ, свободнымъ отъ всякихъ предубѣжденій, съ духомъ дѣятельности, не боявшуюся соприкосновенія съ людьми и ознакомившуюся съ жизнію не изъ аскетическихъ книгъ или отвлеченныхъ поученій въ уединеніи безлюднаго кабинета, но въ дѣйствительныхъ сношеніяхъ съ живыми существами.

Спросятъ, можетъ быть, какъ могла возникнуть любовь между двумя такими разнородными существами? Но любовь чувство непроизвольное, и возникновеніе ея не подлежитъ рѣшительно никакимъ законамъ. Какъ сказано, мы чаще всего любимъ, потому-что настала пора любить, а *кого* любимъ, это зависитъ отъ случая, потому-что всякаго или всякую видимъ тогда сквозь призму собственнаго воображенія. Это-то и порождаетъ самыя трагическія коллизіи въ человѣческой жизни.

Только сила любви зависитъ отъ натуры человѣка, и понятно, почему Кароль, больной духомъ и тѣломъ, такъ внезапно, съ такимъ

Digitized by Google

лихорадочнымъ жаромъ, съ такою судорожною цѣпкостью привязался къ Лукреціи, которая сначала не подозрѣвала въ немъ даже и возможности любви къ ней, и на опасенія, высказанныя Сальваторомъ, отвѣчала, что онъ бредитъ.

Лукреція была права: *князь* Кароль и *актриса* Флоріани были по натурѣ своей различны, какъ вода и огонь. Но не вѣря ни въ дѣйствительность, ни въ возможность любви, и разгоняя опасенія Сальватора, бѣдная Лукреція не расчитывала именно на непроизвольность страсти и участіе воображенія. А въ такой натурѣ, какъ Кароль, оно не могло не играть страшно-значительной роли. Любовь къ Флоріани, къ актрисѣ Флоріани, къ той Флоріани, какую знаемъ мы съ вами, читатель, вошла въ князя какъ чуждый его натура элементъ; потому только, что любовь къ лицу, а не къ идеалу, требуетъ такихъ жертвъ и самоотверженія, которыя невозможны безъ общей любви къ человѣчеству. А этихъ то жертвъ и не могъ приносить Кароль; онъ былъ способенъ только къ самоотверженію ради своихъ же идеаловъ, и въ пылу страсти хотѣлъ бы отрѣшить себя и Флоріани отъ всего міра, не исключая и дѣтей ея. Это, въ свою очередь, было невозможно для Лукреціи. Кароль самъ сдѣлался первою жертвою своего внутренняго раздвоенія. Никакая страсть не могла задушить въ немъ бѣса нетерпимости, а тѣмъ болѣе страсть къ такой женщинѣ.

Лукреція нисколько не поняла Кароля, какъ не понимала самой себя. Она думала, что онъ любитъ собственно *ее*, она же воображала, что пора страсти для нея миновалась. Ей тоже суждено было обманываться всю жизнь. Кароль выводилъ все изъ себя и жилъ среди своихъ идеаловъ, непріязненно отталкивая все, что грозило разрушить его очарованіе. Лукреція жила въ мірѣ дѣйствительномъ, воспринимая въ себя все съ слишкомъ большою довѣрчивостью, не стараясь проникать въ глубь вещей и принимая то, что кажется, за то, что есть. Только запоздалый опытъ открывалъ ей это разногласіе, и тогда она разставалась съ обманчивымъ предметомъ навсегда. А Кароль, однажды облекши дѣйствительность оболочкою своего идеала, упорно видѣлъ въ ней не то, что есть, а то, что отражалось на ней изъ его идеальнаго міра, и никогда не рѣшался отстать отъ предмета, потому-что это значило бы признать ничтожность своего внутренняго міра.

Могутъ ли такія натуры понимать другъ друга? Могутъ ли онѣ вообще, не будучи даже подъ вліяніемъ страсти, вѣрно понимать смыслъ обстоятельствъ и предвидѣть развязку отношеній своихъ къ другимъ?

Только Сальваторъ, которому не вѣрила Лукреція и котораго князь началъ уже отъ себя отталкивать, только онъ одинъ видѣлъ,

Digitized by Google

чѣмъ кончится боготвореніе со стороны Кароля и *материнская* любовь, въ которой поклялась Флоріани.

Но и онъ, эта простая, свѣтлая и высокая въ любви своей душа, — и онъ не былъ равнодушенъ: онъ былъ свидѣтелемъ блаженства, которому самъ завидовалъ. Кароль на его мѣстѣ мучилъ бы и себя и другихъ, какъ тѣнь слѣдилъ бы за каждымъ шагомъ Лукреціи, не давалъ бы покоя сопернику — и былъ бы въ состояніи прожить всю жизнь досаднымъ гостемъ между двумя любовниками, любящій, но не любимый. Эгоизмъ никогда не позволилъ бы ему принести и малѣйшей жертвы.

Не такъ поступилъ Сальваторъ. Онъ боролся тяжело, но вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ. Онъ уѣхалъ въ Венецію и оставилъ любовниковъ вдвоемъ, къ великой радости Кароля. Чему же онъ обрадовался? Развѣ Сальваторъ мѣшалъ ему наслаждаться счастьемъ? Развѣ онъ докучалъ Лукреціи? Развѣ онъ хмурился, вздыхалъ и молчалъ? разыгрывалъ смѣшную роль несчастнаго соперника? или мелочными интригами старался перебить дорогу Каролю? О, нѣтъ! Сальваторъ былъ для этого слишкомъ великодушенъ, слишкомъ человѣченъ; — но присутствіе его, его бесѣда, не могли не сводить иногда Флоріани съ того пьедестала, на который поставилъ ее Кароль и на которомъ она непремѣнно должна была оставаться, для того, чтобы онъ могъ любить ее и поклоняться ей. Онъ боялся выйти изъ самообольщенія, дрожалъ не за зданіе, а за святыню храма, — а святынею былъ для него идеалъ его.

Кароль былъ счастливъ и спокоенъ цѣлый мѣсяцъ; ничье присутствіе не останавливало его полета въ мечтательный міръ, никто не угрожалъ столкнуть его при встрѣчѣ съ скользкаго неба. Но какъ ужасно пробудилась нетерпимость его при возвращеніи Сальватора! Въ восклицаніи Кароля: «Боже мой! мы не одни теперь! я погибъ! хоть умереть!» слышны уже всѣ его добровольныя мученія, весь адъ, въ который онъ увлечетъ за собою Флоріани. Эта нетерпимость сдѣлалась корнемъ его ревнивыхъ подозрѣній.

Ревность, самая мелкая ревность, дремавшая до сихъ поръ въ его сердцѣ, вдругъ пробудилась съ страшною силой, чтобы никогда больше не заснуть.

Въ Каролѣ явилась потребность страдать и мучить, и онъ съ какимъ-то страстнымъ наслажденіемъ раздражалъ свои чувства произвольнымъ толкованіемъ каждаго слова, каждаго взгляда, каждой мелочи въ ежедневной жизни.

Эта душевная болѣзнь была не только невылечима, но еще съ каждымъ днемъ становилась сильнѣе, такъ что Лукреція принуждена была наконецъ поступать съ нимъ, какъ съ больнымъ ребенкомъ, и,

Digitized by Google

отбросивши уваженіе къ самой себѣ (великая жертва любви!), оправдываться въ мелочахъ, изъ которыхъ князь выводилъ преступленія. Появленіе Бандони довело болѣзнь Кароля до послѣдней степени.

Но все это кипѣло внутри его, и только сотая, тысячная часть, противъ его воли, вырывалась наружу. Идеальный внутренній міръ его былъ разрушенъ, осквернен вмѣшательствомъ лицъ, ему непричастныхъ. Но онъ съ тѣмъ большимъ упорствомъ, съ фанатическою ненавистью отворачивался отъ нечестивыхъ и обращался къ своему идеалу. Могъ ли онъ не таить тревоги и волненій души своей?

Флоріани могла только догадываться, что въ немъ происходитъ; онъ высказывалъ свое состояніе только неопредѣленными отвѣтами или болѣзненнымъ молчаніемъ.

Наконецъ, когда она, потерявъ долготерпѣніе, рѣшилась объясниться съ нимъ однажды навсегда и, вѣроятно, думала или образумить его, или сказать ему вѣчное «*прости*», какъ говорила другимъ, — было уже поздно. Она сама уже пала тогда духомъ, измученная его и своею любовью, и не нашла въ себѣ довольно силъ настоять на своемъ, и довести отношенія свои къ Каролю до яснаго результата.

Такая ясность была всего противнѣе натурѣ Короля. Онъ еще слушалъ Флоріани, пока она жаловалась, упрекала, горевала. Но онъ прервалъ ее на первомъ словѣ, какъ только почувствовалъ, что она хочетъ говорить *о дѣлѣ*.

Объясненіе, къ которому, вѣроятно, долго собиралась она и отъ котораго ожидала, что оно выведетъ ихъ изъ этого напряженно—неопредѣленнаго отношенія другъ къ другу, кончилось ничѣмъ, — и съ этой минуты приговоръ ея былъ подписанъ. Плодомъ разговора было только то, что Король привыкъ съ этого дня считать ревность вовсе не оскорбительною!

Онъ никогда и ничѣмъ не былъ доволенъ. Если Флоріани казалась веселою, онъ не понималъ или не хотѣлъ понять эту силу воли, съ которой она избавляла другихъ отъ зрѣлища своихъ страданій; онъ называлъ это, съ высоты своего аристократическаго достоинства, цыганскою безпечностью. Изъ того, что Флоріани могла находить красоту въ цвѣткѣ, наслаждаться его ароматомъ, любоваться бабочкой, эгоистическая натура его выводила такое слѣдствіе: она *все* любитъ, слѣдовательно, она не любитъ *меня*.

Кто дошелъ до такой логики, тотъ очевидно невзлѣчимъ. Это своего рода помѣшательство. Вспышки нѣжности, проявлявшіяся въ Каролѣ и въ этотъ періодъ его страсти, нельзя даже назвать свѣтлыми минутами помѣшаннаго. Падая на колѣни передъ Лукре-

Digitized by Google

ціей, онъ обожалъ въ ней все тотъ же идеалъ, до котораго возвысилъ ее однажды; очевидность для него была уже безъ значенія, какъ для помѣшаннаго, который въ лоскуткѣ бумаги видитъ золотую корону съ брильянтами.

Сальваторъ это видѣлъ. Его свѣжая, простая, великодушная натура долго могла выносить гнетъ этихъ отношеній, изъ любви къ Флоріани и дружбѣ къ Каролю. Но и онъ, наконецъ, почувствовалъ, что кровь его начинаетъ портиться.

Ужасъ Флоріани, когда она узнала, что Сальваторъ хочетъ уѣхать, и что она должна остаться съ Каролемъ наединѣ, открылъ Сальватору всю бездну ея несчастія.

Онъ увидѣлъ, что для нея и для князя нѣтъ другаго спасенія, какъ разойтись, но что сами они никогда на это не рѣшатся. Онъ рѣшился испытать послѣднее: стать среди несчастныхъ любовниковъ и развести ихъ насильно. Но на требованіе его уѣхать съ нимъ, Каролъ отвѣчалъ ему оскорбительнѣйшими подозрѣніями, а Флоріани словами глубокой преданности судьбѣ своей, — и Сальваторъ бѣжалъ, сказавши ей: *...ты погибла!*

Тутъ собственно кончается романъ. Авторъ досказываетъ остальное вкратцѣ, изъ милости для любопытнаго читателя, а больше, можетъ быть, изъ сожалѣнія.

Когда исчезаетъ со сцены Сальваторъ, вы чувствуете, что передъ вами безвыходное поле страданій, страданій неизцѣлимыхъ никакими средствами, одна долгая, томительная агонія. Не меньше десяти лѣтъ постояннаго мученія надо было, чтобы разрушить, наконецъ, мощную организацію Флоріани, и достало ли бы у васъ сердца прочесть исторію этихъ десяти лѣтъ, день за днемъ?

Страшно подумать, что чѣмъ совершеннѣе, чѣмъ больше приносишь жертвъ любимому существу, тѣмъ меньше оно ихъ замѣчаетъ, тѣмъ меньше научается цѣнить ихъ, если сердце у него нѣсколько уже, и не можетъ носить въ себѣ гуманной любви ко всему, что зовется человѣкомъ, — ибо эти жертвы невозможны для того, или для той, кто только силенъ страстью, сосредоточенною на одномъ существѣ, и не понятны для того, въ комъ эта страсть стѣсняетъ и съуживаетъ идеи, словомъ, кто требуетъ *всего* для себя, нисколько не подозрѣвая, что этимъ онъ только разрываетъ любящее сердце пополамъ, а облитая кровью половина трепещетъ все таки за человѣчество и свои убѣжденія.

А. КРОНЕБЕРГЪ.

Digitized by Google

IV.

О ПРЕОБРАЗОВАНІИ ХЛѢБНАГО ЗАКОНА ВЪ ВЕЛИКОБРИТАНІИ И О ВИДАХЪ НА СБЫТЪ ХЛѢБА ВЪ ЭТО ГОСУДАРСТВО. Великобританія, при своемъ многолюдномъ населеніи, чаще и болѣе другихъ европейскихъ государствъ нуждается въ значительномъ привозѣ иностраннаго хлѣба; но введенная въ ней система привозныхъ пошлинъ до сихъ поръ стѣсняла сбытъ его такъ, что только въ самые неурожайные годы представлялась возможность продавать иностранный хлѣбъ внутри государства. Разсматривая количества заграничныхъ хлѣбныхъ припасовъ, поступившихъ на внутреннее продовольствіе Великобританіи, въ теченіи 10 лѣтъ, съ 1831 по 1841 г., можно убѣдиться, что во все это время она представляла весьма ненадежный истокъ для иностраннаго хлѣба.

	Пшен. муки.	*Пшеницы.*	*Ячменя.*	*Овса.*	*Ржи.*
	пудовъ.		четвертей.		
Въ 1831 г....	3,173,815	1,604,104	697,857	473,656	75,893
1832 г....	506,184	356,010	95,232	3,825	8
1833 г....	243,575	83,128	1,633	1,288	1¼
1834 г....	233,515	61,192	14,714	73,006	29
1835 г....	133,184	20,466	182,253	233,809	4
1836 г....	115,229	26,071	146,623	128,341	24
1837 г....	125,406	310,260	62,913	443,037	26,074
1838 г....	1,213,421	2,281,347	10,922	14,673	2,976
1839 г....	1,983,109	3,333,436	783,750	1,140,598	203,064
1840 г....	4,082,465	2,688,802	812,445	673,260	1730

Digitized by Google

Такое непостоянство въ сбытѣ привознаго хлѣба на продовольствіе Великобританіи зависѣло болѣе всего отъ тамошнихъ перемѣнныхъ пошлинъ, которыя поднимались съ упадкомъ внутреннихъ уставныхъ цѣнъ, а съ возвышеніемъ ихъ понижались, въ опредѣленномъ размѣрѣ. Великобританія первая ввела такой тарифъ въ отношеніи хлѣба и поддерживала эту систему около двухъ столѣтій. Наконецъ, въ новѣйшее время, измѣнившіяся обстоятельства внутренней промышленности и внѣшней торговли потребовали преобразованія тарифа, и важнѣйшій шагъ къ тому былъ сдѣланъ введеніемъ въ 1846 г. закона, которымъ, вмѣсто перемѣнныхъ пошлинъ, постановлено взымать послѣ 1 февраля 1849 г. *однообразную пошлину со всѣхъ родовъ хлѣба, по 1 шил. съ квартера*. Эта мѣра, по своей важности для хлѣбной торговли и для другихъ интересовъ, съ нею сопряженныхъ, требуетъ внимательнаго изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что она должна имѣть обширное вліяніе на внутреннее состояніе Великобританіи и на отношенія ея къ другимъ государствамъ.

Извѣстно, что англійскіе законы о привозѣ и вывозѣ хлѣба, имѣя цѣлью поощреніе земледѣлія, служили къ обогащенію малочисленнаго класса землевладѣльцевъ и къ поддержанію политическаго вліянія ихъ на государственныя дѣла, между тѣмъ, какъ народъ терпѣлъ отъ возвышенія цѣнъ на хлѣбъ. Съ преобразованіемъ парламентскихъ выборовъ, ограничилось вліяніе аристократіи на законодательство и она должна была, наконецъ, уступить силѣ возвышающагося средняго сословія. Защищая свободу хлѣбной торговли, это сословіе домогалось ограничить и въ матеріяльномъ отношеніи преимущества богатыхъ землевладѣльцевъ, чтобы тѣмъ упрочить за собою политическое вліяніе, къ которому уже проложило себѣ путь посредствомъ парламентской реформы. Такимъ образомъ, введеніе постоянной, низкой, пошлины съ хлѣба, какъ результатъ долговременной борьбы средняго сословія противъ аристократіи, послужитъ началомъ новаго устройства политическихъ и общественныхъ отношеній въ Великобританіи. Но, не касаясь здѣсь этого предмета, мы будемъ разсматривать послѣдствія закона о хлѣбѣ только съ одной ихъ коммерческой стороны

Для поясненія, какимъ образомъ совершился этотъ переворотъ, измѣнившій одно изъ коренныхъ началъ англійской торговой политики, необходимо разсмотрѣть сущность прежнихъ узаконеній, различныя перемѣны, которымъ они подвергались въ теченіи времени, и сильное вліяніе ихъ на внутреннія обстоятельства Великобританіи и на внѣшнюю ея торговлю.

Не останавливаясь на узаконеніяхъ 1436 года и послѣдующихъ постановленіяхъ королевы Елисаветы и ея преемниковъ, касательно привоза и вывоза хлѣба, начнемъ съ закона, изданнаго при Георгѣ III, въ 1773 г. Точно также, какъ и въ новѣйшее время, ввозъ иностраннаго хлѣба былъ стѣсняемъ, въ пользу землевладѣльцевъ, имѣвшихъ глав-

Digitized by Google

ное участіе въ законодательствѣ; тогда и, замѣтьте, съ тою же цѣлью, вывозъ хлѣба былъ поощряемъ, потому-что, при малолюдномъ населеніи и при безпрерывныхъ усиліяхъ къ распространенію хлѣбопашества, производство хлѣба вообще превосходило расходъ его внутри государства. На основаніи закона 1773 г., казна выдавала, при отпускѣ пшеницы премію въ 5 шил. на квартеръ, пока цѣна была ниже 44 шил.; съ возвышеніемъ ея до этого предѣла, выдача премій прекращалась и наступало запрещеніе отпуска; при дальнѣйшемъ же возвышеніи цѣны до 48 шил. высокая привозная пошлина понижалась съ 22 шил. до $^1/_2$ шил. съ квартера. Такое постановленіе не было полезно ни для народнаго благосостоянія, ни для земледѣлія. Хлѣбныя цѣны въ государствѣ должны были возвышаться по размѣру, для отпускной преміи установленному, и на выдачу самыхъ премій понадобилось увеличить общественные налоги. А какъ оба эти обстоятельства всегда имѣли слѣдствіемъ дороговизну продовольствія, то такія искуственныя правительственныя мѣры, возвышая заработную плату, должны были вредить мануфактурной промышлености, уже въ то время достигшей въ Англіи не маловажнаго развитія, и могли дѣйствовать на уменьшеніе вывоза ея издѣлій. Что же касается до сельскихъ обывателей, то они ничего не выигрывали, а скорѣе теряли при этомъ законѣ, потому-что общая дороговизна продовольствія заставляла ихъ платить за всѣ свои потребности дороже.

Между тѣмъ, англійскіе законодатели не уклонялись отъ принятой ими системы, ближайшимъ слѣдствіемъ которой были чрезвычайные, но насильственные успѣхи земледѣлія. Въ прежнее время, въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ Европы, господствовала трехпольная система; съ тѣхъ поръ стало болѣе и болѣе распространяться плодосмѣнное хозяйство, въ которомъ, какъ извѣстно, посѣвы хлѣбовъ перемѣжаются разведеніемъ корнеплодныхъ растеній и кормовыхъ травъ, и тѣмъ отвращается скорое истощеніе почвы. Отъ распространенія этой хозяйственной системы, доходы съ земли возвысились въ изумительной степени. Но приращеніе ихъ еще болѣе увеличилось въ исходѣ прошлаго столѣтія, когда война, умноживъ потребность почти на всѣ продукты, особливо же на земледѣльческіе, открыла имъ сбытъ, по весьма возвысившимся цѣнамъ, и усилила средства сельскихъ хозяевъ къ улучшенію земледѣлія и скотоводства. Плодосмѣнная система усовершенствовалась, обработка выдѣланныхъ полей улучшилась введеніемъ удобрительныхъ туковъ, прежде мало употреблявшихся, и осушкою низменныхъ, сырыхъ, мѣстъ. Въ тоже время стали обрабатывать большія пространства впустѣ лежавшихъ земель, и многія изъ нихъ превратились въ плодороднѣйшія пашни, словомъ, пробудился необыкновенный духъ дѣятельности въ сельскомъ хозяйствѣ, которымъ занялись богатѣйшіе лорды. Чѣмъ долѣе продолжалась война, тѣмъ болѣе возрастала производительность этого источника богатства, потому-что непомѣрныя цѣны на хлѣбъ вознаграждали даже за дорогую обработку самой неблагодарной почвы и по-

Digitized by Google

ощряли болѣе и болѣе къ воздѣлыванію пустопорожнихъ земель. Въ теченіи 50 лѣтъ обращено въ пашни:

съ 1760	по 1769	годъ	704,550	акровъ
1770	— 1779	—	1,207,800	—
1780	— 1789	—	450,180	—
1790	— 1799	—	858,270	—
1810	— 1809	—	1,550,010	—
1810	— 1819	—	1,560,990	—

Всего вообще около 6½ милліоновъ акровъ (2,160,000 десятинъ), что составляетъ третью часть того пространства, какое занимали пахатныя земли въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи въ 1827 г.

Не смотря на столь значительное развитіе земледѣлія, порожденное отчасти охранительнымъ тарифомъ, отчасти военными потребностями на продовольствіе многочисленнаго войска и флота, обнаружилось, однако, замѣчательное явленіе. Англія, даже при благопріятныхъ урожаяхъ, не могла уже болѣе, по прежнему, отпускать хлѣбъ за границу, а напротивъ того, въ неурожайные годы сама должна была получать оттуда значительные подвозы. Это обстоятельство послужило поводомъ къ важнѣйшимъ перемѣнамъ въ хлѣбной торговлѣ. Уже вскорѣ послѣ изданія въ 1773 г. закона, коимъ иностранный хлѣбъ былъ обложенъ низкою пошлиною, привозъ оказался болѣе отпуска. Среднимъ числомъ ежегодно по 1790 годъ пшеницы привезено на 42,964 квартеровъ, болѣе нежели вывезено,— и землевладѣльцы успокоились не прежде какъ въ 1791 г., когда парламентъ, по настоянію ихъ, возвысилъ привозную пошлину съ пшеницы до 24 шил. 3 пен., въ случаѣ упадка ея цѣны до 50 шил. При цѣнахъ между 50 и 54 шил. положено взимать 2 ш. 6 п., а при возвышеніи цѣны за 54 шил. оставалась въ силѣ прежняя пошлина въ ½ шил. съ квартера. Такой охранительный тарифъ, казавшійся нужнымъ въ военное время, для успѣховъ земледѣлія, на которое употреблены несмѣтные капиталы, съ одной стороны, затруднялъ еще возможный ввозъ иностраннаго хлѣба, а съ другой стороны, при умножавшейся потребности въ хлѣбѣ (съ приращеніемъ промышленнаго класса), производилъ чрезвычайное возвышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, которое естественно ограничивало потребленіе и имѣло вредное вліяніе на общее состояніе государства.

Хотя охранительная система образовалась въ военное время, однако, по возстановленіи мира, обстоятельства еще болѣе вынуждали слѣдовать той же системѣ. Сельскіе обыватели лишились тогда обширнаго истока для своихъ хлѣбныхъ запасовъ, поглощавшихся арміей и флотомъ, а между тѣмъ, препятствія, останавливавшія ввозъ иностраннаго хлѣба, миновались. Съ прибытіемъ подвозовъ его, не смотря на высокую пошлину, цѣны чрезвычайно упали, и фермеры, взявшіе земли въ арендное содержаніе, во время войны, съ предположеніемъ, что высокія цѣны продуктовъ будутъ продолжаться, подверглись крайне-

Digitized by Google

му раззоренію. Бѣдствіе еще болѣе увеличилось отъ того, что арендные контракты были заключены на бумажныя деньги, достоинство которыхъ значительно упало отъ прекращенія банковыхъ платежей звонкою монетою. Правительство, по возстановленіи мира, признало нужнымъ возвратить этимъ деньгамъ прежнюю ихъ цѣнность. Въ слѣдствіе того, земледѣльческіе продукты, равно какъ и всѣ другіе товары, должны были понизиться въ своей нарицательной цѣнѣ на столько, на сколько возвысилось достоинство бумажныхъ денегъ, тогда какъ фермеры должны были платить землевладѣльцамъ высокій арендный доходъ бумажными деньгами, не имѣвшими болѣе прежней цѣны. Между тѣмъ тягостные налоги, установленные въ военное время, продолжались. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, казалось бы, долгъ справедливости требовалъ не допускать внезапно до раззоренія массу капиталовъ, во время крайней нужды обращенныхъ на земледѣліе. Результатомъ происходившихъ тогда парламентскихъ преній по этому предмету было новое въ 1815 году законоположеніе о хлѣбѣ: привозъ его былъ запрещенъ, пока цѣна пшеницы не возвысится до 80 шил. за квартеръ (около 20 руб. сер. за четверть), а вывозъ оставался свободнымъ во всякое время. Цѣлью этого закона было: устраненіемъ всякаго иностраннаго соперничества, въ обыкновенное время и постоянно, доставлять англійскимъ сельскимъ хозяевамъ выгодныя цѣны за ихъ продукты (remunerating prices) (*). Но послѣдствія обнаружили совершенно противное. Вмѣсто ожиданныхъ высокихъ цѣнъ (за исключеніемъ 1816 и 1817 годовъ, ознаменованныхъ большими неурожаями во всей западной Европѣ), установлялись низкія цѣны, такъ что, напримъ. въ 1822 г., хлѣбъ на англійскихъ рынкахъ былъ не многимъ дороже, чѣмъ въ Нидерландахъ, хотя тамъ привозъ пользовался совершенною свободою. Бѣдствіе, угнѣтавшее сельскихъ хозяевъ, не могло быть отвращено тарифными мѣрами. Никакія человѣческія усилія не были въ состояніи вознаградить за ущербъ въ сбытѣ сельскихъ произведеній съ тѣхъ поръ, какъ прекратился чрезвычайный расходъ ихъ на продовольствіе морскихъ и сухопутныхъ войскъ, во время продолжительныхъ войнъ. По этой причинѣ, низкія хлѣбныя цѣны были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ умноженія подвозовъ на рынки, между тѣмъ какъ потребность въ хлѣбѣ уменьшилась. Въ такихъ обстоятельствахъ, къ отвращенію стѣсненнаго положенія сельскихъ хозяевъ, надлежало бы прежде всего измѣнить отношенія фермеровъ къ землевладѣльцамъ, а не искать огражденія ихъ выгодъ посредствомъ законодательныхъ мѣръ противъ соперничества иностраннаго хлѣба. Но аристократія не находила первый способъ согласнымъ съ личными ея интересами, и потому избранъ былъ послѣдній, отъ котораго стѣсненное положеніе сельскихъ хозяевъ болѣе увеличивалось, нежели уменьшалось.

Остановка успѣховъ внѣшней торговли была первымъ естественнымъ слѣдствіемъ этого закона. Англія, не допуская къ себѣ ввозъ

(*) Вознаградительныя цѣны.

Digitized by Google

хлѣба изъ другихъ государствъ, лишила ихъ средствъ пріобрѣтать собственныя ея произведенія и продукты ея колоній, въ той мѣрѣ, какъ это могло быть при свободѣ взаимной торговли. Отпускъ англійскихъ товаровъ съ 1821 по 1825 годъ значительно уменьшился противъ предъидущаго пятилѣтія:

въ Россію	на	3,225,607	фунт. стер.
Данію	»	399,065	—
Пруссію.	»	1,477,528	—
Германію	»	3,938,795	—
Нидерланды	»	2,504,838	—
Соединенные Штаты. .	»	14,542,638	—

Хотя такое уменьшеніе въ цѣнности отпуска можно объяснить частію пониженіемъ цѣнъ на разные отпускные товары и развитіемъ мануфактурной промышленности въ нѣкоторыхъ изъ вышеупомянутыхъ государствъ, однако, нельзя вовсе отвергать вліяніе запретительнаго закона въ отношеніи ввоза иностраннаго хлѣба, особенно потому, что пропорціонально всего болѣе уменьшился отпускъ въ Пруссію, чрезъ порты которой вывозится въ Англію наибольшее количество пшеницы. Въ 1816—1820 г. англійскій отпускъ въ Пруссію простирался на 2,719,340 ф. с., а въ 1821—1825 г. только на 1.242,212 ф. с., слѣдовательно, уменьшился болѣе, чѣмъ въ половину. Послѣдствія такого неблагопріятнаго положенія внѣшней торговли тотчасъ обнаружились: коммерческія дѣла ослабѣли, средства къ пропитанію рабочаго класса уменьшились не только въ фабричныхъ и торговыхъ городахъ, но и во всѣхъ мѣстахъ, находящихся въ связи съ ними, и какъ вообще ограничились способы къ удовлетворенію потребностей, то послѣдовало также уменьшеніе сбыта естественныхъ произведеній на внутреннихъ рынкахъ, и это не могло не имѣть вреднаго вліянія на положеніе земледѣльцевъ.

Въ послѣдствіи, изобильный привозъ хлѣба изъ Ирландіи нѣсколько облегчилъ стѣсненіе въ продовольствіи, и англійская торговля, подъ вліяніемъ благопріятныхъ для нея обстоятельствъ, вскорѣ значительно возвысилась; но отъ того нисколько не уменьшилось вредное дѣйствіе хлѣбнаго закона. Если онъ поддерживался въ Англіи еще многіе годы, то это надлежитъ приписать преимущественно сильному вліянію участвующихъ въ законодательствѣ землевладѣльцевъ, личныя выгоды которыхъ могли пострадать при отмѣненіи охранительной системы. Они, какъ уже и выше сказано нами, чрезвычайно усилили земледѣліе въ военное время, на счетъ всѣхъ другихъ классовъ народа, и, чтобы поддержать свои доходы, искусственно возвысили хлѣбныя цѣны, запретивъ ввозъ иностраннаго хлѣба. Заключенные при высокихъ цѣнахъ, арендные контракты сдѣлались послѣ войны край-

Digitized by Google

не отяготительными для фермеровъ; измѣненію-же этихъ контрактовъ препятствовали долги, лежавшіе на имѣніяхъ; и роскошный образъ жизни англійскихъ лордовъ, требовавшій непомѣрныхъ доходовъ. И если въ Англіи до сихъ поръ столь часто жалуются на стѣсненное положеніе земледѣлія (agricultural distress) и всякій разъ назначаются нижнимъ парламентомъ новые комитеты для изслѣдованія этого бѣдствія, то причина такихъ жалобъ проистекаетъ единственно изъ существующихъ отношеній фермеровъ къ землевладѣльцамъ. Послѣднее обстоятельство, конечно, не охотно подвергается изслѣдованію. Когда цѣны низки, ниже тѣхъ, какія согласуются съ арендным оброкомъ, который долженъ быть платимъ фермеромъ за землю, тогда жалуется не владѣлецъ, а фермеръ, и никогда еще не бывало ни одного комитета для вспомоществованія землевладѣльцамъ. Напротивъ того, если хлѣбъ дорогъ, то терпятъ фабриканты; фермеръ тогда молчитъ, но жалуются содержатели фабрикъ и мастеровые, — первые на остановку сбыта издѣлій, а послѣдніе на недостатокъ средствъ къ покупкѣ хлѣба для своего продовольствія.

Итакъ, если цѣлью хлѣбныхъ законовъ было поощреніе земледѣлія, то цѣль эта не вполнѣ была достигнута, особенно подъ условіемъ, чтобы охранительная система оставалась навсегда необходимою. Земледѣліе въ Англіи возвысилось въ такомъ неестественномъ размѣрѣ, что въ самое мирное время считали нужнымъ, чтобы цѣны стояли отъ 60 до 70 шил. (около 15 до 17½ руб. сер. за четверть) для поддержанія этой промышленности или, точнѣе сказать, для поддержанія доходовъ, отъ нея получаемыхъ землевладѣльцами.

Какъ ни вредило это выгодамъ большинства націи — потому-что народное благосостояніе въ Англіи основано всего болѣе на огромномъ заграничномъ сбытѣ ея мануфактурныхъ произведеній, котораго можно достигнуть единственно большою дешевизною ихъ, для противодѣйствія иностранному соперничеству. — однако, не смотря на то, англійскіе законодатели упорно поддерживали законъ, препятствовавшій достиженію этой дешевизны, и только одна могущественная сила природы отвращала развитіе гибельныхъ его послѣдствій. При хорошихъ урожаяхъ, даже за недопущеніемъ ввоза иностраннаго хлѣба, цѣны не возвышались до размѣра, предположеннаго закономъ, тогда какъ, въ случаѣ посредственнаго и худаго урожая, обнаруживалось все безсиліе стараній объ огражденіи земледѣлія, — и Англія не могла обойтись безъ помощи заграничной.

Возникшая съ 1822 г. сильная оппозиція противъ закона о хлѣбѣ, побудила министра Гускиссона, для соглашенія интересовъ, враждебно дѣйствующихъ въ хлѣбныхъ законахъ, придумать систему перемѣнныхъ пошлинъ. Кэнингъ взялся привести ее въ дѣйствіе, и въ 1828 г., по его предположенію, нижній парламентъ утвердилъ проэктъ закона, который, однако, былъ измѣненъ верхнимъ парламентомъ въ духѣ охранительной системы; наконецъ, во время министерства

Digitized by Google

сэра Роберта Пиля, въ 1842 и 1846 г., этотъ законъ вновь подвергнулся перемѣнѣ къ облегченію ввоза иностраннаго хлѣба. (*)

Введеніе перемѣнныхъ пошлинъ въ 1828 г. въ сущности нисколько не измѣнило прежняго закона, но разстроило хлѣбную торговлю и вообще торговлю всего государства, потому что произвело шаткость цѣнъ на хлѣбъ. При худомъ и недостаточномъ урожаѣ, цѣны возвышались до крайности, а благопріятный урожай угнеталъ ихъ, и изобиліе хлѣба обращалось въ тягость. Обыкновенно, подвозы изъ заграницы приходили весною, когда оказывалось возвышеніе цѣнъ, въ случаѣ дурной погоды; если потомъ, съ приближеніемъ лѣта и жатвы, при лучшей погодѣ, онѣ упадали, такъ что хлѣбнымъ запасамъ, лежавшимъ на складкѣ, угрожало возвышеніе пошлины, тогда спѣшили выпустить ихъ на продажу, съ уплатою еще существующей низкой пошлины, и тѣмъ умножали внутренніе запасы безъ всякой пользы. Это влекло за собою неизбѣжно дальнѣйшее пониженіе цѣнъ

(*) Въ слѣдующей таблицѣ изображены измѣненія, послѣдовавшія въ англійскихъ таможенныхъ пошлинахъ съ хлѣба:

При цѣнѣ за квартеръ пшеницы:	*по проэкту Кэннинга:*	*Таможенныя пошлины по тарифамъ:* *1828 года.*	*1842 г.*	*1846 г.*
73 шил.	1 шил.	1 шил. — пен.	1 шил.	
72 »	1 »	2 » 8 »	2 »	
71 »	1 »	6 » 8 »	3 »	
70 »	1 »	10 » 8 »	4 »	
69 »	2 »	13 » 8 »	5 »	
68 »	4 »	16 » 8 »	5 »	
67 »	6 »	18 » 8 »	5 »	
66 »	8 »	20 » 8 »	6 »	
65 »	10 »	21 » 8 »	7 »	
64 »	12 »	22 » 8 »	8 »	
63 »	14 »	23 » 8 »	9 »	4 шил.
62 »	16 »	24 » 8 »	10 »	
61 »	18 »	25 » 8 »	11 »	
60 »	20 »	26 » 8 »	12 »	
59 »	22 »	27 » 8 »	13 »	
58 »	24 »	28 » 8 »	14 »	
57 »	26 »	29 » 8 »	15 »	
56 »	28 »	30 » 8 »	16 »	
55 »	30 »	31 » 8 »	17 »	
54 »	32 »	32 » 8 »	17 »	
53 »	34 »	33 » 8 »	17 »	5 шил
52 »	— »	— » — »	18 »	6 »
51 »	— »	— » — »	19 »	7 »
50 »	— »	— » — »	20 »	8 »
49 »	— »	— » — »	— »	9 »
48 »	— »	— » — »	— »	10 »

Digitized by Google

и разстройство справедливыхъ надеждъ земледѣльцевъ на выгодный сбытъ. Но великимъ зломъ для торговли вообще было то, что во время нужды приходилось платить за потребные подвозы хлѣба наличными деньгами, а не товарами собственнаго произведенія, и всякій разъ внутренній кредитъ испытывалъ сильное потрясеніе, когда покупки иностраннаго хлѣба, какъ было въ 1839 г., увлекали большіе капиталы изъ обращенія.

Многолѣтнее существованіе системы перемѣнныхъ пошлинъ съ хлѣба достаточно обнаружило эти вредныя послѣдствія. Но земледѣльческая партія въ Англіи не можетъ разстаться съ мыслію, что этотъ вредъ оказывается только въ случаѣ неурожая и что въ обыкновенное время эта пошлинная система будто отнюдь не отяготительна, ибо земледѣліе въ Англіи, съ помощью употребленныхъ на него большихъ капиталовъ, въ состояніи продовольствовать ея жителей. Эта партія полагаетъ, что нужно сносить бремя нужды въ случаѣ неурожая, потому-что надѣется, посредствомъ такихъ охранительныхъ мѣръ въ пользу земледѣлія, вовсе освободиться изъ зависимости отъ иностранцевъ. Тщетная надежда! Это мнѣніе совершенно опровергнуто коммисіею, назначенною въ 1833 г. нижнимъ парламентомъ. Въ замѣчательномъ ея отчетѣ изложены слѣдующіе выводы:

1) Что среднее производство хлѣбныхъ припасовъ въ Великобританіи уже не достаточно для внутренняго продовольствія;

2) Что происходящая отъ того потребность въ привозѣ хлѣба не удовлетворяется подвозами его изъ Ирландіи; и

3) Что при нынѣшнемъ состояніи земледѣлія, даже при среднемъ урожаѣ, государство болѣе или менѣе нуждается въ подвозахъ иностраннаго хлѣба.

Новѣйшія статистическія свѣдѣнія (за 1842 г.) о производствѣ и потребленіи хлѣба въ Англіи совершенно оправдываютъ эти выводы. По исчисленіямъ Колкуна, Маккулока и другихъ, на продовольствіе Англіи нужно въ годъ 54,600,000 квартеровъ (72,800,000 четв.) хлѣба; она производитъ ежегодно 61,460,879 кварт., изъ коихъ, за вычетомъ 8,780,125 кварт. на посѣвъ, остается 52,680,754 кварт., слѣдовательно, на продовольствіе недостаетъ еще 1,919,246 кварт., которые и должны быть привозимы изъ-за границы. Возраженія, которыми старались опровергнуть необходимость постояннаго привоза около 2,000,000 кварт. хлѣба, основаны на томъ, что въ Англіи еще находятся невоздѣланныя земли, которыя могутъ быть обработаны. По измѣреніямъ Кулинга, сдѣланнымъ въ 1827 г., въ Великобританіи и Ирландіи, считалось:

воздѣланныхъ земель	46,522,970	акровъ (*)
удобныхъ, но не воздѣланныхъ	15,000,000	—
неудобныхъ	15,871,973	—
Итого:	77,394,433	акровъ.
	(около 25,800,000	десятинъ)

(*). Въ томъ числѣ 34.014,000 акровъ въ Англіи и Шотландіи.

Digitized by Google

Полагаютъ возможнымъ изъ 15 милліоновъ акровъ удобныхъ земель обратить вскорѣ на хлѣбопашество столь значительную часть, что можно будетъ производить все недостающее количество хлѣба и еще болѣе. Однако, слѣдуетъ замѣтить, во-первыхъ, что эти 15 милліоновъ акровъ отнюдь неравняются въ плодородіи съ землями, которыя до сихъ поръ воздѣлывались, слѣдовательно, требуютъ большихъ капиталовъ; къ тому же, со времени этого измѣренія, пространство необработанныхъ, но удобныхъ земель значительно уже уменьшилось, вслѣдствіе чрезвычайныхъ успѣховъ земледѣлія, и не смотря на то, по исчисленію, сдѣланному въ 1842 г., все еще не доставало около 2 милліоновъ кварт. на удовлетвореніе внутренняго продовольствія. Причиною тому было умноженіе числа жителей, которое съ 1822 по 1831 г. возросло на 3,111,341, а съ 1832 по 1841 г. на 2,556,997 душъ. Изъ этихъ выводовъ обнаруживается, что производительныя силы собственной почвы уже недостаточны и что Великобританія не можетъ обойтись безъ подвозовъ иностраннаго хлѣба. Хотя случались такіе изобильные урожаи, напримѣръ въ 1831 — 1835 г., при которыхъ дѣйствительно покрывался недостатокъ, однако, они принадлежали къ рѣдкимъ исключеніямъ, которыя скорѣе были доказательствомъ *противъ*, нежели *въ пользу* системы, поддерживавшей хлѣбный законъ. Въ теченіи 50 лѣтъ пропорція хорошихъ и посредственныхъ урожаевъ къ худымъ была, какъ 11 къ 14.

Убѣдясь въ истинѣ факта, что успѣхи англійскаго земледѣлія не соразмѣрны съ приращеніемъ внутренняго расхода хлѣба, и что, слѣдовательно, государство не въ состояніи продовольствовать свое народонаселеніе, — общественное мнѣніе возстало, наконецъ, противъ закона, существовавшаго только въ пользу нѣсколькихъ богатыхъ землевладѣльцевъ.

Между тѣмъ, общество, извѣстное подъ названіемъ «Лиги» (anticorn-law-league) энергическими мѣрами дѣйствовало для возбужденія умовъ противъ этого закона. Газета Times, вѣрнѣйшій отголосокъ мнѣній англійской націи, приняла сторону «Лиги». Тогда-то глава министерства, сэръ Робертъ Пиль, слѣдуя собственному убѣжденію и повинуясь народному голосу, совершилъ великій подвигъ. Голодъ въ Ирландіи служилъ болѣе предлогомъ, чѣмъ основаніемъ къ отмѣненію хлѣбныхъ законовъ; но законы эти не могли уже существовать, потому-что не соотвѣтствовали болѣе современнымъ требованіямъ.

Предложенный Пилемъ и утвержденный парламентомъ новый законъ о пошлинахъ съ иностраннаго хлѣба уже приведенъ въ дѣйствіе. Три года еще будетъ существовать преобразованная имъ система перемѣнныхъ пошлинъ, (показанныхъ выше въ примѣчаніи), которая, впрочемъ, уже соотвѣтствуетъ введенію постоянной пошлины въ 4 шил. съ кварт. (около 1 руб. сер. съ четверти), потому-что внутреннія цѣны не могутъ упасть ниже установленнаго предѣла 54 шил. за квартеръ (около 13½ руб. сер. четв.), за коимъ слѣдуетъ дальнѣйшее возвышеніе пошлины. По прошествіи трехъ лѣтъ, насту-

Digitized by Google

питъ взиманіе однообразной пошлины съ хлѣбныхъ припасовъ по 1 шил. съ квартера (около 25 коп. сер. съ четв.). Эта мѣра, по видимому столь естественная и простая, есть неоспоримо величайшее изъ событій, совершившихся въ Англіи въ послѣднее время. Какъ въ коммерческомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи законъ этотъ приготовляетъ возрожденіе новаго порядка вещей. Какъ будетъ дѣйствовать аристократія? что будетъ съ англійскимъ земледѣліемъ? какой оборотъ приметъ хлѣбный торгъ и торговля вообще? произойдутъ ли отъ того лучшія или худшія послѣдствія? Но вопросы, возбужденные новымъ закономъ о хлѣбѣ, не касаются исключительно торговыхъ обстоятельствъ государства, а тѣсно связаны и съ внутреннимъ политическимъ его бытомъ. Мы не намѣрены входить здѣсь въ подробное изслѣдованіе этихъ вопросовъ. Очевидно, что если по отмѣненіи закона о хлѣбѣ, владѣльцы будутъ принуждены довольствоваться меньшимъ арендным доходомъ, чтобы облегчить фермерамъ соперничество съ иностранцами и отвратить упадокъ земледѣлія, то помѣстья необходимо должны будутъ упасть въ цѣнѣ; если лорды принуждены будутъ, съ тою же цѣлью, предоставить фермерамъ болѣе свободы и средствъ къ улучшенію земледѣлія, то есть, заключить арендные контракты на продолжительнѣйшіе сроки, — то усилится независимость фермеровъ и неизбѣжно уменьшится аристократическое вліяніе въ парламентскихъ выборахъ.

Въ отношеніи собственно земледѣлія и торговли, реформа, совершившаяся въ министерство сэра Роберта Пиля, будетъ имѣть конечно важныя послѣдствія. Съ отмѣненіемъ закона о хлѣбѣ, англійскій земледѣлецъ не теряетъ ничего, потому-что выгоды, какія онъ пріобрѣталъ при этомъ законѣ отъ высокихъ цѣнъ (а выше мы видѣли, что это не всегда случалось, по измѣнчивости привозныхъ пошлинъ съ хлѣба), — принадлежали не ему, но вмѣстѣ съ арендным доходомъ доставались владѣльцу земли. Англійскій земледѣлецъ не только будетъ приведенъ въ состояніе выдерживать иностранное соперничество, платя за землю оброкъ, соразмѣрный съ торговыми цѣнами, но пріобрѣтетъ еще возможность продавать свой хлѣбъ дешевле иностраннаго, будучи поощряемъ къ улучшенію полеводства арендованіемъ земли на продолжительнѣйшіе сроки, — и удержитъ за собою господство на внутреннихъ хлѣбныхъ рынкахъ. Англія, конечно, никогда не будетъ въ состояніи производить хлѣбъ по такимъ сходнымъ цѣнамъ, какія существуютъ въ балтійскихъ странахъ: климатъ ея сырой, и хлѣбныя растенія не пользуются достаточно солнцемъ, ея почва болотиста и требуетъ большихъ капиталовъ для осушки; но должно принять въ соображеніе, что если англійскій хлѣбъ обходится дорого отъ процентовъ съ капиталовъ, употребленныхъ на англійскую почву, то провозные расходы также возвышаютъ первоначальную низкую цѣну иностраннаго хлѣба. Слѣдовательно, для англійскаго земледѣльца нѣтъ никакой потери, а иногда еще выгода можетъ остаться на его сторонѣ. Въ 1841 г. лордъ

Digitized by Google

Джонъ Россель, предлагая ввести постоянную пошлину въ 8 шил. съ кварт. (около 2 руб. сер. съ четв.) представилъ парламенту расчетъ: въ какомъ количествѣ иностранные хлѣбные припасы постоянно могутъ быть вывозимы въ Англію изъ разныхъ европейскихъ портовъ, при разрѣшеніи ввоза съ умѣренною пошлиною. Все количество исчислено въ 2,222,400 квартеровъ (2,963,000 четв.) пшеницы по средней цѣнѣ, въ разныхъ портахъ, до 40 шил. 6 пен. за квартеръ (около 10 р. 12 к. сер. четверть). Если присовокупить къ этой цѣнѣ фрахтъ, страховые и другіе расходы, среднимъ числомъ 10 шил. на квартеръ, то оказывается, что иностранная пшеница не можетъ обойтись въ Англіи дешевле 45 до 50 шил. за квартеръ (около 11¼ до 12½ руб. сер. четв.), кромѣ пошлины. Если англійскій земледѣлецъ, при прежнихъ обстоятельствахъ, уже могъ довольствоваться цѣною до 48—50 шил. за свою пшеницу, то тѣмъ болѣе можетъ быть ему довольно цѣны отъ 45 до 50 шил., при бо́льшемъ усовершенствованіи земледѣлія, при пониженіи оброка за землю и при введеніи, въ то же время, другихъ благопріятныхъ льготъ, равно какъ при уменьшеніи налога въ пользу бѣдныхъ и пр., а всего болѣе при правильномъ ходѣ торговли. Впрочемъ, для приготовленія себя къ этому новому положенію, остается англійскому земледѣльцу на три года достаточная охранительная пошлина въ 4 шил. съ квартера.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что переходъ отъ системы перемѣнныхъ пошлинъ, производившихъ столько затрудненій въ торговлѣ и земледѣліи, къ однообразной тарифной пошлинѣ — не можетъ быть сопряженъ съ какимъ либо пожертвованіемъ для интересовъ хлѣбопашества и просвѣщенныхъ землевладѣльцевъ. Для торговли же предстоитъ естественное и надежное расширеніе. Англійскіе, равно какъ иностранные, хлѣбные спекулянты будутъ имѣть, для своихъ предпріятій, твердое, неизмѣнное основаніе, вмѣсто прежняго заманчиваго и невѣрнаго; подвозы будутъ удобнѣе и правильнѣе соразмѣряться съ видами на урожай и съ потребностью хлѣба въ государствѣ, и оно всегда будетъ имѣть запасы. А сколько выиграетъ внутренняя торговля и промышленность отъ установленія сходнѣйшихъ и постояннѣйшихъ цѣнъ на хлѣбъ, можно судить о томъ по примѣру прежнихъ лѣтъ; а именно: 1820—1823 г., потомъ 1833—1835 г. и 1843—44 г., когда изобильные урожаи и сходныя цѣны хлѣба распространили общее благосостояніе.

Ближайшимъ слѣдствіемъ введенія постоянной низкой пошлины съ хлѣба будетъ умноженіе его привоза въ Великобританію прямо изъ источниковъ обыкновеннаго отпуска. При прежней системѣ перемѣнныхъ пошлинъ, спекуланты дѣлали закупки хлѣба большею частью въ тѣхъ мѣстахъ, изъ коихъ можно скорѣе получить его, чтобы воспользоваться временною сбавкою пошлины. Въ Гамбургѣ, Бременѣ, Амстердамѣ, Марсели, Генуѣ, Ливорно и Тріестѣ находились всегда болѣе или менѣе значительные запасы пшеницы для отправки въ Великобританію, по первымъ извѣстіямъ о возвышеніи таможнихъ

Digitized by Google

цѣнъ. Хлѣбъ, посланный изъ этихъ портовъ, всегда могъ прибыть туда ранѣе подвозовъ изъ южной Россіи и сѣверной Америки, и отъ того эти отдаленныя страны не имѣли возможности пользоваться во всякое время благопріятными обстоятельствами для сбыта своихъ запасовъ въ Великобританію. Теперь же, съ разрѣшеніемъ свободнаго ввоза хлѣба, положеніе этой торговли должно измѣниться: привозъ хлѣба въ Великобританію будетъ менѣе зависѣть отъ спекуляцій и приметъ правильный ходъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ограничится посредничество складочныхъ портовъ, потому-что подвозы хлѣба изъ дальнихъ странъ будутъ постоянно направлены прямо въ Великобританію, и тогда взаимное соперничество ихъ доставитъ ей возможность продовольствоваться хлѣбными припасами по сходнѣйшимъ цѣнамъ. При прежней системѣ пошлинъ, Великобританія не могла снабжаться хлѣбомъ изъ этихъ странъ въ достаточномъ количествѣ и пріобрѣтать его дешево въ тамошнихъ портахъ: большое требованіе на хлѣбъ, для снабженія ея, въ случаѣ недостаточнаго въ ней урожая, не всегда заставало въ тѣхъ портахъ достаточные запасы и производило вдругъ значительное возвышеніе цѣнъ, которыя, съ прекращеніемъ этого спроса, опять упадали до низкой степени. Колебанія въ требованіи и въ цѣнахъ на хлѣбъ не могутъ быть такъ велики при однообразной пошлинѣ: она упрочитъ правильное, постоянное движеніе подвозовъ изъ тѣхъ странъ, въ которыхъ хлѣбъ обходится дешевле, и при такомъ ходѣ торговли установится тамъ постоянная заготовка хлѣбныхъ припасовъ для сбыта въ Великобританію.

Географическое положеніе этого государства, обширность коммерческихъ связей, значительные капиталы тамошняго купечества и множество удобствъ, споспѣшествующихъ торговымъ оборотамъ, будутъ благопріятствовать дѣятельному движенію хлѣбной торговли между британскими и иностранными портами, не только по сбыту хлѣбныхъ припасовъ на собственное продовольствіе Великобританіи, но и для отпуска въ сосѣдственныя земли. — Открывая своимъ потребленіемъ значительный и постоянный истокъ для иностраннаго хлѣба и отовсюду привлекая къ себѣ большіе подвозы его, Великобританія сосредоточитъ въ своихъ портахъ хлѣбные запасы, которые, смотря по состоянію цѣнъ, могутъ поступать на внутреннее потребленіе съ постоянною низкою пошлиною, либо, не платя даже этой пошлины, обращаться къ вывозу за границу, если представится тамъ выгоднѣйшій сбытъ.

Въ послѣднемъ случаѣ, можно ожидать немаловажныхъ выгодъ для британской торговли отъ сосѣдства Франціи, Бельгіи и Голландіи, гдѣ, по примѣру Великобританіи, введена система перемѣнныхъ пошлинъ, которыя ограничиваютъ ввозъ иностраннаго хлѣба, допуская его только въ неурожайные годы. Когда окажется въ этихъ странахъ недостатокъ въ продовольствіи, тогда британскіе порты удобно могутъ снабдить ихъ иностраннымъ хлѣбомъ изъ своихъ запасовъ, прежде нежели подоспѣютъ значительнѣйшіе подвозы изъ дру-

Digitized by Google

гихъ мѣстъ. Великобританія не могла пользоваться выгодами посреднической торговли хлѣбомъ, пока сама стѣсняла его привозъ перемѣнными пошлинами. Тогда не было расчета оставлять тамъ хлѣбные припасы на складкѣ, ибо надлежало ждать неурожая для выпуска ихъ на внутреннее потребленіе; напротивъ того, при новомъ тарифѣ, представляется возможность сбывать ихъ на мѣстѣ, въ обыкновенное время, если нѣтъ благопріятнѣйшихъ видовъ для вывоза за границу.

Россія до сихъ поръ принимала, непосредственно, весьма слабое участіе въ снабженіи Великобританіи хлѣбными припасами, и выгоды этой торговли обращались большею частію въ пользу другихъ странъ, которыя, по своему географическому положенію, имѣли возможность поспѣшно и своевременно сбывать хлѣбъ въ Великобританію, при благопріятныхъ обстоятельствахъ. До какой степени ничтоженъ былъ до сихъ поръ сбытъ туда хлѣба прямо изъ Россіи, можно видѣть изъ слѣдующихъ количествъ привоза, взятыхъ именно за тѣ годы, когда сбытъ былъ самый значительный, въ теченіи десяти лѣтъ, съ 1831 по 1841 г.

Привезено:	Въ 1839 г.	Въ 1840. г.	
Пшеничной муки.			
Изъ Россіи	3,946 —	63	цент.
— другихъ мѣстъ	839,100 —	1,537,775	—
Итого:	843,046 —	1,537,838	цент.
или	2,634,519 —	4,805,744	пудъ.
Пшеницы.			
Изъ Россіи	371,693 —	268,263	кварт.
— другихъ мѣстъ	2,262,863 —	1,715,120	—
Итого:	2,634,556 —	1,993,383	кварт.
или:	3,512,741 —	2,657,844	четв.
Ячменя.			
Изъ Россіи	18,338 —	4,657	кварт.
— другихъ мѣстъ	561,067 —	620,781	—
Итого:	579,405 —	625,438	кварт
или:	772,540 —	838,917	четв.
Овса.			
Изъ Россіи	316,823 —	167,248	кварт.
— другихъ мѣстъ	353,294 —	337,488	—
Итого:	670,117 —	540,736	кварт.
или:	893,498 —	720,981	четв.
Ржи.			
Изъ Россіи	14,030 —	—	кварт.
— другихъ мѣстъ	139,643 —	3,332	—
Итого:	153,673 —	3,332	кварт.
или:	204,897 —	4,442	четв.

Digitized by Google

Гороха и бобовъ.

Изъ Россіи	3,104 —	270 кварт.
— другихъ мѣстъ	246,710 —	286,635 —
Итого:	249,823 —	287,905 кварт.
или:	333,007 —	383,873 четв.

Изъ этихъ выводовъ видно, что въ эти оба года привозъ прямо изъ Россіи составлялъ, среднимъ числомъ, въ количествѣ пшеницы только 13%. Пшеничная мука, ячмень, рожь, горохъ и бобы доставлялись отъ насъ въ ничтожной пропорціи и только въ количествѣ овса, средній привозъ изъ русскихъ портовъ доходилъ до 40%.

Теперь еще трудно опредѣлить, какъ велика будетъ потребность Великобританіи въ привозѣ хлѣбныхъ припасовъ въ обыкновенные годы. Въ этомъ отношеніи, нельзя принять точнымъ мѣриломъ количество иностраннаго хлѣба, поступавшее на внутреннее продовольствіе Великобританіи, при прежнемъ ея тарифѣ. Система перемѣнныхъ пошлинъ, какъ мы видѣли, стѣсняла торговлю такъ, что сбытъ иностраннаго хлѣба былъ возможенъ только въ неурожайные годы. Въ продолженіи десятилѣтія, съ 1831 по 1840 г. включительно, при самомъ большомъ ввозѣ хлѣбныхъ припасовъ въ 1839 и 1840 г. поступило ихъ на внутреннее потребленіе:

	Въ 1839. —	Въ 1840. г.
Пшеничной муки, хлѣба въ зернѣ	1,983,109 —	4,082,465 пуд.
Пшеницы	3,333,436 —	2,688,802 четв.
Ржи	203,064 —	1,703 —
Ячменя	783,750 —	812,445 —
Овса	1,140.598 —	673,260 —
Гороха и бобовъ	389,926 —	382,413 —
Итого:	5,850,774 —	4,558,650 четв.

Среднее количество хлѣба въ зернѣ составляло до 5,200,000 четв., въ томъ числѣ одной пшеницы слишкомъ 3 милліона четвертей, и сверхъ того пшеничной муки около 2 до 4 милліоновъ пуд., что соотвѣтствуетъ — около 250 до 500,000 четв. Слѣдовательно, въ неурожайные годы, потребность въ хлѣбныхъ припасахъ доходила вообще до 5½—6 милліоновъ четвертей. Но едва ли основательно будетъ предположить, что съ разрѣшеніемъ свободнаго ввоза хлѣба, Великобританія станетъ получать его въ столь значительномъ количествѣ постоянно, даже при обыкновенномъ урожаѣ. Ежегодное потребленіе въ ней хлѣбныхъ припасовъ, по приблизительнымъ изчисленіямъ, полагается слишкомъ 85 милліоновъ четвертей, въ томъ числѣ пшеница составляетъ около четвертой доли. Въ этомъ потребленіи количество иностраннаго хлѣба, въ тѣ годы, когда былъ самый большой привозъ, не простиралось свыше $^1/_{18}$ доли. Облегченіе ввоза хлѣбныхъ припа-

Digitized by Google

совъ въ Великобританіи должно, конечно, послужить къ уравненію цѣнности тамошняго хлѣба съ цѣнностью привознаго; но совмѣстничество послѣдняго не можетъ значительно уронить хлѣбныя цѣны на тамошнихъ рынкахъ, потому-что иностранный хлѣбъ, стоющій дешево на мѣстахъ покупки, въ отдаленныхъ отъ Великобританіи странахъ, обременяется провозными и другими расходами на доставку въ ея порты, и притомъ, постоянное требованіе хлѣба въ это государство должно возвысить цѣны во всѣхъ портахъ, изъ которыхъ онъ теперь сбывается за границу. Съ одной стороны, возвышеніе цѣны на иностранный хлѣбъ, а съ другой — уменьшеніе тягостей, обременявшихъ земледѣльческую собственность, облегчитъ для англійскихъ хозяевъ соперничество съ привознымъ хлѣбомъ, и нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы они лишились выгодъ заниматься земледѣліемъ при огромномъ внутреннемъ потребленіи хлѣба, которое не возможно вполнѣ удовлетворить заграничнымъ привозомъ. Если допустить даже, что совмѣстничество иностраннаго хлѣба остановитъ дальнѣйшее распространеніе въ Англіи хлѣбопашества, то хозяева найдутъ свой расчетъ въ томъ, чтобы невоздѣланныя земли обращать въ луга для содержанія скота въ бо́льшемъ количествѣ и тогда умноженіе способовъ къ лучшему удобренію почвы доставитъ возможность поддержать хлѣбопашество и увеличить производительность его на земляхъ, уже обращенныхъ въ пашни. На этомъ основаніи, можно предположить, что производство хлѣбныхъ припасовъ въ Великобританіи если не увеличится, то, по крайней мѣрѣ, не уменьшится противъ нынѣшняго. Но и при обыкновенномъ урожаѣ, нѣкоторое количество иностраннаго хлѣба ежегодно должно требоваться туда на пополненіе внутреннихъ запасовъ, къ отвращенію недостатка въ продовольствіи, потому-что это государство, при возрастающемъ его народонаселеніи, не производитъ уже достаточно хлѣба для обезпеченія своихъ нуждъ въ обыкновенные годы. Еще въ 1842 г., какъ мы видѣли выше, было исчислено, что этотъ недостатокъ ежегодно простирается до 2 милліоновъ четвертей и съ умноженіемъ числа жителей долженъ постоянно возрастать. Такое количество, однако, еще очень далеко отъ пропорціи привоза иностраннаго хлѣба, въ случаѣ неурожая. Не отвергая, что съ тѣхъ поръ оно могло увеличиться и что вообще должно ожидать приращенія расхода хлѣбныхъ припасовъ съ пониженіемъ ихъ цѣнности, мы не можемъ согласиться съ русскою Земледѣльческою Газетою (*), по мнѣнію которой Великобританія должна будетъ *постоянно* требовать изъ-за границы, по крайней мѣрѣ, до шести милліоновъ четвертей хлѣба *ежегодно*, т. е. пропорцію, какая требовалась туда въ самые неурожайные годы. Такой расчетъ кажется намъ преувеличеннымъ.

Нельзя, впрочемъ, не обратить вниманія на то важное обстоя-

(*) См. въ № 17, 1846 г. статья подъ заглавіемъ: «*Соображенія по предмету рѣчи въ англійскомъ парламентѣ, относящіяся къ сельскому хозяйству Россіи*».

Digitized by Google

тельство, что нынѣ открывается постоянный сбытъ въ Великобританію иностраннаго хлѣба, и что, въ слѣдствіе того, Россія можетъ успѣшнѣе соперничать, въ снабженіи этого государства хлѣбомъ съ иностранными портами, которые, пользуясь прежнимъ тарифомъ, принимали дѣятельнѣйшее участіе въ этой торговлѣ. Чѣмъ дешевле будетъ продаваться нашъ хлѣбъ противъ иностраннаго, тѣмъ болѣе можемъ мы отпускать его въ Великобританію; но для того, чтобы сбывать туда хлѣбъ по сходнѣйшимъ цѣнамъ и въ большемъ количествѣ, необходимо во *первыхъ:* облегчить, сколь возможно, способы доставки его изъ внутреннихъ мѣстъ къ нашимъ портамъ, потому-что при дешевизнѣ у насъ хлѣба на мѣстѣ покупки, цѣна его слишкомъ возвышается отъ расходовъ на дальній и затруднительный провозъ къ мѣсту нагрузки, для отправленія за море; *во вторыхъ*, нужно имѣть въ портовыхъ мѣстахъ достаточные хлѣбные запасы, которые могли бы своевременно удовлетворить требованію. Иначе Великобританія, при большой потребности въ хлѣбѣ, будетъ вынуждена закупать его въ ближайшихъ къ ней иностранныхъ портахъ, хотя съ нѣкоторою передачею въ цѣнѣ, и сверхъ того станетъ пополнять недостатокъ въ продовольствіи подвозами изъ сѣверной Америки, которая, въ новѣйшее время, значительно увеличила сбытъ своихъ хлѣбныхъ припасовъ въ Европѣ.

Это возвращающее соперничество сѣверной Америки усугубляетъ важность тѣхъ условій, на которыя мы указали выше, признавая ихъ главнѣйшими двигателями для развитія нашего отпуска. Не должно терять изъ виду, что въ хлѣбной торговлѣ съ Великобританіею, Россія можетъ современемъ встрѣтить соперника, опаснаго для нея тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ на своей сторонѣ важныя предъ нею преимущества. Каналы и желѣзныя дороги, проложенные въ Соединенныхъ штатахъ, по всѣмъ направленіямъ, чрезвычайно облегчаютъ тамъ перевозку продуктовъ изъ отдаленныхъ внутреннихъ мѣстъ на складку въ порты; а предпріимчивое мѣстное купечество, располагающее большими капиталами, скупаетъ эти продукты въ портахъ для отправки за море по коммиссіямъ и на спекуляцію на собственный счетъ. Къ тому же сѣверная Америка не имѣетъ надобности ожидать прихода иностранныхъ кораблей, потому-что многочисленный флотъ подъ купеческимъ флагомъ Соединенныхъ Штатовъ развозитъ эти товары по всѣмъ морямъ за умѣренные фрахты. Пользуясь такими огромными выгодами, Соединенные Штаты уже пріобрѣли перевѣсъ въ торговлѣ пшеничною мукою, и, безъ сомнѣнія, будутъ въ состояніи значительно усилить отпускъ своихъ хлѣбныхъ припасовъ въ Великобританію. Недостатокъ рукъ еще можетъ замедлить распространеніе хлѣбопашества на обширныхъ, невоздѣланныхъ земляхъ сѣверной Америки; но быстро возрастающее тамъ народонаселеніе, при безпрерывномъ приливѣ переселенцовъ изъ Европы, духъ трудолюбія, предпріимчивости и товарищества, умножающій средства тамошней промышленности, и капиталы, болѣе и болѣе привлекаемые туда выгоднымъ

Digitized by Google

употребленіемъ ихъ на разработку естественныхъ богатствъ, — всё это должно ускорить развитіе земледѣлія на плодородныхъ равнинахъ Новаго Свѣта.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, Россія еще очень далеко отстала отъ Соединенныхъ Штатовъ: перевозка въ ней хлѣба и другихъ продуктовъ изъ внутреннихъ мѣстъ къ портамъ затруднительна и медленна; продукты покупаются при портахъ иностранными конторами только по комиссіямъ, полученнымъ ими отъ заграничныхъ торговыхъ домовъ. Для нагрузки товаровъ всегда нужно ожидать прихода иностранныхъ кораблей и не рѣдко случается, что за недостаткомъ ихъ, при высокихъ фрахтахъ, останавливается отпускъ.

Соображая все это, нельзя не опасаться, чтобы сѣверная Америка не воспользовалась со временемъ значительною частью тѣхъ выгодъ, которыя должны бы сдѣлаться удѣломъ нашего земледѣлія отъ свободнаго ввоза хлѣба въ Великобританію. И какую пользу можетъ принести нашей заграничной торговлѣ изобиліе хлѣба въ Россіи, если дешевые запасы его не могутъ быть двинуты отовсюду по удобнымъ и скорымъ сообщеніямъ для отпуска ихъ за границу? Можетъ ли усилиться безъ этого вывозъ хлѣба изъ Россіи соотвѣтственно способамъ ея земледѣлія? Можемъ ли мы самостоятельно удержать за собою перевѣсъ въ заграничномъ хлѣбномъ торгѣ, если будемъ, по прежнему, спокойно ожидать, чтобы иностранцы приступили къ покупкѣ нашего хлѣба и чтобъ корабли ихъ пришли за нимъ въ наши порты? Все это заставляетъ насъ предполагать, что, по-крайней мѣрѣ въ настоящее время, нельзя предаваться надеждамъ на большое увеличеніе сбыта за границу нашихъ хлѣбныхъ припасовъ, хотя въ то же время, по всѣмъ вѣроятностямъ, эти припасы будутъ раходиться въ бо́льшемъ противъ прежняго количествѣ. Англійскіе негоціанты, безъ сомнѣнія, при постоянномъ требованіи, обратятся къ покупкѣ хлѣба въ Россію и не будутъ имѣть болѣе надобности скупать его въ иностранныхъ складочныхъ портахъ, какъ это дѣлалось доселѣ, при существованіи въ Англіи перемѣнныхъ пошлинъ. Но вмѣстѣ съ увеличеніемъ отпуска нашего хлѣба (особенно пшеницы) прямо изъ Россіи, долженъ уменьшиться или вовсе прекратиться прежній сбытъ его въ складочные порты (Геную, Ливорно, Марсель и др.). Годичный вывозъ русской пшеницы, въ двадцатилѣтіе, съ 1824 по 1844 г., обыкновенно составлялъ около 2 до 2½ милліоновъ четвертей и только однажды возвысился, безъ малаго, до 3 милліоновъ четв. (въ 1839 г.) Почти все это количество вывозится изъ нашихъ южныхъ портовъ, и, какъ мы видѣли выше, до сихъ поръ только незначительная пропорція его поступала прямо въ Великобританію, а большая часть отправлялась на складку въ разные порты Средиземнаго Моря. И если Великобританія будетъ современемъ выписывать прямо изъ южной Россіи всю ту пропорцію пшеницы, которою прежде снабжалась чрезъ посредство складочныхъ портовъ, то нашъ отпускъ въ общей массѣ, нисколько не увеличится. Притомъ, новороссійскій край съ

Digitized by Google

прилежащими къ нему губерніями, по недостатку населенія и удобныхъ сообщеній съ южными портами, едва ли будетъ въ состояніи доставлять къ нимъ пшеницу въ большемъ количествѣ, по сходнымъ цѣнамъ, къ заграничному отпуску. Для значительнаго увеличенія отпуска нужно открыть пшеницѣ сбытъ къ нашимъ портамъ изъ губерній юго-восточной полосы, до сихъ поръ мало участвовавшей въ заграничномъ отпускѣ этого хлѣба, по дальности и медленности провоза; но проложить этотъ истокъ возможно только посредствомъ улучшенія сообщенія между портами и хлѣбороднѣйшими губерніями того края. Только при этихъ условіяхъ Россія дѣйствительно можетъ сдѣлаться роскошнѣйшею и выгоднѣйшею житницею не только для Великобританіи, но и для другихъ европейскихъ государствъ, гдѣ съ каждымъ годомъ все уменьшаются средства къ распространенію хлѣбопашества для удовлетворенія внутренняго продовольствія.

Г. Н—в.

КРОНШТАТСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА. Нынѣ попеченіемъ правительства совершается въ Россіи великое предпріятіе, обѣщающее принести государству неисчислимую пользу. Мы говоримъ о соединеніи Петербурга и Москвы желѣзною дорогою. Дорога эта будетъ главною нитью въ той сѣти желѣзныхъ дорогъ, которыя современемъ, конечно, устроятся въ Россіи по важнѣйшимъ торговымъ путямъ. Это событіе уже возбудило много частныхъ предположеній о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ разныхъ краяхъ имперіи. Одно изъ нихъ, кажется, должно вскорѣ осуществиться, именно кронштатская желѣзная дорога. Мы видѣли литографированный планъ ея, по которому сообщаемъ здѣсь нѣсколько подробностей объ этомъ предпріятіи.

Дорогу предположено начать въ Петербургѣ, на концѣ Вознесенской Улицы у обводнаго канала. Соединившись съ московскою желѣзною дорогою рукавомъ, длиною около 4 верстъ, у товарной ея станціи, на обводномъ каналѣ, проэктируемая дорога пойдетъ на Аѳтово, Сергіевскій монастырь, Стрѣльну, Петергофъ, Ораніенбаумъ далѣе по отмели кронштатскаго залива, окружающей ораніенбаумскій берегъ и окончится около Кронштота. Здѣсь, вѣроятно, будетъ гавань для нагрузки и выгрузки товаровъ, для пріема и спуска пассажировъ, отправляемыхъ по желѣзной дорогѣ; но гдѣ должна находиться эта гавань на планѣ не означено. Впрочемъ, какъ устроеніе порта въ этомъ мѣстѣ есть необходимое условіе для существованія самой дороги, то учредители ея, безъ сомнѣнія, сообразили возможность и средства устроить безопасное и удобное пристанище для судовъ и помѣщеніе для товаровъ и пассажировъ.

Вся длина дороги отъ пассажирской станціи до Кронштата составитъ около 41 версты.

Digitized by Google

Перевозка пассажировъ этимъ путемъ будетъ, конечно, весьма значительна, судя даже по примѣру царско-сельской желѣзной дороги, соединяющей только три пункта: Петербургъ, Царское-Село и Павловскъ, тогда какъ по кронштатской дорогѣ учредится сообщеніе между Петербургомъ, Кронштатомъ, Ораніенбаумомъ, Петергофомъ, Стрѣльною и другими попутными мѣстами. Сверхъ того, во время навигаціи, перевозка пассажировъ между Петербургомъ и Кронштатомъ должна чрезвычайно усилиться, потому-что Кронштатъ, будучи военнымъ и купеческимъ портомъ, оживляется въ эту пору безпрерывнымъ движеніемъ своего временнаго и постояннаго населенія.

Въ отношеніи перевозки клади, можно также предположить, что на кронштатскую желѣзную дорогу обратится значительное количество припасовъ и товаровъ, нынѣ доставляемыхъ водою изъ Петербурга въ Кронштатъ, и обратно, и развозимый сухимъ путемъ въ попутныя мѣста между Петербургомъ и Ораніенбаумомъ.

Исчислено, что количество отпускныхъ и привозныхъ товаровъ, перевозимыхъ между Петербургомъ и Кронштатомъ, составляетъ не менѣе 20 милліоновъ пуд. въ годъ. Въ эту массу не включены военскіе снаряды для флота, провіантъ для войскъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ, разные припасы для военныхъ и купеческихъ судовъ и, наконецъ, все, что требуется изъ Петербурга для удовлетворенія потребностей Кронштата, Ораніенбаума, Петергофа и другихъ сосѣдственныхъ мѣстъ.

Вѣроятно, всѣ отпускные товары, которые будутъ привозимы въ Петербургъ по московской желѣзной дорогѣ и въ особенности требующіе скорой доставки, воспользуются кронштатскою дорогою. Водою, на ботахъ, по прежнему будутъ перевозимы товары, малоцѣнные или не требующіе поспѣшнаго провоза. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, соперничество между кронштатскою желѣзною дорогою и водяною доставкою обратится въ пользу торговли, потому-что заставитъ понизить провозныя цѣны и улучшитъ средства нынѣшняго водянаго сообщенія между Петербургомъ и Кронштатомъ.

Въ настоящую минуту, почти всѣ внутренніе продукты, привозимые сюда на баркахъ, перегружаются съ нихъ въ боты для доставки въ Кронштатъ, потому-что за грузами къ петербургскому порту приходятъ съ моря весьма не многіе корабли малаго размѣра. Товары, отправляемые за море отъ пристани, у которой останавливаются барки на Невѣ (около обводнаго канала), должны пройти три плавучіе моста, отъ чего обыкновенно теряются трое сутокъ, и эта потеря времени еще увеличивается затруднительной перевозкой товаровъ на ботахъ: иногда они бываютъ въ пути восемь сутокъ и болѣе! Къ отвращенію такой медленной и невѣрной доставки, въ случаѣ надобности нанимаютъ пароходы для буксированія судовъ; но значительная плата за это обременяетъ товаръ новыми расходами

Digitized by Google

Очень понятно, что въ избѣжаніе потери времени и расходовъ, отъ которыхъ неизбѣжно возвышается цѣна товара, купечество во многихъ случаяхъ найдетъ выгоднѣйшимъ отправлять по желѣзной дорогѣ въ Кронштатъ разные привозимые водою продукты, тѣмъ болѣе, что барки, нагруженныя ими, могутъ безъ перегрузки подходить по обводному каналу къ товарной станціи. А отъ этого пункта въ нѣсколько часовъ товары могутъ быть доставляемы къ Кронштату для нагрузки въ корабли.

Перевозка въ Петербургъ иностранныхъ товаровъ съ кораблей, приходящихъ къ кронштатскому порту, производимая нынѣ на ботахъ, сопряжена съ тѣми же затрудненіями, о которыхъ упомянуто выше. Кронштатская желѣзная дорога представитъ возможность избѣгать ихъ, особенно въ перевозкѣ товаровъ высшей стоимости или требующихъ срочной доставки, и сверхъ того отвратитъ расходы, которымъ безъ нея должны бы подвергаться иностранные товары, слѣдующіе къ отправленію во внутреннія мѣста по московской желѣзной дорогѣ. Вмѣсто того, чтобы перевозить сюда отъ петербургской таможни товары, доставленные на ботахъ изъ Кронштата и выгруженные въ таможенные пакгаузы, можно будетъ по этимъ двумъ желѣзнымъ дорогамъ доставлять иностранные товары изъ Кронштата прямо въ Москву, для очистки пошлиною въ московской таможнѣ. Перевозка ихъ должна чрезвычайно усилить движеніе транспортовъ по желѣзной дорогѣ, ибо извѣстно, что значительнѣйшее количество иностранныхъ товаровъ, привозимыхъ къ петербургскому порту, идетъ въ Москву и чрезъ нее на нижегородскую ярмарку и далѣе внутрь имперіи. По соединеніи же кронштатской желѣзной дороги съ московскою, большая часть ихъ должна будетъ обратиться на этотъ новый и выгоднѣйшій путь.

РУССКОЕ ГУАНО. Извѣстно, что Англичане въ недавнемъ времени устремились къ островамъ южнаго океана и къ югозападному берегу Африки для привоза оттуда въ Англію *гуано* (птичьяго помета). Этотъ пометъ, по опытамъ тамошнихъ хозяевъ, признанъ превосходнымъ удобрительнымъ тукомъ, и вскорѣ сдѣлался значительною статьею торговли, такъ что перевозка его изъ этихъ дальнихъ мѣстъ доставила занятіе большому числу кораблей. Открытіе неистощимыхъ пластовъ этого тука и успѣшный сбытъ его въ Англіи возбудили живѣйшее вниманіе сельскихъ хозяевъ въ Европѣ. Но многимъ ли у насъ въ Россіи извѣстно, что изъ птичьяго помета образовались цѣлые пласты на поверхности острова Калгуева, лежащаго на Сѣверномъ Океанѣ, близъ Чешской губы, и причисляемаго къ архангельской губерніи?... Ни на одномъ изъ острововъ Сѣвернаго Океана и Бѣлаго Моря не водится столько гусей, лебедей и утокъ, какъ на Калгуевѣ, куда они прилетаютъ стадами съ юго-запада около Иванова дня и гдѣ остаются до половины сентября. Русскіе промышленники издавна ѣздятъ сюда для ловли птицъ и для собиранія птичьяго пуха; но ни

Digitized by Google

кому не приходила мысль, что безчисленныя стада перелетныхъ птицъ, искони витающихъ на Кaлгуевѣ въ лѣтнее время, образовали тамъ большіе пласты того драгоцѣннаго тука, за которымъ Англичане посылаютъ нынѣ свои корабли въ Южный Океанъ. Однако, эта новая статья торговли и у насъ не ускользнула отъ коммерческой предпріимчивости: архангельскій торговый домъ Грибанова, Фонтейнеса и Люрса исходатайствовалъ дозволеніе правительства на сборъ гуана по островамъ Бѣлаго Моря и Сѣвернаго Океана въ предѣлахъ имперіи и на безпошлинный вывозъ его за границу. Воспользовавшись привилегіею, данною имъ на навигацію 1845 года, они отправили съ этою цѣлію, подъ начальствомъ опытнаго и предпріимчиваго шкипера, шкуну на Калгуевъ, какъ на главный сборный пунктъ пернатыхъ странниковъ. Но какой результатъ принесла эта попытка, — еще неизвѣстно.

Употребленіе птичьяго тука для удобренія полей принесло бы значительную пользу земледѣлію въ архангельской губерніи и могло бы удобно тамъ распространиться, потому-что доставка по рѣкамъ Двинѣ, Онегѣ и Мезени не можетъ быть дорога и затруднительна. Но если этотъ удобрительный матеріялъ не найдетъ сподручнаго сбыта въ архангельскомъ краѣ, то бѣломорскіе судопромышленники могли бы сдѣлать опытъ доставки его если не за границу, то, по крайней мѣрѣ, къ нашимъ Балтійскимъ портамъ, для сѣверо-западныхъ губерній, гдѣ хозяева нуждаются въ удобреніи своихъ полей. Сборъ птичьяго тука на Калгуевѣ, для отправленія его на мореходныхъ судахъ въ балтійскіе порты, можетъ быть открылъ бы со временемъ новый источникъ промышленности жителямъ архангельской губерніи.

ДВИЖЕНІЕ СУДОХОДСТВА ВЪ РЫБИНСКѢ ВЪ 1846 г., И ВАЖНОСТЬ НОВООТКРЫТАГО БѢЛОЗЕРСКАГО КАНАЛА. — Извѣстно, что въ Рыбинскъ стекаются отъ низовыхъ пристаней всѣ товары, назначаемые къ отправленію съ Волги, по вышневолоцкой, марінской и тихвинской системамъ, преимущественно къ Петербургу. По своему географическому положенію, Рыбинскъ сдѣлался средоточіемъ дѣятельнаго движенія торговой и судоходной промышленности, потому-что у рыбинскихъ пристаней производится складка, выгрузка и нагрузка огромнаго количества товаровъ, привозимыхъ низовыми судами и отправляемыхъ вверхъ по рѣкамъ Волгѣ, Шексне и Мологѣ, большею частью съ перегрузкою здѣсь въ мелкія суда, годныя для верховаго хода. При такой выгодной мѣстности этого внутренняго порта, тамошнее купечество значительно распространило кругъ своихъ торговыхъ оборотовъ. Оно занимается преимущественно торговлею хлѣбомъ, покупая его въ теченіи всего года въ низовыхъ губерніяхъ для отправки въ Петербургъ и другія попутныя мѣста и частью въ Архангельскъ. Сверхъ того, часть ржи и особенно пшеницы оставляется въ Рыбинскѣ для перемола, и отсюда производится

Digitized by Google

большой торгъ мукою. За всѣми продажами и отправками, всегда находятся здѣсь значительные запасы хлѣба въ зернѣ и мукѣ, на случай переворотовъ въ торговлѣ, происходящихъ отъ неурожаевъ. По мѣстнымъ свѣдѣніямъ, сумма товаровъ, распродаваемыхъ въ самомъ Рыбинскѣ и закупаемыхъ здѣшними купцами для отпуска, простирается ежегодно на сумму около 7 милліоновъ руб. сер.

Торговля и судоходство въ Рыбинскѣ въ 1846 г. производились съ необыкновенною дѣятельностью, въ особенности по случаю оживленія хлѣбнаго торга при петербургскомъ портѣ. Въ послѣдніе три года изъ Рыбинска отправлено вверхъ по рѣкамъ Волгѣ, Шекснѣ и Мологѣ на вольную продажу:

	Въ 1846.	1845.	1844.	
Муки ржаной . . .	2,018,595	1,732,843	1,387,434	кулей.
Ржи	657,411	283,170	82,026	четв.
Пшеницы	660,502	578,307	637,373	»
Овса	693,778	720,011	468,948	»
Крупъ гречневыхъ	181,367	138,502	136,755	»

По случаю большого требованія на хлѣбные товары вообще, общая цѣнность привезенной и отправленной клади въ Рыбинскѣ увеличилась въ 1846 г. противъ прежнихъ лѣтъ, и хотя въ 1845 г. также сумма привоза и отпуска товаровъ на здѣшней пристани была весьма значительна, однако, въ прошлую навигацію цѣнность ихъ далеко превзошла эту сумму, а именно по привозу слишкомъ на 5½ мил. руб., и по отпуску на 3,350,000 руб. сер. Съ открытія навигаціи по 1 ноября 1846 г., прибыло въ Рыбинскъ до 3000 низовыхъ судовъ, въ томъ числѣ 90 конномашинныхъ и 5 пароходовъ; этими судами привезено разной частной и казенной клади на 24,813,313 руб. сер. Отъ рыбинской пристани къ верховому ходу отошло до 10.000 судовъ, съ коими отправлено товаровъ на 32,580,460 руб. сер. По увѣренію купечества, никто изъ современниковъ не запомнитъ столь значительнаго сплава судовъ по низовой части Волги и по системамъ: Вышневолоцкой, Маріинской и Тихвиской, какъ въ 1846 году.

Доставка хлѣба съ низовыхъ пристаней до Рыбинска обходилась въ эту навигацію въ сравненіи съ прошлогоднею весьма дорого, по огромности хлѣбныхъ заготовленій на мѣстахъ, по цѣнности судорабочихъ и по дороговизнѣ продовольстія людей и лошадей. Каждый покупатель спѣшилъ заблаговременно заготовить судно, по количеству предположенныхъ имъ закупокъ, и не разсчитывалъ платить дороже за наемъ, лишь бы только имѣть возможность поднять грузъ съ весеннимъ караваномъ. Но съ самаго упадка вешнихъ водъ, судохозяева находились въ весьма тревожномъ положеніи, по случаю продолжавшейся до сентября засухи, отъ которой рѣки обмелѣли до такой степени, что въ Волгѣ, отъ Твери до Рыбинска, было не болѣе 8 вершковъ глубины. Все это лишало надежды на проплавъ послѣднихъ

Digitized by Google

каравановъ и даже угрожало совершеннымъ прекращеніемъ судоходства, ко вреду торговли. Но затрудненія были отвращены благодѣтельными мѣрами, принятыми на пользу судоходства г. главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями. Спускъ водъ изъ устроеннаго недавно волжскаго бейшлота, или водохранилища, спасъ весь низовый караванъ, состоявшій изъ 3000 барокъ и слѣдовавшій отъ Рыбинска къ Твери. Значительная часть ихъ успѣла прибыть по вышневолоцкой системѣ въ Петербургъ, избѣгнувъ гибельныхъ перегрузокъ, а прочія хотя и оставались на зимовку, однако, уже прошли всѣ опасныя мѣста.

Вообще въ минувшую навигацію, по вышневолоцкой системѣ чрезъ боровицкіе и другіе пороги проведено болѣе 4,500 барокъ. При благоразумныхъ и дѣятельныхъ распоряженіяхъ, сдѣланныхъ начальствомъ путей сообщенія для скорѣйшаго провода послѣдняго каравана по р. Тверцѣ, не взирая на трудности, сопряженныя съ поздниимъ осеннимъ временемъ, болѣе 1,300 барокъ доведены до Вышняго Волочка — и въ такой короткій срокъ что до нынѣ не было еще такого примѣра.

Судоходство по маріинской системѣ отъ мелководья встрѣчало также въ теченіи прошлаго лѣта большія затрудненія. Но открытіе въ минувшемъ августѣ *бѣлозерскаго канала* дало новую жизнь маріинской системѣ ускореніемъ хода судовъ, предохраненіемъ ихъ отъ гибели и значительнымъ пониженіемъ провозной платы (*).

Суда, идущія изъ Рыбинска на маріинскую систему, тянутся по рѣкѣ Шекснѣ до истока ея, т. е. до Бѣлаго Озера, и должны были переплывать его подъ угломъ для входа въ р. Ковжу, а изъ этой рѣки проходить маріинскимъ каналомъ въ р. Вытегру, потомъ обводнымъ каналомъ около Онежскаго Озера до урочища Черные Пески. Здѣсь они входили въ озеро и, пройдя его, спускались въ р. Свирь, впадающую въ Ладожское Озеро.

Главнѣйшее неудобство маріинской системы состояло въ необходимости переплывать Бѣлое Озеро. Кладь, отправляемая изъ Рыбинска по Шекснѣ, перевозилась на безпалубныхъ судахъ до Крохинской пристани, а здѣсь перегружалась на озерныя суда съ палубами и морскою оснасткою. Нагруженныя суда не рѣдко ожидали попутнаго вѣтра по нѣсколько недѣль для перехода чрезъ озеро. Къ этимъ затрудненіямъ и неудобствамъ присоединялась еще и опасность плаванія по бурному озеру. При переходѣ чрезъ озеро, ежегодно погибало груза на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей серебромъ. Въ настоящее время опасность навсегда отвращена прорытіемъ обводнаго около Бѣлаго Озера канала, который и названъ *бѣлозерскимъ*.

Бѣлозерскій каналъ, начатый 16 мая, 1843 года, оконченъ, со всѣми на немъ сооруженіями, къ августу, 1846 г., и тотчасъ же от-

(*) См. письмо именитаго русскаго купечества на имя графа П. А. Клейнмихеля, напечатанное въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, 17 декабря, 1846 г.

Digitized by Google

крытъ для судоходства. Этотъ каналъ, обходя южную часть озера на протяженіи 63½ верстъ, соединяетъ р. Шексну, вытекающую изъ Бѣлаго Озера, съ р. Ковжею, впадающею въ это же озеро. — Ширина канала на поверхности воды 11, на днѣ 8 саженъ,—глубина 7 футовъ. — Вода въ каналѣ поддерживается тремя деревянными шлюзами, которые названы: «Безопасность», «Удобство» и «Польза». — Сооруженіе бѣлозерскаго канала стоитъ болѣе 1,500,000 р. серебромъ.— Въ самомъ Бѣлозерскѣ устроивается гавань, могущая вмѣщать болѣе 300 судовъ, которыя до сихъ поръ не имѣли, кромѣ Рыбинска, другаго убѣжища, ближайшаго къ Петербургу. Гавань эта обогатитъ городъ и дастъ способъ судамъ приходить въ Петербургъ, въ весеннемъ караванѣ нѣсколькими недѣлями раньше нынѣшняго плаванія а этотъ рановременный приходъ каравана будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на цѣнность привозимыхъ продуктовъ.

Въ прошлогоднюю навигацію уже испытана польза этого новаго сообщенія. Въ теченіи двухъ мѣсяцовъ со дня открытія бѣлозерскаго канала, т. е. съ 6 августа по 8 октября, прошло этимъ путемъ 674 судна съ кладью болѣе чѣмъ на 3½ мил. руб. сер. Въ прежнее время, такое число судовъ, направляясь чрезъ Бѣлое Озеро, не могло бы въ такой короткій срокъ достигнуть рѣки Ковжи. Теперь суда, идущія изъ Рыбинска, вступаютъ въ бѣлозерскій каналъ безъ малѣйшей остановки, и употребивъ только 37 часовъ на плаваніе этимъ каналомъ, входятъ въ р. Ковжу, и продолжаютъ свой путь по маріинской системѣ къ Петербургу.

СООБЩЕНІЕ МЕЖДУ НѢМЕЦКИМЪ И ЧЕРНЫМЪ МОРЯМИ, ПОСРЕДСТВОМЪ ЛУДВИГСКАГО КАНАЛА. Въ 1846 году открытъ новый, чрезвычайно важный торговый путь, о которомъ первую мысль возъимѣлъ, около тысячи лѣтъ назадъ тому, Карлъ Великій: мы разумѣемъ *каналъ*, названный по имени основателя его, нынѣшняго короля баварскаго. Этотъ каналъ, проведенный между Бамбергомъ и Кельгеймомъ, отъ Дуная къ Майну, соединяетъ Дунай съ Рейномъ, и открываетъ такимъ образомъ прямое сообщеніе чрезъ европейскій материкъ, между Сѣвернымъ моремъ, Левантомъ и Чернымъ моремъ. Сообщеніе это облегчаемое и правильно поддерживаемое баварскими пароходами въ верховьяхъ Дуная, до Линца, и австрійскими, отъ Линца до Галаца и Константинополя, должно получить чрезвычайную важность для Одессы, съ тѣхъ поръ, какъ открыто прямое пароходное сообщеніе между Галацомъ и Одессою. Колоніяльные, мануфактурные и другіе товары могутъ отнынѣ быть доставляемы этимъ новымъ путемъ въ Одессу изъ Англіи, Франціи, Голландіи, Бельгіи, Германіи и другихъ мѣстъ, избавляясь опасностей продолжительнаго морскаго плаванія огромныхъ издержекъ сухопутнаго провоза и, что особенно важно, не подвергаясь карантинному очищенію.

Первый рейсъ по новопроложенному пути совершенъ изъ Амстердама въ Вѣну голландскимъ желѣзнымъ рѣчнымъ судномъ, которое

Digitized by Google

названо въ честь этихъ двухъ городовъ: «*Амстердамъ и Вѣна*». Оно было буксировано пароходами по Рейну до Франкфурта, потомъ тянулось бичевою по Майну до Бамберга (въ Баваріи), отсюда шло по лудвигскому каналу до Дуная и, наконецъ, по этой рѣкѣ прибыло въ Вѣну. Отправившись изъ Амстердама съ грузомъ сахара и кофе, 18 іюня (1846), это судно пришло 8 августа въ Вѣну, т. е. въ 52 дня, изъ которыхъ слѣдуетъ выключить 27 дней на остановку въ разныхъ мѣстахъ, — такъ, что плаваніе продолжалось собственно 25 дней. Полагаютъ, что съ устраненіемъ нѣкоторыхъ, можетъ быть еще встрѣчаемыхъ препятствій, можно будетъ со временемъ совершать рейсъ между Вѣною и Амстердамомъ въ 3 — 4 недѣли.

ОГНЕСТРѢЛЬНАЯ ХЛОПЧАТАЯ БУМАГА. — Желая удовлетворить любопытству публики, сильно возбужденному открытіемъ г. Шенбейна, мы спѣшимъ сообщить нашимъ читателямъ нѣсколько подробностей объ огнестрѣльной хлопчатой бумагѣ, заимствованныхъ нами изъ отчетовъ о засѣданіяхъ французской Академіи Наукъ (Comptes rendus hebdomadaires des séances de l'Acad. des sc. tome XXIII № 21, 22 и 23 ноября и 6 декабря 1846).

Г. Годень (Gaudin), по указанію одного изъ замѣчательныхъ французскихъ химиковъ, г. Милона, приготовилъ огнестрѣльную хлопчатую бумагу посредствомъ селитры и сѣрной кислоты; на растертую въ порошокъ обыкновенную селитру онъ наливаетъ продажной сѣрной кислоты (acide monohydraté), размѣшивая растворъ до тѣхъ поръ, покуда онъ получитъ густоту сиропа, въ который потомъ кладетъ бумагу, волокна, паклю и пр. на четверть часа, и промываетъ съ извѣстными химическими предосторожностями. Этотъ способъ заслуживаетъ особеннаго вниманія по многимъ отношеніямъ: извѣстно уже, что приготовленіе огнестрѣльной бумаги посредствомъ азотной кислоты не всегда удается; притомъ продажа этой кислоты не вездѣ свободно допускается, между тѣмъ какъ селитра и купоросное масло находятся въ продажѣ въ большомъ количествѣ, и обращеніе ихъ въ публикѣ не можетъ быть ограничиваемо, ибо онѣ употребляются при многихъ промышленныхъ производствахъ на фабрикахъ.

Кромѣ того, г. Годень предлагаетъ предварительно подвергать хлопчатую бумагу легкому обжиганію, придающему ей желтый цвѣтъ охры. Обработанная такимъ образомъ хлопчатая бумага содержитъ въ себѣ меньше воды, и потому, газы образующіеся при ея воспаленіи, имѣютъ въ составѣ своемъ менѣе водяныхъ паровъ. Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство не составляетъ выгоды, ибо по всѣмъ опытамъ видно, что водяные пары не сгущаются въ стволѣ орудія, а напротивъ, разширяясь, дѣйствуютъ съ пользою на снарядъ. Но существенное преимущество этого способа состоитъ въ томъ, что цвѣтную хлопчатую бумагу можно различить по наружному виду отъ обыкновенной; это обстоятельство можетъ избавить отъ многихъ несчастныхъ случаевъ.

Digitized by Google

Г. Годень предлагаетъ просушивать хлопчатую бумагу въ деревянной каморѣ, наполненной живою (обожженою) известью; при этой каморѣ должно устроивать вентиляторъ для тяги воздуха. Этотъ способъ безопаснѣе просушки въ тепломъ мѣстѣ, особенно при изготовленіи хлопчатой бумаги въ большомъ количествѣ.

Гг. Комбъ и Фландень доказали многими опытами, что воспалительная хлопчатая бумага можетъ быть съ пользою употреблена при разрываніи камней и при заложеніи минъ.

Г. Пайенъ сообщилъ Академіи весьма важное замѣчаніе. Обработывая огнестрѣльную хлопчатую бумагу посредствомъ сѣрнаго эфира (гофманскія капли) онъ замѣтилъ, что она отчасти растворяется. Нерастворившаяся часть послѣ просушки горитъ гораздо слабѣе; та же часть, которая растворилась въ эфирѣ (около одной десятой доли) горитъ съ необыкновенною быстротою, если ее осторожно выпарить и просушить. – Она въ этомъ случаѣ получается въ видѣ прозрачнаго порошка. Небольшое количество этихъ подонковъ, осѣвшихъ въ видѣ патоки, опущенное въ стеклянномъ стволикѣ на поверхность сосуда, наполненнаго масломъ, разогрѣтымъ до 115 градусовъ, (Цельзіева термометра) разбило стволикъ, съ такою силою, что брызги масла достигли до потолка лабораторіи. Это явленіе, конечно, послужитъ знаменитому химику поводомъ къ многимъ открытіямъ касательно новаго огнестрѣльнаго вещества.

Г. Дюма представилъ Академіи интересныя подробности касательно огнестрѣльной бумаги, и между прочимъ, письмо Г. Шейнбейна, который объявляетъ, что его способъ приготовленія совершенно различенъ отъ того, который употребляетъ французскій химикъ г. Пелузъ (обработка селитренною кислотою). – Химическое разложеніе огнестрѣльной бумаги доселѣ еще не было сдѣлано. г. Дюма объяснилъ Академіи, что это разложеніе весьма легко произвести посредствомъ извѣстнаго прибора, который гг. Гей-Люсакъ и Тенаръ приложили, лѣтъ сорокъ тому назадъ, къ разложенію органическихъ тѣлъ. Трубку этого прибора должно нагрѣвать спиртовою лампою отъ 200 до 300 градусовъ, бросая внутрь небольшіе шарики огнестрѣльной бумаги; собравши безъ малѣйшей потери всѣ остатки послѣ горѣнія, г. Дюма нашелъ: пары воды, углекислоту, окись углерода, селитряные пары въ большомъ количествѣ и окись азота; эта смѣсь газовъ загорается отъ приближенія свѣчи; судя по цвѣту пламени, должно полагать, что тутъ образуется синеродъ.

«Если бы воспламененіе огнестрѣльной бумаги въ стволахъ и на затравкахъ орудій производило подобные газы», замѣчаетъ г. Дюма, «орудія должны бы были скоро портиться отъ окисленія. Но очевидно» продолжаетъ онъ, «что, при взрывѣ бумаги въ стволахъ происходитъ другое явленіе, ибо во время движенія снаряда въ стволѣ воспламеняющіеся газы, дѣйствуя на селитряные пары, должны разлагать ихъ, потому, можетъ статься, что употребленіе огнестрѣльной бумаги

Digitized by Google

въ стволахъ не имѣетъ неудобства. На затравкахъ же образованіе азотистой кислоты неизбѣжно».

Это послѣднее замѣчаніе г. Дюма было принято г. Пелузомъ за лично къ нему относящееся, ибо этотъ извѣстный ученый болѣе всѣхъ пишетъ о выгодахъ новаго воспламенительнаго состава. Онъ отвѣчалъ г. Дюма, что какъ вещество, находящееся на полкѣ орудія, одного свойства съ тѣмъ, которое составляетъ зарядъ, то нельзя допустить, чтобы образовались различные газы въ дулѣ и на полкѣ; онъ старался доказать, что зарядъ отдѣляется отъ пороха на полкѣ только тоненькимъ каналомъ затравки и что воздухъ, находящійся въ затравкѣ, не можетъ причинить тутъ никакой разности. – Но мы должны замѣтить, что г. Дюма и не говорилъ ни слова о томъ, что сгораетъ въ затравкѣ и въ стволѣ; онъ говорилъ только о той части хлопчатой бумаги, которая лежитъ *на полкѣ*, слѣдовательно, сгораетъ на воздухѣ. Г. Дюма замѣчаетъ, что если приготовленую бумагу вымочить въ растворѣ селитры и потомъ снова высушить, она при воспаленіи не образуетъ азотистыхъ газовъ, могущихъ разъѣдать металлъ орудія у затравки.

Нельзя отвергать пользы, которая можетъ произойти отъ замѣненія употребляемыхъ нынѣ ударныхъ капсуль огнестрѣльною бумагою, какъ предлагаетъ Г. Пелузъ. Извѣстно, что капсули, находящіяся въ продажѣ, бываютъ двухъ родовъ; лучшими считаются тѣ, которыя приготовляются съ гремучею ртутью (fulminate de mercure); другія, которыхъ приготовленіе обходится дешевле, содержатъ въ себѣ хлористый потассій; однакоже, производство тѣхъ и другихъ бываетъ причиною многихъ несчастій и вредно для здоровья рабочихъ. Если приготовленіе огнестрѣльной бумаги будетъ современемъ усовершенствовано,— то можно ожидать выгоды отъ приложенія ея къ артиллерійскому искусству.

Г. Пайенъ много занимался изслѣдованіемъ несчастныхъ случаевъ при изготовленіи огнестрѣльной бумаги, какъ членъ комитета общественнаго здоровья въ Парижѣ. Онъ представилъ свои результаты правительству. Г. Пайенъ полагаетъ, что главная причина внезапныхъ взрывовъ при сушкѣ бумаги происходитъ не отъ высокой температуры, а отъ теченія нагрѣтаго воздуха; сушку въ закрытыхъ сосудахъ можно производить безопасно при 100 градусахъ (Цельзіева термометра); но если сосудъ не совершенно закрытъ, горячій воздухъ, обращаясь на бумагу, можетъ произвести взрывъ (*).

Причину внезапныхъ взрывовъ должно искать не только въ дѣйствіи тока нагрѣтаго воздуха, но также въ свойствѣ сѣрнистыхъ

(*) Въ запискѣ Гг. Комба и Фландена, о которой говорено выше, находится описаніе взрыва 500 грановъ приготовленной бумаги. Она была положена въ сушильню, которая получала нагрѣтый воздухъ (около 60 град.) отъ печи, находящейся извнѣ; трое людей равено, окно комнаты было выбито, повреждена стѣна, у которой была поставлена сушильня, трое дверей растворились съ необыкновенною силою, а четвертая совершенно вырвана.

Digitized by Google

тѣлъ всасывать воздухъ съ большою силою. – Извѣстно, что приготовленіе голландской сажи (noir de fumée) часто сопровождается несчастными случаями. На суконныхъ фабрикахъ шерсть, напитанная масломъ, разгорячается не рѣдко до такой степени, что вспыхиваетъ. Какъ бы то ни было, доселѣ не изслѣдовано еще дѣйствіе холоднаго или горячаго воздуха на огнестрѣльную бумагу во время сушки.

Мы полагаемъ полезнымъ привести здѣсь еще слѣдующее замѣчаг. Пайена объ опасностяхъ приготовленія бумаги.

«При наливаніи азотной кислоты или смѣси сѣрной съ азотною на хлопчатую бумагу, температура столь сильно возвышается, что если не вся масса бумаги погружена въ жидкость, часть ея, находящаяся въ воздухѣ, вспыхиваетъ. Если бумага погружена совершенно, замѣчается тлѣніе ея, и исходящій изъ жидкости дымъ производитъ брызги. – Это обстоятельство особенно важно, когда бумага приготовляется въ большомъ количествѣ. Можно уменьшить это дѣйствіе до нѣкоторой степени, вымачивая бумагу предварительно въ водѣ; но во всякомъ случаѣ должно стараться погружать всю массу въ кислоту, а не оставлять часть ея на воздухѣ.»

Ученые артиллеристы во Франціи и Германіи до сихъ поръ представляютъ сильную оппозицію противъ новаго огнестрѣльнаго вещества. Авторитетъ этихъ спеціальныхъ людей, конечно, послужитъ современемъ къ окончательному разрѣшенію вопроса о пользѣ огнестрѣльной хлопчатой бумаги.

ПРИМѢСЬ СОЛИ ВЪ КОРМЪ ДОМАШНЯГО СКОТА. — Примѣсь соли въ кормъ домашняго скота — есть задача, весьма сложная даже и съ точки зрѣнія чисто ученой. Кромѣ полезнаго вліянія на здоровье домашняго скота вообще, соль можетъ еще въ этомъ случаѣ имѣть двоякое дѣйствіе.

1-е) Способствуетъ скоту извлекать изъ даннаго количества корма болѣе живительнаго, питательнаго вещества, такъ-что корма, приправленнаго солью, нужно скоту меньше, нежели неприправленнаго, для того, чтобъ давать равную питательность; или — скотъ, при извѣстномъ количествѣ корма, растетъ, жирѣетъ быстрѣе, даетъ больше молока и выноситъ болѣе работы подъ вліяніемъ соленаго корма, нежели безъ него.

2-е) Способствуетъ скоту съѣдать и переваривать въ желудкѣ въ опредѣленное время бо́льшее количество корма. Этотъ результатъ, можетъ быть, не столь блестящъ, какъ первый, но во многихъ случаяхъ онъ имѣетъ неоспоримыя выгоды.

Извѣстный французскій химикъ г. Буссиньё, занимающійся преимущественно химіею въ приложеніи ея къ земледѣлію и скотоводству, представилъ, въ одно изъ послѣднихъ засѣданій парижской Академіи, записку свою, въ которой коснулся только перваго изъ этихъ вопросовъ, совершенно различныхъ между собою. Мы приведемъ здѣсь краткое извлеченіе изъ его записки.

Digitized by Google

«Морская поваренная соль, говоритъ г. Буссиньё, содержитъ въ себѣ вещество, находящееся во всѣхъ животныхъ жидкостяхъ, именно — воду. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія физіологической можно принять, что поваренная соль нужна, даже необходима въ питаніи, а потому въ умѣренномъ употребленіи этого вещества весьма естественно видѣть — сильное гигіеническое средство.

«Именно въ этихъ границахъ я всегда разумѣлъ пользу морской соли, и каждый годъ потребляется ее въ нашихъ стойлахъ опытнаго скотоводства отъ 300 до 400 килограмовъ. Если раздачу соли скоту иные считаютъ предразсудкомъ, я самъ раздѣляю этотъ предразсудокъ.

«Впрочемъ, мнѣнія о питательныхъ свойствахъ соли мнѣ кажутся преувеличенными. Я не думаю, напримѣръ, чтобъ 3 килограма сѣна, приправленнаго солью, накормили также, какъ 4 килограма безъ приправы, или чтобъ одинъ килограмъ соли развивалъ, какъ утверждаютъ, 10 килограмъ мяса или жиру. Впрочемъ, эти мнѣнія не подтверждены никакими доказательствами; подъ словомъ — доказательство въ дѣлѣ земледѣльческомъ разумѣю я положительные результаты, пріобрѣтенные съ помощію вѣсовъ. Но такъ какъ равно нѣтъ точныхъ доказательствъ и въ пользу мнѣнія противнаго, ни равно изчисленія дѣйствительнаго вліянія соли на питаніе, то я и долженъ былъ обратиться къ прямому опыту.

Я выбралъ въ нашихъ стойлахъ шесть молодыхъ быковъ, почти одинакихъ лѣтъ и одинакаго вѣса, и раздѣлилъ ихъ на два отдѣ... по слѣдующей таблицѣ:

Отдѣлъ № 1-й.

А. 8-ми	мѣсяцовъ,	вѣсу	на тощакъ	1-го октября	142 килогр.
Б. 8-ми	»	»	»	»	147 »
В. 7-ми	»	»	»	»	145 »

Всего въ отдѣлѣ № 1-го вѣсу 434 килогр.

Корму давали 3 процента относительно всего вѣса, слѣдовательно, этотъ отдѣлъ получалъ:

Отъ 1-го до 25 октября включительно, ежедневно сѣна перваго и втораго покоса . . . . . 12 килогр.

Отъ 26 Октября до 31 Ноября . . . . . 14 килогр.

Слѣдовательно, въ продолженіи 44 дней этого опыта отдѣлъ № 1 потребилъ 591 килограмъ корму.

Онъ получалъ въ день 102 грамма соли, слѣд. на каждую голову по 34 грамма.

Отдѣлъ № 2.

А. 10	мѣсяцовъ,	вѣсу	. . . . .	140 килогр.
В. 8½	»	»	. . . . .	137 »
С. 10½	»	»	. . . . .	132 »

всего въ отдѣлѣ № 2 вѣсу 407 килогр.

Digitized by Google

От 1 октября до 25-го включительно, этотъ отдѣлъ получалъ въ день сѣна перваго и втораго покоса . . . . . 12 килогр.
От 26 октября до 13 ноября . . . . . 13,5 »
Слѣдовательно, отдѣлъ № 2 потребилъ въ 44 дня 569 килограмъ корму
Соли онъ не получалъ.
13 ноября оба отдѣла были свѣшаны. Вотъ результаты опыта:

Отдѣлъ № 1, получавшій соль:

А.	вѣсомъ	165	килограмъ	и слѣд.	пріобрѣлъ	въ	44	дня	23	килогр.
Б.	»	158	»	»	»	»	»	»	11	»
С.	»	157	»	»	»	»	»	»	12	»
		480							46	»

Отдѣлъ № 2, не получавшій соли

А.	»	146	»	»	»	»	»	»	6	»
В.	»	154	»	»	»	»	»	»	19	»
С.	»	152	»	»	»	»	»	»	20	»
		452							45	»

Изъ этого вѣса ясно, что соль, примѣшанная къ корму № 1. не произвела никакого ощутительнаго дѣйствія на увеличеніе вѣса, потому-что подъ вліяніемъ кормленія, совершенно одинакаго, 100 килограмъ отдѣла, имѣвшаго соль, стали въ 44 дня 110-ю килограмами 6; а 100 килогр. отдѣла, не имѣвшаго соли, стали 111 килогр.
Приведу это же въ другой формѣ:
100 килогр. корма, приправленнаго солью, дали 7,8 живаго вѣсу
100 килогр. корма не соленаго дали 7,9 живаго вѣсу.
Не дѣлая дальнѣйшихъ предположеній о гигіеническомъ вліяніи, какое можетъ имѣть болѣе продолжительное употребленіе соли, я могу утвердительно сказать, что въ продолженіи опыта, котораго главные результаты привожу здѣсь, оба отдѣла находились въ совершенномъ здоровьи. Впрочемъ, для того, чтобъ заключить съ увѣренностію о дѣйствіяхъ, происходящихъ отъ продолжительнаго лишенія соли, я принялъ мѣры, дабы волы № 2 не участвовали въ раздачѣ соли, производящейся въ нашихъ стойлахъ. За состояніемъ здоровья этихъ воловъ будутъ внимательно наблюдать,—равно обратятъ вниманіе и на ихъ воспроизводительныя свойства; словомъ, надъ ними будетъ надзоръ до тѣхъ поръ, пока они не пойдутъ на бойню.
Естественно, что животныя, съѣдавшія ежедневно 34 грамма соли, пили болѣе тѣхъ, которыя не получали ея. Среднимъ числомъ пили—въ 24 часа: отдѣлъ № 1, 41 литръ, № 2, 33 литра.
Въ кормленіи скота важно въ нѣкоторыхъ случаяхъ то, чтобъ заставить скотъ съѣдать кормъ въ возможно меньшее время; изъ семи наблюденій, сдѣланныхъ на двухъ помянутыхъ отдѣлахъ, среднее число показываетъ, что, предположивъ ежедневную порцію корма ихъ равною, выходитъ, что отдѣлъ № 1 съѣдалъ свой кормъ въ три часа

Digitized by Google

двадцать двѣ минуты, между тѣмъ какъ № 2 употреблялъ на это три часа тридцать семь минутъ.

Слѣдовательно, соль усиливаетъ позывъ на ѣду; одно это обстоятельство показало бы уже, какое благопріятное вліяніе можетъ имѣть соль на утучненіе скота. Вотъ еще одинъ фактъ, относящійся сюда, и котораго значеніе можетъ оцѣнить всякій:

Въ продолженіи этихъ опытовъ, однажды случилось, что розданное сѣно втораго покоса, оказалось самаго дурнаго качества, и 60 штукъ рогатаго скота, находившихся тогда въ стойлахъ, ѣли его съ чрезвычайнымъ отвращеніемъ. У всѣхъ, за исключеніемъ отдѣла № 1, осталось его въ закромахъ. Животныя же этого отдѣла, получавшія соль, съѣли свою порцію до чиста. Это еще новое доказательство въ пользу того, какъ важна соль, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ заставить скотъ ѣсть дурной кормъ.

Вліяніе соли по истинѣ неоцѣнимо въ корму на вѣсъ скота; есть обстоятельство, какъ бы противорѣчащее принципу физіологическому, по которому сода присуща организму, а слѣдовательно, и необходима въ питаніи. Но должно замѣтить, что если всѣ согласны въ томъ, что поваренная соль необходимо находится въ пищѣ, то остается еще неизвѣстною граница, за которою это количество можетъ стать недостаточнымъ. Впрочемъ, можетъ быть и то, что пропорція морской соли, которая, какъ извѣстно, составляетъ часть минеральныхъ свойствъ, содержащихся въ пищѣ,—даже съ излишкомъ достаточна для потребностей пищеваренія, особенно, когда нѣтъ надобности возбуждать аппетитъ скота (что случается, если хотятъ утучнить его).

Эти соображенія привели меня къ опредѣленію количества морской соли, находящагося въ корму, съѣдаемомъ ежедневно животными, надъ которыми я дѣлалъ мои наблюденія.

Сѣно было съ луговъ Дурренбаха,—что въ садерской долинѣ. Этотъ кормъ оставляетъ среднимъ числомъ 6 процентовъ золы, и въ этой золѣ анализъ обозначалъ 4,3 процента поваренной соли. Слѣдовательно, такъ какъ средняя порція корма на каждую голову скота отдѣла № 2 была 4 килограма 31, то выходитъ, что въ эту порцію входило 259 граммъ минеральныхъ веществъ, между которыми было болѣе 11 граммъ поваренной соли, не считая еще около одного грамма той же соли, находившейся въ 11 литрахъ воды, выпиваемыхъ ежедневно быками.

Казалось бы, что эти 12 граммъ поваренной соли достаточны для одной штуки скота вѣсомъ въ 150 килограмъ, ибо мы не получали болѣе быстраго увеличенія вѣса, прибавивъ въ кормъ бо́льшее количество соли.

Вообще, мнѣніе о началахъ соли, входящихъ въ составъ пищи, еще очень не точно. Такъ дойная корова, потребляя ежедневно 18 килограмъ сѣна, о которомъ выше была рѣчь, получаетъ при этомъ кормѣ около 50 граммъ поваренной соли. Изслѣдованіе вліянія соли на количество молока и на тучность скота доставитъ мнѣ случай въ буду-

Digitized by Google

щей моей запискѣ разсмотрѣть вопросъ—всегда ли соль, содержащаяся въ пищѣ, удовлетворяетъ потребностямъ питанія?»

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О Г. ЛЕВЕРРЬЕ. Сообщаемъ нашимъ читателямъ важную новость, касающуюся парижскаго университета. 23-го прошедшаго декабря г. Леверрье въ Faculté des Sciences открылъ новый курсъ *теоретической астрономіи*. Онъ началъ изложеніемъ общей системы міра; многочисленная публика приняла молодаго и знаменитаго ученаго съ энтузіазмомъ и много разъ прерывала рукоплесканіями его краснорѣчивое и ясное изложеніе.

Открытіемъ этой новой каѳедры наука обязана г. Сальванди, нынѣшнему министру народнаго просвѣщенія во Франціи. Въ парижскомъ университетѣ съ давняго времени существуетъ каѳедра *практической астрономіи*, занимаемая болѣе пятьнадцати лѣтъ г. Біотомъ. — Но великія открытія въ области высшаго анализа, совершенныя въ послѣднее время, и важные результаты преподаванія математическихъ наукъ въ политехнической школѣ, побудили г. Сальванди къ основанію двухъ новыхъ доселѣ несуществовавшихъ каѳедръ. Первая каѳедра: *практической геометріи*, которая будетъ открыта въ непродолжительномъ времени—дополнитъ недостатокъ математическаго университетскаго образованія, доселѣ слишкомъ отвлеченнаго; вторая каѳедра: *небесной механики*, принадлежала по праву г-ну Леверрье, и, безъ сомнѣнія, составитъ эпоху въ наукѣ.

Кстати замѣтимъ, что недавно распространился слухъ, будто-бы Англичанинъ Адамсъ такимъ же образомъ, какъ г. Леверрье, нашелъ существованіе новой планеты. Но что̀ бы ни было говорено объ этомъ совмѣстничествѣ, честь первоначальнаго открытія безспорно принадлежитъ г. Леверрье. И слава французскаго ученаго не могла быть лучше и искреннѣе признана, какъ въ рѣчи Джона Гершеля, въ которой этотъ знаменитый астрономъ предлагаетъ Лондонскому Королевскому Обществу наградить г. Леверрье золотою медалью, даваемою ежегодно для увѣнчанія замѣчательнѣйшаго труда, сдѣланнаго въ теченіи года.

Способъ, посредствомъ котораго г. Леверрье открылъ новую планету, до нынѣ единственный въ астрономіи.

Въ этомъ случаѣ теорія предупредила практику и ее руководствовала. Мы надѣемся въ непродолжительномъ времени познакомить читателей съ тѣмъ рядомъ умозаключеній, которыя привели къ открытію новой планеты. Составленіе этой статьи обѣщано намъ профессоромъ С.п.б. университета г. Савичемъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПРОСТАГО ТѢЛА — ФТОРА. Къ числу важныхъ открытій въ области химіи принадлежитъ отдѣленіе *фтора* (fluor) — простаго тѣла, которое многіе химики доселѣ напрасно пытались получить въ свободномъ состояніи. Изъ всѣхъ простыхъ тѣлъ (которыхъ нынѣ въ химіи считается до 62) одинъ фторъ не могли до сихъ поръ отдѣлить отъ его соединеній, потому-что, при освобожденіи своемъ,

Digitized by Google

онъ разъѣдаетъ вещество снаряда, въ которомъ производится опытъ. Извѣстно, что фторъ находится въ природѣ въ большомъ количествѣ въ минералѣ, называемомъ *плавикомъ*, или *плавиковымъ шпатомъ* (Spathfluor); въ соединеніи съ водородомъ, это начало составляетъ плавиковую кислоту, которая употребляется при рѣзьбѣ и гравированіи на стеклѣ.

Давно уже стараются химики отдѣлить фторъ. Первыя попытки принадлежатъ знаменитому англійскому химику Дави (Philos. transact. 1813, p. 268); впослѣдствіи гг. Дж. Нокс и Т. Нокс, члены ирландской академіи и французскій химикъ Бодримо производили многіе опыты съ тою же цѣлію; но всѣ эти попытки, важныя для людей, занимающихся химіею, не привели, однако же, къ удовлетворительнымъ результатамъ. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ сообщено парижской Академіи, что г. Луйе (Louyet), слѣдуя наставленіямъ Дави и гг. Нокс, успѣлъ, наконецъ, получить фторъ въ свободномъ состояніи.

Г. Луйе производилъ свои опыты въ сосудахъ, сдѣланныхъ изъ плавиковаго шпата, которые снаружи были обтянуты тонкою проволокою, для того, чтобы можно было нагрѣвать ихъ до высокой температуры. Сосуды имѣли снаружи четвероугольную форму, т. е. были составлены изъ пластинокъ шпата; проводникъ отъ реторты къ пріемнику былъ сдѣланъ изъ тоненькихъ листочковъ шпата, чтобъ можно было видѣть цвѣтъ отдѣляющагося вещества. Въ реторту помѣщались различныя фтористыя соединенія, и дѣйствіемъ на нихъ хлора эти соединенія разлагались и отдѣлялся *фторъ*.

Свойства фтора въ свободномъ состояніи слѣдующія: онъ не имѣетъ цвѣта и не измѣняетъ цвѣта растительныхъ веществъ, въ него погруженныхъ; на стекло онъ дѣйствуетъ медленно, соединяется съ водою при обыкновенной температурѣ и безъ помощи лучей свѣта; дѣйствуетъ разрушительно на всѣ металлы, исключая золота и платины. Фторъ быстро соединяется съ началами и особенно легко составляетъ двойныя соединенія.

Г. Луйе производилъ много изслѣдованій надъ соединеніями фтора. Результаты его изслѣдованій во многомъ различны отъ тѣхъ, которые были до сихъ поръ приняты химиками. Мы не можемъ войти здѣсь въ подробности объ этомъ предметѣ; желающіе могутъ обратиться къ журналу: Comptes rendus de l'Acad. des Sciences, tome XXIII, p. 960 — 975. Замѣчательны также опыты касательно опредѣленія вѣса атома фтора; извѣстно, что Берцеліусъ полагаетъ вѣсъ этотъ въ 248,48; по опытамъ г. Луйе, вѣсъ атома фтора выходитъ: 230,81.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА. — *8 ноября, 1846 года.* — Съ чего начать о Парижѣ? Развѣ съ брошюрнаго міра, который къ новому году заволновался непомѣрно, словно сумасшедшій передъ полнолуніемъ. Брошюрная литература, въ послѣдніе три мѣсяца, имѣла, какъ вы знаете, нѣсколько фазисовъ. Она шипѣла по змѣиному около выборовъ, свистала потомъ на Ротшильда и компанію желѣзныхъ дорогъ, а

Digitized by Google

теперь разразилась альманахами. Сколько ихъ, сколько ихъ! Соціяльные, популярные, и проч. и проч. Полфранковики такъ и скачутъ у меня за ними: это походитъ на травлю. Меня болѣе всего тѣшатъ усилія каждой партіи говорить съ народомъ народно и перетащить его на свою сторону. Ужь какъ они захваливаютъ его и какіе шелковые ковры разстилаютъ подъ ногами его: только удостой немножко поваляться въ теоріи нашей! Одинъ изъ этихъ альманаховъ, «de la France démocratique» взысканъ честію преслѣдованія. Его отобрали во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, еще неизвѣстно за что. За литографію ли, изображающую медаль скульптора Давида, въ честь ларошельскихъ сержантовъ, за статью ли противъ палаты перовъ, или за простонародныя пѣсенки на палату депутатовъ, которыя не совсѣмъ глупы. Вотъ образчикъ:

La chambr' c'est un coup d'oeil unique,
Et c'théâtre est en vérité
Bien plus gai qu' l' Ambigu-Comique
Et plus comiqu' que la Gaité! (bis)
Aux pièc's qu' on r'présent' les premières
L'jour est sombr' dans c' local fermé,
Mais on y voit beacoup d'lumières
Sitôt qu' l' lustre est allumé.

Остальное все въ романтическо-торжественномъ тонѣ Пьера Леру, который теперь въ своемъ *Revue sociale* измѣнилъ теорію распредѣленія богатствъ въ обществѣ, такъ, что часть каждаго работающаго опредѣляется уже не талантомъ его, а дѣйствительной нуждой (selon le besoin). Но гдѣ мѣрило? Это крайняя степень, до какой можетъ дойти сумазбродство сердца благороднаго и добродѣтельнаго! Остается только распредѣлять общественныя богатства по темпераментамъ, по расположенію къ брюнеткамъ и блондинкамъ (то-то бы хорошо!), и т. д. Странно, что о книгѣ «Considérations économiques» до сихъ поръ не говоритъ еще ни одинъ изъ журналовъ. Ужь не хотятъ ли они *похоронить* ее, какъ это бываетъ здѣсь, *молчаніемъ*, за желѣзную стойкость автора по среди партій и презрѣніе къ нимъ? Говорятъ, что Луи-Бланъ, доктрина котораго разбита въ прахъ авторомъ, лосѣдѣлъ отъ негодованія. А что, если бросимъ въ сторону религіозныя колебанія автора «Considérations économiques», читали ли вы когда нибудь книгу, которая яснѣе и убѣдительнѣе доказала бы, что цивилизація не можетъ отречься отъ самой себя, что всѣ ея побѣды какъ то: машины, конкуренція, раздѣленіе работъ и прочее невозвратно принадлежатъ человѣчеству, и что единственная помощь для общества заключается не въ благонамѣренныхъ *способахъ* исцѣленія, предлагаемыхъ со стороны, а только въ отысканіи *закона*, по которому богатства развиваются правильно и сами собой?...

Толпы народа бѣгутъ въ St. Germain l'Auxerrois смотрѣть вновь реставрированный порталъ его. Нынѣшнимъ утромъ потянулся и я за

Digitized by Google

ними и вынесъ оттуда весьма горестное впечатлѣніе, которое намѣренъ раздѣлить съ вами. Внутренность портала и оживные фронтоны дверей заняты фресками *Виктора Мотe* (Mottez), изображающими исторію Спасителя, съ распятіемъ надъ главнымъ входомъ. Разчлененные столбы, образующіе этотъ порталъ, или галлерею, покрыты во впадинахъ своихъ фигурами изъ Ветхаго и Новаго Завѣта: выдумка весьма неудачная, потому-что каждая фигура чудовищно жмется въ этомъ узкомъ пространствѣ и перегнута на самое себя. Это, впрочемъ, еще не самое противное. Главныя фрески выдержаны въ тонѣ новой римской школы. Ужь не говорю о бѣдномъ чахоточномъ колоритѣ, о рисункѣ безъ твердости и силы, о разрывчатости всего созданія, но замѣчаю только новый фактъ въ исторіи мистической живописи: во Франціи она стала замѣщать гримасой — выраженіе, вмѣсто духовнаго упоенія — является у ней *ступидитетъ*, съ вашего позволенія, и страшное, отчаянное отсутствіе всякой мысли, дѣлающее то, что произведенія ея походятъ на кафтанъ, ловко набитый, но висящій на палочкѣ. Такъ искусство, оскорбленное въ существѣ своемъ, отмщаетъ ложнымъ пророкамъ своимъ!... Я дожидаюсь выставки, чтобъ поговорить съ вами на просторѣ объ этомъ предметѣ. Знаете ли, что мнѣ кажется? Мнѣ кажется, что живописцы XIV и XV столѣтій *треченти́сты* и *кватроченти́сты* напрасно считаются людьми, переводившими въ искусство Божество и откровеніе. Они занимались выраженіемъ собственныхъ религіозныхъ созерцаній, а не опредѣленіемъ Божества, какъ отдѣльнаго міра, какъ объекта. Это было дѣло одного византійскаго искусства, а потому оно одно и *свято*. Наше отечество частію до сихъ поръ сохранило ея преданія, въ Европѣ же искусство это утерялось еще ранѣе Джіотто и Фанъ-Дейка, т. е. въ XIII столѣтіи. Вспомните, напримѣръ, падуанскіе фрески *Джіотто*. Тутъ главная задача, положенная художникомъ, состояла въ томъ, чтобъ отыскать красоту формы для религіозныхъ сюжетовъ и уловить выраженіе страсти, которая со всѣмъ тѣмъ проявляется у него еще весьма общно и неиндивидуально. Божественность сюжета тутъ только данная для постороннеи и ему чуждой цѣли. Указываютъ обыкновенно на школу *Перуджино*, на его задумчивыя лица, спокойствіе всѣхъ представленій, и святую тишину, разлитую въ нихъ. Очень хорошо; но надо весьма небольшое вниманіе, чтобъ увидѣть, какъ все это принадлежитъ только личности художника. Какъ повторялся до Перуджино, такъ и послѣ него будетъ повторяться тотъ неизмѣнный законъ, по которому нашъ умъ, силясь разрѣшить жизненныя противорѣчія, создаетъ граціозную мечту и за ней спасается отъ всѣхъ диссонансовъ, бурь и треволненій. Что тутъ есть общаго съ представленіемъ Божества, да и не профанація ли искать его въ человѣческой слабости, хотя и выраженной глубоко-художнически? Перейдемъ къ *Фра-Фіэзоле*, который особенно цитуется приверженцами мнѣнія, оспориваемаго мною. Здѣсь личность выступаетъ еще сильнѣе. Гдѣ ярче выразилось католическое *монашеское* воззрѣніе на жизнь,

Digitized by Google

какъ не у этого монаха? Не есть ли каждая его картина призывъ къ католическому монастырю, къ музыкальной обѣднѣ, къ торжеству обряда, къ дѣтямъ красивымъ, какъ ангелы, и возвышающимъ кадилы къ толпѣ доминиканцевъ, благоговѣйно стоящихъ передъ престоломъ? Все это, можетъ быть, очень похвально (а художественно оно чрезвычайно), но общаго опредѣленія Божества искать тутъ не слѣдуетъ. Другое дѣло византійское искусство! Съ самаго зародыша своего, имѣло оно цѣлью чисто и просто напомнить Его. Зная, чтоликъ человѣческій не въ состояніи дать никакого поясненія въ этомъ случаѣ, оно создало свои условные типы, имѣя въ виду только разбудить частное сознаніе и поднять его къ внутреннему созерцанію Божества. Такъ точно нѣкогда было и въ Европѣ. Кто не видалъ знаменитой *Pala d'oro* въ храмѣ св. Марка въ Венеціи? Это собраніе мозаиковыхъ картинъ по золотому полю, изображающихъ событія новаго завѣта, и черты изъ св. Марка, дѣланныя въ самомъ Константинополѣ въ X столѣтіи. Искусство занято тутъ не тѣмъ, чтобы осмотрѣть каждое явленіе со всѣхъ сторонъ и выразить его въ наибольшей полнотѣ, а напротивъ, взять только сторону самую простую, намекнуть ею безъ всякихъ подробностей о происшествіи и представить все остальное благочестивому воображенію самого зрителя. Искусство, какъ бы пораженное ужасомъ, отказывается отъ всѣхъ своихъ притязаній, но это-то самое и упрочиваетъ ему сильное вліяніе. И такъ всегда поступаетъ искусство символическое. Все же, что было сдѣлано послѣ Византіи, и все, что будетъ еще дѣлаться, не смотря ни на какіе порывы и стремленія, всегда было и всегда будетъ результатомъ личности человѣка, принадлежать только человѣку и объясняться его понятіями, наукой, исторіей и никогда не выходить изъ этого круга! Не такъ ли?...

Мнѣ случайно попался здѣсь на дняхъ одинъ славянскій сборникъ. Такъ какъ я давно уже не имѣлъ въ рукахъ русской книги, то съ радостію пробѣжалъ первую статью: «О современномъ направленіи искусствъ пластическихъ» (прилагательное на концѣ для колорита). Мы съ вами, кажется, говорили когда-то о невыгодахъ сильнаго литературнаго образованія. Знайте же, что самый блестящій примѣръ способности бесѣдовать о всякомъ предметѣ, безъ изученія его, находится, къ великому изумленію моему, не здѣсь, около меня, въ Парижѣ, подъ колонадой Магдалины, а тамъ, около васъ, подъ стѣнами Китай-города. Мастерство вводить лица и сказать о нихъ именно все то, что, смѣю выразиться такъ, связано почти со звуками ихъ именъ, но сказать особеннымъ оборотомъ, какъ будто заключающимъ новую мысль — это мастерство очень порядочно развито у васъ. Иногда, конечно, отъ трудности работы бываютъ и промахи. На стр. 34, при сужденіи о Меркуріи скульптора Джіованни болонскаго, я встрѣтилъ, напримѣръ, слѣдующій періодъ: «Не просто, непосредственно вылилась она (статуя): художникъ стремился придать особенную легкость и подвижность фигурѣ, утончая и облегчая формы

Digitized by Google

«тѣла; *онъ не чувствовалъ какова есть, но зналъ каковъ долженъ быть Меркурій и потому въ произведеніи замѣтна какая-то односторонность....* » Я подходилъ къ этому періоду и съ права, и съ лѣва, и en face: все напрасно. Онъ, какъ чудовищный сфинксъ, продолжалъ смотрѣть на меня тупо и безжизненно. Прибавьте еще къ этому старческую, особенно непріятную хитрость избѣгнуть результатовъ собственныхъ положеній, когда они открываютъ существенную, свѣтлую сторону противной партіи. Самая религіозная школа живописи въ Италіи, по мнѣнію автора, была умбрійская. Она несомнѣнно выросла въ лонѣ латинизма, но чтобъ отдѣлаться отъ уваженія къ нему, авторъ придумалъ слѣдующую фразу (стр. 45). Переходъ умбрійской школы къ другому направленію «доказалъ безсиліе западнаго католицизма удержаться въ предѣлахъ религіи ни живописи, ни тѣмъ болѣе другихъ «искусствъ» и проч. и проч. Очень ловко! Еще одна любопытная черта въ этой статьѣ. Нѣкоторыя изъ періодовъ ея до такой степени общи, что, какъ флагъ, могутъ развѣваться по волѣ вѣтра во всѣ стороны. Такъ и видно, что у нихъ нѣтъ корней ни въ трудѣ, ни въ мысли. Впрочемъ, мнѣ иногда это кажется слѣдствіемъ тѣхъ софистическихъ и праздныхъ диспутовъ, за которыми большая часть нашей молодежи теряетъ всякое чувство истины. Посмотрите сами (стр. 43) «Но сильное развитіе другихъ сторонъ жизни, независимыхъ отъ искусства, и внутренне сознаніе самого художника, пробуждаемое теоретическими направленіями, *препятствуетъ* искусству удалиться «отъ жизни дѣйствительной, какъ это было во время цвѣта Академіи»... Поставьте вмѣсто *препятствуетъ* способствуетъ, — мысль будетъ въ той же степени вѣрна, какъ теперь, — такъ отвлеченна она и такъ походитъ на тему *для* диспута! Статья эта заставила меня крѣпко задуматься о нашемъ образованіи, о классѣ общества, который его получаетъ и объ употребленіи, какое онъ дѣлаетъ изъ него. Уяснилось мнѣ одно слѣдующее: замѣчаніе о чужой гнилости еще не есть признакъ собственнаго здоровья... Но довольно объ этомъ.

Жизнь течетъ здѣсь въ Парижѣ пока еще весьма тихо и вяло, чему особенно способствуетъ катастрофа орлеанскаго наводненія. Многіе говорятъ, что и полное изданіе повѣстей Бальзака, подъ титломъ: «Comédie humaine», не мало помогло развитію общественной грусти. Не могу удержаться, чтобъ не передать вамъ одно замѣчаніе о Бальзакѣ, слышанное мною или въ театрѣ, или за обѣдомъ: «сочиненія Бальзака походятъ на корзинку ходячаго стекольщика: каждое стекло само по себѣ весьма тускло, а вмѣстѣ взятыя — они составляютъ массу, непроницаемую *для* свѣта». Очень мило!... Движеніе около театровъ, однакожь, начинаетъ видимо усиливаться. Въ Ambigu-Comique имѣла успѣхъ и, что называется, колосальный, — новая драма Сулье: *La closerie des genêts*. Дѣло тутъ въ двухъ отцахъ, подозрѣвающихъ каждый свою дочь въ незаконномъ составленіи ребенка и, вслѣдствіе сего, позволяющихъ себѣ самыя отчаянные тирады и поступки. Все улаживается, впрочемъ, благополучно послѣ многихъ испытаній и

Digitized by Google

страховъ. Умный посредникъ, маркизъ, изъ помиренныхъ легитимистовъ, успѣваетъ освободить обольстителя отъ жены, насильно ему навязавшейся, и возвратить его къ ногамъ жертвы, между тѣмъ какъ онъ, самъ маркизъ, беретъ, вѣроятно *за комиссію*, невинную ея подругу. Въ первыя представленія одобреніе публики близко подходило къ энтузіазму. Это заставило меня еще разъ серьёзно подумать о болѣзни, полученной мною еще въ молодости, и которую, за неимѣніемъ лучшаго, я называю: *позывомъ къ художественности*. Всякій разъ, какъ удавалось задавить этого червяка, гнѣздящагося во мнѣ, глазъ мой прояснялся, и я чувствовалъ себя здоровѣе. Нынче, выгнавъ его одной художественной статьей изъ славянскаго сборника, о которомъ уже упомянуто, я тотчасъ понялъ причину общаго восторга и законность его. Всѣ лица драмы взяты изъ жизни и вѣрно выражаютъ уровень, проходящій по всѣмъ слоямъ французскаго общества. Бретанскій мужикъ съ крестикомъ св. Лудовика, за вандейскую войну, подаетъ братски руку наполеоновскому генералу съ почетнымъ легіономъ. Блестящій замиренный маркизъ стоитъ между крестьянской дѣвушкой и барышней въ дружественныхъ отношеніяхъ, понимаемыхъ и той и другой. Отпускной солдатъ изъ Алжира идетъ рука въ руку съ артистомъ изъ Парижа. Не забыта даже дама большаго свѣта, родословная которой начинается въ бѣдной хижинѣ; но она нѣсколько оклеветана, и это чуть ли не существенный недостатокъ пьесы. Вотъ на какихъ лицахъ зиждется вся драма, и теперь понятно, отъ чего съ перваго раза вызвала она сочувствіе публики. — Вамъ, можетъ быть, пріятно будетъ узнать новую штуку неугомоннаго *Кабе*. Онъ уже давно на послѣднемъ листѣ своего «Populaire» печатаетъ похвальныя письма самому себѣ, получаемыя отъ лицъ всѣхъ сословій. Нынѣ сообщаетъ онъ новый варьянтъ панегирика. Какой-то господинъ, будучи при смерти, помѣстилъ въ своемъ завѣщаніи: «объявить Кабе глубочайшую благодар»ность за минуты наслажденія, доставленныя мнѣ, завѣщателю, чте»ніемъ икарійской системы». Почтенный покойникъ! Это, однако, еще не лучшая штука Кабе. Онъ повздорилъ съ фаланстеріанцами. Споръ вышелъ, кажется, изъ того, чтобъ узнать, которая изъ двухъ партій болѣе облагодѣтельствовала человѣчество. Изъ желанія очистить поскорѣе этотъ пунктъ, Кабе предлагаетъ Консидерану нанять общими силами большую залу въ хорошемъ кварталѣ города и держать публично диспутъ о достоинствѣ обѣихъ теорій, какъ во времена Абеляра! Дѣло остановилось за бездѣлицей — за позволеніемъ. Вѣроятно, администрація, мало заботящаяся объ интересѣ писемъ изъ за границы, лишитъ меня удовольствія видѣть одно изъ любопытнѣйшихъ засѣданій, какія представляло послѣднее десятилѣтіе. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что «National» возбудилъ презрительный смѣхъ въ консерваторахъ, потребовавъ для работниковъ публичныхъ засѣданій и права говорить о выгодахъ и невыгодахъ снятія таможень, какъ о дѣлѣ, въ которомъ они всего больше заинтересованы, — между тѣмъ какъ противники таможень — перы и мануфактуристы —

Digitized by Google

получили позволеніе составить общество и имѣть засѣданія. Какая же тутъ, Бога ради, зала для фантасмагоріи Кабе и Консидерана и для публичныхъ прѣній о томъ, чтобъ узнать, гдѣ будутъ слаще пить и ѣсть въ Искаріи или въ Фаланстерахъ?

Сегодня хоронятъ старика Дюперре у Инвалидовъ, но на дворѣ холодно и сыро, — и у меня нѣтъ охоты смотрѣть эту церемонію....

До слѣдующаго письма.

П. А—въ.

ПИСЬМА ИЗЪ КИТАЯ. — I. (*Макао.*) ....Въ Кантонѣ дни, предшествующіе отправленію почты, исполнены какой-то мучительной тревоги; не увидишь ни одного человѣка, который не писалъ бы и не считалъ. Въ это время, какъ нельзя болѣе кстати, пригласилъ меня г-нъ Ніе ѣхать съ нимъ въ Макао. 23-го числа вечеромъ выѣхали мы изъ города.

До войны съ Англичанами ни одна поѣздка необходилась безъ дозволенія мандариновъ, которые, сверхъ того, на пути мучили путешественника безпрерывными осмотрами и притѣсненіями. Благодаря войнѣ, всѣ эти безпокойства прекратились; въ продолженіи всего нашего путешествія мы, кромѣ противнаго вѣтра и волненія, не подвергались никакимъ непріятностямъ. Китайское судно изобразить нелегко: задняя часть его поднята очень высоко; руль неимовѣрной величины съ дырами (*для того, чтобы ослабить противодѣйствіе воды*); паруса изъ рогожъ и чрезвычайно странны. Посреди палубы построено нѣчто въ родѣ каюты, въ которой, кромѣ отдѣленій для прислуги и буфета, находится довольно просторная комната для пассажировъ.

На слѣдующее утро мы были остановлены приливомъ и стали на якорѣ ниже Вампоа. Передъ нами поднимались прекрасныя девятиэтажныя пагоды. Эти пагоды, хорошо извѣстныя по рисункамъ,— не храмы, но памятники историческихъ событій и часто весьма древніе. По несчастію, доступъ къ нимъ весьма труденъ для Европейцевъ: случалось, что въ нихъ запирали любопытныхъ посѣтителей.

Мы шли противъ вѣтра и потому подвигались очень тихо; послѣ обѣда миновали мы Бокка-Тигрисъ съ его китайскими укрѣпленіями. Наконецъ, вышли мы въ открытое море, и, смѣшно сказать, отъ короткой и непріятной качки нашей лодки всѣ сдѣлались больны, такъ что ни одинъ изъ насъ не прикоснулся къ обѣду. Вторая ночь застала насъ еще на пути; наши мореходцы выставили на палубѣ свои страшныя пищали, на случай нападенія морскихъ разбойниковъ. На слѣдующее утро мы шли уже въ лабиринтѣ утесистыхъ и безплодныхъ острововъ, разбросанныхъ въ устьѣ рѣки и вдоль всего берега. Высокій пикъ Линтинъ напомнилъ намъ богатую своими послѣдствіями контрабандную торговлю опіумомъ, которой здѣсь было главное пристанище. Макао достигли мы только къ 6 часамъ вечера,—90 или 100 миль въ 44 часа. Къ несчастію, въ то самое время начался отливъ, и, торопясь поспѣть засвѣтло, мы пристали къ берегу на часъ разстоянія отъ горо-

Digitized by Google

да, и уже пѣшкомъ окончили наше несчастное путешествіе. Макао весьма красиво расположенъ и хотя не поражаетъ великолѣпіемъ, но производитъ пріятное впечатлѣніе; надъ заливомъ, вдающимся полукружіемъ между небольшими холмами, тянется длинный рядъ прекрасныхъ, массивныхъ строеній улицы Праіа-Гранде. Надъ Праіа поднимается городъ и, перегибаясь на холмѣ, спускается по другую сторону мыса. Большая часть домовъ построена въ испанскомъ вкусѣ, прочно, высоко, со множествомъ оконъ и съ верандами (закрытыми дворами). Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, частяхъ города строенія китайскія, такъ какъ классъ рабочихъ людей состоитъ здѣсь по большей части изъ Китайцевъ. Здѣшніе Португальцы преимущественно смѣшаннаго происхожденія. Встрѣчаются также Негры и Мулатты; существуетъ рабство.

Я посѣтилъ нѣсколько англійскихъ и американскимъ семействъ. Съ Португальцами иностранцы не имѣютъ почти никакихъ сношеній. Изъ числа достопримѣчательностей гротъ Камоэнса пользуется всемірною извѣстностью; говорятъ, Камоэнсъ написалъ въ немъ Лузіаду. Этотъ гротъ находится въ большомъ саду, при входѣ во внутреннюю гавань. Садъ, давно запущенный, не сохранилъ даже слѣдовъ первоначальнаго расположенія, но богатство тропической природы съ избыткомъ замѣнило искусство. Гротъ, образованный тремя огромными камнями, поднимается между красивыми группами скалъ. Къ несчастію, владѣлецъ сада, руководствуясь собственнымъ вкусомъ, вздумалъ прилѣпить къ гроту выбѣленный портикъ съ китайскими фигурками и воздвигнуть на верху храмикъ. Едва ли гротъ въ настоящемъ своемъ видѣ могъ бы внушить кому нибудь поэму! Внутри находится бюстъ Камоэнса съ надписью на пьедесталѣ.

Возлѣ сада находится протестантское кладбище, очень красивое. Здѣсь между множествомъ Европейцевъ, погибшихъ въ дали отъ родины жертвою злой лихорадки или китайской ненависти, подъ простымъ камнемъ покоится великій миссіонеръ Мориссонъ съ сыномъ своимъ. Можно еще упомянуть о небольшомъ храмѣ, находящемся во внутренней гавани на выдавшемся утесѣ, единственномъ въ своемъ родѣ памятникѣ вычурнаго китайскаго вкуса. Къ нему ведутъ по крутому утесу узкія и извилистыя лѣстницы. Кругомъ небольшіе храмики съ красивыми кровлями, осѣненные вѣковыми деревьями. Скалы покрыты надписями, которыя относятся къ глубокой древности; при входѣ въ храмъ стоятъ два гранитные льва; въ пасть ихъ вложены искусно высѣченные шары, которыхъ невозможно вынуть. Жители полагаютъ въ простотѣ своихъ китайскихъ сердецъ, что въ тотъ день, когда львамъ вздумается выплюнуть эти шары, міръ почтетъ себѣ за долгъ разрушиться.

Въ Макао былъ я свидѣтелемъ китайской похоронной процессіи. Оглушительный шумъ китайской музыки заставилъ меня выдти на улицу. Гробъ, изъ выдолбленнаго дерева и покрытый краснымъ сукномъ, несли съ большой церемоніей. Тутъ были фонари, знамена, сто-

Digitized by Google

лы съ кушаньями для покойника и т. д. Шесть родственниковъ шли по сторонамъ гроба въ бѣлыхъ траурныхъ одеждахъ, до того подавленные горемъ, что верхняя часть ихъ тѣла находилась почти въ горизонтальномъ положеніи; въ рукахъ они держали жезлы, обернутые бѣлыми тряпками. Мало сказать: они плакали—они ревѣли. За ними слѣдовали женщины, не менѣе отчаянныя, блѣдныя, съ распущенными волосами, также въ бѣломъ, поддерживаемыя служанками. Я, безчувственный человѣкъ, не могъ удержаться отъ смѣха, котораго, впрочемъ, не счелъ нужнымъ скрывать, когда увидѣлъ, что и родственники покойнаго возвращались въ довольно спокойномъ расположеніи духа. Притомъ я зналъ, что при подобныхъ церемоніяхъ часто воютъ по найму.

Макао теперь свободный портъ; таже мѣра, три года тому назадъ, могла бы привлечь сюда купцовъ изъ пустаго, жаркаго и нездороваго Гонгъ-Конга, котораго обстроеніе дорого стоило; но теперь уже поздно. Англичане и тутъ предупредили Португальцевъ.

II. — (*Кантонъ, въ половинѣ мая*). — Пробывъ довольно долго въ Макао въ совершенномъ бездѣйствіи, 6-го числа утромъ я воспользовался рѣдкимъ и удобнымъ случаемъ возвратиться въ Кантонъ на пароходѣ Корсаръ. На пути я успѣлъ взглянуть на гавань Кумсингъ-мунъ, гдѣ теперь открыто производится торгъ опіумомъ. Въ Кумсингъ-мунѣ стояло уже нѣсколько англійскихъ и американскихъ судовъ, нагруженныхъ опіумомъ въ значительномъ количествѣ; съ ними также прибыло до 80 ящиковъ, которые мы здѣсь и сдали.

Утверждаютъ, что опіумъ ничѣмъ не отличается отъ водки и разрушительно дѣйствуя на нѣкоторыхъ, другими употребляется безъ вреда.

III. (*На бортѣ Брагинцы, въ концѣ мая.*)—Опять я въ дорогѣ, и намѣренъ на досугѣ досказать вамъ остальныя свои впечатлѣнія. Говоря откровенно, я нашелъ здѣсь мало занимательнаго. Въ первые дни васъ поражаетъ множество новыхъ и чуждыхъ предметовъ, но любопытство скоро удовлетворяется; безъ знанія языка прожить въ Китаѣ полъ-года все равно, что три недѣли. Я видѣлъ почти все, что можно видѣть, и довольно равнодушно оставляю государство «Середины». Передъ отъѣздомъ отправились мы, въ сопровожденіи образованнаго Китайца, стариннаго нашего пріятеля Кейгна, на чайную фабрику, на островѣ Гонанъ, напротивъ Кантона. Чай, приготовляемый здѣсь подъ названіемъ кантонскаго, весьма низкаго качества; хорошіе сорты растутъ на сѣверѣ подъ 30-мъ градусомъ сѣверной широты. Приготовленіе чая вездѣ, впрочемъ, одинаково. Чайный листъ по доставленіи его съ плантацій, часто еще разъ просушивается въ глиняныхъ котлахъ, на медленномъ огнѣ. Передъ каждымъ котломъ стоитъ работникъ и руками мѣшаетъ листъ. Зеленый чай производится посредствомъ берлинской лазури. По отобраніи немногихъ пожелтѣвшихъ листьевъ, весь чай пропускаютъ сквозь сито и раздѣляютъ на различные сорты, которые непосвященными въ таинства чайнаго производства счита-

Digitized by Google

ются произведеніями различныхъ округовъ и фабрикъ. Сортированный чай очищаютъ вѣялками; чайная пыль продается по той же цѣнѣ, какъ и самый чай. Наконецъ, его складываютъ въ знакомые намъ ящики, и работники притаптываютъ его ногами. Зеленый чай часто превращается въ черный, и черный въ зеленый, посредствомъ вытравливанія. Черный чай вообще дороже и лучше. Европейцы въ Кантонѣ употребляютъ смѣсь изъ обоихъ. Въ годъ или два чай теряетъ большую часть своей душистости; судите же по этому какую дрянь пьемъ мы, бѣдные жители сѣвера? Впрочемъ, сами Китайцы, для которыхъ свѣжій чай слишкомъ крѣпокъ, держутъ его отъ 10 до 15 лѣтъ. Въ Кантонѣ фунтъ хорошаго чаю стоитъ отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ доллара, лучшаго $1^1/_2$. Не знаю, портится ли чай отъ морского пути; я нигдѣ не пилъ такого чаю, какъ въ Лиѣ. При укладкѣ чаю принято за правило употреблять по возможности большіе ящики и складывать ихъ въ одно мѣсто. Караванный чай пользуется большой репутаціею. Онъ получается изъ сѣверныхъ провинцій и отправляется черезъ Кяхту въ Россію.

Чайная торговля въ Кантонѣ производится въ огромныхъ размѣрахъ. Въ «чайной комнатѣ» каждаго торговаго дома стоятъ иногда до 400 различныхъ обращиковъ чаю. Всѣ значительнѣйшіе дома держатъ особенныхъ людей, большей частью Англичанъ, которыхъ все занятіе состоитъ въ безпрерывномъ отвѣдываніи чаю. Чашки то и дѣло смѣняются передъ ними... Эти господа добываютъ хлѣбъ свой дѣйствительно въ потѣ лица!

Были мы также у одного купца, котораго страсть къ опіуму сгубила совершенно. Къ намъ вышелъ сперва братъ его и тотчасъ началъ говорить о губительномъ вліяніи опіума; вскорѣ появился самъ купецъ, задумчивый, блѣдный, со впалыми глазами и рѣзко обозначенными впадинами между щеками и верхнею губою, отличительнымъ признакомъ «курильщика». Онъ взялъ при насъ частичку опіума, долго мялъ и растиралъ его, потомъ намазалъ имъ небольшое отверстіе трубки, легъ на софу, поднесъ трубку къ свѣчкѣ и началъ понемногу втягивать въ себя дымъ. Трубки становится на полъ-минуты; пріятель нашъ выкуриваетъ ихъ по 20 — утромъ и столько же вечеромъ. Я довольствовался двумя и непочувствовалъ никакихъ дурныхъ послѣдствій. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ доходили до 5, — и поплатились мучительной тошнотою. Вкусъ дыма превосходный.

Мандарины смотрятъ сквозь пальцы на употребленіе опіума, хотя до сихъ поръ оно строго запрещено. Говорятъ, что почти всѣ Китайцы курятъ опіумъ.

Разскажу кое-что о нашемъ китайскомъ домашнемъ быту; онъ весь основанъ на чисто китайскихъ началахъ и терпится, какъ неизбѣжное зло. Въ великомъ царствѣ середины каждый отвѣчаетъ за своего непосредственнаго подчиненнаго и пользуется имъ по благоусмотрѣнью; старшіе мандарины выжимаютъ свои доходы изъ младшихъ; младшіе изъ низшихъ чиновниковъ, низшіе чиновники

Digitized by Google

изъ народа. Тоже самое происходитъ и въ домашнемъ китайскомъ быту Европейца. Въ главѣ его прислуги стоитъ и компрадоръ — дворецкій и казначей вмѣстѣ. Онъ отвѣчаетъ за всѣхъ служителей, выбираетъ ихъ самъ и торгуется съ ними; онъ же отвѣчаетъ и за все, что происходитъ въ домѣ. Каждый жилецъ съ нимъ ведетъ свои счеты. Дворецкій получаетъ деньги только на кухню и столъ, а обязанъ содержать весь домъ, мыть бѣлье и проч. Между тѣмъ, всѣ эти люди богатѣютъ Безспорно, отвратительное устройство!... Но иностранецъ, окруженный цѣлымъ населеніемъ нищихъ и обманщиковъ, невольно покоряется общему правилу, избавляющему его, по крайней мѣрѣ, отъ мелкихъ непріятностей. Въ слуги обыкновенно поступаютъ молодые люди отъ 14 до 20 лѣтъ изъ хорошихъ семействъ и прилично одѣтые. Они находятъ свои занятія весьма пріятными, и многіе изъ нихъ достигаютъ почтеннаго купеческаго званія. Привыкнувъ къ своему дѣлу, они становятся весьма проворны, но всегда сохраняютъ свое достоинство и ни-за-что, напримѣръ, не согласятся снять съ васъ сапоговъ: это уже дѣло куліевъ. Кулім — обыкновенные работники, бѣдно одѣтые, съ косою, обвитою вокругъ лба, отправляютъ всѣ тяжелыя и низкія работы. Слуги всегда обходятся съ ними съ высока и бѣдные кулім терпѣливо сносятъ это обращеніе.

Говорятъ, что Китаецъ, сколько бы ни жилъ въ домѣ Европейца, никогда не почувствуетъ никакой привязанности къ своему господину. Утверждаютъ даже, что Китайцы вообще не знаютъ благодарности. Они дѣйствительно большіе эгоисты; несчастное государственное устройство убиваетъ въ нихъ всѣ благородныя чувства; многоженство подрываетъ семейную жизнь. Кого же любить имъ?

Передъ отъѣздомъ я еще разъ побывалъ въ Вампоа, пристани европейскихъ судовъ, идущихъ въ Кантонъ. Вампоа лежитъ въ 15 англійскихъ миляхъ отъ Кантона и привлекательно своимъ мѣстоположеніемъ. Видъ совершенно китайскій: красивые зеленѣющіе холмы, фантастическіе храмы, кругомъ множество пагодъ и селеній. Рисовыя поля покрываютъ прибрежныя равнины. Мы рѣшились выйти на берегъ, хотя это и запрещено Европейцамъ. Въ особенности привлекала насъ хорошенькая деревня, окруженная со всѣхъ сторонъ кустарникомъ. Мы вошли въ красивыя ворота и пошли по мостовой, вдоль довольно простыхъ и грязныхъ строеній. Но вскорѣ незваныхъ гостей окружила вся деревенская молодежь, сопровождая насъ страшными воплями и возгласами: Фанъ-Квн-Ло (иностранецъ, чортъ-человѣкъ) и градомъ мелкихъ камней; такъ какъ эти камни могли достигнуть, наконецъ, размѣра кирпичей (которые, мимоходомъ замѣчу, въ Кантонѣ составляютъ главное оружіе черни противъ Фанъ-Квн-Ло), мы рѣшились отразить нападеніе. Купивъ кучу кашъ, самой мелкой монеты (1500 кашъ приходятся на 1 долларъ), мы рѣшились испытать дѣйствіе горсти «сребряниковъ» на политическое устроеніе умовъ жителей Вампоа. Опытъ удался сверхъ ожиданія. Около насъ собралось до 80 человѣкъ различнаго возраста, и борьба ихъ за эту

Digitized by Google

ничтожную монету представила намъ самое потѣшное зрѣлище. Отцы приводили съ собою малолѣтнихъ дѣтей; одного и того же ребенка подносили къ намъ разъ до трехъ разные люди. Въ сопровожденіи толпы грязныхъ, но почтительныхъ мальчишекъ достигли мы, наконецъ, своей лодки и оставили это мѣсто въ качествѣ общественныхъ благотворителей.

РОМАНЪ ВЪ ДЕВЯТИ ПИСЬМАХЪ.

I.

(Отъ Петра Иваныча къ Ивану Петровичу.)

Милостивый государь и драгоцѣннѣйшій другъ,
Иванъ Петровичъ!

Вотъ уже третій день, какъ я, можно сказать, гоняюсь за вами, драгоцѣннѣйшій другъ мой, имѣя переговорить о наинужнѣйшемъ дѣлѣ, и нигдѣ не встрѣчаю васъ. Жена моя вчера, въ бытность нашу у Семена Алексѣича, весьма кстати подшутила надъ вами, говоря, что васъ съ Татьяной Петровной вышла парочка непосѣдовъ. Трехъ мѣсяцовъ нѣтъ, какъ женаты, а уже неглижируете домашними своими пенатами. Мы всѣ много смѣялись,— отъ полноты искренняго расположенія нашего къ вамъ, разумѣется,— но, кромѣ шутокъ, безцѣннѣйшій мой, задали вы мнѣ хлопотъ. Говоритъ мнѣ Семенъ Алексѣичъ, что не въ клубѣ ли вы Соединеннаго Общества на балѣ? Оставляю жену у супруги Семена Алексѣича, самъ же лечу въ Соединенное Общество. Смѣхъ и горе! представьте мое положеніе: я на балъ—и одинъ, безъ жены! Иванъ Андреичъ, встрѣтившійся со мною въ швейцарской, увидѣвъ меня одного, немедленно заключилъ (злодѣй!) о необыкновенной страсти моей къ танцовальнымъ собраніямъ и, подхвативъ меня подъ руку, хотѣлъ было уже насильно тащить въ танцклассъ, говоря, что въ Соединенномъ Обществѣ тѣсно ему, развернуться негдѣ молодецкой душѣ, и что отъ пачули съ резедою у него голова разболѣлась. Не нахожу ни васъ, ни Татьяны Петровны. Иванъ Андреичъ увѣряетъ и божится, что вы непремѣнно на «Горе отъ Ума» въ Александрынскомъ Театрѣ.

Лечу въ Александрынскій Театръ: нѣтъ и тамъ. Сегодня утромъ думалъ васъ найти у Чистоганова, — не тутъ-то было. Чистогановъ шлетъ къ Перепалкинымъ — тоже самое. Однимъ словомъ, измучился совершенно: судите, какъ я хлопоталъ! Теперь пишу къ вамъ (нечего дѣлать!) Дѣло-то мое отнюдь не литературное (вы меня понимаете); лучше бы съ глазу на глазъ, крайне нужно объясниться съ вами и какъ можно скорѣе, и потому прошу ко мнѣ сегодня на чай и на вечернюю бесѣду, вмѣстѣ съ Татьяной Петровной. Моя Анна Михайловна будетъ крайне обрадована посѣщеніемъ вашимъ. Истинно, какъ говорится, по гробъ одолжите.

Digitized by Google

Кстати, безцѣннѣйшій другъ мой, — коли дѣло дошло до пера, то все въ строку, — нахожусь вынужденнымъ теперь же попенять вамъ отчасти и даже укорить васъ, почтеннѣйшій другъ мой, въ одной, повидимому, весьма невинной продѣлочкѣ, которою вы ало надо мной подшутили... злодѣй вы, безсовѣстный человѣкъ! Около половины прошедшаго мѣсяца вводите вы въ домъ мой одного знакомаго вашего, именно Евгенія Николаича, ассюрируете его дружеской и для меня, разумѣется, священнѣйшей рекомендаціей вашей; я радуюсь случаю, принимаю молодаго человѣка съ распростертыми объятіями и вмѣстѣ съ тѣмъ кладу голову въ петлю. Петля не петля, а вышла, что называется, штука хорошая. Объяснять теперь некогда, да на перѣ и неловко, а только нижайшая просьба до васъ, злорадственный другъ и пріятель, нельзя ли какимъ нибудь образомъ, поделикатнѣе, въ скобкахъ, на ушко, въ тихомолочку, пошептать вашему молодому человѣку, что есть въ столицѣ много домовъ, кромѣ нашего. Мочи нѣтъ, батюшка! Паламъ до ногъ, какъ говоритъ пріятель нашъ Симоневичъ. Свидимся, я вамъ все разскажу. Не въ томъ смыслѣ говорю, что молодой человѣкъ не взялъ, напримѣръ, на фасонѣ или душевными качествами, или въ чемъ нибудь тамъ другомъ оплошалъ. Напротивъ, онъ даже малый любезный и милый; но вотъ погодите, увидимся; а между тѣмъ, если встрѣтите его, то шепните ему, ради Бога, почтеннѣйшій. Я бы и самъ это сдѣлалъ, но вы знаете характеръ такой: не могу да и только. Вы же рекомендовали его. Впрочемъ, вечеромъ, во всякомъ случаѣ, подробнѣе объяснимся. А теперь до свиданія. Остаюсь, и пр.

PS. Маленькой у меня уже съ недѣлю прихварываетъ, и съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Страдаетъ зубенками; вырѣзываются. Жена все няньчится съ нимъ и груститъ, бѣдняжка. Пріѣзжайте. Истинно обрадуете насъ, драгоцѣннѣйшій другъ мой.

II.

(*Отъ Ивана Петровича къ Петру Иванычу.*)

Милостивый государь, Петръ Иванычъ!

Получаю вчера письмо ваше, читаю и недоумѣваю. Ищете меня Богъ знаетъ въ какихъ мѣстахъ, а я просто былъ дома. До десяти часовъ ожидалъ Ивана Иваныча Толоконова. Тотчасъ же беру жену, нанимаю извощика, трачусь и являюсь къ вамъ временемъ около половины седьмаго. Васъ дома нѣтъ, а встрѣчаетъ насъ ваша супруга. Жду васъ до половины одиннадцатаго; долѣе невозможно. Беру жену, грачусь, нанимаю извощика, завожу ее домой, а самъ отправляюсь къ Перепалкинымъ, думая не встрѣчу ли тамъ, но опять ошибаюсь въ расчетахъ. Пріѣзжаю домой, не сплю всю ночь, безпокоюсь, утромъ заѣзжаю къ вамъ три раза, въ 9, въ 10 и въ 11 часовъ, три раза трачусь, нанимаю извощиковъ, и опять вы меня оставляете съ носомъ.

Digitized by Google

Читая же ваше письмо, удивлялся. Пишете о Евгеніѣ Николаичѣ, просите шепнуть и не упоминаете, почему. Хвалю осторожность, но бумага бумагѣ рознь, а я нужныхъ бумагъ на папильотки женѣ не даю. Недоумѣваю, наконецъ, въ какомъ смыслѣ изволили мнѣ это все написать. Впрочемъ, если на то пошло, то чего же меня-то мѣшать въ это дѣло? Я носа своего не сую во всякую всячину. Отказать могли сами, вижу только, что объясниться нужно мнѣ съ вами короче, рѣшительнѣе, да къ тому же и время проходитъ. А я стѣсненъ и не знаю, что дѣлать придется, коли неглижировать условіями будете. Дорога на носу, дорога чего нибудь стоитъ, а тутъ еще жена хнычетъ: сшей ей бархатный капотъ по модному вкусу. На счетъ же Евгенія Николаича спѣшу вамъ замѣтить: навелъ я вчера, не теряя времени, окончательно справки, въ бытность мою у Павла Семеныча Перепалкина. У него своихъ 500 душъ въ Ярославской Губерніи, да отъ бабушки есть надежда получить въ 300 душъ подмосковную. Денегъ же сколько, не знаю, а я думаю, что вамъ это лучше знать. Окончательно прошу васъ назначить мнѣ мѣсто свиданія. Встрѣтили вчера Ивана Андреича и пишете, что объявилъ онъ вамъ, что я въ Александрынскомъ Театрѣ съ женою. Я же пишу, что онъ вретъ, и тѣмъ болѣе ему вѣры нельзя имѣть въ подобныхъ дѣлахъ, что онъ не далѣе, какъ третьяго дня, провелъ свою бабушку на осьми стахъ рублях ассигнаціями. Затѣмъ имѣю честь пребыть.

PS. Жена моя забеременѣла; ктому же она пуглива и чувствуетъ подъ часъ меланхолію. Въ театральныя же представленія иногда вводятъ пальбу и искусственно машинами сдѣланный громъ. И потому, боясь испугать жену, въ театры ея не вожу. Самъ же до театральныхъ представленій охоты большой не имѣю.

III.

(Отъ Петра Иваныча къ Ивану Петровичу.

Безцѣннѣйшій другъ мой,
Иванъ Петровичъ.

Виноватъ, виноватъ и тысячу разъ виноватъ, но спѣшу оправдаться. Вчера въ шестомъ часу, и какъ разъ въ то самое время, какъ мы съ истиннымъ участіемъ сердца о васъ вспоминали, прискакалъ нарочный отъ дядюшки Степана Алексѣича съ извѣстіемъ, что съ тетушкой худо. Боясь перепугать жену, неговоря ей ни слова, претекстую постороннее нужное дѣло, и ѣду въ домъ тетушки. Нахожу ее едва живу. Ровно въ пять часовъ послѣдовалъ съ нею ударъ, уже третій въ два года. Карлъ Ѳедорычъ, медикъ ихъ дома, объявилъ, что, можетъ быть, она не проживетъ и ночи одной. Судите о моемъ положеніи, драгоцѣннѣйшій другъ мой. Цѣлую ночь на ногахъ, въ хлопотахъ и горѣ! Утромъ только, истощивъ свои силы и удрученный тѣлесною и душевною немощью, прилегъ я у нихъ же на дива-

Digitized by Google

нѣ, забылъ сказать, чтобы во время меня разбудили, и проснулся въ половинѣ двѣнадцатаго. Тетушкѣ лучше. Ѣду къ женѣ; она, бѣдная, истерзалась, ожидая меня. Перехватилъ кусокъ кой-чего, обнялъ малютку, разувѣрилъ жену и отправился къ вамъ. Васъ нѣтъ дома. Нахожу же у васъ Евгенія Николаича. Отправляюсь домой, беру перо и теперь къ вамъ пишу. Не ропщите и не сердитесь на меня, искренній другъ мой. Бейте, рубите голову повинную съ плечъ, но не лишайте благорасположенія вашего. Отъ вашей супруги узналъ, что вечеромъ вы у Славяновыхъ. Буду тамъ непремѣнно. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаю васъ.

Теперь же остаюсь и т. д.

PS. Маленькій нашъ повергаетъ насъ въ истинное отчаяніе. Карлъ Ѳедорычъ прописалъ ему ревеньку. Стонетъ, вчера не узнавалъ никого. Сегодня же сталъ узнавать и лепечетъ все — папа. мама, бу... Жена въ слезахъ цѣлое утро.

IV.

(Отъ Ивана Петровича къ Петру Иванычу.)

Милостивый государь мой, Петръ Иванычъ!

Пишу къ вамъ у васъ, въ вашей комнатѣ, на вашемъ бюро; а прежде, чѣмъ взялся за перо, прождалъ васъ слишкомъ два часа съ половиною. Теперь позвольте же вамъ прямо сказать, Петръ Иванычъ, мое открытое мнѣніе, на счетъ всего этого скареднаго обстоятельства. Изъ вашего послѣдняго письма заключаю, что васъ ждутъ у Славяновыхъ, зовете меня туда, являюсь, сижу пять часовъ, а васъ небывало. Чтожь, я людей смѣшить что-ли, по вашему, долженъ? Позвольте, милостивый государь... Являюсь къ вамъ утромъ, надѣясь застать васъ и не подражая такимъ манеромъ нѣкоторымъ обманчивымъ лицамъ, которые ищутъ людей Богъ знаетъ по какимъ мѣстамъ, когда ихъ можно застать дома во всякое приличное-выбранное время. Дома и духа вашего не было. Не знаю, что удерживаетъ меня теперь высказать вамъ всю рѣзкую правду. Скажу только то, что вижу васъ, кажется, на попятномъ дворѣ, относительно нашихъ извѣстныхъ условій. И теперь только, соображая все дѣло, не могу не признаться, что рѣшительно удивляюсь хитростному вашего ума направленію. Ясно вижу теперь, что неблагопріятное намѣреніе свое питали вы съ давнихъ поръ. Доказательствомъ же такому моему предположенію служитъ то, что вы еще на прошлой недѣлѣ, почти непроизвольнымъ образомъ, овладѣли тѣмъ письмомъ вашимъ, на имя мое, адресованнымъ, въ которомъ сами изложили, хотя и довольно темно и нескладно, условія наши на счетъ весьма извѣстнаго вамъ обстоятельства. Боитесь документовъ, ихъ уничтожаете, а меня въ дуракахъ оставляете. Но я въ дуракахъ себя считать не позволю, ибо за такового меня доселѣ никто не считалъ, и всѣ на счетъ этого обстоя-

Digitized by Google

тельства обо мнѣ съ хорошей стороны относились. Открываю глаза. Сбиваете меня съ толку, туманите меня Евгеніемъ Николаичемъ, и когда я съ неразгаданнымъ мною доселѣ письмомъ вашимъ отъ седьмаго сего мѣсяца, ищу объясниться съ вами, вы назначаете мнѣ ложныя свиданія, а сами скрываетесь. Не думаете ли вы, милостивый государь, что я всего этого замѣтить не въ силахъ? Обѣщаете вознаградить меня за весьма хорошо вамъ извѣстныя услуги, относительно рекомендаціи разныхъ лицъ, а между тѣмъ, и неизвѣстно какимъ образомъ, устроиваете такъ, что сами у меня деньги берете безъ росписки значительными суммами, что было не далѣе, какъ на прошлой недѣлѣ. Теперь же, взявъ деньги, скрываетесь, да еще отрекаетесь отъ услуги моей, вамъ оказанной относительно Евгенія Николаича. Разсчитываете, можетъ быть, на скорый отъѣздъ мой въ Симбирскъ и думаете, что не успѣемъ концовъ свести съ вами. Но объявляю вамъ, торжественно и свидѣтельствуясь притомъ честнымъ словомъ моимъ, что если пойдетъ на то, то я нарочно готовъ буду еще цѣлыхъ два мѣсяца прожить въ Петербургѣ, а дѣла своего добьюсь, цѣли достигну и васъ отыщу. И мы умѣемъ подъ часъ дѣйствовать въ пику. Въ заключеніе же объявляю вамъ, что если вы сегодня же не объяснитесь со мною удовлетворительно, сперва на письмѣ, а потомъ личнымъ образомъ, съ глазу на глазъ, и не изложите въ вашемъ письмѣ вновь всѣхъ главныхъ условій, существовавшихъ между нами, и не объясните окончательно мыслей вашихъ на счетъ Евгенія Николаича, то я принужденъ буду прибѣгнуть къ мѣрамъ, вамъ весьма неблагопріятнымъ и даже самому мнѣ противнымъ.

Позвольте пребыть и т. д.

V.

(Отъ Петра Иваныча къ Ивану Петровичу.)

Ноября 11-го.

Любезнѣйшій, почтеннѣйшій другъ мой, Иванъ Петровичъ!

До глубины души моей я былъ огорченъ письмомъ вашимъ. И не совѣстно было вамъ, дорогой, но несправедливый другъ мой, такъ поступать съ лучшимъ доброжелателемъ вашимъ. Поторопиться, необъяснить всего дѣла и, наконецъ, оскорбить меня такими обидными подозрѣніями?! — Но спѣшу отвѣчать на обвиненія ваши. — Не застали вы меня, Иванъ Петровичъ, вчера потому, что я вдругъ и совсѣмъ неожиданно позванъ былъ къ одру умирающей. Тетушка Евфимія Николавна преставилась вчера вечеромъ, въ 11 часовъ пополудни. Общимъ голосомъ родственниковъ избранъ я былъ распорядителемъ всей плачевной и горестной церемоніи. Дѣлъ было столько, что я и поутру сегодня не успѣлъ увидѣться съ вами, ниже увѣдомить хоть строчкой письма. Скорбѣю душевно о недоразумѣніи, вы-

Digitized by Google

шедшемъ между нами. Слова мои о Евгеніѣ Николаевичѣ, высказанныя мною шутливо и мимоходомъ, приняли вы въ совершенно противную сторону, а дѣлу всему дали глубоко обижающій меня смыслъ. Упоминаете о деньгахъ и выказываете о нихъ свое безпокойство. Но не обинуясь, готовъ удовлетворить всѣмъ вашимъ желаніямъ и требованіямъ, хотя здѣсь, мимоходомъ, и не могу не напомнить вамъ, что деньги, 350 р. сер., взяты мною у васъ на прошлой недѣлѣ на извѣстныхъ условіяхъ, а не заимообразно. Въ послѣднемъ же случаѣ, непремѣнно бы существовала росписка. Не снизхожу до объясненій касательно остальныхъ пунктовъ, изложенныхъ въ вашемъ письмѣ. Вижу, что это недоразумѣніе, вижу въ этомъ вашу обычную скорость, горячность и прямоту. Знаю, что благодушіе и открытый характеръ вашъ не позволятъ оставаться сомнѣнію въ сердцѣ вашемъ, и что, наконецъ, вы же сами протянете первый мнѣ руку вашу. Вы ошиблись, Иванъ Петровичъ, вы крайне ошиблись!

Не смотря на то, что письмо ваше глубоко уязвило меня, я первый, и сегодня же, готовъ бы былъ къ вамъ явиться съ повинною, но я нахожусь въ такихъ хлопотахъ, съ самаго вчерашняго дня, что убитъ теперь совершенно и едва стою на ногахъ. Къ довершенію бѣдствій моихъ, жена слегла въ постель; боюсь серьёзной болѣзни. Что же касается до маленькаго, то ему, слава Богу, получше. Но бросаю перо.... дѣла зовутъ, а ихъ цѣлая куча. Позвольте, безцѣннѣйшій другъ мой, пребыть, и проч.

VI.

(Отъ Ивана Петровича къ Петру Иванычу.)

Ноября 14-го.

Милостивый мой государь, Петръ Иванычъ!

Я выждалъ три дня; употребить постарался ихъ съ пользою,—между тѣмъ, чувствуя, что вѣжливость и приличіе суть первыя украшенія всякаго человѣка, съ самаго послѣдняго письма моего, отъ десятаго числа сего мѣсяца, не напоминалъ вамъ о себѣ ни словомъ, ни дѣломъ, частію для того, чтобы дать вамъ исполнить безмятежно христіанскій долгъ, относительно тетушки вашей, частію же потому, что для нѣкоторыхъ соображеній и изысканій по извѣстному дѣлу имѣлъ во времени надобность. Теперь же спѣшу съ вами окончательнымъ и рѣшительнымъ образомъ объясниться.

Признаюсь вамъ откровенно, что при чтеніи первыхъ двухъ писемъ вашихъ я серьёзно думалъ, что вы не понимаете, чего я хочу; вотъ по какому случаю наиболѣе искалъ я свиданія съ вами и объясненія съ глазу на глазъ, боялся пера и обвинялъ себя въ неясности способа выраженія мыслей моихъ на бумагѣ. Извѣстно вамъ, что воспитанія и манеровъ хорошихъ я не имѣю и пустозвоннаго щеголь-

Digitized by Google

ства я чуждаюсь, потому-что по горькому опыту позналъ, наконецъ, сколь обманчива иногда бываетъ наружность, и что подъ цвѣтами иногда таится змѣя. Но вы меня понимали; не отвѣчали же инѣ такъ, какъ слѣдуетъ, потому, что вѣроломствомъ души своей положили заранѣ измѣнить своему честному слову и существовавшимъ между нами пріятельскимъ отношеніямъ. Совершенно же доказали вы это гнуснымъ поведеніемъ вашимъ, относительно меня въ послѣднее время, поведеніемъ, пагубнымъ для моего интереса, чего не ожидалъ я и чему вѣрить никакъ не хотѣлъ до настоящей минуты; ибо плѣненный въ самомъ началѣ знакомства нашего умными манерами вашими, тонкостію вашего обращенія, знаніемъ дѣлъ и выгодами, имѣвшими быть мнѣ отъ сообщества съ вами, я полагалъ, что нашелъ истиннаго друга, пріятеля и доброжелателя. Теперь же ясно позналъ, что есть много людей, подъ льстивою и блестящею наружностью скрывающихъ ядъ въ своемъ сердцѣ, употребляющихъ умъ свой на устроеніе козней ближнему и на непозволительный обманъ, и потому боящихся пера и бумаги, а вмѣстѣ съ тѣмъ и употребляющихъ слогъ свой не на пользу ближняго и отечества, а для усыпленія и обаянія разсудка тѣхъ, кои вошли съ ними въ разныя дѣла и условія. Вѣроломство ваше, милостивый государь мой, относительно меня, ясно можно видѣть изъ нижеслѣдующаго.

Во-первыхъ, когда я, въ ясныхъ и отчетливыхъ выраженіяхъ письма моего, изображалъ вамъ, милостивый государь мой, свое положеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ спрашивалъ васъ въ первомъ письмѣ моемъ, что̀ вы хотите разумѣть подъ нѣкоторыми выраженіями и намѣреніями вашими, преимущественно же относительно Евгенія Николаича, то вы по бо̀льшей части старались умалчивать и, возмутивъ меня разъ подозрѣніями и сомнѣніями, спокойно сторонились отъ дѣла. Потомъ, надѣлавъ со мной такихъ дѣлъ, которыхъ и приличнымъ словомъ назвать нельзя, стали писать, что вы огорчаетесь. Какъ это назвать прикажете, милостивый мой государь? Потомъ, когда каждая минута была для меня дорога и когда вы заставляли меня гоняться за вами на протяженіи всей столицы, писали вы подъ личиною дружбы мнѣ письма, въ которыхъ, нарочно умалчивая о дѣлѣ, говорили о совершенно посторонникъ вещахъ; именно о болѣзняхъ, во всякомъ случаѣ уважаемой мною вашей сунруги, и о томъ, что вашему малюткѣ ревеню дали, и что-де по сему случаю у него прорѣзался зубъ. Обо всемъ этомъ упоминали вы въ каждомъ письмѣ своемъ, съ гнусною и обидною для меня регулярностью. Конечно, готовъ согласиться, что страданія роднаго дѣтища терзаютъ душу отца, но для чего же упоминать объ этомъ тогда, когда нужно было совершенно другое, болѣе нужное и интересное. Я молчалъ и терпѣлъ; теперь же, когда время прошло, долгомъ почелъ объясниться. Наконецъ, нѣсколько разъ вѣроломно обманувши меня ложнымъ назначеніемъ свиданій, заставили меня играть, повидимому, роль вашего дурака и потѣшителя, чѣмъ я быть никогда не намѣренъ. По-

Digitized by Google

томъ, и пригласивъ меня къ себѣ предварительно, и какъ слѣдуетъ обманувъ, увѣдомляете меня, что отозваны были къ страдающей тетушкѣ вашей, получившей ударъ ровно въ пять часовъ, изъяснялся такимъ образомъ и тутъ съ постыдною точностью. Къ счастью моему, милостивый мой государь, въ эти три дня я успѣлъ навесть справки, и по нимъ узналъ, что тетушку вашу постигъ ударъ еще наканунѣ осьмого числа, незадолго до полночи. Посему случаю вижу, что вы употребили святость родственныхъ отношеній для обмана совершенно постороннихъ людей. Наконецъ, въ послѣднемъ письмѣ своемъ упоминаете и о смерти родственницы вашей, какъ бы приключившейся именно въ то самое время, когда я долженъ былъ явиться къ вамъ для совѣщаній объ извѣстныхъ дѣлахъ. Но здѣсь гнусность разсчетовъ и выдумокъ вашихъ превосходитъ даже всякое вѣроятіе, ибо, по достовѣрнѣйшимъ справкамъ, къ которымъ по счастливѣйшему для меня случаю успѣлъ я прибѣгнуть и кстати и во время, узналъ я, что тетушка ваша скончалась ровно цѣлыя сутки спустя послѣ безбожно опредѣленнаго вами въ письмѣ своемъ срока для кончины ея. Я не кончу, если буду исчислять всѣ признаки, по коимъ узналъ о вашемъ относительно меня вѣроломствѣ. Довольно даже того для безпристрастнаго наблюдателя, что во всякомъ письмѣ своемъ именуете вы меня своимъ искреннимъ другомъ и называете любезными именами, что̀ дѣлали, по моему разумѣнію, не для чего иного, какъ съ тѣмъ, чтобы усыпить мою совѣсть.

Приступлю теперь къ главному вашему относительно меня обману и вѣроломству, состоящему именно: въ безпрерывномъ умалчиваніи въ послѣднее время о всемъ томъ, что касается общаго нашего интереса, о безбожномъ похищеніи письма, въ которомъ, хотя темно и не совсѣмъ мнѣ понятно, объяснили вы наши обоюдныя условія и соглашенія, въ варварскомъ насильномъ займѣ 350 р. сер. безъ росписки, сдѣланномъ у меня въ качествѣ вашего половинщика; и, наконецъ, въ гнусной клеветѣ на общаго знакомаго нашего Евгенія Николаича. Ясно вижу теперь, что хотѣлось вамъ доказать мнѣ, что съ него, съ позволенія сказать, какъ съ козла, нѣтъ ни молока, ни шерсти, и что онъ самъ ни то, ни сё, ни рыба ни мясо, что и поставили ему въ порокъ въ письмѣ своемъ отъ 6 числа сего мѣсяца. Я же знаю Евгенія Николаича какъ за скромнаго и благонравнаго юношу, чѣмъ именно можетъ онъ и прельстить, и сыскать, и заслужить уваженіе въ свѣтѣ. Извѣстно тоже мнѣ, что вы каждый вечеръ, въ продолженіи цѣлыхъ двухъ недѣль, клали въ карманъ свой по нѣсколько десятковъ, а иногда и до сотни рублей серебромъ, держа палки и банки Евгенію Николаичу. Теперь же вы отъ этого всего отпираетесь и не только не соглашаетесь возблагодарить меня за старанія, но даже присвоили безвозвратно собственныя деньги мои, соблазнивъ меня предварительно качествомъ вашего половинщика и обольстивъ меня разными выгодами, имѣющими быть на долю мою. Присвоивъ же теперь беззаконнѣйшимъ образомъ себѣ мои и Евгенія

Digitized by Google

Николаича деньги, возблагодарить меня уклоняетесь, употребляя для сего клевету, которою и очернили безразсудно въ глазахъ моихъ того, кого я стараніями и усиліями своими ввелъ въ домъ вашъ. Сами же, напротивъ, по разсказамъ пріятелей, до сихъ поръ чуть-чуть не лижетесь съ нимъ и выдаете всему свѣту за первѣйшаго вашего друга, не смотря на то, что въ свѣтѣ нѣтъ такого послѣдняго дурака, который бы съ разу не угадалъ, къ чему клонятся всѣ ваши намѣренія и что̀ именно значатъ на дѣлѣ дружелюбныя и пріятельскія отношенія ваши. Я же скажу, что они значатъ обманъ, вѣроломство, забвеніе приличій и правъ человѣка, богопротивны и всячески порочны. Ставлю себя примѣромъ и доказательствомъ. Чѣмъ я васъ оскорбилъ и за что вы со мною такимъ безбожнымъ образомъ поступили?

Кончаю письмо. Я объяснился. Теперь заключаю: если вы, милостивый мой государь, въ наикратчайшее по полученіи письма сего время не возвратите мнѣ сполна, во 1-хъ, мною вамъ данной суммы, 350 р. сер. и, во 2-хъ, всѣхъ за тѣмъ слѣдующихъ мнѣ по обѣщанію вашему суммъ, то я прибѣгну ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы принудить васъ къ отдачѣ даже открытою силою; во-вторыхъ, къ покровительству законовъ, и, наконецъ, объявляю вамъ, что обладаю кое-какими свидѣтельствами, которыя, оставаясь въ рукахъ вашего покорнѣйшаго слуги и почитателя, могутъ погубить и осквернить ваше имя въ глазахъ цѣлаго свѣта.

Позвольте пребыть и проч.

VII.

(Отъ Петра Иваныча къ Ивану Петровичу.)

Ноября 15-го.

Иванъ Петровичъ!

Получивъ ваше мужицкое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, странное посланіе, я въ первую минуту хотѣлъ было разорвать его въ клочки, — но сохранилъ для рѣдкости. Впрочемъ, сердечно сожалѣю о недоразумѣніяхъ и непріятностяхъ нашихъ. Отвѣчать вамъ я было не хотѣлъ. Но заставляетъ необходимость. Именно сими строками объявить вамъ нужно, что видѣть васъ когда либо въ домѣ моемъ мнѣ будетъ весьма непріятно, равно и женѣ моей: она слаба здоровьемъ и запахъ дегтя ей вреденъ.

Жена моя отсылаетъ вашей супругѣ книжку ея, оставшуюся у насъ — Донъ-Кихота Ламанчскаго, съ благодарностью. Что же касается до вашихъ калошъ, будто бы забытыхъ вами у насъ во время послѣдняго посѣщенія, то съ сожалѣніемъ увѣдомляю васъ, что ихъ нигдѣ не нашли. Покамѣстъ ихъ ищутъ; но если ихъ совсѣмъ не найдутъ, тогда я вамъ куплю новыя.

Впрочемъ, честь имѣю пребыть и проч.

Digitized by Google

VIII.

Шестнадцатаго числа ноября, Петръ Иванычъ получаетъ по городской почтѣ на свое имя два письма. Вскрывая первый пакетъ, вынимаетъ онъ записочку, затѣйливо сложенную, на блѣдно розовой бумажкѣ. Рука жены его. Адресовано къ Евгенію Николаичу, число 2 ноября. Въ пакетѣ больше ничего не нашлось. Петръ Ивановичъ читаетъ:

Милый Eugène! Вчера никакъ нельзя было. Мужъ былъ дома весь вечеръ. Завтра же пріѣзжай непремѣнно ровно въ одиннадцать. Въ половинѣ одиннадцатаго мужъ отправляется въ Царское и воротится въ полночь. Я злилась всю ночь. Благодарю за присылку извѣстій и переписки. Какая куча бумаги! Неужели это все она исписала? Впрочемъ, есть слогъ; спасибо тебѣ; вижу, что любишь меня. Не сердись за вчерашнее и приходи завтра, ради Бога.

А.

IX.

Петръ Ивановичъ распечатываетъ второе письмо.

Петръ Иванычъ!

Нога моя и безъ того бы никогда не была въ вашемъ домѣ; напрасно изволили даромъ бумагу марать.

На будущей недѣлѣ уѣзжаю въ Симбирскъ; пріятелемъ безцѣннѣйшимъ и любезнѣйшимъ другомъ останется у васъ Евгеній Николаичъ; желаю удачи, а о калошахъ не безпокойтесь.

Семнадцатаго числа ноября, Иванъ Петровичъ получаетъ по городской почтѣ на свое имя два письма. Вскрывая первый пакетъ, вынимаетъ онъ записочку, небрежно и наскоро написанную. Рука жены его; адресовано къ Евгенію Николаичу, число 4 августа. Въ пакетѣ больше ничего не нашлось. Иванъ Петровичъ читаетъ:

Прощайте, прощайте, Евгеній Николаичъ! награди васъ Господь и за это. Будьте счастливы, а мнѣ доля лютая; страшно! Ваша воля была. Если бы не тетушка, я бы вамъ ввѣрилась такъ. Не смѣйтесь же ни надо мной, ни надъ тетушкой. Завтра вѣнчаютъ насъ. Тетушка рада, что нашелся добрый человѣкъ и беретъ безъ приданаго. Я въ первый разъ пристально на него поглядѣла сегодня. Онъ, кажется, добрый такой. Меня торопятъ. Прощайте, прощайте.... голубчикъ мой!! Помяните обо мнѣ когда нибудь; я же васъ никогда не забуду. Прощайте! Подпишу и это послѣднее, какъ первое мое... помните?

Татьяна.

Во второмъ письмѣ было слѣдующее:

Иванъ Петровичъ! Завтра вы получите калоши новыя; я ничего не привыкъ таскать изъ чужихъ кармановъ; также не люблю собирать по улицамъ лоскутки всякой всячины.

Евгеній Николаичъ на дняхъ уѣзжаетъ въ Симбирскъ, по дѣламъ своего дѣда, и просилъ меня похлопотать о попутчикѣ; не хотите ли?

Ѳ. Достоевскій.

Digitized by Google

ХОРЬ И КАЛИНЫЧЪ. *(Изъ записокъ охотника).* Кому случалось изъ болховскаго уѣзда перебраться въ жиздринскій, того, вѣроятно, поразила рѣзкая разница между породой людей въ Орловской Губерніи и калужской породой. Орловскій мужикъ не великъ ростомъ, сутуловатъ, угрюмъ, глядитъ изъ подлобья, живетъ въ дрянныхъ осиновыхъ избенкахъ, ходитъ на барщину; торговлей не занимается; ѣстъ плохо, носитъ лапти; — калужскій оброчный мужикъ обитаетъ въ просторныхъ сосновыхъ избахъ, высокъ ростомъ, глядитъ смѣло и весело, лицомъ чистъ и бѣлъ; торгуетъ масломъ, дегтемъ, и по праздникамъ ходитъ въ сапогахъ. — Орловская деревня (мы говоримъ о восточной части Орловской Губерніи) обыкновенно расположена среди распаханныхъ полей, близь оврага, кое-какъ превращеннаго въ грязный прудъ. Кромѣ немногихъ ракитъ, всегда готовыхъ къ услугамъ, да двухъ, трехъ тощихъ березъ, деревца на версту кругомъ не увидишь; изба лѣпится къ избѣ; крыши закиданы гнилой соломой.... Калужская деревня, напротивъ, большей частью окружена лѣсомъ; избы стоятъ вольнѣй и прямѣй, крыты тесомъ; ворота плотно запираются, плетень на задворкѣ не разметанъ и не вывалился наружу, не зоветъ въ гости всякую прохожую свинью. — И для охотника въ Калужской Губерніи лучше. Въ Орловской Губерніи послѣдніе лѣса и площадя (*) исчезнутъ лѣтъ черезъ пять; болотъ и въ поминѣ нѣтъ; въ Калужской, напротивъ. засѣки тянутся на сотни, болота на десятки верстъ, и не перевелась еще благородная птица тетеревъ, водится добродушный дупель и хлопотунья куропатка своимъ порывистымъ взлетомъ веселитъ и пугаетъ стрѣлка и собаку. — Въ качествѣ охотника посѣщая жиздринскій уѣздъ, сошелся я въ полѣ и познакомился съ однимъ калужскимъ мелкимъ помѣщикомъ, Полутыкинымъ, страстнымъ охотникомъ и, слѣдовательно, отличнымъ человѣкомъ. Водились за нимъ, правда, нѣкоторыя слабости: онъ, напримѣръ, сватался за всѣхъ богатыхъ невѣстъ въ губерніи, и, получивъ отказъ отъ руки и отъ дому, съ сокрушеннымъ сердцемъ довѣрялъ свое горе всѣмъ друзьямъ и знакомымъ, а родителямъ невѣстъ продолжалъ посылать въ подаркахъ кислые персики и другія сырыя произведенія своего сада; любилъ повторять одинъ и тотъ же анекдотъ, который, не смотря на уваженіе г-на Полутыкина къ его достоинствамъ, рѣшительно никогда никого не смѣшилъ; хвалилъ сочиненія Акима Нахимова и повѣсть: *Пинну;* занимался, называлъ свою собаку астрономомъ; вмѣсто *однако* говорилъ *одначе*, и завелъ у себя въ домѣ французскую кухню, тайна которой, по понятіямъ его повара, состояла въ полномъ измѣненіи естественнаго вкуса каждаго кушанья... Мясо у этого искусника отзывалось рыбой, рыба грибами, макароны порохомъ; за то ни одна марковка не попадала въ супъ, не принявъ

(*) Площадями называются въ Орловской Губерніи большія сплошныя массы кустовъ. Орловское нарѣчіе отличается вообще множествомъ своебытныхъ, иногда весьма мѣткихъ, иногда довольно безобразныхъ, словъ и оборотовъ.

Digitized by Google

вида ромба или трапеціи. Но за исключеніемъ этихъ немногихъ и незначительныхъ недостатковъ, г-нъ Полутыкинъ былъ, какъ уже сказано, отличный человѣкъ.

Въ первый же день моего знакомства съ г. Полутыкинымъ, онъ пригласилъ меня на ночь къ себѣ.

До меня верстъ пять будетъ, прибавилъ онъ: — пѣшкомъ идти далеко; зайдемте сперва къ Хорю. (Читатель позволитъ мнѣ не передавать его заиканья).

— А кто такой Хорь?—«А мой мужикъ. Онъ отсюда близехонько.»

Мы отправились къ нему.

Посреди лѣса, на расчищенной и разработанной полянѣ, возвышалась одинокая усадьба Хоря. Она состояла изъ нѣсколькихъ сосновыхъ срубовъ, соединенныхъ заборами; передъ главной избой тянулся навѣсъ, подпертый тоненькими столбиками. Мы вошли. Насъ встрѣтилъ молодой парень лѣтъ двадцати, высокій и красивый. «А, Ѳедя! дома Хорь?» спросилъ его г-нъ Полутыкинъ.

— Нѣтъ. Хорь въ городъ уѣхалъ, отвѣчалъ парень, улыбаясь и показывая рядъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, зубовъ.—Телѣжку заложить прикажете?

— Да, братъ, телѣжку. Да принеси намъ квасу.

Мы вошли въ избу. Ни одна суздальская картина не залѣпляла чистыхъ бревенчатыхъ стѣнъ; въ углу передъ тяжелымъ образомъ въ серебряномъ окладѣ теплилась лампадка; липовый столъ недавно былъ выскобленъ и вымытъ; между бревнами, по косякамъ оконъ, не скиталось рѣзвыхъ прусаковъ, не скрывалось задумчивыхъ таракановъ. Молодой парень скоро появился съ большой бѣлой кружкой, наполненной хорошимъ квасомъ, съ огромнымъ ломтемъ пшеничнаго хлѣба и съ дюжиной соленыхъ огурцовъ въ деревянной мискѣ. Онъ поставилъ всѣ эти припасы на столъ, прислонился къ двери и началъ съ улыбкой на насъ поглядывать. Не успѣли мы доѣсть нашей закуски, какъ уже телѣга застучала передъ крыльцомъ. Мы вышли. Мальчикъ лѣтъ пятьнадцати, кудрявый и краснощекій, сидѣлъ кучеромъ и съ трудомъ удерживалъ сытаго пѣгаго жеребца. Кругомъ телѣги стояло человѣкъ шесть молодыхъ великановъ, очень похожихъ другъ на друга и на Ѳедю. — «Все дѣти Хоря!» замѣтилъ Полутыкинъ. — Все «хорьки», подхватилъ Ѳедя, который вышелъ вслѣдъ за нами на крыльцо. — Да еще не всѣ; Потапъ въ лѣсу, а Сидоръ уѣхалъ съ старымъ Хоремъ въ городъ. — Смотри же, Вася, продолжалъ онъ, обращаясь къ кучеру: — духомъ сомчи; барина везешь. Только на толчкахъ-то смотри потише: — и телегу-то попортишь да и барское «черево» обезпокоишь! — Остальные Хорьки улыбнулись отъ выходки Ѳеди. «Подсадить астронома»! торжественно воскликнулъ г-нъ Полутыкинъ. Ѳедя не безъ удовольствія поднялъ на воздухъ принужденно улыбавшуюся собаку и положилъ ее на дно телѣги. Вася далъ возжи лошади. Мы покатили. «А вотъ это моя контора», сказалъ мнѣ вдругъ г-нъ Полутыкинъ, указывая на небольшой низень-

Digitized by Google

кій домикъ. «Хотите зайти?» — Извольте. — «Она теперь упразднена», замѣтилъ онъ, слѣзая: «а все посмотрѣть стоитъ». — Контора состояла изъ двухъ пустыхъ комнатъ. Сторожъ, кривой старикъ, прибѣжалъ съ задворья. «Здравствуй, Миняичъ», проговорилъ г-нъ Полутыкинъ. «А гдѣ же вода?» — Кривой старикъ исчезъ и тотчасъ вернулся съ бутылкой воды и двумя стаканами. «Отвѣдайте» сказалъ мнѣ Полутыкинъ. «Это у меня хорошая, ключевая вода». Мы выпили по стакану, при чемъ старикъ намъ кланялся въ поясъ. «Ну, теперь, кажется, мы можемъ ѣхать» замѣтилъ мой новый пріятель. «Въ этой конторѣ я продалъ куппу Аллилуеву четыре десятины лѣсу за выгодную цѣну». — Мы сѣли въ телѣгу и черезъ полчаса уже въѣзжали на дворъ господскаго дома.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ я Полутыкина за ужиномъ: — отчего у васъ Хорь живетъ отдѣльно отъ прочихъ вашихъ мужиковъ?

«А вотъ отъ чего: онъ у меня мужикъ умный. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, изба у него сгорѣла; вотъ и пришелъ онъ къ моему покойному батюшкѣ, говоритъ, дескать, позвольте мнѣ, Николай Кузьмичъ, поселиться у васъ въ лѣсу на болотѣ. Я вамъ стану оброкъ платить хорошій. — Да зачѣмъ тебѣ селиться на болотѣ? — Да ужь такъ; только вы батюшка, Николай Кузьмичъ, ни въ какую работу употреблять меня ужь не извольте, а оброкъ положите, какой сами знаете. — Пятьдесятъ рублевъ въ годъ. — Извольте. — Да безъ недоимокъ у меня смотри. — Извѣстно, безъ недоимокъ. — Вотъ онъ и поселился на болотѣ. Съ тѣхъ поръ Хоремъ его и прозвали. «Ну и разбогатѣлъ?» спросилъ я. — Разбогатѣлъ. Теперь онъ мнѣ сто цѣлковыхъ оброка платитъ; да еще я пожалуй накину. Я ужь ему не разъ говорилъ: откупись Хоръ, эй откупись!... А, онъ, бестія, меня увѣряетъ, что нечѣмъ, денегъ дескать нѣту. Да какъ бы не такъ»!....

На другой день мы тотчасъ послѣ чаю опять отправились на охоту. Проѣзжая черезъ деревню, г-нъ Полутыкинъ велѣлъ кучеру остановиться у низенькой избы и звучно воскликнулъ: «Калинычъ!»—Сей часъ, батюшка, сейчасъ, раздался голосъ со двора: — лапоть подвязываю». Мы поѣхали шагомъ; за деревней догналъ насъ человѣкъ, лѣтъ сорока, высокаго роста, худой, съ небольшой загнутой назадъ головкой: это былъ Калинычъ. Его добродушное, смуглое лицо, кое-гдѣ отмѣченное рябинами, мнѣ понравилось съ перваго взгляда. Калинычъ (какъ узналъ я послѣ) почти каждый день ходилъ съ барином на охоту, носилъ его сумку, иногда и ружье, замѣчалъ, гдѣ садится птица, доставалъ воды, набиралъ земляники, устроивалъ шалаши, бѣгалъ за дрожками; — безъ него г-нъ Полутыкинъ шагу ступить не могъ. Калинычъ былъ человѣкъ самаго веселаго, самаго кроткаго нрава, безпрестанно попѣвалъ въ полголоса, беззаботно поглядывалъ во всѣ стороны, говорилъ не много въ носъ, улыбаясь, прищуривалъ свои свѣтло-голубые глаза и часто бралъ рукою за свою жидкую, клиновидную бороду. Ходилъ онъ нескоро, но больши-

Digitized by Google

ми шагами, слегка подпираясь длинной и тонкой палкой. — Въ теченьи дня, онъ не разъ заговаривалъ со мною, услуживалъ мнѣ безъ раболѣпства; но за бариномъ наблюдалъ, какъ за ребенкомъ. Когда невыносимый полуденный зной заставилъ насъ искать убѣжища, онъ свелъ насъ на свою пасеку, въ самую глушь лѣса. Калинычъ отворилъ намъ избушку, увѣшенную пучками сухихъ душистыхъ травъ, уложилъ насъ на свѣжемъ сѣнѣ, а самъ надѣлъ на голову родъ мѣшка съ сѣткой, взялъ ножъ, горшокъ и головешку и отправился на пасеку вырѣзать намъ сотъ. Мы запили прозрачный, теплый медъ ключевой водой и заснули подъ однообразное жужжаніе пчелъ и болтливый лепетъ листьевъ. — Легкій порывъ вѣтерка разбудилъ меня.... Я открылъ глаза и увидѣлъ Калиныча; онъ сидѣлъ на порогѣ полураскрытый двери и ножомъ вырѣзывалъ ложку. — Я долго любовался его лицомъ, кроткимъ и яснымъ, какъ вечернее небо. — Г. Полутыкинъ тоже проснулся. Мы не тотчасъ встали. Пріятно послѣ долгой ходьбы и глубокаго сна лежать неподвижно на сѣнѣ: тѣло нѣжится и томится, легкимъ жаромъ пышетъ лицо, сладкая лѣнь смыкаетъ глаза. — Наконецъ, мы встали и опять пошли бродить до вечера. За ужиномъ я заговорилъ опять о Хорѣ да о Калинычѣ. «Калинычъ «добрый мужикъ» сказалъ мнѣ г. Полутыкинъ: «усердный и услу«ливый мужикъ; хозяйство въ исправности одначе содержать не мо«жетъ; я его все оттягиваю. Каждый день со мной на охоту ходитъ; «какое ужь тутъ хозяйство? Посудите сами». Я съ нимъ согласился, и мы легли спать.

На другой день г. Полутыкинъ принужденъ былъ отправиться въ городъ по дѣлу съ сосѣдомъ Пичуковымъ. Сосѣдъ Пичуковъ запахалъ у него землю, и на запаханной землѣ высѣкъ его же бабу. На охоту поѣхалъ я одинъ и нередъ вечеромъ завернулъ къ Хорю. На порогѣ избы встрѣтилъ меня старикъ лысый, низкаго роста, плечистый и плотный — самъ Хорь. Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на этого Хоря. Складъ его лица напоминалъ Сократа: такой же высокій, шишковатый лобъ, такіе же маленькіе глазки, такой же курносый носъ. Мы вошли вмѣстѣ въ избу. Тотъ же Ѳедя принесъ мнѣ молока съ чернымъ хлѣбомъ. Хорь присѣлъ на скамью и, преспокойно поглаживая свою курчавую бороду, вступилъ со мною въ разговоръ. Онъ, казалось, чувствовалъ свое достоинство, говорилъ и двигался медленно, изрѣдка посмѣивался изъ подъ длинныхъ своихъ усовъ.

Мы съ нимъ толковали о посѣвѣ, объ урожаѣ, о крестьянскомъ быту.... Онъ со мной все какъ будто соглашался; только потомъ мнѣ становилось совѣстно, и я чувствовалъ, что говорю не то.... Такъ оно какъ-то странно выходило... Хорь выражался иногда мудрено, должно быть изъ осторожности.... Вотъ вамъ образчикъ нашего разговора:

— Послушай-ка, Хорь, говорилъ я ему:—отъ чего ты не откупишься отъ своего барина?

— А для чего мнѣ откупаться? Теперь я своего барина знаю, и оброкъ свой знаю; баринъ у насъ хорошій.

Digitized by Google

— Все же лучше на свободѣ? замѣтилъ я.

Хорь посмотрѣлъ на меня сбоку. — Вѣстимо, проговорилъ онъ.

— Ну, такъ отъ-чего же ты не откупаешься?

Хорь покрутилъ головой. — Чѣмъ, батюшка, откупиться прикажешь?

— Ну, полно, старина....

— Попалъ Хорь въ вольные люди, продолжалъ онъ въ полголоса, какъ будто про себя: — кто безъ бороды живетъ, тотъ Хорю и набольшій....

— А ты самъ бороду сбрѣй.

— Что борода? Борода трава: скосить можно.

— Ну, такъ что жь?

— А знать Хорь прямо въ купцы попадетъ; купцамъ-то жизнь хорошая, да и тѣ въ бородахъ.

— А что, вѣдь ты тоже торговлей занимаешься? спросилъ я его.

— Торгуемъ помаленьку, маслишкомъ да дегтишкомъ. Что же телѣжку, батюшка, прикажешь заложить?

— Крѣпокъ ты на языкъ и человѣкъ себѣ на умѣ, подумалъ я. — Нѣтъ, сказалъ я вслухъ: — телѣжки мнѣ не надо; я завтра около твоей усадьбы похожу, и, если позволишь, останусь ночевать у тебя въ сѣномъ сараѣ.

— Милости просимъ. Да покойно ли тебѣ будетъ въ сараѣ? Я прикажу бабамъ послать тебѣ простыню и положить подушку. Эй, бабы! вскричалъ онъ, поднимаясь съ мѣста: — сюда бабы! А ты Ѳедя поди съ ними. Бабы вѣдь народъ глупый.

Четверть часа спустя, Ѳедя съ фонаремъ проводилъ меня въ сарай: Я бросился на душистое сѣно, собака свернулась у ногъ моихъ; Ѳедя пожелалъ мнѣ доброй ночи, дверь заскрипѣла и захлопнулась. Я довольно долго не могъ заснуть. Корова подошла къ двери, шумно дохнула раза два, собака съ достоинствомъ на нее зарычала.... Свинья прошла мимо, задумчиво хрюкая.... лошадь гдѣ-то въ близости стала жевать сѣно и фыркать... я, наконецъ, задремалъ.

На зарѣ Ѳедя разбудилъ меня. Этотъ веселый, бойкій парень очень мнѣ нравился, да, и сколько я могъ замѣтить, у стараго Хоря онъ тоже былъ любимцемъ. Они оба весьма любезно другъ надъ другомъ подтрунивали. — Старикъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу. Отъ-того ли, что я провелъ ночь подъ его кровомъ, по другой ли какой причинѣ, только Хорь гораздо ласковѣе вчерашняго обошелся со мной.

— Самоваръ тебѣ готовъ, сказалъ онъ мнѣ съ улыбкой: — пойдемъ чай пить.

Мы усѣлись около стола. Здоровая баба, одна изъ его невѣстокъ, принесла горшокъ съ молокомъ. Всѣ его сыновья поочередно входили въ избу. — «Что у тебя за рослый народъ!» замѣтилъ я старику.

— Да, промолвилъ онъ, откусывая крошечный кусокъ сахару: — на меня да на мою старуху жаловаться, кажись, имъ нечего.

Digitized by Google

— И всѣ съ тобой живутъ?

— Всѣ. Сами хотятъ, такъ и живутъ.

— И всѣ женаты?

— Вонъ одинъ пострѣлъ не женится, отвѣчалъ онъ, указывая на Ѳедю, который по прежнему прислонился къ двери. — Васька тотъ молодъ, тому погодить можно.

— А что мнѣ жениться? возразилъ Ѳедя: — мнѣ и такъ хорошо. На что мнѣ жена? Ласться съ ней, что ли?

— Ну, ужь ты.... Ужь я тебя знаю! кольца серебряныя носишь.... Тебѣ бы все съ дворовыми дѣвками нюхаться. Полноте, бесстыдники! продолжалъ старикъ, передразнивая горничныхъ. — Ужь я тебя знаю, бѣлоручка ты эдакой.

— А въ бабѣ-то что хорошаго?

— Баба работница, важно замѣтилъ Хорь. — Баба мужику слуга.

— Да на что мнѣ работница?

— То-то чужими руками жаръ загребать любишь. Знаемъ мы вашего брата.

— Ну женя меня, коли такъ. А? что! Что жь ты молчишь?

— Ну, полно-полно, балагуръ. Вишь, барина мы съ тобой безпокоимъ. Женю, не бось. А ты, батюшка, не гнѣвись: дитятко, видишь, малое, разуму не успѣло набраться.

Ѳедя покачалъ головой...—Дома Хорь? раздался за дверью знакомый голосъ—и Калиныч вошелъ въ избу съ пучкомъ полевой земляники въ рукахъ, которую нарвалъ онъ для своего друга, Хоря. Старикъ радушно его привѣтствовалъ. Я съ изумленіемъ поглядѣлъ на Калиныча: признаюсь, я не ожидалъ такихъ «нѣжностей» отъ мужика.

Я въ этотъ день пошелъ на охоту часами четырьмя позднѣе обыкновеннаго, и слѣдующіе три дня провелъ у Хоря. Меня занимали новые мои знакомцы. Не знаю, чѣмъ я заслужилъ ихъ довѣріе, но они непринужденно разговаривали со мной. Я съ удовольствіемъ слушалъ ихъ, и наблюдалъ за ними. Оба пріятеля ни сколько не походили другъ на друга. Хорь былъ человѣкъ положительный, практическій, административная голова, раціоналистъ; — Калиныч, напротивъ, принадлежалъ къ числу идеалистовъ, романтиковъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ. Хорь понималъ дѣйствительность, т. е. обстроился, накопилъ денежку, ладилъ съ барином и съ прочими властями; Калиныч ходилъ въ лаптяхъ и перебивался кое-какъ. Хорь расплодилъ большое семейство, покорное и единодушное; у Калиныча была когда-то жена, которой онъ боялся, а дѣтей и не бывало вовсе. Хорь насквозь видѣлъ г-на Полутыкина; Калиныч благоговѣлъ передъ своимъ господиномъ. Хорь любилъ Калиныча и оказывалъ ему покровительство; Калиныч любилъ и уважалъ Хоря... Хорь говорилъ мало, посмѣивался и разумѣлъ про себя. Калиныч объяснялся съ жаромъ, хотя и не пѣлъ соловьемъ, какъ бойкій фабричный человѣкъ, — словомъ, Хорь походилъ болѣе на Гёте, Калиныч болѣе на Шиллера.

Digitized by Google

Но Калинычъ былъ одаренъ преимуществами, которыя признавалъ самъ Хорь; напр., онъ заговаривалъ кровь, испугъ, бѣшенство, выгонялъ чертей; пчелы ему *далисъ*, рука у него была легкая. Хорь при мнѣ попросилъ его ввести въ конюшню новокупленную лошадь, и Калинычъ съ добросовѣстною важностью исполнилъ просьбу стараго скептика. Калинычъ, какъ человѣкъ непосредственный, стоялъ ближе къ природѣ—, Хорь же къ людямъ, къ обществу; Калинычъ не любилъ разсуждать и всему вѣрилъ слѣпо,—Хорь возвышался даже до критической точки зрѣнія на жизнь; напримѣръ: Изъ его разсказовъ узналъ я, что каждое лѣто передъ покосомъ появляется въ деревняхъ небольшая телѣжка особеннаго вида. Въ этой телѣжкѣ сидитъ человѣкъ въ кафтанѣ и продаетъ косы. На наличныя деньги онъ беретъ рубль двадцать пять копѣекъ, полтора рубля асс., въ долгъ—три рубля, и цѣлковый. Всѣ мужики, разумѣется, берутъ у него въ долгъ. Черезъ двѣ, три недѣли онъ появляется снова и требуетъ денегъ: у мужика овесъ только что скошенъ, стало быть, заплатить есть чѣмъ; онъ идетъ съ купцомъ въ кабакъ и тамъ уже расплачивается. Иные помѣщики вздумали было покупать сами косы на наличныя деньги и раздавать ихъ въ долгъ мужикамъ по той же цѣнѣ; но мужики оказались недовольчыми и даже впали въ уныніе: ихъ лишали удовольствія щелкать по косѣ, прислушиваться, перевертывать ее въ рукахъ и разъ двадцать спросить у плутоватаго мѣщанина-продавца: «А что, малый, коса-то небольно того?» Тѣ же самыя продѣлки происходятъ и при покупкѣ серповъ, съ тою только разницей, что тутъ бабы вмѣшиваются въ дѣло и доводятъ иногда самаго продавца до необходимости для ихъ же пользы поколотить ихъ. Но болѣе всего страдаютъ бабы вотъ при какомъ случаѣ. Поставщики матеріяла на бумажныя фабрики поручаютъ закупку тряпья особеннаго рода людямъ, которые въ иныхъ уѣздахъ называются «орлами». Такой орелъ получаетъ отъ купца рублей 200 асс. и отправляется на добычу. Но въ противность благородной птицѣ, отъ которой онъ получилъ свое имя, онъ не нападаетъ открыто и смѣло; напротивъ, онъ прибѣгаетъ къ хитрости и лукавству. Орелъ оставляетъ свою телѣжку гдѣ нибудь въ кустахъ около деревни, а самъ отправляется по задворьямъ да по задамъ, словно прохожій какой нибудь или просто праздношатающійся. Бабы чутьемъ угадываютъ его приближенье и крадутся къ нему на встѣчу. Въ торопяхъ совершается торговая сдѣлка. За нѣсколько мѣдныхъ грошей баба отдаетъ орлу не только всякую ненужную тряпицу, но часто даже мужнину рубаху и собственную панёву. Въ послѣднее время бабы нашли выгоднымъ красть у самихъ себя и сбывать такимъ образомъ пеньку, въ особенности «замашки», — важное распространеніе и усовершенствованіе промышленности орловъ! Но за то мужики, въ свою очередь, навострились, и при малѣйшемъ подозрѣньи, при одномъ отдаленномъ слухѣ о появленіи орла, быстро и живо приступаютъ къ исправительнымъ и предохранительнымъ мѣрамъ. И въ самомъ дѣлѣ, не обидно ли? пеньку продавать ихъ дѣло. И они ее точно продаютъ—

Digitized by Google

въ городѣ, въ городъ надо самимъ тащиться,—а пріѣзжимъ торгашамъ, которые за неимѣньемъ безмѣна считаютъ пудъ въ сорокъ горстей: а вы знаете, что за горсть и что за ладонь у русскаго человѣка, особенно когда онъ усердствуетъ.—Такихъ разсказовъ я, человѣкъ неопытный и въ деревнѣ не «живалый» (какъ у насъ въ Орлѣ говорится), наслушался вдоволь. Но Хорь не все разсказывалъ, онъ самъ меня распрашивалъ о многомъ. Узналъ онъ, что я былъ за границей, и любопытство его разгорѣлось... Калинычъ отъ него не отставалъ; но Калиныча болѣе трогали описанія природы, горъ, водопадовъ, необыкновенныхъ зданій, большихъ городовъ; Хоря занимали вопросы административные и государственные. Онъ перебиралъ все по порядку:—«Что у нихъ, это тамъ есть также, какъ у насъ? аль иначе! ну говори, батюшка, какъ же»?...—А! ахъ, Господи, твоя воля!... восклицалъ Калинычъ во время моего разсказа... Хорь молчалъ, хмурилъ густыя брови и лишь изрѣдка замѣчалъ, что «дескать это у насъ не шло бы, а вотъ это хорошо. Это порядокъ». Всѣхъ его распросовъ я передать вамъ не могу, да и не зачѣмъ; но изъ нашихъ разговоровъ я вынесъ одно убѣжденье, котораго, вѣроятно, не ожидаютъ читатели,—убѣжденье, что Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человѣкъ, русскій именно въ своихъ преобразованіяхъ. Русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя; онъ мало занимается своимъ прошедшимъ и смѣло глядитъ впередъ.—Что хорошо, то ему и нравится, что разумно, того ему и подавай, а откуда оно идетъ, ему все равно. Его здравый смыслъ охотно подтрунитъ надъ сухопарымъ нѣмецкимъ разсудкомъ; но Нѣмцы, по словамъ Хоря, любопытный народецъ и поучиться у нихъ онъ готовъ. Благодаря исключительности своего положенья, своей фактической независимости, Хорь говорилъ со мной о многомъ, чего изъ другаго рычагомъ не выворотишь, какъ выражаются мужики, жерновомъ не вымелешь. Онъ дѣйствительно понималъ свое положеніе. Въ десяти верстахъ отъ усадьбы находилось до тла разоренное село, принадлежавшее... ну, кому бы то ни было. Владѣлецъ этого села ходилъ, вѣроятно потѣхи ради, въ мурмолкѣ, и рубашку носилъ съ косымъ воротникомъ. Думаете ли вы, что Хорь промолчалъ объ этой мурмолкѣ, что эта мурмолка его ослѣпила? Какъ бы не такъ!... Толкуя съ Хоремъ, я въ первый разъ услышалъ простую, умную рѣчь русскаго мужика. Его познанья были довольно, по своему, обширны, но читать онъ не умѣлъ; Калинычъ умѣлъ. — Этому шалопаю грамота далась—замѣтилъ Хорь: у него и пчелы отродясь не мёрли. «А дѣтей ты своихъ выучилъ грамотѣ?» Хорь помолчалъ.—Ѳедя знаетъ.—«А другіе?»—Другіе не знаютъ.—«А что?»—Старикъ не отвѣчалъ и перемѣнилъ разговоръ. Впрочемъ, какъ онъ уменъ ни былъ, водились и за нимъ многіе предразсудки и предубѣжденія. Бабъ онъ, напримѣръ, презиралъ отъ глубины души, а въ веселый часъ тѣшился и надѣвался надъ ними. Жена его, старая и сварливая, цѣлый день не сходила съ печи и безпрестанно ворчала и бранилась; сыновья не обращали на

Digitized by Google

нее вниманія, но невѣстокъ она содержала въ страхѣ Божіемъ. Не даромъ въ русской пѣсенкѣ свекровь поетъ: «какой ты мнѣ сынъ, какой семьянинъ! Не бьешь ты жены, не бьешь молодой...» Я разъ было вздумалъ заступиться за невѣстокъ, попытался возбудить состраданіе Хоря; но онъ спокойно возразилъ мнѣ; что охота-де вамъ такими... пустяками заниматься; пускай бабы ссорятся; что̀ ихъ разнимать, то̀ хуже, да и рукъ марать не стоитъ. — Иногда злая старуха слѣзала съ печи, вызывала изъ сѣней дворовую собаку, приговаривая: «сюды, сюды, со̀бачка!» и била ее по худой спинѣ кочергой—или становилась подъ навѣсъ и «лаялась», какъ выражался Хорь, со всѣми проходящими. Мужа своего она, однакоже, боялась и по его приказанію убиралась къ себѣ на печь.—Но особенно любопытно было послушать споръ Калиныча съ Хоремъ, когда дѣло доходило до г-на Полутыкина...« Ужь ты, Хорь, у меня его не трогай», говорилъ Калинычъ. — А чтожь онъ тебѣ сапоговъ не сошьетъ? возражалъ тотъ. «Эка! сапоги... на что мнѣ сапоги? я мужикъ...» — Да вотъ и я мужикъ, а вишь — при этомъ словѣ Хорь подымалъ свою ногу и показывалъ Калинычу сапогъ, скроенный, вѣроятно, изъ мамонтовой кожи.— «Эхъ, да ты развѣ нашъ братъ!» отвѣчалъ Калинычъ. — Ну, хоть бы на лапти далъ; вѣдь ты съ нимъ на охоту ходишь; чай, что день, то лапти. — «Онъ мнѣ даетъ на лапти.» — Да, въ прошломъ году гривенникъ пожаловалъ. — Калинычъ съ досадой отворачивался, а Хорь заливался смѣхомъ, при чемъ его маленькіе глазки исчезали совершенно.

Калинычъ пѣлъ довольно пріятно и поигрывалъ на балалайкѣ. Хорь слушалъ, слушалъ его,—загибалъ вдругъ голову на бокъ и начиналъ подтягивать жалобнымъ голосомъ. Особенно любилъ онъ пѣсню: доля ты, моя доля! Ѳедя не упускалъ случая подтрунить надъ отцомъ. «Чего старикъ разжалобился?»—Но Хорь подпиралъ щеку рукой, закрывалъ глаза и продолжалъ жаловаться на свою долю... За то въ другое время не было человѣка дѣятельнѣе его. Вѣчно надъ чѣмъ нибудь копается, телѣгу чинитъ, заборъ подпираетъ, сбрую пересматриваетъ. Особенной чистоты онъ, однако, не придерживался, и на мои замѣчанія отвѣчалъ мнѣ однажды, что надо-де избѣ жильемъ пахнуть... — Посмотрика, возразилъ я ему: — какъ у Калиныча на пасекѣ чисто.... «Пчелы бъ жить не стали, батюшка, сказалъ онъ со вздохомъ...»

—А что, спросилъ онъ меня въ другой разъ:—у тебя своя вотчина есть? —«Есть.» — Далеко отсюда? —«Верстъ сто». — Чтожь ты, батюшка, живешь въ своей вотчинѣ?—«Живу». — А больше, чай, ружьемъ пробавляешься? —«Признаться, да.» — И хорошо, батюшка, дѣлаешь. Стрѣляй себѣ на здоровье, тетеревовъ, да старосту мѣняй почаще!

На четвертый день, вечеромъ, г. Полутыкинъ прислалъ за мной.

Жаль мнѣ было разставаться съ старикомъ. Вмѣстѣ съ Калинычемъ сѣлъ я въ телѣгу. «Ну, прощай, Хорь, будь здоровъ,» сказалъ я... «прощай, Ѳедя...»—Прощай батюшка, прощай, не забывай насъ.— Мы поѣхали. Заря только что разгоралась.—«Славная погода завтра бу-

Digitized by Google

детъ,» замѣтилъ я, глядя на свѣтлое небо. — «Нѣтъ, дождь пойдетъ,» возразилъ мнѣ Калинычъ: — утки вонъ плещутся, да и трава больно сильно пахнетъ.—Мы въѣхали въ кусты.... Калинычъ запѣлъ въ полголоса, подпрыгивая на облучкѣ, и все глядѣлъ да глядѣлъ на зорю...

На другой день я покинулъ гостепріимный кровъ г. Полутыкина.

Ив. Тургеневъ.

НОВЫЙ ПОЭТЪ. Я ни уменъ, ни глупъ, ни ученъ, ни неучъ, ни богатъ, ни бѣденъ, ни старъ, ни молодъ, ни красивъ, ни дуренъ, ни холостъ, ни женатъ. Я съ старикомъ — старикъ, съ юношей — юноша, съ умнымъ — уменъ, съ глупымъ — глупъ, съ неучемъ — неучъ, съ педантомъ—педантъ; я съ богачомъ—богатъ, съ бѣднякомъ—бѣденъ, съ женатымъ я женатъ, съ холостымъ — холостъ....

Я, словомъ, самъ не знаю, что я такое!... Несомнѣнно только, что я человѣкъ благовоспитанный и благонамѣренный....

У меня лицо блѣдное, оливковое—короче, геморроидальное; ноги какъ щепки, вообще мяса на костяхъ мало; я смотрю, какъ наканунѣ переселенія въ иной лучшій міръ, куда, между нами будь сказано, мнѣ смертельно не хочется; люблю пожаловаться на боль въ поясницѣ, въ груди, на простуду, на индижестію, а между тѣмъ, живу себѣ да живу, и долго буду жить, и многихъ толстяковъ переживу. Я живучь, ужасно живучь: обтерпѣлся!... Въ теченіи многихъ лѣтъ подвергался я вліянію опаснѣйшаго въ мірѣ климата и—уцѣлѣлъ... И ужь теперь—прошу извинить! смерть не скоро до меня доберется, и не мало ей будетъ работы за мной! Я какъ обдержавшееся полусгнившее дерево, которое давнымъ давно, ужь лѣтъ двадцать, скрипитъ, а не ломится... Только не трогайте его, только не пересаживайте, и оно, поскрипывая, простоитъ долго, долго... Конечно, я тоже поскрипываю. Но вѣдь самое бо̀льшее, можетъ быть, что у меня чахотка. Да чтожь такое чахотка?... Потому и люблю я кислую и больную природу, окружающую меня, потому именно не разстаюсь съ ней и никогда не разстанусь, чтобъ смѣяться надъ чахоткой, и, посмѣиваясь надъ ней, приготовлять себѣ съ помощью благонамѣренныхъ способовъ спокойную и безбѣдную старость....

Живу я какъ-то судорожно. Не то, чтобъ ужь у меня было очень много дѣла, но я вѣчно занятъ, занятъ по горло, все тороплюсь, и все не успѣваю. Я не хожу, а бѣгаю, бѣгаю даже, когда гуляю; у меня лицо озабоченное, походка озабоченная. Я все исполняю съ какою-то торопливостію: на службу бѣгу торопливо, торопливо разсказываю тамъ о вчерашнемъ спектаклѣ, торопливо забѣгаю къ Излеру, торопливо выпиваю свою чашку кофе, торопливо прочитываю газеты... впрочемъ, газетъ я не читаю, а нюхаю. Въ Петербургѣ вообще собственно не четаютъ, а нюхаютъ. Читать нужно время, расположеніе; зачитаешься—какъ разъ и дѣло упустишь! А нюхать можно всегда и вездѣ, не теряя ничего по службѣ и даже съ пользою для нея. Въ Петербургѣ всѣ

Digitized by Google

нюхаютъ. въ Петербургѣ есть даже люди, которые, взявъ листокъ французской газеты, держатъ его вверхъ ногами, а между тѣмъ, нюхаютъ, очень прилежно нюхаютъ. Вы можете встрѣтить такихъ нюхальщиковъ въ ресторацiяхъ и другихъ мѣстахъ. Я даже знаю французскiй языкъ и одинъ разъ въ мѣсяцъ нюхаю Journal des Débats. Да что и говорить? Я ничего не знаю и все знаю.... Заговорятъ о Наполеонѣ—я и о Наполеонѣ! Скажу, что человѣкъ великiй, и посланъ въ міръ для возвеличенiя и славы русской земли; прогремѣлъ и палъ, адѣюда закатилась, и съ жаромъ проделамирую: хвала! онъ русскому народу,—великiй жребiй указалъ! а не то: прошли тѣ дни, какъ взмахъ его руки, и тутъ рукой картинно взмахну. Бенедиктовъ мой поэтъ; я его смертельно люблю,—какiя сравненiя! Зайдетъ разговоръ отвлеченный—о любви къ отечеству, народной славѣ и гордости.... я тотчасъ тутъ о пространствѣ и о семи моряхъ,—пожалѣю, что мы увлекаемся подражанiемъ, недорожимъ своею народностiю, и буду, знаете, говорить съ такимъ жаромъ, что всякiй тотчасъ увидитъ, что я не только умный человѣкъ, но и любящiй свое отечество человѣкъ. Заговорили о Французахъ—я тотчасъ: народъ взбалмошный, легкомысленный, вѣтромъ подбитый,—ругну Жоржъ-Сандъ: сигару куритъ, ходитъ въ мужскомъ костюмѣ,—и насмѣшу, и другихъ научу, и себя съ нравственной стороны выставлю... Зайдетъ дѣло о русской литературѣ,—я Державина, Карамзина, Ломоносова: великiе были писатели, обезсмертили имя свое, славу отчизны увѣковѣчили,—и тутъ съ прискорбiемъ перейду къ тѣмъ, которые посягаютъ на ихъ вѣковѣчную славу, и съ такимъ негодованiемъ буду говорить, что слушающiе непремѣнно скажутъ: благонамѣренный человѣкъ! Словомъ, съумѣю обо всемъ говорить,—хоть не читалъ ни Ломоносова, ни Карамзина, ни Державина,—и нигдѣ не покажу себя неучемъ, выскочкой; противъ общаго мнѣнiя не пойду, амбицiи ни чьей не оскорблю, да и своей не уроню, я—травленый волкъ!... Я петербургскiй человѣкъ и ничто петербургское мнѣ не чуждо... И... знаете, какъ мнѣ дешево стоитъ, что я все такъ хорошо знаю, и обо всемъ могу говорить?... ничего! ровно ничего! я какъ будто родился со всѣмъ огромнымъ запасомъ моихъ свѣдѣнiй или вѣтеръ занесъ ихъ въ мою голову... А можетъ быть, я вычиталъ ихъ въ субботнихъ фельетонахъ «Сѣверной Пчелы», кромѣ которой съ недавняго времени я ничего не читаю.

Ничего! А прежде я читалъ много стиховъ. Я собственно съ тою цѣлiю и взялся за перо, чтобъ сказать вамъ, какъ я прежде любилъ стихи. Можетъ быть, нѣтъ человѣка, который помнилъ бы и десятую долю тѣхъ русскихъ поэтовъ, которыхъ я читалъ, которыми восхищался... Сколько ихъ! сколько ихъ! Отъ Бенедиктова, Языкова, Хомякова, Ростопчиной до Падерной и Шарша,—всѣ они приводили меня въ восторгъ. Но особенно любилъ я, разумѣется, Бенедиктова, Языкова, Хомякова, Кукольника. Бурная, клокочущая, гремящая и сверкающая поэзiя Бенедиктова, удалой, широкiй разгулъ Языкова,—

Digitized by Google

какъ было устоять противъ нихъ?... Мнѣ казалось, что я не могу ни такъ чувствовать, какъ Бенедиктовъ, ни такъ пить и предаваться разгулу, какъ Языковъ, и подавленный ихъ величіемъ, я падалъ передъ ними во прахъ. Въ тоскѣ пробовалъ я вспоминать собственныя ощущенія,—ничего похожаго! Сначала мнѣ показалось странно. Все же я человѣкъ, думалъ я въ неумѣстной и непростительной гордости:—я любилъ, страдалъ, кутилъ, порывы мщенія и ненависти, злобы и ревности набѣгали не разъ и на мою душу,—и между тѣмъ, ничего похожаго!.. Какъ у нихъ все широко, глубоко, могущественно! А мы, мы люди темные, чувствуемъ просто, кутимъ просто; гдѣ намъ до нихъ! Не безъ тоски и горечи сдѣлалъ я такое открытіе,—и по мѣрѣ того, какъ самъ я уничтожался въ собственныхъ глазахъ, благоговѣніе къ моимъ великимъ поэтамъ возрастало... Помню, какое впечатлѣніе производила на меня величавая, пророческая лира Хомякова. Великій! великій! повторялъ я, и уже видѣлъ передъ собою разрушающійся Альбіонъ, слышалъ вопли и стенанія униженной гордыни, звонъ злата, погубившаго преступныхъ стяжателей, видѣлъ другую страну возникающую, полную славы и чудесъ... А Кукольникъ! Его драматическія представленія, драмы, трагедіи... сколько разъ они сводили меня съ ума!... Но вотъ вкусъ измѣнился, настала въ русской поэзіи эпоха таинственной неопредѣленности, шутливой грусти, грустной иронія, настала гейневская эпоха; на петербургскихъ улицахъ начали появляться русые задумчивые и блѣдные юноши съ оттѣнкомъ болѣзненной иронія, никогда не сходящей съ лица, — я полюбилъ и эту новую поэзію, полюбилъ и этихъ новыхъ поэтовъ. Кругъ друзей моихъ увеличился, сердце мое расширилось. Вдругъ....

Однажды ночь была бурная и дождливая. Проигравшись въ пухъ, я пѣшкомъ приплелся домой, схватилъ перо и началъ писать стихи. Я писалъ то, чего никогда не чувствовалъ, о чемъ никогда не думалъ, чего никогда со мной не случалось; я попробовалъ даже пророчить, нечувствуя въ себѣ способности предсказать грозу за часъ до ея наступленія,— ничего! Рука не останавливалась, перо повиновалось рукѣ, слова ложились на бумагу послушно и чотко, изъ словъ выходили стихи... Я писалъ долго, и когда пересталъ, очутился авторомъ десяти стихотвореній... Странно! Съ тѣхъ поръ какъ ни возьму котораго нибудь изъ моихъ поэтовъ, мнѣ все кажется, что я читаю собственныя мои стихотворенія, и на оборотъ: читая иногда собственное стихотвореніе, я принимаю его за стихотвореніе котораго нибудь изъ моихъ любимыхъ поэтовъ. Любимыхъ? увы! Съ тѣхъ поръ я разлюбилъ ихъ; я сталъ любить и читать только себя... Но самому быть единственнымъ читателемъ своихъ стихотвореній мнѣ, наконецъ, надоѣло. Я рѣшился выступить въ свѣтъ, и предлагаю вамъ прочесть нѣсколько моихъ стихотвореній.

Digitized by Google

I.

МОГИЛА.

Съ эффектомъ громовымъ, побѣдно и мятежно
Ты въ мірѣ пронеслась кометой неизбѣжной
И бѣдныхъ юношей толпами на повалъ,
Какъ молнія, твой взглядъ и жегъ и убивалъ!
Я помню этотъ взглядъ фосфорно-ядовитый,
И локонъ смоляной, твоимъ искусствомъ взбитый,
Небрежно падавшій до раскаленныхъ плечъ,
И пламенемъ страстей клокочущую рѣчь;
Двухолмной груди блескъ и узкой ножки стройность,
Во всѣхъ движеніяхъ разгаръ и безпокойность
И припекавшія лобзаньями уста —
Вѣнецъ красы твоей, о дѣва-красота!
Я помню этотъ мигъ, когда царица бала,
По льду паркетному сильфидой ты летала,
И какъ дыханіе въ груди моей тая,
Взирая на тебя, страдалъ и рвался я,
Какъ нынѣ рвусь я, безумецъ одинокой,
Надъ сей могилою, заглохшей и далекой.

II.

СЕРЕНАДА.

Въ томной вѣгѣ утопая,
Сладострастія полна,
Лунным свѣтомъ облитая,
Вотъ Севилья, вотъ она!

Упоительно-прекрасенъ,
И вкушая сладкій миръ,
Вотъ онъ блещетъ, гордъ и ясенъ,
Голубой Гвадалквивиръ!

Близъ порфировыхъ ступеней,
Надъ заснувшею водой,
Тамъ, гдѣ двѣ сплелись сирени -
Андалузецъ молодой:

Шляпа съ длинными полями,
Плащъ закинутъ на плечо,
Двѣ морщины надъ бровями,
Взоръ сверкаетъ горячо.

Подъ плащомъ его — гитара
И кинжалъ — надежный другъ,
Въ мысляхъ — только донья Клара....
Чу! — и вдругъ гитары звукъ....

Digitized by Google

Съ первымъ звукомъ у балкона
Промелькнула будто тѣнь,
То она, въ тѣни лимона
Хороша, какъ ясный день!

То она — и онъ трепещетъ,
Звуки льетъ, какъ соловей,
Заливается — и мещетъ
Огнь и пламень изъ очей.

Донья внемлетъ въ упоеньи,
Ей отрадно и легко,
Въ этихъ звукахъ, въ этомъ пѣньи
Все такъ бурно-глубоко!

Подъ покровомъ темной ночи,
Пѣсни пламенной въ отвѣтъ,
Потупляя скромно очи,
Донья бросила букетъ.

Въ томной мглѣ утопая,
Сладострастія полна,
Лунным свѣтомъ облитая,
Вотъ Севилья, вотъ она!...

III.

ПРОГРЕССЪ.

Въ былые наши дни, въ дни юности задорной,
Въ дни забубенные бурсацкихъ смутъ и бурь,
Любили мы, друзья, одинъ напитокъ вздорный,
Одно шипучее!... Но эта блажь и дурь
Давнымъ-давно прошла. Остепенившись, нынѣ
На жизнь взираемъ мы смиренно и умно
И уважительны къ ея мы благостынѣ,
Лишь чествуя одно солидное вино!
Лѣта уносятъ все, въ права вступаетъ мѣра,
Не бражничаемъ мы отъ утра до утра,
И развиваетъ насъ портвейнъ и мадера...
И, можетъ быть, близка желанная пора,
Когда вникъ истинѣ и жаждѣ благородной,
Свое славянское достоинство сознавъ,
Ковшами будемъ пить напитокъ свой, народной,—
Простое пѣнное, чистѣйшее, безъ травъ!

Digitized by Google

IV.

КЪ ***.

Почтительно любуюся тобою
Издалека.... Ты яркой красотою.
Какъ пышный цвѣтъ, торжественно полна,
Ты царственно, ты дивно создана!

Прикинешься-ли въ блистающей каретѣ,
Тобою безкорыстно вдохновленъ,
Творю тебѣ обычный мой поклонъ.
Нимало не заботясь объ отвѣтѣ.

Окружена поклонниковъ толпой,
Сидишь ли ты въ великолѣпной ложѣ,
Я думаю: «Какъ хороша, о Боже!»
Едва восторгъ удерживая мой...

Души моей высокое стремленье.
Мой драгоцѣнный, задушевный кладъ!
Брось на меня хоть мимоходомъ взглядъ, —
Твой каждый взглядъ родитъ стихотворенье...

V.

REQUIEM.

Въ ушахъ моихъ Requiem страшно звучалъ
И мрачно на улицахъ было,
Лишь тамъ на верху огонекъ чуть мерцалъ
Сквозь красную штору у милой.

И холодъ по жилахъ моихъ пробѣжалъ
И сердце болѣзненно сжалось;
Я болѣе года ея не видалъ...
Что съ ней, съ моей милою, сталось?

Темна была ночь, ночь была холодна
И вѣтеръ свистѣлъ такъ уныло....
Въ гробу, какъ живая лежала она —
И полночь на башнѣ пробило.

VI.

Она стояла у окна
И въ даль свой тусклый взоръ вперяла,
Печально блѣдная луна
Поля и лѣсъ осеребряла,

Digitized by Google

И подымался паръ съ полей,
И пѣлъ въ дубравѣ соловей. –
И пѣсни звучныя сливались
Съ благоуханьемъ чудныхъ розъ,
А, между тѣмъ, верхи берёзъ
Отъ вѣтра тихо колебались.

На первый разъ довольно. У меня много стихотвореній, и я еще успѣю познакомить васъ съ ними. Я пишу также и прозой.... когда нибудь познакомитесь и съ нею. Проза моя похожа на мои стихи и на меня самого, а каковъ я, о томъ въ началѣ статьи предложены краткія свѣдѣнія. Я человѣкъ нравственный и глубоко правдивый: не хочу вводить читателя въ заблужденіе и заставлять его ждать отъ меня болѣе, чѣмъ я могу ему дать. Потому-то я и началъ съ очерка собственнаго моего характера. По моему, каждый начинающій авторъ долженъ такъ поступать; даже не худо, если онъ означитъ свой чинъ, лѣта и департаментъ, въ которомъ служитъ, а если не живетъ въ столицѣ, то адресъ лица, чрезъ которое можно отнестись къ нему въ случаѣ надобности. Необходимость адреса уже понята, и вы знаете, что одинъ литераторъ, и притомъ весьма знаменитый, уже внялъ ея голосу.... Я скоро пошлю ему свои замѣтки, или лучше я сдѣлаю изъ нихъ статью и самъ ее напечатаю, а теперь на прощанье разскажу вамъ одинъ фактъ, очень любопытный и назидательный....

Отказавшись, по причинѣ, которую вы знаете, отъ чтенія нашихъ знаменитыхъ поэтовъ, я иногда немогу воздержаться отъ искушенія заглянуть въ стихотворенія, подъ которыми встрѣчаются новыя имена. Такъ въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» съ нѣкотораго времени замѣчалъ я стихи, отмѣчаемые то буквами *А. С.*, то полной фамиліей: *А. Славинъ*. На меня, много лѣтъ не пропускавшаго непрочтеннымъ ни одного русскаго стиха, стихотворенія г. Славина всегда производили странное дѣйствіе, — не то, чтобъ я ихъ самъ написалъ или читалъ, а такъ все кажется, будто я ихъ зналъ наизустъ, когда еще о г. Славинѣ не было и помина.... Впечатлѣніе странное, разгадка котораго скоро сдѣлалась для меня мучительной задачей, задѣвшей заживо мое самолюбіе. Наконецъ, попался мнѣ 11 № «Репертуара» за 1846 годъ; я наткнулся на стихотвореніе, подписанное А. С., и тотчасъ увидѣлъ, что г. А. Славинъ открылъ новый способъ писать стихи. Способъ очень благовоспитанный: возьми книжку стараго журнала, напримѣръ, «Телескопа», сыщи тамъ стихотвореніе, какое понравится, ну, хоть стихотвореніе г. А. Станкевича «Мгновеніе»,—заглавіе уничтожь вовсе, замѣнивъ его звѣздочкой, а хватитъ смыслу—придумай другое; нѣсколько словъ измѣни, удержавъ, впрочемъ, риемы (потому-что новыя риемы подбирать трудно) и смѣло выдавай за свое.... Что стихотвореніе г. Славина, о которомъ я говорю, написано именно такимъ способомъ,— я сейчасъ вамъ докажу. Сличайте!

Digitized by Google

Стихотвореніе, напечатанное въ «Телескопѣ», 1832 года, №5; стр. 173.

Мгновенія.

Есть для души священныя мгновенья:
Тогда она чужда земныхъ заботъ,
Просвѣтлена лучомъ преображенья
И жизнію небесною живетъ.

Борьбы ужъ нѣтъ; стихаютъ сердца муки:
Въ немъ царствуютъ гармонія и миръ—
И стройно жизнь перелилася въ звуки
И зиждется изъ звуковъ новый міръ.

И радужной блеститъ тотъ міръ одеждой,
Имъ блескъ небесъ какъ-будто отраженъ;
Онъ дышетъ въ немъ любовью и надеждой,
Онъ вѣрою какъ солнцемъ освѣщенъ.

И зримъ тогда незримый царь творенья:
На всемъ лежитъ руки его печать:
Душа свѣтла... Въ минуту вдохновенья
Хотѣлъ бы я на Божій судъ предстать.

А. Станкевичъ.

Стихотвореніе, напечатанное въ «Репертуарѣ», 1846 года, № 11, стр. 293.

(вмѣсто заглавія—звѣздочка).

Есть *у* души *высокія* мгновенья,
Когда далекая и чуждая заботъ—
Она озарена лучемъ преображенья
И *вдохновеніемъ* живетъ.

Въ ней все—восторгъ... смолкаютъ сердца муки
И воцаряются гармонія и миръ —
Внимайте — жизнь перелилась *вся* въ звуки
И возстаетъ изъ звуковъ новый міръ.

Тотъ міръ повитъ чудесной пѣлвною,
Въ немъ неба міръ и славы отраженъ
И дышетъ все любовью *неземною*...
Онъ вѣрой и *блаженствомъ окрещенъ*.

Раскрылись небеса! смотрите, царь творенья,—
На всемъ *видна* его руки печать....
Какъ хорошо душѣ.... въ минуты вдохновенья
Желалъ бы я предъ Господомъ предстать...

А. С.

Говорятъ, со времени «Воскресныхъ Посидѣлокъ» г. Бурнашева въ русской литературѣ не запомнятъ такого явленія....

Читатель видитъ, что разсказъ мой, подтвержденный неоспоримымъ фактомъ, не принадлежитъ къ такимъ, о которыхъ можно сказать:

Больше ничего
Не вынешь изъ разсказа моего,—

Я, однакожь, ничего не прибавлю... Мнѣ пора поставить точку и подписаться. У меня престранная фамилія, — извините! Такая странная, что даже страшно подписывать. Лучше ужь не подпишу.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ. Мы лѣнивы и не любопытны, справедливо сказалъ объ насъ Пушкинъ. Мы весьма мало заботимся о томъ, что происходитъ около насъ. Но мы похожи на скупцовъ, которые если рѣшаются, наконецъ, угостить кого нибудь, бросаютъ деньги за окно и лѣтомъ топятъ комнаты; если чему нибудь удалось занять наше любопытство, мы только объ этомъ и толкуемъ, дѣлимся на партіи, споримъ съ жаромъ, споримъ съ убѣжденіемъ, и черезъ нѣсколько времени погружаемся опять въ обычное наше равнодушіе. Теперь насъ преимущественно занимаютъ и волнуютъ цирки....

Мы лѣнивы и нелюбопытны, правда; но мы неравнодушны къ нашимъ славамъ. Мы даже въ этомъ отношеніи готовы впасть въ дру-

Digitized by Google

гую крайность и, вѣроятно съ намѣреніемъ доказать старой Европѣ, что и мы отъ нея не отстали, не скупимся на названья: геній, геніальный человѣкъ, талантъ, великій талантъ, нѣчто необыкновенное, и проч. Парадоксъ Бюффона: геній есть терпѣнье, часто сбывается у насъ; кто больше работаетъ, кто чаще напоминаетъ о себѣ, тотъ у насъ и великій человѣкъ; но живутъ между нами дѣйствительно геніальные люди, которыми со временемъ не мы одни, Русскіе, будемъ гордиться. Къ числу такихъ несомнѣнно-славныхъ именъ принадлежитъ имя Витали. Всѣ Русскіе знаютъ это имя, но далеко не всѣ знакомы съ его произведеніями. Мы намѣрены сообщить нашимъ читателямъ нѣсколько свѣдѣній объ нихъ и о самомъ г. Витали.

Г. Иванъ Витали родился въ Петербургѣ отъ италіянскихъ родителей, въ 1794 году, молодость провелъ въ Петербургѣ, потомъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ занимался лѣпными работами;—въ 1835 году, во всей силѣ и зрѣлости своего таланта, возвратился опять къ намъ на сѣверъ. Россіи онъ никогда не покидалъ—что, можетъ быть, еще болѣе упрочило самобытность его дарованія. Впрочемъ, этимъ мы нисколько не хотимъ сказать, будто бы поѣздка въ Италію, классическую страну искусства, безполезна для начинающихъ художниковъ; напротивъ—она необходима. — Такіе счастливо-одаренныя природы, какъ г. Витали, слишкомъ рѣдки; въ другой странѣ, вѣрный и здравый смыслъ, чувство истины и простоты, отличительныя качества дарованія г. Витали, ни въ какомъ случаѣ не дали бы ему впасть въ подражаніе; въ манеру, принять условные типы школы. Какъ бы ни было сильно впечатлѣніе, произведенное на людей съ самостоятельнымъ талантомъ образцами великихъ мастеровъ, оно никогда въ нихъ не проявится рабской подражательностію. Въ мастерской г. Витали видѣли мы, напр., модель Богородицы съ Христомъ и Іоанномъ Крестителемъ — группу, отъ которой вѣетъ Рафаэлемъ (а именно его Альбскій Мадонной) и между-тѣмъ, это прекрасное произведеніе, въ художественномъ смыслѣ, собственность г. Витали.—Всѣмъ жителямъ Петербурга знакомы его два знаменитые барельефа на фронтонахъ Исакіевской церкви: поклоненіе Волхвовъ и благословеніе св. Исакіемъ императора Ѳеодосія. Въ особенности поразителенъ своей обдуманной гармоніей, единствомъ дѣйствія, характеристикой каждаго лица, и высокой красотою—первый. Помѣщеніе барельефа въ фронтонъ затрудняется необходимостью согласоваться съ покатостью верхнихъ линій; крайнія фигуры въ обоихъ углахъ треугольника поневолѣ должны быть представлены сидящими или лежащими, между тѣмъ, какъ само содержаніе барельефа не всегда этого требуетъ. Заставитъ забыть зрителя объ этомъ неудобствѣ, не только не казаться стѣсненнымъ условіями даннаго пространства, но напротивъ извлечь изъ нихъ красоту, это большое торжество, которое не далось ни Лемеру, ни Давиду (въ фронтонахъ Мадлены и Пантеона). Правда, самый сюжетъ южнаго фронтона исакіевской церкви: *Поклоненіе* Волхвовъ, представилъ художнику въ *этомъ* отношеніи менѣе затрудненій, но достоинство не-

Digitized by Google

принужденной и гармонической группировки, только одно изъ достоинствъ этого барельефа. Какъ цѣломудренна и прекрасна вся фигура Богородицы! Какого страстнаго обожанія исполнена фигура распростертаго царя! Какъ хороши пастухи, пришедшіе на поклоненіе Спасителю! — (г. Витали соединилъ поклоненіе волхвовъ съ пришествіемъ пастуховъ въ Виѳлеемъ). Какое наконецъ мастерство въ драпировкѣ!— Другой барельефъ г. Витали отличается, можетъ быть, еще бо́льшею обдуманностію, бо́льшимъ искусствомъ, но не производитъ на насъ такого полнаго впечатлѣнія какъ «поклоненіе волхвовъ.» Связь отдѣльныхъ лицъ въ одно цѣлое, въ одну группу, не такъ ясна для зрителя, опять таки вслѣдствіе содержанія барельефа. — Но и этотъ барельефъ образцовое произведеніе. Главная группа: Императоръ съ женой — передъ св. Исакіемъ, поразительна, хотя, можетъ быть, нѣсколько переходитъ за черту ваянія, спокойнаго пластическаго искусства. Вообще мы должны замѣтить, что кое-гдѣ, весьма впрочемъ рѣдко, видно въ произведеніяхъ г. Витали вліяніе господствующей у насъ живописной школы, которая, не смотря на всѣ свои несомнѣнныя достоинства, грѣшитъ иногда театральностію и стремленіемъ за эффектомъ, а такой недостатокъ, болѣе всѣхъ другихъ, противорѣчитъ самой сущности ваянія. За то, когда г. Витали предается собственному вдохновенію, онъ до того простъ, граціозенъ, величавъ и трогателенъ, что мы рѣшительно ставимъ его выше всѣхъ современныхъ ваятелей, всѣхъ ваятелей нынѣшняго столѣтія. Напримѣръ, мы ничего не знаемъ прекраснѣе его барельефа: «Христосъ, входящій въ Іерусалимъ», который будетъ находиться надъ великолѣпными дверьми церкви. Г. Витали — реалистъ, въ хорошемъ смыслѣ этого слова; въ трудахъ его незамѣтно вліянія старыхъ условныхъ формъ, отъ которыхъ и сильные таланты не всегда могутъ вполнѣ отрѣшиться; онъ дѣйствительно свободный художникъ: всѣ его фигуры живы, человѣчески прекрасны; кто-то очень мѣтко сравнилъ его съ Пуссенемъ. Онъ въ высокой степени одаренъ чувствомъ мѣры и равновѣсія; его художественный взглядъ ясенъ и вѣренъ, какъ сама природа. Никакихъ «замашекъ», никакой манерности, никакихъ претензій, ни одной способности, развитой на счетъ другихъ—счастливая организація! Мы не могли видѣть его апостоловъ (ихъ теперь отливаютъ), но смѣло надѣемся на побѣду нашего соотечественника надъ Торвальдсеномъ, который, при всей силѣ своего таланта, до конца не могъ достигнуть наивной простоты, выпутаться изъ множества ложныхъ или полуистинныхъ художественныхъ и жизненныхъ воззрѣній. Между множествомъ прекрасныхъ моделей въ мастерской г. Витали замѣтили мы превосходный барельефъ; «Исакій, уносимый на небо тремя ангелами», надъ которымъ мы застали художника; бюстъ покойной Великой Княжны Александры Николаевны, такъ рано похищенной смертію; извѣстную его Богородицу съ ребенкомъ-Христомъ.... Столько граціи при такой силѣ! Невольно вспомнишь стихъ Гёте:

«Nur aus vollendeter Kraft blicket die Anmuth hervor.»

Digitized by Google

Желаемъ г. Витали долгіе годы счастливой дѣятельности... Мы это желаемъ ему—и Россіи.

— Вышли въ свѣтъ рисунки къ Священной Исторіи Ветхаго Завѣта, сдѣланные нашимъ извѣстнымъ художникомъ г. Сапожниковымъ. Мы успѣли только взглянуть на нихъ и потому не можемъ дать обстоятельнаго отчета объ ихъ художественномъ достоинствѣ. Но и при первомъ взглядѣ мы убѣдились, что это изданіе займетъ у насъ одно изъ первыхъ мѣстъ между изящными произведеніями своего рода. Самая мысль употребить свой талантъ на такой высшій предметъ, какъ событія библейскія, есть мысль счастливая и общеполезная. Желаемъ всевозможнаго успѣха этому столько же назидательному, сколько и изящному труду. Мы надѣемся еще возвратиться къ нему, чтобы поговорить подробнѣе и точнѣе.

Скажемъ кстати нѣсколько словъ о предпріятіи, которое во всякомъ случаѣ достойно похвалы, если не за исполненіе, по крайней мѣрѣ, за намѣреніе и добросовѣстный трудъ. Мы говоримъ о рисункахъ къ «Мертвымъ Душамъ» Гоголя. Браться за типы, созданные этимъ великимъ мастеромъ, страшно... И мы не можемъ скрыть отъ г. Агина, что они ему невполнѣ дались. Мы помнимъ его рисунки къ «Тарантасу,» къ «Помѣщику»: типы тѣ приходились его таланту по плечу,—и нельзя было не радоваться его работѣ. Со стороны внѣшняго исполненія рисунки къ «Мертвымъ душамъ» чрезвычайно удовлетворительны; рисованы и рѣзаны на деревѣ очень хорошо... иные даже приближаются къ истинѣ, но только приближаются, только намекаютъ на настоящее пониманіе. Мы не знаемъ, покидалъ ли г. Агинъ когда нибудь Петербургъ, но всѣ его лица—чисто петербургскія и вовсе не провинціальныя. Маниловъ смотритъ юнымъ здѣшнимъ чиновникомъ, охотникомъ до бильярдной игры и литературныхъ занятій; мужики являются петербургскими дворниками, содержателями постоялыхъ дворовъ; (см. вып. 1-й, листъ 2.); Селифанъ превратился въ Чухонца, Ноздревъ такъ да не такъ (что чрезвычайно непріятно).. Но главный промахъ—фигура Чичикова. Это толстое, коротконогое созданьице, вѣчно одѣтое въ чорный фракъ, съ крошечными глазками, пухлымъ лицомъ и курносымъ носомъ,—Чичиковъ? да помилуйте, Гоголь же самъ намъ говоритъ, что Чичиковъ былъ ни тонокъ, ни толстъ, ни безобразенъ, ни красивъ. Чичиковъ весьма благовиденъ и благонамѣренъ; въ немъ рѣшительно нѣтъ ничего рѣзкаго и даже особеннаго, а между тѣмъ, онъ весь съ ногъ до головы—Чичиковъ. Уловить такой замѣчательно оригинальный типъ, при отсутствіи всякой внѣшней оригинальности, можетъ только весьма большой талантъ. Иныя лица: Порфирій, Межуевъ довольно порядочны.... но ни Собакевичъ, ни жена его, ни Коробочка, ни Плюшкинъ не дались г. Агину. Что дѣлать?

Tel brille au second rang, qui s'éclipse au premier.

Но мы все таки должны похвалить гг. издателей за и. доброе намѣреніе, трудолюбіе и отчетливость.

Вотъ, напримѣръ, г-ну Степанову удались его фигурки. Онъ истин-

Digitized by Google

ный карикатуристъ. Подмѣтить смѣшныя стороны человѣка, безжалостно вытащить ихъ на свѣтъ Божій, не нарушая, впрочемъ, его личности такъ что всякій съ перваго взгляда узнаетъ жертву — должно быть, превеселое занятіе, и мы воображаемъ себѣ г-на Степанова самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ Иныя фигурки до того удались, что на нихъ, какъ на индюшекъ у Гоголя, противно смотрѣть. Для этихъ фигурокъ со времени выдумки г-на Степанова началось потомство (если предположить, что потомство будетъ ими заниматься); справедливый судъ произнесенъ уже надъ ними, нѣсколько строгій, правда, судъ.... Но потомство едва ли будетъ церемониться съ своими предшественниками....

Отъ одного искусства до другаго шагъ не великъ. Отъ живописи и ваянія перейдемъ къ музыкѣ. Но не успѣли мы написать это слово, какъ слѣдующій странный вопросъ возникъ въ нашемъ умѣ: «Музыкальный ли городъ С. Петербургъ?» Какъ? скажете вы: — можно ли въ этомъ сомнѣваться послѣ четырехъ сезоновъ итальянской оперы?— Мы не то, что сомнѣваемся, а такъ, признаться, немного смутились отъ собственнаго вопроса—чисто современная черта! Сколько разъ намъ случалось почтительно прислушиваться къ рѣчамъ благородныхъ юношей, съ убѣжденьемъ и достоинствомъ толкующихъ о какомъ нибудь возвышенномъ предметѣ — и вдругъ одинъ изъ нихъ, помолчавъ немного, обратится къ своимъ товарищамъ съ вопросомъ: полно не чепуха ли вышеупомянутый возвышенный предметъ?... Что вы думаете? на него съ негодованіемъ возстанетъ все собраніе? Напротивъ: большей частью всѣ съ нимъ тотчасъ согласятся. И потому не удивляйтесь, почтенные читатели, если мы спросимъ себя въ другой разъ: «Музыкальный ли городъ Петербургъ?» — Отвѣчать на этотъ вопросъ можете вы сами, если заблагоразсудится....

Въ нынѣшнемъ году на итальянскомъ театрѣ мы слышали: Лучію, Лукрецію, Элизиръ, Дочь Полка,—*Доницетти*; Норму, Пуританъ —*Беллини*; Templario—*Николаи*; Эрнани, Ломбардцевъ—*Верди*; Сороку Воровку, Карла Смѣлаго, — *Россини*.

Что въ наше время музыка въ упадкѣ—въ этомъ, вѣроятно, многіе согласятся. Виртуозы, концерты, хроматическіе галоны, геніальничанье и претензіи — ее убили. Когда г-нъ Берліозъ, этотъ типъ мудреной и сложной бездарности, можетъ безнаказанно передъ цѣлымъ Парижемъ заставить хоръ чертей въ своемъ «Фаустѣ» пѣть слѣдующія слова:

«Hasi marakarai
Obaï maraïbo
Meriadec marakara».

Чего еще ждать? Послѣ Моцарта и Глука — Россини; послѣ Россини — Беллини и Доницетти; послѣ нихъ — Верди.... Увѣряютъ, что человѣчество идетъ впередъ; согласны.... но видно и человѣчеству случается иногда «отступить, чтобы лучше прыгнуть.» — Какъ мы прыгнемъ лѣтъ черезъ пять!

Digitized by Google

Однако, мы не желаемъ прослыть за отчаянныхъ поклонниковъ старины, и напр. охотно готовы отдать справедливость и г-ну Верди. Г-нъ Верди какъ и г-нъ Фелисіанъ Давидъ, авторъ «Пустыни» — человѣкъ очень искусный и ловкій, «rompu au métier», какъ говорятъ Французы, хорошій арранжёръ, [illegible] и г-нъ Листъ. Arranger значитъ по французски — приводить въ порядокъ; эти господа «приводятъ въ порядокъ» чужія идеи — довольно пріятное и выгодное занятье. Не ищите въ нихъ наивности, простоты, даже неловкости начинающаго, не овладѣвшаго собой таланта: они ловки, чрезвычайно ловки, и очень сложны. Чего нѣтъ, напр., въ г-нѣ Верди? И Россини, и Беллини, и Доницетти, и Мейерберъ — всѣ тутъ. Въ самомъ важномъ, въ самомъ естественномъ признакѣ музыкальнаго призванья отказала ему природа: въ дарѣ мелодій. Но его инструментовка рачительна; онъ умѣетъ владѣть большими массами голосовъ, хорами; (замѣчательно хороши его квинтетто въ 1-мъ актѣ Набукко, тріо въ Эрнани и въ Ломбардахъ); нельзя отрицать оригинальности иныхъ его музыкальныхъ фразъ (не мелодій: у него ихъ нѣтъ), особенно въ кабалеттахъ, хотя онѣ большей частью состоятъ изъ такъ называемыхъ «tours de force». — Итальянцы въ особенности хвалятъ его хоры; иные дѣйствительно хороши; онъ придалъ имъ драматическое движеніе; впрочемъ, Верди часто достигаетъ этой цѣли весьма простымъ образомъ: онъ заставляетъ множество голосовъ пѣть арію, иногда крайне пошлую; но съ непривычки слушатель пораженъ. Вообще г-нъ Верди не боится избитыхъ мотивовъ; Маршъ Ломбардовъ (правильнѣе Лонгобардовъ, ибо ломбардовъ, финансовыхъ учрежденій, не существовало во время крестовыхъ походовъ), этотъ маршъ, ничто иное, какъ уличный, плясовой мотивъ. Но слава никому не дается ни за что даромъ; въ Италіи, кромѣ Верди, никого слушать не хотятъ; въ Парижѣ и Лондонѣ его оперы нравятся; слѣдовательно, у него есть талантъ, и — пока — онъ первенствуетъ. Но дай Богъ, чтобы это музыкальное междуцарствіе прекратилось какъ можно скорѣе! Этого въ особенности должны желать несчастные пѣвцы и пѣвицы, которыхъ Верди губитъ сотнями, заставляя ихъ кричать безъ умолку и толку (у насъ звучатъ еще въ ушахъ страшные финалы 1-го акта Ломбардовъ)! — Новѣйшій «canto spianato», «растянутый напѣвъ», прекрасная вещь, положимъ, но намъ жутко думать, что въ скоромъ времени нѣкому будетъ пѣть россиніевскихъ оперъ, и нѣсколько, правда, устарѣлые алмазы и жемчуги какой нибудь «Сороки Воровки» замѣнятся фольгой и шушнхой г-дъ Верди и комп.

Но если Сорока Воровка дѣйствительно устарѣла скажите, читатели, знаете ли вы что нибудь свѣжѣе, несокрушимѣе россиніевскаго «Карла Смѣлаго?»

Впрочемъ, въ послѣднее время не одна музыка занимала жителей «Сѣверной Пальмиры». Насъ забавляли ученые птицы г. Галюше, материнская нѣжность и ухватки обезьяны, о благополучномъ разрѣше-

Digitized by Google

нія которой появлялись въ вѣдомостяхъ такія трогательныя извѣщенія, — ухватки, не слишкомъ, впрочемъ, пріятно напоминавшія намъ, людямъ, владыкамъ вселенной и аристократамъ, что мы состоимъ въ довольно близкомъ родствѣ съ этими плебейцами, четверорукими тварями и пр. Въ числѣ другихъ иностранныхъ фокусниковъ, посѣтилъ насъ г. Андерсонъ, «великій сѣверный колдунъ» (the Great Wizard of the North), далеко, впрочемъ, уступающій въ искусствѣ извѣстному Боско. Гораздо больше, чѣмъ всѣ продѣлки г. Андерсона съ картами, часами и пр., потѣшило насъ слѣдующее обстоятельство: «Какъ сказать по-русски двѣнадцать платковъ?» спросилъ онъ по англійски у зрителей. — Двѣнадцать платковъ, отвѣчали ему. «А! хорошо!.. Вашъ платковъ», съ пріятной улыбкой продолжалъ г. Андерсонъ, обращаясь къ одной дамѣ. — Вотъ мой платокъ, отвѣчала она. Великій сѣверный колдунъ — должно отдать ему справедливость — тотчасъ сообразилъ, что «платковъ», вѣроятно, множественное число слова: «платокъ» — и перейдя къ слѣдующей дамѣ, произнесъ уже: «Вашъ платокъ?» Когда же всѣ двѣнадцать платковъ, положенные въ кадки, оказались, вымытые и раздушенные одеколономъ — въ жаровнѣ, г. Андерсонъ съ торжествомъ воскликнулъ, показывая ихъ зрителямъ: «Вотъ ваши платковъ!» — Наши платки, отвѣчалъ ему кто-то... Великій сѣверный колдунъ видимо смутился и должно быть получилъ въ ту минуту престранное понятіе о русскомъ языкѣ.

Отъ г-на Андерсона перейдемъ къ графу Сюзору. Графъ Сюзоръ читалъ намъ, сѣвернымъ варварамъ, лекціи о французской литературѣ, о томъ, какіе у Французовъ были умные люди, и какъ эти умные люди пріятно писали, и какъ всѣ другія націи имъ подражали и должны подражать, и какъ это все хорошо и пріятно. Умѣнье разговаривать — отличительное качество Французовъ; но оригинально и граціозно разговаривать и у нихъ умѣютъ немногіе. Вести «діалогъ» — великое искусство.... Монологи держать гораздо легче, особенно если въ вашемъ распоряженіи находится довольно большое количество дешеваго энтузіазма — и если добродушные слушатели расположены внимать вашимъ разглагольствованіямъ.... Впрочемъ, все обстоитъ у насъ благополучно. Солнца мы давненько не видали, по обыкновенію, но фантастическое освѣщенье петербургской вечерней зари повторяется каждый день. — У Изелера разстеган также хороши, г-жи Лойо и Кюзанъ также обаятельны, литература идетъ своимъ порядкомъ, рисунки въ «Иллюстраціи» также изящны, — чего еще желать?

Lieber Mond, du gehst so stille,
Gehst so stille, lieber Mond;
Gehst du stille, lieber Mond –
Lieber Mond, dann gehst du stille!

Упомянувъ объ Лежарѣ и Гверрѣ, нельзя не войти въ нѣкоторыя подробности: предметъ слишкомъ интересующій въ настоящее время

Digitized by Google

петербургскую публику. Мы однакожь нисколько не намѣрены смотрѣть на него свысока, и тяжеловѣсно подтрунивать надъ публикою, называя ея увлеченіе «лошадино-циркоманіею», или какимъ нибудь еще болѣе неуклюжимъ словцомъ. Мы не видимъ ничего худаго въ томъ, что публикѣ нравятся цирки. Подумаешь, читая иной фельетонъ, презрительно издѣвающійся надъ цирками, что мы и Богъ знаетъ какъ богаты и потребностію художественныхъ наслажденій и возможностію наполнять ими жизнь нашу.... Ничуть не бывало! Какой-то поэтъ, непечатающій своихъ стиховъ и вѣроятно «озлобленный на новый вѣкъ и нравы», сказалъ объ насъ·

Умыло мы проходимъ жизни путь.
Могло бы насъ будить одно — искусство,
Но рѣдко намъ разогрѣваетъ грудь
Изъ глубины поднявшееся чувство,—
За тѣмъ, что наши лучшіе пѣвцы
Всѣмъ хороши, да пѣть не молодцы;
Затѣмъ, что наши русскіе мотивы,
Какъ наша жизнь и бѣдны и сонливы
И тяжело однообразье ихъ,
Какъ видъ степей пустынныхъ и нагихъ.

Не веселъ день и дологъ вечеръ нашъ,
Однообразны мѣсяцы и годы;
Обѣды, карты, дребезжанье чашъ,
Визиты, поздравленья и — —
Вотъ наша жизнь! Ея постылый шумъ
Съ привычнымъ равнодушьемъ ухо внемлетъ
И въ дѣйствіи пустомъ кипящій умъ
Суровъ и сухъ, а сердце глухо дремлетъ;
И свыкшись съ положеніемъ такимъ,
Другаго мы какъ будто не хотимъ,
Возможность исключеній отвергаемъ
И словно по профессіи зѣваемъ....

Явись случай къ наслажденію — малому ли, большому, къ развлеченію, мы не предадимся ему безотчетно и довѣрчиво; мы боязливо осматриваемся, выжидаемъ, прислушиваемся; намъ прежде нужно знать: какого оно рода? да въ тонъ ли? да ѣздитъ ли высшій свѣтъ?—А не ѣздитъ высшій свѣтъ, такъ будь оно хоть какъ разъ намъ по вкусу и по карману, — мы пожалуй и не поѣдемъ. Мы веселимся не столько для себя, какъ для другихъ. Мы ходимъ, говоримъ, одѣваемся—не для себя, а для другихъ. Мы часто даже обѣдаемъ, спрашиваемъ лишнюю бутылку вина, распекаемъ слугу, какъ будто не для себя, а для другихъ. Благопріятныя обстоятельства, къ счастію, отклонили отъ гг. Лежара и Гверры пагубное вліяніе нашей щепетильности: цирки ихъ почти всегда полны. Въ циркъ Гверры привлекаетъ посѣтителей въ особен-

Digitized by Google

ности г-жа Каролина Лойо. Соотвѣтственное амплуа въ циркѣ Лежара занимаетъ г-жа Полина Кюзанъ. Общій голосъ присуждаетъ первенство г-жѣ Каролинѣ Лойо. Въ самомъ дѣлѣ, ловкость ея въ управленіи лошадью, постоянная увѣренность и спокойствіе, и наконецъ граціозность, которою запечатлѣно каждое ея движеніе, поразительны. Она сама занимается пріѣздкой лошадей. Послѣ нея, по ловкости и отсутствію переслащенныхъ улыбокъ и натянутыхъ позъ, въ циркѣ г. Гверры — замѣчательна г-жа Чинизелли. Маленькій Карлъ Присъ чудо своего рода. Искусствомъ своимъ онъ обязанъ отцу, съ которымъ вмѣстѣ и является обыкновенно на сценѣ. Глядя на изумительные фокусы ловкаго, сильнаго, неутомимаго мальчика, невольно начинаешь раздѣлять мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, что изъ человѣка можно все сдѣлать—и музыканта, и фокусника, и поэта, — если во время и съ умѣньемъ за него приняться, — мнѣніе въ сущности нелѣпое..

Пока у насъ публика усердно посѣщаетъ скороспѣлые цирки гг. Лежара и Гверры, въ Парижѣ, на Тампльскомъ Бульварѣ оканчивается постройкой зданіе театра г. Александра Дюма. Еще положительно неизвѣстно какъ будетъ называться новый театръ. Сначала хотѣли назвать его *театромъ Монпансье* (théâtre Montpensier), или *театромъ принца* (théâtre du Prince), потомъ *театромъ принцовъ*. Наконецъ чуть было не рѣшились именовать его *историческимъ театромъ* (théâtre historique). Но такое названіе ужь слишкомъ громко для театра, на которомъ будутъ играться пьесы, передѣланныя изъ романовъ г. Дюма и комп. Не лучше ли окрестить его *драматической панорамой* (Panorama dramatique)? Александра Дюма въ половинѣ декабря ожидали въ Парижъ. Онъ долженъ присутствовать на генеральной репетиціи новой своей драмы: *Королева Марго*, представленіемъ которой откроется новый театръ. Открытіе театра, сказано въ газетѣ, изъ которой мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, — должно быть 28 декабря. Зала его вмѣщаетъ 2,600 человѣкъ; она выстроена и украшена въ стилѣ грандіозномъ. Сцена, гдѣ уже начались репетиціи, равна величиною сценѣ Большой Оперы. Рисунки на плафонѣ и ложахъ неуступаютъ ни одному изъ лучшихъ театровъ; люстра огромная; занавѣсъ по оригинальности своей заслуживаетъ особенное вниманіе; нѣкоторыя ложи съ комнатами, украшенными зеркалами и превосходно меблированными. Вообще театръ устроенъ роскошно, и въ немъ не будетъ такой тѣсноты какъ въ другихъ парижскихъ бульварныхъ театрахъ.

На театрѣ Gymnase Dramatique имѣла большой успѣхъ комедія-водевиль Скриба: «La Protégée sans le savoir». Успѣху ея въ особенности способствовалъ г. Брессанъ, занимавшій одну изъ главныхъ ролей и выполнившій ее, по увѣренію парижскихъ газетъ, съ необыкновеннымъ совершенствомъ. Вообще г. Брессанъ производитъ въ Парижѣ большой эффектъ.

Новая драма г. Понсара — автора Лукреціи — *Agnès de Méranie*, которую ожидали въ Парижѣ съ такимъ нетерпѣніемъ, дана была, на-

Digitized by Google

конецъ, въ *Одеонѣ* 23 декабря и пала торжественно Во время этого представленія находились въ театрѣ всѣ литературныя, ученыя и государственныя знаменитости: г. Викторъ Гюго съ своимъ семействомъ, гг. Гизо, Вильменъ, графъ Моле, Сальванди, Баранть, г-жа Ремюзе и проч.

На другой день представленія, кто-то встрѣтилъ извѣстнаго и знаменитаго остряка и живописца г. Камиля Рокплана слѣдующими словами:

— А что драма Понсара?... не знаете ли вы... Вообразите мое несчастіе: изъ 2,000 человѣкъ, бывшихъ вчера въ Одеонѣ, мнѣ не удалось еще сегодня встрѣтить ни одного Я не понимаю, что это значитъ.

— А! да они всѣ спятъ еще, — отвѣчалъ артистъ съ свойственнымъ ему добродушіемъ.

Изъ литературныхъ новостей, дошедшихъ къ намъ изъ Парижа, сообщаемъ двѣ: въ концѣ января должна появиться въ свѣтъ «Исторія Жирондистовъ» Ламартина, который живетъ теперь въ своемъ замкѣ и занимается ея окончаніемъ; журналъ «Presse» пріобрѣлъ (за 15,000 франковъ) у издателя Жоржъ Сандъ — Поля Лавинья — новый ея романъ въ нѣсколькихъ частяхъ, подъ названіемъ «Пичинино» (le Piccinino), который вскорѣ долженъ появиться въ фельетонѣ этой газеты. Романъ этотъ уже вполнѣ оконченъ г-жею Жоржъ Сандъ.

Въ нашей литературѣ явилась книга подъ названіемъ: «Скалозубъ и Пересмѣшникъ». Она напечатана на хорошей бумагѣ красивымъ шрифтомъ. Въ самомъ концѣ ея напечатана статья, подъ названіемъ: «Полезные совѣты новобрачному». Извлекаемъ слѣдующіе: 1) Женившись на миленькой дѣвицѣ, откажись вовсе отъ всякихъ сортовъ сыра, особенно не ѣсть лимбургскаго; 2) не носи фланелевыхъ фуфаекъ; 3) никогда не мой рукъ при женѣ; 4) если жена слишкомъ любезничаетъ съ тобою, то умѣряй себя; въ противномъ случаѣ, любовь ея подвергается большой опасности; 5) если хоть изрѣдка жена не цалуетъ твоей руки, она тебя не любитъ. 6) Если ты поссорился днемъ съ женою, постарайся помириться съ нею ввечеру. — Довольно! читатель помнитъ, что совѣты названы — полезными, но который всѣхъ полезнѣе, авторъ забавнаго «Скалозуба» не объясняетъ.... Есть и другія новыя книги; но о книгахъ въ свое время, а теперь...

Всякое полезное учрежденіе имѣетъ полное право воспользоваться средствами дарованной отечественнымъ журналамъ публичности, — и потому мы считаемъ долгомъ сказать нѣсколько словъ о Конторѣ Агенства и Комиссіонерства, при которой открыта контора нашего журнала. Занятія конторы и условія, на которыхъ она принимаетъ выполненіе возлагаемыхъ на нее порученій, подробно изложены въ первоначальномъ объявленіи конторы; не слѣдя за нимъ слово въ слово, мы, съ своей стороны, познакомимъ читателей только вкратцѣ съ его содержаніемъ. Кругъ дѣйствій конторы слѣдующій:

Digitized by Google

Во-первых, покупка для иногородныхъ лицъ, по порученію ихъ и на прилагаемыя ими деньги, — всякаго рода вещей, мелкихъ и громоздкихъ, малоцѣнныхъ и многоцѣнныхъ, выдѣлываемыхъ въ Россіи и за границею, — словомъ, всего, что можетъ быть изготовлено и куплено въ Петербургѣ или важнѣйшихъ коммерческихъ городахъ Европы. Купивъ въ Петербургѣ или выписавъ изъ за границы желаемую вещь, контора препровождаетъ ее на мѣсто жительства выписавшаго лица, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, посылаетъ ему счетъ объ употребленіи присланныхъ въ контору денегъ, прилагая оставшіяся деньги, если были присланы лишнія, а для совершеннаго удостовѣренія въ томъ, что онъ платилъ не болѣе должнаго, прилагаются подлинные счета тѣхъ магазиновъ, гдѣ вещь была пріобрѣтена. Въ вознагражденіе за свои хлопоты, Контора удерживаетъ не болѣе двухъ процентовъ, противъ цѣны заказанной вещи, т. е.: со *ста* рублей — два, съ *пятисотъ* — десять, съ *тысячи* двадцать рублей и т. д.

Для большаго удобства публики, Контора печатаетъ время отъ времени въ Московскихъ Вѣдомостяхъ спеціальные прейсъ-куранты разнымъ предметамъ, которые можно выписывать черезъ ея посредство.

Къ этому отдѣлу занятій конторы принадлежитъ и выписка во внутреннія губерніи всѣхъ русскихъ и всѣхъ продаваемыхъ въ Петербургѣ иностранныхъ книгъ. Контора готова пересылать отдѣльныя сочиненія, по требованію покупателей, или же и брать на себя составленіе цѣлыхъ отдѣловъ библіотеки и выборъ лучшихъ книгъ по той части знанія, на которую укажутъ гг. корреспонденты.

Вторую статью занятій Конторы составляетъ продажа на биржу или за границу сырыхъ произведеній хозяйственной промышленности изъ разныхъ губерній.

Далѣе, Контора принимаетъ отъ иногородныхъ подписку на всѣ выходящіе въ Петербургѣ журналы и газеты, и высылаетъ иногороднымъ лицамъ разныя свѣдѣнія, въ которыхъ они могутъ нуждаться, преимущественно по части торговли и промышленности.

Въ заключеніе обращаемъ вниманіе читателя на слѣдующія два обстоятельства. Первое: что процентъ въ пользу конторы, за исполненіе порученій, назначенъ г. Языковымъ менѣе, чѣмъ въ прежде существовавшихъ конторахъ; прежнія конторы удерживали себѣ *три* процента, контора Языкова только *два*. Второе: что г. Языковъ, при учрежденіи конторы, внесъ 15,000 рублей сер. залога.

Прежнія конторы дѣйствовали безъ всякаго залога, и корреспондентъ долженъ былъ вѣрять свои деньги комиссіонеру, лицу, вовсе ему незнакомому и въ благонадежности котораго онъ не имѣлъ никакого вещественнаго ручательства. Теперь корреспонденту дѣла нѣтъ до личности комиссіонера. Высылая деньги по почтѣ, корреспондентъ знаетъ, что его собственность и выгоды совершенно ограждены, и что сохранность и исправное употребленіе, сообразно съ его соб-

Digitized by Google

ственнымъ указаніемъ высылаемыхъ имъ денегъ, вполнѣ обезпечены залогомъ коммиссіонера.

Каждое учрежденіе, способствующее къ введенію частнаго кредита въ дѣлахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ оживленію коммерческихъ сношеній, достойно полнаго вниманія и одобренія со стороны публики,—а учрежденная г. Языковымъ контора носитъ на себѣ, какъ видятъ читатели, по преимуществу такой характеръ.

— Въ заключеніе увѣдомляемъ нашихъ читателей, что число сотрудниковъ «Современника» увеличилось, благодаря *А. Д. Галахову*, *В. П. Боткину* и профессору с. п. б. университета г. *Савичу*, изъявившимъ желаніе принимать въ нашемъ журналѣ участіе. Мы уже имѣемъ статью г. Галахова и «Письма объ Испаніи» (1845 г.) г. Боткина, съ которыми надѣемся скоро познакомить нашихъ читателей. Г. Савичъ обѣщалъ намъ составить статью объ открытіи г. Леверрье, и вотъ почему оставили мы намѣреніе перевесть статью г. Біота объ этомъ предметѣ; къ тому же эта статья не окончена до сихъ поръ и въ «Journal des Savants», изъ котораго мы хотѣли ее заимствовать.

Получающимъ нашъ журналъ нужно знать еще слѣдующее: годовое изданіе «Современника» съ 1847 года будетъ состоять изъ *двѣнадцати* частей или *шести* томовъ. Нумерація первой части продолжается, по всѣмъ отдѣламъ, во второй, и двѣ части составляютъ томъ, и должны быть переплетены вмѣстѣ. При первой части каждаго тома прилагается заглавный листъ, а въ концѣ второй подробное оглавленіе всего тома.

Digitized by Google

АУКЦІОНЪ ВЪ ПОЛЬЗУ ЗАВЕДЕНІЙ ЖЕНСКАГО ПАТРІОТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Къ числу блистательныхъ подвиговъ, совершенныхъ Россіею въ послѣ-Петровскій періодъ ея исторіи, принадлежатъ подвиги общественнаго благотворенія. Какое прекрасное, умилительное зрѣлище представила бы намъ картина разныхъ учрежденій, гдѣ или незаслуженная нищета находитъ себѣ пріютъ и помощь, или скорбное сиротство, обреченное невѣжеству и, можетъ быть, пороку, получаетъ воспитаніе и средство быть полезнымъ обществу! Мы вмѣняемъ себѣ въ непремѣнную обязанность представить со временемъ читателямъ нашимъ эту картину, и надѣемся, что она послужитъ важнымъ матеріяломъ для исторіи успѣховъ нашей гражданственности. Болѣе всего принесено и приносится у насъ жертвъ въ пользу воспитанія и образованія. Кто несогласится, что это самое счастливое направленіе общественной филантропіи. Если помощь, оказанная бѣдному во имя его страданій, удовлетворяетъ чувству христіанскаго милосердія, то воспитаніе сирыхъ и безпомощныхъ дѣтей въ одно время удовлетворяетъ и этой святой потребности и пользѣ общей. Сколько такимъ образомъ поправлено ошибокъ судьбы и изъ брошенныхъ, пренебреженныхъ ею способностей и силъ создано и принесено въ даръ обществу полезныхъ дѣятелей. Нужно ли говорить здѣсь, кто первые возбудители и руководители у насъ подобныхъ національныхъ стремленій? Россія знаетъ ихъ и не забудетъ, пока она есть, ни въ своей молитвѣ, ни въ памяти сердца. Между многими благотворительными учрежденіями, обязанными своимъ развитіемъ и успѣхами содѣйствію и покровительству Августѣйшихъ членовъ Императорскаго Дома, одно изъ замѣчательнѣйшихъ — женское патріотическое общество. Основанное въ достославную эпоху 12 года для оказанія пособій семействамъ тѣхъ, которые животъ свой положили за отечество, оно, совершивъ съ честію этотъ святой долгъ, обратилось впослѣдствіи къ другимъ подвигамъ благотворенія. Съ Высочайшаго соизволенія своей покровительницы Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, оно занялось учрежденіемъ школъ для воспитанія дѣвицъ, лишенныхъ средства нетолько къ образованію, но и къ пропитанію. Такимъ образомъ нынѣ почти во всѣхъ частяхъ столицы существуютъ патріотическія школы, въ которыхъ получаютъ воспитаніе около пяти сотъ бѣднѣйшихъ дѣтей. Дамы-члены общества не ограничиваются однимъ попеченіями о процвѣтаніи и усовершенствованіи этихъ заведеній: по выходѣ изъ нихъ дѣвицъ, онѣ стараются пріискивать имъ должности и доставлять работы. Для этой послѣдней цѣли существуетъ особенное депо, гдѣ распродаются издѣлія воспитанницъ и другихъ бѣдныхъ и гдѣ дѣлаются заказы тѣмъ, которыя сами, при всемъ желаніи своемъ трудиться, не могли бы найти себѣ

Digitized by Google

предмета занятій. Въ числѣ средствъ, коими общество усиливаетъ свои благодѣянія, заведены аукціоны, т. е., продажа разныхъ вещей какъ пожертвованныхъ членами-благотворителями, такъ и нарочно для этой цѣли выписанными изъ за границы. На сей разъ аукціонъ происходилъ въ домѣ достойной и ревностной предсѣдательницы общества графини Клеопатры Петровны Клейнмихель, подъ ея дѣятельнымъ и непосредственнымъ распоряженіемъ. Въ огромной залѣ на все протяженіе ея стоялъ столъ, уложенный множествомъ разныхъ галантерейныхъ вещей, отличающихся разнообразіемъ и изяществомъ отдѣлки. По сторонамъ лежали разные дамскіе уборы, ткани и между ними великолѣпный коверъ, въ пользу коего изволили участвовать сама Государыня Императрица и Августѣйшія Ея дщери. Аукціонъ происходилъ 15, 18, 20 и 22 числъ декабря. Мы были свидѣтелями соревнованія, съ которымъ покупщики изъ почетнѣйшихъ лицъ столицы, наперерывъ другъ передъ другомъ, возвышали цѣны вещей. Коверъ былъ пріобрѣтенъ барономъ Штиглицемъ. Нѣкоторыя вещи были проданы по баснословной цѣнѣ. Такъ заяцъ, милая игрушка съ пружиною, приводящею ее въ движеніе, оцѣненная, если не ошибаемся, въ тридцать рублей серебромъ, былъ купленъ за 240 руб. серебромъ; курица, подобнаго же устройства, за 125 руб. серебромъ и проч. Нѣкоторые тутъ же возвращали доставшіяся имъ вещи для вторичной продажи. Многія изъ вещей были куплены особами Высочайшей фамиліи. Словомъ, результатъ аукціона былъ самый блистательный, и блистательнѣе, чѣмъ когда либо. Общество выручило чистаго барыша, здѣсь получившаго высокое нравственное значеніе, до десяти тысячъ рублей серебромъ. Сверхъ того за завтраками, сопровождавшими эти благодѣтельные торги, пожертвовано было разными лицами около 800 руб. серебромъ.

Digitized by Google

V.

Картинка модъ, статья о модахъ въ журналѣ—если не для всѣхъ, то для нѣкоторыхъ имѣютъ большую важность; потому, приступая къ такому серьезному предмету, необходимо условиться положительно въ той степени пользы, какой вправѣ ожидать отъ модныхъ картинокъ и статей о модахъ желающіе ими руководствоваться.

Для того, чтобы одѣваться хорошо, надобно прежде всего имѣть утонченный, образованный вкусъ. Неимѣющимъ вкуса не пособятъ описанія модъ и модныя картинки. Разрядиться по модѣ, *по послѣдней картинкѣ* не значитъ еще одѣться со вкусомъ. Люди свѣтскіе никогда не одѣваются *по картинкѣ* ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ, ни въ Петербургѣ,—нигдѣ. Они одѣваются *къ лицу*, они выбираютъ изъ журналовъ только истинно изящное, только то, что идетъ къ нимъ, а умѣть одѣться къ лицу, въ этомъ и заключается вся тайна туалета дамскаго и мужскаго. Слова: *модникъ, модница. франтъ, франтиха* употребляются порядочными людьми только въ одномъ ироническомъ смыслѣ. Модники и модницы изображаются на парикмахерскихъ и цирюльныхъ вывѣскахъ. Не мудрено одѣться такъ модно, пестро и роскошно, чтобы броситься въ глаза толпѣ и ослѣпить ее,- но одѣться роскошно и вмѣстѣ просто, обратить на себя вниманіе немногихъ, но истинно понимающихъ и глубоко изучившихъ науку одѣваться, вотъ что необыкновенно трудно и вотъ чего мы отъ всего сердца желаемъ читателямъ и читательницамъ нашего журнала

Умѣнье одѣваться просто, изящно и роскошно - постигнуто въ высшей степени Француженками. Противъ этого нельзя спорить. Но чтобы еще болѣе убѣдиться въ томъ, мы просимъ нашихъ читательницъ разсмотрѣть въ подробности прилагаемую при этой книжкѣ нашего журнала картинку модъ, полученную нами изъ Парижа 23 декабря.

Составлять фельетонъ модъ въ настоящую минуту очень затруднительно, не отъ недостатка предметовъ, - напротивъ, отъ избытка

Digitized by Google

ихъ. На чемъ прикажете остановиться? Бальные туалеты, *элегантные неглиже* (мы отказываемся перевести это на русскій языкъ), шали кружева, тысячи туалетныхъ и разныхъ бездѣлокъ, — всѣ эти блестящія, соблазнительныя новости проходятъ въ воображеніи — и, право, не знаешь на чемъ остановиться.

Начнемъ съ прическъ. Въ бальныхъ прическахъ играютъ теперь большую роль живые цвѣты... Ничего не можетъ быть проще и изящнѣе этого убора.. Говорятъ: она была *очень просто* убрана живыми цвѣтами. Это значитъ: на головѣ гирлянда, корсажъ съ букетомъ, и въ рукѣ огромный букетъ- и все это изъ живыхъ цвѣтовъ. Камелія, рододендроны и въ особенности цвѣты и листья остролистника (les fleurs et le feuillage du houx) въ большомъ ходу. Послѣдніе чрезвычайно идутъ къ бѣлому платью съ золотыми крапинками или тесемками.

Букеты въ рукахъ и на корсажахъ принимаютъ гигантскіе размѣры. Скоро ихъ невозможно будетъ держать отъ тяжести. Такія преувеличенія, конечно, нелѣпы, но это фактъ.

Прически носятъ гладкія, очень низко на лбу и очень поднято къ ушамъ. Носятъ также и длинныя букли; бѣлокурые волосы взбиваютъ, а черные оставляютъ невзбитыми.

Утреннія платья украшаютъ вышивками изъ бархата въ видѣ вѣтвей, съ узловатымъ аграмантомъ.

Ботинки носятъ съ высокими каблуками, съ пуговицами съ боку. Носки вообще очень тупы и башмаки не слишкомъ вырѣзаны.

Нынѣшній сезонъ въ Парижѣ начался рано. На первомъ балѣ въ Большой Оперѣ замѣчены цвѣтныя домино. Но попытка ввести эти домино, обнаруживающія дурной вкусъ, вѣроятно, неудастся. Черныя классическія домино измѣняютъ, кажется, также покрой своей нынѣшнюю зиму. Они всѣ въ складкахъ и черезъ чуръ отягчены кружевами, но это совсѣмъ не граціозно. Прежде, по крайней мѣрѣ, домино были дурны, но оригинальны, а теперь просто дурны.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАВШІЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. НИКИТЕНКО

ТОМЪ I,2

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА
1847

Digitized by Google

Digitized by Google

СОВРЕМЕННИКЪ

1,2

Digitized by Google

Digitized by Google

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. НИКИТЕНКО

ТОМЪ I

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА
=
1847

Digitized by Google

Fotomechanischer Neudruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
LEIPZIG 1975

Druck: Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin – DDR
Ag 509/122/1974

Digitized by Google

II.

БЕЗЪ РАЗСВѢТА.

ПОВѢСТЬ.

«Выпадаютъ иногда несчастія, которыя заставляютъ вспомнить о поляхъ Эдипа, какъ есть правы, между которыми какъ будто живетъ еще судьба древнихъ».

(Изъ частной переписки.)

Ротмистръ Клоковъ къ своему другу.

По уговору, пишу къ тебѣ послѣднее холостое письмо. Черезъ два дня я вступаю подъ знамена Гименея. Ты, старый грѣшникъ, не любишь этого бога, ты положилъ служить до гроба—Венерѣ и Бахусу. Довольно послужилъ имъ и я; теперь попробуемъ счастья подъ другими знаменами. Ужь примѣриваю новую униформу, пріучаюсь къ новымъ эволюціямъ, словомъ, готовлюсь быть мужемъ. На твои глаза это хуже, чѣмъ дрянь—петля, и даже не золотая; за то ужь и наготовилъ ты мнѣ, я думаю, не одинъ десятокъ самыхъ неласковыхъ именъ, какими не угощаешь и своей лошади. На этотъ разъ ты, можетъ быть, и правъ, любезный другъ, но дѣло ужь сдѣлано, и передѣлывать поздно. Не дивись; а паче всего не морщись. Терпѣть не могу этой кислой рожи, которую ты дѣлаешь всякій разъ, когда тебѣ говорятъ о женитьбѣ; мнѣ страшно даже и представить лицо, какое будетъ у тебя, когда ты поздравишь меня съ невѣ-

Digitized by Google

стою. Впрочемъ, вѣдь ты мнѣ не отецъ и не опекунъ; лица твоего я отсюда не увижу, а брани твоей не услышу. Чортъ съ тобой, говоря твоимъ же любимымъ словомъ; не все ублажать тебя: дай хоть одну глупость сдѣлать по своему. Если хочешь, я и самъ не думалъ, чтобъ дѣло мое пошло такъ быстро и рѣшительно. Мысль была уже у меня и въ то время, когда я бралъ отставку; но вѣдь я тебѣ тогда еще сознавался, что годъ-другой хочу погулять безъ мундира и безъ жены. Не попади я въ Москву, такъ бы вѣрно и случилось; или встрѣться мнѣ два-три добрыхъ пріятеля, — и было бы у насъ настоящее дѣло. Вышло иначе: не попалъ на порядочнаго человѣка ни въ домѣ, ни на улицѣ, и денегъ нѣтъ вовсе... Смотрю: старушка, у которой я просилъ денегъ въ займы до первой высылки, сватаетъ невѣсту; люди, говоритъ, благородные и чуть не генеральскій чинъ имѣютъ, и съ копѣйкою. Я уперся сначала, а она мнѣ—другую: и умница, и разумница, хоть и изъ торговаго сословія, а деньгамъ и счету нѣтъ; у отца барки съ хлѣбомъ ходятъ. Не дрогнулъ я и тутъ; достало столько духа, чтобъ вытолкать старуху за дверь. Знакомлюсь потомъ съ однимъ землякомъ, онъ — палатскій совѣтникъ, держитъ отличный столъ, читаетъ книги въ кожаныхъ переплетахъ и послѣ обѣда учитъ всѣхъ добродѣтели. Отъ послѣдней статьи сначала я скучалъ смертельно, однакоже привыкъ по-немногу — дремать подъ его назидательныя бесѣды съ стаканомъ отличнаго вина въ рукѣ. До сихъ поръ не понимаю, какъ достаетъ онъ такое превосходное вино: просто амвросія! Совѣтникъ скоро мнѣ понравился, а совѣтницѣ я: недѣли двѣ она была безъ души отъ моихъ усовъ. Но главное, не совѣтница (хоть и она стоитъ денегъ), а ея дочь, то есть, не дочь, а падчерица: такихъ птицъ мы, братъ, съ тобою никогда и не стрѣливали. Походитъ, правда, на одну... ту, что, помнишь, жила въ этой кривой улицѣ въ такомъ неуклюжемъ домѣ? Впрочемъ, нѣтъ, и на нее не походитъ: есть что-то общее въ профилѣ, да и въ плечахъ, кажется; но та была сорви-голова, а эта—ходитъ лебедемъ, тиха, какъ ночь, кротка, какъ голубь; дика немножко, но я берусь сдѣлать ее ручною. Ты знаешь мой глазъ: съ перваго обѣда я отмѣтилъ, что тутъ есть лакомый кусокъ, и ужъ хотѣлъ идти на приступъ... Разъ, закрутивъ усы, я такъ засмотрѣлся на эту куколку, что не слыхалъ ни одного изъ двухъ вопросовъ, которые сдѣлала мнѣ въ это время

Digitized by Google

совѣтница. На другой день совѣтникъ очень ловко далъ мнѣ замѣтить, что мать его дочери закрѣпила за нею половину своего имѣнія. Я былъ живо заинтересованъ и стороною провѣдалъ, что тутъ пахнетъ десятками тысячъ. Это какъ разъ на мою бѣдную долю; больше я и не ищу. Надобно тебѣ знать, что совѣтникъ человѣкъ довольно проницательный; онъ тотчасъ по глазамъ угадалъ мою идею и самъ назвался мнѣ въ отцы. Совѣтница была въ восторгѣ, когда узнала, что будетъ моей маменькой; чортъ меня побери, впрочемъ, если она хоть немного смотритъ маменькой. Но не о томъ рѣчь. Мы поладили скоро, по-военному; три недѣли, какъ я женихъ, и ровно столько же собираюсь писать къ тебѣ. Скажи всѣмъ, что мнѣ везетъ и что не пропадетъ ни одинъ изъ моихъ карточныхъ долговъ: скоро, скоро расплачусь съ вами, друзья. Влюбить въ себя мою будущую жену я еще не успѣлъ. Какъ я тебѣ сказалъ, она дика немножко, просто сказать, не привыкла къ людямъ. Но, обстрѣленный воробей, я не гонюсь за наружнымъ, потому-что понимаю существенное: это-то и есть настоящее удовольствіе. Подождемъ; всему будетъ время; любовь, если ея и нѣтъ, придетъ послѣ. Что̀ касается до нея, моей будущей, она, разумѣется, не понимаетъ своего состоянія. Представь себѣ, какое дитя! она увѣрила себя, что ей страшно отъ меня и что̀, слѣдовательно, *любить* меня она не можетъ, но между тѣмъ знаетъ, что любить должно. Какъ тутъ быть? Ужь, конечно, надобно самой объясниться съ женихомъ. Вотъ, на дняхъ, она и завела меня въ дальнюю комнату, приняла совершенно такой видъ, какой обыкновенно дѣлала въ извѣстныя минуты плутовка Созхенъ, если ты помнишь, и, собравшись съ духомъ, дрожащимъ голосомъ проговорила, что любить меня она *не можетъ*.... Знаешь это мяконькое «немогу», которое говоритъ всякая молоденькая дѣвушка, запуганная темными, изъ дѣтской вынесенными понятіями о бракѣ, когда ей вдругъ говорятъ, что надобно идти за мужъ. Въ самомъ дѣлѣ, страшно! Я ждалъ ужь слезъ, по обычаю; однако, она выдержала твердо, и когда я, смѣясь, сказалъ ей, что съ этой минуты считаю себя самымъ несчастнымъ изъ смертныхъ, она и не заплакала и не засмѣялась, сдѣлала очень недовольные глазки, хотѣла говорить еще что-то, но вошли отецъ и мать, то есть, папенька и маменька, и не дали намъ кончить нашего объясненія. То ли еще! Вчера,

Digitized by Google

намекая мнѣ на прежній разговоръ, моя капризница выразилась даже такъ: «я вамъ сказала рѣшительно», и потомъ, — о верхъ злополучія! — отдернула свою маленькую, пуховую ручку, когда я, вмѣсто отвѣта, хотѣлъ поднесть ее къ губамъ. Однако, какъ видишь, я и послѣ того не упалъ еще духомъ; я только подумалъ про себя: какъ ты ни пой, душа моя, а нашихъ рукъ тебѣ не миновать; послушаемъ, какъ-то запоешь ты тогда. Два дня осталось пѣть моей птичкѣ, а тамъ мы, пожалуй, запоемъ и сами. Сначала ей, можетъ, не понравится этотъ голосъ, потомъ привыкнетъ къ нему по-немногу; ну, а не привыкнетъ сама, то мы беремся пріучить. — Я забылъ тебѣ сказать, что будущую мадамъ Клокову зовутъ Hélène.

Вотъ тебѣ моя «современная хроника», какъ говаривалъ нашъ полковой казначей. Надѣюсь, ты не имѣешь много сказать мнѣ въ упрекъ; по крайней мѣрѣ, это съ твоей стороны было бы крайне несправедливо. Разсчетъ мой, любезный другъ, самый простой. Почти можно признаться (на ухо, впрочемъ), что любви тутъ нѣтъ ни капельки. Да и какая можетъ быть любовь въ тридцать девять лѣтъ, когда человѣкъ отказался отъ всѣхъ этихъ фантазій и думаетъ только о существенномъ? По моему, именно потому и не должно жениться раньше, что можешь влюбиться въ жену, — состояніе, въ которомъ человѣкъ способенъ на каждомъ шагу дѣлать глупости. Относительно этого пункта, я совершенно согласенъ съ тобою, и до сихъ поръ не могу безъ смѣха вспомнить того глупаго вида, съ какимъ нашъ милый Л—нъ справлялся на почтѣ, не пришло ли къ нему письмо отъ жены. На все есть свой возрастъ: есть возрастъ на то, чтобы ѣздить на деревянныхъ лошадкахъ; а за нимъ тотчасъ слѣдуетъ другой, когда мы влюбляемся. Судя по-нашимъ лѣтамъ, мы пережили по крайней мѣрѣ три такихъ возраста, и чуть ли ужь не анахронизмомъ было, когда я, лѣтъ шесть тому назадъ, врѣзался по уши въ эту хорошенькую Нѣмочку, которую ты, злодѣй, хотѣлъ отбить у меня. Впрочемъ, вѣдь сильно было и искушеніе: вспомни хоть то, что это были за формы!... За то съ нею я истратилъ, кажется, и послѣдній любовный жаръ; съ тѣхъ поръ не помню я ни одного случая, когда бы красота производила на меня то, что называется упоеніемъ. Еще недавно... впрочемъ, пора ужь и забыть старые грѣхи: въ настоящее время меня долженъ занимать одинъ предметъ—моя несравнен-

Digitized by Google

ная Hélène, которой, безъ сомнѣнія, нѣтъ подобной въ цѣломъ мірѣ. Просто—Венера Медицейская, если не лучше.

Вообще я разсчитываю такъ, что впереди у меня отличная будущность. И право, слишкомъ пятьнадцать лѣтъ нашей кочевой бродячей жизни стоятъ того, чтобъ отдохнуть послѣ нихъ, если не на лаврахъ, то хотя на мягкихъ подушкахъ. Не тебѣ бы слушать, конечно, о томъ, что было въ эти пятьнадцать лѣтъ, однако, какъ не вспомнить, хотя это одно: тамъ объявляютъ приказъ о новомъ походѣ, а тутъ ты проигралъ послѣднія деньги; или—здѣсь тебѣ измѣняетъ твоя красоточка, да еще съ твоимъ же братомъ, а тамъ ждетъ тебя выговоръ начальника. Иной разъ живешь круглый годъ въ такомъ городѣ, что негдѣ достать и бутылки порядочнаго вина; Жидъ взядъ съ тебя впередъ деньги, чтобы доставить черезъ недѣлю, а тебя гонятъ завтра въ походъ—въ холодъ, дождь, слякоть!... Да и притомъ, чего стоитъ одно то, что ты всегда привязанъ къ полку, какъ къ своей судьбѣ?—Нѣтъ, рѣшительно, надобно же вознаградить себя за такіе труды и лишенія, надобно, пока еще не ушло время, что-называется, насладиться жизнію вполнѣ, на просторѣ, въ халатѣ, чтобы никто не помѣшалъ тебѣ, когда ты будешь ѣсть любимый кусокъ... Право, это не дурно, мой старый товарищь, а средства у меня будутъ. Вопервыхъ (что стоитъ всего остальнаго)—деньги: съ этой стороны моя милая Hélène, или, лучше сказать, ея папенька и маменька, обѣщаютъ обезпечить меня даже съ избыткомъ, если только можетъ быть избытокъ въ деньгахъ. Они уже успѣли открыть въ своемъ будущемъ зятѣ столько достоинствъ, сколько даже и ты не подозрѣвалъ въ немъ, и только что не носятъ меня на рукахъ. Безъ всякихъ съ моей стороны хлопотъ и пожертвованій, самымъ законнымъ образомъ я получаю во владѣніе домъ, въ которомъ буду полный хозяинъ и надѣюсь принимать тебя со временемъ, если ты вздумаешь навѣстить своего стараго пріятеля. Не забудь при этомъ, что я буду имѣть въ рукахъ значительный капиталъ, который дастъ мнѣ средства избавиться отъ всѣхъ нуждъ и жить съ полнымъ удобствомъ. Ты имѣешь ли хоть понятіе о томъ, что значитъ жить съ полнымъ удобствомъ и не знать никакой нужды? О, судьба! благословляю тебя... Вовторыхъ, постарайся постигнуть это удовольствіе—имѣть постоянно при себѣ, такъ сказать, въ своемъ владѣніи, хорошенькую женщину, жену — если хо-

Digitized by Google

чешь, которая вся, и душою и тѣломъ, будетъ принадлежать тебѣ, и на которую даже *ты*, мой дорогой пріятель, не можешь объявить ни малѣйшихъ притязаній... Моя Hélène такъ невинна еще, что объятія мужа будутъ для нея раемъ, а слово — закономъ. Съ ея тихимъ характеромъ опасаться мнѣ нечего; я увѣренъ, что долго останусь въ ея глазахъ совершеннѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Дай только намъ сойтись поближе, и дикость ея пройдетъ сама собою; посмотри, если, наконецъ, она не признается сама, что влюблена въ меня. Подобные сюрпризы мнѣ ужъ не въ первый разъ. О, я знаю женскую натуру! — Воображаю себѣ, какъ будетъ стараться Hélène предупреждать всѣ малѣйшія мои желанія, и какъ мнѣ не останется ничего дѣлать, какъ капризничать на то, что будто бы не хорошо сдѣланъ соусъ или что сливки не довольно густы... Во всемъ этомъ есть много самоуслажденія, которое тѣмъ выше, что соединено съ сознаніемъ, что вы — полный господинъ въ своемъ домѣ и можете приказывать, что̀ вамъ угодно. Въ такомъ положеніи могла бы собственно быть только одна задача: что̀ дѣлать? Но я не знаю, почему, при деньгахъ, не можетъ быть отвѣтомъ—ничего не дѣлать. Я хочу сказать, что у меня не будетъ никакихъ опредѣленныхъ обязанностей, и что въ моей волѣ остается дѣлать то̀, что̀ мнѣ вздумается — ѣхать ли обѣдать въ клубъ, на вечеръ къ тестю, въ театръ къ послѣднему дѣйствію, въ маскарадъ безъ маски, или провести цѣлый день дома, расположившись на мягкомъ диванѣ съ сигарою въ одной рукѣ, съ французскимъ журналомъ въ другой, и отъ времени до времени говорить женѣ: прикажите сдѣлать то, сдѣлайте это, или—подойдите сюда, моя милая. Согласись, что въ такой жизни много кой-чего соблазнительнаго, Я не сомнѣваюсь, что ты вдругъ не узнаешь меня, если вздумаешь, черезъ годъ, напримѣръ, посмотрѣть прежняго своего пріятеля. Не знаю даже, скоро ли добьешься ты увидѣть меня; вѣрно жена, увидѣвъ подъѣхавшій экипажъ твой, велитъ сказать: никого нѣтъ дома... какъ это тебѣ кажется? Не вкусно, разумѣется. Что дѣлать! всякому дорого свое, и ты лучше не можешь отмстить намъ, какъ поступивъ точно такъ же. Я шучу, какъ видишь: это потому, что мнѣ весело. Думаю, что скоро начну писать въ родѣ Гоголя. Ты впрочемъ скоро узнаешь о дальнѣйшихъ моихъ завоеваніяхъ въ этой новой для меня области. Разскажу все подробно.

Digitized by Google

Елена Клокова къ своей подругѣ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ перваго письма.

Слышишь ли ты мой голосъ, о, слышишь ли ты его изъ твоей пустынной дали? Ничего не ищу я, ничего не прошу я: я хочу только, чтобы ты меня слышала. Если есть у тебя свободный часъ, удѣли его мнѣ; если не боишься прибавлять себѣ новаго горя, выслушай меня до конца. Тебѣ ли бояться горя? ты, страдалица, знаешь его давно; ты привыкла встрѣчать его съ каждой новой зарей и провожать — до другаго утра; тебѣ ли испугаться горя, когда оно заговоритъ еще моимъ голосомъ? Давно ли, кажется, я смѣялась, шутила съ тобой, думала разогнать это облако печали, которое вѣчно лежитъ на лицѣ твоемъ... Давно ли ты, повѣривъ моей веселости, сулила мнѣ счастіе на цѣлую жизнь?... Ты не предвидѣла тогда, что надо мною тяготѣла таже рука; необдуманно произнесла ты слово «счастіе»: тебя обмануло твое доброе сердце. И я тебѣ повѣрила! И никакое предчувствіе не сказало мнѣ, что мы обѣ въ заблужденіи! Не вразумилъ меня даже твой примѣръ, который у меня всегда передъ глазами... Не здѣсь оно, мой другъ, это счастіе, а развѣ тамъ далеко за горами, за синими морями. Кто же тѣ избранныя, которымъ оно улыбается?...

Тому не больше мѣсяца, какъ ты, дивясь моей неистощимой веселости, написала мнѣ, что я еще вовсе дитя. А я ужь не дитя, мой другъ: я — замужемъ.... Въ первый разъ въ жизни хотѣла бы я солгать передъ тобою — и, однако, я не лгу. Нѣтъ, поздно обманывать себя и другихъ, поздно думать, что когда-нибудь воротится дѣтская мечта моя, что я не буду плакать потвоему. Какъ можно иногда однимъ разомъ убить все, что̀ человѣку дорого-въ жизни, не оставить ему даже и луча надежды! За что̀ же, Боже мой, должна я, какъ и ты же, узнать эту несчастную участь? За чѣмъ, еще на половинѣ жизни, осуждена я потерять все свое будущее, погубить его даромъ, пожертвовать имъ другому? Ждала ли я, думала ли я!... Хорошо приносить жертвы любви, ей — всепрощающей и всевоспламеняющей; но жертвовать собою не любя, мой другъ, — этого я не умѣю понять, у меня нѣтъ столько силъ, чтобы совершить такой под-

Digitized by Google

вигъ.... И за чѣмъ? развѣ въ душѣ моей не нашлось бы мѣста любви? развѣ я не женщина? развѣ не любила я? Все погибло, все убито, — и то, что такъ глубоко было схоронено въ сердцѣ, что для тебя только не было тайною, должно остаться въ немъ навсегда и истлѣть, какъ тлѣетъ взятое землею, или по каплѣ излиться горькими, никѣмъ не признанными слезами....

Ты не вѣришь своимъ глазамъ, ты готова подумать, что въ головѣ моей ходитъ лихорадочный бредъ?... Сколько разъ я сама, вставая раннимъ утромъ послѣ долгой безсонной ночи и смотря, какъ улыбалась вся природа яркому весеннему солнцу, сіяющему среди голубаго неба, уступала очарованію и торопилась увѣрить себя, что я видѣла только сонъ, страшный сонъ, которому не сбыться никогда.... Странное заблужденіе! Такъ любимъ мы въ несчастіи превращать нашу дѣйствительность въ несбыточныя грезы, какъ въ счастіи, наоборотъ, хотимъ, чтобъ сбывались всѣ наши сны, всѣ фантазіи.... Вчера еще, провожая глазами заходящее солнце и встрѣчая вечернюю зарю, я говорила себѣ: это невозможно; завтра солнце снова весело встанетъ на небѣ, а я — неужели потеряла все и навсегда? Въ моемъ маленькомъ мірѣ неужели не увижу я больше солнечнаго восхода? Ночь моя опять прошла безъ сна; въ душѣ поминутно пробуждались воспоминанія, какъ призраки, толпились въ воображеніи и долго томили меня своимъ докучливымъ нашептываніемъ, то приступая ко мнѣ съ горькими упреками, то жалобно прося у меня мира и забвенія. Утромъ взошло солнце, какъ и всегда, яркое и прекрасное, и принесло отвѣтъ на вопросъ мой: первое, что оно освѣтило для меня, было лицо моего мужа, который спалъ такимъ крѣпкимъ и беззаботнымъ сномъ, что можно было ему позавидовать. Я испугалась, какъ будто наступила на змѣю. Мнѣ вдругъ стало страшно, какъ если бы подлѣ меня былъ не человѣкъ, а звѣрь.... Никогда въ жизнь мою видъ человѣка не производилъ на меня такого тяжелаго впечатлѣнія. Не понимаю, что за дикая антипатія поселилась во мнѣ, откуда взялась она, какъ взросла до такой степени. Какая-то точно лихорадочная дрожь быстро охватила все мое тѣло. Я не могла выдержать и торопливо ушла въ другую комнату. Къ счастію, онъ не просыпался, и я могла отдохнуть на свободѣ, вдыхая въ себя у раствореннаго окна свѣжій утренній воздухъ.

Digitized by Google

Прости мнѣ, что я такъ откровенно высказываю тебѣ самыя тайныя мои ощущенія, не скрываю даже тѣхъ, которыхъ стыжусь сама. Выслушай меня до конца и потомъ осуди, если можешь. Кто же, если не ты сама, научила меня быть откровенной съ тобою? Что изъ твоей печальной судьбы оставила ты тайнаго для меня, чего не повѣрила ты мнѣ, когда я, беззаботное дитя, можетъ быть, вовсе не стоила твоей чистой довѣренности? Теперь, когда жизнь дала и мнѣ урокъ, одинъ на цѣлый вѣкъ, какъ хочешь ты, чтобы я молчала? Вѣдь я у тебя прошу не утѣшенія,—что, кромѣ лжи или желанія скорой смерти, можно говорить въ утѣшеніе тѣмъ, которые поражены неизлѣчимою болѣзнію?... и не совѣтовъ; какими совѣтами можно исправить зло безъисходное, которое навсегда закрѣплено именемъ святыни? Но ты уже испила этой чаши до половины; мнѣ ли объяснять тебѣ всю ея горечь, которой нельзя усладить никакими приправами? Я думаю даже: читая мою исторію, которой ты видишь теперь одно начало, ты не найдешь въ ней для себя ничего новаго, неизвѣстнаго. Впрочемъ, не съ тобой только,—я бы хотѣла быть откровенною со всѣми; я чувствую, мнѣ тяжело носить на душѣ всякую тайну. И что скрывать мнѣ? развѣ ужь мои чувства — преступленіе?... Другъ мой, они точно преступленіе.... Это мнѣ сказалъ отецъ мой, онъ, котораго я такъ любила, что ему первому сказала все, что такъ тяготитъ меня. На другой же день нашего брака я спѣшила на его груди облегчить мою тоску и съ воплемъ упала въ его объятія. Мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, было легче, когда несвязными словами дала понять ему свою болѣзнь. Съ минуту онъ посмотрѣлъ на меня съ важнымъ видомъ, потомъ оттолкнулъ меня съ сердцемъ и, наконецъ, нахмуривъ брови, какъ будто въ эту минуту онъ былъ не отецъ мнѣ, сказалъ: «выкинь этотъ вздоръ изъ головы, или ты — не дочь моя». — Что такое? я не понимаю этихъ словъ.... Въ чемъ тутъ преступленіе? въ признаніи ли моемъ, или въ самыхъ чувствахъ? Я не дочь моему отцу потому, что не умѣю любить того, что возбуждаетъ во мнѣ или боязнь, или ненависть.... Нѣтъ, это не то. И такъ мое преступленіе въ томъ, что я призналась отцу? А за чѣмъ же моя мать, моя добрая мать, заставая меня въ слезахъ, всегда говорила мнѣ, что она тогда только позволитъ мнѣ плакать, когда я разскажу ей все мое дѣтское горе? И она снисходительно выслушивала меня

Digitized by Google

до послѣдняго слова, и я переставала плакать.... Какъ охотно разсказала бы я ей и теперь всю свою душу! Я знаю, еслибъ я не перестала плакать, она бы плакала вмѣстѣ со мною.... Но у меня нѣтъ матери. Та, которая три года носитъ это имя, говоритъ, что она не желала бы бо́льшаго счастія своей родной дочери. Она увѣрена, что я притворяюсь, капризничаю.... Моя кузина, которая всегда называетъ меня своимъ другомъ, написала ко мнѣ вотъ ужь два письма, и въ каждомъ поздравляетъ меня «съ неописаннымъ счастіемъ имѣть мужемъ такого красавца». Она какъ-будто даже завидуетъ мнѣ.... Дай Богъ, чтобы ей не пришлось дожить до такого же счастія! Братъ мой.... но онъ такъ далеко, такъ занятъ своими дѣлами, что я боюсь много говорить ему о себѣ. Ты видишь, кромѣ тебя, у меня не остается никого.

Предчувствую, что ты можешь сдѣлать мнѣ упрекъ самый справедливый: за чѣмъ я не извѣстила тебя тотчасъ, какъ только началось это несчастное дѣло? — За чѣмъ? за тѣмъ, что до послѣдняго дня я была въ томъ непростительномъ заблужденіи, будто оно не совершится никогда.... Мнѣ казалось это такъ же невозможно, какъ и то, что я когда нибудь по́чувствую любовь къ человѣку, который такъ скоро успѣлъ мнѣ внушить полную антипатію къ себѣ. Я не догадывалась, что эта моя увѣренность вся основана была лишь на неодолимомъ отвращеніи сердца, и не имѣла для себя никакой иной опоры; я никакъ не могла понять тогда самой простой истины, что мало чувствовать, — надобно еще дѣйствовать.... Дѣйствовать! а что́ бы я сдѣлала съ моимъ дѣвическимъ безсиліемъ, съ моей робкою мыслію, съ моею непривычкою и даже боязнію противорѣчія! Ты знаешь, что меня всегда стыдили за то, что я не могла научиться говорить довольно громко и съ выраженіемъ. Вѣрно природа моя неизмѣняема! Два раза пыталась я преодолѣть себя, но всякій разъ замиралъ мой слабый голосъ, какъ только встрѣчался съ мужскимъ, и я уже молчала,— я только слушала.... Но съ того часа, какъ мнѣ сказали, что завтра я должна идти къ вѣнцу, я потеряла не только послѣднюю силу воли, даже самую память. Какой-то туманъ покрылъ мнѣ глаза и слухъ; я вдругъ почувствовала, что потеряла навсегда всѣ свои надежды, и на первый разъ мнѣ не казалось ничего отраднѣе, какъ погрузиться всею моею мыслію въ самую эту безнадежность. Я думала, что

Digitized by Google

оставляю людямъ только мой трупъ, и позволила имъ дѣлать съ собою, что они хотѣли. Но мнѣ врѣзалась въ память моя вѣнчальная свѣча: какъ будто она горѣла надъ моей могилою. Говорятъ, было очень весело на моей свадьбѣ, и даже maman моя не пропускала ни одной кадрили. Кузина моя увѣряетъ, что я была блѣднѣе, чѣмъ она, но что отъ этого я была еще интереснѣе. Вотъ все, что я знаю объ этомъ праздникѣ, который называютъ «моимъ» и о которомъ всѣ вспоминаютъ съ такимъ удовольствіемъ. Потомъ, въ памяти моей яснѣе послѣдующее; но ее могъ прояснить только тотъ ужасъ, который ощутила я, когда мнѣ сказали: «теперь вы принадлежите вашему мужу; онъ ожидаетъ васъ....» У меня еще нѣтъ столько привычки, чтобы вспоминать объ этомъ безъ какой-то судорожной дрожи...

Ты не потребуешь отъ меня, я думаю, чтобы я написала тебѣ портретъ моего мужа (если бы я также свободно могла произносить это слово, какъ пишу!). Если хочешь, воображай себѣ, какъ называетъ его моя кузина, «красавца»: этого довольно. Я же не называю его никакъ.

А моя погибшая любовь, — говорить ли о ней?... Она еще со мною, она лелѣетъ мой короткій сонъ, ея кроткая мелодія слышится мнѣ иногда и среди бѣлаго дня, въ тѣ минуты, когда я остаюсь одна, сама съ собою; но не знаю, ея присутствіе приноситъ ли мнѣ больше отрады, или горечи, больше притупляетъ, или острить болѣзнь. Знаю только то, что послѣ такихъ минутъ вздохъ мой бываетъ глубже и продолжительнѣе, и слеза свободнѣе течетъ изъ глазъ. А бываютъ часы, когда я не могу допроситься у себя ни одной слезы; тогда все горе ложится на сердце и сосетъ и гложетъ его, какъ червь. Дымъ, который ѣстъ глаза, легче; боязнь потери любимаго человѣка сноснѣе: тамъ есть какой нибудь призракъ надежды, хотя бы его создавала одна фантазія, здѣсь — одно чувство страданія и безразсвѣтная ночь въ воображеніи. Тогда особенно зову на помощь погибшую любовь мою и стараюсь воскресить въ душѣ образъ человѣка, имени котораго привыкла посвящать всѣ лучшіе обѣты сердца. Но не всегда по волѣ можно воскресить въ себѣ то, что порой возбуждается само собою, или навѣвается со стороны какимъ-то добрымъ геніемъ. Иногда нужны бываютъ долгія усилія для того только, чтобы заставить память сказать нѣкоторыя любимыя слова, чтобы возобновить въ ней на минуту звуки лю-

Digitized by Google

бимаго голоса, и потомъ достаточно бываетъ одного взгляда, одного слова иныхъ людей, чтобы мечта твоя разлетѣлась прахомъ, и все бы снова одѣлось въ туманъ. Такое слово раздается около меня въ эту самую минуту.... ко мнѣ идутъ. Прости, я не успѣю ничего больше сказать тебѣ.... За мной ужь начинаютъ наблюдать, и я боюсь, что самую переписку съ тобою скоро вмѣнятъ мнѣ въ преступленіе....

Она же къ ней же.

Мѣсяцъ спустя.

Утомилась ты, читая мое письмо, утомилась не потому, чтобы оно показалось тебѣ не довольно короткимъ, а потому, что оно, строка за строкою, отняло у тебя всѣ надежды, которыми дружба твоя любила окружать, какъ лучами, мою будущность. Я знала, добрый другъ мой, что печаль моя найдетъ вѣрный отголосокъ въ тебѣ; но я не думала, я не хотѣла, чтобы она вновь возмутила тотъ миръ, который ты такъ недавно еще возвратила себѣ цѣною многихъ и многихъ слезъ. Любящее сердце твое болѣзненно потряслось, когда ты узнала, что и на эту голову, на которую ты, горемъ испытанная, призывала всѣ благословенія, судьба положила свой терновый вѣнецъ.... Ты какъ будто въ другой разъ потеряла свое счастіе.... Но почему же бы я была счастливѣе, нежели ты? Развѣ мы ходимъ не подъ однимъ небомъ, развѣ солнце, которое свѣтитъ надъ нашими головами, ближе ко мнѣ, нежели къ тебѣ? Или я по наслѣдству получила права на счастіе? Спроси себя, на чемъ основана была твоя увѣренность, когда ты сулила мнѣ въ будущемъ лишь свѣтлые дни, и съ печальною улыбкою говорила, что найдешь отраду себѣ въ моей радости? Сердце подсказывало тебѣ твои добрые обѣты, но мысль не могла оправдать ихъ ничѣмъ. Ты могла сказать, что и въ будущіе годы также ярко будетъ восходить надъ нами утреннее солнце, природа каждою весною станетъ убираться въ свѣжую зелень, осень — приносить богатые плоды свои; ты могла сказать даже и то, что не мимо меня будутъ падать солнечные лучи, и что свѣтлые часы выпадутъ и на мою долю, но не могла ты обѣщать мнѣ счастія. Ты не имѣла на то

Digitized by Google

никакого резона; ничто не давало тебѣ права такъ рѣзко отдѣлять судьбу мою отъ твоей и дарить мнѣ счастіе, котораго ты ни купила, ни пріобрѣла даже всею цѣною твоихъ страданій. Дай же мнѣ руку, мой другъ, и пойдемъ одною дорогою. Что за дѣло, если я опоздала не много: повѣрь мнѣ, я скоро догоню тебя; моя печаль — печаль новая, исполненная силъ, а ты давно ужь утомилась отъ несчастія и ищешь себѣ покоя.... О, какъ тяжело будетъ наше свиданіе, когда мы встрѣтимся лицомъ къ лицу и, сложивъ на минуту наши ноши, сожмемъ другъ друга въ горькихъ объятіяхъ!...

Не напрасно говорятъ, что время — лучшій цѣлитель болѣзней. Если оно не вырываетъ болѣзни съ корнемъ, то замѣтно притупляетъ остроту ея. Съ небольшимъ мѣсяцъ тому, какъ я въ первый разъ съ содроганіемъ услышала, что я вся, мои чувства и моя воля принадлежатъ другому, и вотъ ужь я, кажется, много успокоилась, то есть привыкла къ своему горю.... Да, я, наконецъ, узнаю эту единственную отраду несчастія: я начинаю привыкать къ нему.... Повторяясь каждый день, не пугаютъ меня больше эти имена мужа и жены, отъ которыхъ недавно я готова была прятаться въ уголъ, какъ малое дитя; равнодушно смотрю я и на лицо мужа, особенно, когда онъ говоритъ не со мною. Одно, чего я не могу еще спосить до сихъ поръ, это его ласки, которыя производятъ на меня ощущеніе самое странное, иногда почти возмутительное.... У меня есть доброе желаніе побѣдить это невольное и, можетъ быть, вовсе незаслуженное отвращеніе; я не знала бы что отвѣчать, если бы спросили у меня, откуда родилась во мнѣ эта тайная ненависть... Но мысль моя слаба передъ чувствомъ: прежде, чѣмъ я успѣю сдѣлать себѣ принужденіе, оно ужь измѣняетъ мнѣ и въ лицѣ и въ каждомъ движеніи. Мнѣ даже замѣчали, что я становлюсь просто зла, какъ только *онъ* возьметъ меня за руку.... Зла — Боже мой! да откуда же взялась во мнѣ эта злоба? вѣдь не приняла же я въ себя этотъ ядъ вмѣстѣ съ воздухомъ! Моя добрая мать — ты это помнишь — не задолго до своей смерти утѣшалась тою мыслію, что у меня не злое сердце; а ты даже говорила мнѣ, что я не умѣю сдѣлать злаго лица; и вотъ, въ нѣсколько недѣль, я не только научилась дѣлать злое лицо, я стала просто злою женщиною.... Пощади меня отъ упрековъ; я не потерплю такой слабости; я буду строго наблюдать за собою,

Digitized by Google

за каждымъ движеніемъ своего чувства, словомъ, я исправлюсь. И много ли нужно, чтобы другіе, по крайней мѣрѣ, не пугались твоего лица? Немного воли, немного власти надъ собою. У меня ужь есть въ запасѣ нѣсколько мыслей, которыя меня успокоиваютъ.... Я думаю, что въ сравненіи съ другими я, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ счастлива.... То есть, можетъ быть, правильнѣе сказать, что у меня менѣе причинъ жаловаться и роптать, чѣмъ у другихъ. Ничего я не лишена, не знаю того, что̀ называютъ нуждою, избавлена отъ труда даже; папа недавно еще увѣрялъ меня, что я буду очень виновата передъ нимъ, если скрою отъ него хотя одно свое желаніе.... Гдѣ же тутъ несчастіе? А сколько есть бѣдныхъ женщинъ, у которыхъ вся жизнь есть одинъ непрерывный и неблагодарный трудъ, никогда себя вполнѣ невознаграждающій! Многимъ ли дано знать это довольство, которымъ я окружена со всѣхъ сторонъ? Если бы я не хотѣла избавиться присутствія только одного человѣка, я бы могла сказать, что мнѣ ничего не остается желать.... Но однимъ этимъ желаніемъ не осуждена ли ужь я на тайную и всегдашнюю казнь?

Ты говоришь мнѣ, зачѣмъ я сама не хотѣла подумать о судьбѣ своей, зачѣмъ не воспротивилась всею силой моей воли и позволила располагать собою другимъ въ такую минуту, когда рѣшалась участь всей моей жизни? Если не было во мнѣ любви, если было мѣсто одной ненависти, то чего же я ждала, чего надѣялась? О, я ничего ужь не надѣялась, мой другъ, и съ каждымъ днемъ теряла вѣру въ счастье; но воли у меня не было. Теперь, кажется, никакою пыткою не вымучили бы у меня согласія, а тогда мнѣ не приходило и въ голову, что̀ вопросъ о моемъ счастіи или несчастіи принадлежитъ мнѣ и никому другому. Никому, кромѣ меня, это я чувствую теперь больше, чѣмъ когда нибудь. Отъ-чего же теперь, а не прежде? Я долго обдумывала вопросъ твой и, кажется, могу, наконецъ, дать тебѣ отвѣтъ на него. Я не имѣла воли... потому-что я и не могла имѣть ея: она была отнята у меня всѣмъ моимъ воспитаніемъ. Что̀ говорили, что̀ внушали мнѣ съ самого дѣтства? Не то ли, что мнѣ не о чемъ думать, что мнѣ даже не должно ни о чемъ думать, что всѣ заботы обо мнѣ и о моемъ счастіи берутъ на себя отецъ и мать? И развѣ съ самыхъ первыхъ лѣтъ не окружена я была ихъ ласками, ихъ нѣжнымъ радушіемъ? развѣ мало было ихъ

Digitized by Google

любви ко мнѣ, чтобы я въ чемъ нибудь могла не довѣриться имъ? и развѣ когда нибудь они измѣнили моей довѣренности? Сколько заботливости для одной меня каждый часъ, не только каждый день! Я же была всегда любимица отца: никогда онъ не выходилъ изъ дому, чтобы не посмотрѣть мнѣ съ нѣжностью въ лицо и не назвать меня нѣсколькими ласковыми именами; никогда не возвращался онъ безъ того, чтобы я первая не встрѣтила его еще въ дверяхъ, и чтобы онъ не потрепалъ меня по щекѣ и не далъ своего добраго отцовскаго поцалуя. Бывало, чуть услышитъ, что я нездорова, бѣжитъ прямо въ мою комнату и долго, долго сидитъ со мной... Часто вечеромъ, занимаясь дѣлами, онъ призывалъ меня въ свою комнату и, усадивъ подлѣ себя, говорилъ, что ему веселѣе со мною. А кто былъ такъ радъ, когда видѣлъ меня въ новомъ нарядѣ? кто такъ заботился, чтобы я всегда была хорошо одѣта? Все онъ же, мой милый, добрый папа... Не даромъ братъ завидовалъ мнѣ и называлъ меня счастливицей: на меня одну расточалось столько любви, что ему ужь казалось, будто онъ любимъ недовольно. И я отдалась этой любви со всей дѣтской преданностью, я пріучилась не отдѣлять моей воли отъ воли тѣхъ, которые любили предупреждать малѣйшія мои желанія, лучше сказать, я пріучилась вовсе не имѣть своей воли, потому-что любовь, меня окружавшая, не оставляла ей никакого мѣста. Еще больше: я привыкла думать, что источникъ всего лучшаго для меня заключается въ волѣ людей, столько любившихъ меня, и не могла бы понять, если бы кто сказалъ мнѣ противное. И ты хочешь, чтобы я вдругъ рѣшилась стать противъ этой воли, которая давно владѣла всей моею любовью? чтобы я вдругъ отказалась отъ моей горячей преданности, воспитанной цѣлыми годами, и, въ угожденіе одному новому, неясному для меня самой чувству, строптиво пошла наперекоръ всѣмъ прежнимъ? И въ какую минуту? когда надобно было рѣшить вопросъ, о которомъ до того времени съ намѣреніемъ умалчивали передо мною, и который тогда въ первый разъ еще представился моей мысли во всей своей суровой важности и съ своимъ необъятнымъ значеніемъ... Мысль моя пугалась и робѣла всякій разъ, какъ только я начинала разсуждать сама съ собой, чтобы рѣшить про себя этотъ страшный вопросъ. Онъ былъ въ то время выше моего смысла. Я нисколько не была приготовлена къ нему и не умѣла

Digitized by Google

даже взяться за него, не знала просто, съ чего начать, чтобы найти своимъ мыслямъ какую-нибудь опору. Откуда же бы взялась у меня твердая воля, когда у меня не было ясной мысли, и какая могла быть во мнѣ рѣшимость, когда я сама не понимала хорошо своего положенія? Я уже писала тебѣ, что руководилась однимъ непреодолимымъ чувствомъ, которое, какъ ни громко говорило внутри меня, не могло, впрочемъ, создать во мнѣ той непреодолимой рѣшимости, которая называется твердою волею. Кажется, я не ошибусь, если скажу тебѣ, что его послѣднимъ и самымъ сильнымъ выраженіемъ были тѣ мольбы, съ которыми я два раза приступала къ отцу, прося его сжалиться надо мною... Я ничего не требовала, я только умоляла его... Въ послѣдній разъ, — это было за нѣсколько дней до нашей свадьбы,— поздно вечеромъ я вошла къ нему въ кабинетъ. Онъ ужъ пересталъ заниматься дѣлами и встрѣтилъ меня своею доброю улыбкою. Я хотѣла говорить, но рыданія заглушали мои слова: я упала къ его ногамъ... Онъ поднялъ меня въ ту же минуту, повернулся бокомъ и сказалъ мнѣ съ важностью, которой я прежде вовсе не замѣчала въ немъ: «Ты надоѣла мнѣ съ своими глупостями; пора бы ужъ тебѣ и образумиться; что это за ребячество!» Я еще хотѣла просить, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, выслушалъ меня до конца; но онъ тотчасъ вышелъ изъ кабинета и оставилъ меня одну...

Но что ты спрашиваешь меня, и что за новость я хочу сказать тебѣ, говоря, что я не могла имѣть воли! Не испытала ли ты сама очарованія той же любви? не отдала ли ей на жертву всей судьбы своей и не чувствуешь ли до сихъ поръ слѣдовъ старой немощи?... Ты не можешь сказать, что я выдумала на тебя, сестра моя по судьбѣ: я говорю тебѣ съ твоихъ же словъ, которыя ты писала мнѣ два года тому назадъ. Дѣло наше—дѣло общее; не раздѣлимъ же и чувствъ нашихъ. Любившимъ насъ—ни ты, ни я, мы не будемъ дѣлать упрековъ за любовь ихъ къ намъ, за эту нѣжную заботливость, которая съ участіемъ слѣдила за каждымъ нашимъ шагомъ и заставляла насъ не замѣчать въ себѣ недостатка нашей собственной воли; что сталось бы съ нами, если бы любовь близкихъ не осѣняла нашей молодости, если бы мы не росли подъ ея животворнымъ дыханіемъ? Но съ нѣкотораго времени, всегда, какъ только я начинаю думать объ этомъ, невольно закрадывается въ голову вопросъ:

Digitized by Google

зачѣмъ же наши воспитатели, они, которые столько любятъ насъ, привязавъ къ себѣ всю нашу довѣренность, измѣняютъ ей въ такую минуту, когда любовь ихъ, и только она одна, должна бы быть нашимъ щитомъ охранительнымъ? и для чего цѣлыми годами неизмѣннаго доброжелательства утверждаютъ они въ насъ увѣренность въ искренности ихъ любви,— для того ли, чтобы легче и вѣрнѣе воспользоваться нашею простодушною довѣренностью въ послѣднюю минуту, чтобы обезпечить себѣ полную власть надъ нами на то время, когда счастьемъ цѣлой нашей жизни, и, можетъ быть, только одинъ разъ въ жизни, обязываемся мы имѣть свой собственный голосъ, по крайней мѣрѣ, быть выше всякаго принужденія?... Если, какъ говорятъ обыкновенно, хотятъ удержать власть надъ нами для нашей же пользы, то зачѣмъ понимаютъ эту пользу по своему? зачѣмъ именемъ нашего счастья прикрываютъ свою корысть и свое тщеславіе?...

Но—конецъ всѣмъ этимъ вопросительнымъ знакамъ, и пусть остаются они безъ отвѣта. Для насъ съ тобой они не тоже ли теперь, что одинокіе колосья, уцѣлѣвшіе на нивѣ послѣ жатвы? Въ нихъ, можетъ быть, есть и зерно, да кому до того какое дѣло? Время жатвы прошло, и только развѣ вѣтеръ, гуляя по чистому полю, не обойдетъ ихъ своимъ холоднымъ дыханіемъ. Пусть стоятъ они до глубокой осени, дожидаясь цѣпа: серпъ никогда ужь не коснется ихъ стебля. Придетъ зима и засыплетъ ихъ пухомъ снѣговъ своихъ вмѣстѣ со спѣлыми зернами.

Вчера у меня былъ небольшой разговоръ съ мужемъ... Я передамъ его тебѣ какъ можно короче. Цѣлый вечеръ мужа моего не было дома; я, впрочемъ, не сводила глазъ съ дверей и каждую минуту ждала, что онъ воротится... Ты поймешь, что это было за ожиданіе. Оно-то отравило для меня и на этотъ вечеръ все удовольствіе одиночества, которое достается мнѣ нынѣ такъ рѣдко. Было ужь около полуночи, когда мужъ мой пріѣхалъ домой и вошелъ прямо въ мою комнату. Я читала... Поднявъ на него глаза, я увидѣла сіяющее лицо и глаза, полные какого-то нескромнаго самодовольствія. «Игралъ на ваше счастье, душа моя», сказалъ онъ мнѣ фамильярнымъ тономъ, отъ котораго до сихъ поръ воздерживался: «и вообразите—цѣлая куча золота!» Съ этими словами онъ, въ самомъ дѣлѣ, положилъ на столъ нѣсколько золотыхъ монетъ. Я смотрѣла, что

Digitized by Google

будетъ дальше. «Что же вы?» продолжалъ онъ, видя, что золото очень мало занимало меня. «Берите; половина тутъ ваша, возьмите ее себѣ, сдѣлайте изъ нея, что вамъ угодно. Вѣдь я вамъ сказалъ, что игралъ на ваше счастье... Да скажите же мнѣ что нибудь...» — Поздравляю васъ, сказала я ему. «А я вамъ дарю вотъ это... на ваши собственные расходы... на что вамъ вздумается...» Говоря такъ, онъ отдѣлилъ половину монетъ и подвинулъ ихъ ко мнѣ. Я не могла удержаться, чтобы въ ту же минуту не отодвинуть ихъ назадъ, но сдѣлала это движеніе такъ нетерпѣливо, что двѣ или три монеты упали со стола и покатились по полу... Онъ тотчасъ бросился поднимать ихъ, ворча что-то про себя, и долго шарилъ по полу руками, ничего, впрочемъ, не находя. Я хотѣла позвать кого нибудь изъ людей, но сколько ни звонила, не могла никого докликаться. Между тѣмъ, поиски продолжались, и все такъ же безплодно, какъ и прежде. Наконецъ, онъ взялъ свѣчу, и я видѣла издали, какъ онъ ходилъ нѣсколько разъ около одной монеты и, не знаю почему, никакъ не замѣчалъ ея. Тогда, признаюсь, я не утерпѣла, чтобы не засмѣяться... Особенно смѣшно было мнѣ видѣть его въ этомъ положеніи, тогда какъ онъ обыкновенно любитъ держать такой важный видъ. На бѣду, нагнувшись очень низко, чтобы поднять одну монету, онъ еще опалилъ себѣ волосы... Когда онъ всталъ, лицо его было такъ красно, что даже, смотря ему въ глаза, я не могла скрыть улыбки, какъ ни кусала губы... «Вамъ, кажется, очень весело?» сказалъ онъ съ досадою, ставя свѣчу на столъ. — Извините, отвѣчала я: — вы точно разсмѣшили меня... Впрочемъ, на моемъ мѣстѣ, вы вѣрно и сами не отказались бы посмѣяться. «А вы бы на моемъ мѣстѣ, плакали, сударыня!» продолжалъ онъ, горячась. «Вы, какъ тюрьма запертая: къ вамъ ни съ какой стороны не подойдешь... Когда я хочу смѣяться, вы смотрите волкомъ, просто волкомъ,— я ужъ рѣшился сказать вамъ всю правду,— а то такъ не уймете отъ смѣха!» — Нельзя же быть всегда въ одномъ расположеніи духа, замѣтила я. «А я вамъ скажу, что я вовсе теперь не расположенъ смѣяться, и что вашъ смѣхъ для меня личная обида; прошу васъ замѣтить это». Я молчала и не хотѣла болѣе слушать, но онъ продолжалъ говорить съ возрастающимъ жаромъ: «Я вамъ долженъ напомнить, что я вашъ мужъ, а не игрушка... Я долго терпѣлъ, но вы, наконецъ, вывели меня изъ терпѣнья;

Digitized by Google

я долженъ сказать вамъ все... Прошу васъ замѣтить, я вашъ мужъ, я имѣю права... Нельзя ли потише смѣяться надо мною... Я не позволю, нѣтъ, я не позволю» — и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока я не ушла вонъ изъ комнаты.

Какое полезное нравоученіе можешь ты извлечь для меня, мой другъ, изъ этого случая? Если найдешь, скажи мнѣ его, но ради Бога не притворяйся моей утѣшительницею.

P. S. На этихъ дняхъ я получила (тайно) два письма: ты догадаешься, отъ кого. Оставь мораль до времени: я знаю свою вину и первая не скрываю ее отъ тебя. Я имѣла слабость не только принять эти письма, но даже распечатать ихъ и прочесть. У меня не достало только твердости отвѣчать на нихъ. Впрочемъ, зачѣмъ бы я стала отвѣчать? Вѣдь эта любовь, не правда ли, мой другъ, она должна угаснуть навсегда, и истребиться самая память о ней? Если бъ только не измѣнила мнѣ воля, если бы достало у меня твердости!... О, какъ дорого стоитъ такая рѣшимость.... По крайней мѣрѣ, я не могла не прочесть этихъ писемъ. Въ нихъ.... Я не сказала тебѣ, что мы скоро оставляемъ городъ. *Онъ* узналъ объ этомъ, не знаю какими путями, и именемъ любви проситъ, чтобы я позволила ему говорить со мной въ послѣдній разъ.... Онъ хочетъ, чтобы я была на первомъ балу въ .... и потомъ дала бы ему средство быть у меня.... Вмѣстѣ со мной прости и ты ему эту дерзость: ты видишь сама, онъ потерялся совсѣмъ, онъ не знаетъ, что́ говоритъ. «Впереди у насъ нѣтъ ничего», пишетъ онъ. «Еще нѣсколько дней, и мы умремъ другъ для друга навсегда. Рѣшите, надобно ли, чтобы мы жили сколько нибудь до этого срока, чтобы жили нѣсколько минутъ во всю нашу жизнь? Чего боитесь вы? погубить ли напрасно время, которое отдадите мнѣ, или потерять ваше будущее? Но ваше будущее, — оно ужь погибло для васъ, если жива еще любовь, которою такъ гордъ я; еслижь ея нѣтъ и слѣдовъ, если вы продали ваше сердце, какъ другіе продали вашу руку, я молчу, я не требую ничего; пусть ваше будущее остается при васъ, я не возьму себѣ ни одной минуты, ни однимъ словомъ не отравлю вашего наслажденія.... Изберите: я буду ожидать съ терпѣніемъ». Въ этихъ строкахъ есть какой-то ядъ; я не могу читать ихъ безъ того, чтобы у меня не кружилась голова, не мутилась мысль моя. Голосъ разсудка слабѣетъ; я впадаю въ какое-то изнеможеніе и почти го-

Digitized by Google

това бываю уступить искушенію, согласиться на все.... Но меня спасаешь ты, мой добрый геній. Твой чистый образъ является передо мною всякій разъ, какъ только я начинаю уступать очарованію. Мнѣ кажется, ты, съ своею кроткою улыбкою, подаешь мнѣ руку на помощь, и я становлюсь тверда по прежнему. Но нѣтъ, я не могу не исполнить *его* перваго желанія: прощаясь на разлуку, можетъ быть, вѣчную, не долженъ ни одинъ изъ насъ покинуть другаго съ проклятіями. Вмѣсто любви, пусть, по крайней мѣрѣ, каждый изъ насъ оставитъ миръ другому.... Прощай, прощай.

Ротмистръ Клоковъ къ своему другу.

Отъ одного числа съ предъидущимъ.

Дождался я, наконецъ, что *ты* ужь пишешь ко мнѣ, и сердишься, разумѣется. Запретить тебѣ сердиться я не могу, а впрочемъ, желалъ бы, чтобы ты выражался немного поучтивѣе. Какой нибудь Вѣрѣ это было бы еще извинительно, потому-что, самъ знаешь, она не можетъ жить безъ брани, теперь же особенно, когда лишилась во мнѣ такого вѣрнаго друга; но слышать подобныя глупости отъ тебя, человѣка столько благомыслящаго, какъ-то ужь вовсе не приходится. Подъ часъ и безъ того бываетъ довольно солоно, а тутъ еще тебѣ дѣлаютъ выговоры, да еще съ тонкими намеками, чортъ возьми! Ужь это вовсе изъ рукъ вонъ.

Письма обѣщаннаго не писалъ я къ тебѣ до сихъ поръ потому, что просто не собрался писать. Не всякое же обѣщаніе выполнять іота въ іоту. И что тебѣ за особенный интересъ въ этомъ письмѣ? Положимъ, что я женился; да вѣдь не перемѣнился же я отъ этого, съ ногъ до головы. Иные бы, можетъ быть, и хотѣли переломить меня по своему, да не удастся имъ этого никогда.... А впрочемъ, перемѣнъ очень не много, и интересъ моего новаго состоянія очень пустой: конечно, теперь я полный хозяинъ въ домѣ, жена у меня очень хорошенькая собой, и разныя этакія нѣжности; вообще удобствъ очень много, но такого, что бы особенно могло быть интересно для тебя, нѣтъ почти ничего. Ты, я знаю на что мѣтишь: ты ждалъ отъ меня посланія въ родѣ того, которое мы съ тобою такъ

Digitized by Google

твердо знаемъ наизустъ.... Я бы и самъ не прочь полакомить тебя подобными стишками; да вѣдь это легче сказать, нежели исполнить. Было время, и мы писывали стишки, и можетъ быть, не хуже иныхъ прочихъ; но съ годами мѣняется и вкусъ: теперь мнѣ какъ-то больше нравится проза, а начни только прозою, и весь жаръ простынетъ, особенно какъ еще отъ другихъ-то и вовсе вѣетъ холодомъ.... Чего не могу терпѣть, такъ это холодныхъ, бездушныхъ людей: по моему, такіе люди хуже самыхъ необразованныхъ. Впрочемъ, я говорю это къ слову только, или не то, чтобы къ слову, а такъ ужь съ языка сорвалось.... О, чортъ возьми, если бы не приходилось иногда держать языкъ на привязи! Но не о томъ рѣчь; дѣло въ посланіи, котораго ты ждалъ, говоришь, какъ воронъ крови, и не дождался. Не дождался ты потому, что я не писалъ къ тебѣ, а не писалъ я потому, что у меня на это есть тьма причинъ, о которыхъ на сей разъ позволяю себѣ умолчать.

Жена моя, — если ужь тебѣ такъ любопытно знать, — имѣетъ отъ природы доброе сердце и получила отличное воспитаніе: съ нею не стыдно выѣхать хоть въ большой свѣтъ. Здѣсь многіе мнѣ завидуютъ и называютъ меня «счастливцемъ». Одно, что́ мнѣ не совсѣмъ нравится въ ней, это капризишки негодные, которыхъ она по своей неопытности не хочетъ даже скрывать отъ меня. Недотрога, напримѣръ, такая, что до сихъ поръ не могу сдѣлать ручною.... Вообрази себѣ, что сама никакъ не можетъ приласкаться ко мнѣ, и все ждетъ, чтобы я началъ первый.... Есть также у нея нѣкоторыя дурныя замашки, отъ которыхъ мнѣ тоже хотѣлось бы отучить ее со временемъ: не любитъ, напримѣръ, чтобы я гдѣ нибудь долго былъ одинъ, ивсегда сдѣлаетъ этакія недовольныя губки, какъ будто ужь я измѣнилъ ей.... Иногда такъ вдругъ начнетъ вовсе некстати смѣяться, и сердится, если я не отвѣчаю ей тѣмъ же. Вчера мы съ нею немного даже повздорили. Я пріѣхалъ домой въ хорошемъ расположеніи духа; думаю себѣ, чѣмъ бы потѣшить жену? На ту пору со мной было много золота; я взялъ чуть не пригоршню и подаю ей.... какъ она вдругъ толкнетъ мнѣ подъ руку! Деньги посыпались, а ей, разумѣется, то́ и на руку: расхохоталась моя Hélène, такъ что унять никакъ не могу.... Я смотрѣлъ, смотрѣлъ, да и давай читать ей нотацію, — прочелъ цѣлую проповѣдь. Ей сначала показалось это довольно невкус-

Digitized by Google

нымъ, и ужь она сдѣлала было недовольныя губки, но какъ увидѣла, что я нисколько не намѣренъ шутить, то и присмирѣла: меньше чѣмъ въ пять минутъ стала совершенно какъ шелковая. А я думаю про себя: это еще только цвѣточки; что-то скажешь, моя бодливая козочка, какъ пойдутъ ягодки?... Я ужь положилъ себѣ за правило — не позволять женѣ поднимать къ верху носу, и повѣрь, что не отступлюсь отъ него.

Въ картахъ мнѣ везетъ таки, хоть пріѣхавши я и думалъ было вовсе бросить игру. Нашелъ нѣсколько добрыхъ людей, съ которыми можно провести вечеръ безъ убытка. Играемъ иногда и по большой, и всегда расплачиваемся на чистую. На дняхъ одинъ статскій совѣтникъ спустилъ въ однѣ мои руки за полтысячи и обѣщался попробовать счастья и въ другой разъ. Хочу зазвать его къ себѣ и познакомиться съ нимъ поближе: человѣкъ очень честный и добросовѣстный. Боюсь только, чтобы не приревновала жена, не къ нему, разумѣется, а къ его дражайшей половинѣ, которая, между нами будь сказано, удивительно способна вводить въ искушеніе. Какъ я увидѣлъ ее въ первый разъ, такъ просто слюньки потекли.... Будь я человѣкъ свободный, какъ ты, напримѣръ, не упустилъ бы случая. Есть, впрочемъ, у меня и еще одинъ преинтересный сюжетецъ, въ любимомъ твоемъ родѣ: бѣлая, полная, большіе черные глаза, румянецъ во всю щеку, однимъ словомъ, кровь съ молокомъ; но мнѣ не приходится много говорить о ней, потому-что она — кузина моей жены. Я бы непремѣнно сталъ рекомендовать ее тебѣ, да къ несчастію она ужь влюблена по уши — въ меня, и я съ каждою минутою жду, что вотъ бросится ко мнѣ на шею. Кругомъ побѣды, чортъ возьми, и, признаться тебѣ, подъ часъ очень и очень думается, что я дурно воспользовался своимъ положеніемъ.... Иной разъ возьметъ такая досада, что бѣжалъ бы изъ дому вонъ....

Такъ по-немногу привыкаю къ семейной жизни, а между тѣмъ, все какъ-то тянетъ къ прежнему пріятельскому кружку. Славное это было время, когда жилось безъ хлопотъ, безъ заботъ, и когда за всѣ наслажденія платили деньгами, а не покупали ихъ какимъ-то ослинымъ терпѣніемъ! Хотѣлось бы хоть разъ встрѣтиться со старыми пріятелями и сообща пустить нѣсколько пробокъ въ потолокъ. Чувствую, какъ будто я глупѣю въ этой душной атмосферѣ, тутъ мнѣ какъ будто не достаетъ

Digitized by Google

чего-то для полнаго простора. А ужь когда нибудь я протяну руки вокругъ себя, вотъ только соберусь немного съ духомъ, да потеряю все терпѣніе.... Тогда не мудрено, что я пришлю къ тебѣ и большое посланіе.... До того времени не мучь меня ради Бога своими пустыми упреками; вѣрь мнѣ, что мнѣ больше остается молчать, нежели говорить тебѣ.... Прощай.

Онъ же къ тому же.

Черезъ три недѣли.

Ты злодѣйски угадалъ все, и мнѣ нечего больше скрываться передъ тобою: я точно сдѣлалъ промахъ огромный.... Не знаю только, надобно ли мнѣ проклинать судьбу свою, или смѣяться надъ собою. Конечно — послѣднее, или ужь я былъ бы очень жалокъ въ твоихъ глазахъ. Пусть же лучше плачутъ другіе, кому слезы въ привычку, а мы постоимъ за себя. Дивлюсь твоей смѣтливости: у тебя есть чутье какое-то, отъ котораго ничѣмъ не прикроешься. Все, что ты пишешь о моей женѣ, такая правда, что можно подумать, будто ты ее видѣлъ или зналъ прежде: надутая и капризная дѣвчонка — вотъ всѣ ея достоинства. Съ каждымъ днемъ я больше и больше узнаю эти ея похвальныя качества. Сначала я думалъ, что она не больше, какъ природная дикарка, которой не достаетъ лишь самой пустой опытности, чтобы перемѣнить свое странное обращеніе и поближе подойти къ мужу. Она же притворялась такой незлобивой овечкою, что на мои глаза была совершенное дитя; такъ и казалось, какъ будто вчера только бросила куклы. Это обстоятельство, впрочемъ, не столько смущало, сколько радовало меня; признаюсь, я имѣлъ тутъ особенные виды и обѣщалъ себѣ цѣлый рай.... Я и знать не хотѣлъ, что ей ужь восемнадцать лѣтъ, и пропускалъ безъ вниманія самыя рѣзкія ея выходки, которыя какъ ни рѣдко, а случались. Надобно же было, чтобы на меня напала такая куриная слѣпота! Бывало, еще до нашей свадьбы, найдетъ на нее такой стихъ, что цѣлый вечеръ дуетъ себѣ губы и мнѣ въ отвѣтъ ни слова, кромѣ глупыхъ своихъ «да» или «нѣтъ»; или еще вдругъ почувствуетъ себя нездоровою и уйдетъ отъ меня, едва лишь кивнувъ головою. За то разъ заговорила сама, и ужь подарила, признаться, отличнымъ сло

Digitized by Google

цомъ; такъ я и тутъ умѣлъ обмануть себя, да и тебя, кажется, вмѣстѣ. Въ другой разъ она подошла ко мнѣ съ такимъ строгимъ видомъ, какъ будто хотѣла потребовать отъ меня отчета. Впрочемъ, что вспоминать старое! Примѣры ея прихотей и самонравія я вижу каждый день, и каждый день замѣчаю, что они ростутъ не по днямъ, а по часамъ. Каково это тебѣ покажется? Вотъ ужь правда, что не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь....

Во всемъ этомъ, надобно сознаться, немного утѣшительнаго. Впрочемъ, опасенія твои за меня, какъ они ни основательны, слишкомъ уже преувеличены. Ты боишься, чтобы я не испортилъ всего дѣла своимъ добрымъ и мягкимъ сердцемъ? На этотъ счетъ ты можешь быть совершенно спокоенъ. Какъ я ни добръ отъ природы, впрочемъ, никому не позволю водить себя за носъ, а женѣ всего менѣе. На эту статью у меня есть свои правила, и если я молчалъ до сихъ поръ, то есть, терпѣливо сносилъ разныя глупости жены, то единственно изъ уваженія къ ея отцу. Почтенныхъ людей, что ни говори, а должно уважать. Между тѣмъ, въ два мѣсяца я узналъ ее совершенно, и теперь, какъ потеряна всякая надежда, рѣшился взять свои мѣры. Ты увидишь, что значитъ человѣкъ и съ добрымъ сердцемъ, но оскорбленный. Погоди—это я говорю не тебѣ, а ей—погоди, я доберусь до тебя, моя драгоцѣнная половина, или какъ это сказалъ гдѣ-то незабвенный Пушкинъ:

Погоди, тебя заставлю
Я смириться.... предо мной:
Въ мѣрный кругъ твой бѣгъ направлю,
Укороченной уздой.

Объ комъ бы ни сказалъ Пушкинъ эти слова, но онъ вѣрно угадалъ мою мысль и выразилъ ее совершенно по моему. Я докажу, что стихи, которые ты сейчасъ прочелъ, относятся къ намъ, именно ко мнѣ и къ моей женѣ; я заставлю ее смириться передо мной.

Но ты долженъ узнать напередъ послѣднія обстоятельства, которыя привели меня къ такой рѣшительности. Помнишь, какъ я всегда былъ откровененъ: знай же, что я и теперь не перемѣнился ни на волосъ. Такъ и быть, посвящу тебя въ наши домашнія тайны. Возвращаюсь опять къ моей дражайшей полови-

Digitized by Google

нѣ. Не говорю ужъ объ ея мелкихъ капризахъ, которыми она угощаетъ меня во всякое время : это бы еще ничего ; благодаря Бога, я слишкомъ хорошо чувствую мое достоинство, чтобы смущаться отъ женскихъ прихотей. Капризничай она, сколько хочешь, я бы и не подумалъ быть на нее въ претензіи : я хорошо знаю женскую натуру. Но представь себѣ мое изумленіе : вдругъ узнаю я, что капризы ея происходятъ не отъ одного только своенравія, но что дѣло касается прямо моей чести, моего добраго имени, словомъ, я узналъ, что моя обожаемая супруга изволитъ безъ стыда любить какую-то тварь, а меня ненавидитъ, разумѣется за то, что я смѣлъ разлучить ее съ предметомъ ея любви.... Прошу тутъ быть равнодушнымъ и удержаться отъ негодованія! Да если бы даже Вѣра въ прежнія времена сдѣлала мнѣ подобный сюрпризъ, и тогда — я не ручаюсь, чтобы не взбѣсило меня такое предательство ; а тутъ — жена почти въ моихъ глазахъ заготовляетъ мнѣ помощника!... Нѣтъ, отогрѣвать у себя на груди змѣю я не намѣренъ.... А какъ я сдѣлалъ это драгоцѣнное открытіе? Къ низкимъ средствамъ я прибѣгать не способенъ ; мнѣ просто помогъ случай. Надобно тебѣ знать, что моя скромница до сихъ поръ не любила никакихъ выѣздовъ и особенно не жаловала большія собранія. На самый простой вечеръ она всегда ѣхала съ принужденіемъ, котораго даже не скрывала. Я ужъ думалъ, что моя жена скоро сдѣлается совершенной затворницей, какъ вдругъ, недѣли двѣ тому назадъ, слышу, она сама изъявляетъ мнѣ свое желаніе быть на первомъ балу въ .... Этотъ балъ приходился на другой же день. Я не вѣрилъ своимъ ушамъ и смотрѣлъ на нее во всѣ глаза; однако, она не показала ни малѣйшаго смущенія и настаивала. Согласиться надобно было потому особенно, что мнѣ ужъ закрались въ голову нѣкоторыя подозрѣнія.... Чортъ разгадаетъ этихъ женщинъ! Вообрази, что даже въ ту минуту, какъ я сказалъ женѣ, что и самъ имѣлъ туже самую мысль, она умѣла не выразить ни радости, ни изумленія, и выслушала меня съ такимъ холоднымъ лицомъ, какъ будто я отъ себя дѣлалъ ей это предложеніе. Думалъ я, не измѣнитъ ли она себѣ, по крайней мѣрѣ, за туалетомъ : нимало! Такъ же тихо и спокойно собралась она на этотъ балъ, какъ и на всякій другой. Даже въ уборѣ ея не замѣтилъ я ничего особеннаго. Странно только показалось мнѣ, что когда надобно было ѣхать,

Digitized by Google

у нея явилась какая-то нерѣшительность. Съ полчаса пробыла она въ своей комнатѣ и вышла оттуда съ глазами, натертыми или наплаканными — не разберетъ сама демонская сила. Я, однако, положилъ себѣ держать ухо востро и не спускать глазъ съ моей голубицы. И, надобно сказать правду, не долго томила она меня: не прошло и часу послѣ нашего пріѣзда, какъ явился какой-то блѣднолицый фрачникъ и, не удостоивъ меня даже взглядомъ, предложилъ женѣ моей кадриль. Я ждалъ, что она, по крайней мѣрѣ, будетъ рекомендовать его мнѣ; но ей ужь было не до того.... Сердце повернулось у меня бокомъ въ эту минуту, однако я нисколько не желалъ провалиться сквозь землю и преспокойно сталъ за колонну. Надобно было видѣть, съ какимъ дьявольскимъ выраженіемъ говорили они другъ другу.... Слова тутъ не значатъ ничего: довольно было видѣть лица и жесты, чтобы понять, что они отсылаютъ тебя къ чорту. Я, однако, проглотилъ свою досаду и ждалъ, чѣмъ кончится этотъ пасквиль. Кадриль кончилась, они продолжали говорить, не замѣчая меня; музыка заиграла снова, и они опять становились въ ряды, чтобы начать другую кадриль.... Но я ужь не могъ больше выдержать: подошелъ къ нимъ, схватилъ жену за руку и попросилъ ее ѣхать домой. Лукавый родъ! Ты думаешь, что она показала недовольный видъ или изумилась этой нечаянности? Опять нѣтъ. Ни краски въ лицѣ, и мнѣ никакого слова, но ему, ему она успѣла сказать ихъ нѣсколько, на этомъ проклятомъ нѣмецкомъ языкѣ, къ которому я питаю врожденную ненависть. Дорогою она молчала, я говорилъ.... не о томъ, впрочемъ, что бы слѣдовало сказать, а о томъ, что у меня вовсе не было и на умѣ. Не я, а она научила играть роль. Я сказалъ ей, что вдругъ почувствовалъ сильную боль въ головѣ, что мнѣ надобно писать письма, что у меня вовсе нѣтъ времени, что, наконецъ, мнѣ очень жаль было лишить ее удовольствія.... Она молчала и тутъ....

На умѣ же у меня было вотъ что: ты смѣла подумать, что можешь дарить свои чувства кому угодно, и имѣть отъ меня тайны; ты смѣла забыть, что я могу потребовать у тебя отчета въ каждомъ словѣ, сказанномъ другому, не только въ чувствѣ; ты была такъ безстыдна, и, какъ правая, не хочешь даже просить у меня прощенія!... Согласенъ: я буду молчать, буду молчать даже въ то время, когда ты будешь валяться у моихъ

Digitized by Google

ногъ. Я принагну твою гордость. Я научу тебя правиламъ благопристойности и заставлю не одинъ разъ заплакать горькими слезами. Есть у меня на это не одно средство. Я не за тѣмъ хотѣлъ быть твоимъ мужемъ, чтобы улыбаться тебѣ, когда ты будешь дѣлать глазки другимъ; я хотѣлъ не потѣхи твоей, а собственнаго удовольствія, искалъ не театральныхъ представленій, а домашняго счастія. Но если ужь пошло на то, посмотримъ, кто пересилитъ кого....

Но меня еще ожидалъ другой ударъ. Можешь себѣ представить, въ какомъ состояніи я воротился домой: человѣкъ, который дорожитъ семейнымъ счастіемъ, не можетъ быть покоенъ, когда видитъ, что это счастіе легкомысленно разрушаетъ та самая особа, которая составляетъ предметъ нѣжнѣйшей его заботливости. Со мною было въ этотъ разъ тоже самое, что и съ другими въ подобныхъ обстоятельствахъ, и такое состояніе духа продолжалось и на другой день. И между тѣмъ, мнѣ все хотѣлось чѣмъ нибудь оправдать жену; съ этою мыслію вошелъ я въ ея маленькій кабинетъ, въ то самое время, какъ она была въ саду. Какъ передъ другомъ, не скрываю передъ тобой ни одной іоты: на то пошло, говорю.... Глаза мои случайно остановились на туалетѣ; смотрю — изъ шкатулки, которая стояла на немъ, выставился кончикъ исписанной почтовой бумаги.... Рука жены, почему мужу не заглянуть? Я думаю, онъ имѣлъ бы право взять письмо жены даже изъ подъ замка.... Читаю и не вѣрю глазамъ.... Пишутъ, что принять у себя въ домѣ (разумѣешь самъ кого), по случаю присутствія въ немъ мужа, не могутъ, а надѣются встрѣтиться на балу въ ***, какъ это дѣйствительно и случилось. Письмо было подписано однимъ днемъ раньше, и если не поступило въ назначенныя руки, то, конечно, потому, что встрѣтились сильныя препятствія.... Сто разъ перевернулъ я это письмо, которое, замѣть, есть уже отвѣтное, и все не хотѣлъ вѣрить, чтобы его писала моя жена, она, которая со мною одна плоть и кровь. Капли холоднаго пота не разъ выступали у меня на лбу; руки дрожали, какъ въ лихорадкѣ.... Наконецъ, я повѣрилъ и — проклялъ день своего рожденія! Повѣришь ли, слеза выкатилась у меня изъ глазъ.... За что же такъ жестоко наказываешь ты меня, судьба?

Вотъ зачѣмъ воспитываютъ у насъ женщинъ — чтобы онѣ искуснѣе обманывали мужей! Онѣ не знаютъ того, каково лег-

Digitized by Google

ко достаются намъ эти прихоти, которыми онѣ только потѣшаются. Дѣвчонка! хоть бы подумала о томъ, что вся жизнь-то ея! что видѣла, что сдѣлала она въ эти полтора или два десятка лѣтъ, которыя прожила на бѣломъ свѣтѣ? какую пользу принесла за тотъ хлѣбъ, который ѣла? Послѣдняя кухарка сдѣлала въ домѣ больше пользы, чѣмъ она.... Дивлюсь, чего смотрятъ наши отцы, когда воспитываютъ дочерей: какъ бы, кажется, было не внушить той самой простой истины, что, пока-де ты ростешь здѣсь подъ крылышками у матери, твой будущій мужъ проливаетъ тамъ кровь за отечество, подвергаетъ жизнь разнаго рода опасностямъ, словомъ, дѣлаетъ разныя этакія дѣла, которыхъ ты и понять никогда не можешь, не только что выполнить, и что если мужчина предлагаетъ тебѣ свою руку, такъ ужь это одно должно быть верхомъ твоего счастія? а не то, чтобы поблажать ихъ развратнымъ наклонностямъ. Вѣдь если смотрѣть на предметъ съ настоящей точки зрѣнія, такъ ужь и это развратъ, если *дѣвушка* позволяетъ себѣ какое нибудь чувство къ мужчинѣ: въ строгомъ смыслѣ говоря, она должна сберечь всѣ свои чувства и принести ихъ въ даръ тому, кому судьба опредѣлитъ ее принадлежать цѣлую жизнь. Мужчина совсѣмъ другое дѣло: онъ существуетъ не для себя только, но для цѣлаго общества; жизнь его есть постоянный трудъ, и шалость позволительна въ ней и даже совершенно необходима, какъ полезное развлеченіе. Потому-то и всякая шалость съ ея стороны есть уже преступленіе: это ясно, какъ день. Тебѣ, какъ человѣку холостому, не имѣющему и понятія о томъ, что такое значитъ жизнь семейная, супружеская, тебѣ мое мнѣніе покажется нѣсколько суровымъ; но не забудь, я смотрю на предметъ съ точки нравственной, по этому и не удивительно, что нахожу безнравственность тамъ, гдѣ твой разсѣянный глазъ видитъ только или слабость, или безхарактерность. Ты вѣдь, кажется, такого мнѣнія о женщинахъ?

Я нисколько не намѣренъ терять времени по напрасну, и ужь рѣшился на дняхъ же привести въ исполненіе одинъ отличный маневръ. Главная задача состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать нравственнымъ образомъ. Жизнь научитъ всему. Теперь и я вспомнилъ мораль этого стараго брюзги Нѣмца, у котораго въ домѣ мы стояли въ Лифляндіи, и котораго ты такъ ловко передразнивалъ, что я, бывало, хохоталъ

Digitized by Google

по цѣлому часу. Дѣло говорилъ, какъ ты ему ни смѣйся. Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ — я рѣшительно такого мнѣнія — прибѣгать къ какимъ нибудь насильственнымъ мѣрамъ недостойно человѣка образованнаго. Женщина — созданіе слабое; варварское обхожденіе можетъ просто убить ее. Нѣтъ, такой образъ дѣйствія въ наше время былъ бы сущимъ анахронизмомъ. Я поступлю иначе, я буду дѣйствовать на нравственную сторону женщины, я дамъ почувствовать своей женѣ всю черноту ея поступка, не пощажу себя — остыжу ее при другихъ, чтобы только пробудить въ ней голосъ совѣсти. Это самое первое и самое важное; послѣ ужь не трудно будетъ держать ее, что называется, въ уздѣ. Не удастся — ну, тогда можно будетъ взять и другія мѣры. Я не изъ числа тѣхъ, которые, вспыливъ отъ перваго каприза жены, тотчасъ будутъ искать развода. По моему, это и малодушно, и легкомысленно, и смѣшно, ребячески глупо. Во первыхъ, это значитъ не имѣть никакого уваженія къ священнымъ узамъ, ругаться надъ завѣщаніями нашихъ отцовъ, которыя должны быть для насъ не менѣе священны; во вторыхъ, это значитъ вовсе не умѣть понять тѣхъ новыхъ обязанностей, которыя возлагаешь на себя, вступая въ бракъ съ особою женскаго пола: она капризна, она ребячится, твое дѣло привести ее къ сознанію, на то ты мужчина, на то даны тебѣ всѣ средства; въ-третьихъ, надобно же подумать сколько нибудь и о себѣ: виноватъ ли я, что на свѣтѣ такъ глупо устроено, что мы, мужчины, иногда не можемъ порядочно существовать безъ помощи, если не жены, то того, что она приноситъ съ собою?... Это вопросъ «капитальный»: пренебрегать имъ, значитъ пренебрегать своимъ собственнымъ счастіемъ, отрекаться отъ благодати.... Да однимъ словомъ, ребенка, когда онъ и сильно глупитъ, сѣкутъ и потомъ привязываютъ къ столу, а не выгоняютъ его изъ дому. Нѣтъ, я вѣдь обстрѣленный воробей: на бобахъ меня не проведешь. Нужно только вооружиться хладнокровіемъ и терпѣніемъ: терпи, и будешь атаманъ, сказано прежде насъ съ тобою. Она можетъ думать про себя, что хочетъ, а я все буду думать свое. Увидимъ, на чьей сторонѣ останется *верхъ*....

На дняхъ жду матушки. Она ѣдетъ порадоваться на мое супружеское счастіе и ужь чуть не собирается понянчить внучка или внучку... У этихъ старухъ только и на умѣ, что ребята;

Digitized by Google

онѣ судятъ о насъ по себѣ, вовсе не думая, что времена давно перемѣнились. Сдѣлай милость, пиши ко мнѣ чаще: только въ дружбѣ твоей и нахожу утѣшеніе.

Елена Клокова къ своей подругѣ.

Позже нѣсколькими недѣлями.

Многому учусь я изъ твоихъ писемъ. Опытъ твоей жизни, полной горькихъ уроковъ, далъ тебѣ гораздо больше, чѣмъ сколько можетъ дать холодная книга. Иной бы сказалъ, что ты поумнѣла, а я скажу, что страданія просвѣтлили твою душу; кажется, будто любовь твоя, миновавъ свою прямую мѣту, разлилась по всему существу твоему и каждую мысль твою согрѣла своимъ теплымъ дыханіемъ. О, какъ мало еще доросла я до тебя, какъ мало! Боюсь, что даже и то, что я называю въ себѣ любовію, но есть ли даже и то лишь другая сторона моей ненависти, или ея злое орудіе? Я говорю, что люблю.... не значитъ ли это, что я столько ненавижу одного, что хочу мстить ему любовію къ другому? А ты давно изгнала изъ сердца всякую ненависть, ты велѣла себѣ забыть прошлое, чтобы у тебя не вырывалось больше ни одного слова, оскорбительнаго для другихъ, ты, наконецъ, кротко совѣтуешь и мнѣ искать мира съ самой собою, а прежде всего съ своимъ положеніемъ. Но ты же сама разрушаешь всю силу твоего убѣжденія, когда говоришь, что недостатокъ любви можно замѣнить уваженіемъ.... И правда, однимъ только уваженіемъ можно замѣнить недостатокъ любви; одно уваженіе, хотя бы оно было даже и взаимное, еще не родитъ, конечно, полнаго сочувствія, безъ котораго нѣтъ духовнаго единства; впрочемъ, тутъ, по крайней мѣрѣ, не будетъ мѣста оскорбленію, потому-что не оскорбляютъ тѣхъ, кого уважаютъ. Итакъ или любовь, или уваженіе: но если прежде, чѣмъ я научилась уважать человѣка, во мнѣ уже поселилось презрѣніе къ нему? если это послѣднее чувство ростетъ во мнѣ съ каждымъ днемъ? Не скажешь, конечно, ты, что недостатокъ уваженія можно восполнить любовію, которой нѣтъ.... Еще можно уронить въ себѣ незаслуженное уваженіе къ другому, если по какой нибудь ошибкѣ оно успѣло занять мѣсто въ вашемъ чувствѣ; но презрѣніе, иногда даже безотчет-

Digitized by Google

ное, пишется въ насъ, я думаю, чертами неизгладимыми. Кого вы презирали когда нибудь, того вы не будете уважать никогда!.. Можетъ быть, я ошибаюсь; но что, если я говорю правду? Во всю жизнь ни любви, ни уваженія къ тому, кто хочетъ отъ тебя всѣхъ жертвъ себѣ!... О, пусть же лучше я сказала ложь, выдуманную моею злою ненавистію, пусть лучше будетъ правда то, что презрѣніе есть только зародышъ уваженія, что мы не можемъ не уважать тѣхъ, кого презирали когда нибудь.... Обличи же меня, обмани меня!

Но я ношу въ себѣ еще и ненависть! Чувствую въ себѣ этого врага, но не могу ни задушить его, ни изгнать изъ себя. Ни свѣжесть утра, ни яркое солнце полуденное, ничто не помогаетъ моему безсилію, а ночныя тѣни отнимаютъ у меня и послѣднюю бодрость. Ропотъ слышится въ мысли, когда я стараюсь усыпить его въ сердцѣ, и слова нетерпѣнія сами собою срываются съ языка, когда всѣми усиліями воли я заставляю молчать мою дерзкую мысль. Что же должна я дѣлать?...

Ты посылаешь мнѣ утѣшенія, а жизнь даетъ мнѣ другое.... Меня увлекаетъ потокъ ея, хоть я и не знаю, къ какому концу. Предчувствіе, впрочемъ, говоритъ мнѣ, что я навсегда оторвалась отъ твердой земли и никогда ужь не увижу зеленыхъ береговъ ея. При этой мысли внезапный страхъ овладѣваетъ мною: отъ-чего-то кажется ужаснѣе погибнуть въ волненіи, нежели мирно отойти на своей постели, хотя и та и другая смерть равно убиваетъ въ насъ всѣ источники жизни.... Послѣднія недѣли не прошли у меня безъ новой пищи и моей любви, и моей ненависти. Ты узнаешь по порядку все, что я хотѣла бы навсегда забыть для себя. Есть для меня какая-то тайная отрада въ этой непринужденной исповѣди, надѣюсь ли я себѣ оправданія, или хочу тѣснѣе привязать твою дружбу къ моей участи. Ты вѣрно помнишь, что *онъ* писалъ ко мнѣ два письма.... Я не могла принять всѣхъ его предложеній, однако рѣшилась написать къ нему отвѣтъ. Но только на это и стало моей рѣшительности: послать письма я не могла, меня удерживали тысячи сомнѣній. Жаръ вступалъ въ голову всякій разъ, когда я брала въ руки это несчастное письмо, съ тѣмъ, чтобы запечатать его; между тѣмъ, сама не знаю, откуда брались у меня слезы, лишь только я хотѣла принять намѣреніе, не пуская письма въ ходъ, истребить его своею рукою; во всякомъ случаѣ, это письмо было по-

Digitized by Google

слѣднее.... Не прежде двухъ дней я могла успокоиться; наступалъ день, назначенный для бала въ ***, письмо поступило въ шкатулку, чтобы не выходить изъ нея никогда, но за то у меня достало духа самой сказать мужу о намѣреніи моемъ ѣхать на балъ.... И теперь еще не знаю, что бы стала я отвѣчать, если бы ему вздумалось спросить, почему именно я хочу быть на этомъ балѣ. Къ счастію, онъ не спросилъ.... Съ безпокойствомъ ожидала я назначеннаго вечера, но не съ тѣмъ нетерпѣливымъ безпокойствомъ заранѣе блаженствующей души, съ какимъ, бывало, ожидала я нѣкоторыхъ любимыхъ часовъ: то безпокойство было только предвкушеніе радости, которой нетерпѣливо ждала и алкала душа; теперь же я ничего не ждала, я только боялась... кажется, я была бы рада, если бы могла остаться дома. Какой-то темный страхъ убилъ во мнѣ всѣ желанія; волновалась я, наконецъ, не отъ надежды увидѣть *его*, а отъ боязни.... А онъ, кажется, ждалъ меня со всѣмъ нетерпѣніемъ страсти: это я прочла на лицѣ его, когда онъ встрѣтилъ насъ въ большой залѣ. За тѣмъ, не помню ни первыхъ словъ моихъ, ни первыхъ движеній. Черезъ нѣсколько времени мы уже стояли въ кадрили; мужа я не замѣчала около себя. Ощущеніе было довольно странное; я какъ будто владѣла едва половиною моихъ способностей; на глазахъ лежалъ тяжелый туманъ, такъ что я не видала третьей доли окружавшихъ меня лицъ; хотѣлось говорить, но не умѣла начать.... Вдругъ слышу — музыка, кажется, была въ заговорѣ противъ меня — тѣ самые звуки, подъ которые (такъ угодно было случаю) родилась и выросла вся любовь моя: то была какъ будто ея колыбельная пѣсенка. Знаешь ли ты очарованіе звуковъ, съ которыми ты привыкла соединять извѣстныя ощущенія? Я, по крайней мѣрѣ, никогда не могла ему сопротивляться, я и теперь еще радуюсь старою радостію подъ веселые мотивы моего дѣтства и съ непонятною грустію выслушиваю мелодію, которая застала меня въ печальную минуту жизни, хотя бы тому прошло ужь нѣсколько лѣтъ. И на этотъ разъ я не могла устоять противъ очарованія любимыхъ звуковъ: весь страхъ мой погибъ, разсѣялся, какъ паръ, и то, что воскресло во мнѣ тогда, это была моя прежняя любовь, веселая и лучезарная, какъ іюньское солнце.... какъ будто на мнѣ еще не лежали никакія узы, какъ будто я опять была беззаботное дитя.... То же вліяніе дѣйствовало на него; въ эту минуту

Digitized by Google

воротилось къ намъ все прежнее наше счастіе. Мы заговорили прежнимъ языкомъ....

— Какая глупость! сказалъ онъ, наконецъ, послѣ долгой и горячей рѣчи.— Эти звуки дѣйствуютъ на меня точно какъ вино: они отнимаютъ у меня память. Я забылъ почти все, что̀ хотѣлъ сказать вамъ въ этотъ вечеръ.

— Все равно, отвѣчала я: — говорите что̀-нибудь.

— Я буду говорить объ музыкѣ.

— Говорите объ музыкѣ.

— Нѣтъ, о себѣ.... Я увезу васъ нынче съ бала....

— Куда?...

— Развѣ я знаю, куда? Уѣдемте сію минуту.... Отъ-чего вы смѣетесь?

— Мнѣ не хочется плакать.

— Такъ будемъ танцовать.

Онъ подалъ мнѣ руку и тѣмъ же тономъ продолжалъ всю фигуру. Я сама больше и больше теряла память. Глаза наши безпрестанно встрѣчались, и въ его глазахъ былъ тотъ же ядъ, который дѣйствовалъ на меня и изъ его писемъ. Я опомнилась не прежде, какъ пары начали расходиться. Намъ должно было также разойтись, но онъ не выпускалъ моей руки.

Мы остались на мѣстѣ въ ожиданіи новой музыки.... У насъ опять завязался разговоръ, который я помню только частями.

— Помните ли вы двѣ липы въ саду, и нашъ разговоръ подъ ними? спросилъ опъ меня.

— Это было вечеромъ, отвѣчала я.

— Вечеръ былъ такъ хорошъ.... Я помню каждое ваше слово, помню, кажется, самые звуки голоса....

— Вы писали тогда на пескѣ какое-то имя, котораго я не могла разобрать....

— Ваше имя.... На небѣ висѣло тогда одно облачко, и вы такъ внимательно слѣдили за его движеніемъ....

— Я больше слушала васъ....

— И заставляли меня повторять почти каждый мой вопросъ....

— Однако, я не была разсѣянна?

— О, нѣтъ! вы были воодушевлены больше обыкновеннаго, и когда мы заключили нашъ маленькій договоръ, вы первыя подали мнѣ руку.... Это легкое, дружеское пожатіе.... ради

Digitized by Google

Бога, повторите его одинъ разъ.... Вы напомните мнѣ много счастія.....

— Неужели — счастія?

— По крайней мѣрѣ, одну изъ лучшихъ минутъ въ жизни.

— Между тѣмъ, пары уже становились. Я подала руку своему кавалеру, и слегка пожала его руку.... Это было почти невольное увлеченіе. Онъ казался счастливъ; взоръ его былъ гордъ и ясенъ, какъ въ прежніе дни. Въ этомъ минутномъ забвеніи, въ самомъ дѣлѣ, было что-то похожее на счастіе.... Заиграла музыка; онъ быстро обратился ко мнѣ.

— Вѣрите ли вы, что любовь моя такъ же свѣжа, какъ въ тотъ вечеръ?

Не знаю почему, я испугалась этихъ словъ; они какъ-то разрушали все очарованіе.

— Ни одного слова объ этомъ, отвѣчала я. Мы сошлись здѣсь въ послѣдній разъ....

— Въ послѣдній? повторилъ онъ, посмотрѣвъ на меня съ изумленіемъ.

Вдругъ лицо его измѣнилось, какая-то темная мысль пробѣжала по немъ, какъ молнія. Онъ поблѣднѣлъ, въ глазахъ исчезъ весь блескъ....

— Хотите ли, я вырву васъ изъ *его* рукъ? сказалъ онъ, сжимая мнѣ руку. — Мнѣ нуженъ вашъ отвѣтъ, прибавилъ онъ потомъ еще рѣшительнѣе.

Но меня постигла какая-то внезапная нѣмота.

— Или, можетъ быть, вы хотите быть вѣрны вашему долгу? продолжалъ онъ съ иронією.

— Да, могла я, наконецъ, отвѣчать ему.

— Долгу любви къ вашему мужу, которому подарила васъ горячая любовь родительская?...

— Я молчала. Я видѣла, что онъ былъ золъ въ эту минуту, и не могла сама удержаться отъ раздраженія. Въ груди моей какъ будто столпились всѣ ощущенія. Кровь волновалась во мнѣ въ одно время отъ любви и злобы, отъ ненависти и страданія. Онъ смотрѣлъ на меня своими помутившимися глазами, какъ вдругъ кто-то схватилъ меня сильною рукою и повлекъ за собою. Это былъ мой мужъ. Онъ насъ подслушивалъ. Къ счастію, мы говорили почти все по-нѣмецки. При выходѣ мы успѣли

Digitized by Google

еще обмѣняться нѣсколькими словами: я просила всему забвенія и получила въ отвѣтъ дважды повторенное: «никогда!...»

Дорогою, когда мы возвращались домой, мужъ мой постоянно шутилъ. Онъ не сдѣлалъ мнѣ ни малѣйшаго намека и не сердился, когда я оставляла безъ отвѣта нѣкоторые его вопросы, обращенные ко мнѣ. Я сидѣла молча, прижавшись въ углу кареты, и все ждала, что надо мною разразится цѣлая гроза. Признаюсь, я никогда еще не была такъ готова высказать ему все.... все. Но до конца дороги слышался все тотъ же шутливый и учтивый тонъ, и какъ колокольчикъ звенѣла въ ушахъ моихъ пустая и безсвязная рѣчь, безъ смысла, но и безъ оскорбленія. Я подумала, наконецъ: онъ сжалился надо мною, онъ хочетъ быть со мною добръ, великодушенъ.... Кому же и быть великодушнымъ, какъ не мужчинѣ? Сама природа не имъ ли отдала ту часть твердости и силы, которой не достаетъ женскому сердцу? Мужчина, думала я еще, скорѣе можетъ извинить слабость женщины, по тому самому, что онъ никогда и не предполагаетъ въ ней твердости: ничтожество женской натуры для него есть аксіома. И цѣлый день потомъ я вѣрила великодушію своего мужа, до тѣхъ поръ, пока снова не одолѣла меня жажда любви, о которой воспоминанія были столько свѣжи во мнѣ, и рука моя не дотронулась до шкатулки, въ которой были *его* письма....

Замокъ былъ испорченъ, и письма вынуты, или, если хочешь, украдены.

18 е число.

Я была опрометчива, я слишкомъ поторопилась взвести обвиненіе, не дождавшись напередъ, есть ли точно улика. Тутъ было какое-то недоразумѣніе — и только, а я уже увидѣла и злое намѣреніе. Я была, правда, раздражена, взволнована, въ головѣ у меня ходилъ чадъ; надобно же было случиться, что въ такую минуту мнѣ попался на глаза испорченный замокъ.... Нѣтъ, повторяю, тутъ было только одно недоразумѣніе; пусть оно и остается такимъ. Мое обвинительное слово я беру назадъ съ упрекомъ себѣ.

Что сталось съ нашимъ домомъ, я не понимаю, но зла меньше въ немъ, въ этомъ можешь быть увѣрена. Тѣмъ чувстви-

Digitized by Google

тельнѣе мнѣ моя послѣдняя несправедливость къ мужу. То, чего я могла въ немъ только желать, но чего никогда не подозрѣвала даже, въ немъ есть: онъ можетъ быть великодушенъ. За эту черту можно прощать многое, если не все. И гдѣ начинается его великодушіе? именно тамъ, гдѣ я сама признаю начало моей вины. Послѣ того вечера, о которомъ ты ужь знаешь, я ждала грозы и потомъ — цѣлый рядъ самыхъ мучительныхъ дней; я думала, каждое его слово будетъ отравлено желчною ироніею, даже злобою просто. Но вотъ прошла ужь цѣлая недѣля, или нѣтъ, я худо считаю: ихъ прошло двѣ, а я не видала ни грозы, ни оскорбленія, мнѣ показалось даже.... я видѣла непритворное желаніе покрыть прошлое забвеніемъ. Потому ли, что мы скоро должны ѣхать, и онъ, сжалившись, рѣшился щадить меня въ послѣдніе дни, или потому, что въ немъ проснулось чувство добра, чувство снисхожденія, — я не слыхала отъ него ни одного слова объ этомъ вечерѣ. Ты удивишься: онъ вдругъ сталъ мягокъ и умѣренъ во всѣхъ рѣчахъ; никакой навязчивости, на оборотъ — много уступчивости.... Или онъ радъ своей матери, которая одна теперь дѣлаетъ мнѣ недовольное лицо? Смѣшно видѣть въ этомъ и тѣнь счастія, но я дышу свободнѣе. Мнѣ легче, я почти довольна, когда вижу, что покой мой если не берегутъ особенно, то и не нарушаютъ съ намѣреніемъ. Въ такія минуты во мнѣ свѣжѣе память прежнихъ дней, я могу, забываясь, жить въ нихъ, хотя и призрачною жизнію. Но все, мнѣ кажется, я могла бы быть сто разъ счастливѣе.

27 число.

Прости моей неполной откровенности. Ты прочла предъидущія строки, но не нашла въ нихъ самаго важнаго признанія. Какъ, не откровенна даже и передъ тобой, передъ самою искренностію? подумала я, перечитавъ сегодня эти строки, и мнѣ стало горько за себя. Неужели таковы плоды жизненной опытности, что чѣмъ дольше живетъ человѣкъ, тѣмъ больше долженъ закутываться въ самого себя, такъ чтобы и самый свѣтъ, если какой есть въ душѣ, стараться заслонять отъ другихъ? Какъ будто, впрочемъ, у меня есть и оправданіе, — можетъ быть, просто лишь желаніе очистить мою совѣсть передъ тобою; я сама еще до сихъ поръ не могла отдать себѣ отчета

Digitized by Google

въ той новости, которую хочу разсказать тебѣ, мнѣ самой какъ-то неясно, что я должна думать о ней. Ничего бы мнѣ не нужно такъ въ эту минуту, какъ твой глазъ, твое сердце и твое слово. Но дай мнѣ скорѣе сказать тебѣ, въ чемъ дѣло: Л—нъ познакомился съ моимъ мужемъ и сталъ нашимъ обыкновеннымъ гостемъ.... Гдѣ сошлись они, я не знаю, какъ познакомились, я не знаю, какъ они могли такъ сблизиться, знаю еще менѣе: я не спрашивала ни того, ни другого, и ни тотъ, ни другой не считаютъ нужнымъ объ этомъ распространяться. Мужъ самъ привелъ Л—на въ первый разъ, и замѣтилъ мнѣ, что онъ сдѣлалъ очень пріятное знакомство.

Мое первое чувство — была горячая, нескромная, волною бьющая радость: все равно, какъ если бы вдругъ послѣ крутой, суровой шестимѣсячной зимы повѣяло на меня всею кротостію весны. Холодъ, который нажила я въ послѣдніе дни, вдругъ снялся съ души, и я почувствовала въ сердцѣ такой просторъ, въ груди такое широкое дыханіе, что не тѣсно было бы въ ней и самой страсти. На днѣ души оставался правда какой-то тайный трепетъ: онъ сковалъ мнѣ языкъ, связалъ всѣ движенія, но онъ же помогъ мнѣ въ эту минуту хотя на столько владѣть самой-собою, чтобы другіе не прочли моего чувства на лицѣ, не услышали его въ словахъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, что притворство мое удалось мнѣ. Да, я уже дѣлаю успѣхи въ этомъ искусствѣ, въ этомъ ненавистномъ искусствѣ, которому, думала прежде, не научитъ меня никакая школа... Но объ этомъ когда нибудь. Я сказала, что нечаянность не захватила меня въ расплохъ, я вооружилась «благоразуміемъ» и— выдержала всю сцену. За то послѣ, особенно послѣ второго визита, оставшись одна, я дала себѣ всю свободу, я отдалась естественной игрѣ живаго чувства, я рисовала только образы счастія. Мое нетвердое благоразуміе въ минуту заснуло, и я втайнѣ была такъ рада его крѣпкому сну. Сначала я вовсе не разсуждала, и если навязывалась какая докучная мысль, гнала ее отъ себя съ досадою; ко мнѣ будто воротилась самая первая юность, свѣтлая, игривая, легкомысленная, безпечная. Образъ проносился за образомъ, и для каждаго у меня ставало вѣры, каждый увлекалъ за собою и мою мысль и мое чувство; мечта получила всю силу дѣйствительности, дѣйствительное, настоящее обращалось въ мечту, старую грезу. По часамъ просиживала я на

Digitized by Google

одномъ мѣстѣ, до тѣхъ поръ, пока не одолѣвала меня какая-то еще неизвѣданная жажда любви, чувства братскаго, полнаго самоотверженія, и дыханіе мое такъ усиливалось, что мнѣ становилось, наконецъ, страшно за себя. Опомнившись разъ, я скоро впадала опять въ прежнее забытье. Часто сама я была смущена отъ этого страннаго разсѣянія, и мѣшалась въ словахъ, но никогда не встрѣчала подозрительнаго взгляда, ни разу не слышала оскорбительнаго намека....

За тѣмъ началась другая пора: первая горячка спала, я стала разсуждать. Но предметъ остался тотъ же: я все думала о счастіи, о томъ счастіи, мой другъ, залогъ котораго лежитъ кажется въ самой природѣ нашей, и котораго должны же мы добиться когда нибудь. Для чего же, въ самомъ дѣлѣ, существуетъ бѣдная женщина, если не для любви? Не изъ этого ли рода инстинктовъ сложена ея натура? Не они ли растутъ въ ней, не ихъ ли цвѣтъ это, когда въ дѣвочкѣ начинаетъ проглядывать женственность? И будто это существо, созданное изъ любви и для любви, можетъ миновать цѣль свою? Будто цѣли природы такъ произвольны, такъ случайны, что вопреки ей можно идти и превратною дорогою, можно, напримѣръ, органу любви существовать одною ненавистію и изжить цѣлый вѣкъ, не зная любви? Какъ это? Для чего же тогда такое долгое, многолѣтнее существованіе? Безъ цѣли, такъ, ошибкою?... Нѣтъ, думала я, инстинкты моей натуры живутъ во мнѣ не напрасно; не знаю я путей, какими можетъ повести меня судьба, но къ цѣли моей она должна меня привести.... Безъ уклоненій вѣрно обойтись нельзя, но, рано или поздно, судьба, которая хранитъ мое существо, выведетъ меня прямо къ цѣли, все равно какими бы то ни было путями — явными, обыкновенными, или тайными, непостижимыми. Посмотри на себя и на меня, твою ученицу: чего не достаетъ намъ, чтобы намъ только не миновать цѣли, для которой, кажется, создала насъ природа? Я помню любовь мою къ матери, во мнѣ не умерла и теперь любовь къ отцу, ты сама часто смѣялась надъ моею «излишнею» привязанностію къ брату; скажи мнѣ, лишена ли я способности любить? Такъ, можетъ быть, тѣ, которые имѣютъ право располагать моею судьбою, не хотятъ, чтобы я любила какъ женщина? О нѣтъ, безъ сомнѣнія: они сами говорятъ, что безъ любви нѣтъ супружескаго счастія. Такъ не вынуждены ли они обстоя-

Digitized by Google

тельствами поставить меня въ фальшивое положеніе? Но ты знаешь хорошо, что наши семейныя обстоятельства никогда не были сомнительны. Въ чемъ же тайна? гдѣ же начало злу? Нѣтъ, мой другъ, тутъ была лишь только ошибка, недоразумѣніе; могу ли же я думать, чтобы отъ этой ошибки зависѣлъ и весь ходъ моей жизни, чтобы она превратилась въ ошибку противъ своего назначенія?

Бываютъ минуты, когда все, что̀ бродитъ въ мысли, падаетъ на серде, — всѣ эти неясныя надежды, желанія, страхи и сомнѣнія сойдутся вмѣстѣ и такъ измучатъ, истерзаютъ, что я становлюсь сама не своя. Тогда бросаюсь я молиться, молюсь горячо и пламенно, обливаюсь слезами, и — все сама не знаю о чемъ.... Но эти слезы какъ-будто вынимаютъ жаръ, эта вода, которая льется изъ глазъ, умѣряетъ волненіе въ крови, остается лишь горькій осадокъ отъ прежнихъ тревожныхъ ощущеній, но онъ ужь мирно лежитъ на днѣ души.

Но есть еще минута, которая темнѣе и страшнѣе всѣхъ другихъ. На послѣднихъ дняхъ я пережила такую минуту разъ или два, и ужь меня беретъ страхъ при одной мысли, что она можетъ воротиться снова. Чувство, полное тоски, темное, какъ ночь, въ которомъ погасаетъ всякой отрадный лучъ, погибаетъ послѣдняя надежда. Все ищу — и не доищусь его источника. И когда приходитъ оно ко мнѣ? Послѣ такихъ часовъ, о которыхъ однимъ воспоминаніемъ можно бы, кажется, жить нѣсколько дней потомъ! — На послѣдней недѣлѣ счастье было къ намъ очень благосклонно. Одинъ разъ, когда пришелъ къ намъ Л—нъ, мужу моему нельзя было оставать дома почему-то; онъ уѣхалъ, извиняясь.... Въ другой разъ Л — нъ пришелъ и ушелъ, не дожидаясь его же.... Это было не дальше какъ вчера. Оставшись одна, я хотѣла снова все перебрать въ моей памяти, хотѣла продлить мое наслажденіе. Я вспомнила одинъ за другимъ часы нетерпѣливаго ожиданія, вспомнила потомъ ту минуту, когда наконецъ онъ вошелъ, восторженный, какъ всегда, старалась потомъ припомнить каждое слово нашего разговора, нѣкоторыя изъ движеній, и такъ дальше. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ больше упрямилась моя память, — или воспоминала только слова, которыхъ впечатлѣніе было потеряно. Я, наконецъ, испугалась, когда вспомнила, какъ холодно разстались мы, какъ мало было желанія продлить послѣднія минуты.... Чтобы уйти отъ

Digitized by Google

темной мысли, я спѣшила перейти къ тому, что было за нѣсколько дней, когда и нашему чувству и нашему языку оставлена была полная свобода, и — только оживила въ себѣ еще одно такое воспоминаніе, узнала, что чувство это было не новое, что ужь тогда было брошено зерно его, но на первый разъ не достало ему столько силы, чтобы тогда же подорвать мою счастливую увѣренность.... Если бы не вчерашній вечеръ, не пришла бы мнѣ на память и та минута. Любви — всѣ жертвы, мой другъ, всѣ безъ исключенія, хотя бы даже ты не давала мнѣ на то своего согласія; но что, если послѣ приношенія, когда будутъ куриться послѣдніе жертвенные остатки, узнаетъ приносившій, что ошибкою или волею судьбы жертва принесена не тому предмету, которому назначалъ ее горячій обѣтъ сердца? что, если жертва была не любви, а ея обманчивой тѣни?...

Кругомъ меня, въ самомъ дѣлѣ, какъ будто лишь тѣни и призраки. Я теряю вѣру въ свои собственныя чувства, мнѣ кажется, я стою на самой ненадежной почвѣ, которая каждую минуту готова разсыпаться подъ моими ногами... О, хоть бы ужь скорѣе въ деревню, въ глушь, дальше отъ людей, дальше отъ призраковъ...

Л–нъ къ одному изъ своихъ лучшихъ друзей.

Отъ 25 числа.

....моихъ правъ на нее. Онъ, безъ сомнѣнія, не можетъ ихъ признать, потому–что не можетъ понять этихъ священныхъ правъ любви, этого чистаго пламени, для котораго нѣтъ мѣста въ его пошлой натурѣ. Было время, когда я самъ не понималъ ни своихъ правъ, ни святаго чувства, которое носилъ въ груди. Я говорю о первомъ періодѣ моей любви къ Еленѣ. Но ты знаешь самъ, что я былъ тогда? Юноша во всѣхъ отношеніяхъ, въ которомъ еще не успѣлъ разсѣяться первозданный сумракъ; были какія-то темные инстинкты, безсознательныя влеченія, была потребность любви, но все это выражалось въ такихъ ребяческихъ формахъ, что теперь смѣшно и вспомнить. Между тою порою и настоящимъ моментомъ лежитъ огромный промежутокъ. Я выросъ изъ пеленокъ, я знаю свои силы и — презираю всякую умственную опеку. Но... кто бы могъ подумать?... любовь

Digitized by Google

моя, моя юношеская любовь еще жива во мнѣ; я самъ не зналъ, что она росла вмѣстѣ съ моимъ духомъ, и только теперь вижу, что, притаившись въ тайникахъ души, она разрослась тамъ въ широкую, безконечную страсть, которая умретъ развѣ только со мною. Я это увидѣлъ только теперь, когда случай, этотъ слѣпой сынъ судьбы, снова свелъ меня съ Еленою. И она много измѣнилась... Я говорю не о внѣшнемъ ея положеніи: въ моихъ глазахъ «г-жа Клокова» есть какой-то абстрактъ, съ которымъ моя Елена не имѣетъ ничего общаго. Но я говорю о перемѣнѣ внутренней, совершившейся и въ ней вмѣстѣ съ годами, а больше съ обстоятельствами. Ты бы не узналъ ея теперь. Это ужь не прежняя наивная дѣвочка, которая, какъ ни скупа на слова, а не можетъ скрыть своей привязанности къ человѣку, который ей нравится, и всякій разъ выбѣгаетъ къ нему навстрѣчу съ непритворною радостью, такъ ясно написанною въ глазахъ: нѣтъ; она уже вступила въ тотъ періодъ, когда изъ молодой дѣвушки образуется женщина, умѣющая цѣнить свои чувства и не выставляющая ихъ легкомысленно на позоръ толпы. Боюсь одного, не утратила ли она съ наивностію прежнихъ лѣтъ и того жара, съ которымъ, какъ ты вѣрно не забылъ еще, питала она въ себѣ свои избранныя чувства, и въ которомъ я тогда уже, по крайней мѣрѣ для себя, видѣлъ залогъ ея страстной натуры? Сколько могу судить по первымъ началамъ, свѣтъ кажется успѣлъ ужь наложить на нее печать свою, она какъ будто начинаетъ бояться страсти и—что всего печальнѣе — никакъ не можетъ выйти изъ предѣловъ самой мѣщанской осторожности. Или, можетъ быть, она не вполнѣ довѣряетъ мнѣ, слышитъ мои слова, часто безумныя, и не можетъ еще привыкнуть видѣть бурную, клокочущую страсть тамъ, гдѣ прежде билъ лишь скромной ключъ кроткой, идиллической любви юношеской? Время объяснитъ загадку. Да, что касается до меня, я чувствую его въ себѣ, въ своей крови, этотъ незнающій покоя недугъ, этотъ ядъ, животворный вмѣстѣ и разрушительный, противъ котораго безсильны всѣ человѣческія средства. Я чувствую, онъ все глубже и глубже роется въ душу, подкапывается подъ самыя ея основанія, и, наконецъ, все мое бѣдное существо загорится однимъ сплошнымъ пламенемъ. Что ни думаю, куда ни иду, этомъ недугъ вездѣ со мною. Перечитываю ли Шекспира, Байрона, или сижу въ театрѣ, всѣ эти лица, которыя являются

Digitized by Google

на сценѣ или выходятъ предъ мое воображеніе, всѣ они какъ будто имѣютъ дѣло прямо со мною, съ моею страстію, всѣ они подаютъ другъ другу руки, чтобы загородить мнѣ дорогу. Но тогда-то особенно чувствую въ себѣ энергію, передъ которою, кажется, должна бы отступить сама геркулесовская сила; не словомъ только, но и дѣломъ готовъ бы я отвѣчать всякому, чей языкъ былъ бы такъ дерзокъ, что осмѣлился бы потребовать отъ меня отчета въ моей страсти.

Если бы въ ней хотя въ половину такъ глубоко жила страсть! Я, впрочемъ, никакъ не хочу вѣрить своимъ первымъ наблюденіямъ. Я знаю, страсть слѣпа: она или видитъ слишкомъ много, или недовидитъ. Буду продолжать мои «испытанія», потому, что простымъ наблюденіямъ мало даю вѣры. Хочешь знать, въ чемъ состоятъ эти испытанія? Въ томъ только, что при всякомъ удобномъ случаѣ я читаю ей Байрона и нѣкоторыя мѣста Шекспира... Страсть еще не совсѣмъ отняла у меня умъ, не правда ли?

Черезъ нѣсколько дней.

Перечти Ромео и Юлію, если хочешь понимать меня,—или пока только монологи Ромео, потому-что Елена еще не успѣла возвыситься на степень Юліи. Никогда этотъ пышный цвѣтъ шекспировскаго духа не имѣлъ для меня такой цѣны, какъ теперь, когда для меня каждое слово звучитъ въ ней жизнію, когда я самъ, можетъ быть, переживаю тѣже моменты страсти... Одно, что еще спасаетъ меня, это робость моей Юліи, которая по какому-то странному противорѣчію, какъ ни высоко стоитъ по своей глубокой натурѣ, однако также должна платить дань нашимъ нравамъ: она не смѣетъ сознать живущей въ ней страсти, боится взглянуть ей прямо въ лицо, дѣлаетъ шагъ впередъ и—озирается! Меня ты знаешь; я не таковъ: смѣлу иду я, куда указываетъ перстъ судьбы. Впрочемъ, я еще всего надѣюсь отъ этой прекрасной, неиспорченной натуры: мало по малу она развернется въ ней, вступитъ въ свои права, и ея реакція разорветъ эту гнилую сѣть недостойныхъ высшей натуры, ограниченныхъ разсчетовъ и опасеній. Я имѣю основанія говорить такъ. Въ одинъ вечеръ, когда счастіе было къ намъ особенно благосклонно, когда случай избавилъ насъ даже отъ присут-

Digitized by Google

ствія нашего Аргуса (я говорю о матери мужа Елены), я перечиталъ съ нею всего «Ромео и Юлію». Если бы ты видѣлъ, какимъ непритворнымъ огнемъ горѣли глаза ея при вдохновенныхъ рѣчахъ Юліи, какимъ глубокимъ сочувствіемъ было полно все существо ея, и какъ самая рѣшимость Юліи отражалась на ея лицѣ! Я былъ самъ вдохновенъ этимъ чтеніемъ и прибавилъ отъ себя цѣлый монологъ моей Юліи; я чувствовалъ въ себѣ какой-то импровизаторскій жаръ, скажу болѣе — порывъ творчества; рѣчь моя лилась свободною, широкою волною.... Но пока я говорилъ, моя Юлія успѣла уже своротить на колею прозы, и когда я кончилъ, она съ очень неумѣстнымъ изумленіемъ, холодно замѣтила мнѣ только, что не узнаетъ меня, что все это какъ будто ей незнакомо. Вотъ тебѣ вліяніе сферы, круга нашей прозаической ежедневности! Я, впрочемъ, охотно прощаю ей эту выходку уже за одно сочувствіе Юліи. Есть въ ней другая черта, которая задѣваетъ меня за струну болѣе чувствительную, я готовъ сказать—оскорбляетъ меня: представь себѣ, что она не можетъ или не хочетъ понять страсти Отелло! Ей кажется, что это страсть бѣшеная, нечеловѣческая, что смерть Дездемоны на сценѣ производитъ въ ней только холодный ужасъ, что, словомъ, она не можетъ простить Отелло и помириться съ нимъ. Такъ понимаетъ она страсть! Иной бы подумалъ, что она сама боится участи Дездемоны... О, моя Юлія, какъ робко любишь ты, какъ еще мало умѣешь ты цѣнить то божественное пламя, которое носишь въ груди своей! Но я, твой Ромео, съ тобою, и священный огонь, который горитъ уже на алтарѣ твоего чувства, найдетъ во мнѣ жреца строгаго и ревностнаго.

Вчера, наконецъ, я говорилъ съ нею рѣшительно. Въ самомъ дѣлѣ, что́ дѣлаетъ она со мною! Мужъ безпрестанно твердитъ о сборахъ въ дорогу, о томъ, что *они* непремѣнно должны ѣхать, если не на этой, то на слѣдующей недѣлѣ, а она, она какъ будто не слышитъ, не хочетъ не только воспротивиться ему твердою волею, но даже попротиворѣчить ему однимъ словомъ. Я рѣшительно не понимаю нашихъ женщинъ! Она какъ будто вовсе не замѣчаетъ, что для нея я оставилъ все—забылъ моихъ друзей, перервалъ нить моихъ занятій, пожертвовалъ для нея всѣми высокими интересами, со всею довѣрчивостію дитяти отдался моей страсти, а она? она, наконецъ, не хочетъ оцѣнить и

Digitized by Google

этого пожертвованія, которое я сдѣлалъ только для нея — познакомившись съ этимъ господиномъ и, такъ сказать, обязавшись при всякой встрѣчѣ дѣлать ему пріятную мину, когда бы хотѣлось... И если ужь не достаетъ у ней воли, характера на то, чтобы заставить и другихъ уважать свои желанія, заступая ихъ со всею энергіею женщины, чувствующей свое достоинство, то не должна ли бы она подумать по крайней мѣрѣ о томъ, чтобы не были потеряны немногіе остающіеся ей и мнѣ часы! Любовь, какъ скоро мы признали ее въ себѣ разъ, имѣетъ свои неоспоримыя права, и одно изъ нихъ, есть право на наслажденіе. Я не терплю лицемѣрства, я хочу пить любовь полною чашею... Если ужь такъ опредѣлила судьба, если безсильны всѣ наши желанія продлить срокъ любви нашей, то пусть, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ пережитомъ, въ нашемъ прошедшемъ останутся часы, о которыхъ одно воспоминаніе могло бы послѣ прогнать самую глубокую дремоту лѣтами усыпленнаго сердца. Прочь ханжество, прочь лицемѣріе.

Я не скрылъ передъ нею ничего, я былъ откровененъ. Это было въ саду, вечеромъ, передъ грозою; черная туча поднималась съ востока, въ отдаленіи слышались глухіе раскаты грома, сильный вѣтеръ качалъ деревья надъ нашими головами; но все это только вливало новый жаръ въ меня. Елена, очевидно, вовсе не была приготовлена къ такому тону, но за то тѣмъ чувствительнѣе была потрясена имъ. Не смотря на всѣ свои усилія, она не могла скрыть происходившаго въ ней движенія. Съ первыхъ словъ моихъ она уже была блѣдна, какъ платокъ, который держала въ рукахъ. Я видѣлъ, что въ ней происходила борьба, и продолжалъ усиливать мои удары. Чтобы вовсе не измѣнить себѣ, она старалась избѣгать моихъ взоровъ. Какъ можно до такой степени нарушать всѣ приличія, чтобы прямо смотрѣть въ глаза человѣку, который готовъ выговорить на простомъ человѣческомъ языкѣ всѣ таинства любви? Я видѣлъ, однако, что въ ней происходила борьба. Наконецъ, здравое чувство одержало побѣду: изъ глазъ Елены брызнули слезы, прежде чѣмъ она успѣла закрыть глаза платкомъ. Она была сама не своя отъ волненія, и потому не могла отвѣчать мнѣ тотчасъ. Но я ужь не сомнѣвался болѣе въ побѣдѣ, и чтобы ободрить мою Юлію, готовъ ужь былъ принять ее къ себѣ на грудь, какъ... явился нашъ недремлющій Аргусъ, и мы должны были

Digitized by Google

сдѣлать тяжелое усиліе надъ собою, чтобы подавить одно общее чувство, которое невидимою цѣпью соединяло, скажу даже — сливало насъ въ эту минуту. Но не всѣ плоды этой прекрасной минуты потеряны, не всѣ: при разставаньи, Елена успѣла мнѣ сказать нѣсколько словъ, которыхъ смыслъ я не только понимаю — чувствую. «Да, сказала она мнѣ такимъ тономъ, какимъ никогда еще не говорила со мною:—*я должна* (замѣть это) говорить съ вами со всею откровенностію. Я много, много виновата передъ вами, эта минута открыла мнѣ глаза»... Тутъ, кажется, не нужно дѣлать никакихъ комментаріевъ. Въ этихъ немногихъ словахъ высказана исторія нетолько *нашего* настоящаго и прошедшаго, но и будущаго, хотя бы все оно слагалось изъ нѣсколькихъ мгновеній. Для меня эти слова говорятъ больше и яснѣе, чѣмъ пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Жду часа, который назначитъ благосклонная Афродита, чтобы посѣтить своихъ любимцевъ.

Черезъ мѣсяцъ.

... Это было самое гнусное, самое позорное дѣло, какое только когда либо совершалось подъ небесами, — такое дѣло, которое ниже всякаго мщенія. Потому я и не писалъ тебѣ о немъ въ скорости, думая предать его вѣчному забвенію, какъ порожденіе одной изъ самыхъ чорныхъ сторонъ человѣчества. Только теперь, когда ко мнѣ воротилось мое спокойствіе, и когда твое любопытство именемъ дружбы проситъ себѣ удовлетворенія, могу я сообщить тебѣ нѣкоторыя подробности этого дѣла, сколько еще уцѣлѣло ихъ въ моей памяти. Но я долженъ сказать тебѣ напередъ, что буду кратокъ до послѣдней степени: мой внутренній міръ, которымъ я имѣю всѣ причины дорожить, нарушается при одномъ воспоминаніи объ этой трагикомедіи.

Часъ, котораго я ждалъ съ пожирающею жаждою Тантала, наконецъ наступилъ. Съ юношескимъ пламенемъ страсти, съ сердцемъ полнымъ не довѣренности только, но самой чистой, самой искренной вѣры, не шелъ, а летѣлъ я на свиданіе любви... Всѣ чувства мои слились въ одно; мнѣ было тѣсно въ самомъ себѣ; подземный огонь, клокотавшій во мнѣ, рвался наружу; я уже издали простиралъ мои объятья... Западня была приготовлена съ дьявольскимъ искусствомъ и ждала только мо-

Digitized by Google

его неосторожнаго появленія. Она — я говорю объ этой женщинѣ, которая позволила употребить себя, какъ орудіе приманки и которой самое имя я уже изгналъ изъ моей памяти, — она дѣйствительно была одна, но пріемъ былъ вовсе не тотъ, какого я ожидалъ отъ нея. Будь я сколько нибудь способенъ къ злобѣ, я бы могъ, съ одного этого обстоятельства, и ее подозрѣвать въ заговорѣ; но не хочу быть несправедливымъ: что бы ни расположило ее къ этому холодному пріему, я не ставлю ей въ вину ничего болѣе, кромѣ ея глупости, недостатка самаго простого, чуть только не дѣтскаго, смысла. Нѣтъ, она не была въ заговорѣ, и если встрѣтила меня съ сухою миною, то, я увѣренъ, это произошло отъ какого нибудь случайнаго расположенія, женскаго каприза просто. Почему я знаю? можетъ быть, только передо мною принесли ей новый уборъ, который показался ей не къ лицу? Въ самомъ дѣлѣ, досада возьметъ... При ея серьёзной минѣ съ меня спало половину жара, однако, я не потерялъ еще ни вѣры въ ея чувство, ни всей энергіи моей собственной страсти. Въ мнѣ еще нашлось столько бодрости, что я могъ заговорить съ нею такимъ языкомъ, котораго, къ сожалѣнію, она на этотъ разъ не способна была понимать. Навѣрное, передо мной она была раздосадована ужасно, потому-что почти первымъ ея словомъ было... но ты изумишься.... Она хотѣла ни больше, ни меньше, какъ разувѣрить меня въ своей и моей любви... Женскій капризъ иногда простирается слишкомъ далеко. Но не въ томъ дѣло; слушай далѣе. Я, какъ ты знаешь, настроенъ былъ вовсе не такъ, чтобы хладнокровно слушать эти диссонансы и не чувствовать всего желанія примирить ихъ по возможности съ гармоніею моего собственнаго чувства. Но слова мои были только воздухъ... Противъ сильнаго разстройства надобно было употребить и сильное средство: я бросился передъ нею на колѣни и умолялъ ее простить мнѣ, самъ не знаю, какую вину... Вдругъ, почти въ моихъ рукахъ, Елена сдѣлалась нѣма и холодна, какъ статуя. Въ туже минуту съ противоположной стороны послышалось неопредѣленное движеніе. Предчувствіе сдавило мнѣ сердце. Я обернулся: двери, которыя вели въ другую комнату и рѣдко отворялись, теперь стояли настежь, — а въ нихъ, чуть переступивъ за порогъ, цѣлая семья Скотининыхъ... Это была очень живописная группа, и въ другихъ обстоятельствахъ я очень бы желалъ срисовать

Digitized by Google

ее: супругъ моей дамы держалъ за руку отца ея, а другою подвигалъ впередъ ея мать, между тѣмъ, какъ неусыпный Аргусъ, съ бѣшенствомъ на лицѣ, вытягивалъ изъ за другихъ свою короткую шею... Все смотрѣло такими глазами, какъ будто хотѣло пить мою кровь. Положеніе мое было довольно гнусно; однако, я не потерялъ присутствія духа и, вооружившись всѣмъ моимъ презрѣніемъ къ этой черни, просилъ ихъ не дѣлать шума, обѣщая раздѣлаться съ кѣмъ слѣдуетъ *честнымъ образомъ*. Но мои дикари, внѣ себя отъ злобы, подняли такой гвалтъ, что бѣдная Елена очнулась и, прежде чѣмъ я успѣлъ удержать ее, съ какимъ-то дѣтскимъ ужасомъ бросилась въ ноги отцу. Жаль было бѣдняжку, но я самъ былъ въ такомъ тѣсномъ положеніи, что мнѣ оставалось только обороняться. Особенно этотъ волкъ въ овечьей шкурѣ, который, бывало, больше жалъ мнѣ руку, чѣмъ говорилъ, накинулся на меня со злостью бѣшенаго пса. Напрасно принимался я нѣсколько разъ говорить съ нимъ человѣческимъ языкомъ. Старикъ, между тѣмъ, воевалъ надъ дочерью, проклиналъ ея рожденіе, и прочее и прочее. Я, наконецъ, потерялъ все терпѣніе.... (*Слѣдуетъ значительный перерывъ*).... .... и что, при всѣхъ его достоинствахъ, нельзя, однако, не замѣтить въ немъ недостатокъ живаго чувства. Мы можемъ говорить о немъ, какъ о нашемъ общемъ пріятелѣ, съ полною откровенностью. Я знаю его, какъ свои пять пальцевъ: это натура удивительно сухая, холодная. Я не понимаю, какъ можно такъ изсушить себя, почти не начинавши жить настоящимъ образомъ. Его увѣренность, что онъ не отстанетъ отъ другихъ, гдѣ коснется дѣло глубокаго чувства, любви особенно, есть черта самая комическая, какую я только знаю. Добрякъ вполнѣ увѣренъ, что онъ влюбленъ страстно въ свою невѣсту, и что онъ готовъ для нея на всѣ жертвы въ мірѣ. Если бы ты слышалъ, какъ онъ мечтаетъ о своемъ будущемъ, когда они будутъ жить вмѣстѣ «подъ сѣнію домашняго крова», о томъ, какъ онъ будетъ счастливъ, когда будетъ имѣть возможность дѣлить съ нею плоды своей дѣятельности... Дитя просто! Хорошъ тѣмъ, впрочемъ, что не ревнивъ: познакомилъ меня со своею невѣстою и даже позволилъ вступить съ нею въ нѣкотораго рода дружбу. Мы часто говоримъ съ нею объ ея женихѣ, а моемъ другѣ. Она очень расположена къ нему, умѣетъ цѣнить его достоинства, но хорошо понимаетъ и чего недостаетъ ему. Только она такъ

Digitized by Google

скромна, что не хочетъ всего высказать... Вообще, что это за милое созданіе! Натура чистая, довѣрчивая и въ тоже время способная къ самымъ страстнымъ движеніямъ чувства. Глаза горятъ такимъ огнемъ, что съ нею опасно говорить долго... Часто смотрю я на нее съ грустью, гадая о томъ, какая судьба можетъ ожидать ее въ будущемъ. Она сама, кажется, начинаетъ уже понемногу входить въ эту мысль. Ея мнѣніе то, что страсть истинная, за немногими исключеніями, можетъ жить только въ женщинѣ, и когда я, не называя ни своего, ни другихъ именъ, разсказалъ ей исторію Елены, она не хотѣла вѣрить: ей кажется рѣшительно невѣроятнымъ, чтобы женщина могла такъ играть своею и чужою любовью... Что за чудная дѣвушка! Но пора кончить; сейчасъ мы ѣдемъ къ нимъ, и я надѣюсь говорить съ нею много и много. Будь увѣренъ, что не скрою отъ тебя никакихъ подробностей.

P. S. Съ Клоковымъ до сихъ поръ не могу добиться рѣшительнаго объясненія: какъ ни ищу, нигдѣ не могу встрѣтиться. Или онъ трусъ, или негодяй въ высшей степени. Но какъ онъ ни лавируй, я безъ того не выпущу его изъ города.

Записка Клокова къ кузинѣ жены.

Замѣчаніе, которое вы сдѣлали мнѣ вчера мимоходомъ, тронуло меня до глубины сердца и заставило крѣпко задуматься объ участи человѣка и о такъ называемомъ его счастіи. И въ самомъ дѣлѣ, не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь. Эта мораль повторяется надъ всѣми нами, начиная отъ Наполеона: судьба играетъ нами, какъ куклами. Я не даромъ упомянулъ вамъ о Наполеонѣ: онъ всегда былъ и будетъ моимъ любимымъ героемъ... Меня утѣшаетъ, по крайности, то, что не только мы, ничтожныя созданія, но и такіе великіе люди, какъ онъ, могутъ падать такъ страшно... Быть такъ постыдно обмануту, опозорену—и кѣмъ же? Но я молчу: зачѣмъ трогать едва лишь заживленную рану сердца? Меня, можетъ быть, только и спасла моя вѣра въ неизмѣнность предопредѣленій судьбы... Но оставимъ этотъ предметъ, столько непріятный для меня и для васъ. Я знаю, какое искренное, совершенно родственное участіе принимаете вы во мнѣ, и повѣрьте, что умѣю цѣнить его. Вы,

Digitized by Google

можетъ быть, единственная особа, которая взглянула на это дѣло съ *душевной* стороны, со стороны внутренняго спокойствія человѣка и его душевнаго мира, и слова ваши, исполненныя какого-то особеннаго сочувствія, лились цѣлительнымъ бальзамомъ на мой страдающій духъ. Такъ оправдалась надо мною и другая часть глубокомысленнаго изрѣченія: не знаешь, гдѣ найдешь...

Простите моей откровенности: она только плата за вашу искренность. Но я бы никогда не позволилъ себѣ забыться до такой степени, если бы не былъ, во-первыхъ, увѣренъ въ вашемъ снисхожденіи, а во-вторыхъ, если бы не зналъ, что скоро я долженъ буду отказаться и отъ того единственнаго въ своемъ родѣ участія, которое до сихъ поръ проливало нѣкоторый отрадный свѣтъ на мой душевный трауръ. Скоро я буду совершенный сирота: сборы наши кончены, черезъ два дня мы ѣдемъ... ѣдемъ въ такой край, который едва ли можетъ льститься надеждою видѣть когда нибудь васъ въ своихъ предѣлахъ, хотя въ немъ также процвѣтаетъ добродѣтель гостепріимства. Но во мнѣ есть какое-то темное предчувствіе, которое даже и въ этомъ отношеніи не позволяетъ мнѣ предаваться совершенному отчаянію. Отъ васъ зависитъ оправдать или не оправдать темныя надежды

вамъ душевно преданнаго.

Елена Клокова къ своей подругѣ.

Уѣздный городъ К...

Вчера, какъ я думала, что буду писать къ тебѣ, мнѣ подали твое письмо. Все то же, все утѣшенья. Откуда, скажи, берешь ты ихъ? Что ты хочешь сказать ими новаго? Отъ-чего, хоть не приписываешь, что сама не вѣришь словамъ своимъ, что они пишутся только для приличія? Вотъ ужь я потеряла и послѣднее: *ты* перестала быть со мной искренна. Отъ-того такую тоску наводятъ на меня твои утѣшенія. Ты знаешь хорошо, можетъ быть, лучше меня, что мнѣ не осталось ихъ: зачѣмъ же говорить то, чего не думаешь? Неужь-то несчастье такое постыдное преступленіе, что нельзя и говорить о немъ, не прикрывая ложью?... И наша лѣтами испытанная дружба не спасла тебя отъ притворства?...

Или, впрочемъ, ты права. Тебѣ больше ничего и не остает-

Digitized by Google

ся, какъ наполнять твои письма утѣшеніями, или не писать ко мнѣ вовсе. Я много думала объ этомъ, что бы еще ты могла писать ко мнѣ—и не нашла ничего. Тому, кто только и знаетъ, что плачется на счастье, что жь и отвѣчать, какъ не сулить его въ будущемъ? На твоемъ мѣстѣ я сдѣлала бы тоже самое. Вѣдь чѣмъ же и надѣяться лучше обмануть, какъ не будущимъ? На этомъ темномъ листѣ что ни напиши, во лжи укорить нельзя. Вокругъ меня нѣтъ хоть этого: никто не сулитъ мнѣ того, въ чемъ отказала судьба. Сначала, когда мы сюда пріѣхали, нашлось много такихъ, которые льстили мнѣ и глазами и языкомъ. Но моя нѣмота привела ихъ въ отчаянье, и у меня теперь одно удовольствіе—смотрѣть, какъ съ каждымъ днемъ рѣдѣетъ этотъ рой насѣкомыхъ. Просторъ мой все увеличивается; скоро я останусь одна, совсѣмъ одна, такъ что мнѣ, наконецъ, не съ кѣмъ будетъ говорить, если бы я и хотѣла. Тогда, можетъ быть, и у меня будетъ не безъ наслажденія: я буду говорить только самой себѣ, я никому не буду обязана словомъ. День будетъ, что ночь, всѣ цвѣта сольются въ одинъ, и въ душѣ будетъ пусто и глухо, какъ въ степи!

Но вотъ докучливое дитя, котораго не могу отучить отъ себя ни крутою холодностью, ни сердитымъ лицомъ, ни даже самыми насмѣшками. Онъ сынъ здѣшняго исправника, очень добренькій мальчикъ и не безъ способностей, но страшно избалованный, оставленный и безъ добраго надзора и безъ дѣла, выросшій прежде, чѣмъ успѣли сколько нибудь просвѣтлить его голову, прежде, чѣмъ научили его хоть чему нибудь. Есть у него вѣрный глазъ, вѣрная рука, можетъ быть, талантъ къ живописи; кто-то подарилъ ему карандашей и краски, и вотъ онъ только и знаетъ, что рисуетъ да носитъ каждый день показывать мнѣ свои произведенія. Я какъ-то была неосторожна: много его распрашивала, много говорила съ нимъ, — какое-то любопытство напало; съ тѣхъ поръ онъ не даетъ мнѣ покоя; куда ни уйду, вездѣ онъ найдетъ меня и бѣжитъ съ такимъ восторгомъ, какъ десятилѣтнее дитя. Иногда мнѣ бываетъ смѣшно на него, иногда подамъ ему руку и говорю съ нимъ, но чаще прячусь, запираюсь отъ него, отвѣчаю ему въ окно, велю идти прочь... Иной разъ послушается, а то станетъ, какъ вкопанный, у забора и готовъ простоять тутъ цѣлый день, если я не скажу ему, что жду его завтра. То бываетъ жаль эту бѣдную душу, то

Digitized by Google

не хотѣлось бы смотрѣть на него. Вотъ и теперь гдѣ-то отыскалъ еще послѣднихъ цвѣтовъ и пришелъ къ окну съ букетомъ. Что ему за радость носить мнѣ цвѣты, которыхъ я не берегу, которые даже беру не съ охотою? Что за глупый инстинктъ—бѣжать иногда цѣлую версту за городъ, въ поле, чтобы только найти меня и съ какимъ-то удовольствіемъ сказать мнѣ: «желаю вамъ добраго вечера»? Случается, что онъ позволяетъ себѣ и дерзости. Разъ, я зашла слишкомъ далеко, устала и сѣла отдохнуть на краю одного крутого песчанаго спуска къ рѣкѣ. Ужь никого не было въ полѣ, и сонный вечеръ такъ тихо спускался на землю. Я смотрѣла внизъ, гдѣ чуть бѣжалъ ручей по песку, и мнѣ въ первый разъ пришла мысль о счастіи тихой смерти, въ которой вся память прошлаго, все его горькое сознаніе должно распуститься, какъ струя дыма въ чистомъ воздухѣ, безъ слѣда и остатка. Въ тишинѣ, которая меня окружала, я искала подобія этому состоянію... Вдругъ, что-то рухнулось мимо меня внизъ по скату и потомъ быстро покатилось до самаго дна. Я не могла удержаться отъ невольнаго крика. Что же? Это былъ мой вѣчный преслѣдователь, Андрюша! Онъ слѣдилъ за мною давно, видѣлъ, что я его не замѣчаю, и не зная, какъ приступиться ко мнѣ, рѣшился на этотъ сальто-мортале. Къ счастью, впрочемъ, скачокъ обошелся ему не дорого.

Ты, я знаю, готова будешь и изъ этого случая извлечь, выжать для меня утѣшеніе. Ты укажешь мнѣ на эту чистую симпатію юной, невинной души, не знающей коварства, и велишь мнѣ не только утѣшиться, но, можетъ быть, даже и гордиться. Ты вѣдь такъ меня любишь, что готова хоть изъ воздуха налѣпить мнѣ идеаловъ, чтобы только наполнить мою внутреннюю пустоту, чтобъ населить хоть куклами «пустыню моего сердца», какъ говаривала прежде моя мечтательная кузина! Желаніе твое мнѣ понятно и, если хочешь, дорого, потому-что оно желаніе любви; но отъ-чего же меня клонитъ смѣяться надъ нимъ? Не отъ-того ли, что кумиры, однажды разсвященные, вынесенные изъ храма, не только болѣе не боги, но и храмъ уже больше не храмъ? Я говорю объ идеалахъ, которыми мы живемъ въ нашей юности, и которые если разъ разсыпались прахомъ, — не возстановитъ уже ихъ никакая сила. Пока свѣтятъ они впереди, насъ влекутъ къ нимъ нетерпѣливыя желанія; погасли эти свѣтлыя точки — смерть всѣмъ желаніямъ.

Digitized by Google

смерть всѣмъ источникамъ жизни. Вотъ она — смерть; я не знала прежде, что даже и безъ утраты здоровья можно носить ее въ себѣ. Воскреси во мнѣ, если можешь, желанія, тогда, можетъ быть, я найду отраду и въ твоихъ утѣшеніяхъ.

Если бы только иногда не было у меня этихъ мучительныхъ минутъ, когда они, мои умершія желанія, возвращаются ко мнѣ съ какою-то неистовою силою, охватываютъ меня съ быстротою пламени, зажигаютъ всю кровь и выжимаютъ слезы отъ нестерпимаго чувства невозвратныхъ потерь! Тогда всѣ эти потребности жизни, счастья, любви, всѣ эти подземные черви пробуждаются отъ глубокаго сна и, какъ голодная семья, горько жалуются на неудовлетвореніе; тогда я теряю всякую волю надъ собою, не слышу болѣе голоса, который называютъ разсудкомъ. Мнѣ ужь не кажется тогда, что я подъ рукою судьбы: только злую прихоть вижу надъ собою и около себя, и готова разнести мои жалобы по всему міру, какъ если бы еще не было въ немъ такой несправедливости. И какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, кто толкаетъ меня бѣжать, не для того, чтобы придти куда нибудь, гдѣ можно найти убѣжище и вздохнуть, а чтобы только не быть больше здѣсь, вотъ въ этихъ стѣнахъ, хоть бы тамъ ждала меня сама безжалостная смерть... Чего мнѣ стоятъ эти минуты, ты не знаешь. Но за то послѣ, когда буря уляжется, наступаетъ такой штиль, что нѣмы остаются всѣ чувства и душа не движется больше ни жаждою, ни голодомъ, какъ если бы все умерло, кромѣ меня, какъ если бы не было на свѣтѣ ни зла, ни добра!

Надежды, улетая отъ насъ, не все еще берутъ съ собою: на мѣсто себя, онѣ оставляютъ ими покинутому свою блѣдную тѣнь, какіе-то неопредѣленные виды, мистическія предположенія, часто вовсе безотчетныя и обыкновенно принимающія видъ вопросовъ. Какъ будто, когда потерянъ прямой, естественный путь къ счастью, такъ оно — не мы къ нему — должно придти путемъ необыкновеннымъ, дорогою чудесъ! Такъ неугомонна, такъ живуща въ насъ эта потребность счастья, что ее не уймешь и самою безнадежностью! Вопросы, которые остаются послѣ улетѣвшихъ надеждъ, такого рода, что въ нихъ какъ будто нѣтъ и помина о счастіи; но мы ужь предчувствуемъ, что тотъ, кто возьмется отвѣчать на нихъ, долженъ будетъ непремѣнно от-

Digitized by Google

влекать для насъ хоть призракъ счастья или произнести намъ послѣдній приговоръ. Этотъ приговоръ обыкновеннно не выговариваютъ, но онъ, какъ неумолимая судьба, выходитъ самъ собою, когда даже призракъ счастья отказываются указать вамъ въ будущемъ. Тогда, мой другъ, бываетъ такъ мучительно-душно, какъ если бы ужь смерть поселилась въ самой душѣ твоей....

Сегодня я получила письмо, котораго ждала, какъ, можетъ быть, только любящая дѣвушка ждетъ вѣсти съ поля сраженія, гдѣ долженъ биться женихъ ея. Это письмо, впрочемъ, отъ моего брата. Тѣ самые вопросы, о которыхъ я говорила сейчасъ, оставались и у́ меня. Они такъ не ясны, что мнѣ стòило труда найти для нихъ выраженіе; но они непремѣнно требовали себѣ отвѣта. Братъ, ты знаешь, любитъ меня горячо; ты вѣрно не забыла, какая нѣжная дружба соединяла насъ до той самой минуты, когда онъ уѣхалъ отъ насъ на службу: къ кому было лучше обратиться, какъ не къ нему, ища себѣ послѣдняго совѣта? Я долго крѣпилась, но наконецъ не могла болѣе: я хотѣла отъ него отвѣта рѣшительнаго. Онъ тоже медлилъ долго, очень долго: я ужь думала, онъ вовсе не хочетъ отвѣчать мнѣ. Однако, нѣтъ. Отвѣтъ его я должна сообщить тебѣ или хоть самое важное въ немъ: тутъ столько правды!

«... Думаешь ли ты, что до сей минуты я не понималъ состоянія, въ которомъ ты находишься? что, судя обо всемъ только по письмамъ, я считалъ судьбу твою обезпеченною, счастье твое вполнѣ устроеннымъ? что изъ тѣхъ немногихъ, но для меня полныхъ горькаго смысла строкъ, которыя ты иногда писала ко мнѣ, не могъ я догадаться, какому идолу принесли въ жертву твое женское чувство, какою горечью отравили молодые дни твои? О, нѣтъ! хоть и поздно, но я увидѣлъ и понялъ все, всю безотрадность твоего положенія. Напрасно ты думала скрыть отъ меня многое, напрасно притворялась ты равнодушною: тоскующая душа твоя высказывалась невольно; довольно было и нѣсколькихъ словъ, чтобы открыть мнѣ глаза. Или, можетъ быть, ты думала, что прежніе года прошли и печаль твоя не найдетъ во мнѣ больше сочувствія? Ты ошиблась, мой другъ: ты мнѣ ближе теперь, чѣмъ когда нибудь; горечь твоихъ страданій мнѣ понятна, я какъ будто вижу весь рядъ ихъ и страдаю вмѣстѣ съ тобою...»

Digitized by Google

Не правда ли сколько чувства въ этомъ человѣкѣ?...

«Но гдѣ же исходъ?» спрашиваетъ онъ далѣе.—«Гдѣ выходъ изъ этого круга страданій, очерченнаго и замкнутаго не судьбою, нѣтъ! а волею людскою? Я много думалъ объ этомъ, прежде чѣмъ ты просила у меня совѣта, и всякій разъ съ воплемъ въ сердцѣ долженъ былъ сознаваться въ своемъ безсиліи, всегда приходилъ къ тому убѣжденію, что исходъ можетъ указать намъ только время. Что значитъ безсильный ропотъ, твой или мой, все равно, противъ общихъ нравовъ? Къ чему поведетъ неровная борьба? Покоримся же судьбѣ, будемъ ждать отъ времени всего лучшаго....»

Не правъ ли онъ? я тебя спрашиваю.

И чего еще я надѣялась? что за совѣщательства тамъ, гдѣ ужь больше нѣтъ мѣста никакимъ совѣтамъ? Чего я хотѣла, чего ждала? Вѣдь вотъ говорятъ же тѣ, которые знаютъ жизнь лучше насъ, что есть въ ней такіе очарованные круги, что стоитъ попасть въ нихъ разъ, чтобы ужь не выдти никогда. И какъ будто я могла узнать это только со стороны! какъ будто сама я не вижу, не знаю ни своего положенія, ни своихъ чувствъ!... Умереть! Но смерть не приходитъ по желанію; смерть и была выходомъ, а выхода нѣтъ, какъ сказано. Терпи и плачь, если естъ слезы; черты же ты не перейдешь. Напиши мнѣ только два слова: *да* или *нѣтъ?* ничего, чтобы походило на совѣтъ, ничего, чтобы предполагало какую нибудь надежду; скажи мнѣ только послѣднее рѣшеніе, чтобы мнѣ ужь ничего болѣе не думать, или думать о чемъ нибудь одномъ.... Брось хоть какой нибудь лучь свѣта въ эту темноту безразсвѣтную; подумай обо мнѣ, сестра моя!

P.S. Здѣсь прекращаются письма. О дальнѣйшемъ ходѣ этой исторіи можетъ дать понятіе слѣдующая сцена.

Пріемная комната въ квартирѣ надворнаго совѣтника Павла Иваныча. Въ ней темно и пусто; только изъ дверей, ведущихъ въ гостиную, показывается свѣтъ. Онъ движется: самъ Павелъ Иванычъ, въ домашнемъ костюмѣ, нѣсколько прищуривъ глаза, входитъ въ комнату со свѣчей въ рукахъ. Съ другаго конца показывается женская фигура: она идетъ къ нему навстрѣчу.

Павелъ Иванычъ. Просто было бы чудо.... *(Останавливается, замѣтивъ женскую фигуру).* Лѣня, въ самомъ дѣлѣ это ты? Вѣдь я не вѣрю своимъ глазамъ.... Да какъ въ такую пору?

Digitized by Google

въ непогоду, въ ненастье, въ грязь? Да мы не ждали васъ и съ первымъ путемъ....

Елена *(подходя къ отцу)*. Мы ждали васъ — не дождались.... Я не могла больше....

Павелъ Иванычъ. Ого! спасибо за любовь!... Ну, дай же мнѣ поцаловать тебя.... Я и самъ соскучился безъ тебя. Жена говоритъ мнѣ, что пріѣхала Лёня, а я и вѣрить не хочу... Гдѣ же мужъ? что онъ нейдетъ? или у повозки хлопочетъ!... Уберутъ, все уберутъ....

Елена *(садясь)*. Папа, сядьте со мной....

Павелъ Иванычъ. Нѣтъ, давай сюда прежде мужа.... Вѣдь мы съ нимъ тоже давно не видались.... *(Смотритъ ей въ глаза)*. Да ты — ужь не простудилась ли въ дорогѣ? Боже сохрани!

Елена. Пройдетъ.... Сядьте.... *(Супруга Павла Иваныча показывается въ дверяхъ)*. Я одна.... со мной никого нѣтъ.

Павелъ Иванычъ. Какъ? а мужъ куда жь дѣвался?

Елена *(цалуя его руки)*. У меня нѣтъ мужа....

Павелъ Иванычъ. Ужь не случилось ли чего? помилуй Богъ! *(Дѣлая крестъ и смотря на жену въ испугѣ)*. Серафима Васильевна, гдѣ же зять нашъ?

(Серафима Васильевна дѣлаетъ отрицательный знакъ головою).

Павелъ Иванычъ *(поднявъ голову Елены)*. У тебя слезы?... Какъ, умеръ?... Бѣдная, несчастная моя Лёничка; онъ умеръ! Нашъ сынъ, нашъ другъ переселился въ жизнь вѣчную....

Елена *(безпокойно вставая)*. Кто, когда? О какой смерти говорите вы? Ради Бога, дайте мнѣ немного подумать....

Павелъ Иванычъ. Бѣдная, бѣдная Лёничка, дитя мое! Есть ли несчастнѣе тебя на свѣтѣ!...

Серафима Васильевна. Полно-те, Павелъ Иванычъ, успокойтесь: вѣдь еще ничего неизвѣстно. Вы узнайте напередъ хорошенько.... Вы сами, право, какъ малый ребенокъ....

Павелъ Иванычъ. Что ужь еще узнавать-то, Серафима Васильевна? Захотѣлъ Господь наслать несчастіе и наслалъ.... Развѣ я не отецъ ея, развѣ ея бѣда — мнѣ чужая?...

Серафима Васильевна. Какое малодушіе! Ихъ несчастіе, конечно, и наше несчастіе.... Да какъ же можно предаваться такой слабости?... Посмотрите, вы и ее только разстроиваете.

Digitized by Google

Елена *(опускаясь на колѣни передъ отцомъ)*. Папа, не плачьте: онъ живъ. Я не говорила, что онъ умеръ, нѣтъ, я не говорила....

Павелъ Иванычъ. Ты еще хочешь обманывать меня, Лёня?

Елена. Нѣтъ, папа, никогда! Я скажу вамъ все.... Я больше виновата, чѣмъ онъ.... Я не простилась съ нимъ....

Павелъ Иванычъ *(качая головою)*. Не понимаю, не понимаю.

Серафима Васильевна. Выведите насъ изъ недоумѣнія.... Какъ же можно такъ мучить отца! На немъ вовсе лица нѣтъ.... Вотъ какую радость привезли!

Елена. Не все радости, maman: бываютъ и печали. Виновата ли я? Только слова смерти не произносила я, не говорила я. Мы оба здоровы: кто бы и хотѣлъ изъ насъ, и тотъ не умретъ.

Павелъ Иванычъ *(вздыхая спокойно)*. Здоровье — первое благо, мой другъ. Развѣ не случилось ли чего съ вами дорогой? Боже сохрани!

Серафима Васильевна *(къ Еленѣ)*. Павелъ Иванычъ все хотятъ знать, отъ-чего вы пріѣхали однѣ, безъ вашего мужа?

Елена. Отъ-чего же я непремѣнно должна была пріѣхать съ нимъ, maman?

Серафима Васильевна *(вспыхнувъ)*. Прекрасный вопросъ!! Вы вѣрно сами никогда не захотѣли бы ѣхать однѣ?...

Елена. А если я хотѣла, maman?

Серафима Васильевна. Я не спорю. Но ужь вѣрно, когда вы спросили....

Елена. Я не спрашивала никого.

Серафима Васильевна. Еще лучше! Такъ вы уѣхали не сказавшись? Ну, вотъ вамъ и отвѣтъ, Павелъ Иванычъ: вы такъ добивались его!

Павелъ Иванычъ. Какъ, что? не сказавшись? И ты, Лёня, точно сказала это, ты не отрекаешься?

Елена. Я бы солгала передъ вами.

Павелъ Иванычъ *(роняя стулъ)*. Такъ ты не дочь моя!

Елена *(бросаясь къ ногамъ)*. Кто же я вамъ, мой милый, добрый папа? Чѣмъ я не прежняя ваша Лёня? Отъ-чего же

Digitized by Google

не могу говорить вамъ всей правды? Такъ ли ужь виновата я, что и слушать — слушать не хотите меня?

Павелъ Иванычъ. Ни слушать, ни видѣть....

Серафима Васильевна. Это несправедливо съ вашей стороны, Павелъ Иванычъ: вы должны прежде выслушать. Тогда ужь и судите, какъ отецъ: вы имѣете всю власть.

Павелъ Иванычъ. Что̀ буду слушать? какъ дочь моя забыла свой первый долгъ? Ужь не это ли — исправленіе?

Серафима Васильевна. Почему вы знаете, можетъ быть, она имѣла свои причины, можетъ быть, обстоятельства принудили ее. Вы прежде выслушайте, если хотите быть вполнѣ справедливыми.

Павелъ Иванычъ. И вы еще держите ея сторону? Пусть будетъ такъ: я слушаю. (*Къ Еленѣ, впрочемъ, почти не смотря на нее*). Что̀ еще вы скажете?

Елена (*дрожа*). Хоть на эту минуту только не будьте такъ строги.... Вспомните вашу прежнюю Лёню....

Павелъ Иванычъ. Она не походила на васъ. И вы смѣли все еще быть недовольной вашимъ состояніемъ? Вы, наконецъ, были такъ дерзки?

Елена. Папа, я не могла, видитъ Богъ, не могла.... Я молилась, но знать молитва моя не дошла....

Павелъ Иванычъ. На что̀жь вы рѣшились тогда?

Елена. Я рѣшилась... О, не смотрите, не смотрите на меня такъ....

Павелъ Иванычъ. Такъ дрожитъ только нечистая совѣсть. Какой же конецъ?

Елена. Я рѣшилась.... Я думала, что хоть другимъ не буду больше въ тягость и рѣшилась — просить себѣ крова у васъ, только крова, папа.... Куда же я пойду?...

Павелъ Иванычъ. Довольно. Вы произнесли приговоръ не себѣ, а мнѣ: вы сдѣлали меня, старика, на вѣки несчастнымъ... вы сведете въ гробъ меня, сударыня! Прекрасная благодарность за всѣ родительскія попеченія, славная награда отцу за то, что полжизни думалъ только о томъ, какъ бы устроить счастіе дѣтей! Есть чѣмъ порадоваться, утѣшиться!

Серафима Васильевна (*съ глубокимъ вздохомъ*). Ужь я теперь не знаю, что̀ объ насъ и подумаютъ!

Павелъ Иванычъ. Что̀ подумаютъ? Что мы самые сла-

Digitized by Google

бые, самые безхарактерные люди, что мы не умѣли порядочно воспитать нашей дочери, что мы не умѣли внушить ей никакой нравственности.... Что подумаютъ? А что сами мы подумаемъ?... Думалъ ли я, ждалъ ли я!... (*Вдругъ обращаясь къ Еленѣ*). Не ужь-то ты могла подумать, что я приму тебя?

Елена (*робко поднимая на него глаза*). Куда жь бы я дѣвалась? Я ѣхала какъ домой....

Павелъ Иванычъ. Какъ, ты надѣялась, что я прикрою тебя, что я буду потакать твоимъ романическимъ бреднямъ, своенравная дѣвчонка? Прочь съ глазъ моихъ, прочь сію же минуту!...

Елена (*снова опускается на стулъ, съ котораго только-что встала*). Если бы я знала куда!

Павелъ Иванычъ. Трудная задача — куда ей ѣхать! Туда же, откуда пріѣхала. Тамъ твой домъ, ты забыла его, ты безчестно предала его.... Какой тебѣ здѣсь домъ, кто звалъ тебя, кто просилъ?... Все ли будутъ носить тебя на рукахъ! Серафима Васильевна, прикажите оборотить лошадей....

Серафима Васильевна. Пусть хоть одну ночь переночуетъ у насъ. Вы ужь право слишкомъ строги, Павелъ Иванычъ. Конечно, вы оскорблены, вы отецъ....

Павелъ Иванычъ. Отецъ, а не баловникъ монхъ дѣтей, прошу замѣтить это. Не хочу служить для другихъ дурнымъ примѣромъ. Что жь изъ этого, что она мнѣ дочь? Какъ отецъ, можно сказать, какъ другъ, я устроилъ ея счастіе. Ужь я не говорю о томъ, чего мнѣ это стоило... пусть! Одной награды ждалъ: чтобы радовалась сама, да радовала бы насъ стариковъ своею радостію. А она? Вамъ нечего говорить,—вы видите сами.

Серафима Васильевна. Конечно, Павелъ Иванычъ, кто же и говоритъ противъ этого? Но вѣдь еще дитя.

Павелъ Иванычъ. Мерзкій нравъ, говорю я, а не дитя. Стыдъ и позоръ на весь домъ! (*къ Еленѣ*) Зачѣмъ же медлить? Прошу сбираться.

Елена (*вставая*). Я готова.

Павелъ Иванычъ (*посмотрѣвъ съ недоумѣніемъ*). Ты готова и — ни слова о прощеніи?

Елена. Я искала—и не нашла его.

Павелъ Иванычъ. О, ты еще горда, ты хотѣла испытать меня. Хорошо - узнай. Я своего слова господинъ: сейчасъ

Digitized by Google

же поѣзжай обратнымъ путемъ и скажи своему мужу, что я (*указывая на себя пальцемъ*), я прислалъ тебя. Прощай, добрый путь. Не забудь же исполнить моего порученія.

Серафима Васильевна (*всплескивая руками*). Ахъ, Боже мой, Павелъ Иванычъ!

Павелъ Иванычъ. Что, вы еще меня не знали? Да, я точно мягокъ, когда дѣло идетъ только объ извинительныхъ шалостяхъ. Но чтобы быть потатчикомъ, сохрани меня Богъ! Снесу скорѣе неблагодарность, чѣмъ потерплю такой безнравственный поступокъ.

Серафима Васильевна. Въ вашихъ благородныхъ чувствахъ я никогда не сомнѣвалась.

Елена (*закутывая голову въ шаль, говоритъ вполовину про себя*). Далекъ, далекъ мой путь. Радостей не будетъ много, не будетъ. Какой-то холодъ. Это съ дороги. (*Серафима Васильевна помогаетъ ей*). Благодарю, maman.

Серафима Васильевна (*также вполголоса*). Просите же скорѣй прощенія, пока еще есть время. Оставьте на этотъ разъ вашу неумѣстную спѣсь.

Елена. Благодарю, благодарю, maman. Я ужь прощена. Мнѣ остается только проститься съ вами. И съ этимъ домомъ мнѣ надобно проститься, съ каждымъ уголкомъ, гдѣ я сидѣла, думала, смѣялась. Ахъ, да! было же и весело! Всему свое время. Прощайте, прощайте.

Павелъ Иванычъ (*нетерпѣливо*). А съ нами, ужь послѣ стѣнъ?

Елена. Вы недовольны мною, папа? Это ужь въ послѣдній разъ. Ваша дочь никогда больше не оскорбитъ васъ. Дайте мнѣ обнять васъ крѣпко, крѣпко. (*Старается у него на груди заглушить рыданіе*).

Серафима Васильевна (*опускаясь на ближайшую софу*). Нѣтъ, это ужь сверхъ силъ моихъ.

Павелъ Иванычъ (*колеблясь между сожалѣніемъ и гнѣвомъ*). Должна жаловаться сама на себя: всѣ желали ей счастія, а она втоптала его въ грязь.

(*Елена молча подходитъ къ Серафимѣ Васильевнѣ и обнимаетъ ее. Движимый неизвѣстно какимъ чувствомъ, Павелъ Иванычъ протягиваетъ руку, но Елена, ничего не замѣчая, выходитъ вонъ изъ комнаты.*

Digitized by Google

Молчаніе. Слышны шаги Елены, потомъ какіе-то звуки — не то слова, не то рыданія, потомъ все сливается въ шумъ ѣдущихъ экипажей. Павелъ Иванычъ ждетъ слова отъ Серафимы Васильевны).

Серафима Васильевна. Удивляюсь твердости вашего духа, Павелъ Иванычъ. Повѣрите ли, что я едва могла удерживаться отъ слезъ.

Павелъ Иванычъ. Эхъ, что̀ твердость! Вы подивитесь этой наглости, этому безстыдству. Что̀ только сдѣлалось изъ нея, изъ этой кроткой, безотвѣтной дѣвочки! Кто, скажите, могъ подумать только, что изъ этого ребенка, которымъ надо было радоваться каждую минуту, выдетъ такой уродъ... я говорю въ нравственномъ смыслѣ. И все это въ какой нибудь неполный годъ! Откуда, отъ-чего? Боже мой, я не придумаю, не доищусь. Душа такая нѣжная, какъ цвѣтокъ, кротость какая, мягкость въ характерѣ, бывало не налюбуешься ею. Ну, скажите мнѣ, ради Бога, что̀ съ нею сдѣлалось?

Серафима Васильевна (*качая головою*). И не придумаю, не придумаю, мой другъ. Воспитана же была у васъ въ страхѣ Божіемъ. Знать ужь такъ Богу угодно!

Павелъ Иванычъ. Именно такъ! Богу было угодно наказать насъ, ничто иное. Мы съ своей стороны сдѣлали все, и по совѣсти можемъ умыть руки; природа дала ей доброе сердце, мы воспитали его, старались утвердить его въ добрѣ, научить послушанію, кротости, и, кажется, былъ успѣхъ. А вотъ вамъ и успѣхъ. Какъ будто голова у нея поворотилась вверхъ дномъ! Да, Серафима Васильевна, такія наказанія посылаются только свыше. По крайней мѣрѣ, я, съ своей стороны, умываю руки.

Серафима Васильевна. И вѣдь что особенно удивительно: дѣвочку устроили такъ, что надобно бы каждый часъ молить Бога о вашемъ здоровьи, а она тутъ-то и начинаетъ колобродить!

Павелъ Иванычъ. Подите вы! Ну, ради самого Господа, виноватъ ли я тутъ хоть на волосъ? Какъ не выйдешь изъ себя, какъ только головы не потеряешь, видя вотъ этакое зло на своемъ собственномъ чадѣ? Вѣдь не только себя: она дѣлаетъ несчастными мужа, меня, васъ....

Серафима Васильевна. Охъ, ужь не говорите! Сердце

Digitized by Google

не перестаетъ болѣть у меня съ того самого дня, какъ, помните, нашли у ней гостя. Правда, что̀ ужь и вспоминать! Безстыдница! И сегодня я какъ будто предчувствовала: какъ только увидѣла ее, такъ у меня и упало сердце.

Павелъ Иванычъ. Увидите, если нынѣшній урокъ не послужитъ ей въ пользу.

Серафима Васильевна. Того только и прошу у Бога. А куда, вы думаете, поѣдетъ теперь она?

Павелъ Иванычъ *(улыбаясь)*. Ужь, конечно, далеко не поѣдетъ.... воротится. Женское сердце только на часъ, вы сами знаете. Куда ей ѣхать въ такую пору, помилуйте.

Серафима Васильевна. И я тоже самое думаю. Ну, а какъ не воротится?

Павелъ Иванычъ. И вы такъ думаете? тогда, значитъ, поѣхала домой, и то не худо. Да только, повѣрьте, этого не будетъ. Вотъ, постойте: чу, кажется, кто-то идетъ по лѣстницѣ.

Серафима Васильевна *(прислушиваясь)*. Точно идетъ. Удивляюсь вамъ, Павелъ Иванычъ, какъ вы тонко знаете женское сердце, можно сказать, насквозь видите.

(Входитъ горничная.)

Серафима Васильевна. Марья, ты одна?

Марья *(отирая слезы)*. Да-съ, проводила барышню. Все плакала.... Я стою у повозки, а она обняла меня, и такъ горько залилась.... Все говорила, что ужь въ послѣдній разъ, что ужь ей больше не жить.... Ужь какъ мнѣ было жаль ее, голубушку! Какъ будто на смерть проводила!

Павелъ Иванычъ *(растворяя окно)*. Молчи. *(Высовываетъ голову въ окно.)*

Серафима Васильевна. Побойтесь Бога, Павелъ Иванычъ: вы такъ простудитесь, что цѣлую ночь спать не будете. *(Отводитъ его отъ окна.)*

Павелъ Иванычъ *(махнувъ рукой)*. Ну, ничего! Авось одумается.

Клочокъ неоконченнаго письма, найденный на постояломъ дворѣ.

....«Вѣрно я очень простудилась дорогою: все зябну. Можетъ быть, и согрѣлась бы, если бы не такъ дуло мнѣ отъ окна, или хоть кто нибудь былъ бы со мною. Никого нѣтъ! Работни-

Digitized by Google

ца Авдотья приходила утромъ, немного приподняла меня, мнѣ стало какъ будто легче, а какъ ушла, опять хуже. Руки такъ ослабли, что едва могу держать перо. Ахъ, если бы поскорѣй выздоровѣть! доѣхать бы до тебя какъ нибудь! Который ужь день, а я все живу здѣсь, какъ будто домой пріѣхала. Хозяйка такая добрая: посылала вчера за лекаремъ; онъ тоже говоритъ, что я должно быть сильно простудилась. Хотѣлъ завтра пріѣхать опять, если будетъ время: онъ живетъ отсюда за восемъ верстъ. Сама не знаю, чѣмъ заплачу ему: денегъ у меня больше нѣтъ. Я бы не звала его завтра, если бы не болѣло у меня въ груди: что-то такъ жжетъ подъ ложкою, вотъ ужь другой или третій день, и все, кажется, хуже и хуже. Авдотья принесла мнѣ утромъ кислой капусты: говоритъ, что ей всегда помогаетъ. Я принудила себя, съѣла немного, и сначала какъ будто стало лучше, а потомъ опять зажгло такимъ огнемъ, что я думала у меня сожжетъ всю внутренность. А съ головой моей я и сама не знаю что сдѣлалось; всю память потеряла съ того вечера. Помню только, что я рѣшилась ѣхать къ тебѣ, что мы ѣхали почти всю ночь по снѣгу и грязи, лошади нѣсколько разъ останавливались, я издрогла, и на другой день вечеромъ должна была остановиться здѣсь, хоть отдохнуть немного. Авось, болѣзнь моя пройдетъ. Умереть мнѣ не хотѣлось бы: я еще вѣдь не такъ стара, чтобы хотѣть смерти. Хотѣлось бы увидѣть тебя въ послѣдній разъ, поплакать у тебя на груди и потомъ ужь закрыть глаза. Мнѣ почему-то кажется, что и умирать на груди друга какъ-то легче. Можетъ быть, это письмо дойдетъ еще до тебя, можетъ быть, ты еще успѣешь..... Поторопись, мой другъ, поѣзжай, если можешь, какъ только получишь письмо: я чувствую, жаръ ростетъ въ груди у меня съ каждою минутою; мнѣ душно, мнѣ горячо.... ради Бога, скорѣе, скорѣе....

НЕСТРОЕВЪ.

Б—нъ. 1846.

Digitized by Google

ПСОВАЯ ОХОТА.

Провидѣнію угодно было создать человѣка такъ, что ему нужны внезапныя потрясенія, восторгъ, порывъ и хотя мгновенное забвеніе отъ житейскихъ заботъ; иначе, въ уединеніи, грубѣетъ нравъ и вселяются разные пороки....

(Реуттъ, Псовая Охота).

I.

Сторожъ вкругъ дома господскаго ходитъ,
Злобно зѣваетъ и въ доску колотитъ.

Мракомъ задернуты небо и даль,
Вѣтеръ осенній наводитъ печаль;

По небу тучи угрюмыя гонитъ,
По полю листья — и жалобно стонетъ....

Баринъ, проснувшись, съ постели вскочилъ,
Въ туфли обулся и въ рогъ затрубилъ....

Вздрогнули сонные Ваньки и Гришки,
Вздрогнули всѣ — до грудного мальчишки.

Вотъ, при дрожащемъ огнѣ фонарей
Движутся длинныя тѣни псарей.

Digitized by Google

Крикъ, суматоха!... ключи зазвенѣли,
Ржавыя петли уныло запѣли;

Съ громомъ выводятъ, поятъ лошадей....
Время не терпитъ — сѣдлай поскорѣй!

Въ синихъ венгеркахъ на заячьихъ лапкахъ,
Въ остроконечныхъ неслыханныхъ шапкахъ

Слуги толпой подъѣзжаютъ къ крыльцу.
Любо глядѣть — молодецъ къ молодцу!...

Хоть и худеньки у многихъ подошвы —
Да въ сертукахъ за то желтыя прошвы,

Хоть съ толокна животы подвело —
Да въ позументахъ подъ каждымъ сѣдло;

Конь — заглядѣнье, собачекъ двѣ своры,
Поясъ черкескій, арапникъ и шпоры....

Вотъ и помѣщикъ. Долой картузы!...
Молча онъ крутитъ сѣдые усы,

Грозенъ осанкой и пышенъ нарядомъ,
Молча поводитъ властительнымъ взглядомъ,

Слушаетъ важно обычный докладъ:
Змѣйка [1]) издохла, въ забойкѣ Набатъ [2]),

Соколъ [3]) сбѣсился, Хандра [4]) захромала....»
Гладитъ, нагнувшись, любимца-Нахала [5])

И, сладострастно волнуясь, Нахалъ
На спину легъ и хвостомъ завилялъ....

II.

Въ строгомъ порядкѣ, ускореннымъ шагомъ
Ѣдутъ псари по холмамъ и оврагамъ.

Digitized by Google

Стало свѣтать; проѣзжаютъ селомъ —
Дымъ поднимается къ небу столбомъ,

Гонится стадо; съ мучительнымъ стономъ
Очепъ [6]) скрипитъ (запрещенный закономъ);

Бабы изъ оконъ пугливо глядятъ,
«Глянь-ко собаки!» ребята кричатъ....

Вотъ поднимаются медленно въ гору.
Чудная даль открывается взору:

Рѣчка внизу, подъ горою, бѣжитъ,
Инеемъ зелень долины блеститъ,

А за долиной, слегка бѣловатой,
Лѣсъ, освѣщенный зарей полосатой....

Но равнодушно встрѣчаютъ псаря
Яркую ленту огнистой зари,

И пробужденной природы картиной,
Не насладился изъ нихъ ни единой....

«Въ Банники [7])» — крикнулъ помѣщикъ: «набрось!» [8])
Борзовщики [9]) разъѣзжаются врозь,

А предводитель команды собачьей,
Въ островъ [10]) скрылся крикунъ-доѣзжачій [11]).

Горло завидное далъ ему Богъ:
То затрубитъ оглушительно въ рогъ,

То закричитъ: «добирайся, собачки!
Да недавай ему, вору, потачки!»

То заоретъ: го-го-го! — ту! - ту!! - ту!!!...»
Вотъ и нашли — залились на слѣду....

Варомъ-варитъ [12]) закипѣвшая стая,
Внемлетъ помѣщикъ, восторженно-тая,

Digitized by Google

Въ мощной груди занимается духъ,
Дивной гармоніей нѣжится слухъ!...

Однопомѣтниковъ [13]) лай музыкальный
Душу уноситъ въ тотъ міръ идеальный,

Гдѣ ни уплатъ въ Опекунскій Совѣтъ,
Ни безпокойныхъ исправниковъ нѣтъ!

Хоръ такъ пѣвучъ, мелодиченъ и ровенъ,
Что твой Россини! что твой Бетховенъ!..,

III.

Ближе и лай, и порсканье, и крикъ —
Вылетѣлъ бойкій русакъ-материкъ!

Гикнулъ помѣщикъ и ринулся въ поле....
То-то раздолье помѣщичьей волѣ!...

Черезъ ручьи, буераки и рвы
Бѣшено мчится: не жаль головы!

Въ бурныхъ движеньяхъ — величіе власти,
Голосъ проникнутъ могуществомъ страсти,

Очи горятъ благороднымъ огнемъ....
Чудное что-то свершилося въ немъ.

Здѣсь онъ не струситъ, здѣсь не уступитъ,
Здѣсь его Крезъ за мильйоны не купитъ!...

Буйная удаль не знаетъ преградъ —
Смерть иль побѣда — ни шагу назадъ!...

Смерть иль побѣда!... (Но гдѣжь, какъ не въ бурѣ
И развернуться славянской натурѣ?...)

Звѣрь отсѣдаетъ [14]) — и въ смертной тоскѣ
Плачетъ помѣщикъ, припавши къ лукѣ, —

Digitized by Google

Звѣря поймали — онъ дико кричитъ,
Мигомъ отпазончилъ [15]), самъ торочитъ [16]),

Гордый удачей любимой потѣхи,
Въ заячій хвостъ отираетъ доспѣхи

И замираетъ, главу преклоня
Къ шеѣ покрытаго пѣной коня...

IV.

Много травили, много скакали,
Гончихъ изъ острова въ островъ бросали,

Вдругъ неудача: Свирѣпъ [17]) и Терзай [18])
Кинулись въ стадо, за ними Ругай [19]),

Слѣдомъ за ними Угаръ [20]) и Замашка [21]) —
И растерзали въ минуту барашка!

Баринъ велѣлъ возмутителей сѣчь,
Самъ же держалъ къ нимъ суровую рѣчь;

Прыгали псы, огрызались и выли
И разбѣжались, когда ихъ пустили....

Ревма-реветъ злополучный пастухъ,
За лѣсомъ кто-то ругается вслухъ.

Баринъ кричитъ: замолчи, животина!
Не унимается бойкій детина.

Баринъ озлился и скачетъ на крикъ, —
Струсилъ — и валится въ ноги мужикъ....

Баринъ отъѣхалъ — мужикъ встрепенулся,
Снова ругается; баринъ вернулся....

Баринъ арапникомъ злобно махнулъ —
Гаркнулъ буянъ: «караулъ, караулъ!...»

Digitized by Google

Долго преслѣдовалъ парень побитой
Барина бранью своей ядовитой:

. . . . . .
. . . . . .

Но уже баринъ сердитый не слушалъ,
Къ стогу подсѣвши, онъ рябчика кушалъ,

Кости Нахалу кидалъ, а псарямъ
Передалъ фляжку, отвѣдавши самъ.

Пили псари — и угрюмо молчали,
Лошади сѣно изъ стога жевали,

И въ обагренные кровью усы
Зайцовъ лизали голодные псы....

V.

Такъ отдохнувъ, продолжаютъ охоту,
Скачутъ, порскаютъ [22]) и травятъ безъ счету,

Время межъ тѣмъ незамѣтно идетъ,
Песъ измѣняетъ и конь устаетъ....

Падаетъ сизый туманъ на долину,
Красное солнце зашло вполовину

И показался съ другой стороны
Очеркъ безжизненно-бѣлой луны.

Слѣзли съ коней; поджидаютъ у стога,
Гончихъ сбиваютъ, сзываютъ въ три рога,

И повторяются эхомъ лѣсовъ
Дикіе звуки нестройныхъ роговъ....

Скоро стемнѣетъ.... Ускореннымъ шагомъ
Ѣдутъ домой по холмамъ и оврагамъ,

Digitized by Google

При переправѣ чрезъ мутный ручей,
Кинувъ поводья, поятъ лошадей —

Ради борзыя, довольны тявкуши:
Въ воду залѣзли по самыя уши!

Въ полѣ завидѣвъ табунъ лошадей,
Ржотъ жеребецъ подъ однимъ изъ псарей.

Вотъ, наконецъ, добрались до ночлега.
Въ сердцѣ помѣщика радость и нега —

Много загублено заячьихъ душъ....
Слава усердному гону тявкушъ! [23])

Изъ лѣсу робкихъ звѣрей выбивая,
Честно служила ты, вѣрная стая!

Слава тебѣ, неизмѣнный Нахалъ —
Ты словно вѣтеръ пустынный леталъ!

Слава тебѣ, рѣзвоножка-Побѣдка! [24])
Бойко скакала, ловила ты мѣтко!

Слава усернымъ и бурнымъ конямъ!
Слава выжлятнику [25]), слава псарямъ!...

VI.

Выпивъ изрядно, поужинавъ плотно,
Баринъ отходитъ ко сну беззаботно,

Завтра велитъ себя раньше будить....
Чудное дѣло — скакать и травить!

Чуть не полміра въ себѣ совмѣщая,
Русь широко протянулась, родная,

Много у насъ и лѣсовъ и полей,
Много въ отечествѣ нашемъ звѣрей.

Digitized by Google

Нѣтъ намъ запрета, по чистому полю
Рыская, тѣшить широкую волю.

Благо тому, кто предастся во власть
Ратной забавѣ: онъ вѣдаетъ страсть,

И до сѣдинъ молодые порывы
Въ немъ сохранятся, прекрасны и живы,

Чорная дума къ нему не зайдетъ,
Въ праздномъ покоѣ душа не заснетъ.

Кто же охоты собачьей не любитъ,
Тотъ въ себѣ душу заспитъ и погубитъ....

Н. НЕКРАСОВЪ.

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) [2]) [3]) [4]) [5]) Собачьи клички.

[6]) Такъ называется снарядъ особаго устройства, имѣющій въ спокойномъ положеніи форму неправильнаго треугольника. Съ помощію этого снаряда въ нѣкоторыхъ нашихъ деревняхъ достаютъ воду изъ колодцевъ, что производится съ раздирающимъ душу скрипомъ.

[7]) Банники — названіе лѣска.

[8]) *Набрасывать* — техническое выраженіе: спускать гончихъ въ островъ для отысканія звѣря; (*островъ* — отъемный лѣсъ, удобный, по положенію своему, для охотниковъ). Набрасываетъ гончихъ обыкновенно такъ называемый *доѣзжачій;* бросивъ въ островъ, онъ поощряетъ ихъ порсканьемъ (*порскать* — значитъ у охотниковъ криками понуждать гончихъ къ отыскиванію звѣря и подбивать всю стаю на слѣдъ, отысканный одною), и вообще содержитъ въ неослабномъ повиновеніи своему рогу и арапнику. Помощникъ его называется *подъѣзжимъ.* При выѣздѣ изъ дому или переходѣ отъ одного острова къ другому соблюдается обыкновенно такой порядокъ: впереди доѣзжачій, за нимъ стая гончихъ, а за нею подъѣзжій, всегда готовый съ крикомъ: *въ кучу!* хлеснуть арапникомъ собаку, отбившуюся отъ стаи, — а за нимъ уже баринъ и остальные борзовщики. Обязанность *борзовщика* — стеречь звѣря съ борзыми, близь острова, перемѣняя мѣсто по направленію движенія стаи. Въ умѣньи выбрать хорошую позицію, выждать звѣря, выгнаннаго наконецъ гончими изъ острова, хорошо принять его (т. е. во-время показать собакамъ) и хорошо потравить — заключается главная задача охотника и великій источникъ его наслажденія.

[9]) См. примѣч. 8.

[10]) См. примѣч. 8.

[11]) См. примѣч. 8.

[12]) *Варомъ-варить*—техническое выраженіе—употребляется, когда гонитъ вся стая дружно, съ неумолкающимъ лаемъ и заливаньемъ, — что бываетъ, когда собаки попадутъ на слѣдъ только-что вскочившаго зайца (называемый *горячимъ* слѣдомъ), или когда звѣрь просто у нихъ въ виду; въ послѣднемъ случаѣ говорятся: гонятъ по *горячему*, и гонъ бываетъ въ полномъ смыслѣ неистовый. Пр

жаркомъ и дружномъ гонѣ хорошо подобранной стаи, голоса гончихъ сливаются въ довольно стройную и не чуждую дикой пріятности гармонію, для охотниковъ ни съ чѣмъ несравнимую.

[15]) *Однопомётники* — собаки одного помёта.

[16]) Звѣрь *отседаетъ* — говорятъ, когда заяцъ, уже настигнутый борзыми, вдругъ оставляетъ ихъ далеко за собою, обманувъ неожиданнымъ уклоненіемъ въ сторону, прыжкомъ вверхъ или другимъ какимъ нибудь хитрымъ и часто развительнымъ движеніемъ. Иногда, напримѣръ, онъ бросается просто въ собакъ; собаки съ разбѣга пронесутся впередъ и когда попадутъ на новое направленіе зайца, онъ уже далеко.

[17]) *Отпазончить* — отрѣзать заднія лапки на среднемъ суставѣ.

[18]) *Торочить, приторачивать* — привязывать зайца къ сѣдлу, для чего при охотничьихъ сѣдлахъ находятся особенные ремешки, называемые *тороками*.

[19]) [20]) [21]) Собачьи клички.

[22]) См. примѣч. 8.

[23]) *Тявкуша* — тоже, что гончая; гончія иногда также называются *сыжлицами* (въ женск. — *сыжлоска*); отъ этого слова доѣзжачій, заправляющій ими, называется еще *сыжлятникомъ*.

[24]) Собачья кличка.

[25]) См. примѣч. 23.

Digitized by Google

СИЛУЭТЫ ПРОВИНЦІЯЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

ИВАНЪ ФИЛИПОВИЧЪ ВЕРНЕТЪ,

ШВЕЙЦАРСКІЙ УРОЖДЕНЕЦЪ И РУССКІЙ ПИСАТЕЛЬ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЫКНОВЕННАГО ЧЕЛОВѢКА.

Самое поверхностное сравненіе теперешняго общества съ прежнимъ, какъ у другихъ народовъ, такъ и у насъ, можетъ убѣдить каждаго, что прежде, даже не далѣе 30, 40 лѣтъ тому назадъ, было гораздо болѣе людей странныхъ, съ рѣзкими особенностями, оригиналовъ и чудаковъ всякаго рода, чѣмъ теперь. И такое явленіе понятно. Причудливость есть слѣдствіе произвольности въ жизни, и чѣмъ болѣе произвольность, этотъ первый фазисъ личной свободы, господствуетъ въ нестройномъ еще обществѣ, тѣмъ болѣе она порождаетъ личныхъ аномалій. Съ постепеннымъ же водвореніемъ истинной свободы въ общественныхъ отношеніяхъ, необходимо водворяется и бо́льшая соразмѣрность, правильность и стройность какъ въ характерѣ, такъ и въ образѣ жизни и дѣйствій каждаго.

Сорокалѣтняго человѣка еще нельзя назвать старымъ; но и я, припоминая себѣ годы своего дѣтства, чувствую по многому,

Digitized by Google

что въ тридцать лѣтъ своей сознательной жизни прожилъ будто цѣлый вѣкъ,—такъ велико различіе между тѣмъ, что теперь и что было тогда, и такъ поражаетъ оно, не смотря на всю отрывочность и неясность воспоминаній перваго дѣтства. Нигдѣ, кажется, поколѣнія не смѣняются такъ быстро, какъ въ петровой Россіи. Вездѣ, во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, между сыномъ, отцомъ и дѣдомъ живая, непосредственная связь; отецъ понимаетъ, хоть исторически, своего сына, даже дѣдъ своего внука; отъ-того такъ часты тамъ фамильныя, наслѣдственныя мнѣнія и вѣрованія. У насъ, напротивъ, ни наслѣдственныхъ убѣжденій, ни исторической связи почти нѣтъ; мы живемъ каждый по себѣ, потому-что живемъ отвлеченно, не пережитой мыслію и чужимъ умомъ; отъ-того отецъ, воспитанный на однѣхъ русскихъ книгахъ, особливо на книгахъ начала нынѣшняго или конца прошедшаго столѣтія, не можетъ вовсе понять сына, знакомаго съ западными литературами, бывшаго въ чужихъ краяхъ, непосредственно слѣдящаго за умственнымъ и общественнымъ развитіемъ Европы. У насъ сына отъ отца раздѣляетъ бездна, почти такая же, какая раздѣляла молодого человѣка временъ Петра Великаго отъ его отца временъ Алексѣя Михайловича, потому-что теперь, при нашей нока все еще чисто-отвлеченной со-жизни съ Европою, каждое поколѣніе отрѣзывается отъ другого цѣлымъ переворотомъ, тѣмъ болѣе рѣзкимъ, что совершается лишь умственно, безъ живого органическаго развитія въ самомъ бытѣ и существованіи народномъ.

Сколько особенностей, забавныхъ и поучительныхъ, было еще въ Россіи тому назадъ тридцать лѣтъ! Мнѣ только-что минулъ тогда первый десятокъ, но я многое еще очень живо и ясно помню. Первый отдѣлъ моей жизни тогда кончился,—жизни деревенской, питанія и роста. Не смотря на то, что съ семи лѣтъ я уже имѣлъ гувернёра—Швейцарца и русскаго учителя, я все таки въ первый свой десятокъ жилъ больше на воздухѣ, чѣмъ въ классной комнатѣ, больше игралъ и бѣгалъ, чѣмъ учился; отъ-того въ 10, 12 лѣтъ я до того выросъ и даже возмужалъ, что никто не хотѣлъ вѣрить, чтобъ я былъ такъ молодъ. Когда нибудь въ другой разъ разскажу и про этотъ младенческій періодъ своей жизни, періодъ, болѣе любопытный и назидательный, чѣмъ обыкновенно думаютъ,—отъ-чего такъ мало обращаютъ на него вниманія. Теперь ограничусь очеркомъ — не моего

Digitized by Google

внутренняго развитія во второе десятилѣтіе, что̀ могло бы быть также очень занимательно, не quoique а parceque я «обыкновенный человѣкъ»; но и это до другого раза. Теперь, повторяю, ограничусь очеркомъ нѣкоторыхъ личностей, сохранившихся въ моей памяти, и особливо одной, заслуживающей остаться въ памяти не однихъ тѣхъ, кто зналъ и уважалъ И. Ф. Вернета, моего стараго наставника и учителя.

Отъ 1815 до 1818 года я съ семействомъ своимъ прожилъ въ Харьковѣ, славившемся своимъ университетомъ; по лѣтамъ своимъ я, правда, не могъ еще быть студентомъ, но при средствахъ, какія представлялъ университетскій городъ, могъ очень легко къ тому готовиться. Намѣреніе моихъ родителей было — остаться въ Харьковѣ и долѣе, во время всего будущаго моего студенческаго курса, въ концѣ котораго имъ видѣлось уже и докторское званіе, тогда еще такъ скоро достававшееся; но по совѣту одного призваннаго и опытнаго въ этомъ дѣлѣ судьи, они рѣшились въ 1818 году промѣнять для меня харьковскій университетъ, на только-что открывшійся тогда въ Петербургѣ пансіонъ при педагогическомъ институтѣ, переименованный впослѣдствіи въ университетскій пансіонъ.

Этотъ, въ глазахъ моихъ родителей, призванный и опытный судья въ дѣлѣ воспитанія, былъ Захаръ Яковличъ Карнѣевъ, назначенный, при князѣ А. Н. Голицынѣ, попечителемъ харьковскаго учебнаго округа, старинный другъ нашего дома. Онъ самъ былъ писателемъ, и въ моей библіотекѣ хранится до сихъ поръ нѣсколько подаренныхъ имъ брошюръ своего сочиненія, какъ то: «Мысли на досугѣ поучающагося истинамъ вѣры»; — «О пользѣ чтенія св. Писанія» и проч. Онъ былъ холостъ, пожилыхъ лѣтъ и всего себя посвятилъ благочестію. Это благочестіе старался онъ возбуждать во всѣхъ ему близкихъ, и особенно вкоренять въ юношествѣ, ввѣренномъ его начальству. Паче всего требовалъ онъ отъ студентовъ, чтобъ они прилежно ходили въ церковь, чтили праздники, соблюдали посты и непремѣнно говѣли хоть разъ въ годъ. Упомянутыя выше книжки раздавалъ онъ, гдѣ и кому могъ. Я живо помню этого почтеннаго старца, котораго, не смотря на лѣта, можно было еще назвать красавцемъ, высокаго, прямого, стройнаго, съ прекраснымъ и выразительнымъ лицомъ. По наружности онъ имѣлъ большое сходство съ покойнымъ И. И. Дмитріевымъ. Особенно

Digitized by Google

не забуду лѣтней поѣздки нашей въ его деревню, лежавшую верстахъ во ста на югъ отъ Харькова. Эта поѣздка составляетъ одно изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній моего дѣтства. Захаръ Яковличъ выстроилъ себѣ въ своемъ прекрасномъ помѣстьѣ великолѣпный домъ и окружилъ его огромнымъ англійскимъ садомъ. Такого сада, и особенно такихъ чертоговъ я до того времени еще не видывалъ. За исключеніемъ немногихъ казенныхъ зданій въ тогдашнемъ Харьковѣ почти единственномъ мною видѣнномъ городѣ, не было ни одного частнаго дома, который могъ бы хоть сколько нибудь сравниться какъ по величинѣ и архитектурѣ, такъ и по внутреннему убранству съ «сельской хижиной» Захара Яковлича. Еще нигдѣ не встрѣчалъ я столько самыхъ затѣйливыхъ столовыхъ часовъ, столько бронзы, картинъ и статуй. О величинѣ дома и говорить нечего: было гдѣ мнѣ побѣгать въ дурную погоду. Впрочемъ, на мое счастье, погода стояла чудесная почти во все время нашего пребыванія у гостепріимнаго хозяина. Мы ею и пользовались. Поутру послѣ сытнаго завтрака отправлялись ходить по саду, расположенному по пригоркамъ и содержавшемуся въ отмѣнномъ порядкѣ. Въ одномъ мѣстѣ, въ затишьи, на южномъ склонѣ холма, росъ даже виноградъ. Помню, какъ удивилъ меня видъ рдѣющаго винограда на открытомъ воздухѣ. Рѣдко, но ходили мы и по полямъ и по деревнѣ. Тутъ также въ первый разъ въ жизни поразилъ меня страннымъ образомъ рѣзкій контрастъ между крестьянскими хатами и великолѣпными хоромами помѣщика. Эти представлялись мнѣ словно тучнымъ быкомъ посреди стада смиренныхъ овецъ. Отдохнувъ послѣ обильнаго и тонкаго обѣда, мы опять отправлялись въ садъ, пока смеркалось. Тогда сходились мы, и хозяинъ и гости, то въ его богатый кабинетъ, то въ одну изъ гостиныхъ, и тутъ, за чашкой чая или за вечернимъ дессертомъ, благочестивый мудрецъ посвящалъ взрослыхъ въ таинства слова Божія, объяснялъ апокалипсисъ или разсказывалъ про попа Іоанна, будто до сихъ поръ странствующаго по Азіи. Перваго я не понималъ, но разсказы о попѣ Іоаннѣ, о чудесахъ магнетизма и тому подобномъ сильно волновали мое дѣтское воображеніе и глубоко врѣзались въ моей памяти.

Въ числѣ гостей Захара Яковлича была одна чета, мнѣ также памятная по рѣзкому контрасту между ея неровными половинами. Мужъ пожилой, невзрачный человѣкъ, одержимый,

Digitized by Google

какъ я узналъ гораздо позже, довольно отвратительной болѣзнію; жена, молодая, прекрасная собою женщина, съ задумчивымъ и трогательнымъ выраженіемъ лица; таковы были члены брачнаго союза. Не смотря на свои лѣта, я могъ легко замѣтить, что молодая дама возбуждала собой общее участіе. Впослѣдствіи я узналъ еще слѣдующее: къ намъ въ домъ пріѣзжалъ очень часто одинъ молодой, блестящій штаб-офицеръ, который часто о чемъ-то совѣтовался съ моими родителями. Дѣло въ томъ, что этотъ офицеръ страстно любилъ даму, видѣнную нами у Карнѣева, и — какъ увѣрялъ онъ — былъ ею также любимъ. Ему хотѣлось, основываясь на неизлѣчимой болѣзни мужа, развести его съ женою и на ней жениться. Много лѣтъ спустя, я видѣлъ его опять, но все еще холостымъ. Что сдѣлалось съ четою — не знаю.

Съ нами вмѣстѣ пріѣзжалъ въ деревню Захара Яковлича герой другого романа. Это былъ одинъ молодой врачъ, нашъ домовый лекарь, незадолго передъ тѣмъ переведенный изъ петербургской академіи, гдѣ учился, адъюнктомъ медицины въ харьковскій университетъ. Его португальская фамилія и прекрасное нѣжное лицо придавали ему что-то поэтическое. Попечитель отличалъ его, и онъ, сколько своими знаніями и искусствомъ, столько и покровительствомъ начальника легко могъ пріобрѣсть въ Харьковѣ большую практику и видное мѣсто. Но на свою бѣду, молодой адъюнктъ влюбился въ одну, не то чтобы весьма пригожую, но чрезвычайно милую и отлично образованную дѣвушку, дочь одного медика, существо самое поэтическое, съ воздушнымъ станомъ, большими голубыми глазами, одаренное прелестью и граціей, очаровательной даже для ребенка. Нашъ молодой врачъ за нее посватался; казалось, онъ могъ, по всѣмъ принятымъ условіямъ свѣта, имѣть право на ея руку: ему отказали. Причина отказа мнѣ осталась неизвѣстна; какъ слышалъ послѣ, препятствія были не со стороны дѣвушки.... Какъ бы ни было, развязка этого сердечнаго рамана та, что дѣвушка, *выданная* замужъ за одного пожилого человѣка, весьма почтеннаго и дѣльнаго, но изуродованнаго болѣзнію, черезъ годъ или два послѣ замужства умерла чахоткой, а молодой врачъ спился съ кругу и за дурное поведеніе переведенъ былъ изъ университета, гдѣ ожидала его каѳедра ординарнаго профессора, уѣзднымъ лекаремъ въ какой-то отдаленный городишко.

Digitized by Google

Помню еще другую лѣтнюю поѣздку въ богодуховскій уѣздъ къ человѣку во многихъ отношеніяхъ замѣчательному. Василій Назарычъ Каразинъ былъ происхожденія греческаго. Его отецъ, по имени Караджи, переселился при Екатеринѣ изъ своей родины въ Украйну. Жизнь Василья Назарыча, ожидающая своего біографа, была исполнена самыхъ разительныхъ превратностей; и что́ бы о немъ ни говорили, съ какой бы точки ни разсматривали его общественный характеръ, но одно не подлежитъ сомнѣнію: рано или поздно Харьковъ, да и вся Украйна, отдадутъ ему должное и открыто признаютъ въ немъ одного изъ своихъ благотворителей. Его когда-то сильному вліянію Харьковъ обязанъ своимъ университетомъ. Имъ было созвано въ этотъ городъ множество иностранныхъ ремесленниковъ; черезъ его посредство призваны туда и нѣкоторые отличные европейскіе ученые. Каразинъ былъ человѣкомъ всемірнымъ; ни одна отрасль наукъ или искусствъ не ускользала отъ его прозорливаго вниманія: отъ плуга и химической лабараторіи, до самыхъ коренныхъ вопросовъ науки или общественной жизни, онъ вездѣ былъ дома, по крайней мѣрѣ, теоретически. Его библіотека обнимала, какъ и онъ самъ, всѣ отрасли человѣческихъ знаній. Это былъ умъ жадный къ познаніямъ, душа пылкая, сжигаемая жаждой дѣятельности. Живя поочередно то въ деревнѣ, то въ городѣ, онъ, не смотря на ихъ отдаленность отъ центровъ просвѣщенія, слѣдилъ за всѣми движеніями вѣка, получалъ множество журналовъ и книгъ, и дѣятельно занимаясь самъ всѣмъ по-немногу, поощрялъ и другихъ къ самобытнымъ занятіямъ, къ живому труду. Къ сожалѣнію, самъ онъ не всегда обнаруживаетъ тотъ практическій смыслъ, какой требовалъ отъ другихъ. Его попытки, дорого ему стоившія, ввести въ свою деревню особенное, черезъ-чуръ искуственное устройство, сельскую думу, судъ и расправу, — гдѣ, помнится, предсѣдательствовалъ священникъ, — а вмѣстѣ съ тѣмъ сложную отчетность, иностранное земледѣліе, различные ремесла и промыслы, — не могли уже и потому увѣнчаться успѣхомъ, что они не сопровождались достаточнымъ практическимъ знаніемъ, и слишкомъ отражали на себѣ характеръ самого владѣльца — нетерпѣливый и отвлеченно-теоретическій. Василій Назарычъ оставался теоретикомъ и въ практикѣ. Страсть къ проэктамъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и гражданскаго устройства, безпокой-

Digitized by Google

ное стремленіе къ преобразованіямъ всякаго рода, дѣлали его неспособнымъ къ холодному, настойчивому исполненію предначертаннаго и къ практическому примѣненію своихъ величавыхъ плановъ. Если я осмѣлился высказать такъ открыто свое мнѣніе объ общественномъ характерѣ покойника, то это единственно потому, что ничѣмъ лучшимъ не умѣлъ почтить его память: онъ весь, и съ самыми недостатками, принадлежитъ къ исторіи русской общественной жизни. Кто его зналъ, кто зналъ пламенную любовь къ успѣхамъ отечества, одушевлявшую его во всю жизнь съ неизмѣннымъ жаромъ и ревностью, тотъ согласится, что Каразинъ принадлежитъ къ знаменательнымъ, поучительнымъ явленіямъ нашего современнаго общества, и не откажетъ ему въ уваженіи и признательности.

Отъ него, хоть и безъ всякой внутренней связи, перейду еще къ одной замѣчательной личности, о которой упоминаю здѣсь потому только, что моя первая съ нею встрѣча принадлежитъ къ этому же періоду моей жизни. Отставной майоръ екатерининa времени А. А. Б., поселившійся въ одной смѣжной съ Украйною губерніи, и котораго мы также разъ навѣстили въ его уединеніи, никогда не имѣлъ притязаній на извѣстность, а потому я умалчиваю его имя. Это былъ любопытный и во многихъ отношеніяхъ почтенный обломокъ XVIII столѣтія. По своимъ убѣжденіямъ, Б. принадлежалъ къ школѣ деистовъ, и не столько французскихъ, сколько англійскихъ. Впрочемъ, свое уединенное жилище, построенное посреди лѣса, смѣжнаго съ лѣсомъ одной пустыни, назвалъ онъ, и кажется не въ шутку, Фернеемъ. Б. былъ мудрецъ по-своему, если мудрость ставить всего болѣе въ развитіи характера и строгомъ соглашеніи своихъ убѣжденій, каковы бы они ни были, съ жизнію. Независимый по уму и характеру, Б. былъ рабомъ лишь одного — своего слова. Онъ никогда ничѣмъ не божился, не давалъ никакихъ клятвъ, на увѣренія былъ скупъ до крайности; и всѣ его знавшіе, — а его знала вся губернія, — довольствовались во всѣхъ съ нимъ сношеніяхъ и сдѣлкахъ однимъ его *честнымъ словомъ*. Одно выраженіе лица его, твердое и величаво-спокойное, какъ и вся его осанка, внушало уже довѣріе. Когда же Б. говорилъ своимъ густымъ, въ душу проникающимъ басомъ: «я, братецъ, обѣщаю тебѣ сдѣлать то-то, или даю слово заплатить свой долгъ вотъ такого-то числа», то никто и не думалъ сомнѣ-

Digitized by Google

ваться въ исполненіи его обѣщанія, или при ссудѣ брать съ него росписку, потому-что каждый зналъ, что *слово* этого человѣка вѣрнѣй всякаго акта и векселя. А между тѣмъ, безъ особенной нужды, онъ никогда не пользовался своимъ огромнымъ кредитомъ. Б. былъ, разумѣется, и филантропомъ, но также по-своему. При обширномъ своемъ семействѣ и довольно ограниченномъ состояніи, онъ, правда, не могъ помогать «страждущему человѣчеству» въ широкихъ размѣрахъ; но гдѣ доставало его силъ, онъ помогалъ и словомъ и дѣломъ, скрывая отъ другихъ, сколько могъ, свои благодѣянія, а отъ облагодѣтельствованныхъ требуя одного, того же, что требовалъ и отъ самого себя, — строгаго исполненія своихъ обязанностей и своего слова.

Почтенный Б. часто жаловался на боль въ ногѣ; больная нога его напоминаетъ мнѣ руку одного стараго харьковскаго знакомаго моего батюшки, М. Когда мы переѣхали въ Харьковъ, онъ занималъ довольно важную гражданскую должность. Это былъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, съ косой и съ напудренной головою. Но ни его лѣта, ни должность не измѣнили его характера. До 60-ти лѣтъ М. оставался вѣтренникомъ, мотомъ, просиживалъ ночи за картами, кутилъ, содержалъ актрисъ. О семействѣ своемъ онъ очень мало заботился. Однако, не смотря на всѣ эти недостатки, онъ былъ правдивъ, открытаго нрава, не терпѣлъ ни кривизны, ни лицемѣрія. Онъ весь былъ на лицо, съ своими достоинствами и слабостями. Меня, ребенка, поразило въ немъ, кромѣ напудренной косы, еще и то, что у него не доставало кисти правой руки. Помню, какъ я однажды видѣлъ его въ театрѣ, и какъ онъ апплодировалъ одной пѣвицѣ, хлопая остальной рукой по ляшкѣ. Это меня чрезвычайно забавляло. Говорили тоже, что отсутствіе ручной кисти нисколько не мѣшало ему играть въ карты. Придерживая колоду остаткомъ правой руки, онъ лѣвою тасовалъ ее съ необыкновенной быстротой и ловкостью. М. былъ страстный, отчаянный игрокъ. Въ его дочь, прекрасную собой дѣвушку, влюбленъ былъ одинъ молодой человѣкъ. Не знаю, почему отецъ не соглашался на ихъ бракъ, знаю только, что всѣ просьбы и старанія влюбленнаго сокрушались объ его непреклонность. Однажды они играли въ банкъ. Счастье необыкновенно везло молодому человѣку. Все, что М. имѣлъ наличнаго — деньги, вещи, все проигралъ онъ счастливому про-

Digitized by Google

тивнику. Недвижимости у старика тогда уже не было, — онъ ее давно промоталъ, — а отыграть хотѣлось. Видя это, молодой человѣкъ торжественно поднялся со стула и сказалъ: «Послушайте! вы знаете, что я люблю вашу дочь и ей, кажется, не противенъ. Полно-те упрямиться! Видите ли? Я, съ своей стороны, ставлю все, что у васъ выигралъ, деньги, вещи, да еще 50 тысячъ; а вы поставьте на карту свое согласіе....»—Идетъ! закричалъ въ запальчивости рьяный игрокъ. — Ну, коли такъ, по рукамъ. — «Нѣтъ, погоди», прервалъ М.: «дай напередъ позвать дочь». Ее позвали. Отецъ, можетъ быть, еще въ первый разъ, спросилъ ее, согласна ли она быть женою его партнера? дочь, покраснѣвъ, отвѣчала: согласна. Тутъ М. прижалъ ее къ своему родительскому сердцу и поставилъ тузъ.... Какова была минута! и отецъ, и дочь, и любовникъ не переводили духу. Наконецъ, о счастье! тузъ лопнулъ.... Старикъ вскочилъ; но потомъ, опомнившись, взялъ дочь за руку и, какъ водится въ водевиляхъ, соединилъ ее съ рукою счастливца. Не менѣе оригиналенъ случай, по которому, какъ разсказывали, М. потерялъ руку. Въ молодости своей онъ служилъ въ артиллеріи. Судя потому, каковъ онъ былъ въ старости, можно догадаться, чѣмъ былъ въ молодыхъ лѣтахъ. Престарѣлая его мать, разумѣется, сокрушалась о мотовствѣ и разгульной жизни своего единственнаго сына и не разъ его за это строго журила. Однажды молодой М., разгоряченный виномъ и раздраженный упреками матери, говорятъ, не вынесъ и осмѣлился погрозить ей рукою. Вскорѣ послѣ того она умерла. Блудный сынъ, единственный ея наслѣдникъ, захотѣлъ ознаменовать пиромъ свой вводъ во владѣніе. Онъ созвалъ разгульную, какъ и самъ, молодежь. Много пили, дурачились. Къ вечеру вздумалъ молодой артиллеристъ потѣшить гостей стрѣльбою. У него валялась гдѣ-то старая чугунная пушка; онъ велѣлъ ее принесть, самъ зарядилъ пыжомъ и зажогъ. Не успѣлъ онъ отскочить, какъ заржавленную пушку разорвало, а оторванную его преступную руку перебросило на ея могилу. Не ручаюсь за достовѣрность разсказа; но не только всѣ его знавшіе, и самые члены его семейства подтверждали этотъ удивительный случай. Le vrai quelquefois n'est pas vraisemblable.

Были у насъ еще два сосѣда. Одинъ, чирый малороссійскій дворянинъ, старый и богатый холостякъ, отличался классиче-

Digitized by Google

ской скупостью. Онъ ни къ кому не ходилъ, да и его никто не посѣщалъ. Какъ онъ проводилъ свое время, чѣмъ занимался, одинъ Богъ вѣдаетъ. Изрѣдка батюшка навѣщалъ его, какъ сосѣда, и меня бралъ съ собою. Старичокъ, казалось, бывалъ радъ нашему приходу, но никогда ничѣмъ не подчивалъ. Говорили про его огромное богатство и про сундуки, на которыхъ онъ спалъ. Иногда, лѣтомъ, проходя съ учителемъ мимо его дома, я видалъ его у окна, глазѣющаго на проходящихъ, особенно на молодыхъ женщинъ и дѣвокъ изъ слободы, которымъ подмаргивалъ и которыя надъ нимъ отъ души смѣялись. Другимъ сосѣдомъ нашимъ былъ отставной генералъ-поручикъ временъ румянцовскихъ, который, вообразите! не уважалъ и даже порицалъ Суворова. Для него не было полководца выше Румянцова. Суворовъ считался у него ни по чемъ. Не забуду, какъ я потѣшался, когда, бывало, прихаживалъ въ воскресенье къ нему, сидѣвшему важно въ дѣдовскихъ креслахъ, и когда табачный дымъ, который онъ пускалъ себѣ подъ носъ, словно изъ овина, подымался столпомъ изъ подъ его порыжѣлаго, изношеннаго парика. Голова его будто топилась. Помню еще, какъ на первый или на второй день Пасхи при мнѣ пріѣхала къ женѣ его одна изъ чопорныхъ дамъ. Это была женщина сомнительныхъ лѣтъ и весьма сомнительной красоты, которая, однако, имѣла большія притязанія на красоту и на юность, а для того, чтобъ оставлять людей въ неизвѣстности на счетъ того и другого, всегда жаловалась на зубную боль и красиво повязывала себѣ щеку батистовымъ платкомъ, что, какъ говорили многіе, очень шло къ ея лицу и придавало ей томный, страдальчески-интересный видъ. Когда эта барыня вошла въ гостиную, то мой румянцовскій генералъ оставилъ на минуту свою трубку, всталъ съ кресель и подошелъ къ ней христосоваться. Тутъ завязалась сцена, которую трудно передать на словахъ. Генералъ, опершись на плеча провинціяльной femme à la mode, искалъ ее чмокнуть порусски въ губы; а барыня, легко отталкивая отъ себя навязчиваго старика, подставляла къ его губамъ свою руку. Эта нѣмая сцена продолжалась съ минуту; наконецъ, старый воинъ вышелъ изъ терпѣнія, оттолкнулъ отъ себя руку барыни и сказалъ: «такъ, матушка, порусски не христосуются. Экая жеманница! пострѣлъ тебя возьми!» Барыня чуть не упала въ обморокъ, выбѣжала, взбѣшонная, изъ гостиной.... а на

Digitized by Google

другой день весь городъ уже узналъ и толковалъ о послѣднемъ, блистательномъ подвигѣ румянцовскаго сподвижника. Онъ, какъ видите, весь принадлежалъ своему вѣку и его непоколебимо отстаивалъ. Вернетъ, мой учитель, о которомъ будетъ рѣчь послѣ, часто хаживалъ къ нему читать по русски гамбургскія газеты. Почтенный старичокъ слушалъ спокойно и молча курилъ, пока чтецъ не натыкался на Наполеона, на Веллингтона или Кутузова. «Дѣти!» говорилъ тогда, прерывая, румянцовскій генералъ: «сущіе мальчишки! Всѣмъ одолжены счастью, а умѣнья ни на грошъ. Кагульской-то битвы имъ и во снѣ не видать!» Миръ праху твоему, доблестный воинъ! Про тебя нельзя даже сказать, чтобы ты былъ «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма»: ты былъ елисаветинскій слуга, развалина давнопрошедшаго времени, но развалина все таки почтенная....

Какъ подумаешь, сколько поколѣній, которыя какъ будто не имѣютъ между собой ничего общаго, живутъ и уживаются вмѣстѣ! Въ одно и тоже время, какъ я слушалъ допотопные бюллетени о кагульской битвѣ, молодые офицеры, только что воротившіеся изъ Парижа, приносили къ намъ другія вѣсти. Съ какою жадностью глоталъ я ихъ разсказы о нашихъ побѣдахъ, о чудесахъ европейской образованности, о дивныхъ дивностяхъ Парижа! Казалось, все это было для нихъ также свѣжо и ново, какъ и для меня. Въ эту эпоху, до переѣзда нашего въ Петербургъ, я чрезвычайно любилъ военную службу, учился бить въ барабанъ, ѣздить верхомъ, и съ товарищами по лѣтамъ ни о чемъ не говорилъ, какъ о мундирѣ, походахъ и генеральскомъ чинѣ. У насъ въ домѣ стоялъ постоемъ одинъ свитскій офицеръ. Черезъ него, да и черезъ другихъ, познакомились мы со многими офицерами, особливо свитскими. Я много грезилъ о военной службѣ, но при томъ любилъ и учиться. Молодые свитскіе офицеры, мои пріятели, поддерживали меня въ любви къ тому и къ другому. Я самъ хотѣлъ сдѣлаться свитскимъ офицеромъ. Быть колоновожатымъ! какъ пріятно звучало это слово! А красивый мундиръ, а отличіе, которымъ свитскіе офицеры, все люди образованные, пользовались въ обществѣ! Какъ смѣшонъ казался мнѣ, въ сравненіи съ ними, одинъ полковникъ, человѣкъ сантиментальный, который въ литературѣ остановился еще на письмахъ русскаго путешественника, при каждомъ словѣ говорилъ пришепетывая: божюсь! она очаровательна! и т. д., вздыхалъ,

Digitized by Google

бросалъ нѣжные взгляды и для чего-то завязывалъ узелокъ на каждомъ носовомъ платкѣ, который подавалъ ему деньщикъ. Этотъ узелокъ оставался тайной неразгаданной, и онъ имъ чрезвычайно кокетничалъ. — Или другой весьма заслуженный офицеръ, который, когда рѣчь зашла о предполагаемыхъ тогда военныхъ поселеніяхъ близь Харькова, и когда кто-то замѣтилъ, что возлѣ Чугуева мало воды, — велѣлъ подать себѣ карту и указать мѣсто, гдѣ лежитъ Чугуевъ; а потомъ, долго разсматривая непривычную для него грамоту, вдругъ уставилъ палецъ въ Каспійское море и сказалъ: «какъ нѣтъ воды? а это что?» Офицеры плѣняли меня всего болѣе увлекательными разсказами о Германіи, о Парижѣ. У меня до сихъ поръ еще хранится планъ Парижа и кое-какіе заграничные рисунки, подаренные мнѣ моими военными пріятелями на память о нашихъ бесѣдахъ.

Въ то время, какъ море русскихъ силъ, послѣ прилива на западъ, стало входить въ свое ложе, принося съ собою много драгоцѣнностей съ далекаго и роскошнаго, имъ на время залитаго берега, — другія, хоть и вовсе не грозныя, волны начали отливать отъ Россіи и также возвращаться въ свои берега: я разумѣю французскую эмиграцію, самый низшій и упорный слой ея, который, наконецъ, тоже зашевелился, какъ скоро, по окончательномъ водвореніи Бурбоновъ, оказалась возможность вступить безъ большаго риска въ прежнія права свои. Въ Харьковѣ было нѣсколько такихъ эмигрантовъ. Нѣкоторые изъ нихъ занимали даже профессорскія каѳедры. Таковъ былъ, напримѣръ, господинъ де-Совиньи, чуть ли не графъ или маркизъ. Господинъ де-Гуръ, переименовавшій себя, по принятію русскаго подданства, въ Дегурова, и бывшій въ мое время также профессоромъ харьковскаго университета, принадлежалъ, впрочемъ, къ другому разряду французскихъ выходцевъ. Но мнѣ памятенъ одинъ эмигрантъ, съ ногъ до головы homme de l'ancien régime, ходившій всегда съ напудренной головою, во французскомъ кафтанѣ, въ штанахъ и башмакахъ. Его звали графъ Буассёре; онъ женился въ Россіи на Француженкѣ же и имѣлъ двухъ дочерей, которыя, родившись въ Харьковѣ, были, по недостатку въ католическомъ священникѣ, крещены въ грекороссійской вѣрѣ. Это былъ добрый старикъ, который мало толковалъ о политикѣ и честно добывалъ себѣ насущный хлѣбъ, то живя гувернеромъ, то содержа съ женою дѣвичій пансіонъ.

Digitized by Google

Онъ привыкъ къ Россіи и не охотно возвращался во Францію. Нѣсколько лѣтъ спустя, мы долго развѣдывали о немъ въ Парижѣ, но нигдѣ не могли его открыть. Мнѣ памятно, что, уѣзжая изъ Харькова, Буассёре взялъ съ собою нѣсколько такъ называемыхъ сладкихъ хлѣбовъ, которые любилъ и которые везъ въ подарокъ роднымъ, какъ русское лакомство. Наши люди называли его по-своему: графомъ *Басветомъ*, такъ же, какъ одного стараго Бельгійца, Вуатле, который къ намъ хаживалъ, *Валетомъ*. Этотъ Валетъ былъ особенно тѣмъ замѣчателенъ, что, проживъ около 70-ти лѣтъ внутри Россіи (ему было гораздо за 80), онъ не успѣлъ еще на столько выучиться порусски, чтобъ его понималъ простой русскій человѣкъ; едва умѣлъ онъ спросить у нашихъ людей: дома ли господа? А человѣкъ онъ былъ, казалось, не глупый, и мастеръ готовить отличный французскій табакъ.

Его русскій языкъ напомнилъ мнѣ тогдашняго харьковскаго профессора римскаго права, котораго я еще недавно навѣстилъ въ Кёнигсбергѣ, гдѣ онъ занимаетъ ту же каѳедру. Господинъ Швейкардтъ очень любилъ нашъ домъ; это былъ свѣтски образованный человѣкъ и чрезвычайно пріятный собесѣдникъ. Онъ разсказывалъ, что вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Харьковъ познакомился съ одной дамой, и разъ пришелъ къ ней съ визитомъ. Дома, прежде чѣмъ идти, протвердилъ онъ на всякій случай нѣсколько русскихъ словъ и рѣченій, и съ ихъ помощью смѣло вошелъ въ переднюю. Онъ зналъ, хоть и не твердо, все различіе между барыней и бараниной, но дорогой, по разсѣянности, позабылъ урокъ, перепуталъ слова, и войдя въ переднюю, торжественно спросилъ: «*Баранина дома?*» Лакеи выпучили глаза и покатились со смѣху.

Съ господиномъ Швейкардтомъ познакомились мы черезъ одного любимаго ученика его, господина Г., который, по пріѣздѣ нашемъ въ Харьковъ, вступилъ къ намъ въ домъ учителемъ. Выдержавъ черезъ годъ послѣ того блестящій экзаменъ, онъ прямо изъ студентовъ сдѣланъ былъ докторомъ обоихъ правъ, поѣхалъ въ Петербургъ и, менѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ, возвратился въ тотъ же Харьковъ—губернаторомъ! Но гдѣ взошла его звѣзда, тамъ она и закатилась: на Г. подтвердилось мудрое слово, что нѣтъ пророка въ его отечествѣ. Если бъ Г.

Digitized by Google

выбралъ для себя другую губернію, его гражданское поприще продолжалось бы и до сихъ поръ.

Когда молодой докторъ правъ, отъѣзжая въ Петербургъ, оставилъ нашъ домъ, батюшка сталъ помышлять о новомъ для меня учителѣ. Ему хотѣлось уже имѣть не Русскаго, а иностранца, и, если можно, Француза. Моя счастливая звѣзда привела къ намъ человѣка, которому, зная его характеръ, нельзя бъ было и думать предложить мѣсто учителя, и который, къ общему удивленію и къ нашей радости, самъ назвался ко мнѣ въ гувернеры. Это былъ Иванъ Филипычъ Вернетъ, человѣкъ въ свое время извѣстный не въ одномъ Харьковѣ, но и во всей Малороссіи. Его имя было собственно Верне (Vernet); но онъ удержалъ за собою русскую форму, и какъ его другіе называли, такъ называлъ и самъ себя, даже такъ и подписывался подъ своими русскими журнальными статьями. Вотъ вкратцѣ его біографія... Но напередъ я долженъ оговориться.

Моя довольно кочевая жизнь, а еще болѣе — отсутствіе правильныхъ и постоянныхъ сношеній между русскими книгопродавцами, причиной, что до меня доходило и доходитъ мало литературныхъ произведеній Малороссіи. А между тѣмъ, въ ней два умственныхъ центра — Харьковъ и Кіевъ; и въ этихъ двухъ городахъ появлялось въ послѣдніе тридцать лѣтъ много книгъ, сборниковъ и даже журналовъ. Въ нихъ, можетъ статься, и таится гдѣ нибудь некрологъ или біографія Вернета, который имѣлъ двойныя права на уваженіе Украинцевъ — и какъ человѣкъ, и какъ писатель. Можетъ быть, я не представлю читателямъ ничего особенно новаго, но съ меня довольно и того, если приведу имъ на память знакомыя черты, знакомую бесѣду. Знавъ Вернета лично въ теченіи трехъ лѣтъ, проживъ полгода, хоть и ребенкомъ, подъ одной съ нимъ крышей, въ ежедневныхъ съ нимъ сношеніяхъ, я могу сообщить хотя бы и давноизвѣстному нѣкоторую свѣжесть, обставить новыми подробностями. Главнымъ основаніемъ моему о немъ разсказу послужатъ мои собственныя воспоминанія; но я буду подкрѣплять ихъ извлеченіями изъ его статей (*), разбросанныхъ въ первомъ трехлѣтіи (1816—18) «Украинскаго Вѣстника», единственно у меня

(*) Всѣ слѣдующія мѣста, отмѣченныя виносными знаками, взяты оттуда. Я не привожу томовъ и страницъ единственно для того, чтобъ не пестрить безполезно печати.

Digitized by Google

уцѣлѣвшемъ, и впродолженіи котораго Вернетъ, если не ошибаюсь, принималъ въ этомъ журналѣ особенно дѣятельное участіе.

Иванъ Филиппычъ Вернетъ выдавалъ себя за Швейцарца. Въ одной изъ статей своихъ онъ называетъ Швейцарію «страной родимой». И это право присвоилъ онъ себѣ сколько по своему независимому характеру и по близости своей родины съ Швейціарій, которой Альпы простираются и до нея, столько и потому, что не зналъ, къ какому государству и народу себя собственно причислить. Вернетъ былъ родомъ изъ Монбельяра или Мёмпельгарда, который находится теперь во Франціи, въ Дубскомъ Департаментѣ, а въ его время (около 1760) считался главнымъ городомъ графства Мёмпельгардтъ, принадлежавшаго вюртембергскому дому. Подобно Кювье, своему знаменитому соотчичу, онъ обучался въ метрополіи графства — Вюртембергѣ, только не въ Стутгардтѣ, какъ Кювье, а въ тюбингенскомъ коллегіумѣ, гдѣ послѣ него обучались Шеллингъ и Гегель. Но о Кювье, котораго слава, видно, еще не достигла до тогдашней Украйны, Вернетъ нигдѣ не упоминаетъ; за то говоритъ о принцѣ Александрѣ Вюртембергскомъ, который, какъ и онъ, родился въ Мёмпельгардѣ, учился въ Тюбингенѣ и умеръ въ южной Россіи, гдѣ и самъ полагалъ склонить свою голову. «Думалъ ли принцъ», говоритъ Вернетъ: «что ему судьбою назначено быть похоронену въ Херсонѣ? Думалъ ли я, что мнѣ горевать при подножіи его памятника?»

Молодой монбельярскій протестантъ готовилъ себя въ духовное званіе. Таково было, по крайней мѣрѣ, желаніе его родителей. Онъ учился богословіи, но за бѣдностью, недостаткомъ въ мѣстѣ и, можетъ статься, не охотой, не попалъ въ пасторы, а остался вѣчнымъ кандидатомъ. Однако, онъ не переставалъ мечтать о томъ счастьи, котораго не достигъ. «По званію своему, я желалъ быть сельскимъ священникомъ въ прекрасной деревнѣ (вѣроятно, у подножія отечественной, столь имъ любимой горы Монбаръ, Mont des Bardes), обладателемъ чистаго и свѣтлаго домика на скатѣ пригорка, близь рощи, мужемъ образованной, кроткой и благочестивой супруги, подобной тѣмъ, которыхъ невинную красоту и прелестную простоту столь трогательно изобразилъ Августъ Лафонтенъ въ своихъ превосходныхъ «Картинахъ Семейства....» Если бъ къ сему можно

Digitized by Google

было присоединить еще пару коровъ, терпѣливаго осла, сильнаго коня и десятокъ овецъ, то домъ мой былъ бы изображеніемъ маленькаго эдема». Не такъ судьба расположила его жизнію. Суворову нуженъ былъ чтецъ, онъ выписалъ себѣ изъ Монбельяра, считавшагося тогда, какъ и теперь, разсадникомъ педагоговъ и гувернанокъ, — нашего молодого ученаго, который рѣшился испытать счастья въ далекомъ краю и на другомъ поприщѣ, чѣмъ богословское. Это было въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ.

«Давно уже нѣтъ на свѣтѣ моихъ добродѣтельныхъ родителей», говоритъ Вернетъ: «да и самъ я доживаю уже шестой десятокъ, но еще съ живымъ и прекраснымъ чувствомъ воспоминаю печальную ночь, разлучившую меня съ ними на вѣки.... Еще томно отзываются въ ушахъ и въ сердцѣ слова, произнесенныя старымъ моимъ отцомъ при послѣднемъ прощаньи: «Прости, сынъ мой, прости на вѣки! Люби всегда насъ и помни всегда о насъ!» Родители меня обняли, и я въ послѣдній разъ услышалъ трепетаніе ихъ сердецъ подлѣ моего сердца». Страсть къ путешествіямъ, по его собственному сознанію, преодолѣла все. Онъ отправился въ Кіевъ, гдѣ долженъ былъ встрѣтить Суворова. Пріѣхавъ въ Радзивиловъ, Вернетъ нашелъ, съ помощью рекомендательныхъ писемъ, нужныя для себя пособія. Но тогда онъ еще ни слова не зналъ порусски, а попутчика отъ границы до Кіева ему найти не могли. Нечего было дѣлать: молодой Швейцарецъ отправился на произволъ судьбы съ нанятымъ для него извощикомъ. Въ корчмахъ, гдѣ останавливались кормить и ночевать, онъ еще кое-какъ объяснялся съ Жидами по нѣмецки, но съ извощикомъ приходилось говорить пальцами и руками. Такъ, напримѣръ, всякій разъ, когда ему хотѣлось остановиться, онъ, подражая извощику, схватывалъ его сзади за плечи, тянулъ къ себѣ изо всей силы и оглушалъ протяжнымъ: тпррр! Это былъ первый имъ выученный русскій звукъ.

«Жалѣю о томъ», пишетъ онъ въ одной статьѣ: «что виновное мое нерадѣніе лишило публику писемъ, коими нѣкогда осчастливилъ меня Суворовъ; извѣстные же мнѣ о немъ анекдоты разсказываю короткимъ моимъ пріятелямъ». Жалѣю и я, что тогда съ дѣтской разсѣянностью слушалъ эти анекдоты, и не могу ихъ теперь припомнить. «Званіе чтеца» говоритъ Вернетъ: «подавало не рѣдко мнѣ случай бесѣдовать довольно свободно

Digitized by Google

съ симъ истиннымъ героемъ». Какъ жаль, что онъ не записывалъ своихъ бесѣдъ! Однажды «на вопросъ Суворова, доволенъ ли я своимъ состояніемъ, отвѣчалъ я слѣдующее: рана, мнѣ нанесенная разлукою съ милой родиной, еще слишкомъ свѣжа.... Теперь умъ мой понимаетъ справедливость сѣтованій несчастнаго Овидія на туманныхъ берегахъ Днѣпра. Не моя воля, но бѣдность удалила меня изъ родительскаго дома.... и — слезы у меня на глазахъ наверпулись. Тронутый Суворовъ поцаловалъ меня въ лобъ и сказалъ: Ну, любезный Филипъ Иванычъ, терпи, покоряйся Провидѣнію и всего надѣйся. Improbus labor omnia vincit. — Суворовъ запретилъ мнѣ называть его ваше превосходительство, а просто — Александромъ Васильичемъ. Впослѣдствіи времени узналъ я, что у него была привычка все переиначивать, къ чему отнесть должно и желаніе, чтобы я принялъ имя Филипа, а не Ивана. — Этому статься нельзя, возразилъ я: — имя мое для меня тѣмъ пріятнѣе, что оно дано было мнѣ родителями... Притомъ же, Іоаннъ значитъ Божія благодать, отъ которой я всего ожидаю; Филипъ означаетъ конелюба, что совсѣмъ нейдетъ къ моему положенію, ибо у меня нѣтъ ничего на земномъ шарѣ, ниже кошки. — Суворовъ отъ всего сердца разсмѣялся, поцаловалъ меня въ лобъ и прибавилъ: — Ну, Филипъ Иванычъ, ты не дуракъ.... Не печалься же и не тужи ни о чемъ, другъ мой! У меня ты будешь богатъ: у тебя будетъ много.... все будетъ. Повѣрь мнѣ и будь попрежнему веселъ». Суворовъ очень полюбилъ Вернета. «Онъ старался» говоритъ этотъ: «удержать меня при себѣ весьма выгодными предложеніями, но кои принять воспрепятствовали мнѣ воля отца, склонность къ первому моему званію и совершенная моя неспособность къ военному ремеслу.... Я отказался отъ приманчивыхъ обѣщаній фортуны, и нынѣ, ставъ старикомъ, не сожалѣю о томъ, доволенъ настоящимъ состояніемъ».

Суворовскій Филипъ Иванычъ, превратившись по прежнему въ Ивана Филипыча, былъ послѣ гувернёромъ въ разныхъ домахъ и нѣкоторое время учителемъ въ новгородъ-северской гимназіи. Изъ его разговора съ Суворовымъ видно, что онъ скоро выучился порусски, потому-что, очевидно, порусски говорилъ онъ съ нимъ. Вернетъ имѣлъ разнообразныя свѣдѣнія, особливо зналъ въ совершенствѣ четыре языка, и, по тогдашнему времени, могъ считаться рѣдкимъ преподавателемъ. Онъ

Digitized by Google

до того владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ, латинскимъ и русскимъ языками, что могъ свободно и безостановочно переводить въ изустной импровизаціи съ любого на любой изъ этихъ языковъ. Такъ читалъ онъ порусски иным знакомымъ иностранныя газеты, такъ переводилъ передъ учениками образцовыя литературныя произведенія съ одного языка на другой. О его знаніи русскаго, читатели могутъ судить по приведеннымъ, ни кѣмъ не поправленнымъ отрывкамъ. (*) Вернетъ правъ: гдѣ ему было служить въ военной службѣ! У него болѣе было наклонности и способностей къ званію педагога; онъ понималъ всю его важность: «мало того, говоритъ онъ. чтобы имѣть способы пріобрѣсть знанія, — надобно имѣть такого наставника, который бы научилъ насъ, какъ пользоваться сими способностями; а это случается рѣдко». И Вернетъ былъ рѣдкій наставникъ. Въ Сибири есть преданіе объ одномъ юношѣ, что тамъ, гдѣ онъ жилъ, снѣгъ таялъ вокругъ, росли цвѣты и все зеленѣло. Тоже можно сказать про Вернета. Заброшенный посреди снѣговъ русской провинціяльной жизни, онъ теплотой души своей превращалъ вокругъ себя ледяную кору въ зеленѣющую ниву и взращалъ на этомъ оазисѣ благородныя сѣмяна чести, правоты, безкорыстія. Этими качествами, какъ тотъ юноша благоуханными цвѣтами, Вернетъ окружалъ себя всегда; и вотъ почему не вездѣ и не охотно принималъ онъ на себя званіе педагога: прежде всего ему нужна была благодарная сколько нибудь почва. Но подъ конецъ жизни онъ, менѣе способный къ самоотверженію, принималъ на себя званіе учителя лишь скрѣпя сердце, изъ горькой необходимости, потому-что выше всего ставилъ собственную независимость и право благороднаго far niente.

Характеромъ своимъ этотъ оригинальный человѣкъ былъ еще замѣчательнѣе, чѣмъ умомъ и образованностью, хотя и ума онъ былъ не ежедневнаго, — и его журнальныя статьи, гдѣ, вмѣстѣ съ достоинствами, отражаются и недостатки нѣкоторыхъ любимыхъ его писателей, даютъ довольно слабое и не совсѣмъ вѣрное понятіе о его живой, въ высокой степени ори-

(*) Вотъ что говорятъ издатели «Украинскаго Вѣстника» о его знаніи русскаго языка: «Рѣдкіе, въ первый разъ видя, считаютъ Вернета иностранцемъ; даже языкъ русскій, что бы ни писалъ онъ на немъ, не портится, а еще украшается подъ его перомъ».

Digitized by Google

гинальной и остроумной бесѣдѣ. Послушаемъ его самого, какъ онъ понималъ себя, жизнь и человѣческое достоинство.

«Я благословляю небо», говоритъ онъ, (*) «даровавшее мнѣ жизнь въ просвѣщенной Европѣ, и лучше соглашусь въ ней быть забытымъ, нежели пользоваться великимъ уваженіемъ въ мрачныхъ канадскихъ лѣсахъ.... Одно у меня осталось по прежнему: это нравъ мой, который, подобно монетѣ, не ходившей много по рукамъ, сохранилъ нѣкую шероховатость.... Любя болѣе всего прогулку и дружескую бесѣду, я охотно посѣщаю тѣхъ, у коихъ могу быть безъ праздничнаго наряда и съ умомъ своимъ, а не съ выученными уроками; люблю себя показать таковымъ, каковъ я самъ въ самомъ дѣлѣ. Но когда кто налагаетъ на меня молчаніе или принужденіе, то я всегда желаю тому — счастливо оставаться!... Я бѣгаю тѣхъ обществъ, гдѣ откровенность должна быть соединена съ тяжкою осторожностію и съ змѣиною мудростію.... А чтобъ освободиться отъ митежа и оковъ, насъ обременяющихъ, отъ тягостнаго общества маскированныхъ людей, и наслаждаться совершенно миромъ, то для сего не нужно искать пустыни; самое уединенное мѣсто — есть человѣческое сердце.... Путешествуя по прекраснымъ мѣстамъ, я наслаждаюсь завиднымъ счастіемъ; душа и сердце находятся въ удивительномъ согласіи. Нѣтъ нужды, что чрезъ это ставится перегородка между мной и обществомъ; за то я беру изъ него съ собой образъ любимыхъ особъ! А непріятныя и часто огорчительныя воспоминанія объ оставленномъ обществѣ исчезаютъ во святилищѣ Природы, при водвореніи въ сердцѣ спокойствія и тихаго веселія.... Неужели нельзя наслаждаться въ свѣтѣ безъ понятія о собственности? Пусть меня сравнятъ съ дуракомъ, почитавшимъ своими всѣ корабли, приходившіе въ аѳинскую гавань, я никакъ не почту себя оскорбленнымъ симъ сравненіемъ.... Не имѣя почти ничего, я былъ всегда веселѣе тѣхъ богачей, у коихъ жилъ прежде.... Я рѣдко бываю печаленъ, иду не оглядываясь мимо мрачныхъ мизантроповъ, люблю оптимистовъ — друзей природы и семейнаго счастія.... Имѣя счастливую привычку смотрѣть на вещи и на людей съ доброй стороны, я веселюсь болѣе тѣмъ, что у меня есть, нежели огорчаюсь тѣмъ, чего нѣтъ....» Правда, Вернетъ говоритъ

(*) Въ различныхъ статьяхъ «Украин. Вѣстника» 1816—18 годовъ.

Digitized by Google

въ одномъ мѣстѣ: «когда я оглядываюсь назадъ, то стыжусь самого себя: нравственный долгъ меня тяготитъ. Охъ, пора разсчитаться съ разсудкомъ! Недоимки умножились, пора расплатиться! Я ни богатъ, ни щоголь; меня не встрѣтятъ по платью, — да хотя бъ я былъ и втрое ученѣе — провожаніе не будетъ по уму». Но онъ въ другомъ мѣстѣ оговаривается: «Жизнь моя была обуреваема страстями, однакожь, она никогда не была искажена ни подлостью, ни плутовствомъ. Я дѣлалъ очень мало добра; но должно благодарить Небо и за зло, котораго мы не дѣлаемъ.... Чтобы старикъ, подобно мнѣ, не былъ лишнею мебелью въ домахъ, то ему надобно снисходить, сносить, забывать, всегда прощать и любить.» — Какъ видѣнъ Швейцарецъ, воспитанникъ Руссо, въ слѣдующихъ мѣстахъ: «Преподобный Ѳеофанъ былъ послѣдній игуменъ въ Святогорскомъ Монастырѣ. Я не знаю, справедливъ ли слухъ, будто онъ оставилъ послѣ себя много денегъ. Жаль! На что монаху богатство?... И вотъ что обыкновенно, хотя и странно, дѣлаетъ смерть намъ горькою! Я сказалъ — странно, и свидѣтельствуюсь Ж. Жакомъ, который не на бѣдность, а на богатство смотря, сѣтовалъ: «не могу, говоритъ онъ, долго смотрѣть на чертоги богача безъ того, чтобъ не впасть въ глубочайшее уныніе....» Съ города обращаю взоръ на хижины мирныхъ и трудолюбивыхъ поселянъ, не безпокоящихся о тонкостяхъ большого свѣта, не вѣдающихъ мучительныхъ заботъ горожанъ, не хотящихъ промѣнять милую простоту природы на искуственность часто пустыхъ обрядовъ, истинныя добродѣтели на шарлатанство и пантомимъ ложныхъ добродѣтелей.... Да окостенѣетъ мой языкъ, если я когда либо назову подлою трудолюбивую и благодѣтельную руку поселянина, раздирающаго за меня нѣдра земли! Да постигнутъ меня болѣзнь и несчастіе, если я дерзну именовать варварами бѣдныхъ Негровъ, наполняющихъ вздохами и воплями американскую атмосферу и орошающихъ потомъ, слезами и, можетъ быть, кровью, кофе и сахаръ, составляющіе мой завтракъ! Сравнивъ пріятную старость свою съ горькимъ жребіемъ многихъ злополучныхъ, вездѣ томящихся, осмѣлюсь ли я, тунеядецъ, вскормленный въ роскоши, баловень счастія, еще жаловаться и роптать?»

Всѣ эти выписки, собранныя изъ десятка томовъ, могутъ инымъ показаться длинными; но не думаю, чтобъ онѣ показа-

Digitized by Google

лись утомительны при мысли, что человѣкъ, писавшій все это, писалъ не фразы, не авторствовалъ, но выражалъ лишь то, что было основой всей его жизни. Въ приведенныхъ строкахъ мы видѣли не писателя, а человѣка, и не праздничнаго, какимъ хотѣлъ казаться, а ежедневнаго, какимъ былъ на дѣлѣ. Читатель согласится со мной, что такъ думать и чувствовать можетъ только благородная натура. Одинъ изъ издателей «Украинскаго Вѣстника», г. Гонорскій, который былъ призваннымъ судьею въ дѣлѣ ума и характера, говоритъ, между прочимъ, о Вернетѣ: «Онъ сохранилъ въ себѣ свойства своей націи, не смотря на то, что болѣе тридцати лѣтъ уже находится въ Россіи.... Характеръ его отличается правотою въ мысляхъ и поступкахъ, любезностью въ обращеніи съ знакомыми. Никто, кажется, не можетъ уличить его въ лести и притворствѣ. Онъ никогда не бранитъ иностранцевъ передъ Русскими, какъ обыкновенно дѣлаютъ многіе изъ чужихъ странъ выходцы,—любя душевно новую свою отчизну, не боится обнаруживать приверженность къ старой.... Вернетъ, столько занимательный для людей простодушныхъ и простосердечныхъ, не нравится только тѣмъ, кои, упрекая его въ излишнемъ самолюбіи, опредѣляютъ чрезъ то степень своего собственнаго». Дѣйствительно, въ харьковскомъ обществѣ дѣлали Вернету этотъ почти единственный упрекъ. Его превосходство кололо многимъ глаза; а такъ какъ онъ любилъ *вспоминать* и письменно и изустно, при чемъ, какъ и при каждомъ личномъ воспоминаніи, онъ выводилъ себя на сцену, то понятно, что многіе приписывали одному самолюбію его французскую наклонность къ мемуарному тону и къ біографическимъ разсказамъ. Вернетъ, правда, цѣнилъ себя высоко, какъ долженъ цѣнить себя всякій человѣкъ съ достоинствомъ; но что при томъ онъ хорошо зналъ, къ чему ведутъ крайности самооцѣнки, это видно изъ рѣзкаго, но справедливаго его сужденія о Сковородѣ. «Григорій Савичъ, говоритъ онъ, былъ мужъ умный и ученый; но своенравіе, излишнее самолюбіе, не терпящее никакого противорѣчія, слѣпое повиновеніе, котораго онъ требовалъ отъ слушавшихъ его (magister dixit), затмѣвали сіяніе дарованій его и уменьшали пользу, которой общество могло бы ожидать отъ его способностей». Вернетъ, порицавшій излишнее самолюбіе въ другихъ, старался отдалять его и отъ себя; и думаю, никто изъ знавшихъ его ко-

Digitized by Google

ротко не скажетъ, чтобъ онъ не терпѣлъ никакого противорѣчія и вносилъ магистерскій тонъ въ общежитіе. Напротивъ, каждому, вѣрно, памятна его неизмѣнная прямодушная любезность.

Этой любезностью онъ особенно пріобрѣталъ любовь своихъ знакомыхъ. А въ Малороссіи кто не зналъ его? Я говорю — въ Малороссіи, потому-что Вернетъ былъ усыновленнымъ гражданиномъ этой страны, особливо Украйны, которую любилъ почти наравнѣ съ своей родиной. Въ Великой Россіи онъ едва ли былъ когда либо; ни прошедшее, ни настоящее его съ нею не связывало, и одинъ только языкъ, который онъ любилъ и на которомъ писалъ, напоминалъ ему, что онъ живетъ подъ русской державой. «Какъ бы изумились мои соотечественники, говоритъ Вернетъ, если бъ увидѣли меня случайно между чумаками, среди коихъ я нашелъ гостепріимство, честность и умъ!» И точно, страна чумаковъ была его вторымъ отечествомъ. Онъ это живо чувствовалъ. «Нѣтъ у меня словъ, восклицаетъ онъ, чтобъ достойно возблагодарить тѣхъ, кои въ Украйнѣ и въ Малороссіи, бывъ чужими, предлагали мнѣ ихъ домы и услуги съ прямо-родственнымъ сердцемъ, признали меня бездомнаго!» И гдѣ онъ не былъ въ Малороссіи и въ Украйнѣ! Въ «воспоминаніяхъ» своихъ онъ говоритъ о Новгородъ-Сѣверскомъ, Кіевѣ, Крымѣ, Екатеринославлѣ, Херсонѣ, Сумахъ, Глуховѣ, Харьковѣ.... «У меня въ Сумахъ, какъ и вездѣ, нѣтъ ничего, кромѣ воспоминаній.... Въ Глуховѣ, — гдѣ прежде прожилъ два года, тоскуя по отечествѣ и принаравливаясь къ новому образу жизни.... Въ Харьковѣ, — который люблю какъ домъ свой». Онъ особенно любилъ Харьковъ, гдѣ провелъ молодость и старость. «Я могу, говоритъ онъ, въ силу давности называть себя харьковскимъ жителемъ, поелику Харьковъ есть средоточіе, куда, съ 1787 года, когда я былъ въ немъ въ первый разъ, стремятся мои желанія по окончаніи всякаго путешествія». Надъ нимъ, какъ надъ старымъ другомъ, позволяетъ онъ себѣ иногда и смѣяться. «Харьковъ лучше вдали, чѣмъ вблизи, особливо въ дождливое время.... Онъ не обилуетъ водою; это ощутительно всегда, и особенно на лопанскомъ мосту, который сравненъ быть можетъ съ великолѣпнымъ мостомъ, построеннымъ въ Мадритѣ на Мансанаресѣ, въ томъ, что лѣтнею порой въ обѣихъ рѣкахъ едва достанетъ воды для гусей». Вернетъ вездѣ, гдѣ находилъ, посѣщалъ людей замѣчательныхъ, умомъ ли, об-

Digitized by Google

разованностью ли, или особенностями жизни. Въ одномъ старообрядческомъ монастырѣ (подъ Олешками) онъ бесѣдовалъ съ 125-тилѣтнимъ отцомъ Варлаамомъ, бывшимъ маркитантомъ во время полтавской битвы; онъ былъ, какъ мы видѣли, знакомъ съ Сковородой, въ которомъ гуманному его чувству не нравилось то, что «украинскій циникъ» любилъ съ какимъ-то исключительнымъ пристрастіемъ Малороссіянъ и Нѣмцевъ. Это напоминало ему Діогена, который изо всѣхъ греческихъ народовъ только однихъ Спартанцевъ почиталъ людьми. Равно доступный истинно-человѣческому, въ комъ бы ни было, Вернетъ любилъ бесѣдовать и съ умнымъ Нѣмцемъ-аптекаремъ, и съ учителемъ гимназіи, и съ русскимъ священникомъ, и съ французскимъ эмигрантомъ. Разъ, на турецкомъ кладбищѣ, онъ восклицаетъ: «всѣ кладбища въ моемъ умѣ нераздѣльны». Такъ и съ людьми: всѣ народы и вѣроисповѣданія были для него нераздѣльны. Любя, между прочимъ, бесѣдовать и съ умными и образованными помѣщиками, о которыхъ часто упоминаетъ, Вернетъ еще болѣе любилъ бесѣдовать съ простымъ народомъ. Вотъ тому обращикъ. Разъ дорогой попался ему мальчикъ-почтарь, который жестоко поступалъ съ лошадьми. «Вовсе не терпя, чтобы худо обходились со скотомъ, говоритъ Вернетъ, я началъ укорять мальчика въ немилосердіи. — Что вы, пане, изволите жалѣть о сихъ коняхъ? Вѣдь они жидовскіе. — А ты, дружокъ, у кого живешь? — У Жида же. — Хорошо ли онъ тебя содержитъ? — Да, пане, очень хорошо. — Такъ видишь ли, какъ ты несправедливъ и сколько грѣшишь противъ благодарности! Чѣмъ лошади виноваты, что онѣ жидовскія? Блаженъ, кто и скотъ милуетъ....» Въ проѣздъ его изъ Таганрога въ Херсонъ попался ему донской почтарь, который, напротивъ того, очень ласково обходился съ лошадьми. Онъ былъ говорливъ и, между прочимъ, вошелъ съ Вернетомъ въ философскій разговоръ. «Ахъ, баринъ, коли бы мы боялись Бога и Ему повиновались хоть въ половину того, какъ уважаемъ мы начальниковъ и имъ повинуемся, то было бъ хорошо жить на свѣтѣ! — Да, мой другъ! если бы мы имѣли другъ къ другу хоть половину той любви, которую ты имѣешь къ своимъ лошадямъ, то и свѣтъ былъ бы на что нибудь похожъ.... Онъ понялъ меня, засмѣялся, ударилъ по всѣмъ тремъ, и мы помчались въ Маріуполь....»

Digitized by Google

Не всегда, однако, ѣздилъ Вернетъ на почтовыхъ. Онъ любилъ особенно ходить пѣшкомъ. Это было болѣе и по его средствамъ и по вкусу. Въ Вернетѣ оставалось еще много студенческаго, не смотря на его шестой десятокъ. Все его имущество помѣщалось въ небольшомъ чемоданчикѣ, который онъ называлъ своей котомкой и который въ дорогѣ носилъ на плечахъ. Его чрезвычайно стѣсняла волчья шуба; живя въ холодномъ климатѣ, онъ не могъ безъ нея обойтись; но по тяжести и объему долженъ былъ, во время своихъ лѣтнихъ прогулокъ по Малороссіи, оставлять ее всегда гдѣ нибудь у знакомыхъ. Эта проклятая шуба одна мѣшала ему, какъ онъ самъ говаривалъ, вполнѣ примѣнять къ себѣ философскую пословицу: omnia mea mecum porto. Въ его чемоданчикѣ половину мѣста занимали книги: Виргилій, нѣсколько томовъ Руссо, Бернардень де С. Пьера, Стерна, Анахарсисъ, Горацій, Геснеръ, Юнгъ, Галлеръ. Остальное мѣсто занято было немногимъ, всегда чистымъ бѣльемъ и самонужнѣйшимъ платьемъ. Когда мы пріѣхали въ Харьковъ, Вернетъ давно уже жилъ вольной птицей и странствовалъ изъ одного угла Малороссіи въ другой. Въ одной своей статьѣ онъ говоритъ: «судьба дважды разрушила мою надежду жить домомъ преждевременною кончиной двухъ изъ моихъ учениковъ — Зарудняго и Булацеля». Но онъ утѣшаетъ себя мыслію: «да былъ ли бы я счастливѣе отъ исполненія моего желанія? Особливо, когда согласиться на мнѣніе Монтескьё, что ученики часто усматриваютъ въ старыхъ своихъ учителяхъ угрюмыхъ только и скучныхъ наставниковъ ихъ юношества». Какъ бы ни было, собравъ маленькій капиталецъ, съ котораго проценты были достаточны для обыкновенныхъ издержекъ, Вернетъ отказался послѣ того отъ учительскаго званія. Но вдругъ — это было въ 1816 году — къ его ужасу, оказалось необходимымъ возобновить ему свой гардеробъ. Капитальца ему не хотѣлось починать, а проценты были на это далеко недостаточны. Онъ очень любилъ нашъ домъ и почти каждый день къ намъ хаживалъ. Когда мой прежній учитель собрался ѣхать въ Петербургъ, Вернетъ приходитъ и говоритъ батюшкѣ: вотъ уже 17-й годъ, какъ я ношу свой сюртукъ и фракъ; и хоть они, какъ вы видите, изъ отличнаго англійскаго сукна, но я ихъ уже разъ шесть выворачивалъ, мылъ, перешивалъ; долѣе служить они отказываются. — И дѣйствительно, рукава у его

Digitized by Google

платья укоротились, оно не сходилось на груди, и онъ былъ въ немъ, какъ бы распяленнымъ. — А потому, продолжалъ онъ, мнѣ необходимо подѣлать себѣ новое платье. По разсчету, мнѣ надо на это 400 рублей. Вашему сыну нуженъ учитель; вы давали прежнему полторы тысячи, — я буду доволенъ половиной. Не знаю, проживу ли я у васъ долѣе полугода, — мы это увидимъ; но за полгода согласны ли вы мнѣ дать 400 рублей, ни больше, ни меньше? — Нѣтъ надобности сказывать, какъ батюшка обрадовался такому предложенію. Онъ тотчасъ вынулъ 400 руб. и хотѣлъ отдать впередъ, но Вернетъ отказался, говоря, что привыкъ брать деньги, лишь когда ихъ заслужитъ.

Это было въ началѣ весны. Вернетъ переѣхалъ къ намъ. Вотъ какъ проводилъ онъ свой день. Вставъ довольно рано, онъ подходилъ въ легкомъ ночномъ одѣяніи къ окну, на которомъ висѣло у него зеркальцо, и, къ великому соблазну сосѣдокъ, начиналъ бриться,—за тѣмъ, ходя, одѣвался. Часто, одѣтый лишь вполовину, бралъ книгу и зачитывался, пока не звали его къ завтраку; или, прислонясь къ печькѣ, гдѣ искалъ онъ или тепла, или прохлады, смотря по времени года, задумывался передъ нею, посвистывалъ и потопывалъ ногою. Любилъ онъ также долго разсматривать и нюхать стоявшіе у него цвѣты, до которыхъ былъ страстный охотникъ, вспоминая свою любимую *анемона немороза;* послѣ того, часовъ въ 8, приходилъ изъ флигеля, гдѣ жилъ, къ нашему завтраку и пилъ съ нами кофе. Онъ никогда не пилъ болѣе чашки; но кофе долженъ былъ литься черезъ край, такъ, чтобъ и чашка и блюдечко были полны; иначе, онъ не бралъ и въ руки. Вслѣдъ за завтракомъ начинался урокъ и продолжался часа два или три. Онъ не садился за одинъ столъ со мною, а диктовалъ или объяснялъ всегда издали, сидя у окошка. Какъ всѣ дѣти, я часто смѣялся изъ-подтишка надъ его наружностью. «Правду сказать, говоритъ онъ, фигура моя не весьма интересное рекомендательное письмо. Ужь не похожъ ли я на рыцаря печальнаго образа?» Нѣтъ, добрый Вернетъ, ты не былъ смѣшонъ, потому-что, не смотря на иныя странности, ты былъ человѣкъ умный; но твое длинное, рябоватое лицо, осѣненное ярко бѣлокурыми волосами съ просѣдью, широкій ротъ и замѣчательно большой носъ, твое довольно плотное туловище на коротенькихъ ножкахъ, и въ добавокъ еще платье, изъ котораго ты казался будто выросшимъ, — все

Digitized by Google

это придавало твоей наружности оригинальность, не совсѣмъ красивую. Не забуду одной шалости, которую я повторялъ довольно часто и всегда безнаказанно, и которая до сихъ поръ тяготитъ мою совѣсть. Вернетъ былъ близорукъ. Когда, продиктовавъ что нибудь, онъ начиналъ просматрить мою тетрадь, то, какъ всѣ близорукіе, подносилъ ее къ самому носу. Замѣтивъ это, я старался чинить перо какъ можно толще и брать какъ можно болѣе чернилъ. Слѣдствіемъ этого было то, что Вернетъ, водя длиннымъ носомъ по еще свѣжимъ строкамъ ихъ, невольно зачеркивалъ и уходилъ отъ меня съ чернильнымъ пятномъ на носу. Разсѣянность не позволяла ему замѣчать этого, и я не слыхалъ отъ него ни слова о чернильныхъ пятнахъ. Онъ вообще былъ очень ко мнѣ снисходителенъ, терпѣливъ, внимателенъ; но какъ скоро оканчивался урокъ, тотчасъ же бралъ шляпу и уходилъ — Богъ знаетъ куда. Въ теченіи шести мѣсяцовъ, которые Вернетъ прожилъ у насъ, онъ послѣ урока часу не проводилъ въ нашемъ домѣ, — онъ, который прежде почти каждый день у насъ обѣдалъ или ужиналъ! Поздно вечеромъ прямо возвращался онъ въ свой флигель, и мы его не видали до слѣдующаго утра. — Я у васъ теперь наемникъ, отдался въ кабалу, говорилъ онъ: мнѣ неприлично быть по прежнему гостемъ и пріятелемъ. — Но какъ только минуло шесть мѣсяцовъ и онъ получилъ свои 400 рублей, то въ тотъ же день оставилъ нашъ домъ, переѣхалъ на квартиру и сталъ по прежнему ходить каждый день къ намъ обѣдать или ужинать, — вмѣстѣ съ тѣмъ обзавелся и новымъ гардеробомъ, а пока жилъ у насъ, то донашивалъ старый.

Когда наступило лѣто, онъ каждый день сталъ ходить купаться. Купанье было его страстью. «Сколько разъ, пишетъ онъ, купался я съ друзьями въ свѣтлыхъ, быстротекущихъ струяхъ Десны или Салгира, съ пріятнѣйшимъ журчаніемъ текущаго по камнямъ! И воображеніе всегда представляло мнѣ, что я въ темпейской вѣчно цвѣтущей долинѣ, орошаюсь водами того Пенея, коего излучинами любовались сами боги Греціи». Въ Харьковѣ, за неимѣніемъ Десны или Салгира, Вернетъ ходилъ въ рѣчку Харьковъ воображать, что онъ въ Пенеѣ и что боги Греціи глядятъ на него. Онъ обыкновенно выбиралъ у острова не очень глубокое мѣсто возлѣ берега, подъ тѣнью какого нибудь дерева, входилъ въ воду одѣтымъ, и уже послѣ, посидѣвъ въ водѣ, начи-

Digitized by Google

налъ раздѣваться. Развѣсивъ мокрое платье и бѣлье на сучья дерева, онъ оставался въ водѣ подъ его тѣнью до тѣхъ поръ, пока платье и бѣлье высыхали. Это былъ его любимый способъ чистить и мыть свою одежду. Иногда онъ бралъ съ собой книгу и читалъ ее то сидя въ водѣ, то обсыхая на берегу. Онъ увѣрялъ, что это лучшій способъ сберечь надолго свое платье.

Вернета уже не было въ нашемъ домѣ, когда Петръ Иванычъ Рикордъ воротился изъ Японіи, освободивъ Головина изъ плѣна. Прежде чѣмъ ѣхать на жительство въ Камчатку съ молодой своей женою, онъ провелъ нѣсколько времени въ Харьковѣ. Многіе говорили ему о Вернетѣ, какъ объ одномъ изъ замѣчательныхъ лицъ Харькова, и Рикордъ, которому были также извѣстны статьи его въ Украинскомъ Вѣстникѣ, пожелалъ видѣть эксцентрическаго Швейцарца-Украинца. Это случилось вечеромъ. Вернетъ принялъ мореплавателя въ темной комнатѣ, плѣнилъ его своей живой, остроумной бесѣдой, и, разставаясь, сказалъ: — Петръ Иванычъ, я надѣюсь, что мы поняли другъ друга; сердце сердцу вѣсть подаетъ. Вы пришли сюда, конечно, не ради моихъ прекрасныхъ глазъ; я не красавецъ, и мой видъ могъ бы разрушить вашу мечту. Да я и не богатъ, чтобъ освѣщать свою хижину. Прощайте, я васъ вездѣ узнаю по голосу, какъ, думаю, и вы меня. Дайте руку. — Тутъ они простились, и Рикордъ ушелъ, не видавъ Вернета.

Мысль вступить на литературное поприще пришла ему, если не ошибаюсь, у насъ въ домѣ. Наставникомъ въ русской словесности былъ тогда Разумникъ Тимофѣичъ Гонорскій, учившійся въ петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, поклонникъ Карамзина, Жуковскаго и всей новой школы. Онъ былъ человѣкъ образованный и даровитый. Впослѣдствіи, любя страстно словесность и философію, онъ долженъ былъ заняться почти исключительно статистикой, потому-что ему открывалась каѳедра этой науки. Необходимость заставила его противъ влеченія посвятить свои силы на предметъ ему чуждый, и онъ блистательно достигъ своей цѣли. Только это стоило ему жизни. Едва вступивъ въ должность адъюнкта статистики, онъ занемогъ и вскорѣ умеръ. Такія сочетанія разнородныхъ предметовъ и занятій были тогда не рѣдки въ харьковскомъ университетѣ. Около того же времени былъ тамъ профессоръ Джунковскій, который преподавалъ греческую литературу и сельское

Digitized by Google

хозяйство, объяснялъ Пиндара и лучшіе способы унавоживанья. Былъ еще г. Чановъ, преемникъ извѣстнаго натур-философа Шада и ученаго Серба Дудровича, который изъ петербургскаго частнаго пристава, а потомъ совѣтника гражданской палаты, попалъ въ профессора философіи. Но я отдалился отъ предмета. Гонорскій затѣялъ въ 1816 году издавать съ г. Филомаѳитскимъ Украинскій Вѣстникъ. Встрѣчая у насъ Вернета, онъ предложилъ ему участвовать въ журналѣ и передать читателямъ нѣкоторыя изъ своихъ воспоминаній. Помню, какъ Вернетъ долго не соглашался, не довѣряя своимъ силамъ и своему знанію русскаго языка. Но Гонорскій и другіе пріятели уговорили его. Первымъ его опытомъ были «Воспоминанія о Новгородъ-Сѣверскомъ»; за ними слѣдовали «Валковское», потомъ «Харьковское Кладбище», «Святогорскій Монастырь», «нѣчто объ Ослѣ», «Послѣдки изъ странническоѣ сумки» и многое другое. Это легкія статьи, безъ строгой формы, гдѣ размышленія, воспоминанія объ извѣстныхъ ему мѣстахъ и лицахъ, цитаты изъ любимыхъ писателей съ собственными комментаріями, стоятъ въ пестрой смѣси; гдѣ, по его выраженію, «извлекая воспоминанія изъ памяти, онъ не капусту сажаетъ по прямой линіи», и «мысли приходятъ, когда онѣ хотятъ и какъ хотятъ». Онъ при этомъ сравниваетъ себя съ казакомъ, «который въ разсыпной аттакѣ быстро и неожиданно наноситъ удары и возвращается къ своимъ то съ неудачею, то съ добычей». По тону, колориту и направленію статей видно, что авторъ напитанъ чтеніемъ писателей швейцарской школы XVIII вѣка. Въ нихъ дышетъ тѣмъ же духомъ, хотя при меньшемъ изяществѣ и полнотѣ, какимъ проникнуты напр. «Обермannъ» Сенанкура. Вернетъ-литераторъ принадлежитъ, какъ я сказалъ, къ числу послѣдователей Руссо, Бернардень де Сенъ-Пьера и другихъ, имъ подобныхъ поэтовъ-философовъ, которыхъ, по главѣ ихъ Жанъ-Жаку, и въ противоположность школѣ вольтеровской, называю я писателями швейцарской школы.

«Гдѣ конецъ моимъ странствіямъ?» говоритъ Вернетъ въ одномъ мѣстѣ. — «Достигну ли тебя, Швейцарія, страна родная, чтобъ положить въ тебѣ на вѣчное упокоеніе бренный составъ мой?» Но онъ, при такомъ мечтательномъ вопросѣ, сомнительно качаетъ головою. «Я уже старъ и слабъ; легко случиться можетъ, что будущею весною уже не услышу пѣвцовъ весны!...

Digitized by Google

Веселая, краспощекая и всегда смѣющаяся Гигея, богиня здоровья, источникъ удовольствія и счастія, подкрѣпи мои силы! Съ тобой, — конечно, и безъ тебя, но съ тобой все лучше навсегда любить мнѣ просвѣщеніе, честность, дружескую откровенность и простоту». Его молитва не надолго была услышана. Когда, девять лѣтъ спустя, въ 1827 году, я проѣзжалъ чрезъ Харьковъ, то моего добраго наставника Вернета уже не было на свѣтѣ. Онъ не дожилъ до того, чтобъ еще разъ увидѣть свою родину. Умеръ онъ бездомнымъ, безсемейнымъ, на далекой чужбинѣ, заброшенный туда причудливой судьбою; но не пропала о немъ память: его помнятъ еще въ Малороссіи, помнятъ всѣ тѣ, въ чью душу бросилъ онъ неистребимое сѣмя прямоты и духовной свободы.

Digitized by Google

ОТЪѢЗДЪ.

Ну, прощай же, братъ! я поѣду въ даль,
Не сидится на мѣстѣ, ей Богу!
Вѣдь не то, чтобъ мнѣ было васъ не жаль,
Да ужь такъ: собрался я въ дорогу.

И не то, чтобъ здѣсь было худо мнѣ,
Нѣтъ! мнѣ все какъ-то близко, знакомо....
Ну.... и домъ, и садъ, и привыкъ къ странѣ,
Хорошо — знаешь — нравится дома.

И такое есть, о чемъ вспомнить мнѣ
Тяжело, а забыть невозможно!
Да не все жь твердить о вчерашнемъ днѣ —
Неразумно, а можетъ, и ложно!

И вотъ видишь, братъ, такъ и тянетъ въ путь,
Погулять надо мнѣ на просторѣ,
Широко пожить, на людей взглянуть,
Да послушать гульливое море!

Много свѣтлыхъ странъ, много чудныхъ встрѣчъ,
Много сладкихъ словъ, много пѣсень....
Не хочу жалѣть! не хочу беречь!
Ну, прощай! міръ авось ли не тѣсенъ.

Н. ОГАРЕВЪ.

Digitized by Google

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ КАРАТАЕВЪ.

РАЗСКАЗЪ.

«Вотъ благородное утлое сердце!»
(Горацio въ Гамлетѣ).

I.

Лѣтъ пять тому назадъ, осенью, на дорогѣ изъ Москвы въ Тулу, пришлось мнѣ просидѣть почти цѣлый день въ почтовомъ домѣ за недостаткомъ лошадей. Смотритель, человѣкъ уже старый, угрюмый, съ волосами, нависшими надъ самымъ носомъ, съ маленькими заспанными глазами, на всѣ мои жалобы и просьбы отвѣчалъ отрывистымъ ворчаньемъ, въ сердцахъ хлопалъ дверью, какъ будто самъ проклиналъ свою должность — и, выходя на крыльцо, бранилъ ямщиковъ, которые медленно брели по грязи съ пудовыми дугами на рукахъ или сидѣли на лавкѣ, позѣвывая и почесываясь, и не обращали особеннаго вниманія на гнѣвныя восклицанія своего начальника. — Я раза три уже принимался пить чай, нѣсколько разъ напрасно пытался заснуть, прочелъ всѣ надписи на окнахъ и на стѣнахъ, — скука меня томила страшная. Съ холоднымъ и безнадежнымъ отчаяньемъ глядѣлъ я на приподнятыя оглобли своего тарантаса, какъ вдругъ

Digitized by Google

колокольчикъ зазвенѣлъ и небольшая телѣга, запряженная тройкой измученныхъ лошадей, остановилась передъ крыльцомъ. Пріѣзжій соскочилъ съ телѣги и съ крикомъ: «живѣе лошадей!» вошелъ въ комнату. Пока онъ съ обычнымъ, страннымъ изумленіемъ выслушивалъ отвѣтъ смотрителя, что лошадей-де нѣту, я успѣлъ, со всѣмъ жаднымъ любопытствомъ скучающаго человѣка, окинуть взоромъ съ ногъ до головы моего новаго товарища. На видъ ему было лѣтъ подъ тридцать. Оспа оставила неизгладимые слѣды на его лицѣ, сухомъ и желтоватомъ, съ непріятнымъ мѣднымъ отблескомъ; изсиня-черные, длинные волосы лежали сзади кольцами на воротникѣ, спереди закручивались въ ухорскіе виски; небольшіе опухшіе глазки глядѣли — и только; на верхней губѣ торчало нѣсколько волосковъ. Одѣтъ онъ былъ забубеннымъ помѣщикомъ, посѣтителемъ конныхъ ярмарокъ, въ пестрый, довольно засаленный архалукъ, полинявшій шолковый галстукъ лиловаго цвѣта, жилетъ съ мѣдными пуговками и сѣрые панталоны, съ огромными раструбами, изъ подъ которыхъ едва выглядывали кончики нечищенныхъ сапоговъ. Отъ него сильно несло табакомъ и водкой; на красныхъ и толстыхъ его пальцахъ, почти закрытыхъ рукавами архалука, виднѣлись серебряныя и тульскія кольца. Такія фигуры встрѣчаются на Руси не дюжинами, а сотнями; знакомство съ ними, надобно правду сказать, не доставляетъ никакого удовольствія; но несмотря на предубѣжденіе, съ которымъ я глядѣлъ на пріѣзжаго, я не могъ не замѣтить безпечно добраго и страшнаго выраженія его лица....

— Вотъ и они ждутъ здѣсь болѣе часу-съ, промолвилъ смотритель, указывая на меня....

(Болѣе часу! злодѣй смѣялся надо мной!)

— Да имъ, можетъ быть, не такъ нужно, отвѣчалъ пріѣзжій.

— Ужъ этого-съ мы не можемъ знать-съ, угрюмо возразилъ смотритель.

— Такъ не ужели нельзя никакъ? Нѣтъ лошадей рѣшительно?

— Нельзя-съ. Ни одной лошади не имѣется.

— Ну, такъ вели жъ имъ самоваръ поставить. Подождемъ, дѣлать нечего.

Digitized by Google

— Пріѣзжій сѣлъ на лавку, бросилъ картузъ на столъ и провелъ рукой по волосамъ. — А вы уже пили чай? спросилъ онъ меня.

— Пилъ.

— А еще разъ для компаніи не угодно?

Я согласился. — Толстый рыжій самоваръ въ четвертый разъ появился на столѣ.... Я досталъ бутылку рому. .. Я не ошибся, принявъ моего собесѣдника за мелкопомѣстнаго дворянина. Звали его Петромъ Петровичемъ Каратаевымъ. Мы разговорились. Не прошло получаса съ его прихода, какъ ужь онъ съ самой добродушной откровенностью разсказывалъ мнѣ свою жизнь....

— Теперь ѣду въ Москву, говорилъ онъ мнѣ, допивая четвертый стаканъ. — Въ деревнѣ мнѣ уже теперь нечего дѣлать....

— Отъ-чего же нечего?

— Да такъ-таки нечего. Хозяйство поразстроилось. Мужиковъ поразорилъ, признаться, подошли годы плохіе, неурожаи, разныя, знаете, несчастья.... Да, впрочемъ, прибавилъ онъ, уныло взглянувъ въ сторону: — какой я хозяинъ?

— Почему же?

— Да нѣтъ, перебилъ онъ меня:—такіе ли бываютъ хозяева! Вотъ видите ли, продолжалъ онъ, скрутивъ голову на бокъ и прилежно насасывая трубку: — вы, такъ, глядя на меня, можете подумать, что я и того.... а вѣдь, я долженъ вамъ признаться, воспитанье получилъ я средственное; достатковъ не было. Вы меня извините, я человѣкъ откровенный, да и наконецъ....

Онъ не договорилъ своей рѣчи и махнулъ рукой.

Я началъ увѣрять его, что онъ ошибается.... что я очень радъ нашей встрѣчѣ и пр., а потомъ замѣтилъ, что для управленія имѣньемъ, кажется, не нужно превосходнаго образованія....

— Согласенъ, отвѣчалъ онъ: — я съ вами согласенъ. Да все же нужно такое, особенное расположеніе.... Иной мужика деретъ, какъ липку, и ничего! а я.... Позвольте узнать, вы сами изъ Питера или изъ Москвы?

— Я изъ Петербурга.

Digitized by Google

Онъ пустилъ ноздрями долгую струю дыма. — А я въ Москву ѣду служить.

— Куда же вы намѣрены опредѣлиться?

— А не знаю; какъ тамъ придется. — Признаться вамъ, боюсь я службы: какъ разъ подъ отвѣтственность попадешь. Жилъ все въ деревнѣ; привыкъ, знаете.... да ужь дѣлать нечего. Нужда!... охъ ужь эта мнѣ нужда!...

— За то вы будете жить въ столицѣ.

— Въ столицѣ... Ну, я не знаю, что тамъ въ столицѣ хорошаго. Посмотримъ, можетъ быть, оно и хорошо. А ужь лучше деревни, кажется, и быть ничего не можетъ.

— Да развѣ вамъ уже невозможно болѣе жить въ деревнѣ?...

Онъ вздохнулъ.

— Невозможно. Она ужь, почитай — что теперь не моя.

— А что?

— Да тамъ добрый человѣкъ — сосѣдъ завелся.... вексель....

Бѣдный Петръ Петровичъ провелъ рукой по лицу, подумалъ и тряхнулъ головою.

— Ну, да ужь что! Да признаться, прибавилъ онъ послѣ небольшого молчанья:—мнѣ не на кого пенять, — самъ виноватъ. Любилъ покуражиться.... люблю, чортъ возьми, покуражиться!

— Вы весело жили въ деревнѣ? спросилъ я его.

— У меня, сударь, отвѣчалъ онъ съ разстановкой и глядя мнѣ прямо въ глаза: — было двѣнадцать смычковъ гончихъ, такихъ гончихъ, какихъ, скажу вамъ, немного. (Онъ это послѣднее слово произнесъ на распѣвъ). — Русака какъ разъ замотаютъ, а ужь на краснаго звѣря змѣи, просто аспиды. И борзыми похвастаться я могъ. — Теперь же дѣло прошлое, лгать не для чего. Охотился я и съ ружьемъ. Была у меня собака Контесска; стойка необыкновенная, верхнимъ чутьемъ все брала. Бывало подойду къ болоту, скажу: шаршъ! какъ искать не станетъ, такъ хоть съ дюжиной собакъ пройди: шалишь, ничего не найдешь! И въ комнатѣ такая вѣжливая! Дашь ей хлѣбъ изъ лѣвой руки да скажешь: Жидъ ѣлъ, вѣдь не возьметъ, а дашь изъ правой, да скажешь: барышня кушала! тотчасъ возьметъ и съѣстъ.

Digitized by Google

Былъ у меня и щенокъ отъ нея, ат-личный щенокъ, и въ Москву везти хотѣлъ, да пріятель выпросилъ вмѣстѣ съ ружьемъ; говоритъ: въ Москвѣ тебѣ, братъ, будетъ не до того. Тамъ ужь пойдетъ совсѣмъ, братъ, другое. Я и отдалъ ему щенка. Да ужь и ружье. Ужь оно все тамъ, знаете, осталось.

— Да вы и въ Москвѣ могли бы охотиться.

Нѣтъ ужь къ чему! Не съумѣлъ удержаться, такъ и терпи теперь. А вотъ лучше позвольте узнать, что жизнь въ Москвѣ — дорога?

— Нѣтъ, не слишкомъ.

— Не слишкомъ.... А скажите, пожалуйста, вѣдь Цыгане въ Москвѣ живутъ?

— Какіе Цыгане?

— А вотъ, что по ярмаркамъ ѣздятъ?

— Да, въ Москвѣ.

— Ну, это хорошо. Люблю Цыганъ, чортъ возьми, люблю...

И глаза Петра Петровича сверкнули удалой веселостью. Но вдругъ онъ завертѣлся на лавкѣ, потомъ задумался, потупилъ голову и протянулъ ко мнѣ пустой стаканъ.

— Дайте-ка мнѣ вашего рому, проговорилъ онъ.

— Да чай весь вышелъ.

— Ничего, такъ, безъ чая.... Эхъ!

Каратаевъ положилъ голову на руки, оперся локтями на столъ. Я молча глядѣлъ на него и ожидалъ уже тѣхъ чувствительныхъ восклицаній, пожалуй, даже тѣхъ слезъ, на которыя такъ щедръ подгулявшій человѣкъ, но когда онъ поднялъ голову, меня, признаюсь, поразило глубоко-грустное выраженіе его лица.

— Что съ вами?

— Ничего-съ. Старину вспомнилъ. Такой анекдотъ-съ.... Мнѣ совѣстно васъ безпокоить....

— Помилуйте!

— Да, продолжалъ онъ со вздохомъ: — бываютъ случаи... хотя, напримѣръ, и со мной. Вотъ, если хотите, я вамъ разскажу. Впрочемъ, не знаю....

— Разсказывайте, любезный Петръ Петровичъ.

Digitized by Google

— Пожалуй, *хоша* оно того.... Вотъ, видите ли, началъ онъ. — Но я, право, не знаю....

— Ну, полно-те, любезный Петръ Петровичъ.

— Ну, пожалуй. Такъ вотъ что со мной, такъ сказать, случилось.... Жилъ я-съ въ деревнѣ.... вдругъ, приглянись мнѣ дѣвушка, ахъ, да какая же дѣвушка была.... красавица, умница, а ужь добрая какая! Звали ее Матреной-съ. А дѣвка она была простая, т. е. вы понимаете, крѣпостная, просто, холопка-съ. Да не моя дѣвка, а чужая; вотъ въ чемъ бѣда. Ну, вотъ я ее полюбилъ, такой, право, анекдотъ-съ; ну, и она. Вотъ и стала Матрена меня просить: выкупи ее, дескать, отъ госпожи, да и я самъ уже объ *эфтомъ* подумывалъ. А госпожа-то у ней была богатая, старушенція страшная. Жила отъ меня верстахъ въ пятнадцати. Ну, вотъ я въ одинъ, какъ говорится, прекрасный день, и велѣлъ заложить себѣ дрожки, тройкой; въ корню ходилъ у меня иноходецъ, азіятецъ необыкновенный,—за то и назывался Лампурдосъ,—одѣлся получше, и поѣхалъ къ матренниной барынѣ. Пріѣзжаю: домъ большой, съ флигелями, съ садомъ.... У повёртка Матрена меня ждала, хотѣла было заговорить со мной, да только руку поцаловала и отошла въ сторону. Вотъ я вхожу въ переднюю, спрашиваю: дома? А мнѣ высокій такой лакей говоритъ: какъ объ васъ доложить прикажете? Я говорю: доложи дескать, братецъ, помѣщикъ Каратаевъ пріѣхалъ о дѣлѣ переговорить. Лакей ушелъ; я жду себѣ и думаю, что-то будетъ? чай, заломитъ, бестія, цѣну страшную, даромъ что богата. Рублей пятьсотъ, пожалуй, запроситъ. Вотъ, наконецъ, вернулся лакей, говоритъ: пожалуйте. Я вхожу за нимъ въ гостиную. Сидитъ на креслахъ маленькая, жолтенькая старушонка и глазами моргаетъ. — Что вамъ угодно? — Я сперва, знаете ли, почелъ за нужное объявить, что дескать радъ знакомству. — Вы ошибаетесь, я не здѣшняя хозяйка, я ея родственница. Что вамъ угодно? — Я замѣтилъ ей тутъ же, что мнѣ съ хозяйкой-то и нужно переговорить. — Марья Ильинишна не принимаетъ сегодня: она нездорова; что вамъ угодно? — Дѣлать нечего, подумалъ я про себя, объясню ей мое обстоятельство. Старуха меня выслушала.— Матрена? какая Матрена? «Матрена Ѳедорова, Куликова дочь?» — Ѳедора Куликова дочь. Да какъ вы ее знаете? — «Случайнымъ

Digitized by Google

манеромъ.» — А извѣстно ей ваше намѣреніе? — «Извѣстно». Старуха помолчала. — Да я ее негодную.... Я, признаюсь, удивился. «За что же, помилуйте? Я за нее готовъ внести сумму, только извольте назначить». Старая хрычовка такъ и зашипѣла. — Вотъ вздумали чѣмъ удивить! Нужны намъ очень ваши деньги! А вотъ я ее ужо, вотъ я ее.... Дурь-то я изъ нея выбью. Раскашлялась старуха моя со злости. — Не хорошо ей у насъ, что ли? Ахъ она чертовка, прости Господи мое согрѣшенье!... Я, признаюсь, вспыхнулъ. «За что же вы грозите бѣдной дѣвкѣ? чѣмъ она, то есть, виновата?» Старуха перекрестилась. — Ахъ ты мой Господи, Іисусе Христе! Да развѣ я въ своихъ холопьяхъ не вольна? — «Да вѣдь она не ваша!» — Ну, ужь про это Марья Ильинишна знаетъ, не ваше, батюшка, дѣло; а вотъ я уже Матрешкѣ-то покажу, чья она холопка. — Я, признаюсь, чуть не бросился на проклятую старуху, да вспомнилъ о Матренѣ—и руки опустились. Заробѣлъ такъ, что пересказать невозможно; началъ упрашивать старуху. — Возьмите, дескать, что хотите. Да на что она вамъ? Понравилась, матушка, войдите въ мое положенье, позвольте поцаловать у васъ ручку. И таки поцаловалъ у шельмы руку! «Ну» прошамкала вѣдьма: «я скажу Марьѣ Ильинишнѣ; какъ она прикажетъ. А вы заѣзжайте дня черезъ два». Я уѣхалъ домой въ большомъ безпокойствѣ. Начиналъ я догадываться, что дѣло не ладно повелъ, напрасно далъ свое расположенье замѣтить, да хватился-то я поздно. Дня черезъ два отправился я къ барынѣ. Привели меня въ кабинетъ. Цвѣтовъ пропасть, убранство отличное, сама сидитъ въ такихъ мудреныхъ креслахъ и голову назадъ завалила на подушку, и родственница прежняя тутъ сидитъ; да еще какая-то барышня бѣлобрысая, въ зеленомъ платьѣ, криворотая, компаньонка, должно быть. Старуха загнусила: прошу садиться. Я сѣлъ. Стала меня разспрашивать о томъ, сколько мнѣ лѣтъ, да гдѣ я служилъ, да что намѣренъ дѣлать и такъ все свысока, важно. Я отвѣчалъ подробно. Старуха взяла со стола платокъ, помахала, помахала на себя.... «Мнѣ», говоритъ, «докладывала Катерина Карповна, объ вашемъ намѣреніи, докладывала, говоритъ, но я себѣ, говоритъ, положила за правило: людей въ услуженіе не отпускать. Оно и неприлично, да и не годится въ порядочномъ домѣ; это не порядокъ.... Я уже и распорядилась, говоритъ, вамъ уже болѣе безпокоиться, говоритъ, нечего». — Какое без-

Digitized by Google

покойство, помилуйте.... Можетъ, вамъ Матрена Ѳедорова нужна? — «Нѣтъ, говоритъ, не нужна». — Такъ отъ-чего же вы мнѣ ее уступить не хотите? — «Отъ-того, что мнѣ не угодно. Не угодно, да и все тутъ. Я ужь говорю, распорядилась — она въ степную деревню посылается». Меня какъ громомъ хлопнуло.

Старуха сказала слова два по-французски зеленой барышнѣ: та вышла. «Я, говоритъ, женщина правилъ строгихъ, да и здоровье мое слабое; безпокойства переносить не могу. Вы еще молодой человѣкъ; а я ужь старая женщина и въ правѣ вамъ давать совѣты. Не лучше ли вамъ пристроиться, жениться, поискать хорошей партіи; богатыя невѣсты рѣдки, но дѣвицу бѣдную за то хорошей нравственности найти можно». Я, знаете, гляжу на старуху и ничего не понимаю, что она тамъ такое мелетъ.... слышу, что толкуетъ о женитьбѣ, а у меня степная деревня все въ ушахъ звенитъ. Жениться! какой чортъ....

Тутъ разскащикъ внезапно остановился и поглядѣлъ на меня.

— Вѣдь вы не женаты?

— Нѣтъ.

— Ну, конечно, дѣло извѣстное. Я не вытерпѣлъ: — да помилуйте, матушка, что вы за ахинею порете? Какая тутъ женитьба? Я просто желаю узнать отъ васъ, уступаете вы вашу дѣвку Матрену или нѣтъ? Старуха заохала: — «ахъ, онъ меня обезпокоилъ! ахъ, велите ему уйти! ахъ!...» Родственница къ ней подскочила и раскричалась на меня. А старуха все стонаетъ: «чѣмъ я это заслужила? стало быть, я уже въ своемъ домѣ не госпожа! ахъ, ахъ!» Я схватилъ шляпу — и, какъ сумасшедшій, выбѣжалъ вонъ.

— Можетъ быть, продолжалъ разскащикъ, вы осудите меня за то, что я такъ сильно привязался къ дѣвушкѣ изъ низкаго сословія; я и не намѣренъ себя, то есть, оправдывать.... Такъ ужь оно пришлось!!.. Вѣрите ли, ни днемъ, ни ночью покоя мнѣ не было. Мучусь! за что, думалъ я, погубилъ несчастную дѣвку! Какъ только, бывало, вспомню, что она въ зипунѣ гусей гоняетъ, да въ черномъ тѣлѣ по барскому приказу содержится, да староста, мужикъ въ дехтярныхъ сапогахъ, ее ругательски ругаетъ, — холодный потъ такъ съ меня и закапаетъ. Ну, не вы-

Digitized by Google

терпѣлъ, провѣдалъ въ какую деревню ее сослали, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ туда. На другой день подъ вечеръ только пріѣхалъ. Видно отъ меня такого пассажа не ожидали и никакого на мой счетъ приказанія не дали. Я прямо къ старостѣ, будто сосѣдъ; вхожу на дворъ, гляжу: Матрена сидитъ на крылечкѣ и рукой подперлась. Она было вскрикнула, да я ей пригрозилъ, и показалъ на задворье, въ поле. Вошелъ въ избу; съ старостой покалякалъ, навралъ ему чортову тьму, улучилъ минутку и вышелъ къ Матренѣ. Она, бѣдняжка, такъ у меня на шеѣ и повисла. Побѣднѣла, похудѣла, моя голубушка. Я, знаете ли, говорю ей: ничего, Матрена, ничего, не плачь, а у самого слезы такъ и бѣгутъ и бѣгутъ.... Ну, однакожъ, наконецъ, мнѣ стыдно стало, говорю ей: Матрена, слезами горю не пособить. А вотъ что: надобно дѣйствовать, какъ говорится, рѣшительно. Надобно тебѣ бѣжать со мной; вотъ какъ надобно дѣйствовать. Матрена такъ и обмерла. — Какъ можно! да я пропаду!... да они меня заѣдятъ совсѣмъ! «Глупая ты, кто тебя сыщетъ?» — Сыщутъ, непремѣнно сыщутъ. Спасибо вамъ, Петръ Петровичъ; вѣкъ не забуду вашей ласки, но ужь вы меня теперь *предоставьте*; ужь, видно, такова моя судьба. — «Эхъ, Матрена, Матрена! а я тебя считалъ за дѣвку съ *характеромъ*». И точно, карахтеру у ней было много.... Душа была — золотая душа!... — Чтожь тебѣ здѣсь оставаться? Все равно; хуже не будетъ. Ну, вотъ сказывай?... Матрена такъ и вспыхнула, и губы у ней задрожали. «Да изъ за меня семьѣ моей житья не будетъ». — Ну ее, твою семью.... Повѣрите ли, насилу уломалъ ее; вздумала еще толковать о томъ, что, дескать, вы за это отвѣчать будете.... Да ужь это, говорю я, не твое дѣло.... Однако, я таки ее увезъ, не въ этотъ разъ, а въ другой. Ночью, на телѣгѣ пріѣхалъ — и увезъ.

— Увезли?

— Увезъ.... Ну, вотъ она и поселилась у меня. Домикъ у меня былъ небольшой, прислуги мало. Люди мои, безъ обиняковъ скажу, меня уважали, не выдали бы.... Сталъ я поживать припѣваючи. Матренушка отдохнула, поправилась; вотъ я къ ней и привязался.... Да и что за дѣвка была! Откуда что бралось? и пѣть-то она умѣла, и плясать, и на гитарѣ играть.... Сосѣдямъ я ее не показывалъ: чего добраго, разболтаютъ! А былъ у меня пріятель, другъ закадычный, Горностаевъ Пантелѣй....

Digitized by Google

вы не изволите знать? Тотъ въ ней просто души не чаялъ; какъ у барыни, руки у ней цаловалъ, право. И скажу вамъ, Горностаевъ не мнѣ чета: человѣкъ онъ образованный, всего Пушкина прочелъ; станетъ, бывало, съ Матреной да со мной разговаривать, такъ мы и уши развѣсимъ. Писать ее выучилъ, такой чудакъ! А ужь какъ я одѣвалъ ее, просто, лучше губернаторши! Сшилъ ей шубку изъ малиноваго бархата съ мѣховой опушкой; ужь какъ эта шубка на ней сидѣла! Шубку-то эту московская мадамъ шила по новому манеру, съ перехватомъ. И ужь какая чудная эта Матрена была! Бывало, задумается да и сидитъ по часамъ, на полъ глядитъ, бровью не шевельнетъ, и я тоже сижу, да на нее смотрю, да насмотрѣться не могу, словно никогда не видалъ.... Она улыбнется, а у меня сердце такъ и дрогнетъ, словно кто пощекотитъ. А то вдругъ примется смѣяться, шутить, плясать; обнимаетъ меня такъ жарко, такъ крѣпко, что голова кругомъ пойдетъ. Съ утра до вечера, бывало, только и думаю: чѣмъ бы мнѣ ее порадовать? И вѣрите ли, вѣдь только для того ее дарилъ, чтобъ посмотрѣть, какъ она, душа моя, обрадуется, вся покраснѣетъ отъ радости, какъ станетъ мой подарокъ примѣрять, какъ ко мнѣ въ обновкѣ подойдетъ и поцалуетъ. Неизвѣстно, какимъ образомъ отецъ ея Куликъ пронюхалъ дѣло; пришелъ старикъ, поглядѣлъ на насъ, да какъ заплачетъ!... Да вѣдь съ радости заплакалъ, а вы что подумали? Мы Кулика задарили. Такимъ-то мы образомъ мѣсяцовъ пять прожили; а я бы и не прочь весь вѣкъ съ ней такъ прожить.... да судьба моя такая окаянная!

Петръ Петровичъ остановился.

— Что такое сдѣлалось? спросилъ я его съ участьемъ.

Онъ махнулъ рукой.

— Все къ чорту пошло. Я жь ее и погубилъ. Матренушка у меня смерть любила кататься въ санкахъ, и сама, бывало, правитъ; надѣнетъ свою шубку, шитыя рукавицы торжковскія, да только покрикиваетъ. Катались-то мы всегда вечеромъ, чтобы, знаете, кого нибудь не встрѣтить. Вотъ какъ-то разъ выбрался день такой, знаете, славный; морозно, ясно, вѣтру нѣту.... мы и поѣхали. Матрена взяла возжи. Вотъ я и смотрю, куда это она ѣдетъ? Неужели въ Кукуевку, въ деревню своей барыни? Точно въ Кукуевку. Я ей и говорю: сумасшедшая, куда ты ѣдешь?

Digitized by Google

Она глянула ко мнѣ черезъ плечо, да усмѣхнулася. Дай, дескать, покуражиться. А! подумалъ я: — была не была!... Мимо господскаго дома прокатиться.... вѣдь хорошо? скажите сами, вѣдь хорошо? Вотъ мы и ѣдемъ. Иноходецъ мой такъ и плыветъ, пристяжныя совершенно, скажу вамъ, завихрились,— вотъ ужь и кукуевскую церковь видно; глядь, ползетъ по дорогѣ старый зеленый возокъ и лакей на запяткахъ торчитъ. Барыня! барыня ѣдетъ! Я было струсилъ, а Матрена-то какъ ударитъ возжами по лошадямъ и мимо возка.... Думаю: худо будетъ, напрасно я ей позволилъ ѣхать на Кукуевку. Что жь вы думаете? Вѣдь узнала барыня Матрену и меня узнала, старая, да жалобу на меня и подай. Бѣглая, дескать, моя дѣвка у дворянина Каратаева проживаетъ. Да тутъ же и благодарность, какъ слѣдуетъ, предъявила. Смотрю, идетъ ко мнѣ исправникъ. А исправникъ-то былъ мнѣ человѣкъ знакомый, Степанъ Сергѣичъ Кузовкинъ, хорошій человѣкъ, то есть, въ сущности человѣкъ не хорошій. Вотъ прізжаетъ и говоритъ: такъ и такъ, Петръ Петровичъ, какъ же вы это такъ? Отвѣтственность сильная и законы на этотъ счетъ ясные. Я ему говорю: ну, объ этомъ мы, разумѣется, съ вами поговоримъ, а вотъ не хотите ли перекусить съ дороги? Перекусить-то онъ согласился, но говоритъ: правосудіе требуетъ, Петръ Петровичъ, сами посудите. — Оно, конечно, правосудіе, говорю я: — оно, конечно.... а вотъ, я слышалъ, у васъ лошадка есть вороненькая, такъ не хотите ли помѣняться на моего Лампурдоса? А дѣвки Матрены Ѳедоровой у меня не имѣется. — Ну, говоритъ онъ: Петръ Петровичъ, дѣвка-то у васъ, мы вѣдь не въ Швейцаріи живемъ. — Однако, на этотъ разъ я его кое-какъ спровадилъ. Но старая барыня завозилась пуще прежняго. Десяти тысячъ, говоритъ, не пожалѣю. Видите ли, ей, глядя на меня, вдругъ въ голову пришло женить меня на своей зеленой компаньонкѣ; это я послѣ узналъ; отъ-того-то она такъ и разозлилась.... Чего только эти барыни не придумаютъ! Со скуки, должно быть. И денегъ-то я не жалѣлъ, и Матрену-то пряталъ, — нѣтъ, затормошили меня, словно зайца на угонкахъ. Въ долги влѣзъ, здоровья лишился. Вотъ сижу однажды ночью у себя на постелѣ и думаю: Господи, Боже мой! за что терплю? Что жь мнѣ дѣлать, коли я ее разлюбить не могу? Ну, не могу, да и только! — шасть ко мнѣ въ комнату Матрена. Я на это время спряталъ ее было у

Digitized by Google

себя на хуторѣ, верстахъ въ двухъ отъ своего дома. Я испугался. — Что? аль и тамъ тебя отрыли? — Нѣтъ, говоритъ она: — Петръ Петровичъ, никто меня не безпокоитъ въ Бубновѣ; да долго ли это продолжится? Сердце мое, говоритъ, надрывается, Петръ Петровичъ; васъ мнѣ жаль, моего голубчика; вѣкъ не забуду ласки вашей, Петръ Петровичъ. А теперь пришла съ вами проститься. — Что ты, что ты, сумасшедшая?... какъ проститься? какъ проститься? — А такъ.... пойду, да себя и выдамъ. — Да я тебя, сумасшедшую, на чердакъ запру. Или погубить меня вздумала? уморить меня желаешь, что ли? — Молчитъ себѣ дѣвка, да глядитъ на полъ. — Ну, да говори же, говори. — Не хочу вамъ больше безпокойства причинять, Петръ Петровичъ.... — Ну, поди, толкуй съ ней!... — Да ты знаешь ли, дура, ты знаешь ли сума.... сумасшедшая....

И Петръ Петровичъ горько зарыдалъ.

— Вѣдь, что вы думаете? продолжалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу и стараясь нахмурить брови, межь тѣмъ, какъ слезы все еще бѣжали по его разгоряченнымъ щекамъ: — вѣдь выдала себя дѣвка! пошла да и выдала себя....

— Лошади готовы-съ! торжественно воскликнулъ смотритель, входя въ комнату.

Мы оба встали.

— Что же сдѣлалось съ Матреной? спросилъ я.

Каратаевъ махнулъ рукой.

II.

Спустя годъ послѣ моей встрѣчи съ Каратаевымъ, случилось мнѣ заѣхать въ Москву. Разъ какъ-то, передъ обѣдомъ, зашелъ я въ кофейную, находящуюся за Охотнымъ Рядомъ, оригинальную московскую кофейную. Въ биллярдной, сквозь волны дыма, мелькали раскраснѣвшіяся лица, усы, хохлы, старомодныя венгерки и новѣйшія святославки. Худые старички въ скромныхъ сертукахъ читали русскія газеты. Половые рѣзво мчались съ подносами, мягко ступая по зеленымъ коврикамъ.

Digitized by Google

Купцы съ мучительнымъ напряженіемъ пили чай. Вдругъ изъ бильярдной вышелъ человѣкъ, нѣсколько растрепанный и не совсѣмъ твердый на ногахъ. Онъ положилъ руки въ карманы, опустилъ голову и безсмысленно посмотрѣлъ кругомъ.

— Ба, ба, ба! Петръ Петровичъ!... какъ поживаете?

Петръ Петровичъ чуть не бросился ко мнѣ на шею и потащилъ меня, слегка качаясь, въ маленькую особенную комнату.

— Вотъ здѣсь, говорилъ онъ, заботливо усаживая меня въ кресла: —здѣсь вамъ будетъ хорошо....—Человѣкъ, пива! нѣтъ, то есть, шампанскаго! — Ну, признаюсь, не ожидалъ, не ожидалъ.... Давно ли? надолго? Вотъ, привелъ Богъ, какъ говорится, того....

— Да, помните....

— Какъ не помнить, какъ не помнить, торопливо перервалъ онъ меня: — дѣло прошлое.... дѣло прошлое....

— Ну, что вы здѣсь подѣлываете? любезный Петръ Петровичъ.

— Живу, какъ изволите видѣть. Здѣсь житье хорошее, народъ здѣсь радушный. Здѣсь я успокоился. И онъ вздохнулъ и поднялъ глаза къ небу.

— Служите?

— Нѣтъ-съ, еще не служу, а думаю скоро опредѣлиться.... Да что служба? Люди—вотъ главное. Съ какими я здѣсь людьми познакомился!...

Половой вошелъ съ бутылкой шампанскаго на черномъ подносѣ.

— Вотъ и это хорошій человѣкъ.... — Не правда ли, Вася, ты хорошій человѣкъ? На твое здоровье!

Половой постоялъ, прилично тряхнулъ головкой, улыбнулся и вышелъ.

— Да, хорошіе здѣсь люди, продолжалъ Петръ Петровичъ. — Съ чувствомъ, съ душой.... Хотите я васъ познакомлю? Такіе славные ребята.... они всѣ вамъ будутъ рады. Я скажу.... Бобровъ умеръ, вотъ горе!

— Какой Бобровъ?

Digitized by Google

— Сергѣй Бобровъ. Славный былъ человѣкъ. Призрѣлъ было меня, невѣжу, степняка. И Горностаевъ Пантелѣй умеръ. Всѣ умерли, всѣ!

— Вы все время въ Москвѣ прожили? Не съѣздили въ деревню?

— Въ деревню?... мою деревню продали.

— Продали?

— *Сукціона*.... Вотъ, напрасно вы не купили!

— Чѣмъ же вы жить будете, Петръ Петровичъ?

— А, не умру съ голоду, Богъ дастъ! Денегъ не будетъ, друзья будутъ. Да что̀ деньги? прахъ! Золото — прахъ!

Онъ зажмурился, пошарилъ рукой въ карманѣ и поднесъ ко мнѣ на ладони два пятиалтынныхъ и гривенникъ.

— Что это? вѣдь прахъ! и деньги полетѣли на полъ.—А вы лучше скажите мнѣ, читали ли вы Полежаева?

— Читалъ.

— Видѣли ли Мочалова въ Гамлетѣ?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Не видали, не видали.... и лицо Каратаева побѣднѣло, глаза безпокойно забѣгали.... Онъ отвернулся.... легкія судороги пробѣжали по его губамъ. — Ахъ, Мочаловъ, Мочаловъ!

— «Окончить жизнь, уснуть», проговорилъ онъ глухимъ голосомъ.

Не болѣе! и знать, что этотъ сонъ
Окончитъ грусть и тысячи ударовъ,
Удѣлъ живыхъ.... такой конецъ достоинъ
Желаній жаркихъ.... умереть.... уснуть....

— «Уснуть, уснуть!» пробормоталъ онъ нѣсколько разъ.

— Скажите, пожалуйста.... началъ было я. Но онъ продолжалъ съ жаромъ:

Кто снесъ бы бичъ и посмѣянье вѣка,
Безсилье правъ, тирановъ притѣсненья,
Обиды гордаго, забытую любовь,

Digitized by Google

Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ,
Когда бы могъ насъ подарить покоемъ одинъ ударъ....
. . . . . О, помяни
Мои грѣхи въ твоей святой молитвѣ.

И онъ уронилъ голову на столъ. Онъ началъ заикаться и завираться.

— «И черезъ мѣсяцъ!» произнесъ онъ съ новой силой.

Одинъ короткій, быстротечный мѣсяцъ!!!
И башмаковъ еще не износила,
Въ которыхъ шла, въ слезахъ,
За бѣднымъ прахомъ моего отца!
О, небо! Звѣрь безъ разума, безъ слова
Грустилъ бы долѣе....

Онъ было поднесъ рюмку шампанскаго къ губамъ, но не выпилъ вина и продолжалъ, держа рюмку въ рукахъ:

Изъ за Гекубы....
Что онъ Гекубѣ, что она ему,
Что плачетъ онъ объ ней!...
А я.... презрѣнный, малодушный рабъ, —
Я трусъ! Кто назоветъ меня негоднымъ?
Кто скажетъ мнѣ: ты лжешь?
А я обиду перенесъ бы.... Да!
Я голубь мужествомъ — во мнѣ нѣтъ жолчи
И мнѣ обида не горька....

Каратаевъ уронилъ рюмку и схватилъ себя за голову.

Мнѣ показалось, что я его понялъ.

— Ну, да что, проговорилъ онъ наконецъ: — кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.... Не правда ли? и онъ засмѣялся. — На ваше здоровье!

— И вы останетесь въ Москвѣ? спросилъ я его.

— Умру въ Москвѣ!...

— Каратаевъ! раздалось въ сосѣдней комнатѣ. — Каратаевъ, гдѣ ты? Поди сюда, любезный че-а-экъ!

Digitized by Google

— Меня зовутъ, проговорилъ онъ, тяжело поднимаясь съ мѣста.—Прощайте. Зайдите ко мнѣ, если можете, я живу въ....

Но на другой же день я, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ выѣхать изъ Москвы и не видѣлся болѣе съ Петромъ Петровичемъ Каратаевымъ.

ИВ. ТУРГЕНЕВЪ.

Digitized by Google

РОДСТВЕННИКИ.

НРАВСТВЕННАЯ ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе.)

ГЛАВА VIII.

Часа черезъ два послѣ сцены, на которой остановились мы въ предшествовавшей главѣ (если только читатель не позабылъ ея, что́ было бы для меня очень прискорбно), Олимпіада Игнатьевна, Наташа, Петруша, Григорій Алексѣичъ и Сергѣй Александрычъ сидѣли всѣ вмѣстѣ въ гостиной въ ожиданіи ужина. Наташа была нѣсколько блѣднѣе и разсѣяннѣе обыкновеннаго и какъ-то все не впопадъ отвѣчала на вопросы Сергѣя Александрыча. Григорій Алексѣичъ, напротивъ, былъ въ самомъ пріятномъ и веселомъ расположеніи духа, и даже очень одобрительно улыбался, слушая Петрушу, который выходилъ изъ себя, декламируя ему свои новые стихи, начинавшіеся такъ:

«Міръ отъ безумства мы избавимъ —
И станемъ истиной карать,
Преданья свергнемъ и подавимъ....
Впередъ, воинственная рать!...»

Олимпіада Игнатьевна раскладывала гранъ-пасьянсъ, вздыхала, охала и изрѣдка поглядывала на дочь съ заботливымъ безпокойствомъ.... Мѣсяцъ прямо смотрѣлъ въ широкое окно, обли-

Digitized by Google

вая комнату своимъ блѣднымъ свѣтомъ и бросая длинныя и серебряныя полосы на темный и узорчатый старинный паркетъ. Отъ времени до времени слышался въ комнатѣ доносившійся издалека, однообразный и мѣрный стукъ ночного сторожа.

Олимпіада Игнатьевна оставила карты и обратилась къ дочери.

— Что съ тобой, Наташа, что ты нездорова что ли?

И она приложила руку къ ея головѣ.

— У тебя въ лицѣ нѣтъ кровинки, а голова такая горячая!.. За тобой, право, надо смотрѣть, какъ за ребенкомъ. По вечерамъ теперь сырость такая, а ты ходишь въ саду въ одномъ тоненькомъ платьицѣ. Того и гляди схватишь лихорадку. Ну, что будетъ хорошаго, если ты еще разхвораешься. У меня и безъ этого много заботъ и горя!

— Я ничего, отвѣчала Наташа: — у меня такъ только не много болитъ голова. Это пройдетъ.

— То-то пройдетъ, ворчала Олимпіада Игнатьевна. — Подика ты спать, напейся на ночь малины, да закутайся хорошенько; это будетъ лучше.

Наташа въ ту же минуту встала и подошла къ маменькиной ручкѣ. Олимпіада Игнатьевна перекрестила ее и поцаловала въ лобъ.

Сергѣй Александрычъ посмотрѣлъ на Наташу съ двусмысленною улыбкою и пожалъ ей руку. Григорій Алексѣичъ молча поклонился ей; и когда она вышла, Петруша отправился вслѣдъ за нею.

— Я провожу тебя до твоей комнаты, сказалъ онъ ей.

— Спасибо. Зачѣмъ же? Я могу дойти и одна, отвѣчала Наташа.

— Мнѣ хочется поговорить съ тобою, сестра, произнесъ Петруша таинственно.

— О чемъ? спросила Наташа, вздрагивая: — пожалуй, когда нибудь послѣ, только не теперь. Я, въ самомъ дѣлѣ, чувствую себя не очень здоровою.

Петруша нахмурился.

— Послушай, Наташа.... голосъ Петруши дѣлался все таинственнѣе: — никогда еще я не чувствовалъ въ себѣ такой сильной потребности говорить съ тобой. Теперь я, можетъ быть,

Digitized by Google

выскажу тебѣ то, что другой разъ мнѣ не удастся высказать. Ты знаешь, что минуты откровенія не часты.

Наташа ничего не отвѣчала на это.

Войдя въ свою комнату, она обратилась къ Петрушѣ, который все слѣдовалъ за нею.

— Тебя вѣрно, братецъ, ждутъ ужинать.

— Я не хочу ужинать, отвѣчалъ Петруша, располагаясь на диванѣ.

— А маменька-то? Она будетъ безпокоиться.... ты вѣдь знаешь ее.... ей Богъ знаетъ что придетъ въ голову.... Она подумаетъ, что и ты нездоровъ.

— Оставь ее; пусть думаетъ себѣ, что хочетъ....

— Поди скажи, чтобы меня не ждали ужинать, сказалъ онъ, обращаясь къ горничной, которая ставила на столъ свѣчу.

Когда горничная ушла, Петруша подошелъ къ Наташѣ, съ чувствомъ посмотрѣлъ на нее и крѣпко пожалъ ея руку.

— Я понимаю тебя, Наташа, произнесъ онъ значительно:— глубоко понимаю; отъ меня ты не должна ничего скрывать.... Вѣрь мнѣ, я могу быть твоимъ другомъ; ты можешь смѣло высказать мнѣ все, что лежитъ у тебя на сердцѣ.... тебѣ извѣстенъ мой образъ мыслей.

— Что такое? что ты хочешь сказать? спросила Наташа.

— Неужели ты думаешь, продолжалъ Петруша: — что отъ меня могла ускользнуть перемѣна, которая произошла въ тебѣ съ нѣкотораго времени? Неужли ты воображаешъ, что я не знаю сердца женщины? Отъ меня ты не утаишь ничего. Небойся. Я, можетъ быть, объясню тебѣ многое, что еще ты сама неясно сознаешь въ себѣ.... Послушай, Наташа, я еще до сихъ поръ въ жизни не встрѣчалъ женщины, родственной мнѣ по духу, и вѣроятно никогда не встрѣчу. Что ожидаетъ меня въ будущемъ? Капля радостей и море страданій! У меня натура артистическая, субъективная, а такого рода натуры не могутъ быть счастливы въ настоящемъ обществѣ! Жизнь для нихъ нестерпимое бремя; они находятъ удовлетвореніе только въ самихъ себѣ.... Знаешь ли ты, что возможиость любви, горячей, безпредѣльной лежитъ у меня здѣсь въ зародышѣ?

Петруша ударилъ себя въ грудь.

— Много чувствъ и мыслей безвыходно замкнуты въ этой груди. Меня считаюсъ сухимъ и холоднымъ. Наружность моя

Digitized by Google

точно такова, но наружность обманчива, сестра.... Внутренній огонь пожираетъ меня! Родись я не здѣсь, среди этого пошлаго, безсмысленнаго, апатическаго общества, я могъ бы сдѣлать многое, я не безполезно прошелъ бы жизненное поприще; но здѣсь, сестра, здѣсь нѣтъ пищи для моей дѣятельности! Кому здѣсь понять меня? Въ глазахъ стараго, отжившаго поколѣнія, я не болѣе, какъ сумасбродный мальчишка, нахватавшіій разныхъ вредныхъ идеи; но меня не понимаютъ многіе и изъ молодого поколѣнія, и тѣ, которые считаютъ себя развитыми, которые трактуютъ о современныхъ вопросахъ. А это нестерпимо, ужасно! Напримѣръ, Сергѣй Александрычъ, — онъ обращается со мной совершенно какъ съ ребенкомъ и глядитъ на меня съ высоты своего величія. Онъ воображаетъ, что стоитъ на ряду съ вѣкомъ, потому-что былъ въ Парижѣ и Лондонѣ, а между тѣмъ, это человѣкъ отсталой, у него душа дряблая, старческая, неспособная сочувствовать идеѣ прогресса, и какой пошлый взглядъ у него на жизнь! Искусство, поэзія для него не существуютъ, тонкія поэтическія черты для него рѣшительно неуловимы.... Все это страшно тяжело!... Гдѣ и въ комъ я найду сочувствіе?...

Петруша вскочилъ со стула и началъ тревожно прохаживаться по комнатѣ.

Наташа, замѣтно встревоженная началомъ разговора Петруши, почти не слыхала послѣднихъ словъ его. Она смотрѣла на него довольно неопредѣленно, потому, что мысли ея заняты были совершенно другимъ.

Но Петруша остановился передъ нею.

— Знаешь ли, продолжалъ онъ — если кто нибудь немного можетъ понимать меня, такъ это развѣ Григорій Алексѣичъ... по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется.

Наташа не пріобрѣла еще искусства владѣть собою. Лицо ея вдругъ измѣнилось при этомъ имени, и она съ любопытствомъ взглянула на брата.

— У Григорья Алексѣича сердце теплое: поэтическая сторона жизни доступна ему, но, кажется, и въ немъ начинаетъ остывать юношескій пылъ, энергія убѣжденія, и онъ начинаетъ расходиться съ новымъ поколѣніемъ. А это, жаль, очень жаль! Онъ тоже воображаетъ, что знаніе жизни пріобрѣтается только однимъ опытомъ... какая старческая, пошлая мысль!.. но я все та-

Digitized by Google

ки уважаю этого человѣка, и всегда охотно протягиваю ему руку. Въ немъ есть свои хорошія стороны. Это одинъ изъ немногихъ людей, которые въ случаѣ нужды могутъ быть намъ полезны.... Ахъ, жизнь, жизнь!.. не многимъ дается ея свѣтлое пониманіе.... Да!... а люди не легко и не вдругъ познаются!... А я — однако, съ перваго раза умѣлъ оцѣнить Григорья Алексѣича.... ему я даже обязанъ тѣмъ, что узналъ тебя.

— Какимъ это образомъ? спросила Наташа.

— Безъ него я не подозрѣвалъ бы того, что ты способна къ развитію, къ воспринятію высшихъ, поэтическихъ идей. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь, ты сдѣлала огромный шагъ на пути къ прогрессу. Ты многимъ обязана Григорью Алексѣичу.

Петруша взялъ снова руку сестры и еще крѣпче прежняго пожалъ ее.

— Ты любишь его, Наташа! признайся мнѣ. Я вижу все — и долженъ сказать тебѣ.... эта любовь радуетъ меня, потому.... Петруша запнулся на минуту,... потому-что она совершенно разумна.

Наташа молчала. Она не могла произнести ни одного слова, если бы и хотѣла отвѣчать на вопросъ Петруши. Грудь ея тяжело и неровно дышала и сердце билось съ мучительною быстротою. Волненія, испытываемыя ею въ этотъ вечеръ, были свыше силъ ея.

— Признайся мнѣ какъ другу, какъ духовному брату, говорилъ неотвязчивый Петруша съ экстазомъ :—о, я свято сохраню твою тайну, я не оскорблю деликатность твоего чувства; я не захочу нагло ворваться въ святилище твоего сердца, для того, чтобы напрасно возмущать его.... Ты любишь Григорья Алексѣича? скажи мнѣ.

— Да, да, я люблю его, прошептала Наташа, задыхаясь и закрывая лицо руками...,

Долго оставалась она въ такомъ положеніи. Петруша смотрѣлъ на нее, скрестивъ руки на груди и усиливаясь какъ можно болѣе придать значенія и важности своей физіономіи, и когда Наташа открыла лицо и рѣшилась взглянуть на брата, онъ обнялъ ее и потомъ какъ-то вдохновенно началъ поводить глазами.—Съ этой минуты я твой, сестра, произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ:—въ эту минуту мы породнились съ тобой духовно. Располагай мной... Если матушка, по-

Digitized by Google

чему бы то ни было, осмѣлится препятствовать вашему соединенію или станетъ притѣснять тебя, она въ одно время лишится и сына и дочери, — только!... Это будетъ для нея нравственною казнію; никто, можетъ быть, не подозрѣваетъ здѣсь, на что я способенъ въ крайнихъ случаяхъ!... Намъ надо дѣйствовать смѣло, прямо.... О, какъ весело вступать въ открытую борьбу съ предразсудками и невѣжествомъ стараго поколѣнія! Сердце замираетъ отъ восторга при этой мысли.

Петруша продолжалъ говорить о Григорьи Алексѣичѣ, о маменькѣ, о будущей участи человѣчества, объ освобожденіи женщины, о міровой любви, о самомъ себѣ и о своихъ стихотвореніяхъ.

Когда онъ все высказалъ, простился съ сестрою и уже отворилъ дверь, чтобы выйти изъ ея комнаты, Наташа бросилась къ нему и остановила его на минуту.

— Послушай, братецъ, произнесла она, крѣпко и судорожно сжимая его руку: — то, что я сказала тебѣ, останется между нами.... Бога ради! я прошу тебя....

— И ты еще можешь сомнѣваться во мнѣ, перебилъ Петруша оскорбленнымъ тономъ:—послѣ всего, что я говорилъ тебѣ? Я открылъ тебѣ всю мою душу, всѣ мои вѣрованія и убѣжденія. Стало быть, ты не поняла меня?

— О, нѣтъ, нѣтъ! вскрикнула Наташа со слезами на глазахъ:—прости меня.... я увѣрена въ тебѣ....

Дня черезъ три послѣ этого Петруша написалъ стихи къ Наташѣ, въ которыхъ онъ подтверждалъ, между прочимъ, «что въ его груди, какъ въ могилѣ, навѣки замретъ ея святая тайна». Но онъ не выдержалъ и прочелъ эти стихи Сергѣю Александрычу. Сергѣй Александрычъ похвалилъ ихъ; Петруша смягчился и, разнѣженный этою похвалою, внутренно примирился съ нимъ на эту минуту и, самъ не чувствуя какъ, передалъ ему отъ слова до слова весь разговоръ свой съ Наташей.

— Бѣдная Наташа, замѣтилъ Сергѣй Александрычъ: — она очень еще неопытна; какъ можно было ей ввѣряться поэту?... Вѣдь всѣмъ извѣстно, что поэты страшные болтуны. Неправда ли, Петруша?

— Съ чего жъ вы это взяли? возразилъ Петруша, разсерженный этимъ замѣчаніемъ: — такъ думать о поэтахъ простительно только людямъ стараго поколѣнія, и къ тому же вы напрасно

Digitized by Google

причисляете меня къ поэтамъ, — я пишу стихи такъ только для себя. Разговоръ же мой съ Наташею я передалъ вамъ затѣмъ, что вы принимаете въ ней участіе, и я увѣренъ, что это останется между нами.

— О, разумѣется, сказалъ Сергѣй Александрычъ, улыбаясь: — я пошутилъ, — и очень благодаренъ тебѣ за твою довѣрчивость ко мнѣ.

Петруша успокоился, но слухи о любви Наташи къ Григорью Алексѣичу съ различными прибавленіями и преувеличеніями распространились быстро въ родственномъ кругу и, переходя изъ уѣзда въ уѣздъ, сдѣлались самою интересною новостію въ губерніи и для постороннихъ. — А что была ли помолвка? — Когда же свадьба? — Да что богатъ ли онъ? — говорятъ, будто милліонеръ! — И, помилуйте, нищій! — Онъ въ большой дружбѣ съ Сергѣемъ Александрычемъ. — Какое! онъ изъ ничтожества, онъ у него въ родѣ компаньона. — А Наташа-то, Наташа! — Скажите, пожалуйста, этакая пустенькая, безнравственная дѣвчонка, а подцѣпила такого хвата! — Вѣдь такимъ только нынче и счастье! — Ужь вѣкъ такой! — Да что это за партія! помилуйте: онъ нищій и она нищая. — Какъ мы рады за Наташу, что Богъ пристроилъ ее за хорошаго человѣка. — Какъ намъ жаль ее! онъ, говорятъ, самаго развратнаго повѣденія. — Бѣдный молодой человѣкъ! — ему разставили сѣти. — Извѣстно, что она выходитъ за него, потому-что... Ужасно! ужасно! какая нравственность у этой дѣвушки. — Баловница, мать довела ее до этого... и прочее.

Толки были очень забавные и разнообразные. И кому бы пришло въ голову, что первая пустившая эти толки, одушевившіе всю губернію, была Стешка, горничная Агафьи Васильевны? Агафья Васильевна, нерѣдко посѣщавшая Сергіевское, съ каждымъ пріѣздомъ своимъ убѣждалась, что на сбытъ Любаши плоха надежда, что Григорій Алексѣичъ, «не соблюдая никакого приличія и благопристойности такъ и подлипаетъ, къ Наташѣ», какъ выражалась она, и заключила изъ этого, что онъ долженъ быть самый безпутный и гадкій человѣкъ. Агафья Васильевна затаила злобу свою до времени и начала наблюдать за ними изподтишка посредствомъ своихъ агентовъ. Стешка черезъ Петровича передавала ей все, что дѣлалось въ Сергіевскомъ.

Петровичъ, въ угоду Стешки и отчасти по собственной наклонности, исполнялъ самымъ ревностнымъ и добросовѣстнымъ

Digitized by Google

образомъ должность шпіона. Рука, раздвигавшая вѣтви кустарника въ саду, въ минуту объясненія Григорья Алексѣича съ Наташею, принадлежала Петровичу, и на другой же день все видѣнное и слышанное имъ онъ передалъ Стешкѣ, которая, въ свою очередь, сейчасъ же, какъ слѣдуетъ, донесла объ этомъ своей барынѣ.

— А! такъ вотъ какъ! вскрикнула въ бѣшеномъ торжествѣ Агафья Васильевна; — вотъ оно что! ну, это ужь превосходитъ и мои ожиданія!... подумала она:—я не подозрѣвала, чтобы такъ далеко зашли ихъ шашни.... Сама на шею бросается къ нему!... сама обнимаетъ его! очень мило! очень! Ахъ, Боже мой, страмота какая! Да она безчеститъ собою всю нашу губернію! Да ужь полно дворянская ли кровь течетъ въ ней!.,. Ужъ я подозрѣваю, что тутъ былъ какой нибудь грѣхъ, не безъ того.... гадкая, подлая дѣвчонка!...

Агафья Васильевна дала полную волю языку своему и начала вездѣ трезвонить о Наташѣ и о Григорьи Алексѣичѣ.

Но грозныя тучи клеветъ и сплетней, скоплявшіяся на губернскомъ горизонтѣ, еще не разразились надъ Сергіевскимъ. Тамъ было еще все ясно и безмятежно. Олимпіада Игнатьевна очень хорошо понимала, что дѣлалось кругомъ ея, и часто съ большимъ любопытствомъ распрашивала своего племянника о Григорьи Алексѣичѣ. Ей было непріятно только одно, — почему Григорій Алексѣичъ не служитъ.—Какъ же онъ не заботится о своей карьерѣ? спрашивала она: — развѣ онъ имѣетъ такое обезпеченное состояніе?... Вотъ вы, батюшка, прибавляла она: — это другое дѣло. Васъ Богъ благословилъ.... У васъ полторы тысячи душъ крестьянъ. Слава Богу, вамъ не о чемъ заботиться. Ну, а молодому человѣку, не богатому, грѣшно не думать о службѣ и праздно проводить время....

Сергѣй Александрычъ старался объяснить тетушкѣ, что Григорій Алексѣичъ проводитъ время не совсѣмъ праздно, что онъ много читаетъ, что онъ занимался литературой и писалъ статьи для журналовъ; но тетушка сомнительно и недовольно покачивала головой и говорила.

— Воля ваша, что же это за занятія такія? Вѣдь это онъ дѣлаетъ для своего удовольствія.... Вѣдь это все же не то, что коронная служба, согласитесь.... Вѣдь за эти занятія онъ не получитъ ни чина, ни награды, ни какого профита.

Digitized by Google

Вотъ и Петруша мой.... (Олимпіада Игнатьевна заохала). Ну, онъ, конечно, онъ и въ примѣръ неможетъ идти. Онъ такой слабый здоровьемъ, щедушный такой; я, признаться, и боюсь отпустить его отъ себя. Гдѣ ему вынести службу, — ужь я и не тревожу его, и рада, что онъ у меня на глазахъ, но Григорью-то Алексѣичу казазалось бы какъ не служить....

Впрочемъ, Олимпіада Игнатьевна, глядя на дочь свою и на Григорья Алексѣича, когда они сидѣли вмѣстѣ, иногда думала:

«Господи! буди воля Твоя! милосердный Отецъ!

Случалось также, что глядя на нихъ, она думала: «какъ бы это узнать достовѣрно, есть ли у него состояніе, обезпеченъ ли онъ?» потому-что Сергѣй Александрычъ не далъ ей положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Съ Наташей при Григорьи Алексѣичѣ обращалась она гораздо нѣжнѣе и ласковѣе обыкновеннаго, и часто говорила ему въ ея присутствіи:

— Какъ я благодарна вамъ, батюшка, за то, что вы вотъ иногда занимаетесь съ ней, читаете ей, толкуете....

И потомъ обращалась къ Наташѣ:

— А ты, мой другъ, умѣй цѣнить все это, умѣй чувствовать такое вниманіе къ тебѣ.

Но наединѣ съ дочерью Олимпіада Игнатьевна давала ей совершенно другого рода наставленія.

— Ты пожалуйста, Наташа, говорила она:—не очень слушай то, что тебѣ разсказываетъ и нашептываетъ эта молодежь, и не вѣрь всему, что тамъ написано въ этихъ книгахъ, которыя тебѣ читаютъ. И братецъ твой и пріятель его, конечно, люди хорошіе, я не спорю, но все таки...(при этомъ Олимпіада Игнатьевна вздыхала).... все таки они были въ этомъ проклятомъ Парижѣ!

ГЛАВА IX.

Григорій Алексѣичъ послѣ объясненія съ Наташей провелъ нѣсколько дней въ блаженномъ забытьи и упоеніи и не заботился о томъ, какое мнѣніе имѣетъ объ немъ Олимпіада Игнатьевна. Никакая мысль не возмущала его, никакіе вопросы не тревожили его. Ни прошедшее, ни будущее не существовали для него,

Digitized by Google

онъ весь отдался настоящей минутѣ. Онъ жилъ, казалось, однимъ сердцемъ. Онъ витадъ въ безвоздушныхъ пространствахъ и только изрѣдка удостоивалъ спускаться на землю.

— О, какъ я счастливъ! какъ я счастливъ! говорилъ онъ Наташѣ, когда они разъ вечеромъ сидѣли вдвоемъ на ступенькахъ террасы передъ домомъ: — если бы вы могли знать, какъ я счастливъ! А вѣдь была минута, когда я, безумецъ, хотѣлъ бѣжать отсюда, бѣжать отъ васъ.... Это была страшная минута!

— За чѣмъ? перебила Наташа съ удивленіемъ.

— Я сомнѣвался во всѣхъ и во всемъ, — я сомнѣвался въ самомъ себѣ, я сомнѣвался въ васъ. Я думалъ, что вы не любите меня.

— Неужели вы думали это? спросила Наташа: — я могла думать, я.... но это совсѣмъ другое. И до сихъ поръ.... О, скажите, скажите мнѣ, Бога ради, за что вы меня любите?... Я и до сихъ поръ не понимаю этого!

— Вы еще не знаете самое себя, воскликнулъ Григорій Алексѣичъ, съ восторгомъ смотря на нее: — вы еще не можете, вы не умѣете цѣнить себя.... но вы дали смыслъ и содержаніе моей жизни. Вашъ взглядъ, ваше слово, одно присутствіе ваше разливаетъ какое-то святое, упокоительное чувство въ груди моей. Вы еще не знаете, на сколько вы выше этихъ людей среди которыхъ вы родились и жили. Можете ли вы сочувствовать ихъ интересамъ. Можете ли вы раздѣлять ихъ понятія? Посмотрите хорошенько вокругъ себя, на самыхъ близкихъ родныхъ своихъ, на ихъ образъ жизни, на ихъ дикіе, нелѣпые предразсудки. Есть ли у васъ что нибудь общее съ ними? Вы, вѣрно, оставите ихъ безъ сожалѣнія? не правда ли?

— Если мнѣ придется когда нибудь оставить ихъ, отвѣчала она: — я, конечно, не буду жалѣть никого, кромѣ маменьки....

Григорій Алексѣичъ нахмурился.

— Я понимаю, сказалъ онъ: — что вы привязаны къ ней по привычкѣ; но послушайте, я долженъ прямо сказать вамъ все, я долженъ быть откровененъ съ вами; вы не можете любить ее искренно, и если вы думаете, что ее любите, — вы обманываете самое себя.

— Бога ради, не говорите этого, сказала Наташа. — Я знаю, что у нея такіе же странныя понятія обо всемъ, какъ и у всѣхъ,

Digitized by Google

кого я не видѣла здѣсь, но у нея доброе сердце и она очень любитъ меня.

— Да, до той минуты, покуда вы молчаливо и безусловно будете во всемъ покоряться ея требованіямъ, но если вы хоть разъ вздумаете обнаружить передъ ней собственную волю, которая будетъ противорѣчить ея воли, тогда только эта любящая мать съ добрымъ сердцемъ явится передъ вами въ настоящемъ свѣтѣ.... Повѣрьте, она безъ всякой жалости подавитъ васъ своею материнскою властію, она не позволитъ вамъ дохнуть свободно, прикинется еще въ добавокъ притѣсненною, будетъ стонать, охать и всѣмъ жаловаться на васъ. И никто не приметъ вашу сторону, никто, всѣ будутъ за нее.... Между ею и вами не можетъ существовать никакой откровенности, никакой симпатіи. Вы должны, напротивъ, скрываться отъ нея, казаться передъ ней не тѣмъ, чѣмъ вы есть, приносить ей ежеминутныя жертвы, и для собственнаго спокойствія поступать по ея желанію противъ своихъ убѣжденій, противъ своей совѣсти....

— О, нѣтъ, прервала Наташа:—нѣтъ, ни за что на свѣтѣ; теперь я чувствую, что никто не въ состояніи заставить меня сдѣлать что нибудь противъ моихъ убѣжденій.

Наташа произнесла это очень просто, но съ полною увѣренностію въ самой себѣ.

О, какая въ ней сила, какая энергія! подумалъ онъ.

— Но знаете ли вы, продолжалъ онъ: — можетъ быть, минута испытанія уже близка для васъ. Я бѣденъ, я почти ничего не имѣю, ваша матушка не подозрѣваетъ этого, она вѣрно думаетъ, что у меня есть какое нибудь состояніе, и только потому такъ благосклонно обращается со мною, — но я, я долженъ буду открыть ей все, вывести ее изъ заблужденія, и тогда....

— Нѣтъ, вы слишкомъ дурно думаете объ ней. Мнѣ это горько и больно. Вы не знаете ее. Нѣтъ, она не захочетъ препятствовать моему счастію. Я скажу ей, что я люблю васъ, что я никого никогда не буду любить кромѣ васъ.

— Вы слишкомъ чисты, слишкомъ святы душою, вы слишкомъ неопытны; но если.... если мои подозрѣнія оправдаются — тогда что?

— Тогда.... Наташа задумалась.... Григорій Алексѣичъ впился въ нее своими взорами.... — А! она колеблется, мрачно подумалъ онъ.

Digitized by Google

— Тогда, сказала Наташа голосомъ спокойнымъ и твердымъ тогда у меня не останется никого кромѣ васъ.

— Великая, чудная женщина! подумалъ Григорій Алексѣичъ, бросаясь передъ нею на колѣни и жарко цалуя ея руки въ безумномъ упоеніи.

— Бога ради, что вы дѣлаете? произнесла Наташа, которая, не смотря на волненіе, сохранила присутствіе духа: — вы забыли, гдѣ мы; васъ могутъ увидѣть....

— Григорій Алексѣичъ поднялся медленно, отвелъ рукою длинные и густые свои волосы, которые упадали ему на лицо, взглянулъ на Наташу млѣющими глазами и прошепталъ:

— Да, я совсѣмъ забылъ.... простите меня, я не помню, что дѣлаю; я такъ счастливъ!

Онъ снова сѣлъ возлѣ нея и нѣсколько минутъ жадно вдыхалъ въ себя вечерній воздухъ.

— Мы не останемся здѣсь, продолжалъ онъ, успокоиваясь, разнѣживаясь и какъ будто мечтая вслухъ: — мы уѣдемъ отсюда, мы поселимся въ Петербургѣ, устроимъ маленькое хозяйство, будемъ допускать къ себѣ только немногихъ избранныхъ друзей. Я буду трудиться, и какъ легокъ и пріятенъ мнѣ будетъ всякій трудъ! Мысль, что я тружусь не для себя только, а для существа родного, близкаго мнѣ, для существа, съ которымъ я связанъ глубокой симпатіею, — эта мысль будетъ одушевлять и вдохновлять меня.... До сей минуты дѣятельность моя была въ усыпленіи, потому-что я не имѣлъ цѣли въ жизни, потому-что кругомъ меня было все безпривѣтно и пусто. До сихъ поръ я бродилъ во мракѣ и ощупью, я воображалъ себя мудрецомъ, а между тѣмъ, былъ глупъ, какъ ребенокъ. Только теперь я начинаю понимать и видѣть все ясно, только теперь я чувствую въ себѣ настоящую силу и желаніе дѣятельности. Человѣкъ никогда не любившій, хотя бы прожилъ сто лѣтъ, не имѣетъ права сказать, что онъ жилъ!

Григорій Алексѣичъ говорилъ долго, Наташа слушала его съ энтузіазмомъ, и въ воображеніи ея уже развертывалось это прекрасное будущее. Для Наташи каждое его слово дышало святой, непреложной истиной. Она смотрѣла на него съ полною, младенческою вѣрой. И кто бы, смотря тогда на Григорья Алексѣича, могъ усомниться въ немъ? Лицо и глаза его горѣли,

Digitized by Google

въ словахъ его было столько теплоты и искренности, въ звукахъ голоса столько страсти и увлеченія!... И онъ, въ самомъ дѣлѣ, говорилъ отъ души, и въ ту минуту, когда говорилъ, всегда былъ твердо убѣжденъ въ истинѣ словъ своихъ.

Часто они сидѣли вдвоемъ молча. Они не могли говорить, вѣроятно отъ внутренней полноты, но любовь ихъ выражалась во взглядахъ, въ пожатіи рукъ, въ страстныхъ внезапныхъ восклицаніяхъ и.... но мало ли въ чемъ и какъ выражается любовь? Мнѣ трудно припомнить всѣ ея признаки, потому-что.... увы! много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я любилъ, мой добрый читатель!

Часто вмѣстѣ они любовались сельскими картинами и природой: бирюзовымъ лугомъ, усѣяннымъ незабудками; одинокимъ деревомъ, красиво разросшимся среди поля; жнивой, уставленной скирдами; пестрымъ стадомъ, которое спускалось съ горы на водопой; отдаленными огнями, которые послѣ вечернихъ сумерекъ загорались на лугахъ, во время уборки сѣна,—луной, солнцемъ, звѣздами.... Они вмѣстѣ собирали полевые цвѣты и составляли изъ нихъ букеты; они катались по вечерамъ въ лодкѣ, впрочемъ, вмѣстѣ съ Петрушей, который въ такихъ случаяхъ управлялъ обыкновенно рулемъ и, смотря на нихъ, думалъ:

— О! когда же мнѣ будетъ суждено испытать любовь? Когда настанетъ для меня эта священная минута?...

Но Григорій Алексѣичъ не могъ долго оставаться въ такомъ безмятежномъ и блаженномъ состояніи духа. Одно обстоятельство, совершенно, впрочемъ, ничтожное, вдругъ нарушило внутреннюю его гармонію.

Онъ лежалъ послѣ обѣда на диванѣ въ своей комнатѣ и мечталъ, вѣроятно, о высокомъ блаженствѣ любить и быть любимымъ. Мечты его, сначала очень ясныя, мало по малу начинали спутываться и принимать неопредѣленные и туманные образы, глаза его закрывались, и онъ готовъ уже былъ совсѣмъ заснуть, какъ вдругъ кто-то сильно и выразительно крякнулъ надъ самою его головою.

Григорій Алексѣичъ открылъ глаза и съ досадою обернулся назадъ.

На порогѣ двери стоялъ Петровичъ съ свойственнымъ ему глубокомысленнымъ видомъ.

Digitized by Google

— Что тебѣ надо? спросилъ Григорій Алексѣичъ.

— Да, признаться, надо-то мнѣ Сергѣя Александрыча, отвѣчалъ Петровичъ, заглядывая въ комнату.

— Его нѣтъ здѣсь.

— То-то нѣтъ, я и вижу, что ихъ нѣтъ здѣсь. Да гдѣ жь бы они это могли быть? Развѣ этакъ гдѣ нибудь скрываются въ уединеніи.... Стало быть, они, сударь, и не были здѣсь?

— Нѣтъ.

— Гм! Надо пойти отыскивать ихъ. Барыня ихъ спрашиваетъ зачѣмъ-то....

— Поди отыскивай.... Мнѣ-то что за дѣло.

Но Петровичъ не двигался съ мѣста.

— Ну, что́ жь ты стоишь?

— Эхъ, батюшка, Григорій Алексѣичъ, проговорилъ Петровичъ, вздыхая:—то ись, какъ я васъ люблю.... вѣрите ли Богу, то ись.... Ну, этакого барина, можно сказать, на рѣдкость, просто. Я много произошелъ въ своей жизни и много господъ видалъ на своемъ вѣку.... Вотъ и Василій Васильичъ Бочкаревскій, знаете его, ужь на что баринъ,—да нѣтъ, куда, далеко! Все не то. Этакая счастливица наша барышня, въ сорочкѣ, видно, родилась, ей-богу!

— Это что значитъ? сказалъ Григорій Алексѣичъ, вскакивая съ дивана.

Петровичъ немного смутился.

— Вы простите меня, Григорій Алексѣичъ, то ись, можетъ статься, я и глупое слово сказалъ, оно, можетъ, вамъ и непріятно, что я примѣшалъ тутъ ваши сердечныя чувствія, касательно барышни, но вѣдь шила въ мѣшкѣ не утаишь, ей-богу, Григорій Алексѣичъ! Мы, то ись всѣ, не иначе понимаемъ васъ, какъ женихомъ Натальи Николавны и какъ радуемся этому! Ежеминутно, такъ сказать, Бога благодаримъ.... И какая барышня-то, сударь, драгоцѣнное сокровище, ангельская душа.... то ись всѣмъ взяла:

И прелестью, и красотою,
И ангельской душою!...

Григорій Алексѣичъ кусалъ губы отъ бѣшенства.

Digitized by Google

— И сама барышня, продолжалъ Петровичъ: — ономнясь приходитъ въ дѣвичью.... и я тутъ случился, знаете.... и говоритъ: ну, дѣвушки, говоритъ, будетъ вамъ работа.... приданое, говоритъ, мнѣ шить....

— Она сказала это? вскрикнулъ Григорій Алексѣичъ, блѣднѣя и дрожа всѣмъ тѣломъ. — Ты лжешь!...

— Чего же вы, батюшка, гнѣваетесь-то? Убей меня Богъ. Вотъ тутъ и Палагея была, и Аннушка, и Матрена, все живые, кажется, люди. Спросите у нихъ, коли мнѣ не вѣрите. Ужь я не возьму, то нсь, на себя этакого преступленія, чтобы солгать. Оборони Господи!

Петровичъ продолжалъ еще клясться и божиться, но Григорій Алексѣичъ не слыхалъ уже ничего и не видалъ, какъ Петровичъ, изумленный и испуганный его гнѣвомъ, на цыпочкахъ убрался изъ комнаты.

У Григорья Алексѣича помутилось въ глазахъ; онъ въ отчаяньи бросился на диванъ, потомъ вскочилъ и началъ бѣгать изъ угла въ уголъ, бормоча сквозь зубы несвязныя и отрывистыя фразы:

— Прекрасно!... приданое.... дѣвкамъ повѣрять свои тайны.... это совершенно въ духѣ деревенской барышни.... Какъ это мило!

И Наташа, которая, по словамъ его, разливала въ груди его святое, успокоительное чувство, — эта Наташа, передъ которой онъ повергался съ благоговѣніемъ въ своей фантазіи, въ минуту потеряла для него все высокое значеніе и превратилась въ пустую, ничтожную дѣвочку.

— И я допустилъ себя такъ глупо увлечься ею! думалъ онъ: — и я могъ вообразить, что она совершенно оторвалась отъ грязной и гадкой дѣйствительности, въ которой родилась и выросла! Это сумазбродство, нелѣпость! Сергѣй Александрычъ правъ: онъ ничѣмъ не увлекается, онъ смотритъ на вещи просто, положительно, и потому у него взглядъ бываетъ часто яснѣе и вѣрнѣе моего. И можетъ ли она любить, можетъ ли понимать любовь въ ея святомъ, въ ея высокомъ значеніи, когда она ужь теперь начинаетъ хлопотать о приданомъ и разсуждаетъ объ этомъ со своими дѣвками? Ей, просто, хочется выдти замужъ, жениховъ нѣтъ, а я тутъ кстати подвернулся, — она и разплылась передо мною и начала сантиментальничать....

Digitized by Google

Григорій Алексѣичъ цѣлый вечеръ дулся, не говорилъ съ Наташей ни слова и едва отвѣчалъ на ея вопросы. Ночь провелъ онъ безпокойно, проснулся ранѣе обыкновеннаго и одѣлся наскоро, чтобы идти гулять. Онъ боялся встрѣтить кого нибудь, особенно Сергѣя Александрыча, потому-что чувствовалъ потребность быть одинъ, потому-что не хотѣлъ, чтобы кто нибудь замѣтилъ его страданія. Григорій Алексѣичъ вышелъ на крыльцо. Утро было теплое, небо было подернуто тонкими и блѣдными облаками. Роса крупными матовыми каплями лежала на листкахъ бузинныхъ кустовъ, разросшихся на дворѣ у самаго дома, лугъ передъ домомъ только что былъ скошенъ и воздухъ напитанъ запахомъ травы.... На крыльцѣ, прислонясь къ колоннѣ, стояла Наташа; глаза ея были красны и вѣки распухли.

Наташа не спала всю ночь.

Григорій Алексѣичъ увидѣлъ ее и хотѣлъ вернуться назадъ, но уже было поздно. Наташа обернулась къ нему, Григорій Алексѣичъ сухо поклонился ей, остановился въ раздумьи и не зналъ, что ему дѣлать. Встрѣча была съ обѣихъ сторонъ неожиданна. Ни Григорій Алексѣичъ, ни Наташа нѣсколько минутъ не знали, что сказать другъ другу.

— Какое прекрасное утро, произнесла наконецъ Наташа въ замѣшательствѣ.

— Да, отвѣчалъ Григорій Алексѣичъ разсѣянно и не глядя на нее: — славное утро....

— Отъ-чего вы такъ рано сегодня встали? спросила она: — вы никогда не вставали такъ рано?

Григорій Алексѣичъ не отвѣчалъ ни слова.

Наташа повторила свой вопросъ.

— И вы, кажется, встали сегодня раньше обыкновеннаго? сказалъ онъ. — Я, признаюсь, не ожидалъ васъ встрѣтить здѣсь.... Вы, вѣрно, чѣмъ нибудь озабочены, какими нибудь хлопотами по хозяйству?... Это дѣлаетъ вамъ честь. Заниматься хозяйствомъ очень полезно, надзирать за тѣмъ, чтобы все въ домѣ было въ порядкѣ, чтобы, напримѣръ, дѣвки не засыпались, а вставали во время.... Это гораздо полезнѣе, чѣмъ читать Руссо или Жоржъ-Сандъ....

— Боже мой, что это значитъ? вскрикнула Наташа почти сквозь слезы. — Объясните мнѣ, что это значитъ? Вы такъ

Digitized by Google

измѣнились со вчерашняго дня. Я не понимаю васъ. Вы сдѣлались такъ странны....

— Такъ я кажусь вамъ страннымъ? Право?... возразилъ Григорій Алексѣичъ съ ядовитою улыбкою.

Но въ эту минуту онъ взглянулъ на Наташу. Ея разстроенный видъ, ея распухшіе отъ слезъ глаза, ея блѣдность,—все это вдругъ и страшно поразило его.

— И я повѣрилъ словамъ подлаго и глупаго лакея. Я могъ повѣрить ему! Но если бы это была и правда, какое же я имѣю право оскорблять ее?... Нѣтъ, онъ солгалъ, онъ солгалъ нелѣпо и нагло!

Мысли эти молніей мелькнули въ головѣ Григорья Алексѣича.

— Простите меня, сказалъ онъ вдругъ измѣнившимся голосомъ и смотря на на нее умоляющими глазами: — не слушайте меня, я самъ не знаю, что говорю; я болѣнъ. Простите меня, простите меня! И онъ, въ отчаяніи, судорожно ломалъ свои руки, какъ нервическая женщина.

— Наташа въ минуту забыла все. Она повѣрила отъ чистаго сердца, что Григорій Алексѣичъ болѣнъ и бросилась къ нему съ безпокойствомъ и заботливостію.

— Вы не здоровы? что съ вами? спросила она, схвативъ его за руку.

Этого было довольно. Григорій Алексѣичъ совершенно успокоился на эту минуту. Ему показалось, что въ этомъ невольномъ ея движеніи выразилась вся сила, вся безпредѣльность ея любви къ нему.

Весь этотъ и слѣдующій день онъ былъ необыкновенно покоенъ и веселъ. Можетъ быть, спокойствіе это продолжалось бы и долѣе, если бы не Петруша. Петруша давно искалъ удобнаго случая сблизиться съ Григорьемъ Алексѣичемъ и серьёзно поговорить съ нимъ о Наташѣ, о самомъ себѣ и о человѣчествѣ, которое такъ сильно его тревожило. И когда случай этотъ, по мнѣнію Петруши, представился, — онъ точно также, какъ и Сергѣю Александрычу, только еще съ большими поэтическими прикрасами, передалъ Григорью Алексѣичу весь разговоръ свой съ сестрою.

— Такъ она *вамъ* призналась, что она любитъ меня? *вамъ?* возразилъ Григорій Алексѣичъ, выслушавъ его и злобно измѣряя его съ ногъ до головы.

Digitized by Google

— Да, отвѣчалъ Петруша гордо и торжественно: — между ею и мною существуетъ глубокое неотразимое сочувствіе; вы понимаете, что насъ соединяютъ не узы крови, а узы духа!...

— Въ самомъ дѣлѣ? Поздравляю съ этимъ васъ обоихъ.

Григорій Алексѣичъ улыбнулся презрительно.

— Впрочемъ, продолжалъ Петруша, въ жару не замѣчая ни этой улыбки, ни ироніи Григорья Алексѣича: — впрочемъ, и безъ признанія Наташи я зналъ и видѣлъ все.... ваша и ея тайна была давно угадана мною. Я понялъ васъ съ первой минуты вашего пріѣзда сюда. На меня вы можете положиться.

Григорій Алексѣичъ принужденно захохоталъ.

— Благодарю васъ; повѣрьте, мнѣ очень лестно быть понятту *вами*, — только я не совѣтую вамъ слишкомъ полагаться на вашу проницательность. Она легко можетъ обмануть васъ, *молодой человѣкъ!*

Петруша поблѣднѣлъ. Онъ никакъ не ожидалъ такой развязки. Самолюбіе его было уязвлено въ высшей степени.

— Хорошо же, подумалъ онъ, удаляясь въ смущеніи отъ Григорья Алексѣича:—ты отвергаешь меня,—и ты обращаешься со мной, какъ съ мальчикомъ! я полагалъ, что ты можешь симпатизировать съ молодымъ поколѣніемъ, что въ груди твоей не потухла еще божественная искра, а теперь ты обнажилъ передо мной всю пошлость и черствость своей натуры; хорошо же, теперь я знаю, какъ мнѣ дѣйствовать....

Григорій Алексѣичъ проводилъ Петрушу глазами и ударилъ себя въ лобъ.

— Я глупецъ, совершенный глупецъ! подумалъ онъ. — Неужели я цѣлый вѣкъ буду жить однѣми нелѣпыми фантазіями? Вотъ они, слѣдствія этого прекраснаго воспитанія, которое далъ мнѣ мой благодѣтель!... Вотъ они! Пусть бы онъ посмотрѣлъ теперь, полюбовался на мои страданія. Послѣ всего, что мнѣ наговорилъ этотъ мальчишка, послѣ всего этого можно ли, наконецъ, сомнѣваться въ томъ, что такое эта Наташа?... Сантиментальная дѣвчонка, болтунья, сплетница, — немудрено, что она разсуждаетъ съ дѣвками о приданомъ! Пора мнѣ отрезвиться отъ этой любви, выкинуть этотъ вздоръ изъ головы.... Это все еще во мнѣ пошлые остатки романтизма!

А черезъ нѣсколько часовъ онъ снова внутренно примирился съ Наташею, снова былъ увѣренъ въ томъ, что любитъ ее и

Digitized by Google

что она вполнѣ достойна его любви, и проклиналъ себя за легковѣріе и слабость характера.

Съ каждымъ днемъ онъ болѣе и болѣе впадалъ въ разладъ съ самимъ собою и безпрестанно измѣнялъ свое обращеніе съ бѣдною Наташею. Иногда казалось ему, что Сергѣй Александрычъ смѣется надъ его любовію и смотритъ на него съ сожалѣніемъ, иногда онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что ему разставили сѣти, что его ловятъ, что Сергѣй Александрычъ вмѣстѣ со всѣми своими родственниками въ заговорѣ противъ него и что его хотятъ заставить жениться на Наташѣ.

Наташа рѣшительно не понимала, что дѣлается съ Григорьемъ Алексѣичемъ. Все въ немъ послѣднее время было для нея необъяснимой загадкой. Безпокойство ея возрастало съ каждымъ днемъ. Первое упоеніе любви промелькнуло слишкомъ быстро. Она уже начинала тайкомъ отъ всѣхъ задумываться и плакать, но обстоятельство—и обстоятельство, никѣмъ не предвидѣнное, вдругъ вывело героиню мою изъ этого страннаго положенія и рѣшило участь ея.

ГЛАВА X.

Къ числу почетнѣйшихъ помѣщиковъ той губерніи, въ которой находится село Сергіевское, принадлежитъ Захаръ Михайлычъ Хрулёвъ. Права его на почетъ безспорны. Вопервыхъ, онъ имѣетъ генеральскій чинъ, а во вторыхъ, 605 незаложенныхъ душъ. Окончивъ съ честію свое воинское поприще, украсивъ грудь свою достаточнымъ количествомъ орденовъ и получивъ генеральскій чинъ при отставкѣ, Захаръ Михайлычъ поселился въ своей деревнѣ. Въ эпоху, описываемую мною, ему было 56 лѣтъ. Онъ средняго росту, волосы на головѣ у него темнорусые съ просѣдью, глаза небольшіе свѣтлокаріе, лицо круглое, носъ широкій и сплюснутый, губы толстыя, особыхъ примѣтъ никакихъ. Захаръ Михайлычъ человѣкъ прямой, положительный, дѣятельный, и никогда не заискивавшій ни чьего покровительства. Для Захара Михайлыча все въ жизни ясно и просто, какъ дважды-два четыре. Онъ не чувствуетъ ни малѣйшей наклонности къ романтизму и даже не

Digitized by Google

подозрѣваетъ о существованіи этого слова. До 56 лѣтъ Захаръ Михайлычъ прожилъ холостякомъ, и не потому, чтобы онъ былъ ненавистникомъ прекраснаго пола, совсѣмъ нѣтъ.

— Я всегда любилъ и люблю посмотрѣть въ свободныя минуты на смазливенькое личико, говаривалъ онъ: — и признаться, разъ какъ-то за меня сватали одну прехорошенькую дѣвчоночку, и съ состояніемъ и съ фамиліей, да некогда было заниматься этимъ. Эти амуры, — бѣдовое дѣло, жениху надо вздыхать да ахать, да сидѣть съ невѣстой и смотрѣть ей въ глаза.... Вѣдь ужь безъ этого нельзя, а это не въ моемъ характерѣ, да и настоящему служакѣ нѣкогда заниматься этимъ.... Ужь коли взялся за гужъ, такъ не говори что не дюжъ, тяни лямку, покуда выроютъ ямку!

Сельцо Красное, въ которомъ Захаръ Михайлычъ имѣетъ и по нынѣ свою резиденцію, отличается необыкновеннымъ порядкомъ и устройствомъ. При въѣздѣ въ деревню, у околицы, вмѣсто обыкновеннаго, полусгнившаго и почернѣвшаго сруба, крытаго соломой, провалившейся внутрь, — каменная караульня, крытая желѣзомъ. По обѣимъ сторонамъ, вдоль прямой и широкой улицы, вытягиваются въ струнку крестьянскія избы, выстроенныя по одному плану. Въ серединѣ господская усадьба: одноэтажный каменный выбѣленный домъ, нѣсколько похожій на казарму, и съ обѣихъ сторонъ въ видѣ полукруга флигеля, также выбѣленные, а на площадкѣ передъ домомъ небольшая каменная часовенька, около которой симметрически посажено нѣсколько липокъ, подпертыхъ палками. На каждомъ флигелѣ надписи: *больница, контора, ткацкія* и проч. Площадка всегда начисто подметена и усыпана желтымъ пескомъ — словомъ, сельцо Красное гораздо болѣе походитъ на военное поселеніе, чѣмъ на деревню.

Всѣ крестьяне Захара Михайлыча, какъ говорится, ходятъ по струнке. Онъ самъ постоянно наблюдаетъ за всѣми работами и ежедневно прохаживается по своимъ владѣніямъ съ толстою сучковатою палкою въ рукѣ, которая, какъ и самъ онъ, не остается въ бездѣйствіи. Палка эта лучше и убѣдительнѣе всякаго краснорѣчиваго слова дѣйствуетъ на красносельскихъ обитателей. Они очень боятся ее и барина, и питаютъ большое уваженіе къ ней и къ нему.

Digitized by Google

— Неча сказать, Васька, палка-то у него здоровенная, разсуждаютъ они иногда, пожимаясь и покрякивая: — ужь кого хватитъ, такъ я-те скажу, ажно искры изъ глазъ посыплются, вотъ-те Христосъ. — Ну, на то и баринъ есть. — А что, Мирошка, напрасно баить грѣхъ, онъ незамаетъ даромъ, онъ знатъ, за что ударить. — Вѣстимо такъ. — Не лѣнись только, а за нимъ намъ жить, слава-те Господи, баринъ добрый.

Захаръ Михайлычъ строгъ, палка его крѣпка и сучковата, но это не мѣшаетъ Красносельцамъ любить его и называть добрымъ бариномъ.

И у Захара Михайлыча точно доброе сердце. Когда дѣло спорится и крестьяне его работаютъ охотно, дружно, онъ съ любовію смотритъ на нихъ, опираясь на свою палку и маленькіе глазки его прыгаютъ отъ удовольствія.

— Ай да ребята! покрикиваетъ онъ: — молодцы.... Захаръ Михайлычъ часто употребляетъ поговорку, безъ которой коренной русскій человѣкъ обойтись никакъ не можетъ. Поговорка эта имѣетъ необыкновенное свойство одушевлять и поощрять крестьянъ къ труду. Работа, ободряемая барскимъ словомъ, закипаетъ еще дружнѣе и веселѣе, и самъ Захаръ Михайлычъ иногда, расходившись, сбрасываетъ съ себя сертукъ и начинаетъ подмогать своимъ подданнымъ, да такъ, что потъ дождемъ каплетъ съ его барскаго чела.... Дворня въ сельцѣ Красномъ многочисленна, какъ и во всѣхъ нашихъ деревняхъ, но за то у Захара Михайлыча и изъ дворовыхъ никто не сидитъ безъ дѣла. Тунеядцамъ нѣтъ мѣста въ сельцѣ его. Онъ не гнушается надсматривать и за дѣтьми и за бабами, чтобы и они не проводили время въ праздности. Онъ никогда не выходитъ изъ дома безъ цѣли, и рѣшительно не понимаетъ, что такое прогулка для собственнаго удовольствія. Красоты природы не существуютъ для него, онъ даже питаетъ, просто, ненависть къ живописнымъ мѣстоположеніямъ.

— Эти горки да пригорки, говоритъ онъ: — чортъ ли въ нихъ! они, можетъ быть, хороши тамъ, въ какихъ нибудь стишкахъ, а въ хозяйствѣ никуда не годятся.

До литературы Захаръ Михайлычъ неохотникъ, онъ читаетъ мало, и то развѣ, когда бываетъ болѣнъ (что случается съ нимъ очень рѣдко) и ему все равно, что ни читать: онъ не находитъ почти никакого различія между произведеніями, пользующими-

Digitized by Google

ся въ литературѣ почетною извѣстностію, и какими нибудь лубочными издѣліями книжной промышленности.

— По совѣсти говоря, все это вздоръ, разсуждаетъ онъ: — только вотъ такъ, изъ пустого въ порожнее переливаютъ, чтобы съ дураковъ деньги обирать.

Въ обращеніи своемъ онъ рѣзко отличается отъ другихъ необыкновенною простотою. Онъ охотно протягиваетъ руку всѣмъ и равнымъ себѣ и низшимъ и со всѣми говоритъ одинаковымъ голосомъ и тономъ, не смотря на свое генеральство. Это, впрочемъ, не нравится никому.

— Что это, помилуйте! толкуетъ объ немъ почти вся губернія въ одинъ голосъ: — онъ не имѣетъ никакого обращенія въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго достоинства; онъ совершенно не умѣетъ вести себя соотвѣтственно своему званію, онъ со всякою дрянью за панибрата, и, глядя на него, никто рѣшительно не скажетъ, чтобы онъ былъ генералъ. Ничего генеральскаго, ничего! не умѣетъ внушить къ себѣ никакого страха, никакого уваженія. И ужь за то при немъ никто и не женируется. Это не то, что, напримѣръ.... и проч.

Но не смотря на всѣ эти странности Захара Михайлыча, не смотря на то, что онъ не имѣетъ завидной способности «женировать» своимъ присутствіемъ и смотрѣть съ высоты генеральскаго величія, кто что ни говори, онъ все таки одинъ изъ первыхъ людей въ губерніи. Мужской полъ вообще его не слишкомъ жалуетъ, потому-что онъ любитъ рѣзать правду въ глаза, не соблюдая никакихъ приличій и болѣе всѣхъ кричитъ и горячится на выборахъ, но за то прекрасный полъ (и преимущественно маменьки) чрезвычайно расположены къ нему....

Захаръ Михайлычъ, какъ близкій сосѣдъ, часто посѣщалъ село Сергіевское. Онъ былъ очень доволенъ пріѣздомъ Сергѣя Александрыча, потому-что въ свободное отъ хозяйственныхъ занятій время любилъ поболтать съ хорошимъ человѣкомъ о суетѣ мірской. Захаръ Михайлычъ, вообще, сходился съ людьми скóро, потому-что не углублялся въ разборъ ихъ внутреннихъ качествъ. Люди въ понятіи его раздѣлялись на добрыхъ и злыхъ, на честныхъ и безчестныхъ; другихъ раздѣленій онъ не признавалъ и не слишкомъ уважалъ умъ и образованность.

— Доброе сердце, по моему, говорилъ онъ: — лучше всего. Чортъ ли въ этомъ умѣ, коли правду-то сказать. Съ этими

Digitized by Google

умниками такая тоска, что не приведи Господи! иной разъ такую гиль занесутъ, что уши вянутъ. Хоть тресни, ничего не поймешь! — Извини, батюшка, Сергѣй Александрычъ, это вѣдь я не на твой счетъ говорю, прибавлялъ онъ съ улыбкой:— хоть и ты, признаться сказать, частенько завираешься, а ужь особенно вотъ этотъ молодчикъ! (При этомъ онъ дружески трепалъ по плечу Григорья Алексѣича.)

Фамильярное обращеніе Захара Михайлыча сначала не совсѣмъ нравилось Сергѣю Александрычу, но потомъ онъ примирился съ этимъ по необходимости.

— Что дѣлать съ этимъ чудакомъ? думалъ онъ, нѣсколько смягчая себя мыслію, что Захаръ Михайлычъ принадлежалъ къ губернской аристократіи.

Но Григорій Алексѣичъ просто не терпѣлъ добраго Захара Михайлыча.

— Несноснѣе этого человѣка я ничего вообразить не могу, говорилъ онъ Сергѣю Александрычу: — я рѣшительно не пустилъ бы его на порогъ дома: болтаетъ безъ умолку, надоѣдаетъ глупыми вопросами, пошлая, самодовольная рожа....

— Ты ужь черезъ чуръ нетерпимъ, любезный другъ, возражалъ ему обыкновенно Сергѣй Александрычъ: — онъ, право, очень порядочный и добрый человѣкъ.

— Да что въ этихъ добрыхъ и порядочныхъ людяхъ? Я не терпимъ, да я не терпимъ, повторялъ Григорій Алексѣичъ съ сердцемъ:—это правда, и горжусь этою нетерпимостью.... И какой поводъ далъ я этому человѣку обращаться со мной такъ, какъ онъ обращается? Я, наконецъ, выйду изъ терпѣнія и надѣлаю ему грубостей.

Но не смотря на то, что Захаръ Михайлычъ продолжалъ обращаться съ Григорьемъ Алексѣичемъ по прежнему запросто и фамильярно, Григорій Алексѣичъ, хотя и поморщивался, но не выходилъ изъ терпѣнія и не говорилъ ему грубостей.

Между тѣмъ, день за днемъ уходилъ быстро, наступила осень. Поправка дома Олимпіады Игнатьевны пришла къ окончанію. Начались приготовленія къ переѣзду. Наташѣ тяжело было оставлять Сергіевское. Наканунѣ переѣзда, она въ послѣдній разъ обошла весь садъ, прощаясь съ нимъ. Дорожки были устланы желтыми листьями, георгины, которыми она любовалась за три дня передъ этимъ, поблекли и почернѣ-

Digitized by Google

ли отъ мороза, стая воронъ и галокъ съ карканьемъ поднималась съ полуобнаженныхъ вѣтвей лѣса и черною лентою протягивались по сѣрому небу. Наташѣ было нестерпимо грустно, и она долго сидѣла и плакала, сама не зная о чемъ, на своей любимой скамейкѣ, тамъ, гдѣ Григорій Алексѣичъ въ первый разъ признался ей въ любви.

Сергѣй Александрычъ, располагавшій возвратиться осенью въ Петербургъ, долженъ былъ остаться въ своей деревнѣ на неопредѣленное время. Въ нетерпѣливомъ ожиданіи будущихъ доходовъ и возвышенія цѣны на хлѣбъ, онъ отъ нечего дѣлать занимался охотой и металъ банкъ двумъ сосѣдямъ-помѣщикамъ, которые почти поселились у него. Григорій Алексѣичъ ѣздилъ въ село Брюхатово довольно часто, но съ каждымъ разомъ возвращался оттуда все болѣе и болѣе въ мрачномъ расположеніи духа. Онъ уже не могъ говорить съ Наташей наединѣ, такъ свободно, какъ въ Сергіевскомъ. Наташа по прежнему должна была находиться неотлучно при маменькѣ.

— Что за глупую роль играю я, думалъ онъ: — это, просто, нестерпимо! Сидѣть съ Наташей въ одной комнатѣ по цѣлымъ часамъ и не имѣть возможности сказать ей ни одного слова и занимать разговорами эту несносную старушонку!... Да и у Наташи, какъ я вижу, нѣтъ рѣшительно никакой самостоятельности, никакого характера. Какъ позволить до такой степени стѣснять свою свободу и такъ унизительно подчиняться матери,—быть у ней на посылкахъ, въ родѣ горничной, вѣчно торчать передъ нею и смотрѣть ей въ глаза! И еще послѣ всего того, что она говорила мнѣ! Все это: — *слова! слова!* какъ говоритъ Гамлетъ....

Григорій Алексѣичъ сталъ рѣже прежняго ѣздить въ село Брюхатово. Олимпіада Игнатьевна обращалась съ нимъ уже несравненно холоднѣе и начинала находить въ немъ большіе недостатки. Все это произошло, между прочимъ, отъ-того, что Петруша, оскорбленный Григорьемъ Алексѣичемъ, отзывался о немъ съ весьма невыгодной стороны. Петруша даже наушничалъ маменькѣ на сестру. Онъ понималъ, что играетъ роль не совсѣмъ благородную, но находилъ для себя тысячу оправданій.

— Я долженъ спасти Наташу, говорилъ онъ самому себѣ:—и я спасу ее во что бы то ни стало! я употреблю для этого всѣ средства. А къ хорошей цѣли можно смѣло идти путями окольны-

Digitized by Google

ми и не совсѣмъ чистыми.... Я уже, слава Богу, вышелъ изъ періода *прекраснодушія*.... Я не витаю уже въ облакахъ. Мои ноги стоятъ твердо на землѣ. Наташа увлечена безумною страстію. Она стоитъ на краю бездны.... но я сзади ея, я сторожу ея движенія, я не допущу ее до погибели.... Нѣтъ! такіе фразёры, какъ этотъ Григорій Алексѣичъ, не проведутъ меня! Теперь я вижу его на сквозь. Я раздѣлаюсь съ нимъ, въ случаѣ нужды!

И при этомъ, Петруша грозно поводилъ глазами, играя кинжаломъ, который всегда лежалъ у него на письменномъ столѣ и употреблялся для разрѣзыванія книгъ.

Охлажденію Олимпіады Игнатьевны къ Григорью Алексѣичу невольно способствовалъ также и Захаръ Михайлычъ, который, послѣ переѣзда ихъ изъ Сергіевскаго, сталъ довольно часто посѣщать ихъ «убогую хижину», какъ она съ скромностію выражалась о своемъ домѣ. Въ головѣ Олимпіады Игнатьевны блеснула новая мысль — смѣлая и страшно соблазнительная, что, можетъ быть, Захаръ Михайлычъ ѣздитъ не даромъ, хотя онъ, правду сказать, не подавалъ ей ни малѣйшаго повода къ этой мысли. Захаръ Михайлычъ, повидимому, не обращалъ никакого вниманія на Наташу и почти ни слова не говорилъ съ ней. Онъ все разсуждалъ съ самой Олимпіадой Игнатьевной, и по большой части о дѣлахъ хозяйственныхъ, а иногда раскладывалъ вмѣстѣ съ нею гранъ-пасьянсъ; но предчувствія любящаго материнскаго сердца рѣдко бываютъ обманчивы. Однажды, за обѣдомъ, Захаръ Михайлычъ, выкушавъ рюмку вишневой наливки и посмаковавъ немного, обратился къ Олимпіадѣ Игнатьевнѣ.

— А что, матушка, Олимпіада Игнатьевна, сказалъ онъ ей: — эту наливочку ужь не молодая ли хозяюшка ваша состряпала?... Славная наливка! Право....

— Да, это все она! отвѣчала Олимпіада Игнатьевна со вздохомъ: — гдѣ ужь мнѣ, я ужь совсѣмъ не занимаюсь хозяйствомъ, я ужь все ей предоставила....

— Эту наливку, маменька, дѣлала совсѣмъ не я,— это Федора, сказала Наташа.

Олимпіада Игнатьевна бросила значительный взглядъ на дочь.

Digitized by Google

— Ну, что ты врешь. Какая тутъ Федора: Федора только помогала тебѣ.

Захаръ Михайлычъ посмотрѣлъ на Наташу съ пріятною улыбкою.

— Э! да какая вы скромница, какъ я посмотрю, замѣтилъ онъ, покачивая головою.

Наташа покраснѣла.

— Полноте, полноте, продолжалъ Захаръ Михайлычъ: — стыдиться тутъ нечего. Честь вамъ и слава,— больше ничего. Я могу вамъ сказать, что я рѣдко пивалъ такія наливки. Истинно такъ.

Послѣ обѣда Захаръ Михайлычъ, оставшись наединѣ съ Олимпіадой Игнатьевной, взялъ ее за руку.

— Знаете ли, вы о чемъ я хочу поговорить съ вами? сказалъ онъ ей тѣмъ же твердымъ и спокойнымъ голосомъ, какимъ за нѣсколько минутъ передъ этимъ говорилъ о наливкѣ.— Угадайте-ка.... Бьюсь объ закладъ, что не угадаете....

— О чемъ же это, батюшка? спросила Олимпіада Игнатьевна.

—Я,— вѣдь вы меня знаете,— человѣкъ военный, продолжалъ онъ:— и не люблю никакихъ предисловій, а рѣжу всегда на прямикъ.... Отдайте-ка за меня вашу дочку, Олимпіада Игнатьевна, право. Она мнѣ очень нравится: дѣвушка такая милая, такая скромная.... Захаръ Михайлычъ остановился.

Олимпіада Игнатьевна, пораженная этими словами, смотрѣла на Захара Михайлыча, какъ будто не вѣря ушамъ своимъ.

— Ну, что же вы на это мнѣ скажете?

— Боже мой! воскликнула Олимпіада Игнатьевна, зарыдавъ: — дайте мнѣ немножко прійти въ себя.... Ахъ, батюшка мой, Захаръ Михайлычъ.... Ахъ, Боже мой, Боже мой!... Я.... я никогда и думать не смѣла о такой чести. Мнѣ этого и во снѣ-то пригрѣзиться не могло. Да стоитъ ли того моя Наташа?...

— Эхъ, къ чему это говорить, Олимпіада Игнатьевна, возразилъ добрый Захаръ Михайлычъ, который не любилъ пустословья и слезныхъ сценъ. — Я вамъ скажу откровенно, у меня давно въ головѣ мысль: что же, въ самомъ дѣлѣ, для кого я тружусь, для кого все устроиваю, для кого наживаю деньги? Кто помянетъ меня за все это? Близкихъ родныхъ у меня нѣтъ, а дальняя родня.... Богъ съ ней! Я знаю, что они, какъ вороны

Digitized by Google

крови, ждутъ моей смерти; да къ тому же, что я за дуракъ, что оставлю имъ мое достояніе, которое, чтобы привести въ порядокъ, можетъ быть, стоило мнѣ, надо сказать правду, порядочныхъ усилій, а они же безъ того люди богатые. Да и коли ужь пошло на откровенность, такъ мнѣ, признаться, послѣднее время что-то скучновато стало жить одному. Ей-богу, такъ. Я человѣкъ простой, безъ затѣй, и Наташа ваша, кажется мнѣ, предобрая такая. Повѣрьте, она не будетъ со мною несчастлива.... Ну, хотите ли имѣть меня своимъ зятемъ? Скажите просто, отъ души.

— Повѣрьте мнѣ, батюшка, произнесла Олимпіада Игнатьевна, голосомъ, дрожавшимъ отъ волненія и воздѣвъ руки горѣ: — повѣрьте, что предложеніе ваше я почитаю не иначе, какъ неизрѣченнымъ Божескимъ милосердіемъ къ намъ. И чѣмъ мы заслужили его? Я не знаю.... я....

— Такъ, стало быть, вы согласны? перебилъ Захаръ Михайлычъ: — это-то я и хотѣлъ знать.... Ну, такъ, стало быть, по рукамъ, любезнѣйшая Олимпіада Игнатьевна, — такъ что ли?

Онъ протянулъ ей свою большую и жилистую руку, которую она пожала крѣпко и съ чувствомъ, и потомъ бросилась къ нему на шею обнимать и цаловать его.

Захаръ Михайлычъ посидѣлъ еще послѣ этого немного и потомъ собрался домой.

— У меня, правду сказать, есть кое-какія дѣлишки, сказалъ онъ, прощаясь съ Олимпіадой Игнатьевной: — счеты да разсчеты. Мнѣ нужно поспѣть домой за-свѣтло.

Онъ уже сдѣлалъ шагъ къ порогу и вдругъ произнесъ: «Ба, ба, ба!» и вернулся, какъ человѣкъ, забывшій перчатки, или шляпу, или что-нибудь подобное.

— Позвольте-ка, а согласится ли еще ваша Наташа-то быть моею женою? Вотъ вопросъ! это я и упустилъ совсѣмъ изъ виду. Вѣдь надо узнать ея согласіе, иначе-то нельзя.

— Можете ли вы сомнѣваться въ этомъ? вскрикнула Олимпіада Игнатьевна.

Захаръ Михайлычъ нѣсколько призадумался.

Ну, да вѣдь Богъ ихъ знаетъ! молодыя дѣвушки не больно жалуютъ нашу братью, стариковъ.

Digitized by Google

— Что это вы говорите такое? Ужь будто вы себя старикомъ почитаете? Какъ вамъ не грѣхъ!... Будьте покойны. Наташа моя дѣвушка благоразумная и, притомъ, покорная дочь.

— То-то, то-то!... Вы ужь, пожалуйста, переговорите съ ней обо всемъ, объясните ей все; я не берусь за это, я не мастеръ говорить, особенно съ дѣвушками.

Когда Захаръ Михайлычъ уѣхалъ, Олимпіада Игнатьевна отправилась къ себѣ въ спальню. Тамъ у постели ея стоялъ кивотъ съ наслѣдственными образами въ старинныхъ окладахъ, передъ которыми теплилась неугасаемая лампада. Она стала на колѣни передъ этими образами и молилась съ большимъ чувствомъ, горячо и долго, и крѣпко ударяя лбомъ объ полъ.

Помолившись, она кликнула къ себѣ Наташу.

— Другъ мой, Наташенька, произнесла она въ волненіи: — другъ мой милый.... и залилась слезами, прижавъ ее къ груди.

Давно, а можетъ быть и никогда, Олимпіада Игнатьевна не прижимала дочь къ своей материнской груди такъ крѣпко.

— Господь услышалъ мои грѣшныя молитвы, продолжала Олимпіада Игнатьевна: — и награждаетъ тебя черезъ мѣру за твое послушаніе, за твою покорность матери. Папенька-то твой, голубчикъ, не дождался этой минуты. Ну, пусть онъ хоть оттуда порадуется нашему счастью!

Олимпіада Игнатьевна остановилась, утерла слезы и испустила глубокій, продолжительный вздохъ.

Наташа съ безпокойствомъ смотрѣла на нее.

Но Олимпіада Игнатьевна взяла ее за руку и сказала нѣжнымъ голосомъ, указавъ на диванъ:

— Сядь сюда, ангелъ мой.... потомъ осмотрѣлась кругомъ, приперла дверь и, наконецъ, сѣла возлѣ Наташи. — Я должна поговорить съ тобой серьёзно. Ты у меня доброе, благоразумное дитя.... и она погладила Наташу по головкѣ. — Ты всегда была моимъ утѣшеніемъ. Я увѣрена, что ты примешь такъ, какъ слѣдуетъ, то, что я скажу тебѣ.... Захаръ Михайлычъ пріѣзжалъ къ намъ сегодня затѣмъ, чтобы просить у меня руки твоей. Ты понимаешь, Наташа, какъ намъ должно быть лестно такое предложеніе. Захаръ Михайлычъ съ именемъ, генералъ, богатъ, пользуется всеобщимъ уваженіемъ и, притомъ, всѣмъ извѣстно, какое у него доброе сердце. Лучшаго мужа тебѣ нельзя найти. Съ нимъ ты будешь счастлива; онъ не то, что эта

Digitized by Google

молодёжь. Онъ человѣкъ солидный, прекрасныхъ правилъ, отличной нравственности. Что касается до меня, я уже дала ему полное согласіе и готова хоть сію минуту благословить васъ; но онъ желалъ, чтобы я переговорила съ тобою, другъ мой.

Олимпіада Игнатьевна, окончивъ это, посмотрѣла съ пріятностью на Наташу, ожидая ея отвѣта.

Наташа молчала. Она какъ будто окаменѣла отъ словъ маменьки.

— Что же ты скажешь на это? спросила ее Олимпіада Игнатьевна.

— Да я не знаю его, я никогда не говорила съ нимъ двухъ словъ; я не люблю его.... я не могу любить его.... сказала Наташа.

— Какъ! Что такое? Не можешь любить?... Экой вздоръ! Любовь еще придетъ, матушка, сама собою. Вотъ какъ поживешь съ нимъ, такъ и полюбишь его.

— О, нѣтъ, нѣтъ, маменька! вскрикнула Наташа: — я готова всегда исполнять вашу волю.... Но выслушайте меня, я не могу любить этого человѣка, я вамъ говорю, что я не знаю его. Маменька! я должна теперь высказать вамъ все.... Вы не захотите моего несчастья, вы сжалитесь надо мною. Вы поймете меня....

Наташа, рыдая, бросилась на грудь къ Олимпіадѣ Игнатьевнѣ и произнесла задыхающимся голосомъ:

— Я люблю Григорья Алексѣича, я никогда не пойду ни за кого на свѣтѣ, кромѣ его.

Олимпіада Игнатьевна оттолкнула отъ себя Наташу.

— Развѣ ты рѣшишься выйти замужъ безъ моего благословенія и согласія? Это еще что такое?

— Онъ также любитъ меня, продолжала Наташа: — онъ хотѣлъ говорить съ вами.... Вы благословите насъ? Неправда ли?

— Съ этой минуты нога его не будетъ на порогѣ моего дома, произнесла Олимпіада Игнатьевна рѣшительно: — потому что съ этой минуты ты невѣста Захара Михайлыча. Понимаешь?...

— Нѣтъ, сказала Наташа, еще съ бо́льшею рѣшительностью и силою: — я никогда не буду его невѣстою....

Олимпіада Игнатьевна посмотрѣла на Наташу, какъ будто желая удостовѣриться, не помѣшалась ли она.

Digitized by Google

— Наташа! Наташа! что это значитъ! Ты хочешь убить меня? Наташа!

— Что же вамъ угодно отъ меня? спросила Наташа, совершенно потерянная.

— Какъ! и ты еще меня спрашиваешь, что мнѣ угодно?... Я хочу, чтобы ты повиновалась мнѣ! я больше ничего не хочу, я больше ничего отъ тебя не требую....

— Маменька, простите меня. Я не могу, это не въ моей власти. И Наташа бросилась къ ногамъ матери и обняла ея ноги.

— Прочь отъ меня! прочь, неблагодарная! Ты убила меня! закричала Олимпіада Игнатьевна, падая и закатывая зрачки подъ лобъ.

Съ Олимпіадой Игнатьевной сдѣлался нервическій припадокъ съ конвульсіями.

ГЛАВА XI.

Олимпіада Игнатьевна была убита, точно убита. Она не выходила цѣлый день изъ своей спальни и ни съ кѣмъ не говорила, а только стонала, охала и обращала отъ времени до времени, качая головой, слезящія очи свои на темные лики Божіихъ угодниковъ, къ которымъ всегда прибѣгала она и въ минуты радости и въ минуты горя. Двадцать лѣтъ Олимпіада Игнатьевна постоянно употребляла всѣ средства, всѣ усилія, чтобы искоренить, уничтожить въ дочери самостоятельность и волю, чтобы сдѣлать изъ нея автомата, котораго она могла бы приводить въ движеніе только по собственному желанію; впродолженіи двадцати лѣтъ внушала она ей безусловную покорность, смиреніе, безотвѣтность и благоговѣніе передъ старшими, всѣ возможныя христіанскія добродѣтели; впродолженіи двадцати лѣтъ она носила въ груди своей утѣшительную мысль, что вполнѣ достигла своей цѣли и что ея Наташа самая нравственная, самая примѣрная, самая безотвѣтная, нѣжная и послушная изъ дочерей,— и вдругъ такъ страшно разувѣриться во всемъ этомъ, и вдругъ увидѣть тщету своихъ двадцатилѣтнихъ усилій. Воля ваша, это ужасно!

Во всю ночь несчастная мать не смыкала глазъ и все утро ожидала Захара Михайлыча съ мучительнымъ нетерпѣніемъ.

Digitized by Google

Но когда онъ пріѣхалъ, она, затаивъ въ себѣ свои тяжкія страданія, встрѣтила его съ пріятной и веселой улыбкой, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Она сказала Захару Михайлычу, что Наташа простудилась и занемогла и не можетъ выходить изъ своей комнаты, что она ничего еще съ ней не говорила, но что въ согласіи ея нисколько не сомнѣвается, что дѣло это можно считать рѣшеннымъ, и что на дняхъ, тотчасъ, какъ только ей будетъ не много по легче, она благословитъ ихъ. Олимпіада Игнатьевна не теряла еще надежды, что Наташа, впродолженіи нѣсколькихъ дней, или сама образумится и раскается, или изнеможетъ въ безсильной борьбѣ и принуждена будетъ покориться. Но, увы! къ удивленію Олимпіады Игнатьевны, ни угрозы, ни обмороки, ни проклятія, эти могущественные аттрибуты материнской власти,—ничто не дѣйствовало. Наташа оставалась непреклонною. И надобно было имѣть много любви, много твердости, много самоотверженія, чтобы устоять противъ всего этого.

Между тѣмъ, Григорій Алексѣичъ, очень хорошо и подробно знавшій обо всемъ происходившемъ въ селѣ Брюхатовѣ, впалъ въ самое жалкое и безсильное отчаяніе. Совершено растерявшись, онъ прибѣгнулъ, наконецъ, къ Сергѣю Александрычу за совѣтами.

— Мой совѣтъ, сказалъ ему Сергѣй Александрычъ: — поскорѣй все это чѣмъ нибудь кончить. Это ясно. Если ты ее любишь и хочешь жениться на ней, что, по моему, очень глупо,— то я готовъ тебѣ отъ души способствовать всѣми силами. Мы увеземъ ее, это будетъ очень легко, потому-что она не станетъ сопротивляться. Я, разумѣется, разсорюсь на время по этому случаю съ тетушкой, что меня нисколько не приведетъ въ отчаяніе. Мы тайно обвѣнчаемъ васъ; послѣ этого, какъ водится, на васъ посыплются проклятія; тетушка запретитъ произносить передъ нею ваше имя, а потомъ мало по малу смягчится, помирится и благословитъ васъ. И все это будетъ очень романически, трогательно и забавно. Я начинаю умирать здѣсь отъ тоски, а ты мнѣ доставишь этимъ большое развлеченіе.... Но если ты еще колеблешься, если ты сомнѣваешься въ своей любви, — я, признаться, таки давно подозрѣваю это, — въ такомъ случаѣ, отправляйся-ко поскорѣе въ Петербургъ... Я тоже ни за что не останусь здѣсь долго и пріѣду вслѣдъ за тобою. На-

Digitized by Google

таша помучится, поплачетъ, а потомъ успокоится, покорится своей участи и, по необходимости, отдастъ свою руку и сердце Захару Михайлычу, съ которымъ она, право, будетъ счастливѣе, чѣмъ съ тобою....

Но Григорій Алексѣичъ не удовлетворился этими простыми и ясными совѣтами.

— Счастливый человѣкъ! Какъ ты легко обо всемъ судишь! какъ ты скоро рѣшаешь все! думалъ онъ, слушая Сергѣя Александрыча съ грустной иронією, — и продолжалъ терзаться въ бездѣйствіи и нерѣшительности.

Такъ прошло еще нѣсколько дней. И чего не перенесла въ эти дни бѣдная Наташа? — Петруша, на защиту котораго она надѣялась сначала, этотъ Петруша, который такъ горячо обѣщалъ нѣкогда воевать за нее со старымъ поколѣніемъ, и онъ дѣйствовалъ теперь противъ нея, еще болѣе раздражая и поджигая маменьку. Наконецъ, Олимпіада Игнатьевна, измученная собственными слезами, припадками и обмороками, истощивъ весь запасъ материнскихъ средствъ для убѣжденія непокорной дочери, выбилась изъ силъ и прибѣгнула къ родственной помощи, какъ ни больно было это для ея самолюбія. Нѣкоторые изъ родственниковъ, по просьбѣ ея, съѣхались къ ней на совѣщаніе.

Послѣ долгихъ переговоровъ рѣшено было общими силами усовѣщевать Наташу. Ее призвали. Бѣдная Наташа страшно измѣнилась въ нѣсколько дней. Она была такъ блѣдна и слаба, какъ будто только что встала съ постели, послѣ долгой и тяжкой болѣзни. Родственники встрѣтили ее со строгими и печальными лицами. Олимпіада Игнатьевна сидѣла между ними, прислонясь головою къ подушкѣ. Она тяжело дышала и охала и не обратила никакого вниманія на вошедшую Наташу. Возлѣ нея находились, съ одной стороны невѣстка ея, вдова меньшаго брата ея, а съ другой — двоюродная сестра ея. Онѣ безпрестанно поправляли ей подушку, смотрѣли ей въ глаза и спрашивали ее съ плачевной гримасой: «Ну, что, какъ вы себя чувствуете, сестрица? Не хотите ли понюхать уксусу? Не приложить ли вамъ хрѣну за уши?» и прочее. Олимпіада Игнатьевна на все это только качала отрицательно головой и съ чувствомъ жала имъ руки.

Digitized by Google

— Садись, милая, сказала Наташѣ одна изъ тетушекъ суровымъ голосомъ и толкнула къ ней стулъ.

Наташа сѣла.

Съ минуту длилось мертвое молчаніе, но нельзя было сказать, чтобы въ эту минуту пролетѣлъ тихій ангелъ.

Дядюшка Наташи, съ отцовской стороны, лѣтъ пятидесяти пяти, съ физіономіей благонамѣренной и пріятной и съ порядочнымъ брюшкомъ, на которомъ колыхалась огромная сердоликовая печатка, — первый прервалъ это молчаніе.... Этотъ дядюшка былъ человѣкъ съ вѣсомъ. Онъ занимался винными откупами, отъ-чего пріобрѣлъ себѣ значительное состояніе; имѣлъ умъ блестящій и многосторонній, нравственность чистѣйшую и, при всемъ этомъ, владѣлъ замѣчательнымъ даромъ слова. Такою репутаціей, по крайней мѣрѣ, пользовался онъ въ цѣлой губерніи.

Дядюшка нѣсколько наморщилъ чело свое, съ важностью раза два откашлялся и потомъ обратился къ Наташѣ.

— Мы всѣ глубоко и истинно тронуты, сказалъ онъ.... (я говорю не только о родственникахъ, но и о постороннихъ, до которыхъ дошли слухи объ этомъ).

Нравственный дядюшка очень любилъ вставочныя предложенія.

— Всѣ, я говорю, мы истинно тронуты горестью, въ которую, къ общему нашему сожалѣнію, повергнута достойная и всѣми по справедливости уважаемая матушка твоя и тѣмъ болѣе, что причиною этой горести, можно сказать, ея отчаянія,— ты, дочь ея, отъ которой она, конечно, кромѣ утѣшенія ничего не могла ожидать болѣе.

Дядюшка пріостановился и еще разъ откашлялся.

Въ это время родственники переглянулись между собою, какъ будто желая сказать этимъ взглядомъ: «Каковъ даръ слова! Вотъ мастеръ говорить-то!»

— Повиновеніе родителямъ, продолжалъ онъ: — есть высочайшая, скажу болѣе, священнѣйшая обязанность дѣтей. Дѣти, повинующіяся родителямъ, угодны Богу, и Господь всегда награждаетъ ихъ за это. Этому есть неоднократные примѣры даже въ исторіи. Къ тому же, въ юныхъ годахъ, не пріобрѣтя опыта, не имѣвъ случая ознакомиться, такъ сказать, съ жизнію (что весьма натурально), мы не можемъ знать собственной пользы, не умѣемъ отличить вреднаго отъ полезнаго, и безъ руко-

Digitized by Google

водства старшихъ, легко впадаемъ въ заблужденія. Но мать нѣжная, любящая, добродѣтельная (а сестрица именно такова, это я смѣло скажу ей въ глаза и за глаза)....

При этомъ онъ указалъ рукою на Олимпіаду Игнатьевну.

— Такая мать, въ неусыпной заботливости о счастіи своихъ дѣтей, стоитъ, можно сказать, на стражѣ ихъ нравственности. Надобно же умѣть цѣнить это, чувствовать, смотрѣть ей въ глаза и не только не противиться ея желаніямъ, но предупреждать ихъ. Ты всѣмъ обязана своей маменькѣ, безъ исключенія всѣмъ: она даровала тебѣ жизнь, она ухаживала за тобою съ колыбели, кормила, поила тебя, внушала тебѣ нравственныя правила, заботилась о твоемъ здоровьи — и чѣмъ же (это не я одинъ, это скажутъ всѣ), какъ не повиновеніемъ, какъ не послушаніемъ ты должна отблагодарить ее за все это? Никакая мать не можетъ желать дурного своей дочери; согласись въ этомъ, слѣдовательно, какъ же можно противиться матери въ чемъ нибудь, даже въ малѣйшихъ бездѣлицахъ, — не говорю уже о такихъ важныхъ предметахъ, гдѣ дѣло идетъ о твоей будущей участи? И можешь ли ты въ твои лѣта располагать сама собою? Неужли ты можешь судить умнѣе и вѣрнѣе твоей маменьки? Вещь неестественная! Мое мнѣніе таково (увѣренъ, что съ этимъ мнѣніемъ безпрекословно согласятся всѣ), что ты сейчасъ же должна раскаяться во всемъ, почувствовать свое преступленіе, — а это самое тяжкое преступленіе—огорчать своихъ родителей,— просить у маменькиныхъ ногъ прощенія, сказать ей: «душенька, маменька, простите меня, я вполнѣ покоряюсь вашей волѣ, вашимъ желаніямъ и съ этой минуты никогда, даже въ помышленіи, не буду смѣть ничѣмъ огорчить васъ». Этого мало... Маменька проститъ тебя (я зная доброту ея и безконечную любовь къ тебѣ); но ты еще потомъ должна будешь много и долго молиться о томъ, чтобы Господь внушилъ тебѣ кротость, повиновеніе, чтобы ты не могла совратиться и на будущее время съ настоящаго пути. Сегодня ты подъ крылышкомъ маменьки, подъ ея властію, — завтра, можетъ быть, ты будешь подъ властію мужа — и точно также, какъ теперь маменькѣ, ты будешь обязана, какъ добрая жена, во всемъ безпрекословно повиноваться мужу и угождать ему, быть хорошей хозяйкой, — а потомъ доброй матерью; за послѣднимъ примѣромъ тебѣ недалеко ходить....

Digitized by Google

Нравственный дядюшка снова указалъ рукою на Олимпіаду Игнатьевну.

— Представь же себѣ, когда у тебя будутъ дѣти и если (чего Боже сохрани!) они станутъ не повиноваться тебѣ, огорчать тебя. Каково будетъ тебѣ? Размысли обо всемъ этомъ хорошенько, дѣльно и.... Но я уже сказалъ, что тебѣ остается теперь дѣлать.

Всѣ родственники видимо были тронуты этою рѣчью, а Ардальонъ Игнатьичъ, присутствовавшій тутъ же, даже прослезился. И потомъ, всѣ они, не выключая и Олимпіады Игнатьевны, обратились къ Наташѣ, желая узнать, какое впечатлѣніе произвела на нее эта трогательная и поучительная рѣчь дядюшки.

Но на болѣзненномъ и блѣдномъ лицѣ Наташи невозможно было ничего прочесть. Она, казалось, едва держалась на стулѣ и не обнаруживала ни малѣйшаго движенія.

— Что же вы на это скажете? спросила ее одна изъ родственницъ, переглянувшись съ Олимпіадой Игнатьевной. — Извольте говорить.

Наташа молчала.

Родственница повторила ей свой вопросъ.

— Я не могу идти за человѣка, котораго я не знаю, произнесла Наташа тихимъ и слабымъ голосомъ: — я не могу любить его, я не въ состояніи обманывать его.... Чѣмъ же я виновата, что я не люблю его? Богъ свидѣтель, я не хотѣла бы огорчать маменьку, но что же мнѣ дѣлать?...

— Это пустяки, возразилъ другой дядюшка, мужъ двоюродной сестры Олимпіады Игнатьевны, дворянинъ Ханаанскій изъ семинаристовъ и говорившій на *о*: — это бредъ воображенія, ни болѣе, ни менѣе. Теперь не любите, а какъ выйдете за мужъ, такъ и полюбите. У васъ теперь воображеніе, преобладающая способность, какъ это всегда бываетъ въ юношескомъ возрастѣ, покуда разумъ не вступитъ въ права свои. Надо обуздывать воображеніе, и на что же это похоже — не повиноваться материнской волѣ?...

— Боже мой, Господи! до чего я, несчастная, дожила! простонала Олимпіада Игнатьевна. — Лучше бы Господь прибралъ меня. Охъ, какъ тяжело мнѣ!

— Полноте, полноте, голубушка, не гнѣвите Бога, сквозь слезы и въ одинъ голосъ произнесли двѣ родственницы, сидѣвшія возлѣ нея.

Digitized by Google

— Наталья Николавна! сжальтесь надъ вашею маменькою, продолжала одна изъ нихъ, обращаясь къ Наташѣ: — посмотрите на нее, что вы, въ самомъ дѣлѣ, убить ее что ли хотите? Побойтесь Бога....

— Упорство ваше не доведетъ до добра, я предрекаю вамъ, сказалъ г. Ханаанскій, вставая съ своего мѣста и подходя къ Наташѣ: — чти отца твоего и матерь твою, чай вѣдь вы не запамятовали это? васъ обучали заповѣдямъ-то?... Извольте-ко, сударыня (г. Ханаанскій схватилъ Наташу за руку), извольте-ко подойти къ маменькѣ и просить у нее прощенія.

— Оставьте меня, оставьте.... вскрикнула Наташа раздирающимъ голосомъ, и въ отчаяніи бросилась на колѣни передъ матерью.

— Маменька! я умоляю васъ всѣми святыми, не принуждайте меня. Мое рѣшеніе твердо. Я люблю Григорья Алексѣича. Я вамъ сказала, что я люблю его, если вы не захотите благословить насъ, я покорюсь вашей волѣ, я останусь съ вами, я не оставлю васъ, но я ни за кого на свѣтѣ не выйду замужъ, ни за кого!

— Мнѣ не нужно непокорной дочери, сказала Олимпіада Игнатьевна: — я отрекаюсь отъ тебя заранѣе при всѣхъ родныхъ. Вотъ они свидѣтели. Прахомъ родителей моихъ клянусь тебѣ, что я отрекаюсь отъ тебя, если ты не исполнишь моей воли....

— И ты еще послѣ этихъ словъ будешь смѣть противиться священной для тебя воли? произнесъ дядюшка откупщикъ: — и твое сердце не смягчится воплемъ матери, которая носила тебя подъ сердцемъ? И ты еще осмѣливаешься повторить, что ты любишь не того, кого избрала тебѣ мать? Что ты любишь этого....

— Да, я люблю его! повторила Наташа, продолжая все еще стоять на колѣняхъ передъ матерью.

Всѣ родственники, исключая добраго и безмолвнаго Ардальона Игнатьича, съ ужасомъ взглянули на Наташу и потомъ, посмотрѣвъ другъ на друга, пожали плечами, какъ будто хотѣли сказать:

— Ну, это ужь совсѣмъ пропащая дѣвочка!

— Если такъ, — съ этой минуты, у меня нѣтъ болѣе дочери! прошептала Олимпіада Игнатьевна умирающимъ голосомъ:

Digitized by Google

—уведите ее отъ меня, друзья мои,—это послѣдняя моя къ вамъ просьба; скажите ей, чтобы она никогда не смѣла показываться мнѣ на глаза. Я ее не могу видѣть.

Наташа встала и хотѣла идти, но не могла. Она пошатнулась. Ардальонъ Игнатьичъ поддержалъ ее.

— Наташенька, другъ мой, сказалъ онъ, всхлипывая: — прошу тебя, покорись маменькиной волѣ. Не доводи себя до грѣха. Мнѣ очень жалко тебя.

Но Наташа уже ничего не могла отвѣчать ему на это. Она лежала безъ чувствъ на рукахъ его. Ее вынесли изъ комнаты.

Когда она пришла въ себя, родственники попытались еще разъ убѣждать ее, но все было напрасно. Дѣлать было нечего. Они разъѣхались и быстро разнесли вѣсти о Наташѣ по всей губерніи. — Ужасно! неслыханно! безпримѣрно! поднялся общій крикъ: — это не дочь, а чудовище, извергъ, злодѣйка! И какой страшный примѣръ безнравственности! И мать-то, несчастная страдалица! Всѣ, безъ исключенія, принимали глубокое, искреннее участіе въ положеніи Олимпіады Игнатьевны и всѣ (въ особенности маменьки) дивились, какъ могла Захару Михайлычу, на старости лѣтъ, прійти нелѣпая мысль просить руки безпутной, наглой дѣвчонки, которая почти передъ его глазами амурилась не только съ Григорьемъ Алексѣичемъ, но даже и съ своимъ двоюроднымъ братомъ! — Какъ будто у насъ въ цѣлой губерніи, — прибавляли къ этому, — нѣтъ нравственныхъ и солидно-воспитанныхъ дѣвицъ.... какъ будто онъ, старый дуракъ, не могъ сдѣлать лучшаго выбора!... Слухи о безнравственности Наташи заставили даже поручика Брыкалова, въ пьяномъ видѣ, дня три сряду прохаживаться мимо окна ея.—А чортъ ее знаетъ, можетъ быть, я и приглянусь ей, думалъ онъ: —а дѣвчоночка-то славная, сдобненькая такая!... И при этой мысли поручикъ Брыкаловъ пришолкивалъ языкомъ. Онъ полагалъ, что можно какъ нибудь сладить это дѣльцо черезъ Петровича, и для того пригласилъ его къ себѣ, напоилъ, и самъ напился, но Петровичъ (надо отдать ему справедливость) остановилъ поручика на первомъ словѣ и совершенно разочаровалъ его надежды, объявивъ ему, что «не туда дескать заѣхали, жирно больно кушать хотите, что наша барышня молъ не таковская....» и проч. Но сильнѣе всѣхъ дѣйствовала противъ Наташи Агафья Васильевна. Она неудовлетворилась клеветами и сплетнями, которыя

Digitized by Google

распускала на ея счетъ, и послала безъименное письмо къ Захару Михайлычу, начинавшееся такъ: «нѣкто, особа принимающая «въ васъ горячее участіе считаетъ долгомъ христіянскимъ пре«достеречь васъ ибо дѣвушка за которую вы сватаетесь само«го дурного поведенія что достовѣрно извѣстно особѣ пишущей «сіи строки, и она находится въ связи съ Григорьемъ Алексѣи«чемъ Л** понынѣ.» и прочее и прочее.

— Ужь не бывать ей генеральшей, не бывать, повторяла Агафья Васильевна: — ужь я не допущу до этого! Нѣтъ! какъ своихъ ушей, не видать ей генеральства! Вишь, на какую высоту хочетъ взабраться, поди-ка!... Но ужь я втопчу ее въ грязь, ужь я достигну своей цѣли! Не умру безъ этого!

ГЛАВА XII.

Утромъ, на другой день послѣ родственнаго совѣщанія, Наташа нечаянно встрѣтилась съ маменькой въ коридорѣ. Олимпіада Игнатьевна, увидѣвъ ее, взвизгнула и покатилась на полъ, и когда Наташа въ испугѣ бросилась къ ней на помощь, Олимпіада Игнатьевна замахала руками и ногами и закричала:

— Не подходи! не прикасайся ко мнѣ! Дай мнѣ, по крайней мѣрѣ, умереть!...

Съ этой минуты Наташа, какъ преступница, заключилась въ своей комнатѣ и не смѣла высунуть носу за порогъ ея. Страшная, тяжелая тишина, предрекавшая новыя бури, водворилась во всемъ домѣ и до Наташи только по временамъ долетали стоны ея несчастной матери. Ни къ обѣду, ни къ чаю, ни къ ужину никто не сходился. Впродолженіи нѣсколькихъ дней обѣдалъ только одинъ Петруша, да и то въ своей комнатѣ. Два дня Наташа была въ какомъ-то летаргическомъ оцѣпенѣніи, и только на третій день, къ вечеру, выйдя изъ этого состоянія, она написала къ Григорью Алексѣичу:

«Вы были правы.... Я обманывала себя. Мнѣ хотѣлось увѣрить себя, что маменька любитъ меня не для себя только, — но теперь, теперь я все вижу ясно.... Сколько времени я васъ не видала.... и какъ страшно тянется для меня время, если бы вы знали! Часы мнѣ кажутся днями, дни — мѣсяцами.... О, Боже мой! Боже мой! какъ мнѣ тяжело! Вы, я думаю, знаете все, что у насъ происходитъ.... Я хотъ

Digitized by Google

ужъ третій день, какъ одна, совершенно одна. Для меня теперь все кончено. Маменька и всѣ родные отреклись отъ меня. У меня не осталось никого.... О, будьте моимъ спасителемъ! я не могу долѣе оставаться здѣсь.... Если бы не мысль, что вы любите меня,—съ этой мыслью я готова переносить еще больше, чѣмъ переношу я теперь,—если бы не эта мысль, я не знаю, что было бы со мной въ эту минуту! Вы вѣдь любите меня? Вы сами говорили мнѣ это.... Если вы меня любите.... Спасите же меня, спасите! Моя участь въ вашихъ рукахъ.... Ваша навсегда

Н.

«P. S. Поскорѣй отвѣчайте мнѣ на это. Отвѣтъ вашъ пришлите сюда съ надежнымъ человѣкомъ и велите отдать его Лизаветѣ, дочери нашей ключницы. Я въ ней увѣрена. Иначе письмо ваше могутъ перехватить. Простите, что я пишу такъ дурно. Я только теперь начинаю немного приходить въ себя.»

Письмо это черезъ два часа было уже въ рукахъ Григорья Алексѣича....

Сергѣй Александрычъ, нѣсколько утомленный, въ пріятной нѣгѣ лежалъ передъ каминомъ въ своемъ кабинетѣ, въ ту минуту, когда Григорій Алексѣичъ вошелъ къ нему блѣдный, какъ смерть, судорожно сжимая въ рукахъ письмо Наташи.

Сергѣй Александрычъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Наканунѣ пріѣхала къ нему изъ губернскаго города прехорошенькая модистка француженка M-me Шарль. Сергѣй Александрычъ вполнѣ предался ей и не думалъ болѣе ни о будущности Россіи, ни объ отношеніяхъ ея къ Западной Европѣ, ни о родственникахъ своихъ, ни о продажѣ хлѣба, ни о Петербургѣ, ни о чемъ.

— Ну, что, какъ тебѣ нравится моя Флорансъ? сказалъ онъ, обратившись къ Григорью Алексѣичу. — Не правда ли какъ она жива, мила, весела? А что, какъ ты думаешь, вѣдь мы теперь славно заживемъ здѣсь!...

— Богъ съ ней, съ твоей Флорансъ. Мнѣ не до нея теперь, отвѣчалъ Григорій Алексѣичъ глухимъ голосомъ.

— Несчастный! Что, развѣ еще что нибудь случилось? Ты знаешь, что я всегда готовъ протянуть тебѣ руку помощи.

— Прочти это, сказалъ Григорій Алексѣичъ, отдавая ему письмо Наташи.

Digitized by Google

— Вотъ какъ! Bravo! произнесъ Сергѣй Александрычъ, прочитавъ его. — Ай-да Наташа! Я не ожидалъ отъ нея такой храбрости! Какова! Она, просто, требуетъ, чтобы ты исхитилъ ее изъ родительскихъ когтей. Зачѣмъ же дѣло стало? Похищать, такъ похищать. Мой домъ къ твоимъ услугамъ. Я озабочусь чтобъ васъ обвѣнчали. Вотъ надѣлаемъ мы суматоху въ губерніи-то!

— Умоляю, оставь свои вѣчныя шутки: онѣ совсѣмъ не умѣста. Такими вещами не шутятъ; тутъ дѣло идетъ объ участи человѣка, о его будущности. Это игра на жизнь или смерть!

Григорій Алексѣичъ схватилъ себя за голову и началъ прохаживаться по комнатѣ.

— Да, тебѣ легко такъ судить, сказалъ онъ, останавливаясь передъ Сергѣемъ Александрычемъ: — но если бы ты былъ на моемъ мѣстѣ!

— Я во все не желаю быть на твоемъ мѣстѣ! возразилъ Сергѣй Александрычъ.

— То-то же и есть! Если бы ты могъ представить себѣ, что я перестрадалъ, перечувствовалъ въ эти дни....

— И какой же результатъ всего этого? возразилъ Сергѣй Александрычъ: — подвинулся ли ты хотя на одинъ шагъ къ рѣшенію этого гамлетовскаго вопроса: «Быть или не быть?» жениться или нѣтъ? Теперь ужь колебаться поздно. Сію же минуту ты долженъ рѣшиться на что нибудь.

— Да, сію минуту! повторилъ Григорій Алексѣичъ мрачно. — Выслушай меня.... Не оскорбляй меня шуткой или насмѣшкой, я прошу тебя объ этомъ въ послѣдній разъ. За нѣсколько минутъ передъ этимъ письмомъ, я еще нѣсколько сомнѣвался въ самомъ себѣ, колебался, не зналъ, что мнѣ дѣлать, — я ходилъ въ потемкахъ, ощупью. Это письмо рѣшило, наконецъ, все; оно показало мнѣ самого меня въ настоящемъ свѣтѣ. Клянусь тебѣ, я еще не зналъ себя до этой минуты!

— Охотно вѣрю, подумалъ Сергѣй Александрычъ: — только врядъ ли ты себя узналъ и теперь и врядъ ли узнаешь когда нибудь!

— Я не могу любить истинно, глубоко, съ самоотреченіемъ, съ самозабвеніемъ. Нѣтъ, не могу, я убѣдился въ этомъ. Моя любовь въ головѣ, въ мечтѣ, а не въ сердцѣ, не въ дѣйствительности. Я принималъ раздраженную фантазію за любовь, точно такъ, какъ мальчишка, какъ какой нибудь Петруша, напри-

Digitized by Google

мѣръ, принимаетъ «раздраженіе своей плѣнной мысли» за поэзію! Человѣкъ, истинно любящій, прочиталъ бы это письмо съ восторгомъ, онъ не задумался бы надъ нимъ ни одной секунды, а я, я.... Мнѣ стыдно тебѣ признаться въ этомъ, но я выскажу тебѣ все, я ничего не скрою отъ тебя.... Меня бросило въ лихорадку отъ этого письма, какъ презрѣннаго труса. Когда дѣйствительность схватила меня за руку и потребовала рѣшительнаго отвѣта, я отступилъ отъ нея съ ужасомъ, и бракъ показался мнѣ страшнѣе смерти. Она ничего не имѣетъ, подумалъ я: — и я ничего не имѣю.... Чѣмъ же мы будемъ жить? Любовью? воздухомъ?... а дѣти?... Вотъ что прежде всего пришло мнѣ въ голову.... И послѣ этого я еще воображалъ себя способнымъ любить? И я.... о, этого я себѣ никогда не прощу!... я обманывалъ, я завлекалъ эту чудную дѣвушку, — и теперь я заставляю ее терзаться, страдать, переносить притѣсненія, пытки родительской власти! Она съ полною довѣренностью бросается ко мнѣ, она ищетъ во мнѣ своего спасенія, а я скрываюсь отъ нея, я бѣгу отъ нея, я оставляю ее на терзанье палачамъ. Я ничего не могу для нея сдѣлать! Я довожу ее до послѣдней крайности, и тутъ только въ первый разъ вполнѣ сознаю свое жалкое безсиліе, свое полное ничтожество въ дѣйствительной жизни. Чѣмъ же я лучше своего благодѣтеля, этого Ивана Ѳедорыча, передъ которымъ я такъ гордился, считая себя человѣкомъ примиреннымъ съ дѣйствительностью, человѣкомъ практическимъ! Все это можетъ свести съ ума!

Григорій Алексѣичъ не говорилъ, а рыдалъ. Слезы крупными каплями катились по лицу его. Онъ прислонился головою къ ручкѣ кресла и нѣсколько минутъ не могъ ничего говорить. Даже Сергѣй Александрычъ былъ нѣсколько тронутъ.

— Я навсегда отравилъ собственную жизнь, продолжалъ Григорій Алексѣичъ, — куда бы я ни скрылся теперь, какъ бы далеко ни убѣжалъ отсюда, ея образъ будетъ преслѣдовать меня всюду, — и куда я убѣгу отъ самого себя? куда? Какъ я жалокъ въ сравненіи съ нею! Если бы я могъ думать, что сдѣлаю ее счастливой, — о, тогда другое дѣло!... Я не задумался бы о самомъ себѣ.... Я готовъ былъ бы страдать, лишь бы видѣть ее счастье, — но это невозможно! Я никогда не буду въ состояніи такъ любить, какъ она меня любитъ! Нѣтъ, что ни говори, наши женщины несравненно выше насъ. Мы не стоимъ ихъ, рѣшительно не стоимъ.

Digitized by Google

Мы всѣ гадкіе эгоисты, пошлые рефлектёры.... Мы ни на что не способны, никуда не годны! Все поколѣніе наше заклеймено печатью отверженія,— слабое, дряблое поколѣніе! Всѣ мы изнемогли подъ ношею сомнѣній и отрицаній! Мы окружены со всѣхъ сторонъ развалинами, и остановились въ бездѣйствіи и недоумѣніи среди этихъ развалинъ — и не въ силахъ очистить себѣ дороги, чтобы идти впередъ, а только вопимъ и стонемъ, взывая съ чужого голоса къ будущему, котораго мы недостойны. Истинныя, глубокія чувства и сильныя страсти не по плечу намъ, хотя мы безпрестанно толкуемъ объ нихъ. Нашъ вѣкъ — это вѣкъ великихъ маленькихъ людей. Всѣ мы подымаемся на ходули и таращемся изо всей мочи, чтобы казаться выше, чѣмъ мы есть въ самомъ дѣлѣ, ни въ комъ изъ насъ нѣтъ ничего истиннаго.... И страданія-то наши безплодны, потому-что они поддѣльны! Всѣ мы учились чему нибудь и какъ нибудь, кое-чего понахватали изъ европейскихъ журналовъ и вообразили себя учеными и философами! Всѣ мы такъ сильно сочувствуемъ современнымъ интересамъ Европы, а не имѣемъ никакого понятія о томъ, что дѣлается подъ нашимъ носомъ, передъ нашими глазами! Но лучшая и злѣйшая пародія на всѣхъ насъ, наша карикатура — это Петруша. Если ужь говорить правду, такъ вѣдь всѣ мы нѣсколько походимъ на этого Петрушу!

Григорій Алексѣичъ всталъ и началъ снова тревожно прохаживаться по комнатѣ.

— Что же ты, однако, намѣренъ предпринять? спросилъ его Сергѣй Александрычъ.

— Я ѣду, сейчасъ же ѣду отсюда. Я не долженъ и не могу оставаться здѣсь долѣе.... Не правда ли?

Григорій Алексѣичъ подошелъ къ Сергѣю Александрычу и крѣпко сжалъ его руку.

— Мы вѣрно свидимся съ тобою въ Петербургѣ.... ты ничего не имѣешь противъ меня? Скажи мнѣ, успокой меня.... Если бы ты имѣлъ что нибудь противъ меня, это жестоко терзало бы меня. Будь со мной откровененъ, я прошу тебя.... Не таи отъ меня ничего. Разбери хорошенько мой поступокъ съ твоей кузиной, будь нашимъ судьею.... Я страшно виноватъ передъ нею, страшно, — но послушай, вѣдь я неумышленно завлекъ ее, клянусь тебѣ всѣмъ для меня святымъ, неумышленно!... Я увлекался непростительно глупо, но ребячески ис-

Digitized by Google

кренно. И все это произошло отъ-того, что я понадѣялся на самого себя, я думалъ, что достаточно изучилъ себя, потому-что постоянно слѣдилъ за каждымъ шагомъ своимъ, за каждымъ внутреннимъ движеніемъ, за каждою мыслію, рождавшеюся въ головѣ моей. Теперь я вижу, что эта рефлексія ни къ чему не ведетъ, что она-то, можетъ быть, и погубила меня! И коли хочешь, я люблю Наташу, да, я чувствую это, но, понимаешь, я не на столько люблю ее, на сколько она достойна быть любимой. И такая ли любовь нужна ей? А обманывать ее — это преступленіе! О, такихъ дѣвушекъ, какъ она, не много, повѣрь мнѣ! Я знаю, что ты объ ней не высокаго мнѣнія, но ты смотришь на нее слишкомъ легко и поверхностно. Ты убѣдишься въ этомъ современемъ. Объясни же ей все, не оправдывай меня, но объясни ей все какъ есть!... Я тебя умоляю объ этомъ, пойми меня. Мнѣ нужно, чтобы ты понялъ меня. Я хочу, чтобы и тѣни недоразумѣнія не осталось между нами въ минуту нашего разставанья....

— Помилуй, любезный другъ, возразилъ Сергѣй Александрычъ: — какое же можетъ быть недоразумѣніе между нами? Съ чего это ты взялъ?

— Но соглашаешься ли ты съ тѣмъ, что мнѣ не остается ничего болѣе, какъ бѣжать отсюда?

— Совершенно. Ты поступаешь какъ нельзя болѣе благоразумно. Я даже не ожидалъ отъ тебя этого. Я тебѣ безпрестанно повторялъ и теперь повторяю еще, что ты сдѣлалъ бы величайшую глупость, женившись на Наташѣ. Хоть мнѣ будетъ очень досадно, что ты уѣдешь, но дѣлать нечего, тебѣ неловко оставаться здѣсь, я знаю тебя.... Поѣзжай съ Богомъ. Будь я на твоемъ мѣстѣ, я такъ остался бы, право, — но ты, это совсѣмъ другое дѣло....

— Какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть ее въ послѣдній разъ, высказать ей все, у ногъ ея вымолить прощеніе....

— Нѣтъ, это вздоръ! перебилъ Сергѣй Александрычъ: — сохрани тебя Боже, это свиданіе было бы для васъ обоихъ гибельно. Ужь тогда бы ты не уѣхалъ отсюда. Я отвѣчаю тебѣ за это.

— Но что будетъ съ нею? что будетъ съ нею? восклицалъ Григорій Алексѣичъ. — Это ужасный вопросъ!... Неужли она рѣшится выйти замужъ за этого человѣка?

Digitized by Google

— Это было бы верхъ сумасбродства съ ея стороны, если бы она не вышла за него.... Будь покоенъ, на счетъ ея.... время, милый другъ, изглаживаетъ все и примиряетъ совсѣмъ....

— Дай Богъ, чтобы это было такъ! произнесъ Григорій Алексѣичъ трагически.

Въ этотъ же вечеръ онъ написалъ къ Наташѣ слѣдующее:

«Я тысячу разъ перечиталъ ваше письмо, я его буду перечитывать всю жизнь мою. Это письмо будетъ моею нравственною казнію. Вы отдаетесь мнѣ съ такою безконечною любовію, съ такою неограниченною довѣренностію, мнѣ!... Но знаете ли, что я недостоинъ вашей любви, я недостоинъ вашей довѣренности. Отъ-того-то я и бѣгу отсюда, бѣгу отъ васъ, какъ преступникъ — и въ ту минуту, когда вы ищете спасенья во мнѣ! Я погибаю подъ тяжкимъ бременемъ собственнаго безсилія, собственнаго ничтожества, я знаю, что мое будущее страшно, что впереди ожидаютъ меня одни безвыходныя страданія, но ужь лучше страдать и терзаться одному, какъ ни тяжко это! Нѣтъ! никогда я не могъ бы удовлетворить вашей высокой любви! Все, что я говорилъ вамъ — ложь, но это была ложь невольная, я обманывалъ не только васъ, я обманывалъ самого себя, я еще вѣрилъ въ возможность для себя счастія!... Но оно не для меня.... Я убѣдился въ этомъ, только, можетъ быть, слишкомъ поздно.... И если бы вы знали, чего стоитъ мнѣ это убѣжденіе! О, не проклинайте меня, Бога ради, не проклинайте меня.... Я высказываю вамъ все, я не щажу самого себя, я не оправдываюсь передъ вами.... Вы говорите, что ваша участь въ рукахъ моихъ, — но я не могу, я не смѣю располагать ею, потому-что слишкомъ высоко цѣню васъ.. . О, повѣрьте, что кромѣ горя и страданій, я ничего бы не принесъ вамъ! Никогда еще я не былъ въ такой страшной враждѣ съ дѣйствительностію, какъ въ сію минуту, я, который имѣлъ глупость кричать когда-то о моемъ примиреніи съ нею.... Черезъ два дня меня не будетъ здѣсь. Я самъ не знаю, куда ѣду; мнѣ все равно, куди не перенести мою постылую жизнь; только я не могу оставаться здѣсь, въ этихъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ суждено было испытать столько отрадныхъ, столько святыхъ минутъ. Эти минуты никогда не изгладятся изъ памяти моего разтерзаннаго сердца. Прощайте; забудьте меня. Еще разъ — не проклинайте меня!»

Г. Л.

Агафья Васильевна ошиблась въ разсчетѣ. Она не знала Захара Михайлыча. Безъимянное письмо ея произвело на не-

Digitized by Google

го совершенно не то дѣйствіе, какое она ожидала. Сплетни, распускаемыя по губерніи о Наташѣ, не доходили до Захара Михайлыча, потому-что всѣ губернскіе сплетники страшно боялись его. Одинъ изъ такихъ, вскорѣ послѣ пріѣзда его въ деревню, явился было къ нему съ различными навѣтами на счетъ ихъ общаго сосѣда. Захаръ Михайлычъ выслушалъ сплетника очень спокойно.

— Ну, чтожь, братецъ, сказалъ онъ: — и ты все это, что мнѣ наболталъ тутъ, перескажешь ему самому въ глаза, при мнѣ? а?

Сплетникъ смѣшался нѣсколько.

— Почему же, отвѣчалъ онъ: — извольте... я... я готовъ...

— Врешь, братецъ, не перескажешь, возразилъ ему Захаръ Михайлычъ:—ужь я вижу по глазамъ твоимъ, что не перескажешь. А вотъ я такъ тебѣ скажу въ глаза, что если ты ко мнѣ еще когда нибудь подъѣдешь съ такими балясами, на чей бы счетъ ни было, то ужь тогда прошу извинить, я, братецъ, тогда тебя на порогъ своего дома не пущу.

Человѣку такого страннаго характера, каковъ былъ у Захара Михайлыча, разумѣется, особенно не могли нравиться безъименныя письма. Прочитавъ письмо Агафьи Васильевны, очень ловко и скрытно доставленное къ нему, онъ покачалъ головою, внимательно осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и положилъ въ свой огромный кожаный и нѣсколько засаленный бумажникъ.

— Дорого бы я далъ, сказалъ онъ самому себѣ, потирая руки: — чтобы узнать сочинителя этого письмеца! Надавалъ бы я ему, голубчику, публично оплеухъ. Не пиши впередъ этакихъ писемъ! Не смѣй марать репутацію честной дѣвушки. Вотъ тебѣ, братецъ, за это....

Однако, письмо это навело Захара Михайлыча на мысль, которая безъ того, конечно, никогда не могла бы прійти ему въ голову.

— А что, если Наташа, подумалъ онъ: — любитъ этого Григорья Алексѣича? Вѣдь очень не мудрено.... Онъ же такой интересный, блѣдный, отпускаетъ этакія фразы. И къ тому же, кажется, малый-то хорошій.... И она частенько, бывало, въ Сергіевскомъ сидитъ съ нимъ вмѣстѣ.... гмъ! А что, если я тутъ подвернулся для того только, чтобы помѣшать ихнему счастью?

Digitized by Google

Можетъ, онъ еще прежде меня хотѣлъ сдѣлать предложеніе, да не рѣшался.... Все это можетъ быть.

Захаръ Михайлычъ свиснулъ.

— Эй, Прошка!

Прошка вдругъ выскочилъ какъ будто изъ подъ пола, въ сѣрой курткѣ, съ волосами, обстриженными подъ гребенку, руки по швамъ.

— Чего изволите-съ?

— Чтобы черезъ десять минутъ стоялъ у подъѣзда тарантасъ: красавчикъ въ корню, алексѣевская и бурая на пристяжкѣ. Слышишь?

— Слушаю, ваше превосходительство.

И Прошка повернулся на лѣво кругомъ.

Черезъ два съ половиною часа Захаръ Михайлычъ уже разговаривалъ съ Олимпіадой Игнатьевной.

— Нѣтъ, почтеннѣйшая Олимпіада Игнатьевна, говорилъ онъ: — вы дѣйствуйте со мною откровенно, я прошу васъ. Если ваша Наташа не согласна идти за меня, если она, напримѣръ, любитъ кого нибудь другого, такъ вы мнѣ это скажите на-прямки, безъ церемоніи, я предложеніе мое возьму назадъ, а мы все таки останемся съ вами по прежнему добрыми сосѣдями и друзьями. Вы не принуждайте ее: согласна она будетъ выйти за меня — очень радъ, не согласна — Богъ съ нею.... Ну, не полюбился я ей, старъ показался.... что дѣлать!... Да ужь вы мнѣ лучше позвольте съ ней сегодня самому объясниться хорошенько. Мы вмѣстѣ съ ней это дѣло порѣшимъ какъ разъ....

Но почти въ то самое время, какъ Захаръ Михайлычъ говорилъ это Олимпіадѣ Игнатьевнѣ, Лизавета, дочь ключницы, подала Наташѣ письмо отъ Григорья Алексѣича.

Съ страшнымъ замираніемъ сердца, дрожащей рукой схватила Наташа это письмо. И не мудрено: въ этомъ письмѣ заключалось рѣшеніе ея участи.

Наташа прочла его.

Изъ груди ея вырвался раздирающій стонъ, на лицѣ ея выступили красныя пятна, она схватилась за стулъ, чтобы не упасть, въ глазахъ ея потемнѣло, но она напрягла всѣ силы своего духа въ эту минуту и переломила себя. Она кинула дале-

Digitized by Google

ко отъ себя это письмо и вошла въ ту комнату, гдѣ сидѣла Олимпіада Игнатьевна съ Захаромъ Михайлычемъ.

Она не замѣтила его и бросилась къ ногамъ матери.

— Маменька! сказала она: — простите меня; я очень виновата передъ вами, я это вижу, простите меня. Я покоряюсь вашей волѣ; располагайте мной, какъ вамъ угодно!

Въ этотъ же вечеръ Наташа была обручена съ Захаромъ Михайлычемъ.

ЭПИЛОГЪ.

Я нынѣшнее лѣто видѣлъ Наташу.... но виноватъ, ее ужъ нельзя называть теперь Наташей. Наталья Николавна пользуется, по видимому, совершеннымъ здоровьемъ и счастіемъ. Она очень потолстѣла, лицо ея даже отекло нѣсколько, отъ этого глаза ея сдѣлались какъ бы по меньше и прежній огонь потухъ въ нихъ. Она очень нѣжно обращается съ своимъ супругомъ, — иногда даже цалуетъ его въ присутствіи постороннихъ. У нея сынокъ и дочка — оба, Богъ съ ними, такіе толстенкіе, такіе здоровенькіе, — смотрѣть любо! и она съ такимъ удовольствіемъ и съ такою гордостію показываетъ ихъ гостямъ!... Она цѣлый день занята или дѣтьми, или хозяйствомъ, и надо отдать ей честь, хозяйство идетъ у нея отлично. Наталья Николавна ужъ не читаетъ ни Руссо, ни Жоржъ-Сандъ: ей некогда читать, да и послѣ замужства у нея отъ-чего-то совсѣмъ пропала охота къ чтенію.... Наташа, читатель мой, сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ она должна была сдѣлаться. Много надобно было имѣть ей силы, чтобы выйти торжествующей изъ пошлости окружавшей ее дѣйствительности, а въ Наташѣ не было этой силы. Но чѣмъ могла быть эта Наташа въ другой сферѣ? Этотъ безполезный вопросъ, признаюсь, долго занималъ меня. Я не берусь рѣшить его, только, вѣроятно, изъ нея могло бы выйти что нибудь другое.... Наталья Николавна ни слова не спросила меня о Григорьи Алексѣичѣ, хотя знала, что я коротко знакомъ съ нимъ. Видно, примиренная настоящимъ, она совсѣмъ забыла свое прошедшее. И хорошо сдѣлала! Олимпіада Игнатьевна не нарадуется на свою дочку-генеральшу. Вся губернія отзывается теперь объ Натальѣ Николаевнѣ съ отличной

Digitized by Google

стороны, впрочемъ, кромѣ Агафьи Васильевны, которая не можетъ простить ей того, что она *превосходительная*. Кстати объ Агафьѣ Васильевнѣ. Ея Любаша, Икочка и Зиночка до сихъ поръ у нея на рукахъ. Это ее сильно раздражаетъ. Съ Олимпіадой Игнатьевной она окончательно разсорилась и грозитъ ей процессомъ за тотъ клочокъ земли, о которомъ мы упоминали въ началѣ повѣсти. Петруша менѣе прежняго говоритъ о человѣчествѣ и стиховъ своихъ что-то не читаетъ. Говорятъ, будто онъ началъ попивать. Не знаю, правда ли это, — впрочемъ, что намъ за дѣло до этого?... Меня болѣе всего занимала Наташа, такъ скоро превратившаяся въ Наталью Николавну. И какъ она отяжелѣла! какъ мѣшковата сдѣлалась ея походка! какъ нейдетъ къ ней блуза, которую она почти не спускаетъ съ плечъ!... Но за то (надо сознаться) лицо ея приняло неизмѣнно солидное и спокойное выраженіе. Въ ней нѣтъ теперь никакой рѣзкости, никакой особенности.... И *нравственность* и *родственники* вполнѣ торжествуютъ! И что ни говорите, а родственники совершенно правы. Какое будущее предстояло Наташѣ съ Григорьемъ Алексѣичемъ? Нѣтъ, нѣтъ, я рѣшительно на сторонѣ *нравственности* и *родственниковъ*. Я надѣюсь, что и вы также, мой добрый читатель?

Если хотите знать въ заключеніе, что сталось съ Григорьемъ Алексѣичемъ, я, пожалуй, удовлетворю ваше любопытство.

Григорій Алексѣичъ живетъ теперь въ Петербургѣ опять вмѣстѣ съ Сергѣемъ Александрычемъ. Григорій Алексѣичъ ничѣмъ особенно не занимается, но его постоянно мучитъ мысль, что онъ живетъ на чужой счетъ. Болѣе сказать о немъ нечего. Странный человѣкъ этотъ Григорій Алексѣичъ!

Сергѣй Александрычъ ведетъ жизнь веселую. Онъ недавно перезаложилъ свое имѣніе, потому-что проигрался въ кегли въ англійскомъ клубѣ. Рукопись свою «о будущности Россіи и объ отношеніяхъ ея къ западной Европѣ» онъ давно затерялъ. Это жаль и для Россіи и для западной Европы....

ИВАНЪ НАЙДЕНЪ.

Digitized by Google

САЛЬТЕАДОРЪ.

МЕКСИКАНСКІЯ СЦЕНЫ (*).

I.

Наступала для меня минута покинуть пустыню. Мнѣ не хотѣлось, однакожъ, отправиться въ Гермазильо, не осмотрѣвши президу тубакскую. Это была граница, назначенная мной долгому странствованію моему въ мексиканскихъ степяхъ. Разнообразныя встрѣчи и происшествія, случавшіяся со мной въ первой половинѣ моего путешествія, не могли утомить моего любопытства. И потому, въ день отъѣзда я былъ готовъ на новыя опасности, на новый трудъ. Я жалѣлъ, признаюсь вамъ, только объ одномъ, что я уже такъ хорошо зналъ страну, по которой долженъ былъ путешествовать. Неожиданное составляло до сихъ поръ всю прелесть и заманчивость моихъ странствованій, а неожиданнаго-то у меня теперь и не будетъ. — Въ Сонорѣ,

---

(*) У насъ, да и вообще въ Европѣ, очень мало извѣстно о Мексикѣ. А между тѣмъ, въ настоящую минуту на нее обращено всеобщее вниманіе, по случаю войны ея съ Соединенными Американскими Штатами. Мы думаемъ доставить удовольствіе нашимъ читателямъ, помѣстивъ нѣсколько живыхъ и прекрасныхъ мексиканскихъ разсказовъ г. Ферри, характеризующихъ эту любопытную страну. Сальтеадорами называются разбойники на большихъ дорогахъ.

Digitized by Google

говорилъ я себѣ: — ничего новаго я не увижу. Но я ошибался: случай долженъ былъ открыть мнѣ еще двѣ новыя стороны того, въ чемъ, думалось мнѣ, нѣтъ уже для меня ничего неизвѣстнаго. Посѣтивъ степи, прославленныя Купером, насладившись дикой жизнью, во всей ея независимости, мнѣ оставалось еще видѣть въ маленькомъ городкѣ, вблизи отъ центральныхъ провинцій, на ярмаркѣ св. Іоанна де Лосъ Лагосъ, борьбу невѣжества съ образованностью, борьбу, выражающуюся, какъ это очень часто бываетъ въ Мексикѣ, самыми грустными злоупотребленіями.

Переѣздъ мой изъ Норіи до президы тубакской я долженъ былъ совершить въ обществѣ двухъ мексиканскихъ охотниковъ. Ихъ вела въ степи дикая ненависть къ Индѣйцамъ и непреодолимое влеченіе, которое чувствуетъ охотникъ къ степи, какъ матросъ къ морю. Охота за выдрами была для нихъ, разумѣется, однимъ предлогомъ. Рѣшившись разстаться съ ними только на границѣ степей, я весело простился съ хозяиномъ гостинницы, дономъ Рамономъ, выбравъ въ его табунѣ двухъ отличныхъ лошадей и заплативъ за нихъ, безъ торгу, по 25 франковъ за каждую.

Мы отправились и черезъ два дня путешествія прибыли къ Тубаку, который находится на рубежѣ республики и пустыни. Въ небольшомъ разстояніи отъ Тубака, за рѣкой Сан-Педро, начинаются степи. Я ѣхалъ съ охотниками до берега рѣки; тутъ мы разстались, и я, признаться, не безъ волненія смотрѣлъ, какъ они отправлялись въ эти пустынныя мѣста, гдѣ погибло столько неустрашимыхъ людей.

Когда мои товарищи скрылись въ высокой травѣ, я обратилъ все вниманіе на прелесть окружавшей меня природы, на которую до этой минуты смотрѣлъ только мимоходомъ. Степи, оканчивающіяся со стороны Тубака у рѣки Сан-Педро, съ противоположной стороны граничатъ съ водами Миссури. Это была именно такая пустыня, о какой мечталъ я. За рѣкой волновались необозримые луга. У ногъ моихъ было небольшое озеро, отдѣленное отъ Сан-Педро узкимъ пространствомъ земли, бывшимъ рѣчнымъ логовищемъ. На широкихъ листьяхъ водяныхъ растеній, змѣи отражали на солнцѣ свою лоснящуюся кожу, клубясь и переплетаясь отвратительной сѣтью. Надъ водами озе-

Digitized by Google

ра летала туча журавлей, привлеченная этими пресмыкающимися. Длинные караваны американскихъ буйволовъ проходили по безмолвной долинѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, разсыпавшись группами или парами, паслись на густой травѣ, или, лежа на скатѣ утесовъ, спокойно смотрѣли на свои безграничныя владѣнія. Вдали между этими дикими животными происходила страшная борьба; глухой ревъ ихъ достигалъ до моего слуха, подобно отдаленному шуму моря — и какъ будто для того, чтобы и въ самой пустынѣ было видно присутствіе человѣка, толпа охотниковъ изъ мирнаго индѣйскаго племени спускалась въ эту минуту внизъ по теченію рѣки Сан-Педро на плотахъ, связанныхъ изъ тростника и поддерживаемыхъ на водѣ пустыми тыквами.

Караванъ муловъ, нагруженныхъ слитками серебра, и сопровождаемый нѣсколькими проводниками, протягивался длинной нитью на горизонтѣ. Я долго любовался этимъ торжественнымъ зрѣлищемъ, прислушиваясь къ мелодическому звону колокольчиковъ, висѣвшихъ на шеѣ муловъ и къ протяжному, однообразному пѣнію Индѣйцевъ, нарушавшему тишину пустыни.

Уже одного этого транспорта, провожаемаго небольшимъ числомъ *arrieros* (проводниковъ), было достаточно, чтобъ напомнить мнѣ, что я находился въ землѣ первобытной. Во внутреннихъ мѣстахъ республики для сопровожденія этихъ каравановъ въ безопасности часто недостаточно и цѣлаго отряда солдатъ, а на границѣ огромныя суммы денегъ можно безопасно перевести черезъ города и деревни съ небольшимъ числомъ самыхъ необходимыхъ людей для разгрузки муловъ, при каждомъ отдыхѣ. Странно! нигдѣ чужая собственность не уважается такъ, какъ въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ, первоначальное народонаселеніе которыхъ составляли выходцы, удалившіеся изъ большихъ городовъ. Преступленія, совершаемыя здѣсь, бываютъ всегда слѣдствіемъ неумѣнья владѣть своими страстями, но не холоднымъ разсчетомъ жадности. Здѣсь каждый живетъ внѣ дома и ни у кого нѣтъ домашнихъ тайнъ. Но увы! нравы въ Сонорѣ постепенно портятся и развратъ центральныхъ городовъ (Tierra Adentro) переходитъ и на границу республики, ибо сюда начинаютъ скрываться теперь воры, убійцы, бѣжавшіе изъ тюрьмы или съ галеръ, и недалеко уже, можетъ быть, время, когда Сонора промѣняетъ свои старинные обычаи на пороки и нищету, — неразлучные спутники полуобразованности. Я снова вы-

Digitized by Google

ѣхалъ на дорогу въ Тубакъ. Послѣ двухъ часовой ѣзды замѣтилъ я, что солнце было уже совершенно на закатѣ. Это удивило меня. До президы можно было доѣхать гораздо ранѣе. Я остановился, убѣдясь въ страшной дѣйствительности: обманутый безконечными пригорками, я совершенно сбился съ дороги. Взобравшись на одинъ изъ самыхъ высокихъ холмовъ, я осмотрѣлся. Вокругъ меня была одна степь, безконечная, необозримая степь, безъ деревьевъ, безъ домовъ, безъ убѣжища. Два выстрѣла, сдѣланные мной, какъ сигналъ, остались безъ отвѣта. Итакъ, мнѣ предстояло провести ночь въ степи. Дѣлать было нечего. Со страхомъ ожидалъ я, когда эти безчисленныя долины, скрывавшія въ себѣ столько ужасныхъ обитателей, покроются ночнымъ мракомъ. Въ эту минуту, небольшое сѣроватое облачко, показавшееся на горизонтѣ, вдругъ оживило меня. Облачко это, висѣвшее низко надъ землею и верхушка котораго была шире и прозрачнѣе, показалось мнѣ дымомъ отъ разведеннаго огня. Я быстро направилъ лошадь свою въ ту сторону, спрашивая самого себя, съ кѣмъ-то еще Богъ приведетъ меня встрѣтиться? Были ли то охотники, бивуакъ ли это свирѣпыхъ Индѣйцевъ, или отдыхъ погоньщиковъ муловъ? Транспортъ, видѣнный мной утромъ, пришелъ мнѣ на память и я не много успокоился. Темнота, между тѣмъ, увеличивалась и скоро я потерялъ изъ виду и самое облако. Нѣсколько минутъ прошло въ мучительной безвѣстности, но когда совершенно смерклось, огонь ярко засвѣтился въ темнотѣ. Я поѣхалъ на этотъ свѣтъ. Свѣтъ этотъ все разрастался и дѣлался ярче, по мѣрѣ моего приближенія къ нему.... Я уже былъ въ двухъ шагахъ отъ него и увидѣлъ силуэтъ двухъ человѣкъ, сидѣвшихъ у костра. Двѣ огромныя собаки бросились на меня съ страшнымъ лаемъ и не дали мнѣ опомниться, чтобы разсмотрѣть, съ какимъ народомъ свела меня судьба. По счастью, чей-то суровый голосъ прикрикнулъ на собакъ, и онѣ не съ охотою и медленно, огрызаясь, отправились назадъ къ огню. Начало было не дурно, но наружность моихъ будущихъ хозяевъ, когда я разсмотрѣлъ ихъ, не слишкомъ успокоила меня. Самое доброе и кроткое лицо принимаетъ нѣсколько суровое выраженіе, при красноватомъ блескѣ огня, а у моихъ незнакомцевъ физіономіи совсѣмъ не отличались кротостію. Одежда ихъ изъ бѣлой холстины отъ запекшейся на ней крови превратилась въ кору, и когда подошелъ

Digitized by Google

я къ самому огню, то замѣтилъ слѣды крови и на шерсти собакъ, которыя продолжали смотрѣть на меня недружелюбно.

— Идите смѣло, сказалъ одинъ изъ сидѣвшихъ у костра :— не бойтесь; собаки не тронутъ васъ, только сойдите скорѣе съ лошади; онѣ такъ пріучены, что только того, кто на лошади, принимаютъ за врага : *Апаши* никогда не ходятъ пѣшкомъ.

— Очень охотно, отвѣчалъ я, слѣзая съ лошади : — но я хотѣлъ только попросить васъ указать мнѣ дорогу къ президѣ Тубакской, отъ которой я долженъ быть очень недалеко.

— Если шесть миль ничего для васъ, то вы точно очень недалеко, сказалъ мнѣ незнакомецъ довольно грубо. Потомъ, видя мое удивленіе, прибавилъ : — если же вы, какъ надо полагать, судя по вашему вопросу и удивленію, заблудились, то вамъ всего бы лучше провести ночь у этого огня; въ противномъ случаѣ, вы и опять заблудитесь, а тогда ужь кончено. Вы не найдете ни огня — обогрѣться, ни куска мяса — поужинать.

Слова эти показались мнѣ очень справедливыми. Я не ѣлъ съ самого утра и страшно проголодался. Съ большой охотой принялъ я предложеніе, такъ для меня пріятное въ эту минуту. Избавившись отъ трехъ самыхъ тяжкихъ для меня заботъ : голода, жажды и одиночества, я началъ внимательно разглядывать все окружающее меня. Кромѣ сидѣвшихъ у костра, немного далѣе, въ тѣни, лежалъ еще человѣкъ. Крѣпко ли спалъ онъ, или задумался о чемъ — трудно было рѣшить, но казалось, онъ не слыхалъ ни лая собакъ, ни шума, произведеннаго моимъ приходомъ. Лица его я не могъ разсмотрѣть, а платье на немъ было точно такое же, какъ и на мнѣ. Лошадь, привязанная къ шесту, паслась недалеко отъ него. Далѣе, растянутыя на травѣ кожи, трупъ недавно убитаго буйвола, всевозможныя оружія служили мнѣ доказательствомъ, что амфитріоны мои занимались трудной и опасной охотой за американскими буйволами. Успокоенный и въ этомъ отношеніи, я пустилъ на траву мою лошадь, не снимая съ нея сѣдла, и сѣлъ къ огню.

Хозяева мои въ это время занимались приготовленіемъ ужина, который долженъ былъ состоять изъ куска душенаго мяса (tatemado). Для утоленія жажды нашей они отправились за водой къ сосѣдней рѣкѣ, и я съ удивленіемъ узналъ, что это была рѣка Сан-Педро, отъ которой я думалъ быть уже очень далеко и гдѣ снова очутился, самъ того не подозрѣвая. Наконецъ,

Digitized by Google

ужинъ былъ готовъ. Незнакомецъ, лежавшій въ сторонѣ, казалось, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на всѣ эти приготовленія, для меня столько важныя; но между Европейцемъ и Мексиканцемъ есть та разница, что послѣдній, нечувствительный къ голоду и жаждѣ, остается совершенно спокоенъ, въ то время, какъ первый изнемогаетъ отъ того или другого. По приглашенію нашихъ хозяевъ (я тутъ только узналъ, что онъ также, какъ и я, гостемъ у этихъ охотниковъ), онъ всталъ и подошелъ къ намъ, чтобъ раздѣлить трапезу, предложенную намъ пустыннымъ гостепріимствомъ. Ростъ и формы этого новаго товарища, возбудившаго во мнѣ необъяснимое любопытство, показывали силу и ловкость. Лицо его было мрачно, задумчиво; а въ рѣзкихъ чертахъ его видна была сила нравственная, превосходившая, можетъ быть, физическую. Въ первыхъ словахъ, которыя произнесъ онъ (это было что-то въ родѣ молитвы) не было замѣтно испорченнаго произношенія, отличающаго жителей Соноры. Въ немъ легко было узнать жителя центральныхъ городовъ республики.

Когда мы поужинали, я первый началъ говорить. — Есть обыкновеніе, сказалъ я, обращаясь къ охотникамъ: — что тотъ, кто обязанъ гостепріимствомъ, предупреждаетъ вопросы своего хозяина, и потому, я скажу вамъ, кто я, откуда и куда ѣду.

Я разсказалъ имъ подробно все до меня касавшееся, и долженъ сознаться, что всѣ эти подробности, какъ казалось, очень мало занимали моихъ слушателей. Только, когда я сказалъ о транспортѣ съ серебромъ, мнѣ показалось, что незнакомецъ сталъ слушать меня съ бо́льшимъ вниманіемъ.

— Транспортъ? произнесъ онъ, когда я кончилъ свой разсказъ. — А откуда его чортъ занесъ въ наши пустыни?

— Вѣроятно изъ Санта-Марія или Шигуагуа, отвѣчалъ я.— Развѣ вы недавно въ этой странѣ, что это удивляетъ васъ?

— Да, я не здѣшній, а такъ какъ вы мнѣ подали примѣръ, сеньоръ Французъ, то я удовлетворю, пожалуй, вашему любопытству, хотя моя откровенность, можетъ быть, и опаснѣе вашей.

При этихъ словахъ, оба охотника посмотрѣли на незнакомца съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ участіемъ, которое всегда пробуждается, при разсказѣ приключеній, какъ въ дикомъ,

Digitized by Google

такъ и въ образованномъ человѣкѣ. Незнакомецъ продолжалъ: — Рука эта не была до сихъ поръ запятнана человѣческою кровью, а со мной обошлись, какъ съ убійцею, и голова моя оцѣнена, какъ голова презрѣннаго душегубца!

— А во сколько оцѣнена голова ваша? спросилъ одинъ изъ охотниковъ.

— Вы не хотите ли продать ее?

— Нѣтъ, отвѣчалъ хладнокровно охотникъ: — если бы ваша голова стоила двадцать тысячъ піастровъ, то и тогда она была бы для меня священна, какъ голова моего гостя; а я спросилъ только для того, чтобъ узнать, во сколько цѣнятъ жизнь человѣка въ вашихъ городахъ?

— Въ пять сотъ піастровъ.

— Это дорого за жизнь человѣка; мой товарищъ и я, мы каждый день рискуемъ нашей изъ за кожи буйвола, которая не стоитъ болѣе пяти піастровъ. Чтожъ вы такое имъ сдѣлали?

— Доброе дѣло. Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, я торговалъ скотомъ и возвращался изъ деревни, лежащей близъ Гвадалаксары, куда я ходилъ по дѣламъ. Подходя къ городу, я увидѣлъ на большой дорогѣ зарѣзаннаго человѣка. Мнѣ показалось, что онъ еще живъ; я слѣзъ съ лошади и сталъ перевязывать ему рану на горлѣ, но я подоспѣлъ поздно съ моими услугами, и несчастный умеръ на моихъ рукахъ. Я поѣхалъ, взявши его лошадь съ собой, въ надеждѣ, что по ней я узнаю, кто былъ ея хозяинъ, но не успѣлъ проѣхать и одной мили, какъ отрядъ драгуновъ наскакалъ на меня и схватилъ, какъ убійцу, убійцу того, кому я перевязалъ рану. Но какъ я ни клялся въ своей невинности, они не повѣрили и связали мнѣ руки и въ такомъ видѣ я въѣхалъ въ Гвадалаксару. Убитый человѣкъ былъ сенаторъ; правосудіе, бывшее, конечно, на сторонѣ жертвы, обвинило меня, и я былъ заключенъ въ городскую тюрьму. Послѣ продолжительнаго моего пребыванія въ ней, меня привели передъ уголовнаго судью.—Ты увѣряешь въ своей невинности, дружокъ? сказалъ онъ мнѣ, — но ты бы долженъ догадаться, что я не очень повѣрю твоимъ словамъ. Я понялъ, что хотѣлъ этимъ сказать судья. — Есть ли у тебя, продолжалъ онъ: — свидѣтели, которые могутъ поручиться въ твоей невинности? Я сообразилъ все и отвѣчалъ: — У меня есть тысяча свидѣтелей, готовыхъ говорить въ мою пользу. — Это порядочно, сказалъ судья: — но

Digitized by Google

у родныхъ сенатора двѣ тысячи свидѣтелей противъ тебя; ты видишь, что тутъ бой не равенъ. Тогда я понялъ, что для меня все кончилось, и преклонилъ голову передъ неумолимымъ судіею, возложивъ надежду только на одного Бога и на самого себя.

Незнакомецъ молчалъ нѣсколько минутъ и чертилъ ножомъ по землѣ: меня поразило въ его разсказѣ одно противорѣчіе.

— Не сказали ли вы мнѣ, спросилъ я его, — что вы были одни, когда нашли зарѣзаннаго сенатора? откуда же вы взяли бы тысячу свидѣтелей?

Незнакомецъ улыбнулся моему простодушію.

— Развѣ вы не знаете, что въ глазахъ нашего правосудія тысяча свидѣтелей значатъ тысяча піастровъ, и что предлагаемая мной сумма не могла соперничать съ пожертвованіемъ богатой фамиліи, покупавшей наличными деньгами совѣсть моего судьи? За неимѣніемъ денегъ, я долженъ былъ употребить хитрость. Съ помощію ея, я освободился изъ тюрьмы, и съ этихъ поръ преслѣдуемый повсюду, я долженъ былъ бѣжать въ эти пустыни, дыша только однимъ мщеніемъ. Здѣсь я нашелъ пріятелей, и кажется (это я могу сказать смѣло) не далеко то время, когда отъ береговъ Атлантическаго океана до береговъ Тихаго моря продажное правосудіе это затрепещетъ передо мной!....

Лай собакъ перервалъ его въ эту минуту. Мы стали прислушиваться. Въ высокой травѣ послышался шорохъ шаговъ. Собаки бросились туда съ яростію и мы явственно услышали эти слова, произнесенныя жалобнымъ голосомъ:

— Іезусъ Марія! О, неужели, едва избавившись отъ когтей медвѣдя, я долженъ погибнуть отъ собакъ?

— Долой съ лошади! долой съ лошади! или вы пропали, закричалъ одинъ изъ охотниковъ, тщетно стараясь унять собакъ, которыя, впрочемъ, не обращая вниманія на его зовъ, ни на новоприбывшаго путешественника, рычали и лаяли страшно. Въ это время новый товарищъ нашъ подъѣхалъ къ намъ и мы увидали блѣднаго, дрожавшаго отъ испуга человѣка. Онъ съ ужасомъ смотрѣлъ вокругъ себя, бормоча молитвы; лошадь его, съ неподвижными глазами, съ раздутыми ноздрями, казалось, была испугана еще болѣе своего господина. Понимая, что какая-то неминуемая опасность угрожала намъ, мы, не распра-

Digitized by Google

шивая, вскочили съ мѣстъ своихъ. Охотники взяли свои карабины, незнакомецъ сѣлъ на лошадь и обнажилъ саблю. Новоприбывшій путешественникъ, кажется, не много ободрился и задыхающимся голосомъ прошепталъ: — посмотрите сюда! Іезусъ-Марія, помоги намъ!

Одинъ взглядъ, брошенный въ ту сторону, куда онъ показывалъ, объяснилъ намъ всю загадку. Въ тѣни, близь черты, гдѣ оканчивался свѣтъ отъ разложеннаго костра, стояла страшная фигура, покачиваясь со стороны на сторону и испуская глухой ревъ, сопровождаемый страшнымъ щолканьемъ зубовъ. Ощетинившіяся собаки, съ кровавыми глазами, недвижно стояли передъ звѣремъ, которому темнота придавала колоссальные размѣры. Это былъ ужасъ степей — сѣрый медвѣдь. Равняясь величиной обыкновенному быку, онъ силенъ и свирѣпъ до невѣроятія. Шерсть его такъ густа, что почти никакое орудіе на него не дѣйствуетъ, а легкая рана можетъ только раздражить его, и горе охотнику, если ударъ его не попалъ въ глазъ, въ голову или въ сердце, — горе ему! — тогда медвѣдь съ яростію бросается на своего противника, и несчастный, еслибъ онъ имѣлъ даже силу буйвола, непремѣнно будетъ задавленъ. Скрываясь въ пещерахъ или въ вырытыхъ имъ самимъ ямахъ, сѣрый медвѣдь кидается оттуда на буйвола, тащитъ его въ свое логовище и пожираетъ его тамъ съ наслажденіемъ. Таковъ былъ непріятель, явившійся къ намъ такъ неожиданно и отъ котораго спастись могъ только всадникъ на хорошей лошади.

— Садитесь всѣ на лошадей, прошепталъ одинъ изъ охотниковъ.

Путешественникъ не заставилъ себѣ повторять это два раза. Что же касается до меня, то мнѣ не такъ легко было воспользоваться совѣтомъ его, потому-что лошадь моя, хоть и совершенно осѣдланная, но, испугавшись страшнаго гостя, отбѣжала и исчезла въ темнотѣ. Ружье мое было привязано къ сѣдлу, и я, во второй разъ въ жизни, безъ лошади, безъ оружія, подвергался неизбѣжной гибели. По счастію, инстинктъ моей лошади вывелъ меня изъ опаснаго положенія. Едва сдѣлалъ я нѣсколько шаговъ на удачу, какъ это вѣрное и умное животное увидало меня и остановилось, какъ будто поджидая къ себѣ.

Въ одну минуту уже я былъ на лошади, и съ ружьемъ въ рукѣ догонялъ моихъ товарищей.

Digitized by Google

Страшный звѣрь стоялъ все на томъ же мѣстѣ, удерживаемый блескомъ огня и большимъ числомъ непріятелей. Съ свойственной его породѣ медлительностію, онъ какъ будто спрашивалъ себя: напасть ли ему на насъ или ретироваться, но щолканье зубовъ его ясно обнаруживало, что онъ былъ очень голоденъ. Мы, подобно ему, стояли въ оборонительномъ положеніи и въ нерѣшимости, изъ которой вывести насъ могло только нападеніе или бѣгство непріятеля. Въ эти короткія минуты, полныя самаго мучительнаго ожиданія, нашъ новый гость, прійдя въ себя, объявилъ намъ цѣль своего ночного странствованія. Ему необходимо было поспѣть въ эту ночь за милю отъ Тубака, чтобъ догнать транспортъ съ деньгами. На полдорогѣ, медвѣдь, стоявшій въ эту минуту передъ нами, погнался за нимъ и преслѣдовалъ его въ продолженіи двухъ часовъ. Лошадь его, скакавшая столько времени съ мѣшкомъ золота, привязаннымъ къ сѣдлу, совсѣмъ изнемогла отъ усталости, въ ту минуту, когда огонекъ нашъ блеснулъ передъ нимъ спасительнымъ маякомъ... Легко понять, какъ разсѣянно слушали мы разсказъ его. Медвѣдь продолжалъ рычать, поворачиваясь на всѣ стороны и роя когтями землю. Положеніе наше было ужасно. Испуганныя собаки съ жалобнымъ воемъ улеглись подлѣ своихъ хозяевъ. Незнакомецъ оказывалъ величайшее нетерпѣніе, какъ будто каждая минута тянулась для него вѣчностью. Онъ расхаживалъ взадъ и впередъ съ саблей въ рукѣ, какъ матадоръ на аренѣ.

— Ну, что же, господа, неужели мы такъ спокойно отдадимъ себя на жертву этому звѣрю? Стрѣляйте скорѣе въ него, а я беру на себя докончить дѣло.

Охотники, по видимому, совѣтовались между собою.

— И точно, сказалъ одинъ изъ нихъ: — мы все же можемъ влѣпить въ него четыре заряда; сеньоръ замѣчаетъ справедливо: пять человѣкъ не должны стоять неподвижно передъ звѣремъ, какъ бы свирѣпъ онъ ни былъ.

— Терпѣніе! отвѣчалъ его товарищъ: — дайте мнѣ прежде попробовать средство болѣе мирное, и если оно не удастся, мы нападемъ тогда на медвѣдя и предадимъ себя на Божію волю. Голоднаго звѣря болѣе всего удерживаетъ здѣсь запахъ сырого мяса; пусть двое изъ насъ продолжаютъ держать его въ почтительномъ отдаленіи, между тѣмъ, какъ трое оттащатъ зарѣзан-

Digitized by Google

наго быка подальше отъ огня. Тогда вѣроятно медвѣдь бросится на него и избавитъ насъ отъ своего присутствія.

Предложеніе это было одобрено всѣми, и мы раздѣлились на двѣ партіи. Охотники обвязали буйвола веревкой, путешественникъ привязалъ ея конецъ къ сѣдлу, и тяжелая масса эта потащилась по травѣ, оставляя за собой широкій слѣдъ. Незнакомецъ и я остались на прежнемъ мѣстѣ, продолжая наблюдать за движеніями медвѣдя, который, съ своей стороны, недвижно смотрѣлъ насъ. Черезъ нѣсколько минутъ и товарищи наши присоединились къ намъ.

— Кончено, сказалъ одинъ изъ нихъ:—хоть, признаюсь, мнѣ очень жаль было уступить нашу добычу этому чудовищу.

— За остальное я теперь берусь, сказалъ незнакомецъ.

Не сходя съ лошади, онъ наклонился, поднялъ пылающее полѣно и, держа узду въ зубахъ, полѣно въ одной рукѣ, саблю въ другой, двинулся прямо на медвѣдя. Минута была страшная для всѣхъ насъ. При видѣ приближавшагося къ нему человѣка верхомъ, медвѣдь заревѣлъ и сталъ на заднія лапы, махая ими по воздуху. Потомъ, побѣжденный ли неустрашимостью своего противника, или просто испугавшись пылавшаго полѣна, онъ опустился на лапы и сталъ пятиться. У насъ отлегло на сердцѣ, когда онъ совершенно исчезъ изъ нашихъ глазъ. Мы стояли молча нѣсколько минутъ, и, наконецъ, услышали радостный ревъ его и шумъ отъ тяжелаго тѣла, которое онъ тащилъ за собою. Хитрость наша удалась: медвѣдь схватилъ буйвола и отправился съ нимъ въ логовище свое. Осада была снята. Незнакомецъ вложилъ въ ножны саблю и, подходя къ охотникамъ, подсѣвшимъ уже къ огню, сказалъ имъ:

— Мнѣ остается только поблагодарить васъ, друзья мои, за оказанное мнѣ гостепріимство; я никогда не забуду его. Теперь я иду туда, куда меня зоветъ судьба!

И, наклонясь на сѣдлѣ, онъ протянулъ охотникамъ руку.

— Дай Богъ, сказалъ ему одинъ изъ нихъ, отвѣчая ему на его привѣтствіе тѣмъ же: — чтобъ вы находили вездѣ, какъ у насъ, вѣрный пріютъ и добрый пріемъ.

Я, съ своей стороны, хотѣлъ сказать незнакомцу, какое участіе возбуждала во мнѣ его участь; но меня предупредилъ путешественникъ съ мѣшкомъ золота; ему очень хотѣлось имѣть его своимъ товарищемъ.

Digitized by Google

— Позвольте спросить васъ, сказалъ онъ робко: — куда отправляетесь вы?

Незнакомецъ молча указалъ рукою въ ту сторону, гдѣ недавно показалось пламя, отражавшееся на небѣ красноватымъ заревомъ. Былъ ли то сигналъ, который подавали ему друзья его, бодрствовавшіе надъ нимъ издали? Вопросъ, мой сдѣланный ему объ этомъ, онъ отклонилъ и, указавъ на звѣзды, отвѣчалъ:

— Путеводителями мнѣ служатъ звѣзды. По этому направленію я непремѣнно доѣду до президы тубакской.

— О, какой счастливый случай! вскричалъ путешественникъ. — Мнѣ именно необходимо отправиться въ эту сторону и хоть здѣсь, благодаря Бога, никогда не бываетъ сальтеадоровъ, но я все таки буду очень радъ ѣхать съ такимъ храбрымъ человѣкомъ, какъ вы, тѣмъ болѣе, что я долженъ отвѣчать за ввѣренную мнѣ сумму.

— А она у васъ въ этомъ мѣшкѣ? спросилъ незнакомецъ, посмотрѣвъ на него какъ будто съ сожалѣніемъ.

— Да, три тысячи піастровъ золотомъ.

— Если такъ, то, послушайтесь меня, дождитесь здѣсь, пока разсвѣтетъ. Ночь темна, хоть глазъ выколи, а лошадь моя бѣжитъ очень скоро, и, можетъ быть, вамъ трудно будетъ поспѣвать за нею. Повѣрьте мнѣ, я говорю вамъ, останьтесь здѣсь.

Но путешественникъ настаивалъ, говоря, что онъ и такъ уже запоздалъ и что ему необходимо ѣхать, чтобъ застать транспортъ съ деньгами, остановившійся близь Тубака. Незнакомецъ долженъ былъ, наконецъ, согласиться на просьбу путешественника, хоть и съ видимой неохотой. Онъ сошелъ съ лошади и поправилъ упряжь, и потомъ, оборотясь ко мнѣ, сказалъ:

— Сеньоръ Французъ, если когда нибудь и гдѣ нибудь мы случайно встрѣтимся съ вами опять, то вы, можетъ быть, съ удовольствіемъ напомните мнѣ о томъ, какъ мы здѣсь грѣлись съ вами у одного огня.

Нѣсколько удивленный этимъ страннымъ прощаніемъ, я еще собирался только отвѣчать ему, какъ ужь оба путешественника скрылись изъ нашихъ глазъ.

— Гм! ягненокъ и тигръ, прошепталъ охотникъ, покачивая таинственно головою: — ягненокъ и тигръ недолго проѣдутъ вмѣстѣ.

Digitized by Google

Потомъ онъ собралъ разбросанныя головни и легъ, ногами къ огню. Товарищъ его и я сдѣлали тоже. Остальная часть ночи прошла тихо и только утренняя роса, столько холодная въ Америкѣ, разбудила насъ. По счастію, медвѣдь не могъ воспользоваться всѣмъ завтракомъ нашимъ: нѣсколько кусковъ мяса, остатки вчерашняго, жарились на угольяхъ, и я во второй разъ убѣдился, что путешественники совершенно правы, восхваляя вкусъ этого мяса. Между тѣмъ, какъ мы завтракали такимъ образомъ и съ аппетитомъ, свойственнымъ однимъ только охотникамъ, солнце взошло и освѣтило окружающіе насъ предметы. Наступившій день обѣщалъ быть также богатымъ на приключенія, какъ и прошедшая ночь. Весенняя степь была усѣяна стадами буйволовъ; надобно замѣтить, что нападать на нихъ въ это время болѣе нежели безразсудно. Пожалуй, можно убить одного или двухъ изъ нихъ, отдаливъ ихъ отъ стада; это зависитъ отъ ловкости и проворства охотниковъ. Противъ ожиданія моихъ товарищей, буйволы шли всѣ къ рѣкѣ и ни одинъ не отставалъ отъ стада.

Европеецъ, въ первый разъ увидѣвшій американскаго буйвола, вѣроятно, страшно бы испугался. Американскій буйволъ величиной съ обыкновеннаго буйвола; густая грива, черная или рыжеватая, покрываетъ его шею и грудь и спускается до самыхъ ногъ его. Остальная часть тѣла покрыта короткой шерстью, какъ у льва, и, подобно льву, онъ тоже безпрестано ударяетъ хвостомъ своимъ. Тяжелая походка его потрясаетъ землю, ревъ раздираетъ воздухъ; глаза, выражающіе безсмысленную свирѣпость, и черные, острые рога довершаютъ красоту его.

Продолжая наблюдать, не безъ досады, за всѣми движеніями стада, одинъ изъ охотниковъ посмотрѣлъ съ видомъ знатока на мою лошадь, которую онъ не успѣлъ прежде разсмотрѣть.

— *Caramba!* сказалъ онъ: — широкая грудь и ноздри, тонкія ноги, о! да ваша лошадь превосходна.

— Да, отвѣчалъ я съ чувствомъ достоинства:—она поспоритъ съ оленемъ въ легкости и съ муломъ въ терпѣніи...

— И съ быкомъ въ быстротѣ, прервалъ охотникъ. — Знаете ли что, сеньоръ Французъ, вы бы могли оказать мнѣ очень важную услугу.

— Говорите.

Digitized by Google

— Вы видите это трусливое стадо, которое какъ будто бѣжитъ отъ насъ; ваша лошадь бойка: она догонитъ ихъ; выстрѣлите въ нихъ разъ или два изъ ружья; вы раните, по крайней мѣрѣ, одного; тогда все стадо побѣжитъ за вами, но вамъ будетъ легко перегнать его; самые проворные только, т. е. самые сильные отстанутъ отъ стада и подойдутъ къ вамъ ближе, а намъ только того-то и нужно.

— Вы не шутите? спросилъ я. Охотникъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. — А если моя лошадь споткнется?

— Нѣтъ, она не споткнется.

— А если?

— Ну, тогда вамъ трудно будетъ спастись отъ нихъ, хоть, впрочемъ, были примѣры, что иногда такимъ образомъ и спасались. Впрочемъ, если вамъ суждено погибнуть съ такою славою, я обѣщаю сдѣлать въ память вашу страшное истребленіе буйволовъ.

— Послушайте, сказалъ я ему: — я готовъ оказать вамъ тысячу услугъ, только кромѣ этой. Нѣсколько дней тому назадъ, я по неволѣ участвовалъ въ охотѣ за тигромъ, въ эту ночь за медвѣдемъ, и не имѣю теперь ровно никакого желанія вступать въ бой съ быками. Если хотите, я лучше уступлю вамъ мою лошадь.

— Я не смѣлъ просить у васъ этой милости; я полагалъ, прибавилъ охотникъ съ наивностію: —что сдѣлаю вамъ удовольствіе, предложивъ это маленькое разсѣяніе.

Я поблагодарилъ его за доброе намѣреніе и со вздохомъ передалъ ему поводья моей лошади.

Охотникъ началъ съ того, что разсѣдлалъ ее, сложилъ въ четверо одѣяло, служившее ему плащемъ, и прикрѣпилъ его къ спинѣ лошади длиннымъ поясомъ своимъ,—потомъ снялъ сапоги и куртку и остался съ босыми ногами, въ короткихъ шароварахъ и въ рубашкѣ.

— Такъ какъ эта охота не совсѣмъ легка, сказалъ онъ: — то надо, чтобъ движенія мои и моей лошади были совершенно свободны; а вы увидите, что можно сдѣлать съ такимъ животнымъ, какъ ваша лошадь!

Въ такомъ костюмѣ, привѣсивъ къ сѣдлу родъ сабли, охотникъ вскочилъ на лошадь, убѣдился, что все хорошо улажено и, съ ловкостью древнихъ Нумидянъ, пустилъ ее, потомъ вдругъ

Digitized by Google

удержалъ на минуту, намоталъ на руку веревку, замѣнявшую узду, полетѣлъ, какъ стрѣла, пущенная изъ лука, и также быстро воротился назадъ.

— Вы не знаете всей цѣны вашей лошади, сказалъ онъ мнѣ:— и мнѣ даже досадно, что я лишаю васъ случая узнать самимъ, что это за сокровище.

Признаюсь, что въ его рукахъ моя лошадь казалась мнѣ совсѣмъ другою, и я убѣдительно просилъ охотника не слишкомъ подвергать ее рогамъ буйволовъ.

— Мы раздѣлимъ съ ней опасность поровну, возразилъ онъ со смѣхомъ, потомъ онъ далъ намъ наставленія, что намъ дѣлать. Мы должны были лечь на землю, съ ружьемъ въ рукахъ, и сторожить изъ за высокой травы за всѣми движеніями буйволовъ, которыхъ онъ будетъ гнать въ нашу сторону.

— Впрочемъ, прибавилъ онъ:—вы еще успѣете полюбоваться, сеньоръ Французъ, такой скачкой, какую вамъ, конечно, рѣдко случалось видѣть. Я хочу вамъ показать, чего можно ожидать отъ такой лошади, когда ею управляютъ руки опытнаго охотника.

И произнеся это, онъ въ туже минуту полетѣлъ къ стаду буйволовъ, ревъ которыхъ доносился къ намъ по вѣтру. Я стоялъ на берегу рѣки, чтобъ не потерять ничего изъ обѣщаннаго мнѣ зрѣлища. Лошадь скорѣе летѣла, чѣмъ бѣжала, она ржала весело, ловко перескакивая черезъ всѣ возвышенія, и, наконецъ, исчезла за однимъ пригоркомъ. Товарищъ мой вколотилъ тогда въ землю длинную палку, навязавъ на нее платокъ съ красными клѣтками. Я спросилъ его, не сигналъ ли это для его товарища?

— Нѣтъ, сказалъ онъ:—но красное раздражаетъ быковъ. Если Жоакинъ успѣетъ отдалить отъ стада одного или двухъ, платокъ этотъ непремѣнно заманитъ ихъ сюда, и мы застрѣлимъ ихъ тотчасъ же; только вы старайтесь цѣлить имъ прямо въ голову, въ ту минуту, какъ они бросятся на насъ.

— Но развѣ необходимо заманивать ихъ именно сюда?

— Разумѣется, отвѣчалъ онъ, не думая о томъ, что я вовсе не принадлежалъ къ охотникамъ ex professo. Въ эту минуту мы замѣтили волненіе въ стадѣ буйволовъ, покрывавшихъ нижній скатъ пригорка, за которымъ скрылся Жоакинъ. Отважный охотникъ нашъ взъѣхалъ на высоту съ противоположной стороны и пронзительно крикнулъ. Стадо отвѣчало на его крикъ продолжитель-

Digitized by Google

нымъ ревомъ. Онъ слетѣлъ съ пригорка и исчезъ посреди роговъ и черныхъ гривъ. Стадо испугалось и разсѣялось въ разныя стороны, а онъ летѣлъ на конѣ, цѣлый и невредимый. Два огромнѣйшіе буйвола были предводителями одной изъ колоннъ, отдѣлившейся отъ стада, и на нихъ-то, кажется, и хотѣлось напасть охотнику. Увиваясь около нихъ, и взадъ и впередъ съ необычайною легкостью и смѣлостью, Жоакинъ то исчезалъ, то снова показывался; но предводители никакъ не отставали отъ своихъ товарищей. Наконецъ, между ними и стадомъ образовалось небольшое пустое пространство. Быстрый, какъ молнія, охотникъ ринулся въ это пространство, но слишкомъ понадѣясь на легкость лошади, онъ не догадался о хитрости своихъ непріятелей, и живая волна эта, на минуту раздѣленная, снова слилась, и несчастный охотникъ исчезъ въ ней, какъ въ безднѣ. Я забылъ объ лошади, думая только о немъ и бросилъ тревожный взглядъ на товарища бѣднаго Жоакина. Смуглыя щоки охотника были покрыты смертной блѣдностью; съ карабиномъ въ рукѣ, онъ хотѣлъ броситься на помощь товарищу, какъ вдругъ радостно вскрикнулъ и остановился. Спасаясь отъ роговъ двухъ буйволовъ, отставшихъ, наконецъ, отъ стада, Жоаканъ стоялъ на лошади, которую защищало отъ ихъ ударовъ толстое шерстяное одѣяло обвязанное вокругъ нея. Когда эта группа начала приближаться къ намъ, онъ выдернулъ изъ ноженъ свою саблю, поставилъ одну ногу на плечо буйволу, вонзилъ оружіе въ него, и въ ту минуту, какъ животное собирало послѣднія силы, чтобъ отмстить за себя, онъ соскочилъ на землю. Въ это мгновеніе бѣдная лошадь моя, приподнятая быкомъ, сдѣлала страшный прыжокъ и тѣмъ спаслась. Оправясь, она продолжала бѣжать, преслѣдуемая обоими буйволами. Жоакинъ бѣжалъ за нею, держа узду въ рукѣ; онъ, наконецъ, притянулъ ее къ себѣ, схватилъ за гриву и вспрыгнулъ на нее съ торжествующимъ крикомъ.

— Теперь наша очередь! сказалъ мой товарищъ, видя, что буйволы, раздраженные преслѣдованіемъ и лошади и всадника, устремлялись на насъ неровнымъ шагомъ, тогда какъ стадо, лишенное предводителя, удалялось въ другую сторону. Мы легли на-земь ничкомъ на береговомъ скатѣ въ ожиданіи непріятелей, которые пріостановились на минуту, съ грознымъ ревомъ, роя землю рогами. Охотникъ сталъ махать платкомъ, привязаннымъ

Digitized by Google

къ палкѣ. При видѣ ненавистнаго имъ цвѣта, животныя съ остервѣненіемъ бросились къ цѣли, которая, по крайней мѣрѣ, не бѣжала отъ нихъ, — они устремились на насъ. Жоакинъ отъѣхалъ въ сторону, роль его была кончена.... Трудно представить себѣ, до чего ужасенъ видъ разъяреннаго и раненаго буйвола; при каждомъ движеніи, кровь лилась съ обѣихъ сторонъ по его черной гривѣ; кровавая пѣна наполняла его ноздри, и страшный ревъ дѣлался громче и громче, приближаясь къ намъ. Одинъ изъ буйволовъ бѣжалъ впереди, не спуская своихъ тупыхъ и звѣрскихъ глазъ съ платка, колыхавшагося отъ вѣтра. У товарища моего, такъ же какъ и у меня, былъ въ рукѣ карабинъ. Еще минута - и намъ бы предстояло защищаться противъ этихъ разъяренныхъ животныхъ. По счастью, раненый быкъ повалился на траву и издохъ. «Стрѣляй!» закричалъ охотникъ. Три пули попали прямо въ голову другому быку: онъ остановился и упалъ на одинъ шагъ разстоянія отъ насъ. Жоакинъ подъѣзжалъ тихимъ шагомъ, спокойно и съ улыбкой, какъ будто онъ былъ въ манежѣ и хотѣлъ показать всѣ достоинства своей лошади. Онъ сталъ разсматривать убитаго нами быка.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ:—вы всадили обѣ пули ваши ему въ голову; это очень не худо для новичка! Что же касается до меня, то я впередъ рѣшительно буду охотиться только на лошади.

— Но не на моей, надѣюсь, отвѣчалъ я: — бѣдное животное только чудомъ спаслось отъ роговъ вашихъ животныхъ.

— Съ вашей лошадью я еще и не то бы сдѣлалъ, но я, при первомъ же случаѣ, покажу вамъ себя. А, смотрите! Провидѣніе услышало мое желаніе и посылаетъ мнѣ лошадь, да и еще осѣдланную, совершенно готовую.

Въ самомъ дѣлѣ, осѣдланная лошадь бѣжала къ рѣкѣ, такъ быстро, какъ будто и за ней гналось стадо. Широкія стремяна, ударяя ее по бокамъ, погоняли ее. Видно было, что она пробѣжала уже большое пространство, судя по пѣнѣ и по вспотѣвшей груди ея. Всадникъ ея, должно быть, остался далеко.

— Если я не ошибаюсь, сказалъ Жоакинъ:—то это лошадь того путешественника, который возвѣстилъ намъ о приближеніи медвѣдя. Вѣроятно, съ нимъ случилось что нибудь недоброе; вѣдь не могла же его сбросить лошадь. Хоть онъ и не

Digitized by Google

слишкомъ храбръ, но ѣздитъ хорошо, сколько я замѣтилъ. Надѣюсь, вы мнѣ позволите воспользоваться еще разъ вашей лошадью, для того, чтобъ догнать эту.

Говоря это, охотникъ розмоталъ веревку, обверченную вокругъ шеи моей лошади, сдѣлалъ на концѣ ея узелъ и поскакалъ къ рѣкѣ. Скоро догналъ онъ лошадь и съ ловкостью, свойственною однимъ Мексиканцамъ, набросилъ на нее веревку. Лошадь отдалась безъ сопротивленія. По сѣдлу мы не много могли узнать объ участи несчастнаго путешественника. Впрочемъ, царапина, и очень глубокая, на кожѣ сѣдла, у праваго стремени, доказывала, что всадникъ силой былъ сброшенъ на землю и что его шпора сдѣлала эту царапину въ минуту паденія. Кожаные ремни, которыми привязанъ былъ мѣшокъ, были перерѣзаны, а не развязаны и не разорваны, а въ мѣшкѣ было золото, какъ онъ самъ говорилъ. Охотники покачали головой.

— Я никогда не довѣрялъ очень этимъ пришельцамъ изъ города (tierra-adentrenos), сказалъ Жоакинъ.—Такъ какъ вы ѣдете въ Тубакъ, сеньоръ, то и я съ вами поѣду. Лошадь эта пришла съ той стороны, и мнѣ бы хотѣлось разузнать объ этомъ дѣлѣ повѣрнѣе.

Я охотно согласился на это предложеніе, и выкупавъ мою лошадь, чтобъ изгладить слѣды подвиговъ Жоакина, осѣдлалъ ее. Охотникъ отвязалъ своихъ двухъ собакъ, которыя были привязаны къ ивовому кусту, — и мы, простившись съ товарищемъ его, пустились въ путь: я на моей лошади, а Жоакинъ на той, которую ниспослала ему судьба.

Проѣхавши шаговъ двѣсти, мы увидали на травѣ карабины путешественника, отвязавшіеся отъ сѣдла вѣроятно во время бѣга лошади.

— Можетъ быть, сказалъ я:—мы найдемъ и мѣшокъ съ золотомъ?

Онъ покачалъ головой съ недовѣрчивой улыбкой. Мы ѣхали цѣлый часъ скорой рысью. Не доѣзжая одной мили до Тубака, собаки залаяли и бросились въ другую сторону; мы послѣдовали за ними. Страшное зрѣлище ожидало насъ. Середи кровавой лужи, лицомъ къ землѣ, лежалъ несчастный путешественникъ, поѣхавшій нѣсколько часовъ тому назадъ вмѣстѣ съ незнакомцемъ.

Digitized by Google

— Пословица справедлива, грустно сказалъ охотникъ: — тигръ и ягненокъ не долго могутъ путешествовать вмѣстѣ. Бѣдняжка! прибавилъ онъ съ состраданіемъ: — онъ былъ такъ слабъ и робокъ, его вѣроятно ударили сзади. А, да вотъ, смотрите, слѣды тигра. Это именно тотъ слѣдъ, который я замѣтилъ подлѣ нашего огня, но только тутъ же и другіе, мнѣ незнакомые.

Охотникъ, говоря это, разсматривалъ слѣды со вниманіемъ, свойственнымъ всѣмъ его соотечественникамъ. Полный увѣренности въ чудный инстинктъ его, я слушалъ Жоакина съ живѣйшимъ любопытствомъ. Осмотрѣвъ внимательно мѣстность, потомъ размысливъ немного, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ голосомъ непоколебимой увѣренности:

— Даю клятву передъ Богомъ и передъ людьми, если бъ даже трупъ этотъ былъ трупъ моего брата, — что человѣкъ, котораго подозрѣвалъ я, невиненъ въ убійствѣ; преступленіе было совершено противъ его воли. Здѣсь (и онъ указалъ на слѣды колѣней) несчастный просилъ пощады; ѣхавшій съ нимъ незнакомецъ защищалъ его, что доказываетъ отпечатокъ его слѣдовъ подлѣ его колѣнъ, и вотъ на этомъ мѣстѣ, прибавилъ онъ, показывая на слѣдъ только одной передней оконечности ноги: — шакалъ ударилъ несчастнаго сзади. Шакалъ, въ свою очередь, будетъ убитъ! Я отвѣчаю за это.

Въ первый разъ еще слышалъ я Мексиканца, говорящаго съ такою торжественностью и съ такимъ чувствомъ при видѣ умершаго. Я молча пожалъ руку Жоакина. Нѣсколько часовъ спустя, разстался я съ нимъ, и разстроганный еще видѣнной мной сценой, въѣхалъ въ Тубакъ. Я ни слова никому не сказалъ о грустной встрѣчѣ моей. Въ *прессѣ*, впрочемъ, всѣ были въ величайшемъ волненіи, потому-что случилось дѣло, неслыханное въ той странѣ: какіе-то неизвѣстные люди напали въ предшествующую ночь на транспортъ съ серебромъ и разграбили его. Происшествіе это, изумившее всѣхъ, для меня было ясно, какъ для охотника всѣ подробности убійства несчастнаго путешественника, — и тутъ и тамъ я видѣлъ участіе tierra-adentreno.

Digitized by Google

II.

Цѣль моей поѣздки въ Тубакъ была достигнута. Я видѣлъ вблизи послѣдніе остатки первобытныхъ нравовъ, сохраняющихся еще въ нѣкоторыхъ частяхъ республики, и которые грубая полуобразованность мексиканская старается совершенно изгладить. Теперь мнѣ оставалось только позаботиться о возвращеніи. Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда моего въ Тубакъ, какъ узналъ я, долженъ былъ отправиться караванъ по направленію къ югу. Я присоединился къ нему, въ полной увѣренности, что теперь всѣ приключенія мои уже кончились, что только — и то развѣ во снѣ — придется мнѣ, можетъ статься, увидѣть нѣкоторыхъ изъ представителей этого простодушно варварскаго общества, которое доселѣ поддерживается еще въ Мексикѣ, не смотря на всѣ преслѣдованія, изобрѣтаемыя лже-просвѣщеніемъ. Изъ всѣхъ странныхъ типовъ, которые удавалось мнѣ встрѣчать въ моемъ странствованіи, типъ *сальтеадора*, или разбойника на большой дорогѣ, видѣлъ я только вскользь, и его-то случай доставилъ мнѣ возможность снова увидать, во всемъ его блескѣ. Таинственное лицо, разсказавшее мнѣ на охотничьемъ бивуакѣ свою борьбу съ мексиканскимъ правосудіемъ, объяснило мнѣ, какъ начинается жизнь разбойника; ему же суждено было объяснить мнѣ, какъ она и оканчивается. Не подумайте, чтобы висилицей. О, нѣтъ! тотъ, кто начинаетъ борьбой съ жрецами правосудія, оканчиваетъ обыкновенно миролюбивой съ ними сдѣлкой и не рѣдко имъ же предписываетъ законы. Такова комическая развязка не одной мрачной трагедіи.... Прежде всего долженъ я сказать нѣсколько словъ о новомъ товарищѣ, моемъ соотечественникѣ, съ которымъ судьба свела меня, кажется, нарочно для того, чтобъ познакомить, при самомъ концѣ моихъ странствованій, исполненныхъ приключеній, съ опасностями, которыхъ я и не подозрѣвалъ еще. На третій день нашего путешествія остановились мы какъ-то вечеромъ для отдыха близъ одной рѣки. Громкій хохотъ привлекъ меня къ самому берегу, гдѣ нѣсколько женщинъ полоскали calzoncillos своихъ мужей. Молодой человѣкъ, съ лицомъ сильно загорѣвшимъ и съ тѣмъ выраженіемъ открытымъ и веселымъ, которое,

Digitized by Google

кажется, свойственно только однимъ Французамъ, любезничалъ съ прачками. Онъ говорилъ на туземномъ нарѣчіи, картавилъ, какъ истинный Парижанинъ — и это-то возбуждало всеобщій хохотъ. Разумѣется, мы тотчасъ же познакомились съ нимъ. Г. Д. путешествовалъ по Мексикѣ пѣшкомъ: онъ это дѣлалъ по собственному желанію; но зная, съ какимъ презрѣніемъ въ этой странѣ смотрятъ на пѣшаго, купилъ себѣ лошадь для того только, чтобъ садиться на нее, проѣзжая черезъ города или деревни. Остальное время онъ обыкновенно велъ лошадь подъ уздцы. Сынъ парижскаго мануфактуриста, мой новый товарищъ долженъ былъ жениться на богатой наслѣдницѣ, но наканунѣ свадьбы ему такъ стало жаль своей свободы, что онъ рѣшился бѣжать изъ Парижа. Шесть лѣтъ уже бродилъ онъ то въ южной, то въ сѣверной Америкѣ, нося по домамъ кой-какіе товары и доставая тѣмъ себѣ пропитаніе. Воздержный, терпѣливый, покорный судьбѣ, неустрашимый до того, что ему ни почемъ было безъ товарища или спутника переѣзжать съ одного конца Америки на другой,—одаренный силою воли, которая могла равняться развѣ силѣ его неутомимыхъ мускуловъ,—слишкомъ гордый, чтобы рѣшиться протянуть руку въ нуждѣ, слишкомъ великодушный, чтобъ не подать ее дружески въ дни довольства, наконецъ, по странному стеченію случайностей, соединявшій съ рыцарскими порывами, свойственными французской націи, мелочность купеческихъ понятій, въ чемъ иногда можно было упрекнуть его, — таковъ былъ этотъ человѣкъ, съ которымъ судьба привела меня встрѣтиться въ глуши пустынь мексиканскихъ. Этотъ типъ не такъ, однакожь, рѣдокъ въ обѣихъ Америкахъ, какъ то предположить было бы можно. Г. Д., въ то время, когда я встрѣтился съ нимъ, занималъ должность повѣреннаго при одномъ торговомъ французскомъ домѣ, который хотѣлъ употребить въ свою пользу его практическія познанія. Онъ, по должности своей, ѣхалъ на ежегодную знаменитую ярмарку св. Іоанна *de los Lagos*. Маршрутъ его былъ совершенно согласенъ съ моимъ, и потому мы условились ѣхать вмѣстѣ. Я, однакожь, заключилъ съ нимъ одно непремѣнное условіе: господинъ Д. на этотъ разъ долженъ былъ отказаться отъ своей привычки и путешествовать верхомъ. Условіе это было принято имъ съ удовольствіемъ, и на другой день нашей встрѣчи, мы отправились въ путь, простившись съ *arrieros* и давъ себѣ

Digitized by Google

слово торопиться какъ можно, чтобы не опоздать къ самому началу ярмарки.

Въ сотовариществѣ господина Д., я опять увидѣлъ Аріспъ, Гермозилло и Гуаймасъ, гдѣ сѣлъ на корабль. Издали поклонился я съ палубы уносившей меня *баландры* (*) берегу Калифорніи, представившемуся мнѣ въ видѣ полосы синеватаго пара, снова увидѣлъ пѣнистыя волны, съ шумомъ разбивающіяся о подводные рифы острововъ Серральбо и Святого-Духа, потомъ съ высотъ *комендантства (commandance)* Санъ-Блазъ бросилъ прощальный взоръ на это червленное море, которое переплылъ я въ послѣдній разъ, и лазурь котораго начинала помрачать первые порывы осенняго *cordonazo* и первыя октябрьскія тучи. У ногъ моихъ бурные шквалы, предвѣстники грозъ, разражающихся надъ заливомъ, гнули къ землѣ вершины деревьевъ. Солнце медленно вытягивало пары, которые вскорѣ потомъ должны были обратиться въ самые проливные дожди. Болѣзнь и смерть, казалось, готовы были низринуться на городъ, болѣе мрачный, болѣе пустынный, нежели когда нибудь, потому-что съ приближеніемъ дождливаго времени года наступилъ часъ періодическаго переселенія большей части городскихъ обывателей.

Мы скоро достигли Тепика, города, котораго народонаселеніе простирается почти до 20,000 человѣкъ, и который подъ умѣренной температурой отдѣляется, какъ свѣжій зеленый оазисъ, отъ выжженныхъ солнцемъ долинъ санъ-блазскихъ. Въ три дни переѣхали мы шестдесятъ миль, отдѣляющихъ Тепикъ отъ столицы области Ялиско (Jalisco) Гвадалаксары, считающей у себя до полутораста тысячъ жителей и знаменитой во всей республикѣ своими мануфактурами и ловкостью, съ какою сыны ея владѣютъ ножомъ.... Потомъ мы направили путь нашъ къ городку святого Іоанна.

На этихъ новыхъ путяхъ сообщенія сцена перемѣняется: здѣсь уже не изрѣдка на большихъ разстояніяхъ, среди степей, показываются путешественники; нѣтъ, безконечныя вереницы муловъ тянутся по всѣмъ дорогамъ; тяжелыя фуры, которыхъ скрыпучія колеса, тащимыя волами, поднимаютъ облака пыли; сальтеадоры, полузакрытые своими шолковыми платками, ждутъ

(*) Американское судно.

Digitized by Google

указанной имъ добычи и съ безкорыстною любезностью обмѣниваются поклонами съ тѣми путешественниками, которые идутъ или ѣдутъ безъ всякой поклажи. Вы чувствуете, что жизнь болѣе дѣятельная обращается между разбросанными членами великаго тѣла, составляющаго республику; но еще новыя, неизвѣстныя опасности вамъ угрожаютъ. Тамъ и сямъ возвышаются кресты, поставленные надъ убитыми, въ гостинницахъ разсказываютъ вамъ самыя зловѣщія исторіи и, между тѣмъ, не спускаютъ съ васъ глазъ, чтобы по выраженію лица вашего судить, должно или нѣтъ предать васъ въ руки разбойниковъ, у которыхъ разскащикъ служитъ шпіономъ; а потомъ васъ ожидаетъ гостепріимство мексиканское, съ обыкновенными его спутниками — нищетою и нечистотою.

Всѣ исчисленныя мною непріятности какъ нарочно соединились для насъ въ *вентѣ* (*), въ которой мы остановились наканунѣ прибытія нашего на ярмарку святого Іоанна de los Lagos. Въ пять часовъ вечера, послѣ почти двѣнадцати часовъ, проведенныхъ нами не слѣзая съ лошади, подъ проливнымъ дождемъ, — мы увидали, наконецъ, сквозь туманъ бѣлыя стѣны и красную черепицу этой уединенной *венты*. Господинъ Д. тотчасъ поѣхалъ впередъ, чтобы заранѣе обезпечить для себя и для меня ужинъ и пріютъ въ этомъ жалкомъ убѣжищѣ. Мимоходомъ скажу нѣсколько словъ о формальностяхъ, съ какими входятъ въ *посады* (posadas) мексиканскія. Сначала вы безпрепятственно вступаете на большой, четырехъ-угольный дворъ гостинницы; на этотъ дворъ въ нижнемъ этажѣ выходятъ двери комнатъ, назначенныхъ для путешественниковъ. Бо́льшею частью, хозяина гостинницы (huesped) или нѣтъ дома, или онъ въ какой нибудь отдаленной конюшнѣ на запачканой бумагѣ записываетъ расходы фуража, и потому не отвѣчаетъ на голосъ кличущаго его путешественника. Въ такомъ случаѣ, лучше всего, не слѣзая съ лошади, произвести рекогносцировку всѣхъ комнатъ, которыхъ двери не заперты: вы выбираете, что́ вамъ покажется лучше. Впрочемъ, долго выбирать нечего, потому-что меблировка рѣшительно во всѣхъ комнатахъ одинакова: деревянная скамейка и столъ, изъ кирпичей сдѣланная кровать,— вотъ и все. Цѣна также неизмѣнна: въ день — одинъ *реалъ* (60

(*) Родъ плохой гостинницы или постоялаго двора.

Digitized by Google

сантимовъ). Послѣ этого вы разсѣдлываете вашего коня, въ ожиданіи *гувседа*, который, наконецъ, является, и видя, что вы уже расположились, ворчитъ сквозь зубы, зачѣмъ его не предупредили. Тогда вы заботитесь о кормѣ для своей лошади, и, наконецъ, въ случаѣ удачи, начинаете помышлять уже о самомъ себѣ и требуете ужина. Здѣсь начинаются для васъ новыя бѣдствія, потому-что чуть только хозяинъ не въ духѣ, или ваша физіономія ему почему нибудь не понравилась, то вы рискуете или не получить ничего, или развѣ, и то съ большимъ трудомъ, объѣдки отъ изготовленныхъ къ обѣду блюдъ. Правда, въ городахъ, гдѣ гостинницъ (posadas) много, эта безцеремонность съ путешественниками не выступаетъ далѣе извѣстныхъ предѣловъ, но за то въ *вентахъ*, благодаря ихъ уединенію, не имѣющихъ соперничества, вы совершенно во власти хозяина.

Въ ту минуту, когда я, послѣ настоятельныхъ требованій и перенеся тысячу грубостей, добился, наконецъ, кое-какого ужина, въ вентѣ произошла необыкновенная суматоха. На дворъ въѣхалъ тяжелый дорожный берлинъ, запряженный восемью мулами. Прострѣленный на сквозь кузовъ, порванная упряжь, все показывало, что этотъ экипажъ былъ въ страшномъ передѣлѣ. Всадникъ, изъ лошади котораго струились волны крови, ѣхалъ впереди массивнаго экипажа. Изъ-нутри кареты, тщательно запертой, съ трудомъ могли вынуть путешественника, почти умиравшаго. Хозяинъ венты, преспокойно расхаживавшій по двору и посвистывавшій отъ нечего дѣлать, пошелъ на встрѣчу къ пріѣхавшимъ. Такъ какъ наступала уже ночь, то двери венты были заперты желѣзными цѣпями, и я могъ узнать отъ всадника, сопровождавшаго карету, въ чемъ заключается разгадка этой загадочно-плачевной исторіи. Господинъ его, умирающій путешественникъ, котораго перенесли въ сосѣднюю комнату, поѣхалъ изъ Мексики, чтобъ на ярмаркѣ св. Іоанна открыть игорный домъ. Тридцать тысячъ піастровъ, серебромъ и золотомъ, было спрятано въ ящикахъ кареты. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ гостинницы, на нихъ напали разбойники, перерани-ли ихъ и ограбили. Если вѣрить разскащику, то обычные игроки банка, который содержалъ его господинъ въ Мексикѣ, узнавъ о цѣли ихъ поѣздки, преслѣдовали ихъ отъ одной венты до другой и передали въ руки разбойниковъ, которые *сорвали у нихъ банкъ* на большой дорогѣ. — Я вамъ разсказываю это подъ се-

Digitized by Google

кретомъ, прибавилъ всадникъ:—потому-что если извѣстіе о нашемъ несчастномъ приключеніи дойдетъ до слуха правосудія, то бѣдствіе наше удвоится: вмѣшается алкадъ — и тогда мы будемъ раззорены въ пухъ.

Это опасеніе ни мало меня не удивило: такъ великъ ужасъ, внушаемый мексиканскимъ правосудіемъ всѣмъ тѣмъ, кого оно хочетъ взять подъ свое покровительство. Итакъ, я обѣщалъ всаднику никому не говорить о случившемся, и онъ пошелъ ухаживать за своимъ господиномъ. Г. Д...., свидѣтель этого разговора, съ трудомъ удерживалъ свое негодованіе. Слишкомъ много извѣдавъ и испытавъ въ теченіи продолжительнаго пребыванія моего въ республикѣ, тщетно старался я объяснить ему, что такъ какъ федеральное правленіе не вознаграждаетъ судей за труды ихъ, то они по неволѣ должны жить на счетъ тяжущихся, которые, съ своей стороны, бываютъ не рады такому пріятному вмѣшательству. Впрочемъ, это было не единственное со стороны г. Д. доказательство его грустной неопытности въ дѣлахъ мексиканскаго правосудія. Встрѣча въ гостинницѣ была предшественницею менѣе трагическихъ сценъ, въ которыхъ г. Д. долженъ былъ явиться впослѣдствіи, уже свидѣтелемъ, дѣйствующимъ лицомъ по неволѣ.

Городъ (villa) (*) святого Іоанна des los Lagos, въ который мы прибыли послѣ десятидневнаго странствованія, построенъ въ глубинѣ такой глубокой, круглой лощины, что издали едва можно замѣтить башни его собора. Что касается до самого города, его разглядѣть можно только съ вершины крутого ската, окружающаго его со всѣхъ сторонъ. Дѣйствительное народонаселеніе города не превышаетъ нѣсколькихъ тысячъ душъ; но каждый годъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, съѣзжаются на ярмарку, знаменитую, впрочемъ, во всей республикѣ, до тридцати тысячъ человѣкъ, которые помѣщаются въ городкѣ, какъ могутъ и умѣютъ: большая часть живутъ лагеремъ, за городомъ, на возвышенныхъ мѣстахъ, потому-что внутри города лавки, трактиры, даже простые балаганы нанимаются за невѣроятную цѣну въ теченіи двухъ недѣль, пока ярмарка продолжается.

Происхожденіе этой ярмарки сначала было совершенно религіозное. Образъ Божіей Матери въ мѣстечкѣ святого Іоанна

(*) *Villa*, называется всякій городъ, въ которомъ не собирается конгресса; послѣдняго рода города въ отличіе носятъ названіе *ciudad* (cité).

Digitized by Google

de los Lagos славился разнаго рода чудесами, изцѣленіями неизлечимыхъ болѣзней, укрѣпленіемъ духа людей, пришедшихъ въ уныніе, и прочее. Въ послѣднемъ случаѣ, недостаточно было простого странствованія по мѣстечку святого Іоанна, даже съ принесеніемъ богатыхъ даровъ. Кающійся, сверхъ этого, долженъ былъ на колѣняхъ сойти внизъ по крутой отлогости, ведущей къ площади, перейти такимъ же образомъ всю площадь, взойти по двѣнадцати ступенямъ собора, и тамъ съ окровавленными колѣнями стоя на паперти, дожидаться, пока священникъ приметъ отъ него дары и дастъ ему разрѣшеніе грѣховъ. И нынче, не смотря на то, что религіозный характеръ ярмарки много измѣнился, случается, однакожъ, по нѣскольку разъ въ день видѣть несчастныхъ, которые такимъ образомъ искупаютъ тяжкіе грѣхи свои. Очень естественно, что съ теченіемъ времени отъ частаго повторенія такого покаянія у этихъ людей, оно наконецъ теряетъ свою силу. Это не мѣшаетъ, однакожъ, мексиканской черни показывать живое участіе къ кающимся и разстилать на проходѣ грѣшникамъ ковры, плащи и т. п.

Какъ съ теченіемъ времени богомольное странствованіе къ мѣстечку святого Іоанна превратилось въ ярмарку — объяснить очень не трудно. Торговцы не замедлили явиться сюда съ разными товарами и припасами, чтобы обирать кающихся, которыхъ число было весьма значительно; игроки явились для того, чтобы обирать купцовъ; бѣдные Индѣйцы приходили съ курами и домашними животными, испрашивая у священнослужителей благословенія имъ; воры являлись, чтобы собирать дань со всѣхъ — и съ кающихся, и съ купцовъ, и съ игроковъ, и съ Индѣйцевъ; а тамъ цѣлая туча развратныхъ женщинъ жадной саранчой налетѣла на это собраніе плутовъ и ихъ жертвъ. Таково было происхожденіе нынѣшней ярмарки. И въ этомъ-то скопищѣ людей безъ совѣсти, развратныхъ женщинъ, игроковъ, воровъ и проч. производятся огромныя торговыя дѣла, хотя постоянно на этомъ собраніи опасность бываетъ такъ велика, что купцы — говорю безъ преувеличенія — не толкуютъ о дѣлахъ иначе, какъ держа въ одной рукѣ пистолетъ или саблю, а въ другой товаръ. Окрестности города, запруженныя толпами бродящихъ *rateros* (мелкихъ воровъ, ворующихъ пѣшкомъ) и *salteodores* (крупныхъ воровъ, на лошадяхъ), точно также не представляютъ безопасности, какъ и самый городъ; горе мелкимъ

Digitized by Google

торговцамъ, одинокимъ богомольцамъ, которыхъ несчастная звѣзда приведетъ къ этимъ голоднымъ шакаламъ! Вечеромъ, когда пробилъ часъ молиться (*oracion*), тщательно запираютъ лавки, и пока купцы повѣряютъ выручку, городъ остается въ жертву игроковъ, непотребныхъ женщинъ и воровъ, которыхъ въ этихъ мѣстахъ не устрашаетъ даже и святотатство.

Таковъ былъ этотъ городъ, въ которомъ одно странное и непріятное приключеніе съ товарищемъ моего путешествія заставило меня пробыть долѣе, нежели я предполагалъ. Я сказалъ уже, что Парижанинъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни кочующаго торговца, жизни, избранной имъ по охотѣ, сдѣлался повѣреннымъ въ одномъ значительномъ торговомъ домѣ. По несчастію, г. Д. не имѣлъ еще времени освоиться съ своимъ новымъ званіемъ, и привезъ съ собою на ярмарку значительный запасъ мелочныхъ товаровъ, которые онъ надѣялся сбыть здѣсь весьма выгодно. Ему никогда не случалось быть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Мексики, гдѣ, несмотря на всѣ усилія европейской дипломатіи, продажа по мелочамъ воспрещена иностранцамъ; онъ не зналъ, что на ярмаркѣ святого Іоанна de los Lagos этотъ стѣснительный законъ существовалъ во всей силѣ. Дѣйствуя по своимъ соображеніямъ, онъ скоро сбылъ за весьма выгодную цѣну часть своихъ товаровъ по мелочамъ. Когда онъ сказалъ мнѣ о результатѣ своихъ первыхъ операцій, я предупредилъ его на счетъ опасности, какой онъ можетъ подвергнуться, если продолжитъ дѣло. Но уже было поздно: на г. Д. сдѣлали доносъ. Испанское правосудіе съ быстротою, достойною восточныхъ Кади, приговорило бѣднаго торговца, даже не выслушавъ его объясненій, къ конфискаціи всего имущества, какое при немъ было, къ каторжной работѣ на 18 мѣсяцовъ въ Lagona de Chapala, и тотчасъ же было повелѣніе представить виновнаго въ руки правосудія.

Имѣя передъ глазами такой приговоръ, исполненіе котораго должно было послѣдовать въ самомъ непродолжительномъ времени, лучше всего было спасти отъ хищности правосудія все, что только могло быть имъ захвачено, потомъ достать себѣ какое нибудь habeas corpus, или охранительное письмо для своей личности. Я весь отдался въ распоряженіе г. Д...., чтобъ только вывести его изъ критическаго положенія. Товарищъ мой послалъ нарочно на лучшей изъ моихъ лошадей къ ассесору не-

Digitized by Google

большого города Барки, находящагося въ сорока миляхъ отъ города святого Іоанна, съ тѣмъ, чтобы выхлопотать для себя необходимое охранительное письмо. Свобода, состояніе г. Д.... зависѣли отъ вѣрности посланнаго. Всякій день самъ я ходилъ на дорогу дожидаться его. Наконецъ, онъ возвратился и вручилъ мнѣ охранительный видъ для Д.; но по роковому стеченію обстоятельствъ, въ тотъ самый день, когда я возвращался домой съ такою доброю вѣстію, моего спутника посадили въ тюрьму: охранительный видъ не поспѣлъ однимъ часомъ. Итакъ я долженъ былъ обратиться къ мѣстному алкаду, чтобы требовать освобожденіа моего соотечественника.

Мнѣ уже не разъ случалось имѣть дѣло съ мексиканскими алкадами, и всякій разъ неожиданность ихъ рѣшеній, наивность приговоровъ, добродушіе ихъ несправедливостей служили для меня новыми предметами изумленія. Но признаюсь, направляя шаги свои къ алкаду города святого Іоанна, я никакъ неожидалъ сдѣлать при этомъ свиданіи новыя открытія на счетъ мексиканскихъ нравовъ.

Въ то время, какъ меня ввели въ сарай, служившій залой для аудіенцій, съ алкадомъ говорилъ уже какой-то посѣтитель. Небрежно раскинувшись на кожаныхъ креслахъ, посѣтитель этотъ былъ одѣтъ въ самый живописный и богатый костюмъ мексиканскій (*); золото, бархатъ, шолкъ, — все это поражало взоръ; его вышитые сапоги для верховой ѣзды навѣрное стоили болѣе четырехъ сотъ франковъ, остальное было подъ стать имъ. Вы поймете мое изумленіе, когда я узналъ въ этомъ съ такимъ великолѣпіемъ одѣтомъ лицѣ таинственнаго незнакомца тубакскихъ степей. Въ первую минуту я чуть не закричалъ отъ изумленія, но удержался, однакожъ, и на всякій случай сталъ дожидаться, чтобъ разбойникъ узналъ меня самъ; но лицо его, подобно моему, было безстрастно. Алкадъ и онъ курили сигаретты; между ними царствовала очевидная пріязнь; только алкадъ, вѣроятно изъ уваженія къ своему гостю, сидѣлъ на простомъ табуретѣ изъ тростника.

— Господинъ алкадъ, сказалъ я ему: — имѣю честь облобызать руки вашего величія и просить васъ принять къ свѣдѣнію

(*) Полный костюмъ мексиканскій, со включеніемъ убранства лошади, стоитъ десять или пятнадцать тысячъ франковъ.

Digitized by Google

эту бумагу; но быть можетъ, что я, несмотря на нетерпящее отлагательства, дѣло мое, безпокою васъ въ эту минуту?...

— Нисколько, отвѣчалъ алкадъ, протягивая руку: — мы съ этимъ господиномъ вели просто дружескую бесѣду.

Алкадъ пробѣжалъ охранительное письмо, и черезъ нѣсколько минутъ, отдавая его мнѣ, сказалъ:

— Очень жаль, но вы опоздали; кавалеръ, котораго имя упоминается въ этомъ письмѣ, сидитъ уже въ тюрьмѣ.

— Я это знаю, отвѣчалъ я: — но въ томъ-то и дѣло, что онъ сидитъ по-напрасну.

— А съ какого времени правосудіе обвиняется? спросилъ алкадъ торжественнымъ голосомъ.

Въ отвѣтѣ моемъ я сознался въ безошибочности мексиканскаго правосудія и все таки настаивалъ объ освобожденіи г. Д.....

— Нѣтъ, невозможно, упрямо отвѣчалъ алкадъ:—послушайте меня: это охранительное письмо писано уже послѣ арестованія вашего соотечественника, стало быть, онъ законно посаженъ въ тюрьму, и не смотря на все желаніе ваше, я не могу посадить васъ на его мѣсто. Все, что я могу сдѣлать, такъ развѣ посадить васъ съ нимъ вмѣстѣ.

Я всѣми силами старался объяснить алкаду, о чемъ я хлопочу, какъ вдругъ господинъ съ золотыми галунами очень услужливо вмѣшался въ мое дѣло.

— Господинъ алкадъ, сказалъ онъ: — вы ошибаетесь на счетъ намѣреній этого господина: онъ желаетъ освободить своего соотечественника, а не пойти на его мѣсто или съ нимъ вмѣстѣ въ тюрьму. Это опять ошибка вашихъ алгвазиловъ, которыхъ вы должны бы отставить отъ службы.

— Прежде надобно заплатить имъ жалованье, проворчалъ алкадъ. — Я могу сажать людей въ тюрьму, но не могу никого выпускать изъ нея. Что касается до моихъ алгвазиловъ, я далъ имъ открытый листъ сажать въ тюрьму всѣхъ, кто покажется имъ подозрительнымъ, а такъ какъ всякій заключенный платитъ по піастру съ головы, то доходъ у нихъ, во время ярмарки, довольно порядочный. Это средство платить имъ — моего изобрѣтенія, прибавилъ алкадъ, съ гордостію.

Лицо господина съ золотыми галунами помрачилось.

Digitized by Google

— А, такъ это средство вашего изобрѣтенія, сказалъ онъ: — теперь я не удивляюсь, что они, по излишнему усердію своему, взяли подъ стражу *Зурдо* (*) и *Сантучо* (**), когда тѣ исполняли свои христіанскія обязанности.

— Какъ! проворчалъ озадаченный алкадъ: — такъ эти люди изъ вашего.... круга?

— Да, и я именно объ нихъ хотѣлъ поговорить съ вами, какъ вошелъ этотъ господинъ (онъ указалъ на меня). Могу ли я узнать, въ чемъ заключается ихъ вина?

— Мнѣ очень трудно, сказалъ алкадъ, желавшій, повидимому, оправдаться: — очень трудно объяснить ихъ вину въ точности, но это люди....

— Ну, что же? эти люди.... прервалъ разбойникъ, взглянувъ на алкада съ холодной улыбкой, которая, казалось, заморозила кровь у несчастнаго судьи.

— Вотъ изволите видѣть, алгвазилы мои думали, что они... Эти люди, то есть, всякій день спускавшіеся на колѣняхъ къ церкви, не могутъ не быть обременены тяжкими преступленіями, и въ этомъ убѣжденіи взяли ихъ подъ стражу.

— Чтобы получить два піастра! Такъ я вамъ скажу, г. алкадъ, что Зурдо и Сантучо чисты, какъ снѣгъ.

— Вѣдь и точно, сказалъ алкадъ, который, казалось, спорилъ только для формы: — мы живемъ въ городѣ, прославившемся своими чудесами.

— Первый, снова началъ сальтеадоръ, давно сдѣлалъ всѣ покаянія, необходимыя для отпущенія грѣховъ въ будущемъ, и если теперь опять ползъ на колѣняхъ, такъ это для того только, чтобы еще немножко захватить впередъ отпущенія грѣховъ. Что касается до *Сантучо*, онъ придумалъ для себя выгодную спекуляцію — отмаливать чужіе грѣхи, и разумѣется, у него практики много. Вы вѣрно позволите мнѣ принять необходимыя мѣры, чтобы выпустить на свободу этихъ почтенныхъ богомольцевъ.

— О, непремѣнно, вскричалъ алкадъ: — мнѣ даже будетъ это очень пріятно.

(*) *Zurdo* — лѣвша.

(**) *Santucho* — лицемѣръ.

Digitized by Google

— Что касается довасъ, милостивый государь, сказалъ сальтеадоръ, обращаясь ко мнѣ:—если вамъ угодно будетъ прибѣгнуть подъ мое покровительство, то я могу сдѣлать кое-что и для вашего соотечественника.

Убѣжденный примѣромъ алкада, я счелъ за лучшее на такое предложеніе отвѣчать учтивымъ наклоненіемъ головы.

— Но съ однимъ условіемъ, однакожъ: это освобожденіе будетъ вамъ стоить сто піастровъ. Впрочемъ, отъ вашей воли зависитъ согласиться и не согласиться, — подумайте. Вѣдь столько же стоитъ съѣздить къ ассесору; если вы согласны на такую цѣну, то можете сегодня въ 10-ть часовъ вечера пожаловать ко мнѣ съ отвѣтомъ.

Я не счелъ за нужное тотчасъ принять такое предложеніе и обѣщалъ моему страшному покровителю явиться по указанному имъ адресу, когда я рѣшусь на такое пожертвованіе. Сальтеадоръ тотчасъ почти ушелъ послѣ этого.

— Это знатный вельможа? спросилъ я у алкада, надѣясь получить какія нибудь свѣдѣнія на счетъ новаго положенія тубакскаго бѣглеца.

— Это торговецъ скотомъ, громко сказалъ алкадъ; потомъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія:

— Это предводитель шайки, сказалъ онъ тихо.

— Предводитель шайки? какой шайки?

— Эхъ, *карамба!* шайки воровъ на большихъ дорогахъ; это я говорю вамъ потому, что вечеромъ вы сами тоже узнаете, и что они не скрытничаютъ, а не то и мнѣ бы лишиться благосклонности, которую онъ всегда мнѣ оказываетъ: вы сами видѣли, что онъ обходится со мной, какъ съ равнымъ себѣ....

— Это дѣлаетъ вамъ большую честь, господинъ алкадъ.

Я смотрѣлъ съ удивленіемъ, близкимъ къ оцѣпенѣнію, на этого судью, который, по видимому, ставитъ себѣ въ заслугу благосклонность разбойника. Въ положеніи безсилія, въ какомъ находится правосудіе въ Мексикѣ, такія аномаліи, однакожъ, очень нерѣдки. Дальнѣйшій разговоръ былъ безполезенъ: судья не могъ ничего, — разбойникъ могъ все. Я ушелъ, вѣжливо поклонившись алкаду, который показался мнѣ замѣчательнымъ не менѣе другихъ своихъ собратовъ, менѣе знакомыхъ.

Возвратившись въ гостинницу, я получилъ извѣстіе отъ г. Д.... изъ тюрьмы. Бѣдный товарищъ мой говорилъ мнѣ о

Digitized by Google

таинственномъ предложеніи, какое ему сдѣлали: его обѣщали освободить на волю за сто піастровъ. Я тотчасъ узналъ дѣйствія покровителя алкада, и положивъ, въ выгодахъ самого г. Д...., принять сдѣланное предложеніе, рѣшился немедленно отправиться къ сальтеадору. Часъ вечерней молитвы пробилъ, и ночь уже наступила, когда я проходилъ черезъ большую площадь, чтобы пройти въ то мѣсто, которое указалъ мнѣ мнимый торговецъ скотомъ. Сальтеадоръ разбилъ свою палатку подлѣ собора, на возвышенностяхъ, стоящихъ надъ городомъ. Я былъ хорошо вооруженъ, а притомъ и пространство перейти было не велико. Вскорѣ оставилъ я позади себя шумную толпу гуляющихъ и сталъ подниматься на холмъ, вершина котораго увѣнчана была огнями въ разныхъ разстояніяхъ. Скоро подошелъ я къ палаткѣ, которую мнѣ указали и которую легко было узнать по длинному бѣлому флагу, въ видѣ ленты надъ ней развѣвавшемуся. Множество балагановъ построено было кругомъ этой палатки; табуны муловъ, разставленные въ пространствахъ, на подобіе улицъ, образуемыхъ балаганами и палатками, длинные ряды разныхъ принадлежностей для вьючныхъ животныхъ показывали, что въ этомъ мѣстѣ стояли обозомъ муловщики. Кухни на чистомъ воздухѣ, игорныя заведенія подъ открытымъ небомъ привлекали излишекъ дикаго народонаселенія, толкавшагося на площади, и въ этомъ мѣстѣ можно было найти въ маломъ видѣ любопытныя картины, какія представлялъ въ это время и самый городъ.

У ногъ моихъ, подъ куполомъ дыма, котораго вихри долетали до меня, казалось, новый городъ воздвигался въ старомъ городѣ, городъ, составленный изъ деревянныхъ балагановъ, древесныхъ шалашей или палатокъ, разукрашенныхъ матеріями яркихъ цвѣтовъ. Сквозь промежутки, разрываемые вѣтромъ въ облакахъ дыма, видѣлъ я развѣвающіеся широкіе флаги игорныхъ бесѣдокъ, съ крупными надписями изъ бѣлыхъ буквъ: *Aqui hay partida*. Эти подвижныя жилища тѣснились, какъ лагерныя палатки. Всѣ тропическіе плоды, разставленные пирамидами, соединены были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на искушеніе гуляющихъ. Возлѣ этихъ многоцвѣтныхъ пирамидъ, огромныя рѣпы, искусно обдѣланныя въ видѣ букета, солнца и т. п. горѣли надъ печами, гдѣ разнаго рода кушанья, которымъ и именъ нѣтъ, готовились въ шипящемъ жирѣ.

Digitized by Google

Въ пространствахъ, отдѣленныхъ для проходящихъ, двигались, гордо драпированные въ свои лохмотья, *леперосы*, эти мексиканскіе лаццарони, которыхъ жизнь проходитъ въ воровствѣ, въ игрѣ, въ упражненіи на мандолинѣ или на ножахъ. Одни, сидя кружкомъ на разостланномъ на полу одѣялѣ, пробовали счастіе въ игру *monte*, готовые призвать на помощь ножъ, въ случаѣ, если фортуна заупрямится; другіе толпились у входа привиллегированныхъ балагановъ, гдѣ звонъ золота сливался съ звуками нестройнаго оркестра. Полосатые плащи *rancheros* перемѣшивались съ дырявыми, пестрыми одѣялами муловщиковъ, и группы полунагихъ Индѣйцевъ безмолвно ходили среди этой шумной толпы. Далѣе, въ менѣе освѣщенныхъ улицахъ, гдѣ замиралъ свѣтъ отъ разложенныхъ огней, свѣтились въ тѣни золото, блестки, шолкъ дѣвъ веселія, между тѣмъ, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ сверкали обнаженныя лезвія кинжаловъ и сабель ихъ покровителей. Наконецъ, въ улицахъ, остававшихся пустыми, погруженными во мракъ отъ тѣни, набрасываемой башнями собора, попеременно сверкали и погасали фонари ночныхъ стражей и факелы объѣзжавшихъ дозоромъ. Тысячи странныхъ и смѣшанныхъ звуковъ, пальба, крики, пѣсни, трескотня кастаньетъ, завываніе веселія или отчаянія возносились страшнымъ концертомъ изъ этого города, вполнѣ предавшагося на нѣсколько дней воровству, убійству и разврату.

Лошадей двѣнадцать, осѣданныхъ и взнузданныхъ, были привязаны къ пикетамъ передъ балагановъ, гдѣ ожидалъ меня сальтеадоръ. Человѣкъ, сидѣвшій на камнѣ подлѣ двери, отложилъ гитару, которую онъ держалъ въ рукѣ, прервалъ романсъ, который онъ пѣлъ громкимъ голосомъ, и спросилъ меня, не имѣю ли я нужды до хозяина этого балагана. На мой удовлетворительный отвѣтъ онъ приподнялъ кожаную занавѣску, служившую вмѣсто двери, и пригласилъ меня войти. Чтобы придать въ эту минуту всю твердость моей походкѣ, признаюсь, необходимо было имѣть мою опытность относительно нравовъ мексиканскихъ, и безпечность, пріобрѣтенную мною въ теченіи жизни, исполненной тысячи приключеній. Сальтеадоръ пилъ шоколадъ. Онъ былъ одинъ.

— Я жду васъ, сказалъ онъ мнѣ: — и вы бы могли придти и раньше, если принимаете большое участіе въ судьбѣ пріятеля вашего. Милости просимъ, будьте какъ дома.

Digitized by Google

Я поблагодарилъ его за привѣтствіе.

— Я не спрашиваю васъ, прервалъ сальтеадоръ: — о причинѣ вашего пріѣздѣ въ городъ св. Іоанна; я бы могъ спросить васъ объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

— Гдѣ же?

— А въ степяхъ Тубака? неужели лицо мое такъ скоро изгладилось изъ вашей памяти?

— Да, я не въ состояніи припомнить черты лица вашего, хотя, по словамъ вашимъ, и имѣлъ удовольствіе встрѣтить васъ, но вѣроятно завтра снова забуду ихъ.

— Вотъ отвѣтъ очень благоразумный, и этого правила я совѣтую вамъ придерживаться; но дальнѣйшее притворство ваше было бы оскорбительно для стариннаго знакомаго, прибавилъ онъ дружески. — Теперь вы можете безопасно признать меня. Развѣ не видали вы, какъ я смѣялся надъ правосудіемъ въ самомъ его святилищѣ?

Я не могъ удержаться отъ улыбки, вспомня сцену, которой былъ свидѣтемъ утромъ. Предводитель шайки продолжалъ съ презрѣніемъ:

— Но что, впрочемъ, за достоинство заставлять трепетать передъ собой какого нибудь деревенскаго алкада? Настанетъ очередь и для болѣе важныхъ лицъ! А не говорилъ ли я вамъ, при первомъ свиданіи нашемъ, что легко можетъ придти время, когда вы съ удовольствіемъ напомните мнѣ, какъ мы сидѣли вмѣстѣ у одного гостепріимнаго очага? Не настало ли теперь это время?

Я отвѣчалъ сальтеадору наклоненіемъ головы и объявилъ ему, что готовъ заплатить сто піастровъ за освобожденіе моего пріятеля. Сальтеадоръ выслушалъ это, посмотрѣвъ на меня, и какъ будто желая сказать своимъ взглядомъ, что онъ предвидѣлъ мое согласіе. Когда я кончилъ, онъ сказалъ: — Да, я знаю это дѣло, и знаю его еще лучше васъ. Только недостатокъ формы препятствовалъ правосудію захватить все имущество вашего друга; но рано или поздно препятствіе это будетъ уничтожено. Положимъ даже, что другъ вашъ сегодня выйдетъ изъ тюрьмы и скроется куда нибудь отъ приговора, но правосудіе будетъ преслѣдовать его и захватитъ, быть можетъ, на другомъ краю республики. Главное теперь въ томъ, чтобъ во время остано-

Digitized by Google

вить ходъ этого дѣла. Я знаю, что вотъ пока мы здѣсь съ вами разговариваемъ, алкадъ послалъ уже курьера, который долженъ привесть немедленно приказаніе о конфискаціи имущества вашего друга, а остановить этого курьера можетъ только одинъ человѣкъ.

— Кто же это? спросилъ я.

— Я, отвѣчалъ сальтеадоръ, но только за хорошую плату.

— Я согласенъ, но со мной мало денегъ.

Я не смѣлъ сознаться, что недовѣрчивость мѣшала мнѣ заплатить ему впередъ. Онъ, кажется, угадалъ мою мысль.

— Чтобъ доказать вамъ честность моихъ намѣреній, я удовольствуюсь однимъ словомъ вашимъ; вы заплатите за услуги мои тогда только, когда получите вѣрныя доказательства, что я исполнилъ мое обѣщаніе. Тому, кто вамъ доставитъ ихъ, вы отсчитаете семь сотъ піастровъ. Дѣло ваше коснется тоже и до меня. Человѣкъ, который донесъ на васъ, принадлежитъ къ моей шайкѣ, и это именно негодяй Сантучо, о которомъ я говорилъ утромъ алкаду. Донеся правительству на вашего соотечественника, онъ поступилъ въ противность законамъ сальтеадоровъ. Мы бандиты съ оружіемъ въ рукахъ, но не низкіе доносчики; мнѣ, впрочемъ, нужно съ ними посчитаться еще и за другое дѣло. Вы, можетъ быть, помните путешественника, который, преслѣдуемый медвѣдемъ, пришелъ на охотничій бивуакъ искать нашего покровительства? Этотъ несчастный, несмотря на мое сопротивленіе, былъ умерщвленъ моей шайкой, которую взбунтовалъ Сантучо. Другой разъ уже онъ открыто противится мнѣ. Скажите другу вашему, что онъ будетъ обязанъ мнѣ не только свободой, но и блистательнымъ мщеніемъ....

Мнѣ еще оставалось предложить одно условіе странному существу этому, такъ презиравшему законы земли своей, которые онъ зналъ лучше самого алкада, и такъ уважавшему постановленія сальтеадоровъ. Покровитель мой поступилъ со мной снисходительно; надо было этимъ пользоваться, и я уговорился съ нимъ, что г. Д. вручитъ семь сотъ піастровъ тому, кто принесетъ доказательство, что всѣ преслѣдованія противъ него правительства кончены. Когда условія эти были приняты, одинъ изъ сообщниковъ сальтеадора прервалъ нашъ разговоръ, и я, не считая приличнымъ продолжать его, вышелъ изъ палатки. Бы-

Digitized by Google

ло уже очень поздно. Шумъ въ городѣ смѣнился тишиной. Ночные сторожа спали, закутавшись въ плащи, подлѣ своихъ длинныхъ фонарей. Несчастные, проигравшіе послѣдній реалъ, безпечно лежали на ступеняхъ собора, не имѣя возможности заплатить за ночлегъ; изрѣдка мелькали только огни на высотѣ. Било одиннадцать часовъ, и гулъ отъ звона этихъ часовъ раздавался еще, когда я воротился къ себѣ, думая о двухъ визитахъ, сдѣланныхъ мною въ этотъ день. Алкадъ показалъ мнѣ безсильное, испорченное правосудіе, сальтеадоръ — разбой, возвысившійся до диктаторства, предписывающій законы и даже показывающій великодушіе. Контрастъ этотъ болѣе, чѣмъ всѣ ученыя изысканія, объяснилъ мнѣ причину упадка нравовъ въ мексиканскомъ обществѣ.

На другой день утромъ, г. Д. стучался ко мнѣ въ дверь, сопровождаемый Зурдо, однимъ изъ разбойниковъ шайки сальтеадора. Зурдо пришелъ ко мнѣ отъ своего начальника за условленной платой. Сальтеадоръ сдержалъ свое слово и напоминалъ мнѣ объ моемъ.... Длинная борода, запачканное платье, исхудалое лицо моего бѣднаго соотечественника служили неоспоримымъ доказательствомъ дурного обращенія съ нимъ. Зурдо оставилъ насъ, обѣщавъ намъ именемъ сальтеадора, что тотъ, кто донесъ на г. Д., будетъ примѣрно наказанъ. Увѣреніе это мы, разумѣется, приняли хладнокровно, заботясь только о томъ, какъ бы уѣхать поскорѣй и безпрепятственно. Для этого нужно было дождаться ночи. День, наконецъ, прошелъ безъ всякихъ тревогъ. Наступила ночь; мы переждали первый мракъ, боясь заблудиться, и лишь только забрежжилъ свѣтъ, осѣдлали лошадей и, конечно, безъ сожалѣнія выѣхали изъ города, увозя съ собой одни непріязненныя воспоминанія о немъ.

Мы свободно вздохнули тогда только, когда отъѣхали съ добрую милю, не подозрѣвая нисколько, что намъ предстоитъ еще разыграть послѣднюю сцену въ драмѣ, которой мы были невольными актерами. Жалобный голосъ, раздавшійся въ тишинѣ ночи, прервалъ очень непріятно нашу почти беззаботную веселость.

— Скорѣе! шепнулъ я г. Д.: — за нами гонятся; минута нерѣшительности погубитъ насъ.

Мы было пришпорили нашихъ лошадей, но онѣ, несмотря на это, пятились назадъ и рѣшительно не хотѣли идти впередъ,

Digitized by Google

какъ будто испуганныя чѣмъ-то. Осмотрѣвшись внимательнѣе вокругъ себя, мы увидѣли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ шесть человѣкъ, стоявшихъ неподвижно подлѣ деревьевъ.

Это могла быть новая шайка сальтеодора, поджидавшая насъ съ намѣреніемъ ограбить, но стоны этихъ людей, доходившіе до насъ явственнѣе, разувѣрили и успокоили насъ.

— Бога ради, говорилъ одинъ: — не оставьте насъ безъ помощи!

— Ради Божіей Матери, сеньоръ, помогите намъ! стоналъ другой.

Несчастные эти, какъ мы разглядѣли, были привязаны къ деревьямъ: то были мелкіе промышленники, возвращавшіеся съ ярмарки св. Іоанна и вѣроятно ограбленные ворами. Я предлагалъ отвязать ихъ. Товарищъ мой напомнилъ мнѣ приключеніе Донъ-Кихота, который снялъ съ ссыльныхъ цѣпи, а они въ благодарность забросали его каменьями. Убѣжденіе это подѣйствовало на меня, и мы хотѣли уже отправиться, какъ пронзительные крики одного несчастнаго, привязаннаго вѣроятно крѣпче другихъ, остановили насъ. Сжалясь надъ нимъ, я сошелъ съ лошади и перерѣзалъ веревки. Не теряя времени на благодарность, онъ пустился бѣжать со всѣхъ ногъ и только закричалъ мнѣ издали, останавливаясь:

— Сеньоръ-кавалеръ, вы очень обязали меня, оказавъ мнѣ предпочтеніе передъ моими товарищами въ несчастіи. Они всѣ честные купцы, которыхъ я и друзья мои ограбили и привязали къ деревьямъ. А пріятели мои, желая надо мною подшутить, привязали и меня вмѣстѣ съ ними. Благодарю васъ за освобожденіе. Прощайте; да наградитъ васъ небо за вашу доброту! А вы, сеньоръ-кавалеръ, прибавилъ онъ, обращаясь къ г. Д.: — не забывайте, какая участь ожидаетъ мелочныхъ торговцевъ на ярмаркѣ св. Іоанна!

Послѣ этого, Сантучо, — его-то освободилъ я въ порывѣ христіанскаго состраданія!—исчезъ въ кустарникахъ. Мы жалобно посмотрѣли другъ на друга.

— Ѣдемъ, сказалъ Д. послѣ минутнаго молчанія: — и оставимъ этихъ несчастныхъ на волю судьбы. У васъ сегодня рука что-то не очень счастлива!

Двойной выстрѣлъ, заставившій меня вздрогнуть, помѣшалъ мнѣ отвѣчать на упрекъ, заслуженный мною. Въ тоже

Digitized by Google

мгновеніе дорогу нашу пересѣкли два всадника. Одинъ изъ нихъ, поровнявшись съ нами, прехладнокровно продувалъ свой карабинъ, а другой привязывалъ свой карабинъ къ сѣдлу. Я узналъ обоихъ: оба они принадлежали къ шайкѣ моего пріятеля сальтеадора.

— Valga me Dios! сказалъ одинъ изъ нихъ, подъѣзжая ко мнѣ: — кто бы, чортъ возьми, могъ предвидѣть, что вы, сеньоръ, изъ всѣхъ этихъ честныхъ людей освободите только одного Сантучо? Мы привязали его для того, чтобы по приказанію нашего начальника въ назначенный имъ часъ разстрѣлять его; неловкость ваша ускорила исполненіе этого приговора. Прощайте, сеньоры; да послужитъ вамъ это впередъ урокомъ!

Вслѣдъ за удалившимися разбойниками показался всадникъ щегольски и богато одѣтый. Шляпа съ широкими полями, *toquilla* изъ венеціянскаго жемчуга, суконный доломанъ, роскошно вышитый шелками, и широкіе панталоны,—таковъ былъ живописный костюмъ сальтеадора. Его лошадь, достойная паши, съ широкими ноздрями, съ выгнутой шей, съ хвостомъ, перевязаннымъ красными лентами, была также горда и прекрасна, какъ и всадникъ. При каждомъ движеніи ея, слышенъ былъ звукъ длинной и гибкой толедской сабли сальтеодора, ножны которой были удивительной работы. Короткій карабинъ качался на другой сторонѣ сѣдла. Разбойники почтительно сняли шляпы передъ своимъ начальникомъ и отдали ему отчетъ во всемъ, что произошло, — на чистомъ кастильскомъ нарѣчіи.

— Хорошо, сказалъ холодно сальтеадоръ: — принесите сюда тѣло.

Одинъ изъ бандитовъ отправился исполнять приказаніе его и черезъ нѣсколько минутъ возвратился, таща за собой трупъ Сантучо. Несчастный дышалъ еще, хоть и былъ раненъ двумя пулями.

— Обыскать его, сказалъ начальникъ.

Когда одинъ товарищъ его, сойдя съ лошади, подошелъ къ нему, исполнить данное имъ приказаніе, Сантучо сдѣлалъ едва замѣтное движеніе, какъ будто хотѣлъ защищаться. Цѣлыя горсти піастровъ, реаловъ и мелкой монеты вынули изъ его кармановъ. То были плоды ночного грабежа его, стоившаго ему такъ дорого.

Digitized by Google

Разбойникъ, обыскивавшій его, посмотрѣлъ вопросительно на своего начальника, и по его знаку пошелъ отвязывать несчастныхъ плѣнниковъ, которые едва дышали отъ страха. По другому знаку, передъ ними разложили взятыя у нихъ деньги. Видя, какъ купцы бросились на отданныя имъ деньги, Сантучо сдѣлалъ судорожное движеніе и протянулся неподвижно.—Онъ умеръ. Отчаяніе, что у него отняли деньги, ускорило его смерть.

— Возьмите его тѣло на свои плечи, сказалъ повелительно сальтеадоръ купцамъ, которые въ окровавленномъ пескѣ старались отыскать послѣднія монеты: — и отнесите его отъ моего имени къ алькаду. Онъ хотѣлъ имѣть его живого, я посылаю ему мертваго. Пусть сравнитъ онъ свое правосудіе съ моимъ.

Купцы повиновались, и когда печальная процессія удалилась, сальтеадоръ сказалъ мнѣ съ гордой улыбкой:

— Я поклялся наказать этого негодяя, также какъ поклялся заставить дрожать передо мной судей этой проклятой страны, гдѣ торгуютъ правосудіемъ. Вы видите, что я сдержалъ обѣ мои клятвы.... Я далъ еще третью, извѣстную вамъ, сеньоръ, прибавилъ онъ, кланяясь г-ну Д...: — желаю вамъ всегда также строго держать ваше слово, какъ я держу свое.

Сказавъ это, онъ удалился и скоро скрылся изъ глазъ нашихъ.

Недѣлю спустя послѣ нашего отъѣзда, мы увидали освѣщенные солнцемъ вѣчные снѣга на вершинахъ двухъ высочайшихъ волкановъ, которые царятъ надъ Мексико.

Друзья, вышедшіе ко мнѣ на встрѣчу, едва не приняли меня за бродягу, въ изодранномъ и запыленномъ платьѣ, съ нечесанной бородой, съ загорѣлымъ лицомъ. Четырнадцать мѣсяцовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ Мексико; въ это время я сдѣлалъ верхомъ болѣе тысячи четырехъ сотъ миль во внутренности республики, разстояніе, равняющееся разстоянію отъ Гавра до Нью-Іорка. Возвратясь къ образованной жизни, я бросилъ костюмъ путешественника, сохранивъ отъ него только длинныя шпоры, такъ долго служившія мнѣ, и плащь, защищавшій меня отъ росы въ холодныя ночи и отъ солнца въ жаркіе дни. Прошло два мѣсяца. И какъ сонъ уже смутно начинали представляться мнѣ всѣ мои странствованія въ пустынѣ Соноры, какъ вдругъ еще одно приключеніе (это было послѣднее)

Digitized by Google

сиова ярко пробудило во мнѣ воспоминаніе объ нихъ. Неизвѣстный принесъ г-ну Д.... видъ (indulto), выправленный совершенно по формѣ, и получилъ въ обмѣнъ билетъ въ семьсотъ піастровъ, съ переводомъ на одинъ изъ первыхъ торговыхъ домовъ Мексики. Сальтеадоръ также свято сдержалъ третье свое обѣщаніе, какъ и два первыя. —

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ СОВРЕМЕННИКА.

Предлагаемое публикѣ сочиненіе содержитъ въ себѣ глубокомысленныя изслѣдованія объ одномъ изъ затруднительнѣйшихъ вопросовъ древней исторіи. Исконно въ человѣческомъ родѣ сохранялись высокія преданія о Божествѣ, о первобытномъ состояніи міра и человѣка. Разумъ, по темному инстинкту, независимо отъ грубыхъ народныхъ вѣрованій, отъ ученій болѣе или менѣе мѣстныхъ и односторонннихъ, носилъ въ себѣ сознаніе нѣкоторыхъ всеобщихъ истинъ, указывавшихъ человѣку на важный и глубокій смыслъ его природы и судьбы. Но съ одной стороны, разумъ представлялъ себѣ эти истины чрезвычайно отвлеченно, а съ другой, міръ былъ еще слишкомъ порабощенъ матеріи, чтобы прійти съ ними въ соприкосновеніе. Между мыслію и жизнію, между человѣческимъ назначеніемъ и дѣйствительностію лежала глубокая пропасть, чрезъ которую не было проложено соединяющаго пути. Для этого нужно было содѣйствіе высшей силы—и этому содѣйствію еще не пришла пора. Между тѣмъ, къ чести человѣчества, въ немъ все таки хоть мѣстно, хоть по временамъ сверкали лучи свѣтлаго и разумнаго пониманія вещей. Въ миѳахъ и символахъ древняго Востока, этой колыбели возвышенныхъ ученій, таилось много понятій простыхъ и здравыхъ, совершенно противоположныхъ запутанному и нелѣпому вѣрованію черни. Ими питались и поддерживались умы высокіе, предчувствовавшіе возможность лучшихъ убѣжденій. На Востокѣ, однакожъ, по духу тамошнихъ обществъ, менѣе чѣмъ гдѣ либо, возможно было ихъ распространеніе и примѣненіе посреди народныхъ массъ. Когда Западъ въ лицѣ перваго и умнѣйшаго изъ своихъ представителей, въ лицѣ греческаго народа, получилъ отъ Востока сокровища его ума, онъ началъ разработывать

Digitized by Google

и употреблять ихъ по своему, началъ совлекать съ истины многосложные и тяжелые покровы миѳовъ и символовъ; философія греческая стремилась ввести въ жизнь и общество то, что Востокъ заботливо и ревниво запиралъ въ касты и школы, боясь предать свою умственную святыню на осквернепіе черни. Но не смотря на эту добросовѣстную готовность мудрыхъ къ просвѣщенію подобныхъ себѣ, не смотря на доступность западныхъ людей, особенно Грековъ, всѣмъ идеямъ логическимъ и человѣчнымъ, — и въ Греціи все таки нельзя было нѣкоторыхъ понятій о мірѣ и человѣкѣ сдѣлать общенародными. Грубый политеизмъ, хотя и прикрашенный греческой миѳологіей, противопоставлялъ всякому подобному покушенію непреодолимыя преграды. Такимъ образомъ, Изида, скрывавшая лицо свое подъ непроницаемымъ покровомъ въ мистеріяхъ Египта, не могла сбросить съ себя этого покрова и посреди философской популярности Аѳинъ. Философія многаго не досказывала, и это-то недосказанное нашло себѣ убѣжище въ особыхъ мистическихъ и религіозныхъ корпораціяхъ, между коими замѣчательнѣйшія были элевсинскія. Авторъ сочиненія, посвященнаго этому предмету, съ удивительнымъ искусствомъ и проницательностію раскрываетъ образованіе и смыслъ этого важнаго явленія въ греческомъ мірѣ, — явленія, которое, между прочимъ, доказываетъ, какъ жалко было человѣчество языческаго міра, когда считалось необходимымъ скрывать отъ него и малую долю тогдашней истины. Сочиненіе объ элевсинскихъ таинствахъ, къ чести Россіи, принадлежитъ Русскому; оно написано по французски съ тою цѣлію, чтобы ознакомить ученую Европу съ идеями и взглядами автора. Но въ то время, когда Европа признала это твореніе классическимъ по части исторической критики, мы, по какому-то непростительному равнодушію къ отечественной славѣ, едва знали о его существованіи. Пора поправить эту ошибку. «Современникъ» радуется, что на него палъ этотъ пріятный долгъ, и онъ спѣшитъ передать по русски своимъ читателямъ глубокія изысканія знаменитаго автора, украшеннаго не одними дарованіями ученаго и писателя.

Digitized by Google

ИЗСЛѢДОВАНІЕ
ОБЪ ЭЛЕВСИНСКИХЪ ТАИНСТВАХЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Религіозныя мистеріи древнихъ народовъ представляютъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ и вмѣстѣ самыхъ темныхъ предметовъ въ изученіи древности. Отличные критики и ученые съ давняго времени посвящали свои изслѣдованія этой важной части въ древней археологіи. Въ самомъ дѣлѣ, глубокое познаніе не обрядовъ, а самого источника и духа мистерій, въ которыхъ должны были сохраниться религіозныя идеи древняго міра, могло бы распространить совершенно новый свѣтъ на всѣ археологическія изслѣдованія. Всѣ ученые, отъ Меурсіуса до господъ Сентъ-Кроа и Мейнерса, разсматривали этотъ вопросъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Одни старались опредѣлить происхожденіе и назначеніе мистерій, другіе отыскивали время ихъ введенія въ Грецію и собирали всѣ свидѣтельства древнихъ писателей о мистическихъ церемоніяхъ. Словомъ, ученыхъ изслѣдованій было уже довольно; всѣ древніе писатели и памятники искусства, въ которыхъ что нибудь могло содѣйствовать къ объясненію вопроса, пересмотрѣны и сличены съ большимъ вниманіемъ. Кажется, однакожъ, что на самое важное изъ всѣхъ этихъ изслѣдованій, на религіозно-философское отношеніе мистерій къ политеизму, еще по сю пору не обращено надлежащаго вниманія. Нѣкоторые писатели вовсе не занимались этимъ предметомъ, другіе говорили только мимоходомъ. Многіе видѣли въ мистеріяхъ только собраніе обрядовъ, назначенныхъ для обмана черни; другіе превращали ихъ въ философ-

Digitized by Google

скія школы. *Плутархъ* сдѣлалъ изъ этихъ таинствъ курсъ гигіены; *Ларше* думалъ, что тамъ проповѣдывали атеизмъ.

Чтобы обнять во всей обширности этотъ вопросъ, заключающій въ себѣ всѣ нравственные элементы древняго міра, нужно имѣть множество матеріяловъ, которыхъ у насъ нѣтъ и не будетъ никогда. Такимъ образомъ, не надѣясь на совершенное объясненіе дѣла, мы считаемъ свои мысли объ этомъ предметѣ простыми догадками, къ которымъ привело насъ больше желаніе научиться самимъ, чѣмъ учить другихъ.

Не заходя вдаль, мы опредѣлимъ напередъ общее понятіе мистерій. Подъ этимъ именемъ разумѣли собраніе различныхъ религіозныхъ постановленій, неимѣвшихъ между собою ни общей связи, ни общаго происхожденія. Такимъ образомъ, причисляли къ мистеріямъ церемоніи Дактиловъ, Куретовъ, Корибантовъ, Тельхиновъ и даже позднѣйшія посвященія Митры и Изиды. Впрочемъ, при отчетливомъ изученіи этой археологической отрасли, нетрудно замѣтить, что всѣ эти религіозныя секты не имѣли ничего общаго съ элевсинскими таинствами Цереры. Даже не опредѣлено еще сходство между мистеріями боговъ Кабировъ въ Самоѳракіи и таинствами элевсинскими.

Въ ряду постановленій, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ мистерій, элевсинскія таинства занимаютъ первое мѣсто. Равно важныя и по своему происхожденію и по своимъ послѣдствіямъ, они одни имѣли прямое отношеніе къ первоначальному источнику религіозныхъ идей, одни составляли мистическое значеніе политеизма. Древніе, подъ именемъ мистерій всегда разумѣли только элевсинскія таинства: все прочее, съ весьма немногими исключеніями, уже съ самого начала было мистическимъ ремесломъ грубыхъ фигляровъ, обманывавшихъ легковѣрный, еще полудикій народъ, а впослѣдствіи времени, ловкіе шарлатаны, посредствомъ этихъ темныхъ и странныхъ обрядовъ, надѣялись остановить паденіе разрушавшейся религіи.

Въ общее понятіе мистерій обыкновенно включаютъ еще таинства Бахуса; любопытно было бы опредѣлить ихъ точное значеніе, но они мало содѣйствуютъ къ объясненію настоящаго вопроса. Бакхическія или орфическія мистеріи по своему характеру совершенно противоположны элевсинскимъ таинствамъ: можно сказать, что между поклоненіемъ Бахусу и Церерѣ такая же разница, какъ между необузданною силою дикой жизни и правильнымъ устройствомъ жизни гражданской. Но таинства Цереры тѣмъ особенно отличаются отъ другихъ мистерій, что въ нихъ сохранились преданія, современныя міру. Притомъ, открывая посредничество между человѣкомъ и божествомъ, элевсинскія таинства одни только достигали цѣли всѣхъ великихъ религіозныхъ учрежденій. Вся Греція спѣшила принять посвященіе, и Платонъ, которому удалось проникнуть въ тайну самого

Digitized by Google

святилища, говорилъ о мистеріяхъ не иначе, какъ съ благоговѣніемъ. По свидѣтельству святаго Климента Александрійскаго, въ *великихъ таинствахъ* учили познавать природу. Снятіе покрова съ этихъ мистерій подало бы ключь къ таинствамъ Египта и Востока, и, разъ отыскавъ эту нить, можно было бы дойти до первыхъ началъ политеизма.

Мы не знаемъ ни времени, ни имени основателя элевсинскихъ таинствъ. Тертулліанъ называетъ Музея, святой Епифаній — Кадма и Иваха, Климентъ Александрійскій говоритъ, что основаніе мистерій приписывали также Египтянину Мелампу. Нѣкоторые, между прочими схоліастъ Софокла, утверждаютъ, что какой-то Эвмолпъ былъ основателемъ и первымъ гіерофантомъ мистерій. Другіе, наконецъ, увѣряютъ, будто Орфей принесъ эти мистеріи изъ Египта. Между тѣмъ, достовѣрнѣйшіе писатели приписываютъ ихъ основаніе самой Церерѣ.

Мы не станемъ разсказывать различныхъ басень о томъ, какъ Церера установила эти мистеріи. Приписывать ихъ основаніе богинѣ, землѣ, значитъ далеко выступать изъ предѣловъ исторіи и соглашаться въ невозможности опредѣлить время ихъ появленія.

Еще болѣе сбивчивости относительно самого года основанія: писатели, по обыкновенію, толкуютъ объ этомъ различно, и ни у кого нѣтъ правдоподобныхъ доказательствъ. *Мейнерсъ* и *Дюпюи* доказали, что это изслѣдованіе и мелочно и безполезно.

Мысль эта оправдывается еще тѣмъ, что *малыя мистеріи* безъ всякаго сомнѣнія явились раньше *великихъ*, и стало быть, эпоха ихъ дѣйствительнаго усовершенствованія современна образованію греческихъ республикъ. Поэтому, для насъ гораздо любопытнѣе изучать эти таинства въ ихъ зрѣломъ, нежели въ младенческомъ возрастѣ. Притомъ, какъ бы ни было отдалено время ихъ египетскаго переселенія, и какой бы символъ ни соединялся съ именемъ Цереры, мистеріи, во всякомъ случаѣ, должны были явиться ранѣе предполагаемаго времени, если допустить, что ихъ зародышъ скрывается еще въ празднествахъ и народныхъ обычаяхъ первыхъ обитателей Греціи, вышедшихъ съ ними съ востока. Греческая религія образовалась постепенно, и бо́льшая часть религіозныхъ обрядовъ перенесена изъ Египта. Таинства Цереры, по словамъ Лактанція, почти совершенно сходны съ мистеріями Изиды; а во времена Геродота только у одной Изиды и были таинства въ Египтѣ; стало быть, ея таинства только и могли дать происхожденіе мистеріямъ Цереры. Но такія идеи раскрываются медленно и уже поздно принимаютъ мистическія формы, обличающія всегда значительную зрѣлость мышленія. Во всемъ этомъ ясно видѣнъ обыкновенный ходъ человѣческаго ума:

Digitized by Google

онъ идетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ отъ идеи безконечнаго и, пробѣгая огромное пространство, снова доходитъ до этой же идеи, которая, такимъ образомъ, обнимаетъ обѣ крайности человѣческой мысли.

Это размышленіе можетъ отчасти объяснить еще другую, болѣе важную трудность, которая представляется съ перваго взгляда.

Гомеровы поэмы — безспорно древнѣйшій памятникъ греческой исторіи. Однакожъ, Гомеръ нигдѣ не говоритъ о таинствахъ, и даже нѣтъ въ немъ ни малѣйшаго слѣда мистическихъ идей. Поэтъ никогда не возвышается до этого отвлеченнаго понятія судьбы, бывшей душою греческой трагедіи. Его теологія предшествуетъ всякимъ метафизическимъ соображеніямъ. Все носитъ у него истинный характеръ первоначальной поэзіи, которая еще вся предана музыкальной гармоніи словъ и прелести первыхъ впечатлѣній. Никогда умъ человѣческій не имѣлъ передъ собою болѣе очаровательной картины своей молодости. Въ простотѣ гомеровыхъ идей вездѣ чувствуешь зародышъ силы, еще дремлющей, точно также, какъ въ граціозныхъ движеніяхъ младенца угадываешь исполинскіе размѣры будущаго мужа.

Эти достоинства, сдѣлавшія Гомера любимцемъ всѣхъ образованныхъ народовъ, представляютъ почти неразрѣшимую трудность для историка древнихъ мистерій. Мы видѣли, въ чемъ состоитъ это затрудненіе относительно элевсинскихъ таинствъ: время ихъ основанія, по самымъ достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, относится къ вѣкамъ баснословнымъ, и однакожъ, Гомеръ, первый греческій историкъ, не только не говоритъ объ нихъ ничего, но даже всѣ идеи его имѣютъ совершенно противоположный характеръ. Напрасно стали бы увѣрять, что поэтъ съ намѣреніемъ удалилъ отъ эпопеи всякую метафизическую идею, въ угожденіе взыскательному вкусу современниковъ: мысль эта тѣмъ болѣе неосновательна, что всякая черта разграниченія, проведенная вокругъ эпопеи, вовсе не въ характерѣ Гомера и не въ духѣ его вѣка. Какое бы въ ту пору ни имѣли понятіе объ эпопеѣ, Гомеръ не подчиняется безусловно извѣстному роду. Онъ обнимаетъ весь свой вѣкъ и природу; даже, если предположить, что поэтъ не хотѣлъ описывать древнихъ мистерій, все бы въ его поэмахъ осталося какой нибудь слѣдъ метафизическихъ идей, какъ скоро были онѣ извѣстны его современникамъ.

Мнѣніе, что греческія мистеріи дѣйствительно вошли въ употребленіе позже гомерова вѣка, подтверждается весьма важнымъ свидѣтельствомъ. Мы разумѣемъ свидѣтельство Геродота, который говоритъ, что Гомеръ и Гезіодъ первые дали Грекамъ теогонію, первые опредѣлили имена боговъ, ихъ изображенія и религіозные обряды. Не должно принимать этого въ буквальномъ смыслѣ. Образъ дѣй-

Digitized by Google

ствованія гомеровыхъ боговъ предполагаетъ уже извѣстную и полную систему. Но Гомеръ и Гезіодъ привели ее въ порядокъ, соединили разбросанныя преданія, безсвязные *мины*; и въ этомъ отношеніи, отчасти сдѣлали то, что̀ приписываетъ имъ Геродотъ. Нѣкоторые уже сильно возставали противъ геродотова авторитета, и особенно опровергали его писатели, хотѣвшіе доказать существованіе Орфея, который, по ихъ мнѣнію, былъ основателемъ мистерій. Сомнѣваться нельзя, что Орфей имѣлъ большое вліяніе на религіозныя понятія Грековъ: фактъ останется неоспоримымъ, если даже принять мнѣніе Аристотеля, который, по свидѣтельству Цицерона, доказалъ, что Орфей никогда не существовалъ. Если слово Орфей есть собирательное имя, данное вообще всѣмъ основателямъ или преобразователямъ мистерій, то дѣйствія, приписываемыя Орфею, напримѣръ, основаніе самоѳракійскихъ или вакхическихъ мистерій, будутъ имѣть всю силу историческихъ фактовъ. Орфея уже въ древности знали очень мало. Самые опытные критики не признавали поэтическихъ отрывковъ, извѣстныхъ подъ его именемъ; но самоѳракійскія мистеріи имѣли большое сходство съ нѣкоторыми египетскими церемоніями, и это обстоятельство оправдываетъ всеобщее мнѣніе о путешествіи Орфея въ Египетъ. Съ самой глубокой древности Египтяне владѣли почти монополіею восточныхъ идей. Такимъ образомъ, чтобы это египетское переселеніе мистерій согласить съ молчаніемъ Гомера и Гезіода, необходимо должно допустить, что обряды восточной религіи развились уже послѣ гомерова вѣка, или, по крайней мѣрѣ, послѣ троянской войны, потому-что только теперь, среди междоусобныхъ несогласій, Греція начала принимать правильное политическое устройство. Героическій вѣкъ занималъ средину между жизнію кочевою и строгимъ раздѣленіемъ на касты; въ этомъ неопредѣленномъ состояніи человѣкъ энергически обнаруживаетъ свою дѣятельность, но еще не чувствуетъ необходимости углубляться въ самого себя.

Такимъ образомъ, эпоха дѣйствительнаго развитія мистерій должна быть современна основанію первыхъ греческихъ республикъ. Республиканская эра смѣнила героическій вѣкъ въ то самое время, какъ лирическая и драматическая поэзія заступила мѣсто эпопеи; и какъ у древнихъ всѣ элементы нравственнаго и физическаго состоянія народовъ имѣли между собою внутреннюю связь, то Гезіода можно считать среднимъ терминомъ между этими великими эпохами. Религіозныя понятія уже приняли направленіе, болѣе сообразное съ состояніемъ общества; и какъ невозможно думать, что греческая поэзія безъ всякой постепенности возвысилась до гомерова совершенства, точно такъ же невозможно доказать, что полное развитіе мистерій совершилось вдругъ и произвольнымъ образомъ въ такое вре-

Digitized by Google

мя, когда не было въ нихъ никакой нужды. Чужеземныя учрежденія могутъ только процвѣтать въ томъ случаѣ, когда они совершенно освоились съ почвою, на которую пересажены; поэтому, прежде всякихъ справокъ съ хронологіею, мечтающею опредѣлить время великаго событія, должно напередъ спросить философію, сообразно ли это событіе съ неизмѣнными законами природы, которыхъ человѣкъ не можетъ ни перемѣнить, ни уничтожить.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Весьма вѣроятно, что изъ всѣхъ европейскихъ странъ Греція была первая населена азіятскими колоніями. Весь ходъ ея исторіи показываетъ, что въ этой странѣ въ разныя эпохи жили три различныхъ племени. Первые поселенцы, не составляя политическаго тѣла, не имѣли общаго названія. Вторая колонія была пелазгическая. Пелазги, не совсѣмъ чуждые образованія, имѣли нѣкоторое сходство съ европейскими Ѳракіянами и азіятскими Фригійцами. Между тѣмъ, додонское преданіе говоритъ, что они долго приносили жертвы богамъ, не зная ихъ именъ. Девкаліоновъ потопъ, случившійся около 1514 года до Рождества Христова, произвелъ большой переворотъ. Явились Эллины, народъ новый, вышедшій изъ Азіи: они распространились по всей Греціи, выгнали Пелазговъ, или смѣшались съ ними, и дали свое имя странѣ, которую образовали. Лѣтъ черезъ шестьдесятъ послѣ девкаліонова потопа, Финикіянинъ Кадмъ поселился въ Ѳивахъ, Египтянинъ Данай — въ Аргосѣ.

Вотъ очеркъ полубаснословныхъ, полуисторическихъ событій, не безъ труда выбранныхъ изъ древнихъ писателей и подавшихъ поводъ къ построенію различныхъ, противорѣчащихъ системъ. Во всемъ этомъ вѣрно только то, что Греція, въ различныя времена, первая заселена была азіятскими колоніями, болѣе или менѣе образованными.

Мы видѣли, что основаніе элевсинскихъ таинствъ приписывали или самой Церерѣ, или чужеземнымъ поселенцамъ, и что египетскіе жрецы присвоивали себѣ честь распространенія между Греками первыхъ началъ политеизма. Въ этихъ фактахъ довольно положительности; даже безъ сходства въ идеяхъ, они доказываютъ сами по себѣ, что египетскія мистеріи, перемѣшавшись съ туземными понятіями греческихъ племенъ, никогда не опровергали своего происхожденія, близкаго ко всеобщей колыбели нравственныхъ и религіозныхъ идей.

Digitized by Google

Всѣ эти безсвязные факты, эти разбросанныя свидѣтельства вытекаютъ изъ плодотворнаго начала, помѣщающаго на востокѣ фокусъ просвѣщенія и центръ всякой образованности. Нельзя прослѣдить безпрерывный ходъ человѣческаго образованія отъ первыхъ откровеній Божества до мистическихъ заблужденій ума, — но все же, основываясь больше на сходствѣ самыхъ идей, нежели словъ, можно указать на нѣкоторыя главныя эпохи и восполнить ихъ промежутки собственнымъ размышленіемъ. Исторію философскихъ идей всегда должно соединять съ исторіею религіозныхъ вѣрованій, потому-что философія, предоставленная самой себѣ, объясняетъ только вполовину исторію человѣческаго ума.

Такимъ образомъ, древнія мистеріи, въ отношеніи къ истинамъ верховнаго порядка, имѣютъ много свѣтлыхъ сторонъ, которыя должно выставить на видъ. Теперь почти всѣ начинаютъ думать, что столь важные вопросы заслуживаютъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія. Не довольно для этой цѣли однихъ филологическихъ изслѣдованій: критику словъ всегда должно соединять съ критикою самыхъ идей, и идти впередъ при свѣтѣ сдѣланныхъ открытій.

Предположеніе, что Египетъ былъ источникомъ всѣхъ человѣческихъ познаній и матерью всѣхъ религій, было принято многими писателями восемьнадцатаго вѣка. Впрочемъ, это мнѣніе не новое, и еще сами Египтяне распространили его. Весьма многіе изъ новѣйшихъ писателей приняли также эту догадку; не говоря о другихъ, назовемъ здѣсь господъ Сентъ-Кроа и Дюпюи, которые были послѣдними историками древнихъ мистерій. Нѣкоторые, напримѣръ, Кемпферъ, Гюэ, Ла-Крозъ, Бруккеръ думали даже, что самая Индія была египетскою колоніею. Эта система, несогласная съ нашими религіозными преданіями, противорѣчитъ также достовѣрнѣйшимъ свидѣтельствамъ исторіи и философіи. Нѣтъ сомнѣнія, Египетъ во многихъ отношеніяхъ представляетъ единственное зрѣлище въ лѣтописяхъ міра; тѣмъ не менѣе, однакожъ, ничто не обнаруживаетъ въ немъ характера центральной страны: его географическое положеніе, природныя свойства жителей, политическая судьба и постепенный ходъ государственнаго управленія, — все показываетъ, что страна эта не могла сдѣлаться фокусомъ человѣческаго образованія. Нѣсколько мѣстныхъ особенностей, нѣсколько народныхъ символовъ еще не доказываютъ, что египетская религія не могла имѣть азіятскаго происхожденія. Напротивъ, весь планъ этой теократіи ясно показываетъ, что египетскіе жрецы, ревностно сохранявшіе принесенную систему религіозныхъ вѣрованій, составляли чужеземную колонію, искусно употреблявшую всѣ средства, которыми можно было обморочить глаза и поработить простой народъ. Какъ скоро символы по-

Digitized by Google

глощаютъ основныя идеи и непроницаемый языкъ увѣковѣчиваетъ мракъ, покрывающій религіозную систему, нить аллегоріи прерывается въ рукахъ теократовъ, темнота увеличивается, иго тяготѣетъ, и человѣкъ блуждаетъ въ лабиринтѣ внѣшнихъ обрядовъ, къ которымъ ключь давно уже потерянъ.

Но если Египетъ самъ ничего не выдумалъ, за то онъ все сохранилъ: самая строгость правленія и его глубокая древность какъ нельзя лучше приспособлены были къ этой цѣли. Поэтому, Египетъ по всему праву можно считать крѣпкимъ звѣномъ, соединяющимъ Азію съ Европою. Измѣнивъ восточныя преданія, онъ передалъ ихъ Греціи. Все, что въ религіозныхъ понятіяхъ Грековъ отличается отъ египетской теологіи, можетъ служить характеристикою обоихъ народовъ. Эти преданія, съ мрачною и печальною физіономіею въ Египтѣ, получили новую жизнь въ веселомъ климатѣ и прекрасномъ воображеніи Грековъ.

Если бы лучше узнать древній Египетъ и собрать болѣе точныя свѣдѣнія о его религіозной системѣ и народныхъ преданіяхъ, нетрудно было бы изложить исторію мистерій. Къ несчастію, глубокій мракъ еще скрываетъ отъ насъ языкъ, исторію и памятники Египта. Впрочемъ, нѣкоторыя счастливыя попытки, особенно великія предпріятія французскаго правительства, заставляютъ ожидать новыхъ открытій объ этой странѣ. Съ другой стороны, труды Англичанъ въ Бенгалѣ уже съ большею достовѣрностію опредѣляютъ нѣкоторые факты, доказывающіе связь и взаимныя отношенія между древнею Индіею и Египтомъ. То, что мы знаемъ о ихъ миѳологическихъ, историческихъ и географическихъ преданіяхъ, не подвержено болѣе никакому сомнѣнію.

Древніе считали Индѣйцевъ автохтонами. По извѣстію Филострата и Лукіана, они думали, что Египтяне заняли свое образованіе отъ Индѣйцевъ. «Я знаю, говоритъ Павзаній, что Халдеи и маги египетскіе первые стали доказывать, что душа человѣческая безсмертна: Греки, и особенно Платонъ, сынъ Аристона, отъ нихъ узнали эту истину». Эти понятія объ Индіи сохранялись долгое время. Святой Климентъ Александрійскій и Святой Іеронимъ упоминаютъ о Буддѣ. Восточный пантеизмъ, представлявшій вселенную истеченіемъ изъ божества, проникнулъ въ Египетъ и Грецію. Индѣйскіе философы для объясненія этой системы брали въ примѣръ паука, образующаго свою паутину изъ нити, которую онъ тянетъ изъ себя самого: насѣкомое сидитъ среди своей работы, сообщаетъ ей движеніе и, когда вздумается, опять втягиваетъ въ себя ткань, вышедшую изъ его же тѣла. Они сравнивали міръ съ яйцомъ, и этотъ символъ приняли также Египтяне и Греки. Не входя болѣе во

Digitized by Google

всѣ эти подробности, которыя могли бы насъ отдалить отъ предмета, мы прибавимъ, что новѣйшія открытія совершенно согласны съ извѣстіями древнихъ. Доказано, что древнимъ Индѣйцамъ извѣстны были *Мисръ* и *Нилъ*, что египетская троица, состоящая изъ Озириса, Горуса и Тифона, имѣетъ общее происхожденіе съ троицою индѣйскою, которую составляли Брама, Вишну и Магадева. Доказано также, что египетскій фаллосъ, совершенно сходный съ индѣйскимъ лингамомъ, принесенъ въ Грецію Мелампомъ,—что раздѣленіе на касты и наслѣдственная власть жрецовъ были вовсе не египетскаго изобрѣтенія, какъ думалъ Дюпюи. Невѣроятно, чтобы баснословный Сезострисъ принесъ египетскую религію въ Азію и чтобы преслѣдованіе Камбиза заставило египетскихъ жрецовъ образовать Индію. Но Египетъ былъ посредникомъ между Азіей и Грецією и служилъ главнѣйшимъ каналомъ умственныхъ сношеній, которыя съ самой глубокой древности существовали между этими странами.

Между тѣмъ, въ пятомъ томѣ «Записокъ Азіятскаго Общества» сообщено извѣстіе о самомъ важномъ изъ всѣхъ новѣйшихъ открытій, подтверждающихъ восточное вліяніе, и которыя имѣютъ прямое отношеніе къ предмету нашей статьи. «Оканчивая празднованіе элев-«синскихъ таинствъ, греческіе жрецы распускали собраніе, говоря: «Κόγξ ὄμ πάξ (конксъ омъ паксъ). Эти мистическія слова, кото-«рыхъ никто до сихъ поръ не могъ объяснить, суть *санскритскія*. «Брамины и теперь употребляютъ ихъ въ концѣ многихъ религіоз-«ныхъ обрядовъ. На языкѣ боговъ, Индѣйцы даютъ это названіе «языку своихъ священныхъ книгъ, — такъ выражаются эти слова: «*канска, омъ, пакша*».

«*Канска* означаетъ предметъ нашихъ пламенныхъ желаній».

«Знаменитый слогъ *омъ* Индѣйцы произносятъ въ началѣ и въ «концѣ своихъ молитвъ и всѣхъ религіозныхъ обрядовъ».

«*Пакша* вполнѣ соотвѣтствуетъ старому латинскому слову vix, «vices. Оно означаетъ всякую перемѣну, очередь, рядъ, періодиче-«скую работу, непостоянство счастія. Произнося его, Индѣйцы «льютъ воду въ честь боговъ и Питрисовъ (Pitris — души усоп-шихъ)».

«У Гезихія мы находимъ, что эти слова произносили въ Греціи «громко въ заключеніе всѣхъ важныхъ церемоній, религіозныхъ и «гражданскихъ. Судьи, выслушавъ дѣло, подавали голоса, бросая въ «ящикъ разноцвѣтные камни; стукъ падающаго камня назывался «однимъ изъ этихъ трехъ именъ, или даже всѣми тремя, вѣроятно, «отъ слова *пакша*, потому-что судья отправилъ свою *очередь* при «подаваніи голоса».

Digitized by Google

«Адвокатамъ, собиравшимся говорить передъ судомъ, давали на «размышленіе два или три часа, смотря по содержанію дѣла. Для «этого ставили водяные часы, издававшіе послѣ каждаго часа из- «вѣстный звукъ, который также называли *пакша*. Это слово выгова- «ривалось *вахсъ*, а въ просторѣчіи *вахть*; отсюда старинное ла- «тинское vix».

Это прекрасное открытіе Вильфорда не только объясняетъ настоящее происхожденіе мистерій, но показываетъ еще внутреннія и многочисленныя отношенія, которыя поддерживали вліяніе восточныхъ идей на древнюю образованность. Здѣсь нѣтъ надобности выставлять всѣ результаты отъ объясненія Вильфорда: всякій безпристрастный наблюдатель увидитъ на востокѣ колыбель всѣхъ религіозныхъ преданій и философскихъ ученій. У насъ еще далеко не всѣ матеріялы, которыхъ можно ожидать впереди; но уже какой свѣтъ распространили эти изслѣдованія, сдѣланныя только въ продолженіи двадцати лѣтъ! Кто не пожелаетъ, чтобы вниманіе всей Европы обратилось на эту азіятскую литературу, источникъ всѣхъ нашихъ познаній.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что религіозныя мистеріи Грековъ имѣли чужеземное происхожденіе, что родина ихъ не въ Египтѣ, и что, наконецъ, есть у насъ блистательный, единственный фактъ, открывающій ихъ истинное отечество.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Естественное состояніе человѣка не могло быть ни дикимъ, ни поврежденнымъ состояніемъ. Это — состояніе простое, лучшее, близкое къ Божеству. Дикость и поврежденность человѣческой природы были уже слѣдствіемъ паденія человѣка, которое одно содержитъ ключь ко всей его исторіи. Отсюда — этотъ обратный ходъ нравственнаго міра, противоположный постепенно-возрастающей силѣ человѣческаго ума; этимъ также объясняется настоящее положеніе дѣлъ, при которомъ человѣческая мудрость есть только простое созерцаніе, воспоминаніе прошедшаго, а добродѣтель — возвращеніе къ Богу.

Всѣ религіи признаютъ эту великую истину паденія человѣка. Она находится во всѣхъ теологіяхъ и служитъ основаніемъ древней философіи. Въ миѳологическихъ преданіяхъ она занимаетъ иногда первое, иногда второстепенное мѣсто: то представляютъ ее подъ символомъ борьбы, траура, то подъ образомъ убитаго бога; иногда даютъ ей духовный смыслъ, и философія проповѣдуетъ о перерожденіи

Digitized by Google

души, о необходимости ея постепеннаго возвращенія на первое мѣсто.

Всѣ важнѣйшія нравственныя истины, соединенныя съ истиною о паденіи человѣка, эти первыя истины, непосредственно переданныя или открытыя Божествомъ, пережили всѣ заблужденія человѣческаго ума. Разсѣяніе народовъ, злоупотребленіе аллегорія, сбивчивость понятій о безтѣлесныхъ силахъ, — всѣ эти начала, изъ которыхъ постепенно образовался политеизмъ, не могли заглушить первоначальныхъ истинъ, и остатки ихъ всегда сохранялись на востокѣ. Эти обломки, по какому-то чудному направленію, распространились далеко: они явились въ Египтѣ, и впослѣдствіи времени, послѣ различныхъ измѣненій, образовали въ самомъ центрѣ языческаго міра таинственное ученіе *Апорретовъ* и предметъ великихъ элевсинскихъ мистерій.

Эти простые факты, основанные на историческихъ преданіяхъ, эти удовлетворительные результаты, соединенные съ нашими священными преданіями, не должны быть опровергаемы. Предположеніе, установляющее общій центръ, общій фокусъ просвѣщенія, безспорно есть самое основательное изъ всѣхъ предположеній о происхожденіи человѣческаго образованія. Открыть разрѣшеніе великой исторической и философской задачи, не нарушая правъ ни философіи, ни исторіи, есть величайшее торжество здравой критики.

Соединеніе философіи съ критикою особенно необходимо на обширномъ археологическомъ поприщѣ. Самая остроумная догадка здѣсь рѣдко бываетъ удовлетворительною; принимая предположеніе, представляющее наименѣе противорѣчій, здѣсь видишь еще на каждомъ шагу, что не должно этою догадкою объяснять всѣхъ затрудненій и все выводить изъ одной системы. Въ изученіи древнихъ религій намъ довольно обнять главнѣйшія черты ихъ, потому-что онѣ только составляютъ ихъ собственный характеръ; все прочее прибавлялось къ нимъ постепенно и часто наудачу.

Руководствуясь этимъ началомъ, мы не примемъ безъ размышленія никакой позднѣйшей догадки о переселеніи первоначальныхъ и основныхъ идей. Мы уже указали на ихъ восточную родину и дальнѣйшее пребываніе ихъ въ Египтѣ; посмотримъ теперь, какъ утвердились онѣ въ Греціи.

Элевсинскія таинства, подобно древней философіи, раздѣлялись на двѣ части —*эзотерическую* и *экзотерическую*. Изъ этихъ обѣихъ частей образовались *великія* и *малыя таинства*. Послѣднія считаются древнѣйшими и эта постепенность въ ихъ образованіи сообразна съ обыкновеннымъ ходомъ вещей. Господинъ Сентъ-Кроа, основываясь на словахъ Меурсія, полагаетъ, что малыя мистеріи были приготовительными церемоніями. Впрочемъ, гораздо вѣроятнѣе, что ве-

Digitized by Google

ликія и малыя таинства были совершенно раздѣлены. Безъ сомнѣнія, посвященному въ великія мистеріи извѣстно было содержаніе малыхъ но ничто не доказываетъ, чтобы всякой *Мистъ* могъ сдѣлаться *Эпоптомъ*, то есть, чтобы адепты малыхъ мистерій имѣли право на посвященіе въ великія. Каждый Грекъ, безъ различія возраста и происхожденія, могъ быть допущенъ къ малымъ мистеріямъ; даже *варвары* впослѣдствіи пользовались этою выгодою. Но если бы такъ же легко было участвовать и въ великихъ таинствахъ, могли ли бы они быть скрытыми отъ народа и не потерять своего значенія?

Это двоякое ученіе, полагавшее преграду между философами и народомъ, составляетъ отличительную черту древняго міра, свойственную всѣмъ его постановленіямъ, всѣмъ системамъ, всему образованію. Христіанство, разрушивъ двойное ученіе, сдѣлалось великой эпохою даже въ исторіи философіи.

Раздѣленіе мистерій на великія и малыя зависѣло отъ самого свойства языческой религіи. Великія таинства предоставлены были небольшому числу избранныхъ, потому-что истины, тамъ открытыя, могли бы нанести смертельный ударъ религіознымъ вѣрованіямъ народа; напротивъ, малыя мистеріи доступны были всякому человѣку.

Всѣ эти побужденія заставляютъ думать, что малыя мистеріи, не сообщая ничего противнаго политеизму, содержали символическія представленія исторіи Цереры и Прозерпины. Ученіе о будущей жизни, гдѣ преступники будутъ наказаны, а добродѣтельные получатъ награду, не выходило изъ предѣловъ господствующей религіи. Даже можно было, не опровергая политеизма, объяснять посвященнымъ, что такіе-то боги были первоначально людьми, удостоенными апоѳеоза за свои великія дѣйствія: религія, никогда не имѣвшая опредѣленной системы, давала большой просторъ теологическимъ толкованіямъ. Вѣроятно, малыя мистеріи составляли родъ философскаго политеизма. Только великія таинства, *τελεταὶ*, владѣли нѣкоторыми высокими истинами и важнѣйшими первоначальными преданіями. Нѣтъ возможности изложить въ полномъ объемѣ это таинственное ученіе: древніе оставили намъ только несовершенные отрывки, неясныя указанія, темные намеки. Въ новѣйшихъ открытіяхъ множество догадокъ, но весьма мало доказательныхъ фактовъ.

Не станемъ здѣсь приводить всего, что относится къ устройству элевсинскаго храма, въ которомъ, по извѣстіямъ Страбона, могло помѣщаться до тридцати тысячъ человѣкъ; не будемъ также говорить о порядкѣ церемоній и о различныхъ обязанностяхъ мистагоговъ въ великихъ и малыхъ мистеріяхъ. Весьма немногія свѣдѣнія объ этихъ предметахъ уже пересмотрѣны новѣйшими учеными и въ ихъ сочиненіяхъ собрано все, что можно было отыскать о гіерофантѣ (*Ἱεροφάντης*)

Digitized by Google

факелоносца (*Δαδοῦχος*), священномъ герольдѣ (*Ἱεροκήρυξ*), служителѣ олтаря (*Ὁ ἐπὶ βωμῷ*) и о другихъ особахъ низшаго разряда, принадлежавшихъ къ храму, объ ихъ костюмахъ, должностяхъ, о днях торжественныхъ процессій и проч.

Повторимъ: намъ нельзя положительно опредѣлить всѣхъ свѣдѣній, которыя открывали эпоптамъ; но изъ показаннаго отношенія этихъ посвященій къ истинному источнику всѣхъ нашихъ познаній можно *судить*, что они получали въ великихъ мистеріяхъ не только правильныя понятія о божествѣ и его отношеніяхъ къ человѣку, о первоначальномъ достоинствѣ человѣческой природы, о паденіи, безсмертіи души, о средствахъ ея возвращенія къ Богу, наконецъ, о другой жизни за гробомъ: но имъ открывали также *устныя* и даже *письменныя* преданія, эти драгоцѣнные остатки послѣ великаго кораблекрушенія человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что іерофантъ сообщалъ эпоптамъ священныя книги, которыя могли быть читаны только посвященными. Павзаній, разсказывая о фенеатахъ, говоритъ, что въ элевсинскомъ храмѣ, между двумя камнями хранились сочиненія, называемыя Πέτρωμα, которыя читались не иначе, какъ въ ночное время. Быть можетъ, съ этими историческими памятниками соединялись нѣкоторыя свѣдѣнія о всеобщей системѣ вселенной, нѣкоторыя теургическія ученія и даже положительныя открытія въ человѣческихъ познаніяхъ. Жилище восточныхъ преданій въ Египтѣ могло связать ихъ съ этими великими открытіями, съ этой египетскою мудростію, о которой даже говорится во многихъ мѣстахъ священнаго писанія.

Въ самомъ дѣлѣ невѣроятно, чтобы въ этомъ высшемъ посвященіи ограничивались только философскими доказательствами единства Божія и безсмертія души. Климентъ Александрійскій, разсказывая о великихъ таинствахъ, говоритъ прямо, что *здѣсь оканчивается всякое преподаваніе*, и посвященные видятъ *природу и вещи*. Притомъ, за одни нравственныя понятія, уже довольно распространенныя между народомъ, мистеріи не могли заслужить громкихъ похвалъ отъ образованнѣйшихъ людей древняго міра: если предположить, что открытіе этихъ истинъ было единственнымъ предметомъ мистерій, зачѣмъ нужно было ихъ существованіе, какъ скоро философы публично стали преподавать тѣ же самыя истины? Неужели Пиндаръ, Платонъ, Цицеронъ, Эпиктетъ сочли за нужное говорить объ нихъ съ благоговѣніемъ послѣ того, какъ іерофантъ высказалъ имъ только собственное мнѣніе о такихъ истинахъ, которыми они сами были проникнуты? Откуда іерофантъ могъ взять эти идеи? Какіе источники, недоступные для философіи, были въ его распоряженіи? Такимъ образомъ должно согласиться, что посвященнымъ открывались не-

Digitized by Google

только великія нравственныя истины, но также устныя и письменныя преданія, современныя первоначальному міру. Эти остатки, разбросанные среди политеизма, образовали сущность и таинственное ученіе мистерій.

Это предположеніе, примиряя очевидныя противорѣчія древней религіозной системы, совершенно согласно съ нашими священными преданіями.

Здѣсь должно замѣтить, что отцы церкви первыхъ вѣковъ, сообщившіе столько любопытныхъ свѣдѣній о древнихъ мистеріяхъ, то хвалятъ ихъ, то представляютъ въ самыхъ отвратительныхъ чертахъ. Святой Климентъ Александрійскій, который, какъ говорили, самъ былъ посвященъ въ эти таинства, въ одномъ мѣстѣ превращаетъ ихъ въ атеистическія школы и предполагаетъ въ нихъ пустую и даже безнравственную цѣль; въ другомъ — увѣряетъ, что истины, открываемыя мистеріями, философы похитили у Моисея и пророковъ, потому-что, по его мнѣнію, эти таинства основаны были философами. Почти такіе же отзывы находимъ у Арнобія, Аѳинагора, Святаго Іустина и Тертулліана, который говоритъ, что самъ дьяволъ выдумалъ эти мистеріи. Всѣ эти похвалы и порицанія, не вездѣ искреннія, равно могутъ быть справедливыми, если дѣлать различіе между эпохами. Извѣстно, что во время отцовъ церкви въ мистеріи вкрались большія злоупотребленія: они сдѣлались опорою политеизма, и понятно, что отцы церкви, считавшіе ихъ хранилищами языческихъ заблужденій, съ жаромъ должны были содѣйствовать къ уничтоженію ихъ вліянія. Сверхъ того, при общей порчѣ мистерій, начали распространяться нѣкоторыя свѣдѣнія о ихъ таинственныхъ церемоніяхъ; нескромные мисты пускали въ ходъ понятія о символахъ, и такимъ образомъ, все направлено было къ униженію мистерій, уже утратившихъ свое первоначальное достоинство.

Прежде, чѣмъ займемся этой эпохою, разсмотримъ наперед время процвѣтанія мистерій. Не смотря на тогдашнюю невозможность проникнуть въ ихъ содержаніе, мы находимъ у древнихъ нѣкоторые намеки на важнѣйшія истины этихъ таинствъ. Вотъ какъ изображаетъ ихъ Цицеронъ въ обращеніи къ Аттику: «Изъ всего, что Аѳины ваши произвели и распространили между людьми прекраснаго и божественнаго, первое мѣсто, безспорно, занимаютъ ваши таинства: они возводятъ насъ отъ грубой и дикой жизни къ истинному человѣчеству, посвящаютъ въ истинныя начала жизни, научаютъ не только жить съ удовольствіемъ, но и умирать съ лучшими надеждами.» Не нужно никакого объясненія для этой прекрасной похвалы: пріятно видѣть ее въ устахъ человѣка опытнаго въ изученіи философіи и знакомаго со всѣми человѣческими познаніями. Въ другихъ писателяхъ

Digitized by Google

находимъ также пышныя похвалы древнимъ мистеріямъ и указанія на философскія и нравственныя истины, которыя въ нихъ преподавались.

Остроумный Варбуртонъ очень хорошо доказалъ важность мистерій въ этомъ отношеніи; но онъ ошибается, когда говоритъ, что шестая книга Энеиды была вѣрною картиною церемоній и даже таинственнаго ученія мистерій. Сходствомъ въ нѣкоторыхъ формахъ можно доказывать развѣ только то, что Виргилій зналъ кое-что о мистическихъ церемоніяхъ; притомъ, философія его была эпикурейская, а извѣстно, что Эпикурейцы считались врагами мистерій. Вѣроятно также, много красокъ на его картины навело чтеніе инаго-рейскихъ философовъ.

Замѣтимъ здѣсь, что греческіе философы никогда не были въ ладу съ ученіемъ посвященій. Несогласіе поощрено было примѣромъ Сократа, который отказался участвовать въ элевсинскихъ таинствахъ. Этотъ же фактъ служитъ для новѣйшихъ писателей поводомъ къ униженію мистерій и къ предположенію, будто онѣ были не болѣе, какъ простыя люстраціи, и уже впослѣдствіи прилгали къ нимъ тайное ученіе, гдѣ, впрочемъ, разсуждали только о заслугахъ законодателей, о земледѣліи, законахъ и о прочемъ. Чтобы понять, какъ мало въ этомъ отношеніи заслуживаютъ довѣрія греческіе философы, не должно терять изъ виду, что философія въ Греціи всегда была дѣйствительною силою. При смѣлыхъ покушеніяхъ сорвать покрывало съ природы, могла ли она помириться съ мистическимъ мракомъ, который этими таинствами распространенъ былъ на самыя важныя истины? Греческая философія въ своемъ началѣ была аналитическою; самыя противоположныя мнѣнія направлены были къ одной цѣли, и только тогда поступали въ общій разрядъ человѣческихъ познаній, когда имѣли мѣстное приложеніе и пользовались значительнымъ вліяніемъ въ жизни. При такомъ направленіи, соединеніе философіи съ мистеріями становилось очевидно невозможнымъ. Греки довели до высочайшей степени искуство дѣлать науку популярною; они не запирали, подобно намъ, философіи въ темные предѣлы книги или кабинета; ихъ философы разсуждали о великихъ нравственныхъ вопросахъ въ присутствіи всего народа, и народъ принималъ живѣйшее участіе въ спорахъ; при соперничествѣ системъ, нельзя было оставлять въ почтительномъ полусвѣтѣ важныя теогоническія и космогоническія задачи, которыя слѣдовало рѣшать. Это направленіе, быть можетъ, не совсѣмъ годное для философіи, чрезвычайно благопріятствовало успѣхамъ поэзіи и краснорѣчія. Изобрѣтеніе книгопечатанія нанесло жестокій ударъ живому слову, сообщило обратный ходъ человѣческимъ познаніямъ. Философія заперлась въ кабинетѣ и сдѣла-

Digitized by Google

лась умозрительною. Теперь ей можно говорить обо всемъ и не доказывать ничего; общій интересъ не слѣдилъ болѣе за ея открытіями; народъ живой и образованный не вызываетъ ее на публичную площадь. Краснорѣчіе и поэзія также вышли изъ круга обыкновенной жизни, но это удаленіе не могло обратиться къ ихъ выгодѣ. Чѣмъ больше увеличивается масса нашихъ эмпирическихъ познаній, тѣмъ болѣе мы удаляемся отъ того вѣка, гдѣ философія, поэзія и краснорѣчіе общими силами дѣйствовали на народъ, счастливо организованный, на тотъ народъ, который воздавалъ божескія почести красотѣ, толпами слѣдовалъ за Платономъ и приходилъ въ бѣшеное волненіе на театрахъ, какъ скоро актеръ дурно произносилъ какой нибудь стихъ.

Это отступленіе было необходимо, чтобы понять настоящій характеръ древней философіи и ея отношенія къ религіознымъ таинствамъ. Ясно, что отказъ Сократа зависѣлъ больше отъ его званія, чѣмъ отъ собственнаго мнѣнія. Отказы Эпаминонда и Агезилая тоже ничего не говорятъ противъ мистерій, потому-что они могли не принять посвященія по какимъ нибудь личнымъ побужденіямъ. Сарказмы циника Діогена были направлены только противъ злоупотребленій, вкравшихся въ малыя мистеріи, и, можетъ быть, еще противъ чрезмѣрной легковѣрности народа, управляемаго воображеніемъ. Напротивъ, философія не всегда оставалась непреклонною, и мы знаемъ, что Платонъ былъ ревностнымъ защитникомъ посвященій. Этотъ авторитетъ тѣмъ болѣе важенъ, что Платонъ стоялъ на такой высотѣ, до которой не достигалъ ни одинъ философъ ни прежде, ни послѣ него.

Древніе уже писали о мистеріяхъ: Атеней и схоліастъ Аристофана указываютъ на Мелантія; тотъ же схоліастъ упоминаетъ о Менандрѣ, Климентъ Александрійскій ссылается на Гицезія. Нельзя не жалѣть о потерѣ этихъ сочиненій, хотя можно думать, что они ограничивались подробностями о внѣшнихъ обрядахъ. Въ самомъ дѣлѣ, невѣроятно, чтобы эти писатели разсматривали самую сущность предмета, то есть, происхожденіе великихъ таинствъ, ихъ цѣль и отношеніе къ политеизму.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Между тѣмъ, мистеріи не долго оставались въ своей первобытной чистотѣ. Вскорѣ посвященіе сдѣлалось пустымъ обрядомъ, о воздержаніи никто не думалъ, и набожность посвященныхъ послужила орудіемъ для политическихъ цѣлей. Уже во время Изея и Демосѳена

Digitized by Google

допускали къ посвященію развратныхъ женщинъ, и, по словамъ отцовъ церкви, ужасный развратъ проникъ въ самое святилище.

Впрочемъ, по всей вѣроятности, это распутство распространилось только между мистами. Все заставляетъ думать, что эпоптовъ всегда было немного; число ихъ не могло слишкомъ увеличиться даже при упадкѣ мистерій, потому-что и въ это время не смѣли нарушать тайну святилища. Съ распространеніемъ разврата постепенно слабѣлъ и духъ учрежденій; наконецъ, остались только пустыя формы безъ животворнаго начала, придававшаго имъ важное значеніе.

Посвященія сохранились до христіанскихъ императоровъ. Блаженный Іеронимъ говоритъ: «legant: Hierophantas quoque Atheniensium usque hodie cicutæ sorbitione castrari. Валентиніанъ, умершій въ 374 году, хотѣлъ уничтожить мистеріи послѣ царствованія Юліана, но, по просьбѣ Претекстата, отложилъ намѣреніе. Вотъ какъ Зосима разсказываетъ объ этомъ въ четвертой книгѣ своей исторіи: «Валентиніанъ, рѣшившись ввести новые законы, хотѣлъ начать преобразованіе съ религіозныхъ обрядовъ, и на первый разъ запретилъ совершать жертвоприношенія въ ночную пору; этотъ законъ, думалъ онъ, долженъ будетъ прекратить соблазны. Между тѣмъ, Претекстатъ, тогдашній проконсулъ въ Греціи, мужъ, одаренный всѣми добродѣтелями, представилъ императору, что Грекамъ жизнь сдѣлается несносною, если запретятъ имъ праздновать священныя мистеріи, соединяющія человѣческій родъ (*τὰ συνέχοντα τὸ ἀνθρώπειον γένος ἁγιώτατα μυστήρια*). Валентиніанъ отмѣнилъ указъ, и все пошло по старому. Ѳеодосій Великій, по свидѣтельству историковъ, уничтожилъ всѣ обряды языческой религіи. Въ эту общую массу вошли, вѣроятно, и мистеріи.

Но передъ паденіемъ, мистеріи имѣли еще блистательную и совершенно неожиданную эпоху, давшую новый видъ этимъ учрежденіямъ. Это, безъ сомнѣнія, самое любопытное время въ исторіи языческихъ таинствъ. Бросимъ на него бѣглый взглядъ въ этомъ отдѣленіи.

Мы видѣли, что греческія мистеріи составляли настоящую сущность политеизма, ни въ чемъ не измѣняя его наружныхъ формъ. Съ перваго взгляда можно подумать, что высокія нравственныя истины никакъ не могли соединиться съ этой грудою народныхъ символовъ, закоснѣлыхъ злоупотребленій, своевольныхъ обрядовъ; но вникая глубже въ дѣло, легко видѣть, что познаніе нѣкоторыхъ первоначальныхъ истинъ, предоставленное небольшому числу избранныхъ, совершенно могло согласоваться съ невѣжествомъ черни. Двойное ученіе, равно раздѣленное религіею и философіею, служило основаніемъ для этой истины, соединявшей всѣ противорѣчія, подводив-

Digitized by Google

шей подъ одинъ кодексъ самыя разнородныя стихіи. Притомъ, должно имѣть въ виду, что врожденныя идеи о единствѣ Божіемъ и безсмертіи души были гораздо болѣе распространены, нежели какъ обыкновенно думаютъ; только чернь увлекалась древностью наружныхъ обрядовъ и слѣпо шла по дорогѣ, пробитой геніальными авторитетами.

Подвергаясь нападеніямъ со всѣхъ сторонъ, древняя религія употребляла всѣ средства къ своей оборонѣ. Передъ паденіемъ политеизмъ задумалъ употребить противъ христіанства его же собственное орудіе: какъ новая религія обнимала всѣ умственныя способности человѣка, приверженцы политеизма, чтобы облагородить свое вѣрованіе, придали ему нравственное значеніе, котораго оно не имѣло, и предположили цѣль, совершенно противоположную характеру языческой религіи. Для этого соединили они все, что отзывалось мистицизмомъ, и въ этой системѣ политеизмъ принялъ совершенно новую физіономію. Философія стала въ главѣ общаго заговора. Но всѣ эти усилія были напрасны и послужили только къ новому торжеству христіянской религіи.

Но тѣ ошибаются, которые въ исторіи александрійскаго эклектизма видятъ только безсвязныя бредни туманной философіи. Эклектизмъ этотъ былъ одною изъ главныхъ пружинъ искусно построенной системы; всѣ ухватились за эту философію, и она переходила изъ секты въ секту, изъ поколѣнія въ поколѣніе. На тронѣ міра Маркъ Аврелій былъ героемъ, Юліанъ мученикомъ этой системы. Въ философскихъ школахъ главными ея опорами были Аполлоній Тіанскій, Аммоній Саккасъ, Ямвлихъ, Цельсъ, Порфирій, Проклъ и особенно Плотинъ, который столько злоупотреблялъ своимъ блистательнымъ воображеніемъ. Эклектики не только задумали возстановить древній авторитетъ элевсинскаго храма, но ввели также новыя мистеріи, прежде не извѣстныя или неупотребительныя. Таинства Митры, о которыхъ въ Греціи не знали, появились въ Римѣ при Траянѣ, около 101 года послѣ Рождества Христова. Всѣ эти усилія имѣли одну цѣль, и потому бо́льшая часть обрядовъ взята была изъ христіянской религіи. Къ нимъ прибавили самыя ужасныя истязанія, и думаютъ даже, что въ пещерѣ Митры проливали человѣческую кровь. Адріанъ запретилъ эту рѣзню, но Коммодъ, говорятъ, принесъ на жертву человѣка. Въ этихъ мистеріяхъ представлялись нѣкоторыя символическія церемоніи. Изъ палласова отрывка, приведеннаго Порфиріемъ, видно, что главнымъ предметомъ этихъ представленій было переселеніе души и пребываніе ея на землѣ. Поклоненіе Изидѣ проникло въ Грецію, и египетскую богиню, во время Павзанія, знали тамъ подъ ея собственнымъ именемъ. Но изъ всѣхъ таинства процвѣ-

Digitized by Google

тавшія во времена императоровъ въ Коринѳѣ и Римѣ, были весьма различны отъ древнихъ мистерій въ Саисѣ. Объ одномъ изъ этихъ праздниковъ, называвшихся у Римлянъ Isidis navigium, Апулей оставилъ намъ множество любопытныхъ подробностей. Элевсинскія таинства послужили, кажется, моделью для мистерій Изиды, по крайней мѣрѣ, со стороны внѣшнихъ обрядовъ; но особенно славились въ ту пору орфическія церемоніи. Платоники не считали униженіемъ соединяться съ орфиками, и эта секта сдѣлала больше успѣха въ первые вѣка христіанства.

Впрочемъ, элевсинскія таинства въ тогдашнее время совершенно переродились, и довольно трудно подвести подъ одинъ взглядъ различныя назначенія, которыя давали имъ платоники. *Эпоптея*, по ихъ понятіямъ, была кажется, чѣмъ-то въ родѣ физико-мистической теологіи, и подобно стоикамъ, они искали въ ней болѣе природу вещей, чѣмъ боговъ. Съ другой стороны они также объясняли Эпоптею средствами теургическими: тогда они брали за основаніе платонову іерархію соподчиненія существъ или геніевъ, а иногда для этихъ объясненій служатъ имъ идеи чисто мистическія. Одно мѣсто изъ Порфирія, приведенное Евсевіемъ, можетъ показать, какъ иногда изъяснялись у нихъ символы: «Богъ, какъ свѣтоносное начало, пребывающее среди тончайшаго огня, навсегда остается невидимымъ для глазъ, которые не вознеслись превыше матеріальной жизни. Вотъ почему прозрачныя тѣла, напримѣръ, *кристаллъ*, паросскій мраморъ и даже *слоновая кость* пробуждаютъ въ умѣ идею о божественномъ свѣтѣ, а *золото* наводитъ на мысль о божественной чистотѣ, потому-что золото не бываетъ грязнымъ. Нѣкоторые думали, что *черный камень* означалъ невидимое существо Божіе. Божество представляли въ человѣческой формѣ для выраженія верховнаго разума, представляли прекраснымъ, потому-что Богъ есть источникъ красоты; чтобы выразить всѣ оттѣнки божества, изображали его въ различныхъ возрастахъ и различныхъ положеніяхъ, сидя или стоя, юношей или дѣвой, супругой или мужемъ. Далѣе приписывали богамъ все имѣющее свѣтъ, *сферу*, и все сферическое присвоивали вселенной, солнцу и лунѣ, а иногда фортунѣ и надеждѣ. *Кругъ* и всѣ кругообразныя фигуры изображали вѣчность, небесныя движенія, круги и различные поясы на небѣ; *расположеніе кругов* относили къ фазамъ луны; *пирамиды* и *обелиски*—огненному началу и чрезъ него небеснымъ богамъ. *Конусъ* означалъ солнце; *цилиндръ* — землю; *фаллусъ* и *треугольникъ* — символъ дѣторождныхъ частей женщины, представляли сѣмя и рожденіе».

Большая часть этихъ символовъ, по свидѣтельству Климента Александрійскаго, принадлежали элевсинскимъ таинствамъ. Ясно,

Digitized by Google

что основаніемъ ученія платониковъ была теургическая система, въ которой не должно искать философской отчетливости. Вообще это ученіе, незаключенное въ предѣлахъ правильной системы, представляетъ большое колебаніе идей. Мысли главныхъ эклектиковъ о древнихъ мистеріяхъ, какъ мнѣнія частныхъ людей, разнообразны до безконечности и допускаютъ многія толкованія, но цѣль этихъ мнѣній всегда одна и таже. Намъ довольно было указать на это сходство. Философская исторія языческой религіи покажетъ, какимъ образомъ мистеріи раждающагося политеизма постепенно соединяются съ послѣдними философскими системами, какая связь между святилищемъ элевсиса и школою александрійскихъ эклектиковъ.

Въ философскомъ отношеніи неоплатонизмъ былъ только весьма несовершеннымъ образомъ ученія Платона. Идеи этого мыслителя, которыя тутъ можно еще найти, представлены въ обратномъ видѣ и съ потерею настоящаго значенія. Соединяя платонову систему съ восточными идеями, эклектики безспорно приводили ее къ первоначальному источнику, но уже этимъ самымъ измѣняли чистоту философскихъ понятій Платона. Они страннымъ образомъ смѣшали ее съ поклоненіемъ свѣту, системою истеченій и ученіемъ о переселеніи душъ. Отвлеченныя понятія греческаго мыслителя были олицетворены, и міръ наполнился множествомъ посредствующихъ агентовъ. Предположеніе, что въ душѣ человѣческой есть способность постигать вѣчныя истины безъ доказательства и безъ возможности отдать себѣ отчетъ въ этомъ постиженіи, постановлено основнымъ началомъ философіи и сдѣлалось обильнымъ источникомъ заблужденій. Разумъ, отуманенный энтузіазмомъ, занялся не столько познаніемъ истины, сколько опредѣленіемъ отношеній человѣка къ Богу и подчиненнымъ духамъ. Даже можно сказать, что новые эклектики, безпрестанно толкуя о Платонѣ, на дѣлѣ принадлежали скорѣе къ пиѳагоровой школѣ, которая была по ихъ вкусу. Главные философы господствующей системы подвергали себя всей строгости пиѳагоровыхъ началъ, но всегда укрывались подъ именемъ Платона, и никогда этотъ авторитетъ не имѣлъ такой силы. Безпрестанно измѣняя академію, платоники захотѣли также усвоить себѣ строгій эмпиризмъ Аристотеля, и такимъ образомъ, изъ всей этой смѣси образовалась система странная, темная, фантастическая. Она пала вмѣстѣ съ политеизмомъ и была послѣднею его формою.

Нѣтъ сомнѣнія, что александрійская школа, какъ мы сказали, чрезвычайно удалилась отъ платонова ученія и, переходя за предѣлы умѣреннаго умозрѣнія, зашла въ ужасный, непроходимый лабиринтъ; но при всѣхъ этихъ крайностяхъ, александрійскіе эклектики умѣли весьма счастливо соединить въ своихъ изслѣдованіяхъ силу и

Digitized by Google

воображеніе съ рѣдкою проницательностію и умомъ. Ясно, что поставленные среди сокровищъ, собранныхъ Птоломеями, они сдѣлались, такъ сказать, наслѣдниками древней цивилизаціи и предтечами новаго образованія; поэтому, школа ихъ составляетъ блистательную эпоху въ лѣтописяхъ человѣческаго разума. Особенно должно ихъ изучать въ связи съ восточными идеями: страсть къ системѣ и любовь къ парадоксамъ, можетъ быть, не слишкомъ часто заставляли ихъ портить почтенные источники, изъ которыхъ непрестанно они черпали. Отчетливое изученіе мистической философіи Индѣйцевъ, Арабовъ, Персовъ, въ соединеніи съ новѣйшими изслѣдованіями и платонической философіей, безъ всякаго сомнѣнія, поведетъ къ важнѣйшимъ результатамъ, и быть можетъ, позволитъ уловить невидимую, но могущественную цѣпь, связывающую эти двѣ системы, которыя уже потому должны казаться для насъ непостижимыми, что мы привыкли разсматривать ихъ отдѣльно, безъ всякаго отношенія между собою.

Также несправедливо было бы мнѣніе, что при этомъ великомъ броженіи идей, христіянская религія всегда враждовала съ философіей. Напротивъ, время первоначальнаго распространенія христіянства до никейскаго собора было самою достопочтенною эпохою и для языческой философіи. Движеніе, сообщенное платониками, распространило склонность къ философскимъ занятіямъ, и почти всѣхъ отцовъ церкви первыхъ вѣковъ обвиняли въ томъ, что они *оплатонились*. Бо́льшая часть изъ нихъ думали, что Платону извѣстны были священныя книги. Не вдаваясь въ подробный разборъ этихъ мнѣній, мы только видимъ въ нихъ положительное доказательство, что христіанская религія никогда не была гонительницею истинной философіи, и что, напротивъ, она всегда желала соединиться съ нею.

Повторимъ въ короткихъ словахъ главную идею этого сочиненія: мы старались доказать, что религіозныя мистеріи Грековъ отнюдь не были пустыми церемоніями, но что, напротивъ, въ нихъ дѣйствительно хранились немногіе остатки древнихъ преданій, и эти таинства составляли истинное *эзотерическое* ученіе политеизма. Когда политеизмъ, близкій къ паденію, хотѣлъ еще сражаться съ христіянской религіей, онъ, вѣрный своему двойному ученію, привелъ въ движеніе все, что въ мистеріяхъ было самаго важнаго, и съ другой стороны, призвалъ на помощь всѣ высокія идеи философіи. Вотъ чѣмъ объясняется эта удивительная одновременность между возстановленіемъ мистерій и рожденіемъ платонизма. Но общественное богослуженіе и философія измѣнили свой характеръ, и язычники могли только возстановить пустыя формы, обветшалые кумиры, защищаемые

Digitized by Google

авторитетомъ словъ, униженные злоупотребленіемъ идей. Все это лишь ускорило паденіе политеизма.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Мое намѣреніе не то, чтобы разсуждать въ настоящемъ сочиненіи обо всѣхъ принадлежностяхъ древнихъ мистерій и входить во всѣ подробности по этому предмету. Статья наша, какъ мы сказали, не есть полный трактатъ объ этой любопытной отрасли археологіи; она даже не можетъ замѣнить ни одного изъ извѣстныхъ сочиненій объ этомъ предметѣ. Назначеніе этого сочиненія — сообщить нѣсколько общихъ замѣчаній о древнихъ мистеріяхъ; поэтому, его должно считать только канвою для обширнѣйшаго труда или дополненіемъ къ тѣмъ изслѣдованіямъ, которыя уже извѣстны ученому свѣту.

Съ намѣреніемъ повторяемъ эту оговорку, для избѣжанія упрека, что мы умолчали здѣсь о множествѣ спорныхъ пунктовъ, возникавшихъ по поводу великаго вопроса о древнихъ мистеріяхъ. Одинъ изъ этихъ пунктовъ обращаетъ на себя особенное вниманіе и требуетъ нѣкоторыхъ объясненій: преподавалось ли въ древнихъ мистеріяхъ, что боги политеизма были простыми людьми? Точно ли боги политеизма были простые люди?

Нѣкоторые знаменитые ученые соглашались съ утвердительнымъ отвѣтомъ. Основываясь на Геродотѣ, Цицеронѣ и Діодорѣ Сицилійскомъ, они защищали эти два положенія, и такое мнѣніе, съ перваго взгляда, дѣйствительно имѣетъ много вѣроятностей. Другіе, столько же опытные ученые, впослѣдствіи возставали противъ этой системы. Намъ не къ чему было бы соединять свое мнѣніе съ ихъ опроверженіями, если бы, вѣрные своимъ началамъ ученой критики, мы не надѣялись открыть здѣсь нѣсколько новыхъ сторонъ, способныхъ освѣтить истинный предметъ нашихъ изслѣдованій.

Не станемъ повторять, что подробный и строгій разборъ древнихъ авторитетовъ и хронологическая ихъ классификація суть самыя вѣрныя средства къ открытію важнѣйшихъ истинъ въ изученіи древности. Эта умѣренная метода равно удаляется и отъ безумной страсти къ построенію парадоксовъ и отъ слѣпой приверженности къ какой нибудь системѣ. Сколько системъ, выстроенныхъ изъ какихъ нибудь дурно понятыхъ или объясненныхъ мѣстъ! Вѣрный анализъ или даже простая повѣрка числъ могли бы ихъ разрушить.

Въ такомъ состояніи, смѣемъ сказать, и настоящій вопросъ. Онъ слишкомъ тѣсно связанъ съ исторіею мистерій, чтобы не обратить на себя вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣческое происхожденіе

Digitized by Google

боговъ было однимъ изъ тайныхъ предметовъ преподаванія въ мистеріяхъ, то всѣ дальнѣйшія изслѣдованія безполезны и падаютъ сами собою.

Истинное происхожденіе греческихъ боговъ, время ихъ перехода въ Грецію и связь съ иноземными божествами теряются во мракѣ глубокой древности. Начало греческой исторіи, не смотря на неслыханныя усилія, остается недоступнымъ для новой критики, и въ этомъ отношеніи начало греческой теологіи, развившейся такъ блистательно, гораздо болѣе, чѣмъ другіе предметы, покрыто непроницаемымъ мракомъ. Мы знаемъ, что Грецію, населенную азіятскими колоніями, была въ разныя времена покорена различными племенами, которыя, однакожъ, имѣли общее происхожденіе. Новыя колоніи принесли съ собою элементы своихъ религій, и эти элементы, смѣшавшись съ туземными, уже утвердившимися понятіями, дали происхожденіе греческой теогоніи, которая распространилась почти по всему извѣстному тогда свѣту и даже проникла окончательно до первоначальной своей колыбели.

Египетскіе и финикійскіе колонисты вмѣстѣ съ религіозными вѣрованіями принесли также въ Грецію свои языки и преданія. И теперь еще отыскиваютъ нѣсные слѣды этого переселенія. Въ діалектахъ греческаго языка есть нѣкоторые обломки восточныхъ идіотизмовъ, и также въ различныхъ формахъ греческой миѳологіи критика угадываетъ эти первоначальныя черты, ясно указывающія на ея чужеземное происхожденіе.

При такомъ состояніи вещей, когда чужеземныя идеи едва можно отличить отъ мѣстныхъ понятій, нелѣпо было бы приводить эту огромную массу къ одному началу. Нельзя было бы не удивляться необыкновенной смѣлости, съ какою позднѣйшія поколѣнія завалили этотъ лабиринтъ ошибочными гипотезами, если бы мы не знали чрезмѣрной наклонности Грековъ къ построенію системъ, крайняго упорства и недобросовѣстности, съ какою извѣстныя ученыя партіи дѣйствовали даже въ отношеніи къ самой наукѣ.

Какъ скоро бѣшеная страсть къ системамъ завладѣла умами ученыхъ Грековъ, и когда стали заниматься изслѣдованіемъ національной древности, двѣ партіи раздѣлили литературу и попеременно владѣли общественнымъ легковѣріемъ. Эпикурейцы увѣряли, будто съ помощію исторіи нашли рѣшеніе теологической системы. Эвгемеръ сдѣлался главою ученія, извѣстнаго подъ его именемъ, другіе называли его систему *историческою*, или системою апотеоза, потому-что Эвгемеръ предполагаетъ, что всѣ боги были обоготворенными людьми. Стоики, съ своей стороны, положили основаніе системѣ *аллегорической*, которая, посредствомъ отвлеченныхъ понятій, превратила

Digitized by Google

всю греческую миѳологію въ собраніе нравственныхъ аллегорій и физическихъ явленій. Эта физико-мистическая система въ рукахъ новыхъ платониковъ сдѣлалась впослѣдствіи обильнымъ источникомъ странныхъ мнѣній, на которыя мы не разъ указывали въ этомъ сочиненіи.

Быстрые успѣхи эпикуреизма, какъ основательно замѣчаетъ Сентъ-Кроа, распространили эвгемерову систему съ величайшею скоростію. Самые разсудительные писатели не избавились отъ общаго предразсудка. Діодоръ Сицилійскій безъ ограниченія принялъ всѣ идеи мессенскаго философа; даже Цицеронъ соглашался, кажется, съ его мнѣніями, хотя имѣлъ осторожность говорить объ этомъ не отъ своего лица; отцы церкви нашли эти мысли весьма благопріятными для своихъ цѣлей и приняли ихъ безусловно.

Между тѣмъ, изъ древнихъ авторитетовъ въ пользу этой системы самымъ важнымъ, кажется, былъ только авторитетъ Геродота. Въ первой книгѣ своей исторіи Геродотъ говоритъ, что Персы не воздвигали статуй для своихъ боговъ, потому-что не считали ихъ, какъ Греки, *рожденными отъ людей*. Такъ вообще понимали и переводили слово *ἀνθρωποφυέας*. Впрочемъ, уже въ восемьнадцатомъ вѣкѣ Станлей, ученый издатель Эсхила, понялъ настоящій смыслъ этого слова и перевелъ его — *humana forma præditos*.

Ларше первый принялъ догадку Станлея въ новомъ изданіи перевода геродотовой исторіи, напечатанномъ въ Парижѣ въ 1802. Знаменитый Варбуртонъ не согласился съ этимъ толкованіемъ, и Весселингъ не посмѣлъ ею воспользоваться въ латинскомъ переводѣ Геродота.

Мы думаемъ, что Станлей вѣрно понялъ это мѣсто. Если переводить: «Персы не воздвигали статуй, потому-что не считали своихъ боговъ рожденными отъ людей», — смыслъ становится многосложнымъ и весьма темнымъ и члены фразы не вяжутся одинъ съ другимъ. Притомъ, значеніе корня *Φυή* дѣлается слишкомъ натянутымъ: всѣ лексикографы объясняютъ *φυή* словами *φύσις*, statura, status. (*βλάστησις, αὔξησις ἡλικίας*. Suidas.)

Ясно, что если бы Геродотъ хотѣлъ выразить идею, которую такъ долго навязывали ему переводчики, онъ выбралъ бы другое слово со смысломъ, болѣе точнымъ и опредѣленнымъ.

Если, напротивъ *ἀνθρωποφυὴς* переводить по объясненію Станлея, смыслъ фразы совершенно ясенъ и удовлетворителенъ. Въ томъ же параграфѣ Геродотъ говоритъ, что Персы на вершинахъ горъ поклонялись солнцу, лунѣ и стихіямъ: ясно, значитъ, человѣческая фигура не годилась для такихъ предметовъ, а другой формы ваятельное искусство не могло придумать. Такимъ образомъ, Геродотъ хо-

Digitized by Google

тѣлъ только сказать, что у Персовъ не было идоловъ потому, что они покланялись невещественнымъ предметамъ, которымъ воображеніе не могло придать человѣческой формы, какъ греческимъ богамъ. Въ подтвержденіе приведемъ еще одно мѣсто изъ Цицерона, гдѣ разговариваютъ эпикуреецъ Веллей и противникъ его стоикъ, который на этотъ разъ соглашается съ эпикурейцемъ: «Счастіе, говоритъ «эпикуреецъ, не можетъ существовать безъ добродѣтели, добродѣ«тель безъ разума, а разумъ безъ человѣческой организаціи; стало «быть, боги имѣютъ человѣческую форму». Мы знаемъ, что эта идея, господствовавшая у Грековъ, усвоена была и поэтами ихъ и философами. Мѣсто изъ Порфирія, приведенное нами въ предшествующемъ отдѣленіи, доказываетъ, что и платоники приняли это начало въ своемъ мистическомъ ученіи.

Послѣ всего этого не остается никакого сомнѣнія, что Геродотъ хотѣлъ только греческій *антропоморфизмъ* противоположить духовному началу восточной религіи. Стало быть, это мѣсто, правильно понятое, не имѣетъ никакого отношенія къ исторической системѣ Эвгемера, который подрываетъ всѣ основанія греческой религіи, какъ соглашается съ этимъ и Цицеронъ. Изслѣдованіемъ успѣховъ и характера эвгемеризма занимались самые проницательные критики: Фрере, Сентъ-Кроа и другіе.

Если вообще признать справедливымъ толкованіе Станлея и переводъ Ларше, то изъ всѣхъ древнихъ авторитетовъ останутся только безотчетные послѣдователи исторической системы и отцы церкви, которымъ для извѣстныхъ цѣлей полезно было соглашаться съ идеями Эвгемера. На нихъ только и можно ссылаться въ подтвержденіе мнѣнія, что *апотеозъ* былъ великой тайною мистерій; въ такомъ случаѣ въ число системъ, построенныхъ a posteriori, должно будетъ включить и это ученіе апотеоза, которое, по своей вульгарности, не могло скрываться подъ завѣсою непроницаемой тайны, и, по своему началу, разрушающему всякую отвлеченную идею, никогда не могло сдѣлаться центромъ какого нибудь религіознаго вѣрованія.

Извѣстно, что Греки, смѣшивая свои религіозныя понятія съ восточными идеями, взятыми отъ Финикіянъ и особенно отъ Египтянъ, ввели въ общій составъ религіи нѣкоторыя туземныя божества и въ то же время нѣкоторыхъ необыкновенныхъ людей подъ именемъ полу-боговъ. Геродотъ говоритъ ясно, что бо́льшая часть боговъ принесена египетскими колонистами — Инахомъ, Кекропсомъ и Данаемъ; но были также боги, принесенные Пелазгами, а нѣкоторыхъ боговъ Пелазги заняли у другихъ народовъ. Національные герои изъ разряда пелазгическихъ боговъ дали происхожденіе полубогамъ, которые, безъ сомнѣнія, могли принадлежать исторіи; но ни

Digitized by Google

здравый смыслъ, и основательное изученіе древности не позволяютъ думать, чтобы Deus optimus maximus и dii majorum gentium были когда нибудь обоготворенными людьми. Мы уже сказали, что нелѣпо было бы и думать, будто посредствомъ историческаго объясненія можно найти прямую дорогу въ лабиринтѣ религіозныхъ мнѣній древняго міра. Предположеніе, что греческія божества, скопированныя съ восточныхъ, могли представлять какихъ нибудь героевъ, живвшихъ въ Египтѣ, или на востокѣ, только запутаетъ вопросъ, но никогда не рѣшитъ его. Притомъ, давать такое происхожденіе политеизму, значитъ совершенно не знать основныхъ его элементовъ.

Греческій политеизмъ, образовавшійся постепенно, по необходимости долженъ былъ сдѣлаться самою гибкою и неопредѣленною изъ всѣхъ религіозныхъ системъ; поэтому, онъ представляетъ множество противорѣчій. Напрасно захотѣли бы согласить между собою преданія поэтовъ и народа. Жители Аркадіи или острова Крита поочередно могли увѣрять, что Юпитеръ родился въ ихъ странѣ: имъ нельзя было доказать, что Юпитеръ былъ олицетвореннымъ божествомъ. Путаница увеличивалась еще отъ-того, что преданія о богахъ, смѣшанныя съ грубѣйшимъ антропоморизмомъ, дурно вязались въ народномъ воображеніи съ верховнымъ могуществомъ, которое имъ приписывали; и если, по высшему значенію, боговъ политеизма дѣйствительно считали *посредствующими силами*, народъ по необходимости долженъ былъ смѣшивать ихъ съ тѣми знаменитыми и малоизвѣстными лицами, которыя представляются въ лѣтописяхъ всѣхъ народовъ міра.

Гомеръ, съ которымъ всегда слѣдуетъ справляться, когда дѣло идетъ о греческихъ древностяхъ, Гомеръ, — истинный источникъ этихъ изслѣдованій, principium et fons, — не дѣлаетъ никакого указанія на ученіе апотеоза. Боги Гомера существенно отличаются отъ его героевъ. Облеченные въ человѣческій образъ, они принадлежатъ, однакоже, къ безконечно-высшему разряду существъ, и могущество ихъ не имѣетъ предѣловъ. Кто, по чистой совѣсти, въ этомъ отцѣ боговъ и людей, потрясающемъ вселенную однимъ движеніемъ брови, можетъ признать незнатную особу критскаго царя, котораго могилу Критяне показывали на своемъ островѣ? Кто согласится превратить такимъ образомъ этотъ огромный магическій міръ въ печальную генеалогію какихъ-то неизвѣстныхъ государей и баснословныхъ героевъ?

Эти размышленія, соединенныя съ другими уже извѣстными изслѣдованіями, по нашему мнѣнію, могутъ вполнѣ доказать, что *историческая система* не существовала до Евгемера, что она совершенно противорѣчитъ свойству предмета, и что, такимъ образомъ, это ученіе

Digitized by Google

ни въ какое время не было тайною въ элевсинскихъ мистеріяхъ. Можно даже прибавить, что если бы, противъ исторической очевидности и противъ всякой вероятности, критика доказала, что эпоптамъ Элевсиса преподавали ученіе атеизма, то мы вправѣ утверждать, что ихъ *обманывали*, можетъ быть, съ тою цѣлію, чтобы этимъ мнимымъ открытіемъ скрыть отъ нихъ настоящія тайны мистерій.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Намъ остается еще объяснить одинъ спорный пунктъ въ исторіи мистерій. При послѣдовательномъ изученіи этой археологической отрасли, намъ удастся, можетъ быть, представить въ этомъ отношеніи нѣсколько новыхъ результатовъ, способныхъ служить указаніемъ для обширнѣйшихъ изслѣдованій.

Въ первомъ отдѣленіи этого сочиненія мы сказали, что мистеріи Бахуса имѣютъ характеръ, совершенно противоположный элевсинскимъ таинствамъ. Эта противоположность съ перваго взгляда слишкомъ рѣзко бросается въ глаза. Въ самомъ дѣлѣ, какое сходство можно искать между дикимъ своеволіемъ поклоненія Бахусу и кроткимъ характеромъ и высокимъ назначеніемъ поклоненія Церере?

Однакожъ, послѣ зрѣлаго размышленія открывается, что эта противоположность существуетъ болѣе въ наружной формѣ, нежели въ духѣ обоихъ богослуженій; она даже совершенно исчезаетъ, если возвести ихъ къ первоначальной идеѣ, къ истинному типу этихъ двухъ учрежденій. Если не признавать Цереру и Бахуса двумя историческими лицами и считать ихъ, по первоначальному происхожденію, двумя символами какой нибудь міровой силы, тождество между этими богами будетъ совершенное, и противоположность останется только въ наружной формѣ, то есть, въ такой части, которая совершенно зависитъ отъ людей, отъ мѣстныхъ обстоятельствъ и отъ политической судьбы народовъ. Поклоненіе Церере и Бахусу можетъ принадлежать только одному началу; это начало находится въ дѣятельной силѣ природы, усматриваемой въ безконечномъ разнообразіи ея законовъ и явленій.

Но миѳъ о Бахусѣ, по сознанію всѣхъ миѳографовъ, былъ самымъ обильнымъ источникомъ сомнѣній, несогласій и противорѣчій. При такомъ состояніи вещей, только происхожденіе Бахуса не подвержено никакому сомнѣнію. Геродотъ говоритъ прямо, что Бахусъ вышелъ изъ Египта, гдѣ знали его подъ именемъ Озириса. Ученый Фрере основательно замѣчаетъ, что при переходѣ изъ Египта въ Грецію, Бахусъ весьма много утратилъ первоначальной важности. Въ

Digitized by Google

Египтѣ Озирисъ представлялъ деміургическую силу вселенной. Меламп, назвавъ Озириса греческимъ словомъ *Діонисосъ*, принесъ его въ Грецію почти въ тоже время, какъ впервые появились тамъ виноградныя лозы; поэтому, должность новаго бога ограничилась надзоромъ за разведеніемъ винограда. Этотъ фактъ доказываетъ еще ту важную истину, что не должно искать постояннаго сходства между различными символами политеизма: они дробятся и подвергаются различнымъ перемѣнамъ по мѣрѣ своего развитія; восходя къ своему началу, массы увеличиваются и принимаютъ характеръ болѣе важный.

Миѳъ о Бахусѣ, какъ мы сказали, есть самый темный и сбивчивый изъ всѣхъ древнихъ миѳовъ. Впрочемъ, вообще насчитываютъ трехъ Бахусовъ, которыхъ признаютъ различными между собою; но всѣ они, по нашему мнѣнію, суть только постепенныя представленія одной и той же идеи, то есть, Озириса.

Относительно самой классификаціи этихъ трехъ Бахусовъ древніе и новѣйшіе миѳографы рѣшительно несогласны между собою.

Древнѣйшіе поэты знали только одного Бахуса. Позднѣйшіе писатели раздѣлили между тремя Бахусами различныя должности, которыми у древнихъ поэтовъ занималось одно лицо. Діодоръ Сицилійскій признаетъ трехъ Бахусовъ, но онъ включаетъ въ это число индѣйскаго Бахуса, весьма не кстати названнаго этимъ именемъ; за то ничего не говоритъ онъ о мистическомъ Якхѣ. Наконецъ, Ноннъ Панопльскій, особенно занимавшійся глубокимъ изученіемъ этого миѳа, насчитываетъ трехъ Бахусовъ, не включая сюда индѣйскаго.

Подробный разборъ всѣхъ этихъ мнѣній могъ бы завести насъ слишкомъ далеко и удалить отъ настоящей цѣли: со временемъ, можетъ быть, мы посвятимъ этому предмету особое сочиненіе. На этотъ разъ ограничимся только изложеніемъ того, что относится къ тремъ Бахусамъ по классификаціи, какую можно сдѣлать послѣ сокращенія всѣхъ мнѣній и всѣхъ различныхъ системъ объ этомъ предметѣ.

Первый Бахусъ есть *Загрей*, котораго Юпитеръ, превращенный въ дракона, имѣлъ отъ Прозерпины. Схоліастъ Пиндара и Grand-Etymologique при словѣ Zagreus не дѣлаютъ особыхъ замѣчаній. Арріанъ производитъ Якха отъ Юпитера и Прозерпины; но онъ, очевидно, смѣшиваетъ его съ Загреемъ. Эта первая копія Озириса весьма близко подходитъ къ оригиналу: формы миѳа еще грубы и слишкомъ отзываются египетскимъ происхожденіемъ. Растерзанный титанами, Бахусъ Загрей совершенно сходенъ съ Озирисомъ, котораго убилъ Тифонъ. Но преданія о Загреѣ весьма темны и чрезвычайно запутаны. Онъ управлялъ діонисіями, или бакхическими мистеріями, и даже появлялся на праздникахъ сабасіанскихъ. Такая должность была для

Digitized by Google

него тѣмъ привлечнѣе, что онъ былъ самый древній и самый восточный изъ трехъ Бахусовъ.

Второй Бахусъ очень извѣстенъ. Это — сынъ Юпитера и Семелы, Оиванинъ, завоеватель. Въ его формахъ гораздо болѣе *греческихъ элементовъ*. Онъ дополняетъ для Грековъ представленіе первоначальной идеи, но не имѣетъ никакого сходства съ первымъ Бахусомъ, кромѣ того, что только заступаетъ, кажется, его мѣсто въ миѳологическомъ кругу. Второй Бахусъ не имѣетъ никакого прямого отношенія къ Церерѣ, а это доказываетъ, что соединеніе мистерій совершилось уже въ позднѣйшее время.

Наконецъ, *третій Бахусъ* есть *Якхъ* въ элевсинскихъ мистеріяхъ. Онъ выдуманъ, повидимому, только для того, чтобы освятить нѣкоторымъ образомъ соединеніе таинственнаго богослуженія Бахусу съ поклоненіемъ Церерѣ, къ которому относились всѣ таинства. Это самый неопредѣленный изъ всѣхъ миѳовъ. Единственное назначеніе Вакха совершилось уже въ его рожденіи, и миѳъ остался неконченнымъ. По свидѣтельству Нонна, Якхъ былъ сынъ второго Бахуса и нимфы Авры. Другіе производятъ его отъ Юпитера и Цереры или Прозерпины; это подтверждаетъ нашу догадку, но съ другой стороны даетъ поводъ смѣшивать Якха съ Бахусомъ Загресмъ. Это Якхъ, являвшійся въ шестой день элевсинскихъ таинствъ: *Διόνυσος ἐπὶ τῷ μαστῷ* Суидала, при словѣ *Ἴακχος*.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ мы заключаемъ, что мистеріи Бахуса были когда-то соединены съ таинствами Цереры. Эта гипотеза кажется намъ довольно основательною, если только путемъ догадокъ можно добраться до истины.

Посмотримъ наперед, какую должность давали молодому Якху въ элевсинскихъ мистеріяхъ. «Въ шестой день, говоритъ Сентъ-Кроа, молодого Якха торжественно несли отъ Керамики до Элевсиса. Изъ гимна, влагаемаго Аристофановъ въ уста посвященныхъ, можно видѣть, что они просили Якха принять участіе въ ихъ пляскѣ или служить для нихъ толмачемъ при Церерѣ. Потомъ относили статую бога въ Аѳины.

Этотъ шестой день, посвященный Якху, былъ самый торжественный въ элевсинскихъ мистеріяхъ. Но при малѣйшемъ соображеніи открывается, что эта знаменитая процессія была сначала только прибавленіемъ, несвойственнымъ элевсинскимъ мистеріямъ: въ самомъ дѣлѣ, легко убѣдиться, что процессія не имѣла никакой связи съ основаніемъ мистеріи; но она несоспоримо доказываетъ соединеніе таинственнаго поклоненія Бахусу съ мистеріями Цереры.

Писатели, разсуждавшіе объ этомъ предметѣ, не пришли къ нашей догадкѣ единственно потому, что не приводили въ порядокъ

Digitized by Google

этихъ трехъ Бахусовъ и упорно не признавали ихъ отпечатками одного типа. Многіе мистагоги хотѣли отличить Якха отъ Бахуса, но попытка осталась безполезною. Очевидно, всѣ три Бахуса суть только *постепенныя* подражанія одному и тому же образцу, приспособленныя къ духу времени и къ мѣстному положенію Греціи.

Совершенное сходство Бахуса и Якха распространяетъ большой свѣтъ на всѣ отношенія древней мистагогіи. Всѣ греческія мистеріи, безъ сомнѣнія, должны были стремиться къ элевсису, къ истинному хранилищу и центру всей таинственности политеизма; ясно, стало быть, что должна была существовать внутренняя связь между тайными религіозными обрядами главныхъ боговъ. Если Бахусъ происходилъ изъ того же источника, какъ элевсины, и по всей вѣроятности, имѣлъ съ ними одинаковый типъ, то діонисіи весьма легко могли соединиться съ мистеріями Цереры. Но такое соединеніе должно было произойти въ позднѣйшее время, потому-что должность, данная Якху, существенно различается отъ основныхъ обрядовъ элевсинскихъ мистерій. Идея *посредника* въ этомъ богѣ имѣетъ всѣ признаки нововведенія, и самыя церемоніи въ честь Вакха были, по видимому, только распространеніемъ церемоніала богослуженія. Якхъ не жилъ въ Элевсисѣ и, значитъ, уже поэтому не былъ существенною принадлежностью элевсинскихъ таинствъ. Всѣ эти обстоятельства свидѣтельствуютъ о позднѣйшемъ соединеніи обоихъ богослуженій, и такое соединеніе было, нѣкоторымъ образомъ, *символическимъ* допущеніемъ Якха къ церемоніямъ Элевсиса.

Мы уже доказали, что изъ трехъ Бахусовъ одинъ только Якхъ могъ соединиться съ Церерою, не измѣняя ея физіономіи и основныхъ церемоній. Поэтому, какъ скоро произошло такое соединеніе, Якхъ сдѣлался безполезнымъ въ ряду *миѳовъ* о Бахусѣ и совершенно потерялся въ мистеріяхъ Цереры; вѣроятно даже, что этотъ третій Бахусъ выдуманъ только для того, что первые два, по опредѣленности своихъ формъ, не могли соединиться съ другими божествами. Первый Бахусъ, какъ мы сказали, слишкомъ отзывается восточнымъ, или египетскимъ происхожденіемъ; во второмъ, напротивъ, слишкомъ много греческихъ элементовъ; поэтому, ни тотъ, ни другой не могли выйти изъ своихъ опредѣленныхъ границъ.

Бо́льшая часть древней миѳологіи относится къ неизвѣстной части исторіи. Политеизмъ, какъ коринѳская мѣдь, слагался изъ многихъ различныхъ элементовъ, и къ нимъ, между прочимъ, принадлежали историческія преданія; многія теогоническія соображенія, очевидно, представляютъ только отдѣльные факты, теряющіеся во мракѣ временъ. Это символическое изображеніе достопамятныхъ событій преимущественно выражается въ тайныхъ религіозныхъ обрядахъ раз-

Digitized by Google

личныхъ боговъ. Такимъ образомъ, бо́льшая часть церемоній соединяются или съ историческими эпохами, или особенными символами, или, наконецъ, съ происшествіями, которыхъ не помнитъ исторія.

Эзотерическая часть политеизма дробилась на множество вѣтвей, о которыхъ мы ничего не знаемъ. Тайная исторія политеизма намъ извѣстна только по догадкамъ, и большая половина религіозныхъ лѣтописей древняго міра покрыта непроницаемымъ мракомъ. Довольно, если здѣсь и тамъ намъ удастся открыть нѣсколько свѣтлыхъ сторонъ: онѣ не распространятъ большаго свѣта на наши изслѣдованія, зато покажутъ обширность и важность предметовъ, рѣшительно недоступныхъ для нашихъ попытокъ. Можно даже съ увѣренностью сказать, что сами древніе не ясно понимали многіе предметы въ различныхъ характерахъ политеизма. Тамъ, гдѣ начинается исторія, различныя степени мистагогіи, еще неполучившія опредѣленныхъ характеровъ, являлись уже подъ символами, которыхъ сокровеннаго смысла народъ не понималъ. Стало быть, весьма вѣроятно, что въ этой части политеизма, сходство, подобное тому, какое нашли мы между Церерою и Бахусомъ, можетъ заступить мѣсто историческаго доказательства.

Прибавимъ къ этимъ заключеніямъ, что, судя по основному началу діонисій, должность гіерокирикса, по всей вѣроятности, исправлялъ главный жрецъ Элевсиса. Вѣроятно также, что *Дадухъ*, управлявшій церемоніями элевсинъ, былъ главнымъ лицомъ и въ діонисіяхъ: въ этомъ согласны бо́льшая часть ученыхъ. Фактъ весьма важный: онъ доказываетъ, что уже съ самого начала было большое сходство между этими двумя богослуженіями.

Окончимъ эти изслѣдованія выпиской одного мѣста изъ Нонна, которымъ вполнѣ подтверждается сходство мистерій Бахуса и Цереры:

Καί μιν Ἐλευσινίησι θεὰ παραχάτθετο Βάκχαις.
Ἀμφὶ δὲ κοῦρον Ἴακχον ἐκυκλώσαντο χορείῃ
Νύμφαι κισσοφόροι Μαραθωνίδες· ἀρτιτόκῳ δὲ
δαίμονι νυκτιχόρευτον ἐκούφισαν Ἀτθίδα πεύκην,
καὶ θεὸν ἱλάσκοντο μεθ' ὑἱὰ Περσεφονείης,
καὶ Ζαμολξὶς μετὰ παῖδα· θυηπολίας δὲ Δυαλῷ
δψιγόνῳ στήσαντο καὶ ἀρχεγόνῳ Διονύσῳ,
καὶ τριτάτῳ νέον ὕμνον ἐπεσμαράγησαν Ἰάκχῳ·
Καὶ τελεταῖς τρισσῇσιν ἐβακχεύθησαν Ἀθῆναι,
καὶ χορὸν δψιτέλεστον ἀνεκρούσαντο πολῖται
Ζαγρέα κυδαίνοντες ἅμα Βρομίῳ καὶ Ἰάκχῳ.

«И богиня (Паллада) передала его (третьяго Бахуса) жрицамъ «элевсинскимъ. Между тѣмъ, мараѳонскія нимфы, въ вѣнкахъ изъ

Digitized by Google

«плюща, начали плясать вокругъ молодого Якха. Потомъ, въ честь но-«ворожденнаго бога, во всю ночь держали аттическій факелъ и умило-«стивляли его послѣ сына Прозерпины (Загрея), и послѣ сына Семе-«лы (Бахуса Онванина). Принесли они жертвы старому и новому Ба-«хусу и воспѣли новую пѣснь третьему Якху. Трое мистерій отпразд-«новали Аѳины и, наконецъ, граждане аѳинскіе составили хоръ въ «честь Загрея, Бромія и Якха.»

Одно это мѣсто,—въ подлинности его нельзя сомнѣваться,—придаетъ твердое основаніе нашимъ догадкамъ. Знатокамъ извѣстно, что Ноннъ съ поэтическимъ талантомъ соединялъ миѳографическую ученость, обращенную главнымъ образомъ на всѣ подробности миѳа о Бахусѣ. Если изъ этой картины выбросить картины воображенія, останется *историческій фактъ* и *мѣстное преданіе*, которое послужило ему канвою.

Замѣтимъ еще, что Минерва, передающая молодого Якха элевсинскимъ жрецамъ, вѣроятно, представляетъ у поэта символъ города Аѳинъ, которому эта богиня покровительствовала. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что Якхъ жилъ въ Аѳинахъ, и оттуда въ шестой день посвященій торжественно несли его къ Элевсину. Не должно пренебрегать никакимъ, даже самымъ маловажнымъ намекомъ, когда дѣло идетъ о такомъ запутанномъ и символическомъ предметѣ, какъ древняя мистагогія.

Виллоасонъ воспользовался также этимъ мѣстомъ изъ Діонисіанъ Нонна; но этотъ ученый эллинистъ ограничился только объясненіемъ его въ отношеніи къ тремъ Бахусамъ; но ни онъ, ни Сентъ-Кроа не обратили вниманія на эту связь таинныхъ богослуженій Цереры и Бахуса, распространяющую новый свѣтъ на всю исторію древней мистагогіи.

Digitized by Google

ДАНІИЛЪ РОМАНОВИЧЪ,

КОРОЛЬ ГАЛИЦКІЙ.

Лѣтописецъ, начиная говорить о княженіи Даніила, даетъ знать, что предметомъ его разсказа будутъ безчисленныя войны, великіе труды, безпрестанныя крамолы, частыя возстанія и сильные мятежи (1). Въ самомъ дѣлѣ, послѣ Мономаха, ни одинъ изъ князей древней Руси не встрѣчалъ такихъ страшныхъ препятствій при достиженіи своихъ цѣлей, какъ Даніилъ Романовичъ, знаменитый король Галицкій. Съ ранней молодости онъ не сходилъ съ коня, отбиваясь отъ враговъ, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ; но къ борьбѣ со врагами внѣшними присоединялась еще не менѣе трудная борьба внутри княжества. Для объясненія послѣдней намъ необходимо обратиться нѣсколько назадъ и бросить бѣглый взглядъ на предшествовавшую судьбу Галиціи.

Присоединенная къ Руси св. Владиміромъ, область Галицкаго княжества была на время захвачена Болеславомъ-Храбрымъ, возвращена опять при Ярославѣ I-мъ, и по смерти его составляла часть владиміро-волынскаго удѣла. Послѣ долгихъ и кровавыхъ междоусобій, происходившихъ за этотъ удѣлъ между тремя линіями Ярославичей, въ югозападной части его, нынѣшней Галиціи, успѣла утвердиться семья Ростиславичей, потомковъ Владиміра, старшаго сына Ярослава I-го. Исключенные, по тогдашнимъ понятіямъ, изъ

---

(1) Ипатьев. стр. 166.

Digitized by Google

старшинства преждевременною смертію своего родоначальника, Ростиславичи лишены были всякой надежды получить Кіевъ, всякаго участія въ перемѣщеніяхъ остальныхъ Ярославичей, въ дѣлежѣ остальныхъ областей русскихъ, и должны были ограничиться одною Галиціею, мечемъ ихъ добытою. Такимъ образомъ, Галицкое княжество, подобно Полоцкому, стало удѣломъ особнымъ, князья его стали отдѣльными владѣльцами постоянно одной области. Находясь между тремя, равно враждебными себѣ странами, Русью, Венгріею и Польшею, Ростиславичи только необыкновенною ловкостію, изворотливостію, умѣньемъ пользоваться обстоятельствами могли держаться на столѣ своемъ. Благодаря хитрости и даже, можно сказать, политической безнравственности Владиміра Володаревича и умной распорядительности сына его, Ярослава Осмомысла, Галицкое княжество пришло скоро въ цвѣтущее состояніе и получило важное значеніе между сосѣдними государствами, чему особенно содѣйствовало положеніе страны, затруднительное при слабости государства, но чрезвычайно выгодное при его могуществѣ. Умный и сильный галицкій князь былъ единственнымъ посредникомъ между тремя странами — Русью, Польшею и Венгріею: онъ отпиралъ ворота, по древнему выраженію, во всѣ эти страны; безъ его участія не могло рѣшиться никакое дѣло между ними. Всего лучше значеніе и могущество галицкаго князя выражено въ Словѣ о Полку Игоревѣ; здѣсь авторъ, обращаясь къ Ярославу Осмомыслу, говоритъ: «Высоко сидишь ты на своемъ златокованномъ столѣ; ты подперъ Угорскія горы своими желѣзными полками, заступилъ путь королю (венгерскому), затворилъ ворота къ Дунаю, отворяешь по волѣ ворота Кіеву». Но этого могущественнаго владѣтеля окружали люди, передъ которыми должна была поникнуть его власть, и особенно власть его преемниковъ. Я говорю о боярахъ галицкихъ.

Въ другихъ княжествахъ древней Руси бояре не могли пріобрѣсть важнаго значенія. Главная причина тому заключалась въ господствѣ родовыхъ отношеній между князьями, которыя, не давая самимъ князьямъ установиться въ постоянныхъ удѣлахъ, заставляли и дружины ихъ быть подвижными, отнимали у бояръ возможность утвердиться въ княжествахъ, стать въ нихъ постоянными землевладѣльцами. Не такъ было въ Галичѣ. Эта страна, ставши удѣломъ Ростиславичей, князей, исключенныхъ изъ старшинства въ родѣ Ярослава I-го, равно какъ изъ владѣнія остальною родовою собственностію, по этому самому не перемѣняла князей своихъ, — съ другой стороны, не дробилась на мельчайшіе удѣлы въ родѣ Ростиславичей, потому-что Владиміру Володаревичу удалось избавиться отъ всѣхъ родичей и стать единовластителемъ въ своемъ княжествѣ; это единовластіе

Digitized by Google

продолжалось и при единственномъ сынѣ его, Ярославѣ. Такимъ образомъ, когда остальная Русь представляла зрѣлище безпрерывнаго движенія и перехода, въ удѣлѣ галицкомъ не было никакого движенія, никакого перемѣщенія князей, вслѣдствіе чего и боярамъ галицкимъ была возможность установиться въ странѣ, получить значеніе постоянныхъ землевладѣльцевъ, пріобрѣсть вліяніе на дѣла княжества. Вотъ почему, бояре галицкіе имѣютъ совершенно другой характеръ, чѣмъ бояре въ остальной Руси; касательно различія между ними можно выразиться такъ: бояре въ другихъ областяхъ русскихъ были бояре князей, а бояре галицкіе были бояре княжества, и когда по смерти Ярослава Осмомысла настали страшныя смуты въ странѣ, и три народа бились за владычество надъ нею, въ это несчастное время бояре выступили на сцену, захватили себѣ всю власть и дошли даже до необузданнаго своеволія, ни во что ставя князей своихъ. Такимъ образомъ, на двухъ концахъ Руси, сѣверозападномъ и югозападномъ, въ Новгородѣ и Галичѣ, обнаруживаются въ формахъ быта отмѣны противъ быта остальной Руси: въ Новгородѣ, вслѣдствіе безпрерывной смѣны князей, усиливается народовластіе, тогда какъ въ Галичѣ, вслѣдствіе осѣдлости, неподвижности князей, усиливается боярство, при чемъ, разумѣется, сосѣдство Польши и Венгріи не могло остаться безъ вліянія.

Галицкіе бояре показали свою силу еще надъ самимъ Ярославомъ Осмомысломъ, котораго могущество такъ славилось на Руси. Будучи недовольны вліяніемъ княжеской любовницы, они схватили ее вмѣстѣ съ Ярославомъ, сожгли живую, перебили ея доброжелателя и любимцевъ княжескихъ, а съ самого князя Ярослава взяли клятву, что будетъ хорошо жить съ своею законною женою (1). Когда Осмомыслъ, при смерти, завѣщалъ столъ свой незаконному сыну Олегу, мимо законнаго Владиміра, то бояре не думали исполнять завѣщанія: они выгнали Олега и возвели на престолъ Владиміра, однако, не могли ужиться съ послѣднимъ, по причинѣ глубокой его безнравственности (2) Въ это время ближайшимъ сосѣдомъ Галичу, на столѣ владиміро-волынскомъ сидѣлъ Романъ Мстиславичъ, внукъ знаменитаго Изяслава Мстиславича. По смерти отца романова, Мстислава, старшая линія мономахова потомства сошла со сцены дѣйствія и уступила мѣсто второй линіи — Ростиславичамъ смоленскимъ. Романъ, довольствуясь отцовскимъ удѣломъ, княжилъ спокойно на Волыни, не принимая никакого участія въ дѣлахъ южной Руси, выжидая удобнаго случая съ успѣхомъ выступить на поприще. Дурное

(1) Ипатьев. стр. 106.
(2) Тамъ же, стр. 136.

Digitized by Google

поведеніе Владиміра галицкаго и неудовольствіе могущественныхъ бояръ внушили Роману мысль овладѣть этимъ богатымъ удѣломъ. Не взирая на близкое родство свое съ княземъ галицкимъ, Романъ началъ сноситься съ боярами его, уговаривая ихъ свергнуть Владиміра и принять къ себѣ его, Романа. Бояре приняли предложеніе; Владиміръ былъ изгнанъ, Романъ сталъ княземъ въ Галичѣ. Но на этотъ разъ ему не удалось еще утвердиться въ новоприобрѣтенномъ удѣлѣ. Бела, король венгерскій, принявъ подъ свое покровительство изгнаннаго Владиміра, принудилъ Романа оставить Галичъ; королю понравилось богатое княжество: онъ отдалъ его не Владиміру, но сыну своему Андрею. Венгры своими притѣсненіями возбудили всеобщее негодованіе въ народѣ, а между тѣмъ, Владиміръ, заключенный Белою въ башню, успѣлъ вырваться изъ неволи, и съ помощію императора Фридриха Барбароссы и одного изъ польскихъ князей, Казимира Справедливаго, выгналъ королевича и утвердился на отцовскомъ столѣ; но когда Владиміръ умеръ безъ потомства, Романъ снова овладѣлъ Галичемъ, и на этотъ разъ окончательно. Романъ принадлежалъ къ числу тѣхъ государей, которые не робѣютъ передъ сильными средствами для искорененія сильнаго зла. Будучи еще княземъ волынскимъ, онъ прославился ожесточенною кровавою борьбою, которую велъ съ двумя язвами тогдашней Руси — Половцами и Литвою. Лѣтописецъ оставилъ намъ отрывки изъ народныхъ думъ, гдѣ такъ величали Романа: «Сердитый, какъ рысь, онъ стремился на невѣрныхъ, какъ левъ, и губилъ ихъ, подобно крокодилу; храбрый, какъ туръ, онъ орлинымъ полетомъ перелеталъ земли враговъ, ревновалъ дѣду своему Мономаху и тщился погубить иноплеменниковъ». (1)

Романъ такъ напугалъ Половцевъ, что эти варвары именемъ его стращали дѣтей своихъ (2). Еще замѣчательнѣе характеръ борьбы, которую онъ велъ съ Литовцами. Здѣсь Романъ преслѣдовалъ цѣль, общую всѣмъ древнимъ князьямъ русскимъ, а именно: онъ заботился болѣе всего о построеніи городовъ и населеніи пустынь; для прекращенія варварскихъ набѣговъ онъ считалъ единственнымъ средствомъ пріученіе дикихъ и звѣроловныхъ племенъ къ хлѣбопашеству, истребленіе дремучихъ лѣсовъ, расчистку непроходимыхъ пространствъ, превращеніе ихъ въ хлѣбородныя поля. Ожесточенный сопротивленіемъ варваровъ, Романъ, говоритъ преданіе, запрягалъ плѣнныхъ Литовцевъ въ плуги и заставлялъ ихъ, такимъ образомъ, вырывать коренья на новыхъ мѣстахъ, очищать почву. Съ такимъ

(1) Ипатьев. стр. 155.
(2) Тамъ же стр. 187.

Digitized by Google

характеромъ, съ такими привычками сѣлъ волынскій князь на галицкомъ престолѣ. Легко понять, какая страшная, отчаянная борьба должна была возгорѣться между нимъ и боярами. Какъ понялъ Романъ значеніе, пріобрѣтенное боярами въ Галичѣ, и какъ поступалъ съ ними, всего яснѣе видно изъ его любимой поговорки: «Не раздавивши пчелъ, меду не ѣсть». Несмотря, однако, на безчеловѣчную жестокость и необыкновенное искусство, ловкость, съ какими Романъ преслѣдовалъ бояръ, не всѣ пчелы были передавлены, и сыну романову, Даніилу, нужно было перенести много трудовъ и бѣдствій, прежде нежели онъ могъ спокойно ѣсть медъ.

Романъ погибъ въ битвѣ съ Поляками въ 1205 году. После него осталось двое малолѣтныхъ сыновей — Даніилъ и Василько; противъ малютокъ была ненависть бояръ къ отцу ихъ и честолюбіе сосѣднихъ владѣльцевъ: князья русскіе, польскіе и король венгерскій объявили свои притязанія на Галичь. Счастливѣе всѣхъ соискателей были трое изъ князей черниговскихъ, сыновья знаменитаго Игоря Сѣверскаго; съ помощію бояръ они отстранили вмѣшательство Поляковъ и Венгровъ и выгнали вдову Романа съ сыновьями сперва изъ Галича, а потомъ даже изъ отчиннаго удѣла ихъ, Владиміра-Волынскаго; Даніилъ нашелъ убѣжище въ Венгріи.

Несмотря на удаленіе законныхъ наслѣдниковъ, Игоревичи видѣли, что Галичь имъ непрочень, при страшномъ могуществѣ тамошнихъ бояръ, и потому рѣшились возобновить поведеніе Романа: болѣе пятисотъ бояръ было умерщвлено, остальные разбѣжались (1). Трое изъ послѣднихъ: Владиславъ, Судиславъ и Филиппъ ушли въ Венгрію; желая свергнуть ненавистныхъ Игоревичей, они стали просить короля, чтобы помогъ молодому Даніилу возвратить отцовскій престолъ. Король согласился и далъ имъ сильное вспомогательное войско, которому Игоревичи не могли сопротивляться и были взяты въ плѣнъ. Венгры хотѣли было отвести плѣнниковъ къ своему королю, но бояре не пожалѣли ничего, чтобы достать несчастныхъ князей въ свои руки, и повѣсили ихъ (2).

Даніилъ провозглашенъ былъ галицкимъ княземъ; бояре хотѣли управлять именемъ малютки, и видя препятствіе своему намѣренію во вдовствующей княгинѣ, матери Даніила, выгнали ее изъ Галича; виновникомъ изгнанія былъ упомянутый выше боярин Владиславъ. Княгиня удалилась опять въ Венгрію; король вступился за нее, пришелъ съ войскомъ въ Галичь, схватилъ главныхъ бояръ, нѣкоторымъ изъ нихъ позволилъ откупиться, но Владислава отвезъ въ

(1) Ипатьев., стр. 158.
(2) Тамъ же, стр. 159.

Digitized by Google

оковахъ въ Венгрію. Тогда братья Владиславовы возбудили противъ Даніила родственника его, Мстислава Ярославича Нѣмого, князя пересопницкаго, который и принудилъ романово семейство снова бѣжать въ Венгрію, и снова король хотѣлъ-было возстановить его въ Галичѣ, какъ вдругъ безпокойства, возникшія въ самой Венгріи, заставили его отказаться отъ этого намѣренія. Въ такой крайности король прибѣгнулъ къ странному средству: желая какъ нибудь успокоить Галичь, пока до возраста даніилова, онъ отправилъ туда плѣнника своего, боярина Владислава, съ полномочіемъ, думая, что этотъ человѣкъ, стоявшій въ челѣ галицкаго боярства, одинъ въ состояніи прекратить всѣ волненія въ странѣ. Гордый бояринъ съ торжествомъ въѣхалъ въ Галичь, и началъ властвовать по княжески (1). Княгиня, мать даніилова, видя, что нечего ожидать помощи изъ Венгріи, удалилась въ Польшу, къ Лешку Бѣлому. Князь польскій принялъ сторону изгнанниковъ, и пошелъ на Владислава; за послѣдняго вступился король венгерскій. Тогда Лешко послалъ сказать королю: «не хорошо, что боярин княжитъ въ Галичѣ; жени лучше сына своего Коломана на моей дочери и посади его княземъ въ спорномъ удѣлѣ» (2). Эта сдѣлка понравилась королю, и такимъ образомъ, одно изъ богатѣйшихъ княжествъ русскихъ досталось иноплеменникамъ, а сыновья Романа должны были довольствоваться однимъ Владиміро-Волынскимъ удѣломъ.

Но такое состояніе дѣлъ не могло быть продолжительно: Лешко польскій скоро поссорился съ венгерскимъ королемъ и пригласилъ въ Галичь знаменитѣйшаго тогда изъ князей русскихъ — Мстислава торопецкаго, славнаго поборника старой Руси противъ новыхъ замысловъ сѣверныхъ князей. Этотъ зовъ былъ по сердцу Мстиславу. Кромѣ того, что стыдно было русскимъ князьямъ уступить безъ боя Венграмъ пріобрѣтеніе св. Владиміра, у нихъ было еще другое побужденіе: въ Русь пришла вѣсть, что венгерскій король, посадивъ сына своего въ Галичѣ, выгналъ епископа и священниковъ изъ церкви и на ихъ мѣсто привезъ своихъ латинскихъ священниковъ (3). Мстиславъ немедленно прибылъ съ Сѣвера, выгналъ Венгерскаго королевича и самъ сталъ княжить на столѣ Романа Великаго, выдавъ дочь свою за Даніила. Лешко Бѣлый не хотѣлъ остаться безъ выгоды отъ этой перемѣны и захватилъ часть Владиміро-Волынскаго удѣла. Тогда-то Даніилъ въ первый разъ выступилъ на поприще, на которомъ ему суждено было пріобрѣсть такую славу: не-

(1) Вокняжился и сѣде на столѣ. Ипатьев., стр. 159.
(2) Ипатьев., стр. 160.
(3) Воскрес. II, 156.

Digitized by Google

смотря на свою молодость, онъ оружіемъ отнялъ у Поляковъ захваченную ими область. Галицкіе бояре увидѣли, что сынъ Романа пойдетъ по слѣдамъ отца, и начали стараться всѣми силами отнять у него надежду получить Галичь отъ Мстислава. Съ этою цѣлію они не переставали нашептывать послѣднему: «Князь! отдай лучше Галичь Венгерскому королевичу; подъ нимъ можешь взять его назадъ, когда захочешь; отдашь ли разъ Даніилу, во вѣкъ не будетъ твой Галичь!» (1) Мстиславъ послушался совѣтовъ боярскихъ, примирился съ венгерскимъ королемъ и помолвилъ дочь свою за королевича Андрея, съ тѣмъ, чтобъ послѣ отдать ему Галичь; отсюда пошло нелюбье между Мстиславомъ и Даніиломъ Романовичемъ. Въ такомъ состояніи находились дѣла въ Галиціи, когда въ 1224 году кіевскій князь прислалъ звать къ себѣ Мстислава на съѣздъ. Появились какіе-то невѣдомые враги, поразили Половцевъ, идутъ на Русь....

Въ битвѣ при Калкѣ, гдѣ Мстиславъ своею враждою съ братьями погубилъ русское ополченіе, восемнадцатилѣтній Даніилъ врѣзался первый въ ряды варваровъ и послѣдній увлеченъ въ бѣгство; лѣтописецъ, восхищаясь необыкновеннымъ мужествомъ и тѣлесною крѣпостію молодого князя, говоритъ, что съ головы до ногъ на немъ не было порока (2).

Мстиславъ, послѣ калкской битвы, возвратился въ Галичь, гдѣ находился въ затруднительномъ положеніи: законный наслѣдникъ этого удѣла, Даніилъ уже возмужалъ и, естественно, долженъ былъ смотрѣть на Мстислава, какъ на похитителя; такъ, по крайней мѣрѣ, казалось самому Мстиславу, и потому, всякій наговоръ на Даніила со стороны бояръ или другихъ князей враждебныхъ казался ему истиннымъ; слѣдуя внушенію бояръ, онъ выполнилъ свое прежнее странное намѣреніе: выдалъ дочь за королевича венгерскаго, Андрея, и отдалъ ему Галичь — все для того, чтобъ обезопасить себя со стороны Даніила. Наконецъ, передъ смертію, Мстиславъ хотѣлъ-было примириться съ послѣднимъ, загладить свою несправедливость въ отношеніи къ нему, но и тутъ бояре не допустили его до свиданія съ зятемъ.

Мстиславъ умеръ въ 1227 году. По смерти его Даніилъ увидѣлъ себя со всѣхъ сторонъ окруженнымъ врагами: въ Галичѣ княжилъ венгерскій королевичъ, въ Кіевѣ сидѣлъ одинъ изъ Ростиславичей смоленскихъ, сынъ Рюрика, Владиміръ. Помня зло, которое сдѣлалъ отецъ Даніила, Романъ, его отцу, Рюрику, Владиміръ хотѣлъ отомстить на волынскомъ князѣ родовую обиду, соединился съ Михаиломъ

(1) Ипатьев., стр. 166.
(2) Тамъ же, стр. 164.

Digitized by Google

черниговскимъ, съ королемъ венгерскимъ, и пошелъ на Данiила. Но этотъ князь шелъ по слѣдамъ отца: онъ заставилъ союзниковъ просить мiра.

Избавившись отъ враговъ единственныхъ и совершивъ славный походъ въ глубь Польши на помощь союзнику своему Конраду, князю мазовецкому, Данiилъ обратился на Венгровъ, чтобъ отнять у нихъ Галичь. Сначала ему удалось выгнать королевича; но опаснѣе Венгровъ для него были бояре галицкiе. Видя, что Данiилъ одолѣлъ Венгровъ, бояре рѣшились изгубить его, во чтóбы то ни стало. Сперва составили заговоръ сжечь князя; но потомъ, когда заговоръ открылся, составили другой — убить его на пиру (1); но и этотъ планъ разстроился: 28 бояръ было схвачено; Данiилъ простилъ ихъ; но великодушiе не помогло, а только еще болѣе усилило дерзость бояръ, которая не знала уже предѣловъ. Такъ однажды, когда Данiилъ пировалъ, по обычаю, съ боярами, одинъ изъ нихъ дошелъ до того, что залилъ князю лицо виномъ (2). Народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на такiе поступки; лѣтописецъ называетъ бояръ не иначе, какъ безбожными. У Данiила изъ многочисленной дружины осталось только 18 вѣрныхъ отроковъ (3): всѣ бояре и остальные отроки были противъ него. Тогда Данiилъ созвалъ этихъ 18 отроковъ на совѣтъ и спросилъ: «Хотите ли остаться мнѣ вѣрными, и слѣдовать за мною на враговъ?» — Тѣ отвѣчали: «Какъ вѣрны Богу, такъ и тебѣ вѣрны, ступай съ Божiей помощiю!» Тогда же одинъ изъ нихъ напомнилъ Данiилу поговорку отца его: не раздавивши пчелъ, меду не ѣсть (4)! Но сынъ Романа не наслѣдовалъ отъ отца жестокости: онъ былъ благороденъ не по вѣку, и не терпѣлъ насильственныхъ мѣръ.

Между тѣмъ, боярин Судиславъ, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ мятежниковъ, жилъ въ Венгрiи и безпрестанно подговаривалъ короля на Данiила. Король двинулся, наконецъ, съ войскомъ къ Галичу, и всѣ бояре побѣжали къ нему въ станъ отъ Данiила, и опять венгерскiй королевичъ сталъ княжить въ русскомъ удѣлѣ. Однако, Данiилъ не хотѣлъ уступить отчины своей иноплеменнику и добылъ ее, наконецъ, по смерти королевича. Но едва успѣлъ онъ отнять Галичь у Венгровъ, какъ снова былъ лишенъ его князьями русскими. Въ собственной Руси шла тогда попрежнему война между Мономаховичами и Ольговичами. Данiилъ помогалъ первымъ, за что возбудилъ противъ себя Михаила черниговскаго, который, съ помощiю Поляковъ и Полов-

(1) Ипатьев. стр. 170.
(2) Тамъ же, стр. 171.
(3) Т. е. чиновъ младшей дружины.
(4) Ипатьев. стр. 171.

Digitized by Google

цевъ, овладѣлъ Галичемъ; Данівлъ долженъ былъ ограничиться однимъ Перемышлемъ. Но и въ этой бѣдѣ Данівлъ былъ страшенъ иноплеменнымъ врагамъ: билъ дикихъ Ятвяговъ, водилъ Литву на Поляковъ за то, что Конрадъ, князь мазовецкій, забылъ услуги его и помогъ Михаилу черниговскому занять Галичъ; воевалъ и съ нѣмецкимъ орденомъ, который, вслѣдствіе оплошности польскихъ князей, утвердился въ славянскихъ предѣлахъ; Данівлъ говорилъ: «пелѣпо есть держати нашее отчины крижевникомъ (1)», и отбиралъ у нихъ захваченные ими русскіе города. Наконецъ, удалось ему возвратить и Галичъ.. Узнавъ, что Ростиславъ, сынъ Михаила черниговскаго, оставленный отцомъ княжить въ Галичѣ, занятъ войною съ Литовцами, Данівлъ внезапно явился предъ стѣнами города и велѣлъ повѣстить гражданамъ: «долго ли вамъ терпѣть державу чуждыхъ князей?» Данівлъ не обманулся въ любви гражданъ: «Вотъ намъ держатель Богомъ данный!» воскликнули они, и пустились къ Данівлу, по выраженію лѣтописца, какъ дѣти къ отцу, какъ пчелы къ маткѣ, какъ жаждущіе воды къ источнику (2). Данівлъ вошелъ въ городъ и, въ знакъ побѣды, поставилъ хоругвь свою на нѣмецкихъ воротахъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Галиціи, когда въ 1239 году Батый явился въ предѣлахъ южной Руси; князья ея побѣжали въ Венгрію; Данівлъ не могъ противиться одинъ и долженъ былъ послѣдовать ихъ примѣру. По взятіи Кіева, Батый двинулся по слѣдамъ русскихъ князей на западъ, опустошилъ княжество Владимірово-Волынское и Галицкое, и въ концѣ января 1241 года Монголы, раздѣлившись на два полчища, стояли на границахъ Польши и Венгріи. Тогда-то ужасъ напалъ на государей запада. Извѣстія о страшныхъ бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ Русью, разсказы о необыкновенной дикости Татаръ, прикрашенные разными баснями о ихъ происхожденіи и предыдущей судьбѣ, распространялись по Германіи и далѣе на западъ. Шла молва, будто безчисленное татарское войско занимаетъ пространство на 20 дней пути въ длину и на 15 въ ширину, будто табуны дикихъ лошадей бѣгутъ въ слѣдъ за дикарями, которые вышли прямо изъ ада, и потому едва похожи на другихъ людей. Тогда въ главѣ римско-германской имперіи стоялъ знаменитый Фридрихъ II Гогенштауфенъ; онъ писалъ къ христіанскимъ государямъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Теперь время возстать отъ сна, открыть глаза духовные и тѣлесные; уже сѣкира лежитъ при деревѣ и по всему свѣту идетъ молва о врагахъ, которые грозятъ гибелью всему хри-

(1) Т. е. крестоносцамъ. Ипатьев. стр. 175.

(2) Тамъ же.

Digitized by Google

стіянству. До сихъ поръ мы считали опасность далекою, потому-что столько храбрыхъ народовъ и князей стояло между нимъ и нами. Но теперь, когда эти князья или истреблены, или подверглись вѣчному рабству, теперь дошла очередь до насъ — стать оплотомъ противъ свирѣпыхъ враговъ (1)». Никто не внималъ этому прекрасному призыву: борьба императора съ папою, и внутренніе раздоры въ имперіи, отсюда проистекавшіе, препятствовали единенію силъ. Между тѣмъ Батый вторгнулся въ Венгрію; король венгерскій встрѣтилъ Татаръ съ войскомъ, былъ разбитъ на голову и бѣжалъ въ Австрію; королевство его было опустошено, тогда какъ другія монгольскія полчища вторгнулись въ Польшу, поразили двоихъ князей, и въ концѣ апрѣля явились въ Нижней Силезіи. Здѣсь, у Лигница, встрѣтилъ ихъ Генрихъ Благочестивый, герцогъ силезскій, проигралъ битву и самъ палъ въ ней. Уже Монголамъ былъ открытъ путь во внутренность Германіи, чрезъ равнину Лужичей къ Эльбѣ, какъ день спустя послѣ лигницкой битвы явился передъ ними Вацславъ, король чешскій. Монголы не отважились вступить во вторичный бой и пошли соединиться съ своими въ Венгрію. Вся Силезія и Моравія были имъ опустошены на этомъ возвратномъ пути, но при осадѣ Ольмюца они потерпѣли также пораженіе отъ чешскаго воеводы, Ярослава Штернберскаго, что должны были поспѣшно удалиться въ Венгрію. Отсюда, въ томъ же году, Монголы попытались было вторгнуться въ Австрію, но здѣсь имъ навстрѣчу шло огромное христіанское ополченіе подъ предводительствомъ Вацслава, короля чешскаго, герцоговъ австрійскаго и каринтійскаго. Монголы, безъ битвы съ нимъ, тронулись назадъ и скоро очистили Венгрію и Галицію, когда извѣстіе о смерти Великаго Хана вызвало Батыя на востокъ.

Возвратясь изъ чужбины, гдѣ скрывался во время татарскаго нашествія, Даніилъ нашелъ княжество свое въ страшномъ безпорядкѣ: бояре завладѣли всѣмъ и грабили несчастный народъ, и безъ того раззоренный недавнимъ погромомъ; на увѣщанія князя они отвѣчали насмѣшками (2), а между тѣмъ, Ростиславъ, сынъ Михаила черниговскаго, съ одной стороны, Поляки и Литва, съ другой, не давали покоя Даніилу, который долженъ былъ рядить земли внутри, бороться съ боярами, и въ тоже время поспѣшать въ разныя стороны — отбиваться отъ многочисленныхъ внѣшнихъ враговъ. Ревностнымъ пособникомъ во всѣхъ трудахъ Даніила былъ братъ его Василько, *умомъ великій и дерзостію*, страшный бичь невѣрныхъ (3). Лѣтопи-

(1) Martene et Durand, collectio magn. II. p. 1152.
(2) Ипатьев. стр. 179.
(3) Тамъ же, стр. 182.

Digitized by Google

сецъ уже не хочетъ и писать, сколько пораженій варвары претерпѣли отъ знаменитыхъ братьевъ, — такъ ихъ было много! Въ 1249 году, при городѣ Ярославлѣ, сошлись Романовичи съ Ростиславомъ, который привелъ на нихъ Венгровъ и Поляковъ; здѣсь въ страшномъ бою Ростиславъ и союзники его были разбиты на голову.

Но въ то время, какъ Даніилъ утишалъ землю и отбивался отъ враговъ, вдругъ приходитъ къ нему грозное слово изъ Орды: «Дай Галичъ» (1). Тяжкая скорбь напала на Даніила; долго думалъ онъ съ братомъ,—вступить ли въ борьбу съ Монголами, или подчиняться ихъ власти? Наконецъ, рѣшился на послѣднее: земля была въ разгромѣ, твердыхъ крѣпостей еще не успѣлъ онъ построить, изъ за которыхъ могъ бы съ успѣхомъ бороться съ кочевниками. Не одно униженіе ждало русскихъ князей въ Ордѣ: недавно передъ тѣмъ, потомокъ Олега, любимый князь вольныхъ Новгородцевъ, знаменитый соперникъ Даніила, Михаилъ черниговскій, былъ звѣрски умерщвленъ Татарами за то, что не хотѣлъ исполнить ихъ языческихъ обрядовъ. Не смотря на то, Даніилъ отправился въ орду; на дорогѣ заѣхалъ въ Кіевъ: мать городовъ русскихъ, вторая Византія, представляла теперь груды развалинъ. Съ стѣсненнымъ сердцемъ и дурнымъ предчувствіемъ Даніилъ отслужилъ молебенъ въ выдубецкомъ монастырѣ и отправился далѣе. Въ Переяславлѣ, стольномъ городѣ Мономаха, уже встрѣтили его Татары, и еще бо́льшая тоска овладѣла галицкимъ княземъ, когда онъ увидѣлъ отвратительные обычаи варваровъ и ихъ суевѣрія. На Волгѣ нашелъ онъ Батыя. Тутъ смутилъ его человѣкъ, служившій великому князю Ярославу; онъ говорилъ Даніилу: «Братъ твой Ярославъ кланялся кусту, и тебѣ кланяться». Однако, Даніилъ былъ избавленъ отъ языческихъ обрядовъ: Батый встрѣтилъ его словами: «Данило! зачѣмъ давно не приходилъ? Но и то хорошо, что теперь пришелъ. Пьешь ли черное молоко, наше питье, лошадиный кумысъ?» Даніилъ отвѣчалъ: — До сихъ поръ не пилъ, но если ты велишь, то пью.— Батый сказалъ на это: «Ты уже нашъ, Татаринъ, пей наше питье!» (2) Даніилъ долженъ былъ выпить, и потомъ пошелъ съ поклономъ къ ханшѣ. Сильно поразила народъ вѣсть о такомъ униженіи, которому подвергся самый доблестный, самый благородный изъ князей русскихъ. Изъ словъ лѣтописца можно заключать о томъ ужасѣ, о томъ негодованіи и скорби, которыми объяты были современники: «О зляе зла честь Татарская! Даніилъ Романовичъ, князь великій, обладатель Русской земли сидитъ на колѣняхъ и холопомъ называется, и дани хотятъ, жизни не чаетъ, и

(1) Ипатьев. стр. 184.
(2) Тамъ же, стр. 185.

Digitized by Google

грозы приходятъ! О злая честь татарская! Чей отецъ былъ царемъ въ Русской землѣ, покорилъ Половцевъ и воевалъ на всѣ другія страны, и тотъ не получилъ чести: кто же другой можетъ получить ее?» (1)

Двадцать пять дней пробылъ Даніилъ въ ордѣ и получилъ отъ Батыя подтвержденіе на княжество; сильно радовались всѣ, когда узнали о благополучномъ возвращеніи князя, но горько плакали объ обидѣ его. Утѣшительно было, по крайней мѣрѣ, что это униженіе не было безполезно для страны: король венгерскій, узнавъ о расположеніи хана къ Даніилу, примирился съ нимъ. Галицкій князь новыми побѣдами хотѣлъ ободрить народъ: славными походами на Литву онъ напомнилъ время отца своего, «наслѣдилъ путь отца своего, великаго Романа», по выраженію лѣтописца (2). Но скоро прельстилъ его другой походъ, болѣе заманчивый. Въ это время шла борьба между Богеміею и Венгріею за Австрію и Штирію. Бела IV венгерскій не хотѣлъ видѣть на австрійскомъ престолѣ Пршемысла Оттокара, сына чешскаго короля Вацслава II, и просилъ противъ него помощи у Даніила галицкаго. Въ Даніилѣ кипѣла кровь Мономаха и Изяслава Мстиславича. «Ему, говоритъ лѣтописецъ, очень хотѣлось въ этотъ походъ, съ одной стороны для короля, съ другой — для славы, потому-что ни одинъ русскій князь не былъ до него въ землѣ чешской, ни Святославъ Храбрый, ни Владиміръ Святой (3). Богъ исполнилъ его хотѣніе, прибавляетъ лѣтописецъ: Даніилъ вошелъ въ богемскія владѣнія, и поплѣнилъ всю Опавскую землю» (4). Но кромѣ желанія славы, Даніилъ предпринялъ этотъ походъ по другимъ важнѣйшимъ побужденіямъ: онъ тогда только согласился на союзъ съ Венгріею противъ Богеміи, когда король Бела выдалъ сестру послѣдняго австрійскаго герцога Фридриха, Гертруду, за даніилова сына, Романа, съ тѣмъ, чтобы, по отнятіи Австріи и Штиріи у Чеховъ, сдѣлать Романа герцогомъ этихъ земель. Такой тѣсный союзъ съ латинскими государями, такое дѣятельное участіе въ дѣлахъ запада со стороны русскаго князя можетъ показаться удивительнымъ, особенно, когда вспомнимъ о различіи вѣръ. Но Даніилъ уже давно думалъ объ отстраненіи этого препятствія. Галицкій князь видѣлъ единственное средство избавленія отъ Монголовъ въ тѣсномъ союзѣ всѣхъ европейскихъ государствъ противъ варваровъ, въ новомъ крестовомъ походѣ. Разумѣется, главнымъ двигателемъ этого союза, этого кресто-

(1) Ипатьев. стр. 185.
(2) Тамъ же, стр. 187.
(3) Тамъ же, стр. 189.
(4) Нынѣшнюю австрійскую Силезію.

Digitized by Google

ваго похода долженствовала быть религія, слѣдовательно, глава западной церкви, папа; итакъ, чтобъ примкнуться къ этому союзу, воспользоваться плодами его, Руси необходимо было на время соединиться съ западомъ въ религіозномъ отношеніи, признать папу главою церкви, стать подъ знамя св. Петра, если это знамя могло собрать всѣ европейско-христіянскіе народы, и освободить Русь отъ Монголовъ. Вотъ почему Даніилъ еще въ 1245 году объявилъ папѣ Иннокентію IV о готовности своей соединиться съ римскою церковью. Легко представить восторгъ папы: письмо за письмомъ, распоряженіе за распоряженіемъ слѣдовали отъ его имени по случаю присоединенія галицкой Руси (1). Онъ отправилъ доминиканскаго монаха Алексѣя съ товарищемъ для безотлучнаго пребыванія при дворѣ Даніила (2), поручилъ архіепископу прусскому и эстонскому легатство на Руси (3), позволилъ русскому духовенству совершать службу на заквашенныхъ просвирахъ (4), признать законнымъ бракъ даніилова брата Василька на одной изъ родственницъ (5). Но папа сильно ошибся въ своихъ разсчетахъ: съ умнымъ Даніиломъ не такъ было легко сладить, какъ онъ думалъ. Даніилъ признавалъ папу верховнымъ первосвященникомъ — и только, желая сохранить всѣ догматы и обряды греческой церкви въ неприкосновенности. Мы видѣли, что папа уступилъ русской церкви совершеніе таинствъ на квасномъ хлѣбѣ; мало того, папа долженъ былъ вооружиться проклятіемъ противъ всѣхъ тѣхъ, которые хулили греческую церковь, долженъ былъ обѣщать соборъ для изслѣдованія, которое изъ двухъ исповѣданій правѣе (6), — уступилъ требованію Даніила, чтобъ никто изъ крестоносцевъ и другихъ духовныхъ особъ не могъ пріобрѣтать имѣній въ русскихъ областяхъ безъ позволенія князя (7). Всѣ эти уступки не помогли: Даніилъ соединялся съ Римомъ единственно изъ политическихъ видовъ, съ условіемъ скорой и дѣятельной помощи противъ Татаръ; но когда, вмѣсто этой помощи, Даніилъ получилъ только письмо отъ папы, въ которомъ тотъ давалъ ему позволеніе возвращать силою земли, отнятыя у него врагами (8), то сынъ романовъ, вовсе не нуждавшійся въ этомъ позволеніи, прервалъ сношенія съ Римомъ. Тщетно папа присылалъ къ нему епископа съ вѣнцомъ ко-

(1) Turg. Hist. Russiae Monum. I, № LXII, LXIV.
(2) Ibid. № LXIII, LXIV.
(3) Ibid. № LXV, LXVI, LXX, LXXI, LXXII, LXXIII, LXXXIX.
(4) Ibid. № LXVIII.
(5) Ibid. № LXXVI.
(6) Ипатьев. стр 191.
(7) Turg. Hist. Russiae Monum. I, № LXIX.
(8) Ibid. № LXVI.

Digitized by Google

ролевскимъ: Даніилъ отослалъ назадъ и посла и безполезный даръ, велѣвъ сказать папѣ: «Мнѣ нужна твоя помощь, а не вѣнецъ королевскій, о которомъ мнѣ не время думать, когда Татары грозятъ каждую минуту» (1). Въ 1249 году легатъ папскій выѣхалъ изъ Галича; венгерскій король, которому нуженъ былъ союзъ Даніила, усильно старался примирить его съ папою. Папа, съ своей стороны, въ угоду Даніилу, писалъ въ 1253 году ко всѣмъ христіанамъ Богеміи, Моравіи, Сербіи и Помераніи объ отраженіи татарскихъ набѣговъ на земли христіанскія и о проповѣдованіи крестоваго похода, но это посланіе не произвело никакого дѣйствія (2); тоже въ слѣдующемъ году писалъ онъ къ христіанамъ Ливоніи, Эстоніи и Пруссіи, и также безуспѣшно (3). Когда въ 1254 году Даніилъ возвращался изъ богемскаго похода, то въ Краковѣ встрѣтилъ онъ пословъ отъ папы, которые опять принесли ему скипетръ и вѣнецъ королевскій. Даніилъ сказалъ посламъ: «Неприлично мнѣ возиться съ вами въ чужой землѣ, поговоримъ когда нибудь въ другое время» (4). Но едва прибылъ Даніилъ въ Галичъ, какъ послы явились туда по слѣдамъ его. Онъ отказался вторично короноваться королемъ; но потомъ уступилъ просьбамъ матери и князей польскихъ, которые дали ему слово дѣйствовать вмѣстѣ противъ Татаръ (5), и короновался въ Дрогичинѣ.

Оказалось, что Даніилъ былъ правъ; пустой титулъ короля галицкаго не помогъ ему ни въ чемъ: ни папа, ни король венгерскій, ни князья польскіе не думали соединиться съ нимъ для дружнаго отпора Татарамъ. Въ 1260 году, Даніилъ снова соединилъ свои полки съ войскомъ Белы противъ Пршемысла Оттокара II богемскаго; но союзники были разбиты Оттокаромъ при рѣкѣ Моравѣ (6), и такимъ образомъ, Даніилъ долженъ былъ отказаться отъ надежды видѣть сына своего Романа на престолѣ австрійскомъ. Въ тоже время Даніилъ, видя, что отъ папы ожидать нечего, прекратилъ съ нимъ всѣ сношенія, не обращая вниманія на укоры Александра IV (7).

Блестящія побѣды надъ дикими Ятвягами вознаградили нѣсколько Даніила за неудачи на западѣ. Дикари, несмотря на отчаянное сопротивленіе, принуждены были платить дань галицкому королю и, что гораздо важнѣе, обязались строить для него города въ землѣ сво-

(1) Ипатьев. стр. 191.
(2) Turg. Hist. Rossiae Monum. I, № LXXXVIII.
(3) Ibid. № XC.
(4) Ипатьев. стр. 190.
(5) Тамъ же стр. 191.
(6) Turg. Histor. Russiae Monum. II, № V.
(7) Ibid. I, № XCV.

Digitized by Google

ей (1); такъ русскіе князья продолжали исполнять свою наслѣдственную обязанность, заставляя варваровъ волею и неволею привыкать къ гражданственности. Но принуждая Ятвяговъ строить города, Даніилъ всего болѣе заботился объ укрѣпленіи собственныхъ городовъ, къ чемъ видѣлъ единственное средство съ успѣхомъ противостать вечевымъ Татарамъ (2); но судьба не позволила Даніилу привесть въ исполненіе это великое намѣреніе: Татары проникли его планы и спѣшили предупредить ихъ. Темникъ батыевъ, Куремса, былъ робокъ и слабъ силами, и потому позволялъ Даніилу мало по малу забирать у Татаръ города. Но ему на смѣну пришелъ съ огромными толпами другой темникъ, Бурундай. Послѣдній отправилъ приказъ русскимъ князьямъ, чтобъ вышли къ нему навстрѣчу: «Кто хочетъ со мною мира, тотъ пусть встрѣчаетъ меня; а кто не выйдетъ ко мнѣ навстрѣчу, тотъ мнѣ врагъ (3)!» Король Даніилъ не поѣхалъ самъ на встрѣчу къ варвару, но послалъ брата Василька, сына Льва, и епископа. Ругательствомъ встрѣтилъ Татаринъ князей нашихъ: «Если хотите со мною мира, сказалъ онъ въ заключеніе, то разорите всѣ ваши города!» Князья принуждены были повиноваться: укрѣпленія городовъ были срыты. Даніилъ поѣхалъ сперва въ Польшу, потомъ въ Венгрію, но нигдѣ не нашелъ помощи; съ разрушеніемъ крѣпостей рушились послѣднія его надежды; онъ не долго пережилъ ихъ: въ 1264 году умеръ Даніилъ, который, послѣ прадѣда Мономаха, болѣе всѣхъ князей заслужилъ прекрасное названіе добраго страдальца за русскую землю. Но какъ же думали о Даніилѣ современники, подданные его, какія черты въ немъ всего болѣе поразили ихъ? Не воинскія доблести князя, не многочисленныя и блестящія побѣды его поразили современниковъ, ихъ поразило: во-первыхъ то, что Даніилъ, въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, подъ мечемъ татарскимъ, при безпрестанныхъ нападеніяхъ Литвы, окруженный враждебными государями, не оставлявшими своихъ притязаній на его отчину, умѣлъ не только загладить слѣды монгольскаго нашествія, но и привести свое княжество въ цвѣтущее состояніе, украсить его богатыми городами, великолѣпными, по тому времени, зданіями, усилить промышленность, торговлю, — современниковъ поразила эта умная хозяйственная распорядительность князя, умѣнье утѣшать народъ въ бѣдствіяхъ, по выраженію лѣтописца; ихъ поразило это умѣнье Даніила, при всемъ униженіи отъ Татаръ, поддержать достоинство русской земли, поставить себя необходимымъ и могущественнымъ чле-

(1) Ипатьев. стр. 194.
(2) Тамъ же стр. 197.
(3) Тамъ же стр. 198.

Digitized by Google

номъ славяно-венгерской системы европейскихъ государствъ. Другая черта, поразившая современниковъ въ Даніилѣ—это безпримѣрная привязанность, безпримѣрная дружба къ брату Васильку, вполнѣ его достойному: съ младенчества неразлучные и въ бѣдствіяхъ и въ счастіи, оба брата жили одною душою, одною мыслію; легко понять, какъ важно было такое братское согласіе для Руси въ то ужасное время, и современники умѣли оцѣнить его: они прозвали Даніила братолюбцемъ и вторымъ Соломономъ по мудрости (1).

(1) Тамъ же стр. 202.

С. СОЛОВЬЕВЪ.

Digitized by Google

ВАЖНОСТЬ И УСПѢХИ ФИЗІОЛОГІИ.

СТАТЬЯ Е. ЛИТТРЕ.

I. Предварительныя понятія.

Растенія, черви, насѣкомыя, рыбы, пресмыкающіяся, птицы, четвероногія и человѣкъ, — вотъ предметы физіологіи, или, лучше сказать, біологіи. Изслѣдовать, что общаго между существами, столь различными, опредѣлить условія ихъ жизни, найти, если можно такъ выразиться, пути и средства ихъ существованія и составить изъ столь сложныхъ явленій науку,—это, безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ трудныхъ и запутанныхъ задачъ, какія только предлагалъ себѣ духъ человѣческій; и рѣшеніе этой задачи одинъ изъ славнѣйшихъ его подвиговъ. Не то, чтобы физіологія достигла совершенства: нѣтъ! она еще только начинается; но задача ея опредѣлена, и у нея есть уже своя метода и свои начала. Она перестала уже быть тѣмъ, чѣмъ была въ продолженіи столькихъ вѣковъ, перестала быть полунаукой. Нѣсколько словъ объ ея исторіи поясннтъ мою мысль. Эта исторія обнимаетъ обширное пространство времени, — доказательство, что безконечная сложность живыхъ предметовъ представляла человѣческому духу огромныя трудности.

Греція была колыбелью физіологіи. Науки развивались одна за другою по мѣрѣ ихъ простоты: легчайшая изъ нихъ, математика, получила уже первоначальныя основанія въ Египтѣ, въ Финикіи и Халдеѣ, прежде нежели Греки, овладѣвъ этими начатками, сдѣлали въ ней столько быстрыхъ успѣховъ; точно также и начатки астрономіи предшествовали открытіямъ греческой школы. Ничего подоб-

Digitized by Google

наго не видимъ мы въ физіологіи ; она получила свое начало отъ медицины (науки родились отъ искусствъ), около эпохи процвѣтанія Гиппократа. Во всякомъ случаѣ, первый физіологическій трудъ, дошедшій до насъ, принадлежитъ Аристотелю, и этотъ трудъ есть образецъ въ своемъ родѣ. Описаніе огромнаго числа животныхъ, сравненіе частей между собою, глубокіе взгляды на существенныя свойства живой матеріи,—все это находится въ удивительныхъ произведеніяхъ наставника Александра. Впрочемъ, знаніе было еще такъ несовершенно, что Аристотелю неизвѣстны были нервы ; представьте же, какой недостатокъ въ пониманіи животнаго механизма долженъ произойти отъ незнанія столь существенной пружины. Но труды слѣдовали за трудами, наблюденія за наблюденіями, и александрійская школа опредѣлила анатомически и физіологически главныя свойства нервной системы. Спустя около четырехъ сотъ лѣтъ, Галліенъ увеличиваетъ, систематизируетъ, очерчиваетъ науку, древняя эра которой приходила къ концу. Въ самомъ дѣлѣ, западный міръ вступалъ въ періодъ безпримѣрныхъ переворотовъ. Въ то время, какъ утверждалась новая религія и, созидая духовную силу возлѣ свѣтской, измѣняла условія римской жизни, сѣверные варвары, ниспровергнувъ всѣ преграды, внесли новый элементъ переворотовъ въ общество, и безъ того сильно разстроенное. Все должно было передѣлать : общество, государство, религію и даже языки. Среди этой тяжелой переработки наукамъ нѣкогда было развиваться. Можно было только желать, чтобы онѣ поддерживались, какъ огонь, сокрытый подъ пепломъ; и въ самомъ дѣлѣ, онѣ сохранились, и преданіе не затерялось. Въ это междуцарствіе Аравитяне на время овладѣли скипетромъ науки и Галліенъ снова явился на свѣтъ въ ученомъ мірѣ Мусульманъ. Западъ, выступавшій изъ хаоса собственными усиліями и сверхъ того подстрекаемый вліяніемъ Аравитянъ, принялъ участіе въ трудѣ, и Галліенъ опять сдѣлался непогрѣшимымъ учителемъ. Такимъ образомъ, новая наука сохранила древнюю, какъ свое основаніе.

Въ самомъ дѣлѣ, при возрожденіи наукъ, ученые труды начались изученіемъ древнихъ. Они слѣдовали совершенно древнему направленію; ученые по прежнему болѣе и болѣе старались открыть анатомическій механизмъ живого тѣла. Ревностно слѣдуя этому стремленію, они по прежнему доходили до прекрасныхъ, великихъ результатовъ. Такъ было открыто обращеніе крови, при каждомъ оборотѣ воспринимающей кислородъ въ волосныхъ сосудахъ легкихъ и теряющей его въ волосныхъ сосудахъ прочаго тѣла; такъ были дознаны пути, которыми питательный сокъ (chylus) переходитъ изъ кишокъ въ кровь ; такъ, наконецъ, въ наше время опредѣлено существенное различіе нервовъ движенія и чувства. Не смотря на всѣ настоящія и бу-

Digitized by Google

дущія услуги, оказанныя этими изысканіями, физіологія осталась бы неполною и шаткою, если бы для нея не проложили новой дороги. Анатомическое изслѣдованіе жизненныхъ отправленій оставляетъ основные вопросы совершенно неразрѣшенными. Съ самаго начала наблюдатели замѣтили, что растенія черпаютъ свою пищу изъ воздуха и земли, а животныя питаются растительными веществами, и что, слѣдовательно, органическія тѣла образуются изъ неорганическихъ. Какія вещества воспринимаютъ растенія изъ земли? какими дѣятелями снабжаетъ атмосферный воздухъ существа органическія? какимъ соединеніямъ подвергаются элементы, входя въ живыя тѣла? и какого рода сродство проявляется въ самихъ этихъ тѣлахъ? какимъ образомъ сокъ растеній производитъ камедь, сахаръ и жидкости разнаго рода, а кровь — желчь, слюну и слезы? Всѣ эти вопросы должны были оставаться безъ отвѣта, потому-что принадлежали наукѣ, которая окончательно опредѣлена меньше ста лѣтъ тому назадъ. И такъ, ясно, что древніе приступили къ физіологіи съ единственной, доступной для нихъ стороны, т. е. со стороны анатоміи; но какіе бы успѣхи они ни дѣлали, знаніе ихъ могло быть только отрывочно.

Когда же создана была химія, когда въ живыхъ тѣлахъ открыли кислородъ, водородъ, азотъ и углеродъ, играющіе столь важную роль въ неорганической природѣ, физіологія, овладѣвши всѣми необходимыми средствами, сдѣлалась полною владычицей въ своей области. Съ этой точки зрѣнія, она развилась позже химіи, какъ химія позже физики, физика позже астрономіи, а астрономія позже математики. Эти науки слѣдовали одна за другою, по порядку ихъ сложности и трудности, и достигали высшей степени развитія тѣмъ скорѣе, чѣмъ были проще и, слѣдовательно, доступнѣе для ума. И тутъ невольно поражаетъ насъ мысль, что мы еще только въ преддверіи наукъ. Оставивъ въ сторонѣ математику и астрономію, у которыхъ есть уже нѣкотораго рода своя древность, взгляните на другія науки. Физика явилась только во время Галилея, химія образовалась только въ 18 столѣтіи, основаніе физіологіи довершается только въ наше время; наконецъ, чтобы очертить весь кругъ умозрительныхъ наукъ, должно включить въ него и исторію или соціальную науку, первый очеркъ которой представилъ намъ современный писатель, Огюстъ Контъ (A. Comte), въ своей *положительной философіи* (Philosophie positive).

Изъ числа значительно способствовавшихъ недавнимъ успѣхамъ физіологіи, замѣчателенъ Мюллеръ, знаменитый не только въ Германіи, но и во всей Европѣ. Четыре изданія его физіологіи свидѣтельствуютъ о высокомъ достоинствѣ автора и объ успѣхѣ его ученія: и нѣтъ сомнѣнія, что переводъ его сочиненія найдетъ въ Европѣ

Digitized by Google

благосклонный пріемъ. Я воспользуюсь отличнымъ сочиненіемъ Мюллера, какъ текстомъ для изложенія самыхъ общихъ понятій науки, слѣдуя главнымъ его раздѣленіямъ и принятому имъ плану.

Его «*Пролегомены*» посвящены рѣшенію различныхъ предварительныхъ вопросовъ и составляютъ вступленіе въ самую науку. Первый результатъ опредѣленія физіологіи состоялъ въ томъ, что ее ясно отдѣлили отъ прочихъ наукъ, съ которыми она до тѣхъ поръ постоянно готова была слиться. Механика, физика, химія, — вотъ науки, въ пользу которыхъ она готова была отказаться отъ своей личности; да и въ наше время, съ эпохи важныхъ открытій динамическаго электричества и его дѣйствія на мускулы, сколько сдѣлано было попытокъ смѣшать жизненнаго дѣятеля съ электрическимъ! «Ничто не даетъ намъ права, говоритъ Мюллеръ, допустить тождество жизни съ извѣстными намъ невѣсомыми веществами, съ общими силами природы, теплотою, свѣтомъ и электричествомъ. Напротивъ того, легчайшаго наблюденія достаточно, чтобы отвергнуть всякую мысль о подобномъ сближеніи. Такъ называемый животный магнетизмъ сначала, казалось, разлилъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ загадочный вопросъ. Думали, что треніе одного человѣка объ другого, приложеніе рукъ и проч. производитъ явленія, зависящія отъ передачи нѣмой жидкости, и нѣкоторые воображали даже, что нашли средство скоплять ее помощію извѣстныхъ снарядовъ; но исторія животнаго магнетизма представляетъ печальный рядъ самообольщеній и лжи: она показала только одно: именно, какъ мало способна большая часть медиковъ къ эмпирическимъ наблюденіямъ, и какъ они далеки отъ духа критической наблюдательности, такъ сильно господствующаго въ прочихъ физическихъ наукахъ. Нѣтъ ни одного факта въ этой исторіи, который не возбуждалъ бы сомнѣній, и навѣрное извѣстно только то, что она наполнена безчисленнымъ множествомъ заблужденій!»

Духъ критическаго изслѣдованія распространенъ между медиками, не меньше другихъ ученыхъ; но у нихъ онъ встрѣчаетъ особенныя трудности, на которыя не мѣшаетъ здѣсь указать. Физіологическихъ опытовъ никакъ нельзя сравнивать съ физическими или химическими. Для того, чтобы опытъ далъ ясные и точные результаты, необходимо, чтобы изъ всѣхъ условій задачи, измѣнялось только одно; соотвѣтствующая тому перемѣна въ явленіи разъяснитъ вопросъ. Барометръ, вынесенный на гору, при неизмѣнности всѣхъ прочихъ условій, показываетъ тяжесть воздуха. Тотъ же самый маятникъ, который въ одну минуту дѣлаетъ извѣстное число качаній въ Парижѣ, дѣлаетъ ихъ подъ экваторомъ менѣе, и такимъ образомъ доказываетъ, что тамъ притяженіе слабѣе, что тамъ онъ дальше отъ центра земли

Digitized by Google

и что земной шаръ болѣе выпуклъ на своей срединѣ. Ничего подобнаго не встрѣчается въ опытахъ физіологическихъ или медицинскихъ; нѣтъ ни одного случая, въ которомъ бы отъ насъ зависѣло перемѣнить только одно условіе. Всякій разъ, когда вы касаетесь живого тѣла въ одной точкѣ, чувство этого прикосновенія распространяется по всѣмъ частямъ организма. Почти никогда нѣтъ возможности ограничить наружное вліяніе мѣстомъ, подвергаемымъ испытанію; единство, связывающее всѣ части живого существа, и тѣмъ болѣе гармоническое и быстро-сообщительное, чѣмъ выше и, слѣдовательно, сложнѣе самое существо, немедленно высказывается, такъ что не извѣстно, принадлежитъ ли произведенное явленіе самому опыту или второстепеннымъ, пробужденнымъ въ организмѣ переворотамъ. Это еще не все: самый предметъ не неизмѣненъ; въ этомъ отношеніи, никогда нельзя сказать, чтобы одинъ человѣкъ былъ подобенъ другому, одна лошадь другой; и безконечное разнообразіе индивидуальныхъ организацій еще болѣе затрудняетъ задачу, и безъ того очень запутанную. Чтобы показать эту шаткость наблюденій, я представлю здѣсь только одинъ примѣръ, памятный еще для всѣхъ. Когда холера постигла Парижъ, она поразила не все народонаселеніе, но только часть жителей. Почему именно тѣхъ, а не другихъ? Отрава, внезапно разлившаяся въ средѣ, гдѣ мы жили, казалось, не должна была обращать вниманія на лица, и однакожъ, одинъ спасся, другой былъ пораженъ. И между жертвами таинственной заразы сколько разнообразія симптомовъ и припадковъ! Одни, внезапно пораженные, погибали въ часъ или два; другіе испытали на себѣ, такъ сказать, только дыханіе эпидеміи; до такой степени индивидуальная организація измѣняла собственною реакціею дѣйствія вліянія, общаго для всѣхъ! При столькихъ поводахъ къ заблужденію, физіологическіе опыты должны постоянно подвергаться строгой критикѣ; чѣмъ болѣе посторонніе элементы запутываютъ опытъ, тѣмъ менѣе надо ему довѣрять и тѣмъ зорче различать въ немъ все невѣрное и неопредѣленное. Вообще, только съ помощію множества аналогическихъ опытовъ можно до извѣстной степени устранить ошибки. Въ чемъ можно упрекнуть медиковъ, такъ это въ томъ, что они считаютъ свои опыты слишкомъ похожими на опыты физиковъ и химиковъ. Сколько опыты послѣднихъ ясны и точны, столько опыты физіологовъ невѣрны и двусмысленны; первые отвѣчаютъ на вопросы опредѣленно, а вторые темно и неясно. Если бы въ наукѣ медиковъ не было важнаго пробѣла, если бы они были болѣе знакомы съ физикой и химіей, они имѣли бы ясное понятіе о томъ, что такое точные опыты, и непоколебались бы отбрасывать изъ своихъ изысканій неопредѣленное. И если бы коротко знакомые съ неорганическими науками познакомились, съ своей

Digitized by Google

стороны, хоть сколько нибудь съ наукою жизни, они потребовали бы отъ нея точности въ тѣхъ случаяхъ, которые ея не допускаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, для физіологіи опытъ есть только побочный и второстепенный методъ. Истинная, настоящая ея метода состоитъ въ сравненіи. Здѣсь совершенная строгость для нея возможна и необходима; отъ растенія, этого послѣдняго изъ животныхъ, до человѣка, перваго изъ нихъ, отъ малѣйшаго яичка зародыша новаго существа до самой глубокой дряхлости, отъ самой правильной организаціи до самой странной чудовищности, отъ самаго полнаго здоровья до самой сложной болѣзни, отъ вліянія самыхъ холодныхъ до вліянія самыхъ жаркихъ климатовъ,—раскрывается длинный рядъ аналогій и различій, составляющихъ истинную область физіологіи. Всякій случай, хорошо изслѣдованный, разливаетъ новый свѣтъ: такъ созрѣла наука, которая обязана своему методу сравненіемъ живыхъ существъ и, слѣдовательно, познаніемъ о ихъ іерархіи,—обязана сравненіемъ тканей, слѣдовательно познаніемъ ихъ частныхъ свойствъ и ихъ основнаго тождества, — сравненіемъ возрастовъ, слѣдовательно, исторіей развитія каждаго анатомическаго снаряда.

Люди, худо понимающіе дѣло, часто спрашиваютъ у физіологіи, въ чемъ состоитъ причина жизни, и, удивляясь, что она не дастъ имъ отвѣта, заключаютъ, что, слѣдовательно, она ниже другихъ наукъ, какъ будто какая нибудь наука въ состояніи представить послѣднюю и существенную причину изучаемыхъ ею явленій. Для астронома тяготѣніе, для физика электричество, теплота, свѣтъ и магнетизмъ, для химика атомическое сродство суть факты, дальше которыхъ они не могутъ проникнуть. Дѣйствительно, если бы даже какое нибудь открытіе повело дальше, если бы успѣли, напримѣръ, доказать тождество теплоты со свѣтомъ или электричества съ химическимъ сродствомъ, это не подвинуло бы насъ ни на шагъ ближе къ объясненію послѣдней причины. Безъ сомнѣнія, это значило бы сдѣлать шагъ впередъ, шагъ, очень важный для разработки науки, но ничтожный относительно вопроса, занимающаго метафизическую философію; это нисколько не разоблачило бы намъ сущности вещей. Наука можетъ справедливо радоваться, когда ей удается замѣнить менѣе общій фактъ болѣе общимъ; но она слишкомъ хорошо знаетъ мѣру своихъ силъ и не сочтетъ себя въ состояніи взяться за рѣшеніе вопросовъ, которые человѣческій духъ задалъ себѣ во время своего дѣтства, и за рѣшеніемъ которыхъ гонится еще по преданію и привычкѣ. Мы уже можемъ предвидѣть конецъ борьбы, приготовленной историческимъ развитіемъ обществъ, борьбы между воображеніемъ и разсудкомъ: воображеніе, сначала господствующее исключительно, создаетъ метафизику, позже беретъ верхъ разсудокъ и создаетъ науки,

Digitized by Google

разсѣявая исподоволь первоначальныя видѣнія, пустыя и часто кажущіяся формы, *cava sub imagine formas*.

Такимъ образомъ, для физіологіи рѣшительный успѣхъ, что она познала послѣднее свойство матеріи, совершенно отличное отъ всѣхъ прочихъ, силу, внутреннѣйшая натура которой рѣшительно неизвѣстна, и которой должно только опредѣлить условія и дѣйствія. Пока физіологія была еще за этою чертою, которой уже касались другія науки, двери для гипотезъ стояли настежъ, подобно тому, какъ нѣкогда, за незнаніемъ законовъ тяготѣнія, движеніе небесныхъ тѣлъ приписывали то вмѣшательству силъ посторонныхъ, то механическимъ вихрямъ. Умные люди могли даже думать, что физіологія кончитъ тѣмъ, что войдетъ въ какую нибудь изъ опредѣленныхъ уже категорій наукъ; и въ самомъ дѣлѣ, въ различныя эпохи, съ этою цѣлью было сдѣлано много попытокъ, но всѣ онѣ оказались тщетны и каждый разъ все болѣе и болѣе подтверждали особенность (spécificité) жизненнаго дѣятеля. Въ этомъ случаѣ, физіологія оказываетъ положительной философіи услугу, оказанную ей уже науками, образовавшимися прежде: въ извѣстномъ ряду фактовъ она указываетъ человѣческому уму границу, за которую онъ не можетъ переступить, и не позволяетъ ему блуждать по области пустыхъ гипотезъ и химерическихъ фантазій. Все рѣшено, по крайней мѣрѣ, на сколько человѣку дано рѣшать вопросы. Изслѣдованіе за изслѣдованіемъ, открытіе за открытіемъ доказало, что органическая жизнь есть свойство матеріи; на этомъ останавливаются наши знанія и изъясненія. Дальше — все предположенія, ни на чемъ не основанныя, безъ опоры въ дѣйствительности, безъ возможности быть доказанными, чисто умственное построеніе человѣческаго духа. Реальная пустота этихъ логическихъ построеній открывается все больше и больше по мѣрѣ водворенія положительныхъ знаній, и, когда будетъ совершенно доказано, что въ движеніи обществъ нѣтъ ничего случайнаго и что движущая ихъ сила есть результатъ, котораго главныя условія могутъ быть опредѣлены, тогда заключится эра старыхъ идей и окончательно будетъ освящено преобразованіе, которое въ умозрѣніи замѣняетъ метафизическія идеи положительными законами вещей, а въ практикѣ смѣло пользуется этими законами для улучшенія грубой и естественной системы.

Въ этомъ преобразованіи біологія исполнила свое необходимое дѣло. Если бы она не была создана, если бы представляемыя ею трудности были непобѣдимы для человѣческаго ума, то, можно сказать, что исторія міра была бы не такою, какою была. Метафизическія идеи, служившія опорою древнему обществу, любопытныя и замѣчательныя гипотезы, замѣнявшія неузнанную дѣйствительность, никогда не были бы подвергнуты серьёзной кри-

Digitized by Google

тикѣ, и цивилизація человѣческаго рода колебалась бы въ предѣлахъ, въ которыхъ мы находимъ въ древности Египетъ, а въ новѣйшее время Индію и Китай. Уже одинъ этотъ обзоръ показываетъ, что мы не имѣемъ истинной исторіи: занимаются исключительно описаніемъ переворотовъ государствъ и борьбы армій, оставляя безъ всякаго вниманія подземную работу наукъ, которая, измѣняя умственное состояніе человѣческаго рода, измѣняетъ его общественную жизнь болѣе, нежели военныя событія и политическіе разсчеты.

II. Главное раздѣленіе.

Мы бросили быстрый взглядъ на исторію и роль физіологіи; теперь разсмотримъ части, изъ которыхъ она состоитъ. Связное дѣйствіе колесъ, соединеніе которыхъ образуетъ общую систему, называютъ отправленіемъ: таковы дыханіе, кровообращеніе, пищевареніе и проч. Въ классификаціи этихъ актовъ г. Мюллеръ прямо послѣдовалъ старому раздѣленію на три главныя отправленія, именно: жизнь растительную, или питаніе, жизнь отношеній, или чувствительность и движеніе, и жизнь рода, или плодотворенія. Въ растеніяхъ существуетъ только питаніе и плодотвореніе; у животныхъ есть кромѣ того чувствительность. На это послѣднее отправленіе нельзя, однакоже, смотрѣть какъ на нѣчто совершенно отдѣльное и чужеродное и видѣть въ животномъ два различныя существа. Чувствительность проистекаетъ изъ питанія, животное изъ растенія; нервныя и мышечныя ткани составлены, какъ растеніе, изъ клѣточекъ, и развиты по тому же началу. Мало того, — у высшихъ животныхъ активность чувства зависитъ отъ одного необходимаго условія, а именно, отъ безпрерывнаго соприкосновенія съ окисленною кровью. Если дыханіе прервано, то сколько бы ни билось сердце, сколько бы ни разливало оно крови по всѣмъ частямъ тѣла, животное быстро умираетъ, задушенное. Такимъ образомъ, питаніе и чувствительность связаны между собою тѣсно.

Вообще, питаться, распространять свой родъ и чувствовать суть три второстепенныя свойства основного свойства, которое мы называемъ жизнью. Надо условиться въ значеніи этого отвлеченнаго слова. Когда Ньютонъ открылъ, что тѣла тяготѣютъ другъ къ другу, и основалъ систему міра, онъ назвалъ это основное свойство матеріи притяженіемъ. Извѣстно, что открытія англійскаго геометра съ трудомъ утверждались во Франціи. Французскіе философы и физики видѣли въ понятіи притяженія возрожденіе тайныхъ свойствъ; образованные въ школѣ Декарта, они мало были расположены замѣнить

Digitized by Google

идеею основной силы идею механизма, которую внушилъ имъ могущественный геній, озаренный свѣжею еще славой побѣды надъ схоластическими науками. Признать жизненную силу мѣшаетъ такое же невольно отталкивающее чувство, какое астрономамъ мѣшало принять тяготѣніе. Примѣръ астрономіи, совершеннѣйшей изъ наукъ послѣ математики, рѣшаетъ, въ этомъ случаѣ, вопросъ, и нѣтъ необходимости приводить другія доказательства.

Тяготѣніе, дѣйствительно, свойство тайное въ томъ смыслѣ, что нѣтъ никакихъ средствъ изъяснить его, и схоластика не заслужила бы порицанія за то, что поименовала столько же тайныхъ свойствъ, сколько открыла неизъяснимыхъ для нея явленій: уменьшить число ихъ было бы дѣломъ послѣдующей науки. Говорить, что природа ужасается пустоты, когда вода не поднимается въ насосѣ выше извѣстной высоты, значитъ вводить въ наблюденіе то, чего въ немъ нѣтъ, представить фактъ не такимъ, какимъ онъ проявился; но называя тяготѣніемъ силу, которая влечетъ одну массу къ другой, мы только воспроизводимъ умственно самый фактъ.

Наряду съ мыслью, что природа ужасается пустоты, должно поставить (ибо я хочу держаться въ предѣлахъ біологіи) идею о врачующей силѣ, приписываемой животной экономіи. Это другой примѣръ заблужденія, увлекающаго умъ за черту фактовъ, данныхъ опытомъ. Допустить, что патологическія поврежденія исправляются преднамѣренно, это значитъ измѣнить характеръ чистаго наблюденія. Нѣсколько словъ докажутъ эту истину. Что благопріятствовало этому заблужденію и поддерживало его до настоящаго времени, такъ это то, что въ больномъ тѣлѣ дѣйствительно происходитъ сложная работа исправленія. Сломана кость; вскорѣ за тѣмъ изливается жидкость, густѣетъ, твердѣетъ и соединяетъ обѣ части; въ новообразовавшемся веществѣ прорѣзывается мозговой каналъ, и, наконецъ, кость спаяна совершенно.

Теперь взглянемъ на дѣло съ другой стороны. Ядовитая змѣя вонзаетъ свои зубы въ тѣло. Ядъ опасенъ только, когда онъ всосанъ и вступилъ въ кровообращеніе, — слѣдовательно, что должно сдѣлать? Уничтожить его въ пораженной части; владѣя только ограниченными средствами, мы употребляемъ для этого огонь или какое нибудь химическое прижигательное. А что дѣлаетъ, напротивъ того, природа? Она спѣшитъ всосать ядъ, какъ всасываетъ спасительное вещество, и скоро являются страшные припадки, оканчивающіеся смертью. Когда привита оспа, натура не вытѣсняетъ ее, не заключаетъ ея дѣйствія въ извѣстныхъ границахъ, но вводитъ ее въ организмъ, и, подобно пугливому животному, въ испугѣ бросающемуся отъ опасности во всѣ стороны, волнуется подъ вліяніемъ смертонос-

Digitized by Google

наго дѣятеля, потрясаетъ организмъ и подвергаетъ опасности кожу, кишки, дыхательный снарядъ, и мозгъ, — когда уже сдѣлалась добычею врага, котораго не должна была впускать. Въ желудокъ попадаетъ опіумъ: если желудокъ скоро отъ него освободится, не будетъ никакихъ дурныхъ послѣдствій; но природа, эта мнимая хранительница, не пробуждаетъ антиперистальтическаго движенія, не останавливаетъ всасыванія, даетъ яду проникнуть до нервной системы, и когда наркотизмъ уже совершился, возбуждаетъ безполезныя конвульсіи. Кишка вворачивается сама въ себя, и пища не можетъ проходить, — случай неважный, если бы натура дѣйствовала ловко и осторожно; но она усиливаетъ зло, и больной страдаетъ отъ ужасной боли: она напрягаетъ сосуды, сгущаетъ оболочки, производитъ клейкія экссудаціи, и скоро образуется неразрѣшимый узелъ. При такихъ осязательныхъ фактахъ, только сильное предубѣжденіе могло оставить въ тѣни цѣлую сторону вопроса и не видѣть рядомъ съ благодѣтельной природой злотворную, т. е. просто, проявленія свойствъ.

Эта реальность предметовъ хорошо охарактеризирована новѣйшею германскою философіею. Не касаясь пантеизма, съ котораго она начинается, и который, какъ метафизическое воззрѣніе, не можетъ быть принятъ положительною наукою, должно сознаться, что она ясно опредѣлила условія, управляющія природой. Она называетъ механизмомъ ученіе, которое допускаетъ, что вещи приводятся въ движеніе внѣшними силами, и называетъ организмомъ то ученіе, которое приписываетъ это движеніе силамъ внутреннимъ, или, другими словами: врожденнымъ свойствамъ предметовъ.

Если вы желаете получить точное понятіе объ этомъ различіи, взгляните на древнюю и новую астрономію: первая предполагала, что небесныя тѣла движутся, увлекаемыя твердою сферою, а вторая полагаетъ причину движенія въ существенномъ свойствѣ, тяготѣніи. Въ этомъ состоитъ истинное различіе механизма и организма.

Изученіе этого организма,—вотъ все человѣческое знаніе. Тяготѣніе, или тяжесть, теплотворъ, электричество, магнетизмъ, свѣтъ, химическое сродство, жизнь, — таковы свойства матеріи, опредѣляющія ея форму, движеніе и дѣйствіе. Поставьте предъ этимъ исчисленіемъ число и геометрическое протяженіе и заключите его законами, управляющими развитіемъ обществъ, и вы получите всеобщую науку, или философію, освобожденную отъ всякой гипотезы. Если вы попытаетесь идти дальше, какъ постоянно пытались въ эпоху метафизикъ, вы получите системы, несовмѣстныя съ частными науками, успѣхи которыхъ разрушили ихъ; если же вы останетесь въ чертѣ вышеобозначенныхъ границъ, вы очутитесь среди развалинъ ста-

Digitized by Google

раго и начатковъ новаго. Огюстъ Контъ, въ своемъ великомъ трудѣ философскаго преобразованія, отбросилъ знанія гипотетическія и недоступныя и въ тоже время собралъ и привелъ въ порядокъ совокупность положительныхъ знаній.

Я знаю, такое философствованіе противорѣчитъ общепринятому ученію и современнымъ привычкамъ ума. Тѣмъ не менѣе, однако же, каково бы ни было произведенное имъ на читателя впечатлѣніе, я прошу его постараться уяснить себѣ его характеръ. Можетъ быть, сразу не понятно, въ чемъ заключается важность опредѣленія послѣднихъ свойствъ вещей и какимъ образомъ оно можетъ преобразовать философію. Но этимъ сдѣланы разомъ два неразлучныя дѣла: утвержденъ положительный методъ и отринутъ гипотетическій. Съ одной стороны, міръ является такимъ, каковъ онъ есть или, по крайней мѣрѣ, такимъ, какимъ намъ дано его видѣть: онъ довольствуется самъ собою и поддерживаемъ собственными свойствами: съ другой стороны, разрушаются метафизическія гипотезы, все равно — теологическія ли онѣ и спиритуальныя или анти-теологическія и матеріяльныя. Изъяснять явленія только изъ духовной сущности — такая же ошибка, какъ и изъяснять ихъ исключительно изъ извѣстнаго соединенія атомовъ; въ обоихъ случаяхъ играютъ словами и принимаютъ то, чего нельзя доказать. Напротивъ того, положительный методъ всегда можетъ быть доказанъ въ точкѣ своего отправленія точно также, какъ и въ выводахъ. Кто знаетъ, вслѣдствіе какихъ требованій ума пали древнія понятія, тотъ оцѣнитъ такое достоинство.

III. О питаніи.

Питаніе есть отправленіе, которымъ поддерживается тѣло. Г. Мюллеръ разсматриваетъ въ первой книгѣ жидкости, дѣлающія питаніе возможнымъ, а во второй различные акты самого питанія Одинъ изъ существенныхъ элементовъ бытія живого существа есть извѣстное соединеніе твердыхъ и жидкихъ веществъ. Назначеніе растительнаго сока и крови одно и тоже: способствовать росту и питанію. Это явленіе особенно замѣтно въ животныхъ; въ нихъ размѣнъ между обоими видами веществъ совершается безпрерывно посредствомъ движенія, оканчивающагося только со смертію, жидкія вещества дѣлаются твердыми, а твердыя жидкими. Кровь, подобно потоку, безпрестанно восходящему къ своему источнику, принимаетъ и даетъ все; она общая среда, куда обращается и то, что еще будетъ употреблено, и то, что уже было. Если, съ одной стороны, она тысячью каналами доставляетъ пищу всѣмъ органамъ, превращаясь, въ особенномъ хи-

Digitized by Google

мическомъ процессѣ, въ ткани и влаги, то, съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ разлагаются органическія частицы, онѣ входятъ обратно въ большой кровяной потокъ, который ихъ и уноситъ. Такъ создается и разрушается эта ткань Пенелопы. Безъ сомнѣнія, при этомъ столкновеніи жидкихъ веществъ съ твердыми, устанавливается извѣстное состояніе, образующее животное; но какъ непрочно это состояніе! какъ шатко это равновѣсіе! какъ недостаточна эта гармонія, которую теорія конечныхъ причинъ такъ долго выдавала за образецъ! Это достаточно доказано безчисленными болѣзнями, поражающими животныхъ.

Если бы частицы, вошедшія въ составъ тѣла, продолжали сохранять свои свойства, животное, достигнувъ полнаго своего развитія, могло бы замкнуться въ себѣ самомъ и поддерживаться собственною субстанціей, не нуждаясь въ безпрестанномъ воспринятіи посторонннихъ веществъ; но не такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ. Эти частицы, проживъ извѣстное время, совершенно теряютъ способность жить дольше, и питательная жидкость необходимо должна освободиться отъ нихъ посредствомъ какого нибудь изъ путей, ведущихъ вонъ. Это безпрерывное отдѣленіе необходимо требуетъ не менѣе постояннаго вознагражденія, чтобы потокъ, питающій животное, оставался въ одномъ и томъ же уровнѣ. Это условіе дѣлаетъ живой организмъ похожимъ на наши машины, дѣйствующія посредствомъ огня, съ тѣмъ только различіемъ, что, въ первомъ случаѣ, двигатель есть жизненный дѣятель, а во второмъ, механическая сила Какъ очагъ требуетъ постояннаго подкладыванія горючаго вещества, такъ точно и легкія, истинный очагъ въ животномъ, требуютъ безпрерывно новаго матеріяла. Этотъ матеріялъ троякаго рода: органическія вещества, растительныя или животныя, проникающія въ кровь изъ кишокъ; вода, входящая тѣмъ же путемъ; и наконецъ воздухъ, поглощаемый кровью сквозь нѣжныя плевы дыхательныхъ каналовъ легкаго. При каждомъ вдыханіи воспринимается воздухъ, производится теплота, и машина дѣйствуетъ, удовлетворяя тремъ неразлучнымъ потребностямъ пополнять утрату: т. е. голоду, жаждѣ и дыханію.

При взглядѣ на всѣ эти безпрерывные химическіе процессы, на эти влаги, текущія въ тѣсныхъ каналахъ, на твердыя вещества, постоянно готовыя превратиться въ жидкости, и жидкости, готовыя отвердѣть, понятно, до какой степени живое существо способно подвергаться измѣненіямъ и разстройству. Вотъ почему, подвергаясь различнымъ вліяніямъ климатовъ, оно испытываетъ столь значительныя измѣненія; вотъ почему, отражается въ немъ безчисленное разнообразіе пищи и привычекъ; вотъ почему, наконецъ, оно подвержено

Digitized by Google

столькимъ болѣзнямъ, ибо что такое болѣзнь, если не измѣненіе, перешедшее за границу, совмѣстную съ здоровымъ состояніемъ?

Между веществами, составляющими земной шаръ, множество разрушительныхъ: минералы, кислоты, щелочи, соли, соприкасаясь, въ твердой, жидкой или газообразной формѣ, съ животнымъ организмомъ, производятъ различныя разстройства и смерть. Въ растительномъ царствѣ есть также своя половина смертоносныхъ веществъ. Синильная кислота убиваетъ животное мгновенно. Маковый сокъ погружаетъ его въ гибельное оцѣпененіе и усыпляетъ насмерть. Стрѣлы обмакиваютъ въ тонкій ядъ, и малѣйшая рана, нанесенная этимъ оружіемъ, вдругъ сражаетъ на всемъ бѣгу добычу, преслѣдуемую охотникомъ, хотя, впрочемъ, мясо убитаго такимъ образомъ животнаго неопасно для питанія, несмотря на быструю разрушительность яда. Каждое изъ безчисленныхъ растеній, разсѣянныхъ на земномъ шарѣ, есть химическая лабораторія, гдѣ вырабатываются самые разнообразные соки, вещества спасительныя и страшные яды, — неизбѣжное слѣдствіе столкновенія столь различныхъ элементовъ въ столь различныхъ пропорціяхъ. Зло и добро необходимыя явленія условій нашего міра, и разумная оцѣнка среды, въ которой мы живемъ, доказываетъ, что въ природѣ все опредѣлено стеченіемъ неизмѣнныхъ свойствъ.

Если игра растительныхъ соединеній даетъ произведенія самыя противоположныя, легко догадаться, что животныя соединенія производятъ тоже. Здѣсь также образуются изъ столкновенія элементовъ тонкіе яды. Преимущественно снабжены этими опасными веществами насѣкомыя и пресмыкающіяся; и нѣкоторые изъ этихъ ядовъ такъ быстры, что пораженный умираетъ въ нѣсколько минутъ; но эти яды, которые можно назвать *правильными*, составляютъ только небольшую часть животныхъ ядовъ; *случайно* образуются другіе, самаго страшнаго свойства, тѣмъ болѣе гибельные, что они являются среди общества, и что имъчаще представляется случай вредить. Такъ собака вдругъ дѣлается бѣшеною, и нѣсколько капель ея слюны сообщаютъ болѣзнь. Ядъ, вошедши въ тѣло, остается скрытымъ въ продолженіи многихъ дней, въ организмѣ какъ будто ничто не разстроено, но онъ пораженъ насмерть: вдругъ, неожиданно, невидимый подкопъ взрывается, и только тотъ, кому случалось быть свидѣтелемъ подобнаго зрѣлища можетъ постигнуть весь ужасъ агоніи, во время которой страдалецъ, при видѣ воды, при журчаніи жидкости, при блескѣ гладкаго и полированнаго тѣла, впадаетъ въ спазмы и переходитъ отъ тоски къ конвульсіямъ и отъ конвульсій къ тоскѣ, страшась только одного, что припадокъ не прекратитъ его существованія. Лошадь заболѣла *сапомъ*: берегитесь, эта болѣзнь не заключена исключительно въ по-

Digitized by Google

ражённомъ животномъ; перешедши отъ лошади къ тому, кто ея коснулся, она перейдетъ отъ несчастнаго, пришедшаго умереть въ больницѣ, къ лечившему его доктору и найдетъ новую жертву. У быка сдѣлался *карбункулъ*: берегитесь опять; этотъ карбункулъ не мертвое вещество, какимъ кажется съ виду: въ немъ есть жизнь, движеніе, есть тайное свойство сообщаться, и онъ легко переходитъ отъ одного къ другому. Экипажъ садится на корабль; земля удаляется, дуетъ неблагопріятный вѣтеръ, влажность проникаетъ, свѣжіе запасы истощаются, и люди, еще недавно крѣпкіе и бодрые, подвергаются неизлѣчимому изнеможенію, не въ состояніи держаться на ногахъ, истекаютъ кровью и часто умираютъ, при малѣйшемъ движеніи въ койкѣ. Судьбы войны наполняютъ госпитали ранеными, больными, упавшими духомъ; какихъ неудобствъ должно бояться отъ этого накопленія? что̀ присмотръ сдѣлается хуже? что̀ леченіе сдѣлается небрежнѣе? Это еще самое меньшее зло. Это накопленіе, вслѣдствіе соединенія столь многихъ животныхъ элементовъ, породитъ разрушительную заразу, которая опустошитъ госпиталь и истребитъ служителей и медиковъ. Въ короткое время typhus распространяется дальше, слѣдуетъ за арміями, особенно за побѣжденною, постигаетъ города и деревни, чрезъ которые проходитъ войско, и такимъ образомъ, причина смерти, явившаяся на берегахъ Вислы, поражаетъ народонаселеніе береговъ Рейна, Марны и Сены. Кромѣ этихъ видимыхъ причинъ смерти есть еще другія, совершенно скрытыя: мы сами видѣли, какъ людей гибли тысячами, безъ всякой, повидимому, перемѣны вокругъ насъ; глаза ихъ впадали, члены хладѣли, и кровь сгущалась въ венахъ отъ дѣйствія холеры. Нѣсколько лѣтъ прежде, въ 1828 и 1829 годахъ, народонаселеніе Парижа и его окрестностей постигла болѣзнь, безъ сомнѣнія, гораздо менѣе важная, но странная: руки и ноги покрывались какою-то чешуей и болѣли, такъ что не было возможности работать; многіе отъ этой болѣзни лишились даже жизни; этотъ патологическій феноменъ исчезъ также, какъ и явился; онъ напоминаетъ намъ *пеллагру*, эндемическую болѣзнь Ломбардіи, Астуріи и ландскаго департамента. Такъ точно въ концѣ XV столѣтія зародилась въ уголку Англіи страшная болѣзнь, *потная горячка*, сначала исключительно поражавшая Англичанъ, такъ что въ занимаемомъ ими тогда Кале только они ею и страдали; но вскорѣ она распространилась по материку, не разбирая націй. Больные, въ буквальномъ смыслѣ слова, обливались по̀томъ, какъ водой, и среди этой ужасной испарины погибали большею частію въ двадцать четыре или тридцать шесть часовъ. Вотъ нѣсколько доказательствъ чрезвычайной подвижности живой матеріи, которая волнуется и измѣняется отъ малѣйшей причины, — нѣсколько доказательствъ силь-

Digitized by Google

ныхъ разстройствъ, необходимаго слѣдствія сложности дѣятелей и пружинъ.

Такъ устроенъ міръ: подъ ногами у насъ разставлено множество капкановъ, въ которые мы попадаемъ совершенно неожиданно, и выходимъ оттуда окровавленные и изуродованные, если еще удастся выдти. Очень, очень немногіе счастливцы, quos aequus amavit Jupiter, достигаютъ до конца жизни, не испытавъ этихъ роковыхъ встрѣчъ. Стоитъ только мелькомъ взглянуть на свое прошедшее, чтобы замѣтить моментъ, когда несчастный случай вовлекъ насъ и близкихъ намъ въ цѣлый рядъ бѣдствій, иногда ничѣмъ невознаградимыхъ. Особенно предъ глазами медика развертывается рядъ подобныхъ случаевъ въ индивидуальномъ существованіи; онъ знаетъ, сколько дней, сколько мѣсяцовъ отняла у каждаго болѣзнь,—онъ знаетъ, съ какимъ трудомъ отстаивали жизнь противъ разрушительныхъ силъ, возстающихъ со всѣхъ сторонъ, изъ окружающаго насъ воздуха, изъ холода, изъ тепла, изъ пищи, изъ нравственныхъ страданій и столкновеній съ обществомъ,—онъ знаетъ, какія сѣмена страданій и разрушенія засѣваетъ въ организаціи какая нибудь несчастная встрѣча, и въ минуту проявленія скоропреходящихъ симптомовъ среди самой цвѣтущей юности, онъ видитъ въ прошедшей жизни угрожаемаго такимъ образомъ существа и въ несчастномъ потомствѣ залогъ близкой гибели, которую часто ничѣмъ нельзя остановить. Такимъ образомъ, въ этомъ вихрѣ элементовъ, безпрестанно превращающихся въ живую матерію и безпрестанно возвращаемыхъ неорганическому міру, переплетаются тысячи причинъ страданія и смерти, такъ тѣсно связанныхъ съ натурою вещей, что ихъ никогда нельзя уничтожить; но ихъ можно ослабить разумнымъ употребленіемъ пріобрѣтенныхъ познаній и средствъ.

Это ослабленіе задача медицины. Живое тѣло удобоизмѣняемо, и именно за эту-то удобоизмѣняемость и схватился человѣческій умъ. Множество перемѣнъ, производимыхъ случайнымъ стеченіемъ элементовъ, естественно подали мысль управлять этими неправильными дѣйствіями разумно и сознательно. Успѣхъ соотвѣтствовалъ надеждамъ: испаренія болота производятъ лихорадку, — за то хина уничтожаетъ эту заразу; оспа заразительна, но за то коровья оспа, возбуждая въ тѣлѣ аналогическое броженіе, дѣлаетъ его неспособнымъ къ воспріятію оспенной заразы; въ почкахъ образуется песокъ, за то соль облегчаетъ разрѣшеніе этихъ скопленій, причиняющихъ жестокую боль. Такимъ образомъ, какъ въ больномъ тѣлѣ все игра свойствъ и химическаго сродства живой матеріи, такъ въ леченіи все — дѣйствіе свойства лекарствъ на ткани и влаги. Нравственныя потрясенія безспорно тоже производятъ въ нервной системѣ самыя странныя и са-

Digitized by Google

мыя важныя возмущенія, за то нравственныя же средства имѣютъ, въ этомъ случаѣ, очень важное значеніе. Такимъ образомъ, ничто не ускользаетъ изъ цѣпи причинъ и послѣдствій, дѣйствій и противодѣйствій, и законъ, управляющій неорганическимъ міромъ, управляетъ также и органическимъ. Слѣдовательно, должно отвергнуть всякое суевѣріе, и теперь еще ослѣпляющее столь многихъ. Я говорю о заблужденіяхъ, которымъ такъ легко поддаются даже образованные люди. Любовь къ чудесному, изгнанная изъ своихъ древнихъ владѣній, — изъ астрологіи, алхиміи и магіи, — ищетъ другого убѣжища и въ замѣнъ этихъ ложныхъ наукъ создаетъ ложную медицину. Физіологія, совершенствуясь и распространяясь, обязана наводить людей на истинную точку зрѣнія, и уничтожить въ народѣ смѣшные и опасные предразсудки. Такъ, благодаря астрономіи, разсѣялся пустой страхъ, который пробуждали, недалѣе 200 лѣтъ тому назадъ, солнечныя затмѣнія; его замѣнило, какъ недавно сказалъ одинъ знаменитый астрономъ въ *l' Annuaire du Bureau des Longitudes*, живое любопытство, возбуждаемое такимъ великимъ явленіемъ.

Такъ какъ въ живомъ тѣлѣ, проявленія здоровья, причины болѣзни и дѣйствіе леченія подчинены извѣстнымъ правиламъ, то не трудно понять вліяніе, произведенное знаменитымъ медикомъ, недавно сошедшимъ со сцены ученаго міра. Что Бруссе преслѣдовалъ всего жарче и съ наибо́льшимъ успѣхомъ, такъ это неопредѣленныя идеи о существенныхъ болѣзняхъ. Сколько отъ него зависѣло, онъ выгонялъ тайныя качества изъ всѣхъ уголковъ, куда они прятались; онъ ясно понималъ, что въ живомъ тѣлѣ дѣйствуетъ только живая матерія. Другими словами, онъ видѣлъ въ патологіи только другую сторону физіологіи. Его знаменитая теорія воспаленія желудка и кишокъ, совершенно разрушенная послѣдующими наблюденіями, является теперь, если оцѣнить ее правильно, только смѣлою гипотезой, объясняющей его мысль, что такъ называемыя существенныя лихорадки должны быть приписаны измѣненію физіологическаго состоянія. Безъ сомнѣнія, факты показали, что это воспаленіе не было причиною этихъ лихорадокъ; но они же доказали, что въ этихъ лихорадкахъ только и было существеннаго, что названіе, и что если для изъясненія здоровья мы изучаемъ игру влагъ и органовъ въ неповрежденномъ ихъ состояніи, то для изъясненія болѣзни мы должны изучать игру тѣхъ же влагъ и. органовъ въ томъ измѣненномъ состояніи, которое происходитъ въ нихъ отъ причины недуга. Ясно, что хотя гипотеза и рушилась, но начало, изъ котораго она вытекла, осталось неколебимо: патологія все та же физіологія. Ошибка Бруссе состояла, слѣдовательно, въ томъ, что онъ немедленно хотѣлъ приложить къ терапіи идеи, которыя, будучи слишкомъ общими, не

Digitized by Google

получили еще частнаго приложенія въ методѣ леченія. А важная заслуга его состояла въ томъ, что онъ поставилъ теорію болѣзней на истинную дорогу, и слава Бруссе, очищаясь, какъ бѣгущая вода отъ всякаго ила, признана теперь даже тамъ, гдѣ нѣкогда ее отвергли, при шумѣ полемики.

Медицина не ограничивается леченіемъ больныхъ: у нея есть еще свое общественное назначеніе, которое теперь, конечно, еще только слегка обозначено; но настанетъ время, когда зародышъ разовьётся, какъ то было уже съ физикой и химіей. Было время, когда ихъ прилагали къ дѣлу только случайно; промышленность шла особо, науки особо. Теперь начинаютъ всюду и систематически прилагать физику и химію къ практикѣ. Открытія слѣдуютъ за открытіями, положеніе дѣлъ измѣняется, такъ сказать, съ года на годъ, и мы, не мечтая, можемъ уже предвидѣть эпоху, когда земной шаръ будетъ разработанъ также правильно, какъ какая нибудь частная мыза. Что дѣлается теперь съ науками физическими, то будетъ и съ біологіей; всеобщее изученіе здоровья доставитъ возможность подчинить правиламъ наши привычки, устройство нашихъ городовъ, жилищъ, мѣстъ нашего увеселенія, наши ремесла, такъ, чтобы доставить какъ можно больше пользы и какъ можно больше удалять зло: это будетъ предохранительная медицина, лучше и въ тоже время дѣйствительнѣе врачующей.

Изслѣдовавъ въ первой книгѣ кровь, г. Мюллеръ разсматриваетъ во второй всѣ химическіе процессы, совершающіеся въ живомъ тѣлѣ: какимъ образомъ мы вдыхаемъ и выдыхаемъ газы въ актѣ дыханія; какимъ образомъ пища превращается въ питательный сокъ; какъ венозная чорная кровь превращается въ красную артеріяльную; какимъ образомъ во влагахъ и органахъ частицы постепенно замѣняютъ другія, сдѣлавшіяся неспособными для жизни; какъ совершаются различныя отдѣленія; словомъ, какимъ образомъ вообще эта дѣятельная лабораторія, называемая организмомъ, воспринимаетъ, употребляетъ и отбрасываетъ поддерживающія ее вещества. Питаніе, въ сущности, нечто иное, какъ процессъ соединенія и разложенія, — это основаніе всякой жизни, единственное отправленіе, принадлежащее, вмѣстѣ съ способностью размноженія, растеніямъ, лишеннымъ способности двигаться и чувствовать. Этотъ химическій процессъ есть корень органическаго существованія; безъ него сила, производящая жизненныя явленія, не можетъ проявляться, безъ него высшія способности чувства не имѣли бы никакой опоры; въ цѣломъ ряду органическихъ существъ и въ развитіи индувидуальнаго бытія все начинается съ клѣточки, одаренной способностью поглощать, испарять и измѣнять питательныя вещества.

Digitized by Google

Чѣмъ болѣе біологія дѣлала успѣховъ, тѣмъ болѣе чувствовали необходимость приложить къ ней химическія познанія. Ясная классификація наукъ, представленная г. Контомъ, объясняетъ это инстинктивное стремленіе и должна преобразить его въ необходимое приложеніе. Философская теорія показываетъ, что безъ химіи нѣтъ физіологіи, и что различныя науки — общность человѣческаго знанія — образуютъ относительно другъ друга рядъ ступеней. Ни черезъ одну изъ этихъ ступеней нельзя перепрыгнуть безъ вреда для пониманія и познаній.

Ясно, что настоящее состояніе науки должно измѣниться, состояніе переходное, въ которомъ химики не физіологи, а физіологи не химики, такъ что при многихъ вопросахъ тотъ, кто умѣетъ дѣлать опыты, не можетъ ихъ объяснить въ истинномъ ихъ духѣ, а тотъ, кто могъ бы дать имъ истинное толкованіе, не умѣетъ ихъ дѣлать. Нерѣдко случается, что физіологъ и химикъ сходятся и общими силами изслѣдуютъ какой нибудь вопросъ, который, въ сущности, можетъ быть рѣшенъ только первымъ. Конечно, мы недалеко отъ того времени, когда ученіе будетъ устроено такъ систематически, что біологу не понадобится подобная помощь; правильное ученіе сдѣлаетъ химію основаніемъ физіологіи, какъ сдѣлало математику основаніемъ физики.

Какъ ни разнообразны формы растительныхъ и животныхъ частей, — деревья, цвѣты, плоды, кости, сухія жилы, связки, мускулы, — тѣмъ не менѣе доказано химіей, что все это образуется изъ неорганическихъ веществъ, особенно изъ кислорода, водорода, углерода и азота, и что различіе существенно зависитъ отъ пропорцій элементовъ. Во всякомъ случаѣ, надо признать одно различіе: животныя не довольствуются *для* поддержанія себя тѣмъ, чѣмъ растенія. Атмосферный воздухъ, вода и нѣкоторыя соли, — вотъ единственныя вещества, которыя животныя могутъ поглощать безъ всякаго измѣненія и приготовленія; растенія, напротивъ того, черпаютъ свою пищу прямо и непосредственно изъ общаго вмѣстилища всѣхъ вещей и, стоя на низшей ступени жизни, могутъ довольствоваться менѣе обработанными матеріялами. Что касается до животныхъ, то питательныя свойства земли и различныхъ, заключающихся въ ней частицъ для нихъ безполезны, хотя дѣйствительно и существуютъ какъ пища для другого класса живыхъ существъ; для нихъ необходимы или растительныя произведенія, или даже мясо другихъ животныхъ; и среди богатства пищи, такъ легко превращающейся въ корни, плоды и листья, животное погибло бы отъ голода и истощенія, лишенное, по своей организаціи, способности воспринимать неорганическія вещества въ процессъ питанія. Геологическія изслѣдованія

Digitized by Google

показали, что первыя живыя существа, явившіяся на землѣ, были растенія, самая простая форма жизни, способная прямо овладѣть матеріялами почвы, — первая ступень дальнѣйшаго развитія.

Можно разсматривать явленія — результаты устройства живыхъ существъ и законовъ біологіи, не стараясь проникнуть въ недоступную сущность вещей, — стараніе безплодное, отъ котораго долженъ удерживаться всякій сціентифически образованный умъ. Многія животныя принуждены питаться живою добычею, и это даетъ особенную физіономію обитаемому нами шару. Часть его обитателей, преданная, кромѣ потребности размноженія своего рода, единственно заботѣ о своемъ питаніи, проводитъ всю жизнь въ преслѣдованіи и подстереганіи кроткой и невинной, по выраженію Лафонтэна, добычи; и такъ какъ въ живомъ организмѣ части находятся во взаимномъ отношеніи и цѣлое образуетъ систему, то этимъ потребностямъ соотвѣтствуетъ опредѣленная нравственность, — хитрость, кровожадность, страсть къ охотѣ, неутомимое терпѣніе въ подстереганіи добычи, ловкость въ разставливаніи ей ловушекъ. Всѣ эти страсти принадлежатъ плотоядным животнымъ; плотоядность всегда сопряжена съ особеннымъ нравомъ; даже въ исторіи человѣка она оставила глубокій слѣдъ, не совсѣмъ еще изглаженный, — людоѣдство. Съ другой стороны, представьте себѣ ужасъ добычи, преслѣдуемой тигромъ въ лѣсу, орломъ въ воздухѣ, акулою въ глубинѣ моря, или раздираемой филиномъ въ тишинѣ ночи, и предъ вами всюду откроется картина битвъ и страданія, странно возмущающая умъ и чувство справедливости образованнаго человѣка. Человѣческій разсудокъ не хочетъ допустить такихъ грубыхъ отношеній между существами, и всѣ усилія образованныхъ обществъ направлены теперь къ тому, чтобы воспользоваться грубыми силами природы для уничтоженія или ослабленія врожденнаго этой же самой природѣ зла; но въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, свойства вещей являются неизмѣннымъ закономъ: безпрестанная перемѣна и обновленіе матеріяловъ есть условіе жизни, и этотъ вихрь умчалъ съ собою и растительныя вещества и живое, трепещущее мясо животныхъ; — вотъ причина участи населенія нашего шара.

IV. О нервной системѣ.

Въ растеніи (оставимъ въ сторонѣ способность произрожденія) питаніе составляетъ все; въ немъ происходитъ только одно явленіе — переработка неорганическихъ матеріяловъ въ очень различные составы; въ немъ не обнаруживается никакой другой дѣятельности.

Digitized by Google

Постоянно покоряясь внѣшнимъ вліяніямъ, оно постепенно открываетъ свои каналы, по мѣрѣ того, какъ весеннее солнце согрѣваетъ его верхнія оконечности, и вскорѣ корни начинаютъ всасывать изъ земли жидкости, изъ которыхъ образуется питательный сокъ. И наоборотъ, при возвращеніи зимы, холодъ сжимаетъ его, листья опадаютъ, всасываніе корней прекращается, и растеніе погружается въ зимній сонъ. Однакоже, нѣкоторые темные симптомы обнаруживаютъ и въ немъ нѣкоторую чувствительность, если можно здѣсь употребить терминъ, исключительно присвоенный животнымъ. Растеніе любитъ свѣтъ, и ищетъ его; ночью, когда шумъ и теплота оставили наше полушаріе, и когда наша сторона планеты обращена къ неосвѣщенному пространству неба, растеніе также чувствуетъ вліяніе мрака и всеобщей тишины, листья его опускаются, и оно предается, повидимому, покою, вмѣстѣ со всею природою. Наконецъ, нѣкоторыя еще болѣе нѣжныя растенія обнаруживаютъ, при малѣйшемъ прикосновеніи, быстрыя движенія, точно какъ будто у нихъ есть мускулы и первы.

Иную картину представляетъ намъ животное царство. Къ питанію присоединяются новыя отправленія и разнообразныя инстинктивныя стремленія; но всѣ они преимущественно направлены къ удовлетворенію потребностей познанія и рожденія. У животныхъ есть умъ, способность двигаться, научающіе его чувства; но все это, за исключеніемъ времени ихъ совокупленія и кормленія дѣтей, почти исключительно направлено къ средствамъ овладѣть добычею. Животное проводитъ свою жизнь въ наполненіи желудка; эта великая цѣль поглощаетъ всѣ его способности, и оно владѣетъ ими, кажется, только для удовлетворенія этой неотразимой потребности. Но какъ въ растительной жизни мы уже видѣли нѣкоторые порывы къ возвышенію, такъ и въ животной жизни обнаруживается стремленіе къ высшему состоянію. Во многихъ животныхъ видна способность къ индустріи: птицы искусно вьютъ свои гнѣзда, бобры производятъ большія постройки на водѣ, и, какъ выражается баснописецъ, говоря о дикаряхъ, сосѣдяхъ земноводной республики:

....Nos pareils ont beau le voir,
Jusqu'à présent tout leur savoir
Est de passer l'onde à la nage.

На этой ступени жизни проблескиваютъ даже нѣкоторыя искусства: музыкальный вкусъ удивительно развитъ въ соловьѣ.

Еще одинъ шагъ — и передъ вами человѣкъ. Если справедливо, что дикарь, въ самомъ глубокомъ первобытномъ варварствѣ, мало

Digitized by Google

имѣетъ преимуществъ передъ высшими животными, и что умѣнье его не многимъ превосходитъ умѣнье животнаго, то справедливо также и то, что въ немъ есть зародыши, способные къ развитію, что болѣе обширный и болѣе способный къ разсужденію, разсудокъ (mentisque capacius altae) раздвигаетъ для него предѣлы развитія и даетъ ему возможность дѣлать пріобрѣтенія для пользы цѣлаго рода. По мѣрѣ того, какъ онъ возвышается, горизонтъ раздвигается вокругъ него, матеріяльныя потребности перестаютъ поглощать все его время, и у него остается еще свободное время для усиленія своей индустріи, для размышленія о себѣ самомъ, для занятія искусствами, образованія наукъ и улучшенія своей жизни въ отношеніи пользы, благородства, красоты и истины. Предположите, — что̀ дѣйствительно такъ и есть, — предположите, что постепенныя пріобрѣтенія стремятся измѣнять умственное состояніе человѣка изъ рода въ родъ, и вы увидите въ самомъ корнѣ причину развитія обществъ, развитія, въ которомъ каждая ступень дѣлаетъ человѣческій умъ болѣе приготовленнымъ и болѣе способнымъ къ достиженію высшей ступени. Въ этомъ случаѣ, наслѣдственность—основное условіе: если бы она здѣсь не дѣйствовала, народы оставались бы неподвижными. Напрасно стараются навязать дикимъ племенамъ высшую цивилизацію, мимо всякаго переходнаго состоянія; напрасно также свѣтлые умы вели бы родъ человѣческій по пути образованности, если бы эта самая образованность не измѣняла, въ свою очередь, человѣческаго рода, дѣлая его понятливѣе и воспріимчивѣе.

Возвратимся къ нашему предмету: спустимся съ лѣстницы, по которой взошли; перейдемъ отъ образованнаго человѣка къ дикому, отъ дикаго къ животному, отъ животнаго къ растенію, и однимъ взглядомъ обнимемъ огромное цѣлое, управляемое единственной силой—жизнью. Въ растеніи появляются уже признаки чувства; оно становится яснымъ въ низшихъ животныхъ, и возрастаетъ до инстинкта, страстей и ума, безъ сомнѣнія, ограниченнаго, но дѣйствительнаго въ высшихъ животныхъ, — наконецъ, въ человѣкѣ достигаетъ высшей извѣстной намъ степени разума. Конечно, между этими крайними членами огромное разстояніе, и только могущественное наведеніе ума могло, переходя отъ одного къ другому, соединить между собою звенья такой длинной цѣпи.

Орудіе чувственныхъ способностей, нервная система, — предметъ третьей книги г. Мюллера. Это орудіе придаетъ совершенно особенный характеръ жизни животнаго. Въ растеніи ничто не сосредоточено; органы преобразовываются безъ труда: листья дѣлаются цвѣтами, цвѣты листьями. Опрокиньте растеніе, такъ чтобы вѣтви его были въ землѣ, а корни въ воздухѣ: части вскорѣ мѣняются своими

Digitized by Google

отправленіямъ, вѣтви и корни приспособляются къ средѣ, въ которую погружены. Ростокъ, отрѣзанный отъ ствола, не всегда умираетъ и, посаженный въ землю, производитъ новое недѣлимое. Животное не представляетъ ничего подобнаго; органы, болѣе обособленные, противятся всякому преобразованію. Часть, отдѣленная отъ тѣла, тотчасъ умираетъ; самое тѣло обладаетъ въ весьма малой степени способностью возстановленія и заживленія. Этотъ недостатокъ животнаго, дѣлающій его болѣе подверженнымъ болѣзнямъ и подвергающій его многочисленнымъ причинамъ смерти, зависитъ отъ сложности его организма вообще, и въ частности, отъ присутствія нервнаго центра. Впрочемъ здѣсь также видна постепенность, и низшія животныя представляютъ собою средніе члены, въ которыхъ мы видимъ явленія, подобныя явленіямъ въ растеніяхъ. По мѣрѣ возвышенія существа на лѣстницѣ организаціи, первная система сосредоточивается все болѣе и болѣе, и во всѣ стороны протягиваются нити, назначеніе которыхъ соединять центръ съ окружностью. Чувство и воля имѣютъ каждое свои особенныя орудія; нервы никогда не смѣшиваются: одни проводятъ извнѣ внутрь впечатлѣнія на чувства, а другія, изнутри наружу, приказанія покорнымъ мускуламъ. Еще болѣе, всякая первоначальная нервная нить назначена для извѣстнаго отправленія, и переходъ отъ мозга къ какой нибудь точкѣ тѣла, какъ бы велико ни было это разстояніе, совершается по одной только нити, которую не могутъ замѣнить нити параллельныя и смѣжныя съ нею.

Съ новыми свойствами являются новыя ткани, потому-что эти двѣ вещи, свойства и ткани, связаны между собою неразрывно. Наука прояснилась, когда Биша въ смѣшанной дотолѣ массѣ указалъ на эти замѣчательныя различія. Этотъ геній, одаренный счастливою способностью къ біологическимъ изслѣдованіямъ, увидѣлъ характеристическія аналогіи и разрѣшилъ живое тѣло на собраніе тканей, одаренныхъ спеціальною организаціею и отправленіями. Онъ слѣдилъ за ними во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ. Сравнительный методъ, главное орудіе біологіи, усилился и немедленно навелъ въ патологіи на неожиданныя открытія, на отдѣлъ совершенно неизвѣстныхъ дотолѣ отношеній. Но польза великаго открытія не ограничилась этимъ. Положительное изученіе живой матеріи пріобрѣло съ тѣхъ поръ непреодолимую силу и вездѣ начали искать, какими путями и средствами происходятъ явленія въ живыхъ существахъ. Съ какимъ успѣхомъ, — это можетъ засвидѣтельствовать каждый изъ насъ, начавшихъ свое ученіе лѣтъ двадцать пять или тридцать тому назадъ. Наука, въ буквальномъ смыслѣ слова, обновилась у насъ на глазахъ.

Digitized by Google

V. Мышечная система.

Рядомъ съ нервной системой, одаренной чувствительностью, г. Мюллеръ помѣщаетъ, въ четвертой книгѣ, мышечную ткань, одаренную раздражительностью. Первая система чувствительна, т. е. совершаетъ, какъ центръ или какъ проводникъ, всѣ дѣйствія, отъ чувствительности до разумѣнія; вторая раздражительна, т. е. сжимается и сокращается отъ вліянія различныхъ агентовъ. Обыкновенно раздражаетъ ее нервная система, съ которой она соединена нитями, назначенными исключительно для передачи воли. Вотъ двѣ великія системы, принадлежащія собственно животному. Присоединивъ сюда еще клѣтчатую ткань, изъ которой единственно состоитъ растительное царство, и которая, подъ различными видами, составляетъ большую часть организма животныхъ, мы раздѣлимъ всю живую природу на три главныя отправленія и три существенныя имъ формы. Клѣтчатая ткань, какъ доказываютъ растенія, необходима для питанія; нервная ткань управляетъ проявленіями чувствительности, а мышечная ткань, одаренная способностью сжиматься, позволяетъ животному приводить въ исполненіе свою волю. Это раздѣленіе, основанное какъ на анатомическихъ, такъ и на физіологическихъ наблюденіяхъ, сдѣлалось однимъ изъ основныхъ началъ науки и не можетъ быть покинуто. Впрочемъ, кто станетъ изслѣдовать этотъ предметъ ближе, тотъ встрѣтитъ затрудненіе, которое заставитъ его подозрѣвать возможность идти далѣе. Мышечная и нервная ткани вовсе не изъяты отъ питанія и, одаренныя особенными свойствами, онѣ обладаютъ и свойствами, общими всякому живому веществу. На этомъ основали мысль, что клѣтчатая ткань проникаетъ и сюда, и нѣкоторые ученые заключили изъ этого, что, можетъ быть, можно будетъ доказать основное единство трехъ первоначальныхъ тканей. Эта надежда, основанная на аналогіи, осуществилась. Простая догадка доказана анатомическимъ наблюденіемъ; въ первоначальной ячейкѣ увидѣли, что мышечная и нервная ткани имѣютъ начало, общее съ клѣтчаткою. Внутри яичка, гдѣ все смѣшано, раждаются изъ однороднаго вещества всѣ отдѣльныя ткани. Съ тѣхъ поръ, распространивъ законъ, анатомически ввели растительное царство въ животное и явился только одинъ законъ развитія — развитіе посредствомъ ячеекъ.

Исторія науки представляетъ намъ, въ этомъ случаѣ, зрѣлище, достойное вниманія. Сначала предметы являются въ массѣ, и въ животномъ тѣлѣ мы едва различаемъ мясо, вены, кости, кожу, связки

Digitized by Google

и кое-какія внутренности. Это составляло почти всю анатомію Гиппократа. Потомъ, по мѣрѣ пробужденія любви къ наукѣ и усовершенствованія анатомическихъ пріемовъ, знакомятся съ этой смѣшанной массой ближе; части раздѣлены внимательнымъ разсѣченіемъ и въ тоже время возрастаетъ число анатомическихъ подраздѣленій. Наконецъ, послѣ долгихъ трудовъ въ этомъ родѣ, является геній, схватываетъ общность въ ея многообразіи и соединяетъ въ однородныя группы все, что до тѣхъ поръ было разъединено. И, по положенному пути, разысканія достигаютъ послѣдняго предѣла; при мелкихъ разсѣченіяхъ и подраздѣленіяхъ скальпеля, г. Шваннъ, физіологъ, умѣющій наблюдать и обобщать, показываетъ въ тождествѣ развитія основное тождество живыхъ тканей.

Трудъ г. Шванна явился недавно (1838), а идеи его уже приняты лучшими физіологами и пріобщены къ наукѣ, если не со всѣми подробностями и слѣдствіями, то, по крайней мѣрѣ, въ существенныхъ ихъ данныхъ и началахъ. Какъ быстро повѣряютъ въ наше время факты науки и утверждаютъ выводимыя изъ нихъ теоріи! Прежде это шло гораздо медленнѣе. Сколько времени надо было для введенія системы Коперника и уничтоженія обмана отъ кажущагося движенія солнца и неподвижности земли! сколько усилій употреблено для изгнанія анатоміи Галліева и побѣды фактовъ надъ авторитетомъ! Когда Гарвей открылъ обращеніе крови, сколько спорили, прежде нежели окончательно приняли его открытіе въ ученіе физіологіи! Теперь трудящихся не только больше, но они образованы въ одной школѣ, школѣ наблюденія, и всѣ одинаково производятъ и обсуживаютъ опыты. Отъ этого дѣло кончается скоро. Новое ученіе бросаютъ въ тигель, и оно или вовсе оттуда не выходитъ или выходитъ повѣренное и очищенное, съ улучшеніями, ограниченіями, развитое, и дѣлается съ этой минуты орудіемъ въ арсеналѣ науки. Имъ начинаютъ разработывать непочатыя жилы, — и наука развивается. Мы идемъ впередъ шагъ за шагомъ; всякое открытіе подготовлено, и если разсматривать съ той точки, гдѣ мы теперь, раскрытое предъ нами прошедшее, мы ясно увидимъ всѣ приготовленія къ открытію, даже самому изумительному, такъ что если бы оно ускользнуло отъ геніальнаго человѣка, которому доставило славу, то досталось бы въ удѣлъ кому нибудь изъ его соперниковъ или послѣдователей. Это дѣлаетъ исторію науки особенно поучительною: случайныхъ явленій въ ней мало, связь ощутительна, между тѣмъ, какъ во всеобщей исторіи сильные перевороты скрываютъ связь причинъ и дѣйствій. Веретено исторіи науки разматывается проще, и, видя его правильные обороты, мы привыкаемъ всюду вносить ученіе развитія, здѣсь столь очевидное. Кромѣ того, мы видимъ, какъ глубоко связана по-

Digitized by Google

литическая исторія съ исторіею науки, которая изъ вѣка въ вѣкъ измѣняетъ мнѣнія и образъ воззрѣнія цивилизованныхъ націй. Впрочемъ, и она не всегда идетъ восходящимъ путемъ, и въ ней случаются перевороты. Какъ нашествіе варваровъ или политическіе перевороты прекращаютъ или замедляютъ ходъ политическихъ дѣлъ, такъ и ложныя теоріи, худо изслѣдованные факты и излишнее уваженіе къ авторитетамъ, сбивая съ пути трудящихся, останавливаютъ или замедляютъ ходъ науки.

Многіе, можетъ быть, удивятся, что г. Мюллеръ помѣстилъ мышечную систему, т. е. орудіе движенія, между нервною системою и органами чувствъ. Это потому, что онъ видитъ въ ней дополненіе нервной системы и полагаетъ, что мышцы сжимаются только потому, что связаны съ нервами. Это спорный вопросъ между физіологами; многіе изъ нихъ думаютъ, что мускулъ самъ по себѣ имѣетъ способность сжиматься, и что воля, переданная нервомъ, есть только побудительная причина сжатія. Я раздѣляю это послѣднее мнѣніе, и ясно, что оно влечетъ за собою раздѣленіе, отличное отъ раздѣленія г. Мюллера.

VI. О чувствахъ.

Пятая книга посвящена чувствамъ. Всѣмъ извѣстна знаменитая теорія XVIII-го вѣка, и остроумная гипотеза, которая, снабжая человѣческую статую мало по малу каждымъ изъ чувствъ, складывала изъ нихъ все ея разумное и нравственное существо. Нѣтъ ничего ошибочнѣе: открыть пять путей для сообщенія съ внѣшнимъ міромъ не значитъ еще ничего; это не создастъ способностей, которыхъ не было прежде. У всѣхъ животныхъ, занимающихъ высшую ступень, есть всѣ пять чувствъ, а между тѣмъ, сколько между ними разницы! Какъ разнообразны ихъ инстинкты! какъ неравно распредѣленъ между ними умъ! Физіологія совершенно опровергла теорію чувствъ, и хотя философскія школы оспоривали и опровергали ее, надо сознаться, что неопредѣленность метафизическихъ доказательствъ всегда оставляетъ мѣсто для возраженія и несогласія. Невозможность сдѣлать изъ обезьяны существо равное человѣку, несмотря на ея пять чувствъ, и возможность развить совершенно человѣческое пониманіе (что доказано на дѣлѣ) въ человѣкѣ, лишенномъ трехъ чувствъ, слуха, зрѣнія и обонянія, достаточны для опроверженія ошибокъ, въ которыя впала въ этомъ отношеніи метафизика. Отыскивая въ логическихъ формулахъ, подсказанныхъ чистымъ

Digitized by Google

умозрѣніемъ, изъясненіе вещей, мы безпрестанно рискуемъ ложно понять дѣйствительность.

Не то, чтобы чувства не имѣли извѣстнаго соотношенія съ развитіемъ организма: растенія лишены ихъ вовсе, низшія животныя одарены не всѣми, и полное ихъ соединеніе встрѣчается только въ высшихъ классахъ. Но во всякомъ случаѣ, они никогда не пробудили бы основной идеи біологіи — іерархіи существъ. Въ этой идеѣ не должно видѣть понятія, извлеченнаго изъ самой сущности жизни; изъ нея слѣдовало бы, что вещи не могли быть расположены иначе. Іерархія живыхъ существъ есть понятіе чисто эмпирическое, результатъ опыта, заключеніе, выведенное изъ наблюденій и фактовъ. Спросятъ, можетъ быть, по какимъ признакамъ узнаютъ, что одно существо выше другаго; скажутъ, что нѣтъ никакаго логическаго основанія ставить животное выше растенія, или млекопитающее выше черепокожнаго. Логическихъ основаній для такого порядка нѣтъ, но есть біологическія: начало, на которомъ основана іерархическая классификація, состоитъ въ раздѣленіи отправленій. Чѣмъ многообразнѣе и больше числомъ снаряды, тѣмъ выше существо; и наоборотъ, оно тѣмъ ниже, чѣмъ болѣе смѣшиваются и уменьшаются числомъ эти снаряды. Въ растеніи нѣтъ ни нервной, ни мышечной системы, въ немъ все сведено на органы воспроизведенія и питанія, и самое это питаніе, какъ просто оно въ сравненіи съ питаніемъ животныхъ! Растеніе принимаетъ питательныя вещества прямо изъ почвы, и проводитъ ихъ вѣтвистыми каналами ко всѣмъ органамъ, гдѣ они обращаются въ составныя части растенія, а у животнаго есть снарядъ для жеванія, снарядъ для варенія въ желудкѣ, снарядъ для выдѣлки питательнаго сока въ кишкахъ, и система сосудовъ, проводящихъ этотъ сокъ въ кровь,—и все это для достиженія той же цѣли, которой растеніе достигаетъ тотчасъ же вслѣдъ за всасываніемъ сока корнями! Сколько посредниковъ! сколько сложныхъ механизмовъ! сколько раздѣленія работы!

Равнымъ образомъ, и въ животномъ царствѣ нервная система постепенно дѣлается сложнѣе и въ тоже время развиваются инстинкты, страсти, разумныя способности. Такимъ образомъ, анатомія и физіологія (собственно двѣ стороны одного и того же предмета) обозначаютъ на какой высотѣ живой лѣстницы стоитъ отдѣльное существо. Эта лѣстница не образуетъ прямой линіи; линія эта крива, но не смотря на то, обозначаетъ путь, на которомъ породы размѣщены различными группами. Въ этой системѣ высшее или низшее мѣсто зависитъ отъ большей или меньшей сложности. Іерархія немедленно полагаетъ конецъ всѣмъ біологическимъ предположеніямъ: разсудокъ ничего не можетъ вообразить внѣ этой цѣпи, — нельзя придумать

Digitized by Google

животное выше человѣка или растеніе ниже гриба: но, въ предѣлахъ этой цѣпи, можно создавать воображаемыя существа, совершенно согласныя съ условіями жизни. Не для чего прибавлять, что такія существа не имѣли бы ничего общаго съ фантастическими вымыслами первобытныхъ временъ, когда воображеніе соединяло радикально несовмѣстныя формы. Словомъ, органическая лѣстница представляетъ въ одно и тоже время всѣ дѣйствительныя явленія міра и всѣ возможныя, какія только умъ въ правѣ придумать.

Изъ этого систематическаго распредѣленія родился знаменитый вопросъ, именно: дѣйствительно ли всѣ живыя существа созданы по одному плану? Принявши единство плана, надо отыскать отъ животнаго до животнаго соотвѣтственные органы. Такъ, на примѣръ: чѣмъ дѣлается рука человѣка у прочихъ млекопитающихъ? во что превращается она у птицы? что замѣняетъ ее у пресмыкающихся земноводныхъ? Это разысканіе можно въ нѣкоторой степени сравнить съ этимологіей. Объясняя этимологію слова *день*, *jour*, легко можно его сблизить съ италіанскимъ *giorno*, въ произношеніи котораго слышится *д* и которое сродни латинскому *diurnus*; *diurnus*, въ свою очередь происходитъ, отъ *dies*, а *dies* однородно съ англійскимъ *day*; отсюда мы доходимъ до санскритскаго слова *div*, означающаго *блистать, сіять*. Равнымъ образомъ, если спросятъ объ анатомической этимологіи (да позволено мнѣ будетъ употребить это выраженіе) человѣческой руки, эту часть безъ труда можно будетъ узнать въ передней ногѣ земныхъ млекопитающихъ. Что касается до морскихъ, не надо только останавливаться на наружности, а разсѣчь кожу, покрывающую такъ называемыя плавательныя перья, и вы увидите плечо, локоть и пальцы. Крыло птицы удалено отъ нормы больше, но и его можно свести на типъ руки. Словомъ, нить аналогіи не прерывается, пока мы не выходимъ изъ области позвоночныхъ; но если перейти къ безпозвоночнымъ, аналогія теряетъ ясность, и, наконецъ, въ растительномъ царствѣ (ибо нѣтъ причины останавливаться на животныхъ) все сливается.

Какъ бы то ни было, ясно, однакоже, что основныя соотношенія связываютъ между собою всѣ живыя существа. Растеніе вполнѣ повторяется въ животномъ; безчисленныя ячейки легкихъ и безчисленные сосуды питательнаго сока представляютъ, одни — собраніе листьевъ, вдыхающихъ атмосферный воздухъ, а другіе — корень, всасывающій изъ земли сокъ. Отправленіе такое же, и, собственно говоря, человѣкъ питается также какъ и растеніе. Какъ растеніе, изъясняетъ все питаніе человѣка, такъ посредствующія животныя изъясняютъ отправленія движенія, чувствительности и разумѣнія. Словомъ, сравнивая между собою не органы (что очень трудно, при

Digitized by Google

переходѣ къ безпозвоночнымъ и невозможно въ царствѣ растеній), а четыре главныя отправленія: питаніе, родотвореніе, движеніе и чувство, и четыре главныя принадлежащіе имъ снаряда, мы вездѣ увидимъ аналогію: животное питается и воспроизводится, какъ растеніе, а высшее животное движется и чувствуетъ, какъ низшее. Съ этой точки зрѣнія единство плана очевидно; все питается единственно посредствомъ первоначальной ячейки, воспроизводится дуализмомъ, движется посредствомъ мышечныхъ и чувствуетъ посредствомъ нервныхъ фибръ.

Это тождество замѣтно даже въ до-историческихъ временахъ. Исторія человѣка, по крайней мѣрѣ та, о которой онъ помнитъ, простирается не очень далеко. Нѣсколько тысячъ лѣтъ — вотъ предѣлъ памяти народовъ; но въ вознагражденіе за тщетное отыскиваніе однихъ лѣтописей, нашли другія, которыхъ не искали,—лѣтописи земли. Многочисленны прожитые ею періоды существованія, значительны испытанныя ею измѣненія, различны вскормленные ею народы. Можно бы подумать, что это населеніе прежнихъ временъ существенно различно отъ населенія исторической эры. Это совершенно ложно. Но при всемъ томъ, если вѣрить всѣмъ признакамъ, то условія среды были очень различны отъ нынѣшнихъ: земля была теплѣе, составъ атмосферы другой, другое распредѣленіе водъ. А организація существъ, принадлежащихъ этимъ древнимъ періодамъ, такова, что они легко входятъ въ классификацію. Тогда зеленѣли колоссальные папоротники, въ тинѣ водъ ползали огромныя амфибіи; но эти папоротники и амфибіи составляютъ только виды, которые должно поставить рядомъ съ современными намъ, и любопытство, почитая эти существа страшными и чудными, ошибалось. Это необыкновенное и неожиданное открытіе дало наукѣ новую точку опоры и показало, что въ давнопрошедшія времена, при значительно различныхъ условіяхъ, свойства органической матеріи были тѣже, что и теперь. Какими видимъ ихъ мы, такими видѣли ихъ вѣка, въ которые, можетъ быть, человѣкъ еще не существовалъ.

Я не кончу этой главы, не упомянувъ о замѣчательной особенности въ исторіи чувствъ. Служащіе имъ нервы представляютъ относительно различное анатомическое расположеніе, и, дѣйствительно, такъ спеціальны, что всякое раздраженіе производитъ на нервъ только свойственное ему впечатлѣніе. Яснѣе: если заставить дѣйствовать электричество на оптическій нервъ, — видишь свѣтъ; если на слуховой — слышишь звукъ; на нервъ обонянія — слышишь запахъ; на нервъ вкуса — вкусъ; на нервъ осязанія,—чувствуешь боль. Итакъ, одинъ и тотъ же дѣятель, не обладая ни однимъ изъ свойствъ, передаваемыхъ тѣлу чувствами, развиваетъ, будучи приве-

Digitized by Google

денъ въ соприкосновеніе съ нервомъ чувства, свойственное этому нерву впечатлѣніе. Такимъ образомъ, можно слышать всякаго рода звуки, при отсутствіи дѣйствительнаго звука,—видѣть разные цвѣта—когда ихъ въ дѣйствительности нѣтъ: для этого достаточно возбужденія, внѣшняго или внутренняго. Къ категоріи внѣшнихъ раздраженій принадлежатъ случаи, подобные тому, который былъ представленъ на разсмотрѣніе г. Мюллеру: нѣкто получилъ въ темнотѣ ударъ въ глазъ, и утверждалъ, что при свѣтѣ, происшедшемъ отъ удара, онъ разсмотрѣлъ лицо разбойника; это было заблужденіе: такой свѣтъ не освѣщаетъ предметовъ, также какъ боль, которую я чувствую, не причиняетъ боли другому. Категорія внутреннихъ возбужденій важна для теоріи галюцинацій, которыя, въ качествѣ связи и сообщенія съ невиднымъ міромъ, играли важную роль въ прошедшей исторіи. Наконецъ, чѣмъ болѣе углубляемся въ условія жизни, тѣмъ болѣе видимъ, съ какою точностью распредѣлена спеціальность органовъ и отправленій.

VII. Объ умственныхъ способностяхъ.

Шестою книгою, объ умственныхъ способностяхъ, г. Мюллеръ оканчиваетъ отдѣлъ о чувствахъ и отправленіи нервовъ. Это *послѣдній шагъ земли*, оспариваемый у біологіи метафизикою; она уже давно отступила со всѣхъ прочихъ пунктовъ. Химія вытѣснила алхимическія бредни, составлявшія ея истинную метафизику. Отступаются отъ низшихъ частей біологіи, отъ пищеваренія, отъ болѣзней, даже душевныхъ, оставляютъ въ сторонѣ и бѣснующихся. Это долгое отступленіе походитъ все болѣе и болѣе на бѣгство, и, какъ въ исторіи изгнаніе Мавровъ изъ Испаніи, положительная наука, сначала слабая и сжатая на маломъ пространствѣ, распространяетъ свои завоеванія медленно,—потомъ, достигнувъ положительнаго могущества, она все быстрѣе и быстрѣе переходитъ отъ успѣха къ успѣху. Математическія науки составляли тотъ клочокъ земли, ту отдаленную область, откуда она выступила на завоеваніе сосѣднихъ странъ, и теперь она тѣснитъ уже своихъ непріятелей къ противуположному морю.

Мы свидѣтели одного изъ этихъ нашествій: біологія объявила права свои на ученіе о душевныхъ и умственныхъ способностяхъ. Если у нея станутъ оспоривать это право, ей стоитъ только отвѣтить, какъ отвѣчалъ Діогенъ философамъ, опровергавшимъ движеніе: онъ началъ ходить. Біологія разсматриваетъ разумъ и нравственность человѣка; теперь нѣтъ ни одного курса физіологіи, въ ко-

Digitized by Google

торомъ бы не было посвящено этому предмету особаго отдѣла. Итакъ, на этомъ пунктѣ, какъ на многихъ другихъ, столкнулись два радикально противоположныя ученія — положительное и метафизическое.

Біологія раздвинулась до этого предѣла безъ всякой прежде задуманной цѣли. Эти вопросы задавало сцентифическое любопытство, и они являются уже въ глубокой древности. Ими занимался Демокритъ, и, какъ говоритъ Лафонтенъ:

....Hippocrate arriva dans le temps
Que celui qu'on disait n'avoir raison ni sens
Cherchait dans l'homme et dans la bête
Quel siége a la raison, soit le coeur, soit la tête.
Sous un ombrage épais, assis près d'un ruisseau,
Les labyrinthes d'un cerveau
L'occupaient....

Дѣйствительно, физіологію завели въ область, называемую въ школахъ психологіей, лабиринты мозга. Не заботясь о томъ, получила ли теорія умственныхъ способностей полное объясненіе въ метафизическихъ книгахъ, даже не помышляя объ этомъ, она построила, руководимая соотношеніемъ органовъ и отправленій, ученіе, независимое отъ принятыхъ уже ученій. Три рода явленій указали ей путь. Первое указаніе дала патологія. Поврежденіе умственныхъ способностей, какъ слѣдствіе поврежденій мозга, ослабленіе ума послѣ апоплексіи, даже излеченной, бредъ при воспаленіи мозговыхъ оболочекъ, слабоуміе при ихъ сжатіи — факты неизмѣнные. И мозгъ поражаетъ не только то, что дѣйствуетъ на него прямо, смущаетъ его, но даже косвенное вліяніе; на немъ отражаются и явленія въ отдаленныхъ частяхъ, напримѣръ въ кишкахъ, и производятъ особенное душевное состояніе. Наконецъ, различныя вещества, вступая въ организмъ, измѣняютъ способности: напр. вино, гашишъ, опіумъ. При такихъ наблюденіяхъ, физіологія должна была задать себѣ вопросъ, какія условія управляютъ проявленіями нравственности и ума, и какія возмущаютъ ихъ причины, оставивши, разумѣется, въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи и ни въ какомъ случаѣ не вдаваясь въ гипотезу, указывающую отправленію мѣсто внѣ органа. Другой путь привелъ ее къ тому же заключенію: именно — сравненіе состоянія мозга и состоянія душевныхъ способностей въ разные возрасты. Тутъ дѣйствительно обнаруживается такое же соотношеніе, какъ между поврежденіями органа и разстройствомъ способностей. Дитя не вдругъ, а постепенно пріобрѣтаетъ

Digitized by Google

способности, свойственныя взрослому, и нервная система, сначала безразлично распространенная въ массѣ яичка отдѣляется, формируется, растетъ и совершенствуется постепенно. Быстрѣйшее образованіе и приращеніе мозга совершается въ ту эпоху жизни, когда въ суммѣ впечатлѣній, которыми владѣетъ умъ, всего менѣе прочности и связи; очень большая часть существованія не оставляетъ въ памяти ни малѣйшаго слѣда. Никакія усилія не извлекутъ изъ дитяти проявленій ума, не свойственныхъ дѣтскому возрасту, и развитіе способностей есть стрѣлка, указующая на развитіе органа. За ребенкомъ слѣдуетъ взрослый, за взрослымъ старикъ, и тогда все говоритъ о упадкѣ:

Ne te donna-t'on pas des avjs, quand la cause
Du marcher et du mouvement,
Quand l'esprit, le sentiment,
Quand tout faillit en toi? Plus de goût, plus d'ouïe;
Toute chose pour toi semble être évanouie,
Pour toi l'astre du jour prend des soins superflus.
Tu regrettes des biens qui ne te touchent plus.

Это опять навело на рядъ фазъ и указало еще на одно условіе, соединяющее физіологическое состояніе съ душевными способностями. Наконецъ, изученіе сравнительной зоологіи способствовало, съ своей стороны, къ уясненію идей. Для отклоненія неизбѣжнаго доказательства, которое выходитъ изъ нравственной и умственной натуры животныхъ, надо было принять не меньше, какъ знаменитую гипотезу Декарта, видѣвшаго въ животныхъ только чистыя машины. Конечно, въ этомъ случаѣ, выводъ падаетъ: отъ животнаго къ человѣку нельзя сдѣлать никакой посылки. Но гипотеза Декарта слишкомъ рѣзко противорѣчила здравому смыслу и не могла оказать сильнаго вліянія. Во имя здраваго смысла Лафонтенъ возразилъ на нее:

L'animal se sent agité
De mouvemens que le vulgaire appelle
Tristesse, joie, amour, plaisir, douleur cruelle,
Ou quelque autre de ces états.
Mais ce n'est point cela, ne vous y trompez pas.
Qu'est-ce donc? Une montre. Et nous? C'est autre chose.

И въ другомъ мѣстѣ:

Qu'on m'aille soutenir, après un tel récit,
Que les bêtes n'ont point d'esprit.
Pour moi, si j'en étais le maître,

Digitized by Google

Je leur en donnerais aussi bien qu'aux enfans.
Ceux-ci pensent-ils pas dès leurs plus jeunes ans?
Quelqu'un peut donc penser, ne se pouvant connaître.

Не стоило бы и упоминать о гипотезѣ Декарта, если бы она не свидѣтельствовала, на какое страшное усиліе рѣшился великій философъ, чтобы ускользнуть отъ невольнаго убѣжденія, раждающагося при взглядѣ на животную натуру. Надо, однакоже, возвратиться къ дѣйствительности и изслѣдовать способности животныхъ и ихъ нервную организацію. Патологія показала отношеніе между поврежденіемъ органа и разстройствомъ отправленія; возрасты показали, какъ способности развертываются изъ нѣдра зародышной ячейки и постепенно достигаютъ полнаго развитія; такъ точно и цѣпь существъ показываетъ, какъ растетъ и распространяется животная природа вмѣстѣ съ организаціею. Если къ лѣстницѣ животныхъ приложить начало, принятое тѣми, которымъ было угодно отдѣлить человѣка въ особую категорію, то нѣтъ никакой причины не надѣлать изъ нея Богъ знаетъ сколько отдѣльныхъ кусковъ. Отрицая, что общія части составляютъ связь, вы отдѣлите, напримѣръ, рыбу отъ млекопитающаго. Дѣйствительно, въ рыбѣ натура очень груба: потребность питанія и столько смышлености, чтобы удовлетворить этой потребности — вотъ и все. Самая потребность воспроизведенія у нихъ не влечетъ за собою тѣхъ слѣдствій, какъ у другихъ существъ: дѣти вылупляются изъ яицъ, снесенныхъ въ удобномъ мѣстѣ, безъ всякаго со стороны родителей сознанія и заботливости. Если сравнить эту грубую, безстрастную натуру съ млекопитающимъ, съ собакою — какая разница! Любовь къ дѣтямъ, стараніе воспитать ихъ, привязанность къ господину, доходящая до безграничнаго самоотверженія, способность научаться, память, связь въ понятіяхъ. Казалось бы, что собака принадлежитъ къ совершенно другой, высшей категоріи. Нисколько; умственная и нравственная основа рыбы есть въ собакѣ, основа, опираясь на которую образовались новыя способности. Такимъ же образомъ, основныя потребности рыбы, и болѣе развитыя способности млекопитающаго находятся и въ человѣкѣ, а кромѣ того еще нѣсколько способностей, которымъ нельзя найти аналогическихъ въ нижнемъ концѣ живой лѣстницы. Прибавимъ еще, что и устройство мозга его имѣетъ свои особенности, которымъ нѣтъ ничего подобнаго у остальныхъ животныхъ.

Когда элементы ученія были такимъ образомъ собраны, и сблизились, слѣдуя всѣ одному и тому же направленію, одинъ знаменитый человѣкъ взялся вывести изъ нихъ всѣ слѣдствія. Галль оказалъ

Digitized by Google

важную услугу физіологіи мозга, помѣстивъ въ него не только всѣ способности, но и всѣ инстинкты и страсти. Очень древнее ученіе, защитникомъ котораго былъ Аристотель, приписывало разныя отправленія чувствъ другимъ органамъ. Часть нравственности удѣляли груди и животу. Ничего не могло болѣе противорѣчить здравому познанію тканей и ихъ отправленій, какъ помѣстить страсти въ мышечную внутренность — сердце, и въ клѣтчатыя — печень и селезенку: это значило соединить вещи несовмѣстныя, перемѣшать свойства, сдѣлать въ физіологіи такую же ошибку, какую дѣлали въ естественной исторіи живописцы и поэты, помѣщая на птичьемъ туловищѣ — человѣческую голову. Въ этомъ отношеніи, Галль былъ совершенно правъ; но что касается до размѣщенія способностей въ массѣ мозга — это другой вопросъ; я могу сказать объ этомъ только то, что сказалъ о гипотезѣ Бруссэ, т. е. что это временное предположеніе, которое должно было дать извѣстное направленіе розысканіямъ и потомъ быть оправдано или опровергнуто фактами. Но факты и критика не оправдали гипотезы: мѣстныя распредѣленія Галля не выдержали испытанія. Каково бы ни было его мнѣніе о своей идеѣ, для насъ она нечто иное, какъ предположеніе, указывающее на особенный способъ изученія физіологіи мозга. Руки болѣе вѣрныя, преслѣдуя продолженіе нервовъ въ мозгу, указали уже мѣсто, гдѣ прекращается чувство, и удѣлили разумнымъ и нравственнымъ способностямъ другія части, распредѣляя такимъ образомъ мѣстность не гипотетически. Галль указалъ цѣль, но не достигъ ея. Этихъ двухъ знаменитыхъ людей, Галля и Бруссэ, такъ сильно споспѣшествовавшихъ движенію науки, можно упрекнуть только въ томъ, что они не ясно сознавали собственныя идеи и не выдали, просто и смѣло, за гипотезу то, что дѣйствительно было только гипотезой. Ученіе ихъ, если бы оно было высказано въ этомъ смыслѣ, было бы чисто сціентифическое. Предположенія, которыя можно повѣрить, всегда законны, а если они проистекаютъ, подобно гипотезамъ Галля и Бруссэ, изъ точнаго разсмотрѣнія задачи, они даютъ направленіе идеямъ и, будучи сами по себѣ безплодны, удобряютъ почву науки.

VIII. О родотвореніи.

Исторіею родотворенія оканчиваетъ г. Мюллеръ свое сочиненіе. Это отправленіе, на основаніи котораго существуетъ порода, и которое, рядомъ съ индивидуальнымъ существованіемъ, создаетъ и собирательное. Благодаря ему, *stat fortuna domus, et avi numerantur*

Digitized by Google

avorum; благодаря ему, жизнь поддерживаетъ надъ бездною времени живыя породы, какъ тяготѣніе поддерживаетъ надъ бездною пространства планетные шары. Жизнь движется во времени; дерево, какъ оно ни неподвижно на своемъ мѣстѣ, совершаетъ свое путешествіе по годамъ и вѣкамъ, и переходитъ отъ юности къ дряхлости. Время есть пространство (если можно такъ выразиться), въ которомъ дѣйствуетъ жизненная сила. Каждое индивидуальное существованіе ростетъ сначала съ неслыханною быстротою, потомъ мало по малу медленнѣе, достигаетъ меридіана, и уменьшается все быстрѣе и быстрѣе, пока не возвратится, наконецъ, къ первобытной неподвижности, описавши, такимъ образомъ, родъ параболы во времени, какъ брошенное тѣло въ пространствѣ.

Какъ ни разнообразны способы размноженія, — всѣ они сводятся на настоящее раздѣленіе, раздвоеніе. Что совершается при садкѣ древеснаго отпрыска, то происходитъ и при зарожденіи въ животномъ новаго существа. Это постоянно одно и тоже отдѣленіе живого вещества, способнаго расти сообразно съ типомъ породы. Эта черта, достойная самаго глубокаго вниманія, существенно характеризуетъ жизнь и рѣзко отличаетъ ее отъ всѣхъ прочихъ свойствъ матеріи. Организмъ одаренъ не только способностью поддерживаться до извѣстнаго срока, опредѣленнаго индивидуальными условіями, но обладаетъ также свойствомъ передавать частичкѣ самого себя, почкѣ или яичку, способность развиваться. Оплодотвореніе въ органической природѣ есть только частный случай. У растеній, и даже у нѣкоторыхъ животныхъ, почки имѣютъ способность воспроизводить типъ породы, также какъ и оплодотворенное яичко. Почка и яичко суть только первобытныя ячейки, и въ довершеніе аналогіи оба рода плодотворенія идутъ одинаково: какъ только дерево пускаетъ отпрыскъ, тотчасъ являются зародыши будущихъ почекъ, и возлѣ почекъ настоящаго года видны зачатки почекъ будущаго; подобнымъ образомъ и въ яичникѣ младенца находятся уже зародыши новаго поколѣнія.

Съ воспроизведеніемъ связана наслѣдственность, свойство важное, которое надо узнать и изслѣдовать. До сихъ поръ она не играла никакой роли въ общественныхъ отношеніяхъ; только медики подавали голосъ для объясненія нѣкоторыхъ ея слѣдствій. Дѣйствительно, предметъ этотъ мало изслѣдованъ и законы его еще не собраны. На него, не страшась, можно указать біологамъ, какъ на предметъ, достойный изученія, и безъ сомнѣнія, труды ихъ въ этомъ отношеніи не останутся безъ награды.

Наслѣдственность постоянно колеблется между двумя вліяніями: одно старается сохранить типъ породы, другое модифицировать его.

Digitized by Google

Первое есть сила, переданная зародышу организмомъ, второе — слагается изъ всѣхъ случайныхъ условій, дѣйствующихъ на недѣлимое. Положимъ, что бѣлые поселились между племенемъ черныхъ или черные между бѣлыми, и смѣшиваются посредствомъ браковъ. По прошествіи извѣстнаго, болѣе или менѣе долгаго промежутка времени чужеземцы не оставятъ и слѣда своего пребыванія, и это понятно. съ девятаго поколѣнія смѣшеніе разольется уже на 256 недѣлимыхъ, такъ что въ девятомъ поколѣніи отразится только $^1/_{255}$ часть примѣси крови негра или бѣлаго. Вотъ мѣра силы, съ которою наслѣдственное стремленіе воспроизвесть породу изглаживаетъ индивидуальныя видоизмѣненія. Отъ этого-то народъ, несмотря на примѣсь иностранцевъ, сохраняетъ свой національный характеръ, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи; по прошествіи извѣстнаго времени эти иностранцы, какой бы типъ они съ собою ни принесли, сливаются съ общей массой и дѣлаются неузнаваемы. Нужно, чтобы масса пришлецовъ была очень значительна, для образованія типа съ явными признаками смѣшенія породъ.

Съ другой стороны, смѣшеніе породъ, мѣстность, родъ пищи, занятія, словомъ тысячи условій жизни производятъ видоизмѣненія, въ свою очередь стремящіяся удержаться посредствомъ генерацій. Причина, уничтожающая ихъ, ясно показываетъ, что̀ можетъ утвердить ихъ. Смѣшиваясь, они необходимо исчезаютъ, слѣдовательно, не смѣшиваясь, они должны удержаться и сдѣлаться наконецъ постоянными. Этимъ способомъ удержали появившіяся видоизмѣненія растеній, развели барановъ и быковъ съ особенными свойствами; такъ, наконецъ, создали англійскую лошадь. Достаточно изолировать кругъ совокупленій, чтобы сохранить и утвердить общество, которое, въ противномъ случаѣ. оказалось бы только переходнымъ и исчезло бы во второмъ или третьемъ поколѣніи; а для уничтоженія его достаточно раскрыть этотъ кругъ и ввести этотъ родъ чуждаго племени въ нѣдра остальнаго народонаселенія; онъ скоро смѣшается, и слѣды его совершенно исчезнутъ, потому-что человѣкъ только съ великимъ трудомъ сохраняетъ созданное его индустріей противъ сильныхъ стремленій общихъ дѣятелей, всегда готовыхъ взять верхъ. Виргилій превосходно сравнилъ это положеніе съ положеніемъ лодочника, плывущаго противъ теченія рѣки: едва онъ уменьшитъ или оставитъ трудъ — волна отнесетъ назадъ его лодку.

Въ патологіи наслѣдственность передастъ болѣзненныя расположенія, и отъ этого-то столько болѣзней переходитъ отъ родителей къ дѣтямъ. Одно изъ самыхъ печальныхъ зрѣлищъ представляютъ малютки, родившіеся только для того, чтобы сдѣлаться добычею ранъ, искривленій и тысячи мученій, неразлучныхъ съ наслѣдственною

Digitized by Google

чахоткою и золотухою. При видѣ человѣческой жестокости, которая простирается даже на дѣтей, авторъ *Фарсалы* воскликнулъ: *Crimine quo parvi cœdem potuere mereri;* и за нимъ гармоническое эхо повторило:

Hélas! Si jeune encore,
Par quel crime ai-je pu mériter mon malheur?

Тщетный вопросъ, безполезная жалоба! Законъ сочетаній, управляющихъ сродствомъ органическихъ тѣлъ, таковъ, что вліяніе худой пищи, влажнаго жилища, усиленнаго труда, а иногда и неизвѣстныя условія развиваютъ въ родителяхъ чахотку и золотуху. Отсюда проистекаютъ страданія дѣтей; вотъ *преступленіе*, за которое они расплачиваются краткимъ и болѣзненнымъ существованіемъ. Незнаніе въ этомъ случаѣ такъ велико, что противъ этой опасности, безпрестанно угрожающей семейству, не принято никакой предосторожности. Ни общественныя постановленія, ни частная предусмотрительность не стараются отвратить это зло Я знаю, чего требуетъ человѣческое чувство, знаю, что подобный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ съ чисто медицинской точки зрѣнія. Но когда посмотришь, какую важную роль играютъ въ союзахъ денежные интересы, можно думать, что еще важнѣйшіе интересы, напр. здоровье, обратили бы на себя не меньшее вниманіе, если бы лучше были нами оцѣнены неумолимые законы наслѣдственности.

Наслѣдственная передача пріобрѣтенныхъ способностей есть фактъ, поясняющій вопросъ о племенахъ человѣка. Обнявши однимъ взоромъ всю общность исторіи племенъ, мы не видимъ никакой причины отвергать общее для всѣхъ развитіе посредствомъ наслѣдственности, потому-что, если разобрать, такъ бѣлыя поколѣнія достигли своей цивилизаціи чрезъ наслѣдственность. Было время, даже не очень давно, когда предки Нѣмцевъ, Французовъ и Англичанъ жили въ полудикомъ состояніи. Долго ли продолжалось это состояніе? исторія этого не говоритъ; но безъ сомнѣнія, протекло много вѣковъ, когда ничто не измѣняло однообразія ихъ быта и монотонности первобытныхъ лѣсовъ. Масса народовъ, разсыпанная отъ Волги до Альповъ, Пиренеевъ и британскихъ острововъ, оставалась недвижимою цѣлыя тысячелѣтія; и, можетъ быть, друиды и до сихъ поръ приносили бы въ жертву людей и срѣзывали бы съ торжествомъ священную вѣтвь въ шартрскихъ лѣсахъ, если бы завоеванія Римлянъ не измѣнили будущей судьбы этихъ народовъ. Впрочемъ, переходъ произошелъ не вдругъ. Необходимы были вѣка для преобразованія Галловъ и Бретоновъ въ Римлянъ, и когда Германцы

Digitized by Google

вторглись въ имперію, опять прошли вѣка, прежде нежели они вошли въ цивилизованную жизнь. Дикія племена Новаго Свѣта и Океаніи долго противились попыткамъ оцивилизировать ихъ, и только исподоволь пріобрѣли способность усвоивать общія и отвлеченныя идеи; Негры въ европейскихъ владѣніяхъ начинаютъ (а въ какихъ обстоятельствахъ воспитались они!) возвышаться на лѣстницѣ человѣчности, и основанная ими республика идетъ хотя и не хорошо, однакожъ и не хуже какого нибудь государства Новаго Свѣта. Аристотель говорилъ, двадцать два вѣка тому назадъ, что есть націи, которыхъ назначеніе — доставлять изъ своей среды рабовъ, потому-что онѣ лишены высшихъ свойствъ, дѣлающихъ человѣка способнымъ управлять самимъ собою. Эти націи, по его мнѣнію, отъ природы рабскія, были Скиѳы и Кельты, т. е. предки націй, теперь самыхъ развитыхъ. Время уничтожило приговоръ наставника александрова, и уже разрушаетъ приговоръ другихъ, осудившихъ другія націи на безусловную неспособность къ развитію.

IX. Заключеніе.

Матерія, одаренная особенною силою, жизнью; способная питаться, воспроизводиться и чувствовать; питающаяся посредствомъ одинаковаго механизма на всѣхъ ступеняхъ живой лѣстницы, т. е. посредствомъ ячейки, способной поглощать, измѣнять и извергать разные элементы; воспроизводящаяся, также на всей лѣстницѣ, аналогическимъ образомъ, посредствомъ отдѣленія дѣтеныша отъ матери; чувствующая и движущаяся, исключительно въ животныхъ, посредствомъ двухъ тканей, нервной и мышечной фибры; развивающаяся въ послѣдовательной сложности отъ растенія до человѣка; подчиненная, въ этой длинной цѣпи, условіямъ устройства, связывающимъ растеніе съ животнымъ и низшее животное съ высшимъ; переходящая по лѣстницѣ жизни отъ самой темной и простой до самой сложной организаціи, а по лѣстницѣ возрастовъ отъ яичка, въ которомъ все безразлично, до зрѣлости, гдѣ все развито, и наконецъ, до старости и смерти; дѣйствующая только сообразно законамъ, проистекающимъ изъ жизненной силы и силы составныхъ элементовъ; раздвигающая кругъ своей дѣятельности тѣмъ шире, чѣмъ сложнѣе организмъ; но за то подверженная, по мѣрѣ этой самой сложности, болѣзнямъ и разстройствамъ; многоизмѣняемая по причинѣ множества входящихъ въ нее составныхъ частей; носящая на себѣ отпечатокъ климата, воздуха, воды, почвы, возвышенія надъ уровнемъ моря, и можно бы даже сказать, самой планеты, если бы

Digitized by Google

мы могли распространить сравненіе до другихъ небесныхъ тѣлъ; — вотъ общность предмета біологіи.

У всякой науки есть искусства, зависящія отъ нея и не могущія обойтись безъ ея знанія. Отъ біологіи зависятъ: во первыхъ, медицина; во вторыхъ, ветеринарное искусство, которое, будучи хорошо обработано, должно быть важною помощью для медицины по причинѣ удобности производить опыты; въ третьихъ, земледѣліе, скотоводство, лѣсоводство, садоводство почерпаютъ изъ нея свои существенныя начала. Кромѣ того, г. Контъ доказалъ, что біологія для соціяльной науки тоже, что химія для самой біологіи: она доставляетъ ей начала и условія. Я самъ, въ теченіи этого труда, старался кое-гдѣ указать на нѣсколько существенныхъ пунктовъ ихъ взаимной зависимости. Соціяльная наука не можетъ существовать безъ истиннаго и глубокаго знанія существа человѣка, его необходимыхъ стремленій, открытыхъ и закрытыхъ для него путей. Объ эти-то основныя данныя, часто незнаемыя, разбилось все, что было неосуществимаго въ каждой политической системѣ.

Итакъ — вотъ обширная область физіологіи! Безъ сомнѣнія, когда нѣкоторые, изъ чисто инстинктивнаго любопытства, отважились бросить взглядъ на организацію животныхъ и начали изъяснять результаты своихъ наблюденій, не легко было предвидѣть, что съ этими, по видимому, пустыми и безполезными изслѣдованіями связаны такіе великіе интересы. Это важный урокъ исторіи; это доказываетъ, что истину всегда должно изслѣдовать ради самой истины, и что никто не можетъ предвидѣть пользы, которую это принесетъ. Это да будетъ сказано для тѣхъ, которые преимущественно заботятся о приложеніи, ибо, дѣйствительно, врожденное стремленіе, доказанное вѣрнымъ изслѣдованіемъ физіологіи мозга, влечетъ людей къ узнанію истины ради ея самой, безъ всякой мысли о пользѣ, и составляетъ источникъ, изъ котораго вытекли науки.

Сцѣпленіе біологическихъ законовъ, даже происходящія отъ нихъ искусства, возможность навѣрное измѣнять организмы, все это окончательно разрушило ученіе конечныхъ причинъ, которое, будучи изгнано изъ другихъ наукъ, долго держалось за организмъ живыхъ тѣлъ. Не будемъ же говорить о смѣшныхъ иногда изъясненіяхъ, въ которыя завлекало оно умныхъ людей, какъ напримѣръ. одинъ извѣстный физіологъ XVII-го вѣка восхваляетъ натуру за то, что литотомія можетъ быть произведена безъ совершеннаго упадка силъ больного; натура гораздо больше заслужила бы похвалы, если бы устроила все такъ, чтобы вовсе не нужно было дѣлать такую мучительную операцію. Еще разъ, оставимъ въ покоѣ это прошедшее. Одна изъ великихъ заслугъ положительной науки состоитъ въ

Digitized by Google

изгнанія отсюду этихъ вымышленныхъ цѣлей природы и замѣненія гипотезъ фактами.

Какъ скоро пріобрѣтено это основное знаніе и поняты всѣ силы, движущія нашъ міръ, точка зрѣнія измѣняется, прежній страхъ и прежнее удивленіе исчезаютъ, и мы обсуживаемъ окружающія насъ явленія. Критика можетъ тогда перейти отъ дѣлъ и идей человѣка къ построенію самого міра. Конечно, съ извѣстной точки зрѣнія, все равно такъ ли или иначе устроены вещи, и когда земля дрожитъ, поглощаетъ города, выбрасываетъ горящую лаву и отодвигаетъ море, тутъ происходитъ просто борьба теплорода, упругости газовъ и тяжести; но критика потому-то именно и не можетъ вмѣшиваться въ устройство этихъ вещей, что онѣ происходятъ такимъ образомъ. То, что случилось на версальской или сентъ-этьеннской желѣзной дорогѣ, безпрерывно повторяется при столкновеніи міровыхъ силъ. Воды мало, паръ уходитъ, желѣзная полоса лопается, вагонъ выскакиваетъ изъ рейльсовъ, локомотивы сталкиваются, начинается пожаръ, пассажиры разбиты или сожжены. Все это, конечно, необходимое дѣйствіе свойствъ матеріи. Всякое возмущеніе въ системѣ показываетъ,что тутъ дѣйствуютъ не высшія цѣли, а свойства матеріи; система міра полна такихъ возмущеній, и они тѣмъ многочисленнѣе и важнѣе, чѣмъ сложнѣе дѣятели. Такимъ образомъ, измѣненія и неправильности, мало значащія въ небесныхъ тѣлахъ, достигаютъ высшей точки въ организаціи животныхъ. Все заключается въ условіяхъ, которымъ подчинены вещи. Просидите нѣсколько времени на берегу моря, вы увидите, какъ подымется волна, какъ вода взбѣжитъ на берегъ, какъ зашевелятся камешки, закипитъ легкая пѣна, и все это отъ дѣйствія освѣжающаго вѣтра; такъ, углубясь въ мысли, можно созерцать и вѣчное волненіе существованій отъ натиска элементарныхъ силъ.

Безъ сомнѣнія, также смѣшно стараться омрачить картину положенія человѣка, какъ и удивляться благости природы. Солнце сіяетъ и грѣетъ, земля зеленѣетъ, и когда мы сходимъ съ нею на встрѣчу вечера, когда надъ нами разстилается темная ночь и всегда новая, звѣздная сцена, — наблюдательный умъ приходитъ въ восторгъ. Но тоже солнце жжетъ и сушитъ; почва песчана и безплодна, и наша блуждающая планета движется по косвенному пути, мало защищенная, какъ доказываютъ полярныя страны, своею атмосферой и солнцемъ отъ 60 градуснаго холода, царствующаго въ междупланетномъ пространствѣ. При такомъ положеніи дѣлъ, главное: узнать условія міра, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, покоряться имъ, ослаблять ихъ или употреблять въ свою пользу. Біологія участвуетъ въ этомъ дѣлѣ; она разсѣиваетъ много заблужденій и уничтожаетъ много со-

Digitized by Google

фазмовъ. Доказывая ложность теоріи чувствъ XVIII вѣка, она показываетъ также и ложность теоріи интересовъ. Человѣкъ носитъ въ себѣ врожденныя нравственныя расположенія, управляющія общностью его поведенія. Они-то, инстинктивныя и безсознательныя, сами собою основали и поддерживали прошедшія общества, они же, улучшившись въ теченіи исторіи, порукою за нынѣшнее общество, несмотря на сумятицу умовъ и разрушеніе всѣхъ старыхъ началъ. Оканчивая этимъ замѣчаніемъ, я не отклоняюсь отъ своею предмета, потому-что главная цѣль этой статьи была — указать на философскую важность біологіи.

Digitized by Google

III.

Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями Николая Гоголя. *Спб. 1847.*

Это едвали не самая странная и не самая поучительная книга, какая когда-либо появлялась на русскомъ языкѣ! Безпристрастный читатель, съ одной стороны, найдетъ въ ней жестокій ударъ человѣческой гордости, а съ другой стороны, обогатится любопытными психологическими фактами касательно бѣдной человѣческой природы... Впрочемъ, нисколько не правъ будетъ тотъ, кемъ, при чтеніи этой книги, попеременно стали бы овладѣвать то жестокая грусть, то злая радость, — грусть о томъ, что и человѣкъ съ огромнымъ талантомъ можетъ падать также, какъ и самый дюжинный человѣкъ, радость отъ-того, что все ложное, натянутое, неестественное никогда не можетъ замаскироваться, но всегда безпощадно казнится собственною же пошлостію... Смыслъ этой книги не до такой степени печаленъ. Тутъ дѣло идетъ только объ искусствѣ, и самое худшее въ немъ — потеря человѣка для искусства...

Сколько книгъ является съ эпиграфами, которые нисколько къ нимъ не идутъ и ничего въ нихъ не поясняютъ, и сколько эпиграфовъ такъ и просятся въ эту книгу, которая явилась безъ всякаго эпиграфа! Напримѣръ, какъ бы шелъ къ ней этотъ эпиграфъ: *Суета суетъ и всяческая суета!* или этотъ: *Du sublime au ridicul il n'y a qu'un pas!*... Но не будемъ говорить о томъ, чего въ ней нѣтъ, а обратимся къ тому, что въ ней есть... Изъ предисловія узнаемъ мы, что авторъ былъ боленъ при смерти и написалъ-было завѣщаніе. Все это очень обыкновенно и со всякимъ случиться можетъ. Но вотъ что

Digitized by Google

вовсе необыкновенно и чего доселѣ еще ни съ кѣмъ изъ частныхъ лицъ не случалось. Завѣщаніе Н. В. Гоголя, напечатанное въ книгѣ вполнѣ, не заключаетъ въ себѣ никакихъ семейныхъ подробностей, которыя, разумѣется, и не шли бы въ печать, но все состоитъ изъ интимной бесѣды автора съ Россіею... То есть: авторъ говоритъ и наказываетъ, а Россія его слушаетъ и обѣщаетъ выполнить... Тутъ, между прочимъ, говорится, какъ о вѣнцѣ твореній Гоголя, о какой-то *Прощальной Повѣсти*, написанной имъ въ назиданіе, поученіе и услажденіе высокихъ душъ... Потомъ объявляется, что авторъ сжегъ всѣ свои сочиненія, бывшія у него въ рукописяхъ, какъ безполезныя... Вмѣсто этого проситъ онъ друзей своихъ издать его письма съ 1844 года для пользы тоже высокихъ душъ.... Но вотъ конецъ завѣщанія въ подлинныхъ словахъ:

«VII. Завѣщаю.... но я вспомнилъ, что уже не могу этимъ располагать. Неосмотрительнымъ образомъ похищено у меня право собственности: безъ моей воли и позволенія опубликованъ мой портретъ. По многимъ причинамъ, которыя мнѣ объявлять не нужно, я не хотѣлъ этого, не продавалъ никому права на его публичное изданіе, и отказывалъ всѣмъ книгопродавцамъ, доселѣ приступавшимъ ко мнѣ съ предложеніемъ, и только въ такомъ случаѣ предполагалъ себѣ это позволить, еслибы помогъ мнѣ Богъ совершить тотъ трудъ, которымъ мысль моя была занята во всю жизнь мою, и притомъ такъ совершить его, чтобы всѣ мои соотечественники сказали въ одинъ голосъ, что я честно исполнилъ свое дѣло, и даже пожелали бы узнать черты лица того человѣка, который до времени работалъ въ тишинѣ и не хотѣлъ пользоваться незаслуженной извѣстностью. Съ этимъ соединялось другое обстоятельство: *портретъ мой въ такомъ случаѣ могъ распродаться вдругъ во множествѣ экземпляровъ, принесъ значительный доходъ тому художнику, который долженъ былъ гравировать его.* Художникъ этотъ уже нѣсколько лѣтъ трудится въ Римѣ надъ гравированіемъ безсмертной картины Рафаэля: Преображеніе Господне. Онъ всѣмъ пожертвовалъ для труда своего, труда убійственнаго, пожирающаго годы и здоровье, и съ такимъ совершенствомъ исполнилъ свое дѣло, подходящее нынѣ къ концу, съ какимъ не исполнялъ еще ни одинъ изъ граверовъ. Но, по причинѣ высокой цѣны и малаго числа знатоковъ, эстампъ его не можетъ разойтись въ такомъ количествѣ, чтобы вознаградить его за все; мой портретъ ему помогъ бы. Теперь планъ мой разрушенъ: разъ опубликованное изображеніе кого бы то ни было дѣлается уже собственностью каждаго, занимающагося изданіями гравюръ и литографій. Но еслибы случилось такъ, что, послѣ моей смерти, письма послѣ меня изданныя доставили бы какую-нибудь общественную пользу (хоть бы даже однимъ только чистосердечнымъ стремленіемъ ее доставить), и пожелали бы мои соотечественники увидѣть и портретъ мой, то я прошу всѣхъ таковыхъ издателей бла-

Digitized by Google

городно отказаться отъ своего права; тѣхъ же моихъ читателей, которые по излишней благосклонности ко всему, что̀ ни пользуется извѣстностію, завели у себя какой-нибудь портретъ мой, прошу уничтожить его тутъ же по прочтеніи сихъ строкъ, тѣмъ болѣе, что онъ сдѣланъ дурно и безъ сходства, и покупать только тотъ, на которомъ будетъ выставлено: гравировалъ Іордановъ. Симъ будетъ сдѣлано по крайней мѣрѣ справедливое дѣло. А еще будетъ справедливѣй, если тѣ, которые имѣютъ достатокъ, станутъ вмѣсто портрета моего покупать самый эстампъ Преображенія Господня, который, по признанію даже чужеземцевъ, есть вѣнецъ гравировальнаго дѣла и составляетъ славу русскую.

Завѣщаніе мое немедленно по смерти моей должно быть напечатано во всѣхъ журналахъ и вѣдомостяхъ, дабы, по случаю невѣдѣнія его, никто не сдѣлался передо мною невинно-виноватымъ, и тѣмъ бы не нанесъ упрека на свою душу.»

Изданную теперь книгу *Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями* г. Гоголь проситъ своихъ соотечественниковъ прочитать нѣсколько разъ, а достаточныхъ изъ нихъ проситъ онъ покупать ее по нѣскольку экземпляровъ для раздачи тѣмъ, которые сами купить ее не въ состояніи (стр. 3) ... Собираясь въ Сирію, на поклоненіе святымъ мѣстамъ, проситъ онъ прощенія у всѣхъ, передъ которыми виноватъ, равно какъ и у тѣхъ, передъ которыми не виноватъ.... Въ особенности сознаетъ онъ, что въ его обхожденіи съ людьми всегда было много непріятно-отталкивающаго. «Отчасти это происходило «(говоритъ онъ) оттого, что я избѣгалъ встрѣчъ и знакомствъ, чув«ствуя, что не могу еще произнести умнаго и нужнаго слова чело«вѣку (пустыхъ же и ненужныхъ словъ мнѣ произносить не хотѣ«лось), и будучи въ тоже время убѣжденъ, что по причинѣ безчи«сленнаго множества моихъ недостатковъ, мнѣ было необходимо «хотя немного воспитать самого себя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ «людей. *Отчасти же это происходило и отъ мелочного самолю«бія, свойственнаго только такимъ изъ насъ, которые изъ грязи «пробрались въ люди и считаютъ себя въ правѣ спѣсиво глядѣть на «другихъ»* (стр. 4—5).

За предисловіемъ и завѣщаніемъ слѣдуютъ письма. Въ этихъ письмахъ авторъ изображаетъ себя какъ бы прозрѣвшимъ вслѣдствіе своей болѣзни, исполнившимся духа любви, кротости и, въ особенности, смиренія... Содержаніе ихъ совершенно соотвѣтствуетъ такому духу: это не письма, это скорѣе строгія и иногда грозныя увѣщанія учителя ученикамъ.... Онъ поучаетъ, наставляетъ, совѣтуетъ, уличаетъ, упрекаетъ, прощаетъ, и т. д. Къ нему всѣ обращаются съ вопросами, и онъ никого не оставляетъ безъ отвѣта. Онъ самъ говоритъ: «Все

Digitized by Google

«какимъ-то инстинктомъ обращалось ко мнѣ, требуя помощи и со-«вѣта». Тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ: «Въ послѣднее время мнѣ «случалось даже получать письма отъ людей, мнѣ почти вовсе незна-«комыхъ, и давать на нихъ отвѣты такіе, какихъ бы я не съумѣлъ «дать прежде. А между прочимъ (?) я ничуть не умнѣе никого» (стр. 121—122). За тѣмъ слѣдуетъ объясненіе, что эта мудрость произошла отъ болѣзни. Въ другомъ письмѣ, давая пріятелю совѣтъ по части хозяйства, авторъ говоритъ: «только раскуси его хорошенько, «и не будешь въ накладѣ; два человѣка уже благодарятъ меня, одинъ «изъ нихъ тебѣ знакомый К** (стр. 159)». Видите ли: онъ самъ сознаетъ себя чѣмъ-то въ родѣ curé du village, или даже и папы своего маленькаго католическаго міра.... Послушаемъ же его совѣтовъ и подивимся имъ....

Говоря въ письмѣ къ одной дамѣ о значеніи женщины въ свѣтѣ, авторъ открываетъ намъ главную причину лихоимства въ Россіи. Найти причину зла — почти тоже, что найти противъ него лекарство. И авторъ «Переписки» нашелъ его... Слушайте: главная причина взяточничества чиновниковъ происходитъ «отъ расточительности ихъ женъ, которыя такъ жадничаютъ блистать въ свѣтѣ, большомъ и маломъ, и требуютъ на то денегъ отъ мужей» (стр. 17).... Признаемся: мы были сильно поражены этимъ страннымъ открытіемъ.... Мы, однакожъ, не остановились на этомъ, но пошли дальше: думая да думая, мы надумались, что оно, конечно, хорошо, если чиновницы перестанутъ щеголять и блистать въ свѣтѣ, но что еще будетъ лучше, если онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, навсегда оставятъ дурную привычку — поутру и вечеромъ пить чай или кофе, а въ полдень обѣдать, равно какъ и другую не менѣе дурную привычку прикрывать наготу свою чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ рогожи или самой дешевой парусины... Тогда бы имъ вовсе не для чего было просить у мужей денегъ, а мужьямъ вовсе не для чего было бы брать даже жалованье, не только взятки... Исправленіе нравовъ было бы всесовершенное.... Съ этимъ могутъ не согласиться только такъ называемые практическіе люди, которые все понимаютъ не вдохновеніемъ, а здравымъ смысломъ да опытностью.... Они могутъ сказать, что до Петра Великаго у насъ не было модъ и женщины сидѣли взаперти, а взяточничество было, да еще въ несравненно-сильнѣйшей степени, чѣмъ теперь.... Пожалуй, они могутъ еще сказать, что, хорошо зная человѣческую натуру и ея слабости, они считаютъ рѣшительно невозможнымъ, чтобы у однихъ уничтожить желаніе блистать, когда другіе, по своимъ средствамъ, согласятся скорѣе умереть, нежели перестать блистать; и что если равенство въ средствахъ есть неосуществимая мечта, то никакія «переписки» въ мірѣ не убѣдятъ никакого Ира не

Digitized by Google

желать быть Крезомъ, или не завидовать ему, ибо это внѣ природы человѣческой, а немногія и рѣдкія исключенія тутъ ровно ничего не значатъ. Но мало ли чего могутъ наговорить практическіе люди, да что ихъ слушать! Вѣдь они черпаютъ свои мысли въ разумѣ, разсудкѣ, опытѣ и знаніи — источникахъ мірскихъ, свѣтскихъ и грѣховныхъ!... Эти люди, пожалуй, скажутъ вамъ, что только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ обитать здоровая душа, что только не страждущій никакимъ разстройствомъ мозгъ можетъ правильно мыслить.... Заткните уши отъ такихъ вольнодумныхъ мыслей и *плюньте* (любимое выраженіе автора «Переписки») на проповѣдниковъ такой ереси; вотъ что говоритъ объ этомъ нашъ авторъ: «О, какъ нужны намъ «недуги! изъ множества пользъ, которыя я уже извлекъ изъ нихъ, «укажу вамъ только на одну: не будь этихъ недуговъ, я бы зазнался, что сталъ уже такимъ, какимъ слѣдуетъ мнѣ быть. Не говорю «уже о томъ, что самое *здоровье*, *которое безпрестанно подталкиваетъ русскаго человѣка на какіе-то прыжки и желаніе порисоваться своими качествами передъ другими*, заставило бы меня надѣлать уже тысячу глупостей. Притомъ, нынѣ, въ мои свѣжія минуты, которыя даетъ мнѣ милость небесная, и среди самыхъ страданій иногда приходятъ ко мнѣ мысли, несравненно лучшія прежнихъ, *и я вижу самъ, что теперь все, что̀ ни выйдетъ изъ-подъ пера моего, будетъ значительнѣе прежняго*» (стр. 26). Теперь неоспоримо, какъ $2 \times 2 = 4$, что нездоровье лучше здоровья: въ здоровьи человѣкъ, особенно русскій, любитъ рисоваться и заноситься, а въ болѣзни онъ ясно видитъ, что прежде онъ дѣлалъ однѣ глупости, а вотъ теперь-то за умъ хватился и сталъ молодецъ хоть куда! Онъ ужь тутъ самъ видитъ, что онъ и пишетъ лучше прежняго, и если весь свѣтъ видитъ это дѣло совершенно наоборотъ, можно *плюнуть* на весь свѣтъ, брешетъ – молъ ты, дуракъ!... Вы думаете, что съ свѣтомъ, даже съ большимъ, нельзя такъ говорить? По крайней мѣрѣ, въ *Выбранныхъ мѣстахъ изъ дружеской переписки* свѣтскіе люди иначе не называются, какъ *глупыми умниками* (стр. 149). Вообще, замѣтимъ кстати, обращеніе нашего смиренномудраго совѣтодателя какъ съ своими адептами, такъ и съ людьми, никогда его не знавшими, отличается немножко черезчуръ восточною откровенностію. «Критика (у него) устала и запуталась отъ разборовъ загадочныхъ произведеній новѣйшей литературы, съ горя бросилась въ «сторону и, уклонившись отъ вопросовъ литературныхъ, *понесла* «*дичь*» (стр. 51). Вотъ, чтобы помочь этому горю и направить критику на истинный путь, онъ и написалъ свою превосходную критическую статью *Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ*, — статью, въ которой, разумѣется, дичи не было нисколько.... Но вотъ черта

Digitized by Google

еще лучше: «Какъ *глупы* нѣмецкіе умники, выдумавшіе, будто Гомеръ миѳъ, а всѣ творенія его — народныя пѣсни и рапсодіи» (стр. 50). Сколько мы помнимъ, главнымъ поборникомъ этого мнѣнія былъ профессоръ Вольфъ, человѣкъ, конечно, не геніальный, но весьма ученый и совсѣмъ не дуракъ.... Но вотъ бѣда: это мнѣніе раздѣлялъ и Гёте, который хотя былъ и Нѣмецъ, но дуракомъ ни въ чьихъ глазахъ, никогда еще не былъ.... Что скажутъ о насъ Нѣмцы, если узнаютъ, что ихъ Гёте былъ не болѣе, какъ — дуракъ!... А между тѣмъ, воля ваша, а вѣдь оно должно быть такъ, потому-что нашъ авторъ не знаетъ ни греческаго языка, столь знакомаго Вольфу и Гёте, да едва ли знаетъ и по нѣмецки-то, сверхъ того, онъ судитъ не по разуму, не по знанію, а по вдохновенію: изъ всего этого слѣдуетъ, что онъ правъ и что Гёте дѣйствительно дуракъ.... Нѣтъ, это дѣло рѣшеное — Гёте дуракъ! Да и что тутъ чиниться съ какими нибудь Нѣмцами!... Но вотъ особенно интересное сужденіе автора о славянофилахъ, отличающееся всѣмъ достоинствомъ его патріархальной откровенности:

«Споры о нашихъ европейскихъ и славянскихъ началахъ, которые, какъ ты говоришь, пробираются уже въ гостиныя, показываютъ только то, что мы начинаемъ просыпаться, но еще не вполнѣ проснулись; а потому не мудрено, что съ обѣихъ сторонъ наговаривается весьма много дичи. Всѣ эти Славянисты и Европисты — или же старовѣры и нововѣры, или же восточники и западники, а что они въ самомъ дѣлѣ, не умѣю сказать, потому-что покамѣстъ они мнѣ кажутся только карикатурами на то, чѣмъ хотятъ быть. Всѣ они говорятъ о двухъ разныхъ сторонахъ одного и того же предмета, никакъ не догадываясь, что ничуть не спорятъ и не поперечатъ другъ другу. Одинъ подошелъ слишкомъ близко къ строенію, такъ, что видитъ одну часть его; другой отошелъ отъ него слишкомъ далеко, такъ, что видитъ весь фасадъ, но по частямъ не видитъ. Разумѣется, правды больше на сторонѣ Славянистовъ и Восточниковъ, потому-что они все-таки видятъ весь фасадъ и, стало быть, все-таки говорятъ о главномъ, а не о частяхъ. Но и на сторонѣ Европистовъ и Западниковъ тоже есть правда, потому-что они говорятъ довольно подробно и отчетливо о той стѣнѣ, которая стоитъ передъ ихъ глазами; вина ихъ въ томъ только, что изъ-за карниза, вѣнчающаго эту стѣну, не видится имъ верхушка всего строенія, то есть, глава, куполъ и все, что ни есть въ вышинѣ. Можно бы посовѣтовать обоимъ — одному попробовать, хотя на время, подойти ближе, а другому отступиться немного подалѣе. Но на это они не согласятся, потому-что духъ гордости обуялъ обоими. Всякій изъ нихъ увѣренъ, что онъ окончательно и положительно правъ, и что другой окончательно и положительно лжетъ. Кичливости больше на сторонѣ Славянистовъ: *они хвастуны; изъ нихъ каждый воображаетъ о себѣ, что онъ открылъ Америку, и найденное*

Digitized by Google

имъ зернышко раздуваетъ въ рѣку. Разумѣется, что такимъ *строптивымъ хвастовствомъ* вооружаютъ они еще болѣе противу себя Европистовъ, которые давно бы готовы были отъ многаго отступиться, потому-что и сами начинаютъ слышать многое, прежде неслышанное, но упорствуютъ, не желая уступить слишкомъ расковырявшемуся человѣку.»

А въ другомъ мѣстѣ вотъ что говоритъ авторъ о томъ же предметѣ:

«Многіе у насъ уже и теперь, особенно между молодежью, стали хвастаться не въ мѣру русскими доблестями, и думаютъ вовсе не о томъ, чтобы ихъ углубить и воспитать въ себѣ, но чтобы выставить ихъ напоказъ и сказать Европѣ: «смотрите, Нѣмцы: мы лучше васъ!» Это хвастовство — губитель всего. Оно раздражаетъ другихъ и наноситъ вредъ самому хвастуну. Наилучшее дѣло можно превратить въ грязь, если только имъ похвалишься и похвастаешь. А у насъ, еще не сдѣлавши дѣла, имъ хвастаются! Хвастаются будущимъ! Нѣтъ, по мнѣ, уже лучше временное уныніе и тоска отъ самого себя, нежели самонадѣянность въ себѣ.»

Но мы начали рѣчь о совѣтахъ, которыми авторъ надѣляетъ своихъ адептовъ; надо кончить эту интересную матерію. Одинъ изъ пріятелей автора посягнулъ на дѣло неслыханной дерзости: онъ рѣшился сказать автору письменно, что, по его мнѣнію, теперь-де самое время для выпуска второй части *Мертвыхъ Душъ*.... Подобная дерзость не могла не подѣйствовать нѣсколько мутно на смиреніе нашего автора, — и онъ разразился слѣдующимъ громовымъ отвѣтомъ неосторожному смѣльчаку:

«Вотъ, еслибы ты, вмѣсто того, чтобы предлагать мнѣ пустые запросы (которыми напичкалъ половину письма своего и которые ни къ чему не ведутъ, кромѣ удовлетворенія какого-то празднаго любопытства), собралъ всѣ дѣльныя замѣчанія на мою книгу, какъ свои, такъ и другихъ умныхъ людей, занятыхъ, подобно тебѣ, жизнію опытною и дѣльною, да присоединилъ бы къ этому множество событій и анекдотовъ, какіе ни случались въ околодкѣ вашемъ и во всей губерніи, въ подтвержденіе, или въ опроверженіе всякаго дѣла въ моей книгѣ, какихъ можно бы десятками прибрать на всякую страницу; тогда бы ты сдѣлалъ доброе дѣло, и я бы сказалъ тебѣ мое крѣпкое спасибо. Какъ бы отъ этого раздвинулся мой кругозоръ! Какъ бы освѣжилась моя голова, и какъ бы успѣшнѣе пошло мое дѣло! Но того, о чемъ я прошу, никто не исполняетъ; моихъ запросовъ никто не считаетъ важными, а только уважаетъ свои; а иной даже требуетъ отъ меня какой-то искренности и откровенности, не понимая самъ, чего онъ требуетъ. И къ чему это пустое любопыт-

Digitized by Google

ство знать впередъ, и эта пустая ни къ чему неведущая торопливость, которою, какъ я замѣчаю, уже и ты начинаешь заражаться? Смотри, какъ въ природѣ совершается все чинно и мудро, въ какомъ стройномъ законѣ, и какъ все разумно исходитъ одно изъ другаго! Одни мы, Богъ вѣсть изъ чего, мечемся. Все торопится, все въ какой-то горячкѣ. Ну, взвѣсилъ ли ты хорошенько слова свои. «второй томъ нуженъ теперь необходимо»? Чтобы я изъ-за того только, что есть противъ меня всеобщее неудовольствіе, сталъ торопиться вторымъ томомъ также глупо, какъ и то, что я поторопился первымъ? Да развѣ ужъ я совсѣмъ выжилъ изъ ума? Неудовольствіе это мнѣ нужно; въ неудовольствіи человѣкъ хоть что-нибудь мнѣ выскажетъ. И откуда вывелъ ты заключеніе, что второй томъ именно теперь нуженъ? Залезъ ты развѣ въ мою голову? Почувствовалъ существо втораго тома? Потвоему онъ нуженъ теперь, а помоему не раньше, какъ черезъ два-три года, да и то еще, принимая въ соображеніе попутный ходъ обстоятельствъ и времени. Кто жъ изъ насъ правъ? Тотъ ли, у кого второй томъ уже сидитъ въ головѣ, или тотъ, кто даже и не знаетъ, изъ чего состоитъ второй томъ? Какая странная мода теперь завелась на Руси! Самъ человѣкъ лежитъ на боку, къ дѣлу настоящему лѣнивъ, а другаго торопитъ, точно, какъ будто непремѣнно другой долженъ изо всѣхъ силъ тянуть отъ радости, что его пріятель лежитъ на боку. Чуть замѣтятъ, что хотя одинъ человѣкъ занялся серьёзно какимъ-нибудь дѣломъ, ужь его торопятъ со всѣхъ сторонъ, и потомъ его же выбранятъ, если сдѣлаетъ глупо, скажутъ: зачѣмъ поторопился? Но оканчиваю тебѣ поученіе. На твой умный вопросъ я отвѣчалъ, и даже сказалъ тебѣ то, чего доселѣ не говорилъ еще никому. Не думай однако же послѣ этой исповѣди, чтобы я самъ былъ такой же уродъ, каковы мои герои. Нѣтъ, я не похожъ на нихъ. Я люблю добро, я ищу его и сгараю имъ; но я не люблю моихъ мерзостей и не держу ихъ руку какъ мои герои; я не люблю тѣхъ низостей моихъ, которыя отдаляютъ меня отъ добра. Я воюю съ ними, и буду воевать, и изгоню ихъ, и мнѣ въ этомъ поможетъ Богъ, и это вздоръ, что выпустили глупые свѣтскіе умники, будто человѣку только и возможно воспитать себя, покуда онъ въ школѣ, а послѣ ужь и черты нельзя измѣнить въ себѣ: только въ *глупой свѣтской башкѣ* могла образоваться такая глупая мысль. Я уже отъ многихъ своихъ гадостей избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также надъ ними посмѣяться. Я оторвался уже отъ многаго тѣмъ, что, лишивши картиннаго вида и рыцарской маски, подъ которою выѣзжаетъ ковыремъ всякая мерзость наша, поставилъ ее рядомъ съ той гадостію, которая всѣмъ видна. И когда повѣряю себя на исповѣди передъ Тѣмъ, Кто повелѣлъ мнѣ быть въ мірѣ и освобождаться отъ моихъ недостатковъ, вижу много въ себѣ пороковъ; но они уже не тѣ, которые были въ прошломъ году. Святая сила помогла мнѣ отъ тѣхъ оторваться. А тебѣ совѣтую не пропустить мимо ушей этихъ

Digitized by Google

словъ, но, по прочтеніи моего письма, остаться одному на нѣсколько минутъ и, отъ всего отдѣляясь, взглянуть хорошенько на самого себя, перебравши передъ собою всю свою жизнь, чтобы провѣрить на дѣлѣ истину словъ моихъ. Въ этомъ же моемъ отвѣтѣ найдешь отвѣтъ и на другіе запросы, если попристальнѣе вглядишься. Тебѣ объяснится также и то, почему не выставлялъ я до сихъ поръ читателю явленій утѣшительныхъ, и не избралъ въ мои герои добродѣтельныхъ людей. Ихъ въ головѣ не выдумаешь. Пока не станешь самъ, хотя сколько-нибудь, на нихъ походить, пока не добудешь постоянствомъ и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ, мертвечина будетъ все, что ни напишетъ перо твое, и какъ земля отъ неба будетъ далеко отъ правды. Выдумывать кошемаровъ — я также не выдумывалъ; кошемары эти давили мою собственную душу: что было въ душѣ, то изъ нея и вышло.»

Любопытны очень, во многихъ отношеніяхъ, слѣдующіе отрывки:

«Пушкинъ, когда прочиталъ слѣдующіе стихи изъ оды Державина къ Храповицкому:

За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла сатирикъ чтитъ —

сказалъ такъ: «Державинъ не совсѣмъ правъ: слова поэта суть уже его дѣла». Пушкинъ правъ. Поэтъ на поприщѣ слова долженъ быть такъ же безукоризненъ, какъ и всякой другой на своемъ поприщѣ. Если писатель станетъ оправдываться какими нибудь обстоятельствами, бывшими причиною неискренности, или необдуманности, или поспѣшности его слова, тогда и всякій несправедливый судья можетъ оправдаться въ томъ, что бралъ взятки и торговалъ правосудіемъ, складывая вину на свои тѣсныя обстоятельства, на жену, на большое семейство — словомъ, мало ли на что можно сослаться? У человѣка вдругъ явятся тѣсныя обстоятельства. Потомству нѣтъ дѣла до того, кто былъ виною, что писатель сказалъ глупость или нелѣпость, или же выразился вообще необдуманно и незрѣло. Оно не станетъ разбирать, кто толкалъ его подъ руку, близорукій ли пріятель, подстрекавшій его на рановременную дѣятельность, журналистъ ли, хлопотавшій только о выгодѣ своего журнала. Потомство не приметъ въ уваженіе ни кумовства, ни журналистовъ, ни собственной его бѣдности и затруднительнаго положенія. Оно сдѣлаетъ упрекъ ему, а не имъ. Зачѣмъ ты не устоялъ противу всего этого? Вѣдь ты же почувствовалъ самъ честность званія своего; вѣдь ты же умѣлъ предпочесть его другимъ выгоднѣйшимъ должностямъ, и сдѣлалъ это не въ слѣдствіе какой-нибудь фантазіи, но потому, что въ себѣ услышалъ на то призваніе Божіе: вѣдь ты же получилъ въ добавку къ тому умъ, который видѣлъ подальше, пошире и поглубже дѣла, нежели тѣ, которые тебя подталкивали! Зачѣмъ же ты былъ

Digitized by Google

ребенкомъ, а не мужемъ, получа все, что̀ нужно для мужа? Словомъ, еще какой-нибудь обыкновенный писатель могъ бы оправдываться обстоятельствами, но не Державинъ. Онъ слишкомъ повредилъ себѣ тѣмъ, что не сжегъ по крайней мѣрѣ цѣлой половины одъ своихъ. Эта половина одъ представляетъ явленіе поразительное: никто еще доселѣ такъ не посмѣялся надъ самимъ собою, надъ святынею своихъ лучшихъ вѣрованій и чувствъ, какъ сдѣлалъ это Державинъ въ этой несчастной половинѣ своихъ одъ. Точно какъ бы онъ силился здѣсь намалевать каррикатуру на самого себя: все, что̀ въ другихъ мѣстахъ у него такъ прекрасно, такъ свободно, такъ проникнуто внутреннею силою душевнаго огня, здѣсь холодно, бездушно и принужденно; а что хуже всего, здѣсь повторены тѣ же самые обороты, выраженія и даже цѣликомъ фразы, которые имѣютъ такую орлиную замашку въ его одушевленныхъ одахъ, и которые тутъ просто смѣшны и походятъ на то, какъ бы карликъ надѣлъ панцырь великана, да еще и не такъ, какъ слѣдуетъ. Сколько людей теперь произноситъ сужденіе о Державинѣ, основываясь на его пошлыхъ одахъ; сколько усомнилось въ искренности его чувствъ, потому только, что нашли ихъ во многихъ мѣстахъ выраженными слабо и бездушно: какіе двусмысленные толки составились о самомъ его характерѣ, душевномъ благородствѣ и даже неподкупности того самаго правоудія, за которое онъ стоялъ И все потому, что не сожжено то, что должно быть предано огню. Пріятель нашъ П.... имѣетъ обыкновеніе, отрывши какія ни попало строки извѣстнаго писателя, тотъ же часъ ихъ тиснуть въ журналѣ, не взвѣсивъ хорошенько, къ чести ли это, или къ безчестію его. Онъ скрѣпляетъ все дѣло извѣстною оговоркою журналистовъ. «Надѣемся, что читатели и потомство останутся благодарны за сообщеніе сихъ драгоцѣнныхъ строкъ; въ великомъ человѣкѣ все достойно любопытства», и тому подобное. Все это пустяки. Какой-нибудь мелкій читатель останется благодаренъ; но потомство плюнетъ на эти драгоцѣнныя строки, если въ нихъ бездушно повторено то, что уже извѣстно, и если не дышетъ отъ нихъ святыня того, что должно быть свято. Чѣмъ истины выше, тѣмъ нужно быть осторожнѣе съ ними; иначе онѣ вдругъ обратятся въ общія мѣста, а общимъ мѣстамъ уже не вѣрятъ. Не столько зла произвели сами безбожники, сколько произвели зла лицемѣрные или даже просто неприготовленные проповѣдыватели Бога, дерзавшіе произносить имя его неосвященными устами. Обращаться съ словомъ нужно честно. Оно есть высшій подарокъ Бога человѣку. Бѣда произносить его писателю въ тѣ поры, когда онъ находится подъ вліяніемъ страстныхъ увлеченій, досады, или гнѣва, или какого-нибудь личнаго нерасположенія къ кому бы то ни было — словомъ, въ тѣ поры, когда не пришла еще въ стройность его собственная душа: изъ него такое выйдетъ слово, которое всѣмъ опротивѣетъ. И тогда съ самымъ чистѣйшимъ желаніемъ добра можно произвести зло. Тотъ же нашъ пріятель П... тому порука: онъ торопился всю свою жизнь, спѣша дѣлиться всѣмъ съ своими читателями, сообщать имъ все,

Digitized by Google

чего ни набирался самъ, не разбирая, созрѣла ли мысль въ его собственной головѣ такимъ образомъ, дабы стать близкою и доступною всѣмъ — словомъ, выказывалъ передъ читателемъ себя всего во всемъ своемъ неряшествѣ. И что жъ? Замѣтили ли читатели тѣ благородные и прекрасные порывы, которые у него сверкали весьма часто? приняли ли отъ него то, чѣмъ онъ хотѣлъ съ нимъ подѣлиться? Нѣтъ; они замѣтили въ немъ одно только неряшество и неопрятность, которыя прежде всего замѣчаетъ человѣкъ, и ничего отъ него не приняли. Тридцать лѣтъ работалъ и хлопоталъ какъ муравей этотъ человѣкъ, торопясь всю жизнь свою передать поскорѣе въ руки всѣмъ все, что ни находилъ въ пользу просвѣщенія и образованія русскаго. И ни одинъ человѣкъ не сказалъ ему спасибо; ни одного признательнаго юноши я не встрѣтилъ, который бы сказалъ, что онъ обязанъ ему какимъ-нибудь новымъ свѣтомъ, или прекраснымъ стремленіемъ къ добру, которое бы внушило его слово. Напротивъ, я долженъ былъ даже спорить и стоять за чистоту самыхъ намѣреній и за искренность словъ его передъ такими людьми, которые, кажется, могли бы понять его. Мнѣ было трудно даже убѣдить кого-либо, потому-что онъ съумѣлъ такъ замаскировать себя передъ всѣми, что рѣшительно нѣтъ возможности показать его въ томъ видѣ, каковъ онъ дѣйствительно есть. Опасно шутить писателю со словомъ. Слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ!

. . . . . .

«Я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ похвальное слово Карамзину, написанное Погодинымъ. Это лучшее изъ сочиненій Погодина въ отношеніи къ благопристойности, какъ внутренней, такъ и внѣшней: въ немъ нѣтъ его обычныхъ грубо-неуклюжихъ замашекъ и топорнаго неряшества слога, такъ много ему вредящаго. Все здѣсь, напротивъ того, стройно, обдумано и расположено въ большомъ порядкѣ. Всѣ мѣста изъ Карамзина прибраны такъ умно, что Карамзинъ какъ бы весь очертывается самимъ собою и, своими же словами взвѣсивъ и оцѣнивъ самого себя, становится какъ живой передъ глазами читателя.»

Но истинный перлъ по совѣтодательной части составляютъ три письма автора. Въ одномъ онъ учитъ мужа и жену жить посупружески. Жалѣемъ, что длинnота этого письма лишаетъ насъ возможности пересказать его содержаніе: это чудо, прелесть, еще ничего не являлось подобнаго на русскомъ языкѣ, и передъ этимъ даже путевыя записки за границею г. Погодина — просто пасъ!... Въ другихъ двухъ письмахъ содержатся преудивительные совѣты помѣщику, какъ управлять своими крестьянами. Въ одномъ изъ нихъ замѣчательнѣе всего совѣтъ касательно сельскаго суда и разправы. Такъ какъ, по мнѣнію автора, въ спорахъ, жалобахъ, неудовольствіяхъ и тяжбахъ всегда бываютъ не правы обѣ стороны, то онъ

Digitized by Google

и рѣшаетъ, что дѣло судьи – наказать обѣ.... «Это мысль (гово-«ритъ онъ) какъ непреложное вѣрованіе, разнеслась повсюду въ на-«шемъ народѣ. Вооруженный ею, даже простой и неумный человѣкъ «получаетъ въ народѣ власть и прекращаетъ ссоры. *Мы* только, «*люди высшіе*, не слышимъ ея, потому-что набрались пустыхъ ры-«царски-европейскихъ понятій о правдѣ. Мы только споримъ изъ-за «того, кто правъ, кто виноватъ; а если разобрать каждое изъ дѣлъ «нашихъ, придешь къ тому же знаменателю: т. е. оба виноваты. И «видишь, что *весьма здраво* поступила комендантша въ повѣсти «Пушкина *Капитанская Дочка*, которая, пославши поручика раз-«судить городоваго солдата съ бабою, подравшихся въ банѣ за дере-«вянную шайку, снабдила его такою инструкціею: Разбери, кто «правъ, кто виноватъ, да обоихъ и накажи» (стр. 188).

Въ другомъ письмѣ авторъ совѣтуетъ помѣщику прежде всего не-шутя, искренно показать своимъ крестьянамъ, что ему, помѣщику, деньги — нуль. «Негодаямъ же и пьяницамъ повели, чтобы они ока-«зывали добрымъ мужикамъ такое же уваженіе, какъ бы старостѣ, «прикащику, попу, или даже самому тебѣ. Чтобы, когда еще они за-«видятъ издали примѣрнаго мужика и хозяина, *летѣли бы шапки съ «головы у всѣхъ мужиковъ*, и все бы ему давало дорогу, а который «посмѣлъ бы оказать ему какое-нибудь неуваженіе, или не послу-«шаться умныхъ словъ его, того распеки тутъ же при всѣхъ; скажи «ему: «Ахъ, ты, *невымытое рыло*! Самъ весь зажилъ въ сажѣ, «такъ, что и глазъ не видать, да еще не хочешь оказать и чести чест-«ному! *Поклонись же ему въ ноги* и попроси, чтобы навелъ тебя на «разумъ; не наведетъ на разумъ — собакой пропадешь» (стр. 158-159).

Хорошъ и этотъ совѣтъ: «Мужика не бей: *съѣздить его въ рожу* «еще не большое искусство: это съумѣетъ сдѣлать и становой, и за-«сѣдатель, и даже староста; мужикъ къ этому уже привыкъ, и толь-«ко что почешетъ слегка у себя въ затылкѣ» (стр. 160). Затѣмъ авторъ учитъ помѣщика ругаться съ мужиками. .. Что это такое? гдѣ мы? ужь не перенеслись ли мы въ давно-прошедшія времена?...

Но это еще не все. Вотъ лучшее: «Замѣчанія твои о школахъ со-«вершенно справедливы. Учить мужика грамотѣ за тѣмъ, чтобы до-«ставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издаютъ «для народа европейскіе человѣколюбцы, есть дѣйствительно вздоръ. «Главное уже то, что у мужика нѣтъ вовсе для этого времени. Послѣ «столькихъ работъ никакая книжонка не полезетъ въ голову — и при-«шедши домой, онъ заснетъ, какъ убитый, богатырскимъ сномъ» (стр 162). Либо пойдетъ въ кабакъ, что онъ и дѣлаетъ нерѣдко... Но не понимаемъ, съ чего взялъ авторъ, будто народъ бѣжитъ, какъ

Digitized by Google

отъ чорта, отъ всякой письменной бумаги? Бумагъ юридическихъ не любитъ ни одинъ нашъ народъ, особенно, если грамотѣ не знаетъ: но грамоты нашъ народъ не боится, напротивъ любитъ ее, и бѣжитъ къ ней, а не отъ нея. Пусть попроситъ авторъ своихъ друзей, чтобы они переслали ему отчетъ за 1846 годъ г. Министра Государственныхъ Имуществъ, напечатанный во всѣхъ оффиціальныхъ русскихъ газетахъ: изъ него увидитъ онъ, какъ быстро распространяется въ Россіи грамотность между простымъ народомъ.... А если бы захотѣлъ онъ пожить въ той Россіи, которую такъ расхваливаетъ, живя въ разныхъ нѣмецкихъ земляхъ, и попригляделься къ нашему простому народу, о которомъ онъ судитъ такъ рѣшительно, не зная его, — онъ убѣдился бы, что эти быстрые успѣхи въ дѣлѣ распространенія грамотности въ простомъ народѣ основаны именно на глубокой потребности, какую чувствуетъ народъ въ грамотности, и на сильномъ стремленіи, какое онъ оказываетъ къ ученію.... Авторъ увидѣлъ бы, какъ часто бородатые русскіе мужички ничего не жалѣютъ для обученія дѣтей своихъ грамотѣ, и достигаютъ иногда этой цѣли при всевозможной бѣдности въ средствахъ.... Да, эта любовь къ свѣту, выразившаяся въ пословицѣ: *ученье — свѣтъ, неученье — тьма*, составляетъ одно изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ свойствъ русскаго народа, — и это-то свойство до сихъ поръ не признано въ немъ его близорукими восхвалителями и льстецами, которые, взамѣнъ того, навыдумывали для него множество похвальныхъ качествъ, или не бывалыхъ въ немъ, или составляющихъ еще его темную сторону....

Замѣчательна слѣдующая черта: въ началѣ письма, авторъ совѣтуетъ помѣщику показывать крестьянамъ, искренно, безъ штукъ, что деньги ему ни почемъ, т. е. вовсе не нужны; а въ концѣ письма говоритъ: «Разбогатѣешь ты какъ Крезъ, въ противность тѣмъ подслѣповатымъ людямъ, которые думаютъ, будто выгоды помѣщика «идутъ врозь съ выгодами мужиковъ» (стр. 162)....

Особеннымъ оттѣнкомъ отличаются письма автора къ Жуковскому. Вотъ нѣсколько образчиковъ писемъ этого рода:

«Поведемъ рѣчь о статьѣ, надъ которою произнесенъ смертный приговоръ, т. е. о статьѣ подъ названіемъ: *О лиризмѣ нашихъ поэтовъ*. Прежде всего благодарность за смертный приговоръ! Вотъ уже во второй разъ я спасенъ тобою, о мой истинный наставникъ и учитель! Прошлый годъ твоя же рука остановила меня, когда я уже было хотѣлъ послать Плетневу въ *Современникъ* мои сказанія о русскихъ поэтахъ; теперь ты вновь предалъ уничтоженію новый плодъ моего неразумія. Только одинъ ты меня еще останавливаешь, тогда какъ всѣ другіе торопятъ, неизвѣстно зачѣмъ. Сколько глупостей успѣлъ бы я

Digitized by Google

уже надѣлать, еслибы только послушался другихъ моихъ пріятелей. Итакъ, вотъ тебѣ моя благодарственная пѣснь — а затѣмъ обратимся къ самой статьѣ. Мнѣ стыдно, когда помыслю, *какъ до сихъ поръ еще я глупъ, и какъ не умѣю заговорить ни о чемъ, что поумнѣе. Всего нелѣпѣе выходятъ мысли и толки о литературѣ.* Тутъ какъ-то особенно становится все у меня напыщенно, темно и невразумительно. Мою же собственную мысль, которую не только вижу умомъ, но даже чую сердцемъ, не въ силахъ передать. Слышитъ душа многое, а пересказать или написать ничего не умѣю. Основаніе статьи моей справедливо, а между тѣмъ объяснился я такъ, что всякимъ выраженіемъ вызвалъ на противорѣчіе.»

Знаменитая статья: *Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ*, вновь является въ этой книгѣ, въ видѣ письма къ Н. М. Я....ву. Вотъ основныя мысли этой удивительной статьи:

I. Для перевода *Одиссеи* необходимо приготовленіе цѣлою жизнію, необходимы въ жизни переводчика разныя внутреннія и внѣшнія событія, поселяющія въ душѣ миръ, гармонію и другія похвальныя качества. Жуковскій вполнѣ соотвѣтствуетъ этимъ «необходимымъ» требованіямъ.

II. Переводчикъ долженъ быть христіаниномъ по преимуществу, ибо язычника Гомера можно проникать и постигать только христіанскимъ чувствомъ. И съ этой стороны Жуковскій больше, нежели удовлетворителенъ.

Примѣчаніе. Нужно ли знать переводчику по гречески и знаетъ ли Жуковскій этотъ языкъ, — объ этомъ, какъ дѣлѣ мірскомъ и, слѣдовательно, ничтожномъ, авторъ умалчиваетъ.

III. За то переводъ Одиссеи вышелъ несравненно лучше подлинника.

IV. Переводъ этотъ необходимъ для нашего времени, по причинѣ общаго охлажденія и недоразумѣнія.

V. Одиссея произведетъ у насъ вліяніе, какъ *вообще на всѣхъ*, такъ и *отдѣльно на каждаго.*

VI. Ее будутъ у насъ читать: дворяне, мѣщане, купцы, грамотеи и неграмотеи, рядовые солдаты, лакеи, дѣти обоего пола.

VII. Греческій политеизмъ, сирѣчь многобожіе, не введетъ въ искушеніе нашихъ мужичковъ: они *почешутъ у себя въ затылкѣ* и сейчасъ смекнутъ въ чемъ дѣло и въ чемъ вздоръ.

VIII. Одиссея произведетъ благодѣтельное вліяніе на нашу литературу: писатели и критики наши перестанутъ нести дичь. Но главное —

IX. Одиссея исправитъ всю нашу цивилизацію, испорченную вліяніемъ Европы, и возвратитъ насъ къ незапамятнымъ былымъ вре-

Digitized by Google

менамъ, помолодитъ насъ десятками тремя вѣковъ.... Вѣдь это-то и значитъ идти впередъ!..

«Словомъ (говоритъ авторъ), на *страждущихъ и болѣющихъ «отъ своего европейскаго совершенства* -- Одиссея подѣйствуетъ. «Много напомнитъ она имъ младенчески-прекраснаго, которое (увы!) «утрачено, но которое должно возвратить себѣ человѣчество, какъ «свое законное наслѣдство Многіе надъ многимъ призадумаются. А «между-тѣмъ, многое изъ временъ патріархальныхъ, съ которыми «есть такое сродство въ русскоіі природѣ, разнесется невидимо по лицу «Русскоіі земли. *Благоухающими* устами поэзіи навѣвается на души «то, чего не внесешь въ нихъ никакими законами и никакою властью» (стр. 56). Въ одномъ письмѣ къ Жуковскому, авторъ говоритъ: «Твоя «Одиссея принесетъ много общаго добра: *это тебѣ предрекаю. Она «возвратитъ къ свѣжести современнаго человѣка*, усталаго отъ без- «порядка жизни и мыслей; она обновитъ въ глазахъ его много того, «что брошено имъ, какъ ветхое и ненужное для быта; она возвра- «титъ его къ простотѣ» (стр. 125).

Подобный великій благодѣтельный переворотъ, произведенный литературнымъ трудомъ, тѣмъ необходимѣе, что, по словамъ автора, «все теперь разплылось и разшуровалось; *дрянь* и *тряпка* сталъ «*всякъ* человѣкъ; обратилъ самъ себя въ подлое подножіе всего (?) и «въ раба самыхъ пустѣйшихъ и мелкихъ обстоятельствъ, и нѣтъ те- «перь нигдѣ свободы въ ея истинномъ смыслѣ» (стр. 185).

Все это прекрасно Но вотъ два смиренные вопроса съ нашей стороны. Какъ будетъ простой народъ читать Одиссею? Положимъ, *Одиссея* не принадлежитъ къ числу книжонокъ, издаваемыхъ для народа европейскими человѣколюбцами; но какъ будетъ читать ее нашъ народъ, которому авторъ такъ положительно и строго запрещаетъ знать грамоту?.. Или учиться грамотѣ, чтобъ умѣть читать, нужно только «глупымъ» Нѣмцамъ, а Словенину стоитъ только почесать у себя въ затылкѣ, чтобы прочесть всякую книгу, не умѣя читать?... Потомъ, что если, сверхъ чаянія, мистическія предреченія г. Гоголя о вліяніи *Одиссеи* на судьбу русскаго народа вовсе не сбудутся, и переводъ этотъ, подобно переводу Гнѣдича *Иліады*, будетъ существовать только слишкомъ для немногихъ?... Вѣдь тогда кто жъ не скажетъ:

«Надѣлала синица славы,
А моря не зажгла!...

Но самую любопытнѣйшую часть этой книги составляютъ «четы- ре письма къ разнымъ лицамъ по поводу *Мертвыхъ Душъ*.» Эти че- тыре письма обрадовали, привели въ восторгъ, сдѣлали истинно счастливыми нѣкоторыхъ литераторовъ, особенно занятыхъ литера-

Digitized by Google

турною славою Гоголя. Это не тайна, ибо они поспѣшили печатно выразить свое торжество, забывъ мудрую русскую пословицу: *поспѣшить — людей насмѣшить*, и не менѣе мудрую французскую пословицу: bien rira qui rira le dernier... Изъ слѣдующихъ выписокъ легко будетъ всякому увидѣть, что̀ именно въ этихъ фразахъ такъ восхитило враговъ таланта Гоголя.

«Вы напрасно негодуете на неумѣренный тонъ нѣкоторыхъ нападеній на «Мертвыя души». Это имѣетъ свою хорошую сторону. Иногда нужно имѣть противу себя озлобленныхъ. Кто увлеченъ красотами, тотъ не видитъ недостатковъ и прощаетъ все; но кто озлобленъ, тотъ постарается выкопать въ насъ всю дрянь, и выставить ее такъ ярко наружу, что по неволѣ ее увидишь. Истину такъ рѣдко приходится слышать, что уже за одну крупицу ея можно простить всякій оскорбительный голосъ, съ какимъ бы она не произносилась. Въ критикахъ Булгарина, Сенковскаго и Полеваго есть много справедливаго, начиная даже съ даннаго имъ совѣта поучиться прежде русской грамотѣ, а потомъ уже писать. Въ самомъ дѣлѣ, если бы я не торопился печатаніемъ рукописи и подержалъ ее у себя съ годъ, я бы увидѣлъ потомъ и самъ, что въ такомъ неопрятномъ видѣ ей никакъ нельзя было являться въ свѣтъ. Самыя эпиграммы и насмѣшки надо мною были мнѣ нужны, не смотря на то, что съ перваго разу пришлись очень не по-сердцу. О! какъ намъ нужны безпрестанные щелчки, и этотъ оскорбительный тонъ, и эти ѣдкія, пронимающія насквозь насмѣшки! На днѣ души нашей столько таится всякаго мелкаго, ничтожнаго самолюбія, щекотливаго, сквернаго честолюбія, что насъ ежеминутно слѣдуетъ колоть, поражать, бить всѣми возможными орудіями, и мы должны благодарить ежеминутно насъ поражающую руку.

«Я бы желалъ однако жъ побольше критикъ, не со стороны литераторовъ, но со стороны людей, занятыхъ дѣломъ самой жизни. Со стороны практическихъ людей, какъ на бѣду, кромѣ литераторовъ, не отозвался никто. А между тѣмъ «Мертвыя души» произвели много шума, много ропота; задѣли за живое многихъ и насмѣшкою, и правдою, и каррикатурою; коснулись порядка вещей, который у всѣхъ ежедневно передъ глазами — хоть исполнены промаховъ, анахронизмовъ, явнаго незнанія многихъ предметовъ мѣстами даже съ умысломъ помѣщено обидное и задѣвающее, авось кто-нибудь выбранитъ меня хорошенько, и въ брани, выскажетъ мнѣ правду, которой добиваюсь. И хоть бы одна душа подала голосъ! А могъ всякъ. И какъ бы еще умно! Служащій чиновникъ могъ бы явно доказать, въ виду всѣхъ, неправдоподобность мною изображеннаго событія приведеніемъ двухъ-трехъ дѣйствительно случившихся дѣлъ, и тѣмъ бы опровергъ меня лучше всякихъ словъ, или тѣмъ же самымъ образомъ могъ бы защитить и оправдать справедливость мною описаннаго. Приведеніемъ событія случившагося лучше доказывается дѣло, нежели пустыми

Digitized by Google

словами и литературными разглагольствованіями. Могъ бы тоже сдѣлать и купецъ, и помѣщикъ, словомъ — всякій грамотѣй, сидитъ ли онъ сиднемъ на мѣстѣ, или рыскаетъ, вдоль и поперегъ, по всему лицу Русской земли. Сверхъ собственнаго взгляда своего, всякій человѣкъ, съ того мѣста, или ступеньки въ обществѣ, на которую поставили его должность, званіе и образованіе, имѣетъ случай видѣть тотъ же предметъ съ такой стороны, съ которой кромѣ его никто другой не можетъ видѣть. По поводу «Мертвыхъ душъ» могла бы написаться всею толпою читателей другая книга, несравненно любопытнѣйшая «Мертвыхъ душъ», которая могла бы научить не только меня, но и самихъ читателей, потому что — нѣчего таить грѣха — всѣ мы очень плохо знаемъ Россію.

«И хоть бы одна душа заговорила во всеуслышаніе! Точно какъ бы вымерло все, какъ бы, въ самомъ дѣлѣ, обитаютъ въ Россіи не живыя, а какія-то «Мертвыя души.» И меня же упрекаютъ въ плохомъ знаніи Россіи! Какъ будто непремѣнно силою Святаго Духа долженъ узнать я все, что̀ ни дѣлается во всѣхъ углахъ ея — безъ наученія научиться! Но какими путями могу научиться я, писатель, осужденный уже самимъ званіемъ писателя на сидячую, затворническую жизнь, и притомъ еще больной, и притомъ еще принужденный жить вдали отъ Россіи? какими путями могу я научиться? Меня же не научатъ эти литераторы и журналисты, которые сами затворники и люди кабинетные. У писателя только и есть одинъ учитель: сами читатели. А читатели сами отказались поучить меня. Знаю, что дамъ сильный отвѣтъ Богу за то, что не исполнилъ, какъ слѣдуетъ, своего дѣла: но знаю, что дадутъ за меня отвѣтъ и другіе. И говорю это не даромъ. Видитъ Богъ, говорю не даромъ!

«Я предчувствовалъ, что всѣ лирическія отступленія въ поэмѣ будутъ приняты въ превратномъ смыслѣ. Онѣ такъ неясны, такъ мало вяжутся съ предметами, проходящими передъ глазами читателя, такъ невпопадъ складу и замашкѣ сочиненія, что ввели въ заблужденіе, какъ противниковъ, такъ и защитниковъ. Всѣ мѣста, гдѣ ни заикнулся я неопредѣленно о писателѣ, были отнесены на мой счетъ; я краснѣлъ даже отъ изъясненій ихъ въ мою пользу. И по дѣломъ мнѣ! Ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало выдавать и сочиненія, которое хотя выкроено было не дурно, но сшито кое-какъ, бѣлыми нитками, подобно платью, приносимому портнымъ только для примѣрки. Дивлюсь только тому, что мало было сдѣлано упрековъ въ отношеніи къ искуству и творческой наукѣ. Этому помѣшало какъ гнѣвное расположеніе моихъ критиковъ, такъ и непривычка всматриваться въ постройку сочиненія. Слѣдовало показать, какія части чудовищно-длинны въ отношеніи къ другимъ, гдѣ писатель измѣнилъ самому себѣ, не выдержавъ своего собственнаго, уже разъ принятаго тона. Никто не замѣтилъ даже, что послѣдняя половина книги отработана меньше первой, что̀ въ ней великіе пропуски, что главныя и важныя обстоятельства сжаты и сокращены, неважныя и побочныя распростране-

Digitized by Google

ны, что не столько выступаетъ внутренній духъ всего сочиненія, сколько мечется въ глаза пестрота частей и лоскутность его. Словомъ — можно было много сдѣлать нападеній несравненно дѣльнѣйшихъ, выбранить меня гораздо больше, нежели теперь бранятъ, и выбранить за дѣло.

. . . . . .

«Охота же тебѣ, будучи такимъ знатокомъ и вѣдателемъ человѣка, задавать мнѣ тѣ же пустые запросы, которые умѣютъ задать и другіе. Половина ихъ относится къ тому, что̀ еще впереди. Ну, что толку въ подобномъ любопытствѣ? Одинъ только запросъ уменъ и достоинъ тебя, и я бы желалъ, чтобы его мнѣ сдѣлали и другіе, хотя не знаю, съумѣлъ ли бы на него отвѣчать умно. Именно запросъ: отъ чего герои моихъ послѣднихъ произведеній, и въ особенности «Мертвыхъ душъ,» будучи далеки отъ того, чтобы быть портретами дѣйствительныхъ людей, будучи сами по себѣ свойства совсѣмъ непривлекательнаго, неизвѣстно почему, близки душѣ, точно, какъ бы въ сочиненіи ихъ участвовало какое-нибудь обстоятельство душевное? Еще годъ назадъ мнѣ было бы неловко отвѣчать на это даже и тебѣ. Теперь же прямо скажу все: герои мои потому близки душѣ, что они изъ души; всѣ мои послѣднія сочиненія — исторія моей собственной души. А чтобы получше все это объяснить, опредѣлю тебѣ себя самого какъ писателя. Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей. Оно въ послѣдствіи углубилось во мнѣ еще сильнѣе отъ соединенія съ нимъ нѣкотораго душевнаго обстоятельства. Но этого я не въ состояніи былъ открыть тогда даже и Пушкину.

«Это свойство выступило съ большою силою въ «Мертвыхъ душахъ». Мертвыя души не потому такъ испугали многихъ и произвели такой шумъ, чтобы онѣ раскрыли какія-нибудь раны общества, или внутреннія болѣзни, и не потому также, чтобы представили потрясающія картины торжествующаго зла и страждущей невинности. Ничуть не бывало. Герои мои вовсе не злодѣи; прибавь я только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель помирился бы съ ними всѣми. Но пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей. Испугало ихъ то̀, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои одинъ пошлѣе другаго, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и пріотдохнуть, или перевести духъ бѣдному читателю, и что по прочтеніи всей книги кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ. Мнѣ бы скорѣе простили, если бы я выставилъ картинныхъ извергов, но пошлости не простили мнѣ.

Digitized by Google

Русскаго человѣка испугала его ничтожность болѣе, нежели всѣ его пороки и недостатки. Явленіе замѣчательное! Испугъ прекрасный! Въ комъ такое сильное отвращеніе отъ ничтожнаго, въ томъ, вѣрно, заключено все то, что противоположно ничтожному. И такъ, вотъ въ чемъ мое главное достоинство, но достоинство это, говорю вновь, не развилось бы во мнѣ въ такой силѣ, если бы съ нимъ не соединилось мое собственное душевное обстоятельство и моя собственная душевная исторія. Никто изъ читателей моихъ не зналъ того, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мною.

. . . . . .

«Не судите обо мнѣ и не выводите своихъ заключеній; вы ошибетесь подобно тѣмъ изъ моихъ пріятелей, которые, создавши изъ меня свой собственный идеалъ писателя, сообразно своему собственному образу мыслей о писателѣ, начали-было отъ меня требовать, чтобы я отвѣчалъ имъ же созданному идеалу. Создалъ меня Богъ и не скрылъ отъ меня назначенія моего. Рожденъ я вовсе не за тѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литературной. Дѣло мое проще и ближе: дѣло мое есть то, о которомъ прежде всего долженъ подумать всякій человѣкъ, не только одинъ я. Дѣло мое — *душа* и *прочное дѣло жизни*. А потому и образъ дѣйствій моихъ долженъ быть проченъ, и сочинять я долженъ прочно. Мнѣ незачѣмъ торопиться; пусть ихъ торопятся другіе. Жгу, когда нужно жечь, и, вѣрно, поступаю какъ нужно, потому что безъ молитвы не приступаю ни къ чему.

Вотъ почти все главное, изъ котораго мы, однакоже, вкратцѣ извлечемъ самое существенное:

I. Гоголь самъ сознается, что онъ недоволенъ всѣмъ, что было имъ писано до сихъ поръ, а потому сжегъ рукопись второй части *Мертвыхъ Душъ* и другихъ своихъ сочиненій. Ergo: враги таланта Гоголя правы въ томъ, что столько лѣтъ выставляли его писателемъ безъ дарованія, безъ вкуса, мастеромъ на однѣ сальныя и грязныя картины въ родѣ Поль-де-Кока.

II. Гоголь самъ соглашается, что особенность его таланта состоитъ въ умѣніи «очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Ergo: это явно талантъ мелкій и ничтожный....

III. Гоголь объявляетъ торжественно, что согласенъ съ тѣми, которые бранили его сочиненія, и не согласенъ съ тѣми, которые хвалили ихъ. Ergo: хвалители Гоголя суть литературная партія, уцѣпившаяся за него для униженія истинныхъ, но ненавистныхъ ей талантовъ.

Digitized by Google

IV. Гоголь самъ говоритъ, что «рожденъ онъ вовсе не за тѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литературной, а затѣмъ, чтобы спасти свою душу». Ergo: лгали тѣ, которые провозгласили его главою новой литературной школы.

V. Гоголь признается самъ, что «въ критикахъ Булгарина, Сенковскаго и Полеваго есть много справедливаго, начиная даже съ даннаго ему совѣта поучиться прежде русской грамотѣ, а потомъ уже писать», и что «если бы онъ не торопился печатаніемъ рукописи и подержалъ ее у себя съ годъ, то увидѣлъ бы потомъ и самъ, что въ такомъ неопрятномъ видѣ ей никакъ нельзя было являться въ свѣтъ» и пр. Ergo: кромѣ *Вечеровъ на Хуторѣ*, все, написанное Гоголемъ, есть чистый вздоръ и не заслуживаетъ никакого вниманія ...

Подобные выводы могутъ показаться правильными и дѣльными только тѣмъ, которымъ они полезны. Сильно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что публику нашего времени во всемъ можно увѣрить журнальной статьею, что она вѣритъ только печатному, а сама ничего не видитъ, ничего не понимаетъ. Такимъ образомъ хотятъ увѣрить, что слава Гоголя основана на крикливыхъ возгласахъ какой-то литературной партіи, которой нужно было поднять его, изъ своихъ собственныхъ разсчетовъ. А добрая русская публика и повѣрила этой партіи, и начала раскупать сочиненія Гоголя, и наполнять театры, когда въ нихъ давался *Ревизоръ*.... Мало этого, помянутая литературная партія успѣла убѣдить въ геніальности Гоголя даже французскую, а за нею и всю европейскую публику.... И все это обманъ, пуфъ, подлогъ, — потому-что самъ Гоголь отрицается отъ своихъ сочиненій и своей славы.... Только-то?... А намъ какое до этого дѣло?—Когда нѣкоторые хвалили сочиненія Гоголя, они не ходили къ нему справляться, какъ онъ думаетъ о своихъ сочиненіяхъ, а судили о нихъ сообразно съ тѣми впечатлѣніями, которыя они производили.... Такъ точно и теперь и мы не пойдемъ къ нему спрашивать его, какъ теперь прикажетъ онъ намъ думать о его прежнихъ сочиненіяхъ и о его *Выбранныхъ мѣстахъ изъ Переписки съ Друзьями*.... Какая намъ нужда, что онъ не признаетъ достоинства своихъ сочиненій, если ихъ признало общество? Это факты, которыхъ дѣйствительности не въ состояніи же опровергнуть онъ самъ.... Нѣтъ, господа противники таланта Гоголя, раненько вы вздумали торжествовать побѣду, которой не одержали и которой не одержать вамъ! Именно теперь-то, еще болѣе, чѣмъ прежде, будутъ расходиться и читаться прежнія сочиненія Гоголя, теперь-то еще выше, чѣмъ прежде, будетъ цѣниться онъ, потому-что теперь онъ самъ существуетъ для публики больше въ прошедшемъ....

Digitized by Google

Но оставимъ и хулителей въ сторонѣ обратимся опять къ нашему автору. Конечно, въ его смиренномудромъ признаніи собственныхъ ошибокъ и правды въ нападкахъ враговъ, много высокаго, дѣлающаго ему особенную честь; но, смотря на дѣло проще, т. е. не со стороны самолюбія, а со стороны самого дѣла, можно замѣтить, что авторъ гораздо бы лучше поступилъ, если бы, вмѣсто всякихъ признаній, воспользовался дѣльными замѣчаніями и второе изданіе *Мертвыхъ Душъ* выпустилъ бы въ опрятномъ видѣ.... Тоже отчасти можно сказать и о «*Выбранныхъ*, но отнюдь не *избранныхъ* мѣстахъ изъ Переписки съ Друзьями»: онѣ могли явиться въ печати и грамотнѣе, и приличнѣе, и опрятнѣе, вообще такъ сказать.... Но, видно, на словахъ блистать смиреніемъ легче, нежели трудиться на дѣлѣ....

Не можемъ не выставить на видъ еще одной черты. Вотъ что говоритъ авторъ въ одномъ мѣстѣ своей книги: «Вотъ уже почти пол-«тораста лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ государь Петръ I про-«чистилъ намъ глаза чистилищемъ просвѣщенія европейскаго, далъ «въ руки намъ всѣ средства и орудія для дѣла, — и до сихъ поръ «остаются также пустынны, грустны и безлюдны наши простран-«ства, также безпріютно и непривѣтливо все вокругъ насъ, точно, «какъ будто бы мы до сихъ поръ еще не у себя дома, не подъ род-«ною нашею крышею, но гдѣ-то остановились безпріютно на проѣз-«жей дорогѣ, и дышетъ намъ отъ Россіи не радушнымъ, роднымъ «пріемомъ братьевъ, но какою-то холодною, занесенною вьюгой поч-«товою станціею, гдѣ видится одинъ ко всему равнодушный стан-«ціонный смотритель съ черствымъ отвѣтомъ: «нѣтъ лошадей» (стр. 136). Въ этомъ винитъ авторъ насъ же и, разумѣется, винитъ основательно. Но вотъ что онъ же говоритъ въ другомъ мѣстѣ своей книги: «И до сихъ поръ еще, къ нашему стыду, указываютъ намъ «Европейцы на своихъ *великихъ людей*, *которыхъ умнѣе бываютъ* «*у насъ и не великіе люди*; но тѣ *хоть* какое нибудь оставили послѣ «себя дѣло *прочное*, а мы производимъ кучи дѣлъ — и все какъ пыль «сметаются онѣ съ земли вмѣстѣ съ нами» (стр, 192). Потомъ читаемъ мы вотъ что: «Если бы такимъ же перомъ, какимъ начертана «біографія Фонвизина, написано было все царствованіе Екатерины, «которое уже и теперь кажется намъ почти фантастическимъ отъ «чрезвычайнаго обилія эпохи и необыкновеннаго столкновенія не-«обыкновенныхъ лицъ и характеровъ, — *то можно сказать почти* «*навѣрно, что подобнаго по достоинству историческаго сочиненія* «*не представила бы намъ Европа*» (стр. 237 — 238). Какъ вамъ кажутся, читатель, эти три выписки изъ различныхъ мѣстъ одной и той же книги?...

Digitized by Google

Вотъ еще оригинальный образчикъ логики автора: онъ говоритъ, что никто не можетъ признать русскихъ людей ни въ Простаковой, ни въ Тарасѣ Скотининѣ, ни въ Простаковѣ, ни въ Митрофанѣ Фонвизина, — и въ тоже время всякій чувствуетъ, что нигдѣ въ другой землѣ, ни во Франціи, ни въ Англіи, не могли образоваться такія существа (стр. 247 — 249).... Вотъ тутъ и понимай, какъ знаешь!...

Теперь вопросъ: зачѣмъ написана вся эта книга?

Это такъ же трудно рѣшить, какъ и то, зачѣмъ написаны авторомъ эти строки: «О, какъ намъ бываетъ нужна публичная, данная «въ виду всѣхъ, оплеуха» (стр. 192)!...

Какое слѣдствіе можно извлечь изъ этой книги?

Разумѣется, въ этомъ случаѣ, всякій поступитъ по своему, и слѣдствій будетъ выведено почти столько же, сколько людей возьмется за это дѣло. Что касается до насъ, мы вывели изъ этой книги такое слѣдствіе, что горе человѣку, котораго сама природа создала художникомъ, горе ему, если, недовольный своею дорогою, онъ ринется въ чуждый ему путь! На этомъ новомъ пути ожидаетъ его неминуемое паденіе, послѣ котораго не всегда бываетъ возможно возвращеніе на прежнюю дорогу.... При этомъ мы, почему-то, вспомнили эти стихи Крылова:

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ,
И дѣло не пойдетъ на ладъ.
Да и примѣчено стократъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

Приходили намъ въ голову и другіе выводы изъ книги *Выбранныхъ мѣстъ изъ Переписки съ Друзьями*, но.... статья наша и такъ вышла черезчуръ длинна....

В. В.

Полное собраніе сочиненій. И. Крылова, *съ біографіею его, писанною* П. А. Плетневымъ. *Три тома. С.п.б. 1847.*

Жизнь и сочиненія Ивана Андреевича Крылова. *Сочиненіе академика* Михаила Лобанова. *С.п.б. 1847.*

Въ послѣднее время начали довольно часто появляться изданія сочиненій старыхъ нашихъ писателей. Это одно изъ самыхъ

Digitized by Google

отрадныхъ явленій въ современной русской литературѣ, которое равно дѣлаетъ честь и литературѣ и публикѣ. Въ то же время, это фактъ, лучше всякихъ доказательствъ изобличающій крикуновъ и полуталантливыхъ рифмачей, которые утверждаютъ, будто теперь на Руси журналъ убилъ книгу, и книги уже не покупаются публикою... Насъ особенно радуетъ это обращеніе публики къ старымъ писателямъ. Сказать правду, о многихъ изъ нихъ знала она прежде только по наслышкѣ; исключеніе остается, можетъ быть, только за Крыловымъ. Теперь она хочетъ вновь познакомиться съ ними. Родилась потребность — явились и средства къ ея удовлетворенію, т. е. изданія сочиненій старыхъ писателей, почти всегда весьма дешевыя, и никогда очень дорогія, какъ прежде.

Изданія басень Крылова — давно уже не новость въ нашей литературѣ. Съ 1809 года по 1843 ихъ издано было *семьдесятъ-семь тысячъ* экземпляровъ! Но еще въ первый разъ является полное собраніе *всѣхъ* сочиненій Крылова: вотъ новость и притомъ весьма пріятная! Конечно, его драматическіе опыты вообще слабы, а лирическія произведенія просто плохи, но вѣдь все же тѣ и другіе рѣзко характеризуютъ нравы людей и литературы своего времени, не говоря уже о томъ, что комедіи: *Модная Лавка* и *Урокъ Дочкамъ* и теперь еще многими считаются за отличныя произведенія русской драматургіи. Что же касается до его сатирическихъ статей въ прозѣ, наполнявшихъ нѣкогда издававшіеся имъ же журналы: *Почту Духовъ*, *Зрителя*, *Санктпетербургскій Меркурій*, — то въ нихъ много ума, соли, мѣстами даже желчи, и вообще онѣ представляютъ собою гораздо больше интереса, нежели какъ можно ожидать этого. Берешь ихъ въ руки съ тѣмъ, чтобы перелистовать, а вмѣсто этого со вниманіемъ прочтешь ихъ. Есть, правда, въ нихъ мѣста довольно скучныя, но онѣ съ избыткомъ вознаграждаются характеристическими чертами нравовъ общества того времени. Есть и цѣлыя статьи, надъ чтеніемъ которыхъ не будетъ зѣваться.

Изданіе Крылова сдѣлано, во всѣхъ отношеніяхъ, прекрасно. Въ типографскомъ отношеніи нечего больше желать: не только чисто и опрятно, но красиво, даже изящно. Вмѣсто обыкновеннаго, всѣмъ извѣстнаго портрета Крылова, представляющаго его уже старикомъ, издатели приложили превосходно сдѣланную литографію, представляющую черты Крылова, когда ему было 43 года. Этотъ литографированный портретъ снятъ съ живописнаго портрета, писаннаго профессоромъ академіи художествъ, Волковымъ, въ 1812 году.

Одно только замѣтили бы мы противъ редакціонной части изданія: напрасно басни напечатаны во второмъ, а не въ первомъ томѣ, и еще болѣе напрасно предшествуютъ имъ оды и другіе лирическіе

Digitized by Google

опыты, которые слѣдовало бы помѣстить за баснями, въ видѣ приложенія. Вѣдь басни все-таки главное между сочиненіями Крылова, и не будь басень, не было бы нужды издавать и всего остального. Впрочемъ, не въ этомъ дѣло. Мы бы сдѣлали такъ, другіе сочли лучшимъ сдѣлать иначе, а сущность дѣла осталась таже. Но вотъ что насъ удивило: на заглавіи перваго тома выставлено слово: *проза*, второго — *поэзія*, а третьяго — *театръ*. Противъ послѣдней классификаціи мы ни слова; но мы не понимаемъ, какъ можно *прозу* противопоставить *поэзію*, а не *стихотворенія*? Развѣ не бываетъ поэзіи въ сочиненіяхъ, писанныхъ прозою, и прозы въ сочиненіяхъ, писанныхъ стихами? Сплошъ да рядомъ, особенно послѣднее. Послѣ этого, и слово *театръ*, выставленное на третьемъ томѣ, лишается всякой опредѣлительности: такъ какъ въ немъ есть пьесы, и стихами и прозою писанныя, то къ чему должны мы ихъ причислять? — Тѣ, которыя писаны стихами — къ поэзіи, а тѣ, которыя писаны прозою — къ прозѣ?... Воля ваша, а для насъ подобная классификація отзывается старыми временами.

Однимъ изъ лучшихъ украшеній изданія сочиненій Крылова нельзя не признать приложенной къ нимъ статьи: *Жизнь и сочиненія Ивана Андреевича Крылова*, мастерски написанной г. Плетневымъ. Это — критика-біографія, въ которой съ большимъ искусствомъ Крыловъ охарактеризованъ какъ баснописецъ и человѣкъ, — въ послѣднемъ отношеніи еще, можетъ быть, лучше, нежели въ первомъ. Взглядъ автора статьи на Крылова отличается оригинальностію и глубокомысліемъ, какъ это видно сейчасъ же по одному уже вступленію:

«Въ лицѣ Ивана Андреевича Крылова мы видѣли въ полномъ смыслѣ Русскаго человѣка, со всѣми хорошими качествами и со всѣми слабостями, исключительно намъ свойственными. Геній его, какъ баснописца, признанный не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, не защитилъ его отъ обыкновенныхъ нашихъ неровностей въ жизни, посреди которыхъ Русскіе иногда способны всѣхъ удивлять проницательностію и вѣрностію ума своего, а иногда предаются непростительному хладнокровію въ дѣлахъ своихъ. Судьба не благопріятствовала Крылову въ дѣтствѣ и лишила его тѣхъ пособій къ постепеннымъ успѣхамъ въ литературѣ и обществѣ, которыми другихъ надѣляютъ рожденіе, воспитаніе и образованіе. Но онъ, какъ бы наперекоръ счастію, въ послѣдствіи времени пріобрѣлъ все, что необходимо писателю и гражданину. Онъ даже успѣлъ развить въ себѣ нѣсколько талантовъ, составляющихъ роскошь и для счастливо-рожденнаго молодаго человѣка. Побѣдивши первыя препятствія къ благополучію и удовольствіямъ жизни, онъ на время ослабилъ дѣятельность свою въ расширеніи знаній и съ непонятнымъ равнодушіемъ провелъ нѣсколь-

Digitized by Google

ко лѣтъ почти безъ дѣла. Наконецъ снова и почти безсознательно принялся Крыловъ за тотъ родъ поэзіи, которому нынѣ обязанъ безсмертіемъ своимъ.

«Удивительнѣе всего, что ему суждено было начать славное свое поприще въ такія лѣта, когда многіе перестаютъ писать сочиненія въ стихахъ, предпочитая имъ прозу. Между тѣмъ остался ли хоть легкій слѣдъ на этихъ трудахъ, что авторъ не во-время приступилъ къ нимъ? Нѣтъ: разсматривая ихъ живость и красоты, получаешь убѣжденіе, что это тѣ неувядающіе цвѣты поэзіи, которыми юность украшаетъ генія. И вотъ Крыловъ достигнулъ тогда истинной славы, всеобщаго уваженія, самой чистой къ нему привязанности тѣхъ, которые были къ нему близки и вполнѣ оцѣнили даръ его. Счастіе вознаградило его за всѣ лишенія молодости. Онъ былъ обезпеченъ на всю жизнь. Казалось, передъ любознательнымъ, тонкимъ и свѣжимъ умомъ его открылись всѣ пути къ безконечной дѣятельности литератора. Но онъ и своею поэзіею занимался только какъ забавою, которая скоро должна была наскучить ему. Безграничное искуство не влекло его къ себѣ. Дѣятельность современниковъ не возбуждала его участія. Онъ чувствовалъ выгоды и безопасность положенія своего, и не оказывалъ ни одного помышленія разширить тѣсную раму своихъ умственныхъ трудовъ. Такъ одинъ успѣхъ и счастіе усыпили въ немъ всѣ силы духа! Въ своемъ праздномъ благоразуміи, въ своей безжизненной мудрости онъ похоронилъ, можетъ быть, нѣсколько Крыловыхъ, для которыхъ въ Россіи много еще праздныхъ мѣстъ. Странное явленіе: съ одной стороны геній, по слѣдамъ котораго уже итти почти некуда, съ другой — недвижный умъ, шагу не переступающій за свой порогъ.»

Этотъ взглядъ на Крылова вполнѣ оправдывается двумя анекдотами изъ его жизни. Послѣдній разсказанъ обоими біографами Крылова, а мы заимствуемъ его у г. Плетнева, а первый только г. Лобановымъ.

«Иванъ Андреевичъ иногда преслѣдовалъ свою мысль и не былъ спокоенъ, пока ее не выполнилъ, какого бы рода она ни была; твердой воли и терпѣнія у него былъ запасъ огромный, удивительный; но фантастическія его затѣи иногда были чудныя, и тому, что я теперь разскажу, едва ли бы повѣрили, если бъ первому не были еще живы свидѣтели, а второе не самъ онъ разсказывалъ. Вотъ первое:

Увидѣвши Индейца, который, между многими пріятными штуками своего искусства, прекрасно играя свѣтящимися мячиками, наконецъ составлялъ изъ нихъ свѣтлый вѣнокъ вокругъ своей головы, нашъ Иванъ Андреевичъ, восхищенный его игрою, затѣялъ испытать себя въ этомъ искусствѣ, говоря: *Вѣдь Индеецъ такой же человѣкъ, какъ я; почему же Русскому не сдѣлать того же, что дѣлаетъ Индеецъ?* Задумалъ да и за дѣло: досталъ себѣ такихъ шаровъ, заперся въ комнатѣ, возился

Digitized by Google

съ ними нѣсколько недѣль на разостланномъ коврѣ и, наконецъ, сдѣлался Индѣйцемъ. Въ доказательство, что нѣтъ смертнымъ невозможнаго, онъ показалъ свое искусство въ одномъ семействѣ, къ которому сохранилъ по самый гробъ душевную, непритворную привязанность, разумѣется, тайкомъ, запершись (въ кабинетѣ А. Н. О.), да и бросилъ, какъ и всѣ свои опыты и затѣи, бросилъ и никогда болѣе объ этомъ и не думалъ.

«Безпечность и праздполюбіе Крылова происходили болѣе отъ равнодушія къ тому, чѣмъ жизнь увлекаетъ другихъ, нежели отъ истощенія душевныхъ его силъ. Свѣтлый умъ и твердая воля въ немъ сохранились до послѣднихъ дней его. Когда-то пріобрѣлъ онъ для украшенія жилища своего нѣсколько картинъ. Въ послѣдствіи онъ охладѣлъ ко всему. За чистотою и порядкомъ смотрѣть было некому. Отъ пыли, густымъ слоемъ вездѣ ложившейся, позолоту на нижней части рамъ выѣло у всѣхъ картинъ. Изъ нихъ одна висѣла въ средней комнатѣ надъ диваномъ, гдѣ случалось сидѣть и хозяину. Сверху картина держалась на двухъ гвоздикахъ. Послѣ одинъ изъ нихъ выпалъ — и она повисла бокомъ. Долго ее всѣ видѣли въ этомъ положеніи. Что же отвѣчалъ Крыловъ, когда начали его предостерегать, чтобы не досталось головѣ его отъ картины? «Ежели дѣйствительно придется ей упасть, то рама, по косвенному положенію своему, должна въ паденіи описать кривую линію, и слѣдовательно она минуетъ мою голову». Въ 1818 году разговорились однажды у Оленина, какъ трудно въ извѣстныя лѣта начать изученіе древнихъ языковъ. Крыловъ не былъ согласенъ съ общимъ мнѣніемъ, и вызвалъ Гнѣдича на закладъ, что докажетъ ему противное. Дѣло принято было всѣми за шутку, о которой и не вспоминалъ никто. Между тѣмъ Крыловъ, сравнительно съ прежнимъ, рѣже видался съ Гнѣдичемъ, давая знать ему при встрѣчахъ, что пустился снова играть въ карты. Черезъ два года, у Оленина же, онъ приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ быть свидѣтелями экзамена, который Гнѣдичъ долженъ произвесть ему въ греческомъ языкѣ. Раскрываютъ въ Иліадѣ одно мѣсто, другое, третье — и такъ далѣе. Крыловъ все объясняетъ свободно. Каково было при этой новости всеобщее удивленіе, особенно Гнѣдича, который узналъ, что пріятель его, безъ помощи учителя, самъ собою, только въ теченіе двухъ лѣтъ, достигнулъ того, надъ чѣмъ самъ Гнѣдичъ провелъ половину жизни своей! Но Крыловъ не собрался извлечь изъ этого никакой выгоды ни себѣ, ни обществу: онъ удовольствовался только тѣмъ, что выигралъ закладъ у Гнѣдича и развеселилъ пріятелей своихъ. Правда, онъ купилъ всѣхъ греческихъ классиковъ и прочелъ ихъ отъ доски до доски. На чтеніе ихъ онъ упо

Digitized by Google

треблялъ всѣ свои вечера передъ сномъ. Потому-то греческія книги у него уставлены были подъ кроватью, откуда легко было доставать ему всякую, какъ только въ постелѣ приходила ему охота къ чтенію. По окончаніи экзамена, онъ охладѣлъ къ греческимъ классикамъ и не дотрогивался до нихъ нѣсколько лѣтъ. Разъ какъ-то онъ протянулъ-было подъ кровать руку за Эзопомъ — но тамъ уже не осталось никого изъ Грековъ. Служанка Крылова, замѣтивъ, что эти пыльныя книги никогда не читаются, и подумавъ, что, какъ безполезныя, нарочно и брошены онѣ подъ кровать, вздумала употреблять ихъ каждый разъ на подтопку, когда приходила топить печь въ спальнѣ».

Не менѣе интересенъ и слѣдующій анекдотъ о Крыловѣ, сохраненный для потомства г. Лобановымъ.

«Гнѣдичъ, переводчикъ Иліады, ближайшій сосѣдъ, сослуживецъ, вседневный собесѣдникъ и добрый товарищъ его, человѣкъ высокой души и свѣтлаго ума, удрученный болѣзнію, оставляя службу и оканчивая литературное свое поприще, удостоился получить 6000 р. пенсіи отъ Государя Императора. Вдругъ Крыловъ пересталъ къ нему ходить; встрѣчаясь въ обществахъ, не говорилъ съ нимъ. Изумленный Гнѣдичъ, да и всѣ, видѣвшіе эту внезапную въ Крыловѣ перемѣну, не постигали, что это значило. Такъ прошло около двухъ недѣль. Наконецъ, образумившись, Крыловъ приходитъ къ нему съ повинною головою: *Николай Ивановичъ, прости меня.* — Въ чемъ, Иванъ Андреевичъ? Я вижу вашу холодность и не постигаю тому причины. — *Такъ пожалуй же обо мнѣ, почтенный другъ: я позавидовалъ твоей пенсіи, и позавидовалъ твоему счастію, которое ты совершенно достоинъ. Въ мою душу ворвалось такое чувство, которымъ я гнушаюсь.* Пламенный Гнѣдичъ кинулся къ нему на шею и въ ту же минуту все прошлое забыто».

Коли ужъ пошло на анекдоты, то вотъ еще одинъ, въ высшей степени оригинальный, который тоже заимствуемъ у г. Лобанова:

Съ желудкомъ своимъ иногда онъ дерзалъ на такіе подвиги, которые приводятъ въ ужасъ. Однажды приказалъ онъ приготовить съ своему обѣду пряженыхъ пирожковъ. Ихъ подали въ свое время, и онъ скушалъ цѣлый десятокъ, потомъ спохватился, что въ нихъ былъ какой-то странный привкусъ да и цвѣтъ необыкновенный. Кликнулъ кухарку; нѣтъ ея, она ушла въ лавочку. Онъ пошелъ самъ въ кухню, видитъ: на очагѣ стоитъ кастрюля, нечищенная и неуженная съ незапамятныхъ временъ, заглянулъ въ нее: зеленые пирожки, т. е., покрытые ярью, плавали въ зеленомъ маслѣ. Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ — имъ овладѣло искушеніе, числомъ ихъ было шесть. — *Да что,* подумалъ онъ: *вѣдь это ничего; съѣлъ же я десятокъ, а шесть куда не шли!* да и спровадилъ ихъ въ свой богатырскій желудокъ. — Слыша жалобы молодыхъ людей на слабость желудка, онъ улыбаясь го-

Digitized by Google

ворилъ: *А я такъ бывало не давалъ ему потачки. Если чуть онъ задуритъ, то я наѣмся вдвое, такъ онъ себѣ какъ хочешь раздѣлывайся.*»

Любопытное зрѣлище представляетъ собою Крыловъ, съ дѣтства мучимый бѣсомъ авторства и такъ долго ищущій настоящей дороги своему таланту! Что-то говорило ему, что у него есть талантъ, да только не извѣстно, къ чему именно. И вотъ онъ пишетъ страшно плохія трагедіи, въ которыхъ является далеко ниже Сумарокова, пишетъ плохія оперы, плохія комедіи, изъ которыхъ, однакожъ, двѣ имѣли въ свое время огромный успѣхъ. Пишетъ онъ въ тоже время сатирическія статьи, которыя уже ближе всего другого къ его таланту; но и въ нихъ онъ все еще не на своей настоящей дорогѣ, потому-что свойственный ему родъ литературы только тотъ, въ которомъ онъ могъ быть первымъ; всякій же другой, въ которомъ онъ могъ играть только второстепенную или третьестепенную роль, не могъ быть его родомъ. И только *тридцати восьми* лѣтъ отъ роду, началъ писать Крыловъ басни, и тотчасъ же убѣдился, что это его настоящій родъ, и навсегда оставилъ свои попытки во всѣхъ другихъ родахъ.

Есть что-то общее, въ этомъ упорномъ и безпокойномъ исканіи своего призванія, между Крыловымъ и Беранже. Послѣдній очень рано понялъ, что его родъ — народная пѣсня; но сколько написалъ, или намѣренъ былъ написать онъ поэмъ и драмъ, прежде, нежели напалъ на свою настоящую дорогу! Но въ Беранже все это понятнѣе, чѣмъ въ Крыловѣ: Беранже — натура живая, страстная, подвижная; Крыловъ—натура тяжелая, сонная, холодная, неповоротливая. И потому-то, онъ какъ будто для того только нашелъ и созналъ свое назначеніе, чтобы почти ничего не дѣлать для его выполненія. Въ продолженіи *тридцати* лѣтъ написалъ онъ всего *сто-девяносто-семь* басень. Онъ писалъ ихъ какъ будто нехотя, случайно; ему какъ будто важнѣе было убѣдиться въ томъ, что онъ можетъ писать басни, нежели писать ихъ....

Въ біографіи Крылова, писанной г. Плетневымъ, читатели найдутъ полную оцѣнку всѣхъ трудовъ Ивана Андреевича. Въ этомъ и состоитъ главное, существенное отличіе біографіи Крылова, писанной г. Плетневымъ, отъ біографіи Крылова, писанной г. Лобановымъ: послѣдняя интересна только тѣмъ, что въ ней есть нѣсколько анекдотовъ, нѣсколько чертъ жизни Крылова, которыхъ нѣтъ въ статьѣ г. Плетнева.

Вотъ сужденіе послѣдняго о трудахъ Крылова по части русской комедіи:

Digitized by Google

«Театръ еще долго привлекалъ къ себѣ все вниманіе Крылова и подстрекалъ его дѣятельность. Отъ сочиненія трагедій отказался онъ во-время. Но тѣмъ сильнѣе пристрастился теперь къ комедіямъ въ прозѣ, быстро поставляя ихъ одну за другою. Къ 1793 году относятся двѣ его пьесы: комическая опера *Бѣшеная семья* и комедія *Проказники*, обѣ тогда же представленныя и послѣ напечатанныя въ *Россійскомъ Ѳеатрѣ*. Трудно изъяснить теперь, отъ чего комедіи Крылова, и особенно первоначально имъ написанныя, такъ мало высказываютъ поэтическаго таланта? Нѣтъ въ нихъ ни русскаго общества, ни нашихъ нравовъ, ни характеровъ сословія, изображаемаго сочинителемъ, ни даже той общей истины въ дѣйствіяхъ, которая понятна уму, хотя бы онъ и не находилъ около себя хорошихъ образцовъ для руководства въ сочиненіи. Видно, напротивъ, что дурные образцы мало-по-малу получаютъ власть надъ самымъ умнымъ человѣкомъ. Въ комической оперѣ: *Бѣшеная семья*, ни въ чемъ нѣтъ правдоподобія. Все доведено до самой грубой каррикатуры. Двусмысленныя рѣчи заступаютъ мѣсто шутокъ. Въ языкѣ какая-то неблагородная изысканность. Это самая вѣрная копія пустыхъ, давно забытыхъ пьесъ того времени, когда она была писана. Нисколько не лучше и *Проказники*. Къ недостаткамъ первой пьесы здѣсь прибавлено еще столько излишнихъ сценъ и скучныхъ разговоровъ, что представленіе ея должно было утомить самыхъ неприхотливыхъ зрителей. Между-тѣмъ ровно за десять лѣтъ ужъ была напечатана безсмертная комедія Фонвизина: *Недоросль*. Ужели ея чтеніе не открыло глазъ Крылову на искуство? Или она еще такъ преждевременно явилась, что и самыя рѣзкія красоты ея не могли вдругъ направить умъ и вкусъ на новую дорогу?

. . . . . .

«*Сочинитель въ прихожей*, комедія въ трехъ дѣствіяхъ, написанная прозою, разыграна была въ 1794 году и послѣ напечатана въ *Россійскомъ Ѳеатрѣ*. Волокитство и мотовство, основы старинныхъ у насъ комедій, составлявшихся по французскимъ образцамъ, господствуютъ и въ театральныхъ пьесахъ Крылова, которыя относятся къ разсматриваемому нами времени. Герой комедіи, *графъ Дубовой*, такъ ослѣпленъ своею любовью къ кокеткѣ *Новомодовой*, что во всѣхъ явленіяхъ, гдѣ онъ выходитъ на сцену, нѣтъ у него другихъ рѣчей, кромѣ разсказовъ о приготовленіяхъ къ свадьбѣ и подаркахъ невѣстѣ, которая только и годится, чтобы дать понятіе о глупѣйшей и самой низкой развратницѣ. Оба они мыслятъ и дѣйствуютъ по указаніямъ слуги и служанки, какъ это было въ обыкновеніи у всѣхъ прежнихъ театральныхъ героевъ. Не можешь надивиться, откуда эти люди зашли на сцену. Все, что ни говорятъ они, что ни предпринимаютъ, о чемъ ни шутятъ, за что ни сердятся, такъ чуждо общества, жизни и условій свѣта, что театръ привыкнешь почитать невѣдомою намъ планетою, куда волшебникъ-сочинитель забрасываетъ насъ для изученія диковинокъ. Тамъ между людьми, которые впрочемъ отличены

Digitized by Google

одинъ отъ другаго названіями должностей, очень и между нами извѣстныхъ, никакого нѣтъ различія: у нихъ побужденія, привычки, страсти, языкъ — все такъ подведено подъ одну и ту же форму, что, долго оставаясь въ ихъ обществѣ, потеряешь воспоминаніе о дѣйствительной жизни. Сочинитель, какъ бы отвращая всякое подозрѣніе, что онъ своею сатирою мѣтитъ на чью-нибудь личность, съ намѣреніемъ все изображаетъ такъ, какъ у насъ и быть не можетъ. Послѣ этого удивительно ли, что слова: *лгать* и *сочинять* употребляютъ у насъ нерѣдко какъ синонимы, и что между дѣйствительностію и представляемыми на сценѣ происшествіями никто не думалъ искать соотношенія?

. . . . . .

«Обѣ комедіи: *Модная Лавка* и *Урокъ Дочкамъ*, выражаютъ сильное негодованіе поэта на слѣпое пристрастіе Русскихъ къ Французамъ и ихъ языку. Можно подумать, что жизнь въ провинціи подняла всю его желчь. И въ самомъ дѣлѣ, тамъ недуги столицъ выказываются отвратительнѣе. Что здѣсь только смѣшно, или глупо, то въ провинціи, какъ въ искривленномъ зеркалѣ, становится гадко и нестерпимо. Многіе изъ писателей нашихъ, начиная съ Княжнина, вооружались сатирою противъ этого общественнаго недуга. Но пользы оказалось мало, даже нисколько. Подъ защитою господствующей моды никто не чувствуетъ боли, какую повидимому должны были бы произвести острыя стрѣлы насмѣшки. Есть и еще обстоятельство, спасающее порокъ общества. Сатирики изображаютъ его въ такомъ неестественномъ, въ такомъ искаженномъ видѣ, что ни одному человѣку и въ голову не придетъ приложить описаніе къ своей особѣ. Все дѣло оканчивается какъ въ баснѣ Крылова же. *Зеркало и Обезьяна*. Хотя новыя комедіи его несравненно выше прежнихъ движеніемъ и правдоподобіемъ событія, очертаніемъ характеровъ, указаніями на мѣстность и современные нравы, самымъ языкомъ, довольно естественнымъ, довольно разнообразнымъ; но въ подробностяхъ дѣйствій, въ составѣ сценъ, въ развитіи предпріятій много еще ложнаго, изысканнаго — и отъ того цѣлое больше утомляетъ зрителя, нежели проникаетъ въ его сердце. Такъ въ *Модной Лавкѣ* Сумбурова, для которой написана вся комедія, нисколько не возбуждаетъ въ насъ того чувства, которое должно оттолкнуть отъ ея гадкаго ничтожества, потому-что оно перешло границы правды. Въ *Урокѣ Дочкамъ* всѣ сцены, гдѣ разговариваютъ Фекла и Лукерья съ Вельяровымъ, отзываются этимъ же недостаткомъ. Между тѣмъ есть здѣсь явленія, исполненныя высокаго комическаго достоинства. Ничего нельзя представить живѣе, увлекательнѣе и граціознѣе VII явленія, XI, XV и XVI. Эти простосердечныя глупости барышень врѣзываются въ памяти — и одинъ намекъ на какую-нибудь подобную сцену вызоветъ краску на лицо виновныхъ въ той же слабости.

Всего труднѣе разгадать, чѣмъ соблазнился Крыловъ при сочиненіи волшебной оперы своей: *Илья Богатырь*, явившейся тоже въ 1807

Digitized by Google

году въ печати и на театрѣ.. Изъ современныхъ ей и однородныхъ съ нею сферъ публику восхищала *Русалка*, Краснопольскимъ переведенная съ нѣмецкаго. Крылову показалось, что пьеса, основанная на отечественномъ преданіи, еще большее произведетъ дѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ, Илья Богатырь, Соловей-Разбойникъ могли увлечь воображеніе поэта. Между тѣмъ исполненіе идеи доказало, что для поэзіи необходимы краски времени и мѣста, что недостатка ихъ нельзя замѣнить чѣмъ-нибудь, что частности жизни должны быть заимствованы изъ народныхъ разсказовъ, которыхъ обработка требуетъ знанія древностей. На исторической почвѣ самый счастливый талантъ, самое плодовитое воображеніе мало помогаетъ поэту безъ вѣрныхъ, обильныхъ и уже готовыхъ матеріяловъ. Итакъ, неудивительно, что Сѣдырь, Тарпъ, Зломѣка и другія лица, смѣшно выдуманныя авторомъ, никого теперь не забавляютъ.»

Говорить о басняхъ Крылова нѣтъ никакой нужды, потому-что почти невозможно сказать о нихъ что-нибудь новое. Общее мнѣніе давно уже выговорилось о Крыловѣ, какъ баснописцѣ. Наши литераторы и критики, обыкновенно столь не согласные между собою въ сужденіяхъ о русскихъ писателяхъ, о Крыловѣ говорятъ все одно и тоже. Главная заслуга Крылова состоитъ, конечно, не въ правилахъ мудрости, будто бы преподанныхъ имъ человѣчеству, а въ томъ, что въ этомъ бѣдномъ и фальшивомъ родѣ поэзіи, изобрѣтенномъ подъ именемъ *басни* въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, онъ умѣлъ выказать все богатство яснаго, простого, положительнаго практическаго русскаго ума. Другими словами: высочайшее достоинство басень Крылова заключается въ томъ, что онѣ, и по содержанію, и по изложенію, и по языку, въ высшей степени русскія басни. Даже и въ переводахъ и въ подражаніяхъ Крыловъ умѣлъ остаться Русскимъ. Какъ истинно геніяльный человѣкъ, онъ, подобно другимъ, не ограничился въ баснѣ баснею, но придалъ ей живучій характеръ сатиры и памфлета.

Слѣдующія слова біографа Крылова много говорятъ объ особенномъ свойствѣ его басень, и мы ими заключимъ нашу статью:

«Легкость, съ которою мы успокоиваемся на первой удачѣ, обнаруживаетъ въ насъ какое-то равнодушіе къ земнымъ благамъ, но вмѣстѣ и хладнокровіе къ общественнымъ интересамъ. Такъ какъ природа отличила Крылова самыми рѣзкими чертами національности, то и игра ихъ въ его образахъ поражаетъ насъ болѣе, нежели въ комъ-нибудь другомъ. Между тѣмъ, какъ писатель, онъ прямо русской своей природѣ былъ обязанъ тѣмъ превосходствомъ въ постиженіи духа нашей жизни и нашего языка, которое въ этомъ отношеніи поставило его у насъ на первомъ планѣ. Никого изъ нашихъ писателей

Digitized by Google

нельзя поставить на одной съ нимъ линіи. Онъ придумываетъ разсказы столь естественные, столь простые и каждому понятные, столь несомнѣнные и очевидные, столь согласные съ нашей жизнію, обыкновеніями и привычками, что въ ихъ составѣ не оставалось и тѣни искусства, сочиненія, или подготовленія. Видишь, чувствуешь, какъ дѣло начинается и происходитъ. Но мысль не придетъ, что сочинитель повторяетъ старинную басню, извѣстную уже всѣмъ народамъ, и прикрываетъ ею общую истину. Разсказываемый имъ случай, повидимому, только и могъ подобнымъ образомъ произойти у насъ. Онъ проникнутъ духомъ нашей жизни и рѣчи.»

Повѣсти, сказки и разсказы казака Луганскаго. *Четыре части. Спб. 1846.*

Для литературныхъ успѣховъ, для пріобрѣтенія славы писателя, въ наше время мало одного таланта: необходимо еще, чтобы талантъ отъ самой природы былъ означенъ печатью самостоятельности. Какъ нельзя править людьми, имѣя умъ, но не имѣя воли и характера, такъ нельзя быть настоящимъ писателемъ, при помощи только безцвѣтнаго таланта. Оригинальность таланту сообщается угломъ зрѣнія, съ котораго представляется автору міръ, цвѣтомъ стеколъ, сквозь которыя отражаются въ глазахъ ума его всѣ предметы. Умъ одинъ у всѣхъ людей, и несмотря на то, русская пословица: *сколько головъ, столько умовъ*, все-таки справедлива. Умъ, это — духовное оружіе человѣка; оружіе это у всѣхъ людей одно, а каждый дѣйствуетъ имъ особенно, по своему. Мы исключаемъ отсюда людей, у которыхъ это оружіе или деревянное, или изъ дряннаго желѣза: нѣтъ, сколько ни возьмите людей съ одинаково хорошимъ оружіемъ этого рода, вы увидите, что каждый изъ нихъ, не уступая остальнымъ въ искусствѣ дѣйствовать своимъ оружіемъ, все-таки дѣйствуетъ имъ болѣе или менѣе по своему. Писатель съ талантомъ, но безъ оригинальности, сочувствуетъ всему на свѣтѣ, ничему не сочувствуя въ-особенности. Такой талантъ похожъ на человѣка, который говоритъ о себѣ, что онъ сгораетъ любовію къ человѣчеству, но что, несмотря на то, онъ никого въ жизнь свою не любилъ въ особенности, что никогда не было у него ни друга, ни пріятеля, ни брата, ни сестры, ни любовницы. Такой талантъ похожъ на великолѣпные ножны безъ сабли, на богатый сундукъ, въ которомъ ничего не положено. Онъ всегда готовъ писать о чемъ угодно и что хотите, но обыкновенно пишетъ всегда подъ чьимъ нибудь вліяніемъ. И не мудрено: для кого всѣ предметы одинаково ясно видимы, тотъ въ [illegible]ности не видитъ и не знаетъ ни одного. Безъ самобытности не-

Digitized by Google

льзя имѣть великаго таланта, а небольшой — въ такомъ случаѣ ничего не стоитъ.

Вглядываясь въ произведенія самобытнаго таланта, всегда находите въ нихъ признаки сильной наклонности, иногда даже страсти къ чему нибудь одному, и потому самому такой талантъ становится для васъ истолкователемъ овладѣвшаго имъ предмета. Онъ дѣлаетъ его для васъ доступнымъ и яснымъ, рождаетъ въ васъ къ нему симпатію и охоту знать его. Къ числу такихъ-то талантовъ принадлежитъ талантъ г. Даля, прославившагося въ нашей литературѣ подъ именемъ *казака Луганскаго*.

Въ чемъ же заключается особенность его таланта? Объ этомъ мы пока не будемъ говорить, а скажемъ, въ чемъ заключается господствующая наклонность, симпатія, любовь, страсть его таланта. Заключается все это у него въ русскомъ человѣкѣ, русскомъ бытѣ, словомъ — въ мірѣ русской жизни. Но чтожъ тутъ оригинальнаго — скажутъ намъ — мало ли людей, которые не меньше г. Даля и всякаго другого любятъ Русь и все русское?... Отвѣчаемъ: очень можетъ быть; но мы говоримъ о г. Далѣ, какъ о человѣкѣ, который самымъ дѣломъ показалъ и доказалъ эту любовь, какъ писатель. Вѣдь легко писать возгласы, исполненные хвалы Россіи и ненависти ко всему не русскому; но это еще не значитъ любить Русь и все русское. Другой и дѣйствительно любитъ ихъ, да нѣтъ у него достаточно таланта, чтобы любовь его отразилась въ мертвой буквѣ и зажгла ее тепломъ и свѣтомъ жизни... Любовь г. Даля къ русскому человѣку — не чувство, не отвлеченная мысль: нѣтъ! это любовь дѣятельная, практическая. Не знаемъ, потому ли знаетъ онъ Русь, что любитъ ее, или потому любитъ ее, что знаетъ; но знаемъ, что онъ не только любитъ ее, но и знаетъ. Къ особенности его любви къ Руси принадлежитъ то, что онъ любитъ ее въ корню, въ самомъ стержнѣ, основаніи ея, ибо онъ любитъ простого русскаго человѣка, на обиходномъ языкѣ нашемъ называемаго *крестьяниномъ* и *мужикомъ*. И — Боже мой! — какъ хорошо онъ знаетъ его натуру! онъ умѣетъ мыслить его головою, видѣть его глазами, говорить его языкомъ. Онъ знаетъ его добрыя и его дурныя свойства, знаетъ горе и радость его жизни, знаетъ болѣзни и лекарства его быта....

И зато, въ нашей литературѣ нашлось довольно критиковъ-аристократовъ, которыхъ оскорбила, зацѣпила за живое эта любовь г. Даля къ простонародью. Какъ-де, въ самомъ дѣлѣ, унижать литературу изображеніемъ грязи и вони простонародной жизни? Какъ выводить на сцену чернь, сволочь, мужиковъ-вахлаковъ, бабъ, дѣвокъ? Это аристократическое отвращеніе отъ грязной литературы деревень очень остроумно выразилъ одинъ карикатуристъ аристо-

Digitized by Google

кратъ, изобразивъ молодого автора одной прекрасной повѣсти изъ крестьянскаго быта роющимся въ помойной ямѣ....

Положимъ, господа, этотъ міръ дѣйствительно не отличается особенною опрятностію, чуждъ всякой образованности и далекъ отъ большого свѣта; но вѣдь вы же сердитесь, когда изображаютъ все васъ же да васъ; вы же говорите, что чиновники да чиновники и монотонно и пошло?... Какъ, да развѣ мы чиновники? — Мы литераторы, мы артисты, мы распространяемъ въ публикѣ изящный вкусъ и благородный тонъ большого свѣта....» Будьте вы, господа, чѣмъ хотите, служите или не служите вовсе, но вы — чиновники, вы — люди одного изъ среднихъ слоевъ общества, вы отъ большого свѣта гораздо дальше, нежели эти мужики, въ заскорузлыхъ кожанныхъ рукавицахъ, сермяжныхъ балахонахъ и въ смазанныхъ дегтемъ сапожищахъ, а всего чаще въ лаптяхъ.... Истинный аристократъ, настоящій свѣтскій человѣкъ никогда не станетъ брезгать мужикомъ, никогда не побоится замараться грязью его жизни тѣмъ, что будетъ смотрѣть на нее или изучать ее.... Эта боязнь свойственна только полубарамъ, полугосподамъ, выскочкамъ, которые еще не успѣли забыть, что такое грязь.... Извѣстное дѣло, что дворовый человѣкъ больше ломается надъ мужикомъ, нежели тотъ, кому принадлежатъ они оба. Въ чиновникахъ, мѣщанахъ, купцахъ больше спѣси, чинопочитанія, церемонности, презрѣнія ко всему низшему, подобострастія ко всему высшему, нежели въ высшемъ и низшемъ слояхъ общества.... Для многихъ ясно также, что въ необразованномъ мужикѣ иногда бываетъ больше врожденнаго достоинства, нежели въ образованныхъ людяхъ среднихъ сословій....

Но подобные люди не стоятъ опроверженій. Мужикъ — человѣкъ, и этого довольно, чтобы мы интересовались имъ такъ же, какъ и всякимъ барономъ. Мужикъ — нашъ братъ по Христу, и этого довольно, чтобы мы изучали его жизнь и его бытъ, имѣя въ виду ихъ улучшеніе. Если мужикъ не ученъ, не образованъ, — это не его вина... Ломоносовъ родился мужикомъ, и могъ бы и умереть мужикомъ; но обстоятельства помогли ему показать міру, что иногда кроется въ глубинѣ мужицкой натуры, чѣмъ можетъ иногда быть мужикъ. Образованность — дѣло хорошее — что и говорить; но, Бога ради, не чваньтесь ею такъ передъ мужикомъ: почему знать, что при вашихъ внѣшнихъ средствахъ къ образованію, онъ далеко бы оставилъ васъ за собою. Притомъ же дорога истинная образованность, а ваша, господа, заставляетъ умныхъ людей краснѣть за образованность и гнушаться ею...

Digitized by Google

Сочиненія г. Даля можно раздѣлить на три разряда: *русскія народныя сказки*, *повѣсти и разсказы* и *физіологическіе очерки*. Сказокъ у него особенно много. Мы, признаемся, не совсѣмъ понимаемъ этотъ родъ сочиненій. Другое дѣло — вѣрно записанныя подъ диктовку народа сказки: ихъ собирайте и печатайте, и за это вамъ спасибо. Но сочинять русскія народныя сказки или передѣлывать ихъ — зачѣмъ это, а главное — для кого? — Вѣдь простой народъ не прочтетъ, даже не увидитъ вашей книги, а для образованныхъ классовъ общества — что̀ такое ваши сказки?... Съ такими мыслями взялись мы читать сказки г. Даля; но если, прочтя ихъ, мы не перемѣнили такихъ мыслей, то значительно смягчили ихъ строгость, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ г. Далю. Онъ такъ глубоко проникъ въ складъ ума русскаго человѣка, до того овладѣлъ его языкомъ, что сказки его — настоящія русскія народныя сказки.... Поэтому писать ихъ былъ для него великій соблазнъ, и какъ онѣ многимъ и теперь нравятся, и мы не обойдемъ ихъ добрымъ словомъ, не попрекнемъ ихъ рожденіемъ, хотя и не пожелаемъ имъ дальнѣйшаго размноженія...

Въ повѣстяхъ и разсказахъ своихъ г. Даль является человѣкомъ бывалымъ. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ не бывалъ онъ? Онъ участвовалъ въ польской кампаніи и въ хивинской экспедиціи, онъ былъ въ Молдавіи, въ Валахіи, въ Бессарабіи; Новороссія съ Крымомъ знакомы ему какъ нельзя больше, а Малороссія — словно родина его... Онъ знаетъ, чѣмъ промышляетъ мужикъ владимірской, ярославской, тверской губерніи, куда ходитъ онъ на промыселъ и сколько заработываетъ... Г. Даль, это — живая статистика живого русскаго народонаселенія... Между повѣстями его есть не совсѣмъ удачныя, каковы, напр., *Савелій Грабъ*, *Мичманъ Поцѣлуевъ*, *Бѣдовикъ*... Онѣ скучны въ цѣломъ, но въ подробностяхъ встрѣчаются драгоцѣнныя черты русскаго быта, русскихъ нравовъ. Многіе разсказы очень занимательны, легко читаются и незамѣтно обогащаютъ васъ такими знаніями, которыя, внѣ этихъ разсказовъ, не всегда можно пріобрѣсти и побывавши тамъ, гдѣ бывалъ Даль. Такъ въ разсказахъ: *Майна* и *Бикей* и *Мауляна* знакомитъ онъ насъ съ нравами и бытомъ Кайсаковъ, въ *Цыганкѣ* — съ молдавскою цивилизаціею и положеніемъ Цыганъ въ тамошнемъ краѣ, въ *Болгаркѣ* — съ патріархальными нравами патріархальнаго болгарскаго племени, мало уступающими въ дикости патріархальнымъ кайсацкимъ нравамъ. Вообще, гдѣ основа разсказа проще, малосложнѣе, менѣе запутана, тамъ и разсказъ выходитъ лучше. Къ лучшимъ разсказамъ принадлежатъ, по нашему мнѣнію, *Хмыль*, *Сонъ и Явь* и *Бакхъ Сидоровъ Чайкинъ*...

Въ физіологическихъ очеркахъ своихъ Даль является уже не

Digitized by Google

просто бывалымъ, умнымъ, наблюдательнымъ человѣкомъ и даровитымъ литераторомъ, но еще художникомъ.... Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы написать *Дворника*, *Деньщика* и *Колбасники и Бородачи*, мало наблюдательности и самого строгаго изученія дѣйствительности: нуженъ еще элементъ творчества. Иначе, изображенія дворника, деньщика и купцовъ съ купчихами и купецкими дочерьми не являлись бы въ статьяхъ г. Даля типами, не поражали бы своею живою, внутреннею вѣрностію дѣйствительности, не врѣзывались бы навсегда и такъ глубоко въ памяти того, кто прочелъ ихъ разъ... Ихъ можно не только читать, но и перечитывать, и каждый разъ будутъ они казаться все лучше и лучше.

Намъ кажется, что г. Даль, пиша русскія сказки, повѣсти и разсказы, искалъ настоящей дороги для своего таланта, а написавши *Дворника*, *Деньщика*, *Колбасники и Бородачи*, нашелъ ее... Это подтверждается отчасти повѣстью *Бѣдовикъ*: въ ней мы видимъ какъ бы въ зародышѣ то лицо, которое такъ полно и богато, такъ ясно и рѣзко обозначилось потомъ въ *Деньщикѣ*. Какъ бы то ни было, но физіологическіе очерки г. Даля считаемъ мы перлами современной русской литературы, и желаемъ и надѣемся, что теперь г. Даль обратитъ свой богатый и сильный талантъ преимущественно на этотъ родъ сочиненій, не теряя болѣе времени на сказки, повѣсти и разсказы....

Очерки Рима. Аполлона Майкова. *С.п.б. 1847.*

Вотъ еще новое и притомъ особенно поразительное доказательство той истины, нами безпрестанно повторяемой, что теперь со дня на день труднѣе становится выдерживать роль поэта, и что если теперь стиховъ не читаетъ почти никто, кромѣ тѣхъ, которые сами упражняются въ стихотворствѣ, такъ это происходитъ не отъ упадка поэзіи, а отъ того, что требованія отъ поэзіи дѣлаются все строже и строже... Г. Аполлонъ Майковъ въ 1842 году издалъ книгу своихъ стихотвореній, въ которой почти наполовину было прекрасныхъ пьесъ, а въ этой счастливой половинѣ было десятка полтора превосходныхъ опытовъ въ антологическомъ родѣ. Подъ нѣкоторыми изъ этихъ пьесъ нисколько не удивительно бы увидѣть имя самого Пушкина: такъ дивно хороши онѣ! Талантъ г. Майкова по преимуществу живописный: его поэзія — всегда картина, блещущая всею истиною чертъ и красокъ природы. Съ этимъ соединяется у него пластицизмъ древне-греческаго созерцанія и выраженія. Г. Майковъ какъ будто ошибкою родился не въ Элладѣ и не въ вѣкъ Перикла... Что̀ можетъ быть, такъ сказать, *античнѣе*, напр., этой пьески:

Digitized by Google

Вотъ безжизненный обрубокъ
Серебра: стопи его,
И вмѣстительный мнѣ кубокъ
Слей искусно изъ него.
Ни кипридиныхъ голубокъ,
Ни медвѣдицъ, ни плеядъ,
Не лѣпи по стѣнкамъ длиннымъ:
Нарисуй въ саду пустынномъ,
Между розъ, толпы менадъ,
Выжимающихъ созрѣлый,
Налитой и пожелтѣлый
Съ пышной вѣтки виноградъ;
Вкругъ сидятъ умно и чинно
Дѣти передъ бочкой винной;
Фавны съ хмѣлемъ на челѣ,
Вакхъ подъ тигровою кожей,
И силенъ румянорожій
На споткнувшемся ослѣ.

Это стихотвореніе было написано г. Майковымъ уже послѣ изданія книги его стихотвореній, но по горячимъ еще слѣдамъ ея. Не помнимъ, написалъ ли онъ тогда и еще сколько нибудь такихъ стихотвореній; но въ послѣднее время талантъ его уже не производилъ ничего, что бы могло превзойти первые опыты его въ антологическомъ родѣ. Вотъ теперь издалъ онъ *двадцать-семь* новыхъ своихъ стихотвореній, писанныхъ на одну и ту же тему, какъ это показываетъ заглавіе книжки: *Очерки Рима*. Разумѣется, читая ихъ, мы невольно вспоминали первые опыты г. Майкова и сравнивали съ ними эти послѣдніе его стихотворенія. Сравненіе показало, что тутъ нѣтъ прогресса, нѣтъ хода впередъ.... Въ *Очеркахъ Рима* можно много указать превосходныхъ стиховъ, но немного стихотвореній, въ которыхъ все было бы выдержано, все одно другому соотвѣтствовало бы, которыя, своею цѣлостью, полнотою и замкнутостью, производили бы на читателя впечатлѣніе простое, единичное, не сложное, ясное, но полное, сильное и глубокое... Яркія вспышки истиннаго творчества видятся болѣе въ частностяхъ и подробностяхъ, чѣмъ въ цѣломъ. Можетъ быть, отъ-того читать ихъ подрядъ тяжело, несмотря на все удовольствіе, которое доставляютъ они мѣстами. Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній намъ очень понравились, несмотря на то, что полнаго и глубокаго впечатлѣнія не произвело на насъ ни одно; нѣкоторыхъ же мы вовсе не поняли, какъ, напримѣръ, это:

Digitized by Google

АНАХОРЕТЪ.

Двадцать лѣтъ въ пустынѣ
На скалѣ я прожилъ,
Выше тучъ, тумановъ
И громовъ и молній.

Изгнанный изъ міра
Горько міръ я бросилъ,
Но забыть съ нимъ трудно
Порванныя связи.

И когда вдругъ солнце
Облака разгонитъ,
Города въ долинѣ
Заблестятъ какъ искры.

Мнѣ на мысль приходитъ —
Въ двадцать лѣтъ, быть можетъ,
Все давно свершилось,
Изъ чего я бился:

Бѣдный свергъ оковы;
Сильны и прекрасны
Разумомъ и волей
Племена земныя....

Лжи не воздвигаютъ
Пышныя кумирни,
Ловкаго злодѣя
Не честятъ какъ бога....

Иль... быть можетъ, нынѣ
Люди и забыли,
Чтмъ во дни былые
Доблестны мы были!...

Вотъ стихотвореніе, которое особенно намъ понравилось:

Ахъ, люби меня безъ размышленій,
Безъ тоски, безъ думы роковой,
Безъ упрековъ, безъ пустыхъ сомнѣній,
Что тутъ думать? Я твоя, ты мой!

Digitized by Google

Что тебѣ отчизна, сестры, братья?
Что намъ въ томъ, что скажетъ умный свѣтъ?
Или холодны мои объятья?
Иль въ очахъ блаженства страсти нѣтъ?

Я любви не числю и не вѣрю,
Нѣтъ, любовь есть вся моя душа.
Я люблю — смѣюсь, клянусь и вѣрю....
Чувствую, какъ тутъ я хороша....

Вѣрь въ любви, что счастью не умчаться,
Вѣрь, какъ я, о гордый человѣкъ,
Что намъ вѣкъ съ тобой не разставаться
И не кончить поцалуя вѣкъ....

Воспоминанія Ѳаддея Булгарина. *Отрывки изъ виднаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни. Часть третья. Спб. 1847.*

Вотъ уже сколько лѣтъ, какъ всякое новое произведеніе г. Булгарина возбуждаетъ противъ себя критику почти всѣхъ журналовъ. Это вошло какъ будто въ обыкновеніе. Противники г-на Булгарина упорно не хотятъ видѣть ничего хорошаго въ его сочиненіяхъ; а онъ заключаетъ изъ этого, что, по любви къ правдѣ, претерпѣваетъ гоненіе почти отъ всего литературнаго міра. И многіе читатели могутъ убѣдиться въ этой мысли не по словамъ, столь часто повторяемымъ г. Булгаринымъ, а по образу дѣйствованія противниковъ его. Въ самомъ дѣлѣ, увѣрять, что такой-то писатель совершенно бездаренъ, что сочиненія его гроша не стóятъ, — и въ то же время, при всякомъ случаѣ, нападать на него, не значитъ ли это достигать въ отношеніи къ нему совсѣмъ другой цѣли, нежели какую предположили себѣ?... Что́ касается до нашего журнала, мы можемъ поручиться за него, что у него не будетъ ни кумировъ безусловнаго хваленія, ни предметовъ безусловнаго гоненія. И это совсѣмъ не такъ трудно, какъ думаютъ: стóитъ только слушаться своей совѣсти и не бояться ложнаго истолкованія своихъ поступковъ... Почему не отдать должной справедливости сочиненію всякого? Вѣдь для насъ тутъ одна опасность: почтенный авторъ этотъ можетъ остаться недоволенъ нашимъ отзывомъ, а наши недоброжелатели могутъ закричать, что мы вступили съ нимъ въ союзъ... Но что́ жъ тутъ страшнаго? Вѣдь публика увидитъ, кто правъ, кто виноватъ? А что́ касается до обвиненій въ союзахъ, — противъ насъ было уже оно; но мы, ссылаясь на совѣсть самихъ его изобрѣтателей, спраши-

Digitized by Google

васъ ихъ: кому повредило это поспѣшное обвиненіе — намъ или имъ?...

По нашему мнѣнію, теперь самое удобное и благопріятное время дѣйствовать журналамъ добросовѣстно: они уже не могутъ рисковать быть не понятыми, не оцѣненными. Теперь публика уже далеко не то, что она была, напримѣръ, лѣтъ пятнадцать назадъ... Теперь нѣтъ никакой необходимости безпрестанно браниться то съ тѣмъ, то съ другимъ. Положимъ, напримѣръ, что какой нибудь авторъ издалъ плохую книгу, да самъ и расхвалилъ ее въ собственномъ журналѣ или собственной газетѣ: если по поводу этой книги нельзя сказать ничего дѣльнаго, кромѣ того, что она никуда не годится, то не лучше ли будетъ вовсе умолчать о ней?... Не бойтесь, что она пойдетъ и публика расхватаетъ ее; повторяемъ: теперь не та уже публика... Недавно Гоголь отрекся отъ своихъ сочиненій и, въ порывѣ неумѣренной скромности, объявилъ ихъ всѣ ничтожными: вы думаете, публика повѣритъ ему? — Не думайте этого. Этому поспѣшилъ повѣрить только г. Булгаринъ, да и то безплодно, потому-что отъ этого сочиненія Гоголя нисколько не упали ниже, а сочиненія г. Булгарина ни на волосъ не поднялись выше....

Мы не будемъ говорить о романахъ и другихъ прежнихъ сочиненіяхъ г. Булгарина, потому-что не о нихъ рѣчь здѣсь; скажемъ только, что хорошо понимая ихъ цѣнность въ настоящее время, мы все-таки не отнимаемъ у нихъ достоинства и заслуги въ извѣстной степени въ давнюю теперь эпоху ихъ успѣха... Что же касается до *Воспоминаній* г. Булгарина, мы не обинуясь скажемъ, что книга эта — довольно пріятное явленіе въ нашей литературѣ. Мы страшно бѣдны записками (мемуарами), которыми такъ страшно богаты Французы. Старина наша исчезаетъ отъ насъ со дня на день, не оставляя по себѣ ни слѣда, ни воспоминанія. А между тѣмъ, въ Россіи все идетъ впередъ съ непостижимою скоростію. Не успѣешь прожить какихъ нибудь десятка лѣтъ, глядь — за ними уже старина, другіе нравы, другія понятія, другія требованія .. И вотъ тѣмъ-то болѣе спасибо всякому, кто, много живши, много видѣвши и слышавши, сохранитъ для публики хотя нѣсколько чертъ прошедшаго времени. Въ *Воспоминаніяхъ* г. Булгарина есть такія черты. Конечно, книга его могла бъ быть и лучше; но, во первыхъ, не должно забывать, что такого рода книги у насъ еще не могутъ быть слишкомъ хороши, а во вторыхъ, лучше сказать человѣку спасибо за то, что онъ сдѣлалъ и чего другіе не сдѣлали, нежели толковать, что онъ то же бы, да лучше могъ сдѣлать. Критики г. Булгарина были большею частію правы, указывая на промахи и недостатки его книги; но они были не правы тѣмъ, что ничего не сказали о ея хорошихъ сторонахъ. А въ ней

Digitized by Google

есть страницы, которыя читаются очень и очень не безъ интереса и не безъ удовольствія. Одинъ портретъ полковника Пурпура, сохраненный для потомства г. Булгаринымъ, чего стоитъ!... Многія подробности частной жизни бѣлорусскихъ Поляковъ, во время присоединенія бѣлорусскаго края къ Россіи, изложены авторомъ очень занимательно и ловко. Кромѣ болѣе или менѣе удачнаго выраженія чертъ навсегда исчезнувшаго быта, попадаются иногда въ книгѣ г. Булгарина и дѣльные взгляды на дѣла и людей минувшихъ дней.

Донъ Жуанъ. *Поэма Лорда Байрона. Переводъ* Н. Жандра. *Санктпетербургъ. 1846.*

Мы рѣшились, по принятому нами правилу, прейти молчаньемъ этотъ переводъ 1-й пѣсни Д. Жуана, какъ работу недостойную вниманія читателя — но слѣдующіе стихи, написанные собственно отъ лица г. Жандра, перемѣнили наше мнѣніе:

«Такъ если снисходительный судья
«Не охулитъ во мнѣ все безъ разбору,
«Впрямь въ риемачи пущусь, быть можетъ, я!
«Помчитъ меня Пегасъ въ высоку гору....
«А между тѣмъ, въ часы досуговъ, я
«Задумалъ много *всякаго ужь вздору*...

«А если нѣтъ — я вырву вдохновенье
«Изъ сердца прочь...
«И стану я философомъ прямымъ:
«Смѣшны казаться будутъ мнѣ стремленья
«Души младой; внимать я стану имъ
«Съ улыбкою, при дѣльномъ разговорѣ
«Объ акціяхъ, торгахъ и *всякомъ вздорѣ*.»

Всякій изъ насъ обязанъ подать совѣтъ ближнему, если онъ его видитъ въ опасности; и потому, желая добра и г. Жандру и себѣ, искренно совѣтуемъ ему «вырвать изъ сердца прочь вдохновенье»; время еще не ушло; первая ошибка скоро забудется — и г. авторъ самъ потомъ будетъ радъ, что сошелъ во-время съ дороги, на которой, кромѣ непріятностей, онъ ничего не можетъ найти. Люди, безъ таланта и призванія пустившіеся въ литературу, терпятъ участь горькую, а мы, повторяемъ, желаемъ г. Жандру добра и не можемъ скрыть отъ него, что въ его стихахъ нѣтъ никакого признака даже внѣшняго таланта. Ужь если выбирать изъ двухъ родовъ «вздора», право, лучше отдать предпочтеніе тому, отъ котораго можно, по крайней мѣрѣ, ожидать вещественной прибыли и который никогда не

Digitized by Google

вовлечетъ васъ во искушеніе написать и напечатать подобные стихи:

CXIX.

«Любовь! любовь! ты дивное на свѣтѣ!
«Хоть за тебя легко и пострадать:
«Ей ей, что годъ имѣю я въ предметѣ
«Исправиться — но вотъ начну..... и хвать!»

(стран. 48).

Послѣ сказаннаго нами, о самомъ переводѣ распространяться не стоитъ. Критика указываетъ на недостатки только тогда, когда рядомъ съ ними стоятъ красоты.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. *Засѣданіе 30-го ноября, 1846 года. № 4.*

Эта книжка — продолженіе изданій Общества Исторіи и Древностей русскихъ, которое съ годъ тому назадъ сдѣлалось такъ неутомимо-дѣятельно. Въ ней, какъ и во всѣхъ предъидущихъ, мы находимъ много любопытнаго. Укажемъ въ особенности на превосходную статью епископа рижскаго Филарета о Кириллѣ и Меѳодіѣ, славянскихъ просвѣтителяхъ; на статью покойнаго Венелина о Летахъ. Въ отдѣлѣ матеріяловъ помѣщено окончаніе ригельмановой исторіи Донскихъ Казаковъ съ указателемъ, полнымъ оглавленіемъ, двумя планами и 17-ю рисунками, изображающими печати донского войска и его древніе національные, мужскіе и женскіе костюмы; въ отдѣлѣ иностранныхъ матеріяловъ напечатанъ переводъ краткой исторіи Польши въ періодъ времени отъ 1647 до 1660 года, гдѣ находимъ, между прочимъ, разсказъ о войнахъ Польши съ Хмѣльницкимъ. Наконецъ, въ составъ этой книжки вошли: отрывокъ изъ портфейлей Маллера о Малороссіи и извѣстіе о любопытномъ открытіи новаго греческаго текста лѣтописи Георгія Амартола княземъ М. А. Оболенскимъ, въ московской синодальной библіотекѣ. — Нельзя не порадоваться успѣшному ходу изданій Общества. Въ короткое время они получили такую важность, что безъ нихъ трудно обойтись всякому, кто только занимается русской исторіей. Особенно важны они для исторіи Малороссіи и казачества, которая служитъ необходимымъ поясненіемъ и дополненіемъ московской или великорусской.

Государственная внѣшняя торговля въ разныхъ ея видахъ, за 1845 г. (40 таблицъ).

Къ числу важнѣйшихъ и достовѣрнѣйшихъ матеріяловъ для отечественной статистики принадлежатъ отчеты, издаваемые ежегодно

Digitized by Google

отъ департамента внѣшней торговли: въ нихъ заключается обильный источникъ свѣдѣній о состояніи внѣшней торговли Россіи, который еще ожидаетъ тщательной разработки. Эти отчеты, въ нынѣшнемъ, усовершенствованномъ видѣ, издаются съ 1824 года, и съ тѣхъ поръ, почти всякій годъ обогащаясь новыми таблицами, представляютъ уже достаточно матеріяловъ для сравнительныхъ выводовъ о ходѣ внѣшней торговли въ теченіи болѣе двадцати лѣтъ. Опытъ въ этомъ родѣ былъ недавно сдѣланъ извѣстнымъ статистикомъ нашимъ П. И. Кеппеномъ; онъ составилъ, на основаніи «Видовъ Внѣшней Торговли», любопытную таблицу объ отпускѣ и привозѣ главныхъ товаровъ съ 1824 по 1843 г. (*), раздѣленную на пятилѣтніе періоды, въ которыхъ количество и цѣнность каждаго товара означены средними числами, и, сверхъ того, показано процентами на сколько увеличилось или уменьшилось количество и на сколько поднялась или упала цѣнность товара въ послѣдніе три періода противъ перваго пятилѣтія. Г. Кеппенъ присовокупилъ къ этой таблицѣ нѣкоторыя пояснительныя замѣчанія, чтобы указать на пользу такихъ выводовъ для статистическихъ соображеній. Изданная имъ таблица можетъ послужить матеріяломъ къ подробному изслѣдованію развитія, возвышенія или упадка главныхъ отраслей внѣшней торговли; подобныя таблицы, на основаніи тѣхъ же отчетовъ, можно бы составить по всѣмъ статьямъ отпуска и привоза, по каждому отдѣлу, какъ европейской, такъ и азіятской торговли, морской и сухопутной, по купеческому судоходству и проч. Въ этомъ отношеніи, «Виды Внѣшней Торговли» могутъ удовлетворить любознательности болѣе, нежели многія другія «офиціяльныя» свѣдѣнія, основанныя на показаніяхъ, которыя, по существу своему, не подлежатъ никакой повѣркѣ, напримѣръ: свѣдѣнія о количествѣ посѣва и урожая, о числѣ скота, о производствѣ частныхъ фабрикъ и заводовъ, о привозѣ и продажѣ товаровъ на ярмаркахъ и т. п. Напротивъ того, въ «Видахъ Внѣшней Торговли» каждая цифра основана на документахъ, служащихъ для пропуска товара чрезъ таможни и подвергаемыхъ контролю въ отношеніи правильнаго взысканія тарифной пошлины. Въ этой отчетливости заключается важное преимущество «Видовъ Внѣшней Торговли» предъ статистическими матеріялами о всѣхъ предметахъ, касающихся до внутренней сельской, рукодѣльной и торговой промышленности.

Изданные въ концѣ прошедшаго года отчеты за 1845 г., подобно предъидущимъ, начинаются общимъ обозрѣніемъ внѣшней торговли, за которымъ слѣдуютъ 40 таблицъ: объ отпускѣ и привозѣ, о дви-

(*) См. С.п.б. вѣдомости, № 10, 1845 г.

Digitized by Google

женіи судоходства, о биржевыхъ цѣнахъ и проч. Разсматривая ихъ, безъ сравнительнаго соображенія, съ подобными же таблицами за предъидущіе годы, нельзя получить яснаго и точнаго понятія о состояніи внѣшней торговли: болѣе или менѣе успѣшный ея ходъ въ теченіи года зависитъ отъ многихъ случайностей, которыя не позволяютъ сравнивать одинъ годъ съ другимъ и въ нѣкоторой степени уравниваются только при выводѣ среднихъ чиселъ за нѣсколько лѣтъ. Но и въ отношеніи этихъ выводовъ, нельзя руководствоваться однообразнымъ исчисленіемъ за опредѣленные, напримѣръ, пяти или десяти-лѣтніе періоды, а нужно всегда имѣть въ виду тарифную систему государства и происходящія въ ней, по временамъ, существенныя перемѣны, которыхъ вліяніе обнаруживается приращеніемъ, либо упадкомъ той или другой отрасли торговли. Напримѣръ, въ Россіи, по тарифу 1819 г. былъ дозволенъ привозъ всѣхъ товаровъ съ умѣренною пошлиною, а въ 1822 г. введенъ запретительный тарифъ и пошлины на многіе иностранные товары значительно возвышены. Если для статистическихъ соображеній о привозной торговлѣ взять пятилѣтіе съ 1819 по 1823 г. включительно, по издававшимся тогда отчетамъ, то почерпнутыя изъ нихъ цифры могутъ привести къ ошибочнымъ выводамъ, отъ-того, что привозъ при свободномъ тарифѣ за 1819—1821 г. былъ бы сложенъ съ привозомъ за 1822—23 г. при запретительной системѣ, тогда какъ въ политико-экономическомъ отношеніи весьма важно показать вліяніе различныхъ тарифовъ на ходъ внѣшней торговли. Съ этою цѣлію, принимая въ соображеніе измѣненія таможенныхъ пошлинъ по крайней мѣрѣ на главнѣйшіе товары, необходимо исчислять привозъ или отпускъ каждаго изъ нихъ за разные періоды, руководствуясь перемѣнами въ тарифѣ. Общія средніе числа за пять или десятилѣтіе могутъ показать только возвышеніе или упадокъ торговли какимъ либо товаромъ; но не объяснятъ, произошло ли это отъ измѣненія таможенной пошлины или должно искать причину въ другихъ обстоятельствахъ.

Предполагая изложить здѣсь краткій обзоръ современнаго состоянія нашей внѣшней торговли, мы воспользуемся изданными нынѣ отчетами за 1845 г., чтобы почерпнуть средніе числа отпуска и привоза товаровъ за послѣдніе четыре года со времени вступленія въ силу нынѣшняго тарифа, т. е. съ 1842 г., и предоставляемъ себѣ впослѣдствіи обозрѣть движеніе различныхъ отраслей торговли, сравнительно, за разные періоды, соображаясь съ происходившими въ тарифѣ перемѣнами.

Внѣшняя торговля Россіи раздѣляется на европейскую и азіатскую. Этимъ раздѣленіемъ, которое не должно принимать только географическое разпредѣленіе главныхъ ея отраслей, рѣзко обоз-

Digitized by Google

начается различіе торговыхъ отношеній Россіи къ Западу и къ Востоку, различіе, ясно выражающее собою потребности и состояніе ея внутренней промышленности и отличительныя свойства ея внѣшней торговли. Слѣдующіе выводы очевидно объясняютъ взаимную противоположность между нашею европейскою и азіятскою торговлею.

Средній отпускъ въ 1842—45 г.	По торговлѣ: Европейской.	Азіятской.	
I. Хлѣба и разныхъ сырыхъ продуктовъ . . . . . на	69,710,853	2,986,614	руб. сер.
II. Произведеній рукодѣльной, заводской и фабричной промышленности —			
a) полуобработанныхъ матеріяловъ . . . . . на	2,266,834	959,939	— —
b) издѣлій . . . . . —	3,725,835	5,661,307	— —
Итого. . .	75,697,222	9,597,860	руб. сер.

Средній привозъ въ 1842—45 г.	По торговлѣ: Европейской.	Азіятской.	
I. Жизненныхъ припасовъ на	14,540,256	7,899,510	руб. сер.
II. Товаровъ, служащихъ для рукодѣлій и фабрикъ . . . . . —	38,127,554	1,056,448	— —
III. Издѣлій . . . . . —	10,666,553	3,472,510	— —
IV. Драгоцѣнныхъ камней, жемчуга и кораловъ . —	1,634,582	—	— —
V. Разныхъ товаровъ . . . . —	636,023	544,291	— —
Итого . . .	65,604,968	12,972,759	руб. сер.

Пропорція вывоза хлѣба, разныхъ сырыхъ продуктовъ и полуобработанныхъ матеріяловъ доходитъ по европейской торговлѣ до до 95%, а на долю издѣлій приходятся только 5%, тогда какъ въ азіятской торговлѣ издѣлія составляютъ $^3/_5$ или 60% всей суммы отпуска.

Итакъ, въ своей отпускной торговлѣ, Россія является земледѣльческимъ государствомъ — въ отношеніи къ Западу, и мануфактурнымъ — въ отношеніи къ Востоку; но превосходство нашей европейской торговли надъ азіятской показываетъ, сколь великъ въ Россіи перевѣсъ земледѣльческой промышленности надъ мануфактурною: отпускъ на Востокъ, куда сбываются бо́льшею частію наши издѣлія,

Digitized by Google

доходитъ только до $^1/_{10}$ доли, а вывозъ на Западъ, поддерживаемый преимущественно сбытомъ хлѣба и разныхъ сырыхъ продуктовъ, объемлетъ $^9/_{10}$ всей нашей отпускной торговли.

Въ замѣнъ этихъ товаровъ, Россія пріобрѣтаетъ продукты, чуждые ея климату и почвѣ, вмѣстѣ съ разнообразными произведеніями европейской промышленности, и получаетъ отъ нея обратно часть своихъ матеріяловъ въ издѣліяхъ, выработанныхъ на таможнихъ фабрикахъ. Однако, половину всего привоза составляютъ матеріялы, служащіе для нашихъ рукодѣлій и фабрикъ, которыхъ производство направлено преимущественно къ внутреннему сбыту издѣлій, ограждаемому противъ иностраннаго соперничества тарифною системою. Подъ ея покровительствомъ, совершается успѣшное развитіе нашей юной мануфактурной промышленности. Внутренніе рынки болѣе и болѣе наполняются отечественными издѣліями, которыя удовлетворяютъ нуждамъ многочисленнѣйшаго класса потребителей и уже пользуются немаловажнымъ сбытомъ на Востокѣ. Изъ европейскихъ мануфактурныхъ товаровъ, при высокихъ пошлинахъ, которыми они обложены, доставляются въ Россію только предметы роскоши или такія издѣлія, которыхъ выдѣлка требуетъ большаго искусства и отъ-того еще не могла быть доведена у насъ до желаемаго совершенства. Что же касается до азіятскихъ тканей, то значительный ихъ ввозъ въ Россіи почти весь поступаетъ на потребленіе Азіятцевъ, обитающихъ въ юго-восточной части государства и потому не входитъ въ общій кругъ внутренней торговли иностранными товарами.

Въ суммѣ всего привоза, товары, къ рукодѣліямъ и фабрикамъ служащіе, составляютъ до 50%, жизненные припасы — 28%, издѣлія европейскія — 13% и азіятскія — 4%.

Такимъ образомъ, нынѣшнее состояніе нашей внѣшней торговли обнаруживаетъ, съ одной стороны, что въ Россіи земледѣльческіе промыслы служатъ главнымъ источникомъ народнаго богатства, а съ другой — что Россія уже подвигается на поприщѣ мануфактурной промышленности и сбытъ сырыхъ продуктовъ на Западѣ доставляетъ въ замѣнъ ихъ необходимые ей матеріялы, между тѣмъ, какъ потребленіе ея издѣлій на Востокѣ поддерживаетъ нашу азіятскую торговлю.

Въ таможенныхъ отчетахъ всѣ отпускные и привозные товары раздѣлены на слѣдующіе главные разряды: 1) жизненные припасы, 2) товары, къ рукодѣліямъ и фабрикамъ служащіе, 3) издѣлія и 4) разные товары. — При такомъ раздѣленіи, не видно, въ какой мѣрѣ различныя отрасли отечественной промышленности участвуютъ во внѣшней торговлѣ, по заграничному сбыту ихъ произведеній. Слѣ-

Digitized by Google

дующіе выводы, основанные на отчетахъ съ 1842 по 1845 г. включительно, показываютъ сумму средняго отпуска главныхъ товаровъ, съ раздѣленіемъ ихъ по промысламъ, которымъ они принадлежатъ.

Въ 1842—45 г. средній отпускъ товаровъ (кромѣ золота и серебра) простирался вообще на 84,960,365 руб. сер.; въ томъ числѣ отпущено:

I. Продуктовъ:

1) *Земледѣлія:*

Хлѣбныхъ припасовъ	на	14,501,056	руб. сер.
Льна, пеньки, льянаго и коноплян. сѣмени и масла	»	25,487,133	—
Прочихъ	»	331,955	—
Итого . .	на	40,320,144	руб. сер.

2) *Скотоводства:*

Сала	на	11,471,853	руб. сер.
Шерсти	»	6,745,178	—
Щетины	»	1,599,421	—
Кожъ невыдѣланныхъ	»	1,376,896	—
Скота	»	1,190,585	—
Перьевъ и пуха	»	531,731	—
Конскаго волоса	»	318,347	—
Прочихъ	»	359,406	—
Итого . .	на	23,593,417	руб. сер.

3) *Лѣсовъ:*

Лѣснаго товара	на	2,750,223	руб. сер.
Поташа	»	682,627	—
Смолы	»	192,186	—
Итого . .	на	3,625,036	руб. сер.

4) *Звѣриной ловли:*

Мягкой рухляди	на	2,189,918	руб. сер.
Заячьихъ шкуръ	»	253,938	—
Итого . .	на	2,443,856	руб. сер.

5) *Морскихъ звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ:*

Рыбы	на	62,445	руб. сер.
Икры	»	238,788	—
Клею	»	578,258	—
Ворвани	»	138,821	—
Итого . .	на	1,018,312	руб. сер.

Digitized by Google

6) *Пчеловодства:*

Воску	на	397,082 руб. сер.
Меду	»	25,408 —
Итого . .	на	422,490 руб. сер.

7) *Шелководства:*

Шелку сырца	на	157,906 руб. сер.

8) *Разныхъ неномененованыхъ продуктовъ* . . . . . на 1,265,289 руб. сер.

II. Произведеній рукодѣльной, фабричной и заводской промышленности:

Полуобработ. матеріяловъ	на	3,226,773 руб. сер.
Издѣлій	»	9,387,142 —
Итого . .	на	12,613,915 руб. сер.
Всего вообще	на	84,960,365 руб. сер.

Въ отпускной торговлѣ Россіи продукты земледѣлія, скотоводства и другихъ промысловъ составляютъ 86%, а произведенія рукодѣльной, фабричной и заводской промышленности только 14%. Пропорція однихъ льняныхъ и конопляныхъ продуктовъ (волокна, семени и масла) доходитъ до 30% всего отпуска, а разныхъ продуктовъ скотоводства до 27%, въ томъ числѣ сала 13%, шерсти 8% и прочихъ до 6%.—Вывозъ хлѣба всякаго рода простирается до 17%.

Хлѣбные припасы, хотя имѣютъ важное значеніе въ нашемъ отпускѣ, однако, не всегда вывозятся въ значительной пропорціи, и она весьма измѣняется, смотря по состоянію урожаевъ въ Россіи и за границею. Для примѣра приведемъ здѣсь отпускъ хлѣба за послѣдніе четыре года:

Отпущено:	въ 1842	1843	1844	1845 г.	
Пшеницы на	10,142,172	9,745,577	11,406,704	13,896,252	руб. сер.
Ржи . . . —	630,230	1,757,699	2,202,159	818,378	— —
Ячменя. . —	419,248	514,518	1,062,069	148,165	— —
Овса . . . —	271,035	165,191	295,622	454,838	— —
Прочаго . —	195,674	331,946	991,502	876,148	— —
Итого	11,658,359	12,514,931	15,958,056	16,193,781	руб. сер.

За исключеніемъ пшеницы, которая пользуется болѣе или менѣе постояннымъ сбытомъ въ нашихъ южныхъ портахъ, вывозъ всѣхъ другихъ зерновыхъ хлѣбовъ былъ въ эти годы очень перемѣнчивъ: въ 1842 г. отпущено на 1,320,513 руб., въ 1843 на 2,437,408 руб., въ 1844 г. на 3,559,850 руб. и въ 1845 г. на 1,421,581 руб. сер.

Значительнѣйшая часть хлѣбныхъ припасовъ, особенно пшеницы, вывозится изъ Россіи въ складочные порты и оттуда расходит-

Digitized by Google

ся, смотря по требованію, въ разныя иностранныя земли. Весь хлѣбъ, отправляемый къ прусскимъ портамъ, по рѣчному сообщенію, вывозится чрезъ эти порты въ Великобританію, Голландію и др. м. Изъ хлѣбныхъ припасовъ, отправляемыхъ въ ганзейскіе города, Голландію и Бельгію, нѣкоторая часть также вывозится за границу чрезъ Бременъ, Амстердамъ и др. Почти все количество хлѣба, отпускаемаго изъ южной Россіи въ Средиземное море, поступаетъ на складку въ Константинополѣ, Тріестѣ, Генуѣ, Ливорно, Марсели и др. и за расходомъ въ Архипелагѣ, на Іоническихъ островахъ, въ Тосканѣ и др. м., вывозится большею частью въ Великобританію и Францію. Въ 1842—1845 г. отпускъ хлѣба изъ Россіи въ порты Средиземнаго моря простирался почти на 10 мил., а въ прочія мѣста отпущено съ небольшимъ только на 4 мил. руб. сер.

По непостоянству требованія на хлѣбъ и по невозможности опредѣлить, съ помощью «Видовъ Торговли», настоящій сбытъ его въ разныхъ странахъ Европы, потому-что многія изъ нихъ снабжаются русскимъ хлѣбомъ чрезъ посредство иностранныхъ портовъ, мы показали его особо отъ другихъ товаровъ въ слѣдующемъ обозрѣніи средняго отпуска ихъ за 1842 — 1845 г., по странамъ, въ которыя они вывезены изъ Россіи

Отпущено:	хлѣба.	прочихъ товаровъ.	всего.		
Въ Великобританію . . .	1,994,708	29,117,761	31,112,469	руб.	сер.
— Францію	2,204,319	4.059,251	6,263,570	—	—
— Голландію и Бельгію .	1,077,035	4,571,011	5,648,046	—	—
— Ганзейскіе города . .	68,361	2,276,380	2,344,741	—	—
— Швецію и Норвегію .	216,061	1,025,442	1,241,503	—	—
— Данію	60,343	1,370,205	1,430,548	—	—
— Зундъ	22,166	6,610,344	6,632.510	—	—
— Пруссію:					
по рѣчному сообщ.	979,908	1,603,972	4.806,046	—	—
сухимъ путемъ . . .		388,808			
моремъ		1,833,338			
— Австрійскую Имперію:					
сухимъ путемъ . . .	52,678	2,988,020	4,020,958	—	—
моремъ	697,809	282,451			
— Турцію и Грецію . . .	3,033,029	1.388,965	4,421,994	—	—
— Италію	3,832,786	833,760	4,666,546	—	—
— Испанію и Португалію	119	594,024	594,143	—	—
— Америку	3,128	1,883,949	1,887,077	—	—
— прочія мѣста	—	—	627,091	—	—
Итого . .	14,242,450	61,454,772	75,697,222	—	—

Digitized by Google

Вывозъ сырыхъ матеріяловъ и другихъ товаровъ, кромѣ хлѣба, въ Великобританію составляетъ, по этой табели, 17% всего отпуска ихъ; но эта пропорція еще увеличится, если взять въ расчетъ, что большая часть товаровъ, вывозимыхъ изъ Россіи по рѣчному сообщенію въ Пруссію, отправляется также въ Великобританію чрезъ Мемель, Кенигсбергъ и Данцигъ, и что въ это государство идутъ также почти всѣ товары, объявляемые къ вывозу «въ Зундъ», гдѣ обыкновенно корабли получаютъ приказы о настоящемъ своемъ назначеніи. Такимъ образомъ, дѣйствительный отпускъ товаровъ въ Великобританію, за исключеніемъ хлѣба, можно считать по меньшей мѣрѣ около 35 мил. руб. сер. По обширному производству своихъ фабрикъ и заводовъ, она, болѣе другихъ европейскихъ государствъ, нуждается въ нашихъ сырыхъ продуктахъ, и отъ-того пріобрѣла столь значительное преобладаніе въ нашей отпускной торговлѣ, такъ что совокупный вывозъ въ прочія страны составляетъ менѣе половины нашего отпуска въ одну Великобританію. Сбытъ этихъ товаровъ въ другихъ мануфактурныхъ государствахъ западной Европы гораздо маловажнѣе: во Францію, Голландію и Бельгію отпущено ихъ (кромѣ хлѣба) на 8,630,000 руб. сер., вчетверо менѣе, нежели въ Великобританію. Еще слабѣе отпускъ въ нѣмецкія земли, которыя большею частью сами производятъ подобные же продукты. Хотя изъ табели, здѣсь помѣщенной, видно, что чрезъ сухопутную прусскую и австрійскую границу, также моремъ въ Пруссію и въ ганзейскіе города, отпущено разныхъ товаровъ (кромѣ хлѣба) на 6,170,000 руб.; однако, не малая часть ихъ вывозится отсюда въ другія мѣста, напримѣръ: шерсть, которой вывезено чрезъ сухопутную границу въ 1842 — 1845 г., среднею суммою, на 1,132,000 руб. сер., поступаетъ большою частію на бреславскія ярмарки, гдѣ покупаютъ ее не только для нѣмецкихъ фабрикъ, но и для вывоза въ Великобританію, Францію и Бельгію; почти вся мягкая рухлядь, которой въ 1842 — 1845 г. отправлялось изъ Россіи въ годъ на 970,000 руб. сер., сухимъ путемъ чрезъ австрійскую границу, на Броды, и моремъ въ ганзейскіе города (на Любекъ) и въ Пруссію (на Штетинъ), свозится въ Лейпцигъ и на тамошнихъ ярмаркахъ покупается для разныхъ странъ Европы; юфть и воскъ чрезъ австрійскую границу отправляются частью въ Италію; полотна, чрезъ ганзейскіе города (въ 1842 — 1845 г. вывозилось ихъ туда ежегодно на 322,000 руб. сер.) отпускаются въ Америку. Такимъ образомъ, дѣйствительный сбытъ нашихъ товаровъ въ нѣмецкихъ земляхъ, можетъ быть, простирается на сумму менѣе 4 милліоновъ руб. сер. Въ другихъ европейскихъ государствахъ по ограниченному производству ихъ фабрикъ и заводовъ, потребность въ нашихъ товарахъ еще ограниченнѣе: въ Швецію, Норвегію и Да-

Digitized by Google

нію отпущено ихъ, въ сложности (кромѣ хлѣба) на сумму до 2,400,400 руб. Въ торговлѣ нашей съ южною Европою хлѣбъ составляетъ главнѣйшую статью, а за вычетомъ его, отпускъ другихъ товаровъ простирался только на 2,816,000 руб. сер. Америка также мало нуждается въ нашихъ сырыхъ продуктахъ, которые имѣютъ еще нѣкоторый сбытъ въ Соединенныхъ-Штатахъ, но въ Бразилію, Вест-Индію и др. вовсе не требуются: средній отпускъ въ эту часть свѣта составлялъ по цѣнѣ только 1,887,000 руб. сер., въ томъ числѣ канатовъ и полотенъ отпущено почти на милліонъ руб. сер. Если присоединить къ этой суммѣ полотна, вывезенныя въ ганзейскіе города для отпуска въ Америку, то цѣнность всѣхъ товаровъ, сбываемыхъ туда изъ Россіи, составитъ около 2 милліоновъ руб. сер.

Итакъ, въ нашей отпускной торговлѣ, Великобританія имѣетъ рѣшительный перевѣсъ, который еще долженъ увеличиться съ приращеніемъ непосредственнаго отпуска туда нашего хлѣба, по случаю разрѣшенія въ этомъ государствѣ ввоза хлѣбныхъ припасовъ съ однообразною пошлиною. Если уже со времени облегченія тамошней системы привозныхъ пошлинъ съ хлѣба въ 1842 г., вывозъ его туда прямо изъ Россіи сдѣлался нѣсколько постояннѣе (*), то тѣмъ болѣе можно ожидать приращенія этого отпуска, когда Великобританія откроетъ съ 1849 г. свои порты для свободнаго ввоза хлѣбныхъ припасовъ (**).

При такомъ значительномъ сбытѣ русскихъ товаровъ въ Великобританію, неудивительно, что на ея сторонѣ остается перевѣсъ и въ нашей привозной торговлѣ; однако, немаловажное участіе принимаютъ въ ней и другія страны, продукты которыхъ необходимы для нашего потребленія. Въ 1842 — 1845 г., средній привозъ по европейской торговлѣ составлялъ слѣдующія суммы:

Изъ Великобританіи	на 20,890,661 руб. сер.
Франціи	» 8,685,197 —

(*) Въ теченіи 10 лѣтъ, пшеницы отпущено изъ русскихъ портовъ въ Великобританію:

Въ 1836 году	29,916 четв.		Въ 1841 году	263,081 четв.	
— 1837 —	47,297 —		— 1842 —	410,321 —	
— 1838 —	242,400 —		— 1843 —	204,817 —	
— 1839 —	533,285 —		— 1844 —	227,940 —	
— 1840 —	343,507 —		— 1845 —	216,867 —	

(**) Взиманіе однообразной пошлины съ хлѣба начнется тамъ съ февраля 1849 года.

Digitized by Google

Изъ Ганзейскихъ городовъ	»	7,626,767	руб. сер.
Америки	»	6,798,102	—
Пруссіи	»	5,685,503	—
Австрійской Имперіи	»	3,281,500	—
Турціи и Греціи	»	3,595,804	—
Италіи	»	2,341,658	—
Испаніи и Португаліи	»	2,230,294	—
Голландіи и Бельгіи	»	2,307,835	—
Швеціи и Норвегіи	»	1,323,724	—
Даніи	»	323,309	—
Прочихъ мѣстъ	»	498,614	—
Всего	на	65,604,968	руб. сер.

Въ томъ числѣ:

I. *Главныхъ продуктовъ Америки и Ост-Индіи.*

Сахару сырца	на	7,434,999	руб. сер.
Индиго, сандала и кошенили	»	3,613,767	—
Хлопчатой бумаги	»	2,685,699	—
Табаку	»	1,686,819	—
Кофе	»	1,051,061	—
Прочихъ	»	3,043,878	—
Итого	на	19,516,223	руб. сер.

II. *Европейскихъ товаровъ.*

1) *Жизненныхъ припасовъ:*

Винъ виноградныхъ	на	4,963,067	руб. сер.
Фруктовъ	»	2,390,854	—
Соли	»	2,162,970	—
Рыбы	»	1,507,900	—
Разныхъ	»	530,833	—
Итого	на	11,555,624	руб. сер.

2) *Товаровъ, служащихъ для рукодѣлій и фабрикъ:*

а) *Сырыхъ матеріаловъ:*

Масла деревяннаго	на	2,358,336	руб. сер.
Прочихъ	»	2,392,301	—
Итого	на	4,750,637	руб. сер.

Digitized by Google

b) *Обработанныхъ:*			
Бумажной пряжи	на	8,556,535	руб. сер.
Шерстяной пряжи	»	862,111	—
Шелка пряденаго	»	2,530,468	—
Прочихъ	»	2,497,213	—
Итого	на	14,446,327	руб. сер.
3) *Издѣлій всякаго рода*	на	10,666,553	руб. сер.
Европейскихъ товаровъ	на	41,419,091	руб. сер.
III. *Разныхъ товаровъ* (*)	на	4,669,654	руб. сер.
Всего вообще	на	65,604,968	руб. сер.

Между европейскими товарами, произведенія рукодѣльной, фабричной и заводской промышленности, принадлежащія частью къ издѣліямъ, частью къ обработаннымъ матеріяламъ, необходимымъ для нашихъ фабрикъ,—составляютъ значительную отрасль привоза, именно до 66%; на долю сырыхъ матеріяловъ приходится только 6%; остальной привозъ (28%) состоитъ изъ жизненныхъ припасовъ: винъ, фруктовъ, соли и др.

Разсматривая въ частности эти суммы, нельзя не обратить вниманія на то, что большая часть потребныхъ намъ иностранныхъ товаровъ привозится не прямо изъ мѣстъ ихъ происхожденія. Кромѣ фруктовъ, масла деревяннаго, соли и др., доставляемыхъ въ Россію прямо изъ южной Европы, нѣкоторыя тамошнія произведенія получаются также чрезъ другія страны; напримѣръ: испанскія и португальскія вина привозятся изъ Великобританіи, итальянскій шелкъ идетъ чрезъ Пруссію и Любекъ. Всѣ мануфактурные товары англійскіе, французскіе, швейцарскіе и др., покупаемые для Россіи на лейпцигскихъ ярманкахъ, доставляются частью чрезъ Любекъ и Штетинъ на пароходахъ, частью чрезъ прусскую границу. Такимъ образомъ, весьма ошибочно было бы заключить по суммамъ привоза изъ разныхъ странъ, что онъ состоитъ только изъ товаровъ тамошняго произведенія; это можно бы отнести собственно къ товарамъ, получаемымъ прямо изъ сѣверной и южной Европы и изъ Америки, то есть, къ пятой долѣ всего привоза. Напротивъ того, изъ другихъ мѣстъ привозятся въ Россію какъ собственныя ихъ, такъ и чужестранныя произведенія, и это посредничество иностранныхъ земель въ нашей привозной торговлѣ происходитъ частью отъ самого на-

(*) Въ эту статью включены товары, особо непоименованные, различнаго происхожденія.

Digitized by Google

правленія торговыхъ путей, смотря по удобствамъ доставки товаровъ, а еще болѣе отъ слабаго развитія нашихъ коммерческихъ связей съ отдаленными странами. За исключеніемъ сахара сырца, другіе продукты Америки и Ост-Индіи привозятся въ Россію наиболѣе изъ Великобританіи, отчасти также чрезъ Гамбургъ, Бременъ, Голландію, Францію и др. м. Въ 1842 – 45 г. средній привозъ изъ Америки простирался около 6 мил. 800 тысячъ руб. сер., въ томъ числѣ одного сахара-сырца было на 5,585,000 р., а прочихъ товаровъ только 1,213,000 р. Въ тоже время, привезено въ Россію колоніяльныхъ произведеній чрезъ разные европейскіе порты на сумму до 13 милліоновъ руб. сер. (*).

Незначительность нашей торговли съ за-атлантическими странами объясняется тѣмъ, что Америка и Ост-Индія, почти вовсе не нуждаясь въ нашихъ товарахъ, отпускаютъ свои продукты въ Европу въ замѣнъ издѣлій тамошнихъ фабрикъ, съ которыми намъ невозможно соперничать на этихъ отдаленныхъ рынкахъ. Даже тѣ изъ русскихъ издѣлій, которыя прежде находили тамъ нѣкоторый сбытъ, именно: полотна и канаты, нынѣ болѣе и болѣе вытѣсняются подобными европейскими товарами. Наша отпускная торговля съ за-атлантическими странами, можно сказать, ничтожна, въ сравненіи съ огромнымъ привозомъ тамошнихъ продуктовъ въ Россію чрезъ европейскіе порты. Эти товары, принадлежащіе большею частію къ матеріяламъ, необходимымъ для нашихъ фабрикъ, обходятся намъ дороже, нежели иностранцамъ, которые получаютъ ихъ изъ первыхъ рукъ. Россія, будучи не въ состояніи снабжать за-атлантическія страны своими издѣліями, пріобрѣтаетъ ихъ продукты покупкою на хлѣбъ и другіе товары изъ тѣхъ мѣстъ, которыя доставляютъ туда фабричныя произведенія. Очевидно, что такое посредничество европейскихъ портовъ, въ снабженіи Россіи американскими и ост-индскими продуктами, обращается въ пользу государствъ, издѣлія которыхъ обмѣниваются на эти товары, и хотя, отъ умноженія мануфактурнаго производства, увеличивается въ тѣхъ странахъ требованіе на русскіе продукты, однако, перевѣсъ выгодъ остается на сторонѣ иностранцевъ: получая отъ насъ сырые матеріялы, они обработываютъ ихъ на своихъ фабрикахъ, и, обмѣнивая собственныя издѣлія на тропическіе продукты, доставляютъ ихъ къ намъ, вмѣстѣ съ произведеніями своей мануфактурной промышленности.

(*) Этотъ привозъ, исчисленный здѣсь только по тѣмъ товарамъ, происхожденіе которыхъ можно опредѣлить изъ «Видовъ Торговли», долженъ быть въ дѣйствительности гораздо болѣе и по меньшей мѣрѣ доходитъ, вѣроятно, до 15 мил. руб. сер.

Digitized by Google

Выгоды отъ перевозки товаровъ въ нашей торговлѣ не только съ за-атлантическими странами, но и съ Европою находятся также въ рукахъ иностранцевъ. Напримѣръ, въ 1845 г. было въ приходѣ и въ отходѣ въ нашихъ сѣверныхъ и южныхъ портахъ 8,849 кораблей съ грузомъ, на коихъ перевезено товаровъ на 135,791,992 руб. сер.; но въ томъ числѣ, подъ русскимъ флагомъ было съ грузомъ, по приходу и отходу, 1,371, а иностранныхъ 7,478 кораблей; слѣдовательно, участіе русскаго флага въ перевозкѣ товаровъ составляло только 15%. Примѣняя этотъ выводъ къ цѣнности перевезенныхъ грузовъ, находимъ, что въ нашей внѣшней торговлѣ 1845 г. перевезено товаровъ иностранными кораблями на 115 мил. р., а подъ русскимъ флагомъ только на 20 милліоновъ. Если положить за фрахтъ, по самому умѣренному счету, круглымъ числомъ, только 10% съ цѣны товара, то сумма фрахтовыхъ денегъ, пріобрѣтенныхъ иностранными кораблями, составитъ не менѣе $11\frac{1}{2}$ мил. руб. сер.

Маловажность нашего купеческаго флота оказывается еще очевиднѣе, при ближайшемъ разсмотрѣніи его состава и мореходной его дѣятельности. Въ числѣ 760 судовъ, прибывшихъ подъ русскимъ флагомъ изъ иностранныхъ портовъ въ наши порты, Бѣлаго, Балтійскаго, Чернаго и Азовскаго морей, было: a) 119 ладей, употребляемыхъ только въ торговлѣ между бѣломорскими портами и Норвегіею; b) 298 судовъ, пришедшихъ изъ Турціи, которыя могутъ почитаться русскими только по флагу, ибо извѣстно, что экипажи всѣхъ русскихъ судовъ, употребляемыхъ въ заграничномъ мореплаваніи въ нашихъ южныхъ портахъ состоятъ большею частью изъ Грековъ; и c) въ числѣ остальныхъ 343 судовъ, подъ русскимъ флагомъ, большую часть составляютъ финляндскія суда. — За исключеніемъ вышеупомянутыхъ 417 судовъ, почти всѣ остальныя 343 прибыли изъ разныхъ европейскихъ портовъ. Но еще слѣдуетъ выключить изъ послѣдняго числа 24 рейса пароходовъ отъ Петербурга до Любека, и такимъ образомъ, настоящее количество парусныхъ судовъ, подъ русскимъ флагомъ, употребленныхъ въ плаваніи по Балтійскому, Нѣмецкому и Средиземному морямъ и по Океану, составитъ 319, изъ которыхъ только 8 было въ приходѣ изъ Америки, а иностранныхъ кораблей пришло оттуда 40. Въ Америку отправилось 33 корабля, и въ томъ числѣ было только два подъ русскимъ флагомъ.

Столь ничтожное развитіе нашего купеческаго судоходства, при изобиліи и дешевизнѣ въ Россіи матеріяловъ для снаряженія судовъ, обыкновенно приписываютъ недостатку у насъ опытныхъ мореходцевъ. Это могло быть справедливо въ прежнее время, когда еще недоставало средствъ къ учебному образованію шкиперовъ и штурмановъ;

Digitized by Google

но уже нѣсколько лѣтъ существуютъ училища торговаго мореплаванія, одно въ Петербургѣ, а другое въ Херсонѣ; недавно открыты еще шкиперскіе курсы въ Архангельскѣ и въ Кеми для тамошнихъ моряковъ, которые безъ всякой науки смѣло ходятъ на своихъ утлыхъ судахъ въ Норвегію; въ новороссійскомъ краѣ размножается сословіе вольныхъ матросовъ, которымъ правительство предоставило значительныя льготы и способы къ пріобрѣтенію опытности въ мореходствѣ, употребляя этихъ матросовъ на службу въ черноморскомъ военномъ флотѣ. Соперничество иностранныхъ судовъ, конечно, стѣсняетъ кругъ дѣятельности русскаго купеческаго флага, и особенно оно было тягостно, пока наши суда не пользовались еще въ иностранныхъ портахъ одинаковыми правами съ національнымъ флагомъ, по платежу ластовыхъ и другихъ сборовъ; но въ новѣйшее время, и это затрудненіе бо́льшею частью устранено посредствомъ торговыхъ трактатовъ, заключенныхъ Россіею съ разными иностранными владѣніями. Всѣ эти попеченія правительства о возвышеніи русскаго купеческаго судоходства, безъ сомнѣнія, принесутъ со временемъ благотворные плоды, когда русское коренное купечество приметъ дѣятельнѣйшее участіе во внѣшней торговлѣ. Нынѣ оно ведетъ свои коммерческія дѣла бо́льшею частію съ иностранными конторами, при русскихъ портахъ. Не производя заграничнаго торга на собственный счетъ и ограничивая кругъ своихъ дѣйствій по этой торговлѣ выпискою иностранныхъ товаровъ, наше купечество еще чуждо той просвѣщенной предпріимчивости, которая, побуждая къ распространенію коммерческихъ связей, поощряетъ и постройку кораблей для отправленія на нихъ товаровъ въ дальнія моря и для перевозки грузовъ между отечественными и иностранными портами.

Разсматривая въ отчетахъ за 1845 г. списокъ купцовъ, производившихъ въ Россіи заграничную торговлю свыше 50,000 р. сер., мы насчитали только двадцать русскихъ фирмъ, участвовавшихъ въ торговлѣ при петербургскомъ портѣ; но коммерческія дѣла ихъ ничтожны предъ обширными торговыми оборотами здѣшнихъ иностранныхъ конторъ. Въ 1845 г. на имена русскихъ купцовъ было выписано товаровъ (сахарнаго песку, табаку, фруктовъ, винъ, бумажной пряжи и н. др.) на 7,635,000 р., а привозъ чрезъ иностранныя конторы составлялъ 33,237,000 руб сер., на 335% болѣе. Отъ русскихъ купцовъ отправлено товаровъ за границу чрезъ петербургскій портъ, въ 1845 г., только на 896,000 р. За исключеніемъ этой столь незначительной суммы, весь отпускъ нашихъ товаровъ производился чрезъ англійскіе, нѣмецкіе и другіе иностранные дома, а именно—слишкомъ на 30 милліоновъ руб. сер.—Въ Ригѣ и другихъ остзейскихъ портахъ, хотя находятся также иностранныя (большею

Digitized by Google

частію англійскія) конторы, однако и мѣстное купечество принимаетъ немаловажное участіе во внѣшней торговлѣ. — Напротивъ того, въ Одессѣ, Таганрогѣ и другихъ портахъ южной Россіи, гдѣ купечество состоитъ бо́льшею частію изъ Грековъ и Итальянцевъ, нѣтъ ни одного русскаго торговаго дома, который имѣлъ бы прямыя сношенія съ заграничными мѣстами.

Въ рукахъ русскаго купечества исключительно находится только мѣновая торговля съ Китайцами, въ Кяхтѣ, куда законъ не допускаетъ иностранцевъ. Въ 1845 г. по этому торгу вымѣняно и промѣнено товаровъ на 13,622,000 руб. сер. Кяхтинскій мѣновой торгъ составляетъ главнѣйшую отрасль нашей азіятской торговли, которою на другихъ пунктахъ русскіе купцы мало занимаются, предоставляя ее русскимъ Армянамъ и Татарамъ, равно какъ Бухарцамъ, Персіянамъ и другимъ Азіятцамъ, пользующимся у насъ правомъ свободной торговли на главнѣйшихъ ярмаркахъ.

Средній привозъ и отпускъ товаровъ (кромѣ золота и серебра) въ торговлѣ Россіи съ разными азіятскими владѣніями простирался на слѣдующія суммы:

Мѣста, куда товары отпущены и откуда привезены.		По отпуску изъ Россіи.	По привозу въ Россію.	
Китай	на	6,280,937	6,260,972	руб. сер.
Киргизская степь	—	1,223,087	1,371,093	—
Бухарія	—	346,910	605,815	—
Ташкентъ	—	356,481	418,164	—
Кокантъ	—	20,298	34,666	—
Хива	—	189,012	182,362	—
Персія	—	761,559	3,203,019	—
Азіят. Турція	—	406,270	512,044	—
Прочія мѣста	—	13,306	384,624	—
Итого	на	9,597,860	12,972,759	руб. сер.

Важнѣйшимъ истокомъ для нашихъ товаровъ служитъ Китай, куда сбываются сукна, бумажные вельвереты, юфть, козловыя кожи, мягкая рухлядь и др., а на нихъ вымѣнивается у Китайцевъ преимущественно чай. Въ 1842—45 г. вывезено въ Китай:

Суконъ	на	2,653,726	руб. сер.
Бумажныхъ издѣлій	—	1,089,626	—
Юфти и другихъ выдѣланныхъ кожъ	—	370,171	—
Мягкой рухляди	—	1,314,878	—
Прочихъ товаровъ	—	852,536	—
Итого	на	6,280,937	руб. сер.

Digitized by Google

Изъ Китая привезено:

Чаю	на	6,014,043	руб. сер.
Другихъ товаровъ	—	246,929	—
Итого . . .	на	6,260,972	руб. сер.

Цѣнность промѣнянныхъ Китайцамъ товаровъ составляла около 70% всего нашего отпуска по азіятской торговлѣ, а пропорція вымѣнянныхъ отъ нихъ товаровъ доходила до 48% всего привоза и въ томъ числѣ цѣнность одного чаю простиралась до 46%.

Торговля наша съ другими азіятскими владѣніями гораздо маловажнѣе и представляетъ значительный перевѣсъ привоза надъ отпускомъ, пополняемый вывозомъ золота и серебра, какъ видно изъ слѣдующаго обозрѣнія за 1842—15 г.

Мѣста, куда товары отпущены и откуда привезены:	Отпущено изъ Россіи: разныхъ товаровъ.	Отпущено изъ Россіи: золота и серебра.	Привезено въ Россію: разныхъ товаровъ.	Привезено въ Россію: золота и серебра.
	Рубли Серебромъ.			
Киргизская степь	1,223,087		1,371,093	
Бухарія	346,910	113,371	605,815	293
Ташкентъ и Кокантъ .	376,779		452,830	
Хива	189,012		182,362	
Персія	761,559	3	3,203,019	
Азіятская Турція	406,270	2,581,63	512,044	39,872
Прочія мѣста	13,306		384,624	
Итого	3,316,923	2,695,004 р.	6,711,787	40,165 р.

Отпускъ товаровъ въ среднюю Азію вообще составлялъ 1,811,877 руб., а привозъ оттуда 2,496,724 р.; но какъ самая большая разность между отпускомъ и привозомъ оказывается въ нашей торговлѣ съ Бухаріею, то и вывозъ монеты направляется преимущественно въ эту страну. Впрочемъ, судя по цѣнности отпущенныхъ и привезенныхъ товаровъ, должно полагать, что въ среднюю Азію проходитъ еще много монеты тайно, ибо недовѣрчивые и опасливые Азіятцы, можетъ быть, неохотно объявляютъ ее въ таможняхъ, хотя вывозъ золота и серебра изъ Россіи дозволенъ безъ пошлины.

Тоже самое должно замѣтить и въ отношеніи вывоза монеты въ Персію и азіятскую Турцію. При незначительномъ сбытѣ нашихъ товаровъ въ Персіи, въ сравненіи съ привозомъ тамошнихъ произве-

Digitized by Google

деній, туда вывозится монета на большую сумму, которая, по таможеннымъ отчетамъ, составляетъ до $2^1/_2$ милліоновъ руб. сер.

Почти $^3/_5$ доли привоза изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ азіятскихъ владѣній составляютъ бумажныя и; въ мѣньшемъ количествѣ, шерстяныя и шелковыя издѣлія, употребляемыя преимущественно Азіятцами, живущими въ юговосточной Россіи.

Вывозъ нашихъ товаровъ этого рода въ среднюю Азію, хотя не великъ, однако еще поддерживается; но въ сѣверной Персіи и въ азіятской Турціи русскія издѣлія встрѣчаютъ соперничество европейскихъ товаровъ, доставляемыхъ туда чрезъ Требизондъ и Смирну. — Кромѣ ткацкихъ товаровъ, сбываются изъ Россіи въ эти владѣнія преимущественно металлы и металлическія издѣлія, юфть, посуда и разныя другія произведенія рукодѣлій и фабрикъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми иностранными товарами (красками, корольками, оловомъ и др.). Вообще, потребленіе нашихъ издѣлій въ средней Азіи распространяется медленно, по ограниченности нуждъ тамошнихъ жителей, состоящихъ частью изъ кочующихъ народовъ, частью изъ осѣлыхъ, но коснѣющихъ въ невѣжествѣ, подъ варварскою властью своихъ хановъ. Гораздо значительнѣе можетъ быть расходъ русскихъ мануфактурныхъ и заводскихъ произведеній въ Персіи и Турціи, гдѣ наша торговля пользуется бо́льшею безопасностью, покровительствомъ консуловъ, правами и преимуществами на основаніи трактатовъ; притомъ, сношенія съ этими государствами ближе и удобнѣе, посредствомъ черноморскихъ и каспійскихъ портовъ, нежели съ среднею Азіею, по степямъ, караванными путями. Турки и Персіяне привыкаютъ болѣе и болѣе къ европейскимъ товарамъ, съ коими умѣли познакомить ихъ Европейцы, приготовляя на своихъ фабрикахъ издѣлія, примѣненныя ко вкусу и нуждамъ обитателей Востока. Желательно, чтобы въ этомъ отношеніи русскіе фабриканты взяли примѣръ съ своихъ западныхъ собратій, и тогда можно будетъ ожидать успѣшнаго развитія торговли нашими издѣліями въ Турціи и Персіи, даже при соперничествѣ европейскихъ товаровъ на этихъ ближайшихъ къ Россіи азіятскихъ рынкахъ. Съ умноженіемъ тамъ сбыта нашихъ произведеній уменьшится вывозъ въ эти страны золота и серебра изъ Россіи, которая нынѣ снабжаетъ ихъ драгоцѣнными металлами на уплату за привозимые туда европейскіе товары, тогда какъ въ числѣ послѣднихъ находятся многія статьи, которыя могутъ быть доставляемы изъ Россіи, если по качеству и цѣнѣ будутъ соотвѣтствовать вкусу и надобностямъ тамошнихъ потребителей.

Въ заключеніе, обратимъ вниманіе еще на одну противоположность между нашею азіятскою и европейскою торговлею. Мы видимъ

Digitized by Google

здѣсь, что Азія ежегодно извлекаетъ изъ Россіи золота и серебра на сумму до 2,7000,000 руб. сер. или безъ малаго на 10 мил. руб. асс. Для успокоенія тѣхъ, которые дорожатъ торговымъ балансомъ, присовокупимъ, что Россія, отпуская въ Азію драгоцѣнные металлы, получаетъ ихъ по европейской торговлѣ на значительную сумму: въ 1842—45 г. средній привозъ золота и серебра въ слиткахъ и монетѣ простирался на 8,424,000 р., а вывозъ на 4,114,000 р. сер., слѣдовательно, ихъ привезено болѣе, нежели отпущено, слишкомъ на 4 милліона руб. сер.

г. И—ъ.

Digitized by Google

IV.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЛѢНѢ ВЪ ИСПАНІИ И У ВАРВАРІЙЦЕВЪ, СЪ 1811-го ПО 1814-й ГОДЪ.

(Изъ записокъ одного нѣмецкаго офицера (*), доставленныхъ въ редакцію самимъ авторомъ.)

....Мнѣ было 16 лѣтъ, когда я, окончивъ курсъ въ гимназіи, вступилъ, съ согласія дѣда моего, трирскаго подполковника (отецъ мой умеръ еще въ 1804, въ качествѣ турн-таксскаго почтдиректора), въ службу тогдашняго владѣтеля моей родины, Герцога Нассаускаго. Я былъ опредѣленъ во 2-й полкъ легкой нассауской пѣхоты.

Не прошло и двухъ мѣсяцовъ со времени вступленія моего въ дѣйствительную службу, какъ означенный полкъ получилъ приказъ выступить немедленно въ походъ. 12-го августа, 1808 года, оба батальона нашего полка оставили мѣста своей стоянки и соединились въ Гёгстѣ, съ тѣмъ, чтобъ оттуда идти въ направленіи къ пиренейскому полуострову. Перейдя черезъ Рейнъ у Майнца, мы направили свой путь черезъ Мецъ, Труа и Орлеанъ въ Байонну, гдѣ провели два дни для отдыха. 14-го октября вступили мы на испанскую землю. Видъ Пиреней, этихъ огромныхъ горныхъ массъ, которыхъ величавыя вершины, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ и опоясанныя облаками, виднѣлись еще изъ Франціи, произвелъ на насъ невыразимое впечатлѣніе. Къ тяжкому раздумью и строгимъ размышленіямъ приводила насъ также мысль, что мы пришли сюда содѣйствовать покоренію свободнаго, намъ вовсе неизвѣстнаго народа, въ пользу чужой, даже враждебной намъ власти.

Въ Ирунѣ, первомъ пройденномъ нами испанскомъ городкѣ, предсталъ намъ вдругъ совершенно новый образъ жизни, отличный отъ извѣстнаго намъ доселѣ, и не совсѣмъ-то для насъ пріятный.

(*) Нѣкоторые отрывки изъ этой статьи были напечатаны въ одной нѣмецкой газетѣ, безъ вѣдома автора, съ искаженіями и пропусками; здѣсь же она помѣщается вполнѣ, въ томъ видѣ, какъ написана авторомъ.

Digitized by Google

Здѣсь не выдали уж намъ квартирныхъ билетовъ, и полкъ долженъ былъ помѣститься, со всѣми офицерами до капитановъ включительно, въ запустѣломъ, монахами покинутомъ монастырѣ, гдѣ не оставалось ни дверей, ни оконъ; только штабъ-офицерамъ отведены были квартиры въ городѣ. Провіантъ, который мы получали со времени вступленія въ Испанію, былъ до чрезвычайной степени дуренъ, отпускался въ крайне маломъ количествѣ и состоялъ изъ испанскаго гороху, Caravansos, котораго мы не умѣли разваривать, отъ-чего не могли его и употреблять, да еще изъ дурной солонины, сухарей и вина. Этого послѣдняго мы не въ состояніи были пить, сколько по ѣдкой кислотѣ его, столько и по отвратительному вкусу, который получаетъ оно отъ мѣховъ, выдѣлываемыхъ изъ козла и служащихъ въ Испаніи, какъ извѣстно, почти исключительной посудиной при перевозѣ вина съ мѣста на мѣсто. Впослѣдствіи, однако, привыкли мы и къ этому вкусу и уже не пренебрегали болѣе единственнымъ для насъ напиткомъ.

Изъ Ируна полкъ нашъ отправился черезъ Толозу и Вильяреаль въ Дуранго, гдѣ для перемѣны намъ отвели уже не мужской, а женскій монастырь, пустое и полуразрушенное зданіе, въ цѣломудренныхъ кельяхъ котораго мы должны были квартировать.

При вступленіи нашемъ въ Испанію начался періодъ дождей. Съ неба лило ручьями и безостановочно, и это обстоятельство чрезмѣрно увеличивало тягость нашего похода, сколько потому, что дѣлало почти непроходимыми и безъ того дурныя и затруднительныя дороги, столько же, и еще болѣе, потому, что, какъ сказано, мы должны были располагать ночлеги свои въ полуразрушенныхъ монастыряхъ и церквахъ, гдѣ не имѣли ни малѣйшей возможности укрыть себя отъ непогоды. Къ довершенію нашего бѣдственнаго положенія, намъ не отпускалось другого топлива, кромѣ весьма малаго количества дровъ и угольевъ, едва достаточныхъ для приготовленія нашей скудной трапезы. У очага приходилось намъ и грѣться и сушить промокшую до нитки нашу одежду. Всего ужаснѣе и невыносимѣе были для насъ ночи: вынужденные оставаться круглый день въ полномъ одѣяніи, мы не могли предаться ни покою, ни сну, боялись ложиться на сырую землю, при сквозномъ отвсюду вѣтрѣ, не смотря на страшную усталость, отъ которой подкашивались ноги, и должны были проводить ночи на пролетъ въ безпрестанномъ движеніи, чтобы не окостенѣть и не замерзнуть отъ стужи. Многіе изъ солдатъ, надѣясь на свое здоровье, не соблюдали этой предосторожности, и за то, когда просыпались, были не въ силахъ встать отъ повсемѣстнаго онѣмѣнія членовъ.

Здѣсь, въ Дуранго, сформировались 1-й и 3-й корпусы, подъ начальствомъ маршала Лёфевра. Въ послѣдній изъ нихъ были включены войска рейнскаго союза, подъ командою генерала Лёваля и подъ именемъ «германской дивизіи».

Ровно черезъ три года по вступленіи нашемъ въ Испанію, — 14-го октября, 1811 былъ я уже поручикомъ, снискавъ этотъ чинъ постоян-

Digitized by Google

нымъ участіемъ въ трехлѣтней страшной войнѣ. Я былъ откомандированъ съ однимъ унтер-офицеремъ и 25-ю рядовыми сопровождать двухъ наканунѣ прибывшихъ курьеровъ изъ Санта-Круцъ-де-Мудела въ лежащую у подошвы Сьерра Морены, въ 4-хъ испанскихъ легахъ оттуда, корчму, Вента-де-Карденацъ.

Мѣстность между Санта-Круцъ-де-Мудела и Вента-де-Карденацъ очень разнообразна; у Санта-Круца мѣста ровны, открыты, слегка волнисты; ближе къ Сіерра-Моренѣ они становятся возвышеннѣе и гористѣе, и наконецъ, леги за двѣ съ половиной отъ Санта-Круцъ-де-Мудела принимаютъ суровый характеръ Пеніасъ-Перросъ. По дорогѣ изъ Вента-де-Карденаца верхушки башень Санта-Круцъ-де-Мудела видны уже за два часа пути; но самый городокъ и ближайшія окрестности его открываются взору только съ вершины отлогой возвышенности подъ самымъ Санта-Круцомъ, черезъ которую ведетъ военная дорога. Съ обѣихъ сторонъ городокъ окруженъ маленькими, но густыми оливковыми рощами; остальная окрестность совершенно открыта.

Я выступилъ съ моимъ отрядомъ изъ Санта-Круцъ-де-Муделы въ 3 часа утра, и въ 10 поутру же прибылъ въ Вента-де-Карденацъ; сдавши курьеровъ командовавшему тамъ офицеру и отдохнувши нѣсколько часовъ, я выступилъ въ обратный походъ къ своему посту, куда долженъ былъ возвратиться въ тотъ же день. Во время перехода я не замѣтилъ ничего подозрительнаго; только въ деревнѣ Эль-Визильо, на полпути, гдѣ я сдѣлалъ роздыхъ и вошелъ въ домъ, съ жильцами котораго познакомился еще прежде, во время шестинедѣльнаго здѣсь пребыванія, мнѣ показалось странно, что старинная пріятельница моя, дѣвочка лѣтъ 10 или 12, которой я дѣлалъ иногда подарки, начала меня умолять, чтобы я переночевалъ здѣсь, чтобы только на эту ночь остановился въ хорошо укрѣпленномъ, но по распоряженію губернатора оставленномъ домѣ. Эта просьба показалась мнѣ просто желаніемъ ребенка, разсчитывавшаго, можетъ быть, на подарокъ; я не обратилъ на нее особеннаго вниманія, и продолжалъ походъ, стараясь, впрочемъ, какъ можно скорѣе достигнуть до мѣста. Оставалось всего ¾ часа пути до Санта-Круцъ-де-Мудела, и я подумалъ, что опасенія, пробужденныя во мнѣ ребенкомъ, не имѣли никакого основанія, и что я приду къ своему посту безъ всякаго приключенія. Между тѣмъ, мы вышли на упомянутую выше возвышенность передъ Санта-Круцомъ, и я съ ужасомъ увидѣлъ, что вся равнина покрыта непріятельскою конницей. Отрядъ состоялъ человѣкъ изъ 1200; они подошли къ мѣстечку ночью, и скрылись въ оливковыхъ рощахъ; а по утру дали мнѣ выступить спокойно, надѣясь тѣмъ легче овладѣть всѣмъ постомъ, въ которомъ осталось всего человѣкъ 30, и то считая съ больными,—а потомъ безъ труда уничтожить и мой отрядъ.

Оставшійся въ Санта-Круцѣ отрядъ состоялъ изъ выздоравливающихъ разныхъ полковъ и помѣщался въ отдѣльно стоявшемъ, хорошо укрѣпленномъ домѣ. Тутъ было все — и солдаты, и офицеры, и всѣ

Digitized by Google

военныя принадлежности; только это обстоятельство давало имъ возможность противиться несравненно сильнѣйшему непріятелю. И непріятель, ничего не могши сдѣлать противъ слабаго гарнизономъ, но хорошо укрѣпленнаго дома, обратился всѣми силами на меня, окружилъ меня и требовалъ, чтобы я сдался. Нѣсколько выстрѣловъ въ подъѣхавшихъ ко мнѣ съ этимъ предложеніемъ были моимъ отвѣтомъ.

Уйти или пробиться,— объ этомъ нечего было и думать на ровномъ и открытомъ мѣстѣ, гдѣ всѣ выгоды были на сторонѣ кавалеріи и гдѣ я не могъ отыскать ни малѣйшей защиты. Нельзя было разсчитывать и на помощь: ближайшій довольно сильный военный постъ, откуда я могъ бы ожидать подкрѣпленія, Вилла-Нуева-де-лосъ-Инфантесъ, былъ отсюда за 8 легъ, т. е. 12 часовъ пути. И кто доставилъ бы туда извѣстіе о моемъ стѣсненномъ положеніи? Изъ Испанцевъ никто на это не согласился бы. Да если бы и можно было сообщить туда извѣстіе, то помощь не могла подоспѣть раньше 20 или 24 часовъ. А держаться такъ долго съ 25 человѣками противъ 1200 на вовсе неблагопріятной для меня мѣстности было уже по малому запасу военныхъ снарядовъ невозможно. Плѣнъ или смерть были для насъ неизбѣжны. Но я рѣшился продать свою жизнь какъ можно дороже.

Съ этимъ намѣреніемъ отступилъ я на болѣе возвышенное мѣсто, немного въ сторону отъ дороги. Я по опыту зналъ малодушіе непріятеля и мужество моего маленькаго отряда; я надѣялся, что мнѣ удастся продержаться до ночи (было половина шестого по полудни), и потомъ, пользуясь темнотою, ускользнуть. Сначала все шло удачно; уже занятіе болѣе возвышеннаго мѣста было добрымъ знакомъ.

Слабымъ, но за то мѣткимъ огнемъ держалъ я непріятеля постоянно вдали, и надежда моя, казалось, была близка къ исполненію. Но въ продолженіи часа сильный и безпрестанный огонь непріятеля лишилъ большую половину моего отряда возможности участвовать въ битвѣ: одни были убиты, другіе изранены; осталось только 10 человѣкъ, могшихъ владѣть оружіемъ. Непріятель не могъ этого не замѣтить; чѣмъ больше слабѣлъ мой огонь, тѣмъ смѣлѣе становился онъ. Онъ началъ нападать съ большимъ жаромъ, такъ что наконецъ лошади врѣзались между ружей остававшихся еще при мнѣ 8-ми человѣкъ и оттѣснили ихъ въ разныя стороны. Мы были взяты съ оружіемъ въ рукахъ. Когда полкъ нашъ, тотчасъ по прибытіи въ ла мананчскую провинцію, взялъ въ плѣнъ нѣсколькихъ Испанцевъ, съ ними обходились хорошо; помня это, Испанцы были теперь нѣсколько снисходительнѣе и къ намъ; по крайней мѣрѣ, они не дѣлали, какъ всегда, жестокостей и были человѣколюбивѣе съ моими солдатами. Этому обстоятельству обязанъ я и сохраненіемъ моей жизни.

Однакоже, едва только очутился я въ плѣну, какъ на меня напали съ дюжину непріятелей и начали меня раздѣвать; на мнѣ оставили одну рубашку, да и та потерпѣла отъ поспѣшности и грубости гра-

Digitized by Google

бителей такъ, что повисла съ плечъ моихъ лохмотьями, и конечно, этому обстоятельству обязанъ я былъ тѣмъ, что хоть ее мнѣ оставили. Солдаты мои были въ этомъ случаѣ счастливѣе: одежда ихъ не раздражала алчности непріятеля и осталась при нихъ; только обувь съ нихъ сняли.

Непріятель, одушевленный удачею, еще разъ напалъ на постъ въ Санта-Круцъ-де-Мудела, но безполезно. Насъ, плѣнныхъ, отвели въ Эль-Визо, и тамъ мы должны были переночевать подъ открытымъ небомъ. Мнѣ, почти нагому, пришлось страдать отъ холода октябрьской ночи, тѣмъ больше, что мы должны были лечь на голой землѣ, и мнѣ не позволяли согрѣться движеніемъ.

На другой день, 15-го октября, меня представили начальнику гверильясовъ, дону Франциско Абату; онъ принялъ меня очень ласково, и, замѣтивши, въ какомъ я жалкомъ положеніи, изъявилъ искреннее, повидимому, сожалѣніе, что не всилахъ помочь мнѣ; онъ увѣрялъ, что онъ не можетъ ни возвратить мнѣ мое платье, ни дать мнѣ другое, потому-что у самого у него только то и есть, что на немъ, но онъ предложилъ мнѣ написать письмо къ кому нибудь изъ моихъ товарищей и просить его переслать мнѣ мои вещи и деньги; донъ Франциско далъ мнѣ свое честное слово, что письмо будетъ доставлено вѣрно, и что впредь у меня ничего не отнимутъ. Я, признаться, не очень вѣрилъ этому честному слову, но въ настоящихъ обстоятельствахъ мнѣ оставалось только послѣдовать совѣту дона Абата, а остальное предоставить судьбѣ. Черезъ 10 дней получилъ я мои вещи и посланныя мнѣ деньги сполна; а до тѣхъ поръ, ночью на бивакѣ подъ открытымъ небомъ, и днемъ, при переходѣ черезъ города и деревни, я скрывалъ свою наготу единственно тѣмъ, что просилъ товарищей моего несчастія обступать меня какъ можно плотнѣе, и скрывать меня, такимъ образомъ, отъ взоровъ сбѣгающихся жителей. Это доставляло мнѣ еще и ту значительную выгоду, что на мою долю доставалось гораздо меньше ругательствъ, толчковъ и ударовъ каменьями, на которые не скупились жители, особенно молодежь и прекрасный, но раздражительный полъ.

До конца ноября пробыли мы при этомъ отрядѣ гверильясовъ, участвуя во всѣхъ его странствованіяхъ; наконецъ, насъ отвели подъ конвоемъ, изъ 1-го офицера и 30 рядовыхъ, въ Валенсію-де-Алькантара, главную квартиру испанскаго корпуса. Передъ выступленіемъ нашимъ въ походъ, донъ Франциско де Абатъ далъ, въ моемъ присутствіи, сопровождавшему насъ офицеру приказанія, какъ съ нами обходиться, и сказалъ ему, что онъ, офицеръ, отвѣчаетъ за цѣлость моихъ вещей и денегъ. Эти приказанія были даны тѣмъ строже, что я, живя вмѣстѣ съ домомъ Франциско, успѣлъ пріобрѣсти его расположеніе и, кромѣ того, еще прежде, нѣсколько разъ квартировалъ въ Темблекѣ у его невѣсты и, самъ того не зная, пріобрѣлъ и ея благосклонность. Но черезъ нѣсколько дней негодяй офицеръ забылъ данныя ему приказанія и ограбилъ меня собственноручно, давши мнѣ

Digitized by Google

въ замѣнъ старое, изорванное крестьянское платье. Возраженія мои и просьбы оставить мнѣ самонужнѣйшее — пару рубахъ и пару цѣлыхъ сапогъ, были безполезны; мнѣ осталось только покориться своей участи. Но опасаясь, что я воспользуюсь первымъ удобнымъ случаемъ извѣстить его начальника о его гнусномъ со мною поступкѣ, офицеръ приставилъ ко мнѣ одного изъ своихъ солдатъ, который долженъ былъ сторожить меня неотлучно днемъ и ночью и не позволялъ мнѣ ни писать, ни разговаривать, съ кѣмъ бы то ни было. Солдатъ исполнялъ приказаніе строго и точно; меня не только ограбили, но и лишили покоя. Не доходя Валенсіи-де-Алькантара, офицеръ имѣлъ безстыдство надѣть мой мундиръ съ эполетами, придти ко мнѣ и спросить меня, идетъ ли къ нему этотъ костюмъ; я взглянулъ на него съ презрѣніемъ и отвернулся.

Въ Валенсіи-де-Алькантарѣ насъ отвели на гауптвахту, въ комнату арестантовъ, и сдали командующему офицеру. Здѣсь, къ величайшему моему сожалѣнію, узналъ я, что генералъ Кастаньосъ, человѣкъ съ умомъ и сердцемъ, командовавшій до сихъ поръ здѣшнимъ корпусомъ, въ то самое утро отправился въ Галицію и сдалъ свою команду генералу Каррерасу, о характерѣ котораго отзывались дурно. Эти обстоятельства не обѣщали мнѣ успѣха, но я все-таки попытался, и обратился къ генералу Каррерасу съ просьбой, чтобы мнѣ возвратили платье, необходимѣйшее бѣлье и хоть небольшую часть отнятыхъ у меня денегъ; я прибавилъ, что донъ Франциско де Абатъ далъ мнѣ свое честное слово, что у меня ничего не отнимутъ. Я получилъ въ отвѣтъ, что мнѣ и то оставили слишкомъ много и обходились со мною слишкомъ хорошо.

Насъ было плѣнныхъ 9 человѣкъ; прочіе, изъ числа 26-ти, или пали на мѣстѣ битвы, или умерли вскорѣ послѣ того отъ ранъ, а четверо остались тяжело раненые. На другой день насъ отвели въ Порталлегри и передали тамъ Англичанамъ. Англичане приняли насъ и обошлись съ нами ласково; мнѣ дано было, на честное слово, позволеніе свободно ходить по городу; замѣтивши, что я въ лохмотьяхъ, мнѣ вручили 10 піастровъ на необходимѣйшее платье; насъ кормили хорошо и вдоволь.

Два дня пробыли мы въ Порталлегри, потомъ насъ отвели въ Абрантесъ и передали Португальцамъ. Здѣсь, въ Абрантесѣ, нашли мы еще 60 плѣнныхъ Французовъ и нѣсколько французскихъ дезертировъ; на другой день всѣхъ насъ посадили на корабль и отвезли, внизъ по Таго, въ Лиссабонъ. Для насъ было истинное счастье, что мы проѣхали отъ Абрантеса до Лиссабона водою, подъ португальскимъ прикрытіемъ, и ни разу не приставали къ берегу; иначе мы, вѣроятно, не достигли бы цѣли нашего путешествія, но были бы разтерзаны на куски ожесточенными выше всякаго понятія жителями. 19-го декабря, 1811 года, въ 9 часовъ поутру, прибыли мы въ Лиссабонъ.

Digitized by Google

Насъ ожидалъ истинно ужасный пріемъ; мы вышли на берегъ на площади де-Комерсіа и здѣсь встрѣтила насъ необозримая толпа черни; на насъ посыпались ругательства, камни, оскорбленія всякаго рода, и конвой не оказывалъ намъ ни малѣйшей защиты. Насъ провели, съ барабаннымъ боемъ и при звукахъ флейтъ, на потѣху черни, по всему городу, и потомъ уже представили португальскому губернатору. Онъ встрѣтилъ меня ловкими фразами и началъ очень краснорѣчиво увѣрять, что здѣсь я могу ожидать приличнаго со мною обращенія, что въ этомъ отношеніи, конечно, не останется желать ничего больше и что я скоро забуду претерпѣнныя мною бѣдствія. Въ заключеніе, при прощаньи, его превосходительство изволилъ замѣтить (въ шутку или серьёзно, этого я не могъ разобрать), что я, къ моему счастью, избавился отъ власти варваровъ, то есть, Испанцевъ, и переданъ въ руки цивилизованной націи. На это я могъ отвѣчать только, что до сихъ поръ я, въ обращеніи со мною Португальцевъ, не замѣтилъ особенной цивилизаціи; что разница въ этомъ отношеніи съ Испанцами дѣйствительно есть, только не въ пользу Португальцевъ. Меня отвели опять къ моимъ солдатамъ, которые оставались на дворѣ, осыпаемые бранью народа. Насъ опять поводили по городу и привели къ гавани; здѣсь я долженъ былъ разстаться съ моими товарищами: ихъ отослали на понтонъ, разснащенный корабль, а меня въ арсеналъ, стоящій на берегу.

Тяжело мнѣ было съ ними разстаться; я раздѣлялъ съ ними столько горя и нуждъ, столько опасностей, что во время плѣна единственнымъ утѣшеніемъ моимъ было видѣть вокругъ себя людей, съ которыми я проводилъ болѣе веселые и счастливые нѣкогда дни. Они тоже чувствовали эту разлуку глубоко, и она была для нихъ тѣмъ прискорбнѣе, что я, умѣя говорить поиспански, не разъ имѣлъ случай, во время плѣна у Испанцевъ, облегчать ихъ участь и уговаривать обращаться съ ними кротче. Теперь я долженъ былъ разстаться съ ними, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, когда всѣ мы шли навстрѣчу неизвѣстной, темной и, навѣрное, не радостной будущности. Что съ ними сталось, какая постигла ихъ участь, этого я не узналъ: я никого изъ нихъ не видалъ уже больше. Переходъ нашъ изъ Ла-Манхи до Лиссабона былъ чрезвычайно непріятенъ и утомителенъ; я былъ радъ, что добрался, наконецъ, до мѣста и могу отдохнуть. Я, разумѣется, не думалъ полагаться на обѣщанія португальскаго губернатора, и зналъ, что ожидающій меня покой будетъ не очень покоенъ; но я далеко не ожидалъ отъ Португальцевъ такого варварскаго со мною обращенія, какое испыталъ во время пребыванія моего въ арсеналѣ.

Я не буду описывать чувствъ моихъ при входѣ въ арсеналъ; этого передать нельзя. Меня провели черезъ длинный, темный корридоръ съ желѣзными дверьми у входа и у выхода; отсюда я вступилъ въ пространный четырех-угольный дворъ; на него со всѣхъ сторонъ выглядывали сквозь открытыя двери темныя, грязныя комнаты, и въ

Digitized by Google

нихъ, также какъ и на самомъ дворѣ, двигались, произнося плоскія шутки съ грубымъ хохотомъ, мрачныя, страшныя, попарно скованныя фигуры въ лохмотьяхъ. Когда я вошелъ, все это благородное общество обступило меня и начало разсматривать. Мнѣ объявили, что я прибылъ къ мѣсту моего назначенія, и могу здѣсь расположиться, какъ мнѣ угодно. Итакъ, меня осудили жить съ убійцами, съ преступниками всякаго сорта, съ подонками человѣческаго рода! Съ ними долженъ я былъ раздѣлять жилье и даже постель!! Такъ вотъ обѣщанное губернаторомъ приличное обхожденіе! Это меня сразило, уничтожило! Долго я не могъ увѣрить себя, что это дѣйствительность, а не тяжелый сонъ, оковавшій мои чувства. Долго ли пробылъ я въ этомъ забвеніи, въ какомъ-то полураздумьи и полуснѣ, осыпаемый насмѣшками и ругательствами окружавшихъ меня преступниковъ, — не знаю; начинало уже смеркаться, когда я почувствовалъ, что кто-то тронулъ меня за плечо и заговорилъ со мною по французски. Я оглянулся. Стоявшая передо мною фигура была въ лохмотьяхъ и по одеждѣ нельзя было узнать, что̀ это за человѣкъ, но инстинктъ сказалъ мнѣ тотчасъ же, что это товарищъ бѣдствія, человѣкъ, который чувствуетъ подобно мнѣ. Звуки знакомаго языка какъ молнія протекли мнѣ въ слухъ и въ сердце; я сказалъ, кто я, осмотрѣлся, и увидѣлъ, что я уже не среди грубыхъ преступниковъ съ ихъ шутками и бранью, а въ большой, но мрачной и грязной комнатѣ. Здѣсь нашелъ я, кромѣ 10-ти паръ галерныхъ каторжниковъ, 4-хъ французскихъ офицеровъ; забившись въ уголъ, они горевали о своемъ безотрадномъ положеніи. Я тотчасъ узналъ, что эти 10 паръ наши сожители, что мы должны повиноваться волѣ этихъ негодяевъ, что они нѣсколько разъ на день прогоняютъ насъ изъ одного угла въ другой, а иногда и вовсе вонъ изъ комнаты; словомъ, мнѣ сейчасъ же разсказали все, чего я долженъ ожидать, чего могу надѣяться и бояться, что̀ мнѣ дѣлать и чего не дѣлать, и вообще, какъ мнѣ себя вести. Наставленія эти были неутѣшительны и не могли пробудить во мнѣ бодрости, но они были для меня полезны: они избавили меня отъ многихъ непріятностей, въ которыя могло меня вовлечь незнаніе положенія дѣлъ.

Я долженъ умолчать о жестокостяхъ и мученіяхъ, вытерпѣнныхъ нами здѣсь въ продолженіи двухъ мѣсяцовъ: ихъ слишкомъ много и воспоминаніе объ нихъ и теперь еще возмущаетъ мою душу. Я долженъ замѣтить, что насъ отдали совершенно безъ всякой защиты на произволъ преступникамъ, и что эти изверги часто, единственно ради одобрительной улыбки или ласковаго взгляда смотрителя, потѣшались надъ нами, беззащитными, въ самыхъ дерзкихъ выходкахъ.

Содержаніе наше было ничѣмъ не лучше: мы получали ежедневно по 20 су, и къ счастью еще, ихъ выдавали намъ каждое утро; но въ столицѣ была страшная дороговизна: хлѣбецъ, который у насъ стоитъ 2 пфеннига, стоилъ тамъ 6 су. Мнѣ было 19 лѣтъ, и аппетитъ мой ужасно разногласилъ съ моими доходами; едва только полу-

Digitized by Google

чалъ я по утру мои 20 су, тотчасъ же покупалъ я три хлѣбца и пожиралъ ихъ съ хищностью; на остальные 2 су покупалъ я простого крѣпкаго табаку, чтобы посредствомъ куренія этой наркотической травы заглушать мучительный голодъ до слѣдующаго утра. Въ довершеніе всѣхъ этихъ бѣдствій, постигло меня еще и другое, не менѣе непріятное.

Со мною взятъ былъ въ плѣнъ молодой человѣкъ, родители котораго были въ дружескихъ отношеніяхъ съ моими. Онъ, двумя годами моложе меня, былъ моимъ школьнымъ товарищемъ; онъ поступилъ въ военную службу нѣсколько лѣтъ позже меня, и прибылъ въ полкъ волонтеромъ незадолго до взятія насъ въ плѣнъ. Когда насъ водили туда и сюда по ла манчской провинціи, гдѣ всѣ меня знали съ хорошей стороны, старинные хозяева мои принимали меня, теперь плѣнника, хорошо, и я ни въ чемъ не терпѣлъ недостатка. Желая хоть чѣмъ нибудь облегчить участь волонтера, просилъ я монхъ хозяевъ принимать его ласково, на что они съ готовностью соглашались. У этого молодого человѣка была часотка въ сильной степени; онъ не сказалъ мнѣ объ этомъ ни слова, и послѣдствіемъ его скрытности было то, что въ благодарность за всѣ мои попеченія онъ заразилъ и меня. Болѣзнь проявилась на мнѣ во время моего пребыванія въ Лиссабонѣ. Чтобы не дать ей слишкомъ распространиться и укорениться, дѣлалъ я отваръ изъ табаку съ порядочной порціей поваренной соли, и мылся имъ нѣсколько разъ въ день. Табакъ послѣ того я опять высушивалъ и курилъ.

20-го Февраля, 1812 года, освободили насъ изъ этого ада; насъ посадили съ 300 плѣнныхъ французскихъ солдатъ на антійское транспортное судно и отвезли въ Кадицъ; постоянно-бурная погода и противные вѣтры продержали насъ на морѣ до 8-го марта. Что насъ привезли въ Кадицъ, то есть, обратно въ Испанію, а не въ Англію, какъ то дѣлали обыкновенно, этому причиной было паденіе крѣпости Валенсіи, которая сдалась каталонской арміи подъ командою маршала Сюше. По условіямъ капитуляціи, гарнизонъ Валенсіи, долженъ былъ быть вымѣненъ, и Испанцы потребовали назадъ взятыхъ ихъ войсками плѣнниковъ, находившихся еще на твердой землѣ; но испанская юнта въ Кадицѣ, получивши подробнѣйшія свѣдѣнія о сдачѣ Валенсіи, объявила, что валенскій гарнизонъ поступилъ малодушно, и не стоитъ обмѣна; слѣдствіемъ такого опредѣленія было то, что мы остались въ Кадицѣ плѣнными. Насъ, офицеровъ, отвели въ фортъ С. Себастіанъ, лежащій на западѣ отъ Кадица и ограждающій эту крѣпость со стороны моря. Здѣсь нашли мы 22 человѣка офицеровъ и другихъ воинскихъ чиновъ.

Конечно, мы и здѣсь не покоились на розахъ; мы часто бывали принуждены испытывать непріятныя столкновенія съ испанскимъ горнизономъ и терпѣть отъ него различныя насмѣшки; лѣтомъ должны были страдать отъ невыносимѣйшаго жара и недостатка воды, зимою отъ ужаснѣйшихъ бурь, и круглый годъ отъ неисчисленнаго

Digitized by Google

множества гадинъ всѣхъ сортовъ; но мы не могли не находить огромной благопріятной для насъ разницы между жизнью въ Кадицѣ и въ Лиссабонѣ, и были здѣсь истинно какъ на небесахъ. Мы были здѣсь, по крайней мѣрѣ, избавлены отъ сообщества галерныхъ каторжниковъ и отъ наглыхъ насмѣшекъ и возмутительнаго съ нами обращенія этихъ низкихъ, гнусныхъ преступниковъ.

Мы жили въ фортѣ С. Себастіанѣ въ маленькихъ будочкахъ, величиною по 6 шаговъ въ квадратѣ; задняя стѣна ихъ примыкала къ валу; вышина ихъ равнялась вышинѣ вала, то есть, была футовъ въ 7, и кромѣ двери въ нихъ не было другого отверстія, куда можно бы было впускать чистый воздухъ. Въ каждой изъ этихъ будокъ жило по 8-ми человѣкъ. Кровли были выложены большими тонкими кирпичами, лежавшими совершенно плашмя и образовавшими террассу; дождевая вода стекала съ нихъ въ водоемъ и служила намъ для питья, потому-что въ фортѣ не было ни одного колодца.

Климатъ въ этихъ странахъ, какъ извѣстно, очень постояненъ; зимою часто свирѣпствуютъ бури съ проливнымъ дождемъ; отъ апрѣля до ноября, напротивъ того, небо вѣчно ясно и безоблачно и солнце жжетъ съ такою силою, что растительное царство замираетъ и земля трескается. Наши жилища стояли открыто на солнцѣ и нагрѣвались (особенно плоскія кровли) до такой степени, что ихъ очень можно было сравнить съ печьми и, ужь конечно, они ничѣмъ не уступали венеціянскимъ свинцовымъ тюрьмамъ. Къ довершенію на шихъ мученій, единственное доставлявшее намъ воду хранилище высыхало отъ чрезмѣрнаго жара обыкновенно уже въ іюлѣ; тогда воду надо было доставать изъ Кадица; ее выдавали намъ порціями, и мы невыразимо страдали отъ жажды до появленія дождей. Но зато мы вполнѣ пользовались и не мало наслаждались даннымъ намъ позволеніемъ купаться въ морѣ — и цѣлый день проводили въ водѣ и мимоходомъ ловили рыбу, а когда счастье намъ благопріятствовало, имѣли удовольствіе видѣть за скуднымъ столомъ своимъ лишнее блюдо.

Что касается до продовольствія, то хотя мы и не терпѣли голода, однако же, пищу нашу самый неизбалованный желудокъ нашелъ бы дурною; мы получали ежедневно 1 фунтъ хлѣба, 2 унца рису и 1 унцъ масла, но денегъ намъ не выдавали. Для устраненія этого важнаго недостатка, для пріобрѣтенія денегъ, безъ чего мы не могли сохранять чистоты и пополнять нашъ и безъ того жалкій гардеробъ, или обмѣнивать у бродячихъ торгашей совершенно негодное платье на другое, тоже поношенное, принуждены были продавать по крайней мѣрѣ половину получаемаго нами хлѣба, который и здѣсь, въ Кадицѣ, былъ очень дорогъ; и употреблять деньги на вышеупомянутые предметы.

Всѣ эти обстоятельства не дѣлали пребыванія нашего въ Кадицѣ пріятнымъ; но нельзя отрицать, что именно эта испытанная нами нужда послужила намъ въ пользу: мы вынесли отсюда въ остальную жизнь много полезной опытности. Общества умѣренности были здѣсь со-

Digitized by Google

вершенно лишни, предаваться страстямъ и дурнымъ привычкамъ не было никакой возможности; нужда и бѣдственное положеніе дѣлали насъ изобрѣтательными и внимательными, что̀ при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ осталось бы для насъ неизвѣстнымъ. Мы выучились, напримѣръ, сами изготовлять свою одежду, шили себѣ башмаки, панталоны, куртки, рубахи, вообще все, принадлежащее къ одѣянію, и сдѣлали значительные успѣхи не только въ этомъ, но и въ строительномъ искусствѣ. Однажды, недостатокъ въ пищѣ былъ устраненъ, и, по поводу чужого несчастія, превратился даже въ изобиліе. Въ одну бурную, туманную ночь насъ разбудили пушечные выстрѣлы; мы думали, что это французское осадное войско высадилось на берегъ и идетъ на приступъ къ Кадицу; мы хотѣли помочь ему съ своей стороны и готовы уже были выломать двери нашихъ будокъ, чтобы обезоружить слабый испанскій гарнизонъ; но къ счастію, узнали истинную причину пальбы, не успѣвши еще исполнить необдуманнаго намѣренія. Англійскій бригъ, желая войти въ гавань Кадица, подошелъ въ темнотѣ ночи слишкомъ близко къ нашему форту, наткнулся на скалы и началъ дѣлать сигнальные выстрѣлы.

Капитанъ этого 14 пушечнаго брига былъ человѣкъ добрый; онъ везъ много живого скота и значительный запасъ соленаго мяса, сухихъ овощей, вина и рому; всѣмъ этимъ онъ богато надѣлилъ насъ на 4 недѣли. Пріѣздъ капитана помогъ намъ и въ другихъ отношеніяхъ; капитанъ далъ намъ кое какіе инструменты, какъ напр.: пилы, долота, молотки и т. п., и нѣсколько досокъ и драни, изъ которыхъ мы надѣлали себѣ мебели: столы, стулья, шкафы.... Такимъ образомъ, мы пополнили наше хозяйство; но главнѣйшую выгоду доставляла намъ мѣдная обшивка корабля, части которой море выбрасывало на берегъ: мы собирали ихъ тщательно, продавали, и на вырученныя деньги купили много необходимаго, такъ что нѣсколько времени наслаждались незнакомымъ намъ до сихъ поръ благосостояніемъ.

Въ продолженіи двухъ лѣтъ, проведенныхъ нами въ плѣну въ фортѣ С. Себастіанѣ, много было составлено плановъ бѣгства; но всѣ были отмѣнены за неудобоисполнимостью. Мы надѣялись только на одинъ изъ нихъ, и рѣшились привести его въ исполненіе 5-го августа, 1813 года. На сѣверозападъ отъ Кадица есть заливъ, куда причаливаютъ рыбачьи лодки на ночь и во время бури; отсюда-то предположено было достать ночью лодку и перевезть всѣхъ 26 плѣнныхъ офицеровъ и 3 рядовыхъ, бывшихъ съ ними для исправленія различныхъ работъ, въ Хересъ, осажденный французскимъ войскомъ. Но идти къ заливу сухимъ путемъ было опасно: насъ легко могли узнать и схватить; оставалось проплыть туда моремъ, — съ полчаса пути. Я и двое моихъ товарищей: Тьелле де Гравилль, 75-го, и Фрошъ, 66-го линейнаго пѣхотнаго полка, были, какъ лучшіе пловцы, единодушно выбраны для совершенія экспедиціи.

Digitized by Google

Во время отлива въ фортъ С. Себастіанъ можно пройти изъ Кадица сухимъ путемъ по плотинѣ; но во время прилива можно только подъѣхать водою, по узкому, просѣченному въ скалахъ каналу, и то только въ тихую погоду, и съ большою осторожностью.

Отправляясь въ путь, мы сильно обочлись во времени и проплыли до залива вдвое дольше, нежели предполагали, а приливъ достигъ своей высшей точки, и скалы на 100 — 150 шаговъ вокругъ форта, открытыя во время отлива, были залиты водою. Когда мы приблизились на благополучно захваченной лодкѣ къ форту, въ темнотѣ очень трудно было отыскать вышеупомянутый каналъ. Наконецъ, послѣ долгихъ розысковъ, намъ удалось найти его и въѣхать. Мы со всевозможною осторожностью подвигались къ форту, ощупывая дно шестомъ. Но не смотря на все это, киль нашей лодки сильно задѣлъ за русло канала, и мы стали. Только теперь замѣтили мы, что везли съ собою пассажира, присутствіе котораго было для насъ совершенно неизвѣстно: сторожъ лодки, спокойно спавшій въ маленькой каютѣ, проснулся отъ толчка, и мы съ изумленіемъ и ужасомъ услышали восклицаніе: *demonio quien esta, balga me Dios son franceses!* (Кто тамъ, чортъ возьми! Это Французы; спаси Господи!) Мы бросились къ нему и угрозами заставили его молчать, связали ему руки и ноги мокрыми платками, потому-что веревки очень отвердѣли отъ соленой воды, и положили связаннаго на дно лодки. Къ несчастью, намъ оставалось очень мало времени на расправу со сторожемъ; мы должны были еще до утра отплыть со ждавшими насъ въ фортѣ въ открытое море, а на востокѣ занималась уже заря; мы связали его наскоро, и дурныя послѣдствія этой поспѣшности оказались, къ сожалѣнію, слишкомъ скоро. Подъѣхавши къ фронту шаговъ на 100, я, для избѣжанія лишнихъ задержекъ, бросился вплавь къ форту извѣстить товарищей о прибытіи лодки, а двое ѣхавшихъ со мною должны были, между тѣмъ, какъ можно поспѣшнѣе подвигаться впередъ. Но едва проплылъ я шаговъ 40 или 50, какъ услышалъ ужасный крикъ звавшаго на помощь. Оставшіеся въ лодкѣ были слишкомъ заняты своимъ дѣломъ и не обращали вниманія на сторожа, думая, что онъ не можетъ уйти; но сторожъ, пользуясь этими обстоятельствами, освободился отъ связывавшихъ его платковъ (они, вѣроятно, отъ мокроты легко уступили его усиліямъ), прыгнулъ, незамѣченный, въ воду и поднялъ ужасный, далеко раздавшійся крикъ. Гравиль бросился вплавь за нимъ, но сторожъ, хорошій пловецъ, былъ уже слишкомъ далеко впереди, и Гравиль не могъ его догнать.

Шумъ встревожилъ и привелъ въ движеніе всѣхъ, тѣмъ болѣе, что всѣ предполагали, что это нападаютъ Французы. Отвсюду, водою и сухимъ путемъ, стеклись войска.

Услышавши крикъ сторожа, я тотчасъ же поворотилъ обратно къ лодкѣ и доплылъ до нея; мы втроемъ старались ускользнуть среди всеобщаго смятенія, но увы! это намъ не удалось. Мы были окружены со всѣхъ сторонъ, узнаны, взяты и отведены въ тюрьму въ Кадицъ, гдѣ

Digitized by Google

намъ наложили на ноги тяжелыя желѣзныя оковы. Товарищамъ нашимъ, остававшимся въ фортѣ, посчастливилось избѣжать вниманія Испанцевъ и тихонько воротиться назадъ.

Гравилль, Фромъ и я, мы были подъ строгимъ присмотромъ, на хлѣбѣ и на водѣ; тяжелыя кандалы, державшія наши ноги на полфута одну отъ другой, давили жестоко, и мы едва могли передвигаться съ мѣста на мѣсто. Насъ допрашивали нѣсколько разъ и указывали намъ на ножъ, которымъ мы перерѣзали веревку и который оставили потомъ въ лодкѣ, точно какъ будто онъ былъ орудіемъ убійства. Если бы мы хотѣли купить свою свободу цѣною человѣческой жизни, то, конечно, достигли бы своей цѣли: намъ стоило только задушить и бросить въ море сторожа. Но убить человѣка хладнокровно и безъ крайней нужды, на это мы были неспособны. Наслажденіе свободою, купленную за такую цѣну, превратилось бы, при воспоминаніи объ убійствѣ, въ раскаяніе и угрызенія совѣсти.

Вслѣдствіе неудачъ, претерпѣнныхъ французскою арміею подъ командою маршала Мармона, при Саламанкѣ, маршалъ Сультъ принужденъ былъ 16-го августа, 1813 года, снять осаду Кадица и ретироваться черезъ Севилью.

Это счастливое для Испанцевъ событіе сдѣлало ихъ снисходительнѣе; въ уваженіе единогласнаго нашего отзыва, что мы имѣли цѣлью единственно только наше освобожденіе изъ плѣна, съ насъ сняли кандалы и опять отправили въ фортъ С. Себастіанъ.

Общество наше увеличилось капитаномъ Дюменилемъ, взятымъ въ плѣнъ въ Севильѣ во время ретирады. Онъ участвовалъ въ осадѣ Кадица и квартировалъ въ Пуерто-де-Санта-Маріа у земляка, своего школьнаго товарища, поселившагося тамъ задолго до начатія войны, и пріобрѣтшаго торговлею значительное состояніе. Изъ форта С. Себастіана капитанъ Дюмениль старался извѣстить о своемъ несчастіи своего соотечественника въ Пуерто-де-Санта-Маріа, и это ему удалось. Вѣрный товарищъ дѣтства, всею душою преданный своему истинному отечеству, послалъ капитану Дюменилю, немедленно по полученіи извѣстія, платье и деньги, что было для него крайне необходимо, потому-что, взявши въ плѣнъ, его раздѣли, какъ и насъ, почти до-нага; кромѣ того, онъ обѣщалъ доставить случай Дюменилю и его товарищамъ бѣжать изъ плѣна и достигнуть Тангера на африканскомъ берегу, гдѣ находится французскій консулъ, который подастъ имъ дальнѣйшую помощь. Но французскому негоціанту въ Санта-Маріа было очень трудно найти Испанца, который за деньги согласился бы перевезти французскихъ плѣнниковъ въ Тангеръ. Онъ не хотѣлъ довѣриться кому нибудь и долженъ былъ поступать въ этомъ дѣлѣ съ величайшею осторожностію; отъ этого предпріятіе не могло быть исполнено раньше февраля, 1814 года.

Мы условились ускользнуть изъ форта, пользуясь темнотою ночи (со времени снятія осады Кадица насъ не запирали на ночь), потомъ должны были сѣсть въ приготовленную лодку и ѣхать въ Тангеръ,

Digitized by Google

и прибыть туда рано поутру; день намъ слѣдовало провести въ гавани Тангера, спрятавшись въ лодкѣ, а ночью выйти на песчаную отмѣль, далеко вдающуюся въ море возлѣ гавани; здѣсь мы были бы уже подъ защитою французскаго консула и не подвергались никакой опасности.

Наконецъ, 14-го февраля, 1814 года, капитанъ Дюменнль получилъ извѣстіе, что все готово для нашего бѣгства, что въ слѣдующую ночь, то есть, 15-го, насъ будетъ ждать въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ форта шлюпка, могущая поднять отъ 10 до 11 человѣкъ, и что мы можемъ переѣхать на нее въ другой, меньшей лодкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, другъ Дюменнля сообщилъ намъ наставленія, какъ себя вести; главнѣйшее было: ни подъ какимъ видомъ не выходить на берегъ Африки, а именно на вышеупомянутую песчаную отмѣль, потому-что въ противномъ случаѣ мы неизбѣжно будемъ или убиты Маврами, или попадемъ къ нимъ въ рабство.

Было уже заранѣе назначено, кому ѣхать: 10-ти офицерамъ, ближайшимъ друзьямъ Дюменнля (въ томъ числѣ и мнѣ), и одному солдату, не разъ оказывавшему намъ услуги. Для остававшихся наше намѣреніе бѣжать было тайною, потому-что въ противномъ случаѣ насъ могли выдать. Итакъ, въ тихомолку распорядившись всѣмъ нужнымъ для отъѣзда, мы поставили въ назначенный вечеръ, при наступленіи сумерекъ, дозорнаго.

Съ нетерпѣніемъ и радостью ждали мы минуты, когда этотъ часовой извѣститъ насъ о прибытіи лодки.

Наконецъ, въ 11 часовъ вечера, лодка пріѣхала. Съ величайшею осторожностью, по одиначкѣ, пробрались мы къ назначенному мѣсту, гдѣ должны были вылѣзть въ амбразуру и спрыгнуть внизъ съ высоты почти 20 футовъ. Нанесенный сюда прибоемъ волнъ песокъ облегчалъ задачу; иначе такой прыжокъ былъ бы почти невозможенъ.

Намъ пришлось прыгать въ какихъ нибудь 15 шагахъ отъ часового, такъ сказать, на глазахъ самого губернатора форта, дона Хозе де Молино, — и исполнить это вовсе безъ шума не было никакой возможности, но все кончилось благополучно: ревъ взволнованнаго въ тотъ вечеръ моря, вѣроятно, заглушалъ шумъ нашихъ прыжковъ; къ тому же, дулъ сильный и необыкновенно холодный, но для насъ благопріятный сѣверный вѣтеръ, а часовой, вблизи котораго мы прыгали, повернулъ свою будку къ намъ задомъ, стараясь укрыться отъ холода. Мы благополучно сѣли въ лодку и весело, съ полнымъ парусомъ, полетѣли къ Тангеру. Около 6 часовъ утра, 16-го числа, достигли мы Гибралтарскаго пролива, и вскорѣ потомъ, готовясь въѣхать въ тангерскую гавань, увидѣли выходящую изъ нея испанскую канонерскую шлюпку. Нашъ кормчій, заботясь больше о своей головѣ, нежели о нашей свободѣ, что было, впрочемъ, очень простительно, не хотѣлъ встрѣтиться съ шлюпкой, повернулъ къ испанскому берегу и полетѣлъ за вѣтромъ и теченіемъ съ невѣроятною быстротою. Скоро замѣтили мы, что испанская шлюпка идетъ прямо на Кадиксъ.

Digitized by Google

Мы, между тѣмъ, пролетѣли до половины залива, проѣхали Гибралтаръ и не могли воротиться въ Тангеръ по причинѣ противнаго вѣтра и сильнаго во время прилива теченія изъ океана въ Средиземное море; мы должны были перерѣзать проливъ поперегъ и коснулись африканскаго берега между Тангеромъ и Сеутою.

Здѣсь африканскій берегъ очень гористъ, мраченъ и дикъ; съ моря не видно ни одного человѣческаго жилища, ни клочка обработанной земли, вообще, ни малѣйшаго слѣда присутствія человѣка. Всюду пустыня. Это обстоятельство, наше терпѣніе и ободрительныя слова нашего Испанца заставили насъ забыть данныя намъ наставленія, и намъ пришла въ голову несчастная мысль выйти здѣсь на берегъ, въ надеждѣ пробраться вдоль моря до Тангера безъ встрѣчи съ туземцами. Сначала все шло благополучно. Но не прошли мы и часу, какъ встрѣтили на пути неожиданное препятствіе. Постоянно сильное теченіе и прибой волнъ подмыли въ одномъ мѣстѣ берегъ до такой степени, что мы должны были перейти черезъ близь лежащую значительную возвышенность, чтобы продолжать путь къ Тангеру. До сихъ поръ мы не встрѣчали ни одного живого существа, даже животнаго, и никому изъ насъ не пришло въ голову, что восхожденіе на эту гору будетъ для насъ гибельно. Вообще, мы были слишкомъ счастливы сознаніемъ свободы и не могли спокойно и здраво обсудить свое положеніе; мы думали, что спасены, и эта мысль прогоняла всѣ мысли объ опасности.

Итакъ, мы продолжали идти спокойно и безпечно; но едва только достигли, съ трудомъ и усиліемъ, вершины, какъ вдругъ со всѣхъ сторонъ раздались пронзительные звуки, и мы увидѣли бѣгущихъ къ намъ вооруженныхъ туземцевъ. Странно, откуда взялась вся эта толпа; до тѣхъ поръ мы не видали и слѣда человѣка, и вдругъ увидѣть 50 или 60 темныхъ, дикихъ фигуръ, которыя, умножаясь съ каждою минутою, какъ будто выростаютъ изъ земли. Представьте себѣ наше положеніе. Подошедши къ намъ ближе, они начали дѣлать знаки, чтобы мы оставили берегъ; но они не отважились подойти къ намъ близко, думая, вѣроятно, что насъ здѣсь больше и что мы вооружены. Требованія ихъ — оставить берегъ мы не могли исполнить, потому-что лодка наша, вѣроятно, уже давно была въ Средиземномъ морѣ; ретироваться было невозможно, и намъ оставалось только терпѣливо ожидать своей участи. Когда Мавры увѣрились, что насъ не много и что мы не вооружены, они подступили ближе и схватили насъ.

Послѣдовавшую за тѣмъ сцену я не берусь описать; но сколько бы я ни прожилъ, она всегда будетъ жива въ моей памяти. Никогда не забуду я того мгновенія, когда насъ схватили эти отвратительной наружности люди, полунагіе, съ бритою головой и дикою отпущенною бородою, съ ногъ до головы вооруженные большими ножами, саблями, пистолетами и ужасно длинными ружьями. Схвативши насъ, Мавры, казалось, начали совѣтоваться, что̀ съ нами дѣлать; сначала совѣщаніе шло тихо и мирно, но такъ какъ не всѣ, вѣроят-

Digitized by Google

но, были одного мнѣнія, то мало по малу разговоръ становился громче и живѣе и, наконецъ, перешелъ въ жаркій споръ.

Предметъ спора не долго оставался для насъ тайною: дѣло шло о томъ, какъ нами подѣлиться, и мы скоро испытали на себѣ непріятныя слѣдствія этого спора. Шумъ увеличивался ежеминутно, и Мавры, казалось, рѣшились силою захватить то, чего имъ не уступали добровольно. Они ринулись на насъ и начали тянуть насъ каждый къ себѣ, сильнѣйшій выхватывалъ насъ изъ рукъ слабѣйшаго, а слабѣйшій приставлялъ намъ ножъ къ горлу или прицѣливался въ насъ изъ оружія, намекая тѣмъ, что скорѣе готовъ уничтожить добычу, нежели отказаться отъ нея. На знаки наши, которыми мы старались объяснить, что желаемъ быть отведены въ Тангеръ къ французскому консулу, не обращали никакого вниманія.

Послѣ безконечно-продолжительнаго спора въ этомъ родѣ, одинъ изъ нихъ нашелъ, казалось, средство уладить дѣло; предложеніе его, по видимому, понравилось; оно очевидно успокоило разгорѣченные умы. Насъ опять собрали въ кучку и увели во внутрь страны, вѣроятно съ цѣлью продать насъ, какъ невольниковъ, и деньги раздѣлить между собою.

Насъ ожидали мучительная смерть или рабство на всю жизнь!

Сцена эта происходила часовъ въ 9 утра. Часамъ къ 7 вечера силы наши совершенно истощились: мы цѣлый день ничего не ѣли, и должны были, понуждаемые палками, бѣжать безостановочно по гористой странѣ; въ это время насъ остановилъ подошедшій къ намъ Мавръ; онъ былъ одѣтъ лучше другихъ, и ему оказывали глубокое уваженіе. Мы замѣтили его приходъ, но не обратили на это особеннаго вниманія, привыкши въ продолженіи дня видѣть, что къ намъ подходятъ, смотрятъ на насъ и потомъ опять уходятъ. Поговоривши съ нашими вожатыми, Мавръ подошелъ къ намъ и спросилъ насъ на чистомъ кастильскомъ нарѣчіи, какой мы націи и какъ сюда попали. Лучь радостнѣйшей надежды блеснулъ въ нашихъ сердцахъ, и мы ободрились, когда увидѣли передъ собою человѣка, который можетъ понимать насъ. Мы истощили все свое краснорѣчіе, не скупились ни на просьбы, ни на обѣщанія, лишь бы склонить его въ пользу нашего желанія быть отведенными въ Тангеръ. Но что окончательно рѣшило это дѣло, такъ это, кажется, жаркія увѣренія наши, что французскій консулъ не только щедро наградитъ тѣхъ, кто проводитъ насъ въ Тангеръ, но и заплатитъ за насъ сумму, какой они никогда не получатъ отъ своихъ земляковъ.

Вышеупомянутый Мавръ, имени котораго мы не узнали, жилъ, какъ говоритъ онъ, 15 лѣтъ въ Малагѣ, занимаясь тамъ торговлею, и пріобрѣлъ тамъ состояніе и образованность въ сношеніяхъ съ цивилизованною націею. Но частыя придирки и преслѣдованія, которыя онъ принужденъ былъ терпѣть въ Испаніи за свою религію, заставили его оставить эту страну и возвратиться на родину, съ злобою въ сердцѣ и желаніемъ отомстить Испанцамъ. Разсказъ объ освобожденіи

Digitized by Google

нашемъ изъ ихъ плѣна доставилъ ему много удовольствія, и онъ обѣщалъ употребить все свое вліяніе для исполненія нашего желанія. Честный Мавръ, какъ ангелъ спаситель, явившійся къ намъ въ минуту ужаснѣйшаго положенія, сдержалъ свое слово. Трудно было ему, однакоже, исполнить свое обѣщаніе. Совѣщаніямъ и переговорамъ не было, казалось, конца. Мы потеряли уже всякую надежду на успѣхъ, и опасенія наши достигли высочайшей точки, когда ему удалось, наконецъ, побѣдить сомнѣнія и недовѣрчивость своихъ земляковъ, о чемъ онъ насъ тотчасъ же извѣстилъ съ чистосердечною радостью. Мавры начали подходить къ намъ одинъ за другимъ, дѣлая руками движенія, какъ считаютъ деньги; мы, естественно, всѣми силами старались дѣлать утвердительные знаки.

Нашъ спаситель простился съ нами и еще разъ замолвилъ за насъ слово нашимъ провожатымъ.

Мы тотчасъ отправились по направленію къ Тангеру. Но скоро стемнѣло, и мы остановились на ночлегъ въ одной деревнѣ, которую, впрочемъ, замѣтили только, когда были уже въ самой ея серединѣ: кровли жилищъ едва возвышались надъ землею и походили просто на кучки земли. Здѣсь насъ помѣстили въ маленькомъ жильѣ; мы промокли отъ дождя и отъ пота, и провели ужасную ночь, лежа въ тѣсномъ углу одинъ на другомъ. Но всего непріятнѣе было для насъ то, что каждую минуту кто нибудь приходилъ посмотрѣть на насъ, и каждый разъ мы должны были вставать и позволять разсматривать и ощупывать себя, какъ животныхъ; мы вполнѣ насладились этимъ удовольствіемъ въ продолженіи 5-ти дней ходьбы до Тангера: днемъ это замедляло намъ путь, ночью лишало насъ необходимаго покоя. Пища наша состояла изъ «*кускуса*», густой, противнаго темно-пепельнаго цвѣта каши, которую Мавры ѣли съ наслажденіемъ, но которая намъ, не смотря на сильный голодъ, была очень не по вкусу; кромѣ того, намъ давали еще что-то въ родѣ пепельно-сѣрыхъ сухарей, тоже отвратительнаго, но все таки лучшаго вкуса, нежели кускусъ.

Мы не могли быть далеко отъ Тангера, а между тѣмъ, безостановочно идя отъ ранняго утра до поздней ночи, должны были пройти цѣлыхъ 5 дней. Это потому, что дорогъ здѣсь собственно нѣтъ никакихъ, земля въ дождливое время совершенно раскисаетъ, и почти черезъ каждые полчаса встрѣчаешь горный ручей, который надо обходить, потому-что мосты здѣсь вовсе неизвѣстны; а на обходъ потребно иногда полдня, и даже цѣлый день. Изъ этого понятно, почему мы, при самой усиленной ходьбѣ, такъ медленно подвигались къ цѣли нашего путешествія. Въ продолженіи этихъ пяти дней съ нами обращались, правда, не такъ дурно, какъ при первой встрѣчѣ, но все таки варварски: насъ гнали, какъ скотину, и только по вечерамъ кормили кускусомъ.

По прибытіи въ Тангеръ, насъ тотчасъ же передали французскому консулу, и страданія наши кончились. Мавramъ, нашимъ провожа-

Digitized by Google

тымъ, было щедро заплачено, и они остались очень довольны, какъ сами насъ увѣряли.

Отсюда мы намѣревались отплыть на мавританскомъ кораблѣ въ Марсель. Но къ несчатію, весь флотъ марокскаго императора состоялъ тогда изъ трехъ жалкихъ береговыхъ судовъ, и всѣ они, незадолго до нашего прибытія, отправились съ туземными произведеніями въ Марсель, откуда ихъ нельзя было ожидать назадъ ближе трехъ мѣсяцовъ. Намъ опять пришлось вооружиться терпѣніемъ и ждать въ Тангерѣ удобнаго случая переправиться во Францію.

Когда Голландія была присоединена къ Франціи — французскій консулъ перешелъ въ домъ голландскаго консульства, потому-что этотъ былъ лучше, а насъ помѣстили въ домѣ французскаго консула, гдѣ какой-то Итальянецъ открылъ гостинницу. У насъ, естественно, не было никакихъ паспортовъ, и мы не смѣли вступить въ городъ Тангеръ до тѣхъ поръ, пока не разрѣшитъ намъ этого паша, бывшій тогда въ Мегинесѣ; это разрѣшеніе получили мы черезъ двѣ недѣли. До полученія же этого позволенія мы помѣщались въ негодномъ корсарскомъ кораблѣ, вставленномъ на берегъ въ гавани. Здѣсь мы имѣли удобный случай насмотрѣться на мавританскихъ солдатъ, безъ мундировъ собиравшихся передъ гаванью на парадъ, и убѣдиться въ быстротѣ мавританскаго судопроизводства. Часамъ къ 5-ти послѣ обѣда солдаты собирались на разводъ, при которомъ участвовалъ и тангерскій губернаторъ со свитою, садившійся всегда на землю, какъ разъ возлѣ обитаемаго нами корабля; солдаты приходили на парадъ не по приказу, а добровольно, и ихъ сходилось такъ много, что половину ихъ надо было отсылать назадъ. Къ судебной расправѣ приступали немедленно послѣ парада; вызывали обвиненнаго; онъ являлся шаговъ за 6 или 8 передъ губернаторомъ, падалъ на землю и ползъ до него какъ собака, на четверенькахъ; губернаторъ обмѣнивался нѣсколькими словами или съ самимъ обвиненнымъ, или съ кѣмъ нибудь изъ своей свиты, и вслѣдъ за тѣмъ или обвиненный быстро вскакивалъ и убѣгалъ, или являлись двое чорныхъ, вооруженныхъ палками, и наказывали обвиненнаго.

Издали Тангеръ кажется очень красивъ и чистъ; жилища съ плоскими крышами выбѣлены извѣстью, не исключая и кровли. Но вступивши въ городъ, вы скоро замѣтите, что едва ли можно найти мѣсто неопрятнѣе и грязнѣе: на немощеныхъ улицахъ грязь и нечистоты всякаго рода лежатъ кучами, валяется даже падаль крупнаго скота, и гніеніе ея отравляетъ воздухъ; многочисленныя стаи собакъ оспориваютъ у проходящихъ добычу, и всюду такое множество безстрашныхъ крысъ, что онѣ дюжинами бѣгутъ среди бѣла дня по улицѣ, между собакъ, отыскивая себѣ пищу. Дома похожи на приплюснутый немного кубъ, въ срединѣ котораго находится маленькій дворъ; на этотъ дворъ выходятъ двери разныхъ комнатъ и окна, или, лучше сказать, отдушины. Мебель этихъ комнатъ состоитъ единственно изъ нѣсколькихъ соломенныхъ рогожекъ, служащихъ и постелью

Digitized by Google

и диваномъ. Дома очень похожи на тюрьмы: снаружи на нихъ не видно ничего, кромѣ узкой, низенькой и всегда накрѣпко запертой двери.

Женщины здѣсь въ совершенномъ рабствѣ; онѣ постоянно сидятъ за замкомъ; только дѣти и дряхлыя старухи имѣютъ право показываться на улицахъ. Въ этомъ случаѣ, онѣ закутываются въ кусокъ грубой шерстяной матеріи, въ «ганкъ», такъ что остается видѣнъ только одинъ глазъ, да и тотъ тотчасъ же закрывается, какъ только встрѣтится мужчина.

Здѣсь, какъ и вездѣ, много Евреевъ, и это тѣмъ удивительнѣе, что съ ними обращаются здѣсь съ безпримѣрною жестокостью; всякій Мавръ можетъ совершенно по своему произволу распологать всякимъ изъ нихъ, какъ только встрѣтитъ; Жидовъ берутъ для исправленія публичныхъ работъ, самыхъ нечистыхъ. Входя въ улицу, гдѣ находится мечеть, Еврей долженъ снять туфли и пройти босикомъ; тоже самое долженъ онъ дѣлать, проходя по улицѣ, гдѣ живетъ какой нибудь помѣшанный или дурачокъ, которыхъ здѣсь считаютъ за святыхъ; имъ даютъ множество преимуществъ и на жилищахъ ихъ развѣвается бѣлое знамя.

Бракъ, котораго мы, конечно, могли замѣтить только внѣшній церемоніялъ, совершается слѣдующимъ образомъ:

Мавръ можетъ имѣть четырехъ законныхъ женъ, и кромѣ того, еще столько наложницъ, сколько ему угодно или сколько позволяетъ ему содержать его состояніе. Когда Мавръ женится въ первый разъ, то три вечера сряду передъ свадьбой онъ ѣздитъ верхомъ по городу въ сопровожденіи многочисленной свиты и оркестра, состоящаго изъ дюжины большихъ барабановъ и столькихъ же длинныхъ духовыхъ инструментовъ, въ родѣ кларнета, издающихъ пронзительные звуки. Если же у него уже есть одна или нѣсколько женъ, то поѣздъ совершается только одинъ разъ. Наканунѣ свадьбы женихъ посылаетъ невѣстѣ подарки: платья, уборы и разныя драгоцѣнности, если онъ богатъ,—или, если бѣденъ, хлѣбъ, рисъ, финики и т. п., смотря по своимъ средствамъ; подарки эти приносятъ при звукахъ той же негармонической музыки. Свадьба или, собственно, церемонія брака совершается ввечеру; женихъ, съ музыкой и свитой, болѣе или менѣе многочисленной, смотря по сану и богатству его, идетъ къ дому невѣсты и спокойно ждетъ у входа, пока ее вынесутъ разряженную, въ замкнутомъ ящикѣ, ключь отъ котораго вручаютъ жениху. Невѣсту, сидящую въ этомъ ящикѣ, ставятъ на мула и провозятъ вмѣстѣ съ женихомъ по городу. По окончаніи этой прогулки отправляются въ мечеть, гдѣ совершается бракосочетаніе, и оттуда идутъ уже прямо въ домъ новобрачнаго; невѣсту, все еще въ ящикѣ, вносятъ въ назначенную для ея будущаго пребыванія комнату, и когда всѣ разошлись, новобрачный открываетъ ящикъ, снимаетъ съ молодой жены своей покровъ и смотритъ, каковъ попавшійся ему товаръ. До этой минуты онъ не видѣлъ избранной имъ невѣсты; тогда онъ со-

Digitized by Google

вершилъ съ отцомъ ея, или, если его нѣтъ въ живыхъ, то съ заступающимъ его мѣсто, а жену онъ можетъ увидѣть только послѣ религіознаго обряда бракосочетанія.

Когда путешествуетъ какой нибудь вельможа, то въ мѣстахъ, гдѣ онъ останавливается на ночлегъ, ему приводятъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ и уводятъ ихъ назадъ на другое утро. Послѣ этого ихъ 9 мѣсяцовъ держатъ подъ строжайшимъ присмотромъ, и если свиданіе съ вельможей имѣло послѣдствія, то новорожденный считается принцемъ или принцессой; слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, что вамъ часто случается здѣсь увидѣть принца-разнощика, продающаго куръ, яйца, масло и т. п.

Наконецъ, послѣ 3 мѣсяцовъ томительнаго выжиданія случая отплыть изъ Тангера, 16-го мая, 1814 года, совершенно неожиданно прибылъ къ Тангеру французскій 54-хъ пушечный фрегатъ и привезъ извѣстіе, что Наполеонъ свергнутъ съ престола и что во Франціи возстановлена старая династія въ лицѣ Людовика XVIII. Командиръ фрегата взялъ насъ съ собою. 18 мая поутру снялись мы съ якоря, и хотя насъ на цѣлую ночь задержали два алжирскіе фрегата одинаковой съ нами силы, мы 20-го мая вошли въ тулонскую гавань. Больныхъ на нашемъ суднѣ не было, и потому мы подверглись только 21 дневному карантину, срокъ котораго окончился 11-го іюня.

Получивши отъ тамошняго военнаго начальства маршруты, на основаніи которыхъ мы вездѣ, гдѣ понадобится, могли получать по 20 су на этапъ, отправились мы каждый на свою родину. Я и капитанъ Дюмениль, мы шли сначала вмѣстѣ, черезъ Марсель, Авиньонъ, Валансъ до Ліона; здѣсь мы разстались: онъ отправился въ Парижъ, а я черезъ Лонсъ ле Сонье, Маконъ, Шалонъ, Безансонъ, Кольмаръ и Страсбургъ въ Биберихъ, куда и прибылъ 1-го іюля.

Въ Лонсъ ле Сонье случилось со мною странное, но весьма пріятное приключеніе. — Я разстался съ Дюмениломъ въ Ліонѣ; прощанье было тѣмъ тяжелѣе, что мы очень привязались другъ къ другу и не надѣялись больше увидѣться. Пришедши около полудня въ Лонсъ ле Сонье, отстоящій отъ Ліона часовъ на 6, я ужасно усталъ; идти одному было очень скучно и тяжело, и я рѣшился переночевать здѣсь.

Маршрутомъ моимъ пользовался я до сихъ поръ только для полученія этапныхъ денегъ; квартиръ я не требовалъ, не желая терять времени на полученіе квартирнаго билета; я шелъ ежедневно отъ утра до ночи и останавливался въ первой попадавшейся мнѣ гостинницѣ. Такъ хотѣлъ я распорядиться и сегодня, но въ городѣ былъ праздникъ освященія церкви; всѣ гостинницы были полны народа, и я нигдѣ не могъ найти ночлега. Всѣ попытки мои остались безуспѣшны, и я хотѣлъ уже выйти изъ гостинницы, когда какой-то старичокъ, слышавшій разговоръ мой съ трактирщикомъ, обратился ко мнѣ и сказалъ, что я, судя по наружности, долженъ быть военный, и что, слѣдовательно, при мнѣ долженъ быть маршрутъ. Я отвѣчалъ утвердительно, и онъ пригласилъ меня идти съ нимъ, обѣщая найти

Digitized by Google

мнѣ квартиру. Дорогою мы разговорились, и я въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ ему, откуда иду, что случилось со мною въ это утро, и, наконецъ, что я не въ силахъ идти сегодня дальше. Старикъ былъ членъ магистрата, выдалъ мнѣ билетъ на квартированіе у него же въ домѣ и самъ проводилъ меня къ себѣ; здѣсь приняли меня чрезвычайно ласково и отвели мнѣ комнату, сказавши, что черезъ часъ сядутъ за столъ, Едва успѣлъ я окончить свой бѣдный туалетъ, какъ меня пришли звать къ обѣду. Въ столовой я нашелъ семь молодыхъ очень недурныхъ собою дамъ и четырехъ мужчинъ, въ числѣ которыхъ былъ и приведшій меня сюда. Когда кончились привѣтствія и извиненія, хозяйка, молодая хорошенькая дама, попросила меня позволить каждой изъ присутствующихъ поцаловать меня *три* раза. Дѣло скоро объяснилось; когда эта церемонія, отъ которой, признаюсь, холодный потъ выступилъ у меня на лбу, кончилась, хозяйка снова обратилась ко мнѣ, и объявила, что у нихъ долго квартировали австрійскіе кирасиры, что онѣ много отъ нихъ вытерпѣли и дали обѣтъ по три раза поцаловать перваго французскаго офицера, который станетъ у нихъ на квартирѣ. Во время этого объясненія, я успѣлъ придти въ себя и смѣло объявилъ, что я не французскій офицеръ, и служилъ во французской арміи только какъ союзный, что, слѣдовательно, я получилъ поцалуи, которые принадлежатъ вовсе не мнѣ, и готовъ возвратить ихъ, какъ незаконное пріобрѣтеніе. Это подало поводъ ко многимъ шуткамъ, и я провелъ день очень пріятно. Меня приглашали остаться здѣсь для отдыха на нѣсколько дней, но я не могъ согласиться, нетерпѣливо желая увидѣть родину и выйти изъ неизвѣстности на счетъ будущаго рода жизни. Какъ я спѣшилъ и сколько проходилъ въ сутки, это можно увидѣть изъ того, что пробывши въ Марселѣ, Валансѣ и Ліонѣ по цѣлому дню, я дошелъ отъ Тулона до Бибериха въ 21 день.

Прибывши въ Биберихъ, я получилъ свое прежнее мѣсто во второмъ нассаускомъ полку, стоявшемъ тогда гарнизономъ въ Мастрихтѣ, въ Голландіи. Я пробылъ здѣсь, только пока успѣлъ экипироваться, и только мелькомъ повидавшись съ своими, отправился въ Мастрихтъ; 7-го августа, 1814 года, явился я въ свой полкъ, и радостно, какъ воскресшій изъ мертвыхъ, былъ встрѣченъ немногими оставшимися въ живыхъ товарищами похода въ Испанію.

Покамѣстъ я былъ въ плѣну, 2-й нассаускій полкъ испыталъ много потерь, и, наконецъ, послѣ сраженія при Витторіи, получилъ отъ своего герцога повелѣніе оставить французскую армію и переѣхать на англійскомъ кораблѣ въ Нидерланды. Но во время переѣзда изъ Англіи въ Голландію онъ потерялъ, при кораблекрушеніи, 12 офицеровъ и 300 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ.

АМЕРИКАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ ЛЬДОМЪ. Предпріимчивость Англо-Американцевъ нѣсколько лѣтъ тому положила начало новой отрасли торговли, въ которой Россія по преимуществу можетъ состя-

Digitized by Google

заться съ сѣверо-американскими Соединенными-Штатами. Мы говоримъ о торговлѣ льдомъ, которымъ Англо-Американцы снабжаютъ нынѣ не только Вест-Индію и южную Америку, но и отдаленнѣйшія страны. Ледъ отправляется изъ Бостона въ западную Европу и въ Ост-Индію; между этимъ портомъ и Англіею установился постоянный торгъ льдомъ, для складки котораго построены обширные каменные ледники въ Лондонѣ и Ливерпулѣ.

Русская сѣверная зима приготовляетъ этотъ товаръ въ такомъ изобиліи и столь превосходнаго качества, что, безъ сомнѣнія, нашъ ледъ нисколько не уступитъ въ достоинствѣ американскому. Въ Англіи и другихъ странахъ западной Европы, русскій ледъ, конечно, можетъ продаваться по сходнѣйшимъ цѣнамъ, потому-что на провозъ туда изъ Россіи потребуется менѣе времени и расходовъ въ сравненіи съ дальнею доставкою изъ сѣверной Америки.

Итакъ, мы имѣемъ на своей сторонѣ два существенныя условія для развитія этой торговли: изобиліе и дешевизну товара; но этого мало: нужно умѣнье взяться за торгъ такъ, чтобы можно было упрочить его на выгодныхъ основаніяхъ. Предоставляя людямъ предпріимчивымъ и капитальнымъ обратить вниманіе на этотъ новый для Россіи предметъ внѣшней торговли, сообщаемъ слѣдующія любопытныя подробности о томъ, какимъ образомъ производится добываніе и отправка льда въ сѣверной Америкѣ. Свѣдѣнія о тамошней торговлѣ льдомъ заимствованы нами изъ отчетовъ, представленныхъ англійскому парламенту въ 1846 году.

«Главное мѣсто добыванія льда для отпуска за границу есть Вентанское озеро, лежащее близъ Бостона; тамошній ледъ отправляется наиболѣе изъ Бостона и пригорода его, Чарлстона, находящагося у того же озера. Эта торговля значительно усилилась съ 1833 г. По примѣру Бостона, и другіе сѣверные порты Соединенныхъ-Штатовъ стали также отправлять ледъ, и нынѣ ежегодно вывозится большое количество его изъ Нью-Іорка. Внутренній сбытъ льда весьма распространился: значительные грузы отправляются въ Нью-Орлеанъ и другіе южные порты Соединенныхъ-Штатовъ. Ледъ употребляютъ для укладки трески, семги и другихъ рыбъ, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ изъ сѣверныхъ провинцій въ западный край. Въ Бостонѣ учреждено шестнадцать компаній для доставки льда въ Нью-Орлеанъ, Вест-Индію, Южную Америку, Ост-Индію, Европу и др. м. Въ 1840 г. отправлено льда изъ Чарлстона въ дальніе порты до 30,000 тоннъ (около 1,900,000 пуд.), и не менѣе 50,000 тоннъ (около 3,150,000 пуд.) вывезено изъ Бостона. Однимъ тамошнимъ торговымъ домомъ было нанято и отправлено съ грузами льда 100 большихъ и малыхъ судовъ. Въ числѣ грузовъ, посланныхъ въ Ост-Индію одинъ обмѣненъ тамъ на хлопчатую бумагу, фунтъ за фунтъ, и она продана съ выгодою въ Англіи. Въ 1843 г. было вывезено изъ Бостона за море 55,000 тоннъ (3½ мил. пуд.) льда. Средняя цѣна, по которой обходился этотъ товаръ съ погрузкою, составляетъ 2¼ доллара за тонну (5 кон. сер.

Digitized by Google

за пуд.) Въ Нью-Орлеанѣ онъ продается по одному центу за фунтъ (около 50 коп. сер. за пудъ), а въ прежнее время стоилъ тамъ въ шестеро дороже.

«Все количество льда, добываемаго изъ Венгамскаго озера, простирается въ хорошій годъ до 200,000 тоннъ (около 12,600,000 пуд.) При усиленной работѣ, оно можетъ быть вырублено и уложено въ ледники въ теченіи около трехъ недѣль.

«Венгамское озеро лежитъ высоко надъ уровнемъ моря, окружено холмами, не имѣетъ никакихъ притоковъ и наполняется единственно ключами, которые вытекаютъ изъ подводныхъ скалъ, на глубинѣ до 200 футовъ отъ поверхности. Замѣчено, что ледъ, образующійся на весьма глубокой водѣ, бываетъ тверже и прочнѣе льда такой же толщины, получаемаго съ мелководныхъ мѣстъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется чрезвычайная прочность льда, образующагося на Венгамскомъ озерѣ. По берегамъ его устроены деревянные ледники съ двойными стѣнами, толщиною до 10 футовъ; пространство между стѣнъ наполнено деревянными опилками, которыя служатъ для предохраненія льда отъ внѣшняго воздуха; такимъ образомъ, ледъ сберегается тамъ, нисколько не подвергаясь вліянію внѣшней температуры. Ледникъ, вмѣщающій въ себѣ отъ 10 до 20 тысячъ тоннъ льда, занимаетъ пространства $^1/_4$ акра (около 450 квад. сажень).

«Для добыванія льда изъ озера придуманъ механизмъ, приводимый въ дѣйствіе людьми и лошадьми. Лишь только ледъ начинаетъ образоваться, заботятся о томъ, чтобы снѣгъ не оставался на ледяной корѣ, и сметаютъ его до тѣхъ поръ, пока ледъ не дойдетъ до толщины, достаточной для выемки его изъ озера. Къ работѣ приступаютъ, когда толщина льда дойдетъ до одного фута: — выбираютъ пространство около двухъ акровъ (три четверти десятины), изъ котораго, при такой толщинѣ льда, можно добыть его около 2000 тоннъ, (126,000 пуд.), и проводятъ прямую черту чрезъ средину этого участка отъ одного края до другого въ обѣ стороны. На одной изъ этихъ линій, посредствомъ небольшой ручной сохи, дѣлаютъ борозду глубиною около трехъ дюймовъ и шириною въ четверть дюйма; потомъ, вставляютъ въ эту борозду иструментъ называемый «marer» (отмѣтчикъ), движимый парою лошадей. Этимъ инструментомъ проводятъ двѣ новыя борозды, параллельно первой, въ разстояніи на 21 дюймъ одна отъ другой, затѣмъ вставляютъ его въ крайнюю и проводятъ еще двѣ борозды. По проведеніи такихъ линій на всей поверхности отмѣреннаго участка, въ одну сторону, эта работа повторяется въ другомъ направленіи, такъ что все пространство дѣлится на квадраты въ 21 дюймъ. Въ тоже время лошадь везетъ по бороздамъ соху, которая разрѣзываетъ ледъ на глубину до 6 дюймовъ; потомъ выпиливаютъ одинъ рядъ ледяныхъ кабановъ и, сдѣлавъ, такимъ образомъ, отверстіе, откалываютъ остальные кабаны желѣзнымъ ломомъ. Этотъ ломъ походитъ на заступъ клинообразной формы. Лишь только впустятъ его въ борозду, кусокъ льда откалывается, потому-что для

Digitized by Google

этого достаточно весьма малаго удара, особенно въ холодную погоду. Близъ отверстія, сдѣланнаго во льду, ставятъ подмостки съ желѣзными катками. По обѣимъ сторонамъ ихъ стоятъ работники, вооруженные крючьями. Ледъ захватываютъ крюкомъ и вскидываютъ вдругъ по каткамъ на подмостки. Въ холодную погоду все тотчасъ покрывается льдомъ отъ замерзанія воды на подмосткахъ, каткахъ и проч., и большіе куски льда, вѣсомъ иные свыше 6 пудовъ откалываются по этимъ скользкимъ поверхностямъ, какъ будто не имѣютъ въ себѣ никакой тяжести.

«Когда ледъ, по случаю оттепели или дождя, сдѣлается скважистымъ и непрозрачнымъ, или когда за снѣгомъ послѣдуетъ дождь и потомъ настанетъ морозъ, отъ котораго образуется слой снѣжнаго льда, негоднаго на продажу, — тогда снимаютъ верхнюю кору особеннымъ стругомъ. Эта работа производится такимъ же образомъ, какъ разрѣзка льда бороздами. Съ помощію сорока человѣкъ и двѣнадцати лошадей можно вырубить и уложить въ день до 400 тоннъ льда, при благопріятной погодѣ; иногда бываютъ заняты этою работою вдругъ до 100 человѣкъ.

«Кромѣ собственныхъ ледниковъ при озерѣ и въ большихъ городахъ, компанія набиваетъ льдомъ множество погребовъ въ частныхъ домахъ въ зимнее время. Весь ледъ перевозится съ мѣста по желѣзной дорогѣ.

«Издержки на пріобрѣтеніе инструментовъ, на постройку ледниковъ, на наемъ рабочихъ, на устроеніе желѣзной дороги весьма значительны; но торговля льдомъ такъ обширна и ведется такъ успѣшно, что онъ можетъ быть доставляемъ даже въ Англію за самую ничтожную цѣну.

«Не смотря на то, что ледъ перевозятъ лѣтомъ, въ жаркое время, онъ не очень уменьшается въ своемъ объемѣ. Ледяные кабаны такъ велики, что въ пропорціи къ вѣсу самая малая часть ихъ подвержена вліянію атмосферы. Укладка весьма усовершенствована въ новѣйшее время и отъ-того потеря льда очень уменьшилась.

«Ледъ перевозится на судахъ въ деревянныхъ ящикахъ, на глухо закупоренныхъ; для укладки его употребляютъ сѣно и солому, либо деревянные опилки».

Эта торговля, по цѣнности грузовъ льда, по числу судовъ, занятыхъ перевозкою его, и по множеству рукъ, пріобрѣтающихъ отъ нея хорошія заработки, уже составляетъ значительный промыселъ. Большое, постоянное требованіе на этотъ товаръ во многихъ странахъ обезпечиваетъ ему выгодный сбытъ. Сѣверо-Американцы первые воспользовались имъ съ такимъ успѣхомъ, что до сихъ поръ они исключительно снабжаютъ льдомъ самыя отдаленныя страны. Сколько намъ извѣстно, ледъ вывозится кромѣ Соединенныхъ-Штатовъ только изъ Норвегіи, откуда онъ сбывается не далѣе портовъ западной Европы. Если Норвежцы уже приняли участіе въ этой торговлѣ, то почему бы не обратить вниманіе на отправку льда изъ

Digitized by Google

Петербурга въ Англію: Францію и др. м. Пусть Американцы доставляютъ его въ Вест-Индію, Бразилію, Ост-Индію и проч.; но, кажется, не трудно было бы вытѣснить ихъ, по крайней мѣрѣ, изъ Европы, въ торговлѣ товаромъ, которымъ природа такъ щедро надѣляетъ сѣверную часть нашего любезнаго отечества.

Вотъ изъ числа тысячи примѣровъ одинъ, довольно очевидно предъ нашими глазами обнаруживающій могущественную силу просвѣщенной предпріимчивости, когда она поддерживается духомъ товарищества: Американцы умѣли создать и распространить торговлю льдомъ, упрочивъ ея развитіе соединеніемъ капиталовъ въ компаніи, которыя приняли на себя добываніе, перевозку и распродажу этого товара. Предпріимчивость ихъ указала средства къ удобнѣйшей вырубкѣ льда, къ лучшему сбереженію его въ ледникахъ и къ сохраненію его въ пути въ лѣтнее время. Могла ли бы эта торговля утвердиться на столь обширныхъ и прочныхъ основаніяхъ и возвыситься до такой значительной степени, при разъединенныхъ усиліяхъ частной промышленности съ ограниченными ея средствами? Конечно, нѣтъ, и, въ доказательство, можно указать на слабое развитіе за-морскаго торга норвежскимъ льдомъ и на совершенное небреженіе о сбытѣ русскаго льда за границу, гдѣ до сихъ поръ онъ вовсе неизвѣстенъ.

Франція уже обратила вниманіе на необходимость открыть постоянный торгъ льдомъ съ сѣверною Европою. Въ прошлое лѣто всѣ ледники въ Парижѣ истощились, и отъ-того многія промышленности, которымъ нельзя существовать безъ льда, подвергнулись крайнимъ затрудненіямъ; пришлось выписывать его изъ за-границы и ожидать грузовъ изъ сѣверной Америки. По этому случаю, французскій консулъ въ Норвегіи представилъ министру коммерціи слѣдующія замѣчанія о вывозѣ льда изъ этой страны:

«По прошествіи января, во Франціи, легко можно судить какое количество льда потребуется въ теченіи года. По этому, нужно отправлять корабли за льдомъ въ февралѣ: они возвращались бы во Францію къ началу весны, въ то самое время, когда ледъ можетъ имѣть скорый и выгодный сбытъ. — Самою благопріятною порою для нагрузки льда можно считать мартъ мѣсяцъ; по мнѣнію консула, корабли должны для того входить въ заливъ Христіанію нѣсколько далѣе, и хотя имъ нельзя еще будетъ войти въ портъ, который обыкновенно закрытъ до половины апрѣля, однако, они могутъ найти по всему заливу если не порты, то, по крайней мѣрѣ, безопасныя и удобныя пристанища для нагрузки льда. Въ недальномъ разстояніи отъ Христіаніи, есть нѣсколько небольшихъ городовъ, каковы Моссъ и Дробакъ, которые, подобно почти всѣмъ норвежскимъ портамъ, откуда вывозится лѣсъ, лежатъ при устьяхъ рѣкъ, приводящихъ въ дѣйствіе множество лѣсопильныхъ заводовъ. Въ этихъ мѣстахъ можно вмѣстѣ со льдомъ запасаться и деревянными опилками, которые употребляются Американцами для сохраненія льда въ дальной перевозкѣ въ Ост-Индію. Само собою разумѣется, что, при кратчай-

Digitized by Google

шемъ плаваніи, требуется менѣе предосторожностей, и случается менѣе потери въ грузѣ, слѣдовательно, менѣе расходовъ».

Эти замѣчанія изложены министромъ коммерціи въ циркулярномъ увѣдомленіи, которое онъ разослалъ во французскіе порты, присовокупляя къ тому, съ своей стороны, что «торговля этимъ товаромъ, «кажется, можетъ быть предметомъ выгодныхъ спекуляцій, если только французскіе корабли, подобно американскимъ, годны для перевозки льда; особенно снабженіе имъ всѣхъ странъ, прилежащихъ къ «Средиземному морю, можетъ сдѣлаться значительнымъ, и въ такомъ «случаѣ, французскому судоходству представился бы способъ усилить «свои сношенія съ сѣверными государствами, именно съ Норвегіею «и Швеціею».

ПРОШЛОГОДНІЙ ОТПУСКЪ ХЛѢБА ИЗЪ РУССКИХЪ ПОРТОВЪ. По случаю недостаточнаго урожая во многихъ иностранныхъ земляхъ въ 1846 г., потребовалось туда много хлѣба изъ Россіи; вѣроятно, цѣны его будутъ высоки и въ нынѣшнемъ году, потому-что сильное требованіе на хлѣбъ продолжается почти во всей западной Европѣ, и должно ожидать, что вывозъ его будетъ опять довольно значителенъ, особенно, если хлѣбные запасы во время подоспѣютъ къ нашимъ портамъ въ достаточномъ количествѣ, для отправки за границу.

Въ общей массѣ отпуска хлѣба, прошедшій годъ мало уступаетъ достопамятному 1817-му, когда, при повсемѣстномъ неурожаѣ въ западной Европѣ, было отпущено изъ Россіи разнаго хлѣба въ зернѣ до шести милліоновъ четвертей. Съ тѣхъ поръ отпускъ ржи изъ Петербурга большею частію былъ самый ничтожный. Но въ 1846 г. вывезено отсюда ржи 580,000 четв., на 3,370,000 руб. сер. (только на 30,000 четв. менѣе, нежели въ 1817 г.) Рожь отправлялась большею частію въ Голландію, Бельгію и нѣмецкіе порты. Сверхъ того, изъ Петербурга отпущено пшеницы съ небольшимъ 50,000 четв. и овса около 60,000 четв. (почти все въ Англію). Вывозъ этихъ хлѣбовъ отсюда вѣроятно былъ бы гораздо значительнѣе, при большомъ требованіи на нихъ за границею, если бы здѣсь находились достаточные запасы, готовые для отпуска. Въ Архангельскѣ также хлѣбная торговля чрезвычайно оживилась. Ржи вывезено изъ этого порта до 330,000 четв. въ Голландію и Бельгію, и овса слишкомъ 250,000 четв., почти исключительно въ Великобританію. Такого значительнаго отпуска въ Архангельскѣ не было даже въ 1817 г. Напротивъ того, Рига и другіе остзейскіе порты, по недостаточному урожаю хлѣбовъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, не могли принять дѣятельнаго участія въ этомъ приращеніи хлѣбной торговли. Для обезпеченія продовольствій этого края, правительство продолжило до 1 августа, 1846 г., данное еще въ прошедшую навигацію разрѣшеніе безпошлиннаго провоза хлѣба къ портамъ остзейскихъ губерній и въ Нарву. Впрочемъ, изъ Риги вывезено ржи въ 1846 г. 263,000 четв., тогда какъ

Digitized by Google

нѣсколько лѣтъ сряду, именно съ 1839 г., отпускъ оставался маловажнымъ. Въ благопріятные же годы онъ доходилъ отъ 300 до 540,000 четв.; въ 1817 г. было отпущено ржи изъ этого порта около милліона четвертей. — По значительному отпуску пшеницы изъ южныхъ портовъ, прошедшій годъ превзошелъ всѣ предъидущіе. Вывозъ ея возвысился до трехъ милліоновъ четвертей, въ томъ числѣ около третьей доли отпущено изъ азовскихъ портовъ, а все остальное количество изъ Одессы. Истекшій годъ можетъ считаться блистательною эпохою въ одесской хлѣбной торговлѣ. Съ основанія этого порта вывозъ пшеницы никогда еще не доходилъ до такого огромнаго количества, 1,955,316 четв., на 15,296,641 руб. сер.; кромѣ того, вывезено другихъ родовъ хлѣба въ зернѣ 291,898 четв. и муки 20,439 четв., слѣдовательно, всего вообще 2,267,653 четв. Не смотря на такой огромный отпускъ за границу, въ Одессѣ еще оставалось на складкѣ къ 1 января, 1847 года, до 725,000 четв. пшеницы и до 95,000 четв. другихъ сортовъ хлѣба; почти вся оставшаяся пшеница уже запродана, и большая часть ея была бы вѣроятно уже вывезена, если бы не воспрепятствовали поздній приходъ осенняго каравана судовъ и прекращеніе навигаціи въ концѣ декабря.

По приблизительному исчисленію, можно полагать, что весь отпускъ хлѣбныхъ припасовъ изъ Россіи простирался въ 1846 г. на сумму не менѣе 27 милліоновъ руб. сер.

Лучшими доказательствами, до какой степени въ теченіи послѣднихъ 30 лѣтъ распространилось хлѣбопашество въ южной Россіи и въ иностранныхъ земляхъ, равно какъ соперничество ихъ съ нею въ заграничномъ сбытѣ пшеницы, служитъ нынѣшняя цѣнность отпуска этого хлѣба изъ Одессы. Въ общей сложности, отпускная пшеница въ 1846 г. обходилась здѣсь до 7 р. 80 к. за четверть; но въ 1817 г., при меньшемъ ея вывозѣ изъ этого порта, именно всего 1,161,190 четв., цѣнность составляла 38,298,294 рас. т. е. до 33 руб. асс. или 9 руб. 43 коп. сереб. за четв. Слѣдовательно, не смотря на большое требованіе пшеницы въ 1846 г., цѣны ея въ Одессѣ были на 20% ниже цѣнъ 1817 г. Такую разность нельзя, кажется, объяснить иначе, какъ тѣмъ, что въ послѣднія 10 лѣтъ, съ одной стороны, значительно усилилось воздѣлываніе пшеницы въ новороссійскомъ краѣ, а съ другой — увеличился вывозъ изъ тѣхъ странъ, которыя прежде вовсе не отпускали хлѣба, напримѣръ, изъ сѣверной Америки, дунайскихъ портовъ, Турціи, Египта и др. м.; нынѣ пшеница привозится въ Англію даже изъ Австраліи.

ВОЗВЫШЕНІЕ ЦѢНЫ НА СОЛЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. Извѣстно, что сѣверо-западный край Россіи, прилежащій къ Балтійскому морю, снабжается иностранною солью. Продажа ея составляетъ вольный промыселъ. Большое количество соли ежегодно привозится въ Петербургъ изъ за границы, для мѣстнаго продовольствія; но къ отвращенію чрезмѣрнаго возвышенія цѣнъ на соль, здѣсь учреждена мелоч-

Digitized by Google

ная продажа ея изъ казенныхъ запасовъ, по установленной таксѣ. На 1846 годъ цѣна казенной соли въ Петербургѣ была назначена: елтонской 60 коп., а пермской, старорусской и проч. 76 коп. сер. за пудъ. Количество соли, продаваемой изъ этихъ запасовъ, обыкновенно невелико, при сходныхъ цѣнахъ на иностранную соль. Въ 1845—1846 г., ливерпульская соль продавалась на здѣшней биржѣ по 60 коп. сер. за пудъ, включая 40 коп. сер. таможенной пошлины. Но въ концѣ прошедшаго года цѣна значительно возвысилась, по случаю малаго привоза соли, и еще недавно держалась на биржѣ около 90 коп. сер. за пудъ.

Прошлогодній привозъ соли къ с. петербургскому порту былъ очень маловаженъ: онъ составлялъ только 420,290 пуд., тогда какъ въ 1845 г. привезено 762,147, въ 1844 г. 900,224, въ 1843 г. 828,565 пуд. и на время закрытія навигаціи всегда оставались еще немаловажные запасы. При такомъ значительномъ уменьшеніи привоза, не удивительно, что цѣны на иностранную соль возвысились. По открытіи навигаціи, истощившіеся запасы ея вѣроятно пополнятся новыми подвозами, а между тѣмъ, къ облегченію мѣстнаго продовольствія, послужитъ продажа казенной соли, по существующей таксѣ. Этотъ случай доказываетъ, однако, какъ необходимо имѣть здѣсь во всякое время достаточные казенные запасы соли, для обезпеченія продовольствія многолюдной столицы и къ отвращенію дороговизны этого необходимаго продукта.

Единственною причиною малаго привоза соли къ петербургскому порту въ прошедшемъ году было то, что корабли, обыкновенно приходящіе сюда съ солью, которую берутъ вмѣсто баласта, находили выгоднѣйшіе фрахты по перевозкѣ хлѣба. Чрезвычайное оживленіе хлѣбной торговли въ 1846 г. произвело ощутительный недостатокъ въ кораблях, и при возвысившихся фрахтахъ, доставка соли, естественно, должна была уменьшиться, потому-что въ пропорціи къ цѣнѣ этого товара провозъ его обходился слишкомъ дорого.

ЧТО ТАКОЕ САХАРЪ «ЛУМПЪ»? Въ Россіи, съ 1822 г., запрещенъ привозъ всякаго рафинированнаго сахара, къ которому принадлежитъ и лумпъ; но въ послѣдніе годы правительство, по особымъ уваженіямъ, признало нужнымъ допустить на время привозъ этого сорта сахара, единственно для переварки на петербургскихъ заводахъ. При высокой таможенной пошлинѣ, которою обложенъ сахаръ сырецъ, наши рафинадные заводы снабжаются сахарнымъ пескомъ почти исключительно съ острова Кубы, потому-что тамошній (гаванскій) сахаръ въ чистотѣ превосходитъ другіе сорты сырца, какъ то: бразильскій, яванскій, остиндскій и пр., и отъ-того они почти вовсе не привозятся въ Россію. Въ 1844 г., сильный ураганъ причинилъ значительный вредъ сахарнымъ плантаціямъ на островѣ Кубѣ и скудный сборъ тамъ сахарнаго песку угрожалъ большимъ возвышеніемъ цѣнъ на этотъ товаръ, особенно въ Россіи, которая получаетъ

Digitized by Google

оттуда почти всю пропорцію потребнаго ей колоніальнаго сахара. По этому случаю, къ отвращенію дороговизны столь необходимаго продукта, въ мартѣ, 1845 г., былъ разрѣшенъ привозъ изъ Англіи къ петербургскому порту сахара лумпа толченаго и въ мелкихъ кускахъ, на навигацію 1845 г., для переварки на сахарныхъ заводахъ, съ пошлиною, опредѣленною на сахаръ сырецъ, т. е. по 3 руб. 80 коп. сер. съ пуда. Въ тоже время постановлено, что купцы должны продавать лумпъ прежде выпуска его изъ таможни однимъ сахарнымъ заводчикамъ, а послѣдніе, при выпускѣ имъ лумпа, должны давать обязательство въ томъ, что этотъ сахаръ будетъ употребленъ для переварки и отнюдь не для продажи въ видѣ лумпа; въ случаѣ же открытія его въ продажѣ, заводчикъ подвергается отвѣтственности, установленной закономъ за контрабанду.

Эта мѣра отвратила возвышеніе цѣнъ на сахаръ въ 1845 г. По случаю большого привоза гаванскаго сахара въ оба предъидущіе года (*), остатокъ его на складкѣ въ 1845 г. уже былъ довольно значителенъ, около милліона пуд. Къ этому запасу присоединился въ навигацію 1845 г. привозъ около 640,000 пуд. сахарнаго песку и 1,016,000 пуд. лумпа. При такихъ большихъ запасахъ, цѣны на сахаръ не могли удержаться на высокой степени, до которой онѣ поднялись прежде прибытія всѣхъ подвозовъ, и съ осени уже стали упадать. Къ 1846 г. осталось сахара на складкѣ около 1⅛ милліона пуд., въ томъ числѣ было до 650,000 пудъ лумпа. Разрѣшеніе привоза его на навигацію 1846 г. было допущено уже безъ различія мѣстъ происхожденія лумпа; однако, его выписано безъ малаго втрое менѣе, нежели въ 1845 г., и привозъ гаванскаго сахарнаго песку въ прошлогоднюю навигацію былъ опять незначителенъ (*). За выпускомъ на заводы до 1,560,000 пуд. сахара сырца и лумпа, осталось на складкѣ къ 1847 г. только до 587,000 пуд. Такого малаго запаса давно уже не бывало, и отъ-того, въ концѣ 1846 г. цѣны сахара на петербургской биржѣ нѣсколько поднялись. Извѣстіе объ ураганѣ, вновь постигшемъ островъ Кубу въ прошломъ октябрѣ, угрожало дальнѣйшимъ возвышеніемъ здѣшнихъ цѣнъ на сахаръ. Вѣроятно, въ настоящее время онѣ поднялись бы гораздо выше, если бы не противодѣйствовало тому, съ одной стороны, усиливающееся свеклосахарное производство во внутреннихъ губерніяхъ, а съ другой—разрѣшеніе привоза лумпа на навигацію 1847 года. Должно замѣтить, впрочемъ, что заграничныя цѣны на сахаръ въ нынѣшнемъ году едва ли будутъ высоки: по новѣйшимъ извѣстіямъ изъ Гаваны, послѣдній ураганъ мало повредилъ сахарнымъ плантаціямъ, а изъ другихъ мѣстъ Вест-Индіи, равно какъ изъ Бразиліи, Ост-Индіи, Цейлона и Иль-де-

(*) Гаванскаго сахара привезено въ 1843 г. 1,770,048 пуд., а въ 1844 г. 1,998,976 пуд.

(*) Гаванскаго сахара привезено въ 1845 г. 541,554 пуд., въ 1846 г. 594,604 п. — Привозъ лумпа въ 1846 г. составлялъ только 385,892 пуд.

Digitized by Google

Франса, получены весьма благопріятныя извѣстія объ урожаѣ сахара, такъ-что можно ожидать большого привоза его въ Европу въ нынѣшнемъ году. Это не можетъ не подѣйствовать на петербургскія цѣны, тѣмъ болѣе, что здѣшніе заводы, пользуясь правомъ употреблять лумпъ, не будутъ въ необходимости покупать исключительно гаванскій сахарный песокъ.

Объяснивъ, по какимъ обстоятельствамъ отмѣнено на время запрещеніе привоза лумпа, обратимся къ разрѣшенію вопроса, выставленнаго въ заглавіи этой статьи: что такое *лумпъ*? — названіе, вѣроятно мало знакомое многимъ изъ нашихъ читателей. Но для того, чтобы сдѣлать наше объясненіе понятнымъ, мы должны разсказать вкратцѣ процессъ рафинировки сахара.

Сахаръ сырецъ, поступающій въ торговлю, содержитъ въ себѣ два различныя вещества: сахаръ зернистый, кристализующійся, и сахаристую слизь въ жидкомъ состояніи или, по крайней мѣрѣ, вязкую и влажную, которая облегаетъ сахаръ и окрашиваетъ его въ буроватый, болѣе или менѣе темный цвѣтъ. Искусство рафинировки состоитъ въ томъ, чтобы раздѣлить эти два начала и въ тоже время освободить сахаръ отъ посторонннихъ частицъ, которыя могутъ въ немъ находиться. Для того развариваютъ сырецъ въ горячей водѣ, примѣшавъ къ ней въ извѣстной пропорціи животный уголь, для обезцвѣченія сахара и бычачью кровь, для очищенія его. Лишь только сахаръ, растворившійся въ котлѣ, начнетъ кипѣть, приступаютъ къ процѣживанію его. Пробѣленный и процѣженный сахаръ кипятятъ потомъ въ особомъ котлѣ, изъ котораго онъ переливается на холодильныя сковороды и въ видѣ сиропа выливается, наконецъ, въ глиняныя формы, въ которыхъ совершается его кристализація. По охлажденіи и отвердѣніи сахара, вынимаютъ изъ формъ пробки, затыкавшія ихъ отверстія, и выпускаютъ некристализующійся сахаръ въ подставленные горшки. Когда весь сиропъ вытечетъ, заливаютъ сахарныя головы глиною; высохшій первый слой ея снимаютъ и опять заливаютъ ихъ глиною, повторяя это отъ двухъ до трехъ или четырехъ разъ, пока сахаръ совершенно очистится. Наконецъ, снимаютъ глину съ сахарныхъ головъ, вынимаютъ ихъ изъ формъ и относятъ въ сушильни, для освобожденія сахара отъ влаги, которая остается въ немъ послѣ очищенія его глиною. По окончательной очисткѣ и сортировкѣ сахарныхъ головъ, ихъ завертываютъ въ бумагу, обвязываютъ веревками, взвѣшиваютъ и выпускаютъ на продажу.

Описанный способъ употребляется для приготовленія *рафинада*, который, по добротѣ, сортируется на ординарный, средній и лучшій. Сиропъ, вытекающій изъ формъ, при выдѣлкѣ рафинада, содержитъ въ себѣ еще много сахара, способнаго къ кристализаціи. Его очищаютъ такимъ же образомъ и получаютъ изъ него *мелисъ* разныхъ сортовъ, который, вообще, въ бѣлизнѣ и крѣпости уступаетъ рафинаду и не такъ мелко зернится. Мелисъ приготовляютъ также изъ сахара сырца. Изъ сиропа, стекающаго съ мелиса, равно какъ и изъ низ-

Digitized by Google

шаго сорта сахарнаго (краснаго) песку, вываривают *лумпъ*; онъ выходитъ рыхлѣе мелиса и не такъ чистъ, цвѣтомъ желтовато-бѣлый. Лумпъ бываетъ въ большихъ головахъ, либо въ неправильныхъ кускахъ, продается также толченый, подъ названіемъ песочнаго или повареннаго сахара, но большею частью поступаетъ опять въ переварку, для приготовленія сахара высшихъ сортовъ. Сиропъ, вытекающій изъ лумповыхъ формъ, служитъ для добыванія такъ называемаго бастроваго, песочнаго или повареннаго сахара, который состоитъ изъ мелкихъ, зернистыхъ, рыхлыхъ кристалловъ. Получаемый, при выдѣлкѣ этого сахара, сиропъ не годится болѣе для рафинировки: онъ очень густъ и вовсе не прозраченъ; этотъ сиропъ продается подъ названіемъ *патоки*.

Лумпъ есть англійское слово (Lump), которое значитъ кусокъ, комъ; это названіе присвоено сахару того сорта, о которомъ говорено выше, по наружному его виду, въ какомъ обыкновенно онъ поступаетъ въ торговлю.

ПРЕДСТОЯЩІЕ ПЕРЕВОРОТЫ ВЪ ТОРГОВЛѢ МѢДЬЮ. Въ настоящее время предстоитъ большой переворотъ въ добываніи и торговлѣ мѣди; часть англійскихъ рудниковъ, доселѣ самыхъ богатыхъ на земномъ шарѣ, будетъ, по всей вѣроятности, оставлена, потому-что въ теченіи прошлаго года они встрѣтили сильное соперничество въ новооткрытыхъ мѣдныхъ рудахъ, далеко превосходящихъ своимъ богатствомъ извѣстныя до сихъ поръ. Разработка мѣди въ Корнваллисѣ и Валлисѣ доставляетъ въ настоящее время около 16,000 тоннъ мѣди; для этой выработки потребно руды не менѣе 170,000 тоннъ; потому-что она вообще даетъ мѣди неболѣе 9½ процентовъ. Притомъ же, вся масса руды изъ Корнваллиса, за неимѣніемъ здѣсь каменнаго угля, отправляется для плавки въ Свансе, въ Валлисѣ. Здѣсь также производится плавка иностранной мѣдной руды отъ 8 до 10,000 тоннъ: эта руда большею частію привозилась изъ Кубы. Вывозъ мѣди изъ Англіи простирается отъ 16 до 18,000 тоннъ, на сумму отъ 1,100,000 до 1,200,000 фунт. стерлинг. Она отправляется преимущественно въ Ост-Индію и Китай, во Францію и сѣверную Америку. Въ Индіи и Китаѣ она соперничала до сихъ поръ только съ мѣдью, привозимою изъ Хили и Японіи, особенно съ послѣднею, какъ съ самою лучшею на земномъ шарѣ. Японская мѣдь на восточныхъ рынкахъ всегда дороже всякой другой, по крайней мѣрѣ 10 процентами; она вывозится изъ Японіи частію Голландцами, частію Китайцами, въ количествѣ отъ 1,300 до 2,000 тоннъ ежегодно.

Но теперь англійская торговля мѣдью на Востокѣ встрѣтила новое соперничество въ южной Австраліи, которой рудники вѣроятно въ короткое время вытѣснятъ оттуда англійскій продуктъ, потому-что они кажутся неистощимы и массы мѣди лежатъ такъ близко, что разработка требуетъ весьма не много знаній и капитала. Въ 1845 году прибылъ въ *Свансе* первый грузъ южно-австралійской руды, на

Digitized by Google

сумму около 16,000 ф. ст.; въ теченіи 1846 года этотъ ввозъ возвысился до 100,000 ф. ст.; онъ былъ бы еще обширнѣе, если бы открытіе золотыхъ рудниковъ не отвлекло части капиталовъ и труда. Но такъ какъ эта богатая находка вдругъ возобновила переселенія туда не только изъ Англіи, но даже изъ окрестныхъ колоній, то въ короткое время тамъ найдутъ средства разработывать мѣдную руду въ гораздо большемъ размѣрѣ, плавить ее въ основанныхъ уже въ колоніи плавильняхъ и перевозить прямо на восточные рынки. Южно-австралійскія руды даютъ теперь отъ 35 до 65% мѣди.

Съ другой стороны, въ сѣверной Америкѣ открыли огромные мѣдные рудники, или, лучше сказать, начали ихъ разработывать, потому что существованіе ихъ извѣстно съ давняго времени. Уже іезуитъ Шарлевуа разсказываетъ, что въ его время изъ мѣди, находимой при большихъ сѣверо-западныхъ озерахъ, дѣлали для миссій шандалы, распятія, кадила и т. д. Въ 1773 году составилось общество для разработки мѣдныхъ рудниковъ при южномъ берегѣ Верхняго озера, но время не благопріятствовало обществу и войны заставили его отказаться отъ своего предпріятія. Въ слѣдствіе мирнаго договора, этотъ округъ вошелъ въ область Соединенныхъ-Штатовъ и образовалъ территоріи Мичиганъ и Висконсинъ; но по причинѣ своей отдаленности и безплодія, былъ долго въ небреженіи, пока, наконецъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, слухи о богатыхъ мѣдныхъ рудникахъ вдругъ пробудили всеобщую горячку спекуляціи, въ слѣдствіе которой въ короткое время образовалось болѣе ста обществъ, закупившихъ земли возлѣ озеръ Верхняго и Гурона. Газеты Соединенныхъ-Штатовъ наполнены извѣстіями о богатствѣ мѣди и серебра, доставляемомъ этими рудниками, и хотя имъ нельзя вѣрить вполнѣ, однакожъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ Бостонъ привозятъ большія массы руды и отправляютъ ихъ оттуда въ Англію. Въ настоящее время устроиваются, однакожъ, огромныя плавильни въ Бостонѣ, и здѣсь вѣроятно сосредоточится вся эта торговля. Въ другихъ частяхъ Соединенныхъ-Штатовъ, какъ въ Нью-Джерсеѣ и въ Миссури, открыты также богатые мѣдные рудники, а именно: вблизи огромныхъ свинцовыхъ копей Мине а ла Мотте, въ Миссури, гдѣ мѣдный рудникъ Бокки (Buckeye) доставляетъ ежедневно 15 тоннъ руды, содержащей въ себѣ 34% чистой мѣди. Итакъ, не подвержено никакому сомнѣнію, что въ теченіи настоящаго года Соединенные-Штаты не только удовлетворятъ своимъ потребностямъ изъ собственныхъ своихъ источниковъ, но даже начнутъ вывозить мѣдь за границу, въ значительномъ количествѣ. Рудники на сѣверной или канадской сторонѣ Верхняго озера и Гурона, кажется, еще богаче. Въ 1846 г. образовались два общества для разработки мѣдныхъ рудъ при озерѣ Верхнемъ: одно въ Монреалѣ а другое въ Квебекѣ. Ихъ агенты, равно какъ и геологъ верхнеканадской провинціи, г. Логанъ, употребили весь прошедшій годъ на изслѣдованіе и измѣреніе сѣвернаго берега озера. Канадскій парламентъ обнародовалъ теперь условія продажи участ-

Digitized by Google

ковъ, содержащихъ руду; именно: земля продается по частямъ, въ 10 англійскихъ квадр. миль, по 4 шиллинга за каждый моргенъ. Оба общества отмежевали огромные участки, и покупка скоро будетъ утверждена. Квебекское общество начало уже разработку въ Маймаасѣ и получило первый транспортъ руды, которая вообще обѣщаетъ 30% мѣди. Общество монреальское основало колонію и устроило плавильни; работа начнется весной настоящаго года въ большомъ размѣрѣ. Руда будетъ привозиться, посредствомъ каналовъ и озеръ, на рѣку с. Лаврентія; теперь собираются прорыть каналъ на сѣвер. сторонѣ порога св. Маріи, прерывающаго сообщеніе между озерами Верхнимъ и Гурономъ. Это дѣло тѣмъ важнѣе, что вслѣдствіе реформы англійскаго тарифа торговля дровами была въ упадкѣ, а теперь для Канады открывается новый важный сбытъ. Рудный округъ очень неплодороденъ, такъ что тамошніе поселенцы получаютъ продовольствіе съ береговъ Гурона, на которыхъ находятся округи, богатые хлѣбомъ; это обстоятельство оживляетъ колонизацію верхней Канады и доставляетъ средства дать въ англійскихъ владѣніяхъ работу тысячамъ англійскихъ переселенцовъ, которые до сихъ поръ ежегодно переходили черезъ Канаду въ западныя части Соединенныхъ-Штатовъ. Агенты монреальской компаніи нашли массы мѣди, изъ которыхъ одна вышла болѣе 40 центнеровъ; они встрѣтили пласты мѣди шириною отъ 60 до 70 футовъ, и донесенія ихъ привели въ броженіе всю провинцію; но общество не хочетъ продавать акцій до тѣхъ поръ, пока ходъ дѣла доставитъ имъ возможность вѣрнѣе опредѣлить ихъ цѣну. Правительство же намѣрено въ настоящемъ году подвергнуть геологическому изслѣдованію весь берегъ Гурона и пустить въ продажу новыя рудныя земли.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ СОЛНЦЕ. Прошедшій 1846 годъ ознаменованъ двумя важными въ астрономіи открытіями: *Леверрье* открылъ *a priori* новую планету, и наблюденія подтвердили точность его вычисленій; *Медлеръ*, въ Дерптѣ, открылъ центральное солнце, около котораго наше солнце, такъ какъ и всѣ видимыя на небѣ звѣзды, обращается, какъ наша земля обращается около нашего солнца.

Открытіе *центральнаго солнца*, безъ сомнѣнія, открытіе столько же значительное, какъ и открытіе новой планеты, основанное на умозрительномъ вычисленіи; въ немъ выражается новый, глубокій взглядъ на вселенную, и тамъ, гдѣ мы до сихъ поръ видѣли только хаотическое собраніе звѣздъ, оказываются законъ и порядокъ. Существованіе центральнаго солнца, около котораго обращаются всѣ неподвижныя звѣзды, подозрѣвали и прежде; но отыскивая его, впадали въ пустыя предположенія, не основываясь на фактахъ или точныхъ вычисленіяхъ. Уже Томасъ Рейтъ, Ламбертъ и Кантъ принимали центральное солнце; но предполагая его въ блестящей звѣздѣ, Сиріусѣ, или въ туманномъ пятнѣ Оріона, они не обратили вниманія на то, что эти свѣтила кажутся больше, можетъ быть, отъ-того, что находятся къ

Digitized by Google

намъ ближе, и этого еще не довольно, чтобы отдать имъ преимущество предъ прочими звѣздами. Кромѣ того, въ неподвижныхъ звѣздахъ не замѣчается ни малѣйшаго движенія вокругъ Сиріуса или Оріона. Бессель и Струве измѣрили движеніе многихъ звѣздъ и доказали, что названіе неподвижныхъ имъ вовсе не свойственно, потому-что онѣ не неподвижны, а движутся подобно планетамъ. Начали подозрѣвать, что въ природѣ все въ движеніи. Еще болѣе приблизился къ цѣли Аргеландеръ, доказавши въ 1837 году наблюденіями надъ 560 неподвижными звѣздами, что онѣ движутся всѣ по одному направленію къ созвѣздію Геркулеса.

Медлеръ первый вывелъ изъ шестилѣтнихъ неусыпныхъ наблюденій и измѣреній, что въ двухъ частяхъ неба происходитъ движеніе по противоположному направленію; это движеніе всего яснѣе можно понять, представивъ себѣ движеніе колеса. Въ то время, какъ на одной половинѣ спицы движутся отъ сѣвера къ западу, или справа въ лѣво, на другой они идутъ съ юга на востокъ, или слѣва вправо. Совершенно также движутся звѣзды въ огромномъ колесѣ, ими же образуемомъ, котораго наибольшая окружность обозначена на небѣ извѣстнымъ млечнымъ путемъ. Млечный путь уже давно считается намбольшимъ предѣломъ большой звѣздной системы, къ которой принадлежимъ и мы. Эта система имѣетъ видъ такой же *линзы* или чечевицы въ бо̀льшемъ размѣрѣ, какъ солнечная въ мѐньшемъ. Какъ всѣ планеты лежатъ въ плоской области колеса около солнца, такъ и всѣ видимыя звѣзды облегаютъ другое центральное солнце. Если вообразить, что около солнца движутся не 13 темныхъ планетъ, но милліоны самосвѣтныхъ тѣлъ, то около солнца образуется линза, наполненная блестящими тѣлами; дальнѣйшія отъ насъ края этой линзы покажутся намъ гуще усѣянными звѣздами, въ родѣ млечнаго пути, а въ ближайшихъ къ намъ ея частяхъ звѣзды будутъ рѣже. Большая линза неподвижнаго неба устроена совершенно такимъ образомъ, и уже Гершель справедливо заключилъ изъ кажущагося распредѣленія звѣздъ въ млечномъ пути, что мы находимся не въ самой срединѣ линзы. «Протяженіе млечнаго пути принимаю я, говоритъ Медлеръ, вмѣстѣ съ прочими извѣстными астрономами за очертаніе плоскости, которую можно почесть за главную плоскость звѣздной системы, и центръ помѣщаю въ этой же плоскости. Млечный путь образуетъ почти большой кругъ; однакожъ, уклоненіе его замѣтно, потому-что средина этого пути подъ меридіаномъ точки весенняго равноденствія отстоитъ отъ сѣвернаго полюса на 36½°, а противоположная сторона, 5° западнѣе осенней равноденственной точки, отдалена отъ южнаго полюса только на 26½°. Это уклоненіе труднѣе опредѣлить въ точкахъ пресѣченія млечнаго пути съ экваторомъ, потому-что млечный путь съ одной стороны въ этомъ мѣстѣ раздваивается. Изъ двухъ частей, на которыя млечный путь дѣлитъ небо, та въ которой находится точка весенняго равноденствія, меньше и, слѣдовательно, отъ насъ отдаленнѣе; наше солнце находится внѣ этой плоскости, въ сто-

Digitized by Google

ронѣ большой половины неба, и центральную точку мы должны искать въ меньшей. Гершель I-й и II-й, сравнивая накопленіе звѣздъ въ млечномъ пути и внѣ его, доказали потомъ, что мы находимся ближе къ южной половинѣ млечнаго пути, нежели къ сѣверной. Теперь мы въ состояніи еще болѣе ограничить предѣлы для разысканія центральной точки, и должны ее искать въ сѣверной части малой половины неба, т. е. между млечнымъ путемъ и экваторомъ».

Извѣстность положенія нашего въ цѣломъ звѣздномъ мірѣ и движенія звѣздъ по одному извѣстному направленію вели г-на Медлера все ближе и ближе къ центру движенія, центральному солнцу всей системы, которое отыскивали и прежде, но по недостатку средствъ— опять оставляли. Замѣтивши, что въ одной половинѣ неба звѣзды идутъ вправо, а въ противуположной влѣво, онъ опредѣлилъ вращательное движеніе около неизвѣстной средины. Звѣзды движутся подобно спицамъ вертящагося колеса, котораго ободъ занимаетъ млечный путь. Давно подозрѣваемое движеніе солнца нашего къ созвѣздію Геркулеса слѣдуетъ общему круговому движенію. Если принять Геркулеса, или, еще опредѣленнѣе, звѣзду ν въ созвѣздіи Геркулеса за полюсъ этого колеса или круга, то найдется противолежащій полюсъ, а потомъ и центръ. Далѣе г-нъ Медлеръ заключаетъ, что такъ какъ законы тяготѣнія распространяются на весь звѣздный міръ, то скорость обращенія тѣлъ должна увеличиваться вмѣстѣ съ разстояніемъ отъ центра. Изъ сравненія скоростей и направленія движенія звѣздъ центральная точка дѣлалась все опредѣленнѣе. Вскорѣ г-нъ Медлеръ указалъ на звѣзду *Альціону* въ блестящемъ созвѣздіи *Плеядъ*. Всѣ измѣренія показали, что все обращается вокругъ этой звѣзды. Онъ сообщаетъ намъ эти измѣренія и указываетъ на множество отдѣльныхъ звѣздъ, которыя движутся въ одной части неба на югъ, а въ другой на сѣверъ, со скоростями, соотвѣтственными разстоянію ихъ отъ Плеядъ. Много страницъ наполнено таблицами наблюденій, которыя мы выпускаемъ, какъ интересныя только для ученыхъ астрономовъ. — «Если все это сообразить, говоритъ г-нъ Медлеръ, то безъ дальнѣйшаго доказательства ясно, что такіе результаты не могли быть случайны. Если мои положенія вѣрны, то на разстояніи до 15° отъ Альціоны нельзя найти звѣзды съ годовымъ сѣвернымъ движеніемъ $> 0'',05$, а до 25° разстоянія болѣе $0'',1$; если же они невѣрны, то наблюденія надъ звѣздами въ этой странѣ неба, гдѣ слишкомъ 2000 звѣздъ легко видны въ инструментъ, докажутъ ихъ ошибочность». Уравненіе собственнаго движенія звѣздъ съ движеніемъ солнечной системы съ точностью опредѣлено въ книгѣ г. Медлера.

«Могутъ еще, говоритъ г-нъ Медлеръ, сдѣлать возраженіе, что хотя страна неба, въ которой находится центръ системы звѣздъ, и заключена въ извѣстныхъ границахъ, но изъ этого еще не видно, почему надо избрать центромъ непремѣнно Альціону, а не другую какую нибудь звѣзду изъ той же группы или вблизи ея. Но кромѣ того, что всего естественнѣе принять за центръ самую блестящую,

Digitized by Google

самую богатую звѣздами группу, а не какую нибудь произвольную, ничѣмъ не означенную и невидимую вблизи ея точку, — нигдѣ нѣтъ такого согласія собственныхъ движеній, какъ здѣсь, и эти движенія соотвѣтствуютъ приписываемымъ имъ свойствамъ болѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ неба. Если самую группу Плеядъ принять за центральную, то изъ равноотдаленныхъ звѣздъ яснѣйшая вѣроятно имѣетъ наибольшую массу; кромѣ того Альціона составляетъ и оптическій центръ Плеядъ; ея собственное движеніе, какъ опредѣлилъ его Бессель, гармонируетъ наиболѣе съ среднимъ движеніемъ Плеядъ и всѣхъ ближнихъ звѣздъ на 10° разстоянія, что я берусь доказать въ послѣдствіи.

По этому я полагаю:

Что группа Плеядъ есть центральная группа всѣхъ неподвижныхъ звѣздъ, въ предѣлахъ млечнаго пути; и что Альціона въ этой группѣ всего вѣроятнѣе составляетъ центральное солнце.

Очень любопытны дальнѣйшія изслѣдованія Медлера объ отдаленіи и времени обращенія.

Основываясь на параллаксѣ и собственномъ движеніи 61-й звѣзды Лебедя, онъ приблизительно опредѣлилъ разстояніе отъ насъ Плеядъ. Оно равняется 34 милліонамъ разстояній земли отъ солнца, и лучь пробѣгаетъ это пространство въ 537 лѣтъ.

Солнце обращается вокругъ Альціоны приблизительно въ

18,200,000 лѣтъ.

Основываясь на этихъ двухъ числахъ, можно вывѣсть, что сумма всѣхъ массъ, находящихся въ шарѣ, описанномъ радіусомъ векторомъ солнечной системы около Альціоны, равна

117,400,000

принимая массу солнца за единицу.

Годовое же движеніе солнечной системы въ 1 секунду почти 8 геогр. миль.

Восходящій узелъ солнечной орбиты лежитъ отъ эклиптики 1840 года

на 236°,58′ долготы

и, при продолженіи теперешняго средняго движенія, солнце пройдетъ чрезъ эту точку

въ 154,500 году нашего лѣтосчисленія.

Наклоненіе солнечной орбиты къ эклиптикѣ 1840 = 84°0′.

Все это безъ сомнѣнія только грубо приблизительно, но даетъ понятіе о солнечной орбитѣ.

Раздвоеніе млечнаго пути равнымъ образомъ объясняется положеніемъ центральнаго солнца. Средина нераздвоенной части лежитъ именно тамъ, гдѣ опущенная съ Альціоны нормаль пересѣкаетъ млечный путь. Вѣроятно, этотъ звѣздный поясъ состоитъ изъ двухъ концен-

Digitized by Google

трическихъ широкихъ колецъ, которыя въ отдаленнѣйшей отъ насъ сторонѣ сливаются въ перспективѣ и большею частію покрываютъ другъ друга; а въ противоположной, ближайшей къ намъ части образуютъ большой уголъ и видны отдѣльно. Далѣе, невѣроятно, чтобы млечный путь обозначалъ предѣлы скопленія звѣздъ, вездѣ равномѣрно распространенныхъ по блеску и по числу; его видимыя границы совершенно отдѣлены отъ прочихъ, внутреннихъ звѣздъ; кромѣ того около Плеядъ находится почти пустое пространство; изъ этого слѣдуетъ, что полное пространство звѣздной системы слѣдующее:

Средина означена группою, богатою звѣздою, и отдѣльными значительными массами. Ее окружаетъ почти безъзвѣздный поясъ, далѣе слѣдуетъ широкое, кольцеобразное, многозвѣздное кольцо, потомъ опять бѣдное звѣздами пространство и т. д. Такимъ образомъ, составляется неизвѣстное число кольцеобразныхъ членовъ, изъ которыхъ два внѣшнихъ образуютъ млечный путь. Эти кольца не во всѣхъ частяхъ своего протяженія одинаково густы; въ иныхъ мѣстахъ они являются въ видѣ группъ, но большею частію состоятъ изъ отдѣльныхъ звѣздъ и звѣздныхъ паръ».

Открытіе Медлера есть одно изъ важнѣйшихъ открытій въ астрономіи и упрочитъ ему вѣрную славу.

НЕТОЧНОСТЬ МАРІОТТОВА ЗАКОНА И НОВѢЙШІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ ФИЗИКѢ ГАЗОВЪ. — Вотъ новость, важная для всѣхъ, кто занимается или занимался физикою. Уже около двухъ мѣсяцовъ, какъ послѣднія изслѣдованія извѣстнаго французскаго физика Реньо обнародованы и составляютъ предметъ разсужденій во всѣхъ иностранныхъ журналахъ, но у насъ до сихъ поръ ни одинъ журналъ не сказалъ о нихъ ни слова: физика и химія нынѣ не имѣютъ вовсе представителя въ нашей журналистикѣ. Съ прекращеніемъ *Новаго Магазина Физики*, издававшагося Ив. Двигубскимъ и дѣльныхъ журналовъ покойнаго профессора Щеглова *(Указатель открытій, Сѣверный Муравей* и пр.) — у насъ остался одинъ *Горный Журналъ*, гдѣ иногда встрѣчаются извѣстія объ открытіяхъ, и то только въ области химіи, и большею частію въ приложеніи къ горнозаводскому дѣлу; что же касается до физики, — науки, которая входитъ въ курсъ общаго образованія во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, о ней говорятъ только изрѣдка наши литературно-ученые журналы. — Между тѣмъ, извѣстно всѣмъ образованнымъ людямъ, что физическія и химическія истины служатъ главнымъ основаніемъ многихъ отраслей промышленности, что всѣ иностранные журналы неутомимо слѣдятъ за всѣми открытіями этихъ наукъ. — Частные люди, занимающіеся у насъ механическими устройствами, ищутъ съ жадностію свѣдѣній такого рода и, по необходимости, должны обращаться къ иностраннымъ источникамъ....

Г. Реньо (Regnault), профессоръ физики въ парижскомъ университетѣ и авторъ многихъ замѣчательныхъ сочиненій считается нынѣ

Digitized by Google

преобразователемъ физики газовъ и паровъ; онъ рѣшился пересмотрѣть и провѣрить точными и многими опытами всѣ факты, относящіеся къ этому предмету, столь важному для механиковъ и особенно для устройства и управленія паровыми машинами. Уже четыре года занимается онъ этими изслѣдованіями, открылъ много новыхъ способовъ, исправилъ неточности, которыя существовали въ извѣстныхъ способахъ опредѣленія упругости паровъ, и издалъ подробное сочиненіе объ этомъ предметѣ, — который теперь составляетъ какъ бы отдѣльную отрасль знанія. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ онъ представилъ еще нѣсколько записокъ парижской Академіи наукъ, между которыми особеннаго вниманія заслуживаетъ записка о неточности маріоттова закона.

Всѣмъ извѣстенъ законъ Маріотта, состоящій въ томъ, что газы сжимаются въ той же самой прогрессіи, какой слѣдуютъ давленія.— Этотъ простой законъ, на неточности котораго еще прежде Депре и другіе физики обращали вниманіе, — былъ, однакоже, всегда безусловно принимаемъ всѣми строителями и механиками, какъ самый удобный, самый простой при всѣхъ разсчетахъ. — Теперь, послѣ трудовъ г. Реньо, этотъ законъ, кажется, долженъ потерять свой давній авторитетъ.

Изъ записки г. Реньо слѣдуетъ, что ни одинъ газъ не сжимается по закону Маріотта. Воздухъ, газовыя смѣси, азотъ, углекислый газъ сжимаются больше, чѣмъ бы слѣдовало по этому закону; они занимаютъ объемы мѣньшіе, чѣмъ тѣ, которые соотвѣтствуютъ внѣшнимъ давленіямъ. — Водородный газъ подчиненъ совершенно другому закону: онъ, напротивъ того, меньше сжимается; такъ что если, по выраженію г. Реньо, назвать совершенно-упругими (élastiques parfaits) первый родъ газовъ, то водороду нужно дать названіе слишкомъ упругаго (plus que parfaits); это новооткрытое свойство водорода не можетъ не быть любопытнымъ для тѣхъ, кому извѣстны другія особенности его.

Мы не станемъ входить здѣсь въ подробности численныхъ данныхъ, которыя всѣ находятся въ запискѣ г. Реньо — цѣль наша была сообщить только главные факты.

Вторая записка г. Реньо имѣетъ предметомъ изслѣдованія разширяемости газовъ. Извѣстно, что доселѣ полагали, будто газы расширяются одинаково на каждый градусъ термометра. Численные результаты опытовъ г. Реньо совершенно отвергаютъ этотъ законъ; газы все таки составляютъ лучшій матеріялъ для физическихъ термометровъ, но показанія ихъ ошибочны, если не дѣлать въ нихъ поправки вычисленіемъ. Эти важные факты измѣняютъ основаніе идеи, которая до сихъ поръ была принята физиками, а именно, что всѣ газы, при одинаковомъ объемѣ и томъ же давленіи, содержатъ въ своей массѣ одинакое количество атомовъ.

Результаты, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, будутъ имѣть важное приложеніе въ практикѣ, но они заслуживаютъ особенное уваженіе и

Digitized by Google

потому еще, что подобные труды, чисто практическіе, не составляя блестящихъ открытій, будутъ оцѣнены людьми спеціальными, можетъ быть больше, чѣмъ какое нибудь новое открытіе. — Одно изъ замѣчательныхъ стремленій ученыхъ нашей эпохи состоитъ въ повѣркѣ и изслѣдованіи численныхъ результатовъ физическихъ наукъ.

Законъ Маріотта оказался невѣрнымъ; можетъ ли этотъ фактъ уменьшить услугу его наукѣ? Флогистическая теорія столько же обезсмертила имя Сталя, какъ открытіе кислорода — Лавуазье.

ОПЫТЫ НАДЪ ВЗРЫВОМЪ СКАЛЪ, ПОСРЕДСТВОМЪ ОГНЕСТРѢЛЬНОЙ ХЛОПЧАТОЙ БУМАГИ. Съ самого начала изобрѣтенія новаго огнестрѣльнаго вещества извѣстны уже были его опасныя свойства. Въ I книжкѣ журнала нашего мы упоминали о несчастіяхъ, которыя случаются во время изготовленія хлопчатой огнестрѣльной бумаги. Дѣйствіе этого вещества на орудіе, при воспаленіи, совершенно различно отъ того, которое происходитъ во время горѣнія обыкновеннаго пороха. Извѣстно, что порохъ сгараетъ не вдругъ, но въ продолженіи нѣкотораго времени, и давленіе его передается на стѣны орудія постепенно, тогда какъ хлопчатая бумага вспыхиваетъ вся вдругъ и мгновенно, — такъ что вся сила удара сообщается стѣнамъ орудій внезапно, и нѣтъ металла, который бы не оказалъ при этомъ хрупкости; газеты наполнены извѣстіями о томъ, что пистолеты изъ лучшей стали, первыхъ мастеровъ разрывались при самыхъ малыхъ зарядахъ, даже такихъ, которые не могли далеко отбросить снарядъ.

Всѣ эти обстоятельства побудили правительства разныхъ странъ принять мѣры предосторожности. У насъ прежде, чѣмъ въ другихъ государствахъ, запретили частнымъ людямъ приготовленіе огнестрѣльной хлопчатой бумаги; тоже сдѣлали потомъ правительства во Франціи и Германіи, и нынѣ только химики и артиллеристы могутъ заниматься этимъ дѣломъ. Къ сожалѣнію, доселѣ еще во Франціи и Германіи мало обнародовано точныхъ и удовлетворительныхъ опытовъ о дѣйствіи хлопчатой бумаги въ орудіяхъ, и этотъ вопросъ ожидаетъ еще дѣльнаго рѣшенія. Между тѣмъ, въ прошедшемъ январѣ сообщены французской академіи результаты точныхъ и удовлетворительныхъ опытовъ относительно другого рода приложенія новаго воспалительнаго вещества къ практикѣ, именно къ взрыву скалъ при добываніи камней изъ горъ, при пробиваніи подземныхъ галлерей (тонелей) для желѣзныхъ дорогъ и проч.

Гг. Комбъ и Фланденъ часто сообщаютъ французской академіи результаты своихъ изслѣдованій. Мы сообщили нѣкоторые изъ нихъ читателямъ нашего журнала въ январской книжкѣ. Г. Комбъ (Combes) одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ горныхъ инженеровъ; Фланденъ — трудолюбивый и опытный химикъ. Эти два ученые уже нѣсколько мѣсяцовъ занимались рваніемъ камней посредствомъ хлопчатой бумаги и сообщили еще прежде свои результаты академіи. Ны-

Digitized by Google

нѣ представили они записку объ опытахъ надъ взрывомъ скалъ въ большомъ видѣ и произведенныхъ въ присутствіи людей, которымъ вполнѣ извѣстно минное искусство. Мы сдѣлаемъ извлеченіе изъ этой занимательной записки, полагая, что подробности могутъ быть весьма полезны нашимъ многочисленнымъ владѣльцамъ каменоломень на балтійскомъ бассейнѣ.

«Опыты производились въ извѣстной каменоломнѣ на берегахъ Орсая (Orsay) между мѣстечками Жифъ и Вильеръ. Эта каменоломня разработывается съ давняго времени на протяженіи болѣе двадцати верстъ и доставляетъ отличный песчаникъ на разныя строенія. Видъ ея представляетъ крутую скалу въ двѣ, а въ иныхъ мѣстахъ даже въ четыре сажени высотою. Эта скала бо́льшею частію имѣетъ два или три слоя, раздѣленные трещинами почти горизонтальными, какъ будто *плоскостями наслоенія*; въ иныхъ мѣстахъ эти трещины чрезвычайно тонки, даже почти незамѣтны, и тутъ скала имѣетъ чрезвычайную крѣпость. Есть, однако же, мѣста, на огромномъ протяженіи каменоломни, гдѣ масса раздѣляется на пять и даже болѣе слоевъ.

Для выломки камней работники раздѣляютъ здѣсь сначала массу на большіе, грубые куски посредствомъ буровыхъ скважинъ, которыхъ рядъ просверливается на разстояніи около 4 или 5 футовъ отъ внѣшней поверхности скалы; глубина этихъ скважинъ измѣняется отъ 3 до 11 футовъ, смотря по толщинѣ слоя; въ скважины кладется отъ полутора до пяти фунтовъ пороха, смотря по ихъ глубинѣ и по крѣпости камня. При взрывѣ, камень растрескивается по тремъ плоскостямъ, идущимъ отъ оси скважины; камни рѣдко отбрасываются далеко, большею же частію надобно бываетъ отдѣлять ихъ рычагами отъ основанія.

«Первый опытъ былъ произведенъ съ обыкновеннымъ порохомъ; сначала оторвали верхній слой; нижній, который лежалъ на крупномъ слоѣ песку, былъ прежде подрытъ; потомъ просверлили буровую скважину глубиною 4,2 фута, положили туда 1,62 фунта пороху, скважину забили глиною и, приготовивъ обыкновеннымъ способомъ затравку, зажгли. Камень треснулъ по тремъ плоскостямъ; одна длиною три сажени отдѣлила камень отъ скалы, другою этотъ камень раскололся пополамъ, третья плоскость отдѣлила еще осколокъ. Такимъ образомъ, зарядъ немного болѣе полутора фунта отдѣлилъ и раскололъ кусокъ, имѣющій около 380 кубическихъ футовъ объема. Это обыкновенная пропорція, употребляемая въ томъ мѣстѣ рабочими.

«Послѣ этого приступили ко многимъ сравнительнымъ опытамъ съ хлопчатою бумагою. Сначала просверлена была буровая скважина 7,5 футовъ глубиною, въ слоѣ, который имѣлъ около 10 футовъ толщины; песокъ снизу не обрывали; скважина была на разстояніи 4,5 футовъ отъ внѣшней поверхности камня. Рабочіе полагали, что такой кусокъ нельзя оторвать менѣе, какъ четырьмя фунтами пороха. Когда скважина была вычищена и просушена, на дно ея положили сухого сѣна въ 8 дюймовъ высоты и потомъ постепенно, малыми частями

Digitized by Google

подкладывали огнестрѣльную хлопчатую бумагу; это производилось очень медленно, потому-что хлопчатая бумага зацѣпляется и пристаетъ къ стѣнамъ скважины; вѣсъ ея составлялъ только $^1/_8$ фунта всего; на этотъ зарядъ клали кружокъ картона и остальную часть скважины засыпали обыкновеннымъ способомъ.

«Взрывъ былъ весьма силенъ; глиняная набивка вырвалась изъ скважины и куски ея отлетѣли на 100 сажень: камень растрескался по тремъ плоскостямъ, которыя были одинаково наклонены одна къ другой подъ 120°. Одна изъ плоскостей простиралась до 5 саженей длины и оканчивалась у природной трещины скалы (иначе была бы гораздо длиннѣе), другая направлялась внутрь массы и раздѣлила камень косвенно на два огромные куска, третья плоскость излома имѣла до 2 саженей длины; взрывъ былъ такъ силенъ, что внизу природная трещина слоя, которая была почти незамѣтна, раскрылась на сажень длины, толщиною на двѣ и на три линіи. Камень не могъ опрокинуться при этомъ взрывѣ, потому-что скала нарочно не была обрыта снизу. Итакъ, менѣе, чѣмъ однимъ фунтомъ хлопчатой бумаги, оторвана была часть скалы въ 1500 кубическихъ футовъ; длина всей трещины, произведенной взрывомъ простиралась до 20 саженей!»

Во второмъ опытѣ, котораго подробности мы не будемъ приводить здѣсь изъ записки гг. Комба и Фландена, оторванъ кусокъ почти въ 1000 куб. футовъ четвертью фунта пороха; камень находился въ скалѣ въ такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, что рабочіе считали необходимымъ два фунта съ половиною пороха для его выломки.

Потомъ были произведены еще нѣсколько опытовъ съ разными количествами огнестрѣльной бумаги; особенно замѣчателенъ послѣдній опытъ, гдѣ буровая скважина имѣла до 2 саженей глубины, и камень былъ очень крѣпокъ; рабочіе требовали $7^1/_2$ фунтовъ пороха для заряда; между тѣмъ, въ эту скважину, которая не была совершенно обчищена и высушена, положили всего только два съ половиною фунта огнестрѣльной хлопчатой бумаги. Взрывъ былъ ужасно силенъ; онъ сопровождался такими же явленіями, какъ и въ прежнихъ опытахъ, и камень раскололся, несмотря на то, что по крайней мѣрѣ полфунта хлопчатой бумаги намокло и не воспламенилось.

«Изъ этихъ опытовъ» говорятъ гг. Комбъ и Фланденъ: «должно заключить, что, при взрывѣ скалъ, достаточно всегда только третьей части огнестрѣльной бумаги по вѣсу, въ сравненіи съ количествомъ пороха, необходимаго при зарядѣ. Если кромѣ того принять въ разсужденіе, что при вспыхиваніи хлопчатой бумаги не замѣчается никакихъ вредныхъ газовъ, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что она можетъ съ выгодою замѣнить порохъ, взрывъ котораго имѣетъ столь вредное вліяніе на рабочихъ въ каменоломняхъ».

НОВЫЯ ХИМИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ОТНОСИТЕЛЬНО ОБЩЕСТВЕННАГО ЗДОРОВЬЯ ВЪ БОЛЬШИХЪ ГОРОДАХЪ. Сохраненіе общественнаго здоровья въ городахъ, есть предметъ занимающій ны-

Digitized by Google

нѣ многихъ ученыхъ Европы. Большая часть изслѣдованій этого важнаго вопроса сосредоточивается до французской академіи, постояннымъ, непремѣннымъ представителѣ современной науки. Въ другихъ странахъ Европы наука живетъ еще доселѣ въ кабинетѣ; ученые изрѣдка, большею частью лѣтомъ, съѣзжаются въ какомъ либо городѣ, составляя временный конгрессъ. Эти съѣзды особенно замѣчательны въ Англіи; въ августѣ минувшаго года, конгрессъ англійскихъ ученыхъ доставилъ важные результаты наукѣ. Мы постараемся слѣдить постоянно за всѣми открытіями въ наукѣ, и въ свое время представимъ отчеты о трудахъ ученыхъ обществъ Германіи, Англіи и Италіи; теперь же сообщаемъ интересныя изслѣдованія, которыя недавно занимали парижскую академію.

Вопросъ о причинахъ порчи воздуха въ большихъ городахъ вновь подалъ поводъ къ сильнымъ преніямъ въ академіи. Самыя замѣчательныя изслѣдованія этого вопроса принадлежатъ извѣстному французскому химику Шеврёлю, который болѣе тридцати лѣтъ съ неутомимымъ рвеніемъ занимается наблюденіями и опытами по части органической и особенно животной химіи.

Обстоятельства, сопровождающія образованіе сѣрнистыхъ составовъ, которые заражаютъ воздухъ, кажется намъ, достаточно изслѣдованы. Если сѣрнокислыя щелочи находятся въ соприкосновеніи съ органическими веществами въ стоячей водѣ, то образованіе сѣрнистаго водорода неизбѣжно. Этою теоріею объясняется, почему воды всего парижскаго бассейна имѣютъ дурной запахъ. Дѣйствительно, грунтъ окрестностей Парижа состоитъ изъ сѣрнокислой извести. Извѣстно также, что морская вода (содержащая сѣрнокислыя соли), проникшая въ корабль и остающаяся тамъ долгое время, заражаетъ воздухъ каюты. Но самое большое количество органическихъ веществъ находится, конечно, въ многолюдныхъ городахъ; жидкія органическія вещества и гніющіе въ землѣ остатки животныхъ, при содѣйствіи скважистаго известковаго грунта, легко образуютъ азотистыя соли потассія, магнезіи, извести и пр. Главною же причиною испорченности воздуха въ Парижѣ г. Шеврёль считаетъ грунтъ его, состоящій, какъ мы сказали, изъ сѣрнокислой извести.

Объяснивъ причины порчи городского воздуха, г. Шеврёль разсматриваетъ различныя мѣры, служащія къ отвращенію этого. Онъ раздѣляетъ эти мѣры на *предупреждающія* и *уничтожающія* порчу воздуха.

Къ первымъ мѣрамъ принадлежатъ устройства кладбищъ и боенъ внѣ городовъ (*), построеніе закрытыхъ трубъ отъ отхожихъ мѣстъ, споласкиваніе лотковъ улицъ (вогнутыхъ частей), посредствомъ улич-

(*) Въ Лондонѣ и многихъ другихъ англійскихъ городахъ погребаютъ въ чертѣ города.

Digitized by Google

ныхъ фонтановъ и каскадовъ (*), наконецъ, распространеніе городскихъ водосточныхъ трубъ, внутри которыхъ помѣщаются газопроводныя и водопроводныя трубы. Чѣмъ болѣе трубъ въ городѣ, тѣмъ менѣе будетъ собираться въ нихъ органическихъ остатковъ.

Мѣры, *уничтожающія* дурной воздухъ въ городахъ, суть слѣдующія:

Во-первыхъ, надлежитъ стараться проводить воздухъ и свѣтъ во всѣ мѣста, гдѣ скопляются органическіе остатки. Кислородъ воздуха, при помощи свѣта, обращаетъ органическія вещества въ воду, углекислый газъ и азотъ; самое дѣйствительное средство для этой цѣли состоитъ въ постановленіи законами большой ширины улицъ и условія, чтобы высота домовъ не превосходила двухъ третей или трехъ четвертей ширины улицы. Эти постановленія существуютъ у насъ въ Петербургѣ.

Второе средство сохраненія здоровья въ городѣ состоитъ въ томъ, чтобы содержать всегда свѣжею воду городскихъ колодцевъ. Г. Шеврёль въ своей запискѣ приводитъ особенно много подробностей объ этомъ важномъ предметѣ. Онъ упоминаетъ о многихъ французскихъ и нѣмецкихъ городахъ, гдѣ колодцы содержатся въ исправности. Если вода въ колодцахъ потребляется въ большомъ количествѣ, то она въ нихъ безпрестанно мѣняется; просасываясь изъ земли, она соединяется съ кислородомъ воздуха и еще болѣе улучшается.

Г. Шеврёль считаетъ особенно дѣйствительнымъ третій способъ сохраненія общественнаго здоровья въ городахъ, а именно плантаціи деревьевъ. Онъ приводитъ въ примѣръ нѣкоторые англійскіе и французскіе города, гдѣ множество причинъ должны бы увеличивать нездоровье, между тѣмъ, какъ частыя аллеи и парки явно служатъ къ очищенію воздуха этихъ городовъ.

Мы не будемъ долѣе распространяться объ этомъ предметѣ. Въ запискѣ г. Шеврёля изложены наставленія, какъ разводить плантаціи, какія причины способствуютъ произрастенію и пр. Занимающіеся этимъ предметомъ могутъ обратиться къ журналу: Comptes rendus de l'Académie des Sciences, № 18.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНІЕ СѢРНОЙ КИСЛОТЫ. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, г-мъ Дюма представлены французской академіи весьма важныя изслѣдованія одного изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ естествознанія, вопроса который сильно занимаетъ геологовъ и химиковъ. Давно извѣстно, что въ природѣ нѣкоторыя кислоты образуются *внезапно*; но обстоятельства, которыя сопровождаютъ эти образованія, до сихъ поръ еще были мало изслѣдованы.

(*) Лучшая система водостоковъ и фонтановъ находится въ Парижѣ. Желающіе могутъ найти подробное описаніе ея въ *Журналѣ Путей Сообщенія*, 1845 г., № 5.

Digitized by Google

Многіе путешественники, посѣщавшіе Попайанъ, республику Экватора (бывшее королевство Новой-Гренады), разсказываютъ о необыкновенномъ явленіи на рѣкѣ Пазамбіо; у истока этой рѣки есть волканы Пураце; на разстоянія версты отъ этого мѣста рѣка падаетъ внизъ каскадомъ, и брызги воды насыщаютъ воздухъ кислыми парами до такой степени, что люди здѣсь не могутъ долго оставаться. По свидѣтельству Гумбольдта и Буссиньо, причина этого явленія есть присутствіе большого количества сѣрной и соляной кислотъ. — Жители называютъ Пазамбіо — *кислою рѣкою*, rio-vinagre; вліяніе ея на животныхъ столь сильно, что даже на широкой рѣкѣ Каукѣ, которая принимаетъ воды Пазамбіо и многихъ другихъ прѣсныхъ рѣкъ, не замѣтно никакихъ водяныхъ животныхъ, и только у устья ея попадаются нѣсколько породъ южныхъ живучихъ рыбъ.

Это явленіе послужило г. Дюма поводомъ къ сближенію подобныхъ фактовъ въ Европѣ; еще прежде этотъ ученый упоминалъ о различныхъ случаяхъ, когда сѣрнистый водородъ внезапно превращается въ сѣрную кислоту. Мѣсяца два тому назадъ, г. Леви обнародовалъ свои изслѣдованія о газахъ, содержащихся въ морской водѣ; въ академіи много говорили о пользѣ для геологіи этихъ изслѣдованій, относительно вліянія растворенныхъ и свободныхъ газовъ на образованіе различныхъ пластовъ земли. Г. Дюма упоминалъ тогда объ измѣненіяхъ, которыя должны происходить въ породахъ морскихъ животныхъ отъ присутствія въ морской водѣ бо̀льшаго или мѐньшаго количества газовъ.

Въ новой запискѣ, о которой здѣсь идетъ рѣчь, г. Дюма сравниваетъ вопервыхъ явленія, замѣченныя Гумбольдтомъ на р. Пазамбіо, съ подобными же явленіями въ тосканскихъ *заливахъ* (lagoni). На берегахъ этихъ заливовъ встрѣчается много отдушинъ (fumaroles) огнедышащихъ сопокъ, изъ которыхъ выходятъ водяные пары съ сѣрнистымъ водородомъ; этотъ газъ на воздухѣ обращается въ сѣрную кислоту и соединяется съ известковымъ камнемъ почвы. Дѣйствительно около этихъ сопокъ *известнякъ* почти вездѣ превратился въ *гипсъ* (сѣрнокислую известь); образованіе гипса продолжается все далѣе и далѣе отъ отдушинъ.

Сѣрныя купальни въ Э, въ Савоіи (Aix en Savoie) представляютъ другой примѣръ внезапнаго образованія сѣрнокислыхъ солей. Извѣстно, что стѣны этихъ купалень построены изъ известковаго камня; всѣ онѣ покрыты кристаллами образовавшагося гипса; даже желѣзныя и мѣдныя скрѣпы, которыми соединены камни, покрылись слоемъ солей этихъ двухъ металловъ. И эта метаморфоза происходитъ такъ быстро, что новыя пристройки на другой день уже измѣняютъ свой составъ. Между тѣмъ, многія наблюденія доказываютъ, что тутъ не находится въ водяныхъ парахъ никакой свободной кислоты, — вслѣдствіе этого, г. Дюма заключаетъ, что здѣсь сѣрная кислота образуется отъ сѣрнистаго водорода, подъ вліяніемъ особенныхъ обстоятельствъ, и именно: этотъ сѣрнистый водородъ, смѣшиваясь съ возду-

Digitized by Google

хомъ, проходитъ въ скважины камней и даже бѣлья, и въ этихъ-то скважинахъ онъ разлагается какъ бы въ закрытыхъ сосудахъ.

Мы должны замѣтить, что мысль о томъ, будто вліяніе скважистыхъ тѣлъ помогаетъ соединенію газовъ, не нова: лѣтъ пятнадцать тому, извѣстный французскій химикъ Лоншанъ (Longchamp) подобною же гипотезою объяснялъ въ Annales de chimie et de phisique нѣкоторыя особенности, замѣчаемыя при образованіи селитры. Нужно даже отнести эту идею гораздо далѣе: ее можно отыскать въ извѣстныхъ твореніяхъ Соссюра и Руппе. Въ химіи называютъ *горѣніемъ* (combustion) всякое соединеніе кислорода съ другимъ тѣломъ. Г. Дюма замѣчаетъ, что горѣніе, при содѣйствіи скважистыхъ тѣлъ и особенно бумажныхъ тканей, совершенно различно отъ того горѣнія, которое происходитъ, когда зажигаютъ сѣрнистый водородъ въ свободномъ воздухѣ, что въ послѣднемъ случаѣ получается въ остаткѣ вода, *сѣрнистая кислота*, осадокъ сѣры и только малое количество *сѣрной* кислоты, между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ не замѣтно ни сѣры, ни присутствія сѣрнистой кислоты, а получается одна сѣрная кислота.

Записка г. Дюма оканчивается слѣдующимъ замѣчаніемъ:

«Многимъ кажется страннымъ, отъ-чего въ большихъ городахъ и особенно въ Лондонѣ желѣзныя и чугунныя полосы и рѣшетки, находящіяся подъ вліяніемъ непогоды, кромѣ равномѣрной ржавчины, ихъ покрывающей, проѣдаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глубоко и даже насквозь; это явленіе приписываютъ въ Лондонѣ дыму каменнаго угля, который содержитъ много паровъ сѣрнистаго газа. Г. Дюма объясняетъ это явленіе образованіемъ сѣрной кислоты, посредствомъ медленнаго *горѣнія* сѣрнистаго водорода, который находится въ огромномъ количествѣ въ водосточныхъ трубахъ улицъ всѣхъ большихъ городовъ.

«По этому,» замѣчаетъ г. Дюма: «во всѣхъ случаяхъ гдѣ *сѣрнокислыя щелочи* находятся въ соприкосновеніи съ *органическими веществами*, образуется сѣрнистый водородъ, какъ и показываютъ опыты гг. Шеврёля, Леви и Фогеля; но если сѣрнистый водородъ и воздухъ дѣйствуютъ на остатки *мокрыхъ* растеній, получаются непремѣнно сѣрная кислота и сѣрнокислыя соли. И потому можетъ статься, что сѣра переносится въ воздухѣ съ сѣрнистыми соединеніями, которыхъ такъ много въ *естественныхъ* водахъ, и доставляетъ ихъ въ тѣ мѣста, гдѣ онѣ нужны для растительности».

Остальная часть интересной записки г. Дюма содержитъ многія подробности химической статистики, предмета, столь имъ любимаго; но всѣ эти вычисленія, въ которыя онъ вдается, не составляютъ важныхъ фактовъ науки.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦІЯ НЕБЕСНОЙ МЕХАНИКИ — ЛЕВЕРРЬЕ, ВЪ ПАРИЖСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ. Коперникъ, Кеплеръ и Ньютонъ — три великіе реформатора новѣйшей астрономіи. Первый — основатель нашей *планетной системы*, второму принадлежитъ открытіе *законовъ*

Digitized by Google

движенія планетъ, третій — творецъ гипотезы, которая подтверждается всѣми явленіями астрономическими и служитъ нынѣ главнымъ основаніемъ всѣхъ вычисленій и наблюденій въ наукѣ, — гипотезы *всеобщаго тяготѣнія*. — Геніальное открытіе Леверрье вновь блестящимъ образомъ подтвердило ньютонову гипотезу. Однакоже, существованіе силы всеобщаго тяготѣнія нельзя доказать непосредственно.... Исторія наукъ представляетъ непрерывный рядъ гипотетическихъ теорій, которыя въ извѣстныя эпохи составляли законы, подтверждаемые всѣми извѣстными явленіями, — но открытія новыхъ явленій требовали новыхъ гипотезъ. Тотъ же великій Ньютонъ — былъ, въ области оптики, основатель *теоріи истеченія свѣта* (théorie d'émission), которая полтора вѣка была закономъ науки и принималась всѣми физиками. По этой гипотезѣ, свѣтъ исходитъ отъ свѣтящихся или освѣщенныхъ тѣлъ лучами, въ видѣ атомовъ свѣтовой матеріи... Въ 1830 году совершился великій переворотъ въ этой наукѣ: теорія истеченія свѣта должна была уступить мѣсто другой. — Дѣйствительно, около этого времени изслѣдованія всѣхъ физиковъ обратились къ явленіямъ, которыя до тѣхъ поръ мало ихъ занимали. Явленія цвѣтныхъ колецъ между стеклами, интерференція свѣта, двойное преломленіе въ кристаллахъ, поляризація свѣта, — всѣ эти явленія, составляющія нынѣ одинъ изъ обширныхъ и важныхъ предметовъ физики, — теорія истеченія не могла объяснить основательно. Надлежало принять другую гипотезу, по которой предполагается въ природѣ существованіе тонкаго эфира, которому свѣтящіяся тѣла сообщаютъ дрожанія, передающіяся глазному нерву.... Эта *теорія волненія* имѣетъ теперь авторитетъ въ наукѣ, но придетъ время — новыя явленія ослабятъ и уничтожатъ и этотъ авторитетъ. Таковъ уже законъ развитія знанія въ человѣчествѣ. Въ физическомъ и нравственномъ мірѣ гипотезы непрестанно измѣняются, однѣ уступая мѣсто другимъ, вслѣдствіе безконечнаго прогресса разума.

Законъ всеобщаго тяготѣнія теперь коренной законъ въ области Астрономіи. Три извѣстные кеплеровы закона, опредѣляющіе размѣры орбитъ и обстоятельства движенія планетъ, — суть *законы теоретическіе*, абстрактные: они повсюду въ мірѣ измѣняются пертурбаціями или возмущеніями, которыя происходятъ отъ взаимнаго тяготѣнія тѣлъ, отъ всеобщаго тяготѣнія въ природѣ. — Этотъ важный фактъ повсемѣстности, универсальности явленія возмущеній свѣтилъ небесныхъ взялъ г. Леверрье главнымъ предметомъ своей вступительной лекціи. Краснорѣчиво, увлекательно показалъ отъ существованіе пертурбацій во всѣхъ явленіяхъ физическаго міра; приливы и отливы онъ назвалъ пертурбаціями моря, неровности земной поверхности представилъ въ картинѣ постепенныхъ геологическихъ возмущеній; землетрясенія — пертурбаціи ядра нашей планеты.... Не существуетъ ни одно изъ этихъ явленій, которое бы не могло, подобно урановымъ, послужить основаніемъ вычисленій, исполненныхъ блестящихъ результатовъ и способныхъ открыть новый міръ явленій. —

Digitized by Google

Вотъ истина, которая была сказана г. Леверрье и подтверждена многочисленными фактами и сравненіями, и — мы должны здѣсь замѣтить это, — несмотря на то, что явленія пертурбацій доставили славу молодому ученому, что онъ особенно увлеченъ этими изслѣдованіями, — ни разу во время его продолжительнаго чтенія скромность не измѣнила ему.

Исторія практической астрономіи показываетъ намъ на каждомъ шагу, какихъ огромныхъ усилій стоили ученымъ всѣ открытія явленій на небѣ. Г Леверрье представилъ яркій, драматическій очеркъ этихъ изумительныхъ трудовъ, этого терпѣнія ученыхъ, этой энергіи изысканія, которую не могли ослабить безчисленныя неудачи. Одинъ изъ эпизодовъ разсказа особенно увлекъ его многочисленныхъ слушателей: дѣло шло о попыткахъ, въ 1763 году, двухъ знаменитыхъ астрономовъ Лежантиля и Шаппа опредѣлить разстояніе солнца отъ земли, что извѣстно всѣмъ занимающимся астрономіею.... Сколько безполезныхъ попытокъ, сколько неудачныхъ наблюденій надъ прохожденіемъ Венеры около солнца, — и все для разрѣшенія вопроса о разстояніи отъ насъ солнца! Между тѣмъ, какъ просто рѣшается этотъ вопросъ посредствомъ пертурбацій луны!

Придетъ время, — и оно, можетъ быть, уже близко — когда умъ человѣческій будетъ въ состояніи опредѣлить произхожденіе, время образованія планетъ, и когда разрѣшится вопросъ: имѣютъ ли онѣ общее или независимое происхожденіе? По новѣйшимъ наблюденіямъ, земля удаляется нынѣ отъ солнца со скоростію до 60 тысячъ верстъ въ десять вѣковъ. Кто можетъ сказать, что введеніе этой данной въ вычисленія не послужитъ къ опредѣленію: составляетъ ли земля часть общей массы центральнаго тѣла и когда произошло ея раздѣленіе? Можетъ статься, и еще другой вопросъ будетъ предметомъ изслѣдованія: постоянно ли отдаляется земля отъ своего свѣтила въ безпредѣльное пространство, или современемъ возвратится опять въ ту точку, гдѣ находится источникъ теплоты и свѣта? — два крайніе предѣла, при которыхъ жизненныя силы нашей планеты должны уничтожиться.

СѢРНЫЙ ЭФИРЪ, КАКЪ СРЕДСТВО, УНИЧТОЖАЮЩЕЕ БОЛЬ ПРИ ОПЕРАЦІЯХЪ. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ одинъ изъ французскихъ журналовъ (La Presse, 17 янв.) обнародовалъ подробныя извѣстія объ открытіи, чрезвычайно важномъ для страждущаго человѣчества. Мѣсяца два тому назадъ, въ Америкѣ, найдено средство производить самыя важныя операціи безъ малѣйшей боли для паціента; эти опыты, о которыхъ сообщено было въ декабрѣ извѣстіе англійскому журналу Sun, повѣрены сначала нѣсколькими извѣстными врачами въ Англіи, а потомъ въ госпиталѣ St. Louis въ Парижѣ. Теперь это средство, безъ сомнѣнія, принадлежитъ наукѣ.

Извѣстно, что досель существовало два средства, утоляющія боль при операціяхъ: опіумъ и магнетизмъ. Первое изъ этихъ усыпляю-

Digitized by Google

щихъ средствъ вредно для здоровья, второе не всегда можетъ быть употребляемо, какъ потому, что не всегда можно достать хорошаго магнетизёра, такъ и отъ-того, что не всякій больной способенъ къ принятію магнетизма.

Открытіе усыпляющихъ свойствъ сѣрнаго эѳира принадлежитъ двумъ американскимъ хирургамъ: Джаксону и Мортону (Jackson and Morton). Первые пять опытовъ были сообщены Бостонскому Журналу Медицины и Хирургіи; три изъ нихъ принадлежатъ къ труднѣйшимъ зубнымъ операціямъ, два составляютъ замѣчательные случаи отнятія членовъ (amputations). При всѣхъ этихъ операціяхъ, больные сначала подвергались вдуванію (insufflation) въ нихъ паровъ сѣрнаго эѳира (гоѳманскихъ капель), и во время операціи не оказывали ни малѣйшихъ признаковъ боли.

Въ Англіи опыты производились сначала (22 декабря) въ гошпиталѣ университетскаго училища (Universitaty College) надъ отнятіемъ ноги. Когда больного положили на столъ и начали вдувать въ него пары эѳира, черезъ двѣ минуты онъ совершенно потерялъ чувствительность. Тотчасъ приступили къ отнятію, которое произведено было въ одну минуту, потомъ немедленно начали операцію крестообразнаго разрѣза (incisio) и лигатуры артерій. По окончаніи этой послѣдней операціи, больной началъ просыпаться и говорить потомъ, что онъ не чувствовалъ ни малѣйшей боли. Онъ не потерялъ совершенно чувствъ своихъ во время сна и помнитъ, что прикасались къ его ногѣ. Когда ему объявили объ совершеніи операціи, онъ радушно благодарилъ за его избавленіе.

Въ тотъ же день докторъ Листонъ производилъ одну изъ опасныхъ операцій: онъ вырвалъ больной ноготь большого пальца безъ малѣйшей боли; паціентъ былъ сначала усыпленъ эѳиромъ. Послѣ того были дѣлаемы еще нѣсколько операцій отнятія руки, обрѣза частей на лицѣ и др. Всѣ эти опыты увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Г. Фергусонъ (Fergusson), хирургъ при гошпиталѣ королевской коллегіи (King's-Kollege), произвелъ, при многочисленныхъ зрителяхъ, еще нѣсколько замѣчательныхъ опытовъ. Первый субъектъ была молоденькая швея, которая сильно страдала фистулою. Отъ вдуванія эѳира она тотчасъ уснула. Докторъ прокололъ фистулу, и больная не обнаружила никакого признака боли. Приборъ, которымъ вдувается эѳиръ, оставался у ея рта, пока убѣдились, что паціентка ничего не чувствуетъ. Тотчасъ послѣ операціи она пришла въ себя и объявила г. Фергусону, что никакой боли не ощущаетъ, но чувствуетъ, что ей произведена операція. Въ двухъ другихъ операціяхъ происходило тоже. Одинъ паціентъ объявилъ, что видѣлъ сонъ; наконецъ, въ послѣдней операціи докторъ встрѣтилъ сопротивленіе: женщина хотѣла лучше перенести боль, чѣмъ подвергаться операціи во снѣ. Вѣроятно, это обстоятельство часто будетъ еще повторяться. Приборъ для вдуванія, который употребляютъ гг. Листонъ и Фергусонъ, равно какъ и американскіе операторы, очень простъ. Онъ состоитъ изъ стекляннаго шара или

Digitized by Google

банки, въ которой положена губка, напитанная сѣрнымъ эфиромъ. Этотъ сосудъ имѣетъ два отверстія: черезъ одно впускается воздухъ, который, проходя черезъ губку съ эфиромъ, напитывается его парами и проходитъ трубкою черезъ другое отверстіе въ ротъ паціента. Пробовали приспособить къ этому прибору клапанъ, постепенно вытягивающій и втягивающій воздухъ; въ этомъ случаѣ, ноздри больного могутъ быть закрыты.

Лансдаунъ (Landsdown), главный хирургъ бристольскаго госпиталя (Hapital-General), также производилъ, въ январѣ нынѣшняго года, важные опыты, которые желающіе могутъ найти въ англійскихъ журналѣ (Times, 5 янв.). Сообщаютъ много другихъ опытовъ въ Англіи. Особенно замѣчательны операціи извѣстнаго зубного врача Робинсона и доктора Макмердо (Mac-Murdough). Послѣдній (въ госпиталѣ St. Thomas, въ Лондонѣ) дѣлалъ операціи надъ ребенкомъ шести лѣтъ, у котораго былъ совершенно испорченъ золотухою палецъ. По отнятіи пальца, мальчикъ сдѣлался совершенно здоровъ и говоритъ, что во время рѣзанія ничего не чувствовалъ.

Въ концѣ января опыты эти повторялись въ Парижѣ, въ госпиталѣ св. Людовика, надъ рѣзаніемъ опасныхъ нарывовъ, кромѣ того, надъ ногою, переломленною при послѣдней катастрофѣ на сѣверной желѣзной дорогѣ изъ Парижа въ Бельгію, и др. Наконецъ, была съ величайшимъ успѣхомъ произведена операція надъ раскососотію глазъ (Strabisme).

Послѣ всѣхъ этихъ опытовъ теорія науки не можетъ отвергнуть этого важнаго открытія. Небольшое количество паровъ эфира, дѣйствуя на легкіе, уничтожаетъ боль. Но остается еще изслѣдовать: не вредно ли для здоровья это сильное средство?

НОВЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ О СОСТАВѢ ВОЗДУХА ВЪ КОНЮШНЯХЪ. Нѣтъ надобности доказывать, сколь важны въ гигіеническомъ отношеніи всѣ изысканія относительно перемѣнъ, происходящихъ отъ дыханія животныхъ въ закрытыхъ мѣстахъ. — Г. Ласень (Lassaigne), профессоръ химіи въ Альфортскомъ училищѣ, обнародовалъ недавно результаты опытовъ, которые бросаютъ новый свѣтъ на этотъ важный предметъ. — Вотъ къ какимъ заключеніямъ приведенъ былъ г. Ласень: *воздухъ въ конюшняхъ*, взятый въ какомъ угодно мѣстѣ, на какой бы то ни было высотѣ, *содержитъ всегда одинаковое количество углекислаго газа* — Прежде полагали, что этотъ газъ собирается всегда въ низменныхъ частяхъ зданія, — теперь доказано, что онъ равномѣрно распространенъ въ воздухѣ.

Опредѣляя количество углекислаго газа, выдыхаемаго въ одинъ часъ лошадью, онъ нашелъ, что объемъ его составляетъ 219 литровъ, т. е. почти третью часть объема лошади.

Г. Ласень сравнивалъ количество углекислаго газа, доставляемаго человѣкомъ и лошадью По его опытамъ, выходитъ, что если принять

Digitized by Google

за единицу объемъ газа, выдыхаемаго человѣкомъ, то объемъ газа, доставляемаго лошадью, выразится числомъ 12, 3.

Наконецъ, этотъ ученый снова повѣрилъ опытами извѣстный фактъ, что *количество углерода соединяющееся въ легкихъ съ кислородомъ, пропорціонально количеству выдыхаемой углекислоты.* — Для человѣка это количество равняется 9, 96 грамамъ, а для лошади 11, 21 грамамъ въ одно и тоже время. — Но въ конюшняхъ, которыя по большей части запираются не совершенно, существуетъ нѣкоторый токъ воздуха къ верху, и потому, при опытахъ получается количество углекислоты мѣньшее, чѣмъ бы слѣдовало по этой пропорціи.

Послѣднія заключенія, къ которымъ былъ приведенъ г. Ласень, могутъ послужить къ поясненію одного весьма важнаго вопроса, сильно занимающаго конныхъ заводчиковъ и кавалеристовъ, а именно: какой объемъ воздуха потребенъ для свободнаго дыханія лошади въ конюшнѣ? Новые опыты показали, что этотъ объемъ для каждой лошади долженъ быть не мѣнѣе 31,000 литровъ, или 2,040 кубическихъ футовъ. — При этомъ объемѣ воздуха, потребна, однакоже, легкая вентиляція.

ИЗВѢСТІЯ О НОВѢЙШИХЪ УЧЕНЫХЪ ПУТЕШЕСТВІЯХЪ. Обобщеніе истинныхъ, дѣльныхъ свѣдѣній о естествознаніи сдѣлалось одною изъ необходимыхъ потребностей нашего времени. — Иностранная ученая литература постоянно обогащается новыми сочиненіями. Множество ученыхъ предпринимаютъ путешествія въ отдаленныя страны съ цѣлію изслѣдовать различные вопросы, относящіеся къ явленіямъ въ трехъ царствахъ природы. Геологическія изслѣдованія объ образованіи земной коры обращаютъ на себя особенное вниманіе путешественниковъ. Правительства и частныя ученыя общества всѣми средствами покровительствуютъ этому благородному порыву.

Мы постараемся сообщить нашимъ читателямъ всѣ достойныя вниманія извѣстія по этой части. — Вотъ нѣсколько замѣчательныхъ путешествій, совершенныхъ въ послѣднее время французскими учеными.

— Г. Деркуръ (Rochet d'Hericourt) уже нѣсколько лѣтъ извѣстенъ ученому міру своими трудами въ Абиссиніи; первое свое путешествіе онъ совершилъ въ 1839 и 1840 годахъ; иностранные журналы послѣднихъ лѣтъ наполнялись извѣстіями о разныхъ открытіяхъ этого ученаго, по части естествознанія; нынѣ возвратился онъ изъ второго путешествія въ Абиссинію, предпринятаго съ цѣлію дополнить его важныя изслѣдованія о религіи, нравахъ, постановленіяхъ, топографіи, физикѣ и естественной исторіи Королевства Шоа и страны Адель. Особенно замѣчательны метеорологическія и геологическія подробности, о которыхъ онъ уже представилъ отчетъ парижской академіи. — Онъ объявилъ, что въ началѣ нынѣшняго года издастъ пол-

Digitized by Google

ное описаніе своихъ обширныхъ изысканій. — Оно издано будетъ на счетъ академіи.

— Г. Девиль (Ch. Deville) возвратился въ концѣ прошлаго года изъ путешествія на Антильскіе острова, Тенериѳъ и на острова Зеленаго мыса. Онъ сообщилъ академіи многія новыя подробности о топографіи, геологіи и физикѣ этихъ странъ; особенное вниманіе обращено имъ на французскія владѣнія Гваделупы. Онъ составилъ самую подробную топографическую карту южной части этого острова.— Особенно замѣчательны его *гипсометрическія* наблюденія (искусство измѣрять высоты); онъ снова опредѣлилъ высоту тенериѳскаго пика, ибо эта данная весьма важна какъ для мореходовъ (которые обязаны въ этихъ водахъ измѣрять уголъ въ виду пика), такъ и для географіи, особенно теперь, когда составляется лондонскимъ географическимъ обществомъ подробная карта Канарскаго архипелага. Физическія изслѣдованія составляли также одинъ изъ важныхъ предметовъ этого путешествія. Г. Девиль описываетъ особенное явленіе, замѣченное имъ въ одной изъ бухтъ Гваделупы: сильное теченіе воды съ низу въ верхъ. Эта бухта называется кипучимъ фонтаномъ (fontaine bouillante). Температура этой водяной сопки возвышается до 100° (Цельз. терм.), между тѣмъ какъ въ сопкахъ, находящихся на высотѣ болѣе 700 сажень, не замѣчаютъ болѣе 95° тепла. Геологіи предстоитъ объяснить этотъ фактъ. — Г. Девиль былъ свидѣтелемъ опустошительнаго землетрясенія, бывшаго, какъ извѣстно, 8 февраля, 1845 года, на Антильскихъ островахъ, разрушившаго до основанія городъ Пуантъ-а-Питръ. Геологическія и физическія подробности, которыя онъ сообщаетъ объ этомъ предметѣ, совершенно новы для науки. Его путешествіе недавно издано.

— Г. Буассье (Ed. Boissier) издалъ въ декабрѣ свое ботаническое путешествіе въ южную Испанію. Этотъ ученый составилъ самую полную Флору королевства Гренады, собраніе, какого доселѣ не имѣла наука. Онъ насчитываетъ до двухъ тысячъ различныхъ породъ растеній въ Гренадѣ. По крайней мѣрѣ, десятая часть ихъ не была доселѣ извѣстна ученымъ; особенно интересны экзотическія растенія. Г. Буассье не ограничивается мѣстнымъ описаніемъ: онъ представляетъ сравнительную картину растительнаго царства по всему Средиземному бассейну. Понятно, какъ важенъ подобный трудъ для ботанической географіи. Гренадское королевство представляетъ въ этомъ отношеніи замѣчательную особенность: начиная отъ приморья, гдѣ ростетъ сахарный тростникъ, поверхность этой страны постепенно возвышается до снѣжныхъ вершинъ Сьерры-Невады, переходя чрезъ всѣ полосы растительности различныхъ климатовъ. Главныхъ полосъ четыре: *жаркая*, — отъ моря до высоты 2,000 футъ, *горная* — отъ 2,000 до 5,000 футъ, — *альпійская* — до 8,000 футъ и, наконецъ, *снѣговая*.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ. Никогда еще ученые не занимались метеорологическими изслѣдованіями съ такимъ постоян-

Digitized by Google

ствомъ и рвеніемъ, какъ въ настоящее время. Теперь уже дознано, что для объясненія причинъ внезапныхъ перемѣнъ, происходящихъ въ физической природѣ, необходимы сравнительныя наблюденія надъ состояніемъ атмосферы въ разныхъ пунктахъ земного шара. — Многіе наблюдатели производятъ теперь изысканія по предначертанному заранѣе плану, и чрезъ сравненіе этихъ результатовъ метеорологія непрестанно обогащается новыми истинами.

— Г. Араго получилъ недавно извѣстіе изъ Броклейна (Brooklyn, около Нью-Іорка) отъ одного американскаго ученаго, г. Меріама (Ebn Meriam), который давно уже слѣдитъ за всѣми явленіями землетрясеній въ Новомъ Свѣтѣ. Этотъ ученый замѣчаетъ, что во время происходившаго въ прошломъ году землетрясенія въ Мемфисѣ (въ штатѣ Тенесси) — термометръ въ городѣ Броклейнѣ стоялъ на одной точкѣ въ продолженіи одиннадцати часовъ. Надо знать, что первый городъ лежитъ подъ 35° широты и 90° долготы (отъ Гринича) а второй подъ 40°41′50″ широты и 73°59′30″ долготы..

Въ январѣ, 1846 года, чувствовали землетрясеніе въ бельгійской колоніи Santo-Thomas; въ это время, ночью на 31 число, въ Броклейнѣ термометръ опять вдругъ остановился на одиннадцать часовъ.—Въ февралѣ было землетрясеніе въ городѣ Цинциннати (штатъ Огіо); температура въ Броклейнѣ опять сдѣлалась постоянною на одиннадцать часовъ, послѣ чего была сильная буря.—Двадцать третьяго марта землетрясеніе въ городѣ Мисвиль (Кентуки) опять остановило термометръ въ Броклейнѣ на такое же время, какъ въ прежнихъ случаяхъ.— Въ апрѣлѣ, 22 числа, совершенно тоже явленіе повторилось въ Броклейнѣ, отъ землетрясенія, бывшаго въ Катанѣ. — Наконецъ 28 апрѣля были землетрясенія въ одно время въ Санта-Крузѣ и Катанѣ;—тоже постоянство температуры замѣчено въ Броклейнѣ.—Однимъ словомъ, изъ многочисленныхъ наблюденій, уже нѣсколько лѣтъ производимыхъ г. Меріамомъ, выходитъ, что изъ десяти случаевъ землетрясеній, по крайней мѣрѣ девять разъ термометръ въ Броклейнѣ останавливается ровно на одиннадцать часовъ.

Изъ этихъ наблюденій г. Меріамъ заключаетъ, что различные пункты земного шара находятся въ зависимости между собою относительно состоянія атмосферы, и что перемѣны въ одномъ пунктѣ передаются другимъ чрезъ высшіе слои воздуха.

— Г. Буссиньо, членъ парижской академіи, сообщилъ фактъ, разрѣшающій спорный вопросъ метеорологіи: дѣйствительно ли тѣла, обожженныя молніею, испускаютъ сѣрный запахъ? Ночью на 5 мая прошедшаго года молнія ударила въ грушевое дерево на дорогѣ между Вертомъ и Рейхсгофеномъ. Дерево раскололось на двѣ ровныя части, листья и кора нисколько не повредились, кромѣ того мѣста у пня, гдѣ онъ раздѣляется пополамъ.—Отъ этого мѣста на четыре фута внизъ дерево совершенно почернѣло; еще на футъ ниже, въ землѣ, оно приняло видъ краснаго угля, употребляемаго для пороха; корни не были вовсе тронуты огнемъ. — Г. Буссиньо, самъ наблюдавшій

Digitized by Google

это явленіе, утверждаетъ, что при горѣніи не было замѣтно никакого сѣрнаго запаха; напротивъ того, запахъ этотъ чрезвычайно похожъ на тотъ, который замѣчается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ гонятъ уксусъ изъ дерева. Не это ли обстоятельство заставляло многихъ подозрѣвать здѣсь присутствіе сѣры, которой трудно образоваться въ этомъ случаѣ?

— Подробности о знаменитомъ землетрясеніи, которое прошлою осенью причинило столько бѣдствій во всѣхъ частяхъ тосканскаго герцогства, были недавно сообщены г-ну Араго итальянскимъ путешественникомъ, г. Нилла.—Мы извлекаемъ изъ этой записки нѣкоторыя ученыя подробности,—прочія же частности этого бѣдственнаго явленія извѣстны всѣмъ, кто читаетъ журналы. Направленіе удара было отъ сѣверо-запада къ востоку. Сотрясенія земли происходили совершенно волнообразно. Вертикальные удары, происходящія съ такою силою, произвели бы послѣдствія гораздо печальнѣе. Колыханіе отъ перваго удара продолжалось по крайней мѣрѣ 25 секундъ. Одно изъ самыхъ интересныхъ послѣдствій удара было образованіе небольшихъ воронкообразныхъ, пустыхъ пространствъ, изъ которыхъ текла огромная масса воды, смѣшанная съ синеватымъ пескомъ и направлявшаяся къ сѣверо-востоку. Это были артезіянскіе колодцы, произведенные землетрясеніемъ.

— Вотъ одинъ необыкновенный случай грозы. Г. Оріони, президентъ отдѣленія физико-математическихъ наукъ неаполитанскаго ученаго конгресса, сообщилъ объ этомъ недавно парижской академіи. Прошедшею осенью была ужасная буря на Зантѣ, одномъ изъ іоническихъ острововъ; удары и перекаты грома не прерывались. Молнія причинила многіе пожары, и одинъ мальчикъ, Спиридонъ Полити, былъ убитъ въ домѣ, построенномъ на возвышенности, окруженной оливковыми деревьями и виноградниками. Трупъ мальчика былъ освидѣтельствованъ докторомъ въ присутствіи мѣстной полиціи и многихъ извѣстныхъ жителей острова. «Войдя въ верхній этажъ дома» доноситъ докторъ: «мы почувствовали сильный сѣрный и смолистый запахъ, особенно около трупа. У одного окна комнаты замѣтили слѣды, оставленные грозою.—Молодой Полити лежалъ на постелѣ въ изорванной, обожженной одеждѣ, обвязанный чорнымъ шолковымъ галстукомъ и опоясанный кушакомъ, въ которомъ находилось десятка два золотыхъ монетъ. На правой ногѣ была рана болѣе дюйма длиною, куда вѣроятно ударила молнія, оставившая слѣдъ свой по всей длинѣ трупа. Ноги, правое бедро, ягодница и спина до самого затылка были окрашены черноватымъ цвѣтомъ и во всѣхъ этихъ частяхъ кожа имѣла небольшіе разрывы, или насѣчки. Волосы сгорѣли всѣ до тла, равно какъ рѣсницы и брови; маленькія коричневыя пятна разсѣяны были по всему тѣлу въ видѣ веснушекъ. Намъ особенно показались странными шесть правильныхъ кружковъ, которые образовались на черной кожѣ трупа и сохранили прежній цвѣтъ ея; эти кружки, какъ будто врѣзанные внутрь, совершенно соотвѣтствовали тѣмъ мѣстамъ, гдѣ были зашиты монеты въ кушакѣ. — Странный случай! Можно согла-

Digitized by Google

ситься, хотя съ трудомъ, что электрическая жидкость, проходя чрезъ хорошій проводникъ на другое тѣло, иногда оставляетъ на немъ впечатлѣніе; но какимъ образомъ это могло случиться здѣсь, когда всѣ монеты лежали одна подлѣ другой?

—Испанія въ этомъ году представляетъ необыкновенное явленіе относительно зимней температуры: она завалена снѣгомъ и льдомъ, и почты опаздываютъ двумя, тремя и четырмя днями.

25 декабря, въ два часа по полуночи, жители Миндентала и его окрестностей были поражены необыкновеннымъ гуломъ, который сначала былъ похожъ на пушечные выстрѣлы, но послѣ двадцати или болѣе ударовъ онъ превратился будто въ звуки барабановъ или литавръ и кончился наконецъ звуками трубъ. Это явленіе продолжалось около трехъ минутъ на пространствѣ, поперечникъ котораго равняется, по крайней мѣрѣ, 18 часамъ. Каждому представлялось, что эти звуки надъ его головой. Только въ одной деревнѣ, на западной сторонѣ Миндентала, нѣкоторые видѣли въ это время чорный шаръ, довольно быстро летѣвшій надъ домами, и одинъ достойный вѣроятія человѣкъ замѣтилъ, что этотъ шаръ пробилъ землю въ саду возлѣ домовъ. Извѣстіе объ этомъ привлекло всѣхъ жителей деревни къ пробитому мѣсту, возлѣ котораго можно было еще замѣтить сѣрное испареніе. Когда шаръ былъ вырытъ, то увидѣли, что онъ сдѣлалъ углубленіе въ два фута. Этотъ аэролитъ имѣетъ форму неправильной, обрѣзанной пирамиды; его поверхность покрыта какою-то чорною, нѣсколько сѣроватою коркою изъ разплавленныхъ металлическихъ частицъ, и онъ представляется обломкомъ большой утесистой массы. Его составныя части состоятъ изъ желѣза, олова и различныхъ каменныхъ породъ. Этотъ аэролитъ имѣетъ вѣсу 14 фунтовъ и 17 лотовъ, толщина его около 7 вершковъ

БРИТАНСКІЙ МУЗЕУМЪ. Британскій музеумъ (British museum), подобно большей части полезныхъ общественныхъ учрежденій въ Англіи, основанъ частнымъ лицемъ. Въ 1753 году, ученый врачъ, сэръ Гансъ Слоунъ (sir Hans Sloane), при кончинѣ своей, завѣщалъ націи богатую коллекцію, цѣною въ 20,000 фунтовъ стерлинговъ, состоявшую изъ 50,000 книгъ большею частію рѣдкихъ, рукописей, предметовъ по части изящныхъ искусствъ и естественныхъ наукъ. Еще прежде его, именно въ 1662 году, другой медикъ, сэръ Робертъ Брюсъ-Коттонъ, отдалъ въ даръ для общественнаго употребленія подобную, если еще не болѣе многочисленную коллекцію, которую съ большими издержками успѣлъ собрать въ продолженіи девяностолѣтней жизни своей, проведенной въ неутомимыхъ ученыхъ трудахъ. Эта библіотека сэра Роберта Коттона, уцѣлѣвшая во время безпорядковъ періода республики, была, въ 1700 году, передана подъ защиту правительства; но вскорѣ пожаръ истребилъ значительную часть ея. Воспользовавшись щедрымъ завѣщаніемъ сэра Ганса Слоуна, король и парламентъ старались одинъ другого превзойти въ пожертвованіяхъ, уве-

Digitized by Google

лучившихъ сокровища новаго музеума. Георгъ II внесъ въ него свою библіотеку, заведенную еще Генрихомъ II, и уже весьма богатую въ царствованіе Генриха VIII. Покупкою и другими средствами были къ музеуму присоединены остатки библіотеки Коттоновой и, между прочимъ, знаменитая коллекція Гарлея, состоявшая изъ 7,000 манускриптовъ. Парламентъ, съ своей стороны, издалъ постановленія для собранія субсидій въ 100,000 фунтовъ стерлинговъ въ пользу этого новаго ученаго заведенія. Для музеума было куплено зданіе, въ эту эпоху извѣстное подъ именемъ дома Монтегю (Montegue-Mansion) — великолѣпное жилище лорда Монтегю, который образовалъ свой вкусъ во время посольства, при дворѣ Людовика XIV, и никому, кромѣ французскихъ художниковъ, не хотѣлъ поручать стараніе объ украшеніи своего дома въ Лондонѣ. За работами наблюдалъ Піерръ Пюже, одинъ изъ знаменитѣйшихъ французскихъ мастеровъ, которые принадлежали къ этому семейству артистовъ-энциклопедистовъ, особенно многочисленныхъ въ Италіи въ XVI столѣтіи, живописцовъ, ваятелей, архитекторовъ, и въ тоже время людей умныхъ и ученыхъ. Подъ его руководствомъ трудились Шарль Делафоесъ, Жакъ Руссо и Жанъ Батистъ Монойэ, благодаря которымъ въ Лондонѣ явилось зданіе, единственное въ своемъ родѣ.

15 Января, 1759 года, всѣ коллекціи были разсортированы и расположены по своимъ мѣстамъ, и британскій музеумъ былъ открытъ для ученыхъ и художниковъ. Съ этого времени сокровища его не переставали постоянно умножаться, и самое зданіе увеличивалось и исправлялось. Наконецъ, домъ Монтегю, такъ сказать, потерялся между этими пристройками и безпрестанными пріумноженіями, какова, напримѣръ, коллекція сэра Ганса Слоуна. Менѣе счастливыя, нежели эта коллекція, сохраняемая съ величайшимъ стараніемъ, старинныя палаты благороднаго лорда разрушаются подъ наносимыми имъ ударами, и послѣдніе остатки работъ французскихъ художниковъ, преимущественно ихъ работы живописныя, въ наше время исчезаютъ подъ молоткомъ англійскихъ каменьщиковъ, которые, распространяя зданіе музеума, такимъ образомъ сокрушаютъ и портятъ это прекрасное твореніе искусства.

Теперь британскій музеумъ помѣщается на большой Россельской улицѣ въ зданіи, обширномъ и удобномъ, но наводящемъ унынie своимъ видомъ. Въ немъ находятся: 1) библіотека, состоящая изъ 300,000 печатныхъ томовъ и 25,000 рукописей; 2) кабинетъ медалей, папирусовъ и другихъ античныхъ вещей; 3) галлерея древностей индѣйскихъ, египетскихъ, греческихъ, римскихъ и англійскихъ; наконецъ, богатое собраніе предметовъ, принадлежащихъ къ тремъ царствамъ природы. Мы уже не говоримъ о незначительной коллекціи произведеній новѣйшей живописи.

Ежедневныя занятія, касающіяся до сохраненія предметовъ и сношеній съ посѣтителями, главное управленіе, назначеніе чиновниковъ и другихъ лицъ, необходимыхъ въ заведеніи такого рода, — все

Digitized by Google

это производится съ величайшимъ порядкомъ и составляетъ одну изъ заботъ самого правительства. Ежегодно роспись суммъ для содержанія музеума, помѣщаемая въ бюджетѣ и утверждаемая парламентомъ, назначается, безъ всякаго контроля, совѣтомъ, составленнымъ изъ сорока восьми членовъ. Главный коммисаръ, имѣющій званіе королевскаго коммисара (trustee), назначается королевою; теперь это мѣсто принадлежитъ лорду Нортумберленду. Девять членовъ служатъ представителями фамилій, благодѣтельствовавшихъ музеуму, и носятъ титулъ фамильныхъ коммисаровъ (family trustees). Двадцать три другихъ, называемыхъ оффиціяльными коммисарами (official trustees), принадлежатъ къ знатнымъ сановникамъ изъ сословій духовнаго, гражданскаго и ученаго. Такъ напримѣръ, въ этомъ собраніи вы встрѣтите архіепископа Кенторбюрійскаго, лорда канцлера, президента нижняго парламента, лорда президента совѣта, трехъ главныхъ государственныхъ секретарей, генеральнаго прокурора, генеральнаго адвоката, судью банка королевы, предсѣдателей королевскихъ ученыхъ обществъ, обществъ антикваріевъ и членовъ медицинскаго факультета. Къ этимъ тридцати тремъ членамъ присоединяется еще пятнадцать особъ, по большинству голосовъ избираемыхъ первыми изъ англійскихъ гражданъ, особенно извѣстныхъ своею ученостію и заслугами на поприщѣ науки.

Такимъ образомъ, въ этомъ совѣтѣ соединены всѣ, кто только можетъ служить представителемъ дарованія, возвышенности взглядовъ и независимости. Онъ собирается въ извѣстное время и со всею добросовѣстностію разсуждаетъ о мѣрахъ, полезныхъ для заведенія. Надзоръ за музеумомъ и хранящимися въ немъ предметами порученъ главному библіотекарю, который непосредственно подчиненъ коммисарамъ. При немъ находятся секретарь, разные чиновники и служители: это такъ называемые старшіе блюстители (keepers), младшіе блюстители (under keepers), помощники и надзиратели — то, что во французскихъ библіотекахъ называется frotteurs. Всѣ эти чиновники, кромѣ главнаго библіотекаря, назначаются тремя главными коммисарами — членами высшаго совѣта, архіепископомъ Кенторбюрійскимъ, лордомъ канцлеромъ и предсѣдателемъ нижняго парламента. Главнаго библіотекаря назначаетъ сама королева, избирая его изъ двухъ кандидатовъ, поименованныхъ въ спискѣ, который скрѣпляется тремя означенными главными коммисарами. Жалованье, отъ 100 до 800 фунтовъ стерлинговъ (700 — 5,700 руб. сер.), позволяетъ чиновникамъ жить сообразно своему званію и въ тоже время налагаетъ на нихъ долгъ дѣятельно и добросовѣстно исполнять возложенныя на нихъ обязанности. Британскій музеумъ зимою открытъ для публики ежедневно отъ девяти часовъ до четырехъ, а въ прочія времена года до семи часовъ. Кромѣ воскресныхъ дней, музеумъ закрывается еще два раза въ годъ: въ первую недѣлю мая и въ первую недѣлю сентября. Въ это время приводятся въ порядокъ и свидѣтельствуются содержащіеся въ немъ предметы, дѣлается имъ опись и производятся

Digitized by Google

различныя поправки и починки. Каждому служащему въ этомъ заведеніи чиновнику, сообразно его званію, ежегодно дается время отдыха: надзирателямъ двѣ недѣли, блюстителямъ шесть недѣль, главному библіотекарю — два мѣсяца. Такимъ образомъ, подобные каникулы можно счесть наградою лицамъ, отправляющимъ службу въ музеумѣ. Строго запрещено, кому бы то ни было, даже на самое короткое время, уносить къ себѣ изъ заведенія книги и другіе хранящіеся въ немъ предметы. Благодаря этимъ и многимъ другимъ мѣрамъ, въ британскомъ музеумѣ соблюдается чрезвычайный порядокъ, и онъ дѣйствительно не болѣе двухъ недѣль въ году бываетъ закрытъ для посѣтителей.

Здѣсь можно поговорить о важнѣйшихъ различіяхъ, существующихъ между главнѣйшими библіотеками: французскою и англійскою, и нельзя не согласиться, что послѣдняя имѣетъ преимущество передъ первою. Вотъ какъ тамъ и здѣсь принимаютъ публику. Въ Парижѣ, въ недѣлю два раза, а въ Лондонѣ три раза, въ національную библіотеку имѣютъ свободный доступъ любопытные посѣтители. Но что касается до безпрепятственнаго входа въ залы для чтенія или упражненій въ наукахъ и искусствахъ, это въ Лондонѣ дѣлается совсѣмъ не такъ, какъ въ Парижѣ. Во французскихъ публичныхъ библіотекахъ, и преимущественно въ находящейся на улицѣ Ришельё, своимъ разнообразіемъ привлекающей (весьма обманчиво) многочисленныхъ посѣтителей, каждый изъ нихъ безъ всякаго препятствія можетъ войти въ книгохранилище. Но тамъ онъ повсюду находитъ шкапы, запертые съ величайшимъ стараніемъ, и Эльдорадо, въ которое онъ такъ легко проникнулъ, становится для него потокомъ, въ которомъ мучился Танталъ. Стоя въ обширной залѣ, за оградою со всѣхъ сторонъ, въ дальнемъ разстояніи отъ другихъ отдѣленій зданія, не имѣя никакого доступа къ тысячамъ томовъ, привлекающихъ его взоры, онъ долженъ терпѣливо ждать, покуда одинъ изъ множества служащихъ тамъ чиновниковъ подойдетъ къ нему, взвѣситъ, обдумаетъ то, чего требуетъ посѣтитель, и, Богъ знаетъ для чего, подвергнетъ его всѣмъ мукамъ, проистекающимъ отъ медленности, безъ которой нельзя обойтись, чтобы исполнить всѣ формы. Посѣтитель очень счастливъ, если его долготерпѣніе вознаградится какими нибудь результатами, и если его требованіе не потеряется въ безконечныхъ извилинахъ этого чуднаго лабиринта. Мы говоримъ о посѣтителяхъ, приходящихъ въ библіотеку для благовидныхъ цѣлей; но что сказать объ этой толпѣ праздношатающихся, которые ищутъ развлеченія въ великолѣпныхъ залахъ кольбертовыхъ палатъ или безразсудными, нелѣпыми требованіями ежедневно докучаютъ чиновникамъ въ королевской библіотекѣ? Что сказать о еще болѣе ужасной вереницѣ искателей приключеній, присутствіе которыхъ истощаетъ всю бдительность сторожей и вызываетъ эту, повидимому, крайне непріятную недовѣрчивость? — Наконецъ, публика расходится, и каждый при выходѣ долженъ дать удостовѣреніе въ законномъ обладаніи малѣйшимъ листочкомъ, кото-

Digitized by Google

рый уноситъ съ собою,—мѣра инквизиціонная, возмутительная для человѣка, чувствующаго свое достоинство, и почти безполезная для тѣхъ, для которыхъ она взята.

Въ британскомъ музеумѣ всякій желающій читать книги или рукописи долженъ предварительно быть извѣстенъ одному изъ ста особъ, составляющихъ совѣтъ коммисаровъ или чиновниковъ, служащихъ въ библіотекѣ, и потомъ имъ представленъ въ заведеніе. Кромѣ того, онъ на особенномъ реэстрѣ обязанъ записать свое имя, званіе и мѣсто своего жительства и дать поручительство за своею подписью, что охотно подчиняется правиламъ, впрочемъ весьма не строгимъ, изъ которыхъ самыя главныя уже означены нами. Потомъ, и почти всегда въ самомъ засѣданіи совѣта, ему вручаютъ пропускной билетъ на полгода, безпрепятственно возобновляемый уже безъ всякихъ предварительныхъ справокъ и розысковъ. Въ двухъ залахъ для чтенія, снабженныхъ всѣмъ нужнымъ для ученыхъ занятій, можетъ помѣститься отъ трехъ до четырехъ сотъ посѣтителей. Одна зала, преимущественно назначаемая для чтенія книгъ, примыкаетъ къ отдѣленію, въ которомъ хранятся книги, другая, гдѣ разбираютъ рукописи, помѣщается подлѣ другого отдѣленія, гдѣ находятся манускрипты; обѣ эти залы устроены одна подлѣ другой, такъ что книги и рукописи могутъ быть легко передаваемы изъ одной въ другую. Рѣдкія рукописи, монеты и другіе предметы высокой цѣны съ величайшими предосторожностями выдаются посѣтителямъ въ особенныхъ залахъ. На полкахъ, расположенныхъ вокругъ первыхъ двухъ залъ, помѣщаются общеупотребительныя книги: библіографіи, словари, біографіи, энциклопедіи, полезныя не только для Англичанъ, но и для всѣхъ другихъ Европейцевъ. Тамъ каждый посѣтитель, принятый въ заведеніе, можетъ также свободно располагать всѣми этими изданіями, какъ бы это дѣлалъ самый богатый библіофилъ въ своемъ кабинетѣ. Названія и нумера книгъ означены на таблицахъ, повѣшенныхъ на стѣнахъ. Посѣтитель, отыскавъ въ каталогѣ произведеніе, которое ему нужно, на билетикѣ означаетъ свое имя, число мѣсяца и названіе требуемой имъ книги, и отдаетъ его особенному надсмотрщику,—тотъ, въ окошечко, передаетъ его одному изъ многихъ чиновниковъ, разсѣянныхъ въ различныхъ частяхъ музеума, и чрезъ нѣсколько минутъ книга или рукопись, требуемая посѣтителемъ, является на его пюльпитрѣ. Переставъ имѣть надобность въ книгѣ, читатель возвращаетъ ее, отвѣчая за цѣлость произведенія, покуда оно находится въ его рукахъ; при этомъ случаѣ, онъ получаетъ обратно данный имъ билетикъ. Такимъ образомъ, въ залахъ для чтенія все производится на письмѣ, безъ малѣйшаго нарушенія тишины и порядка, съ необыкновенною скоростію и точностію.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА, 4-го января. Многіе находятъ, что обыкновенныя сумасшествія французскаго карнавала въ нынѣшнемъ году достигли крайняго развитія, за которое врядли и перейти мо-

Digitized by Google

гутъ. Замѣчено именно въ полицейскихъ сержантахъ невыразимое снисхожденіе къ условнымъ жестамъ и позамъ гризетокъ на балахъ Оперы, Variétés, Валентино, и относятъ это къ нетвердому положенію министерства. Всѣмъ извѣстно, какъ долго страдала Франція отъ чистоты нравственныхъ убѣжденій муниципалитета и катоновской строгости правилъ таможенныхъ приставовъ. И тѣмъ и другимъ нанесены страшные удары. Допущеніе *живыхъ картинъ*, сдѣлавшихся источникомъ дохода для трехъ театровъ и забавнымъ зрѣлищемъ публики, такъ крѣпко связываетъ греческую цивилизацію съ парижской, что даже естетика и филологія противятся вмѣшательству цензора въ киверѣ и красныхъ эполетахъ. Развитіе публичныхъ баловъ доканало совсѣмъ это установленіе, уже потрясенное живыми картинами. Съ годами пропадали въ нихъ интрига, значеніе маски, таинственность и умѣнье сочинить маленькую повѣстцу, а все болѣе выказывалась потребность судорожнаго потрясенія организма и усилія сдѣлать на зло оффиціяльному опекуну. Нѣсколько лѣтъ маскарадъ былъ войной между публикой и блюстителемъ благочинія. Къ ужасу моему, долженъ я вамъ сказать, что послѣдній побѣжденъ, по крайней мѣрѣ на эту зиму. Галопадъ, который теперь танцуютъ, уже не можетъ быть бѣшенѣе, вскрикъ уже очень близко подходитъ къ настоящей лѣсной дикости, и рѣчи, которыя вамъ держутъ на ухо, сохраняя умѣренность, требуемую духомъ языка, уже имѣютъ весьма ясный благоуханный запахъ примитивности и наивнаго пребыванія въ природѣ. Причину упадка маскарадовъ Оперы полагаютъ главное въ томъ, что умныя и добродѣтельныя лоретки, уже вышедшія изъ точки отправленія Руссо къ болѣе широкой системѣ шотландскаго эмпиризма г. Дювальдъ-Стюарта, разобраны и оперу не посѣщаютъ. Въ этомъ онѣ походятъ на лучшихъ профессоровъ Франціи, которые, сдѣлавшись перами, и лекцій болѣе не читаютъ.

Что касается до послѣдовенія на таможенныхъ, оно вышло изъ общества *свободнаго обмѣна*, для ясности скажу: *du libre échange*. Я былъ на послѣднемъ его засѣданіи въ Salle Montesquieu. На трибунѣ величались всѣ знаменитости политической экономіи: *Дюноэ, Бланки, Шевалье, Бастіатъ, Леонъ Фоше, Горасъ Сей*, а внизу до 300 человѣкъ избранной публики собралось посмотрѣть на нихъ. Извѣстно, что противная партія, составившая комитетъ для защиты національнаго труда, а для ясности скажу: *Comité pour défendre le travail national*, вмѣсто опроверженія профессорскихъ теорій въ какой нибудь другой залѣ, взволновала мануфактурные департаменты Франціи и послала грозный циркуляръ администраціи, объявивъ, что при первой уступкѣ ея свободнымъ обмѣнщикамъ, она, партія защиты, вооружитъ враговъ династіи. Вы видите, экономисты разсчитываютъ на красоту своего слова, мануфактурщики—на величіе вооруженной силы; тѣ опираются на непреложные законы ума, а эти на твердость и самоотверженіе кармана. Старикъ Дюноэ открылъ засѣданіе выговоромъ противной партіи за грубость употребляемыхъ ею средствъ и призывалъ ее къ

Digitized by Google

спокойному, дѣльному обсужденію вопроса. Бланки визгливымъ голоскомъ опровергалъ упрекъ въ дерзости новой реформы, ограничивая ее на первый разъ уничтоженіемъ въ тарифѣ параграфа совершенныхъ исключеній, и пониженіемъ пошлинъ съ нѣкоторыхъ предметовъ, какъ кофе, какао и пр., которые отъ увеличившагося потребленія вознаградятъ снисхожденіе правительства къ нимъ съ избыткомъ. Онъ объявилъ также, что, по милости мануфактуристовъ, нынѣшнія палаты неподвижнѣе палатъ 20-хъ годовъ, и что мануфактуристы не имѣютъ даже права подавать голоса въ настоящемъ вопросѣ, будучи судьями въ собственномъ дѣлѣ. Тогда воздвигся Шевалье и тономъ жреца, только что бесѣдовавшаго съ Аписомъ, произнесъ громовую рѣчь противъ мнимаго патріотизма защитительной партіи и ея претензіи блюсти выгоды работниковъ. Хорошъ этотъ патріотизмъ, который изъ личныхъ выгодъ уничтожилъ блестящія начатки таможеннаго союза между Франціей и Бельгіей, который изъ мелочного разсчета не допустилъ въ государство сезама и тѣмъ лишилъ Францію нѣсколькихъ милліоновъ и возможности поднять торговую морскую силу! Хороша претензія, когда фабрики мануфактуристовъ суть вертепы распутства, огрубѣнія и уничиженія человѣческихъ способностей! Вотъ какъ говоритъ онъ! Въ большихъ собраніяхъ я замѣтилъ, что слушающіе бываютъ иногда любопытнѣе говорящихъ. Напримѣръ, немаловажное значеніе пріобрѣло для меня обстоятельство, породившее въ самую жаркую минуту рѣчи Шевалье громкій и продолжительный смѣхъ. Увлеченный бѣсомъ ораторства и естественнымъ желаніемъ какъ можно болѣе нагадить враждебнымъ фабрикантамъ, Шевалье поставилъ имъ въ примѣръ одинъ американскій городъ, изъ 30,000 жителей, въ который приходитъ со всѣхъ сторонъ болѣе 18,000 хорошенькихъ работницъ, никогда не подвергающихся опасности защищать свою невинность и добродѣтель. Взрывъ безумнаго смѣха, встрѣтившій слова эти, убѣдилъ меня, что по сю сторону океана это число цѣломудренныхъ дѣвъ весьма бы поуменьшилось, и что здѣшняя публика не понимаетъ благородной терпимости публики американской. Это меня глубоко опечалило, какъ вы догадываетесь. Наконецъ, Горасъ Сей заключилъ засѣданіе, убѣждая насъ, слушателей, къ распространенію, по мѣрѣ силъ и возможности, идеи свободнаго обмѣна, которая, говорилъ онъ, должна обойти весь міръ. А до тѣхъ поръ можно, я думаю, замѣтить, что идеи рѣдко распространяются посредствомъ приглашенія. Вообще эта борьба чистой теоріи съ живыми интересами, сдѣланная подъ вліяніемъ англійской реформы и безъ всякихъ другихъ средствъ, кромѣ правильности выраженія, весьма походитъ на забаву ученыхъ. Это ихъ Тиволи.

Любопытнѣйшую сторону парижской жизни представляютъ въ эту минуту, безъ сомнѣнія, новыя произведенія промышленности, выставленныя магазинами. Цѣлую недѣлю ходилъ я по лавкамъ, и признаюсь, давно не испытывалъ такого удовольствія, какъ въ этомъ изученіи тайной мысли, двигающей современную производительность. Пра-

Digitized by Google

во, любопытно было бы опредѣлить, какимъ образомъ формируется эта мысль, называемая вульгарно модой, а что она вдругъ проносится отъ одного конца государства до другого, свѣтится въ разнороднѣйшихъ произведеніяхъ—въ ножовомъ клинкѣ и въ кускѣ матеріи, и имѣетъ корни въ общественной настроенности, — это, мнѣ кажется, очевидно. Въ эту минуту, напримѣръ, фактъ, что вся изобрѣтательная способность индустріи движется воспоминаніями искусства и образа жизни XVIII столѣтія, — этотъ фактъ для меня столько же важенъ, какъ недавнее арестованіе одного № National за статью противъ возвращенія правительственной *системы* къ старому порядку вещей. Вы легко свяжете страсть, которая овладѣла многими собирать вещи и игрушки прошлаго вѣка, съ наклонностью настоящаго къ полному наслажденію собой и жизнію. Здѣсь образовались для первой цѣлые магазины. У Дювильруа (passage Panorama) любовался я коллекціей старыхъ опахалъ, роскошно обдѣланныхъ въ черепаху, золото и перламутръ, и на которыхъ кисти учениковъ Ватто и Буше изобразили бесѣду дамъ и кавалеровъ въ присутствіи амуровъ, поясняющихъ содержаніе ея, сельскіе праздники, даже миѳологическія событія подъ деревьями, гдѣ въ листьяхъ таятся воркующіе голуби. У Рога, на монмартрскомъ бульварѣ, это еще полнѣе. Тамъ выставлены золотыя табакерки съ тончайшей живописью идиллическаго содержанія, весьма мало закрывающаго настоящую мысль сюжета, — перстни, брошки и, наконецъ, тѣ маленькія фарфоровыя статуйки, въ которыхъ, подъ видомъ пастуховъ и пастушекъ, прошлый вѣкъ разсказывалъ анекдоты изъ собственной жизни. Но промышленному искусству предстояла на этой реставраціи недавней старины трудная работа заключить духъ ея въ непогрѣшительную чистоту линій, въ художественную форму, снять угловатость съ представленій ея и умѣрить выраженіе. За этой работой промышленность нынѣшняго года показала талантъ неимовѣрный. Въ магазинахъ Жиру я видѣлъ дамскіе туалеты и рабочіе столики, вазы, сервизы и бюро для письма, въ которыхъ главный мотивъ составляетъ эмаль по фарфору, прорѣзанная тонкими золотыми нитями и покрытыя живописью, гдѣ цвѣты и амуры переплетаются въ удивительномъ рисункѣ. Съ трудомъ можно отвести глаза, и только ярлычки съ цѣнами 2,000, 3,000, 4,000 фр. заставляютъ ихъ, такъ сказать, *войти въ себя*. Этотъ tour de force или ловкость современной промышленности еще яснѣе видна въ магазинахъ Таксана, на углу бульваровъ и улицы de la Paix. Онъ приготовилъ къ новому году доброе количество ларцовъ, несессеровъ, пюпитровъ для письма, garde-bijoux и проч., изъ которыхъ каждый есть образецъ отдѣлки и, въ нѣкоторомъ родѣ, поученіе плодотворное. Круглота формы, любимая 18-мъ столѣтіемъ, образовала здѣсь превосходный рисунокъ: золотыя полосы, вмѣсто старой путаницы завитковъ, разрѣшились въ художественные арабески и линіи, подражающія старой оковкѣ ларцовъ, пересѣкаются удивительно-свободно и красиво, а живопись, сохраняя тонъ нѣжной аллегоріи, выдержана строго и вмѣстѣ тепло. Каждая

Digitized by Google

вещь въ этой формѣ можетъ быть принята за свѣтлое воспоминаніе отжившаго столѣтія. Смотря на нее, хочется быть богачомъ и, покуда не отнимутъ ее отъ глазъ, страдаешь жаждой обладанія. Обиднѣе всего, что имена рисовщиковъ, дающихъ первую мысль этимъ вещамъ, совершенно потеряны для публики, которая знаетъ только человѣка, приведшаго ее въ исполненіе. Бронзовыя произведенія, требующія, какъ вы знаете, настоящаго творческаго таланта и притомъ въ весьма сильной степени, уже гораздо слабѣе. Одна часть ихъ навѣяна бытомъ Алжира, который имѣетъ сильное вліяніе и на самую живопись: такъ много тѣшитъ новая колонія народное самолюбіе! Это борьба Бедуиновъ съ гренадерами или эпизоды африканской жизни, гдѣ барсъ и степной левъ мѣряются силами съ кавалеристомъ французской арміи и пр. Вторая часть ихъ, весьма полно представляемая магазиномъ Сюсѣ, находится въ крайнемъ противорѣчіи съ первой: это женщины въ сладострастныхъ положеніяхъ, несмотря на то, выражаютъ ли онѣ робкую стыдливость или безграничное упоеніе, скромность или увлеченіе. Любопытно, что многимъ изъ нихъ основнымъ типомъ послужила великолѣпная, несравненная Венера Милосская изъ луврскаго музеума. Художники только вѣроятно изъ тонкой лести мѣщанству, представили эту энергическую, страстную женщину въ ея вседневныхъ занятіяхъ: въ расческѣ роскошной косы, въ омовеніи чуднаго тѣла ея и даже въ перемѣнѣ хитона; можно подумать, что все это злая нескромность горничной дѣвушки Венеры. Впрочемъ, истинное выраженіе искусства находится не въ произведеніяхъ, гдѣ забота о дешевизнѣ, стараніе сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе неимущему эстетическому карману, рождаетъ непремѣнно нѣкоторую мелкоту представленія и выдѣлки. Я совсѣмъ не приверженецъ системы, выдуманной, полагаю, старымъ ночнымъ колпакомъ и состоящей въ томъ, чтобъ умельчать великія вещи ради доставленія удовольствія экономнымъ супругамъ или бѣднымъ молодымъ людямъ, подающимъ надежды. Она рождаетъ подлогъ вмѣсто дѣла, производитъ иллюзію вмѣсто поученія, портитъ въ одно время и образецъ и того, кто наслаждается подражаніемъ ему. Для бѣдныхъ людей есть музеумы, выставки, собранія: вотъ настоящая подмога бѣдности. И какое пріобрѣтеніе можетъ съ ними сравняться, и какой богачъ имѣетъ то, что каждый день можетъ видѣть всякій! Европа поняла дѣло лучше, чѣмъ человѣколюбы сантиментальные: между тѣмъ, какъ публичные кабинеты и коллекціи распространяются вездѣ и неимовѣрно, фальшивыя древности, подражанія монетамъ, бисквитныя статуйки, уродливыя копійки безпрестанно падаютъ. Все это я вамъ говорю по случаю магазиновъ серебряныхъ дѣлъ мастера *Морела*, въ улицѣ des petits Augustins. Тамъ все дорого, но каждая вещь кажется упрекомъ обвѣтшалому древнимъ неизвѣстному раздѣленію ремесла отъ искусства. Начиная съ золотого набалдашника для палки до серебрянаго сервиза для пиршественнаго стола, — все имѣетъ у него въ основаніи поэтическую, художественную мысль, которая отзывается на

Digitized by Google

всѣхъ подробностяхъ и наполняетъ собою какъ главную фигуру, такъ и самую дальнюю черту произведенія. Я видѣлъ, напримѣръ, кубокъ, у котораго кристальная чашка покоится на двухъ золотыхъ фигурахъ, тритона и нереиды, между тѣмъ какъ вьющіяся широкія растенія ползутъ по двумъ краямъ чашки и чудно завиваются вверху, составляя ея ручки. Вездѣ вѣрность разъ взятой мысли поразительная. Изъ множества вещей помню еще одинъ браслетъ съ жемчугомъ. Что̀ можетъ быть обыкновеннѣе этой данной мысли, но двѣ серебряныя рѣзныя русалки на золотомъ фондѣ, взятыя въ ту минуту, когда выносятъ онѣ со дна морского корзинку перловъ, сообщаютъ обыкновенному браслету оттѣнокъ художественности и высокаго искусства. Особенно ими помѣчена одна серебряная холодильница шампанскаго. Подножіе ея составляютъ три пантеры, головы которыхъ повторены еще и на золоченой крышкѣ. На круглыхъ же бокахъ ея развивается удивительный рельефъ. Внизу спятъ вакхическимъ сномъ четыре лица 4-хъ разныхъ возрастовъ, между тѣмъ, какъ надъ головами ихъ несется вереница женщинъ, изображающая горькія и страстныя видѣнія каждаго. Присутствіе творческой силы тутъ уже такъ ясно, что у Мореля просили позволенія перевесть рельефъ этотъ на слоновую кость и украсить имъ стѣны богатаго кабинета.... Я ужь слишкомъ заговорился о промышленности, но вѣдь она тоже принадлежитъ къ явленіямъ здѣшняго карнавала, о коемъ здѣсь и ною преимущественно.

Но самое несомнѣнное достояніе его суть двѣ театральныя пьесы, два обозрѣнія на театрѣ du Vaudeville и на палерояльскомъ. Въ первомъ является новая планета въ бюро Иллюстраціи (г-жи Дошъ и Жюльетъ) и послѣдняя показываетъ первой, называя ее сестрицей, все, что̀ происходило нелѣпаго въ Парижѣ. Идутъ пародіи на театральныя пьесы прошедшаго года, новыя открытія, объявленія, романы, спекуляціи. Планета чуть-чуть съ ума не сходитъ отъ ужаса и бѣжитъ опрометью къ себѣ на небо, гдѣ она съ начала вѣковъ вела спокойную и добродѣтельную жизнь. Палерояльское обозрѣніе еще смѣшнѣе. Тамъ хлопчатый порохъ (poudre-coton), въ образѣ Сенвиля, идетъ съ пріятелемъ своимъ центро-бѣжной дорогой, изображаемой г. Грасо, взрывать монмартрскія копи и отыскивать кладъ. Вмѣсто клада, попеременно являются имъ на Монмартрѣ: Клариса Гарловъ, Найденышъ Сю, Вселенная и свой Уголокъ, Мери, драма Сулье, Госпожа Могадоръ, Аристократическія Купальни, Робертъ Брюсъ Россини, битва Кашемировъ, театры, экономическая щетка, самъ Александръ Дюма съ новымъ театромъ, гдѣ люди будутъ съ столовыми, гостиными и конюшнями, и пр. Неудержимый хохотъ носится во все время представленія этой пьесы, имѣющей большой успѣхъ, и которая, наконецъ, дѣлается невыносима по изобилію уморительныхъ глупостей и сумасшествію веселости, не дающихъ вамъ отдыха ни на минуту. Оставляю до будущаго письма печальную исторію появленія *великихъ* сценическихъ произведеній, которыхъ ожидала публика съ такимъ зами-

Digitized by Google

раніемъ духа: Agnès de Méranie Понсара и оперы Робертъ Брюсъ Россини. Было бы неумѣстно говорить о нихъ тогда, какъ Парижъ, несмотря на сильные холода, денно и нощно бѣгаетъ по улицамъ, словно спасаясь отъ всякаго дѣльнаго слова и отъ всякаго напоминовенія о литературныхъ и жизненныхъ треволненіяхъ.

Въ Collegè de France и въ Сорбонѣ не все по старому. Вы знаете, что въ первой Эдгаръ Кине отказался отъ каѳедры, по случаю перемѣны, сдѣланной въ его программѣ — и южныя литературы, такимъ образомъ, не имѣли представителя въ Парижѣ. Вѣроятно, тѣни Дантовъ и Камоэнсовъ громко требовали удовлетворенія отъ Сальванди, потому-что онъ, при открытіи новаго курса, отдалъ каѳедру Кине г. Гинару; но этой каѳедрѣ вѣроятно суждено перемѣнять безпрестанно обладателей. Кине, разумѣется, протестовалъ противъ назначенія ему адъюнкта безъ его согласія, но убѣжденный потомъ самимъ г. Гинаромъ, объявилъ, что если ужь нуженъ непремѣнно адъюнктъ, то лучше г. Гинара не найти. Все, казалось, было слажено, однакожъ, съ приближеніемъ курсовъ послѣдній провѣдалъ, что студенты, вполнѣ признавая его добросовѣстность и многія хорошія качества, все-таки собираются освистать его, при первомъ появленіи, не находя лучшаго способа оказать симпатію свою къ его предшественнику. Не чувствуя въ себѣ способности на самопожертвованіе, Гинаръ, подъ предлогомъ глубокаго уваженія къ Кине, отказался вовсе отъ каѳедры, и зима эта, такимъ образомъ, должна пройти для насъ безъ единаго слова о инквизиціи, Колумбѣ, ореолахъ Жіотто, воплях Бруно и пр. Это жалко. Впрочемъ, поведеніе Кине во всемъ дѣлѣ было чрезвычайно достойно и благоразумно. Кине живетъ точно такъ, какъ говоритъ — нѣсколько напыщенно, но очень звучно и твердо. Въ Сорбонѣ произошло нѣчто посерьёзнѣе. Знаменитый Дюма, вѣроятно уже снесясь съ администраціей, предложилъ отъ собственнаго имени факультету наукъ, гдѣ онъ старшина, просить совѣтъ университета объ образованіи третьяго факультета — механическихъ искусствъ, ремеслъ и земледѣлія, студенты котораго могли бы получать всѣ ученыя степени первыхъ двухъ факультетовъ. Такъ и сдѣлано. Вы понимаете, что утвердительный отвѣтъ на эту просьбу будетъ однимъ изъ самыхъ важныхъ происшествій нынѣшняго года во Франціи. Впервые промышленность и землепашество станутъ наравнѣ со всѣми другими *учеными* занятіями, почислятся дѣтьми современной цивилизаціи и снимется съ нихъ послѣднее уреканіе въ корыстности и неблагородствѣ, оставшееся отъ среднихъ вѣковъ. Гораздо менѣе будетъ вамъ понятно, что мѣра эта встрѣтила первое жаркое сопротивленіе — въ демократической партіи. При этомъ случаѣ, особенно ясно выказались узкость и ограниченность ея понятій о морали, которая вся еще держится на старомъ эпитетѣ d'un homme *irréprochable*, т. е. на достоинствѣ быть бѣднымъ съ удовольствіемъ и заниматься только невещественными вопросами самой первой величины. Едва разнесся слухъ о нововведеніи, какъ партія (National) объявила, что имъ оскорбляет-

Digitized by Google

ся величіе науки, принужденной заниматься теперь торгашами, спекулянтами, фермерами вмѣсто того, чтобъ смотрѣть въ небо, *открывать* идеи, совершенствовать человѣчество. Равнять людей, говорила она, которые если и изобрѣтаютъ что-нибудь, то изобрѣтаютъ для собственной пользы, равнять ихъ съ безкорыстными тружениками кабинетовъ — есть позорная выдумка, достойная развратнаго общества, которое хочетъ освятить наукой собственную болѣзнь — жажду золота. Такъ они поняли эту мѣру. Дюма, разумѣется, къ случаю пришлось, растерзанъ въ куски. Вообще, моральныя идеи оппозиціонной Франціи вещь любопытная и заслуживали бы нѣкотораго разбора, который, однако, оставляю до того близкаго случая, когда писать будетъ не о чемъ. Въ это время я вамъ скажу, что возрѣніе самого автора: *Systèmes des contradictions* на жизнь до такой степени сухо, хоть и вѣрно логически, что если жизнь не захочетъ быть добродѣтельной по его системамъ — право хорошо сдѣлаетъ. Въ этомъ будущемъ письмѣ я укажу вамъ на вторую часть увража его, гдѣ семейный бытъ такъ прекрасно опредѣляется, какъ домоводство, ключничество и скопидомство, гдѣ еще приложено нѣчто въ родѣ математической таблицы для особъ обоего пола, съ обозначеніемъ, въ какой возрастъ и какою *любовью любится имъ слѣдуетъ*, гдѣ еще, именно по этой природной глухотѣ къ біенію жизни, не понято значеніе искусства и артистъ названъ развратителемъ общества! Тогда же обращу я ваше вниманіе на замѣчательный фактъ, недавно мною слышанный: говорятъ, что Прудонъ и Жоржъ Сандъ, при взаимномъ уваженіи, терпѣть другъ друга не могутъ Какъ это понятно! Наконецъ, я заключу письмо мое указаніемъ на Лукрецію Флоріани, этотъ перлъ романовъ Ж. Санда, въ которомъ не знаешь, чему болѣе удивляться — широтѣ ли кисти, глубинѣ ли характеровъ, мастерству ли разсказа....

Въ полемикѣ, возбужденной рѣшеніемъ сорбонскаго факультета наукъ, было уже нѣсколько любопытныхъ случаевъ. Прилагаю здѣсь одинъ. Министръ предоставилъ самому факультету обсудить предложеніе и подать ему рапортъ подробный, что и было выполнено. Журналы тотчасъ же объявили, что рапортъ этотъ составленъ г. Дюма и фальшиво имъ выдается за мнѣніе самого факультета. Три члена послѣдняго протестовали противъ неправедливаго утвержденія, и въ числѣ ихъ свѣжая знаменитость, г. Леверрье. Вы знаете, съ какимъ тріумфомъ поднятъ онъ былъ на щитахъ за открытіе планеты. Награды, похвалы и даже стихотворенія посыпались на него дождемъ. Меня немножко посмѣшило, что, при исчисленіи первыхъ, помѣчено было и позволеніе содержать табачную лавочку, данное сестрѣ его, но я пересталь смѣяться, когда вспомнилъ народное происхожденіе почти всѣхъ здѣшнихъ ученыхъ и бѣдность, съ какой боролись ихъ семейства вначалѣ. Итакъ, теперь наступила для Леверрье минута пережить другую сторону предмета: началось разложеніе его репутаціи. Извѣстно, какъ это дѣлается: міру, удивленному громкою славой, показываютъ тѣ дудки, которыя служили для произведенія звука, и работни-

Digitized by Google

ковъ, нанятыхъ сообщать имъ воздухъ изъ собственныхъ легкихъ. Это больно со стороны, но вмѣстѣ благодѣтельно. Человѣкъ перегораетъ въ огнѣ полемики и выходитъ именно только тѣмъ, чѣмъ создала его природа. Отъ души можно поздравить Леверрье, что гоненіе началось такъ рано. Оно, какъ осна: чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Остальное въ Collége и въ Сорбонѣ постарому, тѣ же профессоры, то же направленіе, хотя многіе изъ нихъ выбрали новые предметы. По мѣрѣ того, какъ съ теченіемъ зимы, всѣ они будутъ яснѣе опредѣляться, я буду сообщать вамъ извѣстія. Внѣ круга официальныхъ преподаваній замѣчательны три курса: Огюста Конта о положительной философіи, Араго популярной астрономіи, въ обсерваторіи, и Рауль-Рошета исторіи древнихъ архитектуръ по оставшимся памятникамъ, въ королевской библіотекѣ.

Возвращаюсь опять къ университетскому вопросу, съ которымъ не могу разстаться,—такъ онъ мнѣ кажется важенъ, а главное такъ живо затронулъ онъ здѣсь всю литературную часть публики. Journal des Débats еще съ переобразованія университетскаго совѣта сохраняетъ въ отношеніи къ Сальванди, вы знаете, нѣкотораго рода оскорбительный тонъ недовѣрія. Ожидали отъ него сопротивленія новой мѣрѣ—и не ошиблись. Еще за долго до появленія рапорта г. Дюма, посѣтители Collége de France были нѣсколько изумлены вступительной лекціей Сенъ-Маркъ-Жирардена, одного изъ главныхъ редакторовъ журнала, какъ извѣстно. Предметъ, имъ выбранный на нынѣшній годъ: литература XVIII столѣтія, подалъ ему случай горько посѣтовать на матеріяльное направленіе нашего вѣка, въ которомъ можетъ погибнуть, говоритъ онъ, духовное наслѣдство отцовъ французскихъ. «Промышленность дѣло полезное,» внушалъ онъ намъ, «согласенъ даже, что результаты ея достигаютъ иногда поэтическаго эффекта, но когда мысль всего общества устремлена единственно на промышленность, я принужденъ сказать—есть опасность!» Слушатели были приведены въ умиленіе, чему, вѣроятно, особенно способствовало воспоминаніе объ акціяхъ желѣзныхъ дорогъ, полученныхъ журналомъ des Débats отъ компаній. Вслѣдъ за Жирарденомъ и Филаретъ Шаль открылъ свой курсъ сѣверныхъ литературъ. Вступительная лекція этого второго редактора была еще смѣлѣе. Онъ просто объявилъ, что все современное поколѣніе Франціи представляетъ ужасное зрѣлище духовной немощи, подавлено мелочными интересами, но что близко время, когда молодёжь, погрязшая теперь въ легкихъ и часто неблагородныхъ удовольствіяхъ, очнется, пробужденная опасностью, какая угрожаетъ основнымъ идеямъ отечества.... И тотъ и другой профессоръ были правы, но согласитесь, что сходство этихъ причинъ съ истинами, преслѣдуемыми самимъ журналомъ, въ которомъ эти профессора участвуютъ, могло произвести нѣкоторое замѣшательство въ умахъ. Все объяснилось строгой статьей des Débats, касательно мѣры. Они (les Débats) провѣдали именно, что, кромѣ своего официальнаго смысла, мѣра еще имѣетъ затаенный смыслъ отнять непомѣрную важность, данную въ народ-

Digitized by Google

номъ образованіи латинскому и греческому языкамъ. Это посягательство на основное качество литератора должно было соединить нищущую часть публики всѣхъ цвѣтовъ — и дѣйствительно, въ эту минуту совѣтъ университетскій имѣетъ пріятный случай наблюдать, въ какой формѣ выражается одно и тоже осужденіе у разныхъ лицъ, смотря по ихъ темпераментамъ и любимому чтенію каждаго.

Одна *La Presse* дѣлаетъ исключеніе.... Я всегда удивлялся способности этой газеты, стоя на одной ногѣ съ Débats, говорить всегда наперекоръ имъ. Этимъ она выражаетъ свое стремленіе къ успѣху, который, впрочемъ, должно понимать не иначе, какъ успѣхъ въ подписчикахъ. Къ этой потребности противорѣчія слѣдуетъ отнести и то, что она открыла по вопросу о свободѣ торговли колонны свои г. Видалю, который равно безпристрастно называетъ слѣпцами и protamoженниковъ и contra-таможенниковъ, а говоритъ объ *организаціи* государственнаго обмѣна, условливающемъ просвѣтленное позволеніе и таковое же запрещеніе. Мнѣ не нравятся эти обоюдо-острыя статьи, порожденныя заразительнымъ примѣромъ Прудона и, какъ у всѣхъ подражателей сильнаго образца, лишенныя настоящаго значенія,—но это въ сторону. Одобреніе *La Presse* не спасаетъ университетской мѣры, которая, подъ всемогущимъ осужденіемъ, а главное подъ могущественнымъ *veto* J. des Débats, вѣроятно, бѣднѣга, и зачахнетъ. — Такъ изъ чего же было занимать меня этимъ вздоромъ и еще во время карнавала? можете вы сказать весьма основательно. — А я вамъ отвѣчу съ наглостью, всегда приходящею по мѣрѣ писанія и развитія предмета на бумагѣ, что весь проэктъ имѣетъ для меня особенное значеніе. Онъ мнѣ кажется симптомомъ сознанія, пробуждающагося въ самой Франціи, касательно разъединенія, существующаго здѣсь между потребностями общества и оффиціальнымъ преподаваніемъ. Я исключаю точныя науки и говорю только о нравственныхъ, философскихъ и историческихъ. Идеи, которыя кружатся въ народѣ, ничего не имѣютъ общаго съ Сорбоной. Каждый трудъ, немного дѣльный, находится въ явномъ противорѣчіи съ каѳедрой. Collége de France, установленная съ цѣлію выражать *частное* воззрѣніе, *личный* опытъ, упала до совершеннаго произвола въ назначеніи лекцій, въ предметахъ ихъ и въ способѣ изложенія. Франція думаетъ, судитъ, открываетъ совершенно помимо касты своихъ наставниковъ, которые, наконецъ, потеряли способность и понимать ее. Мудрено ли, что борьба между духовными нуждами общества и стоячестью оффиціальной науки проявляется то посредствомъ *учено-религіознаго* вопроса, какъ прежде, то посредствомъ *учено-индустріальнаго* вопроса, какъ теперь. Я люблю подчиняться всеобщему приговору и несмотря на блескъ послѣдней мѣры, сначала ослѣпившей меня, уступаю голосамъ, которые находятъ въ ней опасность для нравственнаго вліянія государства.... Имъ, конечно, лучше знать, на чемъ зиждется настоящее его величіе, чѣмъ иностранцу, хотя бы онъ и принадлежалъ къ числу друзей вашихъ; но соглашаясь, что проэктъ, можетъ быть, не зрѣлъ, для меня остает-

Digitized by Google

ся еще убѣжденіе, что онъ выведетъ за собой другой, полнѣе. Нельзя же, чтобъ въ обществѣ, особенно отличающемся стремленіемъ къ единству, матеріяльной и духовной централизаціи, воспитаніе и жизнь шли рядомъ, не заботясь другъ о другѣ, какъ въ азіятскихъ городахъ Турка, данный въ провожатые нѣмецкому археологу....

Изъ новыхъ публикацій замѣчательны особенно, во-первыхъ: *Histoire de la domination romaine en Judée, par S. Salvador*, 2 части. Кромѣ увлекательной занимательности разсказа о всей политикѣ римской въ Сиріи и Палестинѣ, яркой картины разнородныхъ партій, существовавшихъ въ Азіи съ Помпея до Тита, и поясненія многихъ событій туземными нравами, книга эта еще развиваетъ *героическую* сторону въ характерѣ еврейскаго народа, забытую теперь почти совсѣмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она доказываетъ упорство еврейской мысли, сохраняющейся даже нынѣ въ самыхъ образованныхъ людяхъ этой націи, такъ что воззрѣніе Сальвадора въ 1846 г. на исторію Іудеевъ, можно легко связать съ понятіями о ней Санхедрина, временъ послѣднихъ Маккавеевъ. Обращаю вниманіе ваше на эту книгу, которая вмѣстъ съ *Филиппомъ II* и *Перецемъ* Минье, и съ посмертнымъ изданіемъ: *Histoire de la poésie provencale*, Форіеля, составляетъ вѣнокъ историческихъ произведеній французской школы, появившихся въ этомъ году. Не мѣшаетъ вамъ знать, если еще не знаете, что Дидотъ издаетъ въ дешевомъ изданіи 12 томовъ *Bibliothèque des mémoires relatifs au XVIII siècle*, которая начнется съ послѣднихъ годовъ Людовика XIV строгимъ выборомъ любопытнѣйшихъ достовѣрныхъ записокъ, какъ-то: г-жи *du Hausset*, барона *de Bézenval* и пр., а окончится на временахъ терроризма записками г-жи Роландъ и другими. Уже серія этихъ записокъ открылась мемуарами *M-me Delaunay*, горничной дѣвушки герцогини Менской, въ которыхъ С. Бёвъ отыскалъ такъ много тайной грусти, недовольства своимъ положеніемъ и разочарованія! Вообще, съ годами способность С. Бёва къ анализу едва замѣтныхъ оттѣнковъ въ характерѣ, любовь его къ утонченному проявленію чувства и мысли, снисхожденіе ко всѣмъ болѣзненнымъ или разслабленнымъ организаціямъ, чрезвычайно усилились. Примѣръ его статьи о Теокритѣ, помѣщенной въ Journal des Débats. Это переноситъ меня къ другому, не менѣе замѣчательному критику, Филарету Шалю. Изъ своихъ лекцій, изъ статей, разбросанныхъ по обозрѣніямъ, выдалъ онъ четыре тома (дешеваго изданія): *Le dix-huitième siècle en Angleterre*, *Etudes sur l'Antiquité*, и прочее — и обѣщаетъ еще продолженіе. Это чтеніе самое разнообразное, въ основаніи котораго положена бездна эрудиціи, безпрестанно васъ обманывающей и оставляющей только въ васъ раздраженіи любознательность чтеца. Всякая мысль у него покидается тотчасъ, какъ показалась новая сторона предмета, мелькнетъ и пропадетъ, плодотворное объясненіе вдругъ останавливается посереди дороги; это даже обидно. Такъ и кажется, что онъ спѣшитъ приколоть идею въ томъ видѣ, какъ она блеснула въ головѣ изъ сознанія неспособности своей обработать ее. Это мнѣ объясняетъ врожденное

Digitized by Google

отвращеніе Шаля къ системѣ и методѣ, проповѣдуемое имъ и съ каѳедры. Не могу умолчать о маленькой книжкѣ Александра Вейля: *La guerre des paysans*, которая очень бѣгло разсказываетъ страшную драму, грозившую поглотить реформу Лютера, но основныя черты которой собраны здѣсь въ ихъ послѣдовательности и во всей ихъ дикой энергіи. Вотъ реестръ изданій, обратившихъ здѣсь въ послѣднее время особенное вниманіе....

Еще одно слово: знаете ли вы статью де Молена (Journal des Débats, 17 ноября) о Пушкинѣ, по поводу перевода его поэмъ и нѣкоторыхъ стихотвореній г. *Dupont*? Вообразите же, онъ судитъ о немъ съ политической точки зрѣнія, вмѣсто художественной и эстетической, какъ бы другой сдѣлалъ, и находитъ крайнее ребячество тамъ, гдѣ каждому Русскому слышится глубокое слово. Такъ тяжело еще понимать насъ иностранцамъ! Вотъ еще черта любопытная: де Моленъ проходитъ безъ вниманія мимо Бориса Годунова, мимо Донъ-Хуана и останавливается съ любовью и умиленіемъ передъ Евгеніемъ Онѣгинымъ!...

П. А — ов.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ДВУХЪ БАРЫШЕНЬ.

Онѣ очень наклонны къ дружбѣ, и каждая ведетъ дѣятельную переписку съ своею пріятельницею.

(Б.)

5-го декабря 183...

Ma chère Надина!

Вотъ какая ты! Ужь двѣ недѣли ты уѣхала и обѣщала мнѣ все написать и обо всѣхъ веселостяхъ, и не пишешь. Счастливая! какъ, я думаю, ты веселишься! Бога ради, непремѣнно обо всемъ мнѣ напиши; ты же обѣщала! Какъ въ послѣдній разъ мы у васъ были и я попрощалася съ тобой, ты не повѣришь, какъ мнѣ было больно. Я безъ слезъ не могла вспомнить, что ты всю зиму проведешь въ губернскомъ городѣ и какъ весело тебѣ будетъ среди всякихъ удовольствій. Я думаю, уже и собранія теперь начались. Представь мою скуку; я должна скучать здѣсь. Еслибъ не маменькины ноги, я бы тоже съ тобою вмѣстѣ веселилась нынѣшнею зимою, на балахъ бы и вездѣ бывала. Противная эта болѣзнь! Какъ вспомню, какъ бы я могла веселиться, и вмѣсто того ничего этого нѣтъ, не могу удержаться отъ слезъ. Маменька дала обѣщаніе ѣхать въ К...., когда у нея заболѣли ноги и теперь уговариваетъ меня не огорчаться, и утѣшаетъ тѣмъ, что лѣтомъ возьметъ меня съ собою, но право я не въ состояніи этимъ утѣшаться. Въ К. .. еще что-то будетъ, а всѣ веселости и со всѣми удовольствіями нынѣшнею зимою для меня пропали. Хотя бы ты, ангелъ, мнѣ объ нихъ писала и описывала; по

Digitized by Google

крайней мѣрѣ, я бы знала отъ тебя. Теперь, вѣрно, вечера и балы начнутся, и вѣрно ихъ много будетъ! Какъ я ни огорчаюсь, но уже я рѣшилась перенести это; утѣшаю себя тѣмъ, что видно уже такъ нужно. Только, умоляю тебя, пиши мнѣ, пожалуйста, милая Надина, и ради Бога, все, все, обо всемъ пиши, чтобы я знала. Хотя бы ты меня утѣшила. Я отъ тебя надѣюсь, что исполнишь свое обѣщаніе. Прощай, обнимаю тебя милліоны разъ и остаюсь на вѣкъ

Твоя Annette.

10-го декабря.

Ma chère charmante et aimable Annette!

Вчера маменька принесла мнѣ твое письмо, когда я примѣривала атласные башмаки въ своей комнатѣ. Я такъ была имъ обрадована, что, примѣривши, тотчасъ же принялась за него. Ты справедливо упрекаешь меня, что я до сихъ поръ къ тебѣ не писала по обѣщанію, но это потому, что мы какъ пріѣхали, ужасно все были заняты, и было столько хлопотъ, что я даже утомилась. За заботами я не видала какъ и время прошло и не собралась еще написать тебѣ. Ты просишь, чтобы я тебѣ все описывала, и я разскажу тебѣ все по порядку, съ самого начала. Мы пріѣхали сюда на ночь; на другой день мамаша хотѣла еще отдохнуть съ дороги, но я упросила ее послѣ обѣда ѣхать къ marchande de modes, чтобы успѣть къ собранію отдѣлать платье. Представь себѣ, что madame Фаме только ужь для маменьки согласилась взять мое платье,—столько у нея заѣзовъ! Потому-что здѣсь очень нынѣшнею зимою веселятся и наряжаются, а у m-me Герке намъ не хотѣлось заказывать; вице-губернаторша и Павлиновы и всѣ заказываютъ у m-me Фаме. Вообрази: мы у нея въ магазинѣ встрѣтились съ Кошевскими, съ Анной Михайловной и съ дочерьми, и Анна Михайловна говорила, что она почти никогда здѣсь ничего не заказываетъ и платья выписываетъ всегда изъ Петербурга, а заѣхала въ магазинъ только взглянуть, нѣтъ ли чего нибудь новенькаго; а когда она уѣхала, m-me Фаме разсказала намъ, что она заказала ей два бальныя платья для дочерей и всегда ей заказываетъ. Послѣ обѣда и на другой день мы съ маменькой ѣздили въ магазины, смотрѣли и кое-что брали. Я выбрала себѣ боа: для визитовъ нужно и при выѣздѣ съ баловъ. Только мы еще не спѣшили нарядами, надо осмотрѣться, и увидимъ, что больше носятъ и другіе. Мы дня три отдыхали, были въ магазинахъ, съ дороги разобрались вещами изъ укладокъ и занимались всѣмъ нужнымъ. У папеньки былъ Александръ Михайлычъ и говорилъ, что до насъ было только еще одно собраніе, и что было довольно; въ одинъ разъ составлялось по восьми кадрилей и до трехъ часовъ танцовали. Онъ говорилъ, что губерискій предводитель очень принимаетъ участіе въ веселостяхъ, и музыкантовъ своихъ для собранія откуда-то выписалъ. Александръ

Digitized by Google

Михайлычъ у насъ обѣдалъ и очень много разсказывалъ, и послѣ обѣда просидѣлъ долго; онъ превеселый человѣкъ и обо всемъ знаетъ. Его всѣ любятъ; папаша и мамаша то же веселы, когда онъ у насъ бываетъ. Мнѣ онъ сказалъ, что его здѣсь уже давно объ насъ спрашивали, скоро ли мы пріѣдемъ. Вечеромъ Александръ Михайлычъ уговорилъ папашу куда-то въ карты играть и вмѣстѣ уѣхали. На другой день утромъ Александръ Михайловичъ опять заходилъ къ намъ и говорилъ, что всѣ уже объ насъ знаютъ, что мы пріѣхали, и спрашиваютъ, отъ-чего мы ни у кого еще не были, и мы съ мамашею поѣхали съ визитами. Я была въ дикомъ шелковомъ платьѣ, что ты знаешь; только оно передѣлано, и лифъ сдѣланъ съ бертой, отдѣланной кружевомъ, и въ палевой шляпкѣ неразрѣзного бархата. Это новенькая, премиленькаго фасона: тулья очень маленькая и поля небольшія и очень прижатыя къ щекамъ, убрана атласными лентами съ премиленькою розою и двумя колосками. Съ первымъ визитомъ мы поѣхали къ губернатору. Губернаторша приняла насъ очень хорошо; она совсѣмъ не гордая и у нея чудесныя манеры. Даже предводительша гораздо гордѣе ея. Губернаторша сказала мамашѣ, что она особенно рада нашему пріѣзду и губернаторъ проводилъ насъ до передней, когда мы уѣзжали. Потомъ были у предводителя, и Елизавета Павловна была очень довольна, и когда мы хотѣли уѣхать, все просила посидѣть. Она говорила про собраніе, что жаль, что прошлый разъ не всѣ были танъ, и что кавалеры иные не танцуютъ даже, когда многія дамы не заняты. Въ гостиной сидѣлъ какой-то молодой человѣкъ во фракѣ, и она сказала ему, что это совсѣмъ не дѣлаетъ имъ чести. Но онъ сказалъ, что онъ, съ своей стороны, всегда танцуетъ, и она намъ отрекомендовала его; это ея двоюродный племянникъ, monsieur Лялинъ; онъ недавно пріѣхалъ. Онъ сказалъ мамашѣ, что уже давно желалъ съ нами познакомиться и спрашивалъ меня, будемъ ли мы въ собраніи. Намъ еще Александръ Михайлычъ говорилъ, что онъ точно прекрасный человѣкъ и что изъ лучшихъ кавалеровъ. Потомъ мы сдѣлали визитъ Трусиковымъ. Настасья Ивановна ужасно пополнѣла, до того, что даже жалуется; а Pauline очень выросла, а всего только годъ, какъ я ея не видала. Она уже съ нынѣшняго года будетъ выѣзжать, и мы уже уговорились, что будемъ вмѣстѣ ходить по собранію, послѣ танцевъ. Она стала очень хорошенькая. У нея бѣлые волосы, глаза голубые, а лицо полное, круглое и бѣленькое, бѣленькое. Мы еще дѣлали визитъ предсѣдателю и другимъ на другой день, но я тебѣ подробно не описываю, потому-что намъ уже карета готова. Мы ѣдемъ въ магазинъ. Сегодня должно быть готово мое платье, и надо выбрать гирлянду на голову, а, можетъ быть, и на платье вздумаю; еще не рѣшилась какъ. Думаю, очень много будетъ въ собраніи, и я тебѣ послѣ напишу. Александръ Михайлычъ у насъ сегодня опять обѣдалъ и все разсказывалъ и шутилъ, что всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ моего появленія на балахъ, и просилъ маменьку, чтобы я не очень наряжалась, что и безъ

Digitized by Google

того уже погибнетъ много сердецъ.... Вотъ какія я глупости пишу къ тебѣ, такъ заболталась. Какъ жаль, что тебя нѣтъ; мы бы вмѣстѣ вездѣ были и послѣ баловъ дома сколько бы наговорились! Однако же, прощай, mon ange, и не скучай. Не забывай до гроба тебя любящую

Nadine.

15-го декабря.

Ma chère Надина!

Наконецъ, я получила твое письмо и обнимаю тебя за него. Когда я читала его, то у меня билось сердце, — такъ живо представлялось мнѣ, какъ вы дѣлали визиты, какъ будете въ собраніи. Ахъ! отъ-чего я не съ тобою! Въ прошломъ письмѣ я писала тебѣ, какъ грустно было мнѣ послѣ твоего отъѣзда. Послѣ того я все скучала; погода ужасная: то снѣгъ, то дождь, вѣтеръ, мятель, и посмотрѣть въ окно, такъ тоска возьметъ! Дороги нѣтъ никакой, а потому никто къ намъ не показывается, и мы все одни. Маменька не здорова и больше лежитъ, а я шью въ пяльцахъ гарусомъ. Узоръ очень миленькій. Онъ изображаетъ мельницу, лугъ и двѣ прехорошенькія дѣвочки въ локонахъ. Одна спитъ на травѣ съ соломенною шляпкою въ рукахъ, а другая въ пунцовомъ корсетѣ пасетъ овецъ и, опершись на посохъ, плететъ вѣнокъ. По вечерамъ не знаю, что и дѣлать; пѣть я не могу, потому-что... не знаю, гдѣ... простудила себѣ горло и оно все еще не много болитъ. Хоть бы ужь зима скорѣй! Кажется, этой несносной осени и конца не будетъ. У насъ вчера пріѣзжалъ разнощикъ, и у него были чудесные товары, и не дорого. Шарфы у него были чудесные, и, представь, одинъ точно такой, какъ твой петербургскій; и цвѣтъ, и полоски по краямъ, и все точь въ точь, какъ на твоемъ. Я выбрала себѣ одинъ шарфъ темный съ букетами, и очень мнѣ нравится. Прощай, моя душа, и, пожалуйста, пиши мнѣ еще. Цалую тебя милліоны разъ, на всегда твоя

Annette.

Читала ли ты «Мечту Сердца», — повѣсть, сочиненія какой-то дамы? Прочти непремѣнно. Я даже плакала, когда читала. Особенно тамъ, гдѣ описывается встрѣча, послѣ того, какъ Ольга уже замужемъ, и вдругъ Владиміръ подходитъ къ ней и ангажируетъ ее; просто невозможно удержаться, — столько тамъ чувства! Я также опять читала «Мечты и Жизнь» — и теперь еще разъ начала «Аббаддонну.» Ахъ, какія тутъ есть мѣста!

22-го декабря.

Моя милая и несравненная Nadine!

Ахъ! еслибъ ты знала! сколько у меня на душѣ! Недавно я тебѣ писала, но сколько должна разсказать теперь! Когда я была одинока

Digitized by Google

и всѣми покинута, лучь жизни освѣтилъ и мое существованіе! Какимъ волненіемъ, какими восторгами наполнилась грудь моя! Но я должна все разсказать тебѣ, моя неоцѣненная, несравненная Nadine! Да, кому же могу изъяснить все, что происходитъ въ душѣ моей, если не тебѣ? Но нужно разсказать тебѣ, что случилось. Въ прошломъ письмѣ я писала тебѣ, какъ скучно проходило время, тѣмъ больше, что за дорогой мы все были одни. Однакоже въ ночь на воскресенье выпалъ снѣгъ, а когда поутру мы встали, былъ ясный, морозный день и санная дорога. Мы съ маменькою поѣхали къ Алексѣю Николаичу; въ тотъ день было Соничкино рожденіе. Мы провели время обыкновенно; но когда мы встали изъ за стола и сидѣли въ гостиной, гдѣ подавали десертъ, вдругъ послышался колокольчикъ. Не знаю, почему, этотъ звукъ невольно заставилъ трепетать мое сердце; ахъ, Nadine, это было предчувствіе! Всѣ бросились въ залу, къ окошкамъ. Мы увидѣли, что къ крыльцу подъѣхала тройка, и изъ саней выскочилъ мужчина въ военной шинели. Всѣмъ показалось, что не-знакомой, и мы опять поспѣшили въ гостиную. Только Алексѣй Николаичъ остался въ залѣ. Вдругъ мы слышимъ, онъ цалуетъ кого-то и громко зоветъ Соничку и Варвару Егоровну. Мы вошли въ залу—и... никогда не забуду этой минуты!... я увидѣла молодого человѣка, черноволосаго, блѣднаго и съ самымъ легкимъ румянцемъ; но я не могу тебѣ выразить все его очарованіе. Соничка бросилась обнимать его. Это былъ ея братъ. Онъ служитъ въ кирасирахъ и неожиданно пріѣхалъ въ отпускъ. Мы провели вмѣстѣ весь день. Вечеромъ играли въ фанты и въ веревочку... о, какъ онъ былъ очарователенъ! Ему еще не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ. Я весь вечеръ не могла насмотрѣться на него. Какая у него восхитительная улыбка, и когда говоритъ, то какъ будто нѣсколько не договариваетъ, и это еще болѣе придаетъ ему прелести. Его зовутъ Аркадій, и вообрази, что я всегда любила это имя. Мы ночевали у Алексѣя Николаича и на другой день уѣхали домой. Ты можешь представить, съ какою печалію оставила я тѣ мѣста, гдѣ былъ онъ. Какъ пусто и скучно показалось мнѣ дома! Съ тѣхъ поръ вся душа моя, всѣ мечты наполнены имъ. Варвара Егоровна обѣщала быть у насъ съ Соничкою и съ *нимъ* сегодня или завтра. Можешь представить съ какимъ нетерпѣніемъ ожидала я нынѣшняго дня. Всю ночь почти не могла заснуть,—такъ билось сердце. Теперь пишу тебѣ, а безпрестанно оставляю перо и смотрю въ окно на дорогу. На деревнѣ показался возокъ; это они! Еслибъ ты только могла почувствовать, что происходитъ во мнѣ! Возокъ приближается, прощай; прощай! Милліонъ разъ цалуетъ тебя безгранично любящая

Annette.

Digitized by Google

28-го декабря.

Ma très chère Annette.

Я еще не успѣла отвѣчать на одно твое письмо и ужь получила другое. Только какая ты проказница! однакоже, я точно вижу, что ты меня любишь, и постараюсь, mon ange, съ своей стороны сообщить тебѣ все, что есть интереснаго. Вчера было собраніе, и было очень много, только началось оно поздно, потому-что всѣ боялись пріѣхать первыми. Я была въ голубомъ тарлатановомъ платьѣ съ туникою, на головѣ у меня была гирлянда изъ бѣлыхъ розъ, съ золотыми листочками, на груди бриллиантовая брошка, и букетъ въ рукахъ. Вечеромъ этотъ нарядъ былъ восторгъ! Мы какъ только вошли, то сейчасъ же подошли къ маменькѣ многіе кавалеры и начали меня ангажировать, и я танцовала всѣ кадрили, кромѣ одного, и тотъ ужь сама захотѣла отдохнуть. И тогда, однакоже, подходитъ Лялинъ и говоритъ, что я очень недобрая, лишаю его счастія танцовать со мной. Мазурку я танцовала съ адъютантомъ Петромъ Александрычемъ Рябининымъ, и все время было очень пріятно, и превеселое было собраніе. Только во время мазурки случилось одно происшествіе. Полина подводитъ ко мнѣ двухъ кавалеровъ и спрашиваетъ. «qu'est-ce qu'il vous plait,— мечту или упоеніе?» Вдругъ въ то время ужаснѣйшій трескъ и какъ будто что-то упало. Только, вообрази себѣ, что это вышло! Это разскочилось кресло подъ Настасьей Ивановной, и она упала на полъ. Тутъ многіе засуетились, чтобы помочь ей. Только Pauline перепугалась, бросила кавалеровъ, кричитъ: маменька! велѣла подать карету, и Настасья Ивановна уѣхала съ Полиною домой. Послѣ этого мазурку уже не продолжали и стали разъѣзжаться. Нельзя не пожалѣть, что съ Настасьей Ивановной такое несчастіе: она прекрасная женщина. Говорятъ, она очень огорчилась, и теперь не здорова, тѣмъ болѣе, что въ это собраніе она въ первый разъ вывезла Полину. Говорили, что кто-то подставилъ ей нарочно такое кресло, и многіе даже не хотѣли послѣ этого быть въ собраніи, но предводитель успокоилъ всѣхъ, что здѣсь ни съ какой стороны не могло быть умысла. Вотъ я разсказала тебѣ здѣшнія новости; что же тебѣ еще написать? Я прочитала ту повѣсть, о которой ты писала. А вѣдь точно, ma chère, бываютъ страсти и даже многіе несчастными чрезъ нихъ дѣлаются. Вотъ вчера былъ у насъ Александръ Михайлычъ и тоже разсказывалъ, когда онъ еще служилъ въ Херсонѣ, то тамъ одна дѣвушка, какой-то хорошей фамиліи и очень воспитанная, влюбилась въ офицера, и до того, что оставила отца и мать, и ушла изъ дому, и послѣ того уже неизвѣстно было, гдѣ она. И вотъ почему маменька всегда говорила правду, что можно любить, только недолжно пристращаться. Adieu, ma chère. Je vous embrasse mille fois и жму твою руку. Pour toujours votre

Nadine.

Digitized by Google

4-го января.

Моя милая Надина!

Ты пишешь, что веселишься и наслаждаешься удовольствіями, а я... ахъ, ma chère, какая противоположность! Но должна ли я тебѣ разсказывать о моихъ страданіяхъ, омрачать твою радость? Нѣтъ! пусть одна, въ своемъ сердцѣ перенесу я всѣ страданія, и никто объ нихъ не узнаетъ, никто не проникнетъ въ мое сердце. Но могу ли скрывать отъ тебя мою душу, передъ тобою затаить свои чувства въ холодномъ молчаніи? — Нѣтъ, это невозможно, и я должна разсказать тебѣ! Помнишь, когда я отослала тебѣ прошедшее письмо,—о, какъ я была тогда счастлива! Могла ли я предчувствовать, что̀ судьба опредѣлила мнѣ! Когда подъѣхалъ возокъ, и маменька вышла со мной въ залу встрѣтить Варвару Егоровну, вмѣсто того, вдругъ входитъ Василій Андрѣичъ, и у меня такъ замерло сердце, что не помню, какъ я съ нимъ раскланялась и какъ ушла изъ залы. Я едва опомнилась въ своей комнатѣ, смотрѣла все на дорогу и все надѣялась, что еще будетъ Варвара Егоровна и что я увижу *его*. Но больше ужь никого не было. Тогда тяжкая скорбь овладѣла моимъ сердцемъ, слезы невольно полились изъ глазъ моихъ; и даже я не знала, какъ сдѣлаться за столъ, когда меня позвали; и хотя я умылась холодной водой, но глаза были такъ красны, что, боюсь, Василій Андрѣичъ замѣтилъ это. Тотчасъ послѣ стола я убѣжала въ свою комнату, гдѣ я могла свободно предаваться своимъ слезамъ, и проплакала весь день. И вообрази, что еще: у нашихъ людей была недавно Варвары Егоровны Марья, и говорила что *онъ* скоро уѣзжаетъ въ полкъ, потому-что его отпускъ только на двадцать восемь дней, а ему еще куда-то надо заѣхать... О, chère Надина, каково же мое положеніе! На дняхъ мы сбирались еще къ Алексѣю Николаичу, но маменька опять почувствовала боль въ ногахъ, и вѣчно же эти ноги! И такъ я его не увижу болѣе. Не увижу! О, ты не можешь чувствовать этого ужаснаго слова. Зачѣмъ же я его встрѣтила, лучше бы никогда не видала его, никогда не знала бы райскихъ, упоительныхъ минутъ, небесныхъ восторговъ. Но нѣтъ, клянусь, я навѣкъ схороню образъ его въ своемъ сердцѣ, ничто не въ силахъ его исторгнуть изъ него, ничто въ мірѣ не можетъ заставить меня забыть о немъ! Да, Надина, ты говоришь правду: страсть можетъ погубить насъ; но мы не властны въ своихъ чувствахъ. Пусть никогда не увижу его, пусть никогда онъ не узнаетъ, какъ пламенна и безгранична любовь моя, но я вѣчно, до гроба сохраню ее. Пиши мнѣ, не забывай меня, Надина. Ты одно утѣшеніе, одно, что осталось мнѣ теперь въ жизни. Прощай, непоказывай никому этого письма. Пусть одна ты знаешь мое сердце.— Обнимаю тебя тысячу разъ. Не забудь страдающую, но вѣчно любящую тебя *Annette*.

Напиши мнѣ кто у васъ бываетъ и съ кѣмъ ты чаще танцуешь, и пожалуйста все, все мнѣ описывай!

Digitized by Google

10-го января.

Ma chère Annette!

Я очень благодарю тебя за твои письма, я такъ люблю тебя и мнѣ очень пріятно узнать о тебѣ. Mais je vous prie, chère Анюта, soyez plus prudente dans vos lettres, et prenez garde, qu'il ne nous arrive quelque accident par votre indiscrétion. Vraiment, je crains que vous ne soyez un peu trop passionée. Soyez donc tranquille, ou au moins soyez sage, je vous en conjure, et j'espère que tout ira bien.

Право, ты проказница, Annette. Не знаю, что тебѣ написать интереснаго, потому-что я, выѣхавши изъ собранія, немножко простудилась и докторъ сказалъ, что нѣсколько дней надо посидѣть, не выѣзжавши; впрочемъ, у предводителя скоро будетъ балъ, и я тогда напишу тебѣ; у него всегда отличные балы. Изъ новостей у насъ только то, что у какого-то здѣсь чиновника жена задушилась. Докторъ, который ее прежде пользовалъ, говорилъ намъ, что у нея бывало помѣшательство, и ей даже иногда воображалось, будто ворона клюетъ у нея голову. Однакоже, иныя обвиняютъ ея мужа, а большею частію думаютъ, что она умертвила себя отъ любви. Александръ Михайлычъ говоритъ также, что она дѣйствительно была влюблена, и онъ даже знаетъ въ кого. Александръ Михайлычъ очень часто бываетъ у насъ, и всегда шутитъ со мной. Послѣ собранія онъ говорилъ мнѣ, что, смотря на меня, искренно благодарилъ Бога, что уже онъ немолодъ, и что уже страсти его умерли, и еще сказалъ, что сердитъ на меня за то, что мазурка погубила одного его хорошаго пріятеля. Мы всѣ смѣялись, и когда маменька спрашивала, кого именно, то Александръ Михайлычъ отвѣчалъ, что никогда не разсказываетъ чужихъ секретовъ, что я сама угадаю, и долго еще шутилъ. Мы къ нему такъ привыкли, какъ будто онъ свой намъ. Вотъ и теперь вѣрно пріѣхалъ, слышу въ гостиной разсказываетъ и смѣется. Онъ точно превеселый и прекрасный человѣкъ. Прощай, мой ангелъ. Je vous embrasse mille fois.

Votre amie fidèle

Nadine.

16-го января.

Chère Надина!

Могла ли я подумать, что ты можешь упрекнуть меня за мои чувства! Ты.... но что же въ цѣломъ мірѣ остается мнѣ послѣ этого? Но нѣтъ, прости этимъ словамъ! Да, ты права: люди не умѣютъ цѣнить и осуждаютъ высокія чувства, и ихъ должно скрывать отъ нихъ. Твоя дружба хочетъ спасти меня, но увы! къ чему, для чего спасать погибшую? Но, клянусь, ты не услышишь отъ меня больше ни слова объ этомъ; пусть судьба узнаетъ, что я молчаливо могу переносить ея удары. Повѣришь ли, что за это время я совершенно изнемогла, и нервы у меня ужасно разстроились. Если ты хочешь знать, какъ я

Digitized by Google

провожу время, то скажу тебѣ, что только пѣніе приноситъ мнѣ отраду, будитъ грустныя мечты мои и печально живитъ мое помертвѣлое сердце. Какъ люблю я этотъ романсъ:

Кого-то нѣтъ, кого-то жаль,
Къ кому-то сердце мчится въ даль....

Когда наступаетъ вечеръ, когда небо покрывается яркими звѣздами, я, смотря на дальній свѣтъ ихъ, сажусь у окна за фортепіано и пою его. Ничто не прерываетъ тогда моихъ безконечныхъ мечтаній; я только опомнюсь, когда сверчокъ вдругъ отзывается въ углу залы. Не знаю, почему, его крикъ наполняетъ тоскою мою душу, и, услышавши его, я не могу пѣть. Ты, можетъ быть, будешь смѣяться, но я скажу тебѣ, что мнѣ приходитъ иногда на мысль, что это какой-то духъ, и въ его крикѣ какъ будто есть радость и насмѣшка надъ моимъ страданіемъ. Тогда я со страхомъ убѣгаю изъ залы и боюсь оглянуться назадъ. Даже когда засыпаю въ своей комнатѣ и мнѣ представится, что послышался его противный крикъ, я вздрагиваю отъ испуга. Съ нѣкотораго времени вообще я что-то предчувствую, боюсь чего-то и часто не могу удержаться отъ слезъ; я очень похудѣла. Василій Андреичъ бываетъ у насъ и говоритъ, что мнѣ нужно разсѣяніе и веселость. Я сказала ему, что мнѣ ихъ не нужно и что я весела. Но онъ сказалъ мнѣ, что я скучна и что онъ это очень чувствуетъ, и рѣшился бы всѣмъ пожертвовать, чтобъ видѣть меня веселою. Я отвѣчала ему, что это зависитъ отъ Бога, и онъ сказалъ, что онъ будетъ Его молить объ этомъ. Вчера у насъ была Катерина Александровна съ Варинькою; послѣ обѣда онъ предложилъ кататься на его лошадяхъ. Я съ Barbe сидѣла въ саняхъ, а Василій Андреичъ сталъ на запяткахъ. Мы мчались по льду, какъ стрѣла, а Василій Андреичъ все кричалъ: пошелъ! Я даже боялась за лошадей и просила скакать потише, но Василій Андреичъ сказалъ, что для моего удовольствія онъ готовъ загнать лошадей. Онъ ужасно добрый, и я тебѣ скажу, что Barbe, кажется, неравнодушна къ нему; она всю дорогу смѣялась. Но хотя онъ прекрасный человѣкъ, а мнѣ кажется, я никогда не могла бы ничего чувствовать къ такому полному мужчинѣ. Прощай, mon ange; Je vous embrasse mille fois. Votre amie éternelle *Annette.*

Отъ Саши Горецкой я получила письмо. Левъ Дмитріевичъ ужь получилъ отставку и весной назначена ея свадьба, но она очень была больна въ горячкѣ.

21-го января.

Ma très chère Annette!

Изъ письма твоего я вижу, что ты точно нездорова и очень жалѣю объ этомъ. Знаешь, ma chère, еслибъ ты уговорила папеньку пріѣ-

Digitized by Google

ѣхать съ тобой сюда хоть на нѣсколько времени; повеселилась бы, потанцовала бы, то вѣрно бы поздоровѣла. Я это знаю по себѣ; если мнѣ нездоровится или взгрустнется, то отъ танцевъ всегда проходитъ, и нашъ докторъ говоритъ, что веселье и моціонъ лучшія лекарства. Ты вѣрно, chère Анета, не ожидаешь, какую новость я скажу тебѣ, и удивишься: я помолвлена за Петра Александрыча Рябинина, который здѣсь адъютантомъ и о которомъ я разъ писала тебѣ. Объ немъ то говорилъ Александръ Михайлычъ, когда шутилъ со мною. Ты, можетъ быть, удивишься, что это такъ неожиданно, но оно уже давно началось, и теперь я могу сказать тебѣ объ этомъ. Петръ Александрычъ все прежде танцовалъ со мной, маманша пригласила его къ намъ въ домъ, и онъ бывалъ у насъ, и черезъ Александра Михайлыча сдѣлалъ предложеніе маменькѣ. Когда маменька меня спросила объ этомъ, то я почувствовала, что Петръ Александрычъ точно мнѣ очень нравится. Теперь мы помолвлены, и я вполнѣ увѣрена, что буду съ нимъ совершенно счастлива. На всѣхъ балахъ я танцую съ нимъ вмѣстѣ, и въ мазуркѣ, въ первой парѣ; мнѣ всегда очень весело. Петръ Александрычъ подарилъ мнѣ много брильянтовыхъ и другихъ дорогихъ вещей, но все это пустяки, а главное—онъ меня ужасно любитъ. Когда онъ пріѣзжаетъ къ намъ и я не тотчасъ выйду къ нему, то онъ всегда спрашиваетъ, не сердита ли я на него, и говоритъ, что это его ужасно безпокоитъ. А когда, разъ какъ-то за службою, онъ не былъ у насъ одинъ день, и я рѣшилась ему показать, что немножко недовольна имъ, то еслибъ ты видѣла, какъ онъ этимъ мучился и какъ онъ былъ радъ, когда я помирилась съ нимъ и позволила ему поцаловать свою руку. Если когда нибудь я покажусь хотя немного недовольною, то онъ самъ не свой, и я иногда дѣлаю это для шутки. Онъ умоляетъ маменьку, чтобы какъ можно скорѣе назначить нашу свадьбу, но многое еще нужно приготовить и я просила маменьку не спѣшить, чтобы изъ Москвы выписать нужное мнѣ. Я начала для Петра Александрыча вышивать гарусомъ портфейль, по чудесному узору. Вчера вечеромъ мы были у вице-губернатора; тамъ очень многіе были и между прочими одна подполковница. Мужъ ея служилъ въ Петербургѣ; она нѣсколько лѣтъ прожила тамъ; она очень образованная дама и прекрасно поетъ, только какъ вчера очень многіе ее слушали, то она едва могла окончить одинъ французскій романсъ,—до того смутилась. Представь же себѣ, Annette, петербургская дама и такъ не привыкла къ обществу! Послѣ того я пѣла, и Петръ Александрычъ говоритъ, что всѣмъ очень понравилось. Тоже тамъ былъ одинъ мужчина изъ Полтавы, который здѣсь проѣздомъ. Онъ пѣлъ одинъ романсъ, слова и музыка своего сочиненія, и все такъ чудесно, что не возможно не удивляться. Петръ Александрычъ говоритъ, что онъ его давно знаетъ, и нельзя не сознаться, что онъ геній, и много сочиненій написалъ, но ничего не хочетъ издавать, а оставляетъ ихъ въ наслѣдство сыну, чтобы напечаталъ послѣ его смерти. Но прощай, ma chère! маменька зоветъ ме-

Digitized by Google

ня; Петръ Александрычъ пріѣхалъ. Сегодня вечеромъ у насъ многіе будутъ; мы проводимъ время очень пріятно; право, попроси папеньку, и пріѣзжайте сюда. Adieu, n'oubliez pas celle qui vous aimede tout son coeur

Nadine.

15-го февраля.

Милая Надина!

Благодарю тебя за извѣстіе и отъ души поздравляю тебя съ твоимъ счастьемъ. Но не грѣхъ ли тебѣ, что ты это скрывала отъ меня, когда я съ тобой всегда такъ во всемъ откровенна! Я даже отъ тебя этого не ожидала; но Богъ съ тобой, что ты такъ скрытна отъ меня. Какъ давно я къ тебѣ не писала! Однако же, этому были важныя причины: въ это время готовилась перемѣна моей жизни. Я могла бы тоже быть съ тобой неоткровенной, но не хочу, и скажу тебѣ, что и ты можешь меня поздравить: я также выхожу замужъ. Ты знаешь, что Василій Андрѣичъ бывалъ у насъ, какъ свой, и онъ сдѣлалъ на мой счетъ предложеніе папенькѣ, и хотя, признаюсь, я этого прежде не ожидала, но рѣшилась согласиться. Ты, однако же, не подумай, что меня принуждали къ тому; папенька мнѣ только совѣтовалъ, а вѣдь когда же нибудь надо выйти замужъ, и оставаться всегда въ дѣвицахъ нельзя. Василій Андрѣичъ прекрасный человѣкъ и такъ меня любитъ, какъ другой, можетъ быть, не любилъ бы меня. Онъ всячески старается развеселить меня, и говоритъ, что угождаетъ мнѣ не такъ только, какъ должно жениху, но что всю жизнь будетъ обо мнѣ заботиться. Я надѣюсь съ нимъ быть счастливой, но мнѣ все что-то нездоровится и грустится иногда. Ахъ, зачѣмъ это намъ должно выходить замужъ! Мнѣ кажется теперь, что я напрасно жаловалась прежде на свою жизнь, а можетъ быть, лучше бы было, если бы можно всегда такъ жить. Сначала я не могла думать спокойно, что выхожу замужъ; часто хотѣлось мнѣ плакать, а слезъ не было. Когда проснусь ночью и вспомню, что я уже невѣста, вдругъ такъ замретъ сердце, и долго не можешь опять заснуть. Даже поутру начнешь молиться Богу и забываешь слова молитвы, и потомъ долго ничего какъ-то не дѣлается и ни за что не можешь взяться. Теперь, однако же, слава Богу, я стала спокойна и привыкла къ своему положенію, хоть иногда все таки сгрустнется. Но ты не подумай, Nadine, чтобы я чувствовала нерасположеніе къ Василью Андрѣичу; право, нѣтъ; но я сама не знаю, отъ-чего все это со мной было. Можетъ быть, нездоровье тому причиной; я точно очень похудѣла. Прощай, chère Nadine. Дай Богъ, чтобъ ты была счастлива всю твою жизнь и чтобъ исполнялись всѣ твои желанія. Пожелай и

Digitized by Google

ты мнѣ того же, если любишь меня, какъ я тебя. Прощай еще разъ, Nadine; милліоны разъ обнимаю и цалую тебя. Вѣчно любящая

Annette.

Я забыла тебѣ сказать, chère Надя: если цѣлы у тебя мои письма, пожалуйста, сожги ихъ. Пожалуйста, не забудь, прошу тебя.

* * *

ОПЫТЪ ВЪ ДРАМѢ — НОВАГО ПОЭТА. Я, новой поэтъ, имѣвшій честь представить въ первомъ нумерѣ «Современника» на судъ публики нѣсколько мелкихъ моихъ стихотвореній, отважился теперь на твореніе болѣе строгое и обширное.... приношу на судъ публики плодъ долговременныхъ трудовъ моихъ и глубокаго изученія. Скажу смѣло: «Доминикино Фети» произведеніе геніяльное, громадное, шекспировское. Однакожъ, на первый разъ не рѣшаюсь печатать его вполнѣ: въ немъ слишкомъ сорокъ тысячъ стиховъ. Странное дѣло! не могу писать коротко, а сократить жаль: свое, родное, вылившееся изъ сердца, при священномъ наитіи вдохновенія!... Читайте и судите!...

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ГРѢЗЫ.

ДОМИНИКИНО ФЕТИ (*)

или

НЕПРИЗНАННЫЙ ГЕНІЙ.

Дѣйствіе I. Выходъ 2.

1609.

Картинная галлерея въ Мантуѣ. Дом. Фети прохаживается по залѣ въ глубокой и многознаменательной задумчивости. На глазахъ его жемчужныя слезы. Вдругъ онъ останавливается, поднимая руки горе, передъ картинами Джуліо Романо.

ФЕТИ.

Гори огнемъ священнымъ сердце,
Гори! мнѣ любо и легко взирать
На дивныя созданія искусства!

(*) Художникъ римской школы, родившійся въ 1589 году и умершій въ 1624. — Сія драматическія грезы требовали обширной эрудиціи. Купно съ выходомъ цѣлой Грезы, мы предоставимъ читателю и необходимыя въ овой примѣчанія и оправданія.

Авторъ.

Digitized by Google

О, Джуліо Романо! О великій мастеръ,
Ты, кистью чародѣйственной владѣя,
Въ красѣ и блескѣ состязался съ небомъ!
Но прахъ, но прахъ передъ твоимъ талантомъ!

(Упадаетъ на колѣни передъ картиной. Черезъ нѣсколько времени встаетъ и отряхается, протираетъ глаза. Холодный потъ льется по его челу. Онъ снова смотритъ на картину, и, преисполнясь восторгомъ, начинаетъ скакать и прыгать, напѣвая:)

О, Романо! о, Романо!
Это диво — не картина,
Чудо мысли, исполненья
Страсти, силы, вдохновенья..
И легко и вмѣстѣ жутко,
Дрожь по тѣлу пробѣгаетъ,
Искры сыплятся изъ глазъ,
И плѣнительные звуки,
Разлетаясь и сплетаясь,
Будто змѣи обвиваютъ
Утлый, бренный мой составъ!
Страшно! Дивная минута!
Тра-ля-ля, Тра-ля-ля
Тра ля-ля, ля-ля-ля-ля!

(Въ изнеможеніи упадаетъ на стулъ. За тѣмъ величественно поднимается и произноситъ медленно и строго:)

Условія искусства глубоки!
И путь его исполненъ бурь и терній.
Художникъ — не ремесленникъ. Онъ долженъ
Прежде всего имѣть запасъ идей и нѣчто,
(сжимая руку въ кулакъ)
Что избраннымъ изъ избранныхъ дается.
Я чувствую: во мнѣ есть это нѣчто....
Въ груди ростетъ зиждительная сила,
По жиламъ вмѣсто крови льется огнь...
Не для земной и мимолетной славы
Я предаюсь великому искусству,
Не для себя, не для людей, — для Бога!
И жизнь моя пойдетъ легко и плавно,
Озарена священнымъ вдохновеньемъ....
Спасибо, Джуліо Романо! Онъ
Мнѣ указалъ мое предназначенье;
Двукратное — и отъ души спасибо
Великому!...

(Во все продолженіе времени, покуда, подъ вліяніемъ художническаго восторга, Доминикино Фети говорилъ, скакалъ и прыгалъ, — въ глубинѣ галлереи стояла, незамѣченная имъ, дѣвушка (Джуліата), съ умиленіемъ взиравшая на него.)

Digitized by Google

АНУНЦІАТА (*про себя*)

Какъ онъ хорошъ сегодня!
Онъ облитъ весь лучами вдохновенья...
И блескъ въ очахъ и горькая улыбка...
(*невольно громко*)
О, Доминикъ!

ФЕТИ (*будто просыпаясь*).

Кто звалъ меня?..
(*Оглядется.. и съ удивленіемъ увидѣвъ Анунціату, подходитъ къ ней робко, съ потупленнымъ взоромъ*).
Анунціата! вы ли? какъ! откуда?..

АНУНЦІАТА (*присѣдая съ застѣнчивостью*).

Сеньоръ художникъ... Боже... извините...
Я здѣсь нечаянно.....

ФЕТИ.

Анунціата!
(*Долгое и краснорѣчивое молчаніе. Лицо Анунціаты постепенно одушевляется, глаза ея начинаютъ сверкать, станъ выпрямляется, правая рука поднимается торжественно. Во всей позѣ что-то пророческое... Она смотритъ на Фети и говоритъ:*)
Великій Боже! что со мною? Я дрожу...
(*громко и сильно:*)
Внимай, внимай пророческому слову;
Изъ устъ моихъ ты слышишь голосъ свыше.
Страшный путь ты избралъ, Фети!
И на избранномъ пути
Для тебя разставятъ сѣти
Злоба, зависть; но идти
Долженъ ты по нимъ, лелѣя
Свѣтлый, чистый идеалъ,
Не ропща и не робѣя;
Богъ тебя сюда призвалъ
Для великаго!..... А люди....
Но ты пиши не для суда мірского;
Безсмысленъ и пристрастенъ судъ людей...
Есть судъ другой — и есть другое слово...
Его-то ты вполнѣ уразумѣй!..
(*Исчезаетъ. — Доминикъ, пораженный сими словами, пребываетъ съ минуту безмолвенъ,— съ опущенной головой. Потомъ поднимаетъ голову, ищетъ глазами Анунціату*).

Д. ФЕТИ.

О, дивное, прекрасное явленье!
О, неземная!... гдѣ ты? Погоди...
Не улетай.... Благодарю, создатель!
Въ ея устахъ Твое звучало слово!...
Мнѣ слышатся еще доселѣ тѣ звуки

Digitized by Google

Гармоніи чистѣйшей!... Какъ свѣтло!...
Какъ хочется мнѣ плакать и молиться!
Какъ грудь кипитъ! какъ сердце шибко бьется,
Рука къ холсту невольно такъ и рвется...
Мой часъ насталъ... Великій, дивный часъ!...
За кисть, за кисть, Доминикино Фети!..

(убѣгаетъ).

Дѣйствіе VII. Выходъ предпослѣдній.

Черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ предшествовавшей сцены. Въ Римѣ, въ мастерской художника.

Фети *(худой и блѣдный пишетъ картину и вдругъ останавливается, мрачно поводя глазами).*

Нѣтъ, кончено, остыло вдохновенье...
Не воротить минувшее мгновенье!...

(толкаетъ ногою станокъ, на которомъ стоитъ картина... Картина падаетъ...)

Прочь съ глазъ моихъ!... Ну, веселитесь, люди!

(рветъ въ бѣшенствѣ кисть, бросаетъ ее и топчетъ ногами...)

Сбирайтеся смотрѣть на мой позоръ....
И вы, завистники, съ змѣиною улыбкой,
Художники! сбирайтеся сюда....
Я изнемогъ!... Довольно.... Нѣту силъ;
Червь внутренній мнѣ сердце источилъ!..
Башмачникъ я, ремесленникъ презрѣнный,
А не художникъ— славой осѣненный!

(хохочетъ дико)

Разбитъ во прахъ мой велелѣпный сонъ!

(задумывается и черезъ минуту)

А сонъ тотъ былъ и чуденъ и прекрасенъ!
Казалось мнѣ тогда, что я возстану
Въ лучахъ, въ вѣнцѣ и въ нестерпимомъ блескѣ,
Величіемъ, какъ ризой, облаченъ
И молніею славы опоясанъ!
Колеблясь подъ куполомъ святымъ,
Я радугу хотѣлъ сорвать съ небесъ;
Съ природою я мыслилъ состязаться,
Пересоздать небесныя свѣтила,
Луну и солнце съ неба перенесть
На полотно. И кистью исполинской
Хаосъ и тьму и адъ изобразить,
На диво, страхъ и трепетъ человѣку!
Я мыслилъ сжать въ одно произведенье
Громадное — всѣ Божіи міры!...

(немного погодя)

Digitized by Google

Искусства царь, въ регаліяхъ моихъ,
Я плавалъ бы надъ міромъ изумленнымъ. —
И на меня, въ нѣмомъ благоговѣньи,
Смотрѣли бъ очи тысячи людей.
И голосъ мой тогда бы съ высоты,
Подобно грому Божьему, раздался:
Люди на колѣни!... Не предо мною, люди....
Предъ искусствомъ!.....
. . . . . А нынѣ что я?...
. . . . . .

(приближаетъ къ себѣ бутылку съ виномъ и указывая на нее)

Вотъ кто теперь единственный мой другъ,
Единственное благо мнѣ дающій —
Забвеніе... *(пьетъ)* Какъ сладко въ душу льется
Живительный и пурпуровый сокъ!
Какъ весело мечтается и пьется!...

(выпиваетъ залпомъ нѣсколько стакановъ вина и по нѣкоторомъ молчаніи)

Что вижу я?... Окрестъ меня собрались
Архистратиги дивные искусства,
Великіе!.... Такъ точно, это онъ
Божественный творецъ «Преображенья»,
И онъ создатель «Страшнаго Суда» —
Сей строгій и суровый Бонаротти....
Вотъ нѣжный, утонченный Гвидо-Рени...
Страдалецъ вдохновенный Цампіери —
Мой геніальный тёзка — также здѣсь....

(еще пьетъ)

И всѣ они съ любовью и съ почтеньемъ
Торжественно взираютъ на меня
И говорятъ: — Достойный нашъ собратъ!
Наполнивъ наши кубки золотые,
Мы чокнемся во здравіе искусства,
Обнимемся — и вмѣстѣ въ путь пойдемъ
Къ сіяющему храму вѣчной славы...
Мы геніи, мы высшіе земли!
Во храмѣ томъ мы съ гордостью воссядемъ
На благовонныхъ лавровыхъ вѣнкахъ, -
Амврозіей хвалебной упиваясь,
И будемъ трактовать лишь объ искусствѣ,
Зане другая рѣчь намъ не прилична...

(Долгое молчаніе)

Опять мечта.... Проклятая мечта!,..
Вы, демоны, смѣетесь надо мною?..
Ну, смѣйтесь, смѣйтесь, — я и самъ смѣюсь...

(ударъ грома)

Сильнѣе, громъ! Тебѣ не заглушить
Стенанія растерзаннаго сердца!..

(другой ударъ сильнѣе)

Digitized by Google

Вотъ такъ! — И то не громко; посильнѣе!...
О, еслибъ мнѣ стихіи покорялись!...
Однимъ ударомъ я бъ разрушилъ міръ
И молніей спалилъ-бы всѣ картины...
Пусть гибнетъ все .. Пощады ничему!
И первое погибни ты, Искусство!..
Искусство вздоръ... Оно на двѣ бутылки —
Вотъ гдѣ оно, искусство...
Страстямъ своимъ отважно предаваться...
Роскошничать — и въ негѣ утопать
Вотъ жизнь! .. И Рафаэль такъ жилъ...
И я....

(Засыпаетъ. Громъ и молнія. Фети спитъ непробудкымъ сномъ. Освѣщенная молніей, блѣдная и худая, съ распущенной косой появляется Анунціата и останавливается передъ спящимъ Фети).

АНУНЦІАТА.

Богохулитель дерзкій!
И это ты, что обѣщалъ такъ много,
Ты, кѣмъ была я нѣкогда горда,
Кому вполнѣ безумно предавалась,
Кѣмъ я жила и страстно упивалась, —
И это ты, мой свѣтлый идеалъ?
Проклятіе! ты дерзостно попралъ
Святыню чувствъ, надеждъ и вдохновеній,
Ты погубилъ въ зародышѣ свой геній,
На полпути къ безсмертію ты палъ!

(Фети просыпается и съ ужасомъ смотритъ на Анунціату).

ФЕТИ.

О, Боже! прочь, ужасное видѣнье...
Анунціата!!... Это страшный сонъ,
Иль совѣсти тревожное явленье;
Я безъ того разбитъ и сокрушонъ....
Анунціата, ты ли?.....

АНУНЦІАТА.

Это я!
Я — казнь, тебѣ ниспосланная свыше!...
А! ты узналъ меня!... Да, это я —
Твоя Анунціата!..... Это я,
Доминикино Фети!... гляди, гляди,
Я мало измѣнилась. Неправда ли?
. . . . . .
Проклятіе, проклятіе тебѣ!

ФЕТИ *(упадая предъ нею на колѣна).*

Не проклинай! Не я, не я, а люди —
Виновники погибели моей!
У ногъ твоихъ позволь мнѣ умереть,
Дай выплакать у ногъ твоихъ прощенье....
Не я, не я — а люди!.....
. . . . . .

Digitized by Google

Довольно!... Кто не признаетъ моего труда геніальнымъ, громаднымъ, шекспировскимъ, кто не станетъ передо мной на колѣни, тотъ не понимаетъ искусства, не понимаетъ!... Самъ же я, повторяю, доволенъ—и преклоняюсь передъ моимъ созданіемъ....

Дивно! сердце не всуе тоска обуяла, когда
Съ милымъ фантазіи чадомъ пришлось разставаться.
Долго тебя я голубилъ въ мечтѣ, какъ святыню;
Много съ тобою безсонныхъ ночей проводилъ я самъ-другъ;
Читалъ, перечитывалъ снова — и купно съ друзьями
Звуками мной порожденными въ сластъ упивался!
Бѣдное чадо мое! Нынѣ идешь ты на судъ кривотолковъ.
Мужайся! Искусство для нихъ не искусство, — игрушка.
Вооружъ безстыдными своими люди тебя оскорбятъ,
Но *прекрасная* участь (повѣрь мнѣ) всегда на землѣ такова!

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Одно изъ самыхъ яркихъ проявленій ученой дѣятельности—собранія ученыхъ обществъ. Не говоря уже о прямой пользѣ для науки, подобныя общества способствуютъ сближенію ученыхъ съ лицами другихъ кружковъ, пробуждаютъ въ нихъ духъ соревнованія и сознаніе собственнаго достоинства. Подойдя подъ общій уровень, сливаясь въ одно цѣлое, какъ свободные члены одного общества, опредѣляясь въ общественномъ мнѣніи высокою цѣлью учрежденія, поставленные лицомъ къ лицу съ людьми чисто практическими и готовыми положить трудъ и капиталъ на осуществленіе предположеній, о которыхъ идетъ свободная, ничѣмъ не стѣсняемая рѣчь, ученые люди обрѣтаютъ здѣсь силу и энергію, которой нельзя искать въ повседневныхъ ихъ занятіяхъ. Въ школѣ ихъ слушаютъ, какъ оракуловъ, половина слушателей охотно, можетъ быть, покидаетъ скамьи аудиторіи для иныхъ наблюденій и изслѣдованій; здѣсь, напротивъ того, взоры всего собранія обращены на нихъ, каждое слово ихъ должно или пробудить всеобщее сочувствіе, или вызвать основательное возраженіе. Тутъ невольно подумаешь объ аристократіи ума и таланта, если только не замѣшается въ тоже время мысль объ застоѣ, исключительности и формализмѣ, которые такъ легко и такъ часто развиваются въ нѣдрахъ ученыхъ обществъ....

Еще не много у насъ такихъ обществъ! Не велика и ученая дѣятельность вообще; но нельзя не согласиться, что съ каждымъ годомъ она усиливается à vue d'oeil, и въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ набралось нѣсколько фактовъ. Мы передадимъ читателямъ, что дѣлала Академія Наукъ, о чемъ разсуждали въ обществахъ географическомъ, минералогическомъ, археологическомъ. — упомянемъ о нѣкоторыхъ уче-

Digitized by Google

ныхъ предпріятіяхъ и открытіяхъ, и поскорѣй перейдемъ къ предметамъ болѣе доступнымъ для читателя....

— 11 января происходило торжественное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ, въ воспоминаніе дня основанія ея, за 122 года (1725 г). Въ присутствіи президента, г. Министра Народнаго Просвѣщенія, г. академикъ П. А. Плетневъ прочелъ обозрѣніе занятій въ минувшемъ году, по отдѣленію русскаго языка и словесности. Г. непремѣнный секретарь И. Н. Фусъ — отчетъ о перемѣнахъ, происшедшихъ въ составѣ академіи и о трудахъ академиковъ, по отдѣленіямъ физико-математическому и историко-филологическому. Академикъ В. Я. Струве отъ имени всѣхъ астрономовъ главной обсерваторіи протестовалъ противъ наименованія, которое Араго хотѣлъ дать новооткрытой планетѣ. Въ заключеніе объявлены были имена вновь избранныхъ членовъ, въ числѣ которыхъ встрѣтили мы члена парижской академіи наукъ, Мильни-Эдварда, знаменитаго нашего профессора Пирогова, князя Оболенскаго (управляющаго главнымъ архивомъ въ Москвѣ), профессоровъ—кёнигсбергскаго университета — Шуберта и берлинскаго — Лахманна.

— 22 сентября Императорское Минералогическое Общество собралось подъ личнымъ предсѣдательствомъ президента А. Н. Демидова. По прочтеніи протокола прошедшаго засѣданія, директоръ общества С. С. Куторга изложилъ вкратцѣ цѣль и результатъ путешествія своего по петербургской губерніи, какъ мѣстности, ближайшей къ намъ, въ геогностическомъ и палеонтологическомъ отношеніи. За тѣмъ г. дѣйствительный членъ П. И. Евреиновъ представилъ обществу образецъ вновь открытаго имъ пирафорическаго сплава платины, съ которымъ и производилъ въ присутствіи гг. членовъ различные опыты. Въ заключеніе засѣданія дѣйствительный членъ М. С. Хатинскій читалъ отрывокъ изъ письма доктора Кеньевиля изъ Парижа, въ которомъ послѣдній сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о вновь открытомъ г. Шёнбейномъ веществѣ, прозрачномъ, какъ стекло, и гибкомъ, какъ бумага.

Въ засѣданіи 6 октября прочтено было, между прочимъ, письмо управляющихъ нижне-тагильскими заводами гг. Данилова и Шведцова объ открытіи ими довольно замѣчательныхъ кусковъ мѣдной руды, показывающихъ постепенный переходъ самородной мѣди въ окисленную мѣдь и въ углекислую мѣдную руду. Девять такихъ кусковъ препровождены были въ даръ общества отъ имени г. предсѣдателя А. Н. Демидова.—Вслѣдъ за тѣмъ г. директоръ С. С. Куторга изложилъ членамъ наблюденія, сдѣланныя имъ надъ наносами петербургской губерніи въ уѣздахъ царскосельскомъ, ямбургскомъ, гдовскомъ и лужскомъ. Послѣ этого секретарь общества Ф. И. Вертъ прочиталъ записку дѣйств. члена Норденшильда о вновь открытомъ близъ Екатеринбурга минералѣ, который онъ предполагаетъ назвать *дифанитомъ*, по причинѣ способности его измѣнять свой цвѣтъ.

Въ засѣданіе 20 октября г. Куторга говорилъ о ландшафтахъ, которые представляетъ петербургская губернія, и о зависимости ихъ

Digitized by Google

отъ геогностическаго строенія почвы ея. За тѣмъ читаны списки книгъ, минераловъ и другихъ предметовъ, принесенныхъ въ даръ обществу частными лицами и разными обществами.

— 13 января происходило во дворцѣ Е. И. В. Герцога Лейхтенбергскаго первое въ нынѣшнемъ году засѣданіе археологическо-нумизматическаго общества подъ личнымъ предсѣдательствомъ Его Высочества. По представленіи Его Высочеству всѣхъ членовъ и прочтеніи протокола послѣдняго засѣданія, вице-президентъ Я. Я. Рейхель читалъ «Дополненіе къ Русской Нумизматикѣ средняго вѣка», а другой вице-президентъ Ф. А. Жиль—описаніе разныхъ любопытныхъ древнихъ доспѣховъ. Въ заключеніе, членъ-учредитель общества П. С. Савельевъ произнесъ рѣчь «О важности изученія Восточной Нумизматики и Археологіи въ Россіи». Послѣ чего представлены были нѣкоторыя приношенія обществу и избраны новые члены.

— Возрастающая дѣятельность русскаго географическаго общества равнымъ образомъ заслуживаетъ полнаго вниманія. 8 января болѣе 50 членовъ собрались въ залѣ Общества, и открыли засѣданіе чтеніемъ краткаго очерка занятій Общества со времени послѣдняго общаго собранія. Изъ числа многихъ предположеній особенно замѣчательно намѣреніе общества разсмотрѣть матеріялы для изученія средней Азіи, находящіеся въ разныхъ архивахъ и въ рукахъ частныхъ лицъ.

Контръ-адмиралъ Врангель представилъ статью «о средствахъ для достиженія полюса»; г. академикъ Кеппенъ занимается составленіемъ этнографической карты европейской Россіи; г. Шегренъ окончилъ отчетъ объ этнографической экспедиціи, совершенной имъ, по порученію общества, въ Лифляндіи и Курляндіи.

Изъ числа подарковъ, полученныхъ обществомъ отъ разныхъ лицъ, заслуживаютъ вниманія: дѣйствительнаго члена общества Е. А. Головина — неизданная карта кавказскаго края въ 1842 году; члена сотрудника Іоакинфа Бичурина—экземпляръ его переводовъ и сочиненій о Китаѣ; дѣйст. чл. В. В. Ханыкова—неизданная статья: «Очеркъ состоянія внутренней киргизской орды», съ картой 1842 года, и карта южнаго Урала 1844 г. Присланная изъ *Березова* отъ тамошняго смотрителя училищъ — космографія XVII столѣтія; особенно интересна, какъ взглядъ русскаго человѣка того времени на европейскій міръ. Въ послѣднее время Общество преимущественно занято было двумя предметами: приготовленіемъ снаряжаемой *Геологическо-Географической экспедиціи на Сѣверный Уралъ* и предположеніемъ *исправить межевые атласы губерній*, чего по мнѣнію г. Струве, всего удобнѣе достигнуть посредствомъ астрономической съемки. Г. почетный членъ общества Министръ Государственныхъ Имуществъ графъ П. Д. Киселевъ объявилъ, что ввѣренное ему министерство будетъ содѣйствовать Обществу своими матеріялами.

Но всего важнѣе было предложеніе г. помощника предсѣдателя Общества, генералъ-адъютанта Литке — допустить въ собраніяхъ общесловесныя разсужденія, которыя способны придать много жизни

Digitized by Google

ученому собранію, давая возможность каждому члену безпрепятственно сообщать свои мысли, не стѣсняясь обязанностью излагать ихъ непремѣнно на бумагѣ и пускать въ ходъ общимъ, канцелярскимъ порядкомъ. Эта новость особенно замѣчательна. Мы радуемся за всякаго живого человѣка, допущеннаго въ сословіе ученыхъ, который безъ сомнѣнія воспользуется новымъ постановленіемъ географическаго общества и своею разумною, увлекательною рѣчью не разъ приведетъ все собраніе въ одному убѣжденію и подвинетъ на благое дѣло!

— Отдѣленіе с.-петербургской Академіи Наукъ по части исторической, филологической и политической, принимая предложеніе г. Куника, поручило своему непремѣнному секретарю, въ сообществѣ перваго, опредѣлить всѣ нужныя матеріальныя средства, форму изданія и пр., для историческаго сборника древне-болгарской литературы. Хотя мы и не принадлежимъ къ сектѣ русскихъ историковъ, придающей слишкомъ большую важность древнимъ Болгарамъ и считающей ихъ, кажется, корнемъ всѣхъ славянскихъ племенъ, но видя, что г. Куникъ въ предложеніи своемъ академіи нисколько не увлекается за предѣлы благоразумія относительно этого предмета, а скромно и дѣльно, какъ должно ученому, говоритъ только о пользѣ, какую можетъ принести подобный сборникъ для совершеннаго изученія лѣтописи Нестора въ филолого-историческомъ отношеніи, — мы не можемъ не порадоваться будущему сборнику, какъ новому матеріялу для разработки русской исторіи. Г. Куникъ, между прочимъ, присовокупилъ, что онъ никакъ не смѣшиваетъ древне-болгарскаго языка съ церковно-славянскимъ и предлагаетъ на первый разъ ограничиться изданіемъ рукописей чисто древне-болгарскаго языка, имѣющихъ историческое значеніе, начавъ съ болгарскаго перевода манассиновой хроники.

Нельзя также не обратить вниманія на благородное стремленіе одного молодого человѣка, Петра Княжескаго, русскаго подданнаго, но по происхожденію Болгара, который, окончивъ курсъ въ одесской духовной семинаріи, отправляется на родину, предназначивъ себя дѣльнымъ занятіямъ составителя и издателя полезныхъ книгъ на болгарскомъ языкѣ, также книгопродавца и собирателя рукописей и пр. Нужную для этого типографію онъ намѣренъ устроить на собственный счетъ и, между прочимъ, просить петербургскую Академію удостоить его чести назначеніемъ его въ ея коммиссіонеры, обѣщаясь сообщать ей въ оригиналѣ или въ копіяхъ свои будущія историческія находки. Академія приняла предложеніе г. Княжескаго и снабдила его нѣкоторыми экземплярами своихъ изданій для начала его библіотеки.

Странно, — однако же это фактъ, — что въ то самое время, какъ иностранцы, временно или вѣчно поселившіеся у насъ въ Россіи, часто выходятъ изъ нашихъ же учебныхъ заведеній, вообще довольно образованными, и, сознавая свое положеніе въ свѣтѣ, устремляются на истинно похвальныя и полезныя цѣли для общества, — наши при-

Digitized by Google

родные Русскіе, принадлежащіе къ недостаточному классу губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ, часто обременяютъ своею судьбою попечительное правительство, дающее имъ службою средства къ пропитанію. Сколько бы могло изъ этого недостаточнаго класса выйти полезныхъ людей, обратись на другія поприща, подобно г. Княжескому?

Исключенія, хотя и рѣдкія, но бываютъ и между Русскими. Такъ надобно упомянуть о г. Михайлѣ Зещиновѣ, посвятившемъ себя изученію даурской флоры. Нѣтъ сомнѣнія, что вообще южныя границы Сибири принесутъ со временемъ богатые дары и ботаникѣ и цвѣтоводству; по крайней мѣрѣ, теперь г. Зещиновъ, ботанизируя въ одномъ только за-нерчинскомъ краѣ, сдѣлалъ уже замѣчательныя находки.

Не распространяясь о похвальной дѣятельности г. Зещинова, потому-что дѣло говоритъ само за себя, и пропуская описанія природы, которою онъ любовался въ своихъ экскурсіяхъ, мы скажемъ только, что ботаническія экскурсіи въ странахъ пустынныхъ требуютъ большого самоотверженія, подвергая слишкомъ часто ботаниста всѣмъ непріятностямъ непогоды и тяжелымъ трудамъ пѣшехода въ непроходимыхъ до него, гористыхъ странахъ,— и потому дѣло г. Зещинова заслуживаетъ полной благодарности.

Выписываемъ изъ извѣщенія г. Зещинова только то, что прямо показываетъ результаты экскурсіи его въ лѣто прошедшаго 1846 года.

Со 2-го по 10-го іюля г. Зещиновъ былъ въ одной экскурсіи за 110 верстъ на югъ отъ Нерчинска, на мѣстахъ, никогда еще не посѣщаемыхъ ботаниками съ самого заселенія ихъ Русскими (съ 1655 года). Отъ 12 — 20 новыхъ незнакомыхъ видовъ растеній, между которыми два орхиса, были плодомъ поисковъ г. Зещинова. Семянъ отъ самыхъ рѣдчайшихъ даурскихъ растеній собрано имъ множество, и 220 родовъ ихъ отправлены въ Петербургъ, по предварительному порученію директора ботаническаго сада. Запасшись луковицами пунцовыхъ лилій и корнями замѣчательныхъ многолѣтнихъ растеній, г. Зещиновъ отнесся въ редакцію Земледѣльческой Газеты о цѣнахъ корней и луковицъ для желающихъ (*).

(*) Вотъ замѣчательныя растенія изъ тѣхъ, которыя любитель можетъ такимъ образомъ выписать: луковицы пунцовыхъ лилій, *Lilium spectabile* и *Lilium tenuifolium*; корни розоваго пахучаго растенія: 1) *Posserina stellera*; 2) *Hyoscuamus Physaloides* или жемъ-синъ даурскій; 3) *Dietamnus fraxinella albus* съ сильно пахучими цвѣтами; 4) синіе большецвѣтные ирисы или *Iris Sibirica*; 5) ирисъ липовый, *Iris dichotoma* (пахучій); 6) піоны бѣлые, *Peonia albiflora*; 7) орхисы *Gymnadenia conopsea* или могущественная рука, съ розовыми пахучими цвѣтками; 8) *Cypripedium* малиновый; 9) окситраписы, малиновый и розовый, пріятно и ярко украшающіе въ іюнѣ мѣсяцѣ даурскія нагорныя равнины; 10) педикуляры: розовый, махровый (ранній) и палевый; 11) Дувыйлоно *Aconitum Napellus*, разцвѣтающій въ полной красотѣ въ глубинѣ даурскихъ ущелій, гдѣ вѣчно находится пріятная прохлада во времена жаровъ; 12) мыкоръ съ бѣлою пушкою ро-

Digitized by Google

— Болѣе 20-ти лѣтъ назадъ, археографъ П. М. Строевъ торжественно обнародовалъ, что источникомъ лѣтописи Нестора была греческая лѣтопись Георгія Амартола: съ тѣхъ поръ тщательно отыскивали подлинникъ этой лѣтописи. Извѣстны были только славянскіе переводы двухъ редакцій—болгарской и сербской; въ нихъ къ лѣтописи Амартола сдѣлано продолженіе по другимъ лѣтописямъ. Ученый Гардтъ, въ изданномъ имъ каталогѣ греческихъ рукописей королевско-баварской библіотеки, говоритъ, что одна изъ нихъ, заключающая лѣтопись Амартола, дополнена лѣтописью Льва Грамматика. Это подало князю Оболенскому мысль сличить дополненіе списковъ болгарскихъ и сербскихъ какъ со Львомъ Грамматикомъ, такъ и съ другими Византійцами, писавшими послѣ Амартола. Между прочими лѣтописями взялъ онъ изъ московской синодальной библіотеки греческую хронику Симеона Логоѳета. Тщательное сличеніе ея съ болгарскими и сербскими кодексами Амартола, а также съ византійскими лѣтописцами, писавшими послѣ Амартола, привело князя Оболенскаго къ несомнѣнному заключенію, что лѣтопись эта есть *греческая хроника Амартола*, совершенно соотвѣтствующая славянскому ея переводу сербской редакціи.

Дѣло въ томъ, что ученый Маттей, при описаніи лѣтописей синодальной библіотеки, ошибочно приписалъ эту лѣтопись Симеону Логоѳету, основываясь на одномъ мѣстѣ, не довольно ясномъ въ греческомъ текстѣ....

— Почтенный О. Іакинѳъ предпринялъ новый историческій трудъ, и мы, не входя здѣсь вовсе въ разбирательство важности для русской исторіи этого труда, спѣшимъ сообщить нашимъ читателямъ эту новость. Замѣтимъ, однакоже, что если бы наши историки разработывали свой предметъ также прилежно и добросовѣстно, какъ О. Іакинѳъ трудится надъ самыми малочисленными племенами Азіи, то имѣли бы не шуточную исторію и не плохіе учебники какъ теперь, потому-что, какъ ни чужды публикѣ труды О. Іакинѳа, собственно по ихъ предмету, но исторія всегда будетъ извлекать изъ этихъ трудовъ ощутительную пользу.

О. Іакинѳъ представилъ въ петербургскую Академію Наукъ для образца начало огромнаго предпринятаго имъ труда, подъ названіемъ: *историческія свѣдѣнія о народахъ, населявшихъ среднюю Азію и южные предѣлы Сибири, отъ древнихъ времень до IX вѣка*. Г. Броссе, которому академія поручала разсмотрѣніе представленія О. Іакинѳа, говоритъ, что ученый нашъ синологъ на сей разъ занялся историческими изысканіями тѣхъ именно странъ средней Азіи, которыя менѣе всего извѣстны и составляютъ на востокѣ границы наши съ Китаемъ. Въ письмѣ своемъ къ непремѣнному секретарю авторъ говоритъ, что

---

lygonum viviporum, растущій по сырымъ долямъ; 13) уругій лиловый и бѣлый *Pylsatilla alba*, разцвѣтающій съ половины апрѣля по сухимъ гороскатамъ, и 14) *Campanula coronata*, голубые колокольчики, высокое растеніе и пр.

Digitized by Google

если академіи угодно будетъ поощрить его труды, считаемые имъ полезными для исторіи и географіи, то онъ готовъ перевести и собрать въ одно цѣлое всѣ свѣдѣнія, заключающіяся въ китайскихъ историкахъ на счетъ племенъ и странъ Малой Бухаріи, малаго Тибета, Татаріи независимой и Татаріи китайской.

Академія, сочувствуя пользѣ труда О. Іакинфа, обѣщала ему, если онъ приметъ нѣкоторыя ея указанія въ руководство, просимое имъ поощреніе, присовокупляя, что учрежденіе демидовскихъ премій обезпечиваетъ ему въ этомъ случаѣ денежное вспомоществованіе въ широкихъ размѣрахъ.

Если открытія и благородныя усилія нѣкоторыхъ ученыхъ, которые не находятъ затрудненія дѣлиться съ обществомъ плодами трудовъ своихъ, — представляютъ отрадное явленіе; если утѣшительно видѣть, что ученое сословіе и правительство остаются не равнодушными къ подобнымъ усиліямъ, — то, конечно, не менѣе важны факты, свидѣтельствующіе о дѣятельности правительства и частныхъ обществъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Особенно важно учрежденіе тѣхъ училищъ, которыя возникаютъ на основаніи вопіющей необходимости и вслѣдствіе сознанія прямой, осязательной пользы, которая должна отъ-того проистечь....

— Императорское Вольное Экономическое Общество, желая открыть новое поприще для полезной дѣятельности дѣтей бѣдныхъ дворянъ, положило перевести свое училище Сельскаго Хозяйства изъ села Марвина, новгородской губерніи, въ Петербургъ и открыть новый курсъ сельскаго хозяйства и вспомогательныхъ наукъ для 30 воспитанниковъ на иждивеніи Общества, собственно изъ дѣтей дворянъ, отъ 14 до 18 лѣтъ, имѣющихъ познанія, соотвѣтствующія курсу уѣздныхъ училищъ. Своекоштными же пансіонерами принимаются дѣти всѣхъ свободныхъ состояній. Цѣль этого учрежденія—*образованіе сельскихъ хозяевъ-управителей*. 9-го января открытъ курсъ ученія въ нанятомъ для училища домѣ Васильева, въ Галерной, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Принца Ольденбургскаго, гг. вице-президента и членовъ Совѣта Общества.

Въ училище принимаются дѣти дворянъ на иждивеніе Общества, которое жертвуетъ болѣе 8,000 руб. сер. ежегодно на этотъ предметъ. Курсъ ученія продолжается четыре года. Ученики получаютъ полное содержаніе — одежду, столъ, учебныя пособія и проч. на счетъ Общества.

Мыслящему человѣку остается радоваться, что такія хорошія дѣла творятся на свѣтѣ.... Сколько молодыхъ людей, которымъ пришлось бы остаться не учеными, «даромъ бременящими землю», получатъ въ новооткрытомъ училищѣ дѣльное образованіе, сдѣлаются людьми спеціяльными, практическими, слѣдовательно, полезными, въ которыхъ такъ нуждается наше отечество.

Другое училище, основанное съ иною цѣлію, но равнымъ образомъ

Digitized by Google

обѣщающее важныя послѣдствія, открыто 20 ноября прошлаго года въ Новороссійскѣ (Суджукъ-Кале) (*) для обученія дѣтей горцевъ.

Мѣстное начальство имѣя въ виду смягченіе нравовъ дикихъ племенъ Кавказа, предположило основать школу для образованія дѣтей племени Черкесовъ, которые бы впослѣдствіи могли способствовать къ очеловѣченію своихъ единоземцевъ, на что и получило разрѣшеніе правительства.

Число воспитанниковъ положено на первый разъ только 25; но съ возрастаніемъ потребности, комплектъ этотъ будетъ увеличиваться. Въ училище принимаются преимущественно дѣти лучшихъ фамилій племени *Адиге*, не моложе 7 и не старше 14 лѣтъ. Маленькіе горцы будутъ жить въ новопостроенномъ каменномъ домѣ, на полномъ казенномъ содержаніи, приноровленномъ какъ можно болѣе къ прежнему образу жизни ихъ въ горныхъ аулахъ. Послѣднее условіе особенно важно и дѣлаетъ честь тому, кто первый призналъ въ соображеніе, какъ трудно сдѣлать ручнымъ дикое дитя ущелій, какъ скоро можетъ оно стосковаться и изныть отъ внезапнаго перехода отъ родной сакли къ заключенію въ каменныхъ стѣнахъ училища. Предметы преподаванія будутъ: коранъ, чтеніе и письмо на турецкомъ языкѣ, начальныя основанія русской грамматики, ариѳметики, исторіи и географіи. Курсъ ученія будетъ продолжаться 4 года. Родственники будутъ допускаться для свиданія съ дѣтьми во всякое время. Тоже важное, необходимое условіе, особливо, когда дѣло идетъ о воспитаніи *Черкеса!* Для преподаванія русскаго и турецкаго языковъ и прочихъ предметовъ ученія опредѣленъ особый учитель, а для чтенія корана свѣдущій мулла. Кромѣ того назначены инспекторъ и директоръ училища, на которыхъ возложено завѣдываніе хозяйственною частью заведенія, надзиратель за поведеніемъ воопитанниковъ, и переводчикъ черкесскаго языка въ видѣ гувернера.

Обходительность и ласковость начальства съ дѣтьми, при открытіи училища, произвели такое выгодное впечатлѣніе на горцевъ, которые тутъ присутствовали, что черезъ нѣсколько времени послѣ принятія шести воспитанниковъ въ Новороссійскъ стали являться и другіе почетные Черкесы съ просьбою о помѣщеніи дѣтей въ училище.

— Двѣ важныя потребности удовлетворены на первое время по крайнему разумѣнію! Но въ сложномъ механизмѣ общества всегда найдутся колеса и рычаги, которые поскрипываютъ и всегда можно отыскать потребность или вовсе не принимаемую въ соображеніе, или удовлѣтворенную въ половину. Невыгоды, проистекающія отъ этого, отзываются иногда не только на одномъ какомъ нибудь классѣ народа, но и на цѣломъ обществѣ. Напримѣръ, какъ часто случается слышать жалобы на грубость и аляповатость издѣлій нашихъ фабрикъ, издѣліи часто добротныхъ и тщательно выработанныхъ. И въ самомъ дѣлѣ: матеріялъ прочный, свѣжій, народу вдоволь, работники смы-

(*) На восточномъ берегу Чернаго моря.

Digitized by Google

шленые, хозяинъ человѣкъ съ деньгами, а товаръ сбывается только на ярмаркахъ и развозится по губернскимъ захолустьямъ. Въ образованномъ классѣ господствуетъ скептическая недовѣрчивость къ русскому клейму и постоянное пристрастіе къ иностраннымъ товарамъ, за которые охотно платятъ въ три-дорога. Въ чемъ же заключается причина такого неблагопріятнаго положенія нашихъ фабрикъ? Между прочимъ въ томъ, что при всѣхъ техническихъ производствахъ у насъ бываетъ задержка и оказываются разнаго рода трудности, которыя не должны бы имѣть мѣста на хорошо организованной мануфактурѣ, единственно отъ-того, что почти всегда оказывается недостатокъ въ мастерахъ, умѣющихъ порядочно чертить, рисовать и нѣсколько знакомыхъ съ ариѳметикой и геометріей. Сколько процентовъ приплачиваетъ каждый изъ насъ на каждой изящной мебели, на каждомъ кускѣ самой необходимой въ общежитіи ткани, не говоря уже о предметахъ роскоши, галантерейныхъ вещахъ и всякого рода objets d'arts иностранной фабрикаціи, единственно за красивый рисунокъ, который набросать можетъ въ полчаса хорошій рисовальщикъ! Другое затрудненіе, можетъ быть и болѣе важное, состоитъ въ томъ, что не умѣя чертить, не зная геометріи, русскому человѣку приходится брать только природною смѣтливостью и потому самому гораздо медленнѣе подвигаться въ своемъ мастерствѣ. Притомъ, онъ почти не въ состояніи объяснить другому работнику сущность дѣла, и до сихъ поръ почти на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ не существуетъ другого способа учить неопытныхъ рабочихъ, какъ предоставлять имъ самимъ *приглядѣться*, какъ старый мастеръ работаетъ, и *перенять* отъ него и мало по малу *наметаться* въ дѣлѣ, долго работая плохо и кое-какъ, тогда какъ, устранивъ эту методу нѣмого перениманья на живое объясненіе устроіства машины и пріемовъ работы, при пособіи чертежа и ариѳметическаго вычисленія, — тотъ же работникъ въ самое короткое время могъ бы сравняться въ искусствѣ съ своимъ учителемъ. Вотъ почему такъ дорого платятъ у насъ иностраннымъ мастерамъ, а свой народъ, понятливый и проворный, сидитъ на скудной платѣ, возится около рабочаго станка, какъ человѣкъ темный, и только сѣтуетъ, что «плохо на свѣтѣ! нѣтъ житья русскому человѣку; все Нѣмцы мѣшаютъ».

Учрежденіе школы, изъ которой бы выходили искусные рисовальщики для фабричныхъ работъ много и очень много можетъ пособить горю. Мысль эта нашла исполнителя. Мы заговорили о русскихъ фабрикахъ и т. д. по поводу выставки картинъ, рисунковъ, лѣпныхъ и гальванопластическихъ работъ, сдѣланныхъ учениками *Второй Рисовальной Школы*. Эта школа основана въ 1825 г. (гр С. Г. Строгановымъ) (*), и въ 1843 г. сдана имъ въ вѣдомство министерства финансовъ. Заведеніе снабжено значительнымъ количествомъ моделей и рисунковъ. Со времени учрежденія по нынѣшій годъ выпущено уже до

(*) На Мясницкой, въ д. машиниста Бутенопа.

Digitized by Google

трехъ сотъ воспитанниковъ, которые получили мѣсто, съ жалованьемъ отъ 200 до 1000 р. сер. въ годъ. Въ ней образовалось около 250 учителей рисованія, черченія и чистописанія, и 20 человѣкъ получили званіе свободныхъ художниковъ Императорской Академіи Художествъ. При этой же школѣ заведены: *женскій классъ*, въ который по 3 раза въ недѣлю собирались дѣвушки безъ различія званій и обучались безплатно рисованію, вышиванію и вязанью, и *гальванопластическое отдѣленіе*, куда принимаютъ учениковъ всякаго возраста. Преподаваніе въ школѣ *безплатно* какъ для учениковъ, такъ и для ученицъ.

Такое учрежденіе отозвалось въ обществѣ: теперь въ Москвѣ считается до 16 рисовальныхъ школъ: при 3-й моск. реальной гимназіи, при 2-мъ моск. уѣздн. училищѣ и при разныхъ фабрикахъ. А что всего лучше, въ сословіи купцовъ и фабрикантовъ усвоивается мало по малу разумное убѣжденіе, *что сбытъ товара, сдѣланнаго и проданнаго какъ нибудь*, не главное дѣло. Татарской формулы «*товаръ лицомъ продать*» придерживаются не многіе. Промышленники начинаютъ принимать въ разсчетъ вкусъ и техническія познанія.

II.

Въ обзорѣ русской литературы за прошлый 1846 годъ, помѣщенномъ въ первой книжкѣ Современника, мы указали только на нѣкоторыя статьи, помѣщенныя въ журналахъ, но о самихъ журналахъ не сказали ни слова. О старыхъ новаго сказать было нечего, а повторять старое было бы и скучно и безполезно. Ихъ характеръ, направленіе, духъ—давно всѣмъ извѣстны. И еслибы который-нибудь изъ нихъ противъ воли потерпѣлъ какое-нибудь существенное измѣненіе въ своемъ внутреннемъ значеніи, всѣми мѣрами усиливаясь, въ то же время, сохранить, хотя внѣшнимъ образомъ, свой прежній характеръ,—вѣроятно, это было бы и безъ нашихъ указаній тотчасъ всѣми замѣчено, и намъ больше, нежели кому-нибудь другому, было бы неумѣстно вмѣшиваться въ какія бы то ни было разбирательства по этому предмету.... О новыхъ или преобразованныхъ журналахъ, долженствовавшихъ появиться въ новомъ 1847 году, мы, естественно, не могли говорить потому, что еще не видали ихъ. Правда, о нѣкоторыхъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторомъ можно было и заранѣе сказать безошибочно, что̀ изъ него выйдетъ, не прибѣгая къ духу пророчества, а только припомнивъ его неоднократныя метаморфозы: но вѣдь это же самое могъ бы сказать о немъ и всякій, стало быть, нечего было и говорить....

Тѣмъ пріятнѣе для насъ, что много хорошаго можемъ мы сказать о преобразованныхъ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ. Мы многаго ожидали отъ этой газеты по ея новой программѣ, въ которой были показаны и новыя матеріяльныя средства редакціи и поименовано мно-

Digitized by Google

го новыхъ сотрудниковъ; но Санктпетербургскія Вѣдомости съ первыхъ же нумеровъ своихъ за нынѣшній годъ превзошли всѣ ожиданія наши. Прежній редакторъ ихъ, г. Очкинъ воспользовался какъ слѣдуетъ новымъ своимъ положеніемъ редактора къ прежнему своему изданію, расширившимъ предѣлы его дѣятельности и давшимъ ему возможность обнаружить въ истинномъ свѣтѣ свои способности для редижированія большою политическою и литературною газетою. Хотя въ ея заглавіи и стоятъ только два эпитета: *политическая* и *литературная* и не стоитъ, какъ въ другихъ газетахъ, *ученая*; но это недостатокъ только заглавія газеты, а не самой газеты, потому-что въ ней публика прочла уже не одну замѣчательную ученую статью. Мы далеки отъ того, чтобы видѣть въ преобразованныхъ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ какое-то чудо совершенства. При сужденіи о какой бы то ни было русской газетѣ, всегда должно брать въ соображеніе, до какой степени простирается у насъ вообще возможность хорошаго изданія въ этомъ родѣ, и до какой степени зависитъ отъ редактора его совершенство. Съ этой точки зрѣнія, немногаго остается желать для улучшенія Санктпетербургскихъ Вѣдомостей, — и, судя по ихъ дебюту, мы убѣждены, что съ этой стороны въ скоромъ времени онѣ не оставятъ ничего больше желать своимъ читателямъ, потому-что уже и теперь Санктпетербургскія Вѣдомости такъ далеко оставили за собою всѣ другія изданія одного съ ними рода, что сдѣлали невозможнымъ всякое сравненіе между собою и ими. Нельзя надивиться довольно богатству и полнотѣ внутреннихъ извѣстій въ каждомъ нумерѣ Санктпетербургскихъ Вѣдомостей. Заграничныя извѣстія, какъ политическія, такъ и частныя, въ нихъ тоже гораздо полнѣе и разнообразнѣе, нежели въ другихъ русскихъ газетахъ, исключая Московскихъ Вѣдомостей. Но помѣщеніе такихъ статей, какъ *Штейнъ и Поццо ди Борго* и *Уголовное судопроизводство во Франціи и Англіи*, уже совершенно выводятъ Санктпетербургскія Вѣдомости изъ-подъ общаго уровня доселѣ бывшихъ и сущихъ газетъ россійскихъ. *Взятіе Азова*, любопытная статья г. Устрялова, вѣроятно не останется единственною ученою статьею въ годовомъ изданіи газеты.

Фельетонъ составляетъ существенную принадлежность всякой газеты. Къ сожалѣнію, фельетонъ у насъ пока еще невозможенъ. Что такое фельетонъ? Это болтунъ, повидимому добродушный и искренній, но въ самомъ дѣлѣ часто злой и злорѣчивый, который все знаетъ, все видитъ, обо многомъ не говоритъ, но высказываетъ рѣшительно все, колетъ эпиграммою и намекомъ, увлекаетъ и живымъ словомъ ума и погремушкою шутки.... Гдѣ жъ ужиться съ фельетономъ русской публикѣ, которая такъ церемонна, серьёзна, чопорна, съ такимъ избыткомъ одарена великодушною готовностію благопристойно скучать, такъ уважаетъ, даже вчужѣ, благонамѣренную наружность? Отъ того нашъ русскій фельетонъ, какъ и нашъ русскій водевиль, такъ приторенъ въ своихъ любезностяхъ, такъ скученъ и вялъ въ своемъ остроуміи, а гла-

Digitized by Google

иное—такъ мало изобрѣтателенъ на предметы разговора! Бѣдняжка вѣчно начинаетъ или съ того, что въ Петербургѣ всегда дурная погода, или съ того, какъ трудно ему, фельетонисту, писать по заказу, когда вовсе не о чемъ писать, а въ головѣ пусто.... Вотъ тутъ-то, въ припадкѣ фельетоннаго отчаянія, желая быть остроумнымъ, во что бы ни стало, восклицаетъ онъ иногда: «Зачѣмъ у насъ такъ много полу-плохихъ журналовъ, а не одинъ хорошій журналъ?» На что зѣвающій читатель можетъ отвѣтить ему: «Скажите-ка лучше, зачѣмъ всѣ ваши фельетоны такъ положительно-плохи; что бы вамъ написать хоть одинъ порядочный?»....

Но Санктпетербургскія Вѣдомости умѣли перещеголять другія русскія газеты даже и со стороны фельетона. Если фельетонныя статьи въ нихъ и не одинаковаго достоинства, зато между ними нѣтъ такихъ, которыя могли бы компрометировать газету, а съ нею и всю русскую литературу. Очень выгодно для Санктпетербургскихъ Вѣдомостей то обстоятельство, что у нихъ, по множеству сотрудниковъ, и фельетоны пишутся разными лицами, которыя говорятъ въ нихъ о русской литературѣ, о русскомъ и французскомъ театрѣ, объ италіянской оперѣ въ Петербургѣ и тому подобныхъ немногихъ предметахъ русскаго и петербургскаго міра; но никогда не говорятъ о себѣ, о своей любви къ правдѣ, и что всѣ ихъ за нее гонятъ, о гибели чистоты русскаго языка литераторами чужого прихода, и тому подобныхъ пошлостяхъ, которыя уже давно вышли изъ вѣры, давно всѣмъ наскучили и опротивѣли.... Нѣкоторые фельетоны Санктпетербургскихъ Вѣдомостей даже очень интересны, особенно подписанные именемъ г. Губера и буквами: Э. И. Въ нихъ высказывается много дѣльнаго, и притомъ такъ умно, ловко, живо. Правда, между всѣмъ этимъ попадаются мнѣнія, съ которыми вы, можетъ быть, никакъ не согласитесь, но которыхъ тѣмъ не менѣе вы не можете не уважать, которыя—что всего важнѣе—вы можете оспоривать, не боясь вдаться въ такъ называемую полемику.... Такимъ образомъ, фельетонъ г. Губера: *Русская литература въ 1846 году*, помѣщенный въ 4 № Санктпетербургскихъ Вѣдомостей, возбудилъ въ насъ желаніе сдѣлать на него нѣсколько замѣтокъ.

Говорить о современной русской литературѣ, значитъ говорить о такъ называемой *натуральной школѣ* и о такъ-называемыхъ *славянофилахъ*, ибо это самыя характеристическія явленія современной русской литературы, внѣ которыхъ нѣтъ на Руси никакой литературы. Г. Губеръ о нихъ и говоритъ. Приговоръ его славянофиламъ нѣсколько строгъ и односторонекъ. Съ одной стороны, онъ очень справедливо сравниваетъ славянофильскую партію въ Россіи съ романтическою партіею въ Германіи, стоявшею за средніе вѣка и тевтонизмъ и ненавидѣвшею Францію и все французское; кромѣ ратованія за мертвое начало, между обѣими этими партіями, русскою и нѣмецкою, есть еще то общее, что онѣ не имѣютъ важнаго значенія внѣ литературнаго, книжнаго міра. Но съ другой стороны, г. Губеръ не со-

Digitized by Google

всѣмъ правъ, видя въ нашихъ славянофилахъ не больше, какъ «защитниковъ бороды и кафтана». Правда, между славянофилами есть и такіе; но въ какой же партіи нѣтъ людей, которые своею ограниченностію дѣлаютъ смѣшною свою партію? Однакожъ, по нѣкоторымъ не слѣдуетъ заключать обо всѣхъ. Еще менѣе правъ г Губеръ, говоря, что «эта славянская партія составляетъ неотъемлемое достояніе Москвы» и что «въ Петербургѣ совсѣмъ другое дѣло» что-де «тутъ молодое поколѣніе силится опрокинуть старый порядокъ русской литературы» и пр. Нѣтъ, это не такъ. Правда, въ Москвѣ много славянофиловъ, но меньше ли ихъ и въ Петербургѣ? Этотъ вопросъ неизбѣжно влечетъ за собою другой: покойный *Маякъ* менѣе ли *Москвитянина* былъ выразителемъ ультра-славянофильскихъ понятій, или болѣе? А вѣдь *Маякъ* издавался не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ, и наполнялся преимущественно трудами живущихъ въ Петербургѣ литераторовъ. Съ другой стороны, въ Москвѣ не мало живетъ ученыхъ и литераторовъ, нисколько не принадлежащихъ къ славянофильской партіи. Укажемъ, для примѣра, на гг. Искандера, Грановскаго, Кавелина, Соловьева, Рѣдькина, Корша, Рулье.... Скажемъ болѣе: молодое поколѣніе, на которое такъ горько жалуется г. Губеръ за то, что «оно силится опрокинуть старый порядокъ русской литературы», это молодое поколѣніе совсѣмъ не туземное въ отношеніи къ Петербургу: оно переѣхало въ Петербургъ изъ Москвы....

Но главный предметъ статьи г. Губера составляетъ такъ называемая натуральная школа русской литературы и критики, которую онъ, однакоже, называетъ литературою и критикою молодого поколѣнія — что̀ не совсѣмъ вѣрно, ибо если молодыя поколѣнія всѣ на сторонѣ этой школы, то въ числѣ дѣятелей этой школы есть уже люди, изъ которыхъ одни подвигаются къ своимъ сороковымъ годамъ, а другіе уже и перешли за нихъ.... Вообще, наши литераторы какъ-то долго считаются молодыми людьми, а потомъ какъ-то вдругъ поверстываются въ разрядъ старыхъ... Говоря о натуральной школѣ, г. Губеръ ясно показываетъ, что самъ онъ, по своимъ убѣжденіямъ, не принадлежитъ ни къ ней, ни къ противоположной ей, и ни къ какой другой литературной котеріи, и что, слѣдовательно, онъ человѣкъ безъ предубѣжденій и предразсудковъ, человѣкъ безпристрастный. Дѣйствительно, мало сочувствуя натуральной школѣ, онъ тѣмъ не менѣе смотритъ на нее безъ всякой враждебности, обвиняя ее за ея недостатки, отдаетъ полную справедливость ея заслугамъ, а—главное—весьма благородно защищаетъ ее отъ несправедливыхъ нареканій и навѣтовъ ожесточенныхъ враговъ ея. Все это хорошо; но совсѣмъ этимъ г. Губеръ не рѣшилъ вопроса, даже не подвинулъ его впередъ и нисколько не выполнилъ своей роли посредника и примирителя. Есть два способа оставаться безпристрастнымъ среди тревожныхъ волненій партіи. Первый состоитъ въ томъ, чтобы безпристрастно видѣть всѣ стороны, дурныя и хорошія, чуждыхъ партій, а самому все-таки оставаться вѣрнымъ своему убѣжденію, и, слѣдовательно, оставаться вѣрнымъ

Digitized by Google

своей партіи, если это убѣжденіе раздѣляется другими (а что же въ немъ дѣльнаго, если оно никѣмъ не раздѣляется?) Второй (и самый надежный, самый вѣрный, самый легкій) способъ быть безпристрастнымъ состоитъ въ томъ, чтобы кое въ чемъ соглашаясь и кое въ чемъ не соглашаясь съ тѣмъ и другимъ, самому не имѣть никакого опредѣленнаго мнѣнія, никакого постояннаго убѣжденія. Такого рода «безпристрастные» люди, не способные принадлежать ни къ какой партіи, иначе называются равнодушными, или *индифферентами*. Не принадлежать къ партіи можетъ только геній, и то потому, что онъ самъ—знамя, подъ сѣнь котораго не замедлитъ стать огромная партія. Претензія не принадлежать къ партіи всегда совпадаетъ съ претензіею одному видѣть ясно безусловную истину, на которую всѣ другіе смотрятъ сквозь тусклыя очки парціальныхъ пристрастій; но чистая, безусловная истина есть только логическій абстрактъ: всякая *живая* истина всегда носитъ на себѣ отпечатокъ временнаго, условнаго.

Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы видѣть въ г. Губерѣ безпристрастнаго зрителя борьбы, который тѣмъ больше видитъ, чѣмъ меньше принимаетъ участія въ борьбѣ; но въ то же время мы должны сказать, что тщетно отыскивали въ его статьяхъ того, что называется началомъ, принципомъ, взглядомъ, образомъ мыслей, наконецъ, убѣжденіемъ. У него есть мнѣнія, но до того личныя, что онѣ больше на своемъ мѣстѣ въ частномъ разговорѣ, нежели въ печати. Никакъ нельзя понять, чего онъ держится. Только что заговоритъ онъ о чемъ-нибудь положительно, и обрадованный читатель думаетъ добраться до какого-нибудь вывода, какъ авторъ тотчасъ же отступается отъ своего мнѣнія и идетъ дальше, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что хотя шелъ онъ не мало и не близко, а не дошелъ ни до чего.... Начнемъ сначала.

«Прежде поэзія космополитомъ обходила города и села, распѣвая сладкія пѣсни и чуждаясь соприкосновенія съ ежедневною жизнію; она расхаживала, не причастная тому, что творилось кругомъ, строгая муза, неприступная жрица, съ важнымъ праздничнымъ лицомъ; она облекалась въ *воскресныя* (?) одежды и *служила* чистую, неподкупную *службу* своей единственной богинѣ — красотѣ».

Несмотря на то, что эти строки прочли мы 4 января, 1847 года въ первый разъ въ нашей жизни, намъ показалось, что мы давно знаемъ ихъ наизустъ: таково, впрочемъ, свойство всѣхъ общихъ реторическихъ мѣстъ.... Право, пора бы перестать воспоминать о какомъ-то чистомъ и абстрактномъ искусствѣ, котораго никогда и нигдѣ не бывало. Пора перестать думать, что можно возвысить искусство, представляя его то какимъ-то бродягою, безъ дома и отечества, то цыганкою, то прелестницею не изъ денегъ, а по страсти къ ремеслу.... Да гдѣ и когда было такое искусство? Искусство древнихъ Грековъ ближе всякаго искусства къ мірѣ подходитъ къ идеалу чистаго, независимаго отъ дѣйствительной жизни искусства; но при всемъ

Digitized by Google

этомъ, укажите мнѣ на какое-нибудь другое искусство, которое бы съ такою полнотою, глубокостію и многостороннostію выразило въ себѣ всѣ элементы религіозной, политической, государственной, гражданской и частной жизни Эллиновъ.... Поэтому-то, не имѣя понятія объ исторической и внутренней жизни этого народа, нельзя понимать и его поэзіи. Уже нечего и говорить о какомъ-нибудь Аристофанѣ, на каждый стихъ котораго необходимо по сотнѣ комментарій, чтобы понимать его; не далеко уйдете вы и въ пониманіи другихъ поэтовъ Греціи, если ученымъ образомъ не ознакомитесь съ ихъ жизнію, которая была источникомъ ихъ поэзіи. А этого бы совсѣмъ не нужно въ отношеніи къ чистой, безусловной поэзіи, которая паритъ горѣ, считая для себя за униженіе знать, что дѣлается долу.... Изъ писателей новаго міра, рыцари небывалаго чистаго искусства обыкновенно съ торжествомъ указываютъ на Гёте; но тутъ-то они, сверхъ всякаго съ ихъ стороны чаянія, находятъ орудіе противъ себя, а не за себя.... Правда, Гёте, по особенному свойству, возможному и понятному только въ нѣмецкой натурѣ, оставался равнодушнымъ къ политическимъ вопросамъ въ самое обильное великими политическими событіями время; согласны съ г. Губеромъ, что «какъ человѣкъ и какъ Нѣмецъ, Гёте былъ не правъ»; но не можемъ согласиться, чтобы какъ поэтъ, какъ художникъ, Гёте, въ этомъ случаѣ, хоть сколько-нибудь подходилъ подъ идеалъ безукоризненнаго жреца абстрактнаго искусства. Въ Гёте должно отличать человѣка отъ художника: Гёте былъ великій художникъ, но человѣкъ онъ былъ самый обыкновенный.... Не искусство, а его личный характеръ заставляли его вѣчно тереться между сильными земли, жить и дышать милостынею ихъ улыбокъ, равно какъ и оказывать самое холодное невниманіе ко всему, что не касалось до него лично, что могло возмутить его юпитеровское, говоря поэтически, и эгоистическое, говоря прозаически, спокойствіе. И потому, равнодушіе Гёте къ живымъ вопросамъ современной ему исторіи не имѣетъ ничего общаго съ искусствомъ: искусство и не думало обязывать его, въ свою пользу, безнравственнымъ равнодушіемъ такого рода. Но тѣмъ не менѣе, Гёте, какъ художникъ, какъ поэтъ, былъ вполнѣ сыномъ своей страны, своего вѣка, вполнѣ выразилъ собою если не всѣ, то многія изъ существеннѣйшихъ сторонъ современной ему дѣйствительности. Это доказывается его отвращеніемъ ко всему отвлеченному, туманному, мистическому, ко всякой, какъ называетъ ее г. Губеръ, «нездѣшней» поэзіи. Это же доказывается его стремленіемъ ко всему простому, ясному, опредѣленному, здѣшнему, земному, дѣйствительному, реальному, положительному; его страстнымъ сочувствіемъ природѣ, которое не только отразилось пантеистическимъ міросозерцаніемъ въ его поэзіи, но еще и выразилось съ его стороны великими услугами въ области естествознанія, какъ науки. Какъ при этомъ не вспомнить о его живой симпатіи къ древнему міру, среди всеобщаго стремленія къ варварскимъ среднимъ вѣкамъ, откуда поэзія выносила только невѣ-

Digitized by Google

жественныя идеи да уродливые образы? И вотъ причина, почему теперь, въ наше время, скептическій, холодный Гёте, въ самой Германіи, въ такомъ же содержаніи пріобрѣтаетъ себѣ новыхъ читателей и почитателей, въ какомъ пламенный и рыцарственно-благородный Шиллеръ теряетъ ихъ со дня на день.... Да, въ лицѣ Гёте искусство служило жизни, или, лучше сказать, выражало жизнь; онъ не могъ бы сдѣлать его вспомогательнымъ орудіемъ для какой-нибудь эфемерной партіи, но весь геній свой отдалъ онъ на помощь великой партіи великаго вѣка...

Объяснивши посвоему, что съ Гёте должно было кончиться такъ-называемое космополитическое искусство (котораго нигдѣ и никогда не существовало), г. Губеръ показываетъ необходимость послѣдовавшаго за тѣмъ переворота во всѣхъ европейскихъ литературахъ, а вслѣдъ за ними и въ русской. Тутъ мимоходомъ у него сказано много очень хорошаго о гармоніи, тишинѣ и примиреніи, какъ условіяхъ процвѣтанія искусства. Г. Губеръ смотритъ на этотъ предметъ глазами отживающихъ теперь свой вѣкъ нѣмецкихъ эстетикъ. Для него жизнь есть покой и сонъ, а не движеніе, не борьба; онъ не догадывается, что примиреніе въ искусствѣ совершается черезъ обобщеніе явленія, черезъ возведеніе его въ идею, но что въ дѣйствительности примиреніе царствуетъ только въ сонныхъ городахъ бюргерской Германіи....

Но вотъ мы, наконецъ, у главнаго пункта нашего возраженія. Сближеніе русской литературы съ дѣйствительностію выразилось, по словамъ г. Губера, въ появленіи «литературы чиновниковъ». Послушаемъ самого г. Губера:

«Всѣ эти новыя произведенія, сближающія литературу съ дѣйствительною жизнію и прославляемыя критикою, ограничиваются до сихъ поръ изображеніемъ мелкихъ чиновниковъ; отъ этого происходитъ утомительное однообразіе въ содержаніи нашихъ повѣстей и романовъ. *Нѣтъ сомнѣнія, что чиновники, во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ, составляютъ любопытное явленіе въ нашей дѣйствительной жизни; правда, что многія другія стороны ея не подлежатъ анализу литератора*; но повторять всегда одно и тоже, находить въ этомъ однообразномъ содержаніи единственное спасеніе литературы, осудить ее на такое скудное направленіе, значитъ не понимать современныхъ требованій искусства. Истинный художникъ, поэтъ или прозаикъ, призванный временемъ и дарованіемъ на великую службу мысли, не покоритъ своихъ убѣжденій, своего вдохновенія такому тѣсному условію. Онъ останется вѣренъ характеру и направленію времени, онъ будетъ сочувствовать всѣмъ его движеніямъ и нуждамъ; на немъ отразятся его борьба, его надежды, язвы и страданія; но вдохновеніе его не станетъ боязливо искать условнаго содержанія; сегодня оно выражается въ явленіи дѣйствительнаго міра, а завтра въ старинномъ преданіи, сегодня герой его называется Кузьмой или Прохоромъ, а завтра Неровомъ, или Калигулой; сегодня онъ является чиновникомъ четырнадцатаго класса, а завтра Титаномъ греческой миѳологіи. Въ мысли художника отразится его сочувствіе къ современному направленію, а не въ оболочкѣ этой мысли.

. . . . . .

Digitized by Google

«Недостатокъ этой молодой литературы состоитъ не въ томъ, что она пишетъ о чиновникахъ, а въ томъ, что она ничего другаго не пишетъ; не въ томъ, что она выставляетъ грязныя стороны жизни, а въ томъ, что она еще не возвысилась ни до единой изъ чистыхъ ея сторонъ. Въ доказательство же, что и то и другое возможно, стоитъ только указать на произведенія Лермонтова или графа Соллогуба.

Не понимаемъ, какъ подобныя строки могли выйти изъ-подъ пера человѣка съ такимъ умомъ и образованіемъ какъ г. Губеръ! Парадоксъ на парадоксѣ, и каждый опровергнутъ самимъ же авторомъ! Сказать, что «многія другія стороны нашей дѣйствительности не подлежатъ анализу литератора»—и въ тоже время преважно, т. е. нисколько не шутя, обвинять литературу, какъ въ важномъ преступленіи, въ томъ, что она, кромѣ чиновниковъ, ничѣмъ не занимается: не значитъ ли это шутить надъ здравымъ смысломъ читателей?... И притомъ, не совсѣмъ правда, будто новая литература занимается только чиновникомъ: хоть и рѣже, но иногда касается она и помѣщика, и купца, и мѣщанина, и крестьянина....

А вотъ теперь Министерство Государственныхъ Имуществъ объявило конкурсъ на сочиненіе книгъ какъ касающихся до быта простого народа, такъ и для чтенія этому простому народу По этому поводу намъ пришла въ голову слѣдующая мысль: еслибы наша литература до сихъ поръ возилась все съ Неронами, Калигулами да Титанами, а не съ Кузьмами и Прохорами четырнадцатаго класса, — можно ли было бы призвать ее на такое великое дѣло, какъ сочиненіе книгъ для народа?...

Но г. Губеръ не имѣетъ ничего общаго съ людьми, которые начисто запрещаютъ литературѣ заниматься чиновниками; онъ только обвиняетъ ее за то, что она ими занимается одними, тогда какъ можно бы ей было позаняться и другимъ чѣмъ-нибудь, какъ это доказываютъ сочиненія Лермонтова и графа Соллогуба.... Какъ, г. Губеръ, такъ новая литература, въ лицѣ Лермонтова и графа Соллогуба, умѣла же находить предметы для своихъ занятій и внѣ чиновническаго міра?... Такъ за что же вы обвиняете ее, бѣдную «новую литературу»?... Но зачѣмъ и теперь всѣ не слѣдуютъ примѣру Лермонтова и графа Соллогуба? — Не мудрено отвѣчать на подобный вопросъ, если только вы намѣрены были сдѣлать его. Слѣдовать за Лермонтовымъ никому не слѣдуетъ. Что же касается до графа Соллогуба, то ему, вѣроятно, потому никто не слѣдуетъ, почему онъ никому не слѣдуетъ, кромѣ того однакожъ, кто создалъ эту новую литературу, и кому всѣ болѣе или менѣе слѣдуютъ.... Что же до Нероновъ, Калигулъ и Титановъ — кто же мѣшаетъ кому изображать ихъ въ стихахъ и въ прозѣ? И развѣ не дѣлали этого — Марлинскій въ повѣстяхъ, г. Тимофеевъ — въ мистеріяхъ? Развѣ г. Бернетъ не написалъ *Графа Меца*? А сколько прошло передъ глазами нашими и скрылось навсегда романовъ въ родѣ *Призрака*, *Непостижимой* и т. п.? Сколько г. Кукольникъ написалъ, съ одной стороны, итальянскихъ повѣстей и

Digitized by Google

драмъ, а съ другой — русскихъ повѣстей и драмъ? А драмы Полевого и г. Ободовскаго? Куда все это скрылось? Изъ всего этого, еще только русскія повѣсти г. Кукольника менѣе пострадали отъ забвенія, и то по причинѣ болѣе юмористическаго, нежели трагическаго ихъ характера. Какое слѣдствіе можно вывести изъ всего этого? А вотъ какое: хороши Нероны, Калигулы и Титаны Байрона, Гёте, даже Пушкина и Лермонтова; но куда плохи и невыносимы эти образы у талантовъ третьяго разряда, дарованій средней руки. Послѣдніе очень умно дѣлаютъ, что кромѣ чиновниковъ ни о чемъ писать не хотятъ. Даже посредственная повѣсть съ чиновниками можетъ имѣть свою цѣну, хотя на время, но посредственная поэма съ Нерономъ, Калигулою или Титанами — вещь нестерпимо скучная и пошлая. Изъ этого, однакожъ не слѣдуетъ, чтобы для изображенія дѣйствительной жизни со всѣми даже пошлыми и грязными сторонами ея требовалось меньше таланта или генія, нежели на изображеніе какихъ-нибудь идеальныхъ міровъ: изъ этого слѣдуетъ только, что маленькимъ талантамъ лучше держаться того, что̀ у нихъ передъ глазами и что̀ имъ по плечу, нежели того, что̀ такъ далеко отъ нихъ и такъ выше ихъ силъ. Такъ вотъ отъ-чего, къ общей радости, писатели наши оставили въ покоѣ Нероновъ, Калигулъ и Титановъ, предпочтя имъ Кузьму да Прохора... Это означаетъ совершеннолѣтіе: только ребенокъ хватается за труды не по силамъ....

Положимъ, что современная русская литература идетъ не большою столбовою дорогою, а проселочною; но если это единственная дорога существующая для нея, неужели же вы обвините ее, что она предпочла лучше идти проселочнымъ путемъ, нежели вовсе не идти ни по какой дорогѣ,— вы, которые такъ хорошо знаете, что̀ подлежитъ и что̀ не подлежитъ анализу литератора?... Мы даже думаемъ, что литература наша дѣлаетъ больше, нежели сколько можно отъ нея требовать. Теперешній путь ея не блестящъ, но проченъ и полезенъ. Знакомя общество съ самимъ собою, т. е. развивая въ немъ самосознаніе, она удовлетворяетъ его главнѣйшей и важнѣйшей въ настоящую минуту потребности. Этого она не могла бы достигать съ Нероками, Калигулами и Титанами, которыхъ наше общество рѣшительно не хочетъ знать. Никто не станетъ спорить противъ того, что *Египетскія ночи*, *Галубь*, *Каменный Гость* — великія художественныя созданія. Но потому-то и существуютъ они у насъ только для слишкомъ немногаго числа истинныхъ знатоковъ искусства; большинство же рѣшительно предпочитаетъ имъ произведенія, равныя имъ по художественному достоинству, но изображающія нашу дѣйствительность, какъ она есть, какъ напр., *Мертвыя Души*.

Новая критика съ гордостію можетъ сказать, что и она способствовала этому направленію новой литературы; но чтобы она произвела, или — что̀ еще преувеличеннѣе — чтобы она одна произвела его: думать такъ, значило бы возвышать ее не по заслугамъ. А меж-

Digitized by Google

ду тѣмъ, ея противники (обыкновенно писатели, не имѣвшіе особеннаго успѣха) въ этомъ и упрекаютъ ее. Настоящее время особенно неблагопріятно исключительному владычеству какой-нибудь литературной партіи, потому-что публика наша уже совсѣмъ не та, какою была она лѣтъ пятнадцать назадъ; она соглашается съ тѣмъ, что̀ находитъ справедливымъ, но на̀ слово не вѣритъ никому. Отъ этого теперь ни одинъ журналъ не можетъ пристрастными нападками повредить успѣху никакого дарованія, никакой книги, равно какъ и доставить успѣхъ посредственности или бездарности. Говорятъ, будто журналы убили теперь книгу, такъ что «отдѣльныя книги гостятъ въ магазинахъ или нищенствуютъ въ библіотекахъ для чтенія; литераторъ, который рѣшается на особенное изданіе своего произведенія, не любитъ говорить о томъ, сколько экземпляровъ онъ напечаталъ и сколько ихъ разошлось». Это рѣшительная неправда, которую ничего нѣтъ легче какъ доказать фактами. Нейдутъ теперь только стихотворенія, и то потому, что публика не хочетъ знать стихотвореній, которыя не то, чтобы хороши, не то, чтобы плохи, а такъ себѣ — не дурны.... Теперь у насъ довольно стихотворцевъ не безъ таланта, да та бѣда, что трудно отличать стихотворенія одного отъ стихотвореній другого, — такъ похожи онѣ другъ на друга....

Но критика, говоритъ г. Губеръ, виновата тѣмъ, что, усиливаясь сблизить литературу съ жизнію, выражается сама дикимъ, непонятнымъ языкомъ. Это старая нападка на употребленіе извѣстныхъ терминовъ и словъ. Но что̀ жъ дѣлать, если со временъ Петра Великаго языкъ нашъ пестрѣетъ иностранными словами? Видно это нужно? Вѣдь критика не фельетонъ, и ей приходится часто говорить объ идеяхъ, для выраженія которыхъ у насъ нѣтъ словъ въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ. Но теперь подобный упрекъ критикѣ едва ли не анахронизмъ, и едва ли въ этомъ отношеніи можно безъ несправедливости упрекнуть ее въ томъ, въ чемъ справедливо упрекали ее лѣтъ восемь назадъ тому. Зато, если вѣрить врагамъ критики, она часто убиваетъ таланты то неумѣренною бранью, то неумѣренными похвалами. Но прежде всего, господа, съ умысла или безъ умысла дѣляетъ она это? Если съ умысла, нельзя не пожалѣть, что такая низкая и презрѣнная критика пользуется такою силою и такимъ вліяніемъ. Но это, къ счастію, невозможно: такая критика всегда безсильна и никого убивать не въ состояніи. Если же она дѣлаетъ это безъ умысла: зачто же хотите вы лишить ее права ошибаться? Право, вы ужь черезчуръ уважаете ее и хотите въ ней видѣть что-то непогрѣшительное, что-то такое, что̀ выше человѣческой природы Какъ на самую умилительную и самую недавнюю жертву критики, г. Губеръ указываетъ на автора *Бѣдныхъ Людей*.

«Новая критика (говоритъ онъ) жадно ухватилась за эту книгу, разсыпалась въ восторженныхъ похвалахъ, пожаловала молодаго литератора въ геніи первой степени и вознесла его на такую высоту, на которой поневолѣ голова закружит-

Digitized by Google

ся, что и случилось на самомъ дѣлѣ; промахи, простительные въ первомъ произведеніи, сдѣлались грубыми ошибками во второмъ; недостатки выросли; что было сперва однообразно, потомъ сдѣлалось скучно до утомленія, и только немногіе, прилежные читатели, да и тѣ по обязанности, прочитали до конца *господина Голядкина* и *Прохарчина*. Это горькая, но чистая правда, которая должна была опечалить человѣка съ такимъ рѣшительнымъ дарованіемъ, какъ г. Достоевскій. И кто знаетъ, на сколько виновата въ этихъ неудачахъ неосторожная критика юнаго поколѣнія? Кто знаетъ, какое вліяніе имѣла она на развитіе молодаго, сильнаго, но еще шаткаго, незрѣлаго дарованія?»

Вотъ ужь подлинно съ больной-то головы да на здоровую! Вѣроятно, г. фельетонисту не совсѣмъ пріятно будетъ узнать, что самые факты обращаютъ его грозное обвиненіе ни во что: *юная критика*, на которую онъ мѣтитъ и которая, по его словамъ, превознесла автора *Бѣдныхъ Людей* на головокружительную высоту, явилась въ печати ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ *Двойникъ (Приключенія господина Голядкина)* былъ уже напечатанъ. Слѣдовательно, автору *Бѣдныхъ Людей* не было никакой возможности испортить своей второй повѣсти вслѣдствіе головокруженія отъ похвалъ первой.... Мы и теперь считаемъ г. Достоевскаго человѣкомъ съ рѣшительнымъ талантомъ, и на основаніи этого-то мнѣнія и думаемъ, что ни похвала, ни брань не можетъ имѣть на него никакого вліянія; въ противномъ же случаѣ, мы считали бы этотъ талантъ и нерѣшительнымъ и ничтожнымъ.... И стоитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, обращать какое-нибудь вниманіе на талантъ, который можетъ быть убитъ похвалою или порицаніемъ критики? Когда появился Пушкинъ, его неумѣренно захваливали и неумѣренно забранивали; а онъ все-таки шелъ своею дорогою и всегда оставался вѣренъ своему поэтическому инстинкту, даже иногда вопреки убѣжденіямъ своего собственнаго ума. Безъ этого инстинкта нѣтъ художника, и лишенный его талантъ такъ ничтоженъ, что чѣмъ скорѣе изъ него ничего не выйдетъ, тѣмъ лучше для литературы и публики. Дѣтски-неосновательное мнѣніе, будто критика можетъ убивать таланты, захваливая или забранивая ихъ, сохранилось у насъ до сихъ поръ отъ той аркадской эпохи нашей литературы, когда она тонула вся въ слезахъ и вздохахъ чувствительныхъ писателей.... Теперь подобное мнѣніе смѣшно и дико....

Въ прошломъ 1846 году изъ адресъ-календаря русской литературы выбыло нѣсколько почетныхъ именъ. Февраля 22 умеръ въ Москвѣ извѣстный драматическій писатель князь Александръ Александровичъ Шаховской, на 73 году отъ рожденія. Марта 22 умеръ въ Петербургѣ Николай Алексѣевичъ Полевой, на 50 году отъ рожденія. Декабря 26 скончался въ Москвѣ извѣстный на Руси поэтъ Николай Михайловичъ Языковъ, на 40 году отъ рожденія. Хотя всѣ эти писатели умерли въ такое время или въ такихъ обстоятельствахъ своей жизни, что литературѣ отъ нихъ уже нѣчего было болѣе ожидать, но все-таки это скорбныя утраты для общества. Полевой умеръ, едва доживши до

Digitized by Google

старости, а Языковъ — едва переживши пору молодости. Неожиданное извѣстіе о смерти замѣчательнаго человѣка какъ-то особенно тяжело ложится на душу.... И не мудрено: кромѣ сочувствія и уваженія, какими подобные люди всегда пользуются въ обществѣ, ихъ возрастомъ измѣряются возрасты цѣлыхъ поколѣній....

Языковъ пользовался на Руси извѣстностію и даже славою, какія даются слишкомъ немногимъ талантамъ. Чтобы понять это явленіе, надобно было бы представить живую картину той эпохи русской литературы, на смѣну которой явился Пушкинъ съ своими сподвижниками. Но какъ ни мѣсто, ни время не позволяютъ намъ вдаваться въ такія подробности, то мы скажемъ коротко, что то была эпоха рабскаго подражанія немногимъ признаннымъ образцамъ. Никто не смѣлъ быть оригинальнымъ; каждый имѣлъ право насиловать языкъ въ грамматическомъ отношеніи, дѣлать, подъ видомъ *поэтическихъ вольностей*, самыя чудовищныя усѣченія, писать самыми дубовыми стишищами; но никто не смѣлъ употребить выраженія или слова, не употребленнаго уже однимъ изъ признанныхъ образцовъ. Поэзія тогда поучала, и если позволяла себѣ иногда воспѣвать что-нибудь живое, то не иначе, какъ шуточнымъ тономъ. Пушкинъ своимъ появленіемъ нарушилъ этотъ глубокой сонъ нашей литературы, и литературные старовѣры встрѣтили его, какъ еретика и раскольника въ искусствѣ. Естественно, что въ томъ, что̀ называлось тогда литературною дерзостью, послѣдователи Пушкина пошли дальше своего учителя. Изъ нихъ всѣхъ замѣтнѣе былъ Языковъ какъ своимъ бойкимъ, искристымъ, звонкимъ и блестящимъ стихомъ, такъ и направленіемъ своей поэзіи, которая въ сущности была ни чѣмъ инымъ, какъ поэзіею *нѣмецкаго буршества*. Она воспѣвала и высокій трудъ науки, и будущее гражданское призваніе студента, и преданія отечественной старины, и дѣву-вдохновительницу свѣтлыхъ мыслей, и дѣву-соблазнительницу, и шипучее искрометное вино, и молодыя, безумныя оргіи сладострастія и пьянства. Все это было тогда такъ ново и такъ неотразимо-увлекательно для молодежи, и она была безъ ума отъ удалыхъ стиховъ Языкова.... Многіе изъ людей того поколѣнія ставили его наравнѣ съ Пушкинымъ, другіе даже выше его.... Никому въ голову не входило, что, при неотъемлемыхъ достоинствахъ поэзіи Языкова, въ ней былъ и весьма важный недостатокъ — отсутствіе искренности, другими словами: она не была тѣмъ, чѣмъ сама себя искренно считала.... Изъ буршества ничего не можетъ выйти кромѣ филистерства, потому именно, что разгулъ нѣмецкаго бурша есть не выраженіе бьющей черезъ край волнующейся жизни, а слѣдствіе принципа. Нѣмецъ говоритъ себѣ: въ молодости надо быть молодымъ, т. е. учиться, пить и драться, — и онъ рѣшается быть молодымъ до тридцати лѣтъ; провожая послѣдній день своего 30 года, онъ въ послѣдній разъ напивается мертвецки, и поутру встаетъ уже степеннымъ филистеромъ. Вотъ отчего Нѣмецъ не успѣваетъ быть ни человѣкомъ, ни гражданиномъ: вся жизнь его правильно раздѣлена на буршенство и филистерство.

Digitized by Google

Поэзія Языкова не была выраженіемъ его жизни. Отъ-того вино только шипитъ и пѣнится въ его стихахъ, но не охмѣляетъ, а дѣва-соблазнительница —

То играло сновидѣнье,
Безтѣлесная мечта!

Поэзія Языкова всегда жила принципомъ, всегда ладила съ головою, а на сердце только ссылалась. Чувствуя однообразіе мотивовъ своего вдохновенія, Языковъ началъ обѣщать бросить «праздныя забавы,» перестать бражничать и приняться за важныя дѣла. Но это обѣщаніе скоро обратилось въ общее мѣсто его поэзіи. Между тѣмъ, Пушкина не стало, страсть къ стихамъ начала въ публикѣ смѣняться страстью къ прозѣ, во всемъ чувствовался рѣзкій переломъ, литература явно брала новое направленіе. Стихи Языкова являлись все рѣже и рѣже. Наконецъ, съ 1841 года, въ Москвѣ начался издаваться журналъ *Москвитянинъ*, въ которомъ Языковъ вновь началъ являться съ своими стихотвореніями. Въ нихъ уже не было прежняго стиха, но еще были прежнія замашки. Къ этому присоединилось славянофильское направленіе, котораго Языковъ захотѣлъ быть поэтическимъ органомъ. Такъ всегда поэзія этого человѣка была выраженіемъ выбраннаго сознательно принципа. Но ничего нѣтъ хуже, когда поэтъ дѣлается отголоскомъ какой-нибудь партіи: его удѣлъ доводить до смѣшного ученіе, которое ему навязано. Такъ и было съ Языковымъ. Послѣднее время его поэтической дѣятельности было грустною эпохою совершеннаго паденія его таланта.

Но въ началѣ своего поэтическаго поприща Языковъ оказалъ большія услуги русскому языку, русскому стиху и, отчасти, русской поэзіи. Имя его, конечно, переживетъ его труды и займетъ почетное мѣсто въ исторіи русской литературы. Таково наше мнѣніе о Языковѣ.

Укажемъ теперь на слѣдующій замѣчательный фактъ: Въ ноябрской книжкѣ одного журнала за 1846 годъ былъ помѣщенъ отзывъ объ извѣстной статьѣ г. Маслова *Жаръ и Жатва Хлѣба*, въ которомъ отдана справедливость по крайней мѣрѣ чувству, побудившему г. Маслова къ написанію статьи. И что же? въ первой книжкѣ за нынѣшній годъ того же самаго журнала появилась статья, въ которой смѣются надъ статьею г. Маслова со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, преимущественно филантропической.... Авторъ этой статьи имѣлъ смѣлость подписать подъ нею свое имя, которое теперь должно пріобрѣсти себѣ огромную извѣстность.... Удерживаясь отъ всякихъ сужденій объ этой статьѣ: она сама за себя говоритъ громко и, подобно извѣстнымъ поступкамъ, сама въ себѣ носитъ судъ свой.... Замѣтимъ только, что въ статьѣ г. Маслову вмѣняется въ преступленіе то, что онъ говоритъ о печальномъ положеніи только рабочихъ женщинъ во время жаровъ жатвы, а не говоритъ ни слова о тѣхъ, которыя во время зимнихъ морозовъ полощутъ въ прорубяхъ рѣкъ

Digitized by Google

бѣлье и т. п. Вотъ это — логика! Докторъ указалъ на новую болѣзнь, описалъ ея признаки и даже предложилъ, въ видѣ опыта, лекарства противъ нея. Вы думаете, что этотъ докторъ пріобрѣлъ право на общую признательность! Ничуть не бывало: не хвалить, а бранить его должно за то, что, указавши на одну новую болѣзнь, не указалъ онъ на тысячи другихъ.... Кому такая логика покажется немного странною, тѣхъ отсылаемъ къ журналу, въ которомъ помѣщена статья, — и кстати, пусть они сами рѣшатъ: кто пріобрѣлъ себѣ больше чести и славы, авторъ ли, написавшій эту знаменитую статью, или журналъ, рѣшившійся напечатать ее?

III.

Въ «письмѣ изъ Парижа», помѣщенномъ въ этой книжкѣ, подробно и живо представлена картина парижской жизни въ настоящую минуту. Въ дополненіе помѣщаемъ еще нѣсколько заграничныхъ извѣстій.

По смерти г. Ройэ-Коллара — главы французскихъ доктринеровъ, біографію котораго мы вскорѣ надѣемся помѣстить въ нашемъ журналѣ, — кресло его во французской академіи занялъ краснорѣчивый г. Шарль де Ремюза одинъ изъ членовъ министерства 1840 года. Среди многочисленнаго и блистательнаго собранія г. Шарль де Ремюза произнесъ рѣчь, въ которой, по заведенному обычаю, прославлялъ своего предшественника. Рѣчи эти, усыпанныя риторическими цвѣтами и комплиментами въ честь покойниковъ, бываютъ обыкновенно очень забавны; однако, въ рѣчи г. де Ремюза встрѣчаются мысли не дурныя, и хоть не новыя, но дѣльныя. Вотъ, что сказалъ онъ, между прочимъ, въ окончаніи рѣчи своей:

«Человѣкъ, при всей своей силѣ, не всегда можетъ бороться съ препятствіями, которыя встрѣчаются ему на пути жизни — и его разумъ необходимъ ему въ борьбѣ съ волею другихъ людей и съ собственными его страстями... Какъ-бы ни была окрылена душа наша, мы все-таки ногами прикасаемся къ землѣ. Одно убѣжденіе, одна истина можетъ поддерживать и руководствовать насъ въ этой борьбѣ.... Въ городѣ, въ которомъ въ высшей степени процвѣтали нѣкогда политика и искусства, въ этомъ городѣ человѣкъ съ дивнымъ геніемъ и умомъ ѣдко-насмѣшливымъ, вдохновенный ученикъ мудрѣйшаго изъ гражданъ въ остроумнѣйшемъ народѣ, — Платонъ сказалъ: «Покуда политическое могущество и философія не подадутъ руки другъ другу, до тѣхъ поръ ничѣмъ нельзя отвратить бѣдствій, подъ гнетомъ которыхъ сокрушаются государства, — бѣдствій, отъ которыхъ страждетъ человѣчество.

«И неужели истина эта имѣетъ значеніе только у стѣнъ Акрополиса? неужели только въ отчизнѣ Фидія и Софокла, въ городѣ, спасенномъ Ѳемистокломъ, въ городѣ, въ которомъ владычествовалъ Периклъ, можно было думать, что ловкость, искусство, таланты недостаточны для управленія міромъ, и что для этого надобно непремѣнно философіи, то есть, разумной любви къ истинному и благому?..

Digitized by Google

Нѣтъ, политика должна идти дружно съ философіей во всѣ времена и у всѣхъ народовъ.... Философъ, витающій въ отвлеченныхъ сферахъ и не знающій дѣйствительности вѣчно будетъ предаваться мечтамъ, или заблужденіямъ. Творецъ идеаловъ которыхъ нѣтъ возможности осуществить, разъединенный съ обществомъ, онъ истомится въ праздныхъ и безплодныхъ созерцаніяхъ, — и истина въ рукахъ его будетъ только безполезною и дорогою игрушкою.

Кромѣ г. Ройэ-Коллара, французская академія понесла недавно еще потерю.... Смерть похитила одного изъ членовъ этой академіи — знаменитаго г. Жуи.... Кѣмъ замѣстить его кресло? Академія въ страшномъ волненіи. Кандидатовъ нѣтъ.

Что намъ дѣлать? восклицаютъ академики въ отчаяніи. — Откуда взять намъ кандидата? Ни одинъ министръ, ни одинъ перъ Франціи, даже ни одинъ геній не является. Это непостижимо! это ужасно!...

Академики рыскаютъ теперь по всему Парижу и отыскиваютъ кандидата.... Они ласкаютъ Дюма, они пріятно улыбаются Альфреду Мюссе, они кланяются до земли г. Евгенію Сю.... О, позоръ! до какого униженія дошла эта нѣкогда гордая и недоступная академія, до какого страшнаго униженія! — Г. Сенъ Бёвъ предлагаетъ Ламене и Беранже... Но какіе это кандидаты?... Кто-то предлагалъ даже Бальзака, но противъ Бальзака рѣшительно вооружились всѣ, исключая г.г. Ламартина и Виктора Гюго.... Бѣдная академія!.. И въ ту минуту, когда 39 безсмертныхъ обратили привѣтливые взоры свои на г. Дюма, — съ нимъ приключилась маленькая непріятность. Г. Дюма въ маѣ, 1845 года, заключилъ контрактъ на 5 лѣтъ съ двумя газетами: *Presse* и *Constitutionnel*, въ силу котораго онъ обязывался поставлять въ эти газеты ежегодно по 9 томовъ романовъ и ничего уже не печатать въ другихъ изданіяхъ. Но г. Дюма вѣроятно по слабости человѣческой натуры и по страсти къ любостяжанію, нарушилъ данное имъ условіе и печаталъ свои сочиненія въ *Patrie*, *Siècle* и *l'Esprit publique*. — *Presse* и *Constitutionnel* пришли въ справедливое негодованіе и завели процессъ съ г. Дюма и съ издателями этихъ трехъ газетъ, требуя за нарушеніе контракта 10,000 франковъ съ г. Дюма и по 10,000 франковъ съ издателей трехъ газетъ. Но адвокатъ *Patrie* объявилъ, что г. Дюма заключилъ гораздо прежде условіе съ этою газетою, по которому онъ обязывался поставить въ нее два романа (9 частей и 25,000 строчекъ) и что, слѣдовательно, *Patrie* имѣетъ полное право печатать сочиненія г. Дюма, ибо онъ доселѣ не выполнилъ своего условія. Авдокатъ *Siècle* съ своей стороны объяснилъ, что г. Дюма подрядился еще въ 1842 году поставить въ *Siècle* 105,000 строчекъ и также не выполнилъ свои условія, почему и *Siècle* имѣетъ полное право печатать романы г. Дюма. — Чѣмъ кончится этотъ запутанный процессъ, еще неизвѣстно. Ожидаютъ объясненія отъ самого г. Дюма.... Кажется, ему придется усилить свою фабрику; иначе онъ долженъ будетъ объявить себя несостоятельнымъ....

Нынѣшній сезонъ въ Парижѣ не слишкомъ блистателенъ. Причиною этому наводненія, бунты, голодъ.... Ни у кого нѣтъ денегъ; пра-

Digitized by Google

вительство тратитъ милліоны для закупки иностраннаго хлѣба. При такихъ обстоятельствахъ, совѣмъ не до танцевъ:.. Впрочемъ, несмотря на это, самый высшій классъ все таки веселится.... Балы въ Тюльери, говорятъ, не отличаются слишкомъ избраннымъ обществомъ, но за то вечера герцога Немурскаго, который придерживается этикета вѣка Людовика XIV, удивительны, — на эти вечера попадаютъ только избраннѣйшіе изъ избранныхъ.... Балы герцогини де Гальера (la duchesse de Galiera), въ салонѣ которой собираются *сливки* парижскаго общества, отличаются неслыханнымъ великолѣпіемъ и роскошью. Надобно замѣтить, что г-жа де Гальера, — старшая дочь сардинскаго посланника маркиза Бриньоль-Саль (Brignole-Sales), древность рода котораго въ прямомъ смыслѣ возносится до небесъ, ибо благородный маркизъ имѣетъ завидное право гордиться тѣмъ, что происходитъ отъ св. Франсуа де Саль.... Недавно на одномъ изъ баловъ г-жи де Гальера, который удостоенъ былъ посѣщеніемъ герцога Немурскаго, случилось ужасное несчастіе—пожаръ, какъ на балѣ князя Шварценберга по случаю бракосочетанія Наполеона съ Маріей Луизой.... Можно себѣ представить, каково было бѣднымъ гостямъ.... Крикъ, шумъ, суматоха.... Великолѣпныя дамы падаютъ полумертвыя на руки своихъ кавалеровъ — и неустрашимые кавалеры на рукахъ выносятъ ихъ изъ отеля.... Пожарная команда является въ своихъ мѣдныхъ каскахъ, съ огромными топорами.... Рѣки воды льются по паркету.... Черезъ четверть часа пожаръ былъ однако прекращенъ. Угрожала только одна опасность задохнуться отъ дыма. Благородная герцогиня — хозяйка дома, и супругъ ея сохранили во все время необычайное присутствіе духа и обнаруживали удивительную распорядительность. Оркестръ не замолкалъ ни на минуту. Каково было музыкантамъ!... Но сколько траги-комическихъ сценъ было въ этой суматохѣ!... Теперь всѣ слѣды пожара изглажены, и г-жа Гальера открыла, говорятъ, снова свои салоны 29 января, въ день, въ который католическая церковь празднуетъ память св. Франсуа де Саль, ея предка....

Отъ баловъ перейдемъ къ музыкальнымъ новостямъ. Этотъ переходъ очень легокъ и натураленъ.

Музыкальныхъ новостей въ Парижѣ много. Во-первыхъ, роскошно поставленной на сценѣ Большой Оперы россиніевскій *Роберто Брюсъ*, составленный, какъ говорятъ, изъ отрывковъ его прежнихъ оперъ, въ особенности изъ Donna del Lago.... Первое представленіе этой оперы, на которомъ присутствовали всѣ принцы, ознаменовалось замѣчательнымъ происшествіемъ. Клакеры какъ-то весьма неудачно рукоплескали примадоннѣ г-жѣ Штольцъ, которая въ это представленіе была больна и потому пѣла дурно...: Раздалось шиканье очень смѣлое и выразительное. Это взбѣсило пѣвицу. Она перестала пѣть, нѣсколько разъ въ порывѣ негодованія прошлась по сценѣ, и потомъ, подойдя къ рампѣ, разорвала свой носовой платокъ пополамъ, и бросивъ его на сцену, закричала: «Я не понимаю, какъ можно до такой степени оскорблять женщину!»... Происшествіе это сильно взволнова-

Digitized by Google

ло Парижъ, но г-жа Штольцъ напечатала письмо во всѣхъ газетахъ, въ которомъ объясняла, что причиной негодованія ея, котораго она не въ силахъ была сдержать, были оскорбительныя для нея слова, дошедшія до ея слуха изъ партера. Какъ бы то ни было, все это забыто теперь — и г-жа Штольцъ по прежнему пользуется благоволѣніемъ своей публики....

Фелисьянъ Давидъ оканчиваетъ своего *Христофора Колумба*. Шопенъ издалъ два удивительные ноктурна, которые, по увѣренію Виконта Шарль-де-Лоне, или г-жи Жирарденъ, не возможно слушать безъ волненія. И мы этому нисколько не удивляемся, потому-что знаемъ геніяльность Шопеня.

Музыкальнымъ альбомамъ на 1847 годъ нѣтъ числа. Въ особенности журналы хвалятъ альбомы г-жи Лемуанъ (Л. Пюже), Е. Арно, г-на Клаписсона и г-жи Викторіи Араго. Романсы ея, говорятъ, необыкновенно милы и граціозны.

Кстати о романсахъ. Г. Жюль-Жаненъ издаетъ свои литературные романсы, подъ заглавіемъ *Зимнія Симфоніи* (Symphonie d'hiver).... Вѣроятно, г. Жаненъ воображаетъ, что его фельетонная проза очень музыкальна.

Въ Лондонѣ на Королевскомъ театрѣ ставится *Силезскій Лагерь* (Camp de Silésie) г. Мейербера... Тамъ же, носятся слухи, будетъ дана опера Мендельсона Бартольди «Докторъ», либретто которой взято изъ Шекспировой «Бури», и опера Верди — изъ разбойниковъ Шиллера.

— Вотъ еще новость, занимающая въ сію минуту Парижъ. — Тамъ появился недавно какой-то г. Жюльенъ (Julien), физіономанъ, прозванный *столицымъ* (l'homme aux cent visages), *единственный въ своемъ родѣ*. Этотъ столицый господинъ съ удивительною вѣрностью воспроизводитъ всѣ типы изъ «Парижскихъ Таинствъ» г. Сю, начиная съ *Шуеттъ* до добряка *Пипеле*, и кромѣ того выражаетъ всѣвозможныя человѣческія страсти по Лафатеру....

— Королева испанская, по случаю бракосочетанія своего, подарила г. Гизо картину Мюрилло, представляющую св. Іоанна Крестителя, и портреты — свой и Инфанты Маріи Луизы, герцогини Монпасіерской. Надъ картиной Мюрилло слѣдующая надпись: *Offert à Mr. Guizot, ministre des affaires étrangères de France, par S. M. C. donna Isabella secunda.*

— Король баварскій заложилъ зданіе новой *пинакотеки*, или картинной галлереи. Вотъ что произнесъ Его Величество, при этомъ случаѣ:

«Это зданіе посвящается искусству нашего времени и искусству временъ грядущихъ. Высокая живопись совсѣмъ было исчезла, какъ вдругъ въ началѣ нашего вѣка она снова возродилась въ Германіи, подобно фениксу изъ пепла, и вмѣстѣ съ тѣмъ и другія искусства начали процвѣтать самымъ блистательнымъ образомъ. — На искусство не должно смотрѣть какъ на безполезную роскошь: нѣтъ! они должны проникнуть въ жизнь народовъ. Мои художники составляютъ

Digitized by Google

мою радость, и я горжусь ими. Между тѣмъ, какъ время разрушаетъ труды и усилія государственныхъ людей, труды истинныхъ художниковъ остаются безсмертными и всегда высоко цѣнятся душами возвышенными».

— На парижскихъ театрахъ производятъ большое впечатлѣніе такъ называемыя pièces de circonstances, водевили: *Порохъ изъ хлопчатой бумаги* (Coton-Poudre) и *Наводненіе* (*l'Inondation*). Театръ г. Дюма оканчивается. Г. Дюма, въ день возвращенія своего въ Парижъ, осматривалъ его и остался совершенно доволенъ всѣми работами. — Весною ожидаютъ въ Парижъ испанскую труппу, которая дастъ нѣсколько представленій и оттуда отправится въ Брюссель и въ Лондонъ. Самый замѣчательный актеръ труппы, онъ же и директоръ ея, *Ломбіа*. — Послѣ мелодрамы Фридерика Сулье, на парижскихъ бульварныхъ театрахъ не было ни одной сносной мелодрамы; но вотъ истинное происшествіе, вотъ драма, которая, по нашему мнѣнію, интереснѣе всѣхъ твореній гг. Дюма, Сулье и прочихъ. Недавно въ одномъ мѣстечкѣ во Франціи, именно въ Гондревилѣ (Gondreville) было совершено двойное самоубійство, сопряженное съ обстоятельствами необыкновенно романическими. Дѣло вотъ въ чемъ. Семнадцатилѣтняя дочь гондревильскаго земледѣльца, замѣчательная своей красотой, влюбилась... вещь невѣроятная!... въ 53 лѣтняго садовника, очень не привлекательной наружности. Въ одинъ прекрасный день садовникъ этотъ не явился къ общему завтраку. Товарищи его, встревоженные его отсутствіемъ, бросились къ нему въ комнату. Когда они отворили дверь, имъ представилось страшное зрѣлище. Два трупа обнявшись лежали на полу. То были трупы садовника и несчастной дѣвушки, любившей его. Цвѣточный горшокъ, полный угля и золы, стоялъ посреди комнаты. На полу были разбросаны письма. Надобно замѣтить, что въ теченіи семи мѣсяцовъ она написала своему возлюбленному 183 письма! И всѣ эти письма найдены. Они открыли множество любопытныхъ подробностей, объясняющихъ, что бѣдный садовникъ игралъ въ этой драмѣ роль чисто страдательную. Онъ постепенно и невольно увлеченъ былъ сильною страстью этой дѣвушки, которую онъ и не замѣчалъ въ началѣ. Отношенія ихъ другъ къ другу остались совершенно чистыми. Въ этомъ вполнѣ убѣждаетъ ихъ наивная переписка.

И на какомъ театрѣ совершилась эта драма! Небольшая деревенька, въ глуши, и актеры — крестьянинъ и крестьянка! Оба они оставили прощальныя письма, чрезвычайно трогательныя и содержащія въ себѣ очень много поучительнаго. Мы приведемъ здѣсь отрывки изъ его письма къ матери его возлюбленной, и просимъ всѣхъ маменекъ вообще, къ какому бы классу общества не принадлежали онѣ, обратить вниманіе на это трогательное и поучительное письмо!

«Я причиной смерти вашей дочери,» пишетъ онъ, «но причиной невольной. Желѣли бы въ моей было власти, она не умерла бы. Она заслуживала другую участь, но видно судьба хотѣла иначе....

Digitized by Google

«Й за чѣмъ же вы такъ строги къ вашимъ дѣтямъ? Да, ежели бы ваша дочь была такъ же свободна, какъ ея подруги, она полюбила бы человѣка, равнаго ей по лѣтамъ, и никогда не подумала бы обо мнѣ. Но вы тѣснили ее и довели до отчаянія. Она давно уже любила меня, а я и не подозрѣвалъ ничего, потому-что не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Она сама открыла мнѣ глаза. Это, признаться, польстило моему самолюбію, но теперь я горько раскаиваюсь в всемъ. Сначала я только смѣялся и шутилъ; мнѣ казалось не возможнымъ, чтобъ шестнадцатилѣтняя дѣвушка серьёзно влюбилась въ человѣка моихъ лѣтъ. Да, я бы долженъ былъ тотчасъ же прекратить все; но повторяю, что самолюбію моему льстила любовь молодой дѣвушки. Я далъ волю ея любви, не предвидя, что обстоятельства заведутъ насъ такъ далеко. Человѣкъ слабъ и часто отдается на волю судьбы; еслибъ знали, какъ много отъ этого случается несчастій, были бы умнѣе. Я уже сказалъ вамъ, она любила меня, когда я не думалъ объ ней, и любила потому только, что вы слишкомъ строго смотрѣли за нею и стѣснили совершенно ея свободу. Она влюбилась въ меня, хотя я не подалъ ей ни малѣйшаго повода къ этому. Ахъ, Господи! какъ я былъ спокоенъ до этой любви, надъ которой сначала я думалъ только посмѣяться; но *она* такъ запутала меня въ сѣти, что не было никакой возможности выпутаться изъ нихъ. Она назначила мнѣ первое свиданіе, предупредила меня, что пойдетъ въ...'' что я долженъ ее ждать тамъ. — Первый шагъ былъ сдѣланъ, остальное пошло само собой.

«Она открывается мнѣ въ любви и разсказываетъ всѣ свои огорченія: въ какой строгости вы ее держите, какъ вы браните ее каждую минуту и особенно бабушка. У ней въ головѣ бродила постоянная мысль о смерти. Она мнѣ написала 183 письма, и въ ста пятидесяти говоритъ о смерти. Вы убѣдитесь въ этомъ, когда прочтете ихъ; они всѣ тутъ. Вы, отецъ и мать ея, вы видите, въ какое положеніе повергаете дѣтей вашихъ, говоря съ ними всегда такъ сердито, какъ будтобъ хотѣли задушить ихъ, и присматривая за ними такъ строго. Вы поселяете въ нихъ мысли, которыя безъ васъ и не пришли бы имъ въ голову. Вы недовѣрчивы, и они стараются перехитрить васъ. Доказательство тому: ни за одной дѣвушкой не смотрятъ такъ, какъ вы за своей, и ни одна не съумѣетъ обмануть такъ, какъ обманывала васъ дочь ваша. Вы хотите, чтобъ дѣти ваши сохранили нравственность и спите въ одной съ ними комнатѣ. Вы сами учите ихъ тому, чего они и узнать не должны. Вы поступаете хуже, нежели животныя. Животное ничего не понимаетъ: имъ руководитъ инстинктъ; а вы должны быть благоразумны, когда при васъ дѣти. Не учите ихъ тому, чего они не должны знать. Дочь ваша развилась преждевременно; она раздражена вами.... У нея любящее сердце. Она должна была или обладать тѣмъ, кого любитъ, или умереть. Я очень виноватъ, но я не могъ предвидѣть слѣдствій. Я сначала смотрѣлъ на ея любовь, какъ на ребячество, надѣясь, что все пройдетъ. Вы должны были замѣтить, какъ часто она плакала. Да, она плакала всякій разъ, когда я хотѣлъ подавать ей совѣты и наставить ее на добрый путь, или когда она ревновала меня. Много разъ отнималъ я у ней изъ рукъ ядъ и, между прочимъ, однажды пролилъ стаканъ съ ядомъ на полъ.... Знаете ли, что есть характеры, которыми нельзя управлять иначе, какъ кротостью; а вы хотѣли взять только однимъ строгимъ обращеніемъ. Какъ часто убѣждалъ я ее открыться вамъ, но она мнѣ всегда отвѣчала: «нѣтъ, (она говорила объ васъ и объ отцѣ своемъ), они никогда не согласятся на нашъ бракъ... Я хочу умереть; да, я хочу умереть!...» Что станешь дѣлать съ умами, до такой степени раздраженными? Прекратить свиданія наши я не имѣлъ силы. Я былъ завлеченъ ею, и было уже поздно: она покорила меня. Я предлагалъ ей бѣжать, но она не согласилась. Когда я говорилъ ей: «хочешь ли ты, чтобъ я разсказалъ все твоему отцу?» она отвѣчала: «Ежели ты скажешь что нибудь, я

Digitized by Google

тотчасъ же убью себя.» Что жъ мнѣ было дѣлать? И, къ несчастію, я съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе привязывался къ ней, а она съ каждымъ днемъ дѣлалась требовательнѣе. Она хотѣла, чтобъ я былъ безпрестанно подлѣ нея, чтобъ я не говорилъ ни съ кѣмъ. Да, все это ваша вина; вы причиною вашей смерти.

«Если бы ваша дочь была такъже свободна, какъ ея подруги, она бы никогда не вздумала обо мнѣ, тѣмъ болѣе, что и я нисколько объ ней не думалъ. Въ продолженіи четырнадцати мѣсяцовъ, я не заслужилъ ни одного упрека отъ моихъ хозяевъ, я думалъ только о своей работѣ, а она совсѣмъ отвлекла меня отъ моихъ занятій, и все это вмѣстѣ теперь причиной моей смерти. Да, безразсудные родители, вы погубили вашу дочь! Вы были съ ней такъ жестоки и такъ надзирали за ней, а замѣтили ли вы хоть одно наше свиданіе, знали ли вы хоть объ одномъ ея письмѣ? а вѣдь она написала сто восемьдесятъ три въ теченіи 7 мѣсяцовъ!.... Еслибъ вы обращались съ нею кротко, вы бы изъ нея сдѣлали, что хотѣли; а когда я пробовалъ обратить ее на настоящую дорогу, было уже поздно... Она только плакала, а бабушка била ее палкою. Я видѣлъ знаки на ея тѣлѣ.

«Я дѣлалъ все, что могъ, чтобъ не довести ее до такой страшной развязки. Она мнѣ твердила одно: «Я хочу умереть и ты - умрешь со мной!... Другая не будетъ владѣть тобою.... Мы не можемъ быть соединены людьми, такъ смерть соединитъ насъ. Мы умремъ въ объятіяхъ другъ друга...»

«Я не могу понять, какая судьба влекла ее ко мнѣ. Я никогда не обращалъ на нее вниманія. Она любила меня болѣе шести мѣсяцовъ, а я и не зналъ ничего, и мнѣ бы не должно было никогда обращать вниманія на ея любовь. Вы во всемъ виноваты, повторяю вамъ: еслибъ она была такъже свободна, какъ и другія, она и не вздумала бы обо мнѣ. Простите насъ; черезъ минуту мы будемъ не болѣе какъ трупы, и скоро земля покроетъ насъ. Немного раньше, немного позже, но всѣ должны этимъ кончить; есть еще люди и несчастнѣе насъ. Простите!...»

Въ письмѣ, писанномъ ею передъ смертью, не заключается ни малѣйшей жалобы на ея семейство. Она въ немъ очень трогательно прощается со всѣми родными, [illegible] жизнью, и говоритъ, что очень счастлива, умирая вмѣстѣ съ тѣмъ, кого любитъ....

Неправда ли, все это очень трогательно и особенно поучительно?

Извѣстно, какъ мы бѣдны дѣтскою литературою. Воспитатели жалуются, что дѣтямъ рѣшительно нечего дать читать: такъ мало все написанное для нихъ приноровлено къ ихъ понятіямъ, или изложено такимъ языкомъ, который нейдетъ ни въ умъ, ни въ сердце маленькихъ читателей. Но чѣмъ основательнѣе поводъ къ подобнымъ жалобамъ, тѣмъ болѣе должны мы цѣнить всякую услугу въ этомъ родѣ. Между множествомъ ничтожныхъ произведеній для дѣтей, мы имѣемъ изданіе истинно полезное. Это журналъ: *Звѣздочка*, издаваемый г-жею Ишимовою. Это изданіе отличается умнымъ выборомъ статей и языкомъ чистымъ и правильнымъ. Мы изъ устъ самой маленькой публики слышали лестные от-

Digitized by Google

зывы объ этихъ книжичкахъ, которыя ничѣмъ ее не заманиваютъ, кромѣ внутренняго достоинства, потому-что при нихъ нѣтъ ни картинокъ и ни какихъ украшеній, считающихся необходимостію дѣтской литературы. Отзывы этой публики чего нибудь стоятъ, и мы считаемъ ихъ по праву цѣнителями въ томъ, что для нея пишется. Если она читаетъ съ удовольствіемъ и понимаетъ читанное, значитъ авторъ или издатель сдѣлалъ главное — подошелъ сколько нибудь къ ея чувству, у котораго есть своя психологія, и къ ея маленькому уму, у котораго есть своя логика. Мы намѣрены въ свое время подробнѣе поговорить объ изданіи г-жи Ишимовой, гдѣ и предложимъ нѣкоторыя замѣчанія о томъ, какъ еще можно бы усовершенствовать подобный трудъ. Мы заговорили о бѣдности нашей дѣтской литературы, а кончили тѣмъ, что нашли въ ней вещь заслуживающую вниманія; этимъ мы не противорѣчимъ, однакожъ, самимъ себѣ: на сто бѣдныхъ одинъ богатый,— это еще не доказываетъ благосостоянія. Если угодно, вотъ другое исключеніе. Извѣстно, что нашимъ дѣтямъ не только нечего читать, но даже трудно выучиться читать по тѣмъ азбукамъ, которыя до сихъ поръ давались имъ въ руки. Теперь этотъ недостатокъ отвращенъ вдвойнѣ. Въ прошедшемъ году изданы отличная азбука г. Гречемъ, и въ слѣдъ за тѣмъ, г-жа Дараганъ напечатала вторую часть своей Елки, которая содержитъ въ себѣ уроки первоначальнаго чтенія по такой методѣ, которая намъ кажется чрезвычайно удовлетворительною. По этой азбукѣ дѣти не долго остаются при затверживаніи звуковъ, которые не сообщаютъ имъ никакого понятія, а, напротивъ, скоро и легко переходятъ къ словамъ и фразамъ. Фразы и цѣлыя статейки для упражненія въ чтеніи выбраны съ большимъ искусствомъ, сообразно дѣтскому возрасту; картинки миленькія и вообще все изданіе отличается вкусомъ, доказывающимъ, что книжка вышла изъ нѣжныхъ рукъ женщины.

Кстати о женскихъ рукодѣліяхъ.... то есть, о женскихъ литературныхъ произведеніяхъ, мы хотѣли сказать. Вотъ еще книга, написанная дамою: «Мысли и повѣсти г-жи Корсини». Предметъ сочиненія самый близкій, самый драгоцѣнный сердцу женщины какъ предчувствіе, какъ исполненіе, какъ будущность — дѣти. Невольно, однакожъ, встрѣчается вопросъ: точно ли г-жа Корсини писала книгу свою для дѣтей? не для тѣхъ ли, которые занимаются воспитаніемъ ихъ? Мы думаемъ, что ее скорѣе прочтутъ и прочтутъ съ пользою послѣдніе, чѣмъ первые, именно потому, что они вышли уже изъ разряда Наташей, Петей и проч. Дѣло въ томъ, что въ сочиненіи г-жи Корсини много вѣрныхъ мыслей, много теплаго и искренняго чувства, женственной граціи; но оно довольно отвлеченно. Сочиненіе любитъ разсуждать о прекрасномъ и истинномъ, а дѣти, какъ извѣстно, любятъ больше все это видѣть. Поучать ихъ можно и должно, но тому, что имъ надобно знать, а не тому, что имъ надобно чувствовать. Для этого единственный урокъ-жизнь. Выберите изъ круга ея событія и лица имъ доступныя, близкія имъ по интересамъ

Digitized by Google

всего благого и изящнаго, и представьте ихъ въ картинахъ простыхъ, ясныхъ и живыхъ, вы увидите, что все это упадетъ само собою прямо на ихъ сердце и зародитъ тамъ то, что никакія умствованія и разсужденія не въ состояніи произвести. Однимъ словомъ, дѣтямъ нужны прежде образы, а потомъ понятія, а не на оборотъ. И за это ихъ никакъ нельзя винить—на то они и дѣти, т. е. существа, сложенныя изъ чувства и воображенія съ умомъ, который интересы жизни ставитъ выше всякихъ силлогизмовъ. Въ этомъ, можетъ быть, онъ бываетъ умнѣе взрослаго ума. Намъ кажется, что историческая и описательная метода есть самая лучшая для всякихъ назиданій, какія необходимы въ нравственномъ быту дѣтей. Исторія природы, исторія человѣчества представляютъ такія нравственныя истины, столько носятъ въ себѣ стихій для созданія въ сердцѣ самой высшей, самой чистой любви къ людямъ — началу всякой добродѣтели, что стоитъ только выбирать предметы изъ этого великаго хранилища и умѣть ихъ сказать. Впрочемъ книга г-жи Корсини, не смотря на свою отвлеченность, какъ мы сказали выше, есть все-таки явленіе пріятное въ нашей литературѣ, какъ плодъ идей женщины просвѣщенной, мыслящей и полной любви къ добру. Притомъ, это первый ея опытъ—и мы не сомнѣваемся, что даже она сама въ себѣ откроетъ средства войти въ ближайшую связь съ маленькой публикой, которой повидимому намѣрена посвятить свое умное и милое перо.

Digitized by Google

БАЗАРЪ и КОНЦЕРТЪ.

Въ домѣ графа М. Ю. Віельгорскаго.

Къ числу замѣчательныхъ городскихъ событій за прошедшій мѣсяцъ принадлежатъ базаръ съ концертомъ, устроенные *обществомъ посѣщенія бѣдныхъ*, въ домѣ графа М. Ю. Віельгорскаго. Публикѣ, особенно иногородной, еще мало извѣстно это общество, это новое прекрасное учрежденіе нашей народной благотворительности, и потому мы за долгъ считаемъ ознакомить съ нимъ читателей Современника.—Кому не извѣстно, что между людьми, прибѣгающими къ состраданію подобныхъ себѣ, одни обречены на то суровою необходимостію, другіе пользуются имъ какъ добычею своей ловкости и умѣнья жить на счетъ ближняго? Благотворительность разумная должна тщательно различать эти два класса бѣдныхъ; пособія ея не должны падать на тѣхъ, кому нужны не вспомогательныя, а исправительныя мѣры. Было бы противно логикѣ добра — логика вездѣ нужна — если бы добро дѣлалось для зла, а, безъ сомнѣнія, было бы зломъ дарами милосердія поощрять лѣность и развратъ, отнимая въ тоже время у истиннаго и не заслуженнаго несчастья то, что принадлежитъ ему по праву человѣчества. Но отличать между прибѣгающими къ помощи достойныхъ отъ недостойныхъ труднѣе, чѣмъ кажется, особенно въ минуту, когда мы изъявляемъ готовность помочь. Лицемѣріе, къ сожалѣнію, умѣетъ очень искусно поддѣлываться подъ истину; оно крадетъ у послѣдней ея потупленные взоры, ея жалобы, вопли и слезы,

Digitized by Google

и съ помощію ихъ достигаетъ надежнѣе своей цѣли, чѣмъ настоящее страданіе, которое, какъ извѣстно, часто не умѣетъ пользоваться даже законными своими средствами и *смѣдается*, по выраженію поэта, *грусть свою въ молчаніи глубокомъ*. Удивительно ли, что люди сострадательные, искренно расположенные къ добру, рѣшаются нерѣдко запереть свое сердце и кошелекъ, при видѣ нуждающихся, единственно изъ боязни быть обманутыми? Между несчастіемъ и добродѣтелью долженъ существовать своего рода союзъ, основанный на взаимной довѣренности. Посредникомъ-то для заключенія этого священнаго союза и служитъ общество посѣщенія бѣдныхъ—это настоящая и ближайшая его цѣль. Общество, какъ и слѣдовало, составилось изъ тѣхъ лицъ, къ которымъ, по положенію ихъ въ свѣтѣ, чаще всего бываютъ обращены просьбы и надежды бѣдныхъ,—изъ лицъ высшаго сословія. Государь Императоръ, 12-го апрѣля, 1846 года, изъявилъ на его учрежденіе Высочайшее Свое соизволеніе, а Его Императорское Высочество Герцогъ Лейхтенбергскій удостоилъ принять на себя званіе его попечителя. Оно состоитъ изъ почетныхъ членовъ, благотворителей, посѣтителей и распорядителей, и имѣетъ цѣлію, какъ сказано въ правилахъ, «посѣщать просящихъ помощи, входить въ посредничество между благотворителями и нуждающимися, и содѣйствовать, чтобы благотвореніе достигало своей цѣли.» Члены-посѣтители должны лично удостовѣряться въ правахъ нуждающагося на помощь; имъ вмѣнено въ обязанность не довольствоваться собраніемъ однихъ общихъ свѣдѣній, но по возможности узнавать всѣ обстоятельства лица и обращать вниманіе на то, какого рода кому нужно пособіе. Члены-распорядители составляютъ какъ бы думу общества, располагаютъ его дѣйствіями, собираютъ приношенія отъ благотворителей, и, сообразно донесеніямъ членовъ-посѣтителей, принимаютъ мѣры къ облегченію участи несчастныхъ. Намъ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, что такимъ образомъ облегчено уже много страданій и даже положены основанія скромному, но прочному благосостоянію нѣкоторыхъ лицъ и семействъ, находившихся до того въ крайнемъ положеніи. Общество намѣрено также заняться жребіемъ бѣдныхъ дѣтей, лишенныхъ возможности получить какое нибудь образованіе. Оно будетъ, по мѣрѣ своихъ средствъ, стараться помѣщать ихъ въ такія воспитательныя заведенія, гдѣ бы они преимущественно могли научиться какому нибудь спеціальному труду, этому несомнѣнному способу быть полезнымъ себѣ и другимъ. Замѣчательна простота, съ какою устроена администрація общества. Тутъ нѣтъ сложныхъ формъ, нѣтъ никакихъ излишнихъ посредниковъ и преградъ между силою

Digitized by Google

дѣйствующею и предметами, на кои дѣятельность ея устремлена. Благотворительность, такъ сказать, прямо изъ своего источника, безъ всякихъ извилинъ и уклоненій, течетъ, ни за что не зацѣпляясь, къ своему назначенію. Базаръ и концертъ, о которыхъ мы сказали въ началѣ этой статьи, были составлены обществомъ, чтобы на сумму, отъ этого вырученную, устроить помѣщеніе для бѣдныхъ. Въ этомъ подвигѣ добра участвовали знатнѣйшія лица столицы. Мы назвали бы нѣкоторыхъ изъ нихъ, содѣйствовавшихъ наиболѣе успѣху предпріятія, если бы не боялись оскорбить нѣжное и тонкое чувство, которое служило для нихъ побужденіемъ; оно всякую хвалу дѣлаетъ неумѣстною. Одна изъ залъ графа М. Ю. Віельгорскаго была наполнена множествомъ вещей, пожертвованныхъ большею частью благотворителями и назначенныхъ для продажи; нѣсколько дамъ изъ высшаго круга по роду и высшаго по другимъ, не менѣе блестящимъ и привлекательнымъ преимуществамъ, помѣщалось за особенными столиками, въ качествѣ предлагательницъ разныхъ издѣлій. Никогда, конечно, политическая экономія не видѣла на своей аренѣ ни такихъ дѣятелей, ни такой цѣли дѣятельности. Она сама себѣ не вѣрила, видя столько поэзіи тамъ, гдѣ привыкла занимать людей только прозою — и какою еще? прозою цифръ. Тѣснота около столиковъ была истинно базарная; вещи быстро переходили изъ нѣжныхъ рукъ въ руки покупателей, что, безъ сомнѣнія, надобно приписать столько же причинамъ эстетическимъ, сколько желанію имѣть ту или другую вещь. Но чему приписать выгодный сбытъ автографовъ нѣсколькихъ русскихъ писателей и притомъ живыхъ? Ибо, надобно признаться, на базарѣ, гдѣ все было русское — и красота, и умъ, и любезность, и русское добродушіе, и отсутствіе щепетильной разсчетливости,—наконецъ, настоящія звучныя русскія имена;—на этомъ базарѣ не было слышно ни одного русскаго слова. Однакожь, вотъ что вышло. Между разными вещами предназначено было продать нѣкоторыя съ аукціона, и въ томъ числѣ автографы нѣсколькихъ иностранныхъ знаменитостей; какъ-то: Паганини, Россини, Гумбольдта и пр. Особенное отдѣленіе посвящено было автографамъ десяти или одиннадцати русскихъ современныхъ писателей; это-то отдѣленіе продано за сто десять рублей серебромъ. Вотъ чисто-безкорыстное пріобрѣтеніе, доказывающее, что мы всегда готовы поправить ошибку несправедливости великодушіемъ. Пусть мы не читаемъ ничего порусски, не говоримъ порусски, такъ, по крайней мѣрѣ, выручимъ своихъ изъ бѣды на сценѣ щекотливыхъ общественныхъ самолюбій, гдѣ такъ больно быть забытыми, передъ глазами всѣхъ. — Съ базара перешли

Digitized by Google

въ залу концерта. Здѣсь публика была угощена музыкою, какую рѣдко удастся слышать въ частной залѣ. Всѣ знаменитости нашей итальянской оперы участвовали въ концертѣ. Они видѣли передъ собою избранное, блестящее общество и старались, кажется, превзойти самихъ себя въ исполненіи пьесъ, которыя выбралъ самъ утонченный вкусъ. Нельзя было и случиться иному тамъ, гдѣ самыя стѣны могли бы сказать, услышавъ что-нибудь неизящное: «Мы не привыкли къ этому». Концертъ и базаръ увѣнчались двойнымъ успѣхомъ — высокимъ наслажденіемъ образованнаго общества и обильною жатвою помощи, которая собрана во имя страждущаго человѣчества.

Digitized by Google

V.

Парижскія моды. Самая важная новость, которую мы должны сообщить нашимъ читательницамъ, — это мода, заимствованная у Грековъ: украшенія платьевъ серебромъ и золотомъ. Тюлевыя и креповыя платья убираются двойными руло (rouleaux doubles) изъ атласа. Это также необыкновенно замѣчательная новость.

Въ одинъ изъ пріемныхъ дней въ тюльерійскомъ дворцѣ, на герцогинѣ Монпасьерской, на которую, если вѣрить министерскимъ газетамъ, устремлены теперь взоры всей Франціи, было надѣто розовое атласное платье, убранное тремя воланами изъ бѣлыхъ кружевъ. (Герцогиня, говорятъ, одѣвается съ большимъ вкусомъ и очень хороша собой). Черные, прекрасные волосы ея были украшены гирляндой изъ брильянтовъ, которые спускались съ каждой стороны низко назадъ. Корсажъ платья напереди и на плечахъ былъ богато украшенъ брильянтами.

Герцогини Немурская, Омальская и Жуанвильская были также въ розовыхъ платьяхъ, но только въ бархатныхъ, украшенныхъ кружевными воланами и гирляндами розовыхъ цвѣтовъ, въ которыхъ блестѣли брильянты.

Замѣчено было много легкихъ платьевъ. Въ особенности обратила на себя вниманіе г-жа Дю-Тальи. На ней было платье, составленное изъ трехъ креповыхъ розоваго цвѣта юбокъ съ серебряной бахрамой. Букетъ на корсажѣ изъ цвѣтовъ яблони и на головѣ корона изъ тѣхъ же цвѣтовъ. Это необыкновенно мило!

Длинныя бальныя перчатки только на три пуговицы переходятъ за кисть руки, и дамы высокаго полета, истинно элегантныя дамы но-

Digitized by Google

сятъ ихъ безъ всякихъ обшивокъ и украшеній. Къ перчаткамъ спускаются только браслеты.

Атласные башмаки, говорятъ, уже слишкомъ широки и носки ихъ черезъ чуръ тупы. Это портитъ форму ножекъ... Мы не совѣтуемъ тѣмъ изъ нашихъ читательницъ, у которыхъ хорошія ножки, подражать этой гадкой модѣ...

Петербургскія моды. По случаю траура по Великой Княжнѣ большихъ баловъ въ Петербургѣ не было. О чорныхъ платьяхъ распространяться нечего. Они всѣ одинаковы. Единственная роскошь въ цвѣтахъ.

Въ концѣ января начались *маленькіе балы*. Вотъ туалеты, въ особенности обратившіе на себя вниманіе. На балѣ княгини Ю*, всѣхъ болѣе понравилось намъ платье изъ атласу rose chinois, покрытое другимъ платьемъ изъ чорнаго кружева; берта и engageantes чорныя же кружевныя. На головѣ два маленькихъ пера также цвѣта rose chinois, перехваченныя посреднѣ брильянтовымъ фермуаромъ. Этотъ чудесный костюмъ принадлежалъ молодой, прекрасной княгинѣ Б*. На балѣ ** всѣхъ блистательнѣе была княгиня Г*, которая неоспоримо занимаетъ теперь одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду петербургскихъ красавицъ. На ней было платье изъ голубого штофа съ мелкими разводами, украшенное кружевами, которыя шли вдоль по юбкѣ въ видѣ передника. Среди ихъ на переднемъ полотнищѣ былъ вшитъ кусокъ высокаго волана и отъ него къ корсажу еще три маленькихъ волана. Всѣ кружева на этомъ платьѣ были съ легкою отдѣлкой изъ голубыхъ лентъ; талія гладкая съ небольшимъ мыскомъ; драпри на таліи и на спинѣ и рукава (очень коротенькіе, сдѣланные маленькими пуфами) изъ той же матеріи, обшитые внизу довольно широкими кружевами, приподнятыми спереди бантами изъ голубыхъ лентъ съ двумя длинными концами. Волосы княгини были зачесаны просто и нѣсколько приподняты кверху; косу обхватывала сѣтка изъ голубого неразрѣзного бархата, вышитая брильянтовыми *шатонами* (chatons). По бокамъ двѣ брильянтовыя булавки... Сколько великолѣпія и сколько самаго утонченнаго, самаго изящнаго вкуса въ этомъ нарядѣ!...

Вообще, вотъ что болѣе нынѣ *въ употребленіи* (мы не говоримъ *въ модѣ*, потому-что это слово слишкомъ вульгарно; повторяемъ, *мода* заключается во вкусѣ, въ умѣньи одѣться къ лицу):

Много шолковыхъ платьевъ, отдѣланныхъ кружевами point d'Angleterre.

Кружева – главная роскошь. Безъ кружевъ никуда нельзя показаться... Кружева вездѣ: на шляпкахъ, на платьяхъ, на мантильяхъ...

Digitized by Google

Кстати о мантильяхъ: мы забыли сказать, что въ Парижѣ начинаютъ входить въ большое употребленіе испанскія мантильи, послѣ бракосочетанія герцога Монпансьерскаго съ инфантой Доной-Лунзой...

Прически à la Sévigné, начинающіяся маленькими буклями на верху и спускающіяся крупными буклями, очень милы. Эти прически въ особенности къ лицу блондинкамъ.

Серьги — большія безъ подвѣсокъ.

На вечерахъ безъ танцовъ (soirées causantes) видно много бархатныхъ платьевъ; головные уборы разнообразны; носятъ токи въ формѣ шляпочекъ, но всего болѣе кружевъ и цвѣтовъ... И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше цвѣтовъ и кружевъ? Что касается до насъ, мы въ восторгѣ отъ цвѣтовъ и кружевъ...

Утренніе наряды: шляпки съ маленькими полями; подъ шляпкой нѣтъ цвѣтовъ, а вмѣсто ихъ собранный тюль (bouillonnés). Турецкая шаль или косынка изъ черныхъ кружевъ. Высокіе лифы — гладкіе, спереди застегнутые металлическими пуговицами. На одномъ чорномъ бархатномъ платьѣ мы замѣтили пуговицы изъ темнаго жемчуга въ синей эмалевой оправѣ. Это чудо какъ хорошо!

Галантерейныя вещи отдѣлываются артистически. Мы видѣли фигурки изъ серебра, сдѣланныя г. *Морелемъ*, и не могли налюбоваться ими. г. *Морель*—великій, истинный художникъ. Ну, право, его фигурки достойны Бенвенуто-Челлини!...

Digitized by Google

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Въ № 1 Современника въ «Смѣси» стр. 74 на 4-ой строкѣ сверху напечатано: *сдѣланные*, читай: *изданные*.

Въ первомъ же номерѣ въ Смѣси стран. 35 на строкахъ 10 и 16 снизу напечатано: *Considérations économiques*, слѣдуетъ читать: *Contradictions économiques*.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, декабря 30-го дня 1846 года.

Цензоръ *С. Куторга*.
Цензоръ *М. Неволинскій*.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА:

Стран.

Родственники, нравственная повѣсть *И. И. Панаева* 1
Изъ записокъ Артиста. — — — *на* 77
Кто виноватъ, романъ въ двухъ частяхъ, *Искандера* (особое приложеніе къ первому нумеру.)
Лукреція Флоріани, романъ *Жоржа Санда*, пер. *А. Кронеберга* (особое приложеніе къ первому нумеру).
Безъ разсвѣта. Повѣсть *Нестроева*. 95
Иванъ Филиповичъ Вернетъ, швейцарскій урожденецъ и русскій писатель. *Л.* 167
Петръ Петровичъ Каратаевъ. Разсказъ *И. С. Тургенева* 197
Сальтеадоръ, мексиканскія сцены г. *Фери* 261

СТИХОТВОРЕНІЯ:

Деревня, IX стихотвореній *И. С. Тургенева* 70
«Бываю часто я» и пр. — *Н. П. Огарева* 90
Тройка, *Н. А. Некрасова* 91
Псовая охота. *Н. А. Некрасова* 157
Отъѣздъ. *Н. П. Огарева* 196

Digitized by Google

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Страй.

Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи. *К. Д. Кавелина.* 1

О современномъ направленіи Русской Литературы. *А. В. Никитенко* 53

Изслѣдованія объ элевсинскихъ таинствахъ *графа С. С. Уварова*, (переводъ съ французскаго). . . . . 77.

Даніилъ Романовичъ, король Галицкій. *С. Соловьева.* (Профессора московскаго университета). 100

Важность и успѣхи физіологіи, статья Е. Литтре 125

III.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская Литература: Взглядъ на Русскую Литературу 1846 года. — Похожденія Чичикова или Мертвыя Души, поэма Н. Гоголя, *изданіе 2-е.* — Генералъ-поручикъ Паткуль, трагедія въ 5-ти дѣйств., Н. Кукольника. — Полное собраніе Русскихъ Авторовъ: 1) Сочиненія Озерова; 2) Сочиненія Фонъ-Визина. — Сборникъ газеты Кавказъ. — Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями Николая Гоголя. — Полное собраніе сочиненій И. Крылова, съ біографіею его, писанною П. А. Плетневымъ. — Жизнь и сочиненія Ивана Андреевича Крылова, сочиненіе академика Михаила Лобанова. — Повѣсти, сказки и разсказы, казака Луганскаго. — Очерки Рима, Аполлона Майкова. — Воспоминанія Ѳаддея Булгарина, отрывки изъ виднннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни. — Донъ Жуанъ, поэма Лорда Байрона, переводъ Н. Жандра. — Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. — Государственная внѣшняя торговля въ разныхъ ея видахъ, за 1845 г . . . . . 1—162

Французская Литература: Послѣдніе романы Жоржъ-Сандъ, статья *А. И. Кронеберга.* 76

IV.

СМѢСЬ.

январь.

О преобразованіи хлѣбнаго закона въ Великобританіи и о видахъ на сбытъ хлѣба въ это государство. *Г. Н—на.* . . . 1

Digitized by Google

Стран.
Кронштатская желѣзная дорога 19
Русское туано 21
Движеніе судоходства въ Рыбинскѣ въ 1846 г., и важность ново-открытаго Бѣлозерскаго Канала 22
Сообщеніе между Нѣмецкимъ и Чернымъ морями, посредствомъ Людвигскаго Канала 25
Огнестрѣльная хлопчатая бумага 26
Примѣсь соли въ кормъ домашняго скота 29
Нѣсколько словъ о г. Леверрье 33
Отдѣленіе простаго тѣла — фтора . . . . . —
Первое письмо изъ Парижа. *П. А—ва* 34
Письма изъ Китая 40
Романъ въ девяти письмахъ. *Ѳ. Достоевскаго* 45
Хорь и Калинычъ. *И. Тургенева* 55
Новый поэтъ 64
Современныя замѣтки 71
Аукціонъ въ пользу заведеній Женскаго Патріотическаго Общества 82

ФЕВРАЛЬ.

Воспоминанія о плѣнѣ въ Истпиніи и у Варварійцевъ, съ 1811-го по 1814-й годъ 85
Американская торговля льдомъ 105
Прошлогодній отпускъ хлѣба изъ русскихъ портовъ 110
Возвышеніе цѣны на соль въ Петербургѣ 111
Что такое сахаръ «лумпъ»? 112
Предстоящіе перевороты въ торговлѣ мѣдью 115
Центральное солнце 117
Неточность Маріотова закона и новѣйшія изслѣдованія въ физикѣ газовъ 121
Опыты надъ взрывомъ скалъ, посредствомъ огнестрѣльной хлопчатой бумаги 123
Новыя химическія изслѣдованія, относительно здоровья въ большихъ городахъ 125
Естественное образованіе сѣрной кислоты 127
Первая лекція небесной механики — Леверрье, въ парижскомъ университетѣ 129
Сѣрный эфиръ, какъ средство, уничтожающее боль при операціяхъ 131
Новыя изслѣдованія о составѣ воздуха въ конюшняхъ 133
Извѣстія о новѣйшихъ ученыхъ путешествіяхъ 134

Digitized by Google

Стран.
Метеорологическія наблюденія 135
Британскій музеумъ. 138
Второе письмо изъ Парижа. *П. А—ва* 142
Изъ переписки двухъ барышень (разсказъ). 153
Опытъ въ драмѣ — новаго поэта 164
Современныя замѣтки. 170
Базаръ и Концертъ, въ домѣ графа М. Ю. Віельгорскаго 201

V.

МОДЫ.

Парижскія и петербургскія (*съ двумя картинками*) . . . . . 1 и 3

5 9221
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW

BOOKS REQUESTED BY ANOTHER BORROWER
ARE SUBJECT TO RECALL AFTER ONE WEEK.
RENEWED BOOKS ARE SUBJECT TO
IMMEDIATE RECALL

LIBRARY, UNIVERSITY OF CALIFORNIA, DAVIS

D4613 (12/76)

Digitized by Google

AP
50
S56
ser.2
v.1

Sovremennik.

Digitized by Google

Digitized by Google